

Миссионерское обозрение
1897 г. 2 полугодие. Кн. 1 и 2

Июль, книга 1-я

«Яко же посла Мя Отец, и Аз посылаю вы». Ин.20:21.

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева». Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии моей». Рим.9:1–3.

I. Вишнецкий Н.Л. Немецкий пастор о русском штундизме // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 563–578

(«Der stundismus in Russland». Studie und Erinnerungen von Hermann Dalton. Gütersloh, 1896)

В октябре истекшего года появилась на немецком языке новая книга – «Der stundismus in Russland» (Штундизм в России). Автор этой небольшой (в 59 страниц) книжки Герман Дальтон – пастор лютеранской евангелической церкви, более тридцати лет проживший в России и за это время многое видевший, многое наблюдавший и изучивший, и кой о чем из виденного даже писавший. Как лицо духовное, он, конечно, больше всего интересовался делами и вопросами церковными, – изучал историю положение лютеранской церкви в России, а равно и историю, внутреннее устройство и современное состояние православной русской церкви.¹ Но, как пастор протестантской церкви, он при наблюдении и изучении современной жизни русской церкви и русского общества с особенным интересом останавливал свое внимание на таких явлениях, в которых чувствовал родного ему протестантского духа. Отсюда наш штундизм и движение, возбужденное в русском обществе лордом Редстоком и Пашковым, привлекали преимущественное внимание Дальтона. Мало того, в отношении к этим явлениям он уже не ограничивался ролью простого наблюдателя, но и сам принимал активное участие в том движении, которому, будучи искренним и ревностным протестантом, вполне, конечно, сочувствовал. 1862 году он, еще двадцатилетним юношей случайно попадает на собрание немецких штундистов в Херсонской губернии, где видит уже и русских крестьян, будущих первых проповедников штундизма. И вот, с тех пор он всегда принимает близкое участие во всем, что кем-либо предпринималось с целью насаждения в русском народе протестантских идей. В семидесятых годах мы видим его близко стоящим к руководителям пашковщины и к «Обществу поощрения духовно-нравственного чтения». В русско-турецкую

войну он на берегах Дуная с восторгом отмечает «благотворное» действие изданий этого общества на душу простого русского солдата. В своих странствованиях по Кавказу он поддерживает и ободряет ссыльных сектантов. В то же время у него широкий круг знакомств и связей среди влиятельных лиц Петербурга; в своей книжка он нередко вспоминает об этих связях и довольно прозрачно старается показать читателю, что, благодаря именно своим знакомствам и влиятельным связям, мог получать такие сведения касательно положения русских сектантов, которых иным путем, пожалуй, и невозможно было бы добыть.

Таким образом, пастор Дальтон имел полную возможность изучить русский штундизм основательно и всесторонне. Поэтому, когда он берется писать об этом явлении, то мы вправе требовать и от его исследования основательности и всесторонности. Мало того, от автора, прожившего более тридцати лет в России, изучавшего условия русской жизни, присматривавшегося к народному характеру и к проявлениям религиозной жизни в народе и в образованном обществе, – от такого автора мы вправе ожидать, что он сумел сколько-нибудь постигнуть самый дух православия и правильно понять ту точку зрения, которой руководится православная Церковь в своем отношении к штундистам и подобным им сектантам. Этим мы не хотим сказать, что автор протестант должен сам оценивать исследуемый им штундизм с православной точки зрения: нет, от исследователя, претендующего на серьезность и поставленного в благоприятные условия требуется быть объективным и беспристрастным. Этой-то объективности в соединении с основательностью и всесторонностью мы вправе требовать и от Дальтона, выступившего пред немецкими читателями с своей новой книжкой о русском штундизме. К сожалению, ни того, ни другого мы в этой книжке не находим. В ней автор выступает не исследователем штундизма, а его адвокатом, старающимся изобразить своего клиента в наиболее выгодном свете и пользующимся для этой цели чисто адвокатскими приемами.

Уже в том, что рассказывает Дальтон о штундизме немецком, от которого получил свое начало и русский штундизм, явно сказывается желание автора представить это явление в

возможно лучшем виде. Возникновение штундизма на немецкой почве в форме известных братств «штунде» относится еще к началу XVIII века и стоит в связи с усилением в эту эпоху мистического и пиетистического настроения в германском обществе. В общинах южной Германии новые братства скоро приобрели особенно важное значение. Они не только не стояли в оппозиции к церкви, в лоне которой возникли и окрепли, но напротив, служили для самой церкви надежным оплотом против всякого рода сектаторских стремлений; члены этих братств составляли, по выражению Дальтона, «соль общины». Однако, в конце прошлого века мирные отношения между братствами «штунде» и церковью нарушились вследствие того, что дух усилившегося рационализма начал проникать в самую церковь. «Штунды» не захотели принять новой литургии, нового исправленного молитвенника и решили лучше покинуть отечество, нежели уступить духу времени. К этому присоединились еще мистические чаяния скорого пришествия Мессии, имеющего явиться на дальнем востоке. И вот, братья «штунде» начинают выселяться и направляются на восток в поисках нового местожительства, более спокойного и более близкого к месту будущего явления Спасителя. В это то время небольшая колония выходцев из Виртемберга, направлявшаяся к Самарканду, осела в Новороссийской степи, в пределах нынешней Херсонской губернии. В 1809 г. присоединилась к ним новая партия выходцев из Пфальца, пришедшая сюда по вызову императора Александра I. Новые поселенцы, соединившись вместе с старыми, основали колонии: Рорбах и Вормс. Как известно, из этих-то колоний и получил свое начало русский штундизм.

На новом месте, среди раздолья степей, пользуясь полной религиозной свободой и вообще свободой от всяких посторонних влияний, германские выходцы могли устроить свою церковную жизнь вполне по своему вкусу. Условия их новой жизни в чужой земле, среди чужого народа и притом в редко населенной местности заставляли их теснее сплотиться вокруг того, что вынесли они из своего отечества и что поддерживало в них сознание связи с этим отечеством, – вокруг церкви, школы и

«штунды». И действительно, мы видим, что братства «штунде» в новых поселениях сразу же начали играть весьма видную роль в церковно-общественной жизни колонистов. Первые пасторы этих колоний Бонекемпер и Улингер прекрасно поняли важное значение этих братств в жизни оторванных от родной почвы колонистов и потому всячески поддерживали ее (стр. 6–8).

В 1862 году Дальтон, обозревая немецкие колонии Херсонской губернии, посетил между прочим Рорбах и Вормс. В течение дня он сказал три проповеди, а к вечеру получил приглашение посетить собрание «штунде». Так как до сих пор он никогда еще не видел этих собраний, хотя много слышал о самом братстве «штунде», то охотно, конечно, принял приглашение. «Собрание происходило в школе. Небольшая душная комната была битком набита мужчинами и женщинами. Мы тесными рядами уселись на низких школьных скамьях. Руководитель собрания (Stundenhalter), простой крестьянин, почтенный и седовласый старец, открыл вечернее назидание. Мы спели из книги церковных песнопений; руководитель произнес сердечную, свободную молитву и прочитал отрывок из св. Писания, который и объяснил своим «штундистам», обнаружив при этом глубокое понимание слова Божия. Для меня это объяснение было особенно дорого и, хотя прошло с тех пор уже много лет, оно и теперь еще ясно вспоминается мне. Милый, благочестивый старец вместе с большинством из присутствовавших здесь слышали три произнесенные мною в течение дня проповеди; и вот, то, о чем юный еще проповедник мог говорить недостаточно понятно для простых людей, он теперь воспроизвел своей острой памятью простого крестьянина, облек в свою простую речь и объяснил пониманию своих братьев. Сидя на жесткой школьной скамье, я слушал с напряженным вниманием и полагаю, что в этот незабвенный вечер научился кой-чему от простого благочестивого крестьянина» (стр. 5–6).

Таким образом, прежде чем начать речь о русских штундистах, Дальтон считает нужным изложить сначала их родословную, как бы желая наперед убедить читателя, что эти духовные дети «добрых и благочестивых» немецких родителей и

сами – не более, как только добрые и благочестивые христиане. Конечно, связь русского штундизма с штундизмом немецким несомненна и понимание последнего много способствует выяснению сущности и характера первого. Но именно характеристика немецкого штундизма, какую дает нам Дальтон, если даже смотреть на это явление с точки зрения протестантской церкви, не может быть не признана неверной и односторонней. Немецкий штундизм всегда с самого своего возникновения стоял в оппозиции к церкви. Если в первое время существования штундизма эта оппозиция не проявлялась особенно резко, то только благодаря отсутствию подходящего повода. Когда же такой повод явился, оппозиция перешла даже в полное отделение, повлекшее за собою те самые выселения, о которых рассказывает автор. В России, конечно, эта оппозиция еще менее могла быть заметна, потому, что здесь сами штундисты являлись представителями протестантской церкви. Здесь и самый характер штундистских общин потерял до некоторой степени свою определенность и ясность. С точки зрения протестантской церкви это были общества сектантов, отделившихся от своей церкви. Сами же штундисты продолжали считать свои общины чисто-протестантскими церковными общинами. Так же с течением времени привыкли смотреть на них и все окружающее, тем более, что в своей жизни и церковном устройстве они ничем существенным не отличались от настоящих лютеран. Однако, в конце 50-х годов настоящего столетия первоначальный оппозиционный и сектаторский характер немецкого штундизма начинает обнаруживаться. В это время почти во всех немецких колониях юга России начинается сильное религиозное брожение. В Бессарабии появляется секта назарян и начинает с успехом распространяться среди херсонских колонистов, особенно же в братствах «штунде». Около того же времени возникает секта скакунов и в тех же братствах «штунде» находит благодарную почву и для своего распространения. Пасторы немецких колоний борются с распространяющимся сектантством, но усилия их не всегда сопровождаются успехом.

Всех этих обстоятельств мог не знать Дальтон в 1862 году, когда он еще был «двадцатилетним юношей», и потому неудивительно, что тогда и братья «штунде» показались ему такими «милыми», «простыми» и «благочестивыми». Но удивительно то, что и теперь, через тридцать слишком лет, он, заговорив о штундизме, обнаруживает то же юношеское неведение его истинного характера и те же наивные восторги пред неосмысленным раньше им явлением.

На том самом собрании немецких штундистов, которое описывает нам Дальтон, ему в числе других присутствовавших указали *и двух русских крестьян*. Ко времени посевов и жатвы, замечает по этому поводу Дальтон, из окрестных русских деревень приходит не мало крестьян наниматься в работники к немецким колонистам. Даже из соседней Киевской губернии приходят в колонии русские рабочие, часто из года в год одни и те же. Во время работ, продолжающихся недели и месяцы, многие из них выучиваются по-немецки, некоторые настолько хорошо, что могут присутствовать даже на собраниях «штунде». «Те два крестьянина, которых мне указали, были, как потом я узнал, из соседней русской деревни Основы. Имен их мне тогда не сказали, да они для меня были и безразличны. Так что я не знаю, были ли эти два бедные работника из Основы те самые Онищенко и Ратушный, которые уже в течение нескольких лет регулярно приходили в Рорбах на полевые работы, всегда принимали участие в собраниях «штунде» и были известны даже в доме пастора». *От этих-то двух рабочих и пошел русский штундизм* (стр. 8–10).

Не смотря на все свое сочувствие к штундизму, Дальтон, однако, вполне верно указывает те причины и условия, которые содействовали возникновению и быстрому распространению его на русской почве, хотя и не прибавляет ничего нового к тому, что давно уже известно об этом в русской литературе о штундизме. *Первое место в ряду таких причин он отводит влиянию немецких колонистов на простых русских рабочих*. Затем, в числе других условий он указывает на экономическую бедность и беспомощность русского населения, особенно ярко бросавшиеся в глаза на ряду с благосостоянием и тесной сплоченностью

соседних немецких колонистов; на малочисленность православных храмов и невысокий уровень умственного и нравственного развития православного духовенства; на пробуждение в народе религиозного сознания, распространение книг св. Писания, освобождение от крепостной зависимости и др. (стр. 13).

Действительно, в то время, к которому относится возникновение русского штундизма, пробудившее сознание русского народа представляло собою самую удобную почву для посева на ней духовных семян; но в этот-то важный момент сеятеля пшеницы не вышли на работу, и враг выслал своих сеятелей, которые беспрепятственно засеяли ее плевелами. Чертами, полными самого искреннего сочувствия, рисует перед нами автор-протестант личность и деятельность одного из таких сеятелей, – известного Джона Мельвиля, который более шестидесяти лет разносил по южной России книги св. Писания и в самых глухих углах посеивал протестантские идеи. Если бы кто-нибудь мог, откровенно замечает Дальтон, внимательно изучить местность первоначального возникновения русского штундизма, – что теперь уже трудно сделать, тот, наверное, нашел бы, *что штундистское движение прежде всею возникло именно там, где Мельвилем была уже разработана для него почва* (стр. 14).

Пристрастие Дальтона к русскому штундизму особенно ярко сказалось в том, как он понимает причины отделения штундистов от православной Церкви. «Первоначально, пишет он, русские штундисты не помышляли об отделении от своей церкви. У своих учителей в немецких колониях они видели, что «штунда» идет рука об руку с церковью и даже поддерживается последнею, как верная ее соработница. Само собой, понятно, что и они предполагали жить в подобном же единении с своею церковью, потому что они только желали изучать слово Божие и устроить свою жизнь по его указаниям. Но читая Библию, они на каждом шагу убеждались, что в деле понимания ее они еще настоящие дети, и вот они доверчиво обращаются к своим священникам за разъяснением того или другого непонятного для них места св. Писания. Но скоро они горько разочаровались! Для священников (den Popen) такие места были еще более

непонятны, а может быть и совсем неизвестны; просьба о разъяснении повергла их в мучительное смущение, и они почувствовали, что эти «пасомые», если к ним поближе присмотреться, оказываются превосходящими их самих в знании Библии. В свою очередь и эти простые крестьяне обратили внимание на некоторые высокочтимые обычаи их церкви, для которых они не могли подыскать никаких оснований в слове Божию. Так, они здесь решительно ничего не нашли о почитании святых или об иконопочитании, которыми проникнуто все богослужение. Священники также были в состоянии оправдать такие обычаи из св. Писания. К тому же, благодаря штундистам, они вместе с этим предписываемым церковью почитанием теряли некоторый побочный доход, очень важный для них при их скудном содержании. Горько и обидно также было их видеть, что эти отщепенцы в их пастве не только лучше их самих знают Писание, но и живут сообразнее с требованиями Писания... Разделение в деревне между штундистами и теми, которые оставались верны догматам церкви, становилось все больше и больше. Возрастающее благосостояние воздержных и мирных читателей библии (Bibelleser) возбуждало зависть; их строго-нравственная порядочная жизнь раздражала, как постоянно стоящее пред очами и совестью обвинение в собственной беспорядочности. Однако, они еще старались предотвратить разрыв с церковью. Правда, они уклонялись от богослужения, которое для них не было по Писанию, очищали (sic!) свои жилища от изображений святых, которые теперь казались им идолами. Но они не желали публично предавать их уничтожению, потому что власть смотрит на это, как на тяжкое преступление, хотя во многих местах эти «идолы» подбрасывались ночью в церковный двор или приносились к священнику, и последний сам не знал, что делать с этими предметами, которых он не отваживался предать огню. И вот, произошло то, что необходимо должно было произойти в более или менее скором времени – чисто евангелическое движение, которому каждая церковь должна бы радоваться, как здоровому проявлению жизни ее членов, и которого русская Церковь и ее служители оказались неспособными не только поддержать и

направить на законный путь, но даже просто терпеть в своей среде. Русская церковь отвергла от себя своих членов, изгнала их, как Агарь, в пустыню и даже призвала светскую власть помочь ей в этом деле. Так возник в наши дни новый раскол в братской церкви» (стр. 15–16).

В этих мыслях протестантского пастора вполне выразилось его отношение к штундизму и русской церкви. На вопрос, кто виноват в том расколе, который породило штундистское движение, он прямо и не обинуясь отвечает: русская церковь и ее служители, которые не сумели удержать в границах церковности то «чисто евангелическое движение, которому каждая церковь должна бы радоваться, как здоровому проявлению жизни ее членов». Но что же должна была сделать русская церковь для предотвращения этого раскола? На этот вопрос в книжке Дальтона мы не находим такого прямого ответа, как на первый; однако этот ответ сам собою очевиден даже из приведенных выше рассуждений его. Русская церковь, очевидно, должна была отвязаться от всего того, что не нравилось в ней штундистам: «очистить» храмы и жилища от священных изображений, отказаться от почитания святых, изменить «по Писанию» свое богослужение, предоставить своим членам полный произвол толкования слова Божия и т.п. Иными словами, православная русская церковь должна была отказаться от самой себя, сделаться церковью штундистскою или, лучше сказать, протестантскою. Само собой, понятно, что она не могла сделать этого. А если не могла, то, значит, и не виновна в расколе. Если бы штундизм действительно был таким явлением, каким описывает Дальтон, то церковь русская без сомнения радовалась бы ему, как всегда радовалась и теперь радуется всякому здоровому и не выходящему из границ церковности проявлению религиозной жизни своих пасомых. Если бы это движение не заявило себя сразу же ничем другим, как только стремлением к изучению слова Божия, Церковь несомненно сумела бы поддержать его и дать ему надлежащее направление. Но дело в том, что благодаря многим неблагоприятным для церкви местным условиям, силу которых признает и Дальтон, самый зародыш этого движения ускользнул от внимания

православных пастырей и оно (движение) подпало влиянию немецких штундистов, которые сумели воспользоваться случаем, чтобы зарождавшемуся «чисто-евангелическому движению» сразу же придать чисто-протестантский характер. Поэтому-то штундизм в отношении своем к православной Церкви никогда не проявлялся как движение чисто-евангелическое, но сразу же предстал пред нею в штундово-протестантской оппозиционной окраске. А в таком виде это движение, конечно, не могло продолжать развиваться в лоне православной Церкви, и оно само собой отделилось от нее. Следовательно, неправ автор и в том своем обвинении против сестры-церкви (Schwester-kirche, – какая ирония!), будто она отвергла от себя штундистов и изгнала их, как Агарь, в пустыню. Когда и как сделала это русская Церковь? Неужели Дальтону неизвестно, что она, напротив, всегда призывала и призывает штундистов к возвращению в ее лоно? И не сами ли штундисты отвергли ее материнские попечения и добровольно удалились в ту духовную пустыню, в которой нет общения ни с ангелами, ни с святыми угодниками Божиими, ни с живыми членами земной Церкви Христовой? А что будто русская церковь еще призвала и светскую власть для того, чтобы помочь ей в этом деле, т.е. помочь оттолкнуть от себя штундистов, то это опять-таки – извращение истины и клевета на Церковь. Церковь обращалась и обращается за помощью в светской власти не затем, чтобы оттолкнуть от себя штундистов (да и какую в этом деле помощь могла бы оказать светская власть?), а единственно затем, чтобы охранить верных своих чад от обольщений заблудших, желающих обманом и насильственно увлечь в ту же пустыню, в которую удалились сами, и своих отцов, братьев и сестер.

По отделении от Церкви штундистам на первых же порах предстояла трудная и сложная задача внутренней организации своего религиозного общества. С этой задачей штундизм не мог справиться собственными силами. Отдельные общины еще могли устроить свою церковную жизнь по образцу немцев; но сплотить эти отдельные общины в однородное целое, создать из них религиозное общество с прочной организацией, – этого сами штундисты не могли сделать. И вот, на помощь им опять явились

немцы, на этот раз в лице баптистов. «Глава немецких баптистов» известный Онкен явился в Россию и начал проповедовать баптизм сначала в прибалтийских губерниях. Отсюда проповедь баптизма скоро перешла и в другие губернии. Проповедники этого учения явились и к штундистам, и здесь нашли для своей пропаганды самую восприимчивую почву. Уже в 1871 году сам Ратушный принял вторично крещение и его примеру последовали многие из его верных приверженцев. Обращение штундистов в баптизм пошло быстрыми шагами, хотя и произвело в самом штундизме раскол, разделивший его последователей на старо-штундистов и баптистов. Немецкие миссионеры сумели объединить последних в прочно организованное религиозное общество. Из того, что писалось в последнее время о нашем баптизме даже в русских периодических изданиях, мы знаем, что баптизм потому именно и представляет собою опасную силу, что в нем религиозное брожение простых масс управляется невидимыми руководителями, действующими по строгому плану и направляющими его к одной определенной цели. Очень недвусмысленно намекает на это и Дальтон: «я мог бы, говорит он, назвать по имени город и даже русского купца, в доме и в руках которого сходятся все нити этого церковного союза; не делаю этого, чтобы не оказаться предателем» (стр. 27).

Вообще автор не раз и, по-видимому, не без намерения дает почувствовать читателю, что он знает о русском штундизме гораздо больше того, что считает нужным сказать. Такое впечатление получается особенно при чтении тех страниц, где он переходит к изображению тех «страданий за веру», каким будто бы подвергаются в последнее время русские штундисты со стороны духовного и светского правительства. Здесь Дальтон прибегает к тому же приему, которым всегда пользуются заграничные друзья наших штундистов, когда хотят подогреть симпатии к последним в протестантском мире. Имея в запасе несколько таких фактов, где на штундистов действительно обрушилась вполне заслуженная ими кара закона, он рассказывает об этих фактах в таком виде и с такой миной, будто знает еще множество и других фактов такого рода, где

будто бы штундисты подвергаются преследованиям именно за веру. На читателя неопытного и мало знакомого с истинным положением дела такой прием производит желаемый эффект, оставляя в нем убеждение, что русские штундисты, действительно, – ничто иное, как мученики за веру. Но мы можем заметить автору следующее. Во-первых, рассказываемые им случаи, когда штундисты подвергались каре со стороны закона, – не более, как только единичные случаи. Ссылаясь на брошюру Годэ (*Les persécutions actuelles en Russie*. 1896) и на какие-то имеющиеся у него самого документы, Дальтон утверждает (стр. 52), что за последнее время таких случаев стало уже слишком много. Но как бы они ни были многочисленны, все же они – только единичные случаи, и потому сколько бы автор ни потратил красок на изображение страданий штундистов в этих единичных случаях, он никогда не нарисует помой картины современного положения штундистов в русском государстве, а даст нам только небольшую часть этой картины. Из того, что эта часть рисуется в мрачных красках, еще нельзя заключать, что и вся картина должна носить на себе такой же мрачный характер, как нельзя, например, по «Запискам из мертвого дома» составить себе представление о характере всей вообще русской жизни в 60-х годах. Чтобы изучить вполне современное положение штундизма, надо изучать его не в залах окружного суда и не по архивным только делам о штундистских процессах, а на месте, в деревне. И здесь мы увидим, что штундисты, как среди православных, так и в отдельных поселениях, – которые Дальтон считает миллионами – живут мирно и спокойно под охраною тех же законов, под которыми живут и православные, и все прочие подданные русского государства. Очевидно, значит, что мрачная картина, которую рисует пред своими читателями Дальтон, неверна действительности, потому, что в действительности вся масса штундистов пользуется спокойствием и только единицы из этой массы подвергаются преследованиям по закону о нарушителях закона. Дальтон неверно представляет значение и характер самих этих преследований, изображая их, как преследования за веру. Если бы, проживши свыше тридцати лет в России, он даже не знал,

что русские законы никого за веру (кроме изуверов) не преследуют, а потому не могут и штундистов преследовать за веру, то в последнем ему на примере самих же штундистов всего легче можно было бы убедиться. В самом деле, раз закон одних штундистов и притом большинство, можно даже сказать, всю их массу, оставляет в покое, а подвергает преследованию только некоторых отдельных лиц, то, значит последние преследуются не за веру свою, не за то, что они «любят читать слово Божие и ведут хорошую, трезвую жизнь», а за что-то другое. За что же? За нарушение закона: за пропаганду, совращение, кощунство над предметами православного почитания, за грубое оскорбление и словом и делом святыни русского народа и правительства. Если бы православный позволил себе публичное глумление над предметами религиозного почитания католика, он подвергся бы за это столь же неумолимой каре закона, как и штундист за оскорбление православной святыни. Но никто, конечно, не вывел бы отсюда заключения, что православный пострадал за свою веру, за то, что он православный. А вот, когда в подобном положении окажется штундист, то он, по мнению Дальтона, страдает уже не за оскорбление чужой религиозной святыни, а за свою веру, за любовь к чтению (?) слова Божия, за желание вести строго-нравственную жизнь и т.д.; он – не преступник закона, а мученик за веру. – Даже чувством той чисто-родственной любви, которую питает Дальтон к русскому штундизму, нельзя извинить такого явно недобросовестного отношения его к истине.

Таким образом, новая книжка Дальтона не дает своим читателям ни полной истории русского штундизма, ни полной, хотя бы даже односторонней картины современного его положения. Правда, автор и не имел в виду дать в своей книжке что-нибудь подобное. Он просто хотел поделиться с читателями некоторыми личными своими наблюдениями и высказать свой взгляд на этот предмет. Однако, по этому поводу нам приходит на память, что уже пятнадцать лет тому назад Дальтон сделал то и другое в изданной им в 1881 году брошюре «*Evangelische strömungen in der Russischen Kirche*» (Евангелические стремления в русской церкви) и почти все то, что он сообщал

тогда в этой брошюре о штундизме и пашковстве, он теперь повторяет, иногда даже буквально и в новой своей книжке. Спрашивается: для чего же понадобилось ему повторять то, что он уже говорил 15 лет тому назад? Но если бы из новой книжки Дальтона исключить все то, о чем он говорил в прежней своей брошюре, то остальное содержание книжки представляло бы слишком скудный и малоинтересный материал, чтобы создать из него брошюру с сенсационным заглавием: «Штундизм в России». А между тем брошюра, очевидно, и рассчитана только на сенсацию и возбуждение сочувствия к штундистам среди протестантских читателей. В этом, помимо всего содержания ее, везде бьющего на эффект, особенно убеждают нас последние заключительные страницы. Изобразив «страдания» штундистов, Дальтон в заключение своей книжки ставит вопрос: «Неужели нет никакой надежды на смягчение страдания русских штундистов, никакой надежды на улучшение их печальной участи?». «Как часто, замечает он, обращаются с этим робким, но настойчивым вопросом к тем, кого считают сколько-нибудь осведомленными относительно хода дел в России. И чем более такие люди сведущи, тем охотнее уклоняются от ответа» (стр. 53). Но сам автор, как ни сведущ он в вопросах, касающихся русского штундизма, не устоял, однако, против искушения выступить в роли пророка и дать ответ на вопрос, от решения которого другие «сведущие люди» так охотно, по его собственным словам, уклоняются. Он предсказывает, что положение русских штундистов скоро может измениться к лучшему. В этом убеждают его некоторые факты, будто бы свидетельствующие о начинающемся изменении религиозной политики русского правительства в сторону бóльшей веротерпимости. Одни из таких фактов он и приводит, на другие же, по обыкновению своему, только делает таинственные намеки, как на не подлежащие опубликованию или недостаточно еще выяснившиеся и определившиеся. Каковы факты и признаки этого последнего рода, мы, не зная их, не можем судить; но если они похожи на те факты, которые Дальтон приводит в своей книжке, то нужно быть крайне наивным, чтобы видеть в них признаки начинающегося изменения религиозной политики

русского правительства. В самом деле, в чем усматривает автор такие признаки? В некоторых мыслях, высказанных на страницах «Московского Сборника»;² в факте появления на страницах «Недели» ряда статей под общим заглавием «Право веровать», в которых проводилась идея полной религиозной свободы и предоставления равноправности всем вероисповеданиям;³ в Высочайшем рескрипте на имя Обер-Прокурора св. Синода, в котором «ни одним словом не упоминается о столь губительной для евангелической церкви прибалтийских провинций деятельности Победоносцева, как будто молодой Император не счел эту его работу заслуживающею признания и отказал в своем одобрении его церковной политике», но зато... с похвалой и одобрением отмечаются усилия его «утвердить в истинах православной веры часть населения, по невежеству пребывающую в прискорбных заблуждениях», под каковою частью Дальтон понимает именно штундистов. Не обладая немецкой проницательностью Дальтона, мы решительно отказываемся видеть в приводимых им фактах какое-нибудь, хотя бы самое малейшее указание на начинающееся изменение в направлении религиозной политики русского правительства. В словах же Высочайшего рескрипта на имя г. Обер-Прокурора св. Синода мы видим, – да и каждый не может не видеть, – как раз противоположное тому, что силится вывести из них Дальтон: видим одобрение с высоты престола той самой религиозной политики, изменения которой Дальтон так пламенно желает. Кажется, уже один этот факт должен бы показать Дальтону, прожившему столько лет в России и, следовательно, знающему значение такого рода фантов, – какую цену могут иметь все другие факты, как сообщаемые им, так и умалчиваемые, на которых он основывает свои чаяния какой-то близкой перемены в положении штундистов.

Есть, впрочем, у Дальтона и еще одно (если не единственное) основание питать надежду на возможность лучшего будущего для любезных ему штундистов. «Самым глубоким, непоколебимым основанием нашей надежды на улучшение в конце концов их положения является радостное убеждение, вынесенное нами из продолжительного и

внимательного изучения русского штундизма, убеждение в том, что это глубокое религиозное движение есть дело Божие и, как таковое, не может погибнуть» (стр. 59). Это убеждение может сделать честь автору, как искреннему и последовательному протестанту», для которого дело Божие и дело протестантское – понятия однозначные. Но для тех, которые этого убеждения не разделяют, оно не может и служить основанием для питаемых автором надежд.

Было бы решительно несправедливо осуждать Дальтона за его сочувствие к штундизму, за желание видеть наступление для штундистов лучших времен. Как истинный сын своей протестантской церкви, он и не может относиться к штундизму иначе, как только с сочувствием, не может желать ему ничего иного, как только полного торжества и свободы распространения. Требовать от протестанта иного отношения к штундизму невозможно до тех пор, пока сам он остается протестантом. Но прискорбно видеть, что человек, проживший столько лет в России, ознакомившийся со многими сторонами ее жизни, изучивший историю и современное устройство русской церкви, даже принимавший активное участие в религиозном движении русского общества и народа, остался, однако прежним узким немцем-протестантом. Дух православия, истинный смысл его остался для него совершенно непонятен. Он судит православную русскую церковь с своей немецко-протестантской точки зрения, и его книжка, это чуть не прямое обвинение православной Церкви в том, что она до сих пор не последовала примеру штундистов в «очищении» своего вероучения и культа на протестантский образец. А еще прискорбнее встречать явную недобросовестность и извращение истины, к которым проводит Дальтона его неумеренное пристрастие к штундистам. Отношение русской церкви к штундизму он представляет просто в том виде, что церковь призвала правительственную власть к преследованию штундистов и даже чуть сама не принимает участия в этом преследовании. А из истории той чисто-духовной борьбы, какую повела церковь против штундизма, из истории миссионерской деятельности церкви, он приводит только один какой-то полумифический эпизод, явно рассчитанный на то,

чтобы показать бессилие церкви в борьбе духовным оружием против этого «нового раскола».

Если так отнестся к штундизму Дальтон, то какого же беспристрастия мы можем ожидать от тех, которые пишут о штундизме, никогда не выдавши ни одного штундиста и не бывавши даже в России?

Н. В.

**II. Ивановский Н.И., проф. Казанск. дух. акад.
Оренбургские хлысты // Миссионерское обозрение.
1897. Июль, кн. 1. С. 578–588**

Из залы судебного заседания

В течение целого 17-го мая, с 10-ти часов утра и до 12 часов ночи пред нами предносились яркие тяжелые картины рассматриваемого окружным судом дела о хлыстах, со всеми подробностями, как они записаны были в предварительном следствии, – и еще более, кажется, тяжелые картины тех умолчаний и невольно вырывавшихся из груди свидетелей глубоких вздохов, которые красноречивее всего говорили о безобразных обстоятельствах дела.

Дело началось еще в 1895 и велось следователем по особо важным делам: 1896 г. оно было отправлено в Казань на заключение эксперта, начатое ст. 196 улож. о наказан. оно, на основании обнаруженных обстоятельств и кассационного решения Правительствующего Сената по делу о Тарусских хлыстах (Журн. М. Юстиц. 1896 г. январ. хроника), направлено было экспертом и по ст. 203-й, за принадлежность к секте, соединенной с противонравственными гнусными деяниями. На судоговорение был вызван из Казани и эксперт, присутствовавший все время судебного следствия в зале заседания и в конце его давший обстоятельное заключение: представивший характеристику хлыстовства в его истории и современность положению, на основании судебных дел о хлыстах, производившихся в разное время и в разных местах. Целью характеристики было то, чтобы научным образом осветить все обстоятельства настоящего дела, которое на основании его же экспертизы, данной на предварительном следствии, и было поведено по ст. 203-й улож. о наказ.⁴ Сгруппировка добытых следствием фактов и ученое их освещение представило твердую почву, по выражению прокурора, для обвинения и не оставило в судьях⁵ сомнения в виновности подсудимых, которые все, в количестве 8 человек, были осуждены и наказаны по закону.

Местность около Оренбурга обилует хлыстовскими очагами и теперь, на основании того, что мы читали и слышали по настоящему делу, можем ознакомить читателей миссионерского журнала как с самым делом, так и с некоторыми из этих очагов хлыстовской ереси.

В 1895 году священник села Рыбкина доносил Епархиальному начальству, что казак Городищенской станицы Иван Назаров Утицкий совместно с Петербургскою мещанкой Марьею Алексеевою Строгановою и крестьянином села Рыбкина Михайлом Ивановым Щукиным, будучи последователями секты хлыстов, распространяют последнюю в пределах Оренбургского уезда; они объезжали деревни с сектантским населением и устраивали здесь во многих домах радения, причем Строганова выдавала себя за «богородицу», сектанты на радениях целовали ее в колено, а Михаил Щукин выдавал ту же Строганову за какую-то графиню. Сообщаемые в рапорте священника сведения подтвердились и на дознании, произведенном становым приставом. На основании этого Епархиальное начальство и просило прокурора Оренбургского окружного суда о возбуждении против означенных лиц, уголовного преследования по 196 ст. Улож. о наказ.

Так началось судебное дело, продолжавшееся целых два года, изложенное в трех томах.

Из произведенного следствия мы узнаем, что первое появление секты хлыстов в пределах Оренбургского уезда относится к 40-м годам настоящего столетия. Учение хлыстов занесено было казаком Балабановым, обратившимся в последствии в православие. За тем в 60 годах руководителями хлыстов и преподавателями хлыстовского учения были казаки Матвей Косарев и Осип Дурманов. Первый был сослан в Сибирь за убийство своего брата Федота, в пылу фанатизма. Дурманов был осужден за распространение хлыстовства в 1892 г. и сослан на Кавказ. Дурманов распространял секту между казаками Городищенской, Краснохолмской, Нижнеозерной и других станиц, а также и между крестьянами села Рыбкина и деревни Девятовки.

Учение Дурманова, общее всем хлыстам, имело и некоторые особенности. Кроме требований не пить вина, не есть мяса, умерщвлять себя постом, не вступать в брак, а жить «по духовному», по-братски, как ангелы на небеси, он присовокуплял и требование не курить табаку. Главная же особенность в учении Дурманова состояла в том, что «каждому духовному брату должна принадлежать духовная сестра» и при том «достойному достойная». «Сухая любовь не может существовать без плотской: – не согрешишь, не умолишь».⁶ – «Плоть соединяется вместе и сердца, значит, сольются купно». Это значит «вести христоролюбивую войну с грехом». На радениях, устрояемых Дурмановым, и под его руководством, сначала читали псалтирь и другие книги – (это тоже – особенность), за тем пели стихи в роде: «куда летишь ты, пташечка? В темный лес лечу»; иногда пели церковные песни по плясовым напевам, причем притопывали ногами и размахивали руками. После пения пили чай, а за тем или все ложились спать в одной комнате, или же расходились «брат с сестрою» попарно.

После ссылки Дурманова, как установлено свидетельскими показаниями, место хлыстовских главарей заняли Иван и Семен Утицкие, Михаил Щукин, братья Михей, Егор и Евсей Калетовы и Алексей Петров Кожевников; начало деятельности этих лиц относится еще к 80-м годам.

Примечательно, что еще во время производства следствия о Дурманове Иван Утицкий и братья Колетовы ходили к оренбургскому священнику о. Милию Головкину (Епархиальный миссионер) с целью убедить его в православии Дурманова. Утицкий бывал даже и у преосвященного и умолял его заступиться за Дурманова пред судом, уверяя, что он страдает не справедливо. Бывая у о. Головкина Иван Утицкий объяснял, что он вел прежде беспутную жизнь, но после падения в колодезь, из которого был извлечен ангелом, нравственно переродился, за свою девственную жизнь получил от своих единоплеменников название Иоанна Богослова и сподобился получения благодатного дара исцелений. По просьбе о. Головкина он пел у него стихи, во время пения в такт притопывал ногами, потрясал и похлопывать руками, плакал,

всхлипывал, голос его от среднего переходил в очень громкий и вся его фигура выражала исступление. Однажды, после пения Утицкий, придя в экстаз, стал призывать духа: «Господи, дай хотя не много, не много росы» (Показ. Головкина. Предвар. следств. т. I, л. 124–125).

После ссылки Дурманова сношения с ним поименованных выше лиц не прекращались. Михей Калетов виделся с Дурмановым в Елизаветполе, привез его фотографическую карточку, получал от него письма. Для свидания с Дурмановым ездили на Кавказ и другие братья Калетовы. В домах означенных лиц устраивались радения, и они являлись распространителями секты.

Иван Утицкой, после падения в колодезь, «приубожился», прикинулся благочестивым странником, пошел на богомолье, поражая всех своего приниженностью, вкрадчивостью и умением говорить; он казался подвижником, носил вериги в 32½ ф. весом, хотел было поселиться в пещере близ Городищенской станицы, называть себя о. Иоанном Оренбургским и святым, пытался творить чудеса. От своих совращенных им приверженцев он получает такие письма: «Боголюбивый отец Иоанн Назарович!... Из послания Вашего видно только одно: тайна преславная и прелюбезная; она только нами (?) тем же духом святым будет разумеема. Благодарю Господа моего за его дивные дела. Да возрадуются сердца сынов Божиих, в среде коих совершается воистину велие и преславное чудо. Отец Иоанн! Вы мне предлагаете быть участником сего вертограда, которого созидает Господь, а не человек... Благодарю Бога моего и Вас, любезный сердцу моему посланник Бога Вышняго... Я тебе врученный самим Господом, делайте со мной то, что тебе повелел пославший тебя... Любезный отче! Чувствую себя в настоящее время так, как бывший у бани и угорел... Я бы бежал к тебе, да спутан по рукам и ногам. Распутай меня поскорее... Я истинно верую, что это можешь, аще захочешь; я за это с тобой вместе обещаюсь поработать Господу» (т. 1, л. 59–61). А вот еще выдержка из другого письма: «О божественного, о любезного, о сладчайшего твоего гласа, с нами бо не ложно обещался еси быти"... (Читано в заседании суда).

Утицким были совращены в секту двое мужчин и две женщины, бывшие на суде свидетелями. Замечательно, что обе женщины, давшие на предварительном следствии самые обстоятельные показания, на суде не сказали ничего, кроме «ничего не знаю»; почему показания их и были прочитаны полностью и они их не опровергали и ничего не пожелали объяснить. Одна из них, после того, как дала показание судебному следователю, три дня не могла успокоиться и говорила миссионеру, священнику что «дух мучил ее три дня и три ночи». По виду она – женщина необычайно нервная, подпавшая, по выражению прокурора в обвинительной речи, гипнотическому влиянию со стороны Утицкого. И мы, когда еще читали предварительное следствие, не могли не прийти к тому же предположению, что и высказали в своей экспертизе. Много в поступках обеих означенных женщин чего-то чрезвычайно загадочного; точно управляла ими какая-то не добрая сила.

Другая женщина, менее нервная, на предварительном следствии рассказывала, что «вся цель жизни каждого состоит, по учению хлыстов, в том, чтобы получить сильный дух прорицания, пророчества. Братья, воплотившие в себе такой дух, могут передавать его другим; для этого собираются собрания, «беседки», на которых братья и сестры набираются духа, напояются им от призванных братьев и сестер, воплотивших в себе дух Христа, Богородицы, или Апостолов. Через дух образуется духовное родство». На беседах то и дело слышишь, как братья фыркают, дуют из себя. Когда дыхнет кто-либо из пророков истинным духом, все тело дрожит; дух потрясает тело». (Показ. Сухомериной и Веры Влазневой, т. I, л. 126. 146. 151).

Мнимый чудотворец, Иван Утицкий именовал себя даже «Христом» и на беседах распинался. Во время пения он вставал на колени, раскинув в сторону руки, и так стоял без всякого движения, то открывая, то закрывая глаза, стоял так с вечера до полуночи. Бывшие на беседах женщины, заливались слезами, думая, что он за них распинается, окружали его, поддерживали кто за руки, кто за бока. Так продолжалась эта кощунственная комедия до тех пор, пока он не свалится, как

пласт какой-нибудь. Раз Утицкий очнулся уже на заре, а за тем по дороге домой рассказывал бывшей на беседке свидетельнице Авдотье Сухомериной, что он видел, стоя на коленях, как на него спускалась благодать в виде огненного клубка. Присутствовавшие на беседках во время пения рыдают, ходят кругом, подпрыгивают, кружатся на одной ноге, иные рвут на себе волосы, бьются об пол, корчатся как бы в судорогах. Это у них «тайная вечеря». (Показ. Сухомериной, т. I, л. 126 и дал. показ. Кочина, т. II, 89–90). То же проделывал брать Ивана Семен Утицкий. Он также выдавал себя за Христа, а одного старика Сергея – за Бога Отца, и говорил, что, смотря на иконы, должны мы иметь в своем воображении его Семена Утицкого, как «христа», а старика Сергея, как «бога отца». Он также распинался, при пении стихов: «Пресветлый ангел"... «Ах ты дом, ты, дом Давыдов!"... «Господь гласом говорил, он темницу растворил, душу грешну пробудил!"... «Слава в вышних Богу, дух мой радостно воспой. Я стремлюсь к чертогу, где Жених сладчайший мой"... и других. Он также на беседках женщин опаивал каким-то духом». «Когда по словам свидетельницы, бывало на беседках Семен Утицкий дыхнет, она чувствовала, как в голову ей ударило что-то как бы сверху и в то же время сознавала, что не может ничего сказать, ни шевельнуться». А Семен, посмеиваясь потом говорил: «я тебя духом своим приручил, и ты не вырвешься из моих рук». И действительно, вскоре после беседок свидетельница «начинала тосковать, грустить о нем, без него не могла пробыть и дня, дожидалась беседок, как манны небесной» (показ. Сухомериной, т. I, л. 126 и дал.). На беседках, по словам другой свидетельницы, «от пения, от жары и от духа, которым как будто обдают тебя, делаешься словно пьяная, лицо горит жаром, в руках и в сердце чувствуется горит огонь». «Словно магнита какая есть в этих хлыстах». (Показ. Веры Влазневой, т. I, л. 155–156).

Ради чего же, однако все это проделывалось? Чем все кончалось?... Аскетизм и юродство быстро исчезают, и мы видим пред собою просто грязных развратников, в резких, циничных формах, осуществляющих провозглашенный принцип: «достойному достойная». Постоянною спутницею Ивана

Утицкого является Марья Строганова, эта мнимая «графиня из царского рода». На предварительном следствии были указания на зазорную связь Утицкого со Строгановой, что они в доме Михайлова около станции Померанье Николаевской железной дороги спали в одной комнате, даже в баню вместе ходили. (Т. I. л. 112). Жена священника Телегина, урожденная Михайлова, прямо показывала, как «не хорошо жили Утицкий и Строганова»; в этом же роде даны были показания и самым священником Телегиным (т. I. лл. 23, 25, 46–48 и 66). Благодаря этим показаниям они и не были привлечены в качестве обвиняемых, а явились на суде свидетелями. Но на суде они заперлись, и не пожелали толком разъяснить, в каких комнатах были размещены Утицкий и Строганова. Телегина показала, что они жили в особых комнатах, рядом находящихся, а муж ее сначала показал, что они жили в отдельном доме, в котором, кроме прислуги, никто не жил, а потом, когда подсудимый Утицкий возразил на это, то он совершенно спутался и вопрос, в существе весьма простой, – остался не выясненным. Мало того, он хотел взять на себя прямо даже защиту Строгановой, от чего был удержан председателем.

Но и помимо оказавшейся невозможности проверить на суде существование зазорной связи Ив. Утицкого со Строгановой, удостоверено, что еще до падения в колодезь он состоял в любодейной связи с одною женщиною, с которой потом хотя и разошелся, и не развратничал, но, тем не менее ходил вместе в баню, где окатился будто бы кипятком, дабы доказать, что он православный и святой, а не хлыст-еретик (его собственное объяснение и показание Лукерьи Ращепкиной; в деле т. I, лл. 130 и 148). Оставив прежнюю любовницу, он не бросал женщин, а «хороводился с ними и в ночь, и в полночь на своих беседках» (т. I, 147). А одной женщине, которая рассердившись не хотела ему и руки подать, он говорил, – смеясь: «брыкайся, брыкайся, из моих рук невыбрыкаешься». И действительно, «сердце у нее растаяло и Иван Утицкий стал своим человеком» (т. I, л. 132–134).

Брат Ивана Утицкого Семен – гораздо бóльший развратник, осуществляющий, сколько он мог, принцип хлыстовского учения:

о цинических его подвигах предносятся в показаниях свидетелей самые возмутительные картины. Одна из свидетельниц, изведавшая всю силу неотразимого на нее влияния хлыстовского пророка и глубину падения, так рассказывала об отношениях к ней Семена Утицкого. «Пользуясь моим состоянием, Семен Утицкий сошелся со мною плотски, объясняя, что с мужем жить грех, он же со мною живет, как Адам с Евою, и по плотскому, и по духовному. Целых три года промучилась я, не зная себе покоя и как бы околдованная Семеном Утицким, а он посмеивался и говорил: «я тебя духом своим приручил, и ты не вырвешься из моих рук», и добавлял, что Сам Иисус Христос сперва сходил в ад, а потом воскрес, разрушил ад, также и он, живя по-плотски, разрушает ад.⁷ Приходя ко мне, Семенъ Утицкий пел сначала стихи, потом брал меня на руки, дышал на меня, говорил, что я теперь белее сделалась, что он напаивает меня духом, и все это кончалось плотским грехом. В то же время Семен объяснял, что между им и мною есть *тайна*, заключающаяся в том, что их сердца соединяются: его сердце дает моему сердцу радость и наоборот; в этом и заключается духовное родство, духовная радость. Бывало, лежишь больная, придет Семен Утицкий и говорит: «что лежишь, больна, видно, твоя Марфа (Марфой хлысты зовут плоть), знаю я, что ей нужно», и тут же согрешит. Называя себя Христом, меня он называл Марией Магдалиной. Не раз я заставляла Семена Утицкого читающим священное Писание на печи, где он валялся вместе с квартировавшими у него бабами» (т. I, лл. 126–130).

Другая свидетельница раскрывает нам и тайну, о которой намеком говорил первой свидетельнице Семен Утицкий. Однажды у этой свидетельницы, после беседки в ее доме, остались Утицкий и первая свидетельница. Вдруг она бросилась к Семену на шею с криком: «я духовного вина не напилась; давай духовного вина», и вцепилась в Семена так, что стиснула его в своих объятиях; Семен тут же ухватил ее руками, уста их сомкнулись и они упали на кровать, стоявшую неподалеку... Она казалась как бы опоенной вином и приходя как бы в неистовство от дыхания Семена, кричала: «ты тайну не видала, так гляди,

вот она самая тайна!». Та же свидетельница спрашивала у третьей, красивой молодой бабы: верит ли она, что Семен – христос и не позволяет ли он непристойных действий? «Да, иногда так схватит за груди рукой, что больно станет, прохожу не дает на дворе, или, когда на палаты лезешь» (Т. I, лл. 132–135). Эта молодая баба рассказывала, что Семен Утицкий после беседок ложился иногда с сестрами на печь и хороводился с ними, убеждал ее с мужем не жить, а жить «по духовному»; когда же она не поддавалась, то говорил ей: «вижу, что в тебе все еще сидит сатана». Кончилось тем, что он покушался изнасиловать ее в сонном состоянии и она окончательно от него отшатнулась, хотя и свекор, и свекровь говорили ей, что Семен – «бог» (т. I, л. 151–153). – Этого вполне достаточно для характеристики второго хлыстовского главаря, принуждавшего перейти в секту своего сына Ивана (т. I, л. 167, т. II, л. 35–38). Вызванный в суд, Иван не пожелал давать показания и его нежелание, законом предусмотренное, было уважено.

На ряду с братьями Утицкими стоят Алексей Кожевников и братья Калетовы, хотя картины их действий являются и несколько бледнее. В доме Михея Калетова составлялись радения. На радении, после пения стихов, Алексей Кожевников начал нестерпимо визжать и бесноваться, а остальные, здесь находившиеся, пели пасхальные стихи, и пели до тех пор, пока Кожевников не успокоился. Это успокоение означало то, что Кожевников переродился с христа и как бы воскрес. За тем Кожевников стал обходить присутствовавших, пророчествовал, прозревал, избрал себе апостолов и назвал каждого из них тем, или другим апостольским именем, а одного – архангелом Михаилом.⁸ К этому времени около избы Калетова собралась масса сектантов; собравшиеся плакали, молили пустить их в избу, но Калетов сперва никого не пускал, говоря, что все они грешны и должны покаяться, а за тем впущены были три девицы, с которыми Кожевников стал прогуливаться по избе, целуясь с ними в губы и лаская их. После этого проникла в избу вся толпа, запевшая тропарь: – «Воскресение Христово видевше», а потом в избе поднялся такой шум, такое столпотворение, что прохватывал ужас: все что-то пели, под пение подпрыгивали и

бесновались. Михаил Щукин колотил себя в грудь и рвал на себе волосы. В доме Кожевникова также собирались собрания, на которые съезжался народ из Девятовки и села Рыбкина, а также и из других мест.

На описанном собрании в доме Михея Калетова Алексей Кожевников в роли христа потребовал у одного из нареченных им апостолов, кузнеца Лариона Вдовина, чтобы он уступил ему Кожевникову свою жену, красивую бабу. Ларион сначала колебался, а потом согласился. На судеговорении один из свидетелей наивно рассказывал: «с одной стороны Лариону и жаль было уступить жену, а с другой и обидеть было нельзя» (т.е. Кожевникова обидеть!). За бабою послали пару лошадей и привезли. По словам другого свидетеля, Кожевников, придерживаясь хлыстовской секты, имеет пристрастие к девушкам; одна девушка живет с ним и в настоящее время (значить уже не жена кузнеца Лариона, от чего, – не выяснено), (Т. I, л. 79–82. т. II. 127–128).

В феврале 1896 года казачка Авдотья Антипова заявила полицейскому уряднику, что муж ее Иван Антипов, по возвращении из военной службы, стал бывать в деревне Девятовке у братьев Михея, Евсея и Егора Калетовых, с какого времени перестал жить с нею, как с женою, прогонял ее спать из комнаты в кухню и принуждал ее поехать с ним в Девятовку поглядеть на тамошние моления. У Калетовых муж ее и родные бывают раза два, или три в году, преимущественно под праздники⁹ (т. II, лл. 147–150).

По объяснению свидетеля Ильи Емельянова, мещанин Иван Корольков говорил ему, что он, вместе с Иваном Антиповым бывал у Калетовых и здесь собравшиеся мужчины и женщины пели псалмы, молитвы, а работник Калетовых присовокуплял, что после пения стихов хозяйка раздавала кусочки хлеба в виде причастия¹⁰, а после этого тушился огонь и все ложились, кто на кого попало». ¹¹

В доме Михаила Щукина жила мнимая «богородица» Марья Строганова; у него же происходили собрания хлыстовского характера; с женою своею он не жил (т. I, лл. 5, 59, 126–127 и 141).

Все упомянутые лица видимо составляли одну компанию; всем им был хорошо известен безнравственный характер секты, хотя не все они являются одинаковыми развратниками, а также и распространителями секты.

На основании сказанного означенные лица и преданы были суду по 203 и 196-й ст. Уложения о наказаниях и суд всем им вынес обвинительный вердикт.

III. Суд Православной Церкви над еретиками // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 588–593

Эпоха вселенских соборов в Церкви Православной есть время по преимуществу возникновения в ней крупнейших ересей. Бурным ураганом неслись они над Церковью в течение почти пяти столетий (325–787 г.). Не успевала Церковь свести счеты с одной ересью, как на смену ее возникала другая: за Арием следовал Македоний, за ним выступили Пелагий и Целестий, после них Несторий, затем Евтихий и Диоскор, далее монофелиты и наконец, иконоборцы. Мы не говорим о лжеучениях более мелкого сорта в роде лжеучений Вигилияncia, Гельвидия, Ювениана и т.п., возникавших то в одном, то в другом церковном округе. Со всеми ересями победоносно справилась Православная Церковь, и вселенская истина теперь получила непоколебимые устои в голосе вселенской Церкви, выраженном в определениях соборов.

Поучительно для нашего времени воспроизвести самый процесс, каким Вселенская Церковь доходила до окончательного поражения еретиков. В процессуальном развитии дела при разнообразии в частностях выдерживаются всегда общие приемы, перешедшие в церковную практику из Римского права. Нужно заметить, что со времени Константина Великого церковное судопроизводство усвоило себе формы римского процесса. Даже в суд по преступлениям против веры вполне перенесены черты римская уголовного процесса. Уголовный же процесс римского права характеризовался следующими признаками: 1) обвинение возбуждалось не органом власти *ex officio*, а частным лицом; 2) всегда выступал в качестве мстителя (*Vindex*) за оскорбленную справедливость и требовал возмездия, или наказания обвиняемому им лицу; 3) отсюда следовало, что не всякий мог быть допуская к обвинению, а только лишь лицо, не запятнанной репутации, на лиц же сомнительной честности не могла быть возложена подобная миссия; 4) на обвинителе самом, а не на судье, лежала обязанность доказать обвинение;

5) при самом вчинании дела по обвинению кого-либо в преступлении обвинитель должен был дать подписку в том, что он проведет обвинение и в случае, если не докажет ее, подвергнется тому же самому наказанию, которому должен был подвергнуться обвиняемый при доказанности преступления; обвиняемый неоднократно вызывался в суд повестками и в случае упорной неявки осуждался заочно. Эти же самые черты наблюдаются и в церковных процессах, которые велись в IV и V столетиях на вселенских и поместных соборах: особенно выдержанный тип такого судопроизводства представляет собор Халкидонский (451 г.).

Вопрос теперь в том, кто же собственно возбуждал процессы по преступлениям против веры? Эпоха вселенских соборов была временем особенного возбуждения религиозной мысли: богословскими вопросами живо интересовался не один только церковный мир в специальном смысле этого слова, но и все светское общество и в высших, и в низших своих сферах. Но так как охранение в чистоте церковного учения лежит всею своею тяжестью на иерархии, то из среды ее и выходили всегда вчинатели процессов по поводу ересей. Так, обвинителем Ария является Александрийский архиепископ Александр, против Пелагия выступает Орозий, Испанский пресвитер, против Нестория Кирилл Александрийский, против Евтихия и Диоскора Евсевий Дорилейский. Применительно к положению обвиняемого и отношению к нему обвинителя, последний был иногда и его судьей по крайней мере в первой инстанции. Так, Александрийский архиепископ Александр осудил на поместном соборе в Александрии (321 г.) Ария, как пресвитера своей епархии. Обычный же ход дела, как он представляется в Деяниях Вселенских соборов (издан. в русском переводе при Казанской духовной академии) был таков. Возникает лжеучение в пределах какого-либо церковного округа. В этом округе прежде всего и начинается борьба против него. Иногда главный епископ этого округа выступает как инициатор этой борьбы, иногда один из подчиненных ему епископов возбуждает дело по обвинению в ереси. Так в деле Ария обвинителем является главный епископ Александрийского патриархата Александр, в деле Евтихия

возбуждает процесс подчиненный Константинопольскому патриарху епископ Евсевий. После личных внушений еретику, дававших чаще всего в результате только убеждение в упорстве последнего, главный епископ округа собирал собор, на котором и осуждалось это лжеучение, а его виновник отлучался от Церкви. Так поступил св. Александр по отношению к Арию, так сделал Константинопольский патриарх Флавиан по отношению к Евтихию (448 г.). Об этом акте церковного суда главный епископ уведомлял своим посланием других главных епископов христианских церквей с изложением сущности лжеучения, возникшего в пределах его округа. Но обыкновенно дело этим не кончалось. Иногда еретики находили себе опору и поддержку среди влиятельных лиц светского общества, даже среди императоров, часто их сторону держали даже и многие епископы, с патриархами во главе. При неразъясненности христианского вероучения в эпоху вселенских соборов увлечения еретическими учениями среди лиц высшей иерархии было явление обычное. Когда дело осложнялось таким образом, а так чаще всего и случалось, начинался оживленный обмен мнений между епископами, писались послания, составлялись сочинения; еретики такими же путем защищали свои мнения. Словом, возникала по известному вопросу целая литература. Но ни послания, ни целые ученые трактаты обыкновенно не достигали своей цели; требовалось торжественное заявление голоса всей христианской Церкви, каковой и давался на Вселенских соборах.

Вселенские соборы собирались по ходатайству духовной власти с разрешения императора, причем, если сам император не присутствовал на соборе, представителем его власти являлся особый уполномоченный им чиновники, следивший за правильностью хода внешней соборной процедуры. Обвиняемый в ереси мог присутствовать лично на соборе только в том случае, если он не состоял под церковным отлучением. В противном случае его могло заменить другое лицо, разделявшее его мнение. Виновника в ереси приглашали особою повесткой на собор. В случае неявки его по первому зову, приглашение повторялось еще два раза. За неявкой после третьего приглашения, суд над еретиком производился заочно. Самый

процесс суда, как видно из Деяний соборов, состоял в чтении всех документов, относящихся к данному вопросу, в справках с учениями церковных писателей по тому же вопросу; все это сопровождалось выражением личных мнений отцов собора. Заключительным актом собора было составление определения веры по известному догматическому вопросу и осуждение разномыслящих с постановлением собора. Отлученные от Церкви еретики поступали потом в распоряжение гражданской власти. Довольно поучительными в данном случае является следующее обстоятельство. Суд Церкви всегда являлся смертным, так сказать, приговором для ереси. Правда, не разом она прекращала свое существование; еретики упорно продолжали отстаивать свои заблуждения, но рост ереси решительно прекращался: она останавливалась и замирала в тех пределах, где первоначально окрепла; движение же ее на счет православных прекращалось. Некоторые же ереси, спустя некоторое время после соборного осуждения, почти и совсем покончили свое существование (арианство, монофелитство и иконоборчество). Естественно спросить, почему до соборного определения еретики так успешно вели свою пропаганду, после же этого определения их стремления сводятся к крайне скромной цели – удержать ту наличность своих последователей, какая была у них в момент церковного суда над их лжеучением.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно заглянуть во внутренний мир последователей известного лжеучения, когда оно только что возникает. Исторический опыт убеждает нас, что в среде первых последователей вновь появившегося лжеучителя всегда бывает много лиц, не в такой мере убежденных в истинности его учения, в какой убежден сам его виновник. Многие увлекаются им по разным сторонним влияниям и соображениям, не имеющим ничего общего с существом дела. Одних увлекает оно, как новинка, других подкупает своими либеральными тенденциями, иные становятся его сторонниками ради тех чисто житейских практических выгод, какие обещаются этим учением в случае его торжества над установившимися воззрениями: наконец, слепое подражание примеру других имеет также свое значение в росте каждой секты. Во всех лицах

означенных категорий искать твердой убежденности в истинности их увлечения нет никаких оснований. Такая убежденность у членов известной секты получается только в новом поколении, выросшем и воспитанном в учении этой секты. Отсюда само собою понятно, что бороться с каким-либо лжеучением на первых порах его возникновения всегда неизмеримо легче, и результаты этой борьбы всегда бывают плодотворней. Нужен только в этой борьбе такой авторитетный голос, сравнительно с которым учение какого-нибудь сектатора составляет детский лепет. Таким голосом и был голос Церкви, выражавшийся в соборных постановлениях относительно ересей. Лишь только раздавался этот голос, как масса лиц, увлекавшихся ересью по указанным нами сторонним соображениям, спешила возвратиться в лоно Православной Церкви. Соборным определением Церкви всегда полагался тормоз для распространения ереси. И понятно, почему: идти против Церкви и рисковать потерю вечного спасения не у многих могло достать мужества.

Обращаясь теперь к русской церкви, мы видим тоже самое. Процесс борьбы с ересями у нас был аналогичный с процессом в Церкви вселенской. Обыкновенно предварительно шла литературная борьба с ересями, завершительным актом которой было осуждение их на соборах. Так на соборе 1504 г. осуждена была ересь жидоствующих, на соборе 1553–4 г. ересь Бакшина и Косого, на соборе 1689 г. осужден был Силивестр Медведев за свои латинские воззрения, на соборе 1714 г. осуждена была ересь Тверитинова. Естественно теперь спросить, как поступлено было бы с подобным у нас ныне учителем, если бы он жил в эпоху вселенских соборов? Ответ на это не труден.

Нам скажут, что теперь иное время и иные нравы и применять к еретикам меры прежних времен было бы анахронизмом, который стоял бы в противоречии с идеями гуманности и веротерпимости. В прежнее время еретиков отправляли в заточение и пр. Но такие меры, ответим, никогда не принадлежали Церкви: это меры гражданской администрации, характер деятельности которой – такой или иной всегда обуславливался нравами своей эпохи. Мера же церковная

всегда состояла только в заявлении относительно качеств нового учения с точки зрения православной веры и отлучении лжеучителя от церковного общества. А такая мера не может подчиняться ни условиям времени, ни соображаться нравами той или другой эпохи. Она вытекает из основных задач Церкви охранять во всей чистоте учение, вверенное ей ее Божественным Основателем и составляет прямое применение наставления Основателя христианской Церкви относительно согрешившего брата. По силе этого наставления после обличения согрешившего наедине, требуется обличение его при двух или трех свидетелях; в случае бездействия этой меры требуется внушение Церкви. «Аще же и церковь преслушает, буди тебе яко же язычник и мытарь» (Мф.18:17), т.е., этот ослушник голоса Церкви становится в положение исключенного из церковного общества. А иже аще соблазнить единого малых сих верующих в Мя, сказал Основатель нашей веры, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей (Мф.18:6). Горе человеку тому, имже соблазн приходит» (ст. 7).

Т. Е. В

IV. Беренский Н. Архимандрит о. Павел (Прусский) и его противосектантская деятельность. (Продолжение¹²) // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 594–606

II. Пребывание Петра среди федосеевцев Преображенского кладбища в Москве

Преображенское кладбище в то время находилось в полном расцвете своей славы и блеска. Оно представляло главное средоточие умственных сил федосеевства: сюда стекались и отсюда во все стороны расходились начетчики – стоятели и сберегатели федосеевского благочестия. Внешнее величие кладбища было поразительно. Не говоря уже о том, что на самом кладбище, помимо главной Успенской часовни, на обоих дворах, – мужской и женской половинах, – находилось до девяти моленных с ежедневной службой; Преображенская слобода, примыкавшая к кладбищу, была наполнена множеством моленных и маленьких женских монастырьков, тоже с моленными. Некоторые моленные были украшены богатыми иконостасами, паникадилами и содержали свои хоры певчих. Величественный вид главной часовни кладбища и множество моленных с возвышавшимися над ними главами и куполами, великолепные башни, белокаменные стены наполнили священным трепетом благочестивую душу Петра. Первое знакомство с грандиозным созданием Ильи Алексеевича восхитило его до такой степени, что он мнил себя как бы в новом старообрядческом Иерусалиме. Впечатление внешнее было подавляющее. Но оно продолжалось не долго. Внутреннее содержание оказалось далеко не соответствующим обстановке. «Я приехал в Москву поучиться», говорит о себе о. Павел. Но с этой стороны кладбище оказалось совершенно недостойным для надлежащей встречи такого ученика. Когда он стал «поспрашивать, с кем бы познакомиться из людей начитанных», ему указали на наставника Егора Гавриловича и на Головщика Алексея Михеича. Итак, этим лицам была вручена судьба Петра. Они должны были разъяснить и искоренить те недоумения,

которые омрачали чистую веру Петра вот уже несколько лет. Задача была не легкая. Нужно было бороться с болезнью застарелой и в высшей степени серьёзной. Духовные врачи, следовательно, должны были обладать большой опытностью, энергией и солидным умственным развитием. Таковых ли действительно, людей представляли из себя Алексей Михеич и Егор Гаврилыч?

С мелочно самолюбивым Михеичем мы будем иметь случай познакомиться несколько позже. Другой наставник – Егор Гаврилыч представлял собой величественного, седого как лунь, старца, с белыми валенками на ногах. Внешняя сторона и здесь, как везде в старообрядчестве, находилась в самом лучшем виде и невольно внушала уважение. Но, увы! Внутренние качества этого старца, как наставника, совсем не соответствовали внушительной внешности. О. Павел не говорит о впечатлении, произведенным на него беседами с этим наставником. Чтобы составить об этом более или менее верное представление, заимствуем сведения о Егоре Гаврилове из сообщений о. Василия Дарендова, ныне единоверческого священника, бывшего прежде раскольник и также обращавшегося к этому наставнику за разрешением недоумений. Когда предложенный со стороны о. Василия вопрос был разрешен в строго-федосеевском духе и о. Василий потребовал указания оснований для решения в св. Писании, Егор Гаврилов, обратившись к слуге, сказал: «Осипушка, подай-ка мне со шкапа тетрадь. Но Осип, видно был похитрее своего наставника, говорит ему, что тетрадки в шкапу не находится, что в настоящее время взял её такой-то (называя по имени). Егор Гаврилов заверял, что никогда ему не давал той тетрадки. Но Осип не желая из за оных, ими самими (федосеевцами) выдуманных нелепостей, написанных в тетрадке, посрамить себя, всячески отклонял его от бездельной той тетрадки. Тогда Егор Гаврилов сказал: придите ко мне завтра: я отыщу ту тетрадку и все вам укажу о наших постановлениях и порядках».¹³ Вот каков был наставник, опытности и начитанности которого был предоставлен недугующий Пётр. Естественно предположить, что результат бесед Петра с таким наставником оказался весьма

прискорбным. Нужно прибавить к этому ещё и следующее. Петр, будучи человеком твёрдым, вполне искренних и неподкупных убеждений, мог и ценить только лишь таких людей. Тем более он требовал указанных качеств от тех, которые поставлены для наставления прочих, авторитет которых в особенности должен быть безупречен и непоколебим. Но на деле оказалось, что Егор Гаврилов такими качествами далеко не отличался. Петру стало известным, что он сперва был согласия самокрещенцев и казначей кладбища Андрей Ларионов убедил его присоединиться к федосеевцам тем, что посулил ему исходатайствовать настоятельство.¹⁴ Этот факт окончательно подорвал всякое уважение Петра к новому наставнику.

Но что особенно важно, что исключает всякую возможность серьёзного влияния на Петра со стороны жалких наставников федосеевства, это положение самого Петра на кладбище. Известный спор Петра с Иваном Порфировым по вопросу об исповеди, где Петр защищал федосеевство, доставил ему широкую известность; о нем узнало и кладбище и заочно возымело к нему симпатии, как к стойкому защитнику своего вероучения. Поэтому, когда прибыл он на кладбище, его приняли с распростертыми объятиями. Своею начитанностью, умом и строгим образом жизни Пётр стяжал себе здесь всеобщее расположение и глубокое уважение даже начальников кладбища – самых почётных и уважаемых лиц во всем раскольничьем федосеевском мире. И это все произошло в удивительно короткое время: как известно, Пётр не прожил на кладбище и года. Очевидно достоинства его обнаруживались слишком ярко и конечно не указанным наставникам кладбищенским можно было повлиять на изменение твёрдых, как камень, его убеждений. О том, как действительно он превосходил своей начитанностью и умственной состоятельностью всех других, здесь находившихся представителей федосеевской мудрости, свидетельствует следующий факт. Весной 1847 года из Австрии приехали в Москву Климоуцкие безпоповцы и, рассказав об устроившейся в Белой Кринице иерархии, просили дать им наставление, как понимать об этой иерархии. И вот, сам старший наставник кладбища Семен Кузьмич, чувствуя превосходство сил

приехавшего гостя, счёл за лучшее поступиться своим авторитетом и поручить Петру это трудное и ответственное дело. В опровержение новоявившейся иерархии Пётр сделал из «Щита» выписки с некоторыми своими замечаниями и передал их в Климоуцы.¹⁵ Неизвестно, какие собственно впечатления переживал Петр, находясь на Преображенском кладбище, хотя то несомненно, что строем здешней жизни он был недоволен. Да и что могло быть общего между строгим аскетом и развратной, лицемерной федосеевской общиной? Кладбище было прекрасно только по внешнему виду, чему совсем не соответствовала его внутренняя жизнь. В то время вода Хапиловского пруда, примыкавшего к кладбищу, оказалась заражённой от разлагавшихся трупов утопленных здесь младенцев. Стоявшие во главе кладбища и считавшиеся почётнейшими в расколе лица за воровство и мошенничество были подвергнуты правительством ссылки. Молодые люди не стеснялись уходить из кладбища в трактиры и другие увеселительные места, не гнушались табаком и т. д.¹⁶ Положим, подробности эти не могли сделаться известными Петру за короткое время пребывания его здесь. Впоследствии он говорил: «Живя на кладбище, я никуда не выходил и действительно жизни его не знал». Тем не менее дух развратный, покрываемый лицемерием здешней жизни пахнул на него. Суровый аскет не видел этой жизни, но чувствовал её мерзкое дыхание. Петр тяготился здешней жизнью. Ему хотелось в пустыню, где ему можно было развернуться во всю своей мощной натурой. Он помышлял об удалении в Персию, о которой заманчиво рассказывали ему земляки – сызранцы. Об этом намерении он рассказал, между прочим, и главарям кладбища.

Между тем, Андрей Ларионов, казначей кладбища, удрученный стеснениями правительства, имел мысль уехать от антихристовой власти за границу, к старообрядцам – федосеевцам, жившим в Пруссии, и завести там безпоповскую обитель. С этой целью он посылал и человека в Пруссию проведать, какое воззрение имеет прусское правительство на проживающих там старообрядцев и можно ли там поселиться новым пришельцам и основать монастырь. Посланный,

возвратившись, принес удовлетворительные отзывы. Однако, по случайным обстоятельствам, Андрею не посчастливилось привести в исполнение свои намерения. И вот, теперь, пользуясь удобным случаем, он и решил предложить Петру осуществить его давнишние намерения и отправиться не в Персию, а в Пруссию. После некоторого раздумья, Пётр согласился и осенью 1847 года выехал из Москвы. По дороге он заехал в Стародубские безпоповские обители, чтобы уладить происшедшие здесь распри. Своим добросердечием и строгим образом жизни Пётр на столько понравился здешним инокам, что они упрашивали его остаться с ними, но верный данному слову, он отказался от такого любезного предложения и отправился в Пруссию.

III. Пребывание о. Павла (Петра Леднева) в Пруссии и его деятельность в должности настоятеля прусского Федосеевского монастыря

Старообрядческие колонии восточной Пруссии были раскинуты на небольшом пространстве русской Мазовии, среди лесов и озер, вблизи озера Шпирдинг. Всех жителей по административным сведениям считалось в сороковых годах слишком полторы тысячи. Поселились здесь старообрядцы маленькими деревушками; в самой значительной из них, Войнове насчитывалось до 400 человек. В версте от этого селения, на полуострове, вдающемся в озеро, находился маленький монастырек – Григорьичев скиток,¹⁷ куда Петр и прибыл. Это было в начале 1848 года. Уединенность скитка и его поэтическое местоположение понравились Петру. Он порешил остаться здесь и так как немецкие власти не только не притесняли русских выходцев, но и оказывали им покровительство, то Пётр уведомил своих московских друзей, что «здесь все можно сделать по ихнему желанию».¹⁸ Вскоре на присланные из Москвы деньги было прикуплено несколько новой земли и Петр сделался прусским поданным. Сюда же, в скором времени, искусно миновав руки полиции,¹⁹ были переправлены из России большие тюки с книгами и иконами. Монастырский столяр сделал приличный иконостас в моленной, возвысил над нею купол и главу с крестом. В 1850 году Петр принял в

Злынском монастыре иночество с именем Павла. В этом же году приехал сюда из Москвы Михеич, назначенный кладбищем головщиком этого монастыря. Казалось, все обстоятельства сложились самым лучшим образом, чтобы монастырская жизнь под руководством таких наставников, при хорошем материальном обеспечении, спокойно потекла глубоким и широким руслom, принося обильные плоды духовно-нравственного совершенствования братии. Однако капризный, непомерно властолюбивый Михеич вскоре, спустя лишь несколько месяцев по приезде, нарушил эту плодотворную тишину. Для выяснения высоты характера Павла, его благородства и великодушия остановимся несколько на указанном факте.

По приезде Павла, прежний настоятель монастыря, видя в нем чрезвычайно умного человека с широкими полномочиями от Преображенского кладбища, вручил ему все бразды правления, так что Павел сделался *de facto* полным распорядителем монастыря. Любовь и расположение братии признавали за ним такое положение формально, хотя и не утверждённое. Честолюбивым и властолюбивым замыслам приехавшего Михеича – головщика, полагалась, таким образом, в лице Павла несокрушимая преграда. В высшей степени не благородный, не выдержанный Михеич не мог скрыть своей досады, что и обнаружилось в неблагоприятных отношениях к Павлу, который заметив такую перемену, начал спрашивать о причине такого явления. Михеич отвечал: «ты и на работе и за трапезой всегда с братией; они к тебе расположены более, нежели ко мне». Павел сказал: «Я удалюсь, а вы здесь оставайтесь; братия без меня привыкнет к вам». Михеич отвечал: «Ты уйдешь куда-нибудь неподалёку, и они пойдут за тобою!» «Я пойду подальше, говорил Павел, куда никто не пойдёт за мною». Михеич смолчал. А Павел после этого разговора отправился в Австрию, в Буковину, в село Климоуцы, отстоящее от Белой Криницы верстах в двух. Это было весной 1851 года, через год по проезде Михеича в Пруссию. В Климоуцах Павел был весьма любезно принят теми самыми Мироновыми, которые приходили в Москву на кладбище и которым Павел писал возражения против белокриницкой

иерархии. Они дали Павлу для жительства одну хижину, где он и поселился.²⁰

Климоуцкие безпоповцы в то время спорили с Белокриницкими поповцами. Последние брали верх, потому что Климоуцкие не имели у себя людей, которые могли бы заграждать уста защитникам белокриницкого священства. Будучи смолоду знаком с поповщинским учением и имея сильные против него возражения, Павел поддержал безпоповцев против поповских начётчиков, разъяснил им, что австрийская новоявленная иерархия не есть истинное, Христом основанное священство.²¹ Здесь произошёл, между прочим, один казус, едва не наделавший Павлу неприятностей. «Один старичок простенький». Сила, по имени узнав, что прибывший гость и есть тот самый, написал известное, принесённое из Москвы обличение Белокриницкой иерархии, сойдясь с поповцами, по своей простоте начал хвалиться: «У вас есть Павел (Белокриницкий), да и у нас теперь есть Павел, теперь мы вас не боимся!» Дедушка Сила, очевидно, и не подозревал, что он тем самым вооружает против Павла сильных Белокриницкого монастыря, имевших тесные связи с австрийским правительством. «Однако Климоуцкие безпоповцы, замечает о. Павел, по благосклонности к нам, не дали нас обидеть».²² «А я, между тем, пишет впоследствии о. Павел, выписки из Щита, данные Мироновым в Москве, ещё дополнил новыми выписками из книг. Эти выписки пошли по селу и наделали много молвы. Взял их почитать климоуцкий священник. Почитавши, смутился о своём священстве и пошёл с книгой в Белую Криницу, в монастырь. В ответ против этой книги Белокриницкий Павел и придумал свое известное учение о временном сокрытии благодати священства по образу сокрытия ветхозаветного жертвенного огня во время плена Вавилонского, а книгу мою истребил».²³

Между тем, в это же время в прусский монастырь прибыл Андрей Ларионов, принявший по дороге сюда в Злынском монастыре иноческий сан и имя Антония. О давно лелеянном прусском монастыре он думал: «Тут покой мой, zde вселюся, яко изволих».²⁴ На деле вышло, однако, не так. Михеич сказал ему:

«деньги Семёном Кузьмичем вручены мне, значит я полный хозяин», и затем так обошелся с высоким гостем, что тот бежал от него к Павлу в Климоуцы.²⁵ Однако еще в Пруссии Антоний обжаловал поступок с ним Михеича Семену Кузьмичу и этот последний потребовал от Михеича, чтобы он возвратил оскорбленных изгнанников. Михеич сробел: и сначала письменно, а потом и лично искал примирения и просил изгнанников возвратиться в Пруссию. Антоний, не доверяя благорасположенности Михеича, ехать обратно отказывался. Павел же в отношении к Михеичу стал действовать теперь самостоятельно. «Я, рассказывает о. Павел, обратился к нему с такими словами: ты говорил, что все, что есть в монастыре в Пруссии, все это твое: значит ты нас зовешь к себе в работники; ты и прежде хотел с нами поступать, как с работниками: мы не поедем; мы, слава Богу, сыты и здесь. А если тебе угодно нас воротить, запиши, по крайней мере, третью часть земли на монастырь, дай монастырю часть необходимых книг и икон, остальным же, как хочешь, так и владей».²⁶ За плечами Михеича стояла тень грозного Семёна Кузьмича и он согласился. Ненасытное властолюбие, впрочем, и в Пруссии уже, побудило Михеича отказаться от исполнения данного обещания, так что Павел начал было собираться опять в Австрию; боясь Кузьмича, однако Михеич смягчился и Павел остался в Пруссии. Вскоре, впрочем, Павел опять посетил Климоуцы: оставшийся там Антоний перешел в поповскую секту.²⁷ Это встревожило Павла. Полагая, что причиной такого прискорбного факта служит оскорбление, нанесенное ему Михеичем, он убеждает последнего поехать к Антонию и в личном свидании попросить у него извинения. Павел думал таким образом возвратить Антония. Михеич согласился и Павел в качестве примирителя поехал с ним. Однако примирение не состоялось и Михеич, спустя неделю, уехал обратно. Антоний, привлеченный в поповство честолюбивыми стремлениями, не выказывал охоты возвратиться в безпоповство, хотя Павел, проживши здесь более четырех месяцев, прилагал к тому все старания. Здесь произошёл случай весьма важный для характеристики Павла.

Антоний, говорит о. Павел, позволил себе быть орудием недобросовестных действий Павла Белокриницкого на мои религиозные убеждения: он осмелился предложить мне от лица Павла такие же обещания, какими, очевидно, и сам увлекся.²⁸ Это страшно возмутило Павла. Он простился с Климоуцами и возвратился в свой монастырь, из которого Михеич уже вышел и поселился отдельно. С этого времени оканчивается исполненный тревог и хлопот период жизни Павла, начавшийся непосредственно по отъезде его из Сызранской пустыни. Теперь он становится действительным настоятелем прусской обители и в течение пятнадцати лет (1852–1867) посвящает ей все силы своего духа.

Казалось, вся энергия, израсходовать которую он намеревался в уединённых сектантских подвигах, обнаружилась именно здесь. Прежде всего внимание и заботы его были направлены на внешнее устройство монастыря, на постройку часовни и помещений для братии. Прежняя часовня получила капитальную ремонтную работу и снабжена была всем необходимым для отправления служб: устроено было вполне достаточное количество келий для братии и почти весь монастырь был обнесён каменной оградой. В созидании последней деятельное участие принимали на ряду с наемными рабочими и монастырские иноки. Трудом последних созидалось и материальное обеспечение монастыря. В виде послушания иноки исполняли многообразные к благоустройству монастыря относящиеся работы. Были между ними люди и с специальными ремесленными занятиями – портные, сапожных дел мастера и др.; сидя в своих кельях, они исполняли монастырские нужды. Материальные средства монастыря Павел сумел увеличить продажей приготовлявшихся здесь медных крестиков и образков, а также продажей некоторых богослужебных книг: часословцев, псалтырей, святцев, печатание которых производилось в г. Йоганнесбурге. Внутренняя жизнь иноков, жизнь духа собственно, совершалась при строгом воздержании и усердной молитве, чему прекрасным примером служил сам настоятель – инок Павел. Посетивши в это время монастырь, упомянутый выше о. Дарендов говорит, что он «увидел иноков

измождаемых от многого воздержания, поста и молитвы».²⁹ Особенное же впечатление произвел на него Павел «нравственностью, учением, тихостью и страхом Божиим».³⁰ Главное внимание Павла в деле духовного руководства иноков было устремлено на соблюдение строгого порядка церковных служб и точное исполнение всех правил монастырского устава. Но как менее всего расположенный к строгому, отвлеченному формализму, он все заботы свои направил на то, чтобы укоренить здесь непритворный и сознательный дух иноческого благочестия. Павел не мог выносить того средостения, которое устанавливается между подчиненным и начальствующим, между простым иноком и его настоятелем. Он желал и стремился осуществить такой строй монастырской жизни, где бы царили истинно-братские отношения между всеми иноками без исключения. Начальствующих он понимал только в виде более опытных и более нравственно-твердых личностей, могущих наставить и укрепить брата, делающего неверные шаги на пути нравственного усовершенствования. Чувствуя в себе могучий нравственный дух, способный укрепить и наставить немощного, он желал от братии искренних отношений. Его скоро поняли и на его желание откликнулись с таким сочувствием, что преданность к нему некоторых из братий была безгранична.

Относительно духовного развития руководимой паствы Павел задался чрезвычайно широким планом. Он желал сделать из иноков людей вполне духовно-просвещенных. Зная каким могучим орудием в данном случае служит книга, он ежегодно уделял из монастырских финансов некоторую сумму на приобретение книг нравственно-догматического содержания, из которых с течением времени составила здесь довольно значительная библиотека. Книги не лежали без употребления: монастырская братия с увлечением читала их.³¹ Но самую главную для духовного развития братии пищу доставляло, несомненно, учительство самого Павла. Поставляя благочестие, а следовательно и спасение в строгую зависимость от знания слова Божия и писания святых отцов, он горел желанием не только самому изучить святые книги, но и братию приобщить к этому спасительному делу. Но само собой понятно, братии не

под силу было самостоятельно заниматься этим великим делом, поэтому Павел решил преподавать братии плоды своих занятий в устной беседе. И вот, в особенности по воскресным и праздничным дням, после вечерни, не выходя из часовни, здесь же в притворе, иноки садились на скамьях, а настоятель становился посередине и начинал беседу чтением какого либо слова из отеческих творений, останавливаясь на местах более замечательных именно в приложении к своим слушателям, о вере, о жизни богоугодной. Он предлагал им и свои собственные разъяснения, замечания, наставления и т. п., большей же частью предлагал им, или сам получал от них разные недоуменные вопросы, которые и подвергались общему рассуждению и решению, при чем главным условием полагалось говорить «без лукавства и натягательства» и если чего не мог кто либо ясно доказать, должен был внимательно вникнуть в предмет рассуждения и оставить доказательства, раз они оказывались несостоятельными.

Снедаемый ревностью по мнимо-правой вере, Павел прилагал усердие и к тому, чтобы научить и укрепить в ней и людей, живущих вне его обители и лишенных таким образом его непосредственного влияния. С этой целью он в пятнадцати верстах от своего монастыря выстраивает женский монастырь и привлекает сюда благочестивых инокинь. Сам он хотя редко, но все таки посещал эту обитель. К его приезду обыкновенно приготовлялось множество недоуменных вопросов из области вероучения и жизни обители, которые и предлагались Павлу для разрешения. Слушать его сходилась весь женский монастырь.³²

Нравственно-просветительское влияние своего монастыря Павел постарался распространить и на окружавшие этот монастырь русские старообрядческие поселения. Прежде царила здесь, сравнительно говоря, широкая разнузданность. Бродяги, преступники, укрывшиеся сюда от преследования русской полиции и составившие здесь значительный контингент старообрядческого населения, не думали оставлять прежний образ жизни и привели в трепет своими отчаянными подвигами все население мирной Мазовии. Особенной ареной этих подвигов стала Польша, получившая для этих вольных казаков

значение какой-то туречины, откуда каждый день можно было привозить добычу. Прусские чиновники, присылаемые для составления списков новых поселенцев, становились в тупик пред этими бородатыми, чрезвычайно похожими одно на другое лицами, не понимая дико звучащих русских имен, которые, при том, постоянно менялись, так как за имя выдавали и отчество и кличку или наконец просто вымышленное название.³³ Религиозный быт колоний вообще не отличался одушевлением жизни. Старообрядческие скиты преимущественно заботились о соблюдении поста и молитвы. Недоуменные религиозные вопросы разрешались стариками и старухами. «Я так запомню, говорила старая баба, мой дедушка говорил так и делал так и по христианскому так надо: вот и тот старик так говорил и тая струха также помнит», и на таком свидетельстве утверждалось молодое поколение старообрядцев.³⁴

С приходом означенных московских книжников и с утверждением Павла в должности настоятеля монастыря, в религиозной жизни колоний произошёл существенный переворот. Прокляты были табак, «дьявольское зелье» и водка. Прокляты были сапоги, сшитые не на одну ногу, фуражки с козырьком, называвшиеся дьяволовым ногтем. Брак был назван блудом. Присутствие брачного в обществе молящихся считалось предосудительным: одновременная молитва с ним оскверняла храм и икон³⁵ Федосеевское благочестие начало укореняться, как видно, сразу. Возражать пришельцам влиятельного Преображенского кладбища никто, конечно, не посмел.

«С устройством моленной многие из окрестных жителей, говорит о. Павел, стали ходить к нам в монастырь по праздникам Богу молиться. Привлекало их то, что у нас после часов в моленной почитывали книги и не просто почитывали, а что недоуменное в них и разъясняли. В монастыре же они брали себе и книги для чтения». А по временам и сам Павел ходил в Войновскую моленную, в Мостишки (близ лежавшие старообрядческие села) где занимался с старообрядцами «довольно от книг рассуждениями», старался учить их доброй нравственности, запрещал божиться, учил не лгать, не укорять ближнего. Беседы его имели такой успех, что сперва в Войнове,

а потом и в других деревнях божбы именем Божиим стало не слышно, «а если который человек по старой привычке побожится, то другой остановит его и вразумит».³⁶ В прусскую обитель к Павлу приезжали многие ревностные о расколе люди даже из Литвы почитать книги, поучиться, и гостили здесь месяца по три, по полугоду, а иногда по году, по два.³⁷

С целью более обширного распространения федосеевской пропаганды Павел образовывает кружок наиболее способных и наиболее ревностных в деле федосеевской веры и благочестия иноков, учеников своих и по достаточном утверждении их в истинах федосеевства рассылает их в разные концы широкой Руси. Учеников таких было у Павла около шестидесяти человек и круг их миссионерской деятельности вскоре охватил пространство «от Сувалок до Петербурга, по Волге от Кимры до Вольска и губерний Пензенскую, Волынскую. Полтавскую и Курскую».³⁸

(Продолжение следует).

V. Миссионерские запросы и ответы

а) Как поступать священникам при бракосочетаниях тех новоприсоединенных из раскола и сектантства к православию лиц, лета коих достоверно священнику неизвестны? // Миссионерское обозрение //
Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 607–610

(Из письма окружного миссионера)

В пастыре-миссионерской практике не редки случаи присоединения к православию из раскола и сектантства молодых парней и девиц, лета которых документально установить пред присоединением представляется крайне затруднительным, а иногда и прямо невозможным. Не обращаться же к изуверам начетчикам или лжепресвитерам за справками о том, когда у них в метрических записях значится рожденным такое-то лицо? В большинстве случаев оглашение изъявивших желание присоединиться к Церкви приходится охранять, как тайну, пока не совершится этот свящ. акт. Иначе расколосектантский кагал и нравственно, и физически истерзает оглашенного, и употребит все меры, чтобы последнего сбить с пути истины... Тайна эта часто настолько велика, что не всегда представляется удобным наводить справку о летах воссоединяемого и в местной полиции, где обыкновенно все нага и объявлена для пронырливых расколо-сектантов. Да и не везде ведутся-то при полицейских управлениях метрические записи о расколо-сектантах, а если где и заведены они, то заключают в себе те сведения, какие благоугодно дать полиции начетчикам и лжепресвитерам, а у этих последних правды о летах не ищите. Давно бы пора правительству обратить свое внимание на эту темную статью и убедиться в вопиющих злоупотреблениях расколо-сектантства, касательно ведения актов рождения у своих последователей. Злоупотребления эти, обыкновенно, рассчитаны на предмет обхода закона о воинской повинности и ложатся тяжелым бременем на православное население. Присмотритесь на бракоборную беспоповщину: – там в семьях по метрическим записям все более по одному, т.е. льготному от

повинности воинской, – сыну, а где же прочие? вы спросите. Разверстываются документально, конечно, по наличным бездетным семьям, тетушкам, дядюшкам и проч. ... Но вопрос мой не в этом. Затруднение касается того, как поступать священникам при бракосочетаниях таких новоприсоединенных, лета коих документально не установлены при выдаче последним предбрачных свидетельств? В этих случаях есть опасность для священника ошибиться в годах и повенчать несовершеннолетних. Когда новоприсоединенные девицы или женщины выходят замуж в чужой приход, то почивающие на букве закона иереи могут, (и бывало) возвращать обратно предбрачные свидетельства на основании, что в них не будет отметки о времени рождения по метрическим книгам.

Окружной миссионер

Изложенный вопрос предусмотрен недавним распоряжением Новгородского епархиального начальства. Последнее разъяснило одному священнику и объявило к сведению и руководству всего подведомственного духовенства, «что в тех случаях, когда из церковных документов не представится возможным извлечь сведения о времени рождения лиц, желающих вступить в брак в особенности рожденных и крещенных в расколе, нужно требовать от желающих брачиться представления метрических выписей о рождении из полицейских метрических книг, а если и в них не окажется записей, то копий с посемейных их списков, и, если документами этими вполне будет установлен совершеннолетний их возраст, требующийся для повенчания, выставлять лета их в обыскной книге и в предбрачных свидетельствах на основании сих документов; но если встретится какое-либо сомнение, то входить в консисторию за разъяснением, чрез местного благочинного».

К изложенному можем с своей стороны присоединить свой совет, чтобы приходское духовенство в подобных случаях всемерно старалось облегчать неофитам нелегкую задачу добывания указанных документов из разных правительственных учреждений.

Необходимо ли православному духовенству обращаться к лютеранским пасторам с просьбою о производстве оглашения

при вступлении в брак нововоссоединенных из лютеранства с лицами православного исповедания, и нельзя ли ограничиваться сведениями полиции о летах и семейном состоянии вступающих в брак с православными лютеранах и таким образом обходиться без пасторских свидетельств?

(Вопрос из письма свящ. Симбирской епархии)

Законом предписано пасторам производить оглашение о лицах лютеранского исповедания, вступающих в брак с православными, а, следовательно, и православное духовенство, по смыслу тех же узаконений, обязано относиться к немецким пасторам с просьбою об оглашении (ст. 26–28 и ст. 62 п. 2, ч. 1, X т. св. зак., изд. 1887 г.). Ст. 228 ч. 1, т. XI, св. зак. (изд. 1857 г.) и ст. 1577 улож. о наказ. (изд. 1885 г.). В случае если бы инославное духовенство уклонялось от удовлетворения этого законного требования православного духовенства, то оно подвергается последствиям, указанным в статье 390 ст., ч. 1, т. XI св. зак. (изд. 1876 г. и ст. 193 и 167 улож. о наказ. изд. 1885 г.).

Воссоединенные из лютеранства немцы уже сыны православной Церкви и потому, по-видимому, нет уже надобности относить к немецким пасторам с просьбою о производстве оглашения о них, тем более, что эта проформа, как сообщает наш корреспондент, поставляет в крайне тягостное положение – новоприсоединенных, ибо при всех сношениях их с фанатичными пасторами после присоединения, последние «бросают на главу отступников от душепагубного лютеранства огонь и молнию». Для совершения брака представляется достаточным получение от пастора свидетельства метрического и удостоверения о семейном состоянии брачующегося с православным лицом бывшего лютеранина.

Что касается второй половины вышеизложенного вопроса, – то он вызван, по объяснению нашего корреспондента, крайне тягостным для желающих вступить в семью православных лютеран утеснениями со стороны пасторов, всячески старающихся удерживать своих духовных детей от уз родства с русским православным населением. Если немцы-колонисты, под ближайшим руководством и духовным влиянием своих пасторов, не хотят знать русского государственного языка и держатся

вдали от общерусской жизни, то, понятно, какие непреодолимые преграды ставятся лютеранам, желающим вступить в брак с православным лицом? «Восставит отца против сына, мать против дочери, поднимет на ноги всю родню, душу вымотает, сердце иссушит, месяцы и год протянет пастор-фанатик прежде, чем выдаст предбрачное свидетельство своему духовному сыну или дочери, вознамерившимся вступить в брак с русским православным», – свидетельствует вопрошающий нас иерей. К сожалению, мы не можем указать закона, по которому бы в данных случаях православный священник мог обойти пастора и ограничиться одними полицейскими сведениями. Подобное облегчающее предбрачную процедуру смешанных браков распоряжение правительственное Высочайше издано в Бозе почившим Императором Александром III только относительно брачующихся с русскими православными лиц католического исповедания. По букве закон этот не простирается на лютеранское исповедание, хотя по духу и характеру он должен бы касаться и всех других инославных исповеданий, особенно же немцев, пасторы которых не менее фанатичны католических ксендзов. Необходимо в интересах православия и русской народности духовному ведомству войти в установленном порядке с ходатайством, чтобы упомянутое распоряжение правительства, дозволяющее православному духовенству венчать лиц католического исповедания с православными без истребования ксендзовского метрического свидетельства, а на основании особого заключенного полицией акта, простиралось и на лютеран.

Настоящий важный в церковно-государственном отношении вопрос нелишне было бы обсудить в Казанском Миссионерском съезде. Пока же мы можем посоветовать православному духовенству, при встрече с изложенными недоразумениями и затруднениями, обращаться за разъяснением и содействием к местной епархиальной власти, а самому тем временем отнюдь не оставлять без пастырского попечения изъявивших намерение вступить в православную семью. Чтобы оградить воссоединенных с церковью из лютеранства, как равно и не воссоединенных, но вознамерившихся вступить в брак с

православным лицом от тягостных личных сношений с пасторами, приходские священники могли бы сами письменно в официальном порядке требовать доставления им нужных предбрачных документов и сведений. В случае – замедления в ответе и вообще неуважения ходатайств православного священника, следует доносить начальству.

б) Как понимать прошение великой ектеньи о соединении святых церквей? // Миссионерское обозрение // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 610–612

*Покорно прошу редакцию разъяснить: на каком основании православная Церковь благословляет брак православного с католичкой и наоборот? Следует ли православному священнику петь молебны и панихиды о католиках, по просьбе католиков же или православных их родственников? О соединении каких **святых церквей** молится православная церковь на великой ектеньи?*

священник А. Мар-ий

Из предложенных вами, честный отче, вопросов заслуживает подробного рассмотрения на страницах журнала один лишь последний. На прочие же вопросы, если вы учились в семинарии, должны были встретить ответы в учебных руководствах. Итак, как же понимать прошение великой ектеньи о соединении церквей?

Некогда на упрек, сделанный римско-католическими писателями православной Церкви в том, что она молится о соединении церквей, но ничего не делает по предмету своей молитвы, известный писатель А.И. Муравьев отвечал, что греко-восточная Церковь молится только о сохранении единения между православными церквами, а не о воссоединении инославных с православной. Когда сделано было замечание, что такой ответ не правилен, то Муравьев обратился за ответом на сей вопрос к приснопамятному московскому святителю Филарету. Ответ был получен следующий. Латино-мудрствующий писатель обвиняет православную церковь в том, что она молится о соединении церквей и остается в бездействии. Православный писатель, отвечая на сие, говорит, что она молится только о православных церквах? не оскорбляют ли ее, доставляя такие тесные пределы ее любви? Неужели православная церковь не желает спасения инославным церквам чрез возвращение их в соединение с православною церковью?

Как православная церковь выражает свою молитву о соединении церквей? – *О мире всего мира, о благосостоянии святых Божиих церквей; и соединении всех, Господу помолимся.* Если бы молитва должна была иметь ограниченное значение о православных только церквах: то надлежало б доставить слова так: *о благосостоянии и соединении всех святых Божиих церквей Господу помолимся*, но не так поступлено, а разделена молитва на две части. 1) *о благосостоянии святых Божиих церквей*; 2) *и соединении всех*. Молитва сия приносится всегда и в мирное, и не в мирное для церквей время. Следственно, первая часть молитвы имеет следующее значение: о благосостоянии, т. е., о состоянии мира и единства святых Божиих церквей православных, чтобы благосостояние, уже им дарованное, было сохранено, а если где-либо чем-либо нарушено, было вновь даровано благодатию Божиею. Согласно с сим и вторую часть молитвы должно разуметь о соединении церквей, чтобы оно было сохранено, поколику существует, и чтобы было восстановлено, поколику где-либо нарушено. В сей второй части молитвы поставлено слово: *всех*, которого нет в первой: а сие дает разуметь, что значение второй части обширнее, нежели первой. Из того, что вторая часть не соединена с первой, а отделена, должно заключить, что не все, содержащееся в первой, должно быть отнесено ко второй: и потому нет нужды дополнять вторую так: *о соединении всех святых Божиих церквей*; а надлежит дополнить только так: *о соединении всех церквей*. Посему православная Церковь молится о соединении церквей так, чтобы соединение православных церквей существующее было благодатию Божиею сохранено и чтобы благодатию Божиею восстановлено было соединение с православною Церковью и тех церквей, которые отделило от нее какое-либо неправое учение.

Против сего изъяснения молитвы не представят ли в качестве возражения то, что в диптихах, на проскомидии, неправославных не поминают? Ответствуем: это дело иное. Иное дело молиться о соединении с православною Церковью неправославных церквей в обширном составе молитв, объемлющих весь мир: а иное помянуть неправославных в

диптихах при таинстве евхаристии. Неправославные самым неправославием своим отлучили себя от общения таинств православной Церкви: сему соответствует непоминание их при таинстве евхаристии и исключение из диптихов. А что и в литургии верных можно молиться о воссоединении церквей, отделившихся от православной, о том зри в литургии Василия Великого молитву: утоли раздоры церквей. Раздоры церквей от того, что иная церковь не покоряется в некоторых частях православному учению, и следственно, впадает в состояние раскола. Святой Василий и такую церковь не исключает из своей молитвы: «утоли раздоры церквей». Когда антиохийский патриарх Иоанн с своими епископами не покорился православному определению ефесского собора, и на председателя его, святого Кирилла александрийского, произнес осуждение, и следовательно впал с своею церковию в состояние раскола: можно ли подумать, что святой Прокл и константинопольская церковь, молясь о соединении всех церквей, не молились сею самою молитвою и о воссоединении антиохийской церкви?³⁹

Итак, пусть благочестивая ревность молится преимущественно о благостоянии святых Божиих церквей православных, и о сохранении в них благодатию Божиею единения духа в союзе мира. Но пусть и всеобъемлющая любовь христианская молится и о соединении всех церквей, и о воссоединении с православною Церковию уклонившихся от нее неправыми учениями, да будет, по обетованию Господа нашего Иисуса Христа, едино стадо, как уже есть Он единый Пастырь и Владыка Своей Церкви на земли и на небеси, во времени и в вечности⁴⁰.

Из сказанного вам должен быть ясен ответ и на ваш вопрос о том, следует ли православному священнику петь молебны и панихиды о здравии и за упокой католиков или вообще членов инославных церквей.

Понятно, что не подобает бросать бисера православных молитвословий пред теми и за тех, кто попирает его ногами; кто не верует или не веровал в истину и святость православной Церкви. Известны впрочем случаи, что наши православные

архипастыри, ради утешения скорбей и по вере православных родственников усопших иноверцев, разрешают приходскому духовенству отпевать панихиды по последним. Следовательно, во всех подобных случаях пастырям нужно испрашивать благословение своих архипастырей.

Брак иноверцев христиан с православными благословляется Церковью на точном основании учения священного Писания: неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим (1Кор.7:14).

Подробнее прочтите в богословии м. Макария.

VI. Березницкий И. Из дневника пастыря – миссионера // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 612–619

Двадцати⁴¹летняя борьба с штундою и троекратное одоление

1883 год. За выбытием Школьного общиною штундистов в Моринцах стали заправлять: нареченный диакон Иван Андриенко и его помощник Евтихий Кириченко. Слабый, болезненный, хотя и очень смышленный, Андриенко не проявлял особенной деятельности по своей профессии и только неопустительно держал воскресные собрания и порядки, унаследованные от предшественника. Не было ни для кого тайной, что старик Данило его поощрял и поддерживал всеми силами и средствами. Все видели, как он делился с Андриенком своей черной коровой: живя на противоположном конце села, он или дочь его несмотря на дальнейшее расстояние, каждое утро гоняют ее через все село, чтобы выдоить в дворе Адриенко и ее молоком накормить его семью. Помощник его Кириченко замечателен тем, что, не быв в школе, выучился довольно бегло и толково читать евангелие, будучи уже женатым, когда поступил в штунду. Натура гибкая, живая, голова бойкая и смышленная. Его очень занимали религиозные вопросы, порожденные штундой, и он силился решить их – чего бы это не стоило, хотя для себя одного. В то время к мельнице моей, на церковном поле устроенной, приставлен был человек съизмала служивший у меня работником семь лет сряду и глубоко мне преданный, именем Феодор. Любознательный от природы, он многое из учения христианского усвоил незаметно из моих разговоров с семьею и людьми приходящими. Тут же получил он и безукоризненное нравственное направление. Он не мог быть равнодушным к лицам, осмеливавшимся попирать его заветные православные убеждения, и, хотя был неграмотен, заводил с штундистами серьезные прения, и часто поражал их. Вот к нему-то теперь мучимый недоумениями Кириченко и начал обращаться с вопросами: мельница была вблизи и не

составляло для него большого труда каждый день уходить в нее для свидания с мельником Феодором. Выслушивая вопросы и решая их сначала сам, как мог, Феодор при первой возможности являлся ко мне и от меня получал уже обстоятельное их решение, каковое своею не заменимою в данном случае простонародною речью и передавал своему собеседнику. Долго так я беседовал с Кириченком чрез чужие уста, причем разрешил следующие его недоумения: где душа в человеке, что ожидает человека по разлучении его души с телом, скоро ли будет воскресение мертвых, можно ли живущего человека причислить к лику святых и друг. Но особенно занимал Кириченка вопрос о крещении водою. Слыша, что и в Чаплинке об этом мнения дwoятся, – одни детей крестят и принимают чашу, другие это отвергают – он долго томил нас этим вопросом, и вот какие мотивы на эту тему Феодор ему выставлял: «мы – говорил Феодор – читаем: верую.... во едино крещение, также как один Господь и один у Него крест. Если до нас было крещение, которое совершали батюшки (правосл. священники), то крещение, которое выдумали в Чаплинке, есть уже не первое а второе, Следовательно – фальшивое. Кириченко выслушав заключил от себя: «значит, если три года прожил я без веры в крещение, а теперь желаю к крещению возвратиться: то лучше – к тому, которое исперва было, и есть теперь у православных священников, чем к тому, о котором спорят в Чаплинке» – и уже больше о крещении нас не спрашивал.

Нынешний великий пост был для меня и легче и отраднее предыдущих: на первой его седмице говел воссоединенный Феодосий, и – его примеру следуя, на страстной явился к исповеди и Иван Овчаренко с женою. У вас есть, кажется, дети некрещенные? спросил я последнего. «Есть, батюшка, потерпите, выберем когда – либо день и окрестим». И точно, спустя несколько месяцев, именно на другой день храмового праздника, 27 сентября они пригласили родных, соседей, кумовей, причт в свой дом, и мы торжественно и с великою радостью окрестили у них девятилетнего сына Савву и двухлетнюю дочь Марию.

С подновленным рвением повел я атаку на ослабевающую в приходе штунду: усилил проповедь, обставил нового торжественностию церковное Богослужение, во дни коронации открыл крестные ходы и молебны на полях и в Управе, где сотнями раздал народу Троицкие листки и брошюры. Но в сем же году угодно было Господу подвергнуть испытанию нашу веру и посетить меня пожаром. 13 августа, в 9 часов дня вспыхнувшее от неосторожности прислуги в сарае пламя охватило весь мой дом и службы. На пожарище явилось чуть не все село с участием и помощью в моем несчастье. Смягчились и согрелись от огня сердца ожесточенных штундистов: из них Кирилл Гаркуша весь день просидел на соломенной крыше моего флигеля, и орошая его водой, уберег от огня. Глядя на него, я говорил мысленно: не унывай, душе моя, не приходи в отчаяние от сего огненного искушения, тебе посылаемого (1Петр.4:12), утешься тем, что оно гасит пламя раздора между разномыслящею братиею о Христе.

В сем же году произведено нами обновление иконостаса и установление двух новых прибавлений его в притворах. Я и этим случаем воспользовался, чтобы мятущиеся умы направить к истине Христовой. За престолом установили мы в изящном киоте образ (чтимый и штундистами) Иисуса Христа в натуральную величину, одетого в хитон, правой рукой благословляющего, а в левой держащего евангелие. Над вратами, где прежде читалось: «сия врата Господня, праведнии внидут в ня», мы решили написать: поклонитесь Господеви во дворе святем Его (Пс.28:2). Под наместными иконами, на нижних тумбах искусною работою написаны: установление Иисусом Христом Таинства Причащения, где Он представлен подносящим Чашу жизни каждому апостолу, беседа Его с Никодимом о крещении, крещение евнуха в реке, видение ап. Петром плащаницы, наполненной животными (что Бог очистил, того ты не считай скверным), поглощение Дафана и Авирона землею, также отвержение Саула за непослушание, и другие священные события, опровергающие штундистские заблуждения. Внизу каждой из сих священных картин дословным библейским текстом приложены обстоятельные надписи с указанием места, откуда

они выписаны. В притворах на главных киотах изображены: воздвижение Креста Господня с надписью внизу: **слово крестное погибающим юродство, нам же, спасаемым: сила Божия есть**; Покров пресв. Богородицы с надписью: «**отныне ублажат Мя вси ради**, яко сотвори мне величие Сильный»; образ великомученика Никиты, крестным знаменем отгоняющего от себя сатану, с надписью: Господи, оружие на диавола **крест Твой** дал еси нам; образ Иоанна Многострадального, опаляемый пастию диавола в виде змия, надпись: сей род ни чим же исходит, токмо молитвою и постом... (В обоих случаях непригожая фигура диавола поставлена у ног угодника, в тени и едва заметно). Школьники и все грамотеи, являясь в церковь по первому звону, с охотой и любовью прочитывают эти надписи, переходя от одной иконы к другой и слагая в сердце своем православные истины, в них проповедуемые. В тех же видах с улицы над воротами, открывающими вход в погост церковный, установлена башенка с эмблематическими изображениями и со стороны улицы и со стороны погоста. На первой стороне изображены две чаши, одна с водою, другая с вином, переполненные; около первой надпись: **тайна крещения**, около второй: **тайна причащения**; сверху Дух Святой в виде голубя, кругом надпись: три свидетельствуют на земли: дух, вода и кровь (1Ин.5:8). На внутренней стороне башенки изображено два дерева; около первого надпись: древо преслушания, около второго – трехсоставного: древо послушания; среди их вознесенный Моисеем на знамя медный змей; кругом надпись: якоже Моисей вознесе змию в пустыне, тако подобает вознестися на древо Сыну Человеческому – Иисусу Христу (Ин.3:14). Входящие и выходящие останавливались, осматривали изображения, читали надписи, и из них, как из книг, черпали для себя и новые познания в вере и новую ревность по вере.

1884 год. Однако живуча наша штунда. По моим предположениям она должна бы хиреть, ослабевать, а она проявляет признаки еще бодрой жизни. На днях Андриенко затащил в свое собрание моего мельника Феодора. «Встретил – говорит Феодор – меня он около своего двора и умильно просит:

зайдите, дядюшка, посетите наше собрание. Со мною, говорит, был и кум Макар. Зайдем, говорит кум, ведь у нас на плечах не кочан капусты, не отуманят. И зашли. Собрание держал сам Андриенко, были все местные штундисты, также какой-то солдат и две женщины из Чаплынки. Пропели «Отче наш», почитали евангелие о мытаре и фарисее, потолковали о сердечной молитве, стали на колени, молча помолились, поцеловались и тем богомоление кончилось, начали готовиться к угощению. «Что – спрашивает меня Авдриенко – хорошо в нашем собрании»? – «Хорошо, ответил Федор с Макариемъ, – только прежде церковную бы службу выслушать, тогда в придачу и домашняя не лишняя, а без церковного благословения это – одно бунтовство». За тем и откланялся им Феодор, хотя они усердно его удерживали. – На днях я получил от своего начальства извещение, что из пяти писем, найденных при обыске высылаемого в Сибирь штундиста деревни Гуты Черкасского уезда Авксентия Мамаю, открылось, что он ведет с Евтихием Кириченком и прочими моринскими штундистами переписку. Этот факт и предыдущий дали мне понять, что ни на одну минуту хитрой штунды нельзя упустить из глаз, и действовать на нее без всякого послабления. Открыть ли Евтихию и его товарищам, что я знаю о их переписке с Мамаем? Я решил скрыть это от них, дабы они меньше предо мной скрывались, не лицемерили. Но однажды в разговоре нечаянно упомянул имя Мамаю; все переглянулись и вопросительно уставились на меня. Я, конечно, не удовлетворил их любопытства, но и не раскаиваюсь, что произнес это имя: пускай, все-таки ведают, что и нам не безызвестны их темные похождения.

Мой мельник, однако, не худо сделал, что присутствовал на собрании в доме Авдриенка: он с ним сблизился, как с Кириченком, а это может привести к добрым последствиям. Нареченный штундовый диакон Андриенко недавно являлся к Феодору и просил у него займы несколько хлеба для прокормления семьи. Феодор дал ему из своих мельничных доходов пуда два муки безвозвратно. Дорогой он прихожанин... Когда о сем поступке своем он мне рассказывал, я похвалил его. Слышу, к Пасхе Феодор еще раз одарил съестными припасами

бедную семью Андриенка. Я мысленно благословлял его, и вознес тайную молитву о здравии и всяком добром преспеянии доброго прихожанина.

Всещедрый Господь в нынешнем году сторицею вознаградил мои прошлогодние потери от пожара. Урожай озимых и яровых хлебов на моем участке преизобильный, а прихожане нашли средства построить мне новый, очень удобный дом со службами. В самую годовщину пожара, 13 августа, которая прилась теперь в воскресный день, я собрался освятить этот дом, для чего после литургии пригласил к себе всех прихожан, с которыми полным крестным ходом и отправился в свой двор. По освящении дома и окроплении всего двора освященной водой, всем предложена была трапеза, одним в доме, другим на дворе. Все это было поведено и в строго-церковном порядке и в духе нелицемерной взаимной любви, почему в свою меру также повлияло благотворно на наших отщепенцев. По крайней мере Евтихий Кириченко неоднократно к случаю повторял: «да, это придумано благочестиво, это сделано по христиански». Добрый признак! – решил я мысленно: если он начинает нас похваливать, скоро будет яко един от нас. Но нашим скоро стал не Кириченко, а опередивший его Андриенко. Сей последний приходит как-то после жатвы к Феодору мельнику и говорит: «жена моя калека (у нее сведены на руках пальцы), дети малы, я слаб и все терпим великую нужду, а между тем братья совсем забыли меня. Остается и мне, по примеру Феодосия, покинуть новую веру и возвратиться к старой». – «Что ж? отвечал Феодор, Боже благослови! да и я не прочь пособить». С тех пор Андриенко стал свыкаться с мыслию о возвращении в православие и готовиться к нему. Жена его находилась в беременности и акт воссоединения отлагался до времени разрешения ее от бремени. Ноября 2 она родила сына, которого я молитвовал и нарек Иосифом; 3 числа в доме Авдриенка было великое торжество: при большом стечении народа крещены его сыновья: новорожденный Иосиф и пятилетний Иаков. Само собой понятно, что восприемником старшему сыну и главным распорядителем торжества здесь был дядя Феодор, с тех пор ставший навсегда попечителем бедного семейства. Так

закончился для нас восемьдесят четвертый год, составивший в общем довольно светлую страницу в истории нашей приходской жизни.

1885 год. С удовольствием могу отметить тот факт, что штундовая община, как видно, разлагается: число братии в ней значительно уменьшилось и некому устроить собраний. Поглядывают они на Евтихия, от него ждут распоряжений, но что-то и он от них сторонится. Еще в декабре прошлого года у него родилась дочь; чрез бабу – повитуху он передал мне записку, в которой именует меня своим духовным отцом и просит новорожденной дочери дать имя Анастасии. Желание исполнено; он очень рад, и в день нового года его видели в церкви. Но от чего же он медлит крещением дочери и своим возвращением? Кажется, он выжидает – не оправится ли штунда и не предложит ли ему верховенство над собою с обязательством давать и содержание. Никто не знает – что в человеке: один Бог, да живущий в нем дух. После иорданского освящения вод обходил я приход «с кропилом», был и во всех домах штундистских; прежнего возбуждения и следа нет: подносишь крест – все прикладываются, даже оскорбляются, если выскажешь сомнение. Почему, говорят, крест не целовать? Это ведь не уморит» (не умертвит). Разительное изменение в мыслях и поступках. Наступил великий пост и штунда вконец нас порадовала. На первый седмице с первых же дней начал хождение в церковь и отговелся Евтихий Кириченко, а во вторник следующей седмицы в своем доме, при стечении родных и соседей, окрестил по православному чину и дичь свою Анастасию. Последуя его примеру, в день Благовещения, который пришелся в пятницу третьей седмицы, отговелся Степан Школьный с женою Иулианиею, а на следующий день в своем доме с подобающим торжеством окрестил двоих своих детей, – трехлетнюю Евдикию и однолетнего Симеона. В виду этих возвращений настроение прихода, не смотря на пост, было какое-то праздничное: все ублажали возвратившихся, окружали их вниманием, ласками, услугами: я старался, чтобы никто не помянул их прежних ошибок, не попрекнул бывшим отпадением... Размягчился и суровый Данило Школьный; видя

общую любовь и радость о Господе, примкнул и он наконец к нам: в субботу Лазареву и он отговелся с женою самоохотно, без всякого напоминания. Растрогал он нас пред причащением св. таин: проговорив вслух положенную молитву, прежде чем подойти к св. чаше, он обратился к стоявшему в церкви народу и троекратно громко произнес: «простите меня, братия»! – «Бог простит» – отвечали верные, со слезами радости. Наступившие дни Пасхи были для нас сугубо радостны; наступившее лето и весь остаток сего года мы провели так благодатно и мирно, как давно уже не проводили.

1886 год, год отдыха. Оставшиеся в приходе два штундиста, Савва Шлихта и Кирилл Гаркуша, не грамотные, не поддерживаемые женами, укоряемые собственными детьми, не возбуждали опасений, ибо не и Я не счел нужным наскучать им сухими рассуждениями о предметах, превышающих их понятия, а предоставил их доброму влиянию семьи и окружающей среды православной, в надежде, что мирные отношения и всеисцеляющее время и их изменит к лучшему.

свещ. И. Березницкий
(Продолжение будет).

VII. Летопись печати по вопросам миссии

**Вишневский Н.Л. По поводу пятидесятилетия
австрийского лжесвященства из воспоминаний
бывшего лжепопа противокружника. Роль женщины
в сектантском и раскольничьем мире. Poleмика по
вопросу о публичных собеседованиях и о церк.-
приходск. школе, как средствах миссионерской
борьбы с расколом и сектантством. К
характеристике современного раскола. //
Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 619–
630.**

По поводу пятидесятилетия австрийского лже-священства („Симб. Епарх. Вед.“). Из воспоминаний бывшего лже-попа противо-окружника („Вятск. Епарх. Вед.“). Роль женщины в сектантском и раскольничьем мире („Странник“, „Калужск. Епарх. Вед.“). Poleмика по вопросу о публичных собеседованиях и о церк.-прих. школе, как средствах миссионерской борьбы с расколом и сектантством („Братск. сл.“ „Мисс. Сборн.“ и „Нар. Образ.“). К характеристике современного состояния раскола („Калужск. Епарх. Вед.“).

28 октября прошлого года исполнилось ровно пятьдесят лет со дня учреждения так называемой австрийской или Белокриницкой старообрядческой иерархии. По этому поводу в «Симбирских Епарх. Ведом.» за нынешний год (№№ 3–6) весьма кстати напечатана статья свящ. С. Введенского «О происхождении так наз. австрийского священства и его несостоятельности с исторической точки зрения». Главные обстоятельства перехода к старообрядцам бывшего Босно-Сараевского митрополита Амвросия, положившего начало австрийской лже-иерархии, достаточно известны: известно, что Амвросий, лишенный кафедры, жил с сыном в Константинополе и терпел нужду в деньгах, а старообрядцы, нуждавшиеся в архиерее и искавшие такового, соблазнили Амвросия к переходу обещанием приличного жалованья и спокойной жизни. На факт, что австрийская иерархия основана на симонии и что самое

учреждение ее было в существе дела простой денежной сделкой, оформленной обыкновенным контрактом, чаще всего указывают и в полемике с последователями и защитниками австрийского священства. Эта сторона дела достаточно освещена и в статье о. Введенского, но в последней особенный интерес представляет еще и другая сторона, которая, сравнительно, мало выдвигается нашими противораскольническими миссионерами и полемистами, – это, именно, те факты из истории перехода Амвросия к старообрядцам, которые показывают, что Амвросий, переходя к старообрядцам, сам не знал хорошо, к кому он переходит, а когда узнал и сознал свой невольный грех отделения от церкви, глубоко в нем раскаивался и хотя, по слабости характера и материальной зависимости от старообрядцев, не мог уже уйти от них, тем не менее всегда до самой своей смерти продолжал считать себя членом Греческой церкви, которую новая его паства признавала зараженною еретичеством.

Склоняя Амвросия к переходу в старообрядчество, Павел Белокриницкий с товарищами не сочли, конечно, полезным раскрыть пред ним всю правду о своем обществе. Они не говорят ему о своих отношениях к православной Церкви, умалчивают об осуждении их общества на соборе 1667 года, о признании ими Греческой церкви еретическою, умалчивают и о том, что ему как еретику, при переходе в раскол, нужно будет подвергнуться чиноприему, или, по крайней мере, проклясть мнимые ереси Греко-российской Церкви. Лукавый Павел говорил незнавшему раскола Амвросию, что они, старообрядцы, отличаются от греческой церкви только обрядами, и что вот к ним, неимущим пастыря, они и просят его, Амвросия. Обман удался. Амвросий вполне успокоился на том предположении, что при переходе к старообрядцам он не изменит вере и не порвет связи с греческою церковью, а только сделается пастырем немощных совестию людей, употреблявших лишь «старые» обряды вместо греческих, – и он, наконец, согласился на этот переход.

Но заблуждение Амвросия должно было рассеяться при первой же встрече с своей новой паствой и когда, по приезде в

Белую Криницу, ему открыли, что он митрополит будет принят к старообрядцам чрез миропомазание. Амвросий, конечно, вполне понимал, что это значит; но теперь он был, как «рыба во мрежи сидящая...»

Самый чиноприем Амвросия не обошелся без обмана и притом такого, которым, собственно говоря, уничтожалось всякое значение самого чиноприема. Амвросий, стоя пред царскими вратами, велегласно на славянском языке проклинал все ереси по чину приятия приходящих от яковит (Потр. Филар. гл. 79), написанному для него греческими буквами. Очевидно, что когда он проклинал ереси, он не понимал ничего из того, что произносил. Но мало того: по свидетельству старообрядческого писателя лже-епископа Конона, «проклятие своих ему (Амвросию) ересей ради политики не читалось». Старообрядцы, желая облегчить Амвросию переход к ним («ради политики»), избавили его от необходимости проклинать то, что он считал принадлежностью своей веры, а этим превратили самый чиноприем в пустую комедию. Ибо, как справедливо рассуждает о. Введенский, если Амвросий не проклинал «своих ему ересей», то, значит, греческие обряды: троеперстие, троекратное аллилуя и прочие не признавались ересями. Но тогда зачем его принимали, как еретика, вторым чином? Если же все эти обряды признавались ересями, то почему же от Амвросия не потребовали проклятия их? Если Амвросий до перехода в раскол признавался еретиком, то без чина отречения от своих ересей он и по переходе в раскол продолжал оставаться еретиком, а потому и вся происшедшая от него иерархия должна быть признана, с точки зрения самих раскольников, еретическою.

А между тем старообрядцы должны признать, что Амвросий даже после чиноприема продолжал оставаться еретиком, т. е. продолжал тяготеть к родной греческой церкви. Из многих достоверных источников и между прочим из разных сочинений самих же старообрядческих писателей с несомненностью открывается, что Амвросий, перейдя вследствие нужды, обмана, подкупа и слабости воли к раскольникам, в душе однако и не думал быть настоящим раскольническим архиереем. В душе он всегда оставался чужд раскольникам и расколу: на проскомидии

он вынимал частицу за поставившего его патриарха Григория, как бы желая показать этим, что считает себя членом церкви греческой; он не желал исповедоваться у старообрядческих лже-священников и лже-епископов (им же поставленных!), а при требах, напр., при крещении внуков, приглашал греческое православное духовенство. Умирая он исповедовался и причастился у православного греческого священника, и похоронен на греческом кладбище. Даже надпись на его памятнике: «Амвросий, бывший Босно-Сараевский митрополит», а не «Белокриницкий», должна бы ясно показывать старообрядцам, что тот, кого они считают основателем своей иерархии, сам не желал признавать себя таковым.

Иерархия, получившая свое начало чрез обман и подкуп, конечно, не могла внести в общество старообрядцев ничего, кроме новых смут и раздоров. Началось новое деление раскола на толки: приемлющих и неприемлющих австрийское священство, затем окружников и противо-окружников и т. д. Началась борьба партий, ожесточенная полемика, взаимные проклятия одних лже-епископов другими, соборные низложения. И, что особенно важно, эта борьба и разделение, продолжающиеся и до сих пор, не ограничиваются одними только высшими, так сказать, сферами духовных руководителей раскола, но охватывают собою и невежественную народную массу, посеявая в ней смуту, нестроения, раздоры. Чрезвычайно яркую и интересную картину нестроение, внесенных в старообрядческий мир австрийскою лже-иерархией, мы находим в печатающихся на страницах «Вятских Епарх. Ведомостей» воспоминаниях бывшего лже-попа С.А. Наймушина. Наймушин принял православие в феврале прошлого года; теперь он, как сам себя называет, «незаметный человек, простой мужик», но в расколе имел значение и даже был «миссионером всея Казанския, Вятския и Сибирския страны». Вот как описывает Наймушин встречу старообрядцами его деревни первого попа австрийского поставления. «Около 58 года приехал к нам поп австрийского поставления о. Маркелл Рябов; радости нашей и конца не было... Слава Богу, достигли таки до истинного священства! Но, увы, вскоре появилось сомнение. Первый мой

крестный Григорий Минеич Наймушин куда-то ездил и разузнал, что священство австрийское ложное. Собрали собор, судили, рядили, толку не могли добаться, принялись ругать Григория Минеича, а под конец собора вытолкали его». Но после оказалась его правда: чрез месяц уже не один он стал проповедовать, что австрийское священство ложное, но и другие. «Собрали собор опять, больше прежнего; сначала доказывали «от писания», а потом, видя, что «писание» не берет, принялись за более существенные доказательства, т. е. попросту сказать: принялись бить новых вероучителей. Едва они вырвались из моленной; мы погнались за ними с рогами, бросали в них камнями; но ноги у них были быстрее наших, – убежали»... Поп Маркелл перешел, впрочем, в православие. «В 1870 году, продолжает свой рассказ Наймушин, появился у нас в округе новый поп Тимофей Тимофеевич Гребенкин; рекомендовал себя неприемлющим «окружного послания». Меня в числе прочих отрядили в депутаты к нему, разузнать доподлинно, что за новая благодать изъясвилась. Он нам объяснил, что «окружники хуже еретиков – никониан, в них самый дух антихристов, они того же Иисуса признают за Бога и четырехконечный крест не проклинаят». Показал нам ставленую грамоту от Антония 2-го (Шутова). «Приняли его». Впоследствии сам Наймушин был поставлен Иосифом в попы для сибирских против-окружников и вел деятельную борьбу с окружниками, посеяв среди них «раздор», т. е. раскрывая пред ними, что епископы – окружники, при поставлении полов, обводят их вокруг престола против солнца, принимают новые книги единоверческой печати и т. п. В своих воспоминаниях Наймушин рассказывает об отдаленных миссионерских поездках к окружникам, и о соборах, которые окружники собирали на него и на которых дело почти всегда оканчивалось тем, что после словесных прений переходили к драке, при чем более слабая сторона обращалась в бегство, а другая начинала ликовать, что победила «наша матушка правая вера». Вот, наприм., как описывает Наймушин одну из своих миссионерских поездок. «Путеводитель мой Шиликин повез меня далее за р. Чумыш. Иеромонах Евфимий, бежавший с Быструхинского собора, узнав,

что я уже делаю раздор за Чумышем, погнался за мной в погоню, более 500 верст проскакал и настиг меня в д. Зырянской, где и собрал на меня опять собор. Я потребовал Номоканон, чтоб доказать, что окружников попов при посвящении водят вокруг престола против солнца. Съездили за Номоканоном в ближайшую деревню и за езду стали просить 1 р. 20 к. с меня; я уперся, не стал отдавать деньги, так как оказалась моя правда: «посвящаемый водим бывает около престола, якоже каждение», а каждение около престола бывает обыкновенно против солнца. Разгневались на меня отцы собора, а иером. Евфимий свернул пачку бумаги и ткнул мне ей в лицо. Я смолчал. Стали требовать с меня деньги, я не отдаю; стянули с меня тулуп. Приступили к товарищу Шишкину: «отдай денежки!» Он тоже не поддался и с него стащили кафтан. Закричали, зашумели, что вас только следует в куль, да в рогожку и в Чумыш. Против такого насилия восстали сами окружники: «это, отцы, разбой, а не собор; на вселенских и поместных соборах таких казусов не было»; а я и вставил словечко, что, мол, истинная вера всегда бывает гонима, святые отцы и мученики еще не это терпели; а сам тихонько с товарищем ушел по огородам на квартиру, а ночью уехал в Барнаул, а оттуда обратно в Быструху. Все-таки в эту поездку я присоединил около 20 семейств от окружников, да и много вырос в глазах народа, как «претерпевший гонения за истинную веру».

Свящ. А. Садовский в статье под заглавием «женщина – хлыстовка» («Странникъ» май 1897) отмечает то господствующее положение, какое занимает в хлыстовстве женщина. Женщина стоит во главе хлыстовского корабля, она же ведет деятельную, хотя и осторожную пропаганду, подрывает доверие православных к духовенству, даже вступает в пререкания с православными миссионерами, причем не стесняется в брани. В хлыстовстве мужчина, характерно прозванный «тихоня – хлыст», «отмежевывал себе» область тихого созерцания, пророческого экстаза, предоставив активную роль женщине, которая, действительно, – в постоянном брожении, вечно волнуется, вечно ищет все новых и новых жертв своего дикого заблуждения». И в этом она нередко успевает, потому что

всегда прекрасно «знает случай, когда можно пустить в ход хлыстовскую идею, знает повод, когда именно нужно провести в народ хлыстовскую тенденцию».

Впрочем, как известно, женщина вообще очень часто играет выдающуюся роль в разного рода религиозных заблуждениях. В частности это нужно сказать и о нашем расколе, среди последователей которого женщины нередко являются в роли руководительниц, начетчиц, уставщиц и т. п. Обозревая состояние раскола в Калужской епархии в 1895 году на основании отчета местного братства, г. Чельцов замечает между прочим, что «много способствуют устойчивости раскола женщины, из которых нет почти вовсе неубежденных и расшатанных. Особенно большое влияние имеют женщины – начетчицы. Об одной из таковых пишут: она для своего общества – закон; к ней обращаются за разрешением во всех недоуменных случаях: когда какой праздник? можно ли на него работать? какие обряды должно соблюдать при том или другом случае? и т. п.» Мало того «даже об одном раскольническом попе г. Чельцов замечает, что он имеет на пасомых влияние, кажется, благодаря своей жене. Жена же его будто бы обучалась в гимназии; «на речах бойка и знаток большой своего дела, по отзывам старообрядцев, выписывает и читает газеты и книги, – первые и из заграницы». Выступает и на беседах с православными миссионерами («Калужск. Еп. Вед.» № 4).

Объяснение того факта, что в хлыстовстве женщины играют первенствующую роль, автор упомянутой статьи видит в самом характере хлыстовства, заключающего в себе очень много суеверных элементов. А известно, что женщины всегда более мужчин склонны к увлечению суеверием. Отсюда о. Садовский заключает, что самым действительным средством противодействия хлыстовству было бы широкое распространение среди женщин нашего народа религиозного образования, под руководством и в духе православной Церкви. С этим заключением нельзя, конечно, не согласиться, как нельзя не признать и того, что вообще распространение образования среди сектантов и раскольников могло бы оказать великую пользу делу миссии, хотя главная-то причина магического

влияния хлыстовских пророчиц и богородиц «на общину все-таки коренится в культе чувственности, в животном магнетизме и экстазе» при ночных радениях, наконец, в разврате, под видом «духовной любви». Не даром в эти роли выбираются у хлыстов всегда лучшие красавицы общины.

Впрочем, по вопросу о том, какое в деле противораскольнической миссии может иметь значение церковно-приходская школа, один из наших миссионеров высказался недавно решительно не в пользу последней. Свящ. Н. Кутепов в статье «Миссионерские собеседования и церковно-приходские школы, как средство к ослаблению раскола» («Братское Слово», январ. 1897), возражая на замечание «Церковного Вестника», что публичные собеседования с раскольниками «никого из раскольников не убеждают и не просвещают» и что для миссии среди раскола следует ожидать пользы от церковно-приходских школ, высказывает совершенно противоположный взгляд, — именно, что если и бывают присоединения раскольников к православию, то они являются именно результатом миссионерских собеседований, церковная же школа может принести пользу в этом деле лишь в том случае, если будет несколько изменен нынешний тип ее. Свою мысль о. Кутепов пытается доказать цифрами и фактами. Он сравнивает число присоединений из раскола в Донской епархии, бывшее до учреждения в ней постоянной миссии в 1885 году, с числом присоединений после учреждения миссии: в 1882 г. присоединено из раскола 260 душ, в 1883 г. — 265 душ, в 1884 г. — 270 душ; а с учреждением миссии в 1886 г. присоединено из раскола 428 душ, в 1887 г. — 438 душ, в 1888 — 476 душ, а в последние три года число ежегодных обращений из раскола доходило до 560 душ. «Эти цифры, замечает о. Кутепов, ясно и убедительно указывают на несправедливость того мнения, будто бы миссионерские собеседования не влияют на дело присоединения раскольников к православию». Если бывали присоединения и до учреждения постоянной миссии, то таковые присоединения совершались «по преимуществу в единоверческих приходах, причты которых занимались и занимаются миссионерскими собеседованиями с раскольниками

и по своему служению являются не столько требоисправителями, сколько миссионерами». Наконец и в истории церкви о. Кутепов находит подтверждения своей мысли о плодотворности миссионерских собеседований в борьбе с расколом и сектантством. Таковые он видит, например, в миссионерской борьбе бл. Августина с расколом донатистов или в противораскольнической деятельности Питирима Нижегородского, архимандрита Павла Прусского. Переходя затем к вопросу о миссионерском значении церковно-приходской школы, о. Кутепов прежде всего заявляет, что, рассуждая об этом вопросе, «мы будем иметь дело только с предположениями, относящимися к будущему, и ожиданиями, обоснованными лишь на одних только вероятностях, так как по причине недавнего возрождения церковной школы мы пока не имеем для своих наблюдений поколения людей, прошедших церковную школу и достигших такого зрелого возраста, когда им свойственно бывает решать серьезные вопросы о переходе из секты в церковь». Впрочем, о. Кутепов не отрицает возможности миссионерского воздействия церковно-приходской школы на окружающую раскольническую среду, но только предполагает, что для этого должен быть изменен самый тип и дух современной церковной школы. Свою мысль он поясняет примером. В одной школе, на хуторе с поголовным раскольническим населением, был сначала учителем местный казак, присоединившийся из раскола на правах единоверия. Хорошо зная дух раскола, этот учитель не стеснялся в школе детей, относительно религиозных обрядов. Пред началом и по окончании учения дети клали так называемый большой седмипоклонный начал, крестились двуперстно: учились по книгам церковной печати – псалтири, часослову: пение преподавалось на гласы по единоверческому напеву. Молитвы заучивались по тексту старопечатных, бывших до п. Никона, книг. Но при изучении закона Божия учитель особенное внимание обращал на вопросы о существенных признаках истинной Церкви Христовой, о важности всех семи церковных таинств для спасения человека, объяснил право Церкви по благословным причинам исправлять обряды. В объяснениях по

этим вопросам он не упоминал о неправоте вероучений раскола и даже избегать в обыкновенных разговорах с детьми произносить слово раскол. При таких порядках школа существовала два года и за это время число учеников в ней доходило до 60 человек, из коих были дети из раскольнических семей. Но вот в школу назначается новый учитель, бывший прежде псаломщиком в православном приходе. Новый учитель завел и новые порядки в школе. Теперь, вместо седмипоклонного начала, в школе читались молитвы: «Царю Небесный» и «Достойно есть»; пению учитель стал обучать по православному напеву: молитвы заучивались по тексту исправленных книг, напр., в молитве «Богородице, Дево, радуйся» читалось уже не «обрадованная Марие», а «благодатная Марие»: креститься детям двуперстно хотя и не воспрещалось, но при этом замечалось учителем, что православное перстосложение не двуперстное, а троеперстное. И вот, благодаря всем этим переменам, раскольники перестали пускать в школу своих детей, говоря: в ней учат по никониански, — она нам не нужна! «Едва ли такую школу можно назвать помощницею миссии среди раскола», восклицает о. Кутепов. И на основании примера этой школы он в заключение своей статьи высказывает следующие соображения. «Если мы желаем, чтобы церковная школа привилась в раскольническом населении, необходимо в школе терпеть обряды, излюбленные расколом. Пользуясь же пребыванием детей в школе, незаметно для них самих и для их родителей, напитывать их православными понятиями о Церкви и таинствах, о праве Церкви по благословным причинам исправлять обряды». «Пусть дети раскольников, посещая церковную школу, исполняют свои, дорогие их сердцу обряды; не стесняйте их в этом отношении и не обличайте неправоты вероучений мнимых старообрядцев, но незаметно для их отцов напитывайте детей раскольнических в школах церковных истинными понятиями о необходимости каждому христианину принадлежать к истинной Церкви Христовой для получения спасения, о том, что Христос установил семь таинств для нашего спасения, что право на совершение этих таинств Христос дал апостолам и продолжателям их служения

– епископам, а с благословения последних и пресвитерам с диаконами. Пусть все эти понятия с важнейшими ссылками на места св. Писания будут усвоены детьми в школе, – и можно надеяться, что, по молитвам святой Церкви, благодать Божия со временем, когда дети станут мужчинами, возрастит в их душах семена православного учения и расположит их оставить раскол, перейти в православную Церковь Христову».

Статья о. Кутепова вызвала против себя возражения в статье г. Добромыслова на страницах Рязанского «Миссионерского Сборника» (Март-Апрель, 1897 г.). Автор, между прочим, решительно выступает против допущения в церковных школах в раскольничьих селениях единоверческих порядков, называя такую постановку школьного дела «лицемерием», «окольными путями», «зазыванием». Но если так, тогда и благословленные св. Синодом старые обряды и совершаемое православными епископами по старым книгам в единоверческих храмах богослужение – тоже «зазывание», «окольные пути»? Кажется, г. Добромыслов слишком увлекся полемикой с таким почтенным и многоопытным деятелем миссии, как Кутепов, мнение которого по данному вопросу является весьма авторитетным, скажем более – жизненным.

В защиту миссионерского значения церковно-приходской школы по поводу статьи о. Кутепова выступил также и орган училищного совета при св. Синоде – «Народное Образование» («Миссионерское значение церковных школ по отношению к расколу и сектантству». «Н.О.» май, 1897). «Церковно-приходская школа, говорит журнал, не может задаваться прямыми миссионерскими целями; для этого существуют особые миссионерские школы (внешней и внутренней миссии) с особым характером преподавания и обучения. Но церковно-приходская школа может оказывать не прямое миссионерское воздействие на население и может быть союзницей и помощницей внутренней (против раскола и сектантства) миссии в том отношении, что: 1) существуя в тех местностях, где рядом с православными живут раскольники и сектанты, она может привлекать в свои стены детей этих последних и воспитывать их в духе примирения с православной Церковью, 2) преследуя больше всего

насаждение здоровых религиозных понятий в учащемся поколении и стремясь воспитать его в преданности и послушании Церкви, церковная школа должна оказать несомненное и большое влияние на ослабление раскольнической пропаганды среди православных, должна если не совершенно положить предел совращению православных в раскол и сектантство, то, по крайней мере, уменьшить случаи таких совращений. Церковная школа всем складом обучения и воспитания борется против двух основных источников нашего раскола и сектантства – религиозного невежества и духа противления Церкви. Это естественное соединение миссионерских задач с общепросветительными целями составляет, между прочим, исключительное и бесспорное преимущество церковных школ, по сравнению с светскими школами разных типов, где религиозное просвещение не стоит на первом плане». Журнал приводит несколько фактов благотворного воздействия церковно-приходской школы на окружающую раскольническую или сектантскую среду, и даже признательности к церковной школе со стороны раскольников и сектантов. Правда, известны случаи и враждебного отношения к церковно-приходской школе со стороны раскольников и сектантов; но эти случаи нисколько, по мнению журнала, не говорят против миссионерского значения этой школы, а скорее, напротив, подтверждают его, так как показывают, что сами вожаки раскола чувствуют опасность, которую несет дня них церковная школа.

Вообще просвещение, каким бы путем оно ни распространялось в народе – чрез школы ли, или библиотеки, путем ли публичных чтений, или пастырских поучений и миссионерских бесед, просвещение – величайший враг нашего раскола и сектантства, которые живут только невежеством и фанатизмом своих последователей. К этому заключение многих приводит и наблюдение над состоянием современного раскола.

Вот, напр., что пишет г. Чельцов о современном состоянии раскола в Калужской епархии. «Большая часть старообрядцев, особенно в селах, где ведутся частые беседы, весьма расшатана в своем отстаивании старины. Главным образом сказать это

нужно про молодежь. Эта, как получившая образование в большинстве случаев в школах земских и церковно-приходских, остается в расколе просто по привычке, потому, что так велят отцы и деды. Но и эти последние в своем большинстве далеки от ненависти к православной Церкви. Не редки случаи, когда они при встречах со священником вступают в беседы, во многих селах приглашают их в свои дома на праздниках с крестом и иконами. «Многие из старообрядцев позволяют себе посещать православные храмы во время, например, венчания или погребения знакомых, а немногие из них ходят даже для молитвы» («Калужск. Еп. Вед.» № 4). – Но вот вопрос, «многие ли?». Дай Бог, чтобы приходилось почаще наблюдать такие добрые знамения времени!

Н. Вишневский

VIII. Миссионерство, секты и раскол

(Хроника)

Кальнев М., Э. Я. Миссионерская борьба с сектантством в херсонской епархии за истекший 1896 год и характеристика религиозно-нравств. его состояния // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 631–642

Количество воссоединений. Возбуждение штунды, со стороны петербургской сектантствующей знати, заграничных друзей секты и нашей либеральной печати и безучастие местной власти. Херсонские хлысты и оригинальные приемы пропаганды при посредстве обществ трезвости. Преступная эксплуатация хлыстами имени о. Иоанна Кронштадтского. Проникновение толстовско-атеистических воззрений в современное хлыстовство. Религиозно-нравственное падение штунды. Отрицание штундизмом коренных догматов христианства. Опасные социально-политические воззрения сектантов. Два слова по поводу изложенного сообщения о херсонской штунде. Чигиринские штундо-анархисты. Разоблачение раскольничьей лжи и штундовые соглядатаи у раки св. Феодосия Черниговского; новое чудо исцеления больного и обращение сектантов-паломников. Симпатичный способ руководственных сношений миссионера с приходским духовенством. Раскольничий Самарский логофет в роли ленивого наемника.

В последнем отчете Херсонского Свято-Андреевского Одесского братства сообщается, что к 1 января 1896 года братство обладало капиталом в 42.797 р. В 1896 году поступило в братство 20.946 р., израсходовано же им в минувшем году 11.244 р., в том числе 4.000 отпускаемых казной на содержание миссионеров в епархии.

Деятельность братства в минувшем году выразилась, главным образом, в содействии трудам миссионеров путем религиозно-просветительного влияния на православное население зараженных сектантами приходов и на самих сектантов, с каковою целью братство озаботилось об открытии в 6 подобных приходах церковно-приходских школ, в 3 таких же местах ассигновало по 1.000 р. на построение храмов из

средств, ежегодно собираемых для этой цели по всем церквам Херсонской епархии. С вышеуказанною же целью в минувшем году издано братством 8 названий брошюр в количестве 65.000 экз. и приобретено 46.000 «троицких листков», которые раздавались народу бесплатно миссионерами во время совершаемых ими поездок.

Главным же средством борьбы с сектантством в епархии была живая устная проповедь миссионеров, которых трудилось в минувшем году 9 человек: один епархиальный миссионер, кандидат богословия, 7 окружных миссионеров из священников один разъездной миссионер-книгоноша из мирян.

Таким образом материальные средства Одесского миссионерского братства довольно значительны и количество миссионеров в епархии почти достаточное. Спрашивается, поэтому, каких же результатов достигла миссия в минувшем году среди заблудших сектантов?

Из годичного отчета братства видно, что всех присоединившихся из сектантства в православие за 1896 год было *более 200 душ*. Цифра, конечно, малая, если взять во внимание вышеуказанные средства братства и число трудящихся в епархии миссионеров, но она окажется очень значительной, если взять во внимание все те неблагоприятные условия, при каких местной миссии пришлось вести борьбу в минувшем году с сектантством.

Еще задолго до священной коронации сочувствующими штундистам интеллигентными лицами усердно распространялись среди сектантов слухи о том, что к этому времени будет отменено Высочайше утвержденное узаконение от 3 сентября 1894 г. о признании штунды особо вредною сектою и что последней будет дарована полнейшая религиозная свобода, чуть ли не с правом открытой пропаганды их лжеучения. Из конфискованных полицией у вожака любомирских штундистов И. Рыбалки писем видно, что подобные несбывшиеся надежды сектантов с особенным усердием поддерживались петербургскою знатью г. Аб-м, графиней Перскою, княгиней Л-вен и какою-то «дамою из Финляндии».

Как я имел уже случай упомянуть об этом в одном из сообщений в «Миссионерское Обозрение» (Июль и Август, кн. 1-я), успехи православной миссии в последнее время сильно встревожили заграничных друзей наших штундистов – «братьев» немцев. В минувшем году ими были пущены в ход все возможные средства в поддержке и распространении штундобаптизма: присылка сектантам буквально целыми пудами из Гамбурга и Лейпцига направленных против православия брошюр, распространение издававшегося ранее в Лондоне, а ныне в Румынии в г. Тульчи на русском языке штундистского журнала «Беседа», сильная материальная поддержка в виде присылаемого из-за границы определенного, иногда довольно значительного, жалования вожакам штунды за их пропаганду и проч. Если к этому присоединить еще открытую защиту штундистов нашими лжелиберальными газетами и журналами (Неделя и К°), выступившими с ней с особенным усердием в минувшем году, то нам станет понятным, что все это не могло не вскружить головы русских сектантов, не могло не поднять дух их упорства и смелости в пропаганде. Замечательно, что и херсонские колонисты немцы-баптисты, прежде очень осторожно пропагандировавшие штунду среди местного православного населения, в минувшем году в распространении ее проявили необыкновенную смелость, доходящую до грубого нахальства, так что самим полицейским властям приходилось по поводу их открытой пропаганды, издевательства и публичного кощунства над православием составлять протокол за протоколом.

Достоин внимания и то обстоятельство, что в минувшем именно году с особенной энергией распространялись подпольным путем толстовские издания; в этом же году распространилось среди сектантов Херсонской епархии исповедание веры зауральских сектантов «иеговистов», по своему содержанию представляющее возмутительнейшее кощунство над всем христианством; в минувшем же году стала распространяться среди хлыстов г. Николаева тетрадь под заглавием: «Благодатная весть о царстве Божиим, царстве разума, переданная нам Иисусом из Назарета». – «Во всей этой тетради, говорит о ней миссионер о. Зубов, страшное глумление

над св. Евангелием, а Спаситель здесь не редко именуется обманщиком».

К сожалению, из миссионерских отчетов видно, что близко стоящие к народу светские власти далеко не везде и не всегда оказывают миссии свое влиятельное содействие в ее борьбе с сектантством, отвечая иногда на возмутительные кощунства сектантов, на открыто по местам устраиваемые ими собрания и на слишком уже иногда смелую и преступную их пропаганду полнейшим равнодушием, безразличным во всему этому отношением и преступным невниманием.

Таким образом православной местной миссии в минувшем году приходилось считаться со многими и значительными факторами, весьма препятствовавшими ее успеху среди заблудших.

Однако главная причина удивительного иногда упорства сектантов Херсонской епархии и кажущегося для других незначительного успеха среди них миссии, по моему мнению, кроется в том современном религиозно-нравственном состоянии, которое переживает местное сектантство. – В Херсонской епархии существует три вида сектантства: штундисты, хлысты и скопцы. Так как последних очень незначительное число, то, касаясь религиозно-нравственного состояния сектантства в епархии, я буду говорить только о двух первых сектах, начав с последней.

Хлыстов в Херсонской епархии насчитывается до 1.000 душ. Повсеместная борьба с этой сектой началась в Херсонской епархии собственно недавно, так как прежде все внимание здешней миссии обращено было главным образом на штундизм, впервые возникший в этой именно епархии и отсюда перешедший в другие. По своему вероучению местные хлысты, называемые здесь «шалопутами» или же иногда именуемые совершенно ошибочно «молоканами», ничем не отличаются от хлыстов других мест, хотя бы от известных мне хлыстов северного Кавказа. То же учение у них о перевоплощении их лжехристов, о непосредственном общении с Богом в различного рода мнимых Его явлениях последователям секты; тот же дуалистический взгляд на природу человеческую и вытекающее

из него стремление к подавлению, «укрощению» и «замору» плоти обычным средством, такое же устройство кораблей и те же распевцы и пляски; то же постоянное старание, для отвода глаз, показывать себя искренно – православными и, наконец, та же иезуитская хитрость в средствах тайной пропаганды своего лжеучения среди православных.

Обычные приемы привлечения в своей секте у херсонских хлыстов те же, что и у хлыстов других мест. Сперва хлысты приглашают православных на свои общие собрания, где на первых порах не происходит, собственно говоря, ничего предосудительного: читают даже без толкования слово Божие и церковные песнопения. Далее на этих собраниях начинается толкование св. Писания в смысле хлыстовского лжеучения, и церковные песнопения постепенно заменяются хлыстовскими песнями. В последнем случае для несколько уже привыкших к хлыстовским собраниям православных сектанты начинать проделывать свои фокусы, начиная с бессмысленных, кажущихся, однако для простолюдинов загадочными и поразительными, пророчеств и бессвязных бормотаний и кончая искусственным втягиванием в себя воздуха до поразительного раздутия у сектантов живота (видимое, по их объяснению, наитие св. Духа). Овладев после долгого промежутка времени (2–3 года) жертвами любознательности и невежества, сектанты наконец приглашают их на свои тайные собрания, где разгул страстей и бешенная вакханалия или совсем отталкивает от хлыстов увлекшихся было их лжеучением или, что чаще бывает, навсегда приковывает их к секте крепкими цепями животных страстей, оправдываемых мистическими бреднями сектантов.

В последнее же время херсонские хлысты придумали новый прием совращения в свою секту. Лишь только вздумают в каком-либо зараженном хлыстовщиной месте открыть общество трезвости, как хлысты, вообще никогда не употребляющие никаких спиртных напитков, тотчас стараются записаться первыми членами его, чтобы, опираясь на мнимую заботу о прекращении пьянства среди народа и прикрываясь единомыслием, в этом отношении, с лучшими людьми прихода,

прививать не заметно им, а чрез них и другим свои сектантские заблуждения.

Это, напр., случилось в с. Слободзее, Херсонской губернии, где 16-го марта текущего года мною торжественно открыто общество трезвости и где под влиянием хлыстов некоторые из православных в долгом и нетерпеливом ожидании открытия общества трезвости стали было устраивать вместе с хлыстами тайные собрания, во время которых начали самочинно читать акафисты, служить панихиды с приносимым коливом и петь безграмотные, привезенные будто бы из Иерусалима, духовные песни.

Почти к аналогичным средствам пропаганды прибегли и хлысты м. Кривого-Рога, Херсонской губернии.

В Курской губернии, читаем в отчете Одесского Андреевского братства, в слободе Головчине, Грайвороновского уезда, с разрешения министра внутренних дел открыто «Христианское общество трезвости и воздержания». По § 8 устава этого общества членам его предоставлено «право открытой проповеди против пьянства и невоздержания». Многочтимый русским народом о. Иоанн Кронштадтский, сочувствуя добрым задачам общества, прислал ему свое благословение и разрешил ему отдельно издать для распространения среди народа одно из своих поучений, направленное против порока пьянства. Как только узнали об этом криворожские хлысты, тотчас почти все записались членами Головчинского общества трезвости, § 8 которого дает им право открытой проповеди, во время которой они читают народу изданные брошюры означенным обществом, со всевозможными, конечно, комментариями их в духе чисто хлыстовского лжеучения. Мало того, для бóльшего успеха своей пропаганды криворожские хлысты стараются теперь злоупотреблять при всяком удобном случае именем всюду известного и так горячо чтимого православным народом о. И. Сергиева. «Вот вы зовете нас шалопутами, говорят они православным, а на деле оказалось, что вы сами шалопуты: вам о. Иоанн Кронштадтский не прислал своего благословения, а нам прислал: вот его поучение и руки». При этом сектанты

показывают народу издания Головчинского общества, на заглавных листах которых изображены две соединенные между собою кисти рук, как эмблемы христианской дружбы и взаимопомощи. Теперь же криворожские хлысты сильно заботятся о том, чтобы им разрешили открыть, будто бы с целью противодействия пьянству, а на самом деле в видах пропаганды, чайный трактир. Если этого они достигнут, пропаганда хлыстовщины в Кривом-Роге будет вестись в самых широких размерах.

Я нарочито останавливаю внимание читателей «Миссионерского Обозрения» на последнего рода способах пропаганды хлыстами своего лжеучения, желая предостеречь миссионеров и пастырей, чтобы они, открывая общества трезвости, во главе их уставов ставили такие пункты, которыми всякая возможность поступления в обществе трезвости у всех сектантов вообще и у хлыстов в частности была бы совершенно отнята.

Ничем почти не отличаясь по своему религиозно-нравственному учению и жизни, равным образом и способам пропаганды от хлыстов других мест, херсонские хлысты в последнее время стали приобретать некоторые отличительные особенности. Они заключаются в привнесении в лжеучение хлыстов, благодаря распространяемых среди них толстовских и других крайне рационалистических идей, элемента чисто атеистического; причем по некоторым местам Херсонской епархии атеистические идеи распространяются хлыстами уже не тайно, со свойственно этим сектантам осторожностью, а высказываются часто открыто, публично.

Отчеты миссионеров констатируют, напр., факты открытого отрицания хлыстами некоторых мест епархии воскресения мертвых и всеобщего суда. Так хлысты с. Щербаней, Елисаветградского уезда, публично уже говорит: «если человек умер телом, то он сгнил и пропал (т.е. совершенно исчез и телом, и душой). «Всеобщий суд, говорят те же хлысты, – суд совести человеческой». Один из окружных миссионеров доносит в своем отчете, что на его беседе с хлыстами м. Широкого, Херсонского съезда, хлыст Лапенко, объясняя 2 ст. 8 главы Mr.,

с безумным дерзновением «назвал Спасителя потерявшим разум».

Очевидно херсонская хлыстовщина в своем лжеучении делает вперед, в смысле приближения к чисто рационалистическим сектам с атеистическим направлением. Этим именно обстоятельством и объясняется в последнее время успех пропаганды штундистов среди хлыстов. Таким образом борьба с херсонской хлыстовщиной значительно осложняется и делается более трудной для местной миссии, ибо, без сомнения, гораздо тяжелее бороться с грубым неверием и полным отрицанием истин христианства, чем с заблуждением или сомнением в вере.

Не менее печальную картину представляет собою и религиозно-нравственное состояние штундобаптизма в Херсонской епархии, последователей которого считается здесь более 5 тысяч.

Тридцать с лишним лет тому назад появившийся в Херсонской епархии штундизм и распространившийся оттуда по многим другим епархиям в нравственной жизни своих последователей представляется теперь уже далеко не тем, чем он казался на первых порах своего появления. Теперь сами сектанты-старики открыто на беседах сознаются, что их «вера падает», что их «братство уже не то». И действительно, замечавшееся прежде среди штундистов общее стремление к улучшению нравственной жизни, выражавшееся в трезвости (хотя часто лишь показной), сравнительной честности, во взаимопомощи, христианством проведением воскресных дней и проч., – отошло теперь в область преданий. Штундобаптизм в Херсонской губернии успел совершенно уже деморализоваться: курение, считавшееся прежде у штундистов большим пороком, пьянство, нарушение целомудрия и супружеской верности, корыстолюбие, обман, воровство, поджоги, вражда не только к православным, но и своим единоверцам, среди которых даже на молитвенных собраниях происходят драки, грубость, сатанинская гордость, часто открытое сопротивление властям и т.п. пороки, – вот что теперь характеризует внутреннюю жизнь современного штундизма на его родине, – в Херсонской

губернии. Без сомнения, с течением времени то же самое произойдет со штундизмом и других мест, где он позже появился.⁴² Характеризующих в этом именно смысла нравственное состояние херсонской штунды достовернейших фактов так много, что я нахожу совершенно лишним и приводить их.

Религиозное состояние штундистов Херсонской губернии не может быть лучше нравственного, так как последнее является прямым следствием первого.

Протестантский принцип свободного толкования и личного понимания св. Писания, привитый немцами нашему штундобаптизму и легший в основу его вероучения, выдержан русскими сектантами более полно и прямолинейно, чем западными. В этом случай наш русский мужик является более логично последователен, чем его учитель немец. Теперь уже русские штундисты часто учат своих учителей немцев-колонистов, но чему учат, сейчас увидим.

Тридцать лет тому назад свободное отношение к св. Писанию выражалось у местных штундистов одним лишь произвольным толкованием его мест, приводимых ими в защиту своего лжеучения или цитируемых беседующими с сектантами для обличения последнего. Этот начальный период штундизма Херсонской епархии характеризовался необыкновенным подъемом религиозного духа его последователей и стремлением со стороны последних к сообразованию своей нравственной жизни с учением слова Божия. Далее у штундистов является сомнение в богодухновенности всех книг св. Писания Ветхого Завета, из которого сперва они признавали еще некоторый, а затем отвергли почти все до одной. Этот второй период в истории местного штундизма характеризуется особым отрицательным отношением ко всей обрядовой стороне православия, как не имеющей для себя во многом ясного указания в Новозаветном Писании, а основывающейся на отвергаемом сектантами св. Предании; характеризуется также этот период развития штунды более сильной и успешной пропагандой его лжеучения среди православного населения. В последние годы штундизм, логически верный упомянутому

протестантскому принципу отношения к св. Писанию, делает в отношении к последнему более решительный шаг: он начинает отвергать богодухновенность уже всего св. Писания, удерживая из него только то, что «нравится и что «полезно» последователям секты, в смысле их взаимных отношений и отношений к обществу и государственному строю.

Вследствие подобного отрицательного отношения к источникам христианского вероучения во многих уже местах среди херсонских штундистов замечается *проявление чисто атеистических идей*, высказываемых ими открыто, публично. В их суждениях, как увидим ниже, слышится уже не только отрицание православия, но и грубое отвержение всего христианства.

«Многие из штундистов, читаем в отчете братства, в беседах с миссионерами не редко высказывают самые крайние рационалистические суждения об основных предметах веры». «Так в селе Лысой-Горе, Елисаветградского уезда, Павел Цуркан публично утверждал, что ап. Павел мог погрешать не только в своей частной жизни, но и в учении, так, напр., ап. Павел «пришел в иерусалимский храм для поклонения» (Деян.24:11) по ошибке и в этом случае он поступил неправильно». На моих беседах штундисты некоторых мест, объясняя цитируемые слова ап. Павла, прямо говорят иногда, что св. ап. Павла, прямо говорят иногда, что св. апостол лгал на суде у Феликса для своего оправдания. Штундист того же села полянка на одной из миссионерских бесед утверждал, что ап. Павел в своих посланиях «не всегда говорил серьезно, а иногда говорил так себе, пустое».

Штундист м. Раснополя, примыкающего к д. Основе, родины всей русской и главного очага херсонской штунды, – Горобец так смотрит на св. Писание: «все, говорит он, что написано в Писании, будто оно было раньше, – неправда, и все, о чем говорится в нем, что произойдет когда-то в далеком будущем, – тоже неправда: существует одна природа».

Штундисты с. Петроострова, Елисаветградского уезда, уже открыто отрицают божество Самого Господа нашего Иисуса Христа. «Христос, говорит они, был простой человек, только

очень умный и добрый, хотя и не чуждый еврейских предрассудков; от этих предрассудков не могли вполне отрешиться и апостолы. Чистую религию свободы, чуждую всяких недостатков проповедует только штунда».

Вот вам немногие, но много говорящие образцы религиозных воззрений современных штундо-баптистов херсонской епархии. Неудивительно после этого, что местные штундисты более склонны к беседам и рассуждениям о вопросах социально-политических, чем чисто религиозных.

Как трудно убедить людей, не изучивших лично нашего штундо-баптизма, в полной политической его неблагонадежности, признанной, наконец, за ним и самим правительством. На поголовный, напр., отказ штундистов в верноподданнической присяге вступившему на престол Государю Императору многие смотрят, как на естественный поступок, вытекающий будто бы из учения сектантов непозволительности какой бы то ни было клятвы. Всецело с этим я никогда не соглашусь. Ни в одном еще году не высказывали херсонские штундисты так часто и так смело своих надежд на лучшее для них будущее, которое настанет-де скоро, благодаря посторонней (заграничной) помощи, как высказывали это в минувшем году; никогда еще бродили среди них и чрез них распространяемые в народе слухи об отнятии у помещиков земли и наделе ею крестьян, причем, по распространяемым сектантами слухам, последнюю получают одни только штундисты, как в том же году; никогда, наконец, не замечалось такого деятельного сношения наших штундо-баптистов с заграничными немцами-баптистами, как именно в минувшем году. Об ожидаемой себе помощи из-за границы штундисты не стесняются, высказываться даже публично, хотя и прикровенно. На моей, напр., публичной беседе в с. Малой-Виске, Елисаветградского уезда, один из штундистов по поводу изданного о них циркуляра министра внутренних дел, открыто высказался, что «хотя этот циркуляр утвержден самим русским Государем, но найдется такой, что освободит их, штундистов, от этого ига». На вопрос мой, кто же это может быть такой, сектант не пожелал ответить и твердил одно, что «такое лицо найдется».

Конечно, о подобных чаяниях и надеждах на заграничную (немецкую) помощь штундисты высказываются публично очень редко и с большою осторожностью, по причинам, думаю, всем понятным, но поговорите с ними об этом и о многих других социально-политических вопросах (о присяге, войне, податях, судах и проч.) наедине, и вы не узнаете в этих, по виду иногда смиренных и покорных, мужичках русских людей: все русское у них испарилось, выветрилось, вытеснялось и заменилось чисто немецким, враждебным не только Церкви православной, но и государству Русскому.

Итак, нравственно-религиозная жизнь и социально-политические воззрения современных херсонских штундобаптистов ушли далеко вперед, к несчастью, не к лучшему, а к худшему. Всюду теперь в их общинах замечаются разделения, споры, несогласия как в вопросах социальной, так и нравственно-религиозной жизни. Почти в каждом значительном центре штундизма являются новые толки: одни из сектантов отвергли всю обрядность штундистов, другие начинают праздновать вместо воскресного дня субботу, третьи меняют штунду на хлыстовщину, четвертые не верят ни в православие, ни в штунду и ударились в крайний атеизм и материализм. Над всем штундизмом царить дух антагонизма, дух отрицания, царить дух необузданной гордости, упрямства и своеволия. Но всех, однако сектантов крепкими узами связывают, всех сплавливает в одно необыкновенно глубокая, доходящая до слепого фанатизма ненависть ко всему, что только носит на себе печать и имя Православия.

Из этой беглой характеристики религиозно-нравственного состояния сектантства Херсонской епархии каждый, лично знакомый с миссионерским делом, поймет, при каких тяжелых условиях приходится ратоборствовать с врагами православия здешним миссионерам, которые должны уже иметь дело не только с заблуждениями в вере, но, к несчастью, и с неверием, доходящим до полнейшего отрицания всего христианства.

Но здесь невольно напрашивается на обсуждение такой вопрос: к лучшему или к худшему, в смысле успеха миссии, поведет в будущем такое безотрадное религиозно-нравственное

состояние херсонского сектантства и что нужно прежде всего и главным образом что следует предпринять для успеха дальнейшей с ним борьбы? Вопрос этот представляется далеко не лишним. Но об этом – в другой раз.

Михаил Кальнев

* * *

Помещая вышеозначенную мрачную характеристику нынешнего религиозно-нравственного состояния херсонской штунды, составленную на основании непосредственных наблюдений и близкого изучения этой секты одним из выдающихся по энергии и рвению дела труженников миссии, редакция считает долгом пояснить, что то же печальное явление духовного падения последователей этой секты наблюдается и в других районах распространения штундизма. Там, где штунда считает за собою десяток-другой лет существования, вы не узнаете уже некогда действительно одушевленных искателей истины и любителей слова Божия. Многие из русских некогда набожных людей прямо сделались в религиозном отношении «трупам» и даже «в неповапленных гробах», – людьми без духа живой веры и упования на будущую жизнь. И это вполне понятно, быть не могло в мире сектантской своевольной толпы, поправшей все догматические и исторические предания, предоставленной водительству умственных невежд фанатиков или безнравственных эксплуататоров; – лишенной наконец духовно-возвышающего культа. В чигиринской, напр., штунде Киевской губернии вот уже несколько лет как установлено тщательным духовным по гражданским расследованиям – существование крайне опасного атеистического направления, с проповедью о том, что священное Писание не должно служить для сектантов единственным правилом веры и жизни, как учила раньше штунда – *а законы природы*. В свящ. Писании, по мнению мужицких богословов этой секты, много противоречий, слово Божие претерпевало будто бы при переводах изменения и добавления со стороны духовенства и ученых богословов, *законы же природы всегда неизменны, они вечны, им одним надо только верить...* Человек должен стремиться к тому, *чего требует природа, а она сама стремится к благу. Благо и*

должно быть достигаемо всякими средствами, а так как благами крестьянства завладели богатые, то с ними необходима борьба... Последователи этого учения организовали из себя шайку которая перешла от слова к делу и ознаменовала свое направление целым рядом воровства и вандализма в отношении богатых соседей, так напр., у одного православного богатого мужичка, обзаведшегося своею молотилкой, однажды ночью завистливыми героями той же сектантской партии Чигиринской штунды, были сняты шестерни и проводы и брошены в Днепр. Во главе этой милой компании «истинно верующих христиан», – как называют себя сектанты, стояли два крестьянина Ш-ко и Ч-ный, ученики революционеров Дейча и Стефановича, привлекавшиеся к ответственности в конце 70 годов по известному Чигиринскому политическому процессу 180, а впоследствии, по возвращении из ссылки в Сибирь, сделавшиеся ярыми проповедниками штундизма или вернее анархизма, в оправе штундизма и неверия. По показанию неложных свидетелей из бывших последователей этого безбожного толка штунды, Ч-ной на собраниях и братских беседах секты разъяснял, что «теперь-де штунда Евангельская – глупость, пустяки, что для своего спокойствия не грех и притвориться православным, можно ходить и в церковь, а в тайне делать свое штундовое дело, что штунды должны непременно соединиться с политическими, так как у них один общий враг Царь. Все стремления секты должны быть направлены к освобождению от (монархической) власти Царя, а после тою от прочих, поставленных от него властей, а также от панов и попов и тогда жизнь будет лучше: все будет общим, работать будут только три часа в день, как это якобы делается в Америке, что политические союзники штунды, – последние многочисленны и сильны и везде имеют своих агентов, что для измора врагов этой партии имеются тате снаряды (бомбы), которые разрываются на суше и воде», и проч., в этом же роде.

Когда же один из показателей (Тит Шутенко), мужик грамотный, толковый и боящийся Бога, обдумывая всю опасность анархической проповеди вожака своей сектантской

общины, возражал Ч-му, что в свящ. Писания заповедано: «Бога бойтесь, Царя чтите», – вожак уверял, «что теперь Евангелии никто не верить, так как дошедшее до наших времен Евангелие – дело рук человеческих, такое же измышление человеческого разума, как и все другие человеческие писания, законы и установления».

При этом упомянутый вожак Чигиринской штунды убеждал своих единомышленников сектантов и пытался завести коммунистические начала в жизни общины, в которой было бы все общим достоянием, сообща бы закупалась земля, снимались мельницы; такая община – уверяли Ч-й – несомненно будет процветать и своим материальным благосостоянием будет привлекать к себе многих последователей из бедного православного люда и последние будут охотнее переходить в секту из православия и ряды наши увеличатся. По отзыву тех же свидетелей, Ч-й вел беседы свои хитро, постепенно пропагандируя воззрения своих слушателей. Речи его производили сильное впечатление на последних, – хотя и возбуждали страх. Упомянутый Тит Шутенко, представляя собою противовес Ч-му, не раз обращался к штундистам с предупреждением, «что такие беседы добра не доведут», но все молчали: одни смотрели на вожака, как на благодетеля, другие его боялись, как опасного человека. Тит Шутенко, как честная натура и верный сын Царя и отечества, не мог долго мириться с новым безбожно-анархическим направлением Чигиринской штунды, отстал от кружка, покался, и воссоединился с Церковью и не смотря на все угрозы своих бывших единоверцев, сообщил о вредных затеях местной штунды приходскому священнику и местному начальству.

Вот какие речи на собраниях ведет штунда?! Не прав ли был после того в Бозе почивший Император Александр III, издавший закон о воспрещении штундовых богомоленно-проповеднических собраний, как одного из опаснейших способов пропаганды всяких лжеучений среди русского православного народа?

Исследователям современного сектантства серьезное нужно обратить внимание на раскрытие во всей наготе религиозно-нравственного состояния сект и их преступных политических

чаяний. Пора снять то покрывало фарисейского напускного благоприличия, которыми вводится в обман наша распинающаяся за сектантство интеллигенция и близорукие из административных исполнительных органов власти. – И первые, и последние, по укоренившейся рутине либеральной, смотрят «не на корень дела», – не на мир духовных и политических воззрений, воспитываемых в народе нашим сектантством, а на поверхность – восхищаются тем, что сектанты и пьют, и подати отлично платят. Уж на что был хваленый народ – закавказские духоборы, которыми в течение полувека восхищались не только приставы, но и губернаторы, а ныне, оказалось, что правительство пригрело страшную анархическую гидру, с которою теперь нет сладу! Но об этом поговорим особо в свое время.

Преизобильно источаемые чудеса милости Божией от раки нетленнопочивающих св. и многоцелебных мощей Святителя Феодосия Черниговского продолжают производить все более и более усиливающееся животворное действие на сердца не только православно-верующего народа, но и на мир расколосектантства.

Со времени торжества открытая мощей под впечатлением опубликованного на страницах «Миссюнерск. Обозрения» известного знаменательного акта о признании истины нетления св. мощей, святости новоявленного Угодника Божия Феодосия, прибывшими на черниговское торжество раскольниками-депутатами, в старообрядческих общинах имя новоявленного чудотворца сделалось знаменем самого серьезного пререкания: одни, опираясь на очевидность дивных событий, желают и стремятся уверовать в святость великого Угодника Божия и в истину православия, другие же, закоснелые в своем упорстве, наипаче же начетчики и раскольничьи лжепопы, эти хищные волки в овчей одежде, всемерно ухищряются в клевете, лжи, обмане и в нестерпимых хулениях на угодника Божия, на православную Церковь, на св. Синод и русскую иерархию. Верховоды раскола всячески стараются ослабить то глубокое впечатление, какое сделало великое Черниговское торжество на раскольничий мир и которое производит ныне дивные чудеса.

Помимо устной пропаганды составлены были московскими заправилami раскола по поводу открытия мощей св. Феодосия клеветнические тетрадки, где, между прочим, подрывалось и доверие к подлинности упомянутого акта и к достоверности изложенных в нем показаний раскольниковых депутатов. В заграничном раскольничьем органе – «Слове правда» напечатано было, от имени подписавшего акт Владимирского раскольника Кудасова, что якобы они депутаты мощей и не осязали, и не видали, а прикладывались к чему-то одетому в ризы, твердому, как дерево... Известный своими продерзостями редактор подпольного листка, Мельников на этом основании уверял своих читателей, что в раке лежат не нетленные останки святого, а деревянная колода; – на такой де обман православный Синод всегда был способен...

Подобные толки не могли не проникнуть в среду тех раскольничьих общин, откуда были депутаты; последние были заподозрены в лукавстве. И вот в истекшем мае, собравшись на беседу православных миссионеров, свящ. Орлов и мирянин Тарутин и раскольники меленковского уезда решили разоблачить ложь и найти правду: потребованы были бывшие депутаты в собрание на очную ставку, где публично и решительно просили их засвидетельствовать, справедливы ли их показания в акте и ложны ли распускаемые от их имени толки, что якобы мощи св. Феодосия не действительны. Депутаты начали клясться и божиться, что все изложенное о них в акте верно и что они к составлению лжи в тетрадках не причастны, причем пожелали слова свои тут же подтвердить новым актом, который и был составлен. Ниже мы печатаем знаменательный документ в подлиннике. Акт этот несомненно имеет важное миссионерское значение, как очевидное разоблачение лжи и коварства начетчиков-верховодов, державших в погибельной тьме темную раскольничью массу. Большое спасибо усердным Владимирским миссионерам за эту их услугу делу миссии.

Достойно внимания, что даже и в такую, омертвевшую в своей вере в чудеса и святость угодников Божиих, среду, как штунда, начинает проникать слава о великом Чудотворце Черниговском и вызывает в сектантах чувства благоговения.

Из Херсонской епархии сообщают, что там многими сектантами штундистами не раз высказывалось миссионерам желание самим воочию убедиться в истинности нетления мощей и в чудесах. Попечительный об успехах миссионерского дела в епархии Архиепископ Иустин дал миссионерам благословение и средства исполнить благочестивое желание штундовых соглядатаев. И вот в начале мая епархиальным миссионером г. Кальневым и двумя окружными миссионерами-иереями предпринято было паломничество с сектантами и новообратившимися в Чернигов и Киев. По пути к миссионерско-сектантской группе присоединились православные и составилось трогательное братство, душ в сто, из духовно и физически немощствующих: все с духовным трепетом спешили к Черниговской купели исцеления, – к раке св. мощей великого Чудотворца. В числе паломников был, между прочим, один тяжело больной мещанин Федоров, более двух лет страдавший нервными припадками, доводившими его до буйства и беснования. Как во время пути на пароходе, так особенно по прибытии в Чернигов, страдания его были настолько сильны, что бывшая с ним жена его ужасалась при виде такого его положения, говоря, что никогда он так не мучился. Едва 8–10 человек могли его привести, или – правильнее – принести в собор, в коем почивают мощи Святителя; но лишь только усилиями приложили его к святым мощам, как тотчас больной затих и потом попросил опустить на пол его ноги, и он стад на колени пред ракой угодника Божия и как бы впал в забытие. В это время совершался молебен Святителю о здравии болящего; его глаза, уши, уста и грудь были помазаны елеем, взятым от лампады, а голова его покрыта воздухом от мощей Святителя Феодосия. Через несколько минут Федоров сам стал на ноги и уже совершенно сознательно, без посторонней помощи, приложился к святым мощам, громко, во всеуслышание, молясь Богу об исцелении своего недуга. Через несколько времени он выпрямился во весь рост и воскликнул: «благодарю Тебя, Господи; теперь я узрел Твой свет». После чего, обратясь к народу, горячо благодарил его за молитвы о нем. Вышедши из храма, Федоров всю дорогу до квартиры шел совершенно

спокойно, непрестанно крестясь и благодаря Бога и угодника Божия за свое исцеление. 4 и 5 мая он был вместе с другими за церковными службами, исповедался и причастился святых таин. 6 и 7 мая вместе с ними посетил Киевские святыни и 9 числа возвратится в Елисаветград, откуда, как и во всю дорогу, чувствуя себя здоровым, возвратился в город Вознесенск, хваля и славя Бога, дивного во святых Своих. Все сектанты, прибывшие в Чернигов и видевшие его чудесное исцеление там, – по их искреннему желанию были торжественно присоединены 5 мая к православию и удостоены святого причащения. О всем случившемся тогда же составлен официально акт за подписью многих очевидцев, херсонских миссионеров и членов соборного причта. Событие знаменательное! В исцелении штундовой язвы сектантов Господь явил новое чудо чрез Своего Угодника!

На страницах «Вор. епарх. Вед.» мы встретили многополезный прием в деловых сношениях местного епархиального миссионера г. Рождественского с приходским духовенством епархии. Знакомясь при миссионерских разъездах своих с наиболее распространенными в местном духовенстве недоумениями и нуждам относительно миссионерского полемиического дела, новый молодой миссионер (из кандидатов С.-Петербургской академии) начали обращаться к духовенству с разъяснением и руководственными указаниями «в форме открытых писем», помещаемых на страницах епархиального органа. Такой способ миссионерских сношений с духовенством имеет за собой весьма много преимуществ. Самая форма письма обуславливает собою более живой простоты, задушевности тона, чем обычная статья. Прекрасная мысль таким путем влияет на все духовенство епархии, здесь невольно заинтересуются и те иереи, у которых о миссии нет никаких ни понятий, ни забот, а между тем наше время таково, что всякий священник должен быть готов дать ответ вопрошающими об уповании. При таком способе общения, и миссионер и духовенство удобно могут стоять на страже интересов и успехов общего дела миссии.

Последнее свое письмо миссионер адресовал ко всем пастырям с просьбою сообщить ему нужные для 3

миссионерского всероссийского съезда сведения о расколосектантстве по полному ряду намеченных г. Рождественским вопросов.

Священник Самарской епархии, о. Мих. Матюшинский сообщает интересные сведения о состоявшихся в с. Мостах Николаевского уезда в истекшем мае полемических беседах местного благочинного и миссионера о. Елпиденского с известным раскольничьим апологетом Перетрухиным, которого последователи австрийского толка величают «великими логофетом»; но по сведениям нашего корреспондента оказывается, что Самарская раскольничья звезда с теми же темными пятнами, как и все подобные ему раскольничьи логофеты и апологеты: – наемники и комедианты, которые беседуют не для того, чтобы, найти и выяснить религиозную истину, а чтобы отуманить, затмить последние проблески здравого смысла своей толпы и чтобы получить хороший куш «за выход». Перетрухин долго не хотели являться в Мосты на приглашение своих бедняков единоверцев, так как они не хотели или не могли уплатить ему за визит более 10 р., а он привык получать не менее 50 р. И только лишь угрозы одних из австрийцев с. Мостов оставить моленную и принять единоверие, а других – пожаловаться московскому духовному совету – заставил наконец явиться на беседы, которые длились несколько дней. О. Елпиденский, видно, миссионер опытный, красноречивый и начитанный в старопечатных книгах, так что Перетрухин, чувствуя силу оппонента и свою слабость, пытался отделяться суесловием и увертками, который заставляли смеяться даже самих раскольников. А когда Перетрухин вздумал было читать что-то из газеты «Свет», то местный наставник Лазарев зело возмутился этим и не удержался, чтобы не заметить апологету, говоря: «ты, К.А., читай нам из писания, а не из каких-то газет». В конце же беседы наставник беглопоповской местной общины Киселев торжествующе и велегласно возопил: «напрасно вы, австрийцы, вызывали Перетрухина защищать вашу иерархию, он все время защищал не ваше, а наше окормляемое бегствующим священством общество». Австрийцы вышли с беседы мрачные и видимо недовольные на логофета,

которого после беседы осыпали разными ругательствами и даже хотели предать «жестокому телесному озлобленно"... Раздосадованный в свою очередь логофет, приняв не надоевшее утешение от капель монопольного сикера, поспешил восвояси и дорогою хорошо выпивший логофет потерял чемодан с несколькими пудами книг, последние нашел один из местных баптистов, и поспешил возвратить находку по принадлежности. При виде багажа книг, растроганный логофет сначала бил земные поклоны пред иконами, а после сейчас же начал пить зелено вино вместе с трезвым штундистом». Поучительная картинка, – нечего сказать...

Э. Я.

IX. Библиографические отзывы о книгах

Козицкий И. [Рец. на:] Г.П. Добротин «Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу» // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 650–654

Г.П. Добротин. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Издание журнала «Миссионерское Обозрение». Киев, 1897 г. in 80 110 стр. ц . 1 р. с пересылкою.

Вопрос об отношении нашего уголовного законодательства к еретикам и раскольникам представляет собою величайший интерес не только с государственно-правовой, но и церковно-канонической точки зрения, потому русские криминалисты, а также исследователи канонического права и расколоведы уделяли и уделяют ему должное внимание как в специальных курсах, так и в отдельных трактатах, рассеянных в разных периодических изданиях. Знакомство с вопросом об отношении нашего уголовного законодательства к еретикам и раскольникам является предметом настоятельной необходимости в особенности для тех, кто приходит в то или другое соприкосновение с расколом и сектантством, потому-то на страницах «Миссионерского Обозрения» и было охотно дано место труду Г.П. Добротина, под заглавием «Закон и свобода совести в отношении к расколу и лжеучению».

Исследование г. Добротина, распадающееся на шесть глав, чрезвычайно широко захватывает вопрос об отношении нашего уголовного законодательства к еретикам и раскольникам, поставляет в связь с церковно-византийским законодательством и проводит параллель между нашим законодательством и законодательствами западноевропейских народов по данному вопросу. Иной постановки своему исследованию автор и не мог дать.

Наши законоведы-криминалисты в большинстве случаев неблагосклонно относятся к ныне действующему русскому законодательству по отношению к еретикам и раскольникам: не смотря на то, что наши законы касательно данного вопроса получили определенный вид и были *кодифицированы* только

после весьма продолжительной переработки их, люди науки, специально посвятившие себя изучению русских уголовных законов, отдел нашего законодательства, интересующий нас, считают сколком с церковно-византийского законодательства, потому признают его устаревшим настолько, что он якобы не может идти в сравнение ни с одним из западноевропейских кодексов этого рода, и нуждается в коренной перестройке. По воззрению наших криминалистов, коренные начала нашего законодательства по отношению к раскольникам и еретикам *не осуществляют всецело понятий свободы совести и веротерпимости*, – так как они, будучи проникнуты чисто-каноническим характером, не могут отрешиться от устаревших принципов абсолютной ортодоксии и монопольного прозелитизма. Русская вероисповедная политика (следовательно, и отношение к еретикам и раскольникам) *ненормальна*; церковь и государство, вступивши между собою в союз, выходят из подлежащей им сферы ведения: церковь впадает в несвойственное ей положение, когда, заручившись полномочиями от государства, принудительно поступает против еретиков и раскольников, вследствие чего теряет *свой духовный характер*; а равно и государство, вмешиваясь в дела веры, подлежащие исключительно ведению церкви, преступает пределы своей власти, ограничивает церковь и поставляет ее в зависимое положение. Отсюда, по мнению этих представителей науки, непригодность нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников требует настоятельной реформы, покоящейся, по подобию западноевропейских кодексов, на началах личной совести и веротерпимости. Реформа эта вытекает из духа и характера христианства и практических соображений нашего культурного века, требующих счастья о благоденствия народов. Представители культуры и цивилизации идут еще дальше: они проповедуют по образцу западноевропейских государств совершенное отделение церкви от государства, обоюдное существование которых определится девизом: «свободная православная греко-восточная церковь в свободном российском государстве» (5–13 стр.).

Автор рассматриваемой нами монографии, в виду такого разномыслия по данному вопросу, свое исследование направляет к той цели, чтобы показать, действительно ли, как утверждают наши криминалисты и люди культуры, отношение церкви к государству в России, представляющее собою один из типических образцов церковно-государственного единства, есть явление ненормальное, вредное для развития церкви и государства? Но прежде, чем решить этот вопрос, наш исследователь рассматривает два посредствующих вопроса, необходимых для уяснения дела – возможно ли с точки зрения Христова учения допустить абсолютную свободу совести, вместе с тем абсолютную, доходящую до безразличия, веротерпимость (14 и 16 стр.)?

Религиозная безусловная свобода в смысле права исповедовать то религиозное убеждение, какое кому нравится, не имеет основания для себя в положительном учении христианства, несогласно с Евангелием и явилось у людей западноевропейского образования только *по недоразумению*. Автор все доводы в пользу абсолютной религиозной свободы находить логически несостоятельными: уже в силу того, что истина христианского учения едина, абсолютна, а не относительна, потому и общеобязательна, невозможно допустить абсолютной свободы в деле понимания религии. Отсюда становится ясным, почему государство не может допустить абсолютной, доходящей до безразличия, веротерпимости; оно, по необходимости, должно стать в то или иное отношение к религиозному разномыслию. Осуществление же принципа последователей западноевропейской культуры – *свободная церковь в свободном государстве* – является в действительности невозможным, так как нельзя допустить, чтобы две совершенно свободных силы могли рядом друг с другом существовать без какой бы то ни было «связи» или взаимодействия, ибо обе свободные силы должны войти в союз между собою, иначе сказать, должны войти в борьбу, что в действительности на западе и существует. Потому западноевропейские государства, включив в себя церковь, как одну из корпораций, пользуясь правом суверенитета, стесняют

сферу автономию церкви. Следовательно, принцип отделения церкви от государства – одна утопия, одна мечта. Отсюда и принципы вероисповедной политики, легшие в основу уголовного западноевропейского законодательства относительно преступлений против веры вообще, нужно признать ложными; горькая действительность, как показывает опыт, привела к плачевным результатам на Западе свободную церковь в свободном государстве, – результатам, выразившимся в крайнем религиозном индифферентизме и атеизме (III и IV главы)!

Нормальное же отношение между церковью и государством с точки зрения истинного христианства должно покоиться на началах единения и союза, так как государство не может существовать без нравственной силы, заключающейся в религии, и вместе с тем и в церкви; равно – как и церковь для своего внешнего благоденствия и преуспевания нуждается в опоре государства. Христианнейший и самый лучший вид отношений между церковью и государством – тот, когда они единством духа и веры входят между собою в благонамеренный и общепользительный союз, без взаимного посягательства на целостность и независимость того и другого института. Исходя из такого положения, наше государство не может, по образцу западноевропейских государств, индифферентно относиться к еретикам: признав принцип единства истинной веры, оно не могло в уголовном кодексе законов не вступить на путь ограничения по отношению к раскольникам и сектантам с одной стороны, а с другой – не могло оставить православие, безусловно-согласное с учением Христовым, без охраны и защиты – от посягательств лжеучений, уклонившихся от единства веры (V глава). Последняя глава исследования г. Добротина представляет собою систематизацию уголовных законов в нашем государстве, направленных, в ограждение православия, против сектантства и раскола.

Из предложенного нами краткого содержания рассматриваемой нами монографии явствует, что труд г. Добротина по вопросу об отношении нашего законодательства к лжеучению и расколу хотя и касается предмета не нового, но живого и потому всегда интересного, тем более что и по задачам

своим, и по выполнении их труд почтенного нашего сотрудника вполне заслуживает самого серьезного внимания как деятелей суда, так и служителей миссии Церкви. Автор исследует данный вопрос всесторонне и вполне научно, так что помимо своего общего интереса монография г. Добротина может быть весьма пригодною справочною книгою для тех, кто так или иначе соприкасается с нашим расколосектантством.

Правда, по местам исследование г. Добротина читается не легко и требует значительного умственного напряжения (в особенности – в вопросе о свободе совести), потому далеко не может претендовать на популярность; но это обстоятельство не может быть поставлено автору в вину: предметом содержания вполне определяется и характер изложения рассматриваемого нами сочинения. Названное сочинение, не имея заключительной главы, оставляет у читателя его не вполне приятное впечатление незаконченного, оборванного. Это объясняется тем, что напечатанный труд г. Добротина составляет собою только первую половину осуществления той задачи, какую имел в виду автор. В самом непродолжительном времени имеет печататься на страницах миссионерского журнала и вторая половина.

Пожелаем же труду нашего автора, как безусловно полезному по самому своему существу, широкого распространения в особенности среди людей, интересующихся делом миссии.

П. Козицкий

Козицкий П. [Рец. на:] А. Надеждин «Спиритизм пред судом христианства» // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 654–656

Спиритизм пред судом христианства. А. Надеждин. Издание «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». СПб. 1896 г. in 16° 116 стр.

Спиритизм, возникший около 50-ти лет тому назад в Америке, а оттуда перекочевавший в Европу и к нам, в Россию, является целой религиозно-философской системой, враждебной христианству. Он составлен из различных древних и новейших мистико-рационалистических учений, с привнесением некоторых идей гуманизма и натурализма, отчасти и христианских воззрений. Представляя из себя амальгаму всевозможного рода учений, он отвергает основные христианские догматы и удерживает только нравственную часть Евангельского учения. Отвергая таким образом сущность христианства, спиритизм как бы хочет стать на его место: называет себя «третьим откровением Божия закона, новой «міровой религией» – без храмов и священников (место последних заменяют сеансы и медиумы), задается целью по-своему «просветить и морализовать человечество» и коренным образом реформировать его – (3–5 стр.).

Будучи учением богохульным и богопротивным, он как бы обобщает в себе еретические и сектантские доктрины. Опасность спиритизма кроется не в самом характере его учения, а в программе его деятельности: он действует на своих адептов слишком обольстительно и хитро. Он не требует от своих последователей отречения от прежних их верований; никого и ни в чем не стесняет и старается угождать вкусу каждого: одних из последователей он обольщает религиозною свободой; других – безнаказанностью в нравственном отношении; третьих – наглядным и будто бы осязательным решением непонятных в христианстве вопросов. Таким образом спиритизм является опасной духовной эпидемией для современного общества,

легкомысленного, в деле веры индифферентного или невежественного, нервно – беспокойного, жаждущего новизны и сильных ощущений (стр. 7).

Из представленной нами краткой характеристики спиритизма, как учения, явствует, что оно не есть праздное и пустое занятие суетно-легкомысленных людей, а есть пагубно-враждебная христианству доктрина, с которой необходимо бороться нашей церкви, всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Труд г. Надеждина, посвященный разбору спиритизма с христианской точки зрения и изданный «обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви», является вполне благовременным и заслуживает того, чтобы остановить на нем должное внимание наших читателей.

«Ключ всего спиритического знания» лежит в учении о духах, или точнее, о душах умерших, сообщающих людям, при посредстве медиумов, свои новые откровения. В этом пункте спиритизм, по-видимому, сближается с христианским учением о бессмертии души и стремится, будто бы, поддержать и укрепить это учение. Поэтому г. Надеждин в своей брошюре решает вопрос, *можно ли с библейской точки зрения допустить явление душ умерших из загробного мира и нужно ли постоянное общение их с живыми людьми.* Автор на основании Слова Божия подробным образом раскрывает положение, что души умерших людей ни по своему произволу, ни по желанию живых людей не могут являться к последним и сообщать им те или другие сведения. Кроме этого, подобные общения, как неугодный Богу, совершенно не нужны и излишни и изыскание способов к таковым общениям воспрещено еще в В. Завете, как дело богопротивное (Втор.18:9, 11, 12; Лев.19:31; 20:6, 26). Святоотеческая литература, согласно с св. Писанием, подтверждает невозможность и излишество явлений из загробного мира. Невозможны подобные сношения и с нравственной точки зрения: если человек дошел до такого падения, что не слушает гласа Божественного откровения, то для него всякие другие уверения в истине будут напрасны (I глава, стр. 10–35).

Затем автор переходит к вопросу, имеют ли какое-либо основание спириты допускать надобность новых откровений после всего, что дано для спасения людей, и на основании Слова Божия и исторической жизни всей православной Церкви разрешает этот вопрос в отрицательном смысле. Спириты, вопреки Слову Божию, в своих рассуждениях «о прогрессе в понимании истины» выходит за пределы дозволенного: они неизблемую *божественную истину* пополняют и изменяют излюбленными мечтаниями и идеями, в корне подрывают христианские догматы и отрицают св. церковь, чем и нарушают целость и неприкосновенность Богооткровенной христианской религии (II гл., 36–66 стр.). –

Отвергну основные принципы, на которых утверждается спиритизм, г. Надеждин разбирает с христианской точки спиритические или медиумические явления и откровения и приходит к следующим выводам. Целый ряд так называемых спиритических, или медиумических феноменов и манифестаций (верчение столов, летание, появление и исчезновение предметов, появление и материализация отдельных частей тела и т.д.) – продукт: а) фокусничества, б) злонамеренного обмана и шарлатанства, с) самообмана и d) таинственности и недостаточной обследованности психических явлений. Сам спиритизм полон внутренних противоречий и фантастических гипотез: он о материализовал дух человеческий, который должен быть простым и невещественным; свободу духа к проявлениям он ограничил пустою и мелочною областью; общее руководство в спиритизме принадлежит не духам, а разуму человеческому. Характер спиритических феноменов и манифестаций не позволяет видеть в них воздействия Божественного; таинственно-духовная сторона спиритических сеансов, с настойчивостью доказываемая самими спиритами, всецело должна быть приписана воздействию злых духов, каковой взгляд на это уродливое явление вполне согласуется и с Словом Божиим и с святоотеческой литературой. Подобного взгляда на спиритизм держатся протестантские ученые (проф. Шнейдер и Визер) и православные богословы, касавшиеся этого предмета,

(Моск. митр. Филарет, архиепископы – Иннокентий и Никанор, Игнатий епископ Кавказский).

В заключение своего труда автор дает такую краткую характеристику спиритизма. «Спиритизм, это «уравновешенное мировоззрение», представляет собою вероломное богоотступничество и возмутительное нарушение первых заповедей закона Божия, запрещающих служение иным богам и творение кумиров; здесь в новых формах восстанавливается древнее язычество и создаются кумиры, в лице измышленных духов, и практикуется служение демонам, таящимся коварно под видом наших умерших братьев» (III-я глав. 67–116 стр.).

В виду того обстоятельства, что спиритизм является не менее, если не более опасным врагом православия, чем и все ереси, и секты, пожелаем самого широкого распространения полезному труду г. Надеждина по преимуществу в среде нашей интеллигенции, влаемой всяким ветром учения.

П. Козицкий

Н.В. [Рец. на:] Разногорский М., пр. «Сборник статей в обличение штундизма и в утверждение неопытных в истинах православной веры» // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 656–658

«Сборник статей в обличение штундизма и в утверждение неопытных в истинах православной веры. Труды Ректора Екатеринославской Духовной Семинарии Протоиерея Михаила Разногорского. Изд. Орловского Православного Петропавловского Братства». Орел. 1891 год II+337 стр. Цена 75 коп.

Настоящий сборник включает в себе двадцать статей о. протоиерея М. Разногорского, печатавшихся разновременно в «Екатеринославских Епархиальных Ведомостях». Все эти статьи более или менее похожи одна на другую по манере изложения и приемам исследования предмета, тем не менее не все одинаково пригодны для той цели, для которой предназначили сборник его издатели, – служить полезным пособием для пастырей Церкви в борьбе со штундизмом и надежным руководством для утверждения православных христиан в истинах веры и благочестия.

Сборник начинается статьей «О единстве Церкви». Уже одно заглавие этой статьи может сразу же возбудить некоторое недоумение в читателе, знакомом с основными вопросами противостундистской полемики. Конечно, вопрос о Церкви есть один из основных вопросов этой полемики. Но из многих частных предметов, обнимаемых вопросом о Церкви, ближайшее значение для целей полемики со штундистами должно иметь раскрытие той истины, что вне Церкви нет спасения, и уяснение главным образом двух существенных признаков истинной Церкви – полноты заключающихся в ней благодатных даров и богоучрежденности ее иерархии. Доказывать же против штундистов истину единства Церкви нет особенной надобности, так как, с одной стороны, сектанты не высказывают никаких отрицательных суждений по этому предмету, а с другой – самое положение о единстве Церкви не может послужить основанием

для каких-либо выводов, обличающих заблуждения штундизма. И в дальнейших статьях о. Разногорского эта истина, положенная им как бы во главу угла, на самом деле не имеет никакого приложения.

Таким образом, в первой статье о. Разногорский говорит о том, о чем ему собственно не было нужды говорить и умалчивает о том, что следовало рассмотреть основательно и обстоятельно, – о том, что спасение возможно только в учрежденной Господом Церкви, обладающей полнотой благодатных даров, сообщаемых верующим в таинствах чрез законно рукоположенных священников. Правда, автор касается последнего вопроса в третьей статье сборника («О богоучрежденности и непрерывности Священноначалия в Христовой Церкви»), однако не дает ему и здесь ни достаточно твердой постановки, ни ясного и всестороннего разрешения. При том же, благодаря этому отступлению, в содержание самой статьи привносится новый предмет, в заглавии не указанный, а то, что, судя по заглавию, должно бы составлять прямой и единственный предмет ее, остается в свою очередь слабо выясненным и недостаточно твердо обоснованным.

Еще возбуждает недоумение заглавие статьи пятой: «О неповторяемости св. таинства крещения». Штундисты совсем не учат, что таинство крещения можно повторять, и никогда не повторяют своего крещения; если же они перекрещивают приходящих в их секту православных, то лишь потому, что считают недействительным совершаемое в прав. Церкви крещение детей. Поэтому в вопросе о крещении против штундистов следует доказывать не то, что крещение неповторяемо, чего штундисты и не оспаривают, но то, что крещение может и должно быть совершаемо и над детьми и в этом случае должно считаться так же действительным и неповторяемым, как и крещение, совершаемое над взрослыми. Собственно говоря, эта мысль доказывается и в рассматриваемой статье, но доказывается так неловко, что трудно разобрать, к чему собственно автор ведет свои рассуждения, – к тому ли, что крещение вообще неповторяемо,

или же к тому собственно, что не должно повторять его над людьми, крещенными в детском возрасте.

Вообще недостаток точности и ясности в формулировке и отчетливости в разрешении обсуждаемых вопросов, – недостаток, довольно ощутительный в статьях о. Разногорского, вошедших в состав рассматриваемого сборника. Недостаток этот особенно ощутителен тем, что читателю часто бывает очень трудно уловить основную мысль автора и в ее раскрытии и обосновании выделить существенное и важное от случайного и не имеющего прямого отношения к делу.

В своих статьях о. Разногорский говорит много *от Писаний*. Однако и в этой особенности многие могут усмотреть скорее недостаток, нежели достоинство. Конечно, не только можно, но и должно приводить тексты св. Писания, которыми заблуждения штундизма опровергаются, и чем больше таких текстов приводится, тем лучше. Но говорить от Писаний без очевидной в том надобности, по одной только привычке украшать речь текстами – не всегда назидательно и полезно.

Не можем не отметить еще один частный прием о. Разногорского, по нашему мнению, не вполне удачный. Он нередко в заключение всех своих рассуждений прибегает к такому доводу: «так учит Церковь, которая есть столп и утверждение истины». Думаем, каждому понятно, что для сектантов, отвергающих авторитет Церкви, такое доказательство не может иметь решительной силы.

Нельзя не пожалеть, что то основательное знание св. Писания, которым бесспорно обладал автор статей, не с большим искусством приложено к делу обличения штундизма. Только опытные миссионеры, основательно изучившие вероучение штундизма и достаточно искусившиеся в тонкостях противоштундистской полемики, могут, пожалуй, извлечь надлежащую пользу из того малоупорядоченного материала, какой представляют собою статьи рассмотренного нами сборника. Признать же этот сборник *"надежным руководством для утверждения православных христиан в истинах веры и благочестия"* – дело рискованное.

Н.В.

Х. Известия и заметки

Знаменательный документ // Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 659

1897 года. Мая 25 дня. Мы нижеподписавшиеся старообрядцы, крестьяне деревни Борковки Меленковского уезда уставщики: Бегло-поповского – Владимир Алексеев Седов и поморского согласия Федор Ермолаев Кудасов и беспоповец крестьянин деревни Песочной Андрей Кузьмин Володин, сим свидетельствуют пред Богом и людьми, что подписанный нами Акт в г. Чернигове есть непреложная истина, а вышедшее показание, писанное уставом, наполненное разными хулами на угодника Божия св. Феодосия от имени Владимира Седова, есть **ложь и клевета** на нас и мы в составлении ее не участвовали, признавая таковую гнусную клевету измышлением лукавого; – в чем и подписуемся... На подлинном подписали: Владимир Алексеев Седов «Я ложь не писал. Федор Кудасов и Андрей Володин».

Подписку отбирал, возивший их в г. Чернигов, миссионер свящ. Владимир Орлов. При сем присутствовал пристав 1-го стана Меленковского уезда М. Доброхотов. Означенное показание дано вышеозначенными старообрядцами во время публичной беседы в селе Шиморском в присутствии местных священников и миссионеров, при стечении 200 народа. Священник Иоанн Кедрин, Священник Василий Рождественский, Миссионер Александро-Невского Братства Тимофей Николаев и приложена печать Церкви Шиморского села. С подлинным верно, в чем Выксунское волостное правление и удостоверило Мая 26 дня 1897 года.

Волостной старшина

Обследование закавказского сектантства //
Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. 659–
660

В газете **Кавказ** напечатано следующее сообщение: «в начале истекшего мая чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода В.М. Скворцов был командирован статс-секретарем К.П. Победоносцевым в распоряжение г. Главноначальствующего князя Г.С. Голицына, согласно желанию его сиятельства, для всестороннего исследования современного состояния закавказского сектантства и, в частности, духоборческой секты, в качестве известного знатока русского сектантства и миссионерского дела. В 1890 году, в виду развития на юге России штунды, В.М. Скворцов временно откомандированный в

–660–

Киев, в распоряжение киевского генерал-губернатора, для поручений по сектантским делам, в 1896 году был командирован в Закавказье Св. Синодом и министерством внутренних дел по делу о духоборческой же секте. В последний свой приезд на Кавказ почтенный исследователь провел в Закавказье два месяца, посетил все селения духоборческие, много беседовал с последователями разных партий этой секты, а также осматривал центры и других сект, последователей которых в нашем крае числится около 80 т.

22 июня В.М. Скворцов отбыл к месту своего служения.

От редакции журнала «Миссионерское Обозрение»// Миссионерское обозрение. 1897. Июль, кн. 1. С. I–II

(второй год издания)

Посвящается делу, так называемой, **внутренней**, по преимуществу **противосектантской миссии** отечественной Церкви, в борьбе ее с *рационалистическим и мистическим сектантством*, существующим среди православного населения многих епархий, то в виде старых сект – *духоборства, молоканства, жидовства*, то в новейших формах – *штунды, баптизма, пашковщины, толстовщины*, а также в виде тайных сект – *хлыстовства, шалопутства, мормонства, скопчества* и др., а также противораскольничьей миссии.

Во вторые выпуски журнала входят отделы:

I) Положительное изъяснение и полемико-истолковательный разбор мест Свящ. Писания, извращаемых лжеучениями русского сектантства. **II) Извлечение из творений св. отцов** (преимущественно II–IV вв.) и произведений знаменитейших авторов отечественной Церкви – учения о тех догматических, нравственных и обрядовых истинах веры, относительно коих неправо мыслят русские сектанты. **III) Очерки и рассказы** из религиозной и бытовой жизни русского сектантства и раскола. **IV) Беседы** в обличение лжемудрований русского сектантства и раскола. **V) Догматические** проповеди, катехизические поучения и библейско-истолковательные беседы. **VI) Внебогослужебные чтения и собеседования.** **VII) Миссионерские листки**, представляющие ответы из слова Божия вопрошающим.

В книжках **второго выпуска** предметом особых забот Редакции будет **проповеднический** отдел. Здесь, на ряду с догматическими и катехизическими поучениями, будут помещаться **апологетические поучения** и **обличительные** против заблуждений **сектантства и раскола**, а также **беседы на евангельские и апостольские** чтения, с святоотеческим истолкованием извращаемых сектантским лжемудрованием текстов новозаветного Писания.

В отделе **внебогослужебных чтений** приготовлены к печати **историко-апологетические очерки жизни и письменности мужей апостольских и вселенских отцов и учителей первых 3 веков**, как неложных свидетелей истины, содержимой православною Церковью.

Независимо от напечатания в журнале **«Миссионерских листков»**, – по некоторым догматическим вопросам, последнее издаются в формате **стенных**, а также **отдельными брошюрами с священными изображениями**, соответствующими содержанию в противовес сектантству, искусно пользующемуся для распространения своего лжеучения особыми стенными таблицами и листами, с напечатанными на них в тенденциозном подборе текстами Св. Писания.

Таким образом, представляя вполне обработанный и готовый материал для учительства *в церкви, вне церкви и в школы*, книжки второго выпуска предназначаются для всех чад православной Церкви, *да некоторое будет им подано духовное дарование* (Рим.1:2): **здравым и богатым верою в вящем возрасте и обогащению, немощным и колеблющимся к утверждению и охранению, заблуждающим ко вразумлению; согрешающим ко исправлению** «доколе все придут в меру полного возраста Христова, Который есть Глава Церкви – Тела Своего». (Еф.4:12–15; ср. 2Тим.3:15, 16). Противящимся истине Божией и отпадшим от Церкви дано будет здесь не мало потребных наставлений, увещаний и обличений в духе *кротости со всяким долготерпением, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины*. (2Тим.2:25).

Редакция «Миссионерского Обозрения», в чувстве глубочайшая почитания Особы Высокопреосвященнейшего Митрополита Киевского Иоанникия, сочла своим долгом, в ознаменовании исполнившегося в истекшем году 35-летия святительского служения высокочтимого доблестного иерарха Русской Церкви, исходатайствовать себе у Его Высокопреосвященства дорогое право печатать в журнале **слова и речи**, произнесенные архипастырем в разных местах его епископства, доселе неизданные, представляющие собою **высокие образцы** церковного проповедничества. Проповеди

Высокопреосвященного **Митрополита Киевского Иоанникия** печатаются особым приложением во вторых выпусках «Миссионер. Обозрения» с начала 1897 г.

Цена годовому изданию журнала в **24 выпуска** со всеми приложениями и пересылкой прежняя – **пять** руб., при подписке на полугодие **три** руб., за границу **семь** руб.

Желающие при журнале получить 8 выпусков *Миссионерских листков* издания 1896 года, а равно и имеющие выйти в новом году отдельными от журнала **брошюрами** и **стенными листами** прилагают **один** руб. к подписной цене.

Подписка принимается и на журнал 1896 г. Цена годов, изд. **5 р.** Контора редакции ж. «**Мис. Обозр.**» за переменою квартиры покорнейше просит по всем делам Редакции адресоваться так: Киев, Кадетский переулок дом № 13-б.

Редактор-издатель В.М. Скворцов

Редактор Н.В. Переверзев

Настоящая книжка высылается одна, а кн. 1 за август будет выслана одновременно со 2 кн. за сентябрь.

Июль-Август, книга 2-я

Премудрость созда себе **дом** и утверди столпов седмь...
Посла своя

рабы, созывающи с высоким проповеданием. Притч.9:1–13.

Мы же проповедуем Христа, Божию силу и Божию премудрость. 1Кор.1:23–24.

Темже, яко же глаголет Дух Св.: днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших. Евр.3:7–8.

**I. Речи высокопреосв. Иоанникия, Митрополита
Киевского к новорукоположенным епископам**

**а) Речь к новопоставленному епископу
Балахнинскому Димитрию⁴³ // Миссионерское
обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 41–44**

Преосвященный епископ Димитрий!

Доселе твоему попечению и руководству вверялись юноши, готовившиеся к пастырскому служению; отныне круг деятельности твоей расширяется: ты поставляешься в ближайшее непосредственное отношение к самим пастырям Христовой Церкви, а чрез них и ко всем пасомым: детям и юношам, мужам и старцам.

Что не всегда и не везде можно руководить юношами без труда и вздыханий сердечных, это не безызвестно тебе и по собственному опыту. Думаешь ли, что на новом для тебя поприще служения будет удаваться все легко и без особых забот? Радуетесь ли тому, что с назначением во епископа освободился ты от беспокойств и вздыханий сердечных? Долгом считаю умерить таковую радость, если она есть; суровый опыт жизни может рассеять в прах радужные мечты и нанести болезнь сердцу, обманувшемуся в своих ожиданиях.

Кому уподоблю род сей? говорит Христос Спаситель. *Подобен есть детям сидящим на торжищах, и возглашающим другом своим, и глаголющим: пискахом вам, и не плясаете, плакахом вам, и не рыдаете. Прииде бо Иоанн Креститель, ни ядый, ни пияй, и глаголют: беся иматъ. Прииде Сын Человеческий ядый и пияй, и глаголют: се человек ядца и винопийца, мытарем друг и грешником (Мф.11:16–19).* Так спутанны были взгляды и суждения современников Господа нашего Иисуса Христа и Его Предтечи. Но еже было, тожде и есть, то же и будет. Таким же суждениям и осуждениям подвергаются нередко и в наше время служители Христовы, и сколько бы кто ни прилагал забот и стараний, не может вполне и всецело избежать подобных суждений и осуждений. Едва ли ошибусь, если скажу, что и тебя не минует чаша сия.

Захочешь ли, в силу данных обетов при вступлении в монашество, или просто вследствие внутренней потребности

души, хотя по временам уединяться во внутреннюю храмину свою, избегая по возможности всякого рода развлечений, назовут человеком нелюдимым, эгоистом, отсталым, не понимающим современных потребностей общественных. Пожелаешь ли, в видах сближения со всеми и нравственного воздействия на других, быть общительным, не чуждаясь приличных твоему сану развлечений, прозовут человеком рассеянным, попавшим не на свою дорогу, не говорю уже о тех, к счастью редких, случаях, когда желание общительности переходит границы и обращается в неотразимую потребность души; тогда и сами желание общительности и наталкивавшие на нее затворяют двери домов пред такими искателями сближения. Будешь ли строгим блюстителем законов и постановлений церковных, прилагая их во всей силе в собственной своей жизни, требуя настойчиво и от других посильного исполнения их, прослывешь бездушным формалистом, человеком бессердечным. Станешь ли снисходительно смотреть на нарушения некоторых из них, по-видимому менее важных, подвергнешься нареканию в слабости характера, в недостатке ревности по вере, в человекоугодничестве. Станешь ли требовать от подчиненных точного исполнения каждым его обязанностей, прозовут человеком строптивым, неуживчивым, притеснителем, готовым сделать каждому всякую неприятность. Внимаешь ли покрывать недостатки других снисходительною любовью, дашь повод людям слабым безнаказанно переходить от малых недостатков к большим проступкам, а людям с совестью нечистою или сожженною и к великим преступлениям. Твою щедродательность могут назвать неуместною расточительностью или приписать желанию приобрести популярность; твою умеренность и благоразумную бережливость назовут преступною скупостью и жадностью; твою снисходительность – человекоугодничеством, твою строгость жестокостью. Мало сего, могут быть случаи, когда с ревностью, достойною лучшего назначения, станут измышлять и приписывать тебе взгляды, каких ты никогда не держался, и распоряжения, каких и на мысль не приходило.

Что делать в подобных обстоятельствах? Держись, боголюбезный брат, твердо и неуклонно того исповедания и обещания, которое торжественно изречено тобою пред лицом Церкви, не придавая большого значения тому, как будут смотреть на это другие; помни слова Господа, сказанные св. апостолам: *горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк.6:26), и слова первоверховного Апостола о себе самом: *аще бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был*. Если, по немощи человеческой, нельзя иногда не смущаться, когда становишься, сам не зная за что и почему, предметом пререканий и нареканий, то сознание исполненного долга и добрая непостыдная совесть лучшее утешение и подкрепление во всех житейских обстояниях.

Но жизнь человеческая так многосложна и разнообразна, что вполне и всецело не может быть исчерпана никакими правилами; на каждый частный случай нельзя заранее составить определенного закона. Отсюда могут возникать недоуменные случаи, на которые нет определенных указаний в церковных правилах. Во всех подобных случаях ищи совета, вразумления и наставления у старейшего предстоятеля церкви Новограда Низовской земли, егоже и викарием поставлен еси. Св. церковь с мудрою осторожностью и предусмотрительностью не предоставляет новому епископу, кроме особенных исключительных случаев, вполне самостоятельной деятельности, поставляя его на некоторое время под искус старейшего, более опытного в управлении словесным стадом Христовым. Обычай сей древний и ведет свое начало от времен апостольских. Св. апостолы, основывая в разных местах частные церкви и при переходе в другие места поставляя взамен себя епископов не оставляли их без своего руководства и наставления, и устного при личном свидании, и письменного, когда личное свидание было неудобно, как видим сие из примера св. апостола Павла и поставленных им во епископы Тимофея и Тита.

Буди верен, боголюбезный брат, в порученном тебе служении даже до смерти, и даст ти Господь венец живота (Апок.2:10).

**б) Речь при вручении жезла новопоставленному
епископу Волоколамскому Христофору⁴⁴ //**
Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2.
С. 45–48

Преосвященный епископ Христофор!

Святая Церковь, улажая святителей Божиих, между другими благохвалениями приписывает им и такую похвалу: *по имени твоему и житие твое.*

Избранный по чину церковному высшим церковным священноначалием во епископа, утвержденный Боговенчанным Монархом в сем звании и ныне наитием всесвятого и всеосвящающего Духа чрез таинственное возложение рук святительских удостоившийся архиерейской благодати, прими, боголюбезный брат, благохваление Церкви избранным Святителям Божиим за правило и руководство всей твоей жизни.

Христофор, то есть, Христоносец, носящий Христа в сердце своем, – имя твое; да будет по имени твоему и житие твое. В этом залог действенности и благоплодности служения твоего Церкви Христовой; в этом источник отрады и утешения среди трудов и огорчений, неразрывных с пастырским служением; в этом подпора и укрепление среди успехов и неудач, неизбежных частью по недосмотру и невниманию самих труждающихся пастырей, частью по небрежности, а иногда малоспособности пасомых к восприятию света истины, и последованию оному.

Будешь ли, по долгу пастыря, учить других истинам Христовой веры и правилам христианской жизни, проповедай слово не от себя, *не аки слово человеческое, но якоже есть воистину слово Божие, не в препретельных человеческой премудрости словесех, но в явлении духа и силы. Живо слово Божие и действенно и острейше паче всякого меча обоюду остра, проходящее до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным.* Исходя из сердца пастыря, носящего в себе Христа, оно и без особых усилий с его стороны, и не украшенное искусственными

добротами вещаний, по примеру слова Верховного Пастыреначальника, будет и действительно, и со властью над умами и сердцами пасомых, и судительно помышлениям и мыслям сердечным, и как благодатный елей будет умягчать и успокаивать сердца страждущих и обремененных.

Будешь ли совершать священнодействия для освящения себя и других – нося Христа в сердце своем, не только избежишь душевного расслабления и лени, не только не будешь тяготиться ими, но можешь приобрести такое благодатное настроение, что уклонение от совершения их по каким-либо обстоятельствам будет тягостно для души твоей. *Имже образом желает елень на источники водные, сице душа моя к тебе, Боже: когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс.41:1–3), говорил о себе ветхозаветный человек Божий, еще не носивший в себе, а только *выну видевший пред собою Господа*.

Такое благоговейное настроение, без твоего сознательного старания, даже без ведома твоего, не может не действовать благотворно и на присутствующих в храме при совершении тобою священнодействий. Непосредственное воздействие на душу другого

–47–

во многих случаях даже гораздо сильнее, чем самые подробные разъяснения и убеждения.

Будешь ли, по долгу служения своего, делать такие или другие распоряжения в созидание и утешение и укрепление, как пастырей, так и пасомых, нося Христа в сердце своем, безопасен будешь от всякого рода действий и распоряжений, совершаемых по рвению, пристрастию и лицепритию. Не будет тогда в твоих распоряжениях ни излишней суровости, готовой совсем сокрушить надломленную трость и угасать последние искры в курящемся еще льне, ни преступной снисходительности, готовой, по выражению пророка, *подлагать возглавиеца мягка под всякий локоть руки*, чтобы совсем усыпить и без того дремлющую совесть. Рано или поздно, и без твоих разъяснений уразумеют справедливость такой деятельности все верные сыны Церкви и оценят ее по достоинству. Но не смущайся и тем, если продерзливые и ругатели, извращая и перетолковывая твои

действия и распоряжения, в самых добрых твоих действиях будут видеть зло, в самых благотворных распоряжениях будут находить повод к порицанию, памятуя, что и о Самой Высочайшей Правде и Любви *овии глаголаху, яко благ, инии же глаголаху: ни, но льстит народы.*

Ближайшее служение твое – насаждать и утверждать в умах и сердцах избранных духовных юношей семена веры и благочестия и быть руководителем и направителем и самых насадителей. Не велика порученная твоему непосредственному водительству паства. Но управление ею и охранение ее потребуют много и мудрости духовной, и труда неусыпного, и любви самоотверженной, и терпения великого по тому обширному влиянию, какое может оно иметь на другие паствы, на созидание верных и на внутреннее положение святой Церкви. В юношеском возрасте полагается задаток всей последующей жизни. Это время сеяния, за которым последует время жатвы, а известна истина: кто что посеет, то и пожнет. И не для себя только они будут пожинать посеянное в них здесь; из учащихся истинам Божественной премудрости, они станут учителями веры и пастырями Церкви или образователями и воспитателями духовного юношества, и в свою чреду посеянное в них будут сеять на почвах сердец других, юнейших. Помысли же, возлюбленный брат, сколько зла может произойти, как далеко и широко может распространиться оно, не только при неблагонамеренных действиях, от которых да сохранит тебя Господь и впредь, как хранил доселе, но и при небольшой неосторожности и неосмотрительности, и даже при стремлениях к доброму, не вполне соразмеренных с временем и обстоятельствами случайными, которые трудно, а иногда совсем невозможно предвидеть. И за все сие Верховный Пастыреначальник потребует отчет от тебя, как пастыря, когда предстанешь пред Ним с паствою твоею на страшном судищи Его.

Но да не смущается сердце твое, и да не устрашает тебя вверяемое тебе дело. Чем глубже сознаешь высоту подлежащего тебе служения и свою недостаточность к достойному прохождению его, тем крепче емлись упованием за

всемощную силу Божию, помня слово Господа к верховному из апостолов: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2Кор.12:9).

II. Певницкий В.Ф., заслуж. проф. Киевской дух. Академии. О поклонении святым иконам. (Св. Димитрия Ростовского)⁴⁵ // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 423–428

Неповинная кровь Авеля вопияла некогда гласом великим к Богу, как говорил Сам всемогущий Господь к Каину: *глас крове брата твоего вопиет ко Мне (Быт.4:9)*, издает свой глас и неповинно излаянная кровь так многих мучеников, пострадавших в нашей православной Церкви за святые иконы, и глас, ею издаваемый, такой: *Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже*. К этому кровному гласу святых мучеников присоединяемся, и мы православные, и все сыны восточной Церкви: подобно им, готовы мы страдать и кровь свою излить за честь святых икон, и согласно все вопием: *Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже*.

Что скажешь ты на это, иконоборная ересь, отмечающая святые иконы? Слышу, слышу, что говоришь: изрыгаешь из своих богомерзких уст яд аспидов, нарицающий нас православных идолопоклонниками, а святые иконы идолами.

Солга неправда себе. Во-первых, спрашивается: что такое идол? и что такое икона? и какое различие между иконою и идолом? Икона есть изображение вещи истинной. Кто изображает святую Троицу лицами трех ангелов: то было в самой истине, когда три ангела явились Аврааму у дуба мамврийского. Кто изображает Бога Отца лицом некоего пречестного старца: то было в самой истине, когда пророк Даниил и пророк Исаия видели Ветхого деньми, сидящего на престоле высоце и превознесенного, и серафимы окрест Его. Изображает кто Бога Сына, на земле рожденного, и пожившего с человеками, страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день по писанием, и восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца, и паки грядущего со славою судить живых и мертвых: то в самой истине было, есть и будет. Изображает кто Бога Духа Святого под видом голубя: то в самой истине было,

когда Дух Святой явился в виде голубином. Также и прочие святые иконы все суть изображение и подобие истинных вещей. А идол что такое? И может ли он идти в какое-либо сравнение с иконою? Икона есть изображение истинной вещи, а идол есть изображение прелести...

Я от божественных писаний с тобою говорить буду. Ужели вы, беззаконные иконоборцы, никогда не читали в священном Писании, как Господь заповедал Моисею сотворить образы двух золотых херувимов, и поставить их на кивоте Господнем? Кланяющиеся кивоту Господню кланялись и херувимам, стоящим на кивоте; но они не были идолопоклонниками, а избранными людьми Божиими.

Не читали ли вы еще в Писании о медном змие, вознесенном Моисеем на древо, уврачевавшем покланяющихся ему и взирающих на него, – о змие, который был образом Самого Христа, Спасителя нашего, распятого на древе, как Сам Он свидетельствует: *яко же Моисей вознесе змию в пустыни на древо: тако подобает возвестися Сыну человеческому (Ин.3:14)*? Не читали ли в преданиях исторических, как Сам Христос Спаситель послал болящему царю Авгарю, желавшему видеть Иисуса, изображение своего пречистого лица, отпечатлевши его на убрусе, какой образ мы называем образом нерукотворенным? Не читали ли в божественном Писании, что Христос Спаситель наш, по слову Павлову, называется образом Отца преевечного, *сый сияние славы Отчей, и образ ипостаси Его? (Евр.1:31)*. Не читали ли в божественном Писании, что и сам человек называется образом Божиим, по слову Божии: *сотворим человека по образу нашему и по подобию (Быт.1:26)*? Как же вы образы Божии называете идолами? Ужели и человек, созданный по образу Божию, есть идол?

Но хорошо говорите вы о себе: вас нельзя назвать образами Божиими, но нужно назвать идолами; ибо вы имеете очи, и не видите Бога, изображаемого на святой иконе, не видите премногих чудес от икон св. Богородицы, которую изобразил святой Лука. Уши имеете, и не слышите, что заповедует Писание: *возносите Господа Бога нашего, и поклоняйтесь подножию ногу Его, яко свято есть (Пс.38:5)*. Под подножием

святые отцы разумеют святой крест, которому вы не хотите кланяться. Уши имеете, и не слышите, что говорит о иконах или образах святой Дамаскин, и с ним святые отцы и весь собор, что почесть образа относится к первообразному, и кто кланяется образу, покланяется изображенному на нем, – кто почитает образ, почитает изображенного на нем. Сим победил иконоборцев святой Стефан, пострадавший за святые иконы, как свидетельствует житие его. Приводят его пред начальника иконоборцев, злочестивого Льва Исавра, и Лев Исавр повелевает ему попать ногами икону Спасителя. Что же творит муж святой? Он просит дать кинсонную златицу и спрашивает: чей это образ и написание? Когда же сказали ему, что кесарев, он бросил златицу на землю, и начал попирать ногами образ кесарев, изображенный на златице, пред лицом самого кесаря плевал на него и бесчестил. Видя это, разгневался царь и все его старейшины; а муж святой с дерзновением сказал: так, безумные, вы рассуждаете, – гневаетесь, что я попрал образ вашего царя земного, который есть прах и пепел: как же не будет гневаться Царь царствующих и Господь господствующих, когда вы Его образ попираете своими скверными ногами? Вы не хотите, чтобы попирали ваши изображения. Почто же попираете иконы, изображающие самого Спаса нашего и Его угодников?

Вы мудрствуете, что поклоняющиеся святым иконам – идолопоклонники. На это отвечаю так: я сказал уже, какое великое различие между иконою и идолом; икона не может называться идолом: она изображение истинной вещи, а идол изображение прелести. Смотри же отсюда, какое различие и расстояние наше от идолопоклонников. Они в своих идолах покланялись богам, которые суть бесы, живущие и прорицающие в идолах; а мы кланяемся в иконе Спасительной истинному Богу нашему, – в иконе Богородичной – истинной Богородице, пречистой Деве Марии. Идолопоклонники своих идолов считали за богов; а мы образы не считаем за богов; у нас один Бог, в Троице Святой славимый и покланяемый; а икона Его только изображение Его и напоминание о Нем. Идолопоклонники думали и верили, что в бездушных идолах живут их боги, как душа в теле; мы же не так веруем: мы знаем, что Бог не

описуем, везде сый и вся исполняяй, – в иконе, как душа в теле не пребывает. Идолопоклонники всю надежду свою возлагали на идолов, а мы православные надежды в иконах не полагаем, но надежду и упование возлагаем на того, кто изображен на иконе. Идолопоклонники поклонялись самим идолам, дереву, злату; мы же православные не так: когда кланяемся образам, то кланяемся не образам самим, не дереву, не серебру, не злату, не пестротам и вапам, или прекрасному изображению, а кланяемся образам совокупно и нераздельно с их первообразным или изображенным на них. Поклоняемся образу Спасову, а в уме имеем первообразное – самого Спаса. Кланяемся образу Богородичну, а в уме имеем первообразную самую Богородицу. Одним словом, мы православные, поклоняясь образам, никогда не разделяем образа от своего первообразного, но всегда совокупно и нераздельно поклоняемся образу, а в нем первообразному.

Вы суемудрствуете, что мы православные поклонением святым иконам преступаем заповедь Господню: *не сотвориши себе кумира, ниже всякаго подобия* (Втор.5:8). Слышим, лобызаем верою и любовью, и исповедуем, и хранить должны десятичисленные заповеди Господни; но вы прельщаетесь, не разумея Писания, ни силы его. Отвечаю первое: мы не творим и не почитаем кумиров или идолов: иное бо есть образ, а иное кумир, или идол, как о том я говорил. Отвечаю второе: для чего Моисей, принявши заповеди Господни, между которыми была и сия (*не сотвориши себе кумира, ниже всякаго подобия*), – для чего, говорю, зная уже о той заповеди Господней, однако ж сотворил образ двух херувимов при кивоте Господнем, сотворил потом медного змия и вознес его на древо, чтоб было образом распятого Иисуса? Отвечайте нам: хорошо сотворил Моисей, поступая так, или дурно? Если зле сотворил Моисей, свидетельствуйте о зле; если же он поступил хорошо, зачем укоряете нас, также творящих, как и он? Отвечаю третье: заповедь Господня (*не сотвориши себе кумира, ниже всякаго подобия*) говорит не об иконах, а об идолах. Всемогущий Бог, видя, что жидаы имеют великую склонность до идолослужения, что творит? Дает чрез Моисея десятичисленные заповеди,

который начинаются так: *Аз есмь Господь Бог твой, изведый тя из земли египетския: небудут тебе инии бози, разве Мене. Не сотвориши себе кумира, вместо Бога, ниже всякаго подобия, которому бы ты имел кланяться, как Богу (Втор.5:6).* Здесь вас самих призываю в свидетели: не исполняем ли мы сию заповедь Господню? Имеем ли иных богов, кроме Бога, изведшего людей израильских от работы египетской, а нас от диавольской работы? Творим ли себе кумиров богами, которым бы воздавали честь, как самому Богу? Если мы храним у себя и почитаем те образы, которые, как я говорил, отнюдь не суть идола, то мы их не имеем за богов, и им самим раздельно от своего первообразного не кланяемся и не воздаем божеской чести.

III. Кохомский С.В. Учение св. ап. Павла о божеств. предопределении в гл. 8-й и о божеств. свободе в гл. 9-й послан. к Римлянам // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 428–442

В настоящей заметке мы намерены показать, что лжеучение еретиков, которые, в подражание Кальвину, утверждают, будто Бог, не взирая на свободное произволение людей, на их стремления и заслуги, предопределил безусловно, только по собственному Своему произволению, одних – ко спасению, а других – к гибели, – не имеет основания в учении св. апостола Павла о предопределении.

Какое побуждение у означенных еретиков утверждать, будто они и все послушающие их – безусловно предопределены ко спасению? Для них тягостным предоставляется то православное воззрение, что для получения спасения нужно потрудиться, понести подвиг, вкусить горечи бдений, пощений, коленопреклонений и т.п. дел благочестия. Они хотят веры легкой и беспечной: уверовал, что ты безусловно предопределен к блаженству, вот и все, и ничего тебе больше не нужно, а даже очень многое и можно.⁴⁶ Теперь какое побуждение к изложению учения о предопределении у апост. Павла в послании его к Римлянам?

Сначала в ст. 28 Апостол говорит: «знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу». И ниже в ст. 31: «если Бог за нас, кто против нас?», а в ст. 33: «кто будет обвинять избранных Божиих?», и наконец, в ст. 35: «кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?». Подобно сему Сам Господь Иисус Христос говорил о врученных Ему овцах: «никто не похитит их из руки Моей – никто не может похитит их из руки Отца Моего» (Ин.10:28–29). Во всех этих случаях речь идет о том, что верующие в Христа находятся в безопасности от внешних врагов их спасения, что никакая враждебная внешняя сила не может разрушить того, что создается и уготовляется для них всемогущею силою Божией.

Для них уготовал Господь блаженство и славу, и никто другой не может лишить их небесных обителей. Но значит ли это, что таким же образом для них уготована Богом и святость, и самая любовь к Богу, так, что они уже не могут пасть и лишиться того, что составляет предмет упований для любящих Бога? – на этот вопрос Апостол не дает ответа, который был бы благоприятен лжеучению о безусловном предопределении. Бог, по учению Апостола, является виновником призвания, оправдания и прославления любящих Его, но не виновником их любви, не виновником их произволения, с которым они следуют призванию, пользуются оправданием и таким образом делаются воистину достойными прославления.

Ст. 29. «Кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями». Ст. 30. «А кого Он предопределил, тех и призвал; а кого призвал, те и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил». Нетрудно видеть, что спасительные действия Божии, перечисляемые Апостолом, находятся одно от другого в причинной зависимости, так что последующее является следствием предшествующего. Почему Господь *прославил*? Потому, что раньше *оправдал*. А почему *оправдал*? Потому, что раньше *призвал* (к оправданию). Почему *призвал*? Потому, что раньше *предопределил* призвать. А почему *предопределил*? Потому, что раньше *предузнал*. Итак, прославление является не беспричинным; оно есть следствие оправдания; оправдание есть следствие призвания; призвание есть следствие предопределения, а последнее есть следствие предведения. Это есть основная мысль православного учения, а именно та, что предопределение Божие ко спасению имеет основание в божественном предведении того, на сколько мы будем этого спасения достойны.

Чтобы яснее представить апостольское и церковное учение о предведении и предопределении, постараемся уяснить разность между тем и другим. В чем разность между ведением и определением? Ведение соотнобразуется с внешним предметом, чтобы быть верным его изображением; а определение требует, чтобы, напротив, предмет был сообразен с ним и представлял

верное его осуществление. Ведение оставляет предмет таким, как он есть, а определение старается подчинить себе предмет и изменить его по своему. Ведение отображает в себе и то, что желательно для ведущего, и то, что ему нежелательно, лишь бы быть верным; а определение стремится осуществить желание определяющего, а нежелательное стремится устранить. Для свободы человека в ведении Божиим нет ничего ограничительного, ибо Господь знает и доброе, и злое, а в определении Божиим содержится отмена этой свободы, потому, что никто не может противиться всемогущей воле Божией. По сему, если Господь предузнал о людях что-либо, то это значит, что Он оставил их быть такими, какими они были сами по себе. Если же Господь предопределил к чему-либо людей, то, значит, Он предначертал их состояние независимо от их желания, сообразуясь только с хотением божественной Своей воли. Теперь если, как мы видели выше, предопределение Божие имеет причину в предведении Божиим, а предведение, как только что сказано, сообразуется с действительным состоянием предмета, то следует, что предопределение основано чрез предведение на действительном состоянии предопределенных. Это есть вторая мысль церковно-апостольского учения о предопределении: предопределение основано на действительном нравственном состоянии предопределенных, на их делах, на их покаянии, на их добром произволении, которое является предметом божественного предведения, предшествующего предопределению.

Но спросят: если предопределение основано на предведении, а чрез предведение (которое, чтобы быть верным, сообразуется с предметом, не изменяя его) – на действительном нравственном состоянии людей, то что же им собственно предопределяется? Апостол отвечает на это словами: «быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями». Чего касается это уподобление образу Сына Божию? Чрез него, как видим, мы становимся братьями Христа, а Христос становится между нами Первенцем. Чрез что люди становятся братьями один другому? Очевидно, чрез происхождение от одного отца. Посему и сообразность

образу Сына Божия, когда мы становимся братьями Его, есть усыновление Богу. Об этом усыновлении неоднократно говорилось в 8-й главе. Так, в ст. 16 Апостол говорит: «Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии; а если дети, то и наследники Божии, сонаследники же Христу, если *только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться*». Далее в ст. 23: «имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего». Очевидно, что, хотя уже и теперь мы дети Божии (по ст. 16), однако это усыновление открывается в нас лишь постепенно, – являясь и предметом нашего утешения, насколько мы им владеем, – и наших воздыханий, насколько вся слава детей Божиих (ст. 21) еще не открылась, еще не последовало избавления телу нашему, т.е. воскресения. В отношении этого усыновления, прославления и воскресения и является Христос нашим старшим Братом, Первенцем между нами, как и в другом месте именуется Он перворожденным из мертвых (первым Воскресшим, положившим начало и нашему воскресению, Кол.1:18). Итак, уясняется и третья необходимая мысль в учении о предопределении, а именно та, что оно касается не нашего нравственного состояния, а нашего усыновления Богу, прославления и будущего воскресения.

Теперь еще яснее становится отношение между предведением и предопределением. Бог *предузнает* то, что зависит от людей (предведение не имеет цели изменять людей, и само бывает согласно с их действительным состоянием, см. выше). Он предопределяет то, что зависит от Него, а именно усыновление, прославление и воскресение. Если теперь Апостол говорит: «кого предузнал, тем и предопределил», – то это значит, что Он предопределил к усыновлению, прославлению и воскресению тех, о которых наперед знал, что они по своему действительному состоянию будут к этому способны и этого достойны. Он предвидел всю нашу земную судьбу, вся она уже совершилась пред очами Его; но этим не исключается, что сам человек является свободным устройтелем своей жизни, ибо предведение Божие, как и ведение вообще, не заключает в себе ни малейшего ограничения человеческой свободы. В предведении не содержится того, что зависит

единственно от Бога, а именно усыновления, прославления и воскресения.

Как же, по апостолу, осуществляется Божественное предопределение? Во-1-х, предопределенные *призываются (призва)*. Если бы предопределение уничтожало свободу человека, было безусловно, то к чему служило бы и призвание? Тех, кто не имеет свободы, не призывают, а с принуждением привлекают, заставляют прийти. Во-2-х, предопределенные *оправдываются (оправда)*; оправдание подается Богом (в таинствах), ибо никто из людей не может сам собою, своим силами, оправдаться пред Ним. Тем не менее человеку свойственно алкать и жаждать оправдания и выражать это в подвигах благочестия. В-3-х, предопределенные *прославляются (и прослави)*, т.е. делаются участниками славы Господа Иисуса Христа (ст. 17), Который «уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному Телу Его» (Флп.3:21).

Итак, по учению св. ап. Павла: 1) предопределение Божие о людях основано на Его предведении, а предведение бывает в точности сообразно с действительным состоянием людей, вследствие чего и самое предопределение является основанным на свойстве предопределяемых; 2) предопределение Божие касается того, что зависит не от свободы человеческой, а от воли Божией, как-то: призваны, оправдания и прославления, а посему оно несколько свободы человеческой не стесняет.

Для дальнейшего разъяснения апостольского учения о предопределении необходимо рассмотреть относящиеся сюда рассуждения св. Апостола в главе *девятой* посл. его к Римлянам.

Побуждением к этим рассуждениям для Апостола было следующее. Израильтяне думали, что они имеют неоспоримое право на спасение от Христа вследствие своего происхождения от Авраама и вследствие того, что они из всех народов были доселе единственными исполнителями Закона Божия.

Подобно израильтянам всякий верующий мог и может впадать в самомнение при мысли о своих добрых делах, о своих

подвигах благочестия и, основываясь на них, думать, что спасение от него неотъемлемо, что Бог *должен* спасти его, не по благодати, но по долгу (Рим.4:4).

Учение о том, что предопределение ко спасению основано на действительном нравственном состоянии людей, быв худо понято, могло способствовать этому самомнению, как скоро человек стал бы сам оценивать свое нравственное состояние, свою оценку ставить основанием своих мнимых прав на спасение – и перестал бы во всем полагаться на милость и всесвятую волю Божию. Вот, по каким побуждениям апостол Павел в 9 гл. посл. к Римлянам изображает свободу божественного предопределения. Бог в Своем предопределении не ограничен ни: 1) плотским происхождением предопределяемых, ни 2) их делами и заслугами, как уже совершившимися.

Если бы Бог ограничен был в Своем предопределении плотским происхождением людей, тогда, конечно, все плотские потомки Авраама были бы в числе предопределенных ко спасению. Так и думали современные апостолу Павлу иудеи. Но Апостол вразумляет их указанием на то, что, хотя у Авраама были и другие дети, однако только Исаак как сын обетования и его потомство именуются в истинном смысле чадами Авраама; следовательно, чтобы удостоиться предопределения ко спасению, нужно быть чадом Авраама по обетованию, а таковы и суть все истинно верующие (как и сказано о Закхее, после того, как он покался и возлюбил Христа: *и сей сын Аврамль есть*, Лк.19:9). Итак, предопределение ко спасению не ограничено плотским происхождением людей.

Не ограничено оно и делами людей так, чтобы люди, соделавшие добрые дела, могли ожидать от Бога предопределения ко спасению, как чего-то должного, как заслуженной ими мзды (Рим.4:4). Эту мысль Апостол доказывал другим историческим примером: «тоже было и с Ревеккою, когда она зачала в одно время двух сыновей от Исаака отца нашего. Ибо когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы произведение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего) сказано было ей: бóльший будет в

порабощении у меньшого (Быт.25:23), как и написано: Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел» (Мал.1:2; Рим.9:10–13). То, что Иаков избран был раньше, чем соделал что-нибудь доброе, служит знаменем того, что избрание не служит следствием дел, ибо следствие не может предшествовать причине; однако, значит ли это, что Бог может избрать и недостойного? «Что же скажем?», спрашивает самого себя Апостол: «неужели неправда у Бога? Никак» (ст. 14).

Что предопределение Божие, не смотря на свою полную неограниченную свободу, никогда не нарушает правды, это усматривается конечно из того, что Бог есть самая Правда, а посему, что Он совершает по Своей воле, то совершает и с полной справедливостью. Это выражается в приводимых Апостолом (в ст. 15) словах Господа Моисею: «кого миловать, помилую, кого жалеть, пожалею» (Исх.33:19). Эти слова значат, что Бог знает, кого должно пожалеть, что Его помилование не может сделаться уделом того, кого не должно миловать. Посему не может быть неправды у Бога.

Но из тех же слов Апостол (кроме мысли о всеправедности Божия предопределения) извлекает мысль и о том, что предопределение ко спасению есть милость Божия, а посему зависит (как от Виновника) от Бога милующего, но не от человека, желающего или подвизающегося (ст. 16). Что дается по милости, то дается не по заслугам, что дается по благодати, то дается не за дела (3:24). Помилование есть дело милующего, а не приемлющего милость.

Если бы было иначе, если бы определение ко спасению было следствием заслуг, тогда соделавшие заслуги спасались бы не по благодати и любви Божией, а по необходимости, и не соделавшие заслуг лишены были бы возможности спастись покаянием (как мытарь), слезами (как блудница), верою (как разбойник). Это, однако не значит, что Господь может помиловать совершенно недостойного, и, чтобы не нужно было утверждаться в добре для того, чтобы снискать Его милость, ибо без этого человек может ожесточиться до того, что сделается неспособным воспринять спасения, — станет сосудом гнева

Божия. Об этом и говорится дальше у ап. Павла (см. ниже, ст. 22–23).

Сказавши, что помилование происходит от милующего, ап. Павел научает далее, что и противоположное помилованию избрание для гибели также совершается Господом свободно (не постигая, однако, достойных помилования). Если бы это избрание было следствием самых злых дел, то оно и осуществлялось бы непосредственно за самыми злыми делами, как за своей причиной. На самом деле бывает не так: и здесь является свободное действие Божие. «Ибо», читаем мы у Апостола, «Писание говорит Фараону: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою, и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле» (ст. 17). Слова: «поставил тебя» значат здесь «сохранил твою жизнь», «соблюдал тебя», «не дал тебе еще раньше погибнуть в ничтожестве и безвестности» (ср. греческое слово: διατηρήθης, употребленное в Исх.9:16). Вот первое проявление свободы Божией в наказании грешников. Вместо того, чтобы погибнуть вслед за преступлением закона Божия, грешник оставляется жить, сохраняется, иногда для того, чтобы иметь время на покаяние и исправление, если он к этому способен, а иногда, как Фараон, для того, чтобы гибель его могла совершиться при особенных обстоятельствах, наиболее способствующих вразумлению других грешников, забывающих силу Божию.

«Итак, кого хочет милует, а кого хочет ожесточает» (ст. 18). И здесь раскрывается свобода и независимость божественного предопределения, причем не только добрые дела не спасают, но и злые не губят людей – с *необходимостью*, но то и другое бывает по всесвятой и всесвободной воле Божией (кого хочет). По отношению к нечестивцам отмечается здесь еще одно действие свободной воли Божией: вместо того чтобы их немедленно, вслед за грехопадением, предать заслуженной казни, Господь их *ожесточает*. Как надо понимать это слово? *Ожесточать* значит делать упорным, непреклонным. Так сказано было Господом Моисею о Фараоне: «Я ожесточу сердце его, и он не отпустит народа» (Исх.4:21 и др. мм.). Возникает вопрос: неужели Господь был Сам виновником упорства и

непреклонности Фараона, ужели Он сделал Фараона из мягкосердечного жестокосердным, из благочестивого нечестивым? Конечно, нет; посему и Апостол, когда говорит: «кого хочет, ожесточает», не то разумеет, чтобы Бог в ком-либо из людей Сам производит ожесточение и уничтожал веру и послушание. Но Бог, соблюдая нечестивых людей на день гнева Своего, чтобы показать на них силу Свою и гибелью их вразумить наибольшее число людей (см. выше, ст. 17), в то же время лишает их Своего руководства, Своей вразумляющей благодати, отнимает от них Своего Духа и чрез то самое (как было с Саулом 1Цар.16:14) открывает доступ к ним духу лукавому; таким образом Он дает возможность их жестокосердию обнаружиться во всей его силе; это и значит: *ожесточает*.

История того, как постепенно ожесточалось сердце Фараона благими действиями Божиими, известна. Господь, посылая наказания Фараону в показание Своего могущества, подавал ему и скорое облегчение, которым Фараон, по нечестию своему, пользовался для того, чтобы снова возвращаться к упорству.

Таким образом в ст. 17–18 Апостол указывает два действия свободной воли Божией по отношению к грешникам: 1) соблюдение их до времени наиболее славного откровения силы Божией, 2) ожесточение их, или предоставление им возможности в наибольшей мере обнаружить свою злобу. Но ни то, ни другое действие не уничтожает свободы человека, который не от всесвятой воли Божией, а от своей греховной воли становится грешником.

Однако грешнику естественно искать объяснения своей греховности где бы то ни было, только не в себе. Еще первый человек после грехопадения слагал вину свою на Бога, Который дал ему жену (Быт.3:12). Тем более теперь, услышав от Апостола, что Бог соблюдает и ожесточает грешников для того, чтобы показать на них Свою силу, люди, преданные греху, поспешат сказать: что же Он и обвиняет нас? Он Сам желает нашей гибели, Он и виновен в ней; на гибель Он нас соблюдает и нас ожесточает; мы не можем противостоять воле Его (ст. 19). Дурные люди часто говорят: не можем.

На это св. Апостол (в ст. 20) отвечает: «ты кто человек, что споришь с Богом?». Как ты можешь доказывать свою невиновность и Божию виновность?

В двух вопросах противника («за что еще обвиняет? кто противостанет воле Его?») Апостол усматривает дерзкое намерение, извиняя себя, оспаривать действия Божии, уничтожать Его суд, говоря, что Бог поступает не так, как следует (ср. Иов.40:2–4). Первый ответ на это от Апостола следует такой: «кто ты человек?». К этому он присоединяет подобие, показывающее, как безрассудно препираться человеку с Создателем своим, спрашивать Его: *чесо ради?* – и указывать Ему в делах рук Его; «изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал» (ст. 20, ср. Ис.45:9–10)? – Человек есть создание Божие; от Бога он получает и бытие, и силы. Посему он не имеет пред Богом никаких прав, на которые в споре с Богом он мог бы опираться, и Творец его не несет на Себе никаких обязанностей по отношению к нему, на которых человек мог бы указывать Ему. Если дарование человеку самого бытия было делом свободы, или милости Божией, то и вся последующая судьба зависит от той же свободной всеблагой воли Божией.

Свое подобие Апостол продолжает, говоря: «не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?». В приложении к Богу и людям это означает: не властен ли и Господь отделить одних для помилования, а других для ожесточения (ст. 18), одних для проявления богатства славы Своей (ст. 23), а других для показания гнева Своего, хотя бы они (как глина) представляли по нравственным качествам одно безразличное смешение? Но рассуждая так, Апостол не утверждает, что действительно люди представляют в очах Божиих одну безразличную по нравственным качествам смесь, не утверждает и того, что Бог и действительно поступает с ними по Своей власти (Апостол говорил о себе: *еда не имамы власти?* – однако, прибавлял: *аз же ни едино сотворих от сих*, см. 1Кор.9:15). Он показывает только, что против Бога спорить невозможно, что Бог еще несравненно меньшею властью пользуется, чем какую имеешь, мог бы и всех погубить, мог бы и

без всякого разбора губить, хотя ничего не делает такого. Что же делает Господь? Одних милует, а других ожесточает. Эти два действия в следующем стихе еще больше поясняются, как находящиеся в связи с нравственными особенностями людей.

Ст. 22–23. «Что же если Бог» (*аще же Бог*; это значит: не тем ли более властен Бог, не тем ли большее право имеет Он – совершать меньшее, ибо Он не губит без разбора, а только соблюдает *готовых к гибели*), «желая показать гнев и явить могущество Свое с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к гибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе?». Возражатель говорил: кто противостоянет воле Божией? думая сложить на Бога вину своей греховности, выставляя волю Божию производительницею своей злобы (так и думают проповедники безусловного предопределения). Апостол же отстраняет эту нечестивую мысль, говоря, что Бог только до времени *щадит*, – оказывая пощаду сосудам гнева (соблюдая, ст. 17, и ожесточая, ст. 18), проявляет Свою свободу в наказании (которое, таким образом, не следует за грехом непосредственно) и prepares наиболее славное откровение Своего гнева и Своего могущества. Он оказал пощаду Фараону, когда не погубил его в ничтожестве и неизвестности (ст. 17) и когда ожесточил его, т.е. дал проявиться всей его злобе (ст. 18). Таких людей называет Апостол сосудами гнева, готовыми к гибели, давая понять, что они по своей вине стали таковыми и сами приготовили себе гибель. Если бы Господь, а не они сами, сделал их сосудами гнева и приготовил их на гибель, то зачем и как Он стал бы их потом щадить, как бы сделавши их такими несвоевременно или приготовивши их на гибель раньше срока? Когда Апостол говорит: *щадил*, переносил, ἤνευκεν, и прибавляет: *с великим долготерпением*, то, очевидно, он показывает, что Богу приходилось щадить (переносить) и терпеть (долготерпеть) нежелательное Ему дело иной враждебной Ему и преступной воли, а не Свое собственное дело (как говорят еретики). Было бы крайне нелепо сказать, что Господь относится к Своему собственному делу с долготерпением, с пощадою. Но, конечно, еще нелепее было бы сказать, что Он относится к нему

с гневом. На кого же тут гневаться, если человеческая преступность имеет причину в Самом Боге? и какое нелепое представление является при том, когда кто-нибудь скажет, что Бог Сам создает и приготавливает сосуды гнева, а потом (после долгого терпения) начинает показывать над ними свой гнев!

Итак, готовое к гибели (по собственной вине) – щадится Господом до времени, когда наступить славное откровение Его гнева и силы, чтобы тогда же обнаружилось могущество славы Его и на сосудах милосердия, которые Он по предведению Своему предопределил к славе.

Итак, учение Апостола о божественной свободе в предопределении людей к наказанию или блаженству представляется в следующих чертах.

1) Господь с совершенною свободою предопределяет людей к блаженству или к гибели. Но у Него нет неправды. Он кого хочет милует, кого хочет ожесточает. Но Он милует тех, кого следует миловать, жалеет тех, кого следует пожалеть, потому что в Его хотении высочайшая правда, и нет иной правды, с которой бы Ему прилично было согласоваться.

2) В частности, когда Господь определяет людей к спасению, то Он не вынуждается к этому ни их происхождением из иудейского народа, ни их заслугами, ибо может спасти и не иудея, может дать первую награду тем, которые пришли в последний час (Мф.20:8). Люди суть Его творение и всецело Ему принадлежать: «разве Он не властен в Своем делать, что хочет» (15)?

3) Когда Господь кого хочет ожесточает, то это не значит, что Он делает кого-либо из доброго злым, из покорного непокорным, но это значит, что человека, уже приготовленного на гибель его собственным нечестием, Господь щадить и воздвигает, не давая ему погибнуть ранее, чем проявится вся злоба его, и прежде, чем наступит время наиболее славного откровения гнева и правосудия Божия (ср. притчу о пшенице и плевелах и слова: *оставите купно расти обое*, Мф.13:39).

В этих трех пунктах восполняется учение о предопределении, изложенное в 8 гл. ст. 29–30. Господь предопределяет (к спасению или к гибели) на основании

предведения, след., и на основании действительного нравственного состояния человека; но при этом хотение Его (9:18) ничем внешним не связано; такие основания для предопределения, как происхождение, как дела благочестия не имеют в отношении к Его предопределению вынудительной силы, а посему никто не может спорить с Богом, указывать на свои права.

Этот вывод из рассуждений Апостола не должен казаться малозначительным. Мы должны помнить, что начало глубочайшего нравственного падения выражено было словами: *даждь ми достойную часть*, а начало нравственного восстания и спасения выразилось словами: *несмь достоин* (Лк.15:12, 19).

С. Кохомский

IV. Н. Л. В. Мать и дети (притча) // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 443–448

Штундист. Все это хорошо. Вы говорите нам: присоединитесь к православной Церкви: она вам мать, она скорбит о вашем удалении от нее, о вашей гибели. Пусть так. Но вот что мы вам скажем на это. Мы отделились от вас, от вашей церкви, и вы говорите, что мы погибнем. Но посмотрите на нас, на нашу жизнь, да сравните ее с тем, как живут ваши православные. Что мы видим у православных? Пьянство, божьбу, сквернословие, вражду, разделения. Чего же вы хотите от нас? Хотите, чтобы и мы присоединились к православным, хотите, чтобы и мы начали пьянствовать, сквернословить, враждовать между собою, как делали это раньше, когда еще считались чадами вашей православной церкви? нет! Уж лучше мы погибнем, как вы говорите, да не будем пьянствовать, не будем сквернословить, а будем жить трезвенно, честно, добродетельно. Лучше будем жить без матери, да хорошо, нежели жить с матерью так, как живут ваши православные!... На что нам такая мать?

Священник. Горький упрек сделали вы нам православным! Горек он для каждого православного, потому что в нем есть известная доля правды: действительно, среди нас православных встречаются тате пороки, которые в вашем обществе реже. Но особенно горек этот упрек для меня, служителя Церкви, потому что много в нем и неправды. Мне, пастырю словесного стада, близко и дорого спасение моих пасомых, которых вы так жестоко укоряете в порочной жизни; но и ваше спасение для меня дорого не меньше, чем спасете верных сынов Христовой Церкви. И потому-то мне особенно и тяжело слышать этот упрек ваш, что он показывает, как сильно вы ослеплены умом и ожесточены сердцем. И как раскрыть мне это ваше ослепление, как смягчить ваше огрубелое ожесточенное сердце, чтобы вы познали свое заблуждение и почувствовали всю обидную горечь своего упрека?

Вот, послушайте, я расскажу вам притчу. Жила одна мудрая и благочестивая вдова, у которой было много детей. Вдова воспитывала своих детей в страхе Божиим и научала их хорошей и благочестивой жизни. Но, как бывает часто в жизни, как было это с детьми Ноя и даже первого человека Адама, так случилось и с детьми мудрой вдовы: одни из них выросли добрыми и благочестивыми, другие же порочными. Добрые слушались наставлений своей матери устроили по ее заветам. Порочные дети также слушали наставления матери и даже принимали их к сердцу, но жили и поступали не так, как учила их мать. Они не были упорно-злы, но были слабы. Они понимали, что мать учить их добру, и искренно хотели бы и жить так, как мать их учила; но разные соблазны влекли их на путь порочной жизни, а воля у них была слабая, – и они часто падали. Тем не менее никто из них не терял надежды когда-нибудь окончательно исправиться. Каждый раз, когда кому-нибудь из них случалось совершить дурной поступок, он потом приходил к матери и со слезами на глазах каялся ей в своей немощи. И мать, видя искреннее раскаяние и горячее желание исправиться, каждый раз прощала своему детищу и примирялась с ним. Таким образом, мир и любовь никогда не нарушались в семействе благочестивой вдовы. Мать любила своих добрых детей за их примерную, благочестивую жизнь, но не меньше любила и детей порочных за их доброе сердце, за искреннее их желание добра и света раскаяния и чистосердечные обеты исправления. И дети платили матери такой же любовью: добрые любили ее за то, что ее любовью и попечениями они и сами поставлены на надлежащий путь, а дурные – за ее любящее и всепрощающее сердце, за ее скорбь об их слабостях и пороках. Добрые дети любили порочных и словом, и примером старались помочь им обратиться на путь исправления и утвердиться в добре. А порочные дети любили своих примерных братьев за их заботы об их исправлении. Словом, все друг друга любили, все в этой взаимной любви почерпали силы, и все знали, что только в этом взаимном любовном общении они и могут жить хорошо.

Раз повстречался один из сыновей вдовы с соседом, который повел к нему такую речь. «Смотрю я на вас, на вашу

жизнь и удивляюсь: все то вы пьянствуете, сквернословите, бранитесь, миритесь и опять бранитесь. Что это за жизнь? Разве так велел жить христианам Господь?». – Знаю, что не так, да что же делать? Хотеть бы жить хорошо, да слаб человек. Помнишь, как говорит Апостол: «желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу». (Рим.7:18) – «А хочешь ли, – я скажу тебе отчего ты при всем своем желании не можешь исправиться, а продолжаешь валяться в тине греховной?». – Отчего? – «Да оттого, что – посуди сам – с кем ты живешь? Кто твои братья? Такие же грешники, такие же порочные люди, как и сам ты. А разве можно исправиться, когда живешь среди соблазнов греха, когда окружен примерами порока? Никогда!». – «Так что же, по-твоему нужно мне делать?». – «Да что? Оставь своих братьев, отделись от них, чтобы не видеть их безобразий, и будешь жить себе один, никто тебя не будет соблазнять, никто не будет мешать тебе устроить свою жизнь так, как Христос велел. А не оставишь их, то и будешь по-прежнему только то и делать, что грешить да каяться и опять грешить». – Но как же это? Ведь тогда, значит, и мать я должен оставить? – «Так что ж такое? На что тебе мать-то? Ребенок ты, что ли? Да и что это за мать, что не сумела воспитать и удержать детей своих в добродетели?». – Ну, этого ты не говори! Мать нас всегда учила и учит добродетели, а если из нас вышли дурные дети, то уж не мать, а сами мы виноваты в этом. Мать всегда нас учить... – «Эко затвердил: учит да учит. Ведь не маленький же ты, что тебя учить еще нужно. Сам разум имеешь. Возьми Евангелие, да почитай, и тебя Сам Христос научить, как нужно жить, чтобы спастись. Одно только знай: будешь жить с братьями-грешниками, – и сам останешься грешником; а хочешь исправиться, чтобы спасти свою душу, – бросай своих братьев и начинай на стороне новую жизнь, такую, какой Христос от нас требует"...

Послушался простодушный сын лукавого соседского совета. Оставил мать, отделился от братьев и начал жить на стороне. И жизнь его как будто в самом деле стала лучше. Был он человек самолюбивый и упорный; не хотел, чтобы кто-нибудь посмеялся над ним и сказать: «вот де задумал исправиться и от матери

ушел, а живет по-прежнему». «Потому и старался жить хорошо. А пуще всего хотелось ему показать своей матери и братьям, что не напрасно он от них отделился, и потому старался, чтобы все видели его хорошую жизнь и хвалили его, и чтобы слава о его новой жизни доходила до его матери и братьев. Но как-то тягостна была ему эта хорошая жизнь. Прежде-то он и жил дурно; да любил добро и хорошую жизнь, а теперь и жил хорошо, да любви-то в сердце не было: все делалось больше для видимости и как будто по принуждению, словно урок какой-нибудь. И скучно ему иной раз становилось по прежней жизни с матерью и любящими братьями, но он старался забыть их. А сосед, тот, что посоветовал ему отделиться от матери, говорит ему однажды. «Вот видишь, не правду ли я говорил тебе тогда, что как отделишься от матери и братьев, то и станешь жить лучше. Вот ты теперь совсем исправился и не похож на прежнего, а братья твои остались такими же, как были, и все такими останутся, если не последуют твоему примеру». Приятно было самолюбивому сыну слушать такие похвалы себе, а сосед между тем продолжил: «Итак, ты нашел уже настоящую дорогу и твердо стоишь на ней. А вот братья твои – те по-прежнему заблуждаются и думают, что могут когда-нибудь исправиться и спастись, если будут жить вместе с матерью своею. Но ты по собственному опыту знаешь, что этого не может быть и что братья твои погибнуть, если будут жить по-прежнему. Что же? Неужели ты так и оставишь их погибнуть? Ведь на твоей душе будет грех, если ты, ставши сам на настоящую дорогу, не попытаешься и братьев своих привести на нее, узнавши истину, пользуясь ею один, не откроешь ее и братьям. Иди к ним, расскажи, как ты пришел к истине, как исправился и посоветуй и им сделать то же, что ты сделал. Это теперь твоя обязанность». Опять послушался соседа простодушный сын и начал склонять своих братьев отделиться от матери и пристать к нему. И вот стали некоторые из них колебаться: пошли в семье благочестивой смуты и нестроения...

Сильно скорбела мать о своем отделившемся от нее сыне, что презрел ее горячую любовь, ее материнские заботы о нем, отрекся от нее и от своих братьев. Но как мать благоразумная,

она ждала первое время, что сын ее одумается и сам к ней вернется. Однако, когда оказалось, что тот не только не думает возвращаться к матери, но и братьев склоняет к тому, чтобы те покинули ее, вдова призвала к себе одного из своих добрых и вполне ей преданных сыновей и сказала ему: «Сын мой! важное дело я решила поручить тебе. Иди к моему сыну, а твоему брату, не захотевшему жить с нами и отделившемуся от нас, и ему от моего имени следующее. «Вернись ко мне сын мой возлюбленный! Я и братья твои, все мы – скорбим о твоём удалении от нас. Вот я всегда заботилась о том, чтобы все выжили в согласии и любви между собой, и чтобы были вы людьми добрыми и благочестивыми. Не все дети мои живут так, как я бы хотела. И ты прежде был дурным и порочным сыном. Теперь ты, по-видимому, исправился, это правда. Но зачем же ты отверг любовь мою, зачем не хочешь вернуться во мне? Ты исправился, а некоторые твои братья продолжают вести прежнюю, порочную жизнь. Вернись же ко мне и к братьям своим; ты опять полюбишь своих слабых братьев и этою любовью, а также примерною жизнью, может быть, и в них укрепишь их слабую волю и утвердишь их решимость исправиться. Вернись же ко мне, сын мой, и поможешь твоей матери в ее заботах о братьях твоих. Отложи свое озлобление на меня и на твоих братьев, – ибо чем мы его заслужили? – отложи свою гордость, вернись к нам и будем жить в мире и согласии, а не во вражде и разделении». – Выслушал отделившийся сын призыв своей матери, но не тронулось им его ожесточенное сердце. И ответил он брату своему, который пришел к нему от матери. «Иди и скажи от меня той, которая тебя послала, и которая называет себя моею матерью. Я не хочу твоей любви и любви твоих детей, которые были когда-то моими братьями. Я жил с вами и был грешником; ушел от вас – и исправился. Что же вы хотите? чтобы я опять пришел к вам и начал вести прежнюю греховную жизнь, какую вы и до сей поры ведете? Нет, уж лучше я буду жить без матери, да хорошо, чем с матерью, да дурно. Не хочу я вашей любви! Отрекаюсь от вас!».

И остался гордый сын жить на стороне. А мать с остальными детьми живет по-прежнему в любви и единении. По-прежнему

есть между ее детьми и хорошие, добродетельные, и слабые, порочные. И по-прежнему все твердо знают, что без матери им жить решительно нельзя, что только благодаря ее материнской любви и неусыпной заботливости добрые и впредь могут остаться добрыми, а порочные могут надеяться когда-нибудь исправиться. А гордый сын, отрекшийся от матери, живет пока хорошо; да только как-то тяжело ему вести эту хорошую добродетельную жизнь. Из гордости и упорства он старается твердо стоять на пути добродетели; да долго ли устоит, – неизвестно. Все ему как будто чего-то не достает; в душе пустота какая-то; нет, нет, и вспомнит иной раз о матери и братьях, от которых отрекся. Но мать не отреклась от своего детища, да и могла ли она от него отречься? Горячая молитвы воссылает она к престолу Всевышнего о том, чтобы Он коснулся всемогущей Своею благодатью ожесточенного сердца ее сына, зажег в нем потухшую искру любви к матери и снял от него затверделую кору ожесточения. – Да будут же услышаны Небесным Владыкой ее пламенные молитвы!

Поняли ли вы, гордые и ожесточенные братья, о ком я сказал вам притчу сию?

Н. В.

V. Подольский К. Не все равно, к какой ни принадлежать вере и исповеданию веры⁴⁷ Иринея, преосв. еп. // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 448–451.

...Религиозное невежество и непонимание дела говорят устами тех, которые с претензией на авторитетность заявляют, что будто «все едино, к какой ни принадлежать вере, – христианской, буддийской, магометанской, какого ни держаться исповедания, – православного, католического, армянского, протестантского, так как все веры, все исповедания признают единого Бога»...

Какое странное и погибельное заблуждение! Какое легкомысленное и неосновательное рассуждение, что будто все равно, быть ли христианином, иудеем, буддистом, магометанином, потому что все веруем во единого Бога!

Совершенно справедливо, что и христиане, и евреи, и магометане, и буддисты веруют, что один только есть Бог и что нет других богов; но вникните, все ли представляют себе под словом Бог одно и то же? Совершенно справедливо, что иудей верует в единого Бога; но кому же неизвестно, что он не знает и не хочет ничего знать о том, что второе лицо Пресвятой Троицы, едиnorodный Сын Божий вочеловечился для спасения людей и что в Нем явился обещанный Мессия и Спаситель мира? – Мусульманин, буддист также веруют в единого Бога, но разве такие у них понятия о Боге, какие мы получили, какие имеем от Божественного Откровения?

Но пусть бы было и так. Если бы и действительно Бог, в коего веруют христиане, иудеи, магометане и буддисты, был один и тот же единый истинный Бог, все же и тогда несправедливо было бы утверждать, что все равно, какой ни держаться веры. И это вот почему. Для вечного спасения недостаточно еще веры в единого Бога, так как кроме того, что один только есть Бог, нам открыто много других истин, которые также нужно признавать, если хотим получить вечное спасение. Кто хочет достигнуть вечного блаженства, тот должен веровать

всему, что Господь открыл нам чрез Своего Единородного Сына и чему учит нас веровать св. Церковь. Спаситель заповедал Своим Апостолам и их преемникам – пастырям Церкви на все веки: *идите, научите есть народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам (Мф.28:19–20)*. Следовательно, Апостолы и их преемники должны учить людей соблюдать все, чему Христос научил их и что открыл им. Следовательно, они должны учить и убеждать веровать не одному только тому, что Бог один. Апостолы так и поступили, как заповедал им Господь. Они проповедовали не только веру в единого Бога, но возвещали везде все содержание Божественного Откровения, полученного ими от Христа Спасителя, и поставляли христианам в обязанность принимать с верою все, что они им возвещали, устно ли то, или письменно. Так, напр., ап. Павел убеждал верующих: *держите предания, которым вы научены или словом, или посланием (2Сол.2:15)*. В послании к Галатам он пишет: *если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема (1:8)*. А чтобы благовествование Иисуса Христа ни малейшим образом не могло измениться, то сами уже Апостолы главные истины его соединили в кратком Символе веры. Подобно Апостолам и преемники их всегда с особенною заботливостью старались о том, чтобы вера неизменно сохраняема была во всех частях. А для содействия этому Спаситель обещал своей Церкви помощь Св. Духа.

Подумайте, для чего все это нужно было бы, если бы достаточно было веровать в единого Бога? В Символе веры мы исповедуем не только веру в единого Бога, но в Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли... Веруем также в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, от Отца рожденного прежде всех век и т.д., и т.д. Веруем в Духа Святаго...

Веруем во святую, соборную и апостольскую Церковь. Исповедуем едино крещение в оставление грехов. Чаем воскресения мертвых и жизни будущего века... Все эти члены Символа веры так же открыты Богом, как и первый член: верую в единого Бога... Для достижения вечного блаженства веровать так же необходимо и во все, что изложено во втором, в третьем

и во всех членах, как и в то, чему учит первый. Св. Апостолы и миллионы мучеников готовы были пролить свою кровь за каждый из членов веры, а нынешние мудрецы хотят учить нас: мы веруем в единого Бога и этого достаточно!...

Согласны, скажут некоторые, – конечно, нужно быть христианином; но все едино – быть православным, католиком, армянином, лютеранином и даже штундистом, ибо в главных пунктах учения все христианские исповедания согласны. Они разнятся между собою в несущественном.

На это нужно отвечать так: но кто же настолько будет дерзок, чтобы решиться определить, где существенное и несущественное в Божественном Откровении? В религии, возведенной Господом Иисусом Христом, нет несущественных и безразличных предметов учения, ибо все они равно истинны, все несомненно открыты Богом. Как в человеческом теле нет ненужных членов, так – и еще меньше – в здании христианской веры нет ненужного, ничего лишнего. Не трудно доказать, что истины веры, которыми мы, православные, отличаемся от христиан других исповеданий, отнюдь не несущественны и безразличны. Не безразлично, напр., веровать ли в невидимую только или и в видимую Церковь, признавать ли только Господа Иисуса Христа главою созданной Им Церкви или еще и «непогрешимого» папу... Не все равно, конечно, веруешь ли ты, что в таинстве Причащения под видом хлеба и вина истинно, действительно и существенно есть тело и кровь Христовы, или же, что в этом таинстве хлеб и вино напоминание только о теле и крови Христовой... Может ли быть для меня безразлично, признавать ли Христа Спасителя – язык затрудняется повторить чужое богохульное слово – за мудреца Назаретского, как лжемудрствуют, например, толстовцы, или же почитать Его и поклоняться Ему, как вочеловечившемуся Господу, едиnorodному Сыну Божию, как верует и исповедует Православная Церковь?

То же нужно сказать и о многих других пунктах учения веры, о которых не говорю здесь. Если бы для достижения вечного спасения достаточно было веры в единого Бога, тогда и Сыну Божию не было бы нужно приносить на землю новой религии,

ибо во единого Бога веровали и израильтяне в Ветхом Завете, как и мы веруем.

Нет, православные, не всякая религия одинаково хороша и одинаково истинна. Говорить так значит утверждать величайшую ложь, которая когда-либо слышима была. Возможна одна только истинная вера, так как истина может быть только одна. *Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех* (Еф.4:5, 6); поэтому и *одна только истинная религия*.

Эта единая истинная религия есть та, которую Христос принес с неба на землю и которую исповедует православная Церковь. «Иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру, читаем в Символе веры св. Афанасия, еяже аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякого недоумения во веки погибнет».

Мы имеем счастье принадлежать Православной Церкви и обладать правою верою. Да держимся же твердо и неизменно этой святой православной веры, ибо она одна может привести нас к спасению и вечному блаженству.

VI. Орлов И., свящ. «Имже кто побежден бывает, сему и работен есть» (Рассказ) // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 451–455

– Не, что ты ни говори, а сказано: «Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода» (2Кор.3:17). Мы свободные, духовные христиане, а вы плотские», – так говорил начетчик баптист своему православному собеседнику.

Что сказано, то верно, отвечал православный: только слова Апостола относятся не к вам, баптистам, а к истинным христианам, которые, как служители нового завета, свободно служат закону Христову, а не так, как иудеи, которые рабски служили закону Моисееву, следуя букве закона. Христос сказал: «грядущаго ко Мне не изжену вон» (Ин.6:37). Это значит, что Христос не принуждает веровать в Него, как Бога, принимать Его закон, а всякий сам охотно верует во Христа, принимает свободно Его учение и непринужденно исполняет Его заповеди. Таким образом, приведенные тобою слова Апостола о свободе Христовой означают то, что христиане *«от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя»* (Рим.6:17).

– Так и я говорю.

«Вовсе не то. Слова Апостола о свободе Христовой вы понимаете так, что, по-вашему, вы как хотите, так и толкуете закон Христов; одно из закона вы принимаете (и то по-своему), а другое совершенно отвергаете, но это уже не свобода, а произвол, а где произвол, там нет свободного послушания закону. Поэтому вы, баптисты, штундисты и другие сектанты, как бы господствуете над учением Христа, по-своему переделываете его, а посему, страшно сказать, вы как бы ставите себя выше Небесного Учителя.

– Ну, это ты напрасно говоришь, потому что знаешь, что мы почитаем Христа, как Бога.

– Знаю; но знаю и то, что *«и бесы веруют и трепещут»* (Иак.2:19), а разве бесы Христу служат? Подобно сему и вы

веруете, но даже не трепещете, ибо самовольно распоряжаетесь учением Христа, одно принимая, а другое отвергая.

– Мы принимаем все учение Христа.

– Все ли? Вот Господь, прощаясь с своими учениками, сказал: «Утешитель, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научите вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин.14:27). А где записано это все, чему учил Христос, чему научал Дух Святой и что напоминал?

– Записано в Евангелии и апостольских посланиях.

– Правда, записано, только не все, ибо сказано: «многое и другое сотворил Иисусе; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому міру не вместить бы написанных книг» (Иан.21:25). Много, стало быть, весьма многое не записано. Где же находится это не записанное? Где так же находится научение Духа Святого, который «пребудет (в церкви с вами) во век» (Ин.14:16)? Слышишь? *"пребудет"* не даст вам какого-либо писанного учения, а пребудет *вечно вспоминая* учение Христа и *вечно научая* всему, т.е., руководя Церковь к спасению посредством внушений. Итак, теперь видишь, что всего учения и нельзя записать, а незаписанное это содержится в Церкви устно. Но вы, баптисты, не признаете этого незаписанного учения Христа, этих внушений Святого Духа, следовательно, вы противитесь Духу Святому, не имеете Его, а «кто Духа Христова не имеет, тот не Его» – не Христов раб. Чей же раб? Вы *рабы своей свободы*, своего произвола.

– Напрасно все это, Петрович!

– Нет, именно так. Смотри, вот заповедь Христа: «если не будете есть плоти Сына Человеческого и крови Его не будете иметь в себе жизни» (Ин.6:43). Тому же учили и апостолы (1Кор.10:16). А вы не принимаете этого учения, не исполняете сих заповедей, а «кто говорит: я познал Бога, но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины» (1Ин.2:4). Таковы и вы: говорите, что лучше всех познали Христа, а заповедей Его не соблюдаете. Кто же вы? Вы те, о которых сказано: «имже кто побежден бывает, сему и работен есть» (2Пет.2:19). Вы *служите своему собственному кичливому духу*. Вы *служите*, далее, *своей собственной похотливой плоти*, ибо сказано: «к свободе

вы призваны, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти» (Гал.5:13). А вы, пользуясь свободой, действительно поставили *эту вашу свободу поводом к угождению плоти*. «Не надо, говорите вы, ни постов, ни бдений, ни поклонов и проч.». Конечно, это от того, что нежите вы свою плоть, вы поститесь, когда вздумаете, вы молитесь, когда захотели. Иначе: вы тогда все это делаете, когда вашей плоти надоест господствовать над духом, когда она пресытится. Это ли не служение плоти? А говорите еще, что вы Христовы, нет, – «которые Христовы, те плоть свою распяли со страстями и похотями» (Гал.5:24). Скажу и еще, – кому вы служите и чьи еще вы рабы. Вы рабы мамоны. Вы часто смеетесь над служителями Церкви пастырями, что они от алтаря питаются (1Кор.9:13). А забыли вы, что «Сам Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования» (1Кор.9:14), потому что «какой воин служит когда-либо на своем содержании? кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молоко от стада? (7 ст.). Забыли вы, что так жили апостолы, что даже Сам Сын Человеческий не отвергал тех, кто был гостеприимен, что Сам Он дозволил апостолам иметь «ковчежец» или кружку – ящик, куда клали свои пожертвования слушавшие учение Христа (Ин.12:6).

Забыли вы!... да что забыли? Вы все это знаете и помните, но так уж вы самовольны, что ни воля Господа, ни заповеди Его апостолов, ни их примеры, – ни что вам не препятствует слушаться своей гордой воли. Но из-за чего же это? Сказано: «не можете служить Богу и мамоне» (Мф.6:24). Как вам служить Богу, когда вам жаль своей мамоны? – Итак, помни: *гордость духовная, похоть плотская и мамона* – вот ваши господа, а вы их слуги.

– «Что верно, то верно; – вступился один из слушателей; я так понял: самые эти баптисты да молокане только что кричат про свою *духовную веру*, а какая уж тут *духовность*, когда, стало быть, чрево свое насыщают, да о кармане тоже попечение прилагают! Вот, к примеру, в запрошлом году *mir* порешил новый колокол купить, так какой они гвалт подняли, не хотелось им двугривенный с души заплатить, – а почему? Все от этой ихней

духовности: «не надо – говорили они, – к чему эта трата?». Им то вестимо, к чему колокол? Ихняя вера не нуждается в нем, потому они там все по закоулкам молятся, да исподтишка ловят соблазняющихся. А нам, нашей вере православной, нужен колокол, потому он всем возвещает своим звоном: «иди, мол, всякий и смотри, какова наша вера, каково моление Богу, как мы славим Творца!».

– Можно, и без того...

– Этак, пожалуй, можно все «не надо», потому у вас такая уж Иудина замашка: «к чему такая трата»? Точь-в-точь говорил Иуда, когда Мария помазала драгоценным миром ноги Спасителя, а Иуде жаль было его. Иуда хоть притворился, что он о нищих заботится (хотя был вор – [Ин.12:6](#)), а вы уж прямо без притворства двугривенные жалеете.

– Вон к чему приравнял! – обиделся баптист; все ж колокола-то ваши выдумка, а не от Писания это взято.

– Ты знаешь, что у ветхозаветного Израиля были священные трубы, в которые трубили священники при общественных молениях (см., наприм., [2Пар.7:6](#))? Колокола у новозаветного Израиля заменяют трубы, как и самый новозаветный храм заменил ветхозаветный.

– Ну, трубите себе, трубите! – сказал насмешливо баптист.

– Ты смейся, а мы будем с веселием *благовестить Бога*, как написано: «в день веселия вашего, и в праздники ваши... трубите трубами... И это будет напоминанием о вас пред Богом вашим» ([Чис.10:10](#)). Уповаем мы, что вспомнит и нас Господь за наше смиренное усердие к украшению и благолепию храмов Божиих как некогда вспоминал Он и услышал молитву Соломона, устроившего Богу великолепнейший храм.

священник Иоанн Орлов

VII. Беседы и поучения

1) Александров Д., свящ. Беседа в ограждение чад православной Церкви от раскольников и суемудрия на 5-й и 6-й член Символа Веры // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 455–461

(«Верую в Господа Иисуса Христа...») *воскресшаго* в третий день по писанию, и *восшедшаго* на небеса, и *сидяща одесную Отца*».

В таких словах, составляющих 5 и 6-й члены Символа веры, православная Церковь выражает и исповедует великие истины вероучения христианского о действительном воскресении Господа Иисуса Христа из мертвых, и о преславном вознесении Его прославленным человеческим естеством на небо и седении одесную Бога-Отца.

По удостоверении в действительности смерти на кресте чрез прободение ребра Господь Иисус Христос был погребен. Но книжники и первосвященники не были покойны: неоднократные предсказания Спасителя о Его воскресении тревожили их злобный дух: «собрашася к Пилату, глаголюще: Господи, помянухом, яко льстец он рече еще сый жив: по триех днех востану» и вот с разрешения Пилата, к пещере, в которой Иосифом и Никодимом погребен был Богочеловек, они приставили стражу, запечатав вход в пещеру собственной печатью. Но сия новая забота врагов Христа об охранении Его во гробе послужила к большему удостоверению в несомненности великой истины преславного воскресения. Ночью – при наступлении третьего дня Господь воскрес. Великое землетрясение у гроба, сошествие Ангела с неба, который отвалил камень от дверей гроба и сед на нем, были первыми грозными вестниками сего события для врагов Христовых. Устрашенные стражи от ужаса убежали и первые из людей явились невольными вестниками о воскресении Распятого.

Явившимся рано утром благочестивым женам: Марии Магдалине, Марии Иаковле и Саломии (Мк.16:9; Мф.28:9), пришедшим ко гробу, «да помажут тело Иисусово», Ангелы возвестили о воскресении Иисуса Христа, сказав им: «не

бойтесь; что вы ищете Иисуса распятого? Его нет здесь: Он воскрес, как сказал...

Сам воскресший Господь сначала явился Марии Магдалине (Ин.20:14–17), а затем явился и другим женам Мироносицам (Мф.28:5–9), ап. Петру (Лк.24:34), двум ученикам Луке и Клеопе, шедшим в Еммаус (Лк.24:13–31), всем ученикам, кроме ап. Фомы (Ин.20:19). В восьмой день явился избранным ученикам, когда тут был и Фома, которому Господь, для уверения, позволил осязать Себя (Ин.20:26–27). В последующее время Христос неоднократно являлся всем ученикам и верующим (Деян.1:3–5; 1Кор.15:7) и открывал им «тайны царствия Божия», посылал их на евангельскую проповедь по всей вселенной, обещаясь пребывать с ними невидимо «во вся дни до скончания века» (Мф.28:14–16).

Так, бр., совершилось воскресение Господа нашего Иисуса Христа, удостоверенное многочисленными явлениями воскресшего и засвидетельствованное многими и проповеданное св. апостолами-свидетелями (Деян.3:15; 4:33 и др.), полагавшими в воскресении Иисуса Христа краеугольный камень как проповеди своей о Божественном Учителе и деле, совершенном Им, так и самой веры христианской: *аще Христос не воста, – учит св. ап. Павел, – тще убо проповедание наше, тща-же и вера ваша... еще есте во гресех ваших*» (1Кор.15:14, 17). Потому-то пр. Церковь и исповедует в Символе Веры: «воскресшаго в третий день по Писанием...».

Совершив умиловительную жертву за грехи всего мира (Ин.2:2), в своих крестных страданиях и смерти, разрушив царство дьявола в самой области ада, победив смерть Своим воскресением, Христос, неоднократно являясь Своим ученикам, уверил их в истине Своего воскресения, и в течение 40 дней учил их тайнам царствия Божия. Таким образом, укрепив Свою земную Церковь живым союзом с Собою, Он в 40 день вышел вместе с учениками на гору Елеонскую и заповедал, чтобы они не расходились из Иерусалима, а ожидали сошествия Св. Духа: «Иоанн крестил вас водою, – сказал им Господь, – а вы чрез несколько дней будете крещены Духом Святым... Вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Свитый, и будете Мне свидетелями

в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли». Сказав это, Господь воздвиг Свои руки для благословения их и вознесся на небо, и воссел одесную Бога-Отца, Который все покорил под нозе Его, и поставил Его превыше всего главою Церкви, которая есть тело Его, полнота Того, Который наполняет все всем (Еф.2:19–23). Тому слава в Церкви во все роды века и до века (Еф.3:21). Апостолы поклонились вознесшемуся Господу и с великой радостью возвратились в Иерусалим. Так, бр., совершилось вознесение Господа нашего Иисуса Христа.

Вознесшийся Господь воссел одесную Бога-Отца. Что это значит? Этими словами, по учению св. Златоустого, изображается Божеское царственное величие Иисуса Христа в Его Богочеловеческой природе: «Когда ты слышишь, что Сын имеет седение одесную Бога-Отца, то представляй себе Его достоинство не как служебное, но как господственное достоинство Владыки... Этим показывается царственное и владычное достоинство Сына Божия, отсюда мы должны чтить и преклоняться пред Ним, как пред Господом нашим, во всем равном Богу-Отцу». Итак, вот учение св. Церкви о воскресении Иисуса Христа, Его вознесении и седении одесную Бога-Отца, – вот те догматы (истины веры), которые Церковь исповедует в 5 и 6 членах Символа веры. Соблюдает ли эти догматы православная греко-российская Церковь? Несомненно, соблюдает и ни за один из этих догматов пр. Церковь не зазирают, не укоряют старообрядцы. Что это так, достаточно привести свидетельство знаменитого в мире раскольничьем Ксеноса: «господствующая ныне в России Церковь, вкупе же и греческая, верует не в иного Бога, но в единого с нами... Сыны собезначальна... Почитает (прибавим и любовне) тридневное воскресение и на небеса преславное вознесение... И сим явственно доказуется яко... единого – и того же с нами исповедует Христа» (Окружн. посл. изд. старообр. л. 4). Следовательно, и паки нашу Церковь должно назвать православною... Правда, когда-то Соловецкие челобитчики писали, что, будто бы, наша Церковь «не проповедует Воскресения Христова». Обвинение это, как в высшей степени

несправедливое, оставлено ныне старообрядцами. На говорящих так не падают ли слова псалмопевца: «потребит Господь вся устны лъстивыя, язык велеречивой (Пс.11:2–3). Читаящим же Соловецкую челобитную, в доказательство лживости сего обвинения, укажем на праздник св. Пасхи, который торжественно празднуется нашею Церковью в память воскресения Христова, укажем на каждую воскресную службу, в песнопениях которой прославляется воскресший Спас... Кроме сего чтением и пением за всякой службой Символа веры явственно обличается клевета соловецких старцев.

Но соблюдают ли сами старообрядцы 5 и 6 члены? Да, читать – читают, но учения сих членов Символа веры любовне не содержат. Пусть они обратят прежде всего внимание на слова 5 чл. Символа *«по писаниям»*. Выражение это в делах веры имеет великое значение. Сам Христос Спаситель, примеру Которого мы, в особенности, должны следовать, когда учил о Себе, как обетованном Мессии, Сыне Божиим, о Своем Божественном посланничестве, всегда предлагал слушателям свидетельства св. Писания: *«испытайте писания»* (Ин.5:39), *«несите ли чли николиже в писаниях»* (Мф.21:42), *«начен от Моисея и от всех пророк»*, – *от всех писаний, яже о Нем»* (Мф.24:24), говорит св. Лука о Христе, беседующем с Еммаускими путниками... Так поступали и апостолы (Деян.2:16–25, 30, 35; 3:22; 4:10 и др.). Так и Церковь все свое учение основывает на слове Божиим, св. Писании.

Принимают ли, а главное – на Писании ли основывают свое учение старообрядцы?

Да, они принимают и основывают свое учение, но не на Св. Писании, а на новоизмышленных писаниях своих непризванных учителей... Проследите, бр., все учение старообрядцев и вы увидите, что для них Св. Писания как бы не существует, – свое лжеумствование, учение – кривотолков, везде они ставят на первом плане. Так, Св. Писание учит, что не находящиеся в Церкви Христовой погибнут (Мф.18:17–18), а беспоповцы учат, что можно спастись и без той церкви, которую создал Спас. Писание учит и настойчиво, что Церковь, основанная Господом, вечно будет существовать (Мф.67 зач.), а беспоповские отцы

говорят, что ее нет, а австрийские учат, что Церковь может пасть и паки восстать; – Писание учит, что Церковь свята, как очищенная кровью Спасителя (Ин.17:17–20), а старообрядцы учат, что она может впасть в ересь, т.е., согрешать, – Писание учит, что пастыри в Церкви будут вечно, ибо, в силу обетования Господня, все они впасть в ересь не могут (Мф.28:20; Еф.4:11–14), – старообрядческие учителя говорят, что пастырям не положено быть вечно, что все они могут пасть. Писание учит, что без причащения Тела и Крови Христа Спасителя спастись нельзя, а – отцы беспоповские учат, что можно... Св. Писание учит, что в созданной Господом Церкви должно быть семь таинств и что их должны совершать законно-поставленные пастыри, – беспоповские отцы говорят, что Церковь может быть и при двух тайнах, да и эти две могут, якобы, совершаться простолюдинами, – беглопоповцы говорят, что при пяти тайнах может быть Церковь, ибо по неимению епископов, нет у них таинств священства и миропомазания, – австрийцы, – что 200 лет, якобы, могла Церковь существовать без священства (разумею таинства)... И многое другое можно привести, но довольно и сего... Так мы имеем, бр., полное и справедливое основание говорить, что старообрядцы, отступая от Писания, учения 5 и 6 членов Символа веры не исполняют. Но посмотрите далее. Своим воскресением Христос победил диавола и, вознесшись на небо, как вечный Царь и Первосвященник, пребудет в этом достоинстве до скончания века, как и священство, установленное Им, пребывающее вечным (Евр.6:3–7, 24–25)... Истину эту возвещают и уважаемые старообрядцами книги. Вот, Кириллова книга (л. 76 об. и дал.) Первосвященство Христово именует не временным, но вечным, и священство, Им установленное в трех чинах, преемственным, имеющим пребывать до конца сего видимого мира... (Тоже чти и в кн. о Вере л. 59 об. и дал.). – А старообрядцы – как учат? Беспоповцы, что ныне нет совсем священства, оно превратилось с 1666 года; – беглопоповцы, – что главнейший иерархический чин, епископский, без коего и Церковь, по Писанию, быть не может, пал и ныне нет его; австрийцы, – что оно на 200 лет превращалось, а ныне с 1846 г. восстало... Если так, – то пусть

старообрядцы, беспоповцы и беглопоповцы скажут: «при чем теперь И. Христос со Своим вечным Первосвященством?... Над кем Он теперь Первосвященник? И кого Он теперь поставляет священнодействовать, если истинного священства, или истинных епископов, нет? И где царствовал Христос, – этот вечный Глава Церкви, – спросим австрийцев, когда 200 лет не было у них епископов? Уча о совершенном, или временном прекращении священства, старообрядцы дерзновенно лишают Христа и царского, и первосвященнического достоинства. –

Старообрядцам, мнимым блюстителям вселенских соборов, против их ложного учения о падении священства, а, следовательно, и Церкви, приведем на память и для вразумления слова Епифания, сказанные им в похвалу 7 всел. собору и в осуждение еретикам иконоборцам. Приведа текст из послания ап. Павла в Тимофею: «Бог явился во плоти, оправдася в Дусе, показася ангелом, проповедан был во языцех, веровася в міре, *вознесся во славе*, сказав далее, что Христос крестом, **воскресением и вознесением** избавил нас от власти диавола, Епифаний, обращаясь к отцам собора, говорит: «Каким образом, после такого несказанного умиротворения, некоторые утверждают, будто мы снова принадлежим коварным врагам?... Как же Христос сказал: «дерзайте, яко Аз победих мір (Ин.16:33)? Если демоны (антихристы ли, как учат беспоповцы, или «врата адовы» – как говорят беглопоповцы и австрийцы) имели силу отвоевать то, что Христос, по Своему обещанию, победил, – то это уж не победа и не может быть причислена к доблестным подвигам. Что это за победа, если освободитель в конце концов не достигает никакой выгоды, но преследуется подобными нападениями со стороны побежденных и даже не подобными, и более сильными нападениями? Ведь если бы я чем-либо обладал и лишился этого, так этим гораздо более обличилась бы моя слабость, чем если бы я вовсе не имел и вовсе бы не приобретал этого"... Но учить так, говорил Епифаний, – «это лукавство, – это гнуснейшее богохульство! Каким образом могло произойти там, где Христос глава и основание...? Значить, мы напрасно обольщались надеждою на то, что мы христиане; значит, мы были обольщены

проповедниками, предсказывавшими нам, что в міре явился Бог, имеющий избавить нас от демонского обольщения. Каким образом клеветники наши могли помыслить это? Думающих так мы спросим: от чего это случилось? Вследствие ли попущения нашей Главы, или же вследствие того, что, хотя Он хотел, чтобы этого не случилось, но не мог *оказать нам помощи*? Разве это **не явное богохульство**? Далее он спрашивает: «каким образом говорится: *Аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Мф.28:20)*? Может ли быть спасительным этот глас, когда обещание это не исполнилось»?! О подобном заблуждении еретиков, говорит Епифаний, следует плакать"... Так и мы, бр., спросим старообрядцев: где победа Христа? Где Его вечное первосвященство, – если священство Церковь пали? По учению старообрядцев всего этого нет, или лучше, сказать, ни победа Христа над адом, ни Его вознесение пользы нам не принесло... Но это нечестие!... Такого учения Церковь никогда не знала, – так учили еретики, да старообрядцы... А мы, чада св. Церкви, будем держаться Св. Писания, будем твердо верить в истинность обетования Воскресшего и Вознесшегося Христа, давшего все средства Св. Церкви, «яже к животу и благочестию», и твердо будем веровать, что, при доброй жизни, пользуясь искупительными заслугами Христа Спасителя, получим царство небесное. Аминь.

Епархиальный миссионер, Димитрий Александров

2) Беседы в ограждение чад православной Церкви от сектантского (хлыстовского) заблуждения // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 461–466

Беседа 1. О том, что душепагубное заблуждение хлыстов подобно злему заразительному недугу требует усиленной борьбы

Есть у нас на Руси сектанты, которых называют в одних местах хлыстами, в других мормонами или прыгунками, в третьих, монтанами, беседниками и т.п. Одним из отличительных свойств поименованных сектантов – замечательное искусство – притворяться пред людьми и даже пред самими собою с целью доказать другим и себе, что они – люди святые, богоизбранные сосуды Божией благодати. Насколько они достигают своей цели, можно судить по тому, что их сплошь и рядом считают за праведников не только простые люди, но даже люди ученые, образованные.⁴⁸ В самом деле, человек мало знакомый с хлыстами легко может в них ошибиться. С виду хлысты кроткие, смиренные и богобоязливые люди: вина не пьют, табаку не курят, срамных и праздных речей не говорят; лицо у них такое бледное, тело тощее... Но если вы поживете с хлыстами по более и присмотритесь к ним, узнаете их покороче, то скоро увидите и теневую сторону их нравственного облика и тогда невольно скажете, что это люди, как «окрашенные гробы, которые снаружи только кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты, исполнены лицемерия и беззакония (Мф.23:28). Под личиной смирения хлысты скрывают гордость сатанинскую, а под видом благочестия и воздержания – безграничный, гнусный разврат. О, если бы и сами хлысты посмотрели на себя, как следует, без всякого пристрастия! Но, к сожалению, они более других самообольщены и видят в себе только одно хорошее, а на все дурное закрыли глаза, приучив себя почитать все свойственное им зло за добро. При таком своем жалком ослеплении они больше, чем другие сектанты возбуждают сожаление, как стоящие ближе других у пропасти вечной гибели. И прежде всего, они люди – утратившие

богобоязненность, и объятые гордостью дьявольскою, выдают себя за святых, пророков, апостолов, христов, богов... Восстать против Бога и выдавать себя за Бога смог только сатана, князь злых духов. С безумным бесстрашием хлыстовские лжехристы утверждают, что они «стоят выше Иисуса Христа» и даже совсем устраняют Его. – «Иисус Христос, – говорят они, – приходил для евреев, а не для русских. Он жил и умер. Спасать русских Бог послал меня», говорит какой-либо хлыстовский лжехристос; – «меня (Григория-христа, или Ивана-христа, или Семена и др.) должен слушать русский народ». Это ли не безбоязненная, сатанинская гордость?! Явно, что все помышления хлыстов – мерзость Господу. Каковы помышления, таковы же и дела их, жизнь. «Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить» (Еф.5:12). При такой жизни им нужно бы считать себя за величайших грешников; а они свою греховную жизнь считают за пустяки, не стоящие никакого внимания. По легкомысленному, развращенному пониманию хлыстов распутство необходимо человеку. «Все мы, говорят они, по телу своему – земля: что ему – телу подеется, если мы будем жить в любви (любовью они называют свой разврат)?... «Любовь, – что дождь для земли. Нет дождя – земля теряет влагу, трескается, – украшающая землю зелень сохнет. Прошел дождь, земля радуется; так и тело от любви и без любви» (т.е. при разврате и без разврата).

Удивительно, как могли хлысты дойти до такого ослепления, что, видя не видят и слыша не разумеют, делают зло, а говорят: «нет, – это не зло, а добро, так и нужно делать, учение наше единственно спасительное, правое»! Верно, предал их Бог в неискусен ум творити неподобное (Рим.2.) и сбывается над ними пророчество Исаии, который говорить: «слухом услышите, и не уразумееете, и глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис.6:9–10; ср. Мф.13:14–15).

«Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно». (Мф.6:22–23). Светильник

души есть совесть. Если совесть – это духовное око будет чисто, то и дух будет чист. Если же духовное око (совесть) будет худо, то душа окажется в беспросветной тьме неведения божественных законов.

По отношению к зрению телесному мы всех людей обыкновенно делим на зрячих и слепых. Но мы не так привыкли делить их на духовно-зрячих и духовно-слепых по способности духовного ведения. Мы часто видим слепцов с потухшими – закрытыми очами и ничуть не сомневаемся в том, что глаза их не способны к зрению. Часто также имеем дело с людьми извращенной совести, и, однако, нисколько не причисляем их к разряду невидящих. Между тем несчастье таких духовно-увечных и духовно-слепых, как, япр., хлыстов, мормонов и др., ужаснее несчастья телесно-увечных слепых. Несчастье последних временное. За гробом они не будут знать его. Слепые же духовно часто уносят свой недуг в загробную жизнь и страдают вечно муками ада. А потому к таким людям мы должны отнестись с бóльшим состраданием и участием, чем с каким относимся, например, к телесно-увечным и душевнобольным или умалишенным. Телесное увечье и недуг душевного расстройства последних остается при них самих, на других не переходит. Напротив, болезнь хлыстовщины весьма заразительна. От одного человека она переходит на многих, заражает не только семьи, но и целые селения, местности. Кто и где видел ослепшими целые села? Между тем можно указать несколько сел, заселенных духовными слепцами. Воистину хлыстовщина – одна из самых ужасных, заразительных болезней! А потому нужно всем, общими силами бороться с хлыстовщиной, как с опаснейшей заразительной болезнью; иначе, она, утвердившись, распространится еще больше и возьмет новые и новые жертвы.

Двояким способом может быть ослаблено развитие болезни: во-первых, лечением болезни самых недугующих, во-вторых, предохранением здоровых от заражения. Скажем здесь несколько слов о первом способе – лечении духовного недуга хлыстовщины.

Борьба с хлыстовщиной сопряжена с большими затруднениями, а потому и требует с нашей стороны не малых усилий. Здесь духовным врачам приходится иметь дело с такими больными, которые, во-первых, стараются тщательно скрывать свою болезнь, во-вторых, и опознанные не всегда захотят нас слушать. И: наконец, не легко и лекарство подыскать для наших больных, так как под влиянием духа лестча они слову Божию не вполне доверяют, и даже совсем не верят в тех случаях, когда оно говорит прямо против них; свидетельства здравого разума, хотя бы и всех людей, для хлыстов, мормонов и др. им подобных, ничего не значат, ничего не стоят.

Но мы не должны падать духом, и дабы не быть нам за них в ответе пред судом Божиим, с упованием на милость и помощь Божию будем благовременно и безвременне говорить им все, что может свидетельствовать об истине Божией и будить заснувшую их совесть. Будем просить Господа об уврачевании и обращении несчастных на путь истины каждодневно, непрестанно, потому что, если Господь «не привлечет» их к Себе (Ин.6:44), все усилия наши исправить их останутся тщетными. С другой стороны, мы должны рассуждать и так: хлысты, мормоны и под. сильно заблуждаются и одержимы страстью самообольщения, многие из них считают себя даже саваофами, христами, пророками и проч. Они верят только себе, а нас не хотят слушать. Но, ведь, все же они люди, в которых не в конец изгладился образ и подобие Божие... А если так, то у них должна же сохраниться хотя некоторая искра любви к правде, и они ищут ее. Поэтому, быть не может, чтобы, хотя по временам, на них не находило сомнение относительно принятой ими лжи! «Полно, Бог ли я? могут подумать они в такие минуты. Пророк ли? Нет! «я не пророк, я земледелец» (Зах.13:5). Не даром и из хлыстов встречаются такие лица, который раньше выдавали себя за бога, за Христа, а потом одумавшись, пришли в себя и сознали всю пагубность своих заблуждений и развращенной жизни, принимая свое состояние за временное, странное помешательство, безумие, как следствие чувственной страсти. Итак, если мы подоспеем к ним во время с словом сочувствия и братской

любви, то легко может быть, что наше слово вразумления не пропадет даром...

Затем, у несчастных хлыстов у каждого есть свой общечеловеческий (хотя и затемненный страстями) разум, способность отличать одно от другого, черное от белого, правое от левого, тем более, значит, они могут познать, какое различие между Богом и человеком, между небом и землей, между человеком грешным и действительным праведником, прославленным от Бога и непрославленным и т.д. Эту-то разницу мы и постараемся им указать и доказать им, как можно яснее, или, как говорит Слово Божие, постараемся «открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу» (Деян.26:18).

Св. ап. Павел призывает *всех нас христиан* в полном христианском всеоружии бороться с царством зла на земле, говоря: «братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять. Итак, станьте, препоясавши чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф.6:11–17).

Без сомнения, трудно вести борьбу с упорными врагами святости и правды, трудно врачевать застарелую болезнь упорных духовно-больных. За то высока награда за труды. «Братие, говорит Апостол, если кто из вас уклонится от истины, (что и случилось с нашими сектантами) и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак.5:19–20).

**3) Долеринский Н., свящ. Поучение в
предостережение православным от увлечения
сектою богомол⁴⁹// Миссионерское обозрение.
1897. Июль-Август, кн. 2. С. 466–468**

Брате, подобает нам лишьше внимати слышанным, да не когда отпадем. (Евр.2:1).

Так писал св. апостол Павел к христианам, и эти слова читались ныне на службе. Братия, говорит св. Апостол, нам должно быть особенно внимательным к слышанному, чтобы не отпасть, т.е. чтобы не отделиться от веры Христовой и не уйти в какую-либо другую веру. Будь св. Апостол сейчас с нами, он и нам сказал бы, ей! сказал бы эти слова.

Истинно, братия, и вам должно быть особенно внимательными к слышанному, должно слушать и принимать сердцем, что вы слышите с этого святого места от вашего пастыря. «Не Апостол говорит» – скажете? Но священник не свое, а евангельское учение передает, говорит то, что в слове Божиим есть. «Да что же, разве мы не слушаем»? скажете вы... Не оскорбляя вас, скажу с грустью в сердце: не слушаете! А нужно, истинно нужно вам слушать, и воспринимать в сердце, что слышите вы здесь – в этом храме, слушать для того, чтобы не отпасть от веры Христовой, и не уйти в какую-либо другую веру, как из вас, кажется, уже ушли!... Догадываетесь, о ком я говорю? Да, брате, речь о наших богомолах! Слышно и видно, что эти люди не бросают своего дела, – нет! они все больше и больше к себе заманивают людей. Это и вы видите. Как же нам молчать? И где лучше говорить, как не в церкви?

Что это за вера, – пусть будем так называть, хотя и нельзя назвать верою глупой болтовни этих жалких слепцов, – откуда они достали эту заразу? Кому они поверили, что нужно жить не так, как все живут, а как-то по духу? Вижу, что они скажут: «водки мы не пьем, языка бранными словами не оскверняем, в церковь идем прежде всех». Прекрасно, если бы все это делалось ими от усердия. Но пусть же они расскажут нам и то, что они творят в своих ночных собраниях! Пусть расскажут, не утаивая правды!

Или нет, пусть не говорят, – вы, братия, знаете про эти собрания, знаю и я. Пение овященных песней, чтение Слова Божия – святое дело. Мне самому пришлось два раза быть с ними, слышал я пение, было и чтение... Но не этим кончаются их собрания и не в этом цель их. Вы знаете, какие непристойности там делаются. К чему здесь танцы? За что женщины одна другой рвут волосы? На что похожи эти после долгого чтения и пения, они начинают двигать ногами, безумно махать руками? О, безобразие! о, жалкие люди! И они дерзают называть себя *людьми святыми*?! Попробуйте во время этого безобразного скакания войти к ним, как змеи зашипят: *«грешник вошел»*. Грешник! да кто же без греха? Перечитайте все жития всех святых, – ни одного не найдете святого, который сказал бы о себе, что он без греха. А эти жалкие говорят, что они святы. И эти святые могут обманывать, могут злобу иметь даже на близких родных, могут в семье делать всякие непорядки! Я, братия, не выдумываю, а говорю, что и вы знаете. И этих людей вы нередко слушаете, этим людям верите. Является к вам незнакомый человек, с смиренным видом, с отпущенными длинными волосами с пробором наперед, с сладкими речами, – вы его принимаете, как человека Божия. А если бы вы видели его сердце, если бы услышали, какую непристойную беседу ведет он наедине с женщиною. Все такие люди – волки в овечьих шкурах. Истинно, их нужно бояться! От них-то, от таких хитрых людей и завелась у нас эта зараза. Это именно те люди, о которых говорит Слово Божие, что они *отделились от единства веры и суть телесни, духа не имущи, ходящая по своим похотех и нечестиих, это облака безводныя, носимыя ветром, деревья осенняя, бесплодная*. И знаете ли, братия, что особенно страшно? В Слове Божиим сказано, что таких людей особенно будет много перед концом света. Отцы ваши, – вы знаете, – не слышали или мало слышали про таких людей, новой веры какой-нибудь не знали. И вот в наше время являются лжеучители, с ними является какая-то новая вера, и несут они ересь погибели, и многие их разврату следуют. «Горе им, этим лживым учителям: придет Господь во тмах святых

ангелов Своих сотворити суд о всех и избличити всех нечестивых о всех делах нечестия их»!

Не ради их, впрочем, эта беседа: не думаю, чтобы мое слабое слово могло тронуть эти каменные сердца. Всесильная благодать Божия – разве она вразумит их, громы небесные – разве они пробудят этих людей от сна смертного!

Подобает, братия, скажу опять слова св. Апостола: подобает вам лишьше внимати слышанным, да не когда отпадете, слушайте, что говорится с этого места, принимайте сердцем, чтобы не отпасть вам от веры Христовой.

Никто вас пусть не обманывает пустыми словами, не бывайте сообщниками этим людям, не посещайте их сборищ, но держитесь святой вашей веры, ожидая милости Господа нашего Иисуса Христа в жизни вечной! Аминь.

священник Николай Долеринский

**4) Р-в Д.И. Беседа в неделю пятую по
Пятидесятнице: На апостольск. чтение (Рим.10:1–10).
Из твор. св. отец // Миссионерское обозрение. 1897.
Июль-Август, кн. 2. С. 468–472**

(В совершении спасения нужно следовать Св. Писанию и учению отцов Церкви, а не собственным мнениям)

В предложенном чтении Апостол говорит об иудеях, что они, *не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, не покорились праведности Божией*. Как верно в приведенных словах Апостола изображаются и все те непризванные учителя и толкователи закона Божия, которые не хотят покоряться учению и постановлениям Церкви, а придумывают свое учение, свои законы, свою праведность! Такие лжеучители появились с первого же времени христианства, появляются и в наше время. *Но конец закона – Христос, к праведности всякого верующего*. Он ясно указать истинный путь ко спасению, Он поставил руководителей на этом пути, сообщая им Свою особую благодать. А потому каждый, желающий получить спасение, должен осторожно относиться к разным непризванным учителям, проверять их учение учением св. Церкви, строго разбирая, не предлагают ли эти новые учителя *свою праведность вместо праведности Божией*. Для сего, по учению св. отцов, необходим дар рассудительности – различения духов, помыслов. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин говорит: «Рассудительность научает человека идти царским путем, удаляясь крайности; в Евангелии она называется глазом и светильником души, как говорит Спаситель: *светильник телу есть око. Если око твое чисто, то все тело твое светло будет. Если же око твое худо, то все тело твое темно будет* (Мф.6:21, 22). Это потому, что рассудительность, исследывая все мысли и дела человека, отлучает и отстраняет всякое зло и Богу неугодное дело, и удаляет от него всякое обольщение».⁵⁰ Св. Златоуст учит: «Как при слепоте очей и прочие члены (тела), не пользуясь светом, очень ослабевают в своей деятельности: так

равно и по растлении ума жизнь твоя исполнится бесчисленных зол. Бог даровал нам ум для того, чтобы мы рассеивали мрак неведения, имели правильное понятие о вещах и, пользуясь им, как орудием и светом против всего скорбного и вредного, пребывали безопасны». ⁵¹ Рассудительность, поучает преп. Кассиан, не может быть приобретаема одним человеческим тщанием, а поддается по божественной благодати и дару. Она причисляется к особенным дарам Св. Духа, о которых говорит Апостол: *одному дается Духом слово мудрости; иному вера тем же Духом; иному дары исцелений тем же Духом; иному различение духов (1Кор.12:8–11)*. Итак, видите, что дар различения или рассудительности есть не земной и не малый, но величайший дар божественной благодати. Если кто не будет искать его со всем тщанием и посредством здравого рассуждения не приобретет этого различения входящих в него духов, то он, как блуждающий ночью в густой тьме, не только необходимо будет падать в глубокие рвы пороков, но часто преткаться и на гладких и ровных местах». ⁵²

«Каким же образом мы можем приобрести рассудительность? Истинная рассудительность приобретается только истинным смирением, коего первым доказательством будет ни в чем не доверять своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таким. Тогда мы удостоиваемся дарования истинной рассудительности, когда будем доверять не внушениям своего разума, но учению и наставлению отцов. Даже взяв примеры из человеческих искусств и наук, мы можем получить наставление. Ибо если и руками осязая их, и глазами видя, и ушами слыша, не можем сами собою преуспеть в них, но имеем нужду в учителе и указателе, то не безумно ли думать, что не требует учителя труднейшая из всех наук, наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одною чистотой сердца, незнание коей рождает не временный ущерб, но гибель души и вечную смерть? Нет другого надежнейшего пути к спасению, как открывать свои помыслы рассудительнейшим отцам и иметь их руководителями в добродетели, а не следовать собственному помыслу и

рассуждению. Как приятно Богу это установление, это можно видеть из свящ. Писания, особенно из истории св. Самуила. Он, с Младенчества будучи посвящен матерью Богу и удостоясь беседы с Богом, не поверил своему помыслу, но дважды воззванный Богом спешит к старцу Илии и от него получает наставление и правило, как должно отвечать Богу; таким образом и того, кого Бог удостоил собеседования с Собою, Он восхотел руководить учением и наставлением старца, чтобы чрез то путеводит его к смирению». «И Христос, Сам призывая Павла и беседуя с ним, хотя мог тотчас открыть очи его и показать путь к совершенству, но отсылает к Анании и повелевает от него научиться пути истины, говоря: *востани, вниди во град, и там речется ти, что ти подобает творити* (Деян.9:6), научая нас этим следовать водительству опытейших. Но да не будет когда-либо достойный пример Павла для малоопытных, худо понимающих ее, поводом к своенравию, по коему каждый хотел бы, подобно Павлу, быть руководим к истине Самим Богом, а не отцами. А что это истинно, можно видеть не только из вышесказанного, но из того, что Апостол показал на деле, как говорит в послании: *взыдох во Иерусалим соглядати Петра и Иакова и предложих им благовествование, еже проповедую, да не како вотще теку, или текох* (Гал.1:18; 2:2), хотя и сопутствовала ему благодать Св. Духа в силе знамений, которые он творил. По сему кто будет столько горд и кичлив, чтобы стать утверждаться на ообственном мнении и суждении, когда сосуд избранный (ал. Павел) сознается, что он имел нужду в совете предшествовавших ему апостолов? Таким образом этим совершенно ясно доказывается, что Господь никому не открывает пути совершенства, кроме руководимых к оному духовными отцами, как и чрез Пророка говорит: *вопроси отца твоего и возвестит тебе, старцы твоя и рекут тебе* (Втор.32:7). Помню, когда еще юный возраст побуждал меня быть в общении с братьями, говорит о себе Авва Иосиф, нам часто думалось, что наше понятие в нравственном учении, или в свящ. Писании таково, что вернее и разумнее его нет ничего. Но когда, собираясь вместе, мы высказывали свои мнения, то

некоторые, разнوبرанные общим рассуждением, сначала признавались ложными и вредными, потом, по общему суду, гибельными, и осуждались. А прежде внушаемые диаволом, они настолько казались правильными, что легко могли породить раздор, если бы заповедь старцев, соблюдаемая, как какое-нибудь Божественное повеление, не отвлекала нас от всякого спора – та заповедь, которою, как законом, предписывалось, чтобы никто из нас не доверял больше своему суждению, нежели братнему, если не хотел быть поруганным диавольскою хитростью».⁵³

Чтобы правильно понимать священное Писание, нужно иметь для этого особый дар от Бога. Преп. Иоанн Кассиан говорит: «желающий понимать Писание должен заниматься не столько чтением толкователей, сколько очищением сердца от плотских пороков. Если сии пороки будут истреблены, то, по снятии покрывала страстей, душевные очи будут созерцать тайны св. Писания. Ибо оно не с тем открыто от Св. Духа, чтобы мы его не знали; темно же оно от того, что душевные наши очи закрываются покровом пороков».⁵⁴ Св. Иоанн Златоуст учит: «Вера имеет нужду в помощи и присутствии Духа, чтобы ей оставаться непоколебимою; а помощь Духа обыкновенно подается за чистую жизнь и доброе поведение. Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь не колебался и в вере». Так пустословящие о судьбе и неверующие спасительному учению о воскресении впали в бездну такого неверия вследствие нечистой совести и развратных дел. Как страдающие горячкою, желая уничтожить жар, часто бросаются в холодную воду и, на краткое время утишив боль, потом подвергаются сильнейшему пламени: так точно и имеющие порочную совесть стараясь найти утешение и не желая омыть грехи покаянием, придумали господство судьбы и неверие воскресению. А дабы убедиться, что это справедливо и что злые дела вредят твердости веры, послушай, что говорит Павел в послании к Тимофею: *да воинствуеши доброе воинство, имея веру и благую совесть, – а добрая совесть обыкновенно бывает от жизни и правых дел, – иже нецыи отринувше, от веры отпадоша*».⁵⁵ (1Тим.1:18, 19)

«Итак, учит преп. Кассиан, если мы действительно хотим самым делом достигнуть истинного совершенства добродетелей, то должны ввериться тем учителям и руководителям, которые не суесловным рассуждением бредят о нем, но делом и опытом понимая, могут и нас научить, направить к нему и верно указать и путь к достижению его, и которые свидетельствовали, что они достигли его больше верою, нежели заслугами трудов. Приобретенная ими чистота сердца доставляла им ту особенно пользу, что сознавали, что они более и более удручаются грехами. Если хотим здание наше довести до верха, так, чтобы оно было совершенно и угодно Богу, то поспешим положить основание его не по воле нашей страсти, а по точному евангельскому учению; это основание не может быть иное, как страх Божий и смирение, которое происходит от кротости и простоты сердца, без чего сердце наше вовсе не может быть жилищем Св. Духа, как говорить Господь чрез Пророка: на ком почиет Дух, как не на смиренном, и тихом, и благоговеющем пред Моими словами?». ⁵⁶ (Ис.66:2).

Д.И. Р-в

5) Брояковский С., свящ. Поучение в 5-ю неделю по Пятидесятнице // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 473–475

(О ревности не по разуму)

«Свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму. Не разумеюще бо Божия правды, и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинуются» (Рим.10:2–3).

Жалки, бр., те люди, которые не веруют в истинного Бога, но не менее достойны сожаления и те, которые хотя и веруют, но не так, как должно, не согласно с учением православной Церкви. А еще более должно жалеть тех, которые упорствуют в своем заблуждении и не хотят *в разум истины прийти*. Такую-то скорбь по своим единоплеменникам имели апостол Павел. Он болел душой, и денно и нощно молился, да просветит их Господь светом христианства; да обратит Он их ум и сердце на путь спасения. Но чем более Апостол жалеть своих соотечественников – евреев, тем более они озлоблялись против него, и против общества Христова. О них-то и говорит Апостол: *ревность имут, но не по разуму. Не разумеюще бо Божия правды, и свою правду ищуще поставите правде Божией не повинуются*. (Рим.10:2–3).

Эти слова нынешнего апостольского чтения хотя и относятся главными образом к евреям, но они весьма приложимы и к нынешним христианам, которые, отделившись от Церкви православной, «свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинуются» и в своем заблуждении «имеют ревность не по разуму». По-видимому, эти люди, ревнующие по благочестию и отличающиеся воздержанием и трезвостью. Качества – вполне похвальные, но они омрачаются враждой против Церкви и служителей ее, а потому не богоугодны. Отделяясь от Церкви ради мнимого благочестия, ревнующие не по разуму Божию – наши отщепенцы думают, что совершают дело богоугодное; но заблуждаясь сами, они и других вводят в заблуждение. *Церковь есть столп и утверждение истины*, вне Церкви нет спасения, следовательно, отторгать людей от Церкви, значить отвлекать их

от истины, лишать спасения. Они думают находить опору для своего учения в самом Слове Божиим. Но ссылаясь на одни свидетельства Слова Божия, кажушиеся им благоприятствующими их мнениям, они не хотят слушать – знать другие, которыми ниспровергается их лжеучение. Ревность, с какою они навязывают другим свое неправое разумение Слова Божия, по истине не разумна, и не от искреннего желания познать истину и следовать ей происходит она...

Вот как Слово Божие обличает таких ревнителей ложной веры и предостерегает от них: *не слушайте словес пророков, иже пророчествуют вам и прельщают вас: видение от сердца своего глаголют, а не от уст Господних; глаголют отвергающим Мя: мир будет вам (Иер.23:16–17)*. Но миру не приносят те, кои сами не имеют мира. *Вожди суть слепи слепцем: слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут (Мф.15:14)*. Удаляйтесь от общения с подобными людьми, братие правосл. христиане, и бегайте речей их, как рака и заразы (2Тим.2:17). Господь предостерегает нас в Евангелии Своем, говоря: *отмечаете заповедь Божию, да предание ваше соблюдете (Мк.7:9)*. Апостол учит нас: *аще кто инако учит, т.е. не так как учит правосл. Церковь, и не приступает к здоровым словесем Господа нашею Иисуса Христа и учению, розгорделся... отступай от такового (1Тим.6:3–50; никто же вас да льстит суетными словесы, сих бо ради грядет гнев Божий на сынов непокорных: не бывайте убо сопричастницы сим (Еф.5:6–7)*.

Итак, братие, да не будет того, чтобы вы, обольщенные пустыми словами, сделались участниками в нечестии отторгшихся от Церкви Божией. «Прошу вас, говорит св. Киприан Карфагенский, удаляйтесь от таковых, бегайте волков, которые отлучают овец от пастыря. Избегайте ядовитых речей диавола, который от начала мира был всегда лукав и лжив: он лжет, чтобы обольстить, – льстит, чтобы вредить, – предлагает благо, чтобы причинить зло, – обещает жизнь, чтобы умертвить, – предлагает спасение, чтобы согрешившему заградить путь ко спасению, – обещает Церковь, а действует так, что поверивший словам его вовсе погиб для Церкви: кто инуду собирает, тот расточает

(Лк.2:23). Прелюбодейство, нечестиво, святотатственно основывать что-либо на человеческом буйстве, чтобы ниспровергнуть «порядок божественный».

Господа Иисусе Христе, Сыне Божий, просветивый Савла, бывшего по ревности гонителем и врагом Твоей Церкви, и соделавший его ревностным служителем ее и верховным из апостолов, коснись Твоею просвещающею благодатью умных очей наших многочисленных ослепленных Савлов, сиречь еретиков и расколоучителей, и вражду их против Церкви Твоей Святой претвори в любовь к ней, их ревность к разрушению ее претвори в ревность к ее созиданию, *да вси едина будут!* Аминь.

священник Серапион Брояковский

6) Брояковский С., свящ. Поучение в неделю 8-ю по Пятидесятнице // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 475–477

(О необходимости соблюдать единомыслие в вере)

«Молю вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри, да будете же утверждени в томже разумении и в той же мысли (1Кор.1:10)».

Таково завещание апостола Павла о том, чтобы верующие христиане соблюдали единомыслие в вере и мир церковный. А между тем из ныне же чтенного послания Апостола к Коринфянам мы знаем, что даже еще при жизни его были уже распри и нестроения в церкви Коринфской. Из-за чего? Из-за того, что одному более нравилось именоваться учеником апостола Павла, другому – Петра, третьему – Аполлоса, а четвертый, вероятно, пренебрегая служением апостолов, с гордостью величал себя Христовым не в смысле смиренного ученика Христова, а с горделивым презрением всякой преемственной церковной власти над собою (1Кор.1:12). Значит, причина таких разделений была не в желании познать истину, а заключалась в гордости, в нежелании подчиниться духу Христова учения, требующего смирения и покорности. Вот почему в Коринфской церкви на первых же порах начали образовываться отдельные кружки – скопища, и у них возникли споры. И вот апостол Павел располагает христиан к единению в вере не силою угроз, а любовью, слезною просьбою. *Умоляю вас, братия, не ради меня, потрудившегося много среди вас, но ради имени и чести Спасителя, распятого за нас, Господа нашею Иисуса Христа, Единственной Главы нашей, от которого все христиане получают благодатные силы и свет, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разъединения, но, чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях (1Кор.1:10).*

С подобным же словом увещания обращаемся и мы к тем из братьев наших, которые *от нас изыдоша*, но которые перестали быть чадами Церкви православной, и под тем или иным

предлогом уклоняются от молитвенного общения с нами. Чего они домогаются, чего желают достигнуть? Разве не Один Начальник веры и совершитель нашего спасения Господь Иисус Христос? *Разве разделился Христос?* (1Кор.1:13). К чему же, братие, раздоры? *Откуда брани и свары в нас? не от сластей ли, не от страстей ли наших, воюющих во удах наших?* (Иак.4:1). Не от гордости ли нашей – поражения диавольского? Не от зависти ли, введшей в мир грех и отпадение от Бога?

Но да не будет сего, братие! Нужно, по Апостолу, соблюдать единомыслие в вере и мир церковный и *так* исполнить закон Христов (Гал.6:2). И те только могут пребывать в соединении веры, которые находятся в недрах единой, святой и соборной Церкви, *назданной на основании апостол и пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу* (Еф.2:20). И как ветвь, отломившаяся от дерева, не может питаться живым соком из корня, и оттого засыхает, так удалявшийся от союза с единою соборною Церковью не может питаться и освящаться благодарю Христа-Спасителя, Который есть основание и глава Церкви. Нужно *блюсти единение духа в союзе мира* (Еф.4:3), так как люди, не хранящие союза и искреннего общения с Церковью, говорит св. священномученик Киприан, хотя бы предали себя смерти за исповедание имени Христова, грех отделения их от Церкви не отмоеся и самою кровью, неизгладимая и тяжкая вина разделения не очищается даже страданиями». Св. Игнатий Богоносец, ученик Евангелиста Иоанна Богослова, так писал филиладельфийским христианам: «не обольщайтесь, братия моя; кто последует расколуучителю, тот не наследует царствия Божия; кто держится чуждого учения (т.е. не того, какое преподается в православной Церкви), тот не имеет части в страдании Христовом. Любите единение, бегайте разделений».

Итак, братие, да не будут в вас распри; умоляем вас именем Иисуса Христа, чтобы все говорили одно с православными, и не было между нами разделений, и чтобы вы были соединены в одном духе и в одних мыслях с нами. Всякое царство, разделившееся не будет прочно, сказал Христос. Это доказывают наши сектанты своим раздроблением, нестроением и ослаблением. Жаль видеть, когда раздоры и распри бывают в

малой семье, а как прискорбно видеть прения и раздвоения в родной, дорогой сердцу нашему вере христианской! Будем же стремиться к сему вожделенному миру. Где же он? Там, где ежедневно возвещается он устами служителей Христа. «Мир вам! мир всем и благословение Божие – возглашает от лица Самого Господа законный пастырь Церкви Христовой... Хотите мира – оставьте мечты неверующего духа, что можно жить счастливо и мирно без веры, и вне Церкви; подчините свой разум в смирении небесному Учителю и вы обрящете покой душам вашим здесь на земле и приобретете вечный мир на небе!

Господь Иисус Христос, краеугольный камень и глава Церкви православной, да утвердит наш союз с вами, бр., нерушимо, да благопоспешит и тем, которые ищут соединения с Церковью, да вразумить и тех, которые еще любить разделения и чуждаются единения с нею. Аминь.

священник Серапион Брояновский

**7) Данкевич В., свящ. Поучение в 9-ю неделю по
Пятидесятнице // Миссионерское обозрение. 1897.
Июль-Август, кн. 2. С. 477–480**

(Невозможно спастись вне веры и Церкви Православной)
Основания иного никтоже может положить паче лежащего,
еже есть Иисус Христос
(1Кор.3:11).

И какое бы, братие, благо было нам, если бы мы устроили свое спасение на краеугольном камне – Христе, дорожили сокровищем веры, *не колебались всяким ветром учения, по лукавству человеческому, по хитрому искусству обольщения* (Еф.4:14), и не губили бы себя разделениями и спорами! Но, увы! Подули иные ветры: доброе семя, посеянное Христом и Его апостолами, стало заглушаться плевелами разных лжеучений; возникли учения странна и различна, люди стали отвращать от истины слух свой, уклоняться к басням (2Тим.4:4) и избирать себе учителей, льстящих слуху их и потворствующих всем страстям их. Вследствие этого чрез них истинное учение Христово находится в поношении, даже *имя Божие хулится у неверных* (Ис.52:5; Иез.36:20). Горечь сего положения увеличивается еще от того, что увлекающиеся учениями суемыдрых новомодных учителей, каковы, напр., наши штундисты, не сознают тяжести вины своей и думают, что они поступают по учению Христову, согласно с Словом Божиим.

Но подумали ли сии несчастные о том, что учение Христа и апостолов не может себе противоречить? «*Верен Бог, говорит Апостол, что слово наше к вам не было то да, то нет, ибо Сын Божий Иисус Христос, проповеданный у вас нами, не был да и нет; но в Нем было все да*» (2Кор.1:18–19). Думали ли они о том, что «*Бог не есть Бог неустройства, а Бог мира, что бывает во всех церквях у святых*» (1Кор.14:33)? Зачем же увлекаются разделениями и неустройствами и вносят их в здание Христово – Церковь Божию? Зачем успокаивают себя обманчивою уверенностью, что поступают по Олову Божию и учению Христову?

Быть недовольными учением Христовым и измышлять новые учения – значит вносить нестроение и разделение в то великое дело, которое совершил Христос: значит полагать новое основание спасения, а его никто не может положить по слову Апостола: «если же полагает, то на свою погибель». Это верно. Как в одном теле все члены соединены воедино, так должно быть и в деле веры; все верующие во Христа должны быть соединены воедино, потому что составляют Его тело и чрез это становятся храмом Божиим. Как же можно вносить разделение в тело Христово и разрушать храм Божий на части, разорять здание Божие? Ведь в таком случае мы становимся не столько учениками Христовыми, сколько богоборцами, *сынами противления, на которых грядет гнев Божий (Еф.5:6)*. И не диво! Полагая новое основание веры и спасения, по своему мудрствованию, и порицая богоучрежденные порядки Церкви, мы вносим смуту в дело веры и спасения нашего и чрез это становимся не исполнителями закона и учения Христова, а судиями его. Становясь же судиями закона Христова и учения Церкви Православной, чрез это становимся богоборцами, взимающимися на разум Божий и великое дело – спасение людей.

Братие-христиане! Христос Спаситель сказал: *«аще пребудете во словеси Моем, воистину ученицы Мои будете» (Ин.8:31)*. Слова Христа истинны и непреложны: «ей и аминь». «Будем, по слову св. Иоанна Златоуста, не только строить на Нем свое спасение, но и держаться на Нем, как ветвь на лозе, дабы не было никакого разделения между нами и Христом. Если отделимся от Него, то немедленно погибнем». Для убеждения выслушайте, братие, одну священную повесть. «Однажды к пр. Кириаку, спасавшемуся в тесной келлии близ Иордана, пришел один инок Феофан, державшийся несторианской ереси. Узнав об этом, пр. Кириак убеждал и молил его оставить свои заблуждения и обратиться к святой, соборной и апостольской Церкви. «Един путь к нашему спасению, – говорил Преподобный, чтобы мыслить и веровать так, как мыслили и веровали святые отцы». Феофан отвечал: «все ереси тоже говорят, что, если с ними не будешь иметь общения, не спасешься. Что же мне

делать? Мой разум так слаб, что не может постигнуть истины и различить от заблуждения. Помолись обо мне, чтобы Бог каким-либо вразумлением свыше вразумил меня»! Пр. Кириак возрадовался о готовности брата принять вразумление и сказал ему: «останься в моей келлии и я надеюсь на Бога, что Его благодать откроет истину». Потом удалился в уединение и начал молиться Богу за брата. И вот около того часа следующего дня несторианец видит, что кто-то неизвестный грозно говорит ему: «поди и познай истину». Затем неизвестный проводил его в темное и смрадное место и показывает ему в огне Нестория, Ария, Евтихия, Диоскора и других еретиков, испускающих стенание и скрежет зубов от нестерпимого мучения. «Вот обиталище тех, которые им последуют. Итак, – сказал неизвестный, – если тебе нравится это место, оставайся при своем лжеучении. Если же не хочешь подвергнуться подобному наказанию, обратись к святой, соборной и апостольской Церкви, к которой принадлежит пр. Кириак. Я говорю тебе, что, если человек сотворит все добродетели, но не будет православно веровать, придет в это место мучения». После сего, явившийся вестник Божественной воли сделался невидим, и несторианец познал свое заблуждение, столь гибельное, и присоединился к правоверию (Чет. мин. 29 сент.)». Вот как опасно изменять вере.

Посему, братие, пребудем всегда в Господе на едином основании Церкви и тогда сотворим, по слову Его, плод мног и пожалеем от всей души тех наших братьев, которые разрывают духовный союз свой со Христом и Его Церковью и лишают себя благодати и спасения. Но жалея о них, будем молиться Господу Богу, да вразумит Он их, да обратит их от пути погибельного на путь правый, да соединит их Святой Своей соборной и апостольской Церкви. Аминь.

Священ. Влад. Данкевич

8) Брояковский С., свящ. Поучение в неделю 9-ю по Пятидесятнице// Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 480–482

(Нужно почитать пастырей, как соработников Христовых и строителей Таин Божиих)

«Всею душею твоею благоговей Господеви и иереи Его чти. Всею силою твоею возлюби Сотворшаго тя и служителей Его не остави. Бойся Бога и прослави иерея» (Сир.7:31–33).

Так премудрый сын Сирахов учит относиться к пастырям духовным. Почему? Потому что пастыри суть соработники у Бога: *Богу бо есмы споспешницы* (т.е. соработники) (1Кор.3:9), говорит ныне чтенный за литургией апостол Павел о себе и о своих преемниках, пастырях духовных.

Пастыри продолжают дело, начатое Христом и благовествуют то учение, которое преподавал людям Сам Господь; они священнодействуя совершенствуют верующих до меры возраста Христова. Значить, священный сан происхождения Божественного, от Бога, от Христа чрез Духа Св. перешли Божественные полномочия на Боговдохновенных апостолов, ближайших учеников Его, а ими переданы всем пастырям духовным. Живя на земле, священник призван к распоряжению небесным и получил власть вязать и разрешать. *И еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех* (Мф.16:19), сказал Господь. А если пастырь есть соработник Божий, которому вручено Самим Господом все домостроительство спасения людей, то он, по сану своему, заслуживает полного уважения и почтения. «Кто почитает священника, говорить св. Иоанн Златоуст, тот почитает Христа, а кто обижает священника, тот обижает Самого Христа. Разве ты не знаешь, что такое священник? он ангел Господа Вседержителя. Если же ты презираешь иерея Божия, то презираешь не его, а рукоположившего его Господа Бога. Поэтому хотя бы жизнь пастыря была и весьма порочна, ты, если только будешь внимателен к себе, никакого вреда не потерпишь

в делах, порученных ему Богом. Ни ангел, ни архангел ничего не могут сделать в даруемом от Бога, а все устрояют Отец, Сын и Св. Дух, священник же действует только своим языком и простирает свою руку».

Что же теперь остается сказать о тех христианах, которые отвергают священство и не только не повинуются пастырям Церкви православной, но еще глумлятся и всячески издеваются над ними? Таковые еретичествоуют, *Божью повелению* противятся и смертно согрешают. Так, еще в Ветхом Завете сказал Господь: *человек, иже сотворит в гордости, еже не послушати жреца или судии, иже в тья дни будет, да умрет человек той. И вси людие услышавше, убоятся, и не будут нечествовати к тому* (Втор.17:12–13). Значит, человек не почитавший священника в Ветхом Завете подлежал смерти. И действительно, так было: мы знаем, что Корей, Дафан и Авирон, служившие священнику Аарону, как только дерзнули восстать на него, и считать себя равными начальствующему первосвященнику, немедленно восприяли наказание за святотатственную дерзость, быв поглощены землею. И не они одни, но и прочие двести пятьдесят человек, участвовавшие в их возмущении, были пожраны снисшедшим от Бога огнем, чтобы стало очевидным, что священники Божии отмщеваются Тем, Кто поставляет священников. В 1-й книге Царств говорится, что, когда иудейским народом оказано было презрение к избраннику Божью Самуилу за его старость, Бог во гневе сказал: *не тебе уничижиша, но Мене уничижиша* (1Цар.8:7). Сам Господь наш Иисус Христос всегда оказывал должное законным архиереям и священникам, хотя они не имели ни страха Божия, ни познания Христа. Так, когда Он очистил прокаженного, то сказал ему: *шед покажися иереови, и принеси дар* (Мф.8:4). Будучи почтителен к священникам, Он этим учит и нас оказывать истинным пастырям законное и полное уважение. «Всех же, восстающих на священников Божиих, – говорит святой Киприан Карфагенский, нужно или отлучать, или усмирять. Мы же увещеваем и просим: пусть они лучше познают свой грех, пусть загладят вину свою, признав за нами наше право; потому что мы желаем и стараемся скорее милосердием и терпением побеждать оскорбления и

обида каждого, нежели наказывать за них по власти священства».

Ведая сие, братие, будьте внимательны к пастырям вашим духовным. *Повинуйтесь наставникам вашим и покаяйтесь (Евр.13:17); имейте их попреизлиха в любви (1Сол.5:13).* Не чуждайтесь пастырей, будьте почтительны к отцам духовным, посвятившим себя на служение святыне и спасению христиан (1Кор.16:18). Окружайте их, по заповеди Апостола, любовью и молитесь за них постоянно, как за отцов духовных, возносящих молитвы не только о своих пасомых, но и о всем мире. Помогайте в их ревностном, не легком труде, потому что всякий труд требует поддержки, а тем более труд пастырей, как соработников у Бога, как служителей Христовых и строителей Таин Божиих (1Кор.4:1)! Христианин! *всею душою твоею благоговей Господеви и иереи Его чти. Всею силою твоею возлюби сотворшаго тя и служителей Его не остави. Бойся Бога и прослави иерея.* (Сир.7:3–33). Аминь.

Священник Серапион Брояковский

VIII. Петрушевский П.П. Св. Климент, епископ Римский // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 482–498

Благовестнические труды св. Климента в сообществе Апостолов Петра и Павла. Св. Климент – епископ римский; его ссылка и мученическая смерть. Открытие мощей его вблизи Херсонеса Таврического свв. братьями Кириллом и Мефодием: Уважение к нему в древности. – Повод к написанию 1-го послания к Коринфянам, предмет сего послания.

Между множеством сотрудников апостольских в Св. Писании и древней христианской письменности упоминается о св. Клименте, спутнике и сподвижнике ап. Павла во время его путешествий с проповедью Евангелия, сотруднике обоих первоверховных ап. Петра и Павла по устройению церкви в Риме, а потом и предстоятеле – епископе Римском. О его благовестнических подвигах оставил доброе свидетельство сам ап. Павел, в своем послании к Филиппийцам, писанном им из Рима во время первого заключения в узах (полагают, в конце 63 или в нач. 64 г.): «Ей, – пишет он (как думают, к епископу Филиппийскому) прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им, *подвизавшимся в благовествовании вместе со мною, и с Климентом и с прочими сотрудниками моими, которых имена в книги жизни*» (Флп.4:3). Более сведений о св. Клименте в Св. Писании не сохранилось, так же как не сохранилось там и о других многочисленных и славных сотрудниках ап. Павла (напр., Силе, Тимофее, Луке, Тите...), а тем более – прочих апостолов. Но древнее предание Церкви, восходящее ко временам апостольским, сохранило нам не мало драгоценных подробностей о жизни св. Климента, о благовестнических его трудах, отношении к св. первоверховным апостолам, о значении его в древней христианской Церкви, управлении Римскою церковью в сане епископа и мученической его кончине.

Св. Климент, по своему происхождению, был римский язычник и принадлежал к благородной фамилии. В раннем возрасте он получил многостороннее научное образование. По

своем обращении ко Христу, он был одним из выдающихся членов Римской церкви. Дом его находился на склоне Целийского холма; здесь устроена была церковь, и сюда собирались римские христиане для совершения богослужения. В то время, когда ап. Павел совершал свои трудные благовестнические путешествия и насаждал Церковь Христову в областях Малой Азии и Греции, – как это описано в книге Деяний Апостольских (13, 14:3; – 21 гл.; – в 45–50 г., 52–53, 54–58 г.) – в г. Риме, бывшем в ту пору столицею Римской Империи, существовала уже христианская Церковь, основанная, полагают, еще теми римлянами, которые приходили в Иерусалим и были крещены в день Сошествия Св. Духа на Апостолов (Деян.1:10, 41). Из послания ап. Павла к Римлянам (писанного им в Коринфе, в 59 г.) видно, что очень многие из римских христиан были близки к нему, трудились с ним в благовестии Христове, подвергались вместе с ним узам, оказывали ему разные услуги и состояли с ним даже в родстве (Рим.16:3–15). Полагают, что и самая римская церковь была устроена учениками и сотрудниками ап. Павла (см. напр., 16:3, 5, 7, 9 и др.). В числе таких сотрудников Апостола был и св. Климент, который известен был своими подвигами в Филиппах и, вероятно, в других городах Македонии и Греции. Но более он приобрел известность своим близким участием в устройстве и управлении церкви Римской. Когда ап. Павел посетил в первый раз Рим (61 г.) и жил здесь три года в узах, то, как видно, при нем находился и св. Климент. Был в общении св. Климент и с другим первоверховным ап. Петром, когда тот посещал Рим с проповедью о Христе. Все древние писатели⁵⁷ согласно говорят о тесном общении св. Климента с обоими первоверх. Апостолами, о близком участии его в делах церкви Римской и об управлении ею в сане епископа. Некоторые даже полагают, что он перевел на греч. язык послание ап. Павла к евреям, писанное Павлом из вторых уз в Риме, незадолго до смерти еврейском языке.⁵⁸ Древние христианские писатели называют св. Климента постоянно то «учеником Апостолов» (Ориген), то «сотрудником их» (Ориген, толк. Ин.1:29; Евс. Ц.И. III, 4. 15), то просто «Апостолом» (Клим. Алекс. Стром. IV, 17).

В царствование императора Нерона в Риме воздвигнуто было жестокое гонение на христиан (в 64 г.). В течение четырех лет (до 68 г.) продолжалось зверское истребление их. Тогда-то потерпели мученическую смерть и св. первоверховные ап. Петр и Павел (в 67 или 68 год.). Ап. Павел скончался смертью Иоанна Крестителя, чрез усечение мечом; Петр же умер на кресте чрез распятие вниз головою. Предание гласит, что и св. Климент был осужден на смерть вместе с ап. Петром, но его потом освободили, как родственника дома Кесарева.⁵⁹ По смерти Петра, он исполнил по отношению к нему долг Иосифа Аримафейского: им было испрошено у властей тело Петрово и предано честному погребению совместно с другими христианами на Ватиканском холме. Промысл Божий сохранил жизнь славного ученика и сотрудника св. апостолов на пользу Церкви. После смерти первоверх. Апостолов св. Климент продолжал их дело благовестия о Христе Иудеям и язычникам. В 68 г. гонитель Нерон погиб жалкою смертью, и ужасы гонения на христиан прекратились. Но в те времена Церковь не могла быть совершенно покойною среди враждебных к ней язычников. В 91 г. снова было поднято жестокое на христиан гонение со стороны императора Домициана. Снова начались заключения в узы, ссылки, казни, отобрания имущества у христиан. В это время управление римской паствой перешло к св. Клименту (в 92 г.), которого преуказали в римские епископы еще первоверховные апостолы Петр и Павел. Св. Иринея, епископ Лионский, об этом говорит так: «после Анаклета на третьем месте от апостолов получает епископство Климент, *видевший блаженных Апостолов и обращавшийся с ними, еще имевший проповедь Апостолов в устах своих и предание их пред глазами своими*; впрочем, он не один, но многие еще оставались тогда, которые получили наставление от Апостолов».⁶⁰

Будучи римским епископом, св. Климент пас врученное ему стадо Христово со многим трудом и терпением, окруженный отовсюду ненавистью и злобою гонителей. В гонение Домициана (от 91 по 96 г.), св. Климент ободрял и утешал христиан. В мирное, но не продолжительное правление имп. Нервы (96–98 г.) он успел обратить многих язычников ко Христу, не только из

простого народа, но и от царского двора, благородных и сановитых, в том числе и некоторых из рода имп. Нервы. В царствование имп. Траяна произошло возмущение римских язычников против св. Климента и христиан. Император велел епарху города Мамертину отправить предстоятеля римской церкви св. Климента в заточение на работы в каменоломни в одном пустынном месте близ Херсонеса Таврического (бывшего в 3 верстах от нынешнего Севастополя). Здесь он нашел уже большое общество христиан, так же осужденных на тесание камней, и стал во главе этого общества. Вскоре к нему стали стекаться язычники, чтобы послушать его учение, и крестились целыми толпами. Св. Климентом устроено было множество церквей.⁶¹ Услыхав об этом, имп. Траян поручил военачальнику Авфидиану произвести строгий суд над христианами. Тогда многие из них были замучены, а св. Климент утоплен в море (101 г.).⁶²

Бог чудодейственно сохранил в окрестностях Херсонеса мощи сего мужа апостольского в течение многих веков нетленными на благословение славянам и нашим предкам, по обращении их в христианство. Св. первоучители славян братья Кирилл и Мефодий, посланные императором греческим Михаилом III к Хазарам, жившим по течению Дона и низовьям Волги, посетили Херсонес, открыли мощи св. Климента (30 янв. 861 г.) и с торжеством перенесли их в город, где они и положены были в соборной церкви. Небольшую часть их они взяли с собою и потом принесли в дар римской церкви (в 868 г.), где эта святыня была встречена с торжеством папою, клиром и народом, с крестами и свечами.⁶³ Остальная же, большая часть мощей, а именно, глава священномученика и почти все тело его, вместе с мощами ученика его Фива, были взяты св. равноап. князем нашим Владимиром (в 987 г.), крестившимся в Херсонесе, и перенесены в Киев, где и положены были в новосозданной им Десятинной церкви, на благословение новопросвещенной стране. В течение почти 250 л. они были «радостью и утешением русских князей, святителей, иереев, монахов и народа», которые, «приходя», по словам древнего проповедника, «к его Христоносным костем и телу, почерпали

себе святыню» (т.е. освящение).⁶⁴ Во время нашествия Монголов на Россию (в 1240 г.), мощи св. Климента сокрыты не известно где.

Имя св. Климента римского принадлежит к самым славным и уважаемым в христианской древности. Много писаний, относящихся преимущественно к церковному устройству, приписывается св. Клименту.⁶⁵ Среди них одно, а именно – первое послание к Коринфянам считается всеми христианскими писателями, бывшими почти современниками св. Клименту, его произведением.⁶⁶ В древней христианской церкви оно пользовалось высоким уважением. Церковные писатели называют его «превосходным» (Ириней Лионский, Прот. ересей III, 3), «великим и удивительным» (Евс. Кесар., Ц. Ист. III, 16). В первые времена христианства оно читалось даже при богослужении в дни праздничные, наравне с другими писаниями апостольскими.⁶⁷ Такую важность оно приобрело в Церкви потому, что принадлежало непосредственному ученику двух Апостолов и заключало в себе учение, которое он слышал от сих апостолов.

Поводом к написанию св. Климентом этого послания к Коринфянам послужили большие беспорядки, произведенные в церкви Коринфской в конце I в. некоторыми членами ее из мирян, людьми дерзкими и своевольными. Еще ап. Павлу, основавшему сию церковь, пришлось бороться с своеволием и внутренними раздорами в среде Коринфян. При своем богатстве, внешнем образовании и независимом положении, жители Коринфа во времена апостолов отличались особенною гордостью, самомнением и нравственною распущенностью. Ап. Павел в первое свое посещение Греции (в 52–53 г.) жил в Коринфе долго, около 1½ года (Деян.18:1–18), и труды его увенчались успехом, не смотря на все препятствия. Судя по его посланиям, церкви Коринфской сообщены были благодатные дары Св. Духа обильнее, чем где-либо в другой, основанной им церкви. Однако старая закваска языческая здесь не вдруг уступила место силе Евангелия. Вскоре по удалении ап. Павла, в Коринфе, среди христиан обнаружились разделения на партии, своеволие в мысли и жизни, недовольство проповедью ап. Панча и унижение

его апостольского достоинства. Ап. Павел с истинно-апостольскою твердостью и ревностью восстал в своих посланиях против этого разделения и беспорядков в Коринфской церкви, защищая вместе с тем свое благовествование и апостольское достоинство. В виду неуместных притязаний со стороны некоторых коринфян на то, что им в Церкви было не свойственно, ап. Павел писал им о поставлении Богом в Церкви апостолов, пророков и учителей, о различии духовных дарований и о превосходстве любви пред всеми другими духовными дарами (1Кор.12:13–31).

Обличения ап. Павла на время прекратили беспорядки. Однако дух гордости и независимости, а отсюда – склонность к разделению и неповиновению церковной власти не исчезли у Коринфян совершенно и обнаружились с новою, большою силою в конце 1 в., после смерти апостолов. Некоторые дерзкие и своевольные люди произвели новые, еще большие беспорядки в коринфском христианском обществе и довели здесь дело до открытого мятежа против существующей иерарх. Таких людей в Коринфской церкви было немного, один или два (посл. Климента гл. 47); они превозносились своею мудростью, которая блистала только на словах (21, гл.), но чужда была добрых дел (38 гл.); они выдавались также внешнею чистотой жизни и святостью по плоти (гл. 48), но далеко не были проникнуты истинною христианскою любовью. Им, однако удалось найти себе сочувствие среди коринфских христиан, по характеру своему вообще расположенных к противлению и восстанию против власти, и составить себе сильную партию, которая стала низводить с церк. должностей своих пастырей, поставленных еще самими апостолами или их преемниками. Очевидно, что эти сеятели смуты и раздоров смотрели на церковно-иерархическое служение, как на всякое другое, человеческое, и на предстоятелей, пастырей своих, как на обыкновенных должностных лиц, которые получили власть и право от людей, а не свыше, от Бога, и, следовательно, могут быть и лишены своих мест и сана теми самими, над которыми и для которых они были поставлены. Теперь именно случилось то, от чего раньше еще предостерегал их ап. Павел. Низшие члены в Коринфской

церкви восхитили себе право распоряжаться всею церковью: те, кому подобало быть в составе тела этой церкви лишь ногою или рукою, глазами, слухом или обонянием, захотели стать для себя всем телом, отвергли для себя нужду в помощи других, лучших членов, и таким образом посягнули на целостность Церкви Христовой (см. 1Кор.12:12–31). Вслед за отвержением Богоустановленной иерархии в коринфском христианском обществе наступила неурядица; пороки и заблуждения умножились и усилились. Отсюда бесславие церкви Коринфской. Следовало опасаться за сохранение в церкви Коринфской того единства, о котором Спаситель наш молился к Отцу Своему: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин.17:21). Если прежде забота о сохранении этого единства лежала главным образом на апостолах (см. напр., 1Кор.1:10), то теперь она перешла к их преемникам, предстоятелям церквей, епископам. Церковь Римская некогда находилась в самых близких сношениях с церковью Коринфскою, и св. Климент, быть может, не раз здесь был с апостолами Петром или Павлом, или даже самостоятельно. По духу братского единения, эта церковь приняла сердечное участие в бедственном положении своей сестры, славной некогда церкви Коринфской. Св. Климент написал от лица своей церкви послание, в котором старается уврачевать язвы коринфского христианского общества, внушить мятежным членам его необходимость повиновения пастырям и восстановить прежнюю славу церкви Коринфской.

Любили древние христиане читать в церковных своих собраниях по праздникам это послание, к своему назиданию. Выслушаем же и мы с любовью и благоговением эти увещания и наставления св. Климента, близкого ученика и сотрудника св. первовехр. ап. Петра и Павла к Коринфянам, тем более, что (как будет показано ниже) и наше нынешнее состояние сходно с положением Коринфской церкви в конце I века.

Послание это даже по форме своей напоминает послания ап. Павла. Оно так же, кроме введения (1–3 гл.) и заключения (62–65 гл.), состоит из двух главных частей: общей, нравоучительной, в которой Коринфяне располагаются к

смирению, миру и послушанию (4–36 гл.), и практико-догматической, в которой раскрывается и доказывается необходимость, законность и божественность церковной власти, как главного условия религиозно-нравственного единства христиан.

После приветствия церкви Коринфской от имени церкви, находящейся в Риме, св. Климент переходит к главному предмету беседы. «Внезапные, говорит он, и одно за другими случившиеся с нами несчастья и бедствия (здесь намеки на жестокое гонение христиан, вспыхнувшее в последние годы имп. Домициана) были причиной того, братья, что поздно, как думается нам, обратили мы внимание на спорные у вас дела и на неприличный, и чуждый избранникам Божиим, преступный и нечестивый мятеж, который немногие дерзкие и высокомерные люди разожгли до такого безумия, что почтенное, славное и для всех достолюбезное имя ваше подверглось великому поруганию».

Затем св. Климент изображает прекрасное состояние Коринфян в прежнее время, до появления раздоров и восстания против своих законных церковных предстоятелей, называемых здесь «предводителями» и «старшими» или «пресвитерами». «Ибо, продолжает он, «кто, побывавший у вас, не хвалил вашей, всеми добродетелями исполненной и твердой веры? Во всем вы поступали нелицеприятно, ходили в заповедях Божиих, повинувшись предводителям (ἡγουμένοις) вашим, и воздавая должную честь старшим (τοῖς πρεσβυτέροις = пресвитиром) между вами!... (гл. 1). Все вы были смиренны и чужды тщеславия, любили более подчиняться, нежели повелевать, и давать, нежели принимать... Таким образом всем был дарован глубокий и прекрасный мир и ненасытимое стремление делать добро: и на всех было полное излияние Св. Духа. Вы были искренни, чистосердечны, и не помнили зла друг на друге. Всякий мятеж и всякое разделение было вам противно. Вы плакали о проступках ближних; их недостатки считали собственными. Не скушали делать добро, все совершали во страхе Господа: Его повеления и заповеди были написаны на скрижалях сердца вашего» (гл. 2). Так процветала у Коринфян

жизнь христианская до тех пор, пока всякий из них, довольствуясь тем, что ему дано от Бога, знал свое место в Церкви, и заботясь о выполнении своих обязанностей, находился в послушании своим пастырям, духовным приставникам, и не только не покушался на расстройство церковного единства, но день и ночь заботился о всем братстве, и когда даже самая мысль о мятеже и разделении была им противна!

Не то оказалось, когда *Коринфяне оставили прежний путь добродетели, взаимного согласия, братолюбия и покорности Богоустановленной церковной иерархии*. «Вся слава и широта⁶⁸ дана была вам, говорит далее св. Климент, и исполнилось, что было написано: «он ел и пил, разжирел, растолстел, и сделался непокорен возлюбленный» (Втор.32:15).⁶⁹ А отсюда ревность и зависть, вражда и раздор, гонение и возмущение, война и плен. Таким образом, люди безчестные восстали против почтенных, бесславные против славных, глупые против разумных, молодые против старших. Поэтому удалились правда и мир; так как всякий оставить страх Божий, сделался туп в вере Его, не ходит по правилам заповеди Его, не ведет жизни достойной Христа, но следует злым похотям своим...» (гл. 3).

Откуда же произошла эта нравственная перемена у Коринфян? Что было причиной их духовного падения? Св. Климент находит и указывает ближайший источник его в «*беззаконной и нечестивой зависти, чрез которую и смерть вошла в мир*». Он приводит здесь много исторических примеров зависти из истории Ветхого и Нового Завета (Каин и Авель, Иаков и Исав, Иосиф и его братья, Моисей и Фараон, Аарон и Мариам, Дафан и Авирон, Саул и Давид, мученическая кончина «величайших и праведных столпов Церкви, блаж. апостолов Петра и Павла» и «великого множества избранных»), показывает злобредность ее как для отдельных лиц, так и для целых обществ и великих народов (гл. 6).

Посему он внушает Коринфянам обратиться к Господу с покаянием, утешая их надеждою на милосердие Божие и на очищение грехов в крови Господа нашего Иисуса Христа (7–8 гл.).

Но более глубокою причиною мятежа и духовного падения Коринфян св. Климент *считает гордость и крайнее самомнение их*. Посему он убеждает их известными примерами из св. Истории (Энох, Ной, Авраам, Лот, Раав блудница) к смирению, «покорности величественной и славной воле Божией, отречению от суетных дел, раздора и зависти, ведущей к смерти, и к молитвенному обращению к Божию милосердию и благодати» (9–12 гл.). «Будем, говорит он, смиренны, братья, отложив всякое надмение, гордость, неразумие и гнев, и будем поступать, как написано. Ибо говорит Дух: «... да не похвалится мудрый мудростью своею, ни сильный силою своею, ни богатый богатством своим, но хвалящийся пусть хвалится Господом, ища Его и творя суд и правду» (Иер.9:22–23 и др.)... (13 гл.).

Главное же, – в настоящем случае, требовалось *прервать сообщество с виновниками мятежа и раздора* в церкви Коринфской и возвратиться к покорности законным иерархическим властям. «Праведное и святое дело, братья, поучает св. Климент, *более повиноваться Богу, нежели последовать тем, которые в надменности и кичливости стали предводителями презренной зависти*. Ибо немалому вреду, но, напротив, великой опасности мы подвергнемся, если опрометчиво отдадим себя на волю тех людей, которые *подстрекают нас к раздору и мятежам, чтобы отвести нас от добродетели...* (14 гл.). «Присоединимся к тем, которые с благочестием хранят мир, а не тем, которые с *лицемерием желают мира*; ибо сказано где-то: «эти люди почитают Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Ис.29:13; Мк.7:6; Мф.15:8 и др.)... (15 гл.). «Ибо Христос принадлежит *смирненным*, а не тем, которые возносятся над стадом Его. Жезл величия Божия, Господь наш Иисус Христос не пришел в блеске великолепия и надменности, хотя и мог бы, но *смирненно*, как сказал о Нем Дух Святой. (Ис.53:1 и сл. Ис.21:7–9; Евр.11:37). Он убеждает так же «подражать в *смирении* тем праведникам, которые скитались в козьих и овечьих кожах, проповедуя о пришествии Христовом (Илия, Елисей, Иезекииль)», и другим, «которые получили прекрасное свидетельство в Св. Писании (Авраам, Иов, Моисей, Давид)». «Смирение и послушная

покорность этих мужей сделали лучшими, говорит св. Климент, не только нас (т.е. христиан), но и прежде бывшие поколения, именно тех, которые со страхом и искренностью принимали глаголы Его...» (17–19 гл.).

Смирение и покорность Коринфян законной власти должны привести их к внутреннему миру и согласию. Но к этому же самому должны расположить их и *общий міропорядок* и в частности *«цель міра, указанная и значила»* нашим Отцом и Создателем. Здесь св. Климент начертывает прекрасную картину *гармонии міра и стройности природы*, в которой все совершается в определенное время, не препятствуя одно другому и действуя мирно и согласно между собою. Итак, мир и согласие лежит в основании даже неразумной природы, как цель, указанная ей Творцом (20 гл.). «Смотрите же, возл., говорит св. Климент, чтобы столь многие благодеяния Его не обратились всем нам в осуждение, если мы не будем, живя достойно Его, совершать благое и угодное Ему». *Единение в Церкви должно быть искреннее, сердечное, а не наружное лишь и лицемерное.* Это не есть еще полное церковное единство, если мы только совне показываем покорность и послушание пастырям, а втайне пересуживаем их, строим против них козни, составляем свои сборища и совещания и т.п. Св. Климент решительно осуждает такое положение вещей: «сказано где-то: Дух Господа есть светильник, испытующий тайны утробы (Прит.20:27). Помыслим, как Он близок к нам, и что ни одна из наших мыслей или совещаний, какие мы делаем, не закрыты от Него. Итак, надлежит нам не отступать от воли Его, *лучше воспротивимся глупым и несмысленным, превозносящимся и хвлящимся пышностью слова своего людям, нежели Богу.* Будем благоговеть пред Господом Иисусом Христом, Коего кровь предана за нас, *будем почитать предстоятелей наших, уважать пресвитеров, юношей воспитывать в страхе Божиим, жен своих направлять к добру, чтобы они отличались достолюбезным нравом целомудрия, показывали чистое свое расположение к кротости, скромность языка своего обнаруживали молчанием.... Дети ваши пусть получают воспитание христианина; пусть учатся, что значит пред*

Богом чистая любовь, как прекрасен, велик и спасителен страх Божий. Ибо Он есть испытатель мыслей и желаний наших: Его дыхание в нас, и когда восхощет, возьмет его» (21 гл.).

«Милосердый во всем и благодетельный Отец, продолжает св. Климент, милостив к боящимся Его, и *дары Свои* охотно и ласково раздает приступающим к Нему с чистым расположением». «Превосходные и славные дары Его» будут наследованы праведниками несомненно в будущей жизни. В виду же некоторых «несчастливых двоедушных, (колеблющихся душой)», св. Климент доказывает истину воскресения наших тел в будущем (образом смены дня и ночи, прозябанием и возрастанием брошенных в землю сухих и голых семян, мифологическим сказанием о птице Фениксе и неложным обещанием Слова Божия) (гл. 22–26).

В надежде воскресения и благ будущего века христианин получает *новые побуждения к святости и чистоте жизни*: «В этой надежде, говорит он, да прилепятся души наши к Тому, Кто верен во обещаниях и праведен в судах Своих». «Будучи уделом Святого, будем делать все относящееся к святости"... Убеждая к воздержанию от разных пороков и страстей (в том числе и «*страсти к нововведениям*»), св. Климент внушает воздерживаться от всякой *клеветы и злоречия, а также самохвальства, наглости и дерзости, которые расстраивают единомыслие в среде христиан*: Не будь, говорит он, многоречив (Иов.11:2–3), хвала наша да будет у Бога, а не от нас самих. Бог ненавидит тех, которые сами хвалят себя. Пусть свидетельство о добром поведении нашем будет дано от других, так как дано оно отцам нашим праведным. Наглость, надменность и дерзость свойственны проклятым от Бога; умеренность, смиренномудрие и кротость да будут у благословенных от Бога» (27–30 гл.)

Стремясь к нравственному совершенству и святости, истинный христианин, однако никогда не станет гордиться и надмеваться достигнутыми им на этом пути успехами. Примеры из жизни многих святых (Авраам, Исаак, Иаков, и др.) доказывают, что как они, так и *мы приобретаем благословение Божие, оправдываемся, прославляемся и возвеличиваемся сами собою, и не мудростью своею, или разумом, или благочестием,*

или делами, в святости сердца совершаемыми, *но посредством веры*», «волею Божией"... (31–32). Само собою разумеется, что мы не должны, под предлогом малозначительности наших дел для спасения, «отставать от добродетели и любви», а, напротив, *трудиться во всяком добром деле*, помня, что Сам Бог Своим примером, при сотворении мира, освятил труд. «Помыслим, говорит он, о всем множестве Ангелов Его, как они, предстоя пред Ним, исполняют волю Его (Дан.7:10; Ис.6:3)... Так и мы в единомысленном собрании, единым духом, как бы из одних уст, будем взывать к Нему непрестанно, чтобы сделаться нам участниками великих и славных обетований Его» (1Кор.2:9; Ср. Ис.64:3,4)... «Как блаженны и чудны дары Божии! А они достигаются утверждением в вере в Бога, угождением Ему и отвращением от всякой неправды», чрез Иисуса Христа, первосвященника наших приношений, заступника и помощника в немощи нашей"... (33–36 гл.)

(Продолжение будет).

IX. «Миссионерский листок»

Слюсарев Д., свящ. миссионер. Ответы из Слова Божия вопрошающим о почитании животворящего Креста Господня // Миссионерское обозрение. 1897. Июль-Август, кн. 2. С. 499–508

I.

1. На чем претерпел Иисус Христос искупительную смерть?

«Тогда наконец он (Пилат) предал Его на распятие. И взяли Иисуса, и повели. И, неся **крест** Свой, Он вышел на место, называемое лобное, по-еврейски Голгофа. Там распяли Его... Пилат же написал и надпись, и поставил на **кресте**. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский». (Ин.19:16–19. Сравни Мф.27:31–40; Мк.15:20–30; Лк.23:33–55).

2. Откуда видно, что Иисус Христос не по принуждению, а Сам добровольно избрал наружный крест в орудие Своих страданий?

"Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили». (Деян.2:23).

"Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил» (Деян.3:18).

«Ибо по истине собрались в городе сем на святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, **чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой**». (Деян.4:27).

«Уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеком и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти **крестной**". (Флп.2:7–8).

3. Откуда видно, что и самые страдания Спасителя называния крестом?

..."Взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо подлежащей Ему радости, *претерпел крест*". (Евр.12:2).

Примеч. Итак, «по определенному Совету Божию» в деле нашего искупления, совершенном Иисусом Христом, одинаково имели силу два креста – наружный и внутренний, под которым понимаются страдания душевные и телесные и смерть; первый – наружный был орудием для исполнения второго и потому оба эти креста нельзя разделять один от другого.

4. Кроме страданий и смерти, чему еще послужил для Иисуса Христа наружный крест?

«Иисус возвел очи Свои на небо, и сказал: Отче! пришел час, **прославь** Сына Твоего, да и Сын Твой прославить Тебя. И ныне *прославь* Меня, Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин.17:1, 5).

«Иисус же сказал им в ответ: *пришел час прославиться* Сыну Человеческому. Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю... И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. **Сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет**». (Ин.12:23, 28, 32, 33; Сравни 13:30–32).

II.

5. Чему послужил наружный крест Спасителя в отношении к человечеству?

а) Крест наружный послужил снятию греха, тяготевшего над человечеством по преступлению Адама:

«И вас, которые были мертвы во грехах необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним, *простив нам все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание*, которое было против нас, и Он взял его от среды, и **пригвоздил ко кресту**». (Кол.2:13–14).

«Он грехи наши Сам вознес Телом Своим *на древо*, дабы мы, *избавившись от грехов*, жили для правды». (1Пет.2:24. – Ср. Евр.9:15).

б) Крест послужил освобождению от клятвы: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою ибо написано: *проклят всяк, висящий на древе*». (Втор.21:33; Гал.3:13).

в) К примирению с Богом:

Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду

Плотью Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле **примирить** *обоих с Богом, посредством креста, убив вражду на нем*». (Еф.2:14–16).

«Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, **умиротворив чрез Него, Кровью креста** Его, и земное, и небесное. И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне **примирил** в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными, и неповинными пред Собою». (Кол.1:19–22).

III.

6. Что сделал Спаситель посредством наружного креста в отношении диавола?

«Истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды, и пригвоздил ко кресту; *отняв силы у начальств и властей*, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою». (Кол.2:14–15).

Примеч. Что здесь говорится о победе над начальствами и властями диавольскими, это видно из следующих мест: (Кол.1:13; Еф.6:12; Ин.12:31; Евр.2:14).

IV.

7. Какое значение получил Крест со времени прославления его Иисусом Христом столь великими плодами?

а) Крест стал собственным Иисусу Христу и крестом потому называется в Слове Божиим **«крестом Иисуса»** (Ин.19:25), **«крестом Его»** (Мф.27:32). *Он стал знаменем Самого Иисуса Христа, т.е. знаменем Его победы над грехом, проклятием, смертью и диаволом:*

«Тогда явится **знамение** Сына Человеческого, на небе; и тогда восплачутся все племена земные, и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою». (Мф.24:30).

Примеч. Отсюда видно, что прежде явится на небе знамение Сына Человеческого, после чего восплачут племена; а потом уже явится и Сам Сын Человеческий, знамение, поэтому, не означает

здесь наружного вида Сына Человеческого, а означает особый предмет, ставший собственным для Иисуса Христа, каковым может быть только крест.

б) Для верующих в Спасителя, он (крест) стал оружием против диавола, исполненным от Спасителя силы Божией;

«Ибо слово о **кресте** для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых **сила Божия**». (1Кор.1:18).

Примеч. Как с одеждою Спасителя пребывала благодатная сила Божия, так что от одежды Его многие получали исцеления: так и с крестом Его стала обитать сила Божия со времени пребывания на нем Тела и пролития Крови Спасителя.

8. На каких основаниях мы почитаем крест СВЯТЫНЕЮ?

Ибо Он освящен: а) пребыванием на нем Тела Христова и б) пролитием на нем крови Христовой:

«Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив чрез Него, Кровью креста Его, и земное, и небесное». (Кол.1:19–20).

Сравни (3Езд.5:5): «с дерева будет капать кровь».

9. Как примирить с святостью креста слова ап. Петра:

«Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо (1Пет.2:24) и слова ап. Павла: Истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту (Кол.2:14), т.е. не осквернен ли крест грехами нашими и не остались ли они на кресте?»

Ап. Петр говорит, что Иисус Христос вознес грехи наши на древо «Телом Своим», но ведь Тело Его не осквернилось и не потеряло в святости от соприкосновения с грехами нашими; почему же осквернилось бы древо креста от них? Затем вознесенные на крест грехи были смыты Кровью Иисуса Христа, пролитую на кресте (Кол.1:20); так что рукописание греховное не осталось на кресте после пролития крови. Иначе нужно было бы признать, что человеческий грех сильнее Крови Христовой, что противоречит словам ап. Иоанна: (1Ин.1:7), – нужно было бы признать, что наши грехи не уничтожены Спасителем; но это противоречит словам ап. Павла: (Евр.9:26).

10. Как примирить с святостью креста слова ап. Павла: «Проклят всяк висящий на древе»? (Гал.3:13). –

Проклятие, по Моисееву закону (Втор.21:23), было положено на повешенного преступника, а не на самое древо. Но, по слову ап. Павла, Христос и эту клятву снял: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою» (Гал.3:13). О самом же древе креста в Слове Божием сказано: «благословенно древо, чрез которое бывает правда». (Прем.14:7; сравни: 1Пет.2:24).

VI.

11. На чем основывается священный обычай ношения на себе креста Господня?

«Выйдем к Нему за стан, **нося Его поругание**. (Евр.13:13).

«Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе не достает; пойдя, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, **взяв крест**». (Мк.10:21).

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и **возьми крест свой**, и следуй за Мною». (Мк.8:24).

Примеч. Здесь не сказано, какой именно крест нужно взять и носить – внутренний ли (т.е. страдания) или наружный. Но так как внутренний крест Спасителя неотделим от наружного Его креста и так как Он Сам нес на Себе наружный крест на Голгофу; то очевидно, что Спаситель, повелевая своим последователям взять крест, имел в виду тот и другой крест. – Так и ап. Петр говорит: «Христос пострадал за нас, *оставив нам пример*, дабы мы шли по следам Его» (1Пет.2:21). По сему, кто называет себя христианином, но отвергает и не носит наружного креста, тот не вполне следует Его примеру: «кто **не берет креста своего**, и *следует за Мною*; тот не достоин Меня» (Мф.10:38).

12. Откуда видно, что Иисус Христос действительно нес не Себе наружный крест?

Сравни: Тогда, наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса, и повели.

И *неся крест Свой*, Он вышел на место, называемое лобное, по-еврейски Голгофа. (Ин.19:16–19).

И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринеянина, шедшего с поля, *возложив на него крест*, чтобы нес за Иисусом». (Лк.23:26).

«...И повели Его на распятие. Выходя, они встретили одного Киринеянина, по имени Симона; сего заставили *нести крест Его*». (Мф.27:31–32).

Примечание. Ясно, что на Симона Киринейского возложили крест, предназначенный для Иисуса Христа, после того, как уже прошли некоторое расстояние от места отправления, когда встретили его на пути, «выходя» из города; до встречи же с Симоном, по замечанию Ев. Иоанна, Спаситель Сам нес Свой крест. Из этого сопоставления ясно, что Ев. Иоанн говорит о наружном кресте.

13. Какой внутренний смысл ношения на себе креста?

"Я сораспялся Христу. (Гал.2:19). Чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его». (Флп.3:10).

«Зная то, что наш *ветхий человек распят с Ним*, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху». (Рим.6:6).

«Но те, которые Христовы, **распяли** плоть со страстями и похотьми». (Гал.5:27).

«Итак выйдем к Нему за стан, **нося Его поругание**». (Евр.13:13).

14. Откуда видно, что первые христиане действительно почитали крест?

«Ибо слово о **кресте** для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых сила Божия». (1Кор.1:18).

«Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов. А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира». (Гал.6:12–16).

Примеч. Отсюда же видно, что неверовавшие Иудеи издавались над крестом («для погибающих юродство») и гнали христиан за почитание креста.

«За что же гонять меня, братия, если я и теперь проповедую обрезание? Тогда соблазн креста прекратился бы». (Гал.5:11).

* * *

Итак, дело нашего искупления Господь Иисус Христос совершил Своею Смертью на кресте: «когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: *совершилось!* и, приклонив главу, предал дух». (Ин.19:30). От сего момента наружный крест и Его смерть неотделимы один от другого: крест стал таким же предметом христианской веры, как и искупительная смерть. Поэтому кто говорить, что верует в Иисуса Христа распятого, тот должен принимать и наружный крест; наоборот же, кто отвергает крест, о том должно сказать, что таковой не верует в Иисуса Христа, *распятого*; тот не есть истинный христианин.

Основанием для такой веры в крест служить то, что, как крест Спаситель избрал Сам, добровольно (Ин.10:17–18; Евр.9:26–28); а не по принуждению от человек. Крест именно, а не какое-либо иное орудие смерти, напр., столб или доска, был Ему угоден. А что избрал Он для Себя, того мы не должны отвергать. Заблуждаются поэтому те, которые говорят, что веруют в Иисуса Христа, *распятого*, но отвергают крест.

От такого сочетания смерти Спасителя с наружным крестом самые страдания Его в Слове Божием именуется *крестом* (Евр.12:2). Это – крест внутренний. Посему опять, кто принимает внутренний Его крест, тот должен самому принимать и наружный; ибо в деле нашего спасения тот и другой сочетанны Спасителем нераздельно. Заблуждаются, поэтому, те, которые говорят, что принимают только крест Спасителя. Таковые «упраздняют» крест Христов (1Кор.1:17), т.е. извращают своим мудрованием евангельское учение об искупительных крестных страданиях Христовых.

Но в самых страданиях Спасителя на крест совершилось и прославление Его. Крест, поэтому, послужил для Спасителя орудием не только страданий, смерти, но и прославления и сам был прославлен Спасителем, – прославлен тем именно, что посредством наружного креста Он уничтожил грех, снял проклятие и победил диавола. От сего времени крест стал собственным Иисусу Христу, победоносным знаменем

Христовым и не только Его, но и нашим: он стал символом нашего примирения с Богом, освобождения нашего от греха, проклятия и дьявола, стал оружием сильным против дьявола. Заблуждаются поэтому те, которые приравнивают крест к виселице и видят в нем только позорное орудие смерти Христовой. Но, следуя своему мудрованию, они должны считать позорною и самую искупительную смерть Спасителя. А так именно думали о наружном кресте и смерти Спасителя неверовавшие распинатели Его; им-то и уподобились отрицатели св. креста.

Крест не есть уже позорное орудие; он освящен Телом Спасителя, омыт Кровью Его и потому должен быть предметом нашего благоговейного почитания, как великая Святыня, с которой пребывает благодатная сила Божия, способная сделать крест орудием против довода. Напрасно «враги креста Христова» (Флп.3:18) в опровержение святости креста указывают на то, что Спаситель вознес грехи наши на крест и они на нем будто бы остались: они омыты честною Его Кровью.

Как святыню, мы почитаем достойным носить св. крест на себе по примеру Спасителя и на основании прямого Его повеления, – как Сам Он понёс не только внутренний, но и наружный крест, так и последователям заповедал нести тот и другой. Ношение креста означает именно, что мы готовы потерпеть поругание, страдания и даже смерть на кресте за веру в Него, как Он претерпел за нас, что мы готовы «сообразоваться смерти Его», по слову Апостола. (Флп.3:10).

Такое почитание креста, как святыни, не есть, как утверждают сектанты, позднейшее установление; но оно было уже во времена апостольские: из Слова Божия видно, как апостол Павел поучает, что с крестом пребывает сила Божия (1Кор.1:18) и потому он (апостол) не стыдился хвалиться им (Гал.6:14); видно также, что первые христиане были «гонимы за крест Христов» (Гал.6:12), т.е. за почитание св. креста. Итак, истинное гонение, предуказанное последователям Христовым (Флп.1:29–30), может быть только на тех, которые принимают св. крест. Посему, у кого нет креста, на тех не может быть и гонения

такового, те посему не принадлежат и к истинным последователям Христа. (Мф.7:22–23).

свящ. о. Д. Слюсарев

Август, книга 1-я

Третий всероссийский миссионерский съезд в Казани 22 июля – 6 августа

«Яко же посла Мя Отец, и Аз посылаю вы». Ин.20:21.

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева». Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии моей». Рим.9:1–3.

**I. Указ Св. Синода от 3–11 апреля 1897 г. за № 1172, об
открытии третьего миссионерского
противораскольнического и противосектантского
съезда в городе Казани // Миссионерское обозрение.
1897. Август, кн. 1. С. 601–602**

По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод имели суждение об открытии в текущем году третьего миссионерского противораскольнического и противосектантского съезда в городе Казани. Приказали: признавая полезным созвать в текущем году в городе Казани третий съезд противораскольнических и противосектантских миссионеров для обсуждения вопросов, касающихся борьбы с расколом и сектантством, Святейший Синод определяет: открыть заседания сего съезда в городе Казани, с 22 июля по 6 августа сего 1897 г., предписав епархиальным преосвященным: 1) послать из подведомых им епархий на означенный съезд не менее двух вполне знакомых с состоянием местного раскола и сектантства лиц, предпочтительно из епархиальных миссионеров, а также предложить прибыть на съезд и желающим из преподавателей истории и обличения раскола и сектантства в местной духовной семинарии, с тем, чтобы как те, так и другие, по прибытии в г. Казань, представились преосвященному архиепископу Казанскому, от которого имеют получить и дальнейшие указания, 2) снабдить посылаемых на миссионерский съезд лиц обстоятельными сведениями о состоянии и деятельности в епархии противораскольнической и противосектантской миссии, о существующих в епархии раскольнических толках и сектах, с указанием числа последователей их, и о принимаемых епархиальным начальством мерах борьбы с расколом и сектантством, и 3) озаботиться изысканием местных средств на проезд вышеупомянутых лиц в г. Казань и обратно, с тем, что если где-либо окажется совершенная невозможность отнести этот расход на местные источники, преосвященные имеют войти в Святейший Синод с представлением о возмещении затраченных

на таковую поездку епархиальных сумм, о чем, для должных к исполнению распоряжений, и напечатать в «Церковных Ведомостях».

II. Высочайшие телеграммы и архипастырское приветствие первенствующего члена Св. Синода 3-му всероссийскому миссионерскому съезду в Казани // Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 602–604

*«Прошу Вас, **Владыко**, передать Съезду миссионеров Мою сердечную благодарность за выраженные ими чувства и за поздравления, а также Мое искреннее пожелание им дальнейшего успеха проповеди нашего вероучения в истинно христианском духе.*

Николай".

Всемиловитейшая телеграмма Его Императорского Величества съезду последовала на имя архиепископа Казанского Владимира.

Телеграмма, посланная съездом в день своего открытия 22 июля, – на Высочайшее имя Его Императорского Величества, была составлена в следующих выражениях:

Петергоф, Его Императорскому Величеству.

«Собравшиеся в Казани на третий всероссийский Съезд миссионеры, вознесши Господу Богу молитвы о здравии и долгоденствии Вашего Императорского Величества, Всемиловитейшего покровителя миссии отечественной Церкви, повергают к стопам Вашего Величества свои верноподданнические чувства и приносят усерднейшие поздравления со днем тезоименитства Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны. Архиепископ Владимир. Сенатор Владимир Саблер».

Сенатор Саблер имел счастье получить от Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны из Бернсторфа следующую телеграмму:

«Искренно благодарю вас, преосвященного Владимира и миссионеров за поздравление.

Мария".

Телеграмма съезда, посланная 22 июля на имя Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, была

составлена в следующих выражениях:

Дания, Бернсторф. Ее Величеству Императрицы Марии Феодоровне.

«Собравшиеся в Казани на третий всероссийский съезд миссионеры, совершив молитвы о здравии Вашего Величества Августейшей Покровительницы всероссийского православного миссионерского общества, повергают к стопам Вашего Величества вернопреданнейшие поздравления со днем Вашего ангела. Архиепископ Владимир. Сенатор Саблер».

Первенствующий член Св. Синода, высокопреосвященнейший митрополит С.-Петербургский Палладий удостоил съезд следующего содержания телеграммой:

«Архипастырски приветствуя Третий Миссионерский Съезд в Казани с начатию предстоящего религиозно-просветительного дела, молитвенно призываю Божие благословение, споспешествующее в трудах его к пользе и славе нашей православной Церкви; выражаю искреннюю мою благодарность вам и подписавшим телеграмму за добрую память. Палладий митрополит С.-Петербургский».

Депеша съезда на имя Его Высокопреосвященства была следующего содержания:

«Третий Всероссийский Миссионерский съезд, собравшись в родной Вам Казанской академии, испрашивает Вашего архипастырского благословения на свои труды. Архиепископ Владимир. Епископы: Владимир оренбургский, Анастасий туркестанский, Алексей вятский. Сенатор Владимир Саблер. Архимандрит Антоний».

**III. Поминки о почивших, совет и благожелания
нынешним деятелям миссии Церкви //**
**Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 604–
614**

(Речь Сенатора В.К. Саблера при открытии 3-го всероссийского миссионерского съезда)

Приветствую вас, досточтимые отцы и братья, собравшееся в Казани на третьей миссионерский съезд. Первые два съезда, бы виде в Москве в 1887 и 1891 годах, принесли немалую пользу. Трудami отцов миссионеров были выяснены многие условия, способствовавшие успеху миссионерской деятельности среди сектантов и раскольников. Устройство съездов миссионерских свидетельствует о заботах церковного священноначалия о вразумлении заблуждающихся, о привлечении к единству веры отпадших от него, и наконец об утверждении верных в правильном разумении истин Христова учения. Радуюсь общению с вами, досточтимые отцы и братия, не могу не дать простора глубокой печали. Нет в сонме вашем приснопамятного председателя двух первых съездов, отца архимандрита Павла. Многим из нас навсегда останется памятен и дорог этот добрый старец. От юности своей он блуждал во тьме раскола. Его пытливый ум искал истины, но не находил удовлетворения в безжизненном формализме раскольнических учений. Он понял, что раскол, подобно древнему Израилю, не постиг закона правды. И отец Павел, сознательно познав неправду раскола, до конца дней своих неустанно служил истине. Он был счастлив, что узрел свет в единении с Церковью, и рад был озарять этим светом сидящих в тьме и сени смертной братьев своих. Всех их, равно как и сомневающих в вере, всегда он принимал с любовью, терпеливо выслушивал; раскрывал разум Писаний, знакомил с мнениями и учением отцов Церкви. Это был добрый учитель, всегда готовый ответить всякому, вопрошающему его о вере. И текли к нему в Никольский единоверческий монастырь и из Сибири, и из области Донской, и из разных мест ближних и дальних и старые,

и малые; текли за наставлением и разъяснением смущавших их сомнений. И всех он принимал с приветом и любовью. Под конец дней своих, часто недужный, он и болезнь забывал, раскрывая совопросникам учение о спасительном для них пребывании в святой Церкви. Всеми силами своей чистой души любил он эту церковь. Жалел он раскольников, часто говоря о них: «несчастливые, они веруют во Христа, но не верят Ему, не исполняют его заповедей, и губят себя». Толкованием святоотеческим Слова Божия старался он вразумлять и спасать их. Это желание просветить их светом правого учения одушевляло его особою силою. Многим из нас не раз приходилось видеть его в бедной настоятельской келье в старом подряснике, полулежащим в изнеможении трудов и недуга. Взор его словно угасал, но лишь только начиналась речь о Церкви, или являлся какой-либо старообрядец или собеседник с недоуменными вопросами о вере, и неузнаваемым становился наш отец Павел. В глазах загорался блеск живой мысли, уста раскрывались, и из исхудалой, старческой груди раздавалась добрая, вразумляющая, учительная речь, пленявшая слушателей глубиной богословского знания, правильностью логического мышления и красотой простого и ясного изложения. Приснопамятный учитель наш не собирал сокровищ суетных и бренных на земле. Он помнил слово Апостола, что мудрование плотское смерть есть, а мудрование духовное живот и мир.

Миссионерским съездам отец Павел придавал большое значение. Он видел в них надежный способ объединения трудов благовестников истины и ожидал от них благих плодов для Церкви. Миссионеры имели в нем умелого и опытного руководителя и председателя искусного в ведении прений.

Нет между нами и товарища отца Павла по председательству на втором съезде, лишились мы и отца протоиерея Василия Нильского. Знаток раскола Петербургской епархии, он близко к сердцу принимал успехи миссионерских трудов, тщательно собирал новые сведения о положении раскола, следил за литературой и своею ревностью о распространении истины и преданностью святой Церкви сильно влиял на раскольников, охотно посещавших его. Отец Василий и

среди шума столичной жизни чутко прислушивался к речам темных людей, искавших у него вразумления и совета. Отца Павла он высоко почитал и дорожил его наставлениями. Не видим мы среди собравшихся и много потрудившегося в Вятской епархии, почтенного старца протоиерея Стефана Кашменского. Господь не судил ему быть и на втором съезде, он умер вскоре после первого, на котором деятельно помогал отцу Павлу. Отец Стефан надолго останется памятным Вятской епархии. Изучая местный раскол, он пришел к убеждению, что для борьбы с ним следовало устроить братство и открыть небольшую миссионерскую школу, имеющую целью готовить к ведению бесед с раскольниками грамотных и хорошо настроенных крестьян, посылаемых на один год в школу из местностей, зараженных расколом. Благие начинания отца протоиерея встретили противодействие и несочувствие со стороны многих; но отец протоиерей верил в правоту своего дела и на первом миссионерском съезде имел утешение убедиться в полном сочувствии к его начинаниям отца Павла и миссионеров. Он отошел ко Господу, оставив дело свое благоустроенным и обеспеченным. Вечная память да будет почившим отцам архимандриту Павлу, протоиереям Василию и Стефану!

Воздав должную честь почившим, пожалеем, что среди нас нет ближайшего сотрудника отца Павла. Не мог приехать в Казань известный знаток раскола, Николай Иванович Субботин. Его многостороннее знакомство с старообрядчеством, разумение причин возникновения раскола и правильное понимание борьбы с ним – все это, вместе взятое, могло бы во многом облегчить обсуждение вопросов, подлежащих решению съезда.

Воскресив в своей памяти светлые образы почивших миссионеров, потрудившихся на первых двух съездах, побеседуем о том, чем должен быть миссионер, посвящающий свою деятельность борьбе с сектантством и расколом на Руси. Светоч веры Христовой более девяти веков тому назад озарил землю русскую, и народ русский в этой вере православной нашел источник своей нравственной силы и исторической мощи. Церковь православная воспитала в этом народе святые чувства покорности воле Божией, любви к ближним, готовность

жертвовать собою за Бога, Царя и Отечество. Церковь православная, содержа учение, обнимающее собою все племена и народы, не отпавшие от единения веры, будучи церковью вселенской, всегда была, с тем вместе, для нашего отечества источником его несокрушимой, нравственной силы. И потому понятно, отчего на эту Церковь так яростно нападают и свои, и чужие враги. Расшатать и поколебать эту внутреннюю силу значит в корне ослабить и приблизить к разрушению и весь государственный организм. Если так, то очевидно, какая забота должна быть направлена к сохранению в неприкосновенности учения святой веры, соблюденная Церковью православною в неизменной чистоте от ее основания до наших дней. Велики эти заботы, если вспомнить, что на Руси около 80-ти миллионов православных. Есть между ними и недостаточно утвержденные в знании истин святой веры; на них, этих слабых, прежде всего набрасываются проповедники заблуждений. Люди, по Апостолу, не разумеющие Божией правды, и свою правду желающие утвердить, Божией правде не повинуются и сбивают с толку слабых в познании истин святой веры. Первая забота миссионеров должна быть направлена к тому, чтобы помочь пастырям Церкви оградить православных от совращения в ереси и расколы. Миссионеры, зная хорошо приемы, употребляемые сектантами, могут предотвращать совращение, указывая на причины и условия, облегчающие деятельность врагов Церкви. Борьба с сектантством и расколом не должна бояться света: для того, чтобы сохранить свое достояние от расхищения, нужно хорошо знать противника. И миссионер, хорошо с ним знакомый, знающий его учение и приемы борьбы, может оказать неоценимые услуги. Приходской священник, обремененный множеством различных дел и забот, не имеет возможности следить за учением разных сектантов, изоцряющихся в одностороннем толковании неправильно подбираемых текстов Свящ. Писания. Но мало знать приемы и условия лжеучителей, необходимы в борьбе, с ними единство действий и последовательность в выборе средств. Без этих условий успех борьбы не может быть прочен, а для того, чтобы этого достигнуть, и нужно миссионерам по временам съезжаться.

Общение между ними необходимо и для того, чтобы приводить в ясность учение как прежних, так и вновь возникающих сект. Враги святой Церкви многочисленны; число их растет, и самые условия жизни нашего века способствуют более, чем прежде быстрому распространению зла. Велик тот список, который мог бы вместить многообразные антицерковные учения, начиная от атеизма до грубого фанатического изуверства наших странников. Близко знать историю раскола и сектантства, зорко следить за возникновением новых толков и учений, и уметь противопоставить им твердое и прочное возражение – такова дальнейшая задача миссионера. Но для того, чтобы успешно выполнить ее, он должен быть во всеоружии знания свящ. Писания, святоотеческих творений и истории Церкви. Он должен не только обладать этими сведениями, но и находчивостью в умении пользоваться ими. Эти сведения и эта умелость даются путем упорного и непрестанного труда.

Для успеха деятельности миссионеру необходимо далее, чтобы ему была присуща высокая настроенность, постоянная готовность к самопожертвованию. Миссионер всегда должен помнить слова прошения при миропомазании: «содержанием, без страха непостыдно исповедати пред всеми имя Христа, Бога нашего, и того ради страдати и умерти любовно всегда пзволити». Миссионерам не следует обременять себя излишними заботами о вещественном благополучии; памяты должны быть для них слова Христа Спасителя, заповедавшего апостолам, идя на проповедь, не брать с собою ни золота, ни серебра, ни меди. Миссионеры, посвятившие себя проповеданию истины, должны служить одной только истине и не работать тельцу златому. Власть церковная пеклась и будет заботиться о безбедном их существовании и обеспечении на случай болезни или старости. Они же, в наш век господства денежных благ, будут являть собою назидательный пример бескорыстного служения высшему благу – истине. Миссионер, и особенно если он есть лицо священного сана, должен служить примером усердного, вполне бескорыстного служения святой Церкви, быть пастырем, готовым положить душу свою за овец своих. И настало ныне время, предреченное Апостолом, когда

люди здравого учения не послушают, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые бы льстили слуху, и от истины отвратят слух и обратятся к басням.

Вразумлять заблудших и утверждать в знании истин веры может с успехом только тот, кто предан своему делу. Истинный миссионер твердо помнит слова первого соборного послания ев. апостола Иоанна Богослова, что не любяй брата, пребывает в смерти, что любить нужно не словом или языком, но делом и истиною, что для него не может быть бóльшей радости, как слышать, что ученики его ходят в истине. Добрый миссионер знает, что ничто не может разлучить его от любви Божией. И верный этому учению, он должен постоянно подавать пример нелицемерной любви не только к присным по вере, но и ко всем вопрошающим его о правом учении. Какие же способы имеет миссионер для своего многотрудного делания? Прежде всего он должен в молитве почерпать благодатную силу для проповедания слова истины; он должен более, чем кто-либо помнить, что царствие Божие не пища и питье, но правда и мир и радость во Святом Духе. Не станет он соблазнять брата и губить свою пищу того, за кого Христос умер. Миссионер, помня наставления апостола Павла, должен во всем показывать себя образцом добрых дел. Слово миссионера должно быть слово здоровое, не укоризненное. Миссионер не должен жить в злобе и зависти; он должен никого не злословить, быть не сварливым, но тихим, и оказывать всякую кротость ко всем человекам. От грубых и невежественных состязаний ему следует уклоняться, ибо они рождают ссоры. Рабу Господню не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, в надежде, что Господь даст им покаяние к познанию истины. Советы эти могут принести особую пользу при беседах с сектантами и раскольниками. Эти беседы являются ныне одним из наиболее пригодных средств для вразумления заблуждающихся. Для успеха беседы необходимо, чтобы миссионер проникся духом Христовой любви и желанием спасти погибающих. Он должен уметь пользоваться сокровищами, содержимыми Свящ. Писанием, быть богат терпением, искать одного лишь торжества

истины, а не помышлять о личном успехе. Спокойствием и мирным настроением духа он должен раскрывать истинное учение о вере. Беседы, вводимые в духе кротости, бывают весьма полезны и для утверждения православных слушателей в знании истин святой веры. Они развивают любовь к изучению религиозных вопросов и к чтению богословских книг. Кроме бесед великую пользу приносят посещения миссионерами мест, зараженных лжеучением. Преданный своему делу миссионер, прибыв в подобное место, будет, по соглашению с приходским священником, искать случая общения с начетчиками или людьми, наиболее выдающимися из среды раскольников или сектантов. Убежденная беседа приезжего благовестника, направленная, прежде всего, к раскрытию положительного учения о святой вере, покойное суждение о неправоте отпадших от единения церковного, могут проронить благодатные семена в душу собеседника. Любвеобильная речь миссионера, отсутствие властного, начальнического тона, или придиричivoго задора в речах, могут благотворно настроить собеседника и направить его ум к познанию истины. В истории нашей миссии поездки отца Павла (Прусского) и некоторых присутствующих здесь миссионеров призвали к жизни новые приходы и способствовали присоединению к святой Церкви многих тысяч раскольников. Польза посещения миссионерами городов и весей, зараженных сектантством и расколом, видна из того, что отпадшие от Церкви часто живут замкнуто и могут не услышать истины, если провозвестник ее сам не придет к ним. Великую пользу делу миссии оказывают церковные школы. Руководственное значение, присвоенное в этих школах изучению Закона Божия, располагает к ним старообрядцев. Они утешаются тем, что дети их знакомятся с Божественным Писанием, а дети приносят в семью знакомство с учением Церкви и смягчают враждебное к ней отношение своих родителей. У нас есть много отрадных примеров, красноречиво указывающих, насколько хорошо поставленная церковная школа способствовала смягчению и даже искоренению вражды раскольников к Церкви. Родители через детей узнавали силу любви, присущей Церкви, и к тем, которые от нее отделились. Дети в семьях беспоповских

смущали родителей вопросами о том, как можно унаследовать живот вечный без участия в трапезе Господней. Утвержденные в правом учении, они не только теряли в школе фанатизм, но и готовились к полному единению с Церковью. Это значение школы с особою силою сказалось по отношению к ученицам, в них обучавшимся. Поступая в школу, они чуждались общения с другими детьми, не желая осквернять себя питием воды из общего ковша, бегали на речку и пригоршнями черпали воду. Доброе влияние школы, незаметно для них, смягчало их сердца. Молитвенное настроение живительной волной влекло и их в храм Божий. Проясненные правым учением, если не все они присоединятся к Церкви, то по выходе из школы несомненно не будут относиться к православным с враждебным презрением, присущим старым раскольникам. Итак, школа, утверждающая мир и согласие между людьми, явилась в последнее время полезной сотрудницей миссии.

Великую пользу приносят, наконец, делу миссии различные издания, предпринимаемые в виде отдельных книг, листков, статей и журналов, посвященных изучению вопросов, до миссии относящихся. В настоящее время враги Церкви и всякие сектанты изощряются в печатании, продаже по дешевым ценам и даровой раздаче всевозможных книг, брошюр и листков, распространяющих ложные понятия и превратные суждения о Церкви, общем благе, воспитании и переустройстве общественной и государственной жизни. Очевидно, что для борьбы с этим злом нужно с неустанной настойчивостью печатать и распространять в народе издания, сообщающая правильные понятия о Церкви, государстве, о христианской нравственности, о неправде и заблуждениях сектантов и раскольников. Нужно давать народу здоровую и хорошую духовную пищу, которая могла бы способствовать его духовному росту. Книги для народа нужно писать языком простым и ясным, избегая искусственных подделок под народную речь. Искреннее убеждение пишущего, при простоте изложения, сделают книгу дорогой для читателя. Нельзя не радоваться, что за последнее время мы обогатились целым рядом изданий, полезных для народа с миссионерской точки зрения. Помянем здесь Братское

слово, «Троицкие Листки» и книжки, «Киевское Миссионерское Обозрение», «Московский Православный Благовестник» и «Рязанский Миссионерский Сборник». Всем этим изданиям, а равно и книгам, посвященным изучению различных сторон миссионерской деятельности, пожелаем быстрого распространения. Приходские священники в этом отношении могут оказать большую помощь: следя за различными изданиями, они могут знакомить с ними и своих духовных детей.

Таковы, в общих чертах, те средства, которыми ныне располагает миссия для борьбы с сектантством и расколом. Будем уповать, что Господь увенчает благими успехами самоотверженные труды благовестников Христовых, что свет правого Евангельского учения разгонит тьму произвольных человеческих измышлений, что Церковь Всероссийская, в союзе с прочими Божиими церквями, будет проявлять спасительное действие чистого, неповрежденного учения во благо всего человечества, к утешению Державного Отца Отечества и к славе великого народа русского.

IV. Ивановский Н.И., проф. Каз. акад. Общие задачи и характер деятельности Миссионерского Съезда. (Речь при открытии первого заседания Съезда) // Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 614–623

Почин учреждения повременных миссионерских съездов принадлежит собранию Архипастырей в Казани, бывшему в 1885 году. На означенном собрании было заслушано, между прочим, предложение старейшего архипастыря, Высокопреосвященного Палладия, бывшего архиепископа Казанского и Свияжского, – ныне митрополита С.-Петербургского и Ладожского, – следующего содержания:

«Полемическая литература по расколу в настоящее время достаточно богата. По некоторым вопросам можно даже находить излишек в сочинениях, хотя по другим все еще чувствуется недостаток, а иногда, совершенная неясненность некоторых спорных предметов. В то же время замечается некоторое несогласие между писателями, сочинения которых служат руководством для других. Разногласия писателей, часто не важные сами по себе и со стороны научной, могут отражаться неблагоприятно в деятельности практической. И это тем более, что в последнее время раскольнические вожаки любят отыскивать и указывать, – как бы в свое оправдание, – такое разногласие и особенно ошибочность в мнениях частных писателей.⁷⁰ Помимо этих соображений есть много и других причин желать, чтобы и писатели, и практические деятели имели возможность время от времени обмениваться между собою своими мыслями. В этом обмене с несравненно бóльшим удобством, чем в литературном обмене мыслей, может выработаться единство взглядов и приемов и несокрушимая твердость и правильность первых и целесообразность последних. В настоящее время признаются полезными съезды специалистов даже по предметам чисто теоретическим, по вопросам же практического характера подобные съезды тем более необходимы. Вопрос о расколе есть вопрос практический

и притом вопрос во многом и трудный, и щекотливый по весьма разнообразным причинам, требующий не только знания и умения, но и большого такта.

Такие съезды можно было бы устроить прежде всего в Москве, как центре противораскольнической деятельности, в летнее время, когда пути сообщения очень удобны. При этом являлась бы полная возможность осмотреть и все достопримечательные книгохранилища, и Московские святыни.

Средства на путевые издержки и на прожитие могли бы быть изысканы теми епархиями, которые пожелают отправить туда своих деятелей. Таким образом, здесь требуется только одобрить вопрос в его принципе. Если же и окажется нужною какая-либо денежная помощь со стороны высшей духовной власти, то в небольших размерах, на содержание миссионеров.

Если бы мысль о съездах удостоилась одобрения достославного собрания иерархов и утверждения Св. Синода, то не трудно было бы выработать и программу вопросов, могущих подлежать обсуждению первого съезда».

Собранием Архипастырей мысль о съездах была признана целесообразною и постановлено ходатайствовать пред Св. Синодом об открытии первого съезда в Москве на следующее же лето, т.е. в 1886 году. Св. Синод уважил это ходатайство и сделал распоряжение об устройстве съезда в означенном году. Но в это время съезд почему-то не состоялся, а открылся летом 1887 года. Четыре года спустя, был второй съезд, также в Москве (1891 г.). Теперь открыть по счету третий съезд и жребий пал на Казань.

Между тем в течение 12-ти лет, когда только что появилась мысль о съездах, помимо раскола надвинулась с иноземного запада другая туча, заволокшая местами чистый горизонт православия. Разумею штунду, поучившую широкое распространение на юге России. Кроме того, существовавшие издавна секты рационалистического характера, в разных видах молоканства, дали новые отпрыски в формах, не редко совершенно безобразных, представляющих смешение понятий молоканских с хлыстовскими (самарское мормонство). Затем местами как бы возродилось и стало давать себя чувствовать

старое хлыстовство с проявлением гнусных безнравственных деяний и в отпрысках частных толков. В пределах Пермской губернии заявляет о себе довольно старая «Сионская весть» под новою кличкою «легкой веры». – Только что окончилось судебное дело о пропагандистах этой секты в Шадринском уезде. «Легкая вера» представляет дикое смешение безбожия, богохуления и социализма. Нужно ли упоминать, наконец, что известные противообщественные идеи гр. Толстого привились к духоборчеству и породили печальные движения за Кавказом, весьма озаботившие правительство. Все это значительно расширило и круг миссионерской деятельности, а отсюда очень осложнило задачу миссионерских съездов. Уже на втором миссионерском съезде в 1891 году между вопросами, подлежащими обсуждению был и вопрос о штундизме, а отчасти и о других сектах. Теперь в ряду миссионеров мы видим уже многих почтенных тружеников и по борьбе с разными рационалистическими и мистическими сектами, и на обсуждение вопросов, относящихся до этих сект, нам придется удалить, быть может, бóльшую половину времени. Вопрос о расколе является таким образом не целым, а только частью.

О чем же и в каком порядке должны происходить наши совещания? – Мы видели, что, по первоначальному смыслу рассуждений и постановления первого собрания Архипастырей, учреждение съездов предпринято главным образом в тех видах, чтобы съезжавшиеся миссионеры могли посоветоваться между собою по внутренним вопросам миссии, которые наиболее их затрудняют или по недостаточности их разъяснения, или потому, что они неодинаково разрешаются, – словом, для того, чтобы съезд сделать школою взаимного обучения. Само собою разумеется, что при этом должны неизбежно входить и вопросы внешнего свойства, особенно по части ведения бесед с сектантами, а также и о разных других способах воздействия на залубждающих и поддержания духа православия и преданности Церкви. Нужно ли говорить сколько пользы могут принести эти совещания, на коих более опытные борцы поделятся своими познаниями и наблюдениями, менее опытные, открыв свои затруднения, услышат слово совета и ободрения на дальнейшие

труды. Только разве упорство и самомнение не захотят узнать ничего и не вынесут ничего; но между нами, я уверен, нет таковых, да в святом деле вразумления их и быть не может. Раскрытие правды и истины не нуждается в желании взять на авось. А чтобы объяснять и хорошо объяснить что-либо другим, необходимо прежде самому узнать ясно и отчетливо. Поэтому учиться здесь, и особенно здесь, никогда не поздно. Припоминаем прекрасные слова, сказанные представителем власти на втором миссионерском съезде (В.К. Саблером) и уже в печати, повторенные: «Как бы ни был кто опытен, каких бы чинов и отличий не имел, но учиться нужно всем и всегда. Живя под единым кровом, вы, съехавшиеся с разных концов России, имеете возможность сблизиться мыслями и чувствами, поделиться наблюдениями. Когда будет кто заброшен в глухую даль, одинок и утомлен борьбой на тернистом пути миссионерской деятельности, он всегда, думаю, может найти себе из среды сего многочисленного сонма соратников, друга, утешителя и станет такому легче»...

Съезжаются и нередко, с большою видимою для всех пользою, врачи посоветоваться между собою, как лечить тяжелую и упорную болезнь. Тут, на этих съездах, один от другого знакомятся и с сущностью, и с многоразличными проявлениями болезни, и с различными способами врачевания, и с противодействием жизненных сил такого, или иного организма, и с внешними условиями лечения, и с действием тех или других врачебных средств, и, наконец, с способами предотвращения заболеваемости других. Всего этого в книгах и прочитать невозможно вследствие крайнего разнообразия жизненных условий. И раскол, и сектантство разного рода тоже – болезни, болезни тяжкие, хронически, с переменными симптомами. И лечить их много нужно труда и умения, и советов друг с другом. Посему и наш съезд тоже, что консилиум врачей.

Сравнением этим уясняются и другие задачи съезда, несколько побочные, но также важные, также общего совета требующие. Съезжающиеся врачи не только прямые, вернее действующие способы лечения указывают, не только разные составы врачебных средств придумывают и изобретают, но

рассуждают и о разных побочных условиях, – напр., как держать больного, чтобы приостанавливать развитие болезненных начал, как предохранять здоровых от заболевания и т.п. Раскрытие этих сторон бывает особенно важно в тех случаях, когда болезнь имеет характер эпидемический, требующий воздействия не на заболевших только, но и на здоровых, чрез наибольшее распространение среди всего общества известных мер предосторожности. И это последнее тем важнее и необходимее, чем разрушительнее самый род болезни и чем менее в распоряжении врача имеются прямых средств врачевания. Ныне признано, что во многих случаях спасают именно гигиенические условия, оздоровление местности, разобщение больных от здоровых.

И мы имеем дело с болезнями эпидемического свойства. И доселе в нашем простом народе держится обрядоверие, подавляющее и существенные стороны религии, и важность церковного единения, ослабляющее, таким образом, преданность Церкви. На ряду с этим, точно зараза какая, распространяются понятия штунды, ложный мистицизм хлыстовства, модные идеи Толстого, а местами и дикие бредни Ильина. И нам, и всем радетелям Церкви предстоит действовать на весь народ и на все общество распространением здравых понятий, чрез церковь, чрез школу, при посредстве литературы. И здесь необходим общий совет, к изысканию разного рода и духовных воздействий, и иных мероприятий, которые хотя и выходят за пределы непосредственной миссионерской деятельности, но с которыми эта деятельность тесно связана, как с условиями, споспешествующими ее развитию и успехам.

И врачи для достижения своих целей оздоровления обращаются к содействию учреждений и лиц, на коих лежит долг служить благу народа и в распоряжении которых имеются и средства, и способы приведения в исполнение разных врачебных предначертаний. И на нас лежит долг по меньшей мере разоблачить пред кем следует, пред людьми здравого смысла, пред людьми власти и порядка гнилые язвы сектантства: проявления изуверства у одних, гнусные деяния у других, противообщественные стремления у третьих,

кошунственный богохуления у четвертых, – разоблачать и мероприятия указать, дабы ни власть, ни народ православный не встречали таких сюрпризов, какой преподнесло нам Тираспольское дело, какие мы видели несколько лет назад у Алатырских хлыстов, и недавно у хлыстов Оренбургских, про какие читали по Тарусскому делу, или по Шадринскому.

Хотя не государство созвало нас сюда, хотя не представителями порядка общественного мы являемся, но в нашем отечестве искони веков люди Церкви являлись людьми, ратующими за крепость и спокойствие быта гражданского и строя государственного, да проживем тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте (1Тим.2:2). Связь эта людей Церкви и людей государства не должна и, надеемся, никогда не будет порвана на Руси святой. Вот почему и мы считаем себя призванными, где то́ будет нужно, разоблачать те стороны сектантства, которые ведут к подрыву порядка общественного, во имя простого социализма религией прикрывающегося, как у гр. Толстого, или просто по бессмысленному фанатизму, опирающемуся на нелепые доктрины, как у многих сектантов. Не один раз мы говорили и печатно, и устно, и в журнальных статьях, и в публичных лекциях, и в судебных экспертизах – говорили и теперь повторим, что всякая секта имеет свою казовую сторону, красивую, увлекающую других личину. Нужно ее сдернуть, чтобы показать предмет в настоящем его виде.

По поводу виновника по Тираспольскому делу (Ковалев), некоторые замечают, что для таковых нужна психиатрическая лечебница. Едва ли это так, – да едва ли она и в состоянии поместить всех зараженных, да, наконец, поздно лечить болезнь, когда больные сошли уже в добровольную могилу. Нужно с корнем выгонять самое начало болезни. Когда останутся корни дерева, никто не может поручиться, что от корней не явятся побеги, а затем и плоды.

Есть еще одна сторона дела, совершенно исключительная, едва ли когда на съездах и затрагиваемая. Разумею внешне-служебное, правовое положение самих миссионеров. В настоящее время положение это какое-то неопределенное, только с одним званием духовным, или светским, да местами

еще, и только местами, – с образованием связанное. По выражению «Миссионерского Обозрения», это – положение вольнонаемных людей, вознаграждаемых в каждой отдельной епархии по усмотрению местного епархиального начальства. Я могу сказать еще более: многие из деятелей на миссионерском поприще, десятки лет поработавшие, не знали ни про какое вознаграждение, кроме разве теплой и радостной любви народной; таковые есть и теперь в лице многих тружеников, не носящих официального звания миссионера, без которых также едва ли можно обойтись и во всяком случае это – дорогие для нас люди. Дерзну сказать и еще больше: в некоторых даже правящих епархиальных сферах не исчезло еще мнение, что ведущиеся собеседования – простая забава, мало плодная и едва ли нужная. Мнения эти в конец парализуют труды миссионеров: выходить, что все усилия свои они употребляют, все насмешки, огорчения клеветы претерпевают ради собственного только удовольствия. И вот пред нашим съездом теперь, по выражению того же журнала, раздался «плач Иеремиев». Смеем думать, что наш съезд имеет право и даже обязан обсудить вопрос и с этой стороны.

Хотя и напечатано обвинение раскольников в «Броне» мнимой «правды», что наши миссионеры – «наемники», но наемничество, по смыслу святого Писания, есть не за труд вознаграждение, а холодная нерадивость к своему делу, *наемник бежит, яко наемник есть и не радит о овцах*. Всякий же работающей получает мзду от трудов своих и *служащий алтарю от алтаря питается*. Да и не было еще таких наемников, которые работали бы за на оскорбления. На деле видится тут совсем не наемничество, а скорее самоотвержение. Короче и определеннее сказать, что всякий труд должен же и положение известное и определенное создавать, и – заботы о сем, помогая людям, упрочивают самое дело. И опять в том же журнале замечается, что «ныне и время благоприятно». Нет, значит, надобности оставлять детям нашим сделать то, что, Бог даст, удастся, может быть, и нам сделать.

Соответственно с высказанными задачами и применительно к напечатанной уже программе, мы составили ряд вопросов,

подлежащих обсуждению съезда, вопросов, разными лицами возбужденных. Все эти вопросы разделены на отделы. Первый отдел – о внешнем ведении и постановке собеседований с иномыслящими. Второй отдел – о внутренних миссионерских вопросах. Третий – о необходимости новых мероприятий и духовных воздействий, а также о единстве ответов по вопросам недоуменным. Четвертый отдел – о служебном положении миссионеров и о других лицах, трудившихся и трудящихся на миссионерском поприще.

Послушают ли нас власть имущие, как добрых советников, или слова наши останутся гласом вопиющего в пустыни, это уже не наше дело. Одно от нас требуется. О чем бы ни стали мы говорить, нас должна одушевлять одна мысль, одна цель, умиротворение св. Церкви, ересями и расколами обуреваемой и воинствуемой, ослабление к ней вражды и обнаружение зла, как со стороны церковной, так и общественной. При этом, по вопросам о внешних мероприятиях необходимо быть не легкомысленными, а осмотнительными и осторожными, особенно же не раздражительными, – водящимися не духом жестокости и суровости, а духом любви к человеку и состраданием к немощному тем мыслью об охране других от заразы.

Как нам, людям, съехавшимся из далеких мест, совершенно между собою незнакомым, знающим про некоторых заглазно, понаслышке; или по печатным трудам, – как нам быть между собою? Быть ли сдержанными и опасливыми, или совершенно откровенными, говорить все, что в душе наболело? Выставлять ли, с другой стороны, авторитет своего положения и другое что, или прислушиваться к каждому мнению и одинаково внимательно обсуждать все, о чем скажут люди труда и опыта? Упомянутый уже мною не раз писатель и миссионер выразит желание, чтобы на съезде не было фигур умолчания. Мы вполне присоединяемся к этому желанию. Для этого нужно проникнуться двумя мыслями. Первое, кто бы и от куда бы ни прибыли, все должны и можем почувствовать, – что и естественно, духовное между собою родство в единстве труда и забот, радостей и печалей, терний и утешения. И это единство должно и легко может сплотить нас на столько, чтобы язык развязался, как в

семье родной. Кто в чем сомневается, кто чем болеет, кто слабость чувствует, все неси сюда в уверенности, что все по-братски выслушано будет, на все дан будет, если же не ответ прямой, то дружеский совет, без порицания и осуждения, а тем паче без пересудов. Второе и с другой стороны все знать должны, – и это опять не трудно и естественно, – что здесь нет ни больших, ни малых, ни учителей, ни учеников в формальном смысле слова. Всякий, кто трудится в святом деле, много ли, мало ли, успешно ли, или и не вполне успешно, – неси сюда крупицу своих знаний и наблюдений. И малое и, по-видимому, безуспешное может попользовать, как заслуживающее подражания, или как предостережение. Нужно только спокойно выслушать, обсудить и воспринять. Один, конечно, сам собою явится здесь авторитет, это – авторитет знания и опыта, но он не напрашивается, а свободно и как бы инстинктивно признается. Такого авторитета и опасаться нечего.

Не вижу надобности говорить после этого о взаимном уважении и единении. С миром мы пришли, с светлым миром и разойдемся. А теперь, с благословения Божия и архипастыря нашего, примемся за дело.

Но прежде еще два-три слова. Теперь мы видим многочисленный сонм тружеников-миссионеров, разбросанных по необъятному пространству земли русской. Но все это слишком еще не давно, на наших глазах возродилось и значительно окрепло. Каких-нибудь 15–20 деть назад ничего подобного не было, не было и мысли о каких-либо съездах, потому что и съезжаться было некому. Но и тогда, точно оазисы в пустыне, сияли отдельные светочи, уединенно горевшие в Москве и некоторый других местах, разгоняя тьму раскола. Это были первые насадители того дела, как оно теперь поставлено, которое делаете и вы, отцы братия! С ними-то должны мы созавать и чувствовать живую духовную связь. Иные из них, – с Киевским иерархом во главе, – пребывают деселе, неции же почиша. Пожелав живым и здравствующим многих лет и продолжения трудов неустанных, вспомняем знаменательные слова о почивших, утром уже сказанный высоким нашим гостем и начальником.

**V. Скворцов В.М. О церковно-общественном и
государственном значении миссионерства //**
**Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 601–
602**

(Речь пред началом совещаний 3-го Миссионерского Съезда в Казани, сказанная секретарем съезда В.М. Скворцовым)

Итак, настал тот желанный праздник миссии, которого 6 лет с томительным нетерпением, со многими упованиями ждали воинствующие мечом слова Божия (Еф.4), – рядовые витязи Церкви нашей! Столь знаменательное событие, как Всероссийский Миссионерский Съезд, пятивековая история внутренней миссии отмечает на скрижалях своих только в третий раз... Помолившись Господу Богу, воспрнявши на благое начало дела архипастырское благословение от предстоятеля Казанской церкви, окрыленные словами горячего привета и сердечных благожеланий высокого покровителя миссионерства, всем нам дорогого В.К. Саблера, сейчас мы обсмотрели в речи старейшего из своих собратий, профессора Н.И. Ивановского, путь предстоящего нам труда. Теперь за дело, с Богом! За дело важное, имеющее значение *не просто церковное*, но и *церковно-общественное* и даже скажу более – *государственное* значение.

Неужели так широко значение, спросят нас, неизвестного миссионерского служения? Да, мы мним, что, ратоборствуя с врагами родного православия, имже имя легион, – миссионеры и Богу службу служат, как доблестные воины Церкви Христовой, и государству, как верные сыны Царя и отчизны. Объяснимся.

Самые первые и насущные задачи внутренней миссии, как известно, состоят в том, чтобы *охранить православие народа* нашего от приражения к нему религиозных заблуждений расколов-септантства и возвращать на путь истинной веры и спасения отпадших и заблудших братий наших. Но православная Церковь и русское государство, где все в народной жизни получает свое освящение, силу и действенность при посредстве Церкви, – православие и самодержавие, общественная и

бытовая жизнь русского народа – все это так тесно, так органически вековой историей Руси святой связано между собою, что *все вопросы веры и Церкви* у нас на православной Руси в то же время суть и *вопросы государственные*.

Раскол и сектантство, как явления болезненные, нарушая правильное течение жизни прежде всего, конечно, церковной, естественно, в силу указанной тесной связи церкви и государства, нарушают и правильное, закономерное течение и развитие жизни семейной, общественной, а, следовательно, и государственной.

Культурные, исторические задачи православной Руси, как государства самобытного и своеобразного, – всецело покоятся на незыблемости культурных исторических основ ее, т.е. православия, самодержавия и русской народности. Все то, что так или иначе колеблет ту или другую из этих основ, естественно, ослабляет самобытную нашу мощь и мешает культурному духовному развитию русского государства. При этом необходимо помнить, что православие, как основа, и по историческому старшинству своему в жизни Руси святой и по несравненным заслугам, относительно воспитательного влияния на развитие и укрепление в народном самосознании начал монархизма и идей национализма, является краеугольным камнем нашей государственности. На твердыне православия прежде всего и более всего обосновался, возрос и укрепился могучий колосс Российской державы! Духом православия создано и воспитано то народное и общественное мирозерцание, которое в исторической нашей жизни ознаменовалось чудесами беспримерно-высокой нравственной доблести православного народа и духовной его мощи, явленных и во дни государственной славы, и в годы бедствий отечества. Не православие ли воспитало чувства безграничного народного патриотизма, беззаветной преданности и верности к Российским Самодержцам, Помазанникам Божиим, всегдашней покорности в предержавной власти не страха ради, а по совести, по долгу, и во имя веры в Бога? Вот этого-то, покоящийся на православии, внутренний мир религиозно-политических воззрений нашего народа и представляет ту государственную твердыню, чистую и

крепкую, как алмаз, способную противостоять всем народным бедствиям, невзгодам, всем внешним и внутренним врагам; ее-то всем верным сынам Церкви, Царя и Отечества и нужно блюсти, как зеницу государственного ока. И горе, если мистически – набожный народ православный разделится на ся в своей вере! Горе, если будет толкнут на скользкий путь отпадений от Церкви; горе, если в православной Руси наступит господство принципов ненормальной свободы совести и пропаганды сект – как того желают враги Церкви и отечества! Это будет одним из вернейших подкопов под кремль Руси!...

Так мы понимаем значение православия для общественной и государственной жизни нашего отечества. Не ясно ли отсюда, какая важная общественно-государственная задача лежит на миссионерстве, призванном служить главнейшим орудием духовного объединения различных элементов, составляющих многомиллионную Русь, – незаменимым средством для охранения чувства веры русского православного населения, – этого ядра государства, от растления его пагубными лжеучениями – и для вразумления заблудших братий наших, теряющих в сектантстве не только спасение вечное и веру истинную, но и облик русский, – для успокоения, наконец, всех обуреваемых религиозными сомнениями несчастных жертв религиозного фанатизма, невежества, лжи и коварства?

Да, отцы и братия, не подлежит сомнению, что миссионерство служение не церковное только, но общественное, – служение святое и великое! Счастлив жребий тех, кто сопричтен к миссионерскому лику веро-проповедников. Воистину не малую службу Церкви, Царю и отечеству несут трудящиеся на поприще миссионерской борьбы с расколосектантством.

Но всеми ли так понимается и по достоинству ценится дело миссионерской борьбы со врагами православия? Вот вопрос.

К величайшему огорчению, не встречаем мы должного разумения этого вопроса там, где бы, кажется, можно было ожидать этого более всего и прежде всех, – я говорю об интеллигентном, мыслящем обществе нашем и светской печати. Здесь приходится деятелям миссии нередко считаться с отрицательными взглядами по вопросам о значении

миссионерства и вредности для успеха нашего дела кривотолками.

Воинам первое всего нужно знать, где вражий стан и что в нем предпринимается. Враждебные против миссии вылазки чаще всего идут со стороны тех интеллигентов, которые укрепились на верху горы общественной жизни и потому для вас, дорогие товарищи, подвизающихся, главным образом, в захолустных дебрях расколосектантства, будет, думаю, небезынтересным и небесполезным познакомиться с кривотолками по вопросу о миссии, наблюдаемыми в обществе. Большинство в обществе «теплохладно» к своей православной вере и Церкви и безразлично в отношении раскола и сект, – миссия для таковых представляется в виде «бесплодных словопрений» о вере, миссионеры кажутся людьми «странной профессии», «вольными художниками» духовного ведомства – не более. О близорукости этой части общества, относительно общественного значения сектантства и миссионерства, можно только пожалеть, но ни серьезно огорчаться, ни считаться не приходится с людьми, для которых все равно, что православие, что мухаммеданство, что штундизм, и что буддизм... Но наблюдается в общественных сферах другое, более серьезное анти-миссионерское течение, значительное если не числом то влиянием, которое знает миссионерство, но понимает его как дело не только лишнее, но и «темное» и «вредное», – о миссионерах трактует, как о «гасителях просвещения», «гонителях отпавших от Церкви», – как о штате опричников духовенства и как о шпионах правительства. Стараясь усыплять бдительность государственных стражей, ненавистники борьбы с сектантством говорят, что-де в этом мире все благополучно и лишь одни миссионеры раздувают, бьют набат...

Вы удивляетесь, почему и как могло создаться в сферах чуждых по-видимому, нам такое неприязненное отношение и взгляд на наше св. дело? А потому, что интеллигенты ненавидяще миссию прозирают в русском расколосектантстве «сияние проблесков света, пробивающегося в текшую народную среду», – занимающуюся на горизонте народной жизни «зарю освобождения нашего простолюдина от пути суеверия

православной Церкви, хотят видеть в этом смелый подступ к социальной свободе народных масс и в других сферах жизни простолюдина».

Вы желаете знать, кто же эти прозорливцы? Это та, православная по метрике, прогрессивная по убеждениям, часть общества, которая неисправимо ослеплена еще с эпохи 60-х годов мишурным блеском западноевропейской культуры, живет и дышит «самооплеванием» всего истиннорусского, та либеральная клика, которая громы и молнии вержет на коренные начала государственной жизни России, для которой (клики) не существует православия ни как религиозной истины, ни как главной основы монархической Руси. Для этой части общества все веры и секты превосходны, одно лишь православие никуда не пригодно, потому что держит народ в страхе Божиим, в повиновении закону и правительству.

Нельзя отказать этой клике в тонкой политике и далекой прозорливости. Всячески поддерживая антицерковное своеволие сектантских масс, изоцрая массы в церковной анархии, прогрессисты знают, что таким путем разнуздывается понемногу зверь народных политических страстей. Либеральные друзья сектантства и враги православной Руси верно рассчитывают, что эта школа сектантского своеволия и попирания священнейшего авторитета Матери-Церкви, с течением времени должна подготовить им из народной среды верных союзников в деле осуществления «безумных мечтаний» наших конституционалистов. Кто устоит в неравном споре – это вопрос воли Божией. На основании многолетнего изучения психологии и быта сектантства, мы думаем, что расчеты эти вероятны, ибо что значит для невежественной массы, возросшей в болезненной атмосфере религиозной критики того, что составляет произведение Божественного ума и св. премудрости Церкви, векового богословствования просвещенных христиан, – для массы, до мозга костей пропитанной чувствами разочарования, недовольства и отрицанием всяких религиозных авторитетов, свободомыслием, – что, – говорю, – значит попать, при первом удобном случае, авторитет власти государственной и законы царские, когда таким Божьи заповеди ни почем? К сожалению,

наши мрачные предположения все чаще и чаще находят себе подтверждение в позднейших наблюдениях миссии. Теперь накопилось довольно фактов, указывающих, что сектантские лжеучения, разрушая религиозное мирозерцание народа, создают в народной среде благоприятные условия для развития противогосударственных идей и что не только под новейшими формами религиозно-сектантского вольномыслия удобно маскируется атеизм и социализм, но даже и в недрах сект старых, по-видимому, застывших, неожиданно стали проявляться крайне опасные политические направления.

Так, напр., в южнорусской штунде дает о себе знать безбожное направление, отвергающее божественный авторитет св. Писания, проповедующее, что не следует вполне доверяться св. Писанию, ибо в нем, якобы, много противоречий, свидетельствующих об искажении Слова Божия духовенством, при переводах библейского текста, допущенных с своекорыстной, конечно, целью, чтобы держать народ в порабощении у себя и власти. Христос сказал: «*сыны свободны*», ап. Петр подтвердил, что «в свободу званы», ап. Павел также свидетельствует, что «выкуплены дорогою ценой – не делайтесь рабами человеков», как же мог, мудрствуют последователи этого толка штунды, тот же свящ. писатель сказать: «всяка душа властям предержащим да повинуется». Это, говорят они, вставка попов в угоду царям и правителям. Вечны и неизменны одни лишь законы природы и их одних надо и слушаться, – они направляют людей к благу и счастью, а благо заключается в наилучшем удовлетворении насущных потребностей... Наше счастье загублено сильными и богатыми, с которыми де не грешно бедному люду бороться за свое счастье *всякими* средствами. Во главе штундового кружка, разделявшего эту теорию, стоял крестьянин Ч., бывший ранее учеником революционеров Дейча и Стефановича, а затем сделавшийся ярким проповедником штунды. Последователи этого кружка скоро же от слов перешли к делу, учинив в своей местности «во имя идей» целый ряд криминальных преступлений, начиная с кражи и продолжая до бессмысленного вандализма, в отношении имущества богатых односельчан (напр., раз в разгар рабочей

поры сектанты сняли ночью шестерни с единственной в селе молотилки и бросили их в Днепр...). Комментарии излишни. Sapient! sat...

А наделавшая сколько шума и у нас в России, и за границую духоборческая закавказская эпопея – разве мало дает уроков вразумления и предостережения насчет нашего сектантства? Ведь духоборчество до последнего времени было самою хвальною сектою и у местных властей, и в глазах общества, и во мнении печати.

Все превозносили до небес духоборчество, как «трудовой муравейник», образцовое сообщество по жизни и поведению. Довольно того, что в течение 50-летнего периода жизни в Закавказье не оказывается ни в одном учреждении и пяти дел о преступлениях духобор, не поступало ни к кому от тихого населения ни одной жалобы... Духоборцы признаны были местною администрацией надежнейшим для окраин колонизационным элементом. И вот, завоеванные у Турции победными подвигами нашего воинства, орошенные кровью русского православного солдата, отнятые у турок золотые земли Карской области заселены были, главным образом, теми же хвалеными духоборцами, как лучшими представителями и носителям русского знамени в далеком Закавказье. Как русский аванпост на границе вытянулись их богатые поселки.

И что же оказалось ныне? Хваленое духоборчество всегда считало себя «особою нацией», имело на русской территории «свое отечество» – сиротский дом, сто лет управлялось «своими царями в священной для них линии Калмыковых, жило своею отдельною бытовою, не связанною с общерусскою жизнью, носило даже свой традиционный костюм, приобрело особый (квакерский) облик, усвоило массе преступные религиозно-политические воззрения, на государственный повинности и подати смотрело, «как на дань» российскому Царю и т.д. Словом, оказалось, что в духоборчестве мы имеем секту не столько религиозную, сколько социальную, и что оно, как и все вообще наше рационалистическое сектантство, представляет собою «горючий материал», который способен вспыхнуть страшным пожаром от первой же попавшей в него искры, –

здесь такую искроу явилась анархическая пропаганда в духоборье...

И вот, мы ныне являемся свидетелями беспримерной в истории, тяжелой народной политической смуты: до восьми тысяч сектантского населения открыто и дерзко всем и каждому не только заявляют, но и показывают на деле полное отрицание государственности, непризнание священной власти Монарха – Помазанника Божия, говоря, «что у них один Царь Небесный, а Царя земного они не знают и быть его не должно, так как на земле все равны, все братья, двум господам служить нельзя»; что «власть возвысилась чрез насилие народа, что один Начальник, Кто всему міру начало, что начальство и разбой – одно ремесло. Закон один должен быть Божий, а в государственных установлениях и в императорских указах нет нужды. Отечеством признают весь мір, соотечественниками всех людей: российский Император, турецкий султан, персидский шах, немецкий король, турок, армянин, англичанин и проч. – все нам одинаковы, русских мы не знаем... Война – убийство. Суд – насилие и произвол власти, ибо сказано: «не судите». Владение – грабеж богатых, земля Божия – создана для всех в равной доле и каждый паши столько, сколько надо для прокормления...». Вот какие безумные глаголы изрыгает мятежная часть духоборчества, известного под именем «духобор-постников». Едва ли более преступно безумствовали сами французские санкюлоты. Приведенные нами слова и мысли проповедаются не где-либо в потаенных местах, а на улицах и площадях селений и городов закавказской окраины, – без страха за ответственность, с фанатическим сознанием правоты своих ужасных анархических воззрений. От преступных слов давно уже сделан переход и к делу. Не секрет, что духоборы, служившие в рядах войск, выступили из строя, ополченцы подавали свидетельства и все последователи этой партии, в ночь под 29 июня 1895 года, торжественно сожгли все свое оружие, никому из начальства давно уже не отдают установленной чести, одному из губернаторов толпа нанесла оскорбления и словом, и действием, податей добровольно не вносят... Вот какое превращение совершилось в 2–3 год времени в среде самой

хваленной части сектантского населения России! Есть серьезные опасения, что анархическая зараза может коснуться и соседнего молоканского и прыгунского населения. Мыслимо ли что-либо подобное встретить не только в массе, но и в единицах православного народа, обруганного либеральным лагерем сектофилов «пьяною толпою?».

Могу вам сообщить и еще об одном, самом недавнем сюрпризе из мира сектантства мистического. В далекой Сибири один скопец сфабриковал неслыханную религиозно-социалистическую доктрину и образовал около себя кружок последователей, которые так же, как и духоборцы – постники, отрицают земную власть начальства, правительственные учреждения, государственные законы. О Государе учат, что он есть олицетворение власти дьявола, начальники – исполнители сатанинской власти, чиновники скорпионообразная саранча. Всякий верующий должен наступить и попереть льва и змия, т.е. свергнуть царское иго и не покоряться законам, не принимать денег, не давать никаких податей. Земной мир – есть царство дьявола. Новая секта отрицает науки, художество, искусства, как мерзость, – гнушается всяких царских изображений, уничтожает денежные знаки с портретами Царственных Особ. Все православные суть дети блуда. Для спасения необходимо не только покаяние во грехах, но и личное искупление, подобно Иуде, который был-де первым последователем Христа Спасителя, ибо он не только раскаялся в том, что предал Христа, но и искупил свой грех смертью, повесившись. Если кто, раскаявшись, покончит жизнь своею волею, т.е. самоубийством, учит сектатор-изувер, тот будет жить вечно, ибо приобщился к крестным страданиям Христа и последует за Ним. Добровольная смерть – благодетельная вода, все очищающая, она действительное крещение».

«Да предано будет все земное оскотлению, умерщвлению и повешанию, да будет все помянуто, как прах земной». Так заканчивается символ нового мрачного изуверного толка! Слишком яркий пример того, насколько буйно свободомыслие сектаторов, как опасно оставлять народ под руководством и в

духовном порабощении эксплуататоров святейших чувств народной веры!

А пресловутая толстовщина, с ее растлевающими сколько религиозное, столько же и политическое мирозерцание народа?

А тираспольские изуверы, ужаснувшие весь мир, которые предпочли ужасную смерть исполнению государственной повинности о переписи?

Стоит лишь вникнуть поглубже во все эти явления, чтобы понять всю важность затрагиваемого нами вопроса об общественном значении миссионерских мер пресечения расколов-сектантства.

Нами чувствуется в этих событиях и явлениях благодетельное мановение руки Божьего смотрения о православной Руси, грозно предостерегающего и верных сынов Церкви, Царя и отечества, и государственную мудрость правителей – больше любить и дорожить родным православием и поменьше нянчиться с сектантством!

Но мы уклонились от вопроса о вредных кривотолках и преступных мечтаниях интеллигентных врагов миссии.

Может ли казаться в глазах этой части общества симпатичным или почтенным служение, ограждающее православие русского народа от тлетворных заблуждений своевольного сектантства?

Конечно, нет! К огорчению истинных ревнителей православия, эта своего рода общественная антимиссионерская парня сектофилов сильна, если не своим числом, то влиянием в общественной жизни: последователей ее можно встретить и в салонах столичной и губернской знати, и в среде разночинцев, между исполнительными органами судебной и административной власти, в рядах деятелей земства, отечественной печати и проч.

С этим направлением надо миссии считаться и серьезно. Как видите, наша брань, отцы и братия, не с тьмой народного сектантства, а с тонкими духами злобы просвещенного мира. Все это указывает нашему миссионерскому служению на прямые общественные и государственные задачи.

Долг миссии в этом отношении, как авторитетного института специалистов, снять маску с нашего сектантства и правдиво

доказать и обществу, и государственной власти, что *нет* и быть не может секта во тьме заблуждений сектантства, – ибо кое причастие *света* истины ко тьме лжеверия? – что обманываются близорукие из общества, усматривая из внешней благопристойности расколосектантства его, якобы, внутреннюю красоту духа, – не замечая, что все это не более, как гробы повапленные, полные внутри мерзости и костей. Наш долг предостеречь стражей отечества, что отделившееся от единства Церкви, укоренившееся в свободомыслии сектантство наше представляет собою и в государственном отношении горячий материал, который, при анархической искре, подобной духоборческой, способен с течением времени в любом месте разразиться страшным политическим пожарищем и заражать свежую атмосферу духовно-политического міросозерцания нашего православного населения и тем играть в руку врагов Церкви и отечества. Долг миссии стойко и мужественно выяснять всем и каждому, что *семя свято-стоящие града*, а не политико-экономические утопии, что только под сенью православно-национальных истиннорусских идеалов прочно развитие благосостояния и силы Русского государства, а не в сепаратизме сектантском.

Ну, довольно; всего, что наболело, не изольешь в одном слове, недосказанное восполним во время совещаний. А теперь, отцы и братия, дружно и смело, с Богом, за великое дело! С нами Бог и правда, за нас Царь и народ православные. Мы живем и действуем во время благоприятное под Державою Царя, воистину, благочестивейшего, для которого священные заветы в Бозе почившего Его Родителя, незабвенного Царя-Миротворца, об ограждении св. неприкосновенности родного православия, как главнейшей основы государственной мощи Руси святой и о пресечении развития тлетворных сект, подкапывающихся под коренные основы.

Да увенчает Господь наши труды желанным успехом!

VI. Мелетий, еп. Из пережитого // Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 633–639

(Речь, сказанная Епископом Мелетием в собрании миссионерского Казанского Съезда, в Казанской Духовной Академии 2 августа 1897 года)

Не без смущения хочу говорить об общем предмете суждений ученого и благочестивого собрания, достопочтеннейшие отцы и братья мои о Христе. Долгое время мне суждено было жить в диких странах, в степях, в тайге и тундрах. Мое служение было в миссиях противоязыческих, но в то же время мог я наблюдать и за расколом, и сектантством.

Я намерен высказать несколько мыслей о расколе в отношении церковно-общественном, экономическом и административном, не входя в рассмотрение расколоучения и недоуменных вопросов по предметам пререканий. Эти мысли навеяны на пути из Рязани в Казань, а взяты из опыта.

Раскол, не имеющий юридического права на существование, однако же упорно держится, несмотря на то, что нарушает он законы церковные и гражданские. Церковь и государство давно уже сознают его вред, взвешивая лишь, на сколько одна секта вреднее другой, или один толк другого толка хуже. Все здравомыслящие видят эти уклонения и заблуждения, с их ненормальными проявлениями в жизни раскола, а все терпят и недоумевают. Придумываются средства к ограничению зла уже очевидного, выступают и борцы, искусные в слове и писании; но и раскол в своей вековой распре не молчит и как бы уже испытанный в борьбе с большою смелостью отваживается отстоять свою позицию, обнаруживая иногда энергию, достойную лучших целей. У нас на это дело изыскиваются и тратятся немалые средства, нелегко собираемые от православных, – а раскол не тужит о средствах и, по-видимому, обладает большими запасами для этой борьбы. В чем же заключается сила раскола, если она не фиктивная, а действительная, при том угрожающая опасностью для церкви и государства?

Раскол возник в России при исправлении Богослужебных книг, усилился вследствие разных исторических обстоятельств, разорялся по всем краям России, и скрылся за границей, где в свою очередь получил воздействие со стороны разлагающегося запада в его превратных учениях и сектах, посеваемых теперь на родной нам почве.

Никакое общество не может действовать без внутренних сил и внешних средств. Так и раскол. Он получил замкнутость, отчуждение, стал таиться от света и людей, и жить по-своему, во имя неприкосновенной старины. Он недоверчив ни к кому, кроме своих вожаков, мнимых радетелей старой веры и самозванных указателей пути спасения. Во всем остальном мире он видит враждебные действия сил антихриста и слуг его. Этого воззрения он держится упорно и в результате является коснение в невежестве и грубых пороках, во вражде, своекорыстию и человеконенавистничестве. Духовными дарами Церкви он хочет пользоваться святотатственно. Попирая голос совести в вопросах о самых священных предметах, он мрачно смотрит на мир и все окружающее. Сам он уготовал себе эту темницу без просвета. Кажется, пора бы ему задохнуться в этой душной атмосфере. Кругом его тьма непроглядная и всюду чуются враги. Так смотрит он и на представителей власти – духовной, гражданской и государственной. Чуждаясь просвещения, последователи раскола лишаются и добрых плодов просвещения, в смысле правильного образа жизни, общественного спокойствия, мира и счастья, и залогов душевного спасения. А стоило бы только старообрядцам оставить свое упорство и недоверие, поискать истины и открыть слух свой к голосу любви Евангельской к ним простираемому, – тогда отпала бы от их очей завеса, скрывающая от них обилие света в Церкви православной, и водворившееся царство любви Христовой приобщило бы их к наследие вечных благ.

К сожалению, число раскольников и сектантов у нас считается миллионами. Уменьшается ли это число, или, напротив, растет и множится? во всяком случае эта устарелая болезнь государственного организма, требующая врачевания сильными средствами и мерами. Ведь это наш русский народ –

искони православный сделал такое уклонение в сторону ненормальной жизни. Не истощает ли эта устарелая болезнь внутренних сил всего организма православной России?

Чтобы уяснить этот вопрос, можно сделать сопоставление однородных явлений в народной жизни. Есть у нас инородцы в составе Российской империи, увлеченные в чужеземное суеверие буддизма. Это – буряты, принявшие веру из Китая и Монголии, донныне тяготеющие к этим странам, откуда перешла к ним эта суетная вера. Уже много потрачено средств этого доверчивого народа на возведение языческих капищ, и до сего времени он продолжает нести свои дары в Тибет, Китай и Монголию. Разве это не истощает нашу страну? Разве не лучше бы направить этот поток народного богатства в общее русло внутреннего благоустройства в нашем отечестве хотя бы и пришлось употребить усиленные расходы на усиление православных миссий для обращения этого народа в истинную веру? Но у нас средства на такое великое дело, как дело миссии настолько еще ограничены, что при них самые энергичные действия миссий, в настоящем их составе и положении не могут оказать своего благодетельного влияния в желанной мере.

В России не малое число – евреев; опять сила, истощающая наши русские общества. Кагал – эта великая сила их космополитизма поддерживается сборами, а страсть к стяжениям известна всему свету. Где ни появятся евреи, всюду выжимают достояние у честных граждан и доводят их до обеднения и безвыходного положения. Видно, не стало уже возможности выносить это зло, что евреев стали ограничивать в правах их местожительства. То же должно сказать и о вреде от раскола и сект. Тут та же система эксплуатации для поддержания того строя жизни, какой избирают себе раскольники и сектанты. Без материальных средств нельзя жить и расти никакой общине. Прекратить приток этих средств путем закона и справедливости, и это будет самым верным средством не только ограничивающим, даже радикально останавливающим развитие такой нравственной болезни общественного организма.

А что раскольники и сектанты неразборчивы в средствах приобретения, это видно из опытов. Появляются, напр.,

раскольники – переселенцы на Алтае, – они самовольно занимают земли, принадлежащие калмыкам, безданным, беспощадно, без всякого согласия прежних владельцев, причиняют такое насилие христианам инородцам. Возникают жалобы, а захваты останутся в руках тех же хищников. Появлялись они еще ранее на землях Бурятских за Байкалом среди ясачных христиан: сначала будто бы временно живут для прокормления скота, с шалашами для пастухов. Проходят десятки лет, и они уже смотрят настоящими хозяевами чужих земель, и совершенно выгоняют прежних владельцев. Раскольник богатеет, а православный делается бобылем обездоленным. Возникает дело. Приезжают земские чиновники – землемеры время от времени, а дело остается все в том же положении. Где ни появляются раскольники, сектанты, – напр., скопцы в Якутской области, – всюду они становятся за короткое время зажиточнее старожилов – наших православных, приобретая себе стяжения всеми неправдами. В общественном быту у них существует круговая порука, взаимопомощь, хотя эгоистическая, общинная касса для выкупа из рук правосудия, с целью отстоять интересы своей общины и обессилить противную ей (православную) сторону. На все это нужны средства. Являются неизбежно темные общественные поборы, и собираются таким путем огромные суммы и тратятся на поддержание суеверий и заблуждений раскольнических и сектантских толков. Сборы эти и по существу, и по целям противозаконны, а потому и не должны бы быть терпимы. Правительство (местная администрация) не может [не знать об этом; ибо сборы эти легально гарантированы общественными приговорами. Тем не менее темные сборы существовали и не вывелись.

Наши православный миссии уже не раз обнаруживали это зло. Были и меры к пресечению так называемых «темных сборов» – самых отяготительных для народа и несправедливых. Но положение дела не улучшилось. Во тьме все это ведется: иначе нечем поддержать неправо дело. Тем питаются болезненные чужеродные наросты. К чему это поведет, как не к большому вреду для всего общественного и государственного

строю? Государственные налоги незначительны, они не отяготительны для народа и вполне справедливые, идут они на благоустройство государства. А корысть ненасытна, – темный сбор неограничен, собирают при всяком случае, и за обычай. И вот, естественно, вытекает такое чудовищное явление, что правительство высылает в Якутскую область новых сектантов, не признающих ни церкви, царя, ни властей, и отказывающихся платить подати и отбывать общественные повинности. Дальше уже некуда идти! Это последнее слово расколосектантства. Средства нужны ему для поддержания собственного строя, а не на благоустройство Государства. Никакая сила разумных доказательств не убедить очумелого сектанта, пока не ограничить его имущественных прав и не будут конфисковать кагальных касс, имеющих миссионерское противогосударственное назначение. И вообще раскольнические общества, сектантство, нагло нарушающие законы церковные, гражданские, государственные – не должны пользоваться правами гражданства, наравне с православными сынами отечества. Всякий нарушитель закона подлежит строгой ответственности за нарушение и в известных случаях лишению прав состояния. Но у нас, к сожалению, люди, ставшие в упор законному строю жизни, нарушающие на каждом шагу закон, избегают ответственности по закону правды, обязательному для всех. Укажем факты. Раскольники и сектанты живут невенчанными законным браком; следовательно, их дети – незаконные, не имеющие права наследовать имущество. Стоит соблюсти этот закон, и тогда нажитое всеми неправдами имущество не будет оставаться в обществе раскола или сектантства, а будет достоянием казны, и пойдет оно на дела благие, на усиление государства, а не к ослаблению его способов приводить в исполнение предначертания правительства. Было оказываемо расколу снисхождение – записи их сводных браков в метрики при волостях, но они и этим пренебрегли. Следовательно, они показали себя недостойными и этой милости и, пренебрегая сердобольем Правительства, сами себя лишают права считать свое поколение законным.

Следует разобраться в этом хаосе, иначе нельзя ожидать добрых последствий.

Существует в расколе связь и идут взаимные сношения в целях пропаганды. Московские богачи из этой категории раскидывают свои сети на всю Русь. Есть и за границей – в Румынии, Пруссии, Австрии – заправилы. Без денежных средств они не могут, конечно, расширять свои действия. Появились заграничные издания, ратующие за раскол и сектантство.

Пресечь это зло – задачи правительства, от которого и остается ожидать деятельной помощи церковному воздействию на людей, обращаемых с стропотного пути на путь правды и закона. Не кратковременное служение мое на миссионерском поприще доставило мне возможность ценить услуги гражданского начальства в трудных делах миссии, и сохранить во многих лицах гражданской администрации благодарную память и признательность. Но бывали и иного рода явления. Раскольникам часто удается скрывать концы в воду в своих самых отчаянных похождениях вопреки закона и правительственных распоряжений. Доносит, например, миссионер об оказательстве раскола, и все знают, что это действительно так. Командируются гражданские исполнители, но, чрез тайные сношения, изобличаемые в неправде, успевают в одну ночь скрыть следы своего преступления. В каком же положении становится миссионер? В глазах своего начальства он лжец и клеветники, хотя и доказывал истинное положение вещей. Невольный страдалец уже теряет доверие Начальства. Не будь тайной измены – истина торжествовала бы и побеждала бы те коварства, какие строит злоумышленный раскол, и поработенный народ отрезвлялся бы к познанию истинного пути жизни. Чем чаще были бы случаи такого обнаружения в глазах народа, тем яснее для него становилась бы необходимость оставить путь погибельный и идти на жизненный путь св. православия. Кто имеет веру и совесть, тот везде может приносить пользу. И светский чиновник с верой в Бога, с любовью и желанием добра, идя прямым путем, не кривя совестью – своими действиями и исполнением закона, приносит великую пользу для Церкви, как и духовный деятель, когда не

скрывает истину, пленительно действующую на умы и сердца народа. Всякая добрая услуга со стороны светского лица, или земского чиновника, в виде вразумления и обуздания раскола, надолго изменяет грустный порядок вещей на лучшее. И дай Бог, чтобы чаще и чаще делались такие вразумления.

Все это было изведено мною на практике в течение 35 лет. Наблюдения за расколом в Забайкалье, над сектантством в Якутске привели меня к таким убеждениям. Теперь приходится наблюдать за расколом внутри России. Раскол Сибирский с приливом русского – православного элемента и по причине переселений на дальний восток должен значительно измениться. Единоверие же, основанное в нескольких пунктах, должно укрепиться с уменьшением соблазна от старых приверженцев раскола. Что же касается здешнего раскола и сектантства, – то нельзя не признать за Россией преимущества духовных сил в лице образованных и умудренных наукой и опытом духовных деятелей миссионеров, неусыпно бодрствующих на страже Господней в охранении православной паствы от волков, губящих стадо Христово.

Уповаю на всеильную помощь Божию в трудном деле обращения заблуждших. Дух Снятый да наставит всех нас на истину Свою.

VII. Антоний, архим., ректор Каз. дух. Акад. Слово пред благодарственным молебствием по окончании 3-го всеросс. Мисс. Съезда // Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 639–642

Господь помог нам закончить совещательные труды наши в навечерие праздника Своего преславного Преображения. Духовный смысл этого чудесного события изъяснен в церковной песни: «на горе висоце преобращся Спас, верховные имея ученики преславно облистал есть, показуя, яко выотоу добродетелей облиставше и божественной славы сподобятся».

Ученики Христовы, удрученные, истомленные постоянным уничижением на земле своего Учителя, узрели в день сей раскрытие Его внутренней святости, Его неземной красоты, и поняли, что эта красота, эта святость не нуждается ни в земной славе, ни в чести, ни в богатстве, что сама по себе она бесконечно превосходит всякую земную красоту настолько, что всякий, проникнувший однажды духовным взором своим в эту небесную славу, не пожелает уже больше земных наслаждений, но восклицает: *«Господи, добро нам есть zde быти»*. – Отцы и братие, да дарует Господь и вам всем многократно узреть в благовестнических трудах ваших преобразование славы Его, прикасаться духом своим к Его божественной жизни, видеть *царствие Божие пришедшее в силу*, бывать свидетелями умягчения злых сердец, служителями возрождения отпадших, раскаяния грешных, смирения гордых душ, одним словом – созерцать то чудное изменение человека, совершаемое словом благодати Божией, которое подобно облачному осенению учеников на горе Фаворской.

Но знайте, братия и отцы, что это раскрытие силы Божией в нас и в слушателях достигается не иначе, как путем страданий и ими же снова сопровождается. Не с первых дней удостоил Господь своих учеников показать славу Своего Преображения, но после многократных уничижений Своих от людей. Уже неоднократно был Он укорен от фарисеев; Его чудеса были приписаны силе бесовской; Его ревность о проповедании была

осмеяна всенародно; в Назарете Его хотели низвергнуть со скалы. Немало наболели сердца учеников Его; Он уже увещевает их не стыдиться Его *в роде сем прелюбодейном и грешном* и только тогда показывает им славу Свою на горе Фаворской. Но и после сего немедленно напоминает им о немощи человеческой, о молитве, о посте, о собственном их маловерии, воспрепятствовавшем им исцелить бесноватого отрока. Эти-то огорчения, эти колебания и эта потребность подвигов и веры, испытанные учениками Слова, являются постоянными условиями жизни и преемников их, всех вообще христиан, проводящих духовную жизнь. Одушевленные ревностью о славе Божией, об обращении неверных, служители слова долго томятся созерцанием унижений Его от людей, прежде чем сподобятся узреть славу Его в людях сих. *«Печаль прият мя от грешник, оставляющих закон Твой»* (Пс.118:53); жалуется псалмопевец. *«Доколе путь нечестивых спеется?»* вопиет пророк Иеремия. Ему вторит весь сонм пророков, апостолов, мучеников, святителей. Вся история жития их, листы святой Библии и Миней, не есть ли тот свиток скорби, который проглотил Иезекииль? *«и вот свиток написан был внутри и снаружи и написано на нем: плач, и стон, и горе»* (Иез.2:10).

Тогда лишь только, когда эта печаль о Боже пройдет во все внутренности подвижника, когда распнется в нем ветхий человек, тогда лишь начинается около него возрастание духовной нивы из умершего семени пшенична, тогда видит он около себя преображение славы Божией. Так и сказал Апостол: *«смерть действует в нас, а жизнь в вас»* (2Кор.4:12). Насколько вымирает в ежечасных страданиях естественная жизнь проповедника или пастыря, настолько лишь только таким путем насаждается жизнь духовная в слушателях, в пастве во исполнение слов Христовых: *«егда вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе»*.

Будем же, отцы и братия, всегда утешаться сею истиною. Будем помнить, что без скорбей и подвига не может быть и плода духовного, а одно только самообольщение или прелесть, как учат святые отцы Церкви, повторяя слова Апостола о том, что только незаконные дети не терпят наказания (Евр.12:5–9).

Эту истину унесите в сердца ваших от нынешнего блестящего собрания в мрачные притоны ереси и раскола, в глухие деревни и недоступные хутора, где вам приходится бороться со зверьми и умирать каждый день (1Кор.15:31).

И чем больше будет восставать на вас ожесточенная злоба и упорное коварство ересеучителей, чем грубее будут приступы невежественного, озлобленного народа, тем крепче уповайте, что в вас и около вас совершаются муки духовного рождения. Не здесь, не в нашем торжествующем собрании единомысленных сотрудников зачинается таинство св. веры, а в душной избе, наполненной серым народом, или лучше скажу, в скорбющем, измученном сердце проповедника, если только он не с ропотом и унынием, но с благодарением и упованием несет свой апостольский крест. Пусть его святые порывы встречаются издевательством; пусть любовь его клеймится, как лицемерие; пусть его ревность обзывается жестокостью: если все это удостоишься претерпеть, то знай, что этот самый внутренний вопль наболевшей души есть крик возрождения в жизнь духовную дня многих. Не прежде Бог раскрыл тайну любви Своей ко всему человечеству, как исторгнул такой вопль от пророка Своего во чреве кита. Не прежде открыл Он обетование о вселенской Церкви Своему посланнику Ездre, как показал ему видение жены, возопившей в скорби о смерти своего сына. Предсмертный вопль благоразумного разбойника был рождением его в жизнь вечную, а вопль глубокой скорби об ожесточении ближних бывает чрез содействие благодати началом их обращения.

Возлюбим же, отцы и братия, не торжества наши только, но паче и скорби наши; облобызаем с любовью, верою и упованием кресты наших поношений, и унижений, и осмеяний. В них наша сила, ими дает нам Господь победу; после них показывает нам преображение Своей славы. Но не забудем, бр., и о том, что во время Преображения Своего Господь говорит со Своими загробными собеседниками о крестном исходе Своем, не забудем и об искушении, постигшем апостолов по возвращении с горы Фаворской. Не однажды и не дважды, а многократно повелел нам Господь испытывать тяжкие скорби видимого

бесплодного трудов наших и прямых оскорблений и клевет. Всегда с любовью будем вдавать *плещи свои на раны и ланиты на заушения* (Пс.50:6), ибо всякий раз Господь воздаст нам за это приобретением брата, – либо самого устыдившегося обидчика, либо свидетелей его беззаконий, или же нас самих наградит внутренним духовным плодом, ибо только после таких скорбных испытаний раскрываются нам тайны Божественного Промысла, только страдальцам бывает суждено как бы перстами своими прикасаться к подножию Вседержителя. Будем же, бр., молитвой и постом хранить от уныния и лености, дабы не падать под бременем испытаний. «Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша печальми житейскими, и найдет на вы внезапно день той... Бдите убо на всяко время молящися, да сподобитесь убежати всех сих хотящих быти и стати пред Сыном Человеческим (Лк.21:34, 56). Аминь.

Ректор Казанской Духовной Академии. Архимандрит Антоний

**VIII. Из предложений 3-му Миссионерскому Съезду
председателя его Архимандрита Антония II
Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 642–
648**

Председатель 3-го всероссийского миссионерского съезда ректор казанской академии, архимандрит Антоний (ныне Св. Синодом назначенный, Государем Императором утвержденный епископ Чебоксарский, викарий Казанский), представил одновременно на обсуждение и заключение съезда целый ряд предложений. Все они делались о. ректором изустно, в форме одушевленной речи, с пленительной чисто-братскою простотой и добротой, в отношении разнообразного по своему положению многочисленного состава членов съезда. Миссионерское значение и характер предложений о. председателя настолько важны и интересны, что мы спешим познакомить наших читателей с некоторыми из них в особой настоящей статье.

1) Когда съезд приступил к обсуждению способов духовного воздействия на раскол и сектантство, о. председатель, архимандрит Антоний, обратился к присутствующим на заседании с речью, в которой указал на то, что основание для развития сектантства и раскола до крайней степени фанатического изуверства заключается, между прочим, в чувстве неудовлетворенности наличною церковною жизнью некоторых приходов. Если бы в этих частных недостатках выражалось внутреннее разложение русской Церкви, как желают представить сектанты, то нечего было бы и обсуждать меры к их исправлению: но, благодаря Богу, это не более, как недостатки местные и при том бóльшую частью следствия простой неосмотрительности. Русское духовенство в общем своем составе крепко духом веры и упования, свято соблюдает священные заветы православия и преподает их пасомым. Поэтому и главная сила нашей миссии таится в святом чувстве благочестия и глубокой веры, которые всегда отличали наших веропроповедников. Но не редко случается, что местные деятели не умеют во вне обнаружить своих духовных сил,

содержать свою веру в качестве личного подвига, а не общественной созидательной силы, и светильник их, оставляемый под спудом, не «светить всем, иже в храме суть». Поэтому съезд должен озаботиться выработкой мероприятий к благоустройству деятельности пастырей на спасение пасомых. В этом направлении состоялись уже постановления второго миссионерского съезда, утвержденные Святейшим Синодом и объявленный в циркулярном указе 1892 г. за № 9. Ныне съезду предстоит обсудить, не нуждаются ли помянутые постановления в каких-либо дополнительных, церковно-общественных учреждениях, которые могли бы собрать во едино и вывести наружу нравственные силы нашего духовенства и наших миссионеров.

2) В том же заседании заявлением о. председателя и сообщениями многих членов съезда выяснилось, что в некоторой части православного духовенства, не исключая и начальствующих лиц (благочинных), до сих пор замечается холодность к делу миссионерства и недостаточная уверенность в благоплодности миссионерских беседований, как способа борьбы с расколом, вследствие чего далеко не везде в приходах, зараженных расколо-сектантством, ведутся пастырями таковые беседы и не везде они надлежащим образом даже оцениваются. Источником такого прискорбного явления, между прочим, служит то обстоятельство, что кандидаты священства не воспитывают в себе должным образом в школе миссионерского духа и навыка к беседам, а иногда влияние на учащихся некоторых литературных статей, в коих миссионерское дело понимается превратно.

Принимая во внимание, что без должного уразумения со стороны самих пастырей высокого значения миссионерского служения нельзя поднять успехов внутренней миссии, съезд постановил просить Святейший Синод, чрез епархиальные начальства: а) разъяснить приходскому духовенству важность беседований, как существенно необходимого способа борьбы с расколом и сектантством; а также б) предписать приходским пастырям оказывать всякое содействие епархиальным и окружным миссионерам, приглашать их к участию в

богослужении, и к произнесению проповедей и поучений в храмах, и наконец, в) предложить начальникам духовных учебных заведений, чтобы воспитанникам семинарий была внушаема любовь к пастыре-миссионерскому служению, а при указаниях с кафедры недостатков собеседований, производимых местными миссионерами, не было допускаемо огульное осуждение бесед вообще.

3) По связи с вышеизложенным вопросом о. председателем съезда, архимандритом Антонием, был поднят вопрос о более живом и близком отношении православных пастырей к духовным нуждам народа. Е достижение сего было им указано на необходимость деятельного участия воспитанников старших классов духовных семинарий в народной проповеди и в церковном богослужении. При этом, как например, о. председатель указал на академию С.-Петербургскую и Казанскую, студенты которых принимают деятельное участие в ведении народных духовно-нравственных чтений на фабриках, в тюрьмах, богадельнях и т.п.

Такая деятельность питомцев духовной школы поднимает в них ревность к проповедованию Слова Божия, сближает их с народом и служит для них превосходною подготовкой к пастырскому служению. В интересах же поднятия в кандидатах священства религиозного настроения весьма желательны периодического паломничества питомцев духовной школы к местным святыням.

Что касается участия воспитанников семинарии в богослужениях, то в этом отношении обращает на себя внимание пример Литовской семинарии, где, при в Бозе почившем высокопреосвященном Алексии, семинаристы всех классов по группам участвовали в совершении ежедневного богослужения в крестовой церкви в присутствии самого преосвященного: они наблюдали за точным уставным исполнением церковных служб, читали и пели на клиросе, прислуживали в алтаре и т.д. То же в Самарской и Подольской епархиях.

Признавая вопрос о пастырской подготовке семинаристов самым важным из всех условий миссионерства, съезд единогласно постановил: просить высшую духовную власть

сделать распоряжение: а) о привлечении учеников духовных семинарий и студентов академий к деятельному участию в церковной жизни чрез проповедание Слова Божия как в учебное, так и в вакационное время, чрез участие в беседах с раскольниками и сектантами, и чрез самостоятельное освоение с богослужением, и изучение Св. Писания с миссионерской стороны и творений святоотеческих, хотя бы и при упрощении курса наук теоретических, – а также б) о более дешевом издании святоотеческих творений вселенских отцов и учителей Церкви для общедоступного распространения и в) о снабжении епархиальными братствами церковных библиотек приходов, зараженных расколо-сектантством, необходимыми миссионерскими пособиями и листками.

4) Тогда же председатель, подробно остановившись на выяснении миссионерского значения и важности для православного и раскольникового населения истового уставного богослужения, предложить на обсуждение съезда вопрос о том: будет ли признано нужным просить Святейший Синод предписать епархиальным преосвященным, чтобы в губернских и уездных городах, где есть раскольники, хотя бы в одной из приходских или монастырских церквей были отправляемы богослужения с точным, без всяких сокращений, исполнением всего церковного устава.

Съезд единогласно признал предложенную о. председателем меру весьма полезною да привлечения раскольников к Церкви православной и сделал соответствующее по сему постановление.

5) В следующем заседании съезд слушал новое предложение о. председателя своего. «Некоторые миссионеры – говорит о. архимандрит – заявляют о том великом соблазне, который происходит у раскольников и единоверцев, да и у истинно-верующих чад Церкви, при извещениях о торжественном погребении самоубийц, вопреки соборным правилам, и просят у миссионерского съезда совета и указаний к предупреждению этого соблазна, с своей стороны напоминая, что строгое суждение канонов, лишаящее самоубийц всякого христианского погребения и молитв, делает исключение по

отношению к тем несчастным, которые лишили себя жизни в безумном состоянии. Впрочем, и такая смерть не может почитаться христианской, непостыдной и мирной кончиной живота, а попускается Богом в наказание за грехи умершего или ко вразумлению его присным, а посему нельзя строго осуждать тех из раскольников, или православных, которые соблазняются торжественными процессами и соборными отпеваниями самоубийц, хотя бы и признанных медиками за сумасшедших, тем более, что медицинской экспертизе религиозные люди плохо верят. Отпевание христианских тел в храме и обращение с ними, как бы со святыней, выражает собою не только мольбу об упокоении душ усопших, но и дерзновенное упование на то, что благочестно поживший и напутствованный святыми Тайнами раб Христов возвращается к Небесному Отцу победителем дьявольских искушений. Между тем такие мысли едва ли применимы к самоубийцам, хотя бы и несознательным, иступленным, хотя с другой стороны было бы слишком смелым ходатайствовать о безусловном воспрещении погребать всех, насильственно лишивших себя жизни.

Синодальный миссионер, протоиерей Ксенофонт Крючков припомнить, из жития преп. Феодора Студита, ответ иноку, вопросившему его, можно ли молиться за отца, умершего в иконоборной ереси. «Молись, но втайне, дабы не подумали, что ересь дружественна спасению души».

Съезд принял к обсуждению изложенное, безусловно важное в церковной жизни, предложение своего высокочтимого председателя с особым вниманием и признательностью и постановил:

Ходатайствовать пред духовным начальством о том, чтобы воспрещены были торжественные отпевания в храме и торжественные соборные панихиды по самоубийцам и иноверцам, а в случаях самоубийств умалишенных, отпевание было бы совершаемо в доме без торжественных погребальных процессий.

6) При обсуждении вопроса о хлыстовской секте о. председатель предложил вниманию съезда весьма интересное и для науки сектоведения новое *психологическое* объяснение

того, каким образом благочестивые часто люди ниспадают постепенно в нравственную бездну хлыстовщины. Он указал на то явление, что это безобразное учение возникает нередко, по-видимому, само собою без воздействия пришлых проповедников. В основании хлыстовщины лежит так называемая прелесть или духовное обольщение. Это самообольщение возникает из следующего рода ошибки, описанной еще древними отшельниками в их творениях. Каждым сильным религиозным чувством вызывается в человеке известное телесное ощущение. При самоличном прохождении молитвенного подвига людьми неопытными, это самое телесное ощущение (напр., замирание сердца, опущение крови вниз, остановка дыхания) вызывается часто физическим напряжением и принимается взамен религиозного чувства. Это уже весьма опасная ступень прелести. Дальнейшее ее развитие заключается в том, что такие самочинные подвижники начинают считать свое тело посредником для благодатных воздействий Св. Духа и каждое свое телесное ощущение во время молитвы готовы признавать Его голосом. При таком искусственном возбуждении нервов, конечно, просыпаются ощущения половые, которые сначала совершенно искренно считаются тоже вдохновением. Так возникает свальный грех. На первых порах он является произвольным почти результатом ложно направленного молитвенного подвига. Затем положение дел изменяется. «Всякое растение, которое не насадил Отец Небесный, искоренится». Религиозное одушевление всякой секты скоро истощается, разврат превращается из последствия в цель радений, и затем становится в руках вожаков приманкой для совращения неопитов и для удержания в целях секты ее прежних последователей, а также и наилучшим средством для усыпления их совести. Такова история почти всех, а может быть и всех хлыстовских обществ.

К вышеизложенному о. председатель добавил с своей стороны, что внешние признаки хлыстовщины весьма различны, но общее у них – психическая сторона: неудовлетворенность современной церковной жизнью, которая не имеет восторженных выражений религиозного чувства. Отсюда для обличения

хлыстов необходимо, чтобы пастыри Церкви совершали священнослужение с воодушевлением, сопровождая его живою проповедью, но при этом не должно быть искусственной экзальтации, в коей заключается сущность хлыстовства в первом его зарождении

Съезд принял предложенное о. председателем разъяснение к сведению.

**IX. Дородницын А., миссионер. Секта адвентистов.⁷¹
(Из реферата на миссион. съезде) // Миссионерское
обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 648–657**

В среде штундистов Екатеринославской епархии в последнее время замечается новое религиозное движение, характеризующееся поворотом религиозной мысли сектантов к мистицизму. В этом новом движении заметно определились два момента: вера в скорое пришествие (adventus) Иисуса Христа, а вместе с этим и наступление страшного суда, и празднование седьмого дня – субботы, вместо первого – воскресенья. Названное движение развивается главным образом в штундистских общинах Александровского уезда: Дебальцевской, Волчанской, Софиевской и Васильковской (Павлоградского у.). Данный по сему предмету, собранные нами на месте, начало возникновения названного движения в среде наших сектантов возводят к деятельности заграничных миссионеров секты адвентистов.

Основателем секты адвентистов был баптистский проповедник Вильям Миллер (родился в 1781 году в Питефильде, в Америке). Превратно понимая слова Св. Писания (Мф.8:11; 19:28; 26:29; Лк.22:16; особенно Апок.20:1–6), он стал проповедовать в среде своих единоверцев скорое пришествие Сына Человеческого для последнего страшного суда, после которого настанет царство святых, имеющее составиться из истинных баптистов, послушных его, Миллера, призыву. Вдохновенные речи проповедника привлекли к нему массу слушателей, из среды которых не замедлили выделиться последователи нового учения. Днем второго пришествия Иисуса Христа было назначено 14 апреля 1844 г. В этот день, по предсказанию Миллера, должен был явиться грядущий на облаках Сын Человеческий. По мере приближения рокового дня, ожидания сектантов возрастали, волнения усиливались: одни продавали свои имущества, другие оставляли свои служебные занятия, иные разрывали семейные узы, а все вообще – дни и ночи проводили в молитвенных собраниях. Когда наступил

назначенный день, сектанты, облекшись в белый одежды, вышли из города на широко расстилавшееся поле и стали напряженно смотреть в небесную высь: каждый желал первым услышать трубный звук и увидеть грядущего на облаках Иисуса Христа, но надежды их не сбылись.

Обманутые столь очевидно в своих заветных надеждах, многие из Миллера последователей тогда же оставили своего учителя, но большинство пребыло верным ему.

По смерти В. Миллера, последовавшей вскоре после рокового 14 апреля 1844 года, последователи его разбились на несколько враждебных друг другу групп («семидесятидневные адвентисты», «однодневные» и пр.), объединяющим началом которых служат: отрицание крещения младенцев, – пункт заблуждения, вынесенный вместе с другими заблуждениями из баптизма, учение о скором пришествии Иисуса Христа, и страшном суде, и празднование субботы. Из Америки секта адвентистов проникла в Европу и нашла для себя благоприятную почву в многочисленных протестантских сектах. Центром первоначальной деятельности адвентистов в Европе сделался г. Базель; в настоящее время деятельность их сосредотачивается в космополитическом г. Гамбурге. По сведениям заграничных миссионерских журналов, число адвентистов в Германии в настоящее время простирается до 30 т. Сектанты издают свою газету «Gerold der Warheit und Prophetischer Erklärung», и имеют большой книжный склад (Hamburg, Grindelberg 15) под фирмою Internationale Tractat – Gesellschaft. Главный центр секты находится в Бетль-Крике (в Америке), те сектанты имеют свою семинарию и типографию. Учете адвентистов подробно излагается в следующих сочинениях: «Who changed the Sabbath», «Scripture References» и «Personality of God.».⁷²

При изложении учения адвентистов мы остановимся, главным образом, на следующих пунктах его: *учение о втором пришествии Иисуса Христа, тысячелетнем царстве праведных и праздновании субботы*, так как в остальных своих положениях учение адвентистов совершенно тождественно с учением баптистов. Подобно сим последним они отвергают

Свящ. Предание, почитание икон, св. креста, крещение младенцев, таинства, за исключением крещения и причащения, которым, подобно всем вообще баптистам, придают значение чисто символическое.

Группируя все места Св. Писания (числом более ста), в которых говорится о втором пришествии Спасителя на землю, адвентисты находят, что учение о втором пришествии составляет главное ядро Св. Писания, по отношению к которому остальные догматы имеющие второстепенное значение. «Сие учение, говорится в одном из их листков, подобно золотой нити проходит чрез все Св. Писание, сначала, действительно, мало, но потом все более и более, доколе наконец достигает блаженного упования, венчая таким образом все целое» (л. № 3 «Блаженное упование христианина стр. 1). Обозревая жизнь различных христианских обществ с своей эсхатологической точки зрения, богословствующие адвентисты приходят к заключению, что мир переживает последние времена, что все говорит о скором наступлении страшного суда, что «Господь дает людям знамения сего на небе и на земле: в вихрях и в бушующих водах, в колебаниях престолов и в смутах народов; в скоплениях богатства на одной стороне и в страшных бедствиях на другой... Кто же мудр и внимает этим знамениям и верит, что царствие Божие близко?» (л. 3 «Блаженное упование христианина стр. 7). Конечно, ответ на этот вопрос можете быть только один: эти «мудрые» суть последователи учения адвентистов, слово которых «сияет подобно светильнику, горящему» (ibid). Самый процесс страшна суда у адвентистов изображается в чертах чисто антропоморфических, заимствованных из практики судопроизводства в окружных судах с председателем, адвокатом и присяжными заседателями. – «Кто будете председателем сего (т.е. последнего) суда?» – наивно спрашивает автор листка «Суд». На основании (Евр.12:22–24) дается ответ, что председательствовать на суде будете Бог-Отец. – Кто заступает место ходатая для праведников?», – предлагается новый вопрос. Ответ дается на основании (1Ин.2:1) в том смысле, что ходатаем будет Иисус Христос. – «Будут ли употреблены при суде также книги?». Ответ

на основании (Откр.20:12) дается утвердительный. Из дальнейших рассуждений автора оказывается, что роль присяжных заседателей выпадет на долю адвентистов, потому что из всех христиан только они одни имеют право назваться «святыми», а святые, по словам ап. Павла (1Кор.6:2), будут судит мир (См. л. № 2 «Суд»).

В связи с учением о втором пришествии Иисуса Христа и страшном суде находится учение адвентистов о *тысячелетнем царстве*. Основание для этого учения адвентисты находят в следующий местах Св. Писания: (Мф.8:11; 19:28; 26:29; Лк.22:16, особенно же Апок.20:1–6). Тысячелетнее царство по мнению адвентистов, основывающемся на ложно понимаемых ими словах Апокалипсиса, наступит после второго пришествия Иисуса Христа и суда над нечестивыми; в него войдут все святые, живущие на земле, т.е. адвентисты и воскресшие мученики за Христа. Тысячелетнее царство, которое по мнению некоторых адвентистов имеет наступить в 1995 г., будет временем всемирного блаженства, отдыха, субботствования. Это будет царство Христа, который будет царствовать во всем блеске величия; это будет золотой век Церкви, полный ее расцвет, рай на земле, как переходная ступень в другой высший мир, наконец, – полнейшее наслаждение духовными и чувственными благами. – «Что будут делать праведники в продолжении тысячи лет по их воскресении?», – предлагает вопрос автор листка «Суд», и отвечает на него словами (Апок.20:4). Гораздо менее согласны между собой адвентисты относительно того, где имеет быть тысячелетнее царство. Так как определенных указаний по сему предмету в (Апок.20:1) не имеется, то фантазии адвентистов дается широкий простор: она витает между небом и землей. Одни утверждают, что будут существовать параллельно два царства: царство мучеников на небе, под управлением и руководством Иисуса Христа, и царство праведников на земле – земной Иерусалим; большинство же склоняется к тому, чтобы местом тысячелетнего царства считать землю, именно святые места Палестины. Картины, в которых фантазия адвентистов рисует жизнь участников тысячелетнего царства, суть отображения их земных

жизненных идеалов. В воображении сектантов проходят все мыслимые степени блаженства: одни воображают потоки вина, молока, меда и самыми изысканными кушаньями уставленные столы, непрерывный пир и ничем не омрачаемое веселье, другие – сокровища Креза из золота и драгоценных камней. Здесь поразительное плодородие земли, там идиллическая свобода от грехов, печалей и болезней. Прекращение войн и народной ненависти, единодушие, равенство и общение имуществ, единство и духовность в почитании Бога, лицемерие Св. Троицы, познание истины, при этом, как необходимое дополнение, – вечная весна, ничем не омрачаемая красота и чистота атмосферы, общий мир в царстве животных, – дополняют картину блаженств тысячелетнего царства.

Не входя в подробное опровержение учения адвентистов о тысячелетнем царстве, мы считаем полезным в интересах борьбы с этим учением, проникающим в среду наших сектантов, сделать некоторые по поводу этого учения замечания.

Идеи хилиазма проникли в христианскую среду из иудаизма. Известно, что народная вера иудеев питала мысль, что Мессия имеет основать в Иерусалиме земное царство, полное неизреченных благ, которое будет выше всех царств. Времена политического упадка народа дали новую пищу этой мысли; закреплению ее в сознании народа также способствовали буквально понимаемые места из пророческих книг. Поэтому, когда явился в мир Иисус Христос, то на Него были перенесены черты идеала народного Мессии, как царя земного. Даже ближайшие последователи Иисуса Христа, ученики Его, до сошествия Св. Духа разделяли народные представления о Мессии (Лк.24:21; Деян.1:6). Но так как наличная действительность не оправдала народных надежд, то сознание отодвинуло ко второму пришествию Иисуса Христа то, что не осуществилось в первое пришествие Его. Сознанием христиан из язычников идеи хилиазма тем легче были восприняты, что подобные ожидания разделял и языческий мир в своих представлениях о «золотом веке».

Но ни в словах И. Христа, ни в посланиях Апостолов нет даже и намека на хилиазм. По (Мф.25:31–46) второе пришествие

И. Христа будет пред страшным судом и им закончится настоящий мировой порядок (Ср. 2Пет.3:10). Дню страшного суда должно предшествовать не тысячелетнее царство с его наслаждением всевозможными благами, но крест: страдания, печали и нужды будут сопровождать христиан до конца дней (Мф.24:13, 21; 2Тим.3:12). Иисус Христос никогда не учил о двояком воскресении мертвых, но говорил об одном общем воскресении мертвых – добрых и злых (Ин.5:28–29). Когда сыновья Заведеевы просили Его: «дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей», Он ответил: «не знаете, чего просите... почитающиеся князьями народов господствуют над ними..., но между вами да не будет так» (Мк.10:38, 48). Далее, Иисус Христос ясно говорит, что Царство Его не от мира сего, что оно не придет заметным образом (Ин.18:36; Лк.17:20). Наконец, Иисус Христос всегда убеждал своих слушателей устремлять взоры на небо, и там искать наград себе, а не на земле (Мф.5:11–12). Если в Св. Писании и встречаются выражения, что избранные сидят с патриархами в царствии небесном, что апостолы сядут на двенадцати престолах, то это только образы, основная мысль которых та, что и в царствии небесном существуют различные степени блаженства (Ср. Лк.19:17). Наконец, что касается тысячелетнего царствования святых, о котором говорит (Апок.20:4 – «...они ожили и царствовали со Христом тысячу лет»), то в экзегесисе Св. Писания давно уже установлен тот взгляд, что под «оживлением» мучеников в данном тексте Апокалипсиса должно понимать не плотское воскресение их, но духовно-нравственное, или восприятие силы и власти после земных скорбей и страданий. Выражение «тысячу лет» указывает вообще на продолжительный период времени, определенный в совете Бога, после которого настанет конец мира (См. прот. М. Хераскова «Послания Апостольские и Апокалипсис» стр. 635).

Учение адвентистов о праздновании субботы находится в тесной связи с их взглядами на ветхозаветный закон. По мнению адвентистов, Бог дал на все времена и для всех людей один закон, именно ветхозаветный, сокращенно выраженный в десятословии. Иисус Христос не отменил ветхозаветного закона,

но напротив свято исполнял все предписания его, и вместе с этим и постановления относительно субботы. Примеру Иисуса Христа, по мнению адвентистов, следовали Его ученики и христиане первенствующей церкви, более, – даже учение православной церкви, по мнению адвентистов, склоняется к признанию необходимости праздновать субботу, но, по какому-то роковому недоразумению, православные христиане не желают открыто признать это. В подтверждение последнего своего мнения, сектанты ссылаются на «Пространный Православный Катехизис» стр. 81, превратно понимая мысли святителя Филарета о ветхозаветном законе. (См. лл. № 19 «Закон Божий», № 21 «День почивания Господа Бога», № 22 «Первый день недели»).

В первый раз идеи адвентистов были брошены в среду наших сектантов деятельным агентом секты г. Перком, который не так еще давно разъезжал по югу России и целыми массами распространял листы и брошюры, проникнутые идеями нового заблуждения.⁷³ В последнее время Перк в качестве заведывающего отделением Библейского общества поселился в одной из поволжских губерний в С-ве, где, вероятно, продолжает свою вредную деятельность. В настоящее время посредницей между нашими сектантами и заграничными руководителями секты состоит некая «Антоновна», фамилия которой тщательно скрывается сектантами. Она ведет переписку с вожаками наших сектантов, высылает им известные листки, деньги, а равно получает и от них денежные приношения на «общее благое дело». Мы имеем несколько посланий «Антоновны» к вожаку сектантов с. Дебольцева (Александровского у.). Одно из них представляет особенный интерес, так как знакомит с вероучением сектантов приемами пропаганды ими своего вероучения. Вот подлинный текст этого послания: «Любезный во Христе друг! Письмо ваше от 1-го Марта мы получили и выслали вам желаемое т.е. «Блаженное упование христианина и «пророческую карту», а песенник вышлю вам, когда у нас будет случай: когда кто из наших братьев и сестер едет в Россию, то в то время мы пользуемся случаем и высылаем книги нашим абонентам, которые участвуют в деле Божиим (т.е. принадлежат

к секте адвентистов), и которые веруют, что Господь в настоящее время собирает своих детей из всех племен, языков и народов и говорить им чрез Св. Духа: «Какая совместность храма Божия с идолами? Вы храм Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут моим народом (Лев.26:12); потому выйдите из среды и отделитесь и не прикасайтесь к нечистому, и я приму вас, и буду вашим отцом, и вы будете моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель (Иер.3:19; Ос.1:11; 2Кор.4:17–18; Откр.18:4). Вы наверно уже слышали, что мы живем в последнее время, о котором говорится (Иак.5 гл.; 2Тим.3:1–5); а потому входите тесными вратами, потому что тесные врата и узок путь, ведущие в жизнь, и не многие находят их. Спаситель говорит (Мф.7:21): «не всякий, говорящий Мне: Господи, Господи, – войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного». Из (Исх.20:1–16; 31:17; Иез.20:11–12; Ис.56:1, 7; 58:13–14; 66:22–23) вы видите, что Бог приказал святить седьмой день, а никак не первый; но диавол чрез папство сделал это в 321 г. после Р.Х. Об этом пишет прор. (Дан.7:25), а в (8:14) вы увидите, сколько времени это должно продолжаться – 2.300 дней, но день должно принимать за год (Иез.4:6; Чис.14:34). Итак, мы непременно должны держать субботу – седьмой день, ибо близок конец мира, как это мы ясно видим из (Отк.14:1–12). Третье ангельское возвещение есть наиторжественнейшее возвещение, заключающееся в св. Библии, и вместе с тем последнее особое извещение благодатного дня, которым увещевается мир людской... Сие оповещение третьего Ангела торжественно предостерегает нас относительно образа зверя и его начертания. Это суть вещи, которые пред пришествием Господа нашего И. Христа поколеблют мир, и из-за которых произойдет последняя великая борьба между народом Божиим и безбожниками, борьба тем более опасная, что последним (т.е. безбожникам) дано будет творить знамения и великие чудеса, из которых одно будет состоять в том, что низведут подобно Илиин огонь с неба (Откр.13:13). Зверь, против которого состоится борьба, описан в откровении (13:1–10) и сходствен с четвертым зверем пророка (Дан.7 гл.). Сии четыре зверя означают четыре

больших царства, поочередно владеющие міром до восстановления царства Божия. Сии четыре царства суть: Вавилон, Мидо-Персия, Греция и Рим. Небольшой рог, вышедший между десятью рогами, представляя, как бы Бога на земле, должен обозначать папу».

Итак, уклонение христиан к безбожию, господство в міре антихриста, близость страшного суда, – составляют господствующий фон религиозных воззрений адвентистов, нравственный мотив которых составляет ожидание, с трепетным замиранием сердца, второго пришествия Сына Человеческого. –

Постоянное напряжение чувств и мысли в идее скорого пришествия Иисуса Христа сильно ослабляет жизненную энергию адвентистов, отражаясь роковым образом на их материальном благосостоянии. При посещениях упомянутых в начале этого реферата сел нам резко бросалось в глаза различие во внешней обстановке жилищ субботников от жилищ остальных крестьян: полное отсутствие изгороди, ободранная покосившаяся хата, полуразвалившиеся надворные постройки, заброшенный огород, поросший бурьяном, – характерные признаки жилищ последователей секты адвентистов; но при этом всякий раз мы замечали сидящих возле хат сектантов, в белых чистых сорочках, с непокрытой головой. Все в них говорит о глубокой их апатичности: и вялость в движениях, и медленность речи, и взор тусклых, безжизненных, устремленных вдаль глаз. Когда в разговоре заходили речи о бедности сектантов, о необходимости работать, чтобы поднять свое благосостояние, всегда получался приблизительно один и тот же ответ: «Бог дал день. Бог даст и пищу... Скоро настанет то время, когда не нужно будет ни вола, ни коровы». Народ говорит про сектантов, что на их «баглаи напали», – характерное малорусское выражение для обозначения обленившегося человека. Вообще об адвентистах должно заметить, что в экономическо-бытовом отношении они представляют явление крайне безотрадное в среде простого народа, – явление, вносящее в народную жизнь некоторое разочарование, апатию, ослабление жизненной энергии, пренебрежете крестьянским трудом, главным источником крестьянского благосостояния, и с этой стороны секта

адвентистов должна составить предмет особенных заботь всех тех, кому дорог наш народ и его благосостояние.

Екатеринославский епархиальный миссионер А. *Дородницын*

**Х. К какому раскольничьему толку принадлежат
Тираспольские, заживо замурованные изуверы? //**
Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 657–
660

Вопрос о том, к какому раскольничьему толку принадлежат заживо – замурованные Тираспольские изуверы, в последнее время сделался спорным. Бывший профессор Московской духовной академии, известный расколовед, редактор специального противораскольничьего журнала «Братское Слово», Н.И. Субботин недавно на столбцах «Московских Ведомостей» поместил обширную статью, в которой доказывает, что замурованные были – последователями Австрийского священства, так называемого *противо-окружнического толка*, и представляли собою ни более, ни менее как «липован метрикоборцев», и как таковые они и предпочли ужасную смерть государственной переписи.

При этом почтенный профессор авторитетно заявляет, что специальный журнал «Миссионерское Обозрение» – а равно и другие духовные и светские органы допустили ошибку, высказавшись за принадлежность Тираспольских замурованных к безпоповщинскому бегунскому толку, и тут же маститый профессор бросает упрек по адресу печати, которая де сыграла, что называется, в руку раскольников Австрийского согласия, сняв с этой кичливой секты позор Тираспольского преступления. Но данный вопрос, как оказывается ныне, не настолько ясен и прост, чтобы так решительно обвинять в ошибке высказавшихся за принадлежность несчастных погибших Тираспольских изуверов к числу последователей бегунского толка и считать мнете противоположное за решение непогрешимого папы. «Миссионерское Обозрение», служа в св. деле миссии прежде всего и паче всего выяснению истины и правды не могло, конечно, иметь в виду побочных соображений тонкого политического свойства и при своем суждении о тираспольском деле, высказало свое посильное мнение, как увидит ниже читатель, далеко не без достаточного основания. Довольно того,

что к такому же именно заключению пришла и специальная экспертиза, к которой привлечены были судом и епархиальным начальством местные специалисты, из них один (священник Стрелбицкий) преподаватель семинарии и известен в противораскольничьей литературе, как автор истории и обличения раскола, а другой – как миссионер-практик (г. Кальнев). Заключение экспертов построено на данных следственного производства, а заключение редактора «Братского Слова», как он заявил о том в примечании к упомянутой статье, – на сведениях, собранных из-под руки местным о. благочинным. Если уже руководиться в данном путанном деле «политическими» соображениями, то в таком случае, смеем думать, за мнением «Миссионерского Обозрения» больше практической почвы, чем за проблемой «Братского Слова». Изуверство Виталии слишком сродно духу бегунства, этого вреднейшего раскольничьего толка, и правительство едва ли после Тираспольской трагедии может терпеть далее свободу подпольных действий этой нетерпимой изуверной секты. Если же замурованные действительно были последователями противоокружнической австрийской поповщины, то все дело сведется как на печальный эпизод, на случай, который постараются отнести на счет личного фанатизма Виталии, а не секты... Но повторяем, что мы далеки от побочных политических соображений и нас в данном деле прежде всего интересует выяснение истины. Мы не настаиваем на непогрешимости высказанного «Миссионер. Обозр.» мнения (считаем не лишним оговориться пред почтенным профессором, что наш журнал «специальный» главным образом в области сектоведения, расколоведения), и с удовольствием – *sine ira* встретились с новым взглядом относительно характера тираспольской секты, действительно весьма поколебавшим высказанное ранее мнение о принадлежности Тираспольцев к беспоповщинскому бегунству. Но с другой стороны в статье профессора Н.И. Субботина и в доставленных ему непризванными к экспертизе местными миссионерами сведениях затемнены или же совершенно отсутствуют те данные, которые говорят в пользу бегунства. Не есть ли это результат односторонней полемики? Вот почему все

заинтересованные в правильном решении данного вопроса с нетерпением ожидали последнего слова от третейского и столь компетентного судьи, как всероссийский съезд.

Вопрос о принадлежности Тираспольских замурованных к тому или другому раскольничьему толку внес на обсуждение Съезда эксперт г. Кальнев, доложивший съезду блестящий реферат.⁷⁴ И действительно, весь Съезд отнесся чрезвычайно внимательно к тираспольскому делу, как выдающемуся из ряда в мире расколо-сектантства. Специалисты долго и много спорили между собою и всемерно взвешивали все данные, в том числе и доводы подоспевшей к заседанию Съезда статьи профессора Н.И. Субботина, и вот какое заключение встретили мы в протоколе Съезда:

«По связи с докладом о бегунах заслушано было сообщение Херсонского епархиального миссионера М. Кальнева о заживо замурованных Тираспольских раскольниках. По мнению г. Кальнева, пространно мотивированному на основании следственного о сем дела, главная руководительница означенного проявления изуверства Виталия держалась учения секты бегунов. Но против такого мнения явились возражения со стороны членов съезда, также бывших на месте. По мнению последних, в данном случае мы имеем дело не с бегунами, а с последователями австрийского священства, противоокружниками. В виду такого разногласия была образована особая комиссия под председательством проф. Ивановского для разъяснения дела. Комиссия для своего решения поставила следующий вопрос: Виталия, в мире Вера Мокеева, – после того, как рассорилась с противоокружническим лжепопом Симеоном, осталась ли верною поповству по австрийскому священству, или перешла в беспоповство бегунского толка? Для решения вопроса комиссия остановилась на следующих данных: а) Виталия своих последователей не перекрещивала, а только сама постригала в монашество; б) у замурованных, а также и у Ковалева найдены разрешительные молитвы и одна с именем противоокружнического лжеепископа Иосифа. Сверх сего у замурованной Виталии под головою найдена чаша, из которой приобщаются, обыкновенно; в)

сообщено, – хотя в деле не имеется и не вполне разъяснено, – что Виталия в 1896 году ездила на свидание с Иосифом; г) и что пред тем, как замуроваться, она причастилась сама и других причастила будто бы какими-то запасными дарами, которые хранились у Тираспольских раскольников около ста лет и были замурованы в стене дома тестя Ковалева, все эти признаки указывают на принадлежность Виталии и в последнее время к согласию поповщинскому. Но с другой стороны та же Виталия, после упомянутой ссоры с Симеоном, последовавшей года за четыре до замуравления: а) называла поповцев хуже жидов, и 4 года ни сама, ни ее последователи не приобщались св. таин и вообще не имела никакого отношения к попам, а наоборот; б) проповедовала, что священство иссякло и что каждый сам себе церковь, сама отправляла все службы; в) прервала с другими раскольниками всякое общение; г) приспособила у себя секретные помещения; д) она и последователи ее скрывали свои имена, почему и в разрешительных грамотах имена разрешаемых не проставлены; е) Виталия и ее последователи последние годы не брали паспортов и некоторое время она не брала денег, видя в них печать антихриста; ж) Ковалеву пред замуравлением завещала: «скройся, заройся беги»; з) наконец, Виталия переписывала статейку из Томских епарх. ведомостей о бегунах и распространяла ее среди своих единомышленников, а некоторые из ее последователей действительно скрылись. Ряд этих показаний говорит за принадлежность Виталии к беспоповщинскому бегунству.

Рассмотрев и тщательно обсудив все вышеизложенные данные, комиссия также не могла прийти к окончательному решительному заключению, осталась ли Виталия и ее последователи до конца жизни последователями поповщины согласия противоокружников, или, расставшись с поповством, сделались последователями беспоповщинского бегунского учения.

К сему комиссия присовокупила, что для окончательного решения этого вопроса необходимо снова опросить Ковалева и других, прикосновенных лиц по изложенным обстоятельствам

противоречивого характера, а также разъяснить, сколько возможно, поездку Виталии к Иосифу.

Выслушав заключение комиссии, съезд постановил принять оное к сведению.

Итак, истинно слово: «прежде времени не судите никогоже» (1Кор.4:5).

ХІ. Э.Я. Торжество открытия третьего всероссийского миссионерского съезда, и общий обзор его занятий // Миссионерское обозрение. 1897. Август, кн. 1. С. 661–711

I.

Состоявшийся в г. Казани, согласно определению Св. Синода с 22 июля – по 6 Августа третий всероссийский Миссионерский Съезд бесспорно представляет собою одно из крупнейших церковно-общественных событий нашего времени. В истории миссии всероссийский Съезд, каким действительно и был нынешний, представляется явлением столь исключительным, что должен быть отмечен крупными штрихами. Если принято теперь называть время, посвященное известным выдающимся событиям именами последних (напр., франко-русская неделя и друг.), то не только две недели заседаний съезда, но и последние два месяца, по справедливости могут быть названы, в сфере церковно-епархиальной жизни, *миссионерскими месяцами*. Как только определение Св. Синода о съезде стало известным епархиальным начальствам, везде (за малыми исключениями), началась деятельная подготовка к съезду. Широкая программа Св. Синода давала задачи серьезные, а между тем времени в распоряжении епархиальных миссий оказывалось весьма немного – не более одного месяца. Попечительные о нуждах местной миссии архипастыри, собирали советы братств, учреждали комиссии для изыскания средств на посылку делегатов для составления отчетов о состоянии расколосектантства и миссионерства, а равно и для обсуждения миссионерских нужд и недоуменных вопросов, и предметов, чтобы внести их на обсуждение компетентного судии, – общего миссионерского съезда специалистов. Назначенные на съезд делегаты спешили составить по разным наиболее интересовавшим их, вопросам рефераты и тем внести свою лепту в ту сокровищницу опыта и знаний, какую долженствовал представить всероссийский съезд почтенных специалистов. Если столько внимания уделялось на подготовку к съезду, то с понятным интересом духовные и светские сферы следили за ходом совещаний и всеми вообще деяниями съезда... Много толкуют и немало перетолковывают и теперь, по окончании занятий съезда, по поводу его решений, мнений и постановлений. «Миссионерское Обозрение», посвящая

настоящую книжку журнала всецело 3 всероссийскому миссионерскому съезду, на место обычной хроники, даст читателям своим подробное описание торжества открытия съезда, общий очерк хода и предметов занятий съезда, а также торжества закрытия съезда. В следующей книжке подробно изложены будут совещания и решения съезда, с приведением выдающихся мнений делегатов по всем, подлежавшим обсуждению съезда вопросам.

II.

Съезд делегатов в Казань и радушный прием и приют их в Казанской д. академии. Состав членов миссионерск. съезда и выводы статистич. данных съезда.

Знаменательный отселе в истории миссионерства день – 22 июля приближался. И вот первыми потянулись в Казань на долгих, поплелись на перекладных делегаты из далеких епархий дикого севера и восточной и западной Сибири, – их путь был долог и тернист, – позже тронулись в путь делегаты из южных и западных окраин, а затем и из центра Руси святой... Все почти епархии командировали не менее 3 делегатов, некоторые по 5–6 и более, многие ехали – *sua sponte*, – ради любви к св. делу миссии и из желания поучиться на съезде, услышать последнее слово, верное решение по тому или другому недоуменному вопросу.

Все это множество воинствующих мечем Слова Божия к 20 июля начало стекаться в богохранимый град Казань. По приходе каждого из многочисленных Волжских пароходов, «с Устья», где пристани, – по направлению к академии на «казанских тарантасах» по усталым крупным булыжником времен чуть ли не самого Грозного стогнам и перекресткам Казани потянулись длинною вереницею истомленные дальним путешествием, делегаты Съезда: Восточная красавица встретила их не особенно приветливо, как не желанных гостей, окутав их целыми облаками нестерпимой Казанской пыли и какой-то сонной тишиной, холодным безучастием всего окружающего... Но вот путники-миссионеры достигают противоположного конца города, где водворилась, вдали от городской суеты, духовная академия. Этот высший храм богословской науки гостеприимно отворил свои двери для делегатов Съезда, так что все деятели миссии нашли здесь себе тихое пристанище, своем роде отчий дом. о. Ректор академии, архимандрит, – (ныне Епископ) Антоний сразу же всех и каждого из приходящих ободрял духом, вводил в тон добрых взаимно-братских семейных отношений, царивших между делегатами во все время съезда, – располагал к себе и к вверенному его смотрению и водительству делу своим

непринужденно братским словом привет, своими мягкими ласкающими голубыми глазами, своим чарующим простотой обращением... Прибывшим отводились помещения в студенческих занятых и спальнях и только некоторым из наиболее представительных по положению и сану делегатов (архимандритам, протоиереям) назначались отдельные для помещения комнаты. Все разместились довольно удобно, но не просторно, хотя нужно сказать, что со стороны радушных хозяев академических, о. ректора, архим. Антония и о. инспектора, прот. Виноградова, сделано было все, чтобы обставить жизнь делегатов возможно лучше. Прибывшие вносили эконому академии 10 руб. за свое содержание на все время съезда, и получали чай и сахар. Жизнь расположена была по установленным наперед с благословения Архипастыря правилам: звонок будил в 7 ч., время до 9 ч. посвящалось участию в богослужении, которое ежедневно совершалось делегатами в домово́й церкви, и начиная и оканчивая трапезу пением общей молитвы, от 4 до 5 ч. чай вечерний, в 9 ч. ужинали, в час ночи ворота академии уже не отворялись для запоздавших почему-либо. Таким образом, почтенные делегаты, из коих многие были старцы, убеленные сединою, на время съезда, ради пользы общего дела, вступили под ферулу академического студенческого строя жизни, что не мало способствовало правильному распределению рабочего времени и деловому настроению Съезда. Всего на съезд прибыло из разных епархий и разместились в зданиях академии 198 делегатов. Весь этот «собор мног» представлял собою удивительную смесь если и не племен и наречий, то типов, характера, положения, образования съехавшихся деятелей миссии.

Здесь рядом с почтенными представителями столичного духовенства, исполненными высокого достоинства, строгой выдержки, дипломатического такта и хорошего тона, вы встречаете из глухих провинций иереев-миссионеров, не имеющих уже того торжественного столичного вида, ниже доброты ряс; у последних они, по характерному выражению В.К. С—а, имели весьма «утомленный вид»... Далее «рядом с

серебряными мундирами синодальных чиновников и виц-мундирами преподавателей Семинарии совершенно равноправно – братски поместились длиннополые сюртуки и поддевки миссионеров-начетчиков. Среди последних что ни субъект, то тип и историческая личность, в отношении перипетий своей жизни в расколе и своего обращения в лоно Церкви. Вот исполненная сосредоточенной важности и полноты телесной и душевной фигура известного миссионера слепца Шашина, (занимающего ныне должность епархиального миссионера в Ставропольской епархии, но тут же рядом воплощенное смирение, тощий изможденный, весь из нервов и костей, с потухшим усталым видом с тонким голосом – бывший бегун С-в, Ярославский миссионер: этот делегат служит для Съезда живою дороною справкой обо всем происходящем в особом мире этого странного толка и т.п.

Тот, кто лично видел и знает состав членов первых двух съездов, не мог не заметить, как видимо растет и множится качественно и количественно состав деятелей внутренней миссии. Вот какие красноречивые показания о росте миссионерства дает статистика относительно состава членов 3 миссионерского Съезда, их служебного, сословного положения и образования.

1) Ректор Казанской академии (архим. Антоний) – 1. 2) Ректор семинарии (Вятской) – 1. 3) Наставников высших учебных заведений 3, в том числе прот. Буткевич, профессор Харьковского университета, профессор Казанской Духовной академии Ивановский, и доцент Московской академии Громогласов. 4) Архимандритов – 3. 5) Протоиереев – 3. 6) Чиновников ведомства св. Синода 3, в том числе два секретаря Новгородской консистории. 7) Наблюдателей церковно-приходских школ – 2. 8) Иеромонахов – 2. 9) Епархиальн. миссионеров 43, из них духовного звания 32, в том числе 2 прот., 2 иеромонаха, остальные священники и 11-ть светск. зван. 10) Преподавателей семинарий 36 – (духовного звания 4, светск. звания 32). 11) Миссионеров священников – 20. 12) Окружных миссионеров 24, духовн. зван. 23, светск. звания (крестьянин) – 1. 13) Уездных миссионеров священников – 6. 14) Помощников

епарх. миссионеровъ 4, (духовн. звания 2, светск. зван. 2). 15) Сотрудников и миссионеров из мещан 3, из крестьян 7. 16) Священников православных – 25. 17) Единоверческих – 4. 18) Дияконов – 2. 19) Псаломщик – 1. 20) Учител. церковно-приходских школ – 2. 21) Учитель начального училища – 1.

По образованию своему прибывшие на Съезд деятели миссии разделяются следующим образом:

1) Докторов Богосл. – 1. 2) Магистров богословов – 8. 3) Кандидат. богослов. – 63. 4) Университ. образования – 2. 5) Студентов семинарий – 48. 6) Оконч. семинарский курс – 23. 7) Обучавш. в семинар. – 5. 8) Обучавшихся в духовн. училище – 1. 9) Окончивших в Учительских Сем. – 1. 10) Окончивших Гимназию – 1. 11) Окончивших в земск. школе – 1. 12) Окончивших приходск. училище – 1. 13) Из раскольников начетчиков – 23. 14) Домашнего образования – 12. 15) Обратившихся из сектантов – 1. 16) Окончивших в миссионерских школах – 4.

Обращаясь к показаниям статистики касательно числа прибывших на съезд делегатов от той или другой епархии, прежде всего нельзя не заметить, что некоторые епархии выделились из ряда совершенным отсутствием своих представителей: такова, наприим., Курская епархия, обуреваемая сектантским движением и со стороны Харьковской (Толстовщины), Полтавской, Черниговской и Киевской (штунды), а также Грузинский экзархат, где только в текущем году учреждены, но еще не замещены, должности епархиальных миссионеров, – Иркутская, Тобольская.

Наименьшее число делегатов выпадает на епархии: Подольскую – (один преподав. семинарии), Астраханскую (один епархиальный миссионер), Литовскую (один священник), Минскую (преподаватель семинарии) и из Холмо-Варшавской (протоиерей студент семинарии). Наибольшее число представителей явилось от Казанской «10», Нижегородской «8», Самарской «8», С.– Петербургской «7», Саратовской «7», Вятской «7», Московской «7», Симбирской и Ставропольской по «6».

Сравнивая за сим статистические данные, относительно количества и состава членов всех трех миссионерских съездов, бывших в 1887, 1891 и в текущем 1897 гг., видим, что членов, участвовавших на первом съезде, было только 67, на втором – 133, следовательно, число возросло в два раза; командированных епархиальными начальствами тогда было 93 лица, прибывших по собственному желанию 40, сверх того допущены к участию в съезде без права голоса 24 члена, из числа начетчиков и других ревнующих о миссии мирян. На третьем съезде число действительных членов, как замечено выше, равнялось 196, в этом числе командированных начальством делегатов было 160, и членов-добровольцев 36. Сверх того принимали участие в заседаниях съезда многие из местного Казанского городского духовенства и прибывшие из других епархий священники, а также 5 архипастырей поволжских епархий, начальник Афинской миссии архим. Сергей, профессор академии протоиерей Малов, иеромонах Андрей (из князей Ухтоломских) др. Более ста билетов было выдано на право входа в заседания съезда причастным к миссии ревнителям православия из разных сословий. Почти каждое заседание по очереди посещали бывшие на Казанских курсах учителя второклассных церковных школ. Таким образом последний съезд был наиболее многолюдным.

Оценивая статистические данные последнего съезда по существу, прежде всего нельзя не остановить внимания на том отрадном явлении, что в последнем съезде участвовали почти исключительно сведущие в миссии люди из ближайших деятелей миссионерства, в том числе 107 миссионеров, т.е. более $\frac{1}{2}$ всего состава съезда, из них епархиальных миссионеров было 43, если сюда отнести также 36 преподавателей семинарии по кафедре раскола, которые также призваны и к практическому участию в миссии (к ведению собеседований), 3 наставника духовных академий, то число вполне сведущих практических деятелей миссии – участвовавших на съезде достигнет до 146 или всего состава съезда. На прежних же съездах подавляющее число делегатов выпадало на лиц более причастных к епархиальному управлению, на единоверческих

священников и начетчиков. Последние цифры состава членов съезда красноречиво свидетельствуют в пользу той сравнительно высокой компетентности, какую обладал нынешний съезд при обсуждении вопросов расколо-сектоведения и миссионерства. Число епархиальных миссионеров (43) в истекшие 6 лет, после 2-го съезда возросло едва ли не в три раза, что в истории роста миссии представляется также весьма отрядным, хотя в то же время цифра эта приводит и к печальным выводам, указывая на отсутствие еще во многих епархиях епархиальных миссий и специальных миссионеров, особенно если принять во внимание, что в большинстве епархий имеются по два миссионера (противо-раскольничий и противо-сектантский) и тогда, следовательно, окажется, что должности епархиальных миссионеров доселе еще не открыты чуть ли не в половине епархий империи. Да и самое число 107, исчерпывающее собою почти все наличные боевые миссионерские силы нашей внутренней миссии, в свою очередь, сравнительно с обширностью миссионерской деятельности, с громадностью района распространения и расселения расколо-сектантства, а также с численностью врагов Церкви, является показателем слишком скромным, если не сказать ничтожным!... Столь незначительное число деятелей миссии наводит на самые печальные размышления о поразительной слабости состава деятелей-специалистов борьбы с расколо-сектантством, когда одна пашковщина, напр., насчитывает до 4 тысяч своих проповедников, когда в любой епархии число распространителей лжеучений раскола и сект, в звании специальных миссионеров сект, насчитывают сотни. С указанной стороны цифры всего состава миссионерского института, повторяем, должны быть весьма поучительны.

Более радуют статистические данные относительно образовательного уровня деятелей миссии. Прежде всего состав членов съезда с образовательной стороны является весьма почтенным: в нем $\frac{3}{4}$ всего числа членов (145) с полным законченным богословским образованием, в том числе 74 члена с высшим богословским образованием и ученными степенями –

доктора (1), кандидатов (64) и магистров богословия (8). В частности, из 45 епархиальных миссионеров 19 – с академическим образованием, т.е. почти половина всего числа, в том числе 3 преподавателя семинарии, исполняющие миссионерские обязанности. Из 16 специальных миссионеров-академиков – двое имеют степени магистра богословия. Достойно внимания, что из 16 епархиальных миссионеров-академиков только 3 принадлежат к противораскольничьей миссии, прочие все ведут борьбу против сект, так что противосектантская миссия стоит на бóльшей высоте относительно образовательного ценза своих деятелей, чем противораскольничья; весь контингент необразованных (45 душ начетчиков) членов съезда принадлежит к составу противораскольничьей миссии.

III. Накануне торжества открытия Съезда

Прибытие в Казань и встреча Товарища Обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера. Посещение учительских курсов и знаменательная речь. Представление членов Съезда. Предварительное совещание и выбор должностных лиц Съезда

Праздничное торжественное настроение среди членов съезда началось уже накануне радостного дня 22 июля. 21 числа ожидалось прибытие в Казань на съезд всегда и везде желанного, всем верным сынам Церкви дорогого, В.К. Саблера, исполняющего обязанности Синодального Обер-прокурора, сенатора и тайного советника. Славное во всех сферах духовного ведомства имя этого, горячо преданного интересам Церкви и духовенства сановника, особо чтится в миссионерском мире. Собравшиеся на съезд миссионеры с нетерпением ожидали прибытия на съезд В.К. Саблера не только как представителя власти и высокого сановника, но как мощного покровителя миссионерского дела и деятелей и как старейшего члена миссионерских съездов.

Бывшие на первых двух съездах живо помнят то истинно-гуманное, всех одушевлявшее двухнедельное участие В.К. Саблера в совещаниях съездов. Но светлые упования собравшихся делегатов на участие В.К. Саблера в совещаниях и нынешнего съезда были омрачены полученными сведениями, что Его превосходительство изволит прибыть в Казань только на торжество открытия съезда и на другой же день, гонимый делами службы, спешит обратно в столицу. Прискорбная весть эта в то же время носила в себе и вящее утешение для миссионеров, прибывших зреть в В.К. Саблере, – повторяем, мощного покровителя и утешителя во всех нуждах их многотрудного скорбного служения. Совершил столь далекий путь, чтобы присутствовать на открытии съезда, послужило для миссионеров новым выражением милостивого внимания высокого сановника к делу миссии и увенчивало редкое торжество миссии желанным присутствием высокого сановника к делу миссии и увенчивало редкое торжество миссии желанным присутствием высокого представителя центральной власти.

Его превосходительство изволил прибыть на Казанскую пристань «Устье» 21 июля, в 9 часов утра на Нижегородском пароходе Каменских. Встретить высокого гостя-сановника собрались члены консистории, представители городского духовенства, ректора академии и семинарии – архимандриты Антоний и Кирилл, делегаты от съезда, Управляющий губернией Г.А. Левченко, старшие чиновники особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода И.А. Изпоснов и В.М. Скворцов, старший секретарь Св. Синода П.В. Гурьев. Когда пароход причалил, на пристань прибыл приветствовать В.К. Саблера и сам маститый архипастырь Казанский, Архиепископ Владимир.

С пристани г. исполняющий обязанности обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблер отбыл в одной карете с Архиепископом в духовную семинарию на курсы учителей 2-х-классных церковно-приходских школ поволжских губерний. Здесь Его Превосходительство обратился к слушателям курсов с знаменательной речью. Речь эта имеет и свое миссионерское значение; в ней высокоталантливый оратор выяснил незаменимое значение школьного просвещения инородцев грамотою на их родном языке, по системе покойного Н.И. Ильминского, и тем как бы ответил на распространенные в самой же Казани возражения против этой системы. Теплым словом вспомянув просветительные труды Н.И. Ильминского, В.К. Саблер, вот что между прочим сказал о миссионерских задачах церковной школы и грамоты среди инородческого населения:

«Тем Церковь православная и светло красуется, что не только хранить память о высокославленном празднике Пятидесятницы, но и предоставляет невозбранно чадам своим славословить Господа каждому на своем языке. И первоучители наши, святые братья Кирилл и Мефодий, огласив храмы переводом божественных писаний и церковных песнопений на славянский язык, тем самым заповедали нам делать для других то, что они для нас сотворили. И вот, приснопамятный Николай Иванович и его достойные казанские сотрудники дали инородцам, населяющим Казань и смежные с нею губернии, переводы писаний и молитвословий на инородные языки, подготовили сотни учителей, самоотверженно преданных

учительству среди призываемых к просвещению различных инородческих племен. Особое внимание было направлено к тому, чтобы действовать на них не каким-либо исключительно внешним формальным путем; забота была иная, нужно было расположить их сердца к слышанию учения, и правильно вполне сообразно с приемами апостольской проповеди поступили Николай Иванович и его ученики. Они обратились к инородцам с речью, им родною, и инородцы поняли их. Обучаясь на родном языке грамоте, дети вместе с ем подготавливаются к изучению русского языка, чему подспорьем служит и начертание букв грамоты инородческой, мудро заимствованное у азбуки российской. Эта терпимость к языку небольшого племени являет христианскую настроенность истинных просветителей народа. Не страшиться нужно сепаратизма черемис, чувашей и вотяков, а заботиться, чтобы все эти инородцы, видя уважающую их особенности силу русской национальной идеи, тяготели к ней, как надежнейшему утверждению их собственного благополучия. Не все, конечно, признавали и признают правильность этой системы, есть иное воззрение; говорят, что легче разом покончить с инородческими наречиями и в школе преподавать только на одном русском языке. С внешней, формальной стороны такое воззрение имеет много заманчивого. Вместо обременительного для учителя двуязычия, проще вести преподавание на одном языке. Но при этом забывают, что школьное учение отнюдь не должно сводиться к одному только механическому умению читать и писать. Нет, школа имеет более сложную задачу – она должна вырабатывать у учащихся известное настроение. И прав был Николай Иванович, когда в основание своего учительского института полагал здоровое воспитательное строго-церковное начало. Повлияв на сердца воспитанников, он привил к ним доброе, цельное и твердое настроение и своим примером вдохновлял их к прохождению учительского подвига. Простой, ко всем всегда приветливый, ценитель красот богослужебного языка церковных книг, тонкий и умелый истолкователь трудных и не всем понятных мест Псалтири и иных богослужебных книг. Николай Иванович с радостью делился сокровищами своих знаний со своими

многочисленными учениками, раскрывал им очи для уразумения дорогой ему красоты родной речи. Любя ее, он и у меньших братьев не мог отрицать любви к своему языку и нисколько этой привязанности не страшился. Не пугали его самобытные чувашские или черемисские литературы, – он знал, что в наш век литературными могут быть только языки, имеющие более широкое, общечеловеческое значение, языки народов, обладающих достаточным числом людей, могущих читать произведения печатного слова. Не может быть опасен для национального единства говор на местном наречии нескольких десятков или даже сотен тысяч людей, особенно, когда к ним прививается сознание всех благ, проистекающих от изучения культурного языка народа русского, с которым они призваны к нераздельному бытию.

И этот многомиллионный народ, конечно, всегда с любовью потерпит у себя дома тихую речь исконного, как он, но более слабого насельника той же родной земли.

Добрый христианин, верный сын Церкви, Николай Иванович ясно сознавал эти начала; скажу более, начала эти одухотворяли всю его деятельность, и, конечно, нельзя не желать, чтобы руководились ими и те из вас, которым суждено будет действовать в местности с инородческим населением.

Великие светлые слова эти озаряют целый горизонт церковно-просветительной миссии нашей школы среди разноплеменного населения необъятной России.

В 5 часов вечера того же 21 июля в академическом актовом зале, где потом происходили все общие заседания съезда, состоялось представление прибывших на Съезд депутатов Его Превосходительству В.К. Саблеру. Около 200 депутатов, разделившись группами по епархиям, разместились в зале полукругом. По прибытии высокого представителя власти, раздалось стройное пение молитвы «Днесь благодать Св. Духа нас собрал». После того его превосходительство обратился к делегатам с кратким, но, как всегда, одушевленным и искренним словом приветия, в котором выразил свое удовольствие и радость, что Бог привел ему зреть «много собор отцов и братьев, ревностно подвизающихся на ниве Христовой добрым подвигом

миссионерского служения». Обходя ряды, г. Товарищ Обер-прокурора Св. Синода приветливо здоровался с членами съезда, каждому подавая руку и многих удостаивая братского лобзания и беседы.

Вслед за сим началось в академической церкви всенощное бдение, на котором величественно пел хор, организованный из членов съезда знатоком церковного пения Екатеринославским епархиальным миссионером А.Я. Дородницыным.

Искупующе дорогое время, депутаты испросили разрешение г. исполняющего обязанности обер-прокурора Св. Синода собраться в зале заседания после всеобщего бдения для взаимного ознакомления между собою и предварительного обсуждения вопроса о выборе должностных лиц съезда. В 8 часов вечера открылось настоящее собрание. Председательское место единогласно предложено было занять старейшему из членов, общему уважаемому учителю миссионеров если не с кафедры, то литературными произведениями и примером своей горячей любви к св. делу миссии, заслуженному ординарному профессору академии Н.И. Ивановскому.

При обсуждении вопроса о должностных лицах Съезда решено было, в виду, широты программы и многочисленности предстоящих занятий, избрать председателя и двух ему товарищей, а также делопроизводителя, и в помощь ему двух секретарей съезда. При выборе председателя, Съезд единогласно постановил просить радушного хозяина высокочтимого о. Ректора академии. архим. Антония принять на себя звание, труды и обязанности председателя. В товарищи председателя по отделу расколоведения также единогласно Съезд избрал местного профессора Н.И. Ивановского, а по отделу сектоведения редактора «Миссионерск. Обозрения» В.М. Скворцова. Последний, поблагодарив за высокую честь избрания, просил освободить его от ответственного положения и обязанностей товарища председателя. Тогда депутаты приступили к избранию второго товарища председателя путем баллотировки. Записками предложены к избранию были: протоиерей Буткевич, профессор богословия Харьковского университета, Казанский кафедральный протоиерей и профессор

академии о. Е.А. Малов, депутат С.-Петербургской епархии, редактор С.-Петербургского Духовного Вестника Ф.Н. Орнатский, Донской епархиальный миссионер священник, магистр богословия, Н.П. Кутепов, автор известных полемических и апологетических изданий в обличение мнимодуховных христиан, и преподаватель Ставропольской семинарии член Консистории, магистр богословия К.В. Кутепов, автор известного классического труда о хлыстах и скопцах.

За отказом от избрания протоиерея Малова и священника Орнатского, баллотировке подвергнуты были прот. Т.В. Буткевич и священник Кутепов, причем большинством голосов избранным оказался председатель Харьковского миссионерского комитета прот. Буткевич, известный в области сектоведения исследователь новейшего толстовского сектантства.

По избрании председательствующих, Съезд единогласно просил В.М. Скворцова принять на себя обязанности делопроизводителя Съезда, на что последний и согласился, а затем чрез голосование намечены были в помощь делопроизводителю секретарями съезда священник Н.П. Кутепов, доцент Московской академии И.М. Громогласов, преподаватель С.-Петербургской семинарии, известный своею миссионерскою деятельностью против Пашковщины, В.Н. Прозоров, преподаватель Кишиневской семинарии С.М. Маргаритов, автор истории сектантства и преподаватель Рязанской семинарии П.П. Добромыслов, редактор «Рязанского Миссионерского Сборника».

Во избежание утомительной процедуры баллотирования постановлено было совершить избрание секретаря из предложенных почтенных кандидатов чрез жребий. Жребий пал на П.П. Добромыслова. Позже в общем заседании 23 июля съезд, согласно ходатайству делопроизводителя В.М. Скворцова, назначить третьего секретаря съезда М.И. Макаревского, секретаря Нижегородской Консистории: так как на Н.П. Кутепова возложено было особое поручение съезда по извлечению из отчетов епархий данных об устройстве миссий и состоянии расколосектантства.

IV. 22 июля на 3 всероссийском миссионерском Съезде

Торжественное богослужение 22 июля в кафедральном соборе при участии делегатов Съезда. Молебен в академической церкви по поводу открытия Съезда. Торжественное собрание в актовом академическом зале. Речи. Трапеза.

Знаменательный день 22 июля всеми верными сынами Руси православной проводится, как благосветлый праздник тезоименитства Ее императорского Величества вдовствующей Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Которая благоговейно почитается всеми русскими людьми и в частности ревнителями православия и деятелями миссии отечественной Церкви не только как Императрица – Мать и как доблестная жизненная Спутница Незабвенного благочестивейшего Царя – Миротворца, но и как Августейшая Покровительница всероссийского православного Миссионерского Общества. Вот почему между прочим высшая духовная Власть приурочила великий праздник миссии, – торжество открытия 3-го всероссийского миссионерского Съезда к 22 июля – дню тезоименитства Августейшей Покровительницы Православного Миссионерского Общества.

Казанские торжества 22 июля начались в 9 ч. утра в кафедральном соборе, величественным отправлением Божественной литургии, которую совершил маститый старец – Архиепископ Казанский и Свияжский Владимир, в сослужении двух родных братьев епископов, – Туркестанского Анастасия (бывшего викария Казанского) Алексия Вятского, – восьми архимандритов, митроносца – кафедрального протоиерея о. Малова и 3 иереев. В служении Царского молебна о здравии Августейшей Именинницы приняли участие, прибывший на съезд епископ Оренбургский Владимир и более 50 душ делегатов Съезда иноческого и священнического сана. Прочие делегаты участвовали в богослужении в академической церкви. Собор был переполнен молящимися, все были умилены чудным мелодичным пением по древним напевам учителей – курсистов.

Богослужение окончилось в половине первого часа. Тотчас после литургии, Архипастыри, духовенство, делегаты Съезда, представители местных правительственных учреждений из Казанского Кремля направились в академию на торжество открытия Съезда, туда же потянулись и толпы горожан. На молебен в академический храм по возможности впускали всех желающих, но во избежание скопления многолюдной толпы в актовом зале вход на торжественное заседание был ограничен выдачей особых билетов. В ожидании первосвященителя Казанской церкви, около ста делегатов Съезда священнического чина облачились в светлые ризы. Около двух часов прибыл Архиепископ Владимир с прочими епископами, встреченный многочисленным сонмом миссионеров, при пении «исполла». Начался молебен Св. Троице, изливавшей в день пятидесятницы благодатные дары Св. Духа на первых миссионеров Евангелия – св. апостолов. Не только академическая церковь, но весь здешний храм высшей богословской науки исполнился велегласного могучего одушевленного пения столь многочисленного лика миссионеров. Священный восторг объял всех присутствующих, а миссионеров в особенности. Ведь так долго, с таким томительным нетерпением ждали Съезда все скорбящие и обремененные деятели миссии (а кто из миссионеров не преогорчеваем!). – И вот совершается первый священный акт Съезда, – он открывается молитвою... Умиленною, слезною молитвою благодарения и прошения молились миссионеры...

Молебен закончился провозглашением многолетия миссионерам – веропроповедникам и всем членам 3-го всероссийского Миссионерского Съезда».

Приложившись к св. Кресту, делегаты, во главе с почетными гостями, из храма попарно направились из главного академического корпуса чрез двор в так называемый восточный корпус – в актовую залу заседаний, при общем пении «Пресвятая Троице, Боже наш, слава Тебе...». Длинною разноцветною лентою вытянулось торжественное шествие воинов Церкви Христовой, предводительствуемых воистину передовым поборником православия, В.К. Саблером,

замыкалось собором святителей, архимандритов, облаченных в мантии. Трогательное громогласное пение, как бы вырвавшись на волю из-под мрачных сводов академического здания, огласило воздух далеко во всех окрест лежащих стогнах града Казани. Народ, стоявший за оградой академической плотной стеною, обнажил головы и молитвенно с умилением созерцал небывалое еще в Казани столь многочисленное соборище лиц духовного чина.

При входе иерархов в зал, миссионеры запели молитву «Днесь благодать», а после того началось представление членов Съезда Казанскому Архипастырю. Обычно ласковый, владыка особенно был приветлив к собравшимся под его покровительство членам съезда: преподавая благословение, каждого лобызал и многих удостаивал краткой беседы и расспросов.

Познакомившись с делегатами, маститый старец-архипастырь, не смотря на утомление от понесенных при долгом, торжественном богослужении трудов, бодро взошел на кафедру и громко прочитал указ Св. Синода об учреждении 3-го миссионерского съезда, который и объявил открытым. Призвав благословение Божие на предстоящие труды съезда, владыка выразил искреннюю радость, что ему, на склоне лет своего служения Церкви, Бог судил видеть и принимать, как дорогих гостей, столь многочисленный собор поборников православия и искусных ратоборцев с врагами отечественной Церкви. Вслед затем архипастырь-миссионер в простой задушевной отеческой беседе вспомнул о состоянии миссионерского дела в России в те времена, когда он сам подвизался на том же поприще.

«С позволения вашего, отцы и братия, – так приблизительно говорил владыка, – хотелось бы мне припомнить пред вами те времена, когда я, в молодые еще годы, сам был призван к миссионерской деятельности. Это было давно, назад тому лет слишком тридцать. О миссионерстве и миссионерах в том виде как мы представляем их теперь, тогда мало кто имел в обществе понятия; только на окраинах России, в странах языческих начинали появляться миссионеры, из которых вышли такие апостолы, каков приснопамятный святитель Иннокентий

Камчатский, впоследствии митрополит Московский. Но это были одинокие деятели миссии, – на них почти не обращалось внимания со стороны клясть имущих. Но вот, в 60 годах образовался в Москве, по инициативе и под непосредственным покровительством протоиерея Лаврова, небольшой кружок ревнителей распространения, утверждения и охранения чистоты православия в России; кружок этот в первый раз стал называться «миссионерским обществом». Но это общество долгое время оставалось почти без средств и без членов: все общество сосредоточивалось почти в одном лице о. Лаврова, который бегал по богатым домам столицы, собирая подаяния на дело миссии, забота и деятельность которой сосредоточивались исключительно на одной Алтайской миссии. Тогда-то был призван к миссионерской деятельности на Алтае и не могу умолчать, что отправлялся в глушь Сибири объятый и радостью, и великим страхом. Я радовался потому, что призвание согласовалось с моим сердечным расположением; страшился же того, что знал крайнюю беспомощность Алтайской мощи. Одна надежда была – на Бога и надежда была не напрасна.

Но ведь и Алтайская миссия, как и Камчатская, вела борьбу с внешними, так сказать, врагами – язычниками, а не внутренними, с какими боретесь вы, досточтимые отцы и братия; с крестом в руках, ограждая пределы святой Церкви от вторжения язычества, она в то же время упорно проникала вперед и теперь идет – в мрачную глубину языческих дебрей. Вы же призваны к другому роду миссионерской деятельности: к изгнанию из пределов родной Церкви и отечества внутренних, более, чем язычество, злых врагов–раскольников и сектантов. В этом виде, повторяю, миссионерства в 60-хъ годах не было, и никто о нем не помышлял. И как радостно подумать, что, наконец, у нас обращено внимание и на борьбу с внутренними врагами, нападающими на православие с яростью диких зверей! Как утешительно видеть в лице вас, возлюбленные отцы и братия, столь почтенный сонм пастырей и ревнителей церковных, готовых по первому призыву идти в вертоград Христов на жатву многу! Не менее радостно и утешительно и сознание того, что вы выступаете теперь на борьбу хотя и с

сильными врагами православия, но вооруженные и образованием, и опытом, и не без нравственной и материальной поддержки власти, как прежние ваши братия – миссионеры. О живой заботе о вас свидетельствует ваш съезд участие в нем высокого представителя власти В.К. Саблера, который при всех своих многосложных занятиях нашел время, так сказать, «сбегать» на два денька из Питера в Казань. Да, хорошо, что ныне благотельное Правительство разрешает и Святейший Синод благословляет вам по временам собираться вместе в одно место, чтобы составить, так сказать, одну могущественную грозную для врагов силу, чтобы выработать общий план борьбы, чтобы обмениваться мыслями, поправить ошибки одних опытом других, разрешить встречающиеся в борьбе недоразумения. Два раза уже с этой целью вы собирались в Москве и вот в третий раз собрались в Казани. Ничего подобного в наши времена не было, мы работали на ниве Христовой в одиночку. И с этой стороны вы счастливее миссионеров 60 и 70 годов и это служит для меня и для всех интересующихся делом миссионерства поводом к величайшей радости и невольно в душе зарождаются новые позывы к благодарению премилосердного Бога. Да благословит вас, отцы и братия, Господь Бог на предстоящие труды и да поможет вам решить с успехом все задачи, какие предначертаны к решению на нынешнем съезде».

Па задушевные слова архипастыря съезд ответил единодушным пением «Исполла эти». Вслед затем, приняв архипастырское благословение от высокопреосвященного Владимира, на кафедру взошел сенатор В.К. Саблер и обратился к съезду с вышеналечатанною пространною речью, которую говорил наизусть с тем неподдельным одушевлением, и высоким ораторским искусством, какими отличаются всегда увлекательные речи этого сановника. Когда оратор окончил свою теплую поминку по недавним усопшим деятелям миссии, все присутствующие поднялись с своих мест и пропели «Вечная память"... Тихо – мелодично раздались слова молитвенного гимна в память почивших, и невольно почувствовалось близкое родство, непрерывающееся общение нынешних живых деятелей с почившими и живо воскресли в душе дорогие образы

бескорыстных тружеников миссии, первенствовавших на 2-м съезде, о. архим. Павла, прот. о. В. Нильского и др. ... Между тем снова полилось вдохновенное слово высокого оратора, – слово привет, утешения и назидания миссионерам. Глубокотронутые речью представителя власти и одушевленные словами задушевного его привет – слушатели-миссионеры, по окончании речи, пропели его превосходительству «многая лета». Тогда на кафедру вошел член съезда, редактор-издатель «Миссионерского Обозрения», ст. сов. В.М. Скворцов, и по поручению съезда обратился к архиепископу Владимиру и г. Товарищу Обер-прокурора с следующими словами:

«Ваше высокопреосвященство и ваше превосходительство! Знаменательное в истории миссии торжество открытия 3-го всероссийского миссионерского съезда счастливо совпало с обще-радостным днем тезоименитства Ее Императорского Величества, вдовствующей Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Всемиловитвейшей и Августейшей Покровительницы православного миссионерского общества. Собравшиеся на съезд со всех концов необъятной Руси миссионеры иноческого, священнического и мирского чина, движимые чувством беспредельной любви к своему обожаемому Монарху, Всемиловитвейшему Покровителю миссии отечественной Церкви, дерзают почтительнейше просить ваше высокопреосвященство и ваше превосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества верноподданнические чувства миссионеров и усерднейшие поздравления с Августейшею Именинницею. А вместе с тем миссионеры ходатайствуют повергнуть верноподданнические чувства усерднейшего поздравления миссионеров и Августейшей Имениннице, обожаемой Царице-Матери, – всемиловитвейшей Покровительнице православного миссионерского общества». В ответ на это патриотическое заявление съезда, всеми присутствующими был исполнен народный гимн «Боже, Царя храни» и зала огласилась одушевленными криками «ура». После чего В.М. Скворцов доложил также о ходатайстве Съезда послать телеграммы высокопреосвященному митрополиту Палладию с просьбою об архипастырском благословении

деятелям миссии, собравшимся в родной ему Казанской академии, а также г. Обер-прокурору Св. Синода статс-секретарю К.П. Победоносцеву с выражением чувств глубочайшего почитания и горячей признательности миссионеров за его всегдашнее живое попечение о нуждах миссии и ее деятелей. Предложение принято было радостно при пении «многая лета» высокопреосвященному Палладию и его высокопревосходительству К.П. Победоносцеву. По предложению В.К. Саблера «многая лета» было пропето архиепископу Владимиру и присутствующим архипастырям, почтившим торжество открытия съезда своим посещением, а также г. начальнику губернии, архим. Антонию и проф. Н.И. Ивановскому, много потрудившимся над подготовкой к съезду. Высокопреосвященный Владимир провозгласил «многая лета» В.К. Саблеру, удостоившему съезд своим посещением и осчастливившему членов глубоко-назидательным словом, а также и всем делегатам съезда. Настоящее торжественное заседание Съезда было закончено пением молитвы «Достойно» в 4 ч. дня.

Из залы заседания все собрание, вместе с архипастырями и товарищем обер-прокурора Св. Синода, сначала проследовало в академический сад, чтобы сняться здесь на общую фотографическую карточку, и затем в студенческую столовую, где уготована была для всех общая трапеза. И высокопоставленные лица, убеленные сединою старцы–архипастыри, и члены съезда, и студенты, оставшиеся на каникулы, – все, по-студенчески, сели за трапезные столы академической столовой на простых скамьях. Общим пением молитвы и благословением архипастырским началась эта воистину братская трапеза и также окончилась. Все с миром и признательностью радушным и распорядительным хозяевам академии, напिताвшим более 250 душ алчущих гостей, разошлись на отдохновение до 6 часов вечера, когда назначено было первое заседание съезда и начало деловых его совещаний.

После трапезы высокопреосвященным Владимиром и сенатором В.К. Саблером отправлены были выше напечатанные

Высочайшие телеграммы Их Величествам, а также и митрополиту Палладию и г. Обер-прокурору Св. Синода.

V. Первое общее заседание 3-го всероссийского миссионерского Съезда

Руководственные указания В.К. Саблера. – Речи проф. Н.И. Ивановского и В.М. Скворцова. – Программа хода совещаний общих собраний и занятий комиссий. – Образование комиссий. – Рефераты и недоуменные вопросы. – Прощание членов съезда с В.К. Саблером. – Речь прот. Буткевича и ответные слова В.К. Саблера.

Вечером того же 22-го июля в 6 часов вечера состоялось первое общее заседание съезда. Председательские кресла заняли о. архим. Антоний и почтенные профессора Н.И. Ивановский и о. протоиерей Т.В. Буткевич. Напротив их заняли места почетные гости, в том числе товарищ обер-прокурора Св. Синода сенатор В.К. Саблер, епископы Оренбургский Владимир и Вятский Алексей. По бокам присутственного стола разместились делопроизводитель В.М. Скворцов и его помощники секретари съезда. Делегаты съезда полукругом расселись на стульях и скамьях. Обширный актовый зал, украшенный портретами бывших ректоров и архипастырей казанских, был переполнен членами съезда и духовенством городским; на хорах поместились допущенные в заседания съезда по билетам ревнители православия, интересующиеся делом миссии обоего пола, а также студенты и многие профессора Академии. После пения молитвы Св. Духу, на кафедру вошел В.К. Саблер и высказал Съезду руководственные указания относительно того, чтобы, в интересах наиболее успешного хода совещаний третьего съезда, сохранялась преемственная связь между постановлениями двух бывших уже в Москве миссионерских съездов с настоящим. Для доставления же съезду нужных справок, относительно документальных данных синодального делопроизводства по делу о съездах, командирован в Казань старший секретарь канцелярии Св. Синода П.В. Гурьев. В заключение его превосходительство выразил уверенность, что 3-й съезд благоуспешно поведет и окончит свои занятия и прольет новый

свет на условия, благоприятствующие делу внутренней миссии, а равно и выяснить обстоятельства, тормозящие поступательное движение этого великого и важного для Церкви нашей служения.

Затем, на кафедру вошел маститый профессор известный ученый расколовед и миссионер-практик Н.И. Ивановский и обратился к съезду с вышенапечатанною в настоящей книжке «Мисс. Обзорения» речью, в которой изложил общие задачи и характер предстоящих занятий третьего всероссийского миссионерского съезда в Казани. Деловая, исполненная любви к делу и сердечного братского благожелания к деятелям речь общего учителя и старшего друга миссионеров выслушана была с напряженным вниманием и полною признательностью.

Вслед затем кафедру занял делопроизводитель съезда, редактор «Миссионерского Обзорения» В.М. Скворцов, и предложил внимание съезда также вышенапечатанную речь – реферат на тему о церковно-общественном и государственном значении внутренней миссии. Речь эта, представляя собою результат пережитого опыта и широких наблюдений в области сектоведения, произнесена была с большим одушевлением и горячею убежденностью. Оратор был награжден долго не смолкавшими дружными аплодисментами почтенной аудитории.

Затем съездом была заслушана и одобрена, отредактированная проф. Н.И. Ивановским применительно к программе Св. Синода, программа хода совещаний общих собраний съезда и занятой частных его комиссий. Последние было решено организовать, в виду широты программы и той массы подлежащего обсуждению съезда материала, который накопился в течение истекшего шестилетия. Многие пастыри и деятели миссии, не имея возможности лично прибыть на съезд, прислали письменные заявления по разным недоуменным вопросам, прося у Съезда компетентного разъяснения таковых. Прибывшие члены заносили в программу все новые и новые предметы, желая их освещения и обсуждения на съезде, многие вручали рефераты, а представители всех епархий – официальные отзывы о состоянии расколосектантства в епархиях, об устройстве миссии и о нуждах последней. Фолианты эти составили пуды бумажного материала. Ясно было,

что Съезд в общих своих заседаниях не будет иметь времени и возможности рассмотреть всю серию вопросов и поставить соответствующие решения по всем намеченным пунктам программы. А потому представлялось единственно целесообразным передать детальную разработку крупных и сложных вопросов в отдельный комиссии специалистов. Таких комиссий организовано было семь, а именно: 1) комиссии по вопросам о *единоверии* под председательством иеромонаха – единоверца о. Мины (бывшего в мире Шустова) и священника о. С. Маркова, в качестве товарища председателя. Комиссии этой предложено было обсудить несколько вопросов церковной дисциплины и существующей в единоверии церковно-приходской практики в отношении к коренным правилам о единоверии и епархиальным учреждениям в целях вящего и административного единения этих приходов и церквей с общеправославною церковною жизнью, управлением и наилучшей постановки просветительных условий церковной жизни единоверческих приходов.

2) Комиссия по разработке вопросов о *правах и обязанностях миссионеров*, под председательством депутата Петербургской епархии о. Ф.Н. Орнатского. На эту же комиссию возложено пересмотреть и дополнить сообразно с новейшими потребностями миссии составленные на 1-м миссионерском съезде «правила о комиссиях».

3) Комиссия по *пересмотру каталога книг для миссионерских противораскольничьих и противосектантских библиотек и одобрению новых миссионерских изданий*, под председательством Полтавского епархиального наблюдателя и миссионера о. И.Л. Ольшевского и свящ. о. С. Маркова.

4) Комиссия *преподавательская* по разработке вопроса о наилучшей постановке преподавания истории и обличения расколосектантства в семинариях, – под председательством священника о. К.В. Кутепова.

5) Комиссия о *постановке преподавания Закона Божия в начальных школах селений, зараженных расколосектантством*, под председательством епархиального наблюдателя церковных

школ Самарской епархии, бывшего миссионера о. А.Л. Матюшенского.

6) Комиссия по разработке вопросов о новейшем сектантстве под председательством протоиерея Т.В. Буткевича и В.М. Скворцова, в качестве его товарища.

7) Комиссия по разрешению недоуменных вопросов, встречающихся в практике противосектантских миссионеров, под председательством о. ректора академии, архим. Антония.

В комиссию по вопросам о сектантстве переданы были для рассмотрения и систематизации доставленные съезду официальные отзывы о состоянии раскола и сект в епархиях и об устройстве миссий, а также для заключений и все рефераты делегатов съезда. В числе наиболее выдающихся рефератов отметим следующее: 1) Доклад Екатеринославского миссионера А.Я. Дородницына *о секте адвентистов*. 2) преподавателя С.-Петербургской семинарии В.Н. Прозорова и Тверской семинарии М.А. Виноградова *о пашковщине* и 3) протоиерея Буткевича *о толстовщине*; 4) пространно мотивированное предложение Таврического миссионерского комитета, который, с благословения преосвящ. Михаила, желает знать мнение съезда, – справедливо ли он признал *штундист-сними баптистические толки* в с. Ново-Васильевке, Астраханке, Ново-Спасском, а толки – Тамбовской, Владимирской, прыгунский и 1-й Донской в с. Ново-Васильевке – *молоканскими*. 5) Доклад Псковского миссионера о. Попова *о секте Еленушки*. 6) Сообщение Корельского миссионера, который просил съезд определить, к какому разряду сект причислить секту *ушковайзет*. 7) Доклад Херсонского миссионера М.А. Кальнева, по вопросу *о заботах миссии относительно религиозно-нравственного состояния рабочих на фабриках и заводах*; 8) Его же доклад *о важном миссионерском значении народного паломничества, которым вожаки сектантства удачно пользуются для своих целей*. 9) Доклад Херсонского окружного миссионера, свящ. о. Станиславского, *по вопросу о мерах к улучшению иконной живописи и устранению соблазнительных видов торговли иконами*; 10) Сообщение В.И. Скворцова *о секте малеванщине*; 11) Сообщение Самарского епархиального

миссионера о. Александрова о секте белоризцев; 12) другого Самарского миссионера о. Кесарева – о секте мормонов; 13) Доклад Екатеринославского миссионера, А.Я. Дородницына, о крестящемся меннонитском братстве; 14) Сообщение Смоленского миссионера об учреждении Сычевского миссионерского кружка и отчет о деятельности одного в деле борьбы с расколом в епархии; 15) Отчет о своей деятельности о. Михаила Матюшинского и меры против сектантства; 16) Доклад миссионера Нижегородской епархии Круглова об угрожающем состоянии раскола в епархии, благодаря попустительству властей незаконных деяний со стороны расколо-вождей; 17) Предложение преподавателя Донской семинарии Е. Овсяникова о введении в курс преподавания в епархиальных женских училищах науки истории и обличения русского раскола и сектантства; 18) Предложение Херсонского епархиального миссионера М.А. Кальнева относительно ходатайства о присвоении епархиальным миссионерам соответствующей казенной печати для беспрепятственной официальной переписки по делам миссии. 20) Заявление миссионеров Кишиневской епархии о необходимости ходатайствовать пред правительством об уравнивании в правах старообрядцев Измаильского уезда со старообрядцами всей Империи. 21) Записка Киевской консистории о состоянии и деятельности противосектантской миссии в Киевской епархии с проектом новых противосектантских мер, и многие другие

В комиссии по разрешению недоуменных вопросов в области противосектантской миссионерской практики внесена была целая серия вопросов, так что эта комиссия, собираясь чаще других, однако не успела разрешить всех поставленных миссионерами возражений, которые им приходится встречать со стороны сектантских совопросников. В числе наиболее серьезных возражений отметим, между прочим, следующие:

1) Сектанты недоумевают, почему спасение возможно только в Церкви православной, когда в ней есть члены порочные, между тем как сектанты ведут жизнь добродетельную?

2) Согласна ли с благостью Божией вечность мучений?

- 3) Вопрос о молитве по самоубийцам и погребении таковых.
- 4) Пророк Малахия в главе IV, 5 говорит: «Вот я пошлю к вам пророка Илию пред наступлением дня Господня, великого и страшного». Какой день разуместь: 1 или 2 пришествия Господня? Если 1-го, то чем доказать от Писания Ветхого Завета, что можно под лицом Илии разуместь Иоанна Предтечу?
- 5) Господь Иисус Христос сказал (Мф.5:43): «Вы слышали, что сказано: Люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего» и сделана ссылка на книгу (Лев.19:17–18), между тем в указанном месте этих слов нет. Как сие примирить?
- 6) Ел ли Иисус Христос Пасхального Агнца в последнюю вечерю? и потом: Сам приобщался ли Своего Тела и Крови при установлении Таинства?
- 7) Как понимать слова (1Кор.15:29) «для чего крестятся для мертвых»?
- 8) Что освящается в таинстве брака, если первородный грех передается христианскими родителями детям в плотском семени? (Догматика Сильвестра)?
- 9) Можно ли бабке, при угрожающей смертной опасности, окрестить младенца в утробе матери, когда голова рождаемого уже показалась или свободилась из ложесна родильницы?
- 10) Если Церковью разрешается третий брак, то почему не разрешается 4-й, 5-й?
- 11) Как понимать слова Писания: «Всяк рожденный от Бога не согрешает» (Ин.3:9; 5:17).
- 12) Как совместить с святостью апостолов слова св. апостола Павла: «Человек я грешный»?
- 13) Изъяснение слов посл. апостола (Ин.5:16, 17): «есть грех смерти»?
- 14) Как согласить слова апостола Павла (Рим.7:25) «живущий во мне грех» со словами ап. (Ин.1:7) ... – «кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха» и посл. (2:2): «Он есть умиловление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира»?
- 15) Можно ли вынимать часть на проскомидии, служить литургию и сорокоуст за умершего в расколе?

16) Протестант, не присоединившись к православно. Церкви чрез миропомазание, 18 лет исповедовался и приобщался св. Таин умер скоропостижно, православная жена желала бы, чтобы отпевание было совершено в правосл. Церкви. Местный пастырь официально заявил протест. Кто прав?

17) Христос, похваляя неправедного домоправителя, не дает ли право так всем поступать (Лк.16:1–9)?

18) По поводу противоречий в догматических системах митроп. Макария и еп. Сильвестра по вопросу о происхождении души.

19) По поводу возражений штундистов, требующих указать основания из св. Писания, почему в православной Церкви разделяют пищу постную и скоромную и почему в пост запрещается есть яйца и молоко, а разрешается рыба, в которой есть кровь?

20) Один мальчик причащался св. Таин несколько раз, после оказалось, что он не был крещен, – что с ним делать?

21) Отправлять ли в православной Церкви молитвословия за лютеран и католиков?

22) Разбор возражений раскольников и сектантов по поводу догмата Православной Церкви о почитании мощей и многие другие.

Комиссия выслушивала мнения решения миссионеров, которые часто вступали в примерное собеседование, причем один изображал из себя сектантского совопросника, другой защитника православного учения, и указывала наиболее верные способы и приемы решений сектантских возражений. Заседания комиссии этой посещались всегда большинством членов съезда.

Не мало внесено было на разрешение съезда недоуменных вопросов и из противораскольничьей практики. Вопросы эти отчасти разрешались в единоверческой комиссии, отчасти в общих заседаниях.

Относительно распределения времени дня постановлено было общие заседания иметь утром от 9 ч. до 1 дня, с коротким перерывом в 11 ч., а от 5 часов до 7 и от 7–9 ч. вечера заседания комиссии, по соглашению председателей комиссии и съезда, о чем всегда наперед доводилось до сведения членов

съезда чрез вывешивание объявлений. Нередко комиссии заседали еще после ужина от 9 до 11 ч. ночи. Комиссии назначались так, чтобы дать возможность всем интересующимся членам съезда посещать их заседания.

В том же заседании съезд выслушал и единодушно с признательностью принял предложение своего досточтимого о. председателя о ежедневном во все время съезда отправлении по желанию членами съезда священного сана, богослужения в академической Церкви. «Все наши человеческие усилия об изыскании мер и способов к обращению отпадших грешников от их пути заблуждения на путь покаяния и спасения, – говорил о. председатель, – не будут благодотны, без особой помощи Божией, а потому при наших занятиях особенно благовременна и к Господу Богу при совершении бескровной Жертвы». На призыв о. ректора многие изъявили сердечное желание принять участие в богослужении, для чего и была установлена очередь.

Конец первого заседания посвящен был прощанию членов съезда с его превосходительством В.К. Саблером, который имел отбыть из Казани утром 23 июля. По поручению съезда, товарищ председателя протоиерей Т.В. Буткевич, взошедши на кафедру, обратился к отбывающему высокому посетителю съезда и покровителю миссионерства со следующей речью:

Честные отцы и братия!

Я очень счастлив, что на мою долю выпало – высказать здесь то, что несомненно каждый питает в своей душе и что многие из вас сумели бы высказать лучше меня.

Казанский Архипастырь справедливо заметил, что 33 года тому назад внутренней миссионерской деятельности в нашей Церкви почти не существовало. Но до внутренней ли миссии было тогда? Ведь то было ужасное время 60-х годов, закончившееся страшным событием 1-го марта 1881 года; то было время, когда наша господствующая Православная Церковь испытывала тяжкое гонение не от правительства, конечно, а от того грубого неверия, которое бурным потоком разливалось по всему необъятному пространству нашего отечества и омрачало умы многих русских людей; то было время, когда действительно легко мысленным поклонникам запада могло казаться, что наша

Церковь отжила свой век, что величественное здание ее близко к падению, что подточены самые корни того ветвистого дерева, которое чудесно возросло из евангельского зерна.

Но для блага и счастья России Господь даровал нам великого, незабвенного, истиннорусского и истинно-православного Царя, Который всей душой был предан Православной Церкви, безгранично любил ее и в ней видел источник счастья Своего народа. Его сердце всегда было *в руке Божьей*, – и мы веруем, что в это драгоценное сердце была вложена Господом мысль – возложить внешние заботы о благе Церкви на человека единомысленного Царю, по преданности Церкви и беспредельной любви к России. Настало благоприятное время, чтобы обнаружилось благотворное влияние Церкви на народную жизнь. Явились церковно-приходские школы; положено твердое начало для развития миссионерской деятельности. Об одном скорбим мы все, – что преданность Церкви и заботы о благе народа русского для этого Сотрудника Царского сопровождаются многими скорбями и огорчениями, ибо все явные и скрытные враги Церкви теперь стали и его врагами. Труды его, без сомнения, облегчаются только тем, что Господь указал ему товарища и помощника, равного ему по любви к нашей Православной Церкви и по беспредельной преданности Государю.

Ваше Превосходительство, глубоко уважаемый Владимир Карлович! Все мы знаем, как горячо любите Вы нашу Православную Церковь и как беспредельно Вы преданы ей. Ведь всякое отрадное явление в церковно-общественной жизни связано неразрывно с Вашим именем. Близкие к Вам люди уверяли нас, что, по своим многосложным обязанностям, в настоящее время Вы не можете быть среди нас, – и однако же Вы нашли возможность хотя на короткое время прибыть сюда, чтобы ободрить нас. Ваше присутствие для нас дорого: оно воодушевляет нас к предстоящим нашим занятиям. В Вашем лице мы имеем могущественную опору, в Вашем лице мы видим того, кто услышит наш голос, на кого мы можем возложить свои надежды и чаяния. Понятно, как грустно нам думать, что Вы скоро должны нас оставить! Утешаем мы себя только тем, что и

в короткое время своего пребывания среди нас Вы успели выяснить нам наши задачи и указали нам путь, которым их занятиях, что вы оставляете среди нас многоуважаемого Василия Михайловича Скворцова, которому как ближайшему исполнителю по делам сектантства мудрых предначертаний г. Обер-прокурора св. Синода и его достойного товарища, без сомнения, известны взгляды и желания высшей духовной власти.

Ваше Превосходительство! Уезжайте же от нас, по крайней мере, с уверенностью, что каждый из нас питает к особь Вашей чувства беспредельного уважения, любви и благодарности. За Вашу преданность нашей Православной Церкви, за Ваше содействие нашему миссионерскому делу, как русские люди, мы говорим Вам великое русское спасибо, а как служители алтаря Господня, единодушно возносим Богу молитву: Господи! ради блага Святой Твоей Церкви храни Его на многие и многие лета!

В.К. Саблер был глубоко тронут и видимо взволнован столь сердечно выраженными от имени съезда чувствами. Взошедши на кафедру, Его Превосходительство с свойственным ему красноречием и теплотой чувства ответил на речь съезду приблизительно в таких словах: «Я смущен, отцы и братия, теми речами, которые высказаны мне от имени съезда. Если я и богат теми впечатлениями, которые вы мне приписываете, то я их приобрел в живом общении с добрыми пастырями Церкви. И мне, душевно говорю, грустно, что неотложные дела службы вынуждают меня так скоро оставить близкий моему сердцу ваш миссионерский съезд, но я утешен тем, что увидел и убедился, как широко и успешно возрастает идея миссионерства. Из сейчас рассмотренных вопросов, подлежащих обсуждению съезда, я вижу, как много пользы делу должны принести предстоящие ваши совещания и решения... И как отрадно видеть, что современная церковная жизнь бьет живым ключом, что возрастают ряды бескорыстных самоотверженных тружеников на ниве Церковной, которые не гонятся за чинами и отличиями или деньгами, и подвизаются не ради прибытка или корысти, а во имя высоко-христианской идеи духовного спасения ближних, терпеливо неся бремя тяжелых трудов ради Христа... Здесь вы,

почтенные мужи и братия, трудитесь на пользу Церкви и просвещения народа, там (разумея – на учительских курсах) готовятся помощники пастырям – учителя народных школ церковных, с величайшим усердием в св. труде не чувствуя усталости даже в такую жаркую пору, дорожа каждою минутою... На московских курсах учителя сами, за 70 верст телеграммой вызвали учителя пения, уехавшего на праздники, чтобы заниматься после обеда... Какая жажда знания! Святая жажда! Плоды их вы сами ныне воочию узрели в соборе, – в этом чудном мелодичном пении литургии... Да, всеми чувствуется подъем церковной жизни, усиление живой проповеди... Слава и честь архипастырям, воздвигающим на служение добрых пастырей и поддерживающим в них огонь святой ревности и по делу Божьему... И, как знаменательно, что вы собрались на 3-й миссионерский съезд в стенах храма науки – духовной академии! Какое доброе знамение времени! Духовная высшая наука не чуждается практической церковной жизни, не замыкается в скорлупу прежней схоластики, а идет на помощь и на встречу пастырской практике. И вы, практические деятели миссионерского дела, находите не только приют, но и руководство мужей науки – профессоров, ставших во главе съезда... Душевно благодарен за выраженные чувства. И всем нам дорогой Константин Петрович не своим силам приписывает плоды достигнутых успехов в церковной жизни, а людям, которые заботятся не себе угодить, а Богу... Да будет навсегда памятен мне знаменательный день открытия 3-го всероссийского миссионерского съезда...».

Оговариваемся, что наша передача задушевной импровизации высокого оратора-сановника, произведшей умиляющее впечатление на всех слушателей, дает лишь слабый очерк мыслей и выражений ответной речи В.К. Саблера съезду.

Напутствуемый общими сердечными благожеланиями, при пении «многая лета» В.К. Саблер отбыл из залы заседаний. Миссионеры с пением проводили бесценного покровителя миссию до коляски.

На другой день на пристань выехали проводить его превосходительство должностные лица съезда, во главе с

своими председателями и многие из миссионеров.

VI. Направление и характер совещаний съезда и предметы занятий общих его заседаний

Отличительною чертою в направлении и характере совещаний нынешнего миссионерского съезда было, по-видимому, преобладание *дидактической стороны над академическою*. Хотя, как ниже увидит читатель, съезд коснулся и поставил свои решения по многим принципиальным вопросам в области сектоведения и миссионерства, тем не менее нужно сказать, что бóльшее тяготение было в сторону миссионерской практики, – к обсуждению мер духовного действия и к усвоению съехавшимися деятелями миссии наилучших методических способов и приемов обличения заблуждений раскола и сект. Так что о результатах нынешнего съезда менее всего можно судить по печатным сообщениям, или протокольным данным. Тех в высшей степени практических полезных деталей и характерных подробностей, живой передач фактов и наблюдений, словом, всей картины совещаний никакое перо не в состоянии оттенить и изобразить.

По окончании заседаний многие высказывали сожаление, что съезд не догадался запастись стенографом, чтобы, так сказать, фотографически сохранить и передать все сокровища дебатов, так много в них было многоценного.

В этом отношении, состоявшийся съезд, действительно, представлял собою высшую практическую миссионерскую школу, или вернее – *suí generis* – курсы, где все учились друг у друга и каждый был учителем других в том вопросе, в каком сам был наиболее сведущ и опытен, чтобы затем тут же сделаться учеником и слушателем опытнейших... Все дни заседания съезда погода стояла и в Казани пасмурная и холодная, опустевший на лето город совсем казался теперь сонным. Но под сводами академии, в братской двухсот членной миссионерской семье жизнь кипела ключом, царило с утра до глубокой ночи чрезвычайное одушевление, особый подъем духа и энергии... Утро... Все миссионеры давно уж бодрствуют, хотя и легли – то уже преполовинившейся ночи... Помолились за

литургией, напились и чаю. Ожидается звонок на заседание; группы снуют по длинным коридорам, по аллеям сада, оживленно обсуждая что-то при энергической жестикуляции. Вокруг только и слышится главнейшая терминология миссионерского лексикона: если долетают до вас слова, штунда, пашковщина, толстовщина, – это несомненно беседуют члены сектантской комиссии; если – раскол, клятвы собора 1667 г., двоеперстие, сила привычки, обычай, догнать, обряд, – это члены единоверческой комиссии, самой бурной и неподатливой полемизируют... В приемной канцелярии съезда у делопроизводителя уже с 8 часов картина некоего торжища: кто справку требует, кто дает свое сообщение, с просьбою занести его в журналы съезда, кто книжки свои вносит на рассмотрение *библиографической* комиссии, кто докладывает редактору свои *ria desideria* на счет «Миссионерского Обозрения». Такое же зрелище в канцелярии можно было видеть от 4 до 5 час... Но вот бьет и звонок. Все, как студенты на лекции к любимому профессору, спешат в зал заседаний. Под мышкою почти у каждого, особенно же у преподавателей семинарий, почтенного объема записные тетради, у многих библии, а у единоверцев деяния собора 1667 г. или изъяснение св. Синода об обрядах и другие настольные справочные издания миссионерского обихода... Иногда можно было некоторых видеть с папками и ящиками, наполненными фотографическими миссионерскими карточками и альбомами; так, миссионер Кальнев демонстрировал на докладе при посредстве целой серии фотографических снимков трупы замурованных тираспольских изуверов, плавни, жилища, самые погреба и мины; свящ. Владикавказской губернии о. Флоров показывал снимок с памятника хлыста Лардугина и его портрет, украшенный знаками общества св. Нины, на который последователи этого кавказского лжесаваофа молятся. Редактор «Миссионер. Обозрения» демонстрировал свой, известный на всероссийской миссионерской выставке, миссионерский альбом, заключающий ценную коллекцию карточек из жизни духоборческой секты, а также портреты хлыстов, скопцев, штундистов и толстовцев.

В аудитории (зале) съезда каждый занимает свои насиженные места, вооружается карандашом, приготовившись заносить наиболее интересные подробности.

Вот, вошел и председатель быстро, стремительно, скромно, всегда с сосредоточенным, что называется, идейным выражением на лице. Пропели молитвы. Ставится вопрос, выступает докладчик, другие тут же, а некоторые позже при ходе прений просят о. председателя записать их «на право слова», дебатируют уже по очереди, кто, когда записался. Доклад или сообщение принимает по своим подробностям захватывающий интерес, аудитория превращается в слух и внимание. Скоростисцы спешат занести хотя бы остов доклада на бумагу. Настроение сосредоточенное, серьезное, деловое. Но вот проверяется подробность уродливой стороны в лжеучении или культе секты, аудитория раздражается гомерическим смехом. Пауза и оживление... Но дорогое, короткое время бережется на вес золота и быстро совершается переход опять к деловому настроению... Окончит один оратор, вступает другой и вопрошает первого в разъяснение некоторых сторон: или дополняет сообщение своими новыми данными, за этим говорит третий, четвертый и все это ново, жизненно, интересно... Каждый спешил высказать, что у него наболело и нагорало в душе, что он приобрел путем тяжелого опыта...

По меткому выражению настоятеля Иргизского единоверческого монастыря о. архим. Тихона, владеющего редким мастерством говорить народно, – как нельзя сразу опорожнить переполненный сосуд с узким горлышком, – «буль-буль» и только получают капли, а содержимое все внутри сосуда; так невозможно было на съезде в столь короткое время заседаний, в немногих словах миссионерам передать и изложить все богатство своих наблюдений, пережитых чувств и мыслей. Председательствующим было немало труда руководить прениями, чтобы они не уклонялись от поставленного вопроса, чтобы не терялось время, а вместе чтобы и не стеснялась свобода слова, иначе легко могла ускользнуть дорогая деталь, характерная подробность, которая, нередко, одна с той или другой стороны, освещала целый мрачный лабиринт расколо-

сектантского суемудрия и жизни. На первых же заседаниях оказалось невозможным строго держаться предложенного проф. Н.И. Ивановским порядка вопросов, прекрасно – казалось – укладывающегося в логическую схему, но как оказалось на деле, трудно осуществимого при обсуждении их в столь многочисленном собрании. Ораторы постоянно выступали из узких рамок логически расчлененного вопроса и говорили о всем, относящемся к данной теме. Пришлось невольно по некоторым отделам (хлыстовства) держаться в ходе совещаний порядка вопросов, опубликованного в свое время в нашем издании.

Нередко дебатировавшие один и тот же вопрос тут же пред лицом собрания схватывались между собою, один подддерживая учение раскольника или сектанта, а другой обличая его, таким образом в результате получался прекрасный практический урок. Подобные примерные беседы особенно оживленно проходили в вечернее время, когда на сторону раскола становились миссионеры из бывших начетчиков и спор воспроизводил полную иллюзию, как будто произошла схватка между миссионером и каким-нибудь расколоучителем где-либо в дебрях раскола... Поражали друг друга и противо-сектантские миссионеры и не в шутку, но и не как враги Церкви, а как друзья и дружные соработники на одном поприще, во имя одной благой цели – учиться друг у друга. Примерные прения оказались на столько плодотворными, что противо-сектантские миссионеры, когда противо-раскольничьи миссионеры вели беседы с раскольниками в Воскресенской церкви, устраивали свои серьезно организованные междоусобные примерные прения в стенах академии. Опыты эти весьма поучительными должны были оказаться для преподавателей обличения расколо-сектантства, которым рекомендовано устроить подобные примерные прения между воспитанниками семинарий.

Дружба, единомыслие и единомушие царили все время и между членами, и между руководителями съезда, хотя споры не раз были жаркие, при которых принципиально расходились дебатировавшие, но идея искреннего стремления всех и каждого служить одной только пользе св. дела миссии и возможно лучше

помогать друг другу в тяжелой борьбе с полчищами врагов Церкви всех братски объединяла и горечь буесловия ни у кого не переходила за порог аудитории.

Рабочий день занимал не менее 8 часов, а иногда 12 часов в сутки работали дружно, не чувствуя усталости и только под конец почувствовалось переутомление, некоторые даже переболели, до почти никто не оставил заседаний съезда до закрытия его.

Всех общих заседаний было 14, из коих одно торжественное в день открытия – заседаний комиссии более 35.

Предметами занятий общих заседаний были следующие вопросы. На 1 и 2 заседаниях обсуждались вопросы, касающиеся *внешних способов ведения бесед с заблуждающимися*, а именно: каким способом привлекать на беседу раскольников сектантов в тех случаях, когда они уклоняются от бесед с православными миссионерами; следует ли удовлетворять требования вожаков расколо-сектантства, когда последние настойчиво просят дозволения во время беседы стоять рядом с православными миссионерами и говорят, обратясь лицом к народу или же когда предъявляют требования о выдаче раскольничьим совопросникам миссионерских особых подписок, в которых излагаются условия, на которых первые соглашаются вести беседы, ограничивается время говорения миссионера, требуется от миссионера обязательство не привлекать раскольничьих собеседующих к уголовной ответственности в случае допущения последним похулений на церковь и проч. Как поступать в тех случаях, когда сектанты требуют совершения перед началом собеседования отдельного моления здесь же на месте собеседования, хотя бы в храме, по обрядам своей секты? О месте для собеседований, а также целый ряд методических вопросов о том, с чего начинать беседы с раскольниками, с сектантами, того или другого рационалистического толка и с последователями мистических сект.

Четвертое заседание посвящено было обсуждению вопроса о существующем порядке счисления и записей раскольников и сектантов и о мерах к упорядочению печального

состояния церковных и гражданских статистических данных об отпадших, о счислении хлыстов, об отношении закона 1874 г. к сектантским брачным союжениям, вопрос о том, следует ли законными признавать и записывать в метрики детей раскольников и сектантов, рожденных до присоединения их родителей к Церкви и др. *Пятое* заседание, продолжавшееся от 9 до 1 ч. дня и от 5 до 7 ч. вечера, посвящено было всестороннему обсуждению целого ряда вопросов, касающихся хлыстовства и мере борьбы с тайными сектами. В *шестом* заседании Съезд перешел к обсуждению II отдела вопросов: *о мерах внешнего воздействия на раскольников и сектантов, в видах пресечения им пропаганды своих лжеучений*. Между прочим, возбужден был вопрос о безнаказанности действий последователей раскола и сектантства по соращению православных членов своих семейств, по воспитанию своих детей, крещенных в Церкви, в духе лжеучений секты, о соращении православных несовершеннолетних путем принятия на воспитание и обучение в свои дома и приюты, о мерах помощи и покровительства со стороны духовной и гражданской власти воссоединяющимся, о безнаказанности целого ряда допускаемых раскольниками публичных оказательств и обходов существующих законов, об уклонениях многих сектантов от верноподданнической присяги, о мерах наблюдения за пропагаторскими действиями раскольничьих попов и начетчиков сектантских вожаков и др. *Седьмое* заседание было посвящено всестороннему выяснению существа учения и характера отношений к Церкви так называемого *раскольничьего спасова согласия* и о духовных и гражданских мерах воздействия на последователей этой секты, которые притворно присоединяются к церкви, крестят детей и брачатся в православии, а затем порывают всякие связи с церковью, соращая в свой толк взятых из православной среды жен и крещенных в церкви детей. На том же заседании обсуждался вопрос о духовных скопцах и об отношении к ним закона. В восьмом заседании съезд перешел к обсуждению III отдела *вопросов, касающихся мер духовного воздействия на сектантов и раскольников и разных способов чисто миссионерского действовани*я.

Здесь прежде всего съезд коснулся отношений к делу миссии пастырства, духовных школ, состояния церковной службы, нравственного и материального положения православных и единоверческих священников в приходах, зараженных расколо-сектантством, о привлечении к участию в миссии низших членов клира и учителей церковных школ. В *девятом* заседании своем съезд продолжал рассмотрение мер и способов духовного действования миссии против раскола и сектантства, обсуждал вопрос о миссионерских учреждениях, каковы: 1) миссионерские приходские кружки ревнителей православия; 2) миссионерские школы для приготовления начетчиков из народа; 3) миссионерские епархиальные уездные съезды священников приходов, зараженных расколо-сектантством; 4) учреждение центрального православного миссионерского общества для борьбы с расколом и сектами. В то же заседание съезд слушал: доклад члена своего В.М. Скворцова вопросу о важном значении для пресечения развития сектантства и для возвышения вообще религиозно-нравственной жизни православного народа, – христианского времяпровождения воскресных и праздничных дней. Профессор Ивановский возбудил вопрос о разрешении образовывать единоверческие приходы в таких, например, случаях, когда в селениях есть православные, но не большое количество сравнительно с единоверцами и раскольниками. В заключение обсуждался вопрос о пропаганде сектантства при совместном переселении православных и сектантов и поселении их на новых местах Сибири и др. *Десятое* заседание посвящено было обсуждению о наилучшей практической подготовке кандидатов священства к пастырскому служению и к деятельности миссионерской в частности, о близости отношений пастырей к народу, и влиянии на развитие сектантства существующего ныне способа обеспечения духовенства, о порядке и обрядах следственного производства по проступкам духовенства и др. В *одиннадцатом* заседании съезд слушал доклад проф. Ивановского о признаках крайней вредности бегунского толка, а также реферат миссионера Кальнева о тираспольском деле заживо-погребенных, речь епископа Мелетия и доклад

преподавателя Вифанской семинарии г. С.Д. Муретова «по поводу новейших полемических приемов современных апологетов раскола».

В *двенадцатом* заседании съезд обсуждал вопрос, какие собрания сектантов считать соблазнительными и запрещенными Высочайше утвержденными мнением комитета министров от 4 июля 1894 г., слушали доклады нижегородского миссионера о. Фиалковского, «о секте немояк», В.М. Скворцова «о закавказском духоборчестве», екатеринбургского миссионера г. Романовского «о секте иеговистов» или «Сионской вести», сообщение преподавателя С.-Петербургской семинарии В.Н. Прозорова «о секте скакунов».

В *тринадцатом* и последнем заседании вначале было выслушано сообщение проф. Н.И. Ивановского об условиях внимания и ведения судебных дел и о судебной экспертизе в процессах по сектантским делам, затем обсуждалось заявление Нижегородских миссионеров об исходатайствовании от св. Синода субсидий для прочной организации Нижегородских ярморочных собеседований, записку свящ. о. Максимова о вредной деятельности по распространению лжеучений сектантства книгоноши при участии главных распорядителей библейского общества распространения св. Писания, заявление доцента Московской академии И.М. Громогласова об учреждении при Св. Синоде особой премии за сочинения по разрешению недоуменных вопросов противо-сектантской миссии и вообще по вопросам о внутренней миссии, о печатании отдельными изданиями отчетов о состоянии сектантства, раскола и миссионерства в епархиях, каковые отчеты должны быть обязательно присылаемы в библиотеки академий и семинарий; заявление миссионера Киевской епархии о. Слюсарева о сосредоточении всех главнейших сведений о действиях епархиальных миссий в органе миссионерском, «Миссионерском Обзрении». В заключение состоялось единодушное постановление о ходатайстве пред Св. Синодом, чтобы следующий всероссийский миссионерский съезд был учрежден через два года в столице. В том же заседании были заслушаны и утверждены постановления комиссии, за

исключением единоверческой, которая не представила своего протокола, а также и постановления общих заседаний Съезда.

**VII. Совершение Съездом молебствия по поводу
получения ответных Высочайших телеграмм.
Паломничество в Свяжск на поклонение святыням.
Собеседования со старообрядцами. Торжественные
служения в местных единоверческих храмах.
Обозрение академической библиотеки.**

25 и 26 июля были достопамятными, радостными днями в двухнедельной истории 3 всероссийского миссионерского Съезда: в начале общего заседания 25 июля съезд имел счастье заслушать телеграмму Его Величества Государя императора, – всемилостивейший ответ на посланную от имени съезда 22 июля депешу с выражением верноподданнических чувств миссионеров и поздравления с Августейшею Именинницею. Всемилостивейшее внимание Венценосного Вождя всей земли русской к миссии и ее скромным деятелям животворяще воздействовало на дух и энергию подвизающихся на тяжелом поприще миссионерского служения Церкви и отечеству: миссионеры воистину воспрянули духом. И как не воспрянуть! Его Величество, Благочестивейший Государь Император всемилостивейше удостоил миссионеров **сердечной благодарности** за выраженный ими чувства и за поздравления, и в то же время осчастливить выражением **искреннего пожелания** миссионерам **дальнейшего успеха проповеди** *нашею вероучения в истинно христианском духе*. В этих священных слогах сердечного Монаршего пожелания **дальнейшего успеха**, – прежде всего с высоты трона всемилостивейше выражено признание успешности нынешних проповеднических миссионерских трудов, совершаемых притом *в истинно-христианском духе*, и в то же время – Отец Отечества, перворожденный Сын Церкви, Августейший Покровитель миссии возвещает о Своем сердечном участии к сему св. делу, *искренним пожеланием дальнейшего успеха* проповеди нашего вероучения. И тогда воочию убедились миссионеры в справедливости слов одной из речей при открытии Съезда: «с нами Бог, за нами Царь и народ»! Да ведают же

клеветники на миссию и миссионеров из расколо-сектантствующего и либерально-интеллигентного лагеря, распускающие в народе и обществе недобрые речи про миссионерскую деятельность, ее характер и направление, – да ведают, что наша миссия верно и благоуспешно ведется в истинно-Христианском духе.

Огласив зал заседаний радостными кликами «ура» и пением «Боже, Царя храни», Съезд постановил на следующий же день 26 июля по случаю столь счастливого и радостного для миссии события – отправить благодарственный Господу Богу молебен о здравии Его Величества Государя Императора, Государин Императриц и всего царствующего дома. 26 июля был получен и заслушан Съездом и милостивый ответ Августейшей Покровительницы миссионерства, Государыни Императрицы Марии Феодоровны с выражением благодарности Съезду за поздравление Ее Величества от имени Съезда с днем ангела. Чтение и этой депеши было покрыто долго не смолкавшими кликами «ура».

По окончании общего заседания 26 июля в академической церкви совершен был прибывшим на Съезд и удостоившим его заседания Своими архипастырскими посещениями, епископом Самарским Гурием благодарственный Господу Богу молебен о здравии Их Величеств. В служении молебна участвовали до 50 членов съезда священнического сана, прочие все члены – in corpore присутствовали на молебне, воссылая из глубины признательных сердец усердные мольбы о здравии и благоденствии своего обожаемого Монарха, Августейшего Покровителя отечественной Церкви и ее св. дела миссии.

27 и 28 июля, по просьбе членов съезда, в академию принесены были местно-чтимые святыни: Седмиозерная и Казанская чудотворные иконы Божией Матери, которые были встречены с крестным ходом большим собором священнослужителей-миссионеров и внесены в академический храм; здесь о. председателем съезда, в сослужении многих членов его, отправлены были молебные пения. Взирая на коленопреклоненный сонм миссионеров-молитвенников, на их сердечное, умиленное моление, нельзя было не признать, что

миссионеры нашей Церкви сильны и вооружены не одним только искусством словопрения и знаниями в науках, но и силою и оружием живой веры и молитвенных подвигов благочестия! А в этом главный залог духовной мощи Миссии...

В праздничные, свободные от занятий часы миссионеры посещали Казанские древнейшие храмы и обители для поклонения их святыням. В воскресенье 3 августа, после литургии в академическом храме, все миссионеры *in corpore* отправились на пароходе, нарочито для того снабженном на средства почетного блюстителя академии, почтенного купца П.В. Щетинкина, – в г. Свияжск на поклонение нетленным мощам святителя Германа.

Конно-железная городская дорога ко времени отъезда из академии членов съезда подала целый поезд вагонов, которые и доставили паломников на пристань, где их ожидал стоявший под парами пароход «Василий». Около часу отвалил пароход вниз по течению. Погода стояла светлая, чудная. В пути предстояло провести около 3–4 часов. Втянувшись в деловую жизнь, никто не хотел иждивать дорогого времени в отдохновении: начались и здесь оживленные беседы, и обмен мыслей. Поместившиеся на верхней площадке около ста миссионеров устроили примерное прение. Но вот, и показались стоящие на верху горы ближе Макариевская пустынь и древний град Свияжск с его многоглавыми храмами. Пребывавшие на площадке все встали, обнажили свои главы и пропели, набожно осеняя себя крестным знаменiem: «Святителю, отче Германе, святителю отче Макарие, моли Бога о нас». Уже издали можно было видеть, что не велик город Свияжск обитателями и не красив зданиями, но за то богат благочестием и набожностью. О сем вещали паломникам многочисленные главы огромных храмов с сияющими на них крестами и красиво высящиеся монастырские здания, от которых веяло седою стариною и бывшим благоденствием... Обмеление Волги-матушки не позволило приблизиться к самому городу, пришлось высадиться верст за 5. Миссионерам предстояло таким образом настоящее паломничество – *per pedes apostolorum*. Но распорядительность местного г. исправника и усердие Свияжских обителей выставили для путешествия

миссионеров к пристани до 70 подвод со всевозможной упряжью и возницами. Миссионерский кортеж растянулся буквально на целую версту. Сидели по 3–5 в «казанских» тарантасах и плетенках и просто на дрогах, – все это представляло собою своеобразное зрелище вообще, а для данной местности – своего рода редкость. Все население города высыпало на улицы для встречи миссионерского Съезда. Народ стоял с обнаженными головами и низко кланялся, радостно приветствуя дорогих гостей... Кортеж направился прямо к мужскому монастырю, где покоятся мощи св. Германа. В обители зазвонили к молебну. Толпы народа двинулись вслед за миссионерским поездом. К святым вратам обители вышел для встречи «редких гостей» почтенный старец, о. настоятель архим. Вениамин с братией. Встретив всех до одного из прибывших миссионеров благословением и братским лобзанием, о. архимандрит проследовал в главный храм, где миссионеры прикладывались к св. мощам, а затем многочисленный сонм миссионеров-иереев, во главе с архимандритом Исидором и настоятелем монастыря о. Вениамином вышли на середину храма и началось чудное, дивное, служение молебна святителю Герману. Пели сами миссионеры. Вековые своды древнейшего храма огласились громогласным, величественным пением столь многочисленного хора. Переполнив храм, умиленный торжеством, народ молился со слезами... Показав достопримечательности, радушный хозяин-настоятель обители о. архим. Вениамин любезно просил миссионеров посетить его келлию и монастырскую трапезную, где был подан гостям чай и предложена легкая закуска. При прощании о. архим. всех наделил брош. житие св. Германа и историческим описанием древностей обители собственного сочинения.

Искренно тронутые и признательные любезному, предупредительному о. настоятелю за его радушный, братский прием, миссионеры отправились в женскую обитель, а оттуда в собор, где также торжественно были совершены молебные пения пред чтимыми святынями.

В женской обители миссионеры осмотрели древний деревянный храм времен царя Иоанна Грозного, сохраняющийся

во всей целости и точности. От всех храмов и зданий этой обители веет еще более внушительною стариною. Матушка игуменья и сестры встретили миссионеров также весьма предупредительно и усердно. В келлиях игуменьи паломникам также предложен был чай и закуска. Нельзя было не оценить столь трогательного усердия небогатой обители, нельзя было не почувствовать в этой далекой глуши высоких чувств уважения к имени «миссионер».

Из Свияжска миссионерский кортеж тронулся около 6 часов вечера. На пути заехали в Макариевскую пустынь, живописно расположенную на верху крутой горы. Обитель напоминает собою горные кавказские древние монастыри с их восхитительными видами. Из окон настоятельских комнат открылся миссионерам чудный вид на низовье Волги, на необозримые луга и на группы множества озер.

Весь обратный путь на пароходе в Казань проведен был в пении церковных и патриотических песнопений. На палубе пели единоверцы по напевам древнего крюкового пения, с верхней площадки слышалось партесное пение, в каютах пели догматики... В заключение пропето было не раз и «многолетие» устроителям и распорядителям благочестивого и приятного путешествия, несколько освежившего усталых тружеников съезда. Особая признательность членов съезда выпала на долю Н.И. Ивановского как главного виновника по устройению поездки.

Пароход причалил к пристани при пегнии «Боже, Царя храни».

При открытии съезда членами его было выражено желание, чтобы были организованы во время съезда публичные собеседования с раскольниками, где бы менее опытные могли поучиться у опытейших полемистов и апологетов приложению на практике теоретических правил миссионерской методики. В виду чего проф. Ивановским заранее были разосланы известным казанским раскольничьим совопросникам пригласительные письма прибыть на миссионерские собеседования, так как желательно было, чтобы беседы не остались без опытных возражателей и не потеряли бы чрез то своего назначения и оживления. Местом собеседований назначена была одна из

обширнейших приходских церквей Казани – Воскресенская. Всех бесед состоялось три. Первую вел прот. Порфирьев, преподаватель нижегородской семинарии, при участии проф. Н.И. Ивановского. Беседа начата была речью проф. Ивановского. На беседе присутствовали все миссионеры и множество слушателей из народа и общества. Были начальник губернии г. Левченко и другие представители местной власти, интересовавшиеся ходом образцовых бесед. Явились и приглашаемые совопросники. Прения прошли очень оживленно и поучительно. Следующую беседу вел синодальный миссионер протоиерей о. К. Крючков, а третью калужский миссионер о. И. Жаров. Все беседы прошли при большом стечении народа. Раскольники-начетчики должны были публично воочию всех слушателей сознаться и убедиться в неправоте содержимого и защищаемого ими суемудрия.

2 августа от 5–7 ч. вечера, по инициативе В.М. Скворцова и с разрешения г. директора известной казанской психиатрической лечебницы, члены съезда, главным образом противосектантские миссионеры и преподаватели семинарий посетили помещающихся в упомянутой лечебнице известного основателя Малеванского ново-штундизма, – секты широко распространенной в Киевской губернии Кондрата Малеванного и другого также известного сектатора Степана Чекмарева.

Оба ересиарха признаны по суду религиозными психопатами *параноиками* и помещены в больницу в виду магического влияния их на местную темную массу своих последователей, признававших Малеванного за Спасителя мира, и для пресечения дальнейшего распространения вредного не только в санитарно-общественном отношении, лжеучения созданной ими секты. г. директор любезно и предупредительно отнесся к благому желанию съезда посетить несчастных больных, жаждущих религиозных бесед.

В распоряжение членов съезда отведена была обширного зала. В.М. Скворцов, как исследователь Малеванского движения, предварительно сделал сообщение об учении секты и охарактеризовал ее основателя Кондрата. Прибывшим Кондрату и Степану отведены были стулья за столом вместе с членами и

всем им подан был чай. Беседа была обставлена так, что имела особый характер: как бы встречи двух друзей (Кондрат давно и близко знаком с г. Скворцовым по миссионерским делам в пределах юго-западного края). Беседу вел В.М. Скворцов, оба ересиарха весьма охотно излагали свои доктрины и отвечали на возражения членов съезда. Беседа оказалась весьма поучительною во многих отношениях: она наглядно показала членам съезда, какие субъекты плодят в народе лжеучения, и кто владеет сердцами массы, а также в какой психически-болезненной среде приходится действовать слову убеждения миссионеров.

Миссионеры-практики, при обсуждении результатов этой поучительной беседы, уверяли, что им приходится встречать подобных Малеванному и Чакмареву много среди фанатичных последователей новейшего сектантства, которое есть продукт болезненного течения в религиозной мысли нашего народа.

Представители единоверческого духовенства на съезде, во главе с архим. Тихоном и синодальным миссионером о. прот. Крюковым, в праздники 27 июля и 2 августа в казанских единоверческих церквях Евангелической и Никольской торжественно, в числе около 20 священнослужащих, отправляли всенощные и литургии с крестными ходами на озеро Кабан. Обширные благолепные храмы были переполнены молящимися, в числе коих не мало можно было заметить и раскольников. Истовое древне-обрядовое торжественное богослужение, при своеобразном, но стройном крюковом пении, видимо, умиляло единоверцев и укоряло совесть раскольников, отмечающих благодать снисходительной к старообрядцам, любящей и болеющей о них Матери-Церкви. В храме присутствовали и многие из православных миссионеров; внимание последних, между прочим, остановилось на том, что в казанских единоверческих церквях доселе еще, как у раскольников не вошло в обычай, по примеру, напр., черниговских единоверцев и как это делается ныне во многих единоверческих приходах, – поминать Благодетелей Государя и Царствующий Дом на великом выходе. Жаль, что священнослужащие миссионеры-единоверцы в эти достопамятные для казанцев торжественные

служения не попытались положить начало введения этого сколько благочестивого, столько же верноподданического церковного обычая хотя бы в ознаменование состоявшегося в Казани 3-го всероссийского миссионерского съезда.

Серьезный интерес у деятелей противо-сектантской миссии возбуждала академическая библиотека с своими бесценными сокровищами – старопечатными и древнеписьменными книгами, имеющими самое живое отношение к противо-раскольничьей полемике.

В этом отношении библиотека Казанской Академии явилась незаменимым научным пособием для деятелей съезда. Библиотека для осмотра была открыта ежедневно и миссионеры – расколо-обличители пользовались каждым свободным часом для ознакомления с первоисточниками полемических доказательств православной миссии. Особенное внимание членов съезда останавливала на себе коллекция сравнительно недавно переданных из Соловецкого монастыря и приведенных в известность и порядок старых богослужебных книг с новыми свидетельствами в пользу употребления в древней русской Церкви задолго до Никона, напр., при митр. Филиппе, – православных обрядов.

VIII. Чествование руководителей Съезда и его закрытие

По единодушному отзыву всех членов состоявшегося съезда, высказанному уже и в печати, 3-й миссионерский съезд прошел весьма оживленно и был более разносторонен по своему характеру и содержанию, чем первые два. Это и вполне понятно, иначе и быть не могло, раз миссионерство – дело живое, развивающееся. С другой стороны, причину такого отрадного явления нужно усматривать в богатом составе членов съезда, о чем мы уже говорили выше: в течение истекшего 6-летия миссия, особенно противосектантская, возросла в значительной мере, что указывает на жизненность дела и благоприятствующие к тому условия. На первом съезде 1887 г. вопрос о сектантстве даже и не поднимался, хотя новейшее сектантство тогда было в разгаре. На втором съезде было не более 3–5 практически опытных в противосектантской миссии специалистов, архим. Антоний, свящ. Кутепов, В.М. Скворцов и немногие другие. Но, как показала статистика, нынешний съезд в рядах своих представителей противосектантской миссии имел уже двух десятков борцов с высшим богословским образованием и столько же, если не более, с семинарским – людей, одушевленных идеей миссионерского служения Церкви, успевших зарекомендовать себя и усердием, и успехами в литературе и в практике таковы: магистр богословия Дородницын и о. Кутепов; кандидаты академии о. Ольшевский, гг. Кальеев, Боголюбов, о. Слюсарев, гг. Головкин, Рождественский – многообещающие новые миссионеры, о. Никольский и друг. Участие в съезде преподавателей почти всех наших семинарий прежде всего должно оказать благотворное влияние на кафедру, расширив научный кругозор наставников новыми взглядами на преподаваемые ими миссионерские предметы, обогатив живыми сведениями и наблюдениями прямо, что называется, с миссионерской битвы. В этом отношении сами преподаватели признавали и выражали незаменимую для себя пользу и глубокую признательность Св.

Синоду, давшему побуждение и епархиальным начальствам, взыскавшим средства быть на съезде. Наоборот, этой возможности, как напр., почтенный преподаватель Олонецкой семинарии, известный в литературе г. Плотников, заявляет о сем, как о большей потере для себя. Так что миссионерский съезд в то же время дал собою первый опыт съезда семинарских преподавателей по одной кафедре. Нужно было видеть то оживление и усердие, с каким вела свои совещания о наилучшей постановке

преподавания миссионерских предметов учительская комиссия, чтобы оценить всю пользу для кафедры участия на съезде преподавателей. С другой стороны, преподаватели, как люди науки, увеличили собою на съезде ряды и силы, литературно образованных в сектоведении и миссионерстве деятелей. Некоторые из преподавателей на съезде заявили только в теории, но и миссионерской себя весьма опытными, не только в теории, но и миссионерской практике, – как искусные полемисты против раскола и сект, таковы, напр., преподаватель С.-Петербургской семинарии В.Н. Прозоров, Ставропольской – о. К. Кутепов, Саратовской – Лебедев, Таврической – г. Высотский, Орловской – Георгиевский, Калужской – г. Чельцов, Тульской – г. Бриллиантов, Киевской – Корчинский, Московской – г. Некрасов, Вифанской – г. Муретов, Рижской – о. Пласс, Кишиневской – г. Маргаритов, Ярославской – г. Дмитриевский, Костромской – г. Юницкий.

На успешный ход совещаний Съезда оказали также свое, конечно, влияние личный характер, энергия и известное отношение к делу совещаний и к деятелям со стороны руководителей съезда, и засвидетельствовано самим Съездом, в теплых словах, и делом (подношением) при окончании заседаний Съезда. Так, накануне закрытия своего, 4 августа – после общего собрания Съезд чествовал своего почтенного председателя, о. архим. Антония, выражая ему от всех членов съезда чувства искренней признательности за радушный прием членов съезда и то доброе высокогуманное отношение к свободе слова и решений съезда. Выразителем своих чувств Съезд избрал высокосимпатичного, добре потрудившегося на

пользу миссии, известного столичного иерея-деятеля о. Ф. Орнатского, сказавшего задушевную речь о. архимандриту. Председателю Съезда, причем поднесена была ему от имени 3-го всероссийского съезда, икона Спасителя, в дорогой серебряно-вызолоченной ризе. о. архимандрит, по обычной скромности, отклонял от себя заслуги по руководству совещаниями съезда, назвав себя мало искусным в сем, и не успевшим надлежаще подготовиться к такому важному событию в виду кратковременности срока после объявления о съезде.

Отбывая со съезда, каждый в свою очередь считал долгом отдельно принести свою признательность любезному хозяину госте-приемной академии и дорогому руководителю на Съезде.

Почтенному профессору Н.П. Ивановскому Съезд имел случай *in corpore* выразить свои чувства глубокого почитания, а именно после общего заседания 28-го июля по поводу вручения профессору грамоты Св. Синода с благословением за 25-летнее безмездное ведение беседований с старообрядцами. Тогда делопроизводитель съезда В.М. Скворцов, приветствуя от лица съезда маститого профессора–миссионера «с таким многоценным духовным воздаянием за благочестивые труды по миссионерству», между прочим, сказал следующее:

«Волею судеб грамота Св. Синода пришла и вручается вашему превосходительству как раз во время съезда, не для того ли, чтобы и мы, дорогой наш общий учитель, могли разделить с вами вашу радость?... Вы своею 25-летней полемической деятельностью являете во многих отношениях редкий пример и образец. Вы первый из людей науки, да еще и высшей науки, стоя на высоте, как ученый профессор, – снизошли с высоты академической кафедры на «миссионерский дол», где до того были и действовали только одни ревнители миссионерского дела – неученые, простецы, начетчики... И вы доказали, что крупная ученость не разменивается на мелочи от практики и умеет с недостижимым успехом и пользою вести дело миссионерской полемики пребывая в любви у Бога и народа... Скажу больше, своим примером вы проложили путь в чащу и дебри раскола для людей науки и содействовали зарождению у нас института ученых миссионеров... Тогда, 25-лет назад, вы, Н.

И-ч, были как противораскольничий полемист из ученых одинок среди волнующегося раскольничьего моря, а посмотрите, сколько теперь окрест вас –ваших последователей из учеников академий, подвигающихся на поприще, на которое тогда смотрели мужи науки, как на нечто, не достойное серьезной науки, как на вавилонское столпотворение, недоступное языку людей школы... Да еще и теперь существует мнение, будто с раскольниками могут говорить и быть убедительными только одни вышедшие из раскола начетчики! Но не в этом ли коренится вековая ошибка принципов нашей противораскольничьей миссии и ползучий ее успех, что мы не хотели приблизить к делу миссионерскому людей школы и науки, не потому ли далеко стоит и наше пастырство от этой вавилонской башни? Но вы, профессор, своим 25-летним опытом и успехами в г. Казани и в столице красноречиво опровергаете односторонность этого взгляда и фактами вашей многополезной полемической деятельности показываете другой, более надежный путь борьбы с расколом, при посредстве школьной техники и научных знаний: в этом, смею думать, громадная заслуга ваша пред миссионерским делом. Самородки ценны, но они во сто крат ценнее, когда отшлифованы. Мы ценим заслуги приснопамятных деятелей миссии и ныне здравствующих наших дорогих, добрых сотоварищей из простецов, – начетчиков, – они уже тем одним сослужили свою службу в истории миссии, что были в свое старое доброе время единственными и одинокими, и несомненно полезными бойцами и подвижниками на тернистом поле миссионерства, они распознали и поведали науке сокровенного раскола... Но довольно им сиротствовать без нас, людей школы и науки. Мы им важны, как руководители, а они нам нужны, как сотрудники. Раскол развивается в своих ухищрениях, прибегает к умствованиям, с которыми не справиться простецам. Для успеха миссии необходимо господство принципа, которого вы явились провозвестником и в своих научных трудах и делом, участвуя в полемике».

Указав на простоту, образность и народность в языке, ласковость, доброту в обхождении с каждым и терпение к

выслушиванию чужих мнений, В.М. Скворцов заметил, что эти редкие качества характера Н. И-ча выработаны наверно не на кафедре, а на миссионерском поприще в близком и живом общении с народной средою... В заключение оратор многих лет такого же бодрого и неустанного служения миссии и сотен таких же преданных делу последователей, как он сам.

Отвечая на эти слова приветствия Съезда, проф. Н.И. Ивановский особенно подчеркнул ту мысль, что чрез миссионерскую практику наша наука не только не может разменяться, но должна приобрести жизненность и силу, в чем его убедить личный опыт долговременного служения академической кафедре и вместе с тем делу миссионерской практики.

5-го августа съезд снова чествовал почтенного профессора Н.И. Ивановского; как только о. председателем было объявлено, что заседания съезда окончены, к председательскому столу подошел представитель московской епархии, известный противораскольничий полемист. священник С.М. Марков и обратился от лица съезда к проф. Н.И. Ивановскому с следующими словами признательности.

«Многоуважаемый Николай Иванович!

Всего нисколько минут тому назад на меня пал неожиданный, но вместе и счастливый жребий быть выразителем тех чувств, коими проникнуты к вам члены съезда. Благодаренье вам за ваши труды, понесенные вами по выработке программы съезда, очень засвидетельствовал нам досточтимый о. председатель, и по руководству при разрешении различных недоуменных вопросов, встречавшихся в практике противораскольничьих деятелей. Члены Съезда просят вас принять эту малую, но изящно-оправленную книжицу для ваших записей – которая напоминала бы вам как о тех, которые воспитались на ваших многочисленных литературных трудах по родной нам науке о расколе, так и о том нашем желании, чтобы ваше искусное перо и впредь не оставалось бездеятельным. Да сохранит Господь доброго делателя на пользу православия. Едиными усты и от всего сердца возгласим досточтимому Николаю Ивановичу многая лета».

При этом о. Марков поднесь маститому профессору на память о съезде записную книжку в серебряной оправе с подобающею надписью. Съезд пропел «многая лета».

Почтенный профессор, глубоко тронутый таким выражением чувств любви и преданности деятелей миссии, с волнением сказал: «благодарю вас, братцы за дорогие чувства и за ваш подарок, который я буду хранить как самую дорогую мне память».

Второму товарищу съезда, почтенному профессору протоиерею Т.В. Буткевичу, вследствие неотложных обстоятельств оставившему съезд ранее его окончания, съезд заочно выразил искреннюю признательность за понесенные труды, при разработке вопросов по новейшему сектантству и рассмотрению рефератов, пожеланием «многих лет».

Вслед затем епархиальный миссионер екатеринославской епархии А.Я. Дородницын от лица съезда обратился к делопроизводителю съезда, В.М. Скворцову с выражением одушевляющих всех миссионеров чувств не только за понесенные на съезде разнообразные труды, но и за горячее представительство В.М. пред центральной властью относительно учреждения нынешнего съезда и за основание миссионерского журнала; при этом почтенный миссионер сказал следующее:

«Дорогой Василий Михайлович!

Позвольте мне, при расставании с вами, выразить от всех членов и в частности от лица противосектантских миссионеров те чувства, которые одушевляют нас в настоящие минуты. Называю вас «дорогим», потому что вы, действительно, дорогой деятель и в представительстве о нынешнем съезде и на самом съезде, и вне его в области противосектантской миссии. Миссия – это дело юное: она едва насчитывает десяток лет. Как во всяком начинающемся великом предприятии, в деле миссии на первых порах ее развития были ошибки, колебания, неуверенности в своих силах ее деятелей, – это мы пережили... Но, вот, на горизонте миссии показываетесь вы с твердостью духа смелого борца за истину Церкви. И посмотрите, какие произошли перемены: миссия получает свой печатный орган «Миссионерское Обозрение», так умело и счастливо

руководимый вами. Под его знаменем объединяются литературные силы миссионеров; прежде затянутая туманной пеленой перспектива деятельности миссионеров, благодаря чему они блуждали, не узнавая друг друга, теперь освещена, открыт путь, указаны цели, и миссионеры смелою стопою шествуют вперед, имея во главе себя вас, дорогой Василий Михайлович. Не нам принадлежит оценка деятельности миссионеров, ее оценит Всевышний Судья в день оный; но говоря по человеческому разумению, должно сказать, что там, где объединены борцы, где сердца их согреты верой в Бога, быются взаимной любовью друг к другу, там можно ожидать успеха. Вы объединили нас, вы воодушевляете нас вашими литературными трудами и личным советом, – в этом ваша великая заслуга пред миссией, которая светлыми чертами будет занесена в летописи отечественной Церкви. Примите сей скромный дар, как выражение нашего глубокого к вам почтения, а мой братский поцелуй, как выражение нашей искренней к вам любви».

о. председатель архим. Антоний с своей стороны добавил похвалу за полезное и интересное ведение «Мисс. Обозрения». При этом миссионеры поднесли В.М. Скворцову письменный металлический прибор, при пении «многая лета».

Выражая свою сердечную признательность съезду и миссионерам за их любовь, В.М. Скворцов сказал, что не он сделал все то, что по доброте своей его недостойнству приписывают добрые сотоварищи, а приспевшее время и назревшая нужда... Имея счастье быть ближайшим исполнителем благих и мудрых предначертаний попечительной о миссии высшей духовной власти и тем посильно служить дорогому ему миссионерскому делу, он старается лишь об одном, чтобы не быть ленивым и лукавым рабом в деле столь высокой важности. Что касается органа миссии «Миссионерского Обозрения», то он обязан своей идеей миссионерскому съезду, а интересом и жизненностью просвещенному участию почтенных деятелей миссии. «Так что и здесь все заслуги, отцы и братия, – и весь достигнутый успех в вас и впредь зависит от вас», – сказал В.М. Скворцов в заключение своего ответа на

чувствование его съездом. После сего о. председатель объявил, что настал момент *закрытия 3-го миссионерского съезда* и предложил пожаловать на молебен в храм. Это было в половине 2-го часа дня 5 августа. Пропели в последний раз молитву «Достойно» и в звуках пения молитвы чувствовалась печаль и отпечатлевалась она и на челе всего съезда. Вдруг овладела какая-то особая грусть, которая переживается при кончине заранее приговоренного к смерти, измучившего окружающих, но дорогого, милого сердцу покойника...

Поклонившись на три стороны, очаровавший всех о. Антоний сказал: «с миром изыдем» и все за ним потекли не веселыми ногами к исполнению последнего священного обряда Съезда в домовую церковь. «Здесь уже все было уготовано к служению. Когда облачился миссионерский сонм священнослужащих, о. архим. Антоний обратился к членам съезда с амвона с (помещенною выше) речью, которая своим тоном как нельзя более гармонировала с общим настроением души и сердца миссионеров и была выслушана с особым вниманием.

По окончании речи, на средину храма с сонмом служащих вышел епископ рязанский Мелетий. Благолепный, но преутруженный 30-летними миссионерскими подвигами, сиявший доблестями духа вид старца – иерарха в свою очередь вещал и назидал присутствующих молодых миссионеров, относительно ожидающих их в будущем плодов миссионерского подвига...

По окончании молебна, все здесь в храме, после креста давали друг другу последнее на съезде, а может быть и в сей жизни, лобзание...

По ходатайству Съезда, после молебна, послана была о. председателем телеграмма Владимиру Карловичу Саблеру, следующего содержания:

Петербург.

Владимиру Карловичу Саблеру!

Оканчивая свои заседания, миссионерский Съезд с благодарностью и молитвой вспоминает Вашу любовь и святую ревность о православии, Вашу доступность, участливость, человеколюбие.

Архимандрит Антоний.

Его превосходительство в ответной телеграмме искренно благодарил членов съезда за добрые чувства.

Следовавшая за сим последняя братская трапеза Съезда была по настроению братии вроде поминок: всем стало и скучно, и грустно, что окончилось то незабвенное, всех одушевлявшее времяпрепровождение, что сейчас распадется родная братская семья, что каждый опять останется один с своими скорбными трудами, на своем страстном пути обездоленного миссионера веро-проповедника, среди тьмы и озлобления. А скоро ли угладится тернистый путь, настанет ли лучшая доля, – один Господь ведает.

В конце трапезы миссионеры принесли благодарность о. инспектору академии, протоиерею А.П. Виноградову за его труды и заботы об удобствах внешней стороны академии.

В течение двух дней академия опустела, все поехали по своим путям, и пришедши на съезд и исшедши с миром.

Э.Я.

Вместо библиографии

1. Занятия миссионерского съезда по рассмотрению и одобрению полезных для миссии изданий // Миссионерское Обозрение, 1897, август, С. 712

Кто не знает того важного значения, какое для миссионеров и пастырей имеют книжные пособия и миссионерские вообще издания! Миссионер без книг, что солдат без ружья. Вот почему бывшие два миссионерских всероссийских съезда обращали самое серьезное внимание на выработку каталогов книг, полезных и необходимых для миссии противораскольничьей и противосектантской.

Нынешний 3-й миссионерский съезд также остановил должное внимание на этой своей задаче. На съезде была образована особая комиссия (книжная) из специалистов миссионеров и преподавателей семинарии.

Комиссия нашла необходимым пополнить каталоги, составленные на втором миссионерском съезде, новыми полезными книгами, брошюрами и периодическими изданиями. Подразделившись на две секции, одна часть специалистов по противосектантской миссии, рассмотрев новые издания, составила вновь список всех книг полезных для противосектантских библиотек приходских и епархиальных, дала авторитетные отзывы о новых книгах и повременных изданиях. Подкомиссия по противораскольничьей миссии, рассмотрев прежние каталоги, дополнила их внесением новых полезных изданий и также дала отзывы о новых книгах и изданиях.

2. Отзыв Всероссийского Миссионерского Съезда о противосектантском журнале «Миссионерское Обозрение»// Миссионерское Обозрение, 1897, август, С. 712–713

Как известно, издание «Миссионерского Обозрения» предпринято редакцией по мысли 2-го миссионерского съезда. Редактор-издатель, в заботах о наиболее полезном для миссионерского дела ведении издания, обратился в съезд с просьбою дать ему авторитетные указания относительно наилучшей постановки печатного органа мисси.

В протокол комиссии по сему предмету сказано следующее: «В ответ на запрос редактора-издателя журнала «Миссионерское Обозрение» о том, чего бы съезд пожелал в отношении наилучшей постановки журнала «Миссионерское Обозрение», комиссия имела суждение по сему предмету и почитает себя обязанной высказать следующее: изданием «Миссионерского Обозрения» мысль второго всероссийского съезда миссионеров осуществлена вполне надлежащим образом. Журнал успел собрать вокруг себя и объединить литературные силы; он призвал также к литературному противосектантскому труду многих известных наших богословов. Издание даёт обстоятельные и живые сведения относительно жизни нашего немалочисленного сектантства и его противоборства Церкви; даёт оно и средства для борьбы со злом – в виде статей научных и статей для народного чтения. Журнал этот помогает распространению более правильных и здравых взглядов на расколо-сектантство в среде светского общества. Остается – с полным сочувствием пожелать редактору-издателю «Миссионерского Обозрения» и сотрудникам его сил для продолжения столь успешно и целесообразно начатого дела и широкого распространения сего журнала. Что касается частных указаний в отношении содержания журнала, то члены комиссии просили бы: а) чтобы журнал по возможности более давал сведений о деятельности наших миссий епархиальных; б) чтобы в нём сообщались сведения о сектах

иностранных, проявления которых могут быть поучительны и для нас; в) чтобы издавались листки для народного чтения с содержанием не только полемикодогматических, но также и с содержанием историко-повествовательным; г) чтобы увязывались в библиографическом отделе миссионерские брошюры и книги, годные для детей и школьников.

Съезд, в общем своём заседании 5 августа, утвердив заключения комиссии, со своей стороны выразил желание и признал полезным для миссионерского дела, чтобы в журнале помещались сведения о современном состоянии и движении раскола и сектантства в епархиях, о всех мероприятиях духовной и светской власти по пресечению развития лжеучения расколо-сектантства, а также и отчеты о деятельности миссионеров.

А чтобы редакция, при нынешней общедоступной цене издания, могла выполнить все возлагаемые на орган внутренней миссии широкие задачи, съезд постановил ходатайствовать пред Св. Синодом рекомендовать журнал «Миссионерское Обозрение» к обязательной выписке его изданий во все приходы, зараженные расколо-сектантством.

3. О новом издании необходимых для миссии святоотеческих сочинений // Миссионерское Обозрение, 1897, август, С. 714

Для противораскольничьей миссии комиссия признала желательным издание следующих творений: а) св. Киприана, еп. Карфагенского о единстве Церкви, б) его же – послание к некоему Магну, в) Правила святых апостолов, вселенских и поместных соборов и св. отцов с толкованиями и г) находящейся в библиотеке Казанской духовной академии рукописи XVII века, содержащей правила Матфея Властаря с ответами Иоанна Китрошского и Номоканон афонских отцов.

4. «Беседа псаломщика с безпоповщинским наставником о перстосложении для крестного знамения». – «Разговор двух сватов – единове́рца и православного – о различии обрядов и чтении церковном»// Миссионерское Обозрение, 1897, август, 714

Протоиерей г. Златоуста Уфим. губ. о. Стефан Романов представил в съезде на рассмотрение и одобрение две выше озаглавленные брошюры, которые комиссия не признала полезными для миссии. В первой из них на странице 3-й двуперстие уподобляется идолопоклонству, а во второй в уста единове́рца вкладываются речи чисто-раскольнические, например: «мы веруем в Иисуса, а не во Иисуса» (стр. 3-я), «ваши новые книги не правы, а наши старые правы» (стр. 2-я) и тому подобные.

5. Сборник фотографических снимков // **Миссионерское Обозрение, 1897, август, 714–717**

Нижегородский миссионер, священник о. Николай Фиалковский вошёл в Съезд с ходатайством о распространении сборника фотографических снимков, бывших на всероссийской выставке 1896 г. в противораскольническом отделе. Названный сборник комиссия признает заслуживающим внимания, так как нельзя не согласиться, что наглядные доказательства древности употребляемых в Православной Церкви обрядов при собеседованиях со старообрядцами весьма полезны. Но при этом комиссия находит необходимым рекомендовать священнику Фиалковскому: 1) восполнить вышеупомянутый сборник новыми снимками с наиболее древних памятников, служащих к обличению раскола и 2) насколько возможно, удешевить свое издание.

В состав сборника входят следующие фотографические снимки:

I. Служебник пергаментный, 1532 г.

На обороте 107 листа скорописью написано: «Повелением и даянием преосвященного митрополита Богом спасаемого града Случевского и всей Молдовлахии, Кир-Феофона списася сия литургия в лето 7040 рукою многогрешного и последнего в иноцех варлаама демескика. И свершисе писанием в изуграфском монастыре иже в святой горе месяца февраля 24 дня господствующу петру воеводе».

Весь служебник писан полууставным письмом. Служебник Соловецкой библиотеки, №1015.

II. Св. Апостол Пётр. С мозаического изображения в Константинопольском соборе, VI в.

Точные снимки со всех изображений и прочих украшений сняты архитектором Фоссати, реставрировавшим собор по поручению турецкого правительства, и с описанием их изданы прежде в Лондоне, а потом, в 1854 году, в Берлине Эрнстом и Керном с описанием Зальценберга.

С последнего издания и снять фотографический снимок.

III. Престол с лежащим на нём четырёхконечным крестом. С мозаического изображения в Киево-Софийском соборе, XI века.

Снимок с фотографии, изображающей Тайную вечерю.

IV. Древние Антиминсы, 1486 г. (с фотографического снимка).

V. Корсунские кресты и звезда Св. Антония Римлянина.

Из издания «Древности Российского Государства. Отд. I. Рисов. акад. Ф. Солнцев. Москва. Хромофотография Ф. Дрегер.

VI. Святители: Григорий Богослов, Дионисий Ареопагит, Николай Чудотворец и Григорий Армянский.

С мозаических изображений Константинопольского собора, VI в.

VII. Святитель Анфим. Мозаическое изображение VI века.

VIII. Неизвестные сидящие святые с раскрытыми книгами.

IX. Св. Климент папа Римский. Моз. Киево-Соф. соб., XI века.

X. Св. Епифаний. Моз. Киево-Софийского собора, XI века.

XI. Служба и житие Александра Ошевенского. Рукописная книга из Соловецкой библиотеки, № 1639-й.

На листе 190 написано: «Списано-же бысть житие преп. Александра в лето 7075 повелением благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича всея руси. и его благоверных царевич Иоанна и Феодора. по благословению митрополита Антония. сыскано епископом Валаамом великопермским и вологодским. При митрополите всея руси Филиппе. при архиепископе Пимене великого Новограда и Пскова. во обители великого чудотворца Николы. в созданном от преподобного монастыре: иже именуется ошевнем. идеже святой света сего конец жития прият».

XII. Из Синайского кодекса. III века.

Кодекс этот издан в 1862 году на средства Русского Правительства учёным Тишендорфом, с буквальной точностью подлиннику. Печатное издание принадлежит Казанской Академии.

XIII. Евангелие Остромирово пергаментное, писан. 1056 г.

Подлинное хранится в Императорской публичной библиотеке. Издано иждивением С.-Петербур. купца Ильи

Савинкова. С. ПБ. 1883 г. фото-литография А. Ф. Маркова.

Книга принадлежит Казанской Духовной Академии.

XIV. Псалтирь Св. Филиппа, митроп. Московского, рукописная. Соловецкого монастыря, № 711-й, с надписью древним почерком: «Филиппова Его», а на обороте – полууставом – «Псалтирь Филиппа Колычева».

XV. Псалтирь Ионы Шамина старца Филиппова, рукописная, с надписью: «Псалтирь Ионы Шамина казённая, старая». Соловецкого монастыря, № 713-й.

На 495 листе имеется летоисчисление с 7066 по 7137 г., от Рождества же Христова с 1558 по 1629 г.

XVI. Кормчая 1519 г., рукописная. Соловецк. мон. № 476-й.

На листе 450 написано: «С попечением начато, и светлыми словесы написано, и благостно скончано. При благоверных великих князях, Василии Ивановичи. и Егории. и Димитрии. и Андреи. После Серапиона владыце архиепископа бывшего в преименитом и славном великом новграде. лета 7027. месяца Августа 11. на память св. мученика Евпла диакона. Изволением, и повелением и подружением, господина смиренного игумена Варлаама триесвятительского Василия великого. Иоанна Златоуста. Григория Богослова. Изотней пустыни, вписал сию книгу. климентовский дьяк сываровы улицы. аз многогрешный.

земля и прах. саваданилов сын, и вы господа мои отцы, и братия, сию книгу правила, почитайте и исправливайте, а мене многогрешного не клените, а мир и любовь, да будет со всеми вами, аминь».

XVII. Сборник преп. Германа Соловецкого, рукописный, 1460 г. с надписью на 1-мъ листе: «Книга Германа монастырская старая. Лето 6968». Из Соловецкой библиотеки, № 802.

XVIII. Книга о священстве св. Иоанна Златоустного, печат.

XIX. 7122–1614 г. во Львов. Из Соловецкого монастыря, № 1578.

XX. Устюжская Кормчая. (Фотографический снимок с фотогравюры Шерера. Приложение 1-е к истории славянского перевода символов веры, А. Гезена).

Устюжская Кормчая книга принадлежала Архангельскому монастырю в Устюге Великом; она теперь хранится в

Румянцевском музее под № 230. Книга писана в XIII в.; в ней тест Никейского символа помещён на обороте 1-го листа.

XXI. Раскольническая картина

Изображает ад, из него змей изрыгает свой яд в уши папы Римского, по тысячи лет, папа из кувшина переливает (в 666 г.) в кувшин жены, олицетворяющей православную церковь, чада которой за столом пользуются брадобритием и обливанием; в 1800 единоверцы просят того-же яда в горшочек и она отливает из кувшина, а за единоверцами протягивают к единоверцам руку общения австрийцы окружники. Всех их отвергает Господь.

**6. Список книг, рекомендованных Съездом
миссионеров для миссионерских
противосектантских библиотек // Миссионерское
Обозрение, 1897, август, 717–717**

- а) для библиотек церковно-приходских
Библия на славянском языке с параллельными местами.
Библия на русском языке с параллельными местами.
Книга правил св. апостолов и соборов. издание Св. Синода.
Св. Иоанна Златоустного беседы на книги св. Писания
Нового Завета на русском языке.
Е. Михаила, Толковое Евангелие и Апостол
(Четвероевангелие, Деяния Апостолов и Соборные послания), 1–
5 кн.
Барсов. Сборник статей по истолковательному и
назидательному чтению Четвероевангелия, Деяний Ап. и
Апокалипсиса 1–3 кн.
Ириней Е. (Фальковский). Толкование Псалтири, нов. изд.
Барятинская. Симфония на Новый Завет.
Михайловский, прот. Библейский богословский словарь.
Победоносцев К. П. История Церкви православной.
Маргаритов С. Руководство по истории и обличению
рационалистических и мистических сект. Кишинев.
Ольшевский, свящ. Обличение штундизма.
Кутепов Н., свящ. Краткая история и вероучение
рационалистических сект.
Его же. О св. Предании, о Церкви, о св. иконах, о св. кресте,
о почитании святых, о постах, о таинствах крещения,
священства, св. причащения – брошюры против мнимо-духовных
христиан.
Тифлов, свящ. О некоторых вопросах веры, пререкаемых
молоканами.
Его же. Памятная книжка противосектантского миссионера.
Капралов. Опыт противосектантского объяснения мест Св.
Писания.

Стрильбицкий, свящ. Краткий очерк штундизма и свод текстов, направленных к его обличению.

Дородницын А. Шалапутская община.

Павел А. Краткие беседы с именуемыми духовными христианами.

Письма к одному лицу в СПб. по поводу появления нового учителя веры.

Русанов, прот. О православной вере, 1–2 брош.

Иустин, Е. Догматы веры по Стефану Яворскому, К. 12 б.

Сергей Е. Православное учение о почитании святых икон.

– Крест Господень.

Боголюбов Д. Беседа со штундобаптистами о христианской святости, по руководству преп. Иоанна Кассиана.

– Беседа со штундобаптистами о Церкви, по руководству св. Киприана Карфагенского.

Быстров, Беседы о разных истинах веры против сектантов.

С. Кохомский, *Примечания к Евангелию в обличение штундистов.*

Его же. *О том, что присяга не запрещена.*

Сахаров, прот. Секта пашковцев.

Орнатский, свящ. Ответы на Пашковские вопросы.

Разговор с пашковцами о преданиях церковных, изд. Общ. рел.-нрав. просвещения в духе православной Церкви. «Берегись штунды и крепко держись православия», изд. «Миссионерского Обозрения».

Богданович, свящ. Беседы о почитании св. икон, св. креста, о храме и др., 1–7 брош.

Беседы православного со штундистом о почитании св. икон и св. креста, изд. «Биевск. Свято-Владимирского братства».

Наумович, прот. Братское слово о святости церковного обряда.

«Миссионерское Обозрение» – журнал со всеми к нему приложениями, начиная с 1896 г.

«Миссионерский Сборник» с приложениями к нему противосектантского содержания, изд. Рязанского «Братства св. Василия». Троицкие листки противосектантского содержания, издание Св.-Троицкой Сергеевой Лавры.

Орлов, свящ. Рассказы из сектантского быта.

Кроме сего в приходах, где имеются хлысты и скопцы, миссионерские церковно-приходские библиотеки пополняются еще и следующими книгами.

Добротворский. Люди Божия (о хлыстах).

Кутепов К. Секты хлыстав и скопцов.

Рождественский. Хлыстовство и скопчество.

Барбарин. Хлыстовщина или секта духовных христиан, разбор учения.

Опойченко. Разбор учения скопческой и молоканской секты.

Паисий, А. Исповедь возвратившегося из хлыстовской секты.

Никольский. Преступность хлыстовской лжеиерархии.

В приходах, где имеются жидовствующее, библиотеки пополняются следующими книгами:

Св. Иустин Философ. Разговор с Трифоном иудеем.

Иосиф Волоколамский. Просветитель.

Иоанникий Голятовский. Иисус Христос Сын Божий.

Алексеев. Беседы против иудеев.

– Об истинном Мессии.

Самуил Марокский. Златое сочинение.

Гусаков. Путевой журнал миссионера.

Никольский С., свящ. Дневник кавказского миссионера.

б) для библиотек епархиальных

В состав их входят все книги библиотек ц.-приходских, с присоединением нижеследующих книг:

Творения Мужей Апостольских и христиан. апологетов, на русском языке, изд. прот. Преображенского.

Постановления апостольские, изд. Казан. дух. Академии.

Олесницкий А. Руководственные о свящ. Писании Ветхого и Нового Завета сведения из творений св. отцов Церкви.

Солярский, прот. Библейский словарь, 1–5 кн.

Феофан Е. Толкования на послания ап. Павла (все послания, кроме послания к евреям), 1–9 кн.

Андрей Кесарийский. Толкование на Апокалипсис.

Палладий, Е. Толкование псалмов.

Буткевич, свящ. Жизнь Иисуса Христа.

Макарий, М. Догматическое богословие, 1–2 кн.

– Введение в православное богословие.
Сильвестр, Е. Догматическое богословие, 1–5 кн.
Рождественский, проф. Основное богословие, 1–2 кн.
Сергий, А. Православное учение о спасении.
Голубинский и Левитский. Премудрость и благодать Божия в судьбах мира и человека.
Успенский. Обличительное богословие.
Геттэ В. История христианской Церкви.
Ивановский, проф. Руководство по истории и обличению раскола и секте.
Ушинский. О причинах происхождения штундизма.
– Вероучение малорусских штундистов и разбор его.
Добротин. Закон и свобода совести в отношении к лжеучениям и расколу.
Протасов. Разбор вероучения русских штундистов.
Недзельницкий. свящ. Штундизм, причины появления и разбор учения.
Троицкий, свящ. Обличение заблуждений штундизма.
Никанор, Е. Штунда и её происхождение.
Козицкий П. Несколько практических наставлений для борьбы со штундизмом.
Яновский. Что необходимо для успешной борьбы с сектантством.
Монастырев. О миссионерских противосектантских комитетах.
Парфеньев. По вопросу о сектантстве и меры против развития его, 1–2 брош.
Письма мирянина к мирянину по поводу штундистских заблуждений.
Богородицкий, свящ. О важнейших истинах христианской веры, против сектантов-штундистов.
Склабовский. Штунда, разбор и опровержение её.
Леонов, прот. Суждения и толки штундистов и их опровержение.
Данкевич, свящ. Поучения в ограждение православных от штундистов.
Разногорский, прот. Сборник проповедей против штундистов.

Рождественский, свящ. Южнорусский штундизм.
 Высотский. Записки по обличению молоканства.
 Орлов, прот. Молокане перед судом слова Божия.
 Остромысленский. Молоканская секта, 1–2 брош.
 Гурий, Е. Разбор учения Донского толка.
 Бобров. Беседы священника с молоканскими наставниками.
 Тихвинский, свящ. Разговор православного со штундистом о православной вере.
 Арсений, И. Беседы с молоканами о свят. иконах и о храме.
 Дородницын А. Баптисты.
 – Секта шалопутов.
 Новицкий О. Духоборцы, их история и вероучение.
 Сковрцов В. Записка о духоборцах на Кавказе.
 Краснопольский. Беседы со штундистами.
 Открытые письма старосты Исаакиевского собора г. Пашкову.
 Мартынов. О Пашковцах.
 Терлецкий Г. Секта пашковцев.
 Гусев, проф. Разбор учения графа Л. Толстого, и все апологетические брошюры.
 Орфано. В чём должна заключаться вера истинного христианина (разбор сочинения гр. Л. Толстого «В чём моя вера»).

«Царство Божие внутри вас», разбор сочинения гр. Л. Толстого, изд. Харьков.
 Антоний, А. Беседы о превосходстве православного понимания евангельского учения и жизни сравнительно с учением гр. Л. Толстого, 1–2 брош.
 – Нравственное учение в соч. гр. Л. Толстого «Царство Божие внутри вас» перед судом христианского учения.
 Плоды учения гр. Л. Толстого, 1–2 брош.
 Полонский. Заметка по поводу заграничного издания и новых идей гр. Л. Толстого.
 Секты и вероучения в соединённых штатах Америки.
 Никольский С., свящ. Дневник кавказского миссионера (Ставрополь-Кавказского).

Гильдебрандт. Словарь к Новому Завету на славянском языке, 1–5 т.

Примечание. В состав благочиннических библиотек могут войти все книги, указанные для библиотек ц.-приходской и епархиальной.

VII. Список книг и брошюр противораскольнического содержания, каким должен быть дополнен составленный на 1 и 2 миссионерском съезде каталог книг // Миссионерское Обозрение, 1897, август, 717–717

а) для церковно-приходских библиотек.

Собрание сочинений Архимандрита Павла. Новое издание Братства св. Митрополита Петра. Томы: 1-й (с портретом автора) и 2-й ц. за 1-й т. 1 р. 50 к.

Архимандрита Павла. Размышления при чтении Апокалипсиса.

Проф. Н.И. Ивановского. Собеседования с старообрядцами, введённые в зал С.-Петербургской городской думы в декабре 1889 и январе 1890 г.г. Спб. 1890 г., ц. 15 к.

Его же. Два чтения по старообрядческому расколу: 1) Старообрядство и раскол и 3) Доброе семя и плевелы. Казань. 1895 г. ц. 25 коп.

Его же. Беседы со старообрядцами в трёх сёлах Казанской епархии. Егора Антонова. Ответы на 105 вопросов, сочинённых старообрядцами австр. согласия. Москва, 1892 г., ц. 65 к.

Иером. Филарета. Об восьмом веке против учения беспоповцев о времени антихриста, ц. 3 к.

Слово к глаголемым старообрядцам от православных миссионеров, собравшихся в Богоспасаемый град Москву в 1887 г., ц. 4 к.

Мисаила, еп. Дмитр. (ныне Могилевского). Собеседования с глаголемыми старообрядцами, происходившие в Москве в доме Шумова на Таганке в 1883–1884 и 1884–1885 г.г. Вып. 1 и 2, ц. 1 р. 30 к.

Беседы со старообрядцами, составленные под руководством преосв. Михаила, еписк. Дмитровского и читанные в его присутствии в Москве 1888 г. Москва, 1888 г., ц. 30 к.

Свящ. С. М. Маркова. Неправильное учение старообрядцев о Деве Марии, ц. 5 к.

Его же. О вседержительстве Божиим, ц. 7 к.

П. С. Смирнова. История русского раскола старообрядства. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 30 к.

Стрельбицкий И. Обличение раскола, известного под именем старообрядчества. Одесса, 1896 г., ц. 1 р. 60 к.

М. Филарета. Пространный христианский катехизис. Москва, 1894 года, ц. 25 к.

Перевощиков Е. Книга об антихристе и о прочих действиях, иже при нём быти хотящих. Изд. 2-е, Казань, 1892 г., ц. 1 р. 25 к.

Платона м. Киевского. Пастырское послание к глаголемым старообрядцам. Киев, 1888 г., ц. 5 к.

Об истинном смысле и значении содержащихся в полемических противораскольнических сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды, ц. 2 к.

Записка о сомнениях и недоумениях относительно именуемой старообрядческой церкви и существующего в оной новоучрежденного (австрийского) священства. М., 1889 г., ц. 6 к.

Свидетельство о трегубом аллилуйя с прибавлением слов: «слава Тебе, Боже». М., 1884 г., ц. 5 к.

Свидетельство о древности перстосложения именованного и троеперстного. М. 1884 г., ц. 10 к.

Филатова С. М. миссионера. Беседа в старообрядч. доме о св. Причастии, ц. 2 к.

Беседы миссионеров Калужского Братства св. Иоанна Богослова со старообрядцами об исправлении книг до патр. Никона. Калуга, 1884 г.

Крюкова Ксеноф. прот., синод. мисс. Беседы с глаголемыми старообрядцами в актовом зале С.-Петерб. дух. академии. Спб. 1887 г., ц. 50 К.

Ст. Немерцаева. О жестокословных порицаниях на некоторые именуемые старые обряды. Вятка, 1887 г., ц. 30 к.

Легатова И., свящ. Дополнительные уроки по Закону Божию для церковно-приходских школ, о предметах, соприкосновенных учению глаголемых старообрядцев.

Ледовского С., свящ. Вера, Евангеле и обетования Божии. Свод текстов свящ. Писания и старопечатн. книг. ц. 5 к.

Рассмотрение свидетельств, приводимых беспоповцами в оправдание их мнимой церкви, ц. 4 к.

Свящ. А. Елеонского. Решение пяти трудных для глаголемых старообрядцев вопросов о Церкви Христовой. Могилев на Днепре. 1896 г., ц. 15 к.

Окаимова. Беседы с беспоповцами о Церкви и таинствах (издание редакции «Миссионерского Сборника»).

С. Муретова. К свидетельствам о числе просфор на проскомидии.

И. Артоболовского. О именуемом Феодоритовом слове. М., 1884 года, ц. 15 к.

б) для благочиннических библиотек

Е. Антонова. Замечания на книгу Перетрухина «Меч Духовный» М., 1890 г., ц. 80 к.

Его же. Разбор швецовских «Показаний», что якобы православная греко-российская Церковь погрешила против св. Евангелия. М., 1893 г., ц. 80 к.

Его же. Рассмотрение книги нового раскольнического писателя лжепопа Механикова. М., 1895 г., ц. 1 р. 20 к.

Его же. Замечания на раскольническую брань, именующую себя «броней правды». М., 1896 г., ц. 30 к.

Братское слово за 1892-й и последующие годы.

Даяния вселенских соборов.

Даяния поместных соборов.

«Миссионерское Обозрение» и его издания.

«Миссионерский Сборник» и его издания.

Профес. Н.П. Ивановского. Разбор положений о. Швецова о Христовой Церкви.

Проф. Н.П. Субботина. Летопись происходящих в расколе событий за 1889–1896 г.г.

Окружное Синодальное послание патриарха Константинопольского. Спб. 1897 г., изд. ред. «Церк. Вед.», ц. 10 к.

Творения св. Иоанна Златоуста, изд. Спб. дух. Акад.

Еп. Виссариона. О расколе и по поводу раскола.

И.М. Громогласов. К вопросу о незаконности австрийского священства.

П.П. Добромыслова. Краткий очерк современного состояния поповщинского австрийского раскола.

Знаменский. Руководство к Русской Церковной Истории. Казань, 1888 г., ц. 1 р. 50 к.

Е. Смирнова. История Христианской Церкви, ц. 2 р. Спб. 1895 г.

Д. Чичинадзе. Сборник законов о расколе. Спб. 1890 г., ц. 1 р. 50 к.

А. Богословского. Сборник законов о расколе. М., 1881 г.

Е. Антонова. Новая попытка раскольников австрийского согласия оправдать свое пребывание без священства и таинств. М., 1894 г., ц. 8 к.

Н.А. Колосова. Указатель к «Братскому Слову». Москва, 1896 года, ц. 50 к.

Сын церковный. Един. изд., ц. 1 р.

Беседа Григория Омиретского с Ерваном жидовином. Един. изд. ц. 2 р. 50 к.

в) для епархиальных библиотек

Егора Антонова. «Разбор постановления съезда не приемлющих Христопреданного епископства и замечания на сей разбор». М., 1893 г., ц. 15 к.

Невоструева. Слово св. Ипполита об антихристе в славянск. переводе по списку XII в. М. 1868 г., ц. 2 р.

Свящ. С. М. Маркова. Значение вопроса об иерархии в судьбах старообрядчества. М., 1888 г., ц. 50 к.

А. Пругавина. Раскол – сектантство. М. 1887 г., ц. 3 р. 50 к.

Ив. Никифоровского. Краткие замечания об отношении русских сект к государству, ц. 10 к.

Его же. К истории «Славяно-Беловодской иерархии». Самара. 1891 года, ц. 40 к.

А. Зыкова. Деятельность митроп. Филарета в борьбе с расколом.

М., 1893 г., ц. 75 к.

А. Беликова. Деятельность Московского митроп. Филарета по отношению к расколу. Казань. 1896 г., ц. 3 р.

Н. Ильинского, свящ. Синтагма Матфея Властаря. Исследование.

М., 1892 г., ц. 1 р. 25 к.

Собрание по алфавитному порядку всех предметов, или алфавитная синтагма Матфея Властаря. Перев. с греч. Симферополь. 1892 г., ц. 2 р. 50 к.

Периодическое издание «Истина».

Периодическое издание «Друг истины» за 1888–90 г.г.

Митр. Григория. Ответ единоверца старообрядцу на его возражения. А. Доброклонского. Руководство по истории русской Церкви. Вып. III. М. 1889 г., ц. 1 р. 25 к.

С. Муретова. Особенности литургии Преждеосвящённых Даров в

древних греческих и славянских книгах.

Древний назидательный пример терпимости к обрядовым разностям церквей. Послание патриарха Антиохийского Петра к патриарху Константинопольскому Михаилу.

Прот. И. Виноградова. Тщетное самооправдание старообрядчества.

Известия и заметки

**Великий миссионер и архипастырь православной
русской Церкви, высокопреосвященный
Иннокентий, митрополит Московский //**
Миссионерское Обозрение, 1897, август, 726–736

(По поводу столетия со дня его рождения).

28-го августа вся православная церковь, а наипаче первопрестольная Москва, Иркутск, Камчатка, доблестная, заатлантическая американская ваша миссия, молитвами и добрыми делами, с большою теплотою и торжественностью почтили память с праведными и вспомянули апостольские труды великого миссионера земли русской. приснопамятного митрополита Иннокентия, по поводу исполнившегося в этот день столетия со дня рождения Святителя Божия.

Хотя приснопамятный архипастырь – миссионер трудился на пользу внешней миссии, просвещая язычников – инородцев восточной Сибири, Островов и Аляска, но в его личном характере, в его просветительных трудах и миссионерских подвигах так много поучительного для каждого подвизающегося на поприще миссионерского служения, что миссионерский орган не может пройти молчанием, этой знаменательной в истории нашей миссии поминки и мы долгом считаем сообщить нашим читателям хотя краткие сведения о жизни и деятельности высокопреосвященного миссионера – основателя всероссийского миссионерского православного общества.

Митрополит Иннокентий, в меру Иван Вениаминов, родился в селе Ангинском, Иркутской епархии, 36 августа 1797 года; по смерти его отца, которого он лишился с шести лет, попечение о нём взял на себя дядя его, диакон Димитрий Попов, который и определил сироту в семинарию. Слишком 11 лет провёл здесь Иван Вениаминов, резко выдаваясь среди своих товарищей превосходными дарованиями и успехам. Любознательность юноши направляла эти дарования не только на точное и добросовестное усвоение сведений предлагаемых семинарским курсом, но и на приобретение знаний чисто практических – в разных ремёслах: так уже в семинарии Иван Вениаминов мог

делать водяные и солнечные часы, музыкальные органчики, в совершенстве достигнув мастерства столярное, слесарное и др. Кончив курс одним из первых студентов и затем пройдя должности учителя иркутского приходского училища и диакона при Благовещенской Иркутской церкви, Вениаминов 18 мая 1821 года был рукоположен во священника в той же церкви и в короткое время служения при ней успел достойным прохождением своих пастырских обязанностей приобрести всеобщее уважение не только прихожан, но и всего города.

Но другое, боле широкое поприще служения уготовлено было отцу Вениаминову от Бога.

В 1823 году от Св. Синода чрез Иркутского преосвященного сделано было иркутскому духовенству предложение отправиться для проповедования слова Божия на остров Уналашку; никто не решался ехать в далёкий неведомый край. Но вот, среди общих отказов, вдруг выражает готовность пожертвовать своим обеспеченным положением и идти со всею семьей на лишения отец Иоанн Вениаминов. «Только прочитал я – рассказывал в последствии он – предложение ехать на Алеутские острова, как будто что поворотилось в моей груди, и я тут же объявил своим домашним: я еду... Ни слезы родных, ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего пути и ожидающих меня лишений – ничто не доходило до моего сердца; как будто огонь горел в моей душе, и я легко расстался с родиной и не чувствовал трудностей утомительного путешествия...»

Путешествие, действительно, было удивительнейшим – более года он пробыл в пути...

29 июля 1824 года новый священник вступил в свой приход. Первым делом отца Вениаминова было построение храма Божия на место бывшей там старой обветшалой часовни. Помощниками в этом деле служили ему сами же Алеуты, которых отец Иоанн предварительно обучил мастерствам слесарному, кузнечному, столярному, приемам выделки и кладки кирпичей и т. д. Это дело ставило миссионера в самые близкие отношения к пасомым, с одной стороны позволяя ему знакомиться с чертами быта и характера Алеутов, назидая и уча их одновременно и

упражнениям духовным; с другой –поселяя в Алеутах полное доверие, уважение и откровенность к своему пастырю...

Уже вскоре после первых шагов своего служения в новом крае отцу Иоанну привелось испытать духовное утешение в заметном подъёме нравственных сторон в быту Алеутов. Уменьшилось число незаконных сожительства, повысилась трезвость, увеличилась грамотность! Сам он был и составителем школьных учебников, и устройтелем училища, и учителем, и переводчиком православного катехизиса и части Евангелия.

В 1834 году, в виду повышения за усердную десятилетнюю службу, он был переведен в Ситху.

Здесь отцу Иоанну предстояло сразу же встретиться и бороться «с грубостью и необузданностью» Колошей, которые к тому же с крайним предубеждением относились к русским, как к своим покорителям.

Но «Сам Бог коснулся их». В Ситхе появилась оспенная эпидемия. Из упорства и недоверия к Русским Колоши ране не принимали предохранительной прививки оспы; только не прекращавшееся бедствие и потеря массы соплеменников, при полном здоровье п отсутствии случаев заболевания этою болезнью в среде Русских, победили упорство Колошей и это бы первый шаг к сближению с Русскими. В это время и воздвиг свое мощное слово новый ситхинский пастырь.

Пятнадцать лет подвизался уже на островах отец Вениаминов. В это время он успел ознакомиться с условиями существования здесь православной миссии, понять ее прочные и слабые стороны. Потребно было, по его мнению, «умножение в колониях числа церквей, образование на севере Америки постоянной миссии, назначение клира и миссионеров и затем учреждение благочинического ведомства над духовенством». И вот с целью изложить пред высшею церковною властью эти нужды Американской миссии, отец Вениаминов испрашивает себе отпуск и едет в Петербург со своим проектом об улучшении миссионерского дела.

25 июля 1839 года священник Вениаминов был уже в Петербурге. За отсутствием некоторых членов Св. Синода, доклад отца Вениаминова был отложен до осени.

Представляясь митрополитам Серафиму Петербургскому, Филарету Московскому и Обер-Прокурору графу Протасову, о. Иоанн произвёл на них впечатление самое благоприятное. Его простые рассказы об Алеутах, о мессии внушали к себе доверие, и в короткое время петербургское и московское общество сильно заинтересовалось личностью прибывшего миссионера. Москвичи полюбили его, и к отцу Вениаминову рекой полились пожертвования на его далекую миссию.

Но он помнил цель своего приезда. В русских журналах он стал помещать свои наблюдения над нравами и бытом алеутских племен, филологические изыскания об их языке, о наречиях, записки об островах Уналашкинского отдела и пр. Печатные труды эти, будучи ценным и серьезным вкладом в литературу историко-этнографическую и филологическую, обратили на себя внимание учёного мира. Св. Синод, рассмотрев тем временем представленные отцом Иоанном его переводы катехизиса и Евангелия от Матфея, а также сочинение «Указание пути в царствие небесное» не только разрешил их к печати, но даже, в вознаграждение за многоплодную и полезную деятельность священника Вениаминова, благословил возвести его в сан протоиерея.

В это время до отца Иоанна дошла весть, что его супруга в Иркутске скончалась. С покорностью воле Божией приняв это испытание, он по советам своего лучшего покровителя, митрополита Филарета, принял пострижение в монашество с именем Иннокентия, в твердой решимости не покидать начатого дела и возвратиться опять к своей далекой пастве на островах.

30 ноября, на другой день после пострижения, иеромонах Иннокентий был возведён в сан архимандрита, а еще через несколько дней состоялось наречение его в епископа Камчатского, Курильского и Алеутского! Проект об учреждении новой епархии был проведен и утвержден в самый день возведения Иннокентия в архимандриты и несомненно благодаря именно представлениям его о нуждах Американской миссии.

15 декабря 1840 г. была совершена в Петербургском Казанском соборе хиротония преосвященного Иннокентия, а 10

января 1841 года он уже выехал из Петербурга к месту своего служения. Прибыв в Ситху 27 сент. того же года, преосвященный Иннокентий тотчас усердно принялся за свою просветительную деятельность. В первые же дни по приезде преосвященный учреждает миссии, следить за успехами православия среди Колошей, Кадыанцев, Креолов, Алеутов и с радостью отмечает, что «многие начинают выходить из тьмы на свет». Но возложенные на него новые обязанности епископа Камчатского, Курильского и Алеутского не позволяют ему долго оставаться в районе его прежней деятельности, и вот, упорядочив здесь миссионерское дело, преосвященный отправляется в долгое и трудное путешествие по своей обварной епархии.

Десятки тысяч верст приходилось проезжать владыке, и при каких тяжелых условиях! Особенно тяжело было без сомнения путешествие по Камчатке на собаках. В повозочке, в которую впряжены они еле-еле умещался один человек, и не пошевелинуться, ни повернуться ему нельзя... Сотни раз по дороге владыка подвергался риску замерзнуть, быть занесённым пургой, свалиться в обрыв, погибнуть голодной смертью... В иных местах спускаться на собаках было немыслимо. Их скатывали клубком вниз, а за ними спускались и путники, «пешком, закладывая ногу в вырубаемую топором идущего впереди Камчадала ступеньку в крепко убитом снеге, рискуя при малейшей потере равновесия опрокинуться и слететь в пропасть».

Так все время архипастырского служения преосвященного Иннокентия в Камчатской епархии протекло в непрерывных многотрудных путешествиях. Он утверждал миссии, наставлял, учил, поощрял. Труды стали еще более сложны, когда к его епархии была присоединена и Якутская область. Здесь, как и в других случаях, его заботы прежде всего направлены были на просвещение Якутов путем проповеди на их собственном наречии. Переводы священных книг на якутский язык увенчались успехом – и память о том дне, в который Якуты услышали литургию в первый раз на своем наречии, до сих пор у них празднуется. В 1857 году состоялось Высочайшее повеление о

назначении в помощники преосвященному Иннокентию двух викариев, в Якутск и Новоархангельск.

Великие труды преосвященного миссионера не проходили незамеченными. Ещё 1850 году он был возведен в сан архиепископа, а в 1856 году сопричтен к ордену святого Александра Невского.

Преосвященный Иннокентий был уже семидесятилетним старцем. Здоровье его от непрерывных трудов стало слабеть: давняя болезнь глаз усилилась. Владыка стал помышлять уже об удалении на покой. И вот в эту минуту приходит к нему весть о назначении его митрополитом Московским на место почившего святителя Филарета. В долгой уединенной молитве провел преосвященный ночь после получения этой вести. Богу поведал он свои думы и чувства!...

25 мая 1868 года Москва встречала своего архипастыря, митрополита Иннокентия.

С лишком 10 лет подвизался владыка в новом сане за пользу многочисленной паствы Московской. Богадельня для вдов и сирот, попечительства о бедных, братства и проч. были плодом его деятельности здесь. А венцом её, – венцом вместе с тем и всего многоплодного миссионерского служения святителя Иннокентия, явилось основанное им в Москве Православное Миссионерское Общество, процветающее до ныне.

С каждым годом силы святителя все заметнее падали. Спокойно ждал он своей кончины и сподобился её – безболезненной непостыдной, мирной, 31 марта 1879 г., в страстную субботу. Исповедавшись и причастившись св. Таин и пособоровавшись, владыка простился с окружающими его и тихо почил.

«Дайте знать, чтобы при погребении моем речей не было: в них много похвал; а проповедь по мне скажите: она может иметь назидание; и вот для неё текст: «От Господа стопы человека исправляются» – таково было предсмертное завещание митрополита Иннокентия. Вероятно, в эти минуты перед его мысленным взором проходила вся его жизнь, в событиях которой так ярко отпечатлелась промыслительная десница Божия.

Вечную память оставил по себе митрополит Иннокентий в своем высоком примере самоотверженного пастыря, учителя и миссионера – в высшем значении этого слова!

* * *

Московский митрополит Иннокентий оставил по себе незабвенную память не одними миссионерскими подвигами на далекой северо-восточной окраине России и благостною деятельностью на архипастырской кафедре Москвы: его имя надолго сохранится и в летописях науки за те ученые труды и духовно-нравственные сочинения, которыми он обогатил русскую и даже европейскую литературу.

В первый раз митрополит Иннокентий, еще в сане протоиерея и под своим мирским именем *Иоанна Вениаминова*, издал *Начатки христианского учения, Священную историю и Православный катехизис*, переведенные на алеутско-лисьевский язык. За этими переводами непосредственно следовали два обширные труда, под заглавием: *Записки об островах Уналашкинского отдела и Записки об атхинских Алеутах и Колошах*.

Спустя шесть лет появились два новые труда митрополита Иннокентия, посвященные лингвистике: то были *Опыты грамматики и словарь алеутско-лисьевского языка и Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских*, с присовокуплением Русско-Колошенского словаря и друг.

На ряду с упомянутыми трудами появилось несколько статей митрополита Иннокентия, как например: *Состояние православной Церкви в Российской Америке* (*Журнал Министерства Народного Просвещения*, 1810, Ч. XXVI), Извлечения из миссионерских писем к митрополиту Филарету (прибавление к Творениям Св. Отец 1843–1862) и особенно глубоко прочувствованное сочинение духовно-нравственного характера – *Указание пути в царствие небесное* (Спб. 1841), которое в течение более полувека выдержало много изданий. Все эти произведения его пера были собраны и изданы И.П. Барсуковым по названию *Творения Иннокентия, митрополита Московского* (М. 1887 г., две книги).

* * *

Изданные, в память столетней годовщины со дня рождения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, просветителя Восточной Сибири, его письма к разным лицам, по отзыву «Москов. Вedom.» представляют огромный интерес не только для почитателей незабвенного святителя, но и для каждого истиннорусского человека, отвечая на самые разнообразные запросы личной и общественной жизни.

Успехи своей проповеди знаменитый Святитель приписывает исключительно благодати Божией. Каждую свою удачу он, по выражению императора Николая I, «равный апостолам», принимал лишь «как новый знак благоволения Божия» к делу, которому он посвящал все свои силы. «О, удивил и удивляет Господь милость свою на мне, недостойном! восклицает он: Бога ради молитесь обо мне, чтобы мне если не прославить, то» по крайней мере не посрамить Имени Его моим недостойнством, леностью».

Но кроткий и смиренный в отрицании своих заслуг, святитель умел быть твёрдым в делах, касавшихся интересов его паствы. Так, раздосадованный невниманием Синода к миссиям, он пишет А.Н. Муравьеву: «До сих пор я писал и ещё несколько времени буду писать к ним скромно и тихо; авось услышать! Но если ничего не будет еще два будущих года, то я заговорю громко, несмотря ни на что, хотя бы это для меня кончилось Соловками, лишь бы только ревность моя была не *по разуму*. Мне нечего терять. Но да избавит Господь меня и их от этого».

Миссионер в Самодержавии видел славу и величие своего отечества, быть полезным которому считал «одним из чистейших удовольствий сердца, доступных на земле, и единственную цель нашего существования». «Слава Богу, прославляющему нашу Святую Русь-Православную во бранях и в политике», пишет он в 1851 году Н.Е. Ложечникову по поводу европейских событий. «Кажется теперь только слепой, или намеренно смежающей очи, может не видеть, что самый лучший образ или форма правления есть Самодержавие. Но в то же время нельзя не убедиться, что Самодержавие может быть только там, где Православие. Слава Богу, даровавшему нам Православие. Нам остается теперь

только молить Его, дабы не отнялось от нас это сокровище, а оно очень, очень может быть отнято за нестерпимые грехи наши и безотчетное пристрастное подражание иноверным».

«Я – русский – говорит он в другом письме, и притом, смею похвалиться, не последний по любви к Отечеству, и *считаю за грех не высказывать того, что может служить к пользе его*».

Но свой преимущественный долг, свое призвание – доблестный архипастырь видел в учении. «Мы, как преемники апостолов, непременно должны соответствовать своему званию, – говорит он в одном письме, – то есть мы должны учить. Надо учить с начала, с основания, то есть начать учить детей с самого малого возраста, даже с двух лет. Боже мой! Что может быть приличнее, святее и восхитительнее, как видеть пастыря, беседующего с детьми и поучающего их! Что может быть восхитительнее для пастыря, как видеть целое поколение, воспитанное его словом! Тогда, точно, он есть пастырь, которого голос знают овцы его, и пастырь, который знает овец своих... Мы – Русские, и потому скажи Государь нам слово – и тотчас явятся ревностные пастыри».

Но будучи убеждённым и ревностным сторонником народного просвещения, проникательный владыка усердно предупреждал своих друзей от непростительной ошибки измерять просвещение народа числом грамотеев. «Грамотность без нравственности у простого народа есть то же, что нож у своевольного ребенка», писал он. «Кто большею частью причиной разных возмущений, бунтов, революций, расколов? Безнравственные грамотеи. И следовательно, что опаснее для спокойствия отечества? Безнравственные грамотеи!» Поэтому, по мнению святителя, прежде всего нужно позаботиться о нравственности народа, а грамотность явится уже естественным следствием просвещения.

Деятельность духовенства у нас, по мнению Иннокентия, значительно облегчается добрым качеством нашего народа. «В Русском народе, говорит он, столько добрых качеств и столько прекрасных элементов, что из него можно сделать поистине первый народ, а в уважении к религии едва ли кто и теперь сравняется с ним».

О тех бедных диких племенах, среди которых он жил и учил, он пишет: «Чем более я знакомлюсь с дикими, писал он своим друзьям из Америки, тем более люблю их и тем более убеждаюсь, что мы с нашим просвещением далеко, далеко уклонились от пути к совершенству, почти не замечая того».

Не мудрено, что дикие сами, безо всякого внешнего побуждения, толпами шли к такому проповеднику и просили его крестить их, говоря, что, слушая его они *начинают выходить из тёмного места на свет*.

Не мудрено, что между ними и их печальником, про которого приснопамятный митрополит Московский Филарет еще в 1839 году отозвался: «в этом человеке есть что-то апостольское», установилась самая живая духовная связь, не порвавшаяся даже и до сего времени, когда шестисоттысячное население Алеутов, Тунгусов, Колошей и прочих инородцев далёкого северо-востока возносят к Творцу пламенные молитвы об упокоении праведной души своего апостола.

Да послужат же дела и слова почившего великого миссионера Русской Церкви путеводною звездою для всех деятелей миссии отечественной Церкви.

Сент.-Октябрь, книга 1-я

«Яко же посла Мя Отец, и Аз
посылаю вы». Ин.20:21.

«Идите паче ко овцам погибшим
дому Израилева». Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии
моей». Рим.9:1–3.

I. Сенсационные кривотолки в печати и обществе о занятиях 3-го всероссийского миссионерского Съезда и правда дела // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 735–786

Никогда еще светская печать и общество не проявляли такого усердия в обсуждении вопросов миссионерства, как за последнее время. Вот уже около двух месяцев с столбцов газет всех лагерей и направлений не сходят статьи и заметки о занятиях Казанского миссионерского Съезда и о миссии вообще. Даже толстые русские журналы («Вестник Европы», «Мир Божий») и заграничные органы (Times, Journal de Debatt, и друг.) и те уделили Казанскому Съезду и православной миссии свое внимание... Явление это можно бы отметить как отрадное и лестное для безвестного миссионерского служения, если бы не тот прискорбный повод, который послужил источником вдохновения и усердия прессы на счет миссионерства.

В чем же дело? О чем кричать газетные витии, что возмутило их? Небольшая, сухая как скелет, не громко и мало говорящая, но злобно шипящая либеральная корреспонденция «Русских Ведомостей» из Казани о миссион. Съезде, а также полная фарисейской злокозненности и иезуитизма, не в меру крикливая (с пафосом) статейка князя Мещерского (71 № «Гражданина») о том же Съезде.

Читатель недоумевает, что могло объединить в походе против миссии Церкви либеральный орган российских прогрессистов с газетою старо-крепостнических вождельцев? Отвечаем не обинуясь: чувства нежной заботливости об интересах расколосектантского мира, ненависть к духовному ведомству и одинаковое у обоих органов недомыслие, – если не сказать более, – по вопросам сектоведения и миссионерства. Но нет худа без добра: тенденциозные отзывы «Русских Ведомостей» и «Гражданина» о занятиях Казанского миссионерского Съезда с нескрываемым злорадством и полным доверием к сплетне были оповещены и подчеркнуты газетою князя Э. Ухтомского (С.-Петербургские Ведомости), «Биржевыми

Ведомостями», «Неделею», «Вестником Европы». В то же время сенсация невольно возбудила внимание общества к вопросам миссии и вызвала трезвое обсуждение дела в других серьезных органах русской прессы: («Новое Время», «Свет», «Москов. Вед.» и др.). Вместе с тем откровенная полемика эта совершенно неожиданно раскрыла миссионерскому институту новые горизонты для поучительных в его деятельности выводов и наблюдений относительно того, где кроется опора русского расколосектантства, кто и каковы враги и друзья миссии. Не желая в период разгара полемики заграждать уста газетных «буесловов», пока они более или менее не выскажутся до конца, мы не спешили исполнением лежащего на органе миссии долга, относительно разоблачения инсинуаций на Съезд, и разъяснения газетного недомыслия по затронутым вопросам борьбы Церкви и государства с расколосектантством. Теперь за нами слово разоблачения неправды и обличения незаслуженных наветов, какими осыпала русская печать (а с ее голоса и заграничная) всероссийский Съезд почтенных деятелей миссии отечественной Церкви и не пощадила маститого Иерарха, 30-ть лет с величайшим достоинством подвизавшегося на поприще миссионерского служения в далекой Сибири. Прискорбный инцидент этот – своего рода знамение нашего времени! Итак, в чем дело? из-за чего загорелся весь сыр бор?

В № 221 Русск. Ведом., из Казани появился отчет о занятиях 3-го миссионерского Съезда. Корреспондент прежде всего с смиренно лукавою краткостью замечает, что в съезде принимали участие около 200 человек священников, преподавателей духовных семинарий и учителей церковно-приходских школ (курсивь везде будет наш), занимающихся миссионерскою деятельностью. Больше о составе членов Съезда – ни полслова... Автор умалчивает (иначе читатели могли бы усомниться в дальнейшей мистификации), что руководителями Съезда были, по званию председателей, ректор Казанской академии, Еп. Антоний, один из представителей богословской науки и церковной иерархии, профессор той же академии, доктор богословия, популярнейший расколовед и писатель, миссионер-практик, Н.И. Ивановский и профессор Харьковск. Университета

прот. Буткевич, в составе членов Съезда было 74 члена с учеными степенями докторов, магистров и кандидатов богословия, три редактора специальных миссионерских журналов, 148 членов с полным законченным богословским образованием, в том числе епархиальных миссионеров 45, из них 21 с академическим образованием. Что касается *учителей церковных школ*, то они участия в совещаниях Съезда не принимали и делегатами его не были и быть не могли. К присутствованию же во всех заседаниях были действительно допущены 3 учителя народных школ, но на Съезде участвовали в таком же роде и раскольники. Ясно, что умолчанием и извращением сведений о составе членов Съезда давалось знать привыкшим читать либеральные междустрочия, смотрите мол, кто – вершители миссионерских дел в нашей церкви и судьи расколосектантства? невежественные попы, преподаватели – бурсаки, да притча в языцах – учителя церковных школ, чего доброго можно ожидать из этого современного русского Назарета?... Дальнейшее повествование корреспондента либеральной газеты о Съезде служило для читателей лишь подтверждением и развитием скрытой в междустрочии тенденции о мнимом невежестве и неспособности якобы малопросвещенных деятелей миссии, которые только де и думали об одном мракобесия и постановляли лишь об усилении мер репрессии полицейской власти в отношении угнетенной расколосектантской невинности.

Познакомив читателей с составом Съезда и многозначительно мигнув в сторону сектофильского лагеря, автор далее замечает: «на Съезде выяснилось, что распространение раскола и сектантства, не смотря на все старания (какие и о чем? – о репрессиях!) миссионеров и правительственные мероприятия (какой, тонкий дипломатический язык!), не только не ослабевает, но даже усиливается⁷⁵, что (дескать не унывайте!) появилось много новых сект, как отпрысков старых сектантских лжеучений и самостоятельно возникших"... А вслед за сим корреспондент спешить оповестить, что «к числу новых сектантских учений Съезд отнес (о ужас!) религиозно-нравственные воззрения гр.

Л.Н. Толстого, признав, что его последователи составляют «вполне сформировавшуюся секту», (скобки везде автора) которая вполне подходит под определение сект «особенно вредных для Церкви и государства»; причем Съезд постановил де просить Св. Синод войти с представлением к правительству «о применении к последователям ее установленного в отношении особо вредных сект закона».

Не здесь ли и ключ к уразумению причин гнева газетных громовержцев против миссионерского Съезда? И на самом деле: съезд каких-то там попов и учителей церковно-приходских школ дерзает произносит свой приговор «над религиозно-философскими воззрениями» гр. Л.Н. Толстого, повергать этот кумир либерально общественного поклонения в трущобу расколосектантства, наводить тени на мишурный блеск толстовской кумирни и ее культа, ослепившие лжемудрецов конца нашего века! Разве это не тяжкое преступление со стороны миссионерского Съезда пред отечественным либерализмом? Разве может быть симпатичною деятельность подобных гасителей сектантского света, так беспощадно относящихся к Яснополянскому пророку?

Либеральному сотруднику либеральной газеты не интересны (а вернее – не выгодны) развернувшиеся в сообщениях делегатов Съезда картины сектантского изуверства, гнусности, противообщественных стремлений и деяний, и он вычеркивает из своих скрижалей почтенные труды Съезда миссионеров по установлению существенных признаков и относительной вредности для Церкви и государства, кроме толстовства, в лжеучениях целого ряда сект: *мистических* – (хлыстовства, прыгунства, мормонства, новоскопчества); и *рационалистических* – (пашковщины, штунды, адвентизма, малеванщины, духоборчества, молоканских донских сект, крестьящегося по вере меннонитского братства, секты иеговистов), и *раскольничьих толков* – (спасовцев, бегунов, тираспольских замурованных изуверов и проч.). Об этих трудах съезда корреспондент благоразумно умалчивает, ибо они гласят о высокой компетентности и делают честь деятелям Съезда... Зачем же говорить о многом, довольно упомянуть об одной

толстовщине, чтобы сделать желательное впечатление на публику... И вот далее корреспондент спешит из Московской либеральной пищади (пращи) пустить в миссионерский огород целый залп одноцветных камешков, старательно подобранных им, за две недели сидения на хорах залы заседаний, из громадной массы мнений и решений миссионерского съезда по вопросам о мерах борьбы с расколосектантством. Сейчас же после скорбных строк о дерзновенных решениях Съезда относительно толстовской секты корреспондент вот что пишет:

«Что касается распространения других сект, а также раскола, то для ослабления их Съезд признал *необходимым* принятие следующих мер: воспретить раскольникам *открывать школы для обучения своих детей* и закрыть все имеющиеся у них в настоящее время школы; объявить принадлежность к «особенно вредным» сектам «порочащим обстоятельством», чтобы дать этим право крестьянским обществам подвергать исключению из своей среды и ссылатъ в Сибирь тех из своих членов, которые будут замечены в принадлежности в вредной секте; признать издания лютеранских богослужебных книг на русском языке «опасными», воспретить сектантам принимать в работники или в услужение лиц православного вероисповедания, не достигших совершеннолетнего возраста, а за совершеннолетними, поступающими в работники или в услужение к сектантам, учреждать надзор через приходских священников. В виду того, что штундисты, лишенные с 1894 года права собираться на моления, стали в последнее время посещать с этой целью лютеранские церкви, имеющиеся вблизи мест их оседлости, причем пасторы совершают для них богослужение на русском языке, Съезд постановил просить через Св. Синод правительство о запрещении отправления богослужений на русском языке в лютеранских церквах, где живут штундисты. Наконец, в виду того, что в действующем ныне уложении о наказаниях, в статье, воспреещающей проповедование раскола и сектантских учений, говорится, что ответственности за это подлежат лишь лица, распространяющие упомянутые учения «публично», съезд постановил просить Св. Синод обратиться в комиссию, занятую в настоящее время составлением нового

уложения о наказаниях, с предложением исключить слово «публично» из указанной выше статьи или заменить его каким-нибудь другим словом, так как оно дает судебным установлениям повод толковать эту статью в том смысле, что воспрещаются проповеди раскола и сектантских учений только на площадях и улицах. Таковы *главнейшие постановления Съезда, приняты единогласно всеми принимавшими в нем участие почти без прений*».

Так категорически заявляет корреспондент о занятиях Съезда по отделу о мероприятиях в борьбе с расколосектантством.

Теперь извольте посудить, какое заключение должно вынести читающее светское, да еще либеральное, общество из такого отчета о занятиях Съезда миссионеров и о характере и направлении деятельности нашей миссии? Ни одной меры духовного воздействия, а только – «закреть, запретить, сослать, наказать"... И это ведь главнейшие, по заявлению корреспондента, постановления Съезда миссионеров, «призванных к проповеди нашего вероучения в истинно христианском духе»? Расчет верный: общество, мало сведущее по вопросам миссии, должно было составить по такому отчету «Русск. Вед.» о занятиях всероссийского Съезда самое превратное, невыгодное мнение (а это именно и нужно врагам Церкви и друзьям сектантства и раскола), именно, что миссионеры – без духа христианской терпимости и гуманности, воздвигают на раскол и секты гонения, что миссия держится на правительственных мероприятиях и проч.

Без сомнения, всероссийский миссионерский Съезд, собравшийся через 6 лет и удостоенный Всемилоливейшего приветствия Его Величества, Верховного Покровителя отечественной миссии, представляет собою выдающееся в церковно-общественной жизни событие. И вот как беспристрастно пишется история выдающихся, но не либеральных, событий в либеральных органах печати! В приведенной выдержке корреспонденции допущены не одни только красноречивые умолчания, тенденциозные недомолвки и неточности, но и прямое злонамеренное извращение существа

дела. Все перечисленные корреспондентом меры отнюдь не составляли *главнейших* постановлений съезда, а были внесены на последнем заседании вне программы намеченных вопросов, как мнение одного из членов, и, конечно, совсем иначе мотивированное, чем у корреспондента; мнение это тогда же было заслушано съездом в самом конце последнего заседания, при чтении заключения комиссии по разработке вопросов о новейшем сектантстве, и занесено в журнал к сведению высшей духовной власти. Достаточно одной этой справки, чтобы понять, что изложенные (повторяем в неточном и неверном освещении) меры в глазах Съезда были не только не главными, но и не существенными в борьбе с сектантством, отмечены же они как печальные явления, на которые не должно закрывать глаза людям порядка и законности. Здесь корреспондент или ошибается, или намеренно морочит читателей своих.

Главным предметам постановления Съезд посвятил 8 общих заседаний, и до 30 заседаний комиссий (о них корреспондент умалчивает). *Главнейшие* постановления Съезда касались мер *духовно-миссионерского и просветительного характера*, не внешнего административного, – не репрессалий против расколосектантства. При обсуждении внутренних вопросов миссионерства Съезд наметил и разработал целый ряд принципиальных мероприятий относительно церковно-просветительных условий жизни приходов. Но и в отделе занятий Съезда по миссионерству, как и в области вопросов сектоведения, беспристрастный корреспондент из Казани ничего достойного своего внимания не нашел и вычеркнул из своей либеральной летописи самую существенную, обширную часть, а отметил, опять-таки то что ему, – корреспонденту нравилось, т.е. что способно в известном обществе произвести нужное впечатление и сенсацию. Но не будем спешить с обличением, пока не проследим до конца своеобразного отчета «Русских Ведомостей» о деяниях миссионерского Казанского Съезда. Все, что корреспондент доселе возвестил цветики, – а ягодки-то он приберег к концу pour la bonne bouche.

Вот какие ужасы он повествует далее о занятиях миссионерского Съезда:

«Как полезные для дела борьбы с расколом и сектантством предлагались и обсуждались в съезде между прочим еще и такие меры: *исходатайствование издания закона*, на основании которого можно было бы отбирать от раскольников и сектантов их детей, причем для воспитания их в православной вере устроить в каждой епархии особые приюты. Обсуждение этой меры отняло у Съезда *почти целое заседание одного дня*, но в конце концов мера эта была отвергнута в виду тех затруднений, которые духовному ведомству неизбежно пришлось бы встретить при устройстве приютов для воспитания раскольничьих и сектантских детей. Архиепископ рязанский, высокопреосвященный Мелетий, посетивший одно из заседаний съезда, рекомендовать вниманию съезда одну также очень важную и, по его мнению, весьма полезную для успеха миссионерского дела меру: *это конфискацию имущества раскольников и сектантов*. Перед закрытием съезда принимавшие в нем участие выразили желание, чтобы через год они вновь были созваны на съезд, который следует устроить теперь в С.-Петербурге, *чтобы заседания их могли быть посещаемы высшими начальствующими лицами, что весьма важно для дела борьбы с расколом и сектантством*».

Можно думать, что измышление это вылилось из-под пера какого-нибудь раскольника или сектанта (среди них есть писаки!) николаевских времен, доселе еще бредящего преследованиями той эпохи... Вот эта-то часть корреспонденции собственно и послужила настоящим *жупелом* для левоверной и малосведущей в области миссионерства части нашей прессы и читающего общества, зело «возшумевших» по поводу Съезда миссионеров. Довольно того, что нашлись и такие из россиян, любящих заграничное оплевание своего отечества, которые тогда же поспешили, на основании легкомысленной корреспонденции «Рус. Вед.», послать телеграммы в заграничные органы, с извещением что де в России новое гонение на сектантов: Миссионерский Съезд постановил отбирать у сектантов детей и конфисковать имущество!... Шум и гам печати поднялся из-за приведенных строк такой, что мы несколько не удивимся, после тираспольской истории, если

какие-нибудь оболдуевские раскольницы-фанатички начнут морить своих ребят, – лишь бы они не попали в никотанские приюты. А что хлысты и духовборы-постники этою газетною сплетнею будут теперь в полемике оправдывать свое бракоборство, – это не подлежит сомнению. Доказательством того, какую сенсацию произвела в обществе и печати корреспонденция «Русск. Вед.», может служить «Дневник» князя Мещерского в 71 № Гражданина. Князь, надо полагать, об ужасных (выражение Гражданина) постановлениях миссионерского Съезда, да и о самом-то Съезде (в Гражданине, до знаменитого «Дневника 6 сентября», о Съезде не было ни слова напечатано и это в органе всем кажущегося ревнителя православия!...) узнал ровно через месяц по закрытии съезда из салонных сфер, где ужасы эти раздуты Петербургскими пашковистками. Что князь сам не читал «Рус. Вед.», – это доказывает слишком вольное отношение к тексту корреспонденции, которую князь прямо-таки раздул и переложил на свой лад и строй мышления. И вот появляется громоносное внушение деятелям Съезда. Князь до того раскричался и разгорячился, что не усмотрел в 200 делегатах Съезда ни одной православной души... И на съезде, где участвовали до 7-ми архипастырей, архимандриты, сонм протоиереев и иереев! Вот уже где уместна поговорка: «благодарим, не ожидали»!... Князь Мещерский давно известен своими эксцентричными оскорбительными газетными вылазками против духовного ведомства. Но такой давно мы не читали. Мы не беремся излагать мысли «Дневника», ибо князь пишет чувствами, и приводим к сведению и назиданию наших читателей реплик князя о съезде буквально.

Суббота, 6 сентября.

Свежо предание, но верится с трудом.

Корреспондент «Русских Ведомостей» из Казани повествует, что на происходившем в сем городе миссионерском съезде, на том самом съезде, по поводу которого покойному архипастырю казанскому Владимиру Государь писал: «Прошу вас, владыко, передать съезду миссионеров Мое искреннее пожелание дальнейшего успеха проповеди нашего вероучения в истинно-

христианством духе», – члены занимались обсуждением двух, между прочим, вопросов:

1) Не следует ли *отбирать* у раскольников и сектантов детей, чтобы воспитывать их в особых училищах, от епархий учреждаемых!...

2) По предложению архиепископа рязанского Мелетия – не следует ли *для успеха миссионерского дела конфисковать имущества раскольников и сектантов?*

Неужели это могло быть?

Но вот, что из рассказа вышеназванного корреспондента выясняется: еще печальнее.

Он говорит, что на обсуждение вопроса об *отбирании* детей у раскольников и сектантов съезд посвятил *целый день*, и мера эта была отклонена только потому, что не предвиделось средств к учреждению и содержанию таких епархиальных воспитательных заведений для отбираемых у раскольников и у сектантов детей. Из этого следует, что если бы средства для таких воспитательных заведений имелись в виду у съезда, то казанский миссионерский съезд решился бы ходатайствовать у того самого Государя, Который только что ему заповедовал заботу о церковной проповеди в истинно-христианском духе, издать закон, на основании которого, с целью противодействовать расколу и ереси и *во славу православной Церкви*, дети насильственно отбирались бы у родителей раскольников и сектантов для воспитания на средства епархии.

Неужели это могло быть?

Я не могу этому верить, я хочу верить, что эта злая неправда, направленная против казанского съезда, требующая опровержения, я не могу верить, чтобы не нашлось ни единого православного человека на этом съезде, чтобы во имя Христа протестовать против предложения, столь полного отрицания Его заветов любви и милосердия, если даже допустить, что оно было.

Невообразимо тяжелый думы навевают на душу эти известия о миссионерском съезде в Казани. Ведь, очевидно, на этом съезде созваны были самые лучшие представители церковной иерархии, самые усердные и самые просвещенные

ревнители православия, и тогда говоришь себе: если при этом лучшем и отборном, наличном составе миссионерского съезда он мог беспрепятственно и с легким сердцем целый день посвятить на обсуждение таких мер, как отбирание детей и конфисковывание имуществ раскольников и сектантов, то что же должно происходить во имя интересов Православия и в деле борьбы его с расколом и ересью в тех многих темных уголках Русской земли, где живут и действуют не лучшие и не отборные, а обыкновенные церковные люди?

И затем, что должно произойти в душе этих многих обыкновенных церковных людей, когда они узнают из газет, что вот что на миссионерском съезде в Казани предлагают члены его для успеха миссионерского дела и для славы православной Церкви. На что они пойдут в сношениях с раскольниками и сектантами, если сверху, откуда для них приходит свет и пример, предлагаются столь не согласные с *истинно-христианским* духом меры?

Ведь, обе меры исходить могут только от ненависти... А ненависть эта может только порождать ненависть».

Ну, а эти «многошумящие и кусательные» строки князя, подобно Иерихоновой трубе, разгласившего на весь свет бесславные лукавые толки либеральной газеты о деятелях миссии отечественной Церкви исходить *из каких чувств и во имя чего?* Не из ревности ли уж о православии? Нет, избави Бог от таких не по разуму ревнующих друзей, а с врагами справимся мы сами. Драпируясь в тогу верного сына Церкви, ревнующего о славе православия, князь иезуитски прикидывается якобы неверующим в эту «злую неправду» по его выражению, и приняв роль якобы оскорбленного за честь института миссионеров Церкви, с нетерпением ждет и требует опровержения «злой неправды» в то же время своими злоехидными разглагольствованиями внушает другим безусловную веру, что будто бы все эти «страшные вещи» не только возможны, но и действительно имели место на Съезде.

Если князь не верит «злой неправде», то чего же он предается «невообразимо тяжелым думам» по поводу Казанских известий о миссионерском Съезде?... Но своим неприкровенным

беспокойством за милый его сердцу раскол автор сам себя обличает в том, что он не только верит, но и весьма желает верить, плохо думать и говорить о деятелях миссии, князь охает, вздыхает созерцая тот ужас, какой по его широкому предположению должен происходить в миссионерской борьбе с расколом и сектантством в темных уголках русской земли... «На что пойдут обыкновенные *церковные люди* (откуда у князя взялся чисто штундовый жаргон!) в своих сношениях с раскольниками и сектантами, если сверху, откуда для них приходит свет и пример, предлагаются (?) столь несогласный с истинно-христианским духом меры»! Воскликает князь. Уж не чудится ли его сиятельству, что миссионеры «в темных уголках русской земли» отстаивают истинные убеждения и пресекают лжеучения и заблуждения, подобно столичным джентльменам, врывающимся в кабинеты писателей с плетями в руках, или с пучками излюбленной князем Мещерским розги?...

Иезуитство князя – обличителя миссионеров начинается собственно с первых же строк его «дневника», заключающих в себе донос на членов миссионерского Съезда, которые, по мнению князя Мещерского, якобы не вняли Всемиловитивейшей телеграмме Государя Императора, «заповедавшего заботу о церковной проповеди в истинно-христианском духе» (слова Гражданина), а внесли и обсуждали «предложение, столь полное отрицания заветов любви и милосердая"... Да простит нам маститый публицист, но он в своей горячей заботе о расколе явно забылся, что не ему учить составлявших миссионерский Съезд архипастырей и пастырей, служителей алтаря Господня, заветам Христа и не его дело столь дерзновенно принимать на себя толкование того, какой урок благоугодно было преподать Государю Императору в обращенных к миссионерам с высоты Царского трона священных словах монаршего привета и благожелания. Князь дерзко клеветает на миссионерский институт православной Церкви в этом неуместном вопле. Всемиловитивейшее внимание Венценосного Вождя земли Русской к миссии отечественной Церкви и ее скромным деятелям животворяще воздействовало на дух и энергии подвизающихся среди тьмы и озлобления на тяжком поприще

миссионерского служения Церкви и отечеству. Миссионеры воистину воспрянули духом, будучи осчастливлены царским ответом. В священных словах Монаршего *искреннего пожелания дальнейшего успеха* с высоты трона Всемиловитейше выражено признание успешности нынешних проповеднических миссионерских трудов, совершаемых в истинно-христианском духе, ибо этот дух искони присущ нашей Церкви, как завет Божественного основателя Церкви, законоположника Христа и миссия православной Церкви всегда верна была и есть этому завету, никогда не изменяла своему истинно христианскому духу и направлению. В Высочайших словах Царской депеши миссионерскому Съезду должны бы были усмотреть себе урок клеветники на миссию и миссионеров из расколосектанствующего и либерально-интеллигентного лагеря, распускающие, со слов супостатов Церкви, в народе и обществе недобрые речи про миссионерскую деятельность и ее направление.

Не подложить сомнению, что змеиное «шипение» либеральной газеты никогда не вызвало бы в печати и обществе такого шума, если бы не крик «Гражданина»... На возглас князи Мещерского сейчас же в унисон затянули свою обычную песню «о гонении за веру и народность» певцы с клироса князя Ухтомского с их специфическим инородческим акцентом. Все решительно либеральные газеты и журналы, которые, обыкновенно, только вышучивают клики и сентенции кн. Мещерского, теперь не замедлили серьезным тоном охранителей отечественной свободы совести заявить вот-де что пишет «Гражданин» о Казанском миссионерском Съезде... Впрочем, «Гражданин» давно служит сигнализмом для либеральной прессы в брани и ненавистничестве ее духовному ведомству. Сообщения «Рус. Вед.» о Казанском миссионерском Съезде хотя было отмечено другими органами печати, но с оговоркой недоверия.

Итак, расчет «Рус. Вед.» и «Гражданина» удался как нельзя лучше: враги Церкви злорадствовали, заинтересованные в успехах православной миссии были смущены, недоумевали, забрасывали редакции запросами «правда ли» то, что пишут

«Рус. Вед.» и «Гражданин», и просьбами об опровержении клеветы на православную миссию. Наша редакция телеграммой в «Моск. Вед» тогда же заявила, что в сообщении «Рус. Вед.» о занятиях казанского миссионерского Съезда и о речи Еп. Мелетия тенденциозно на радость врагов Церкви извращено истинное положение дела. «С.-Петербургский Духовный Вестник», редактор коего О.Ф. Орнатский был в числе делегатов Съезда, от С.-Петербургской епархии и столицы, поспешил опровергнуть газетные наветы и кривотолки, заявив, что Съезд занимался решением вопросов не об отбирании детей сектантов, а о судьбе православных детей, среди раскола и сект живущих, и что Еп. Мелетий никаких предложений не, делал и делать не мог, так как он и не был членом Съезда, а посетил лишь одно заседание, на котором побыл минут 40, поделился с миссионерами своими наблюдениями из пережитой миссионерской практики в Сибири.

Все беспристрастные органы печати (за исключением «Недели», она об опровержении пока молчит) поспешили отметить на своих столбцах это опровержение взведенной на Съезд «злой неправды». «Новое Время» и «Свет» посвятили даже сочувственные съезду передовые статьи по поводу злонамеренно распушенной клеветы на деятелей православной миссии. «Рус. Вед.» и те, по-видимому, почувствовали неловкое положение инсинуаторов и мистификаторов общественного мнения, в отношении миссионерского Съезда: они деликатно дали сигнал к отступлению, причем и не сдаваясь решительно, и не настаивая упорно на верности сообщений своего казанского корреспондента, — газета пытается свести оправдание себя «к поводам», — извольте видеть, — которые подали якобы сами совещания к недоразумению два слова к недоразумению корреспондента, но об этом будет речь ниже. А теперь два слова о князе Мещерском и об любопытном покаянии после опровержения «СП. Дух. Вестн.» злословия Гражданина на деятелей Съезда. Издатель «Гражданина» еще раз показал (в № 75) фарисейскую манеру своего публицистического писательства по вопросам о Церкви и доказал, что он действительно только рядится в несвойственную ему тогу поборника и ревнителя

православия, а в сущности в глазах князя раскольничья вера, сектантская нравственность, уклад жизни отщепенцев и выше, и лучше веры и жизни православного народа. А между тем в области расколосектоведения князь сам себя изобличает в некомпетентности, так что нужно удивляться той бесцеремонности и апломбу, с которыми он решается брать на себя роль судии и ментора специалистов в столь малоизвестном ему деле.⁷⁶

Сведения князя удивительны, по своей отсталости от современной науки сектоведения и тенденциозности, так, например, он утверждает, что у раскольников случаи круглого сиротства, оставляемого на произвол судьбы, редки, а в православной среде несравненно чаще бывают случаи, когда никто (?) не заботится о православных детях, что нравственность и вера между православными крестьянами несравненно более ослабела, чем между раскольниками..., что между раскольниками есть огромная (?) часть, представляющая духовный и семейный быт людей преданных Церкви (какой?), власти и нравственному порядку на столько строго и искренно?? Далее князь, поучая миссионеров, тут же обнаруживает незнание азов науки: он заявляет, что «давно пора было бы *привести в ясность* существенные различия между раскольниками, всегда (!) смешиваемыми (кем? подобными знатоками расколосектоведения, как его сиятельство?"...) с сектантами и между сектантами"...; «являлось бы нужным (слава Богу, что хоть князь сознает в себе пробелы!) для руководства не только духовенства (оно давным-давно имеет эти руководства), но и для православного общества издать ясное и наглядное описание видов раскола, сект и проч.

Смеем уверить издателя «Гражданина», что никто, кроме круглых невежд в области сектоведения, никогда не смешивает раскольников с сектантами, а в литературе и миссионерстве около сотни лет имеется ясное разграничение отличительных признаков не только между расколом и сектами, но и между отдельными многочисленными толками раскола и сект. Пересмотром и новой разработкой этого вопроса долгое время занимался известный, Высочайше утвержденный комитет 1864–1875 гг., где царил авторитет Мельникова-Печерского.

Результатами этой работы явился закон 3 мая 1883 г. Кроме многих руководств отдельных авторов существуют утвержденные Св. Синодом работы 2 миссионерского Съезда в Москве по вопросу о существенных признаках и степени вредности сектантских и раскольничьих толков и имеются отдельные издания этой части постановлений Съезда; князь может приобрести их за 15 к. Нынешний 3 Съезд, о деятельности которого так оскорбительно князь отозвался, главным образом занялся разработкой этого именно вопроса, продолжая труды 2 Съезда.

Насколько приведены в желательную князем ясность существенные различия раскольничьих и сектантских толков, издатель «Гражданина» легко может убедиться (и поучиться) из «Деяний 2 и 3 миссионерских Съездов», только что вышедших отдельным изданием, обнимающим весь обширный, кропотливый и авторитетный труд деятелей Съезда.

В заключение не может не отметить и еще одного курьеза из княжеского «Дневника от 22 сентября», где автор заявляет пред своими читателями, что в опровержении «Сп. Духов. Вестн.» «обойдена молчанием и не опровергнута *страшная* (?) мысль о сделанном будто бы одним из членов Съезда, иерархов предложении – конфисковать имущества раскольников и сектантов». И читатели «Гражданина» ждут разоблачения и опровержения, а между тем в ответе «СП. Дух. В.» ясно и решительно было заявлено, что такого предложения не было обсуждаемо и что Еп. Мелетий не был членом Съезда. Зачем же князь Мещерский продолжает мистифицировать своих читателей, говоря: «одна *страшная* мысль опровергнута, и другая должна быть опровергнута?"... Чтобы покончить с кривотолками в печати, мы должны отметить такой же не джентльменский прием полемики другого (тоже княжеского) органа, «С.-Петербургских Ведомостей». Говоря об опровержении, в СПб. Д. Вестн. наветов на миссионерский Съезд, – газета князя Ухтомского выражает сомнение в верности возражения, на том основании, изволите видеть, – что «ответ» подписан анонимно «один из членов Съезда» и что якобы тождественное с Русскими Ведомостями сообщение напечатано

было в Волжско-Камском Крае, в двух других Казанских газетах и во многих поволжских изданиях. «Новое Время» резонно на это отвечает редакции «С.-Петерб. Вед.», изобличая ее в лукавой наивности или притворстве: всем известно, что одно и то же известие может со слов одного органа попасть в десятки других без упоминания источника, откуда заимствовано. Не останавливаясь на оценке этической стороны подобного подозрения в отношении специального духовного органа, редактор которого – один из высокочтимых представителей столичного духовенства, состоял в составе членов Съезда, следовательно, коротко осведомлен с положением дела, мы спросим только: что же должен был сделать автор «ответа», чтобы уверить сиятельного?... И с своей стороны, решительно заявляем, что С.-Петербургские Ведомости облыжно ссылаются на «Вол.-Кам. Край», сотрудник известный в литературе г. Юдин, ежедневно присутствовал на всех заседаниях Съезда – и на страницах этой газеты не было ничего, подобного сообщенному в «Рус. Вед», а равно и в двух других газетах Казанских, корреспонденты которых были также допущены во все заседания Съезда, не было подобного сообщения, хотя о каждом заседании давались казанскими издателями подробные отчеты.

Зачем понадобилось газете кн. Ухтомского такими недостойными джентльмена способами поддерживать в своих читателях мистифицирование на счет измышленных врагами Церкви *страшных предметов* занятий миссионерского Съезда, – решительно отказываемся понять. Неужели и у «Русск. Вед.», и у «Гражданина», и у «С.-П. Ведомостей» – все это невинные недоразумения? Такие приемы полемики и обморочивания публики, совсем не подходящие для честных органов и покойный Катков недаром клеймил подобных писателей «разбойниками пера».

Такова история сенсационных кривотолков в обществе и печати относительно занятий 3-го миссионерского Съезда в Казани. Переходим и к выяснению правды дела. Здесь нам много не придется говорить, как по существу самой правды (в отличие ее от многообразной лжи), так и потому, что все

подлежавшие обсуждению Съезда вопросы и самые совещания, заключения и постановлений Съезда, подробно, на основании сведений, нами лично и нашими сотрудниками собранных при участии на Съезде, а также и на основании официальных протокольных данных, нами изложены в описании «Деяний 3 всероссийского миссионерского Съезда», которые помещаются в журнале и вышли также и отдельным изданием. В настоящей же статье для восстановления правды дела и разоблачения злокозненных наветов нам остается лишь повторительно указать на то, что говорится в «Деяниях», оттенив предметы и стороны, освещенный фальшивым светом и тенью недобросовестной светской прессы.

Прежде всего мы долгом своим считаем остановиться на тех *"страшных"*, по выражению кн. Мещерского, предметах, которые измышлены фантазией, – по недомыслию или злонамеренности, – предоставляем читателям самим судить, – светских писателей известного лагеря.

Во-1-х, мы решительно заявляем, что сообщение казанского корреспондента «Рус. Вед.», раздутое «Гражданином» и подхваченное антицерковною и либеральною прессой – о том, что будто бы на Казанском миссионерском съезде признавалось полезною мерою борьбы с расколом и сектами и обсуждалось в течение целодневного заседания, предложение об исходатайствовании издания закона отбирать у раскольников и сектантов детей и воспитывать таковых в епархиальных приютах, – безусловная ложь и решительное извращение истины. По званию секретаря удостоверяем, что такого предложения не было ни в общей программе вопросов, подлежавших обсуждению, ни в частных предложениях, ни даже в форме хотя-бы-то единоличного мнения во время дебатов по соприкосновенным вопросам.

Да такого предложения, как ходатайство о законе, и быть не могло, так как закон давно уже существует в примечании к 190 ст. улож. о наказ. Это только *terra incognita*, как теперь оказалось, для невежественных газетных и журнальных писак. Но миссионеры и Съезд не так малосведущи, какими пытается

представить их корреспондент «Русск. Вед.» с князем Мещерским.

Не место здесь разъяснять юридическое отношение указанной статьи к спорному вопросу, но мы спешим обратить внимание на следующее обстоятельство, весьма важное для снятия с миссионеров тяжелого, незаслуженного обвинения в отсутствии истинно-христианского духа вообще, в нетерпимости к сектантству и ненависти к расколу, и других, желчью приправленных укори́зн и публично брошенных кн. Мещерским и К^о по адресу православных миссионеров

Миссионерский Съезд возбудил как раз противоположное ходатайство, чем какое навязал ему так недобросовестно-тенденциозно газетный корреспондент, а именно: когда самарский депутат, о. архим. Тихон, доложил Съезду справку, о допущенном администрацией, на основаны существующего закона в этой епархии исключительном случае, отобрания нескольких детей баптистов и помещения их для обучения в монастырскую школу, Съезд признал *нежелательным* для интересов миссии повторение подобных случаев. В протоколе за № 6 буквально записано: Съезд признает *подобную миру нежелательною*.

Но как могла произойти такая мистификация, такое грубое извращение решения Съезда? Очевидно, корреспондент либеральной газеты, по выражению «Света», слышал звон, да не узнал, откуда он... Задавшись тенденциозною целью «уловления» в суждениях миссионеров чего-нибудь такого, что могло бы так или иначе наводить тени, в глазах либерального сектофильствующего лагеря, на ненавистную ему миссию, корреспондент вдруг слышит обмен мнений о 190 ст. улож., об ее юридическом отношении к детям отпадших, слышит что-то о водворении где-то детей баптистов в монастырь, об учреждены приютов в епархиях..., подслушивает затем в речи Епископа Рязанского о сибирском расколе и сектантских плутнях слово «конфисковать...». И вот на конфиденциального атташе либерального органа нашел страх и трепет (за угнетенную расколо-сектантскую невинность!) и покры его тьма..., в припадке типичного либерального бреда о гонениях в России за

веру, казанский служитель либеральной прессы в злобном страхе и выкрикнул: «миссионеры решили отбирать детей у сектантов, строить по епархиям для них приюты, конфисковать имущества... ссылат в сибирь»!... А за ним «гаркнул», но уже *по-своему – по крепостнически*, – смущенный (а в сущности – объятый тем же злорадством!) князь Мещерский и «сущие с ним». Сочинив небылицу о назначены приютов, удивительно, как корреспондент не пошел далее с разрешением вопроса о том, куда же девать конфискованный расколо-сектантские миллиарды... А решение ведь само напрашивалось: на обеспечение духовенства и содержание миссии, – в обществе поварили бы и этой мистификации и сенсации усугубилась бы... Ведь Съезд имел же суждение по вопросу о жалком нынешнем положении обеспечения духовенства и миссионеров: уж врать, – так надо бы до конца.

Да простить читатель нам этот «смех сквозь слезы» огорчения за незаслуженное поругание дорогого нам миссионерского института, за глумление над его высокогуманной самоотверженной деятельностью и заботами о пресечении расколосектантского зла.

Да будет же стыдно тем злокозненным и легковерным писателям и читателям, которые так мало знают внутреннюю миссию и так много неправды вносят в свои суждения о высоко-христианском характере, и направлены ее деятельности!

Пусть же знают клеветники-обличители деятелей миссии, что вопрос об учреждении в епархиях, при монастырях и единоверческих церквях, миссионерских приютов вызван тою же высокогуманною, истинно христианскою попечительностью миссии об ограждении от насильственного совращения в пагубный ереси и секты юного подрастающего поколения, – прежде всего православного, а затем и расколосектантского. Князь Мещерский напрасно упрекает, опять-таки не разобрав дела, в односторонности эту идею миссионерского Съезда. Цель и задачи проектированных приютов столько широки, сколько и высоки. Затронутый Съездом вопрос имеет живое нравственное и общественное значение. Нам нет надобности долго останавливаться здесь, так как в «Деяниях съезда» подробно

указана насущная потребность в подобных местах убежища для беспомощных, насильственно совращаемых юных православных чад Церкви.

На Съезде установлен целый ряд вопиющих фактов насильственного совращения в секты младших членов своих семейств отпадшими от Церкви отцами, деспотического стеснения свободы совести семейных, относительно исполнения ими религиозных обязанностей, глумления над священными чувствами веры юных православных чад Церкви. Хроника подобного рода печальных явлений в мире расколосектантства наполнена трогательными подробностями о том, каким тяжким оскорблением, глумлением, а нередко и чисто мученическим страданиям подвергаются за твердость в своей отеческой вере стойкие, но беззащитные члены сектантских семейств.

В семье, – где муж сектант, а жена держится православия – разделение в вере производит сущий ад: ни встать, ни лечь, ни сесть за стол не могут православные жена и дети без глумления над крестным знаменем, св. иконами, без оскорбления себя в самых дорогих чувствах веры. Фанатизм и изуверство не щадит и престарелых родителей. Дети бывают так запуганы родителями-сектантами, что, когда в доме или в школе заставят их перекреститься, малышки трясутся, плачут, говоря: «батько убье, не могу креститься» и проч. ...

Повсеместно сектанты детей своих, рожденных до отпадения от православия и крещенных в Церкви, не считают обязанными воспитывать в духе православия и приводит к обрядам и таинствам Церкви, а рожденных в секте не крестят.

Не редки и такие случаи, что сектанты и раскольники, притворно заявляя о возвращении в лоно Церкви, с целью вступления в брак с православными чадами Церкви, и давая установленные по закону обязательства, относительно своего пребывания в лоне Церкви и воспитания детей в православной вере, затем безнаказанно нарушают эти обязательства. В этом отношении свобода действий сектантов и раскольников русских не уступит американской. Молодое поколение расколосектантского мира вырастает без религиозно-нравственного воспитания в нездоровой семейной атмосфере,

будучи везде предоставлено опеке и руководительству вожаков темной фанатичной массы, неспособных дать положительного нравственно-христианского научения. Вся обстановка жизни этих юных чад Церкви воспитывает в сердце их одно только похулительное учение в отношении догматов веры, крайнюю ненависть к православию, отчуждение от вековых традиций народной жизни, благодаря чему в штунде, напр., растет и зреет новое поколение без духа веры и нравственных устоев, что грозит нарождением в русском народе религиозных нигилистов или индифферентистов. Вот почему, повторяем, вопрос, поднятый на Съезде, иметь широкое, не только нравственное и общественное, но и государственное значение.

В хлыстовской секте заключение браков с православными освящено правилами секты, как одно из верных средств совращения в секту чад православной Церкви и умножения рядов последователей гнусного бракоборного лжеучения.

Другим преступным, но наиболее излюбленным у раскольников и сектантов способом распространения своих лжеучений и совращения юных православных чад Церкви является принятие к себе в дома, скиты (у раскольников) и корабли (у хлыстов и скопцов) детей бедных православных родителей и сирот – у вдов или у родственников, которые всегда рады сбыть сироту с рук на воспитание или обучение грамоте, рукоделию, – а также наем в услужение несовершеннолетних из православных семейств. Указанные способы и приемы совращения и пропаганды особенно широко распространены в хлыстовстве. Тарусский процесс открыл, что у привлеченных к суду «матушек-корабельщиц» и «батюшек» – были своего рода монастырьки с десятками молодых несовершеннолетних и взрослых девиц, набранных из православных семейств, под видом обучения ткацкому ремеслу, все они оказались совращенными в ересь, участвовали в радениях. Те же самые радения установлены и в хлыстовстве Самарской губернии, где у богатого купца П-ва проживали десятки девиц, в том числе не мало несовершеннолетних, который также участвовали на радениях, а, следовательно, – и в свальном грехе.

Неужели православной миссии и обществу оставаться равнодушными к таким позорным явлениям и ничего не предпринимать к пресечению зла? Штунда настолько этим путем успешно увеличивала свои ряды, что обстоятельство это вызвало в Юго-западном крае распоряжение главного начальника края, коим воспрещено сектантам брать к себе на воспитание или в услужение православных несовершеннолетнего возраста.

Из других, доложенных Съезду сообщений о способах и приемах совращения в расколосектантство подрастающего поколения и укоренения его в лжеучениях выяснилось, что для сей цели служат сектантские тайные и легальные школы, приюты и богодельни.

Насилие и гнет раскола над беззащитными членами своих семейств и общин настолько велики, и так тормозят успех миссии, что даже и сознавшие заблуждение расколосектантства не решаются перейти в православие из опасения материального и нравственного гнета крепко сплоченной, темной, фанатичной среды и в виду отсутствия поддержки и материальной помощи у миссии православной Церкви. Более того, бессилие миссии господствующей Церкви настолько поразительно, что и обратившиеся в лоно Церкви в большинстве случаев, не выдерживая страданий, вынуждены бывают снова возвращаться в раскол и секты. По отзыву одного из членов Съезда, гонимая вера в России не секты и раскол, а православие...

о. Архимандрит Тихон развернул перед Съездом поражающую картину горя, душевных и физических страданий, выносимых воссоединяющимися с церковью современными героями и мучениками за православную веру в местах сплошного раскольничьего поселения, каким, напр., является Иргиз – место миссионерской деятельности почтенного о. Архимандрита. Для иллюстрации о. Тихон рассказал трогательную повесть о печальной участи новообращенной из раскола молодой женщины Аграфены, которую за измену расколу муж ежедневно истязал побоями, родня обвиняла в воровстве у свекрови, а сельская раскольничья власть глумилась, из тонких политических соображений, чтобы

неповадно было другим переходить в Никонианство, и вот водят «Грушку-еретичку» по всему селу в волость для суда и расправы, бежит за Грушкой, как преступницей, все село и каждый вслед обливающейся слезами и кровью исповеднице православия бросает вместе с плевком и комьями грязи слово укора: «а так ей и надо, зачем пошла в антихристову веру?...». Посудили порядили в волости, посмеялись над Грушкой власти сельские, побушевала родня, поглазел народ, – и отпустили Грушку, ибо не обретется ни единыя же вины в ней, кроме мнимого еретичества... Боится затравленная злобою женщина вернуться домой, чтобы мужнин дом и лихой свекрови не был ей могилою в эту темную ноченьку, – вдеть она к родителям, но и они раскольники: «к своим прииде, и свои ее не прияша"... – Здесь та же злоба, та же ненависть к православию, та же дикость и тьма непросветная... Всё от нее в родной, кровной семье сторонятся, все косятся, как на еретичку, нет ласки от матери родной, нет привета от братьев... Прошла бессонная ночь – настал день... Вышла Аграфена в сени, чтобы здесь в тиши одной выплакать свою грусть-тоску... Обливаясь слезами, увидала одинокая страдальца у ног своих приветливо ворковавшего петуха, ею же и вскормленного..., «Птичка Божия, ты видно одна понимаешь страдания мои...». Схватив птицу, страдальца прижимала ее к разрывавшемуся от скорби сердцу, целовала и обливала слезами золотистые перья единственного в окружающей враждебной обстановке утешителя... Жаловаться некому, искать защиты нигде, кругом – все раскольники, в селе почти ни единой души православной, городские власти далеко, пастырей нет... И эти муки в православной Руси...

Неужели либеральным писателям могут нравиться подобный изуверства? А вот вам и еще картина современных гонений на православных в смешанных семьях, – особенно на женщин: «в церковь православную не пускают, заставляют ходить в раскольничью молельню, издеваются над православными обычаями и верованиями, обходятся с презрением, иногда наносить побои каждый день, а если муж не побьет жену, то его самого побьет мать- раскольница; за общий стол не садят, а где-нибудь у порога, есть не дают, так что иные молодухи

сознавались, что они, выйдя с пойлом в хлев, ловили из лохани корки хлеба и тем утоляли свой голод, иногда же лишались и этого скотского корма, если не им приходилось поить скотину; «похлебку старшая молодуха-раскольница сладит православной-младшей из ополощин, т.е. когда отъедят раскольники, она остатки пищи из их блюд соединит в одно, ополощет их чашки и эти ополощины вошьет туда же в остатки пищи, – и эту смесь, которая обычно выливается в лохань, подставляет несчастной, как некую снедь, – туда же или на стол, кинет корку хлеба, достаточную только для возбуждения аппетита, а не для утоления голода. Если же от такой пищи отвращается душа, то оставайся совершенно голодной. Если муж любит жену, – он украдкой вынесет ей кусок хлеба, и благодари Бога». С.-Петербургской епархии сообщен случай посещения приходским священником такой больной, по наказу ее с православным, зашедшим проститься с умирающей: и вот он нашел больную, лежащую не в переднем углу, где обычно кладут опасно больных, а под корзиною у порога на двери в подполье. Когда священник стал требовать, чтобы зажгли свечку и перенесли больную в передний угол, она со слезами начала умолять священника, чтобы он не делал этого, так как после ухода священника столько ей будет истязаний, что не дадут спокойно умереть. И эта мученица так и умерла на этой двери под корзиною, у порога, на самом грязном месте! Не менее трогательными чертами изображались миссионерами страдания, какие испытывает при родах православная женщина, вышедшая за раскольника. Прежде всего, когда приближается опасное время родов, православную молодуху изгоняют из дому, чтобы не осквернила его рождением младенца, «ибо родить еретица в доме, говорят раскольники, всем нам да будет канон» (епитимия раскольничья). И бедной роженице приходится рожать или в холодной бане, или в хлеву, но это еще счастье, а то и в хлев не пустят: «пускай заколеет еретица, – хлев и двор – одна связь с домом, все равно и в хлеву родить – дом осквернить». После родов известное число дней не впускают православную роженицу в жилую избу, в особенности если есть кому ходить за скотом; в противном случае, лукавство раскольников

придумывает какое-либо извинение, чтобы родившая, не смотря на послеродовые болезни, исполняла по хозяйству все обязанности работницы, и это иногда прямо для того, чтобы непокорную неподдающуюся убеждениям скорее извести...

Неужели такие несчастные страдалицы потому только, что они православного исповедания, не заслуживают внимания и покровительства общества? и почему же корреспондент «Рус. Вед.» прошел молчанием подобные сообщения миссионерского Съезда? Из нежелания наводить тени на покровительствуемые либеральной прессой раскол и секты?... Хорошо беспристрастие у либералов! Если не хотите сами перстом двинуть в пользу и защиту православия, так не мешайте же миссии, не клеветайте на ее почтенных деятелей!...

При обсуждении вопроса о способах и средствах защиты юных и гонимых чад Церкви и для противодействия вообще со стороны миссии вредному влиянию расколосектантства на подрастающее поколение православного вероисповедания и сектантства, Съездом единодушно признано было полезным учреждение, хотя бы по одному в каждой епархии, при мужских и женских монастырях, особых миссионерских школ и приютов для призрения и обучения детей сирот православного исповедания, а также и детей находящихся на воспитании или услужении у сектантов, а равно нуждающихся в приюте детей раскольничьих и сектантских, кои по закону подлежат воспитанию православных родственников, напр., при высылке, по суду с лишением прав, родителей-сектантов, или за смертью последних, или в виду признанной по суду и врачами невменяемости кого-либо из сектантов (из киевских малеванцев *параноиками* признано до 15 душ и все они были долгое время на излечении в больнице, некоторые там и померли, дети оставались без призора, одна женщина в состоянии экстаза убила 6-летнего дитя свое). Православные родственники отпавших, будучи сами крайне бедными, передают, обыкновенно, свои права и обязанности по воспитанию детей сектантов в указанных случаях зажиточным сектантам. Неужели православная миссия и общество должны продолжать свое вековое равнодушие и в подобных случаях? Но не возопиют ли

тогда камни?... Бывали случаи, что дети от 10–14 лет, научившись грамоте, всякими прельщениями штундистов, наипаче же чрез участие на так называемых детских собраниях штунды, совращались в сектантство, и тогда все убеждения и меры отеческого воздействия со стороны православных родителей оказывались безуспешными: дети не давали покоя родителям, – штундовали, глумились над верою и Церковью, бродили по ночным штундовым собраниям. И вот сами родители обращались чрез миссионеров с просьбою к духовному ведомству и администрации – взять куда-либо детей в науку. Был и такой случай, что юноша-малеванец вместе с психопатом сектантом сжег клуню своего отца и спалил несколько домов в состоянии экстаза, другой пророчествовал «разными языками» о кончине века и производил народную смуту? Как прикажете, гг. либералы, поступить в подобных случаях? Куда девать таких несчастных детей и юношей, от которых отказывается сама семья? Скитаться оставить их в трущобах расколосектантства или долг гуманности и христианского милосердия требует устроить для таковых несчастных убежища и дать там духовное врачевание?... Вот для таких-то целей Съезд и проектировал приюты при монастырях.

Корреспондент «Русск. Вед.», а с ним и князь Мещерский нагнали, что будто бы вопрос этот отклонен за неимением средств в епархиях. Неправда, – единодушно и сочувственно всем Съездом принято было это гуманное предложение.

Нам остается объясниться еще и по поводу другой, по выражению кн. Мещерского, *страшной мысли*, навязанной «Русск. Ведом.» миссионерскому Съезду – это о *конфискации имущества раскольников и сектантов*.

Как уже заявлено «С.П. Духовным Вестником», *никакого подобного нелепого предложения, а, следовательно, и обсуждения на Казанском Миссионерском Съезде не было и быть не могло*. Светская печать еще раз доказала, что она не высоко ценит себя и свое печатное слово; она способна принять и разгласить на столбцах своих всякую сплетню, ложь и клевету на кого бы то ни было. В данном случае не предостерегли либералов и фарисеев печатного слова от доверия к инсинуации

ни высокий сан оклеветанного епископа, ни свыше 30-летняя известная миссионерская деятельность этого иерарха, – ознаменованная отеческою любовью и высоко-христианским участием к иноверцам – инородцам, обожавшим доблестного, кроткого старца-архиерея. Печать не позаботилась проверить заведомо сенсационного сообщения какого-то писателя из Казани о конфискации не хотела даже и обождать появление в печати речи епископа в подлинном ее виде, а поторопилась бросить по адресу духовной особы, смутившее все общество, обвинение в нетерпимости к заблудшим, если не сказать в жестокости.

С появлением же речи Еп. Мелетия в печати (в Миссионерск. Обозр. Август), никто из светских органов, в видах восстановления истины, не счел нужным познакомить смущенное общество с подлинною речью епископа. Одни лишь «Русск. Ведом.», в целях само-оправдательных, поспешили выхватить из беседы епископа несколько отдельных фраз и тирад, но таких, которые, не объясняя существа деда, так или иначе могут быть по вкусу либеральной части общества: между прочим, газета предусмотрительно умолчала о существенных, но невыгодных для защищаемого ею расколосектантства, подробностях речи епископа. Последний совсем не касался убеждений или верований заблуждающихся, а делился лишь в непринужденной отеческой беседе с миссионерами своими печальными наблюдениями относительно ненормальных явлений в социально-общественной жизни Сибирского раскола, сектантства, тормозящих успех православной миссии; а именно: Архипастырь рассказывал о бессовестной, бессердечной эксплуатации богатыми раскольничьими общинами бедного православного люда, об имущественных захватах, о существующих в расколе незаконных денежных сборах, кагальных кассах для противодействия миссии, для откупа и сокрытия своих темных преступных деяний по распространению лжеучений: «где ни появляются раскольники и сектанты, – говорил преосвященный, – всюду они становятся за короткое время зажиточнее старожилов, – наших православных, приобретая себе стяжания *всеми неправдами*... В общественном

быту у них существует *общинная касса для выкупа из рук правосудия*; с целью отстоять интересы своей общины и обессилить противную православную сторону являются *темные общественные поборы* и собираются таким незаконным путем огромные суммы, и тратятся они на поддержание суеверий и заблуждений раскольничьих и сектантских толков. Сборы эти и по существу и по целям незаконны и не должны быть терпимы. Правительство местная администрация не может не знать об этом, ибо *сборы эти легально гарантируются общественными приговорами...* Тем не менее темные сборы существовали и не выводились... Наши православные миссии не раз обнаруживали это зло. Были и меры к пресечению так называемых «темных сборов», – *самых отяготительных для народа и несправедливых...* Но положение дел не улучшилось... Темный сбор не ограничен, *собирают при всяком случае и за обычай*». Говоря за сим о появлении в Якутской области нового чудовищного сектантского движения, как последнего слова в теории и практике расколосектантства – не признающего ни Церкви, ни Царя, ни властей, отказывающегося платить подати и отбывать общественные повинности, – владыка заметил, что «никакая сила разумных доказательств не убедит такого очумелого сектанта, пока не ограничат его имущественных прав и не будут конфисковать кагальных касс, имеющих *противоправительственное назначение*. Пресечь это зло – дело правительства».

Вот та здравая мысль Епископа – ревнителя церковной и государственной правды, которая возмутила страшливый дух бесстрашного «гражданина», исторгла слезы скорби у сентиментальных писателей «Петерб. Ведом.», усилила желчное настроение у редакции Вестника Европы и К°.... Но, как видите, на самом-то деле в речи Рязанского епископа ничего нет ни страшного, ни странного, ни нового, а главное – нет того, что навязано преосвященному Мелетию корреспондентом «Рус. Вед.», нагло извратившим мысль и слова беседы маститого архипастыря. Речь шла совсем не о конфискации частной собственности или имущества последователей расколосектантства, а о прекращении существующих среди

сектантов незаконных сборов, вредных для целей пропаганды, и конфискации кагальных общинных касс, имеющих противоправительственное назначение. Только слепотствующая мысль и совесть станут отрицать различие менаду тем и другим (частные сбережения, кому бы они не принадлежали, и поборы революционерных комитетов пресловутого польского ржонда не одно и то же...). Но вот вопрос, имеет ли надлежащие сведения светская печать и общество о том, что такое кагальные расколосектантские кассы, или общинные капиталы, о конфискации которых упомянул Епископ? Какое их назначение и в чем их зло? В том-то и беда, что громадное большинство православного русского общества и печати страдает хроническим недугом – смотреть на расколосектантство чрез призму цветных очков с предвзятой, внешней, показной стороны его жизни и не хотеть серьезно вникнуть в корень дела, во внутренний (интимный) строй жизни этого своеобразного мира, враждебного культуре не только церковной, но и общегосударственной. Отсюда общество и печать не понимает ни задач миссии, ни даже языка миссионерской литературы. Расколосектантство, замкнувшись в себя, сплотившись в духе ненависти к отечественной церкви и русской государственности, живет своею, отрешенною от общерусских начал жизнью, *представляя государство в государстве...* Поучительное доказательство в этом отношении должны были бы представить государственной мудрости и обществу недавние разоблачения из жизни духоборческой секты. Но уроки прошли без науки, кажется. Либеральное нянченье с сектами растет. Обратило ли, напр., общество и пресса должное внимание на появившиеся в печати сведения о *династической* (конечно тайной) *кассе*, этой секты, известной под именем «Сиротского капитала», который шел на содержание духоборческих правителей из «священной линии Калмыковых», на их двор; *на дань русскому императору* (на подати), на подкуп чиновников, на скупку и аренду земель для своей братии и другие неведомые для правительственной власти цели, а отнюдь не на симпатичную для всех цель, отмеченную названием «Сиротского капитала»?... Слыхали ли общество и

печать «о половинном капитале» бунтующей в Закавказье партии духобор-постников, которые, благодаря этому капиталу, вот уже два года выдерживают своего рода войну с правительством, не желая подчиниться законам государства? Обращали ли внимание писателя, крикуны против миссионеров, на какие средства хлысты, по-видимому – бедняки самых отдаленных уголков изыскивают тысячные суммы на вызов лучших адвокатов из столиц? Известно ли, что в Тарусском уезде, как установлено на судии существует у хлыстовского корабля свое целое барское имение (с. Истомино), которое чуть не с самого начала нынешнего столетия переходит по завещанию от главы корабля к преемнику его, являющемуся попечителем общины? Имение это служит целям пропаганды гнусного лжеучения. А изуверное скопчество? оно ведь главным образом поддерживает свой прозелитизм и пополняет свои ряды несчастных жертв при посредстве подкупа из кагальных своих касс. Каждый оперированный получает субсидии от 300 до 1.000 р. и более. В штунде давно доказано существование строго организованных миссионерских касс, которыми заведует штундо-миссионерский центральный комитет, находящийся в немецких колониях юга России. Касса составляется из добровольных пожертвований каждого члена после богомоления и из обязательных взносов последователей секты. Каждая община (церковь) имеет свою кассу и направляет, деньги чрез разъездных миссионеров в центральную кассу. Отсюда получают жалование штундовые миссионеры, отсюда же идет, помощь (подкуп) неофитам, на средства кассы нанимаются адвокаты и ходатаи для ведения судебных дел по преступлениям штундистов, на подачи прошений разным правительственным учреждениям и лицам. А о расколе еще митрополит Филарет сказал, *что он вырос и держится на деньгах и обмане*. Вот о конфискации каких имуществ говорил Епископ Мелетий. И разве он не прав? Интересно услышать мнения газетных Эдиппов, учинивших лихой поход против миссионерского Съезда, как же иначе надлежало бы смотреть с точки зрения нашего законодательства на существующие в темнота расколосектантской жизни подобные, эксплуатирующие

массу сборы и имеющиеся вне государств. контроля капиталы и кассы, и как поступать с ними? Могут ли быть терпимы подобные учреждения и действия в мире расколосектантства? Император Николай I, когда был в 1839 г. открыт династический духоборческий капитал в количестве 13 т., приказал его конфисковать в пользу казны и употребить на постройку школ и храмов на молочных водах. Тифлисская же судебная палата также случайно открытый тайно-общественный капитал в количестве сотен тысяч, после смерти духоборческой царицы – Лукерьи Калмыковой, присудила, не смотря на явную принадлежность их всему обществу и на домогательства последнего, в пользу прямых наследников покойной.

Затем, неужели печать и общество серьезно полагают, что одна миссия путем слова убеждения может воздействовать на фанатика, отуманенного сумасбродными против-церковными и противогосударственными лжеучениями, да еще при этом находящегося в денежной и материальной кабале у тесно сплоченной общины? Или, можно ли усовестить одним словом оставить свои заблуждения избравшего себе пропаганду сектантских лжеучений выгодным ремеслом, получающего щедрые оклады миссионерского жалования из кагальных касс?

Нет, гг. либералы и фарисеи печатного слова, вы набросились на умудренного горьким опытом архипастыря миссионера «зря», и – опять-таки слыша неприятный для вас звон, да не разобрав, откуда он. Старец – епископ затронул в своей беседе вопрос большой важности, над которым нельзя не задуматься, так как он служит ключом к объяснению одного из главнейших тормозов миссии. Но да простить благостный архипастырь, что имя его газетные зоилы пронесли яко зло: не ведут бо, что творят, и о чем говорят!

В обвинительном против миссионерского Съезда акте «Рус. Вед.» и «Вестн. Евр.» упомянуто также и о постановлениях съезда, относительно воспрещения издавать на русском языке немецкие, принятые у штундистов богослужебные книги, а также отправлять в кирхах и молитвенных домах немцев-баптистов богослужения на русском языке для наших штундистов. Что же тут, спросим мы, узрели либеральные органы

несоответственного с задачами и долгом православной миссии? Неужели последняя не обязана обнаруживать пред правительством вредные для православия и незаконные действия лютеранской генеральной консистории, за свою цензурою издающей, – переменяя лишь обложки и заглавие, – книги, которые запрещены министерством В.Д. к обращению среди русского населения? Или миссия должна молчать о том, что немецкие пасторы укореняют нашу штунду? Слава Богу, миссионеры ясно и глубоко сознают святой долг служения Церкви и родине православно, и не растлены новейшею теорией всяческой свободы и непротивления, во вред родному православию. Немцы и так слишком много сделали зла нашему отечеству, чтобы покрывать их преступные действия. Довольно с них того, что роль попустителей-покровителей охотно берут на себя либеральные русские писатели и органы.

«Вестник Европы» протестует даже против постановления Съезда о необходимости закрытия раскольничьих школ и о предоставлении сельским обществам дискреционного права высылки распространителей лжеучений по приговорам. При этом почтенный журнал высказывает такие суждения, которые свидетельствуют, что и серьезные органы малосведущи в области вопросов миссии и сектоведения. Так, относительно закрытия раскольничьих школ «Вест. Евр.» выражает абсурдное мнение, что «эта мера будто бы может отразиться на числе раскольничьих детей в правительственных и церковных школах, что в последних количество учащихся раскольников растет, якобы благодаря свободе выбора школ, отсутствию принуждения косвенного или прямого"... (какая деликатная чуткость)! «В сближении, совершающемся путем совместного обучения, всего драгоценнее именно то, что оно добровольно, в этом и только в этом залог его искренности и прочности», докторально возглашает «Вест. Евр.». Все эти умные наставления журнала – не более как пустые безжизненные фразы кабинетных доктринеров, совершенно незнающих истинного положения дел, не знакомых со школьным вопросом в расколосектантских селениях.

Закрѣтія расколѣничѣхъ школъ требуетъ не Сѣздъ, а законъ, о которомъ лишь Сѣздъ напоминаетъ, такъ какъ все расколѣничѣ школы существуютъ безъ надлежащаго разрѣшенія, и являются тайными и запрещенными, руководятся начѣтчицами, знающими одну лишь славянскую грамоту, гдѣ обученіе производится по старой, одуряющей методѣ, в обстановкѣ невозможной. Свободнаго *выборъ*, школъ, о которомъ краснорѣчиво рассуждаетъ В.Е., *тутъ никакого нѣтъ и быть не можетъ*, такъ какъ школъ, правильно организованныхъ ни сельскихъ, ни правительственныхъ доселѣ не заведено, даже в такихъ селеніяхъ, гдѣ до 5, 7 и 10 тысячъ жителей сплошнаго расколосектантскаго населенія. На 20 т. духоборческаго населенія существуетъ, напр., одна только школа в трехъ губерніяхъ... Сѣздъ, высоко цѣня просвѣтительное значеніе организованной школы, ходатайствовалъ о скорѣйшемъ заведеніи легальныхъ школъ на мѣсто не законно и къ вреду православія существующихъ в расколѣ и сектантскихъ селеніяхъ рассадниковъ потомственнаго невежества и изуверства. Неужели и такіе школы заслуживаютъ одобренія со стороны европейски-просвѣщеннаго Вестника, который некогда такъ беспощадно травилъ православныя школы (домашнія и церковныя) за одну только в нихъ славянщину (часословъ и псалтирь) и недостатокъ новѣйшихъ приемовъ педагогическаго учителя православныхъ-церковниковъ? Неужели такое постановленіе миссіонеровъ не угодно просвѣщенію либеральнаго лагеря?... Что касается дискреціонныхъ правъ обществъ на удаленіе в известныхъ случаяхъ изъ среды расколѣнниковъ и сектантовъ, то и в этомъ случаѣ В.Е. жестоко ошибается, когда говоритъ что будто бы до сихъ поръ ничто не мешаетъ обществамъ пользоваться этимъ правомъ в отношеніи виновныхъ в принадлежности къ сектѣ и расколу и потому дѣ не слѣдуетъ дѣлать никакихъ новыхъ разъясненій и дополненій, иначе значило бы вызывать, науськивать крестьянъ на суровую меру, понуждать ихъ къ еѣ принятію, т.е. извращать смыслъ института, предполагающаго ничѣмъ не стесненную инициативу, ни кѣмъ не продиктованную волю сельскаго общества».

Почтенный органъ не знаетъ истиннаго положенія вещей. В томъ-то и дѣло, что права обществъ в этомъ отношеніи ограничены разъясненіемъ Сената и приговоры и ходатайства сельскихъ

обществ о выселении из своей среды односельчан – упорных совратителей и похулителей православия оставляются без последствий, причем обществам дается знать, что отпадете от Церкви и принадлежность к сектантству не составляют таких порочащих обстоятельств, в силу коих общество имело бы право на выселение своего однообщественника, а распространение сектантства преследуется-де в судебном порядке. Съезд установил, что в таком виде мотивируемые отказы сопровождаются крайне вредными для миссии и вообще нежелательными последствиями. Наш простой народ исторически выработал для себя такой взгляд на вещи и явления в жизни своей: «что царское правительство не карает, то, значит, позволительно, а дозволить начальство может только полезное и доброе, следовательно, – внушают народу сектанты, – наша вера истинная, само начальство не видит в ней порока, и мы теперь вольны проповедовать, а это только попы да миссионеры из-за своей выгоды порицают секты». Пропаганда тогда усиливается, штунды воинствуют, а православное общество – не мало озадаченное тем, как это так правительство защищает развратителей народных чувств веры и хулителей Церкви, – скоро свыкается с этим взглядом, вслушивается в учение, и отпадения растут. Более же консервативные из православных, выведенные из терпения наглостью пропагаторов, прибегают к народному самосуду над сектантами, что окружает последних, как потерпевших, ореолом мученичества, а православных не редко подвергает тяжкой каре закона за истязания. Все это содействует торжеству пропаганды лжеучений, крайне деморализует народ и тормозишь успехи миссии. В виду изложенного, Съезд одобрил высказанное одним из его членов мнение, что правительственное ограничение принадлежащего обществам дискреционного права в пользу сектантства отзывается весьма неблагоприятно на борьбе с сектантством и потому подобная практика, как отклонение подобных приговоров, не желательна, с точки зрения миссии и деморализации православного общества. Да такое отклонение общественного мнения в сущности противоречит и теории «Вестн. Евр.» «о ничем не стесненной инициативе и никем не

продиктованной воле сельских обществ» и потому то и отражается деморализующе на мировоззрении массы. Отклонение—то именно и стесняет, инициативу и насилует волю народа, ломает его вековые воззрения на преступления против веры и Церкви. Народ при своей бесхитростной логике не может себе выяснить, каким образом правительственная власть (православная) ни сама не ограничивает, ни ей, громаде, не позволяет освободиться от заведомого хулителя ее вековых святынь, и даже не считает за порок преступные, в глазах народа, да и по сущности дела, деяния лжеучителей.

Итак, Съезд имел серьезные основания и сильные побуждения коснуться данного вопроса и напрасно кн. Мещерский с К^о отозвался, что все подобные меры дышат нетерпимостью и внушены миссионерскому Съезду ненавистью... Нет, не ненавистью к сектантству, а любовью к меньшей братии по вере руководился в своих действиях и воодушевлялся православный миссионерский Съезд, нравственно-религиозное чувство которого тяжело страдает за истину веры и братьев своих по вере от тех защитников православия, которые, прикрываясь принципами веры евангельской, являются сторонниками принципов веры «цыганской»...

Такова правда дела... Надеемся, что беспристрастные люди из нашего разъяснения, основанного на документальных и фактических данных, ясно увидят и оценят по достоинству всю недобросовестность и тенденциозность, допущенные известной частью прессы в своих отчетах и отзывах о занятиях 3-го всероссийского Миссионерского Съезда. Но наша отповедь клеветникам на миссии и Съезд была бы не законченной, если бы мы оставили без ответа и еще один пункт из серии распространенных в обществе и печати кривотолков и недоразумений, по вопросу о миссии и мерах борьбы с расколом и сектами. Тем более, что недоразумение, которого мы хотим коснуться здесь, уже не мелочное придирчивое, а имеет серьезный принципиальный характер. Мы имеем в виду то крайнее мнение, которое стоит за полное невмешательство и безучастное отношение правительственной власти в борьбе

Церкви с расколосектантскими заблуждениями. Поборники этой теории то и дело инсинуируют на миссию и ее деятелей, навязывая им нетерпимость и суровость в отношении заблудших, стремление побороть раскол и секты не своими духовными мерами, а правительственными репрессиями. В сущности, это заблуждение не новое, оно-то и привело печать известного антицерковного лагеря к страстному суждению ее о занятиях казанского миссионерского Съезда, на который совершенно не основательно, если не сказать – облыжно, наброшена тень, будто бы Съезд главным образом занимался изыскиванием и обсуждением мер не духовного, миссионерского, а внешнего, административного воздействия на расколосектантство, с целью обострить полицейские стеснения и уголовные кары власти, в отношении отпадших, возвратиться к какому-то прежнему (?) способу действий против раскола и сект⁷⁷ и проч. Только именно благодаря указанной предубежденности, при поразительном незнании обществом и печатью истинного положения дел миссии и состояния сектантства, печать и могла принять на себя роль непризванных учителей и судей в столь специальном деле. Общество и печать не хотели и доселе не хотят узнать и понять, насколько третий всероссийский миссионерский Съезд представлял собою, и по численности, и по составу членов, авторитетный консилиум деятелей – врачей-лечителей тех духовных недугов в нашем церковно-общественном организме, какими являются широко распространившиеся в православной Руси сектантские и раскольничьи лжеучения. Не поучать Съезд следовало бы малосведущим дилетантам анти-церковникам – либералам и фарисеям. а поучаться у него, а если и поучать, – то не торопиться судить и рядить по первому злонамеренно брошенному отзыву каким-то казанским корреспондентом, но поискать и дождаться надлежащих сведений из верных источников, а это сделать не трудно... Съезд ведь свои совещания открыто и не прятался от света, ибо его стремления, слова и дела на пользу православия были чисты и светлы. И только беспристрастные суждения прессы, основанный на несомненных данных, могли быть полезны для дела и

поучительны. Врываться же в область судебскую без знаний дела, а лишь с одним желанием, покричать с напускным вдохновением, (вроде вдохновения князя Мещерского), – это значит только вредить серьезному делу и мутить воду для того, чтобы сектантские ловцы успевали лучше уловлять простодушный народ в свои «сети». К величайшему сожалению и вреду для православия, крик нахальства и невежества обычно, делает у нас тон в настроении и мнении светского общества и заглушает деловой голос правды. Расчеты сикофантов и инсинуаторов верны. Газетные кривотолки о миссии о съезде всякий читает, обсуждает – и многие верят, но, а кто дает себе труд навести справку хотя бы в протоколах, подробно уже опубликованных в особом издании «Деяний 3-го всероссийского миссионерского Съезда», чтобы убедиться в клевете, проверить неосновательность предубеждений общества о характере деятельности миссии и в частности о занятиях Съезда?... А в существе дела, довольно было одной протокольной справки, чтобы убедиться во лжи и увидеть, как верно и с какою громадною пользою велись занятия Съезда миссионеров. Вот эта справка. Прежде всего и главным образом миссионеры как врачеватели на Съезде положили массу труда и усердия на диагноз сектантских недугов, – на выяснение существа, характера и отличительных черт в учении той или другой секты, на определение степени ее заразительности и вредности для церкви, общества и государства. Причем особенное внимание нынешнего Съезда обращено было на новейшее сектантство, как на явление своего рода модное и доминирующее, овладевающее симпатиями интеллигенции и помрачающее здравый смысл, и совесть народа, но доселе специально невыясненное и надлежаще неосвещенное. Но определить характер и симптомы болезни, – как известно, для пользы дела еще далеко не все – долг врачевателей, вместе с тем, указать и верные средства к искоренению злой немочи или по крайней мере к ограничению ее развития.

Эта сторона дела также составила одну из главнейших задач и забот бывшего Казанского всероссийского Съезда. Необходимо при этом заметить, что при совещании о мерах и

способах уврачевания расколосектантских недугов, третий Миссионерский Съезд, равно как и предыдущие два, исходили и всецело руководились теми высоко-христианскими принципами и мотивами, кашие положены в основе внутренней миссии православной Церкви, как Церкви истинной, Христовой и апостольской. Наша миссия всегда смотрела и смотрит на расколосектантство, как на явление болезненное в религиозной жизни глубоко-верующего русского народа; болезнь эта тяжкая, с характером эпидемическим, притом осложненная в своем историческом течение вредными социально-общественными тенденциями, но тем не менее болезнь эта признается миссией, по существу своему, прежде всего и главным образом *болезнью духовною*, глубоко коренящуюся *в душе народной*, в ложных убеждениях его непросвещенного ума, в мистически настроенном русском сердце, в слабоволии толпы и своеволии вожаков толпы... А, потому первыми и главными мерами уврачевания этого духовного недуга – православная миссия Церкви всегда признавала *прежде всего и главным образом меры духовного порядка*.

Далее, православная миссия, состоя в живом союзе с Церковью Христовой, присно и живо памятует в своих отношениях к заблуждающимся и отпадшим и в действиях против них, святейший образец действий и заветы Божественного Основателя Церкви, Законоположника Христа, Пастыря доброго, полагающего душу за овцы, кроткого и смиренного сердцем, *уже видел народы, яко бяху смятени и отвержени, милосердова о них* (Мф.9:36).

Православно-русская миссия и ее деятели проникнуты руководятся тем кротким духом милосердной любви, скорбного сострадания к искупленным честною кровью Христа, к своим дорогим, как заблудшим, так и к меньшим немощным по вере *братьям* и, возгреваемые сею любовью, всегда самоотверженно готовы идти с светом истины Христовой на помощь блуждающим в смертном мраке пустынь расколосектантства, всегда терпеливо и бодрственно стоять на страже, ограждая немощных чад Церкви живым и действенным мечом Слова Божья...

Повторяем, что меры духовного воздействия в деле уврачевания сектантского недуга всегда, (а тем паче в последние десятилетия подъема церковно-просветительной жизнедеятельности) в нашей православной отечественной Церкви – *шли и идут впереди*. Вот почему все съезды миссии, а Третий – *главным образом, и даже почти исключительно*, свое внимание сосредоточил именно на обсуждении мер и способов *духовного действования* на расколосектантство; на внутренние вопросы миссионерства, на внешние приемы миссионерской техники, на разрешение различных недоумений миссионерской практики и проч. ... Но в то же время всероссийский Миссионерский Съезд не вправе был совершенно обойти молчанием и вопрос *внешнего правительственного воздействия* на раскол и секты, с упорною враждой относящиеся к Церкви: *во имя тех же святейших примеров Божественного Основателя и строителей Церкви*, которые отнюдь не хотели, чтобы святейшая истина и ее последователи находились вне законной защиты на земле (Мф.21:12,13; Деян.22:25; 25:11); *во имя освященных взаимоотношений, какие существуют в православной России между господствующею Церковью и государством: в силу коренных законов Империи*, коими предусмотрена необходимость ограждения неприкосновенности святого православия, как главной основы государственной жизни России, и пресечения развития повреждающих Веру народа сект и ересей; в виду, далее, *противо-общинных и социально-политических, вредных и опасных, не столько для Церкви, сколько для государства, оттенков учения в характере и направлении многих наших сект*, распространяемых в народе под видом учения Христова, а, наконец, и вследствие *тех печальных церковно-просветительных условий*, в которых находится большинство и нашего православного населения и расколосектантства, где еще *слишком мало подготовлена почва для довлеющего воздействия на массу одними лишь миссионерскими увещаниями*. Наши либералы в среде мыслящей и пишущей интеллигенции, ратуя за сохранение свободы совести, а вернее – произвола действий вожаков сектантства, – эксплуататоров

чувств народной веры, по-видимому, не уразумевают вышеуказанных обстоятельств миссии Церкви: они желали бы, чтобы православные миссионеры и в православном русском государстве находились в положении католиков во Франции или в положении наших же миссионеров в Китае и Японии, т.е. чтобы с миссией отнюдь не соприкасались *никакие меры содействия правительственной власти в способах пресечения преступных деяний злой и корыстной воли наглого обмана и тупого фанатизма распространителей сект...* Да успокоится же сектофильствующий лагерь, не в меру скорбящий о том, что миссионерский Съезд уделил, якобы, много внимания и потратил много времени на обсуждение мер внешнего воздействия на сектантов. Ничего нового, в области репрессивных мер, Съезд не изыскивал; но принимая во внимание священную обязанность охраны меньшей братии, нуждающейся в опоре и ищущей защиты от наглости и обмана в области своей веры там, где и следует искать, Съезд лишь разъяснил то, что в данном случае давно уже законом предусмотрено, но, по беззаконию исполнителей и супостатов Церкви, не проводится в жизнь, а остается только на бумаге.

Итак, «зело восшумевшие» за интерес расколосектантства органы печати узрели страх там, «идеже не бе страх"... Но вот еще один вопрос: почему та же печать прошла молчанием *действительно страшные вещи*, раскрытые на том же казанском миссионерском Съезде, – в публичных его заседаниях, следовательно, представленные на суд общества и печати?... А там действительно разоблачалось очень много нового и опасного, и доказывалось: что враждебное миссии течение укрепилось «на верху горы» общественной жизни, что оно значительно, если не числом, то влиянием, что анти-миссионерская партия сектофилов имеет своих сторонников и в салонах столичной и губернской знати, и в судах, и земствах, отечественной печати и даже в исполнительных органах власти; что партия покровителей расколосектантства, православная по метрике, прогрессивная по убеждениям, для которой все веры и секты превосходны, одно лишь православие никуда непригодно, потому что держит народ в страхе Божиим, в повиновении

закону и правительству... Там говорилось, что интеллигенты, тормозящие успехи миссии, прозирают в русском – расколосектантстве «сияние проблесков света, пробивающегося в темную народную среду, – «зарю освобождения нашего простолюдина от пут суеверия православной Церкви, – видят в сектантстве доступ к социальной свободе масс и в других сферах жизни народа». Всячески поддерживая антицерковное своеволие сектантства, изоцряя массу в церковной анархии, российские прогрессисты хорошо понимают, что таким путем разнуздывается понемногу зверь народных политических страстей. Либеральные друзья сектантства, ненавистники миссии церкви и враги монархизма – верно рассчитывают, что школа сектантского своеволия и попирания священного авторитета Церкви, с течением времени, должна подготовить им в народной среде верных союзников в деле осуществления «безумных мечтаний» наших конституционалистов... Что для невежественной массы, возросшей в болезненной атмосфере религиозной критики, до мозга костей пропитанной чувствами разочарований, недовольства, отрицания всяких авторитетов, свободомыслия – ничего не значит, при первом же удобном случае, – попать авторитет власти государственной, законы Царские, когда таким людям заповеди Господни ни по чем...; что сектантство, разрушая религиозное мирозерцание народа, создает благоприятные условия для развития противогосударственных идей; что под формами религиозно-сектантского вольномыслия удобно маскируется атеизм и социализм; что все наши секты т. называемого рационалистического направления, укоренившиеся в свободомыслии и своеволии, представляют собою горючий материал в государственном отношении, который может вспыхнуть при анархической пропаганде, в любом месте, страшным политическим пожарищем... Все эти мрачные заключения не выдуманы фантазией, а подкреплялись и иллюстрировались на Съезде примерами и наблюдениями, из жизни расколосектантства...

А разоблаченные на Съезде подробности об анархическом движении в духоборческой секте разве не страшные вещи и

явления? До 8 тысяч сектантского населения открыто и дерзко всем и каждому не только заявляют на словах, но и показывают на деле полное отрицание государственности, непризнание священной власти Монарха – Помазанника Божия, говоря, «что у них Один Царь Небесный, а Царя земного они не знают и быть его не должно», «что власть возвысилась чрез население народа», «что один Начальник, кто всему міру Начало, что начальство и разбой – одно ремесло», «что закон один должен быть – Божий, а в государственных установлениях и царских указах нет нужды», что турецкий султан, персидский шах, немецкий король, – англичанин, армянин, – все им (духоборам) одинаковы, русских они не знают, отечества не признают"... Война – убийство; владение, собственность – грабеж богатых; земля Божия, создана для всех в равной доли, каждый должен столько пахать ее, сколько нужно для прокормления»! и проч. и проч. От слов давно переход сделан к делу: солдаты-духоборы вышли из рядов войск, ополченцы сдали свидетельства, податей не вносят, губернаторам шапок не снимают, лошадей не дают, прочих властей презирают...

Неужели подобные разоблачения Съезда менее интересны и серьезны, чем выдуманные корреспондентом «Рус. Вед.» вопрос об отбирании детей сектантских и конфискации имуществ, над чем ломаем мы копья, вот уже два месяца? Неужели обо всем этом не стоило подумать, поговорить, посудить хотя бы тем же охранительным и «самым православным органам печати», по выражению Л.Н. Толстого, (очевидно здесь имеется в виду все тот же Гражданин»!)? Нет, – мы как видно – любим более оцепивать «комаров» и поглощать верблюдов!...

Да, кстати два слова по содержанию последнего письма⁷⁸ гр. Л.Н. Толстого «о покровительствуемых им Самарских молоканах» (штундо-баптистах). В нем дорога для нас откровенность графа, в известной мере объясняющая миссии, почему толстовство имеет такой успех среди всех – и новых, и старых сект. Плоды этого успеха представляет духоборческая эпопея. Маститый писатель, он же и ересиарх, очевидно живо следит и руководит движением, к нему ездят издали сектанты всех фракций, как к меценату... Он хлопочет, «как сумел», за

угнетенную невинность..., т.е. агитирует при посредстве эмигрировавших за границу своих поклонников в заграничной прессе, Евангелическом союзе и др. ... Все это так, и за откровенное слово спасибо. Но зачем «архипроповеднику мира, любви и правды» понадобилось в письме говорить неправду, что будто бы «дети не одних этих молокан (штундистов!), а как ему известно, *многих и многих сектантов и попов отбираются от них*, и делается это по закону на основании 39 ст.»?... Мы решительно заявляем, что Самарский случай *исключительный* и другого нигде миссионеры не знают. На Съезде были представители от всех епархий и заявляли, что ничего подобного им не известно, а в отношении раскольников и быть не может по самому закону. Не имеет ли гр. Толстой в виду факта отобрании двух детей у князя Хилкова и его незаконной жены Цецилии Вернер? Но это ведь совершилось, по ходатайству матери князя Димитрия – княгини Ю.М. Хилковой, и по Высочайшему повелению. Мы настаиваем, что граф Толстой написал эту фразу для вящего впечатления и «для красного словца»... стыдно старцу лукавить, а если мы ошибаемся, то пусть гр. Л.Н. Толстой объявить: кто и где эти – ему известные многие и многие сектанты и раскольники? Dixi.

В. Скворцов

II. Ивановский Н.И., проф. Каз. акад. К вопросу об экспертизе по сектантским делам. Проф. Казанск. акад. // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 787–790

(По поводу одною недоразумения в судебной практике)

На бывшем миссионерском Съезде профессором Н.И. Ивановским был сделан доклад об осмотнительном вчинании епархиальными начальствами судебных о сектантах дел и внесено ходатайство, чтобы дела о сектантах рассматривались и в окружных судах, и в судебных палатах с участием экспертов.

Теперь нам известным сделалось одно обстоятельство, представляющее новый повод к означенному ходатайству, – повод, заключающийся в каком-то необъяснимом недоразумении.

Всякому известно, какое значение имеет заключение эксперта во многих темных для суда делах, например: сомнительных убийствах, оспариваемых документах, сложных бухгалтерских счетах и т.п. Дела о сектантах не редко всецело относятся к числу этих темных дел. Определение состава преступления известною статьей закона предусмотренного, чрез отнесение известной секты к разряду сект «менее вредных», или «особенно вредных»⁷⁹ вполне зависит от эксперта, т.е. от представленной им характеристики секты. Затем, принадлежность к секте, соединенной с изуверством, или с противо-нравственными гнусными деяниями (203 ст.), – и при разъяснении правительствующим Сенатом по делу о Тарусских хлыстах⁸⁰, – также дает только эксперту право и возможность поставить известное изуверное, или противо-нравственное деяние в связи с учением секты, или признать его проявлением только личного фанатизма и ненравственности; – последнее еще ясно не предусмотрено ни в одном кассационном решении. Наконец, и самое констатирование факта, что суду преданы известного вида сектанты, составляет более всего задачу эксперта. Нет надобности говорить об определении разного рода вещественных доказательств. Вот с каких сторон и насколько

необходимо участие эксперта в делах о сектантах. Ясно, что отсутствие его составляет существенный пробел судопроизводства, – хотя бы в делах, по-видимому, ясных не сложных. Передадим два-три случая из бывших несколько лет назад в разных местностях. В одном окружном суде производилось дело о незаконной постройке раскольнического скита. Следователь осматривал здание в присутствии эксперта, признавшего, что все постройки и другие признаки указывают именно на скит с довольно обширной моленной. На судеговорение эксперта приглашен не был, здание было признано частным домом и подсудимые оправданы. Так и теперь оно стоит открыто, все называют его скитом, в котором живут разные пришлые женщины, и к ним временами приезжает купец – хозяин и покровитель.

Понятно, что здания записаны на частное лицо. Только эксперт мог бы разъяснить суду все эти обстоятельства. В другом месте, в городе раскольнические лже-попы похоронили присоединенного из раскола купца, женатого на православной. Епархиальное начальство возбудило судебное преследование против означенных лже-попов, за совершение ими требы над православным. Дело было довольно громкое, так как все это происходило в большом городе, на виду у всех. Откуда-то явилось сомнение, что умерший был повенчан без законного присоединения, именно: – его не мазали миром, – хотя удостоверение в его присоединении было при деле. Вопрос о помазании миром, заняв внимание суда, явился сомнительным в его глазах. Эксперта не приглашали, – который мог бы объяснить, что вопрос о миропомазании при присоединении сам по себе значения не имеет, что священник, по неопытности, или по чему другому, мог присоединить его и третьим чином, т.е. без миропомазания; это было бы упущением присоединявшего священника только с церковной стороны, но юридического значения это обстоятельство иметь не может; в данном случае важно удостоверение о присоединении. Обвиняемые были оправданы. Не будем передавать закулисной стороны дела, в котором всю силу имела мать умершего, завзятая раскольница, богатая купчиха, щедро, говорят, наградившая попов за

постигший их суд. Еще в одном суде следователь, не согласившийся с заключением эксперта, должен был свое постановление о прекращении следствия написать на многих листах, чтобы посчитаться с экспертизой. Повторить это постановление мы не в силах; но по крайней мере он должен был много потрудиться.

Рассуждения свои и сообщения о факте несколько давно прошедшем мы и высказали по поводу ставшего нам известным недавнего дела о хлыстах и явившегося по сему недоразумения, – дела, слушавшегося в окружном суде в присутствии эксперта.

В означенном окружном суде было возбуждено дело о склонении известными лицами других в хлыстовскую секту (ст. 196, ч. 3). Дело слушалось без участия присяжных заседателей, суд признал подсудимых принадлежащими к хлыстовской секте, а равно и преступное деяние совращения других в эту секту, и вынес обвинительный вердикт. Обвиненные подали апелляционную жалобу в судебную палату, и последняя приговор суда отменила и обвиненных судом оправдала, – не вызывая ни свидетелей, ни эксперта. Естественно, и напрашивался вопрос: в чем же дело, от чего произошла судебная ошибка в первой инстанции? Оказалось, что в приговоре палаты заключение эксперта, данное на суде, о принадлежности подсудимых к хлыстовской секте, названо только *предположением*.

Является таким образом недоуменный вопрос: откуда появилось это слово «предположение»? Если так записано в приговоре суда, то почему ни председатель, ни прокурор не предложили эксперту, – если его заключение было только предположительное, – не предложили дать заключение определенное, почему, в случае неясности и нетвердости оснований экспертизы, не возразили эксперту, хотя бы в виде вопроса, – против его заключения, словом, почему все входящие в состав присутствия суда во всем, по-видимому, соглашались, соглашались настолько, что и прокурор, обосновавшись прямо на экспертизе, указал только на применение закона о наказании? – Ясно, что заключение было определенное и достаточно в глазах суда обоснованное.

Тогда является другой вопрос: откуда в письменном изложении приговора палаты значится слово «предположение»? Секретарь ли не выразумел и внес его, или что другое? И от чего, если, по мнению палаты, то было «предположение» одно, не вызвать снова эксперта и не допросить его? Словом, здесь-то и видится какое-то недоразумение.

...Разъяснить это недоразумение мы не в состоянии. Но не в личных каких-либо видах и не в осуждение кого-либо, а в видах более ясной постановки дела отправления правосудия, мы останавливаемся на мысли, — что было бы полезным окончательное слово эксперта вписывать в протокол заседания с его ведома, и если то не противно законам судопроизводства, предъявлять его для подписи. Если в делах гражданских требуются подписи всех спрошенных свидетелей, то почему же в делах уголовного характера не иметь подписи лица, от показаний которого зависело в большей или меньшей степени все направление дела? — Тогда подобных недоразумений не было бы, при теперешнем же порядке вещей эксперт, дающий на суде свое заключение, и не знает, что об его заключении написано в протоколе.

Настоящую заметку мы вынуждаемся огласить потому, что во всех уголовных делах нет дел более щекотливых, как дела по преступлениям против веры. Всякий оправдательный вердикт по этим делам производит сенсацию в местном обществе и очень вредно отзывается на интересах Церкви, которую закон берет под свое покровительство. Почему и начинать эти дела и вести их, и направлять и кончать нужно с большою осмотрительностью и при освещении всякого дела экспертизой и не в первой только инстанции суда, а еще более в судебных палатах, куда некоторые из них поступают в апелляционном порядке.

Он.

III. Ольшевский И., свящ. О миссионерском характере церковно-приходской школы среди сектантского населения // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 790–797

Один из толстых журналов, обычно драпирующийся в красную тогу, недавно высказался, что церковно-приходские школы, как школы конфессиональные, на западе, в странах католических и протестантских, имели значение и даже процветали до тех пор, пока им подлежали задачи миссионерские; ослабевало значение школы миссионерское, и школа конфессиональная становилась школою государственной или общественной. Применяя высказанное и в отношении к нашему отечеству, помянутый журнал не обинуясь заявляет, что и наша церковно-приходская школа, являясь школой конфессиональной, может иметь значение только среди населения иноверного, где ей предлежат задачи миссионерские, т.е. по преимуществу на окраинах. Оставляя в стороне категорически решаемый этим мнением вопрос о тождестве условий для духовного и общественного развития у народов востока и запада, оставляя вопрос об обязательности для нас форм жизни, пережитых западными народами, оставляя, наконец, вопрос вообще о воспитательном значении Церкви, – мы на сей раз свое внимание остановим на мысли о миссионерском значении церковно-приходской школы.

Всеми признано, что шестидесятые и семидесятые годы, со всеми их либеральными затеями, оставили в жизни нашего народа такой глубокий след, который долго даст себя чувствовать. Нет сомнения, что явление это широко захватило и религиозную сторону в жизни народа, не мало подорвав и ослабив его связь с Церковью, поселив равнодушие к ее заветам, вызвав рационалистическое настроение с его неуместным резонерством и критиканством, породив, наконец, в прямом смысле сектантство.

Недаром всем известная штунда, волной своей залившая наше когда-то преданнейшее Церкви южнорусское население,

началом своим считает именно шестидесятые годы. Сколько теперь требуется упорного, терпеливого труда, часто труда неблагодарного, чтобы исправлять ошибки, чинить испорченное! И в этом случае величайшая миссионерская задача предлежит нашей церковно-приходской школе, именно среди всего того населения, где действовали, да и ныне продолжают действовать эти либеральные интеллигентные силы. И таким образом, вышеупомянутый журнал своими соображениями и историческими справками, вопреки собственному намерению, подтвердить широкое значение церковно-приходской школы и предрек ей процветание. Указанное ее правилами и программами усиление Закона Божия и церковности, обеспечение полного влияния священника в школе действительно способно произвести переворот в народе, как это понемногу и замечается.

Но кроме общей религиозно-просветительной задачи, какую призвана осуществить церковно-приходская школа, ей предложить еще особая миссионерская задача там, где произошло уже и происходит ныне полное отпадение от Церкви и открытое противоборство ей, именно среди населения, зараженного различными видами сектантства. Благодарение Господу, в таких местах уже понемногу есть школы; школы эти посещаются не только детьми местного православного населения, но и детьми сектантов («Народ. Образ.» 1897 г. № 5). Мало того, есть школы церковно-приходские, которые исключительно наполняются детьми сектантов. Известно, например, что в селе Пришибе Астраханской епархии в мужской школе из 104 мальчиков только 5 православных, а остальные молокане; там же в женской школе из 55 девочек только 5 православных, а остальные молоканки («Народ. Образов.» 1896 г. № 6). Конечно, в таких школах, кроме показанного в правилах и программах относительно постановки учебно-воспитательного дела, требуются еще особые приемы, прямо вызываемые интересами полемики. Сколько нам известно, никто еще не огласил опытов касательно воспитательных и дидактических приемов в постановке Закона Божия, применительно к религиозно-нравственным потребностям школы, окруженной

сектантским населением, а также прямо применительно к сектантским детям, обучающимся в церковной школе. На втором миссионерском Съезде, бывшем в 1891 году, сделаны некоторые указания относительно миссионерского преподавания в церковно-приходской школе, но эти указания представляют собою только общие советы для ведения дела в школе среди сектантов. Между тем покорный слуга высокопочтимого собрания (миссионеров) стоял у дела миссионерского среди южнорусских *штундистов* в течение нескольких лет, а теперь стоит у дела школьного; это дает ему основание предложить досточтимому собранию⁸¹ – данный собственный наблюдения и опыта относительно воспитательного дела и постановки Закона Божия в школах среди сектантского населения.

Штундистов характеризуют три особенности: противочерковное настроение, рационалистический характер, почитание библейского текста. В этих существенных чертах со штундистами вполне сходятся – *баптисты, молокане, духоборцы, пашковцы, толстовцы*, посему полезное в применении к штундистам, полагаем, пригодно было бы и в отношении остальных, родственных им сект.

Если вообще великое воспитательное значение для народа имеет церковно-религиозный характер начальной школы, то тем более церковно-религиозным характером должна отличаться народная школа там, где враг прямо и открыто противоборствует Церкви. Благолепные св. иконы с зажженной лампадой пред ними, чтение молитв утренних пред занятиями и вечерних после занятий, сопровождаемое надлежащим пением, безусловно обязательны для церковно-приходской школы среди сектантского населения. Закон Божий подобает преподавать непременно приходскому пастырю, даже в том случае, если бы учитель был и вполне правоспособное лицо. Из учебных предметов особенное внимание обращено должно быть, конечно, на Закон Божий. В преподавании Закона Божия собственно и должна сказаться вся сила миссионерского влияния школы.

При миссионерском преподавании Закона Божия можно действовать двояко – косвенно и прямо. Первый прием выражается в том, что законоучитель старается возможно

основательнее и при том в истинном разуме Церкви запечатлеть в сознании учащихся детей пререкаемые сектантами истины вероучения, дабы этим предохранить детей от соблазна, дабы они, по слову Апостола, «всегда готовы были требующему у них отчета об их уповании дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет.3:15). *апологетическая* постановка преподавания. Второй прием миссионерского преподавания бывает тогда, когда законоучитель старается прямо показать неправоту и заблуждения сектантов, дабы «наставить противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины» (2Тим.2:25). Это – постановка преподавания *полемическая*. Апологетическая постановка Закона Божия имеет в виду православных детей и их родителей; полемическая постановка имеет в виду детей и родителей исключительно сектантов. Апологетическая постановка преподавания вполне уместна и необходима не только в селах с сектантским населением, но и в селах близких к сектантским пунктам, где хотя и нет отступничества от Церкви, но где нравственная атмосфера пропитана отрицательными суждениями. Полемическая же постановка может быть допущена только там, где сектантство существует открыто и где дети, учащиеся уже не чужды отрицательного настроения и суждений сектантских; но и то допускается она с мудрой осторожностью. *Без особой нужды полемики в школе допускать не следует.*

Для того, чтобы внести в преподавание Закона Божия элемент апологетический, для этого нет никакой нужды изменять существующую программу, не нужно вносить и особого отдела в нее. В существующем курсе Закона Божия нужно только обратить особенное внимание и соответственно цели осветить и раскрыть те исторические и вероучительные истины, который прямо опровергают и обличают заблуждения сектантов. Если в иных отделах необходимо внести рассмотрение новых событий и истин, не входящих по программе прямо в круг предмета, то их можно тесно связать все-таки с теми данными, какие имеются в программе и учебной книге. Таким образом наилучшею и вполне удобо-осуществимой нам представляется та постановка преподавания, в которой апологетический элемент представляется связанным с курсом не механически, а вполне

органически, когда миссионерский характер вытекает из дела преподавания Закона Божия как бы сам собой.

При рассмотрении пререкаемых сектантами истин формулировать заблуждения, излагать основания сектантов нет нужды: для дела это может быть не только не полезно, но даже вредно. Но если дети сами определенно выскажут сектантское заблуждение с его мнимыми основаниями, тогда законоучитель обязан подробно разобрать его и опровергнуть во всех частностях, в форме, конечно, доступной для своих слушателей. При этом об отступниках и их заблуждениях законоучитель всегда должен говорить кротко и спокойно, со скорбью о заблудших. Слово его должно быть, по Апостолу, «с благодатью и приправлено солью» (Кол.4:5,6). Горячность, резкость, насмешка не должны иметь места в речах законоучителя: вселенская истина в этом не нуждается. Так как основой для апологетики и полемики служит священный библейский текст, то Библия на русском языке всегда должна быть у законоучителя под руками. Если для обыкновенного прохождения курса Закона Божия в объяснительной записке к программе церковно-приходских школ изучать священные события и истины настоятельно рекомендуется непосредственно по тексту самых священных писателей, то тем более это должно сказать об изучении миссионерском. Апологетический характер преподавания предполагает изучение всех пререкаемых истин прямо по Библии.

При распределении миссионерского материала в общем курсе нам представляется наиболее уместным связывать его с теоретической частью Закона Божия, т.е. со Св. Историей и катехизисом. При изучении молитв дети к этому еще неспособны, а при изучении Богослужения желательно и необходимо, чтобы они воспринимали преподаваемое им не столько умом, сколько сердцем. Вносить полемику в эту часть курса неудобно именно потому, что излишняя рассудочность способна ослабить то молитвенно-благоговейное настроение, которое подобает иметь при выяснении самой практики молитвы и служения Богу. В частности, соответственно существу дела и педагогической последовательности, в круге ветхозаветной

истории являются предварительные миссионерские замечания, в новозаветной истории излагаются главные исторические основания пререкаемых истин. В учении о Богослужении нам представляется уместным только краткое повторение некоторых из пререкаемых истин. Миссионерское изучение Закона Божия удобнее всего вести в старшей группе учеников, курс которой обычно начинается с повторения Священной Истории.

Соответственно высказанным сейчас основным положениям нами и составлено прилагаемое при сем *Примерное распределение апологетического материала в курсе Закона Божия для одноклассных церковно-приходских школ*. Весь апологетический материал у нас тесно связан со статьями, показанными в программе Закона Божия, причем имелось в виду и «Учебное руководство по Закону Божию», изданное Училищным Советом при Св. Синоде.⁸² Если программа совершенно умалчивает о таком событии, которое имеет капитальное миссионерское значение, в том случае мы вводим в курс это событие и связываем его с событием, ближайшим к нему по времени или с родственным ему по значению. Полный и подлинный суждения сектантов о предметах веры не приводятся, так как для детей они не нужны, а законоучителю они должны быть известны из специальных миссионерских сочинений. Каждый пастырь есть миссионер своего прихода, и он должен знать заблуждения угрожающих ему врагов Церкви. В нашем распределении миссионерского материала конспективно указаны для законоучителя только главные мысли, события и выводы из них, а также цитаты Св. Писания. Законоучителю на уроках подобает изложить все это, конечно, в живом рассказе, пользуясь подробностями самого библейского текста, по указанным цитатам. Миссионерским характером несколько осложняется курс Закона Божия, но законоучитель, знающий цену всем этим осложнениям, найдет для них время.

Каковы должны быть живые отношения законоучителя к детям сектантов, посещающих церковную школу? Чего он может требовать от них? В своем обращении священник, подобно приточному отцу заблудшего сына, должен выражать свою любовь не только к верным, но и к заблудшим детям; в

обращении выделять сектантских детей не подобает. При обличении заблуждений не следует указывать лично на отцов присутствующих детей. При выполнении детьми ученических обязанностей требовать подобает от них всего, что требуется в школах правилами и программами, но с мудрой осторожностью. Дети должны изучать все уроки Закона Божия и других учебных предметов. Они благоговейно должны участвовать в общей молитве, выслушивая молитву, стоя пред св. образами и кланяясь в положенное время. Однако требовать от них исполнения самым делом того, что прямо отрицают их родители, т.е. совершать крестное знамение, целовать крест и св. иконы, всегда посещать богослужение – не представляется удобным. При настойчивости священника, из-за этого родители могут не пустить их в школу, и Церковь потеряет удобный путь воздействия на них. Насиловать сектантских детей в этом случае неудобно и нет нужды. Но в то же время священник решительно смотреть должен за тем, чтобы православные дети все свои религиозные обязанности исполняли подобающим образом. Если бы кто из сектантских детей дозволил себе оскорбления и насмешки над православною молитвой и святыней, того законоучителю подобает сначала вразумить, а при неисправимости совершенно удалить из школы.

Вот главные положения миссионерской постановки дела в начальной школе среди сектантского населения. «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состареет» (Прит.22:6), – говорит Премудрый. Прошедший хорошую колу церковную в отрочестве и юности всегда будет чувствовать свое родство с Церковью. Не следует смущаться тем, что в среде вожаков сектантских есть грамотеи, вышедшие от нас: «они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами» (1Ин.2:19). Во время миссионерских бесед наших в Киевской епархии нередко попадались нам сектантские вожаки, пред совращением в штунду проживавшие в монастырях, бывшие клирошане, но все эти личности являли собою плоды недостойного влияния. Наше дело насаждать и поливать, возрастит же Господь, во время Свое.

Священник Иуст. Ольшевский

IV. Пашковщина и штундизм. (Отрицательная и положительная стороны в учении последователей секты пашковцев и отношение ее к штундизму) // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 797–806

Секта пашковцев в заседаниях противо-сектантской комиссии 3-го всероссийского миссионерского съезда была подвергнута тщательному обсуждению со стороны содержимого последователями ее отрицательного и положительного вероучения и по вопросу об отношении этой секты к штунде. Причем были заслушаны и разобраны по существу, путем живого обмена мнений специалистов противо-сектантских миссионеров, письменные рефераты преподавателя Тверской семинарии *М.А. Виноградова* о вероучении и культе Тверских пашковцев, преподавателя С.-Петербургской семинарии *В.Н. Прозорова* «о символе пашковской веры», сообщение делегата С.-Петербургской епархии, священ, *о. Ф.Н. Орнатского* о нынешнем состоянии пашковщины в столице, *В.М. Скворцова* – о сношениях пашковцев с южно-русскою штундой и о распространении штундо-пашковщины в Нижегородской епархии.

М.А. Виноградов в своем докладе сообщить следующее. «Секта Пашковцев в Тверской губ. появилась в восьмидесятых годах. Она занесена из Петербурга, куда постоянно крестьяне из разных уездов епархии отправляются на заработки. Наибольшее количество таких крестьян принадлежит уездам: Новоторжскому и Вышневолоцкому. В этих же уездах находится и сектантов более, чем в других местностях епархии. И в настоящее время пашковщина в Тверской епархии поддерживается постоянными связями отпавших с Петербургом, откуда сектанты получают брошюры и листки сектантского характера, а иногда и денежную помощь. Из рассказов сектантов можно утверждать, что последователи пашковского лжеучения в С.-Петербурге имеют тесно сплоченную организацию и располагают значительными средствами для пропаганды.

Положительное учение пашковцев, как известно, довольно односторонне и мало развито. Все оно ограничивается одной мыслью о спасении верою, но за то это учение очень богато отрицательными выводами в отношении православия: во имя спасающей веры пашковцы разрушают в самом основании все церковное устройство. Пашковцы говорят: «мы веруем по Евангелию и все наше спасение заключается в вере в Иисуса Христа и Его искупительную жертву за грехи міра».

Не говоря уже о том, что во имя веры пашковцы отрицают положительно всю обрядность Православной Церкви, они в силу того же самого считают излишними таинства и иерархию. Они признают необходимым только одно крещение, потому что крестился Сам Христос и Он же дал относительно этого таинства определенную заповедь. Но крещение должно быть совершаемо только над взрослыми во исполнение слов Христа: «*иже веру имет и крестится, спасен будет*» (Мк.16:16). Младенцы не могут знать веры; поэтому и крестить их нельзя до тех пор, пока они не станут понимать веру. Крещение может совершать всякий мірянин, верующий по Евангелию. Но это крещение никакой благодати не дает человеку; он остается и после него грешным и виновным перед Богом. Пашковцы говорят: в Писании сказано: «*законом познается грех*» (Рим.3:20). Человеку дан Богом закон или вера; по этой вере он должен располагать свои поступки и действия; спасение зависит не от благодати, которой нет в таинстве, а от того, отступает человек от веры или руководится ею.

Миропомазание при крещении пашковцы совершать не считают нужным, так как Дух Святой сходит на каждого христианина по его вере.

Покаяние должен приносить открыто только неверующий грешник перед собранием верующих, когда он приступает к вере во Христа. Кто уверовал во Христа, если и согрешит, имеет в Нем Ходатаю и приносит покаяние непосредственно Самому Богу.

Касательно таинства причащения у пашковцев, по-видимому, нет определенного, установившегося учения. Несомненно, что таинство причащения в смысле учения

Православной Церкви они отрицают; можно думать, что причащение у них состоит в обыкновенной братской трапезе; они говорят, что причащаются часто, каждый день.

Молиться за умерших пашковцы не считают нужным. Спаситель, находясь на кресте, рассуждают они, сказал покаявшемуся разбойнику: «сегодня со Мною будешь в раю» (Лк.23:43). Отсюда видно, что уверовавший и покаявшийся Богу перед смертью человек прямо получает Царство Небесное. Никаких молитв за умершего, поэтому, не требуется. В Евангелии говорится: праведники идут в жизнь вечную, а грешники в муку (Мф.25:46); ни для праведников, ни для грешников молитва за них не может им помочь нисколько. Праведники сами собою получают желаемое, а о грешниках молитва будет напрасна. Господь сказал: «кто верует и крестится, спасен будет» (Мк.16:16), кто не верует уже осужден (Ин.3:18). Зачем молиться о таких людях, спасение коих после смерти несомненно на основании слов Христовых?

Богослужение у пашковцев состоит в том, что они собираются в какой-либо дом, читают Св. Писание и толкуют прочитанное или беседуют на темы из прочитанного. Беседы и толкование сопровождаются пением любимых стихов. Чтение и пение совершаются, сидя за столом. Иногда произносится импровизированная молитва, причем сектанты преклоняют колена и складывают на груди руки.

Мысль о спасении верою исключает всякую возможность существования в секте пашковцев лиц, обладающих особыми благодатными полномочиями, т.е. иерархии».

В.Н. Прозоров, докладывая членам Съезда о результатах интересных своих наблюдений над столичною пашковщиною, в качестве исследователя ее, чрез участие в собраниях секты и общение с главарями ее, – между прочим сообщил следующие ценные сведения о пашковском символе веры.

«Наука до последнего времени не имела в своем распоряжении точного изложения положительной стороны учения пашковской секты. Поэтому вероучение этой секты всей полноте и определенности. Наиболее подробное изложение пашковского вероучения сделано в труде г. Терлецкого: «Секта пашковцев»,

но здесь «основоположения сектантского вероучения недостаточно полно и точно сформулированы» (Миссионер. Обзор. 1896 г. т. 2, отд. 1, стр. 92), только в недавнее время удалось установить существование и распространение среди Петербургских пашковцев рукописной тетради, в которой искусственным подбором библейских цитат сектанты усиливаются поколебать в простецах веру в отличительные догматы православия и обвинить нашу Церковь во многих тяжелых преступлениях против Бога. В конце этой тетради находится символ «евангельской» (т.е. пашковской) веры, из которого можно видеть, какое положительное содержание дают религиозному содержанию и чувству вожаки пашковщины отторгнутым от нашей церкви членам. В этом символе кратко излагается учение о Боге, об источниках веры и нравственности, следствиях падения, Иисусе Христе, возрождении, оправдании и добрых делах, воскресении мертвых, церкви и таинствах. В полном виде этот символ изложен так.

1. «Верую во единого, истинного Бога, который есть Творец Сохранитель и Управитель всему, Всемогуший, Вездесущий, Всеведущий, независимый, неизменяемый и вечный Дух, что любви Его, премудрости Его, святости Его, правде Его, милости и истине Его – нет конца, и что Ему только принадлежит вечное богослужение.

2. Верую, что существует Бог в трех лицах: Отец, Сын и Святой Дух и что эти три суть один Бог.

3. Верую, что священное писание Ветхого и Нового Завета есть Боговдохновенное откровение воли Божией людям и есть совершенное, и единственное правило веры и Богоусердной жизни.

4. Верую, что человеческий род в естественном состоянии своем лишен святости и совсем растлен и праведно изложен (?) гневу Божию.

5. Верую, что Господь Иисус Христос, совершенный Бог и совершенный человек, есть единственный Спаситель для грешников и единственный посредник между Богом и людьми, – и что совершенным Своим послушанием, страданиями и смертью Своею, Он совершил совершенное умилоствление о

грехе, так что всякий верующий в Него непременно спасется и что нет никакой другой жертвы о грехе.

6. Верую, что человек по причине растления своего должен быть свыше рожден силою Св. Духа, и без этого духовного рождения никто не может спастись.

7. Верую, что только Христова праведность оправдывает нас пред Богом верою, а не посты, милостыни, поклоны или другие, какие бы то ни были наши дела, и, хотя добрые дела неотделимы от истинной и живой веры, но они совершенно не могут ни удовлетворить Закона Божия о грехах наших, ни спасти нас.

8. Верую, что всякий христианин должен вести святую жизнь и во страхе Божиим совершать свои обязанности к Богу, к ближнему своему и к самому себе и что только такая жизнь есть доказательство, что мы чада Божии.

9. Верую, что не должно приносить поклонения и Богослужения ничему другому, кроме Самого Бога и что три лица св. Троицы равно достойны поклонения, которое, чтобы было богоугодно, должно приноситься чрез посредничество Иисуса Христа, что религиозное употребление мощей, крестов, икон и каких бы то ни было других изображений совсем не согласно с учением священного писания и совсем не угодно Богу, и что молитвы и службы об умерших не имеют никакого доказательства в слове Божиим.

10. Верую, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, и день Суда, и что блаженство праведных и наказание неправедных начнутся (?) со смертных и будут продолжаться во веки.

11. Верую, что какое бы то ни было число истинных христиан, соединенных законным порядком, есть церковь Христова, глава которой есть Сам Христос; и что таинства Христовой церкви суть только крещение и Господня вечера; что крещение есть печать Завета и знак освящения действием Св. Духа и средство присоединения к видимой церкви; а Господня вечера есть представление, посредством видимых знаков, смерти Христовой и всегдашнее воспоминание

умиловительной Его любви и знак соединения сообщения Его со всеми истинно верующими.

12. Верую, что проповедование Евангелия есть главное средство, определенное Христом, чтобы приводить грешных к покаянию, чтобы назидать людей Его в святости и что есть обязанность Церкви, чтобы исполнить последнюю заповедь Спасителя: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари».

Итак, Господь Бог пусть будет с вами и его благодать: «исследуйте писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне (Ин.5:39)».

Из символа «евангельской» т.е. пашковской веры открывается, что они отвергают Священное Предание, как источник Боговедения, признавая за таковой Св. Писание, отвергают также таинства и иерархии православной Церкви. Правда, «Символ» говорит о двух таинствах, но это не таинства в смысле православного учения, как орудия действия благодати Св. Духа, а простые знаки: крещение – знак освящения действием Св. Духа и средство присоединения к видимой церкви; Господня вечера есть *представление*, посредством видимых знаков, смерти Христовой и всегдашнее воспоминание умиловительной Его любви и знак соединения – общения Его со всеми истинно верующими. В символе дело искупления приписывается как бы исключительно одному Сыну Божию, так что Отец и Дух Святой представляются как бы вовсе не участвующими в искуплении. Символ учит, далее, что только вера доставляет оправдание, что вера, оправдывающая, необходимо сопровождается делами, что молитвы, посты, милостыня в деле спасения не нужны.

В символе ничего не говорится и о том, кто может понимать Священное Писание. Суждение об этом есть в пашковской брошюре: «Руководство простым людям к чтению Нов. Завета». Здесь говорится: если ты хочешь с пользою душевною читать слово Божие, то читай не торопясь, стараясь понять каждое слово. Если какого слова не поймешь, – подумай, что бы оно значило, и внутренне помолись, чтобы Господь вразумил тебя, если все-таки не поймешь, оставь и читай далее, значит – не

пришло еще время понять это слово, после поймешь. Это значит: полагайся на свой разум и внутреннее озарение. Пашковцы убеждены, что понимание читаемого в Библии сообщается Св. Духом без особенного напряжения собственного мышления. Только внутреннее непосредственное озарение Св. Духа удостоверяет нас в том, что, понимая известным образом какие-либо слова Писания, мы понимаем их верно; без такого непосредственного «озарения» светом Св. Духа пашковцы считают слово Божие мертвой буквой. Благодаря вере в озарение свыше, они допускают самый грубый произвол в деле толкования и понимания Св. Писания. Нечего говорить о том, что пашковцы себе только приписывают монополию истинного и правильного понимания Библии и вследствие этого себя только называют правильными истолкователями Слова Божия. Беседуя с православными, они не от гордости говорят им: «вы еще не просвещены и не можете поэтому понимать Писания».

Редактор «Духовного Вестника СП. Епархии» о. Ф.Н. Орнатский познакомил членов Съезда с организацией столичных пашковских общин, с способами пропаганды лжеучения этой секты, с нынешним состоянием сектантства в столице и с предпринимаемыми духовенством мерами борьбы с пашковистами. По заключению почтенного докладчика пашковщина в столице в последние годы усиливается в своей пропаганде и растет количественно. В разных местах столицы сектанты имеют до 40 домов молитвенных собраний, совершаемых невозбранно, так как на пашковцев почему-то не простирается действие закона 1894 г. о воспрещении веро-проповеднических и молитвенных собраний штунды. Между тем собрания эти, вместе с подкупамися знатных пашковцев, служат главным средством распространения лжеучения среди бедного, темного, ютящегося в трущобах столичного населения.

В.М. Скворцов сообщил, что, изучая архивные данные канцелярии киевского генерал-губернатора по вопросу о южнорусской штунде, он встретился с сведениями, указывающими на живые, личные и письменные, сношения столичных верховодов пашковщины с вожаками южнорусской штунды. Сношения эти завязались очень рано и восходят к

началу распространения пашковщины в народе и продолжают доселе. Между прочим, интересным для сектоведения документом представляется собственноручная переписка известного распространителя пашковщины, подполковника В.А. Пашкова (в штунде он слывет за графа Пашкова и весьма популярен) с представителем духовного (Чаплынского) толка штунды, – младоштундизма, – Ковалем, Киево-демиевскою общиною, у членов которой долго хранились портреты Пашкова и Корфа). Пашков апологетствовал в письмах в пользу обязательности преломления; но об обряде водного крещения для отпадающих от православной Церкви, принятом у косяковской штунды, Пашков говорит уклончиво. И есть основание полагать, что первое время пашковщина разливалась по одному руслу с младоштундизмом, решительно отрицающим все обряды и таинства Церкви и пресвитерианский институт. И понятно, почему практика этого толка штунды более по душе пашковцам, как учение совершенно безобрядовое (по выражению народному – «голая вера»); – оно для салонных последователей секты было удобнее: искать, ехать куда-то на проточную воду для перекрещивания, раздеваться до белья, тут же при дворниках и кучерах – братьях (последователях секты), лезть в воду, согласитесь – для аристократок – пашковисток княгинь и графинь – совсем уж не походящая вещь... Довольно и той блажи, что столичная аристократия сектантствующая соизволяет этим братьям-мужланам общение с собою в собраниях молитвенных, снисходит до слушания проповедей своих лакеев и кучеров, – однако, подальше от серой братии"... (Нам приходилось слышать огорчения кучеров-пашковцев, что в собраниях у них нет полного братства с «господами: – «хоть и зовет князь меня братом, а держит-то (себя) паном, не больно по евангельски»).

Докладчик полагал, что перекрещивание в пашковщине стало входить в практику позже, – лет 8–10 не более, т.е. с того времени, как и в южнорусской штунде стало усиливаться влияние учения немецкого баптизма. В настоящее время столичная пашковщина, как южнорусская штунда, развивается в

совершенно тождественных направлениях – духовной и баптистической фракции.

Участвуя в прошлом году в качестве эксперта, в процессе по делу о распространении штунды в Васильсурском уезде, Нижегородской губернии, прибывшими из Петербурга крестьянином С.-м и надворною советницею С-ю, В.М. Скворцов пришел к заключению, что в упомянутой местности сектантское движение совершенно тождественно с южнорусскою штундой. Между тем главный распространитель Ш-в, 14 лет, как отступил от Церкви, служил дворником, по его словам, у Пашкова и кн. Ливень, и только 8 лет назад принял перекрещивание. Явившись на родину, в качестве миссионера, он успел совратить до 60 душ, которых баптист, – немец, вызванный из Саратовской губернии, перекрестил в реке. А упомянутая надворная советница, содействуя всем пропаганде Ш-ва, не признает однако для себя необходимым перекрещивание. Пашковисты столичные чрез надворную советницу прислали новой общине 6 пудов книг в количестве 300 названий, в английском переплете с выбитыми на корешке инициалами В.П. (Василий Пашков) и построили для моленной домик.

Киевские штундисты поддерживают деятельные сношения с столичными пашковцами; последние являются ходоками по делам южнорусских братьев в разных департаментах и не только письмами, но и телеграммами извещают южнорусских поселян о ходе разных кляузных дел штунды.

В своем заключении докладчик пришел к тому, что штунда и пашковщина и по существу своего учения, и по истории своего происхождения и дальнейшей жизнедеятельности – составляет одну секту – штунду. Усвоенное же столичному сектантству название, по фамилии главного столичного распространителя штунды, Пашкова – не основательно служит к выделению этой секты во что-то отдельное, самостоятельное. Пашков не создал нового учения, а распространил уже известное на юге протестантское лжеучение в форме штунды. Его и барона Корфа поездки в Киев к Демиевским штундистам, в Чаплынку и Косяковку имели миссионерские цели и оказали влияние не на южное сектантство, а на северное, пашковщину.

Рассмотрев положенные сведения о пашковщине и сопоставив символ пашковской веры с вероучением, содержимым последователями штунды, комиссия пришла к заключению, что пашковский символ ничем существенным не отличается от вероучения, так называемого, Косяковского толка штунды, иначе называемого староштундизма или штундобаптизма. Если и существует некоторое различие в частных пунктах вероизложения той и другой секты, то оно настолько незначительно, несущественно, что и сами сектанты этому не придают особого значения. Причем выяснилось, что пашковцы одинаково поддерживают общение молитвенное с перекрещенными единоверцами и штундистами, вообще посещают собрания последних и считать их своими братьями, но перекрещенцы и штундисты не допускают Пашковцев только до причастия. Пашковцы не-перекрещенцы не считают безусловно обязательным для своих членов перекрещивание и в этом отношении они более веротерпимы, чем штундобаптисты, где перекрещивание является необходимым «условием для удостоения чаши» (причащения) и как акт удостоверяющий церковь (общину) в твердости и неизменности решения брата следовать учению секты. У штундистов только перекрещенные избираются и поставляются в иерархические должности пресвитеров, диаконов, допускаются к участию во внутренних административных или распорядительных собраниях секты. Повидимому, и в этом отношении пашковщина отличается большею вообще веротерпимостью.

Есть основание полагать, что в столичных общинах пашковцев (неперекрещенцев) совершается преломление и допускаются к участию в этом обряде (к чаше) все члены секты, хотя бы и не перекрещенные водным (речным) крещением.

Что касается отрицательной стороны вероучения пашковщины в отношении православной Церкви, то секта эта во всех пунктах своего лжеучения совершенно тождественна с штундизмом. Култ, литургическая сторона, богослужебные книги, порядок молитвословий также вполне сходятся у пашковцев и штундистов. То же сходство в бытовой стороне, в организации общин, тот же дух прозелитизма, устройство

миссии, одинаковые приемы пропаганды лжеучения у пашковцев и у штундистов.

В виду изложенного, Съезд пришел к заключению, что секта, известная под именем пашковщины, не представляет собою какого-либо самостоятельного или отдельного толка, но является совершенно однородною с сектою штунды, а потому естественно на пашковщину должно, как и на штунду, распространять действие Высочайше утвержденного распоряжения Комитета министров от 4 сентября 1894 года о воспрещении общинных богомоленных собраний ее последователей.

В номенклатуре сект должно быть установлено одно общее название штунды всем ее фракциям, т.е. баптизму или старо-штундизму, пашковщине и духовной штунде или младо-штундизму.

V. Толстовство как секта // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 807–831

На 3-м всероссийском миссионерском съезде, установлено, что толстовство, как сектантство, начало догматически формироваться и распространяться в православном народе и среди последователей рационалистического и мистического сектантства с конца 80-х годов. В настоящее время последователи этой новейшей формы русского сектантства наблюдаются в губерниях: Харьковской, Курской, Полтавской, Воронежской, Екатеринославской, Киевской, Донской и на Кавказе. Главный очаг сектантского толстовского движения в православном населении находится в Харьковской губернии. Почти одновременно с распространением в епархии штундизма – явился и этот другой, более злокозненный враг не только одного православия, но и всего христианства, в форме религиозно-социального лжеучения гр. Толстого, практически примененного к понятиям и жизни простого народа. Слобода *Павловка*, Сумского уезда, обратилась вот уже несколько лет в настоящее гнездо пагубного лжеучения толстовства. Профессор Харьковского университета, прот. *Т.В. Буткевича* в обстоятельном докладе сообщил Съезду о толстовщине в Харьковской епархии следующее:

Первым распространителем в народе толстовства явился местный землевладелец князь Димитрий Александрович Хилков, отставной подполковник гвардии, молодой человек, имевший тогда не более 30 лет от роду. По признанию самого князя о. Буткевичу, в детстве окружала князя атмосфера семейной жизни нравственно нездоровая, – среди окружавших он видел, будто бы, одного только хорошего, доброго человека, кучера Емельяна. Получив воспитание в Пажеском корпусе, князь начал службу в гвардии. Суэта светской столичной жизни блестящего гвардейца привела к заключению, что «Петербург изолгался». Князь перешел на Кавказ в Терский полк и участвовал в турецкой войне 1877–78 годов. Здесь он заявил себя храбрым воином и князю Димитрию предстояла блестящая военная карьера. Но он

оставляет неожиданно для всех службу под гнетущим впечатлением собственноручного убийства на войне в одной лихой схватке турка. Случай этот не давал князю покоя и привел к убеждению, что война – зло и служить в военной службе значить увеличивать это зло. Любопытный и даровитый от природы, крайне честолюбивый и тщеславный, князь Д.А. Хилков, без сомнения, много читал, но, при отсутствии систематически-научного и серьезного образования, эта начитанность скорее принесла ему вред, чем пользу. У него не было твердой опоры для создания цельного и законченного мировоззрения, а потому он всегда мог легко стать под чужое влияние. Есть основание думать, что первые семена сомнения в истинах православной веры запали в его душу еще в бытность его на Кавказе под влиянием тамошних духоборцев, с которыми князь познакомился, состоя в военной службе, много беседовал с ними о вере и интересовался их учением и жизнью.

В 1885 году, оставив военную службу, князь Д.А. Хилков поселился в имении своей матери в сл. Павловках. Здесь он первое время пытался найти успокоение в религии: каждый воскресный и праздничный день ходил в церковь, стал читать евангелие, жития святых, сочинения св. отцов, напр., св. Тихона Задонского. Но и с этим настроением князь покончил неожиданным заключением: «правды нет в церкви, попы – государственные чиновники». Скукая от бездействия, князь принялся за чтение последних произведений графа Толстого, в которых уже заметно Толстой начинал пропагандировать свое лжеучение. Взгляды Толстого заинтересовали Хилкова: он начал сближаться с народом и налаживать быт на мужицкий режим и затем отправился к графу в его имение *Ясную Поляну* в наущение, где прожил около двух месяцев и настолько подчинился его влиянию, что, возвратившись домой, стал истым толстовцем и в образе внешней жизни, и в верованиях. Пропаганда лжеучения Толстого среди крестьян с этого времени стала, по-видимому, главною целью его жизни. Вместе с Хилковым тогда же поселился в Павловках и его двоюродный дядя, дворянин Н.Ф. Джунковский. Кроме того, пропаганде идей Толстого в Павловках и окрестных селениях живое содействие

оказывали разновременно постоянные агенты Толстого: И.М. Клобский, некий Киселевич и многие другие толстовцы, часто наезжавшие в Павловки, привозившие подпольного или заграничного издания сочинения Толстого и другие запрещенные книги и распространявшие их, где только было возможно. Наконец, пропаганда учения Толстого весьма многим обязана энергическому участию жены Джунковского и ее родной сестры Цицилии – сожительницы князя Д.А. Хилкова и многих других женщин, то появлявшихся в этой колонии толстовцев, то снова исчезавших, но постоянно уклонявшихся от полицейского наблюдения. Живя в Павловках, князь Д.А. Хилков поддерживал постоянные сношения с Толстым, и сам Толстой посещал Павловки, интересуясь жизнью и деятельностью своих новых и ревнивых последователей, еще и теперь рассказывают об этом очевидцы. Нередко посещал князя Хилкова в Павловках и умерший уже художник Ге, известный единомышленник Толстого. Сначала у Хилкова была мысль пропагандировать идеи Толстого только примером собственной жизни. Он и его друзья, жившие вместе с ним, надели на себя простые крестьянские костюмы, начали пахать землю, возить навоз, косить сено и т.п. Но, конечно, из этого мало что выходило для успехов пропаганды. Крестьяне, подсмеиваясь, думали, что «паны дуриють». Тогда князь Хилков решился повести дело другим путем. Он является к приходскому протоиерею *Добрецкому* и объявляет ему о своем сомнении в истинах православной веры. Протоиерей долго беседовал с ним, доказывая ему истину православного вероучения. Беседа эта, конечно, ни к чему не привела, ибо князь в действительности искал не доказательств истины православной веры, а испытал силы противника, он решился вступить в борьбу. Прежде всего, без разрешения начальства, он открыл школу для детей и в ней начал излагать крестьянским детям, а по праздникам и их родителям, свое новое учение. Сначала крестьяне относились к учению князя недоверчиво; оно казалось им частью непонятным, частью химерным и неосуществимым. Князь Хилков пропагандировал всем известное мировоззрение графа Толстого. Бог, говорил Хилков, есть премірный разум, сотворивший видимый мір который, как

получивший от Бога свое бытие, и есть (будто бы), истинный Сын Божий; отсюда у Хилкова – отрицание Второго Лица Пресвятой Троицы, как особой Ипостаси Божией и непризнание за Иисусом Христом богочеловеческого достоинства. Третьего Лица Пресв. Троицы Хилков также не признавал особою Ипостасью Божества, а только силою Божией. Бог есть Дух, а потому, учил Хилков, и служение Ему должно быть только духом, отсюда – отрицание внешней молитвы и особого места молитвы – храма. Отношение Бога к міру проявляется в любви, и для спасения человека необходимо возможно – полное и постоянное практическое осуществление любви к ближнему, отсюда у Хилкова – отрицание необходимости для спасения человека особой благодати Божией и всего, в чем она преподается человеку, т.е. таинств, отрицание всех установлений Церкви православной – постов, праздников и аскетических подвигов, – отрицание крестного знамения, почитания икон, креста и св. мощей. В отрицательных воззрениях на Церковь, таинства и обряды князь и его последователи сошлись со штундой. В положительной стороне своей веры толстовцы оказались самостоятельны. По учению Хилкова, человеку в жизни должно руководиться пятью заповедями: не клянись, не воюй, не судись, не противься злу, люби ближнего твоего; отсюда у толстовства – отрицание клятвы и присяги, военной службы, судопроизводства; понимаемое в смысле учения Толстого осуществление любви к ближнему должно привести (будто бы) к такому устройству человеческого общества, чтобы все были равны, чтобы не было ни начальников, ни подчиненных, ни бедных, ни богатых, отсюда – отрицание власти, как насилия, как зла, ибо взявший меч от меча и погибнет; уравнивание же бедных и богатых, по предсказанию князя Хилкова, должно произойти чрез отобрание у богатых их имущества, у землевладельцев земли, и чрез раздел всего поровну между всеми способными к физическому труду. Корень всякого зла, по учению толстовства, идея ассоциирования и всякая ассоциация – зло. Церковь не христианское учреждение, а ведомство православного исповедания; она развращает якобы людей, служа грязным целям ассоциации (государственной). В жизни православных в

самых сильных выражениях князь и толстовство осуждали крестное знамение, почитание креста и св. икон, св. мощей, храмов, жертвы в пользу храма, наружное выражение молитвы, соблюдение постов и праздничных дней, обычные пороки в крестьянской среде – пьянство и сквернословие; в особенности же он нападал на почтительное отношение крестьян к православному духовенству и на получаемую духовенством «благодарность» за требоисправления. Священников и епископов князь Хилков и толстовцы называют всегда не иначе, как фарисеями, воссевшими на Моисеево седалище, носящими воскрилия одежды и широкие одежды, языческими жрецами и обманщиками. Свое учение, по примеру Толстого, толстовцы подтверждали ложно истолкованными местами Евангелия; но Евангелия – они признают подлинными не во всем их составе, а только в подходящих будто бы к их учению местах, – все же другие части канонических Евангелий они объявили самовольным добавлением и изменением своекорыстного духовенства. Послания ап. Павла князь и толстовцы отвергают так как ап. Павел, о личности которого они всегда отзываются с крайнею враждебностью, будто бы не понял христианского учения и исказил его.

Впрочем, о князе Хилкове нужно сказать, что он не всегда оставался верным лжеучению Толстого, пантеистическое мировоззрение которого у него часто обращалось в безусловный атеизм.

Как ни старались толстовцы, во главе с князем Хилковым, о пропаганде нового учения, но его метафизика навсегда осталась недоступною крестьянам; в религиозной же части оно нравилось им, так как обещало спасение без всяких подвигов и нравственных усилий со стороны человека, не требуя от него ни молитвы, ни поста, ни соблюдения обрядов, ни совершения таинств и других молитвословий; но особенно привлекательным и заманчивым для неразвитого ума крестьян является анархически-социалистическое учение толстовства, как оно было пропагандируемо в Павловках. Податей не платить, детей в военную службу не отдавать, землю у землевладельцев отнять, стать богатым без труда, с полицией и судами никакого дела не

иметь, никому не кланяться, никому не повиноваться, никаких законов и правительственных распоряжений не исполнять, быть всегда и везде полным и самовластным хозяином, не испытывая никакой материальной нужды!... Да не рай ли это земной для крестьянина?

Князь был не только популярен среди павловских крестьян, но и фамильярен: обращался с ними запросто, приглашал их к себе в дом, угощал чаем и обедами, и в это время ласково беседовал с ними, вызывая их на преступные отзывы о Государе, правительстве и государственных порядках. В то же время князь Хилков стал приобретать доверие к себе со стороны павловских крестьян своею щедрою материальною помощью: одним давал деньги, другим скот, третьим лес. Но безусловно он покориł себе умы и сердца павловцев, когда, наконец, под видом крайне дешевой продажи, подарил своим последователям около 400 десятин земли в местности, где благодаря развитию сахаро-бурачных плантаций, земля ценится чрезвычайно дорого 500–600 руб. за десятину. Мало этого, князь торжественно пообещал павловским крестьянам, высказывавшим к нему свое расположение, отдать все имение, которым ныне владеет мать его княгиня Ю.П. Хилкова, когда оно перейдет к нему по наследству. Может ли такой человек говорить неправду? думали крестьяне. Можно ли не верить тому, что он говорит? А между тем Хилков старался еще уверить крестьян в том, что у толстовцев единомышленников весьма много, что целые полки русских солдат на их стороне, что им оказывают содействие могущественные покровители и что только одни попы препятствуют, по своекорыстным побуждениям, наступлению царства Божия на земле. Сначала открыто объявили себя последователями нового лжеучения по преимуществу бывшие крепостные и дворовые Хилковых, которые сразу стали самыми горячими сторонниками и усердными распространителями учения князя Д.А. Хилкова. Метафизическую сторону нового лжеучения простецы оставили в покое; они усвоили только одни социалистические и коммунистические чаяния нового пророка. И, кажется, что именно они-то одни и верно поняли то, что составляет сущность

этой пропаганды. Правда, с самого начала они чрезвычайно враждебно отнеслись в православной Церкви и православному духовенству, но это вполне объясняется тем, что они, как и социалисты 60-х годов, в учении православной Церкви справедливо усматривали могущественную нравственную опору существующего государственного порядка. «Як бы не було попив, то не було б и царив, не було б ни вийска, ни судив, ни справныкив, ни губырнаторив. Не дралы б з нас и гроший на подати!» – вот что обыкновенно говорили и говорят павловские толстовцы. Сущность павловской толстовщины, как это выяснилось за время ее десятилетнего существования, – состоит в самом грубом и бесшабашном анархизме. Нужно знать резко и прямолинейно мыслящая малоросса для того, чтобы судить, какие крайние анархические выводы он способен сделать из учения Толстого. И павловские крестьяне этот вывод из мировоззрения Толстого сделали логически верно.

Когда Хилков приобрел себе ревностных сотрудников среди самых павловских крестьян, его пропаганда стала развиваться быстрее: в 2–3 года у Хилкова уже оказалось до 200 человек самых преданных последователей – явных и фанатичных толстовцев. Чтобы совершенно порвать связь с Церковью, они перестали посещать богослужения, иконы из своих домов вынесли на площадь и сожгли в одном общем костре! – Когда местный протоиерей донес об этом исправнику; то новые последователи Хилкова уже не жгли своих икон, а отдавали их протоиерею. И вот, что произошло, напр., 14 августа 1889 года: 70-летний старик-протоиерей сидел в своей квартире над библией и готовился к собеседованию с толстовцами, которое он предполагал вести 15-го августа, в день Успения Пресвятой Богородицы. Вдруг, дверь отворяется и в комнату входит крестьянин с громадным «чувалом» (большим мешком), наполненным св. иконами. С шумом он бросил на пол свою ношу. «На, тоби твоих богив», сказал он, обратясь к протоиерею, – «а то, кажуть, ты сердесся, шо мы их палемо!». Так как сущность павловской толстовщины состоит в анархических и социалистических чаяниях, чуждых собственно религиозного характера, и павловские толстовцы – не религиозные сектанты:

то у них не было ни религиозных собраний, ни религиозных песнопений, ни каких-либо богослужебных действий, как у штундистов. Правда, первоначально они очень часто собирались вместе в доме князя или у кого-либо другого из своих единомышленников, но на собраниях этих были ведены беседы исключительно социально-политического характера; а также были читаемы противорелигиозные и социалистические книги; если же иногда были изъясняемы некоторые места евангелий, то лишь в духе учения Толстого или даже исключительно для мнимого подтверждения этого учения. Социалистические и коммунистические книги, сочинения Толстого, гектографированные или отпечатанные за границей, всегда были доставляемы павловцам какими-то темными личностями и различными проходимцами, во множестве являвшимися в Павловках. В мае 1894 года у некоторых павловских крестьян, увлекшихся толстовским лжеучением, жандармскою полицией был произведен обыск, – причем были найдены многие брошюры и рукописные сочинения, самого возмутительного содержания в отношении к существующему государственному порядку и христианской религии. Эти-то сочинения и книги и были читаемы на собраниях павловских толстовцев.

С самого начала павловские толстовцы находились и находятся) в весьма оживленных сношениях как с гр. Толстым, так и с его многочисленными последователями, проживающими в Москве, Туле, Полтаве и многих других местностях Российской империи, и в постоянных сношениях с толстовцами Харьковской губернии. Среди них часто являются многочисленные агенты Толстого (иногда даже переодетые в простонародные женские костюмы); в 1894 году их даже посещали такие далекие гости, как американские квакеры. Для облегчения своих сношений с единомышленниками, павловские толстовцы стараются иметь своих членов сторожами и почтальонами на ближайших железнодорожных станциях (Новосилки, Белополье, Ворожба). Кроме того, они часто посылают в весьма отдаленные места своих депутатов для личных сношений с единомышленниками и на съезды толстовцев в различных толстовских колониях.

Явных толстовцев, порвавших связь с Церковью, в настоящее время в Павловках числится 327 человек обоего пола; из них 165 мужчин и 162 женщины. Пантеистического мировоззрения Толстого, как оно было пропагандировано Хилковым, харьковские толстовцы из народа усвоить были не в силах; а то, что ими было усвоено и что, таким образом, составляет их собственное вероучение, полно неопределенностей и кривотолков. Так, одни утверждают, что они веруют в Бога, но только не триединого, другие грубо отрицают бытие Божие вообще; одни признают Иисуса Христа Богом, другие хотя и называют Его Сыном Божиим, но не признают за Ним божеского достоинства, низводя Его на степень обыкновенного человека, так как-де всякий человек есть сын Божий; поэтому они не признают и за Его смертью искупительного значения для человечества, говоря, что Он пострадал не за грехи людей, а за то, что говорил людям правду, как и теперь-де часто случается, что за правду людей и судят, и в острог сажают, и в ссылку ссылают. О лице Божией Матери все павловские толстовцы говорят вообще в выражениях крайне оскорбительных для чувства верующего христианина, – и выражений этих лучше не приводить. О таинстве причащения одни из павловских толстовцев рассуждают так: причащение Тела и Крови Христовой следует понимать только в духовном смысле, всякий внимающий учению Христа и исполняющий его уже этим самым причащается Тела и Крови Христовой, причем в подтверждение своего мнения обыкновенно ссылаются на слова Иисуса Христа: «Дух животворит; плоть не пользует ни мало»; другие напротив утверждают, – что Тела и Крови Христовой все мы причащаемся вещественно и ежедневно, именно, когда едим пищу и пьем воду, так как наша пища и есть тело Христово, а вода кровь Христа. О таинстве крещения одни рассуждают так, что крещение, заменяет собою ветхозаветное обрезание, вовсе не нужно для нашего спасения, по слову ап. Павла (в других случаях об Павле павловские толстовцы вообще и слушать не хотят) «обрезание ничто, и необрезание ничто, но все в соблюдении заповедей Божиих»; другие, напротив, признают, что крещение есть от Бога установленное таинство, необходимое

для нашего спасения, но при этом утверждают, подобно штунде, что креститься всякий должен по своему сознанию и желанию, а не по принуждению, и что детей, как еще не имеющих ясного сознания и свободной воли, крестить не следует. Что касается брака, то павловские толстовцы говорят по этому следующее: мужа и жену сочетавает Сам Бог; но сочетание это происходит не чрез церковное венчание, совершаемое священником, после которого супруги часто и ссорятся и бывают неверными друг другу, а только единственно чрез взаимную любовь мужчины и женщины; кто кого любит, тех, значит, Бог и сочетал. Есть между павловскими толстовцами и такие, которые не признают совершенно никакого значения за таинствами. Они говорят: «зачем нам чрез забор лезть, когда ворота есть». Забором, препятствующим вступить в Царствие Божие, они признают таинства и обряды православной Церкви, придуманные будто бы самим духовенством для своих личных выгод, а «воротами» свободное общение с Богом и спасение одною верою в Него. Общего воскресения мертвых, загробной жизни и страшного суда павловские толстовцы вообще не ожидают.

В своей практической жизни павловские толстовцы старались и стараются жить по учению Толстого, опирающемуся на известные «пять заповедей»: не клянись, не воюй, не противься злу, не судись, люби ближнего», надеясь, что только чрез осуществление учения Толстого, весь строй общественной жизни изменится в такой степени, что не будет ни начальствующих, ни подчиненных, ни бедных, ни богатых, но что все будут равны и все будут жить по-братски, без наевши, вражды и тяжб. Первоначально они упорно отказывались от уплаты податей и поступления в военную службу. В семейной жизни утратилось различие между родителями и детьми. По их утверждению, Спаситель требовал, чтобы мы жили так, «как живут птицы небесный». Как птицы, – говорят павловские толстовцы, – пока маленькие, живут в одном гнезде, а когда вырастают, разлетаются в разные стороны и не разбирают, кто у них отец, кто мать; так должны жить и люди. Подобным рассуждением павловский толстовец, Иван *Любич* оправдывал свое прелюбодеяние с своею невесткой. В особенности

павловские толстовцы упорно отказываются от принятия присяги. Между прочим, и до сего времени не принимают присяги на верноподданство Государю Императору Николаю Александровичу 39 крестьян толстовцев. Все они главы семейств; но у них есть много взрослых детей, которые вместе с ними также не пожелали принять присяги на верноподданство Государю Императору Николаю Александровичу.

Свое учение павловские сектанты, по-видимому, стараются доказывать местами из Евангелия. Но их евангелия (на русском языке – английского библейского общества) во многих местах всегда оказываются исчерканными карандашом или чернилами; исчеркиваются целые страницы, не соответствующие их учению, так как они будто бы добавлены духовенством. Впрочем, некоторые из павловских толстовцев открыто заявляют, что они признают подлинными только 5–8 главы Евангелия от Матфея, а все остальное в канонических Евангелиях, – по их мнению, – не правда.

За отступление от православной веры никто из павловских толстовцев судим не был. Если же первый распространитель лжеучения князь Д.А. Хилков и трое из его ревностных сотрудников в деле пропаганды – крестьян и были высланы из Павловок, то не по суду, а административным порядком, и то скорее за противоправительственную пропаганду, чем за отступление и похуление Церкви. Также никто из павловских толстовцев не был судим и наказан за непринесение присяги на верноподданство Государю Императору. Это последнее обстоятельство однако же сильно интересуется крестьян как сл. Павловок, так и многих окрестных селений: все они ждут, чем окончится сопротивление толстовцев этому требованию представителей государственной власти. Позже (в 1894 г.) суду предан был толстовец, крестьянин с. Лесковки, Иван Муха. Как можно судить по словам бывших слушателей Мухи, он совершенно отрицал бытие Божие, Иисуса Христа признавал простым человеком, но умным и честным, который распространял свое учение и за это был распят, но из мертвых не воскресал. Муха отвергал все таинства и обряды и всякую молитву вообще. О таинстве причащения выражался, например,

так: «что тебе за охота идти в церковь, где поп даст тебе из ложечки каплю вина и за это ты должен платить деньги! Не лучше ли тебе – в кабаке купить целую бутылку вина, – и пей, сколько угодно!». Иконы, по его словам, – идолы, храмы – хлева. «Хочешь молиться, – говорил Муха, – поставь крест на конюшне, вот тебе и храм твой!». Мощи – это набальзамированные тела, устроенные духовенством по корыстным побуждениям. Муха распространял и все социалистические идеи Толстого: о равенстве, об отрицании власти, суда, присяги, военной службы и т.д. 5 апреля 1894 судился Иван Муха и другие два его единомышленника за распространение учения, клонящегося к разрушению государственного порядка, но из суда они вышли оправданными.

Близ Лесковки есть хутор, принадлежащий Джунковскому. Здесь жена Джунковского – полька открыто распространяла среди простого народа толстовское лжеучение. Для крестьянских детей она открыла даже школу без икон, молитв и законоучителя. Вместо христианского катехизиса она преподавала детям открыто лжеучение Толстого. Школа эта была закрыта только по распоряжению уездного предводителя дворянства.

В том же 1890 году лжеучение графа Л. Толстого стало распространяться между жителями слободы Речек Сумского уезда. Семена этого лжеучения здесь были посеяны преданнейшими учениками и сотрудниками князя Хилкова – братьями Дудченковыми, проживавшими в соседнем селе Вирах и распространявшими там свое лжеучение уже около пяти лет. Затем в слободу Речки стали постоянно являться павловские толстовцы с целью пропаганды; наконец, над организацией толстовщины в Речках много работали часто приезжавшие туда полтавский врач Волькштейн с женою, доверенный «Посредника» – Трегубов, проживавший ранее в Москве, потом в Розсоше Воронеж. г. и недавно водворенный под главный надзор полиции в Эстляндию за пропаганду противогосударственных идей и агитацию среди мятежной части духовобор.

Учение речанских толстовцев ничем не отличается от учения, распространяемого толстовцами в Павловках. Но разлад

между словом и делом здесь еще заметнее, чем в Павловках. Проповедуя «не воруй», они не считают противным этому учению – воровство хлеба, принадлежащего помещикам; гордясь трезвостью, они предаются пьянству не менее других, когда бывают на базаре в соседнем городе; впрочем, более или менее скрытно они пьянствуют не редко и дома; осуждая насилие, они иногда кольями угощают друг друга; учение о всеобщем равенстве у них мирится с деспотизмом в семье; оскорбление родителей у них – явление заурядное. В своем заблуждении они также упорны, как и павловские толстовцы. Несмотря на все убеждения приходского священника и представителей гражданской власти, никто из них до сего времени не принял присяги на верноподданство Государю Императору. Речанский толстовец Петр Ольховик в 1895 году был присужден к наказанию за то, что не захотел поступить в военную службу. Это обстоятельство послужило поводом к тому, что среди речанских толстовцев сразу явилось откуда-то много посланий и писем, в которых восхваляется «подвиг» Ольховика, а сам Ольховик украшается ореолом «нового мученика». В конце 1895 года речанские сектанты почти согласились принести присягу на верноподданство Государю Императору; но, получив откуда-то какое-то послание, они тотчас же отказались от своего намерения. Так велико влияние их неизвестных руководителей!

В 1891 г. лжеучение Толстого стало открыто распространяться в Волчанском уезде и прежде всего в приходе слободы Большой-Бабки, где для него удобная почва была подготовлена штундой. Первым распространителем толстовского лжеучения здесь явился дворянин, с университетским образованием, Александр Михайлович Бодянский; он купил здесь небольшой хутор Гремячий, жил в нем на положении материально обеспеченного помещика. К православной Церкви, по его собственным словам, Бодянский не принадлежал и, как истинный сын 60-х годов, никогда не посещал церковных богослужений, у исповеди никогда не бывал и «по принципу» никогда не причащался св. Таин. В 1889 или 1890 году близ Харькова между сл. Большой-Даниловкой и Сороковкой поселился интеллигентный ревностный

последователь Толстого, некто А.Е. Алехин с несколькими единомышленниками. С этого времени Бодянский с К°, начал систематическую пропаганду толстовщины не только в своем имении, но и в соседних селениях.

Толстовщина распространялась в Харьковской губернии особенно быстро в неурожайный 1892 год, когда Бодянский открыл народную столовую. Бодянский вместе с Алехиным не стеснялись проповедовать свое противорелигиозное и противогосударственное учение публично в своей столовой и даже печенежском волостном правлении. Кроме Бодянского, Алехина и Вороного лжеучение Толстого среди печенежских крестьян распространяли многие подозрительные личности, являвшиеся под видом книгонош. В 1892 году Бодянский за противогосударственную пропаганду был выслан административным порядком на Кавказ (в Кутаис); но своих сношений с печенежскими толстовцами он не порвал; он ведет с ними частую переписку. Но этого мало, – печенежские толстовцы однажды командировали даже к нему для личных объяснений своего единомышленника Сераша, который привез от него для распространения среди толстовцев гектографированные его сочинения. Из этих сочинений известны следующие: 1) «Исповедание веры»; 2) «О правильном понимании писаний евангельских»; 3) «Крестьянам слободы Печенег»; 4) «Братьям в Ново-Бурлуцке, которые намеревались причинить мне зло». Все эти сочинения написаны в духе учения Толстого, но еще более в раздраженном тоне и вульгарным языком.

Во всех приходах, в которых действовала и действует пропаганда толстовского злоучения, приходское духовенство, своего пастырского долга, и по предписанию епархиального начальства, старалось всеми зависящими от него средствами бороться с жестоким врагом религиозно-нравственной и общественной жизни, с тем, чтобы остановить его дальнейшее развитие и снова возвратить отпавших от православной Церкви в ее лоно. Сначала оно старалось в частных беседах действовать увещаниями и наставлениями на совратившихся; но когда случаи отпадения от православной веры стали учащаться и толстовщина начала принимать ожесточенный до фанатизма и

воинствующий характер, духовенство повсюду открыло публичные собеседования с толстовцами: епархиальным начальством учреждены миссионерские беседы, противосектантские библиотеки. В Белополье, как центральном пункте, вокруг которого расположены увлеченные толстовщиною селения, учреждено противосектантское братство, чем привлечены к борьбе лучшие силы местного населения; в самых Павловках, как источнике заразы, устроена прекрасная церковно-школа; во всех увлеченных толстовским лжеучением приходах духовенство устроило церковно-приходские школы, заводит церковные хоры, на свои средства выписывает для бесплатной раздачи народу книги и развивает дело благотворительности. С достойною православных пастырей твердостью и смирением оно переносит тяжкие оскорбления, глумления и насмешки от фанатичных толстовцев. В своих анонимных письмах толстовцы *грозят священникам смертью*; но они еще мужественнее продолжают свое дело, безбоязненно посещая по вечерам дома толстовцев, находящиеся иногда далеко за селением, для увещания, наставления и раскрытия лжи нового учения. В приходах, зараженных лжеучением Толстого, положение духовенства весьма тяжело; но и в будущем не предвидится для него скорого облегчения. Дело в том, что потрясение религии, нравственности и коренных начал семейной и общественной жизни не ограничивается только теми отдельными лицами, которые открыто порвали связь с православною Церковью и объявили себя толстовцами. Лжеучение произвело и производит разрушительное влияние на все население зараженных приходов. Доверие к истинности православной Церкви сильно подорвано; в крестьянском населении заметно положительное охлаждение к молитве, к богослужению, к Церкви и к духовенству; крестьяне мало молятся дома, а церковные богослужения посещают еще меньше, участвовать в крестных ходах даже стыдятся. Много есть таких прихожан, которые хотя и считаются еще православными, но в церкви бывают только тогда, когда говеют. Усердия к содержанию приходских храмов в исправности и должном благолепии нет. Нет сомнения, что не религия, а вопросы социально-политического характера

привлекли к себе все внимание крестьян, живущих в слободах, в которых свободно развивается толстовщина. Все крестьяне если не открыто, то в душе разделяют учение толстовцев о необходимости отнятия земель у помещиков, – а отсюда – и общее недовольство существующим порядком устройства государственной жизни, нерасположение ко всем тем, кем этот порядок поддерживается и охраняется. Это недовольство выражается крестьянами и прямо и косвенно: в селениях, где развивается толстовщина, почти нельзя встретить ни одного крестьянина, который бы не начал или не окончил своего разговора на какую угодно тему жалобой на свою горькую судьбу, на свою бедность: «вот ему следует и подати платить и другие повинности справлять: а тут скот у него пропал, денег взять не откуда, земли у него совсем мало, не то что у такого-то помещика: «эка столько десятин одному человеку! На что оно ему?». Недовольство соседними помещиками несомненно выражается и тем, что в местностях, зараженных толстовщиною, почти ежегодно крестьяне жгут помещичьи скирды хлеба, сена и соломы. Бросается в глаза, что в ряды толстовцев открыто становятся по преимуществу крестьяне, наиболее испытывающие материальную нужду, и молодые парни. На общественных сходах все вопросы также решаются большинством крикливой молодежи, явно покровительствующей толстовщине. Нельзя не видеть вредного влияния толстовщины и в том, что прежде вполне покорные начальству, теперь крестьяне очень часто подолгу отказываются от принятия мер, предлагаемых им начальством для общественного благоустройства. Так, напр., павловские крестьяне долго не хотели принимать акушерки, присланной им от земства, не хотели делать платежей на содержание местного земского училища, не хотели даже избирать из своей среды сотских и десятских, говоря, что сотские и десятские работают только на станового пристава, да на урядника.

К земской и церковно-приходской школе толстовцы относятся безучастно; они редко посылают в них своих детей для обучения, предпочитая домашнее обучение, которое ведется в духе толстовского мировоззрения.

Еще равнодушнее относятся толстовцы к беседам священников, их наставлениям и внебогослужебным беседам. Они прямо избегают их. Заинтересованные почти социально-политической стороной в лжеучении Толстого, они вовсе не заботятся о том, истинно, или неистинно учение православной Церкви. «Нам этого не нужно», обыкновенно говорят они, или огульно объявляют ложным все православное вероучение. «Все, что говорится в книгах о православной вере, – все это обман и неправильно написано!», – вот их обыкновенный отзыв!

Впрочем, мало сказать, что толстовцы относятся в православной Церкви и духовенству только с недоверием; они презирают и ненавидят священников, как своих личных и непримиримых врагов, мешающих их пропаганде. С такою же враждебностью они относятся даже и к твердым в православии односельчанам за то, что они не усвоят их лжеучения, и тем будто бы замедляют скорейшее наступление ожидаемых ими перемен в общественной и государственной жизни.

В борьбе с толстовщиною местному духовенству содействовало и содействует светское начальство: земские начальники, исправники, становые пристава и полицейские урядники. За толстовцами была установлена надзор, благодаря которому удалось открыть особенно влиятельных пропагандистов, которые и были высланы из Павловок, Печенег и Речек. Но первые меры, принятые гражданским начальством, были нерешительны, слабы и часто настолько ошибочны, что скорее приносили общему делу вред, чем пользу. Это особенно нужно сказать о гнезде толстовщины Павловках, – где прежде было волостное правление. Но с появлением толстовщины встретились затруднения. Особенно при избрании должностных лиц прежнему земскому начальнику приходилось считаться с толстовцами, не желавшими принимать присяги. Чтобы избежать лишних хлопот, волостное правление в Павловках было закрыто и слобода Павловки была распланирована по другим соседним волостям. Таким образом пропаганде толстовщины был открыт новый путь. В Павловках же, где реже стали показываться чиновники, различным проходивцам стало просторнее и

вольтотнее. Потрясенное сознание о необходимости подчинения властям стало слабеть еще более. Дело дошло почти до забвения верноподданнических обязанностей, до полного равнодушия к важнейшим и радостным событиям государственной жизни. Так, наприим., в дни священного коронования Их Императорских Величеств 14, 15 и 16 мая 1896 г., когда вся Россия радовалась и молилась о здравии своих Богодарованных Царя и Царицы, когда соседские с Павловками сельские общества устраивали у себя празднества и старались отметить и увековечить память о сих радостных днях какими-либо добрыми делами, павловцы вели себя самым равнодушным образом, ничем не отличивши дней коронаций от простых будничных дней; в церкви во время служения божественной литургии и молебствия по случаю коронования, *из местных крестьян не было ни одного человека*, кроме сельского старосты, сотских и десятских, несмотря на то, что дни коронации совпали со днями цветной недели!

Как ни мрачна картина религиозно-нравственного состояния селений, в которых развивается толстовское лжеучение, тем не менее, по общему отзыву всех приходских священников, в последнее время толстовщина мало-помалу начинает терять свой воинственный характер; число открытых последователей не увеличивается. Причина этого отрадного явления заключается в том, что в последнее время (с 1895 года) гражданское начальство, благодаря новому губернатору, стало серьезнее и решительнее относиться к делу пресечения толстовщины.

Прежде всего весьма благотворно и успокоительно подействовало на население удаление вожаков и главных пропагандистов из некоторых слобод, зараженных сектантством. Результатом этого было то, что шестнадцать семейств, находившаяся под тяжелым гнетом этих вожаков, – оставили свое заблуждение и обратились в лоно православной Церкви. Напротив, гордые и надменные толстовцы, долгое время остававшиеся безнаказанными за распространение своего зловредного учения и уверявшие всех в том, что у них есть могущественные покровители в Петербурге, теперь затихли,

присмирили, перестали рисоваться своими кощунственными выходками и открыто не пропагандируют лжеучения Толстого.

Заметна перемена во внешнем поведении местных толстовцев. Сектанты стали держать себя приличнее и менее нахально. В частности, заметно изменилось к лучшему отношение их к самым представителям светской власти. Они перестали быть грубыми и надменными. По приглашению, они теперь сами являются как в земскому начальнику, так и к становому приставу, в волостные правления и держать себя там если и небезукоризненно, то все-таки сносно; отвечают на вопросы толково, без всяких скандалов и без всякого задора, – одним словом, бывало прежде, когда земский начальник мог вызвать их в волостное правление не иначе, как чрез толпу десятников, когда на пути они кричали о насилии, о своем невинном угнетении, о незаконности существующих властей, а придя в волостное правление, в присутствии начальствующих лиц, тотчас садились на скамью или просто бросались и ложились на пол посреди камеры, заявляя, что они чрезвычайно устали и вместо ответа на вопросы они упорно молчали или обличали начальствующих лиц, которые будто бы не должны быть начальниками, если хотят быть христианами. Продолжая отвергать учение православной Церкви, теперь толстовцы, по крайней мере, перестали бранить в глаза священников и начали охотнее выслушивать их разъяснения.

Много пользы делу приносят в настоящее время земские начальники и полицейские чины, подвергая штрафу толстовцев за неисполнение законных распоряжений, не дозволяя им устраивать свои сборища и внимательно следя за толстовцами как местными, так и приходящими со стороны.

Меры эти, видимо, приводят к благоприятным результатам, так как они не дают толстовцам возможности сплотиться в одну тесную общину; никто из них не выступает теперь открыто в качестве их вожака и руководителя; нет, поэтому, у них прежнего единства в убеждениях, и в действиях. В последнее время из увлеченных толстовским лжеучением почти каждый мудрствует по-своему: один называет себя толстовцем, другой – квакером, третий – духовным христианином; один утверждает, что он

вегетарианец, другой постоянно ест мясную пищу. Заметно вообще сильное дробление внутри самой общины толстовцев, а это лишает ее жизненности и, быть может некогда приведет ее к окончательному уничтожению. Впрочем, не следует обольщать себя радужными надеждами и успокаиваться на достигнутом. Многие сектанты, говорит один из павловских священников, все-таки и до сего времени горячо преданы своему учению; почти во всех случаях, когда мне приходилось говорить с ними о вопросах веры и порядках жизни, они приходили в раздражение, говорили желчно и дерзко, замечалась нервная дрожь во всем теле говорившего и порывистость в его движениях. «Сектантство местное находится теперь в ожидательном состоянии, говорит один из речанских священников. Его движение осталось только, по-видимому. Местные толстовцы говорят с убеждением православным: «лет чрез пять все вы будете такими же штундистами, как и мы». Несомненно, они на что-то надеются, чего-то ждут. Свои неудачи они объясняют случайными неблагоприятными обстоятельствами. «Мы думали сразу все по-своему поставить, но не вышло по-нашему», признаются теперь речанские толстовцы; «а все-таки будет по-нашему». И действительно, *если обстоятельства переменятся или ослабеет бдительность гражданских властей*, толстовщина снова поднимет голову... Затишье бывает и перед бурей"...

Епархиальный миссионер Воронежской епархии, г. Рождественский сообщил следующее о распространении толстовства в среде народа Воронежской губернии. Главным очагом толстовства представляет собою имение богатого владельца Влад. Гр. Черткова-Россоша. Воронежские толстовцы из народа в общем ничем не отличаются в своих религиозно-социальных воззрениях и практических отношениях своих к Церкви и государственным порядкам от харьковских толстовцев. То же похуление св. Церкви, решительное отрицание св. таинств и обрядов, те же анархические мнения о государственных повинностях, о военной службе, присяге и проч. В дополнение к учению толстовства, изложенному о. прот. Буткевичем, г. Рождественский сообщил об одном пункте учения воронежских

толстовцев, имеющем нравственно-практическое значение в жизни народа. Это учение толстовцев об *автономии совести*.

По мнению толстовцев, человек, по природе своей, стремится к добру и может делать только добро. В душе каждого есть и постоянный указатель добра, критерий для оценки и выбора образа действий, – это совесть. Она указывает человеку путь, по которому он должен идти, и никто не должен ставить на этом пути препятствия, «человек человеку указывать добро не должен». Но так как деятельность человека, его отношения ко всему окружающему принимают иногда такие уродливые формы, о которых ни один здравомыслящий человек не скажет, что «это добро», то толстовцам приходится признать, что «человек испорчен» и, следовательно, нуждается в исправлении. Здесь учение об автономии совести встречается с учением о непротивлении злу. Насилием человек не должен удерживать другого от поступков, которые указывает тому его «собственная совесть». Можно и исправить испорченную совесть, но только «внушением». Так, напр., поймавший вора на месте преступления, не должен мешать ему унести украденное, но может только убеждать, «внушать». С этой точки зрения заборы, замки и прочие препятствия хотя бы для преступной деятельности человека – «не добро и не должны быть допускаемы».

Такова вкратце теория, а вот и приложение ее к практической жизни. Местные крестьяне скоро поняли пользу этого учения и, имея, вероятно, очень испорченную совесть, скоро забыли различие между своим и барским. Когда, напр., созревали плоды в великолепном саду барина-проповедника теории об автономии совести, крестьяне стали ходить в него, как в свой собственный. Не ограничиваясь сбором плодов, они стали рубить и деревья для домашних потребностей. Случались иногда курьезные сцены: мужик, напр., равнодушно рубит нужное ему дерево, а «друг человечества», «апостол мира и любви» (как называют себя толстовцы), стоя рядом, напрягает все силы, чтобы разными философскими соображениями исправить испорченную совесть «брата». Мужик слушает, молчит, осклабляется, но рубит дерево до конца, а затем взваливает его

на плечо и уходит поскорее от «шального учителя» с словами: «прощайте, оно, може вы и впрямь так говорите..., да дерево-то очень нужно, больше не стану рубить», а тут же думает про себя: «если теперь, пока дурь-то с господ не сошла, не украдешь, то после уж не урвешь, шабаш, в тюрьме сгниешь...». Таким образом, горький опыт скоро показал воронежским интеллигентным толстовцам практическую непригодность их учения; развилось в очагах толстовства страшное воровство. И толстовцы-господа должны были вновь устроить заборы, плетни и нанимать людей (только не из среды толстовцев), обязанных «указывать другим добро», завести ночных и лесных сторожей, объездчиков и т.п.

Главным проповедником толстовства в Воронежской губернии явился местный землевладелец Владимир Григорьевич Чертков, человек известной фамилии, образованный и страшно богатый. Благодаря своему положению, влиянию и богатству, этот проповедник преступного лжеучения толстовщины вначале очень широко повел дело пропаганды. Имение г. Черткова в последние годы сделалось центром, где группировались все главные интеллигентные агенты этой секты. Система пропаганды та же была, что и у князя Хилкова, у пашковцев: подкуп народа деньгами, клевета на Церковь и духовенство и критика действий власти. Сам Чертков облекся в костюм мужика, и раз, будучи вызван в камеру мирового судьи, в качестве свидетеля, аристократ-толстовец не постеснялся явиться в мужицкой сермяжной рубаше, в портах и босиком, и, конечно, отказался от показаний, мотивируя свой поступок теорией об автономии совести. Крестьяне-последователи лжеучения секты были настолько распропагандированы, в отношении неповиновения требованиям власти, что одно время не хотели исполнять распоряжений местных правительственных органов. В случае наложения штрафов за неисполнение законных требований власти, Чертков вносил таковые за «верных своих друзей из народа». В глазах яснополянского проповедника Россоша была надежным оплотом нового движения, будучи аки библейское «прибежище заяцем». В Россоше составлялись Трегубовым, Поповым и др. и отсюда рассылались всевозможные апологии за

духобор, сектантов, рассылались письма, и послания в духоборческие мятущиеся банды и в другие пункты толстовства. Но агитаторы слишком зарвались далеко в своей преступной пропаганде и скомпрометировали себя пред правительством на столько, что хозяин толстовского убежища зимою 1896 г. должен был по Высочайшему повелению оставить пределы отечества и поселиться в Лондоне, где, несомненно, распинается за голубиную невинность русского сектантства, позорит родное православие, духовенство, злословить русские власти. Но утешительно, что, после высылки г. Черткова, движение сектантское видимо начало затихать.

Член Съезда, *В.М. Скворцов* доложил комиссии, что в настоящее время достаточно накопилось миссионерских наблюдений над толстовским движением в интеллигенции, народе и сектантстве, чтобы считать движение эго определившимся, как с положительной, так и с отрицательной стороны распространяемого им лжеучения и признать его за особую секту. Символическим изложением учения толстовства, как секты, должен быть признан «катехизис Иисусова братства по евангелию (штунды)». Он распространен среди последователей этого новейшего толка нашего рационалистического сектантства в гектографированных и ремингтоновских рукописях, нередко начертанных славянским полууставом; составлен катехизис в вопросо-ответной форме, напоминающей форму изложения известного «Филаретовского» катехизиса. Эпиграфом толстовского катехизиса, названным «догматом братства», служат следующие слова: «Бог Дух=разум, Бог Отец=жизнь, Бог Сын=разум в жизни, три сии едино суть. Катехизис состоит из введения, трактата об откровении *Божественном*», о пяти заповедях секты; из них первая – *не убивай*, или *не воюй*, вторая – *не прелюбодействуй*, третья – *люби всех людей* одинаково и не предпочитай соотечественников (или о космополитизме), четвертая – *не противься злу*, пятая – *не клянись* (против присяги); оканчивается катехизис особым трактатом (приложение) «о молитве и других способах общения с Богом».

Сличая религиозно-социальные воззрения гр. Л. Толстого, разбросанные в его подпольных религиозно-нравственных сочинениях последнего писательского периода графа с вероизложением «Катехизиса», нельзя не видеть, что последний представляет собою квинтэссенцию упомянутых сочинений и трактатов, – суммирование антихристианских, еретических и социалистических воззрений яснополянского лжепророка, облеченных в катехизическую, общедоступную форму изложения. Катехизис имеет миссионерские задачи популяризации религиозных воззрений гр. Толстого среди полуинтеллигентных слоев и в среде простого народа.

Разбор догматических положений катехизиса приводит к изобличению гр. Толстого и его последователей не только в явном отступлении от Православной Церкви, но и в еретичестве, заключающем в себе отрицание всех основных догматов Христианства и Церкви с ее устройством, таинствами и обрядами.

Со стороны крайнего отрицания эта секта опередила все – доселе известные в истории нашего сектантства – стороны, отличительная черта вероизложения Толстовского катехизиса заключается в том, что он затрагивает и стремится осветить и разрешить социально-политические вопросы жизни народа на почве религиозной, но в духе чистой анархии и прямого социализма. Вследствие чего Толстовство является, по характеру и направлению своему, не только *еретической сектой, но и религиозно-социальной*. В народном сознании последняя сторона выступает резче первой, так что все вышеописанные анархические действия, социалистические воззрения Харьковских и Воронежских Толстовцев из народа, а равно и известные преступные слова, и деяния закавказских духобор-постников, находят себе и мотив, и оправдание в вероизложении катехизиса.

Принадлежит ли составление катехизиса самому гр. Л.Н. Толстому, или кому-либо из ближайших интеллигентных последователей яснополянского ересиарха, – вопрос остается открытым. Тождество катехизиса с несомненными произведениями гр. Толстого, наблюдаемое не только в

воззрениях, строе мыслей, но и выражениях и стиле изложения, дают основание заключать, что дело издания катехизиса не обошлось без деятельного участия самого Льва Николаевича.⁸³

Екатеринославский миссионер г. Дородницын и преподаватель столичной семинарии, г. Прозоров сообщили о распространении среди пашковцев и штундистов упомянутого катехизиса, причем г. Дородницыным представлен был один экземпляр в копии с рукописи 1890 г. на рассмотрение членов Съезда.

Архимандрит Тихон, (в мире доктор Оболенский), близко зная интеллигентных последователей толстовщины, о вредности этой секты высказался, что в последние 10–15 лет эта новейшая форма нашего сектантства укрывает под своею ферулою интеллигентов социалистического образа мыслей, которые в свою очередь начали безнаказанно посеять семена безбожия и анархии и в среде народной, маскируя религией в глазах правительства и пред народом свои адские противогосударственные затеи. Прямая проповедь в народе анархии, как известно, не удалась социалистам 70-х годов и вот теперь подыскан новый путь «к походу в народ», чрез мост сектантства. Толстовщина в этом отношении является наиболее удобной формою, чем все другие новейшие наши секты, как, напр., штунда или пашковщина; ибо в последних все-таки преобладающий элемент религиозный; штунда присматривается к Св. Писанию, верует в Спасителя и в будущую жизнь, а толстовство разрушает в народе веру во Христа и Церковь, в Св. Писание; в нем на первом плане выступают социально-политические тенденции. Религиозная сторона в учении Толстовства выражена туманно – оно (учение) слишком грубо, кощунственно в отношении ко Христу и Церкви и потому не может быть настолько пленительно и понятно для верующей массы, как социальная сторона, сулящая «царство Божие» на земле. В виду всего изложенного, о. архим. полагал, что Толстовство не столько опасно для Церкви, сколько для государства, и здесь Толстовская секта представляется движением более опасным, чем даже открытый анархизм.

Съезд признал, что Толстовство, проповедуя еретические антихристианские воззрения в отношении религии, сходясь с штундою в отрицании Церкви, в политическом отношении заключает в себе преступные противогосударственные стремления (только прикрываемые религией) и потому является сектою религиозно-социальной, для борьбы с которой недостаточно одного духовная увещания, а необходимы решительные меры ограничительного правительственного воздействия и не только в отношении распространителей, но и последователей – секты, которые должны нести ответственность пред законом за самую принадлежность свою к Хлыстовству.

VI. Хлыстовство, шалопутство и прыгунство // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 831–843

Вопрос о хлыстовстве и однородных с ним мистических сектах был предметом всестороннего обсуждения 3-го миссионерского Съезда в пятом общем заседании, длившемся от 10 ч. до часу дня и от 5 до 9 ч. вечера. Прежде всего Съезд обсуждал предложенный товарищем председателя, профессором Н.И. Ивановским, вопрос о том 1, *возможно ли вести беседы с хлыстами, которые скрывают свою принадлежность к этой секте, выдавая себя за православных, а также с нею и как таковые беседы начинать.*

При обсуждении настоящего вопроса выяснилось следующее: в Самарской епархии практикуется такой способ вызова хлыстов на беседу: миссионер, изучив хлыстовские распевцы, на беседе в присутствии православных, подозреваемых в принадлежности к тайному сектантству и опознанных хлыстов, которые, обыкновенно, стараются всемерно не выдавать своей принадлежности к этой тайной секте, начинал излагать параллельно с содержанием хлыстовских стихов учение православной Церкви, раскрывая истинность последней и ложь хлыстовства. Тогда присутствующие на беседе хлысты начинают глухо роптать по поводу миссионерской беседы, потом незаметно для себя втягиваются в беседу и тем дают возможность миссионеру завести полемическое собеседование и обличать публично пред народом гнусность лжеучения тайных сектантов. В Тамбовской епархии миссионер начинает речь о признаках истинно православного человека, который, согласно правилам церковным, должен повиноваться пастырям Церкви, так, по правилу Гангрского собора, никакое молитвенное собрание не может быть без благословения епископа. Отсюда речь, естественно, переходит к хлыстовским, тайно – ночью отправляемым «радениям»; православные начинают уличать хлыстов за незаконные собрания хлысты сами собою

втягиваются в беседу. В Калужской губернии на публичных беседах хлысты вовсе не выступают в прения, но за то охотно беседуют по выходе из храма – на улице или в доме, особенно если затрагивается вопрос о браке и лице Иисуса Христа. В Оренбургской епархии миссионер являлся к хлыстам на дом и в частном разговоре просил их спеть что-нибудь и последние, увлекаясь, начинали петь свои канты «распевцы», тогда миссионер выступал православным обличителем их лжеучения и проч.

Съезд, выслушав сообщения членов своих по данному вопросу, признал, что вести беседы с хлыстами возможно, хотя достигать этого миссионерам приходится путями большею частью не прямыми, а окольными. Существенные вопросы, о которых следует беседовать с хлыстами, – это вопросы о лице Иисуса Христа, как единственного Искупителя мира, о браке, о мясной пище, о радениях и проч.

2) Далее Съезд имел суждение по вопросу *об обнаружении и счисления хлыстов*. В видах обнаружения последователей тайных сект признано было необходимым установить внешние признаки присущие хлыстам, по коим бы пастыри и миссионеры могли опознать скрывающих свою принадлежность к хлыстовству. Причем членами Съезда сделаны были по данному вопросу следующие сообщения. В Ставропольской епархии хлысты известны под именем шалопутов. Состоявшийся в 1895 г. в Ставрополе – Кавказском съезд окружных миссионеров епархии к внешним признакам, по каким можно опознавать принадлежащих к секте хлыстов, отнес следующие. Во-первых, менее существенные, т.е. менее других бесспорные признаки в применении к отдельным случаям: а) внешний облик шалопута или хлыста – истомленное постом, изжелта-бледное лицо, с тусклым, почти неподвижным взглядом, гладко причесанная и обильно умащенная маслом голова – у мужчин, белый платок на голове – у женщин; вкрадчивая, проникнутая притворным смирением речь; б) присутствие в домах шалопутов картин мистического содержания (напр., «Укрощение бури на озере Иисусом Христом», картина суда – рая с птицами и т.д.). Во-вторых, более существенные и общие по отношению ко всем

шалопутам-хлыстам признаки: а) молва народная, клеймящая шалопутов и выделяющая их из среды православных; б) легкость у шалопутов половых отношений, сопровождающаяся иногда открытым разрушением семейных уз и нескрываемыми прелюбодейными связям; в) воздержите от мясной пищи, и особенно свинины; относительно этого признака сделано сообщение некоторыми миссионерами, что в настоящее время руководители шалопутов-хлыстов, в некоторых местах, дали разрешение своим последователям вкушать и мясное; г) главное – самочинные собрания шалопутов с ночными тайными радениями.

На основании сообщений миссионеров других епархий отнесены в характерным признакам хлыстовщины, следующие: а) неупотребление спиртных напитков, нехождение на крестины свадьбы, безгливое чувство к акту рождения детей, к родильнице, а равно и к самому ребенку; замечено также, что при исповеди хлысты не говорят обычное – «грешен», а – виноват пред *вами* или – «грешен *батюшка*», делая ударение на последнем слове, для показания, что грешен-то не сам кающийся, а исповедующий его священник (Владикавказская епархия). Хлысты почти повсеместно называют друг друга уменьшительными именами: дяденька, тетенька, братец, сестрица, Васенька и т.п. Большинство хлыстов не едят мяса и не употребляют спиртных напитков, хотя в этом ныне нередко встречаются у хлыстов и отступления (Самарская губерния). В Ставропольской епархии хлысты не употребляют свинины в пищу и совсем не держать свиней.

По вопросу об *отношении хлыстов к храму Божию* установлено, что они посещают православные храмы с показным усердием, но поведение хлыстов в храме далеко не одинаково: так, в Самарской епархии «беседчики» в храме большею частью спят, громко зевают, так как ночь обыкновенно проводят в радениях. Некоторые отыскивают глазами на иконах сходство с портретами своих пророков и вожаков. В Тамбовской губернии хлысты становятся, обыкновенно, в одном месте и ведут себя во время богослужения весьма неблагоговейно: разговаривают, смеются, так что иногда полиция выводит их из

храма. В редких случаях хлысты ведут себя в храме благоговейно (Калужская епархия), чем и стараются прикрыть свою принадлежность к секте.

Постановлено: установленные миссионерами признаки, по коим можно опознать последователей хлыстовства, принять миссионерам и пастырям к сведению и руководству.

3) Съезд, останавливаясь на вопросе о толках хлыстовских и на выяснении степени и видов гнусности упомянутой секты, выслушал следующее сообщение бывшего Самарского миссионера о. Матюшинского. В Самарской епархии хлыстовщина имеет несколько разветвлений: а) старохлысты занесены из Москвы сектантом Кобызовым в 20 годах текущего столетия. Они сохранили доселе учение Даниила Филиппова («Саваоф») и Ивана Тимофеева Суслова («Сын Божий»). Хлысты этого типа решительно отвергают брак и деторождение («кто родит, тот 300 лет будет мучиться»); живут они небольшими общинами, обыкновенно мужчины единоклассно живут с двумя-тремя девицами из разных, иногда, губерний, носят особые костюмы: мужчины – белые рубахи и штаны с шелковыми цветными поясами, с большими кистями, очень ценные (от 3 до 5 руб.) пояса даются при приеме в секту; женщины носят синие сарафаны с серебряными пуговицами и белые рукава. Те и другие носят большого формата (в 2 вершка) кресты серебряные, с лучами в середине и надписью на оборотной стороне молитвы «Царю небесный». В продаже этих крестов не имеется: они специально изготавливаются для хлыстов в Москве, в магазине купца-ювелира С-ва, который по слухам и разделяет учение хлыстовства. В домах у этих хлыстов имеются особые иконы: всевидящее око, икона Космы и Дамиана, и Михаила архангела на белом коне, и райских птиц – Алконоста и Сирина; б) Второй толк хлыстовства в Самарской епархии занесена сюда из Симбирской губернии, Ардатовского уезда, села Майдан, в 30 годах. Сами себя сектанты именуют посланниками Божиими или серыми голубями, а в народе известны прямо под именем хлыстов. По своей внешности они ничем не отличаются от православных: носят разноцветное платье. Хлысты этого типа отличаются от прочих хлыстов тем, что вступают в браки, рожают

детей, но жен своих считают за прислуг, и держат их в крайне униженном положении, хуже прислуг; вместо жен держат «сеструшек» и связи с сестринством именуют «христовою любовно». Радения у них очень часты, и обыкновенно совершаются с пятницы на субботу и в воскресные дни во время церковного богослужения. в) Третий толк хлыстовщины в Самарской губернии составляют хлысты – беседники, чернецы (по-народному мнихи) и чернички. Этот вид хлыстовщины занесен в Самарскую епархию из села Прислонихи, Сызранского уезда, Симбирской губернии, Василием Никифоровым Щегловым, в 30 годах. Эти хлысты очень походят на Ставропольских шалопутов: имеют в общинах своих монастырское устройство, носят темное платье, живут, обыкновенно большими общинами, причем над женщинами настоятельствует мужчина, а над мужчинами женщина. В общины эти хлысты стараются завлечь, под видом обучения грамоте или рукоделиям, девочек-сироток по преимуществу и притом красивых: нет ни одной ни рябой, ни кривой. Хлысты этого типа весьма стараются казаться усердными к церкви православной: неопустительно посещают все богослужения, являются в храм до звона, охотно жертвуют на украшение храма большие суммы, любят быть попечителями и церковными старостами, к духовенству весьма почтительны и всячески стараются расположить в свою пользу и наоборот всеми способами стараются повредить тому из духовных лиц, кто стал бы их уличать в принадлежности к секте. Радения у этих хлыстов совершаются обыкновенно редко, с большими предосторожностями и в небольшом кругу избранных. Обычные же моления называются у них беседками; на последних поются православные церковные песнопения и особые каноны. При общинном устройстве секты, рядовые члены ее работают на главаря даром «ради спасения души». (Были случаи, когда к одному известному в Самаре главарю собиралось на полевые работы 100 девиц из разных мест губернии). Рядовые члены секты не имеют своей воли: во всем и даже в противозаконных действиях беспрекословно повинуются своему руководителю. Главари этой секты очень любят производить сборы

пожертвований на Афон и другие святые места, причем бóльшая часть сборов утаивается ими в свою пользу. Брак хлысты этого вида отрицают и в случае поступления в секту женатых, эти последние дают клятву не иметь супружеского общения. г) Независимо от упомянутых толков в Самарской епархии известны хлысты – мормоны. Этот вид хлыстовства появился в Самарской епархии в конце 40-х годов и имеет два вида: корабль собственно мормонов (в Николаевском и Бузулукском уездах) и методистов (в Новоузенском уезде). Распространена эта секта крестьянином Новоузенского уезда, села Александрова-Гая, – Иваном Григорьевым Каныгиным. Свое учение хлысты эти стараются скрывать под видом молоканства, из учения которого они заимствовали только организацию общины кавказских прыгунов: в этом корабле всякий член общины исполняет свое назначение и имеет свою кличку; есть пророк-пресвитер, рука, нога и т.п. Мормоны Николаевского уезда отвергли свальный грех, заменив его многоженством, от чего и были названы еще в 40 годах протоиереем Рождественским мормонами. В частной жизни мормоны отличаются воздержностью, в противоположность методистам Новоузенского уезда, слывающим за пьяниц и развратников. В последнее время мормоны стали селиться хуторами, где свободно устраивают свои радения.

Во главе Самарских мормонских общин стоят особые главари, носящие имена христов, пророков и саваофов. Интересен тип мормонского саваофа в с. Колывань, Самарского уезда. Это крестьянин с. Березового-Гая, известный под именем «Лукаши» (Поликарп) – «конокрада». Будучи прежде известным конокрадом, он, перейдя в мормоны, стал неузнаваем: бросил пить водку, затворился в келлию и вот уже 7-й год лежит не вставая, на мягкой перине, как скопческий бог Селиванов, и вещает своим последователям о наступлении золотого века, когда Царя-царей будут выбирать шарами и православных мормоны будут избивать «о камень». Среди местных мормонов распространился слух, что лицо этого саваофа испускает особое сияние, почему будто бы при выходе из келлии этот главарь только стал закрывать свое лицо платком, похожим на

церковный воздух. Келлия саваофа украшена картинами апокалипсического содержания. Народные толки о сем лжебоге вызвали расследование со стороны полиции в 1893 г., при чем лже-саваоф был выведен из келлии полицейским урядником, который снял с его лица упомянутый выше платок; мормоны при виде своего лже-бога подняли вопль, но в действительности на лице притворщика никакого сияния не оказалось.

Кроме упомянутых толков хлыстовской секты известны толки паниашковцев и телешей. Первая секта представляет разновидность вышеупомянутого беседничества с тою особенностью, что последователи этой секты в числе способов к удалению из плоти злого начала (диавола, беса), по учению основателя ее, Паниашки, практикуют громкое испускание газов. (См. «Миссюнер. Обзор.» кн. 1 май 1897 г.). Секта телешей представляет разновидность беседничества с тою особенностью, что последователи ее, уподобляя себя Адаму и Еве в раю, допускали, при общем сожитии мужчин и женщин при радениях публичное хождение нагими. До 1893 г. хлыстов в Самарской епархии значилось только до 300 душ обоего пола, в настоящее же время их насчитывается около 5.000 душ обоего пола, каковая цифра возросла не вследствие новых отпадений, а в виду более точного показания со стороны приходского духовенства числа последователей хлыстовства.

Здесь председатель Съезда предложил (помещенное раньше особо) психологическое объяснение того, каким образом благочестивые часто люди ниспадают постепенно в нравственную бездну хлыстовщины.

Приняв предложенное о. председателем разъяснение к сведению, Съезд перешел к обсуждению вопроса о том, как *принимают в свою секту*. Было указано несколько видов хлыстовского чино-приема в секту. Наиболее употребительный тот, что пророк или пророчица садится в передний угол в белой широкой рубахе, братья и сестры становятся по правую и по левую ее стороны, пророчица обнажает колено, которое и целует приводимый. В Костромской епархии известен и следующий способ чино-приема: богородица ложится на пол посреди комнаты, принимаемый в секту должен пролезать под ее

рубахой от головы до ног, после чего он дает клятву не выдавать тайн секты. Обряд этот называется возрождением нового члена корабля.

По поводу возбужденного членами съезда вопроса об *отношении хлыстов к браку* в сообщениях членов выяснено, что содержать бракоборное учение, хотя и женятся, причем (Тамбовские хлысты) оправдываются в данном случае Св. Писанием, где сказано, что Бог сотворил человеку помощницу. Мы, – говорят хлысты, – люди рабочие, нам нужно одеться, омыться: нельзя нам без помощницы и т.п. Детей у хлыстов, обыкновенно, не бывает за исключением богатых, у которых допускается рождение, но не более одного ребенка, чтобы не упустить из рода наследство. В Самарской епархии старо-хлысты совершенно отвергают брак. Хлысты второй фракции допускают браки, но жена хлыста только работница: хлыст живет обыкновенно в незаконном браке с 2–3-мя «сеструшками». В Калужской епархии хлысты женятся для поддержания рода и увеличения секты.

4) Обсуждая *вопрос о формах и видах гнусности современного хлыстовства*. Съезд установил, что существенную особенность хлыстовщины, как секты гнусной, составляет и в настоящее время так называемый «свальный грех». Свальный грех в Самарской епархии существует среди старо-хлыстов, чему подтверждением служить то обстоятельство, что, собираясь на свои радения, в количестве до 70 человека, сектанты после радений ночуют в одной комнате. В Ставропольской епархии одна из бывших хлыстовок на суде показала, что свальный грех бывает у хлыстов и совершается следующим образом. После полуночи радеющие тушат огни и начинают искать – кому с кем... Это показание хлыстовки было подтверждено и обвиняемым. В Владикавказской епархии хлыст, перешедший в православие, показал, что хлысты стараются привлечь в свою секту богачей – мироедов. Один из таковых овдовел; за ним начала ухаживать молодая, красивая хлыстовка и склонила его на брак с собою. На радениях нового хлыста сажали в передний угол, но рядом с ним усаживали не жену, а красивую девицу. Новопринятому

пророку секты это не очень понравилось, так как он любил свою жену. Хлыст этот порвал свои связи с хлыстовщиной, когда увидел всю гнусность этой секты, заключающуюся, по его рассказу, в том, что из избы, где происходило радение, одна за другою выходили пары, и потом, возвратившись, кланялись ему и говорили: «прости, батюшка». Обыкновенно старухи-хлыстовки жалуются на то, что их никто не любит и не избирает. В Тульской губернии, Белевском уезде, хлыстовский корабль состоит преимущественно из пожилых женщин, которые говорят, по их учению только до 40 лет можно родить детей. После 40 летнего возраста хлысты ведут развратную жизнь и, за отсутствием мужчин в корабле, предаются содомскому греху между собою. Автор брошюры: «Вразумление заблудшим» (теперь архимандрит Паисий), сам бывший хлыстовским пророком, сообщает, что когда кончались радения, то тушили огни и женщины старались подойти поближе к нему, чтобы войти в плотское общение именно с ним, как пророком, что для каждой хлыстовки составляло предмет особенной гордости и даже блаженства («удостоилась быть с батюшкой»).

При этом сообщениями членов Съезда установлено также, что независимо от свального греха, в современных толках хлыстовской секты существуют и другие виды гнусного разврата, освящаемого догмою учения. Ярким выражением сего служит сообщение профессора Ивановского, напечатанное в июльской книжка журнала «Миссионерское Обозрение» по делу об Оренбургских хлыстах Утицких и др.

5) Съезд обсуждал также сообщения миссионеров разных епархий о крайне вредных последствиях, какие оказало на повсеместное усиление хлыстовства *кассационное решение Сената по делу о Тарусских хлыстах*. Решение это вызвало (в Самарской губернии) среди хлыстов открытые радения и подняло дух последователей этого сектантства. Прикрываясь именем молокан, хлысты стали считать себя безнаказанными за собрания. Радения хлыстов, будучи соблазнительными для окружающего населения, являются одним из главных средств пропаганды лжеучения этой гнусной секты. Район распространения этой секты признан слишком обширным, так

что по мнению Съезда хлыстовство гнездится едва ли не в каждой епархии.

Принимая во внимание высказанные миссионерами разных местностей заявления относительно безнравственности последователей хлыстовской секты, вытекающей и освящаемой существом самого учения всех хлыстов, Съезд постановил обратиться к г. Обер-Прокурору Св. Синода с почтительным ходатайством о том: а) чтобы кассационное решение Правительствующего Сената по делу о Тарусских хлыстах было разъяснено, кем следует, в том смысле, что при каждом отдельном судебном процессе признаком гнусности, 263 ст. улож. о наказаниях предусмотренной, считать всякого вида уклонение последователей хлыстовщины от целомудрия и безнравственность, в известном деле установленные, не требуя всякий раз особых в тесном смысле гнусных видов разврата (свального греха); б) причем самые радения в безобразных их формах происходящие, если таковые будут установлены судом, считать за проявление гнусности. в) Собрания хлыстовские безусловно воспретить, домохозяев же тех домов, в коих собрания стали бы совершаться, считать распространителями сектантства, по смыслу 196 ст., п. 3.

б) Обсуждая лжеучение хлыстовской секты по существу с церковной точки зрения, Съезд возбудил вопрос: *следует ли допускать заведомых хлыстов к таинству святого причащения.* По справке настояний вопрос был уже практически разрешен в Самарской и Калужской епархиях, где приступающим к св. таинству хлыстам предлагалось произнести отречение от хлыстовского лжеучения. Выслушав клятвенное отречение, составленное преосвященным Самарским Гурием и Самарскою Консисторией, Съезд, на основании сообщения миссионеров Самарской и Калужской епархий, пришел к заключению, что мера эта весьма полезна и необходима в отношении столь гнусной и еретической секты, как хлыстовство, последователи коей попирают святыню, выплевывая святые дары, вместе с сим мера эта воздействовала уже на менее закоренелых хлыстов, в смысле вразумления их и присоединения к Церкви православной, а также оказала благотворное влияние на

православное население, воочию показав грозный суд Церкви в отношении этих еретиков. При этом в обеих епархиях предварительно чрез особую комиссию, преосвященными назначенную, составлен был, на основании сведений на месте устанавливаемых, список лиц, несомненно принадлежащих к хлыстовству, каковые списки представлялись епархиальным преосвященным, от архиерейского смотрения коих зависало распоряжение о недопущении священниками опознанных хлыстов к таинству причащения без произнесения отречения.

Съезд принимая меру, практикуемую в Калужской и Самарской епархиях целесообразною, и в своем роде единственную, как меру борьбы с тайными гнусными сектами, постановил: ходатайствовать пред Святейшим Синодом о применении ее в других епархиях к последователям хлыстовства и об издании новой, общей для всех епархий, редакции самого «отречения» от хлыстовской ереси. Для пресечения же возможности хлыстам уклоняться от «Отречения» чрез приобщение св. таин в других приходских и монастырских церквях, Съезд признает желательным, дабы на паспортах заведомых хлыстов чинились надписи о принадлежности их к хлыстовской секте.

7) В заключении Съезд обсуждал вопрос *о новых способах пропаганды хлыстовства.*

По заявлению местных епархиальных миссионеров в Ставропольской и Владикавказской епархиях существует особый способ хлыстовской пропаганды, состоящий в том, что главнейшие коноводы этой секты всячески стремятся сделаться членами общества восстановления православия на Кавказе или православного палестинского общества и некоторые из них успевали получить знаки сих обществ. Затем они открыто заявляют, что этот знак дань им правительством за распространение якобы спасительного шалопутства или хлыстовства. Но когда зловерная деятельность сектантов замечена, руководители ставропольских хлыстов Зубков, Лордугин и Ейский мещанин Лихачев, по особому Высочайшему повелению, были исключены из членов указанных обществ и знаки отняты в административном порядке. В последнее время

местное Епархиальное Начальство вынуждено были сделать предложение Совету Общества восстановления православия на Кавказе о приеме в члены его светских лиц не иначе, как по сношению с Епархиальным Начальством.

Из указанных руководителей особым значением пользовался Лорду гинь, насадитель хлыстовства на всем северном Кавказе. Его сектанты считали живым богом и относились к нему с величайшим уважением. Резиденцией его был город Георгиевск. Когда Лордугин опасно заболел, он прибыл в Пятигорск, где о нем причт мало знал, объявил себя православным, исповедовался, приобщался и был похоронен на православном городском кладбище. Над его могилой хлысты поставили внушительный памятник, на котором выставлен фотографический снимок «пребожественного Петруши» и золотыми буквами сделана надпись: «член-сотрудник православного палестинского общества и общества восстановления православия на Кавказе» и стихи, в которых изложении посмертные заветы Лордугина. Могила Лордугина привлекает к себе на поклонение хлыстов.

Съезду был представлен о. Никольским снимок – копия с памятника Лордугина, а о. Лавровым фотографический портрет Лордугина. Этот портрет представлен в съезд Пятигорским приставом прямо с могилы Лордугина. При этом о. Лавров дал подробное с необходимыми объяснениями описание Лордугинского памятника, с тем справедливым заключением, что этот памятник приводит многих к соблазнительной мысли думать о хлыстовстве, как о секте якобы дозволенной. Памятник Лордугина – это фактическая пропаганда без проповеди.

В Херсонской епархии, по сообщению местного миссионера, практикуется следующий способ распространения хлыстовщины. В Курской губернии существует Грайворонское общество трезвости. § 8-й устава этого общества дает членам его право открытой проповеди для борьбы с пьянством. Многие жители местечка Кривого Рога (херсонской губерний) записались в члены этого общества, приславшего им сочинение о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского) против пьянства, на обороте которого находится изображение скрещенных в братском

пожатию рук. Распространяя сочинение о. Иоанна, хлысты говорят, что они получили его от самого автора, благословившего их на борьбу с пьянством и что если бы они погрешили в своем учении, то о. Иоанн не позволил бы им этого. Узнав об этом, Совет Свято-Андреевского Одесского братства входил в сношение с правлением Грайворонского Общества об исключении сектантов из членов этого общества и о приеме в члены этого общества светских лиц других губерний по сношению с Епархиальным начальством.

Священник о. Философ Орнатский предложил Съезду: а) уведомить о. Иоанна Сергиева о злоупотреблении его именем, который, без сомнения, не откажется печатно заявить, что с хлыстами он не имеет никаких сношений и не поощрял их деятельности; б) Съезд признал нужным донести Святейшему Синоду, что около памятника обожаемого хлыстами ересиарха Лордугина группируются местные хлысты и тем укрепляются в своем лжеучении; в) просить Обер-Прокурора св. Синода снестись, с кем следует, об ограничении §§ Устава Грайворонского Общества трезвости в том смысле, чтобы членам сего общества не были предоставляемы права публичной проповеди и вообще, чтобы сектанты не были принимаемы в члены приходских православных обществ трезвости.

Выслушав (в 12 заседании) сообщение *В.П. Прозорова* о распространяющейся в пределах Петербургской епархии **секте скакунов**, и *В.М. Скворцова* о **закавказском прыгунстве**, Съезд признал в учении и культе упомянутых сект черты сходства с хлыстовством. К хлыстовству отнесена также и подробно описанная в докладе прот. о. Протопопова Еленушкина секта, распространенная в Псковской епархии некою лжепророчицею Еленою. Принимая во внимание, что секты эти имеют характер крайне вредный для семейного и общественного быта населения, Съезд признал необходимым, чтобы сектантам были воспрещены общинные собрания, сопровождающаяся экстатическим болезненным характером, заразительно действующими на окружающую среду.

**VII. Совещания и решения 3-го всерос.
Миссионерского Съезда по вопросам о мерах и
способах воздействия на расколосектантство.
(Методика собеседований с заблуждающимися) //**
**Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь,
кн.1. С. 843–952**

Внешние способы и приемы ведения собеседований с отпадшими. Способы привлечения на беседы совопросников и слушателей из расколо-сектантского мира. Время и место собеседований. Положение собеседующих. Советы по поводу разных притязаний и изворотов раскольников и сектантов на беседах.

Выше замечено, что первое общее заседание Съезда было вступительным, – на нем определен был пунктуально весь круг предметов, подлежащих обсуждению Съезда, которые были разгруппированы по отделам. В первый отдел занятий Съезда в общих его заседаниях вошла методика собеседований, коей посвящено было два заседания (второе и третье). Чтобы сохранить преемство и связь в суждениях и решениях настоящего Съезда с трудами предшествующих, предварительно было заслушано утвержденное Св. Синодом постановление об устройстве миссии и способе действий миссионеров и пастырей Церкви, по отношению к раскольникам и сектантам. После чего товарищем председателя, проф. Н.И. Ивановским, предложен был на обсуждение собрания вопрос о способах привлечения на беседу раскольников и сектантов в тех случаях, когда они уклоняются от бесед с православными миссионерами. Для успехов миссионерского дела вопрос этот имеет жизненное значение: от такого или иного просветительного отношения заблудших к миссионерским беседам зависят и результаты влияния на них миссии. Важно, чтобы заблуждающееся заинтересовалось беседами миссионера и охотно являлись слушать их, а там сама истина православия собственным светом вразумить и наставить на правду веры, – это хорошо понимают лукавые вожди темной расколо-сектантской массы, и крепко

держат ее в своих цепких руках. Систематически уклоняясь сами от посещения миссионерских бесед, раскольничьи лжепопы и наставники полагают епитимьи на тех из своих последователей, кто ходит на собеседования и интересуется ими ради искания истины. Так поступают штундовые пресвитеры, деспотически держа в духовной кабале свою темную общину. Являйся сами верховоды на беседы, они были бы публично изобличены там, – кто в своем невежестве, кто в коварстве, кто в неверии, и толпа простецов воочию убедились бы, что их душе-пастыри слепые вожди и ведут их в яму, и сознали бы несравнимые преимущества православия. Вот почему изложенный вопрос подвергнуть был всестороннему обсуждению, причем Съездом были выслушаны полезные сообщения о многих, практикуемых миссионерами разных епархий способах привлечения раскольников и сектантов на беседы. Из этих сообщений выяснились поучительные и для других деятелей миссии достойные подражания способы и приемы. Одни из миссионеров обращаются к содействию волостных правлений и чрез их посредство уведомляют местных раскольников и сектантов о предстоящей беседе, рассылают повсюду по адресу начетчиков, расклеивают объявления при расправах и волостях на видном месте; в некоторых местах повестки и объявления миссионерами рассылаются чрез станковые квартиры или местных благочинных (в Полоцкой епархии). В объявлениях, обыкновенно, указывается место, время, и предмет предстоящей беседы. Иногда таковые объявления и повестки рассылаются сельским учреждениям и должностным лицам от Духов. Консисторий (в Псковск. епархии). Во Владимирской епархии Совет Епархиального Александро-Невского Братства заранее составляет подробное расписание бесед и извещает об этом священников, на коих и возлагает обязанность оповестить раскольников и сектантов, живущих в их приходах. В городах, где издаются газеты, о миссионерских беседах оповещается в местных изданиях. В Харьковской и Владикавказской епархиях заинтересовывают сектантов показыванием на беседах световых священных картин, при посредстве «волшебного фонаря», – причем, лекторы миссионеры стараются останавливать

особенное внимание слушателей на тех сторонах темы чтения или беседы, который способны вызывать у присутствующих сектантов желание собеседовать, возражать; таким способом и завязывается собеседование. Некоторые миссионеры стараются установить добрые отношения с вожаками и прибегают к их посредничеству в деле устройства бесед и созыва их единоверцев, а чаще – к посредству любителей бесед из заблуждающихся и колеблющихся, располагая последних оказывать содействие к устройению публичных собеседований с отпадшими (в епархиях Екатеринославской и Томской). Многие миссионеры имеют у себя в местностях, зараженных расколом и сектантством, сотрудников и спутников из простецов, из коих, под руководством добрых пастырей, с течением времени организуются кружки ревнителей православия. Члены этих кружков своими частыми спорами о предметах веры заранее готовят местных раскольников и сектантов к предстоящим беседам с имеющими прибыть миссионерами (в епархиях: Самарской и Казанской). Не редко миссионеры заходят прямо к сектантам в дом, справедливо рассчитывая на известное русское гостеприимство. Завязав здесь обыкновенный разговор, хозяин и миссионер естественно потом переходят к вопросам религиозным. Вследствие сплоченности сектантских общин и большой любознательности членов их всегда можно надеяться, что в этот же дом скоро соберутся любопытствующие, и здесь завязывается оживленная беседа, что иногда, естественно, вынуждает спорящие стороны перейти для прения в школу или церковь (в Херсонской епархии). Бывают случаи, что миссионеры заходят прямо в моленные раскольников и сектантов и здесь вступают в публичные прения, но последний способ рискован. Так, один миссионер зашел в австрийскую раскольничью часовню, разговорился с попом, который, обнаружив склонность к беседе, пригласил гостя и других из своих прихожан к себе в дом. Беседа оказалась интересною, но, к несчастью, она неожиданно была прервано хозяйкою дома. Попадья, заметив, что супруг ее слабо владеет мечом духовным в борьбе с противником, схватила ухват и накинулась на миссионера, энергично выразив свою готовность свойственным

ей оружием опровергнуть доводы проповедника истины. Бывают случаи, когда миссионерам, вследствие систематического уклонения и упорного нежелания (вожаков) раскольников и сектантов вступить в прения, приходится начинать беседу с одними православными и направлять ход ее так, чтобы она могла возбудить сильный интерес и в сектантах, дабы таким образом незаметно вызвать последних на собеседование. Особенно полезно здесь самим излагать и разбирать тексты сектантского лжеучения. Фанатики не выдерживают, чтобы не защищать своего упования. В деле привлечения сектантов на собеседования весьма много помогает употребление при собеседованиях хорошего пения, хорового или общего. Успех этой меры испытан в епархиях: Владикавказской, Орловской и Харьковской и друг. и она может быть рекомендована, как мера наиболее полезная и пригодная.

Некоторые миссионеры пред началом беседы торжественно отправляют молебствия с возношением молитвы о вразумлении заблудших, чем умягчаются сердца отпадших, и они воодушевляются искреннею ревностью к изысканию истины. Но нередки и такие случаи, что, не смотря на всевозможные способы и усилия миссионеров привлечь на собеседования раскольников и сектантов, последние, особенно их вожаки, остаются непреклонными в своем упорстве и уклоняются от беседы. Прибывши за много верст, миссионер вынужден бывает по необходимости, или сам идти на дом к вожакам расколосектантства и там так или иначе вызвать их на беседу, или же в крайнем случае обратиться к содействию местных должностных лиц относительно привлечения и расположения раскольников и сектантов к посещению беседы миссионера.

По сообщению южнорусских миссионеров, в этом случае штундисты сами открыто заявляют, что пусть-де их на беседы потребует местная власть, тогда они пойдут, так как, по их словам, распоряжений духовного начальства они не могут исполнять, ибо они вышли из-под закона (ига) Церкви, и что де послушание их в этом случае пастырям Церкви будет унижением для свободных сынов свободной религии.

Не отдавая исключительного предпочтения ни одному из употребляемых миссионерами разных епархий способов привлечения раскольников и сектантов на беседы, так как эти способы в одинаковой мере с успехом могут быть применяемы в той или другой местности по усмотрению самого миссионера, Съезд находит возможным для миссионера, в случае систематического, злонамеренного уклонения и упорного нежелании со стороны заблуждающихся явиться на собеседования с православным миссионером⁸⁴, просит законного содействия гражданского начальства, соблюдая при этом благоразумную осторожность, дабы врагам Церкви и веры православия не подать чрез то повода к нареканиям и укоризнам в насилии.

При этом из сообщений нескольких миссионеров выяснились любопытные сведения о разных притязаниях вожаков раскола и сектантства, чтобы им дозволено было во время бесед стоять рядом с православным миссионером и говорить, обратясь лицом к народу. Цель здесь та, чтобы порисоваться вожаку перед толпою своим привилегированным в секте положением и показать равноправность своей секты с православием и даже более того, чтобы наглядно уверить темную массу, что истинные-то, а не православный миссионер. Все это способно ослаблять силу и значение проповеди миссионера и производить угнетающее впечатление на православных слушателей. В виду чего указанное явление не желательно. К устранению его от миссионера требуется много такта и настойчивой деликатности, так как требование миссионера, чтобы старообрядческий начетчик не обращался лицом к народу, старообрядцами возводится чуть не в гонение, а иногда выставляется предлогом к прекращению беседы. Напр., старообрядческий начетчик начинает чувствовать себя слабым; дабы не уйти с беседы побежденным, старообрядец повышает голос, обращается лицом к народу, хочет стать рядом с миссионером, начинает вести себя неприлично. Самые кроткие замечания миссионера возбужденный начетчик обзывает гонениями, принудительными мерами, невежливостью миссионера, и под этими предлогами, часто – при ужасном крике и шуме, – удаляется с беседы, не выслушав окончательного слова миссионера, не дав ему

докончить беседу в правильном порядке. Принимая во внимание практику по данному вопросу опытных миссионеров, не попускающих в подобных случаях своих совопросников становиться во время беседы рядом с собою и говорит в таком же положении к народу, чтобы этим не унижить во мнения слушателей авторитета проповедника православная учения, Съезд преподать совет отклонять домогательства представителей раскола и сектантства становиться на публичной беседе в одинаковом положении с проповедником истины учения господствующей церкви.

Что касается вопроса о месте для бесед, то здесь миссионерам разборчивым быть не приходится: они беседуют в храмах, училищах, волостных правлениях, частных домах, в вагонах железных дорог, на пароходах и под открытым небом, на улицах и площадях. Чаще вся миссионерами противораскольничьими производятся собеседования в храмах, противораскольничьими же вне оная, в училищах и других общественных и частных зданиях – осенью и зимою, и в оградах Церковных – весною и летом.

Опытнейшие противораскольничьи миссионеры справедливо считают несоответственным производить противораскольничьи беседы в храмах Божиих, в виду похулительного в отношении святынь Церкви лжеучения еретических сект.

Наиболее удобным временем для собеседований, по мнению миссионеров, является глубокая осень, зима, отчасти ранняя весна (праздник пасхи), конец мая и начало июня. Миссионеры должны всячески избегать устройства бесед в рабочее время, и сообразоваться с местными условиями жизни и быта населению, так чтобы слушатели, собираясь на беседы, не имели повода жаловаться и воздыхать о своих житейских попечениях.

Продолжая (в 3 заседании) обсуждение вопросов, касающихся внешних способов и приемов ведения миссионерских бесед, Съезд подвергнул обсуждению заявление многих миссионеров о том, что расколо-вожди, стремясь ослабить благотворное влияние на народ публичных миссионерских собеседований, под предлогом ограждения

свободы своего слова и для упорядочения, будто бы, бесед, нередко предъявляют православным миссионерам требования о выдаче последними особых подписок и заключения своего рода контрактов, где бы с одной стороны оговаривалось время, в течение которого православный миссионер и раскольничий собеседник имеют право говорить (от получаса до четырех часов без перерыва); с другой – миссионер обязывается не привлекать к уголовной ответственности раскольничьего собеседника на случай, если бы последний допустил похуления на православную Церковь и проч. При этом прот. Крючков, черниговские миссионеры о. Рябухин и Радионцев, ставропольский миссионер Шашин в др. сообщили, что у них установилась при ведении бесед с раскольниками, особенно когда выступали совопросниками известные Мельниковы, такая практика, в силу которой беседы длятся без перерыва часов 8–12, каждый собеседник монологически без остановки говорит по 1½-2 часа. В результате беседы эти оказываются крайне утомительными не только для собеседников, но и для слушателей, которые вынуждены бывают оставлять беседы, не выслушав заключения миссионера.

По сему вопросу выслушано было заключение профессора Н. Ивановского, который находил выдачу подобных указанным подписок со стороны православных миссионеров раскольничьим собеседникам не соответствующую с достоинством православного миссионера и не полезную для дела собеседований. Гарантией для раскольника-собеседника должно служить прежде всего нравственное доверие к православному миссионеру, причем в свою очередь миссионеры должны строго различать злонамеренное похуление Церкви в собственном смысле этого слова от обычных выражений сектантских и раскольничьих верований, которые иногда могут казаться богохульными. Для ограничения раскольничьего много-говорения на беседах, которое, по-видимому, могло бы устраняться предлагать указанными подвигами, признавалось полезным предлагать собеседнику повторить из всего им сказанного то что он сам обращает преимущественное внимание и это последнее подвергать обстоятельному разбору. Хорошо также записывать

все основные положения раскольничьего собеседника, касающиеся данного предмета собеседования, и расчленять их по главным мыслям для последовательного опровержения; причем сам миссионер должен избегать точно формулировать лжеучение и длинных монологов в своей беседе, а по возможности вести краткую, отрывочную речь в вопросо-ответной форме.

Миссионер Херсонской епархии М. Кальнев возбудил вопрос о том, как поступать православному собеседнику в те случаях, когда сектанты рационалистических толков требуют разрешения совершать, пред началом собеседования, свое отдельное моление, здесь же на месте собеседования, по обрядам своей секты?

Миссионерами других епархий было также заявлено, что подобные случаи не однократно встречались и в их практике, причем одни из них, опасаясь допущением публичной сектантской молитвы произвести соблазн среди православных, не дозволяли таких молений (Таврическая епархия), другие приглашали сектантов к общей молитве с православными, и для этого пред беседою пели молитву «Отче наш», которая священна и для сектантов, как Евангельская (Тамбовская и Херсонская епархии); иные же просят местного священника пред беседою совершить молебен и затем начинают беседу без молитвы, расположивши предварительно сектантов к миру прочувствованным наставлением (Владикавказская епархия). Наконец, некоторые миссионеры начинают в таких случаях беседу, не предваряя ее никакою молитвою (Вологодская епархия).

Признавая необходимым открывать всякое собеседование общим молением всех присутствующих, Съезд высказался против дозволения сектантам совершать свои особые моления перед началом публичных собеседований, в виду могущего последовать от сего соблазна для присутствующих на беседе православных, так как моления сектантов нередко сопровождаются проявлениями нервоза (истерические рыдания, кривляния, вздохи и т.п.), заразительно действующими на присутствующих.⁸⁵

Оживленный обмен мнений вызвало обсуждение предложенного проф. Н.И. Ивановским методического вопроса о том, с чего начинать беседы с раскольниками и сектантами рационалистических и мистических толков. В общем дебаты сводились к такому заключению: по отзыву противораскольнических миссионеров с раскольниками лучше всего начинать полемические беседы с вопроса о Церкви, как самого существенного в деле нашего спасения: от него надо в беседах отходить и к нему все сводить, причем требуется точное определение предмета беседы чтобы ясно было выражено для совопросника, о чем должна вестись речь. – Что касается вопроса о начальных предметах бесед с сектантами рационалистических толков, то практика миссионерская оказалась здесь неодинаковою и мнения разделились. В большинстве случаев противораскольнические миссионеры начинают свои полемические беседы с выяснения догмата о священном предании, причем миссионеры имеют в виду таким путем твердо установить прежде всего учение православной Церкви об источниках вероучения, чтобы за тем в своих беседах иметь возможность обосновывать на священном предании православное учение о других пререкаемых сектантами вопросах веры, имеющих свое основание в божественном откровении, не записанном в свящ. Писании, но хранимом Церковью. Наряду с этим, некоторые миссионеры рекомендовали в данном случае следовать и практике противораскольнических миссионеров, т.е. начинать беседы с сектантами также выяснением вопроса о Церкви, как основном пункте христианского вероучения о спасении человека. Товарищ председателя протоиерей Буткевич высказал мнение, что устанавливать определенные приемы в методике собеседований с сектантами–рационалистами еще рано, так как догма сектантского лжеучения только развивается и не отлилась еще в строго определенные формы, как в расколе, а потому необходимо лишь держаться в собеседованиях с сектантами двух методов полемического и апологетического; с какого же именно из них начинать и как ими пользоваться, это следует

предоставить личному усмотрению и опытности самих противосектантских миссионеров.

О методике ведения бесед с последователями мистического сектантства Съезд имел суждение в 5 заседании и совместно с общим вопросом о хлыстовстве.

Методические приемы относительно того, с чего и как начинать беседы с раскольниками и сектантами, указанные опытными полемистами, приняты к сведению и руководству. С пользою миссионеры выслушали советы опытнейших своих сочленов по поводу разных раскольничьих и сектантских лукавых приемов, каковы зачитывание, заговаривание, уклонение в сторону и др.

**VIII. О мерах и способах духовно-просветительного
действия миссии в борьбе с
расколосектантством // Миссионерское Обозрение.
1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 852–872**

Об учреждении миссий и о мерах к оживлению пастырского миссионерства. О церковно-миссионерских библиотеках и изданиях, учреждение премий, распространение сведений о состоянии расколо-сектантства и миссионерства. **О мерах к школьно-воспитательной подготовке кандидатов священства к миссионерскому служению.** Об условиях, тормозящих успех пастырской миссии. Существующий способ обеспечения духовенства. Материальная необеспеченность клира в сектантских и единоверческих приходах. Об участии в миссионерстве членов клира. О следственных процессах над духовенством. О миссионерском значении строго-уставного богослужения. О погребении самоубийц. К вопросу об иконографии и иконо-торговле. **О миссионерских учреждениях:** народные кружки ревнителей православия, миссионерские школы и курсы. Епархиальные и уездные миссионерские съезды. О подготовке женского миссионерства. **Учреждение всероссийского миссионерского общества для борьбы с расколом и сектами.** Ограждение святости воскресного и праздничного покоя. Заботы миссии о переселенцах и фабричных рабочих. О миссионерском значении паломничества. О чиноприеме сектантов. О пособии нижегородской епархиальной миссии.

Обсуждение внутренних вопросов миссионерства, касающихся духовно-просветительных мероприятий в борьбе с расколо-сектантством, началось предложением председателя, который обратил внимание Съезда на необходимость и важность выработки таких духовных мероприятий, которые бы содействовали в оживлению к благоустроению пастыре-миссионерской деятельности нашего духовенства, отличающегося богатством духовных сил, крепостью веры и упования, которое свято соблюдает священные заветы

православия, но не всегда умеет обнаружить во вне, приложить свои духовные силы к делу, при том столь специальному и многотрудному, как миссионерство... Указав на состоявшиеся уже в этом направлении разносторонние постановления Второго миссионерского Съезда, объявленный в циркулярном указе Св. Синода 1892 г. за № 9, о. председатель просил синодального секретаря г. Гурьева доложить Съезду упомянутый указ.

При суждении о том, в какой степени оказываются удобоприложимыми и действительными указанные в сем указе меры и способы духовного действия к ослаблению расколосектантства, выяснилась безусловная плодотворность проектированных Съездом и предписанных к исполнению Св. Синодом мероприятий и правил и особенно там, где они строго исполняются и энергично проводятся в жизнь и где миссии надлежаще устроены и обеспечены. При этом нынешний Съезд, как и прошлый, выразил желание: 1) чтобы миссии, как испытанные и многополезные учреждения, настоятельно были учреждены во всех епархиях, и чтобы изысканные съездами и одобренные Св. Синодом мероприятия, (изложенные в упомянутом указе и в «правилах о миссиях») были неукоснительно исполняемы духовенством и миссионерами. Причем как на нежелательные явления, ослабляющие развитие и успех миссионерства, членами Съезда указывалось на замечаемую холодность и равнодушие в некоторой части духовенства к успеху миссии, на встречаемое по местам недостаточно энергичное содействие миссионерам, со стороны приходского духовенства, в деле борьбы с отпадшими, – в заведении и поддержании полемических собеседований, приходских миссионерских учреждений и др.

Признавая, что первый и главный миссионер в приходе есть приходской пастырь и что центр успеха приходской миссии покоится на личности и деятельности последних, Съезд признавал необходимым поднятие в приходском духовенстве сознания важности миссионерского служения и деятельного участия самого пастырства в миссионерской борьбе с расколосектантством, чрез более живое, близкое отношение духовенства к возрастающим духовными нуждам православного

народа и к міру расколо-сектантства. Что в свою очередь вызывает необходимость в наличности таких условий и средств в жизни и деятельности духовенства, которые бы споспешествовали в этом его трудном подвиге; а потому в дополнение к существующим уже мерам и средствами Съезд находили нужными ходатайствовать: а) чтобы епархиальные братства озаботились снабжать, за счет своих средств, церковные библиотеки приходов, зараженных расколо-сектантством, специальными миссионерскими изданиями и вообще книгами, полезными для охранения православного населения от лжеучений и для вразумления от падших, народными религиозно-нравственными и апологетическими листками для безмездного распространения их среди населения; б) чтобы изданы были Св. Синодом необходимые для миссионерства общедоступные по цене и в удобном для пользования формате Свято-отеческие творения, деяния св. соборов и уважаемые раскольниками старопечатные книги. Существующие издания и дороги и громоздки по своему формату. Миссионерам ныне приходится возить с собою буквально целый воз «кожаных книг», необходимые при беседах для справок и доказательств; в) издание миссионерской общедоступной толковой библии, причем некоторые члены находили полезным также для целей миссии издание миссионерской общедоступной толковой библии, причем некоторые члены находили полезным также для целей миссии издание нового завета, с подчеркнутыми текстами, по образцу существующих изданий у сектантов (Пашковцев); г) Вследствие предложения доцента академии г. Громогласова и других членов Съезда, последний признал нужным ходатайствовать пред Св. Синодом об учреждении премий за лучшие сочинения по вопросам внутренней миссии п чтобы в духовных академиях для кандидатских и семестровых сочинений студенческих давались темы предпочтительно характера миссионерского; д) Признав далее полезным для миссионерства и сектоведения распространение среди людей науки, – пастырей и практических деятелей миссии сведений о современном состоянии и движении в епархиях расколо-сектантства, о деятельности

миссионеров и о принимаемых духовным и гражданским ведомствами мерах и средствах борьбы с расколо-сектантством, Съезд ходатайствовал пред Св. Синодом о распоряжении, чтобы годовые миссионерские отчеты разных епархий печатались отдельными выпусками и обязательно были бы высылаемы в библиотеки духовных академий и семинарий, а также в братства и миссионерские епархиальные комитеты; главнейшие же сведения из этих отчетов должны быть объединяемы и освещаемы к сведению и руководству пастырей и миссионеров на страницах органа внутренней миссии, журнала «Миссионерское Обозрение».

2) Вместе с тем Съезд остановить серьезное внимание на обсуждении другого, не менее важного для возвышения успехов миссионерства, вопроса *о достодолжной школьно-воспитательной подготовке к пастырскому и в частности миссионерскому служению кандидатов священства.* В современном состоянии и характере миссионерской деятельности наличного духовенства имеет не маловажное значение то обстоятельство, что до 1895 г. миссионерские предметы не входили в курс наук, преподаваемых в семинариях. Встретившись лицом к лицу с сектантским движением, научно и практически не подготовленное к миссионерству пастырство, естественно, не могло проявить решительности и уверенности в своих действиях по пресечению лжеучений, пока долгим путем самообучения не подготовилось к этому многотрудному, во многом специальному делу. Настоящий вопрос о пастыре-миссионерской подготовке кандидатов священства на Съезде обсуждался дважды, будучи возбужден сначала о. председателем Съезда (в 8 заседании), а затем Нижегородскими миссионерами по поручению своего епископа, преосв. Владимира (в 10 заседании).

Из сообщений членов Съезда, между прочим, выяснилось, что в некоторых епархиях на дело специальной миссионерской подготовки будущих пастырей обращается особое внимание, так в Екатеринославской епархии ежегодно из окончивших курс воспитанников, заявивших себя наибольшею сравнительно с другими ревностью и способностями к миссионерскому

служению, оставляются при семинарии еще на один год, для более обстоятельного, теоретического и практического, изучения науки сектоведения и сектообличения. Практиканты посещают уроки V и VI кл. по миссионерским предметам; под руководством преподавателя этой кафедры знакомятся с миссионерской литературой, а для практического изучения приемов полемики и собеседований сопровождают епархиального миссионера в его поездках по миссии. Двое из окончивших семинарии воспитанников этой епархии, в виде опыта, командированы для практических занятий по миссионерству в Новгородский монастырь св. Климента под руководство известного миссионера иеромонаха Арсения.

Практиканты получают на свое содержание по 15 р. в месяц из епархиальных сумм.

Из мероприятий, предложенных членами Съезда при обсуждении данного вопроса, Съезд в своем заключении признал существенно необходимым и полезным следующее: а) чтобы начальствами духовно-учебных заведений была внушаема питомцам любовь и дух ревности к пастыре-миссионерскому служению; б) чтобы воспитанники (старших V и VI) классов семинарий и студенты академии были привлекаемы еще в школе к возможному личному участию в церковном учительстве, чрез проповедание Слова Божия, как в учебное, так и вакационное время и чрез устройство полемических собеседований с отпавшими, под руководством опытных миссионеров и наставников. Такое живое и деятельное отношение старших питомцев духовных школ к просветительной миссии Церкви в дни и часы, свободные от прямых учебных занятий, как доказывают опыты Московской и Казанской академий и некоторых семинарий, является превосходною подготовкой кандидатов священства к практической пастырско-просветительной деятельности, поднимая в будущих служителях алтаря Господня ревность к проповедованию Слова Божия, способствуя в то же время более живому и близкому отношению к народной среде и ее духовным запросам и нуждам, дает навык и практический закал в будущем пастыре-миссионерском служении; в) Для воспитания и укрепления в кандидатах

священства духа вящего благочестия, церковности и религиозной вообще настроенности, а также для самостоятельного освоения с богослужением признано полезным привлечение воспитанников семинарий и академий к участию, по группам, в ежедневном богослужении в домовых или крестовой архиерейских церквах; г) устройство периодических паломничеств, под руководством начальников и наставников, в Лавры, в знаменитейшие монастыри и обители на поклонение дорогим родным нашим Святиням. В частности, для специально-миссионерской подготовки рекомендовано: д) при классном изучении Священного Писания обращать особое внимание на изучение и миссионерское истолкование тех мест библейского текста, который перетолковываются раскольниками и сектантами, а также наиболее широкое и близкое изучение творений Св. отцов с миссионерской стороны; е) учреждение двухгодичных дополнительных миссионерских курсов при семинариях для практической подготовки наиболее способных к миссионерству воспитанников к занятию пастыре-миссионерских должностей в приходах, наиболее зараженных расколо-сектантством.

3) Живой обмен мнений членов Съезда вызвало обсуждение вопроса *об условиях, препятствующих успехам пастырской деятельности* и вообще духовному влиянию на народ со стороны приходского духовенства; причем в числе главнейших тормозов единогласно признан был существующий ныне способ обеспечения церковных причтов, чрез взимание платы духовенством за труд требоисправления. Высказанные по этому предмету мнения за и против могут быть сведены к следующим общим положениям. Было указано, что инославное духовенство в России обеспечено более достаточно, чем православное, выдаваемым из казны жалованьем, что существующий способ случайного, едва не нищенского сбора добродетельных подаяний от прихожан, – не редко нуждающихся в насущном хлебе и помощи, – неуверенность в насущном обеспечении на завтрашний день – мертвить самые идеальные стремления, сушить и черствить самое мягкое сердце, губить в самом расцвете молодая силы духовенства, (у каждого пастыря «душа не раз перевернется,

когда «звякнут», по выражению поэта – в этой рученьке сироты-вдовы – три медных пятака» – говорил один из членов), что заискивающе-униженное выпрашивание пастырями у своих духовных чад подаяний за исполнение духовных треб – это тяжелый крест для пастырей, – ненормальный, давно отживший порядок вещей, которым раскольники и особенно сектанты пользуются с успехом для унижения православного духовенства, для совращения простецов, указывая на мнимую торговлю в православной Церкви благодатью и злословя православное священство (попы дерут с живого и мертвого).

В тех епархиях (Таврической), где прихожане обеспечивают приходское духовенство определенными денежными взносом земству, (откуда получает духовенство жалование в размере 600–800 руб.) оказываются отрадные результаты в смысле улучшения взаимных отношений между пастырями и пасомыми в значительной степени.

Среди дебатов не было забыто и разобрано известное возражение, якобы обеспечение духовенства жалованием может внушать опасение, как бы пастыри Церкви таким путем не обратились в чиновников и не стали бы формально относиться к исполнению своего пастырского долга, что добровольное даяние является будто бы побуждением для духовенства стоять ближе к прихожанам и внимательнее относиться к их духовным нуждам и своим служебным обязанностям. Против этого возражения защитниками вопроса о необходимости скорейшего обеспечения духовенства жалованием высказано было, что если духовенство в вековой период тяжелых условий материального обеспечения устояло до наших дней на высоте своего пастырского призвания, то, естественно, от улучшения этих условий нужно ожидать не омертвления, а оживления пастырской деятельности, – что урегулирование материальных отношений к пасомым, устранение удручающих забот о хлебе насущном необходимо должно вызвать усиление забот об исполнении долга службы, что вековые пути материальной зависимости пастырей от пасомых – ненадежные рабские, недостойные в духовном делании связи пастыря с паствою, и надеяться на эти связи, как на условия к сближению пастыря с паствою, значит не верить в

нравственные силы духовенства. Иностранное духовенство характеризуется с стороны живого попечения о своих пасомых, а ведь оно лучше материально обеспечено. Почему же там нормальные условия житейского быта не делают пастырей чиновниками?

При этом указывают на необходимость обеспечения духовенства в такой мере, чтобы оно могло и должно все таинства, и другие обязательные требы (погребение, поминовение, воцерковление и др.) исполнять без всякого вознаграждения со стороны пасомых. При таком условии для того живого и близкого общения, которое создается будто бы заказом со стороны пасомых неоплаченных треб и усердием исполнения их со стороны служителей, – остается целый ряд служб частных, необязательных (молебствий, заказных обеден и др.), которые зависят от ревности и усердия прихожан

В общем своем заключении Съезд пришел к тому решению, что существующий патриархальный порядок взимания платы духовенством с прихожан за требы теперь, при новых условиях экономической жизни народа, охлаждении его к Церкви, является источником возникновения многочисленных печальных недоразумений между пастырями и пасомыми, нарушающим мир между духовными отцами и их детьми, унижающим авторитет пастырей, а главное с миссионерской точки зрения является опаснейшим предлогом к раздражению и свращению маловерных в секты и раскол, руководители которых с успехом пользуются этим раздражением народа. Причем Съезд выражал желание о скорейшем обеспечении жалованием всего духовенства хотя бы в размере, сравнительно, скромном и ограниченном (для приход. священника 600 руб., для причетника 200 р. См. в 10 заседании).

4) Особенное внимание Съезд обратил на тяжелое материальное и нравственное *положение духовенства в приходах, зараженных расколо-сектантством*, что самым ближайшим образом отражается на состоянии приходской миссии. Постановлениями 2-го Съезда и многократными распоряжениями высшей церковной власти признано необходимым, в интересах успеха борьбы с лжеучениями,

назначать в приходы, зараженные расколо-сектантством, священников наиболее способных и ревностных к прохождению пастырских обязанностей, которые смогли бы вести должным образом многотрудное дело вразумления заблудших. Но из сообщений депутатов Съезда усматривалось, что приходы, зараженные расколо-сектантством, обыкновенно, самые бедные по церковной и причтовой доходности, а потому способнейшие и достойнейшие пастыри, в виду крайней скудости содержания, или совершенно уклоняются от таких приходов, или же поступив долго не остаются здесь на службе, но домогаются перемещения. Так что не редко епархиальные начальства бывают вынуждены назначать в такие приходы священников наименее способных, а иногда даже и штрафных. Причем депутаты Съезда полагали, что пока не будут таковые приходы обеспечены, в виду особого их миссионерского положения, усиленным жалованьем (хотя бы до 600 р.), приходскую миссию здесь невозможно поставить на должную высоту.

Принимая во внимание, что ближайшим миссионером в приходах, зараженных расколо-сектантством, должен быть способный приходской священник, а также имея в виду крайнюю скудость причтового обеспечения таких приходов, со стороны поколебленного лжеучениями местного православного населения, Съезд признает справедливым и существенно-необходимым ходатайствовать пред Св. Синодом о назначении в означенные приходы, по представлению епархиальных преосвященных, увеличенного жалованья причтам, сравнительно с существующей нормою в 300 р. При этом Съезд выразил желание, чтобы в зараженные расколом и сектантством приходы, как беднейшие, епархиальными начальствами не были переводимы в наказание провинившиеся члены причта. (В 8 заседании).

5) Независимо от изложенного Съезд, по поводу сделанных заявлений со стороны единоверческих священников, имел суждение и о *крайней бедности большинства единоверческих приходов*, причем скудость содержания этих причтов и здесь отражается на трудности приискать на вакансии единоверческих священников людей достойных. Съезд, имея в виду, что лучшее

обеспечение единоверческих священников может повлиять на улучшение состояния самых приходов, также выразил желание, чтобы и эти приходы поставлены были по обеспечению в особое миссионерское положение, с назначением в единоверческих приходах жалованья, как и в зараженных расколо-сектантством, а именно: священнику в размере 600 руб., псаломщику 200 рублей, (в 8 заседании).

6) Не был оставлен без внимания и надлежащего обсуждения и вопрос об отношении к приходской миссии членов причта, а также народных учителей. При этом некоторыми членами было заявлено о встречающихся иногда нежелательных случаях недоразумений между недостаточно подготовленными к миссионерству приходскими священниками (напр., из диаконов) и миссионерствующими членами причта. Бывает, что диаконы или псаломщики более своих настоятелей опытни в борьбе с расколом и сектами, а потому и могли бы с успехом вести миссионерские беседы в своем приходе, а между тем не ревнующие о миссионерстве и не подготовленные к нему настоятели выражают таковым членам причта свое неудовольствие и даже оказывают положительное препятствие к ведению миссионерского дела. В большинстве же случаев, по заявлению миссионеров, члены клира далеко стоят от миссионерского дела, не считают своей обязанностью принимать какое-либо участие в борьбе с местными сектами, уклоняясь от какого бы то ни было сотрудничества пастырям в сем многотрудном деле и даже более того: нередко низшие члены клира своими недостатками личного поведения и не сочувственным отношением к миссионерскому и церковно-просветительному приходскому делу, способны сильно тормозит успехи приходской миссии.

Имея в виду, что низшие члены клира и учителя народных школ более часто и близко соприкасаются с народной приходскою средою, а потому могли бы оказывать миссии священников несомненную помощь собиранием верных сведений о состоянии сектантства, благовременными сообщениями о происходящих в местном расколо-сектантстве и в православной части населения религиозном брожении,

участием на беседах, в пении и чтении, под руководством священников, – Съезд постановил просить Святейший Синод сделать распоряжение о привлечении низших членов причта и учителей народных школ к участию в приходской миссии, а в тех случаях, когда низшие члены клира опытны в борьбе с расколом и сектантством, священники оказывали бы миссионерской деятельности таковых всякое с своей стороны внимание и содействие.

Миссионер *Дородницын* и свящ. *Лавров* внесли на обсуждение Съезда предложение об устранении из духовно-консисторского и судебного следственного процесса по преступлениям священнослужителей таких сторон, которые роняют авторитет духовенства на радость врагов Церкви, служат соблазном для народа и дают повод сектантам глумиться над православным духовенством. Широко-развитая в духовном суде следственная волокита, привлекающая толпы прихожан в качестве свидетелей и обвинителей своего духовного отца, крайне неблагоприятно отражается на отношениях пастыря и пасомых. Указывалось на практику католической церкви, где совсем не слышно и не видно такого вмешательства пасомых – мирян в судные дела католического духовенства, которое, однако, далеко не безгрешно в своей жизни и поступках. Свящ. *Лавров* сообщил, как во Владикавказской епархии один единоверческий священник был привлечен, по наветам раскольников, к уголовной ответственности по обвинению в убийстве урядника с целью ограбления. Судебный следователь заключил священника в тюрьму, причем для допроса требовал каждый раз обвиняемого к себе на дом. Стоило только конвою с пастырем Церкви появиться на улице, как собиралась толпа любопытных раскольников и сектантов, которые распускали слухи, что скоро будут вешать всех «попов». Между тем, по расследованию, оказалось, что священник совсем невиновен, а возбуждено было дело по ложному доносу фанатичных раскольников, которые хотели таким путем ослабить авторитет единоверческого духовенства и влияние его миссии.

Обсудив изложенное, Съезд выразил пожелание, чтобы при производстве следствий над священниками по обвинению в

уголовных преступлениях, их подвергали предварительному заключению не в тюрьмы, вместе с прочими преступниками, а в монастыри под охрану и за ручательством настоятелей, и чтобы привод обвиняемого духовного лица под открытым конвоем был совершенно устранен, и вообще духовно-следственная и судебная власть по возможности избегала бы широкой публичности и огласки при производстве дознаний по проступкам и преступлениям священников, до признания их виновными по суду.

7) Как замечено уже выше, Съезд при обсуждении вопроса о миссионерском значении истового уставного церковного богослужения, – для духовного воздействия на православную среду и раскольничий мир, признал полезным, чтобы в городах, где есть раскольники, хотя бы в одной из приходских или монастырских церквей были отправляемы службы Божии с точным, без всяких сокращений, исполнением церковного устава. (В 10 засед.).

8) В устранение соблазна, который происходит у раскольников, единоверцев, а равно и у истинно-верующих чад Церкви, при извещениях о торжественном погребении самоубийц, вопреки соборным правилам, а также о панихидах по усопшим иноверцам, Съезд ходатайствовал пред высшею духовною властью о воспрещении отпеваний самоубийц в храмах и торжественных соборных и церковных панихид по самоубийцам и христианам инославного исповедания, в случаях же погребения умалишенных самоубийц – отпевание было бы совершаемо в доме без торжественных погребальных процессий. (В том же 10 заседании).

9) Херсонский окружной миссионер, священник Станиславский, внес в Съезд мнение по вопросу об улучшении иконной живописи и об устранении соблазнительных способов торговли иконами и другими священными предметами: о. докладчик проектирует, чтобы приходские церкви сами приобретали иконы и крестики на собственные средства, а за тем продавали бы желающим, вместе с дешевыми изданиями житий святых, которые изображены на покупаемой иконе. Одобрив соображения о. миссионера, комиссии вместе с тем

выразила желание, чтобы обязанность надзора за торговлей иконами на базарах и ярмарках была возложена на местных благочинных или их помощников и приходских священников тех селений, где происходят базары ярмарки с тем, чтобы места для продажи икон были отводимы (бесплатно) в колокольнях, оградах и в их воротах или же, по крайней мере, в близости церковных оград.

Продолжая рассмотрение мер и способов духовного действования миссии против раскола и сектантства, Съезд особое заседание (девятое) посвятил на обсуждение вопросов о *миссионерских учреждениях*, каковы: а) миссионерские приходские кружки ревнителей православия; б) миссионерские школы для приготовления начетчиков из народа; в) миссионерские епархиальные и уездные съезды священников из приходов, зараженных расколо-сектантством; г) учреждение центрального православного миссионерского общества для борьбы с расколом и сектантами и др.

10) Из сообщений членов Съезда усматривается, что многие из миссионеров считают полезным заводить кружки ревнителей православия в местах своей деятельности, снабжать членов кружка необходимыми указаниями и книжными пособиями по обличению заблуждений расколо-сектантства. Такие кружки, сплотив собою лучшие силы прихода, представляют дружину стойких и подготовленных борцов с местным расколо-сектантством и в большинстве случаев незаменимых помощников в руках миссионера и приходского пастыря по собиранию сведений о том, что происходит в местном сектантстве. Опыт многих миссионеров доказал, что подобные кружки способны, под руководством своих пастырей, принимать самое деятельное участие в миссионерской борьбе с местным расколом и сектами и потому учреждение таких обществ Съездом признано весьма желательным. При этом Съезд выслушал доклад Смоленского миссионера об организации Сычевского миссионерского кружка. Съезд постановил просить высшую духовную власть разъяснить пастырям и миссионерам пользу основания в приходах, зараженных расколо-сектантством, братств ревнителей православия, которые, являя

в пример истинно преданных и благочестивых чад Церкви, представляли бы собою противовес сектантской среде, действующей, обыкновенно, против православия сплоченною силою, и принимали бы под руководством священников посильное участие в приходской миссии.

11) При обсуждении затем вопроса об учреждении специальных *миссионерских школ* для подготовки из народа начетчиков, которые могли бы быть также полезными сотрудниками миссионеров и приходскому духовенству, Съезд выслушал следующие сообщения своих членов о существующих в епархиях миссионерских школах. По сведениям, доложенным Съезду членами, оказалось, что миссионерские школы заведены и существуют в 7-ми епархиях, а именно: Томской, Саратовской, Самарской, Донской, Тамбовской, Екатеринославской и Вятской. Томская (в г. Бийске) школа представляет собою катехизаторское училище с шестиклассным курсом и подразделяется на два отделения – инородческое и русское. В последнем отделении 8 недельных уроков посвящается изучению истории и обличения русского раскола и сектантства. Вышедшие из этой школы ученики поступают учителями в братские школы, при которых имеются молитвенные дома для богослужения и собеседований. Последние и ведутся учителями – начетчиками. *Саратовская школа* существует несколько лее; в нее принимаются грамотеи из народа в числе не более 15 душ, начитанные в Св. Писании и старопечатных книгах. Курс обучения двухгодичный; время занятий продолжается 7 месяцев в году; в начале весны обучающиеся отправляются в дома свои дня полевых работ. Живут учащиеся все в братском общежитии; школа содержится на епархиальные средства, а именно – отпускается 1.000 руб. из сумм епарх. свечного завода. Школа успела дать хорошие результаты в отношении миссионерской подготовки начетчиков. По отзывам Самарского миссионера о. Алексанрова и Оренбургского миссионера, из обучавшихся в школе посвящено около 10 лиц в священный сан к единоверческим церквам этих епархий, причем все эти лица оказались ревностными и способными миссионерами. *В Самарской губернии* существует второклассная школа с миссионерским курсом. Она учреждена

около 3-х лет тому назад настоятелем Преображенского единоверческого Иргизского монастыря, архимандритом Тихоном. В школе обучается до 50 душ детей беднейшего православного населения; все они содержатся на иждивение обители. Особенное внимание в школе обращено на церковное воспитание учащихся, а также и на изучение устава и древнего единоверческого пения. Дети ежедневно бывают на церковных службах, где поочередно участвуют в чтении и пении. Внешняя церковная жизнь школы поставлена на единоверческих началах. В последний год своего обучения в школе ученики знакомятся с историей и обличением раскола. По окончании курса наиболее способные и ревностные к миссии оставляются при монастыре для практической подготовки к миссионерству. Под руководством священника, опытного миссионера из начетчиков, они упражняются между собою в примерных прениях, а также сопровождают миссионера на беседы, которые ведутся по селам, где воспитанники участвуют в единоверческом богослужении, на которое являются и раскольники, привлекаемые стройным пением воспитанников. *В Донской епархии* год назад заведена 4-х-классная миссионерская школа. В школу принимаются начетки все возрастов и сословий, но предпочтительно из простого звания (есть в числе учеников дворянин довольно пожилой, 40 лет). Цель обучения – подготовка миссионеров-сотрудников и единоверческих священников. *В Тамбовской епархии* существует несколько лет псаломщическая миссионерская школа. Принимаются в нее, бóльшую частью, исключенные из духовного звания, которые, по окончании курса в школе, спешат занять какие угодно места, но только не миссионерские. Подобный состав учащихся оказывается мало соответственным для целей миссии. *Екатеринославская* школа состоит из нескольких окончивших курс семинарии, остающихся на один год для наилучшего теоретического изучения миссионерских предметов и практической подготовки к противо-сектантской миссии. *В Вятской епархии* существует известная школа о. Кашменского. По сообщению миссионера Луканина, *в Пермской епархии* важное миссионерское значение имеет недавно учрежденный

православный монастырь на Белой Горе, основанный в память избавления Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая II, от опасности в Японии. Благодаря строгому выполнению церковного устава и благолепию богослужения, в этом монастыре собираются десятки тысяч богомольцев, среди которых бывает много и раскольников. Кроме того, в этом монастыре практически подготовляются к миссионерству иноки из обратившихся из раскола.

12) Тамбовский миссионер г. Боголюбов, Оренбургский – Головкин и Калужский преподаватель семинарии Чельцов возбудили вопрос о пользе учреждения *повременных миссионерских курсов для начетчиков из народа*, и находили, что подобная подготовка может более принести пользы миссии, чем организованные постоянные школы, стоящие епархиям дорого и дающие не везде богатые результаты. При этом миссионер Боголюбов, излагая по сему вопросу свое мнение, находил полезным означенные миссионерские курсы учреждать не в губернских городах, куда крестьянину оторваться надолго от семьи и села тяжело, а где-либо в сельских центрах или при монастырях. Курсы эти не должны продолжаться более месяца или 6 недель. Обучение на них мог бы вести епархиальный миссионер. Преподаватель Чельцов доложил Съезду сведения о первом опыте миссионерских курсов, бывших в истекшем году в г. Калуге. Подобные курсы, по заявлению миссионера Головкина, существовали в г. Оренбурге в истекшем году. Некоторые из миссионеров возбудили вопрос о пользе введения преподавания миссионерских предметов, главным образом – с практической стороны, на церковно-учительских курсах пения, которые в последние годы устроятся во многих епархиях. Заслушав сообщения упомянутых миссионеров, Съезд признавал все указанные членами Съезда способы подготовки из среды народа борцов с расколом и сектами весьма целесообразными и полезными и выразил желание, чтобы Св. Синодом было рекомендовано епархиальным преосвященным озаботиться заведением миссионерских школ и курсов в епархии, и чтобы в программу занятий церковно-учительских курсов вводилось

ознакомление учителей с расколо-ведением и практической стороной миссионерского дела.

13) Для объединения и оживления миссионерской деятельности епархиальных и окружных миссионеров, а также приходских пастырей, всеми членами единогласно признано необходимым *заведение повсеместно в епархиях епархиальных миссионерских съездов*, при участии и священников тех приходов, в коих существуют раскольники и сектанты. Из сообщений членов Съезда усматривалось, что такие съезды уже практикуются в епархиях Киевской, Херсонской, Харьковской (а с 1–10 сентября состоялся в Екатеринославской). Признавая епархиальные миссионерские съезды весьма полезными вообще и в частности незаменимым для поднятия в духовенстве практических и теоретических знаний по миссионерству, Съезд выразил желание, чтобы такие съезды учреждались в епархиях, причем, в видах объединения миссионерской деятельности, было бы полезно, чтобы в означенных съездах одной епархии принимали участие более опытные миссионеры других соседних епархий.

14) Преподаватель Донской семинарии Е. Овсянников в своем докладе представил соображения о введении в курс преподавания в епархиальных женских училищах науки истории и обличения русского раскола и сектантства, уверяя, что в крайнем случае преподаватели семинарии охотно согласятся читать лекции по воскресным дням бесплатно.

Признавая весьма полезным женское миссионерство вообще и в частности участие в деле борьбы с расколо-сектантством учительницу и жен священников, комиссия признала желательным, чтобы епархиальным преосвященным предоставлено было право, не стесняясь программами, по местным нуждам, разрешать преподавателям церковной истории в епархиальных женских училищах расширять курс в одних епархиях по истории и обличению раскола, в других – по истории и обличению сектантства, с прибавлением одного урока в неделю.

15) В том же заседании Съезд обсуждал весьма важное предложение депутата Нижегородской епархии, протоиерея

Порфирьева об учреждении при Св. Синоде центрального миссионерского комитета, который бы объединял и направлял деятельность внутренней миссии нашей Церкви. При обсуждении настоящего вопроса принимали участие председатель Съезда, проф. Ивановский, В.М. Скворцов, депутат Петербургской епархии священник Ф. Орнатский др. Дебатирующие, разделяя целесообразность мнения о. Порфирьева в принципе, находили более соответственным ходатайствовать пред высшею властью об учреждении при Св. Синоде всероссийского миссионерского общества для борьбы с расколом и сектами, в параллель, состоящему под Августейшим покровительством Императрицы Марии Феодоровны, Московскому Миссионерскому Обществу, ведающему исключительно дела внешней миссии Церкви. Такое общество, объединив деятельность внутренней миссии, вместе с тем должно привлечь к ней живое сочувствие и содействие всех ревнителей православия. Не входя в детальную разработку настоящего вопроса, разрешение коего подлежит высшей духовной власти, Съезд, выразив полное свое сочувствие идеи учреждения Всероссийского Миссионерского Общества для борьбы с расколом и сектами и единодушное пожелание, чтобы в случае учреждения при Св. Синоде такого общества было возбуждено г. Обер-Прокурором Св. Синода всеподданнейшее ходатайство пред Ее Величеством Государыней Императрицей Александрой Феодоровной о принятии проектированного 3-м миссионерским Съездом Миссионерского Общества под свое Всемилоостивейшее Августейшее покровительство.

16) После сего товарищ председателя, профессор Н.И. Ивановский, предложил собранию вопрос: можно ли православному священнику преподавать благословение некоторым прихожанам, по их желанию, двуперстным старообрядческим сложением. В разъяснение сего вопроса, возбуждавшегося и на втором миссионерском Съезде, была прочитана справка из определения Св. Синода от 24-го июня 1892 года, из коей усматривается, что Св. Синод предоставил усмотрению епархиальных архиереев давать, по просьбам присоединяющихся или присоединенных из раскола лиц, разрешения, в силу которых всякий священник мог бы совершать

по старопечатным книгам некоторые требы частные, но не общие церковные службы.

17) В том же заседании Съезд выслушал доклад члена Съезда В.М. Скворцова по вопросу о важном значении для пресечения развитая сектантства и для возвышения вообще религиозно-нравственной жизни православного народа, – христианского времяпровождения воскресных и праздничных дней. В докладе высказано, что давно назрела потребность в общем законодательстве, которое бы ограждало воскресный покой православного населения. По справке оказалось, что вопрос этот обсуждался также и 2-м Миссионерским Съездом. Съезд постановил просить г. Обер-Прокурора Св. Синода вновь войти в сношение, с кем следует, об издании государственного закона об охране воскресного и праздничного покоя.

18) В заключение Съезд подверг обсуждению предложение преподавателя Томской семинарии, г. Новикова о том: а) чтобы в видах предупреждения пропаганды сектантских лжеучений среди православного населения Сибири, а равно и самих переселяющихся туда православных, расселение новых поселенцев происходило по предварительном сношении с местною епархиальною властью; б) чтобы православным поселенцам вблизи единоверческих церквей разрешено было приписываться к единоверческим приходам, если православная церковь будет находиться от новых поселений далеко. Профессор Ивановский вместе с тем признавал полезным в целях миссии ходатайствовать перед Св. Синодом о разрешении образовывать единоверческие приходы в таких, наприм., случаях, когда в селениях есть православные, но небольшое количество сравнительно с единоверцами и раскольниками. К предложению преподавателя Новикова делопроизводитель Съезда В.М. Скворцов присовокупил, что желательно было бы, чтобы правительственные власти вовсе не допускали совместных Переселений православных и сектантов, а также, чтобы о следовании и местах водворения переселяемых сектантов было сообщаемо епархиальным начальствам тех мест, куда сектанты направляются для поселения. По поводу сего Херсонский миссионер г. Кальнев сообщил, что в Одессе

установлен печальный факт совращения в сектантство переселенцами-штундистами многих православных своих спутников за время трехнедельного ожидания переселенцами в Одессе очередного парохода во Владивосток.

Признав, что затронутые в изложенных докладах вопросы имеют важное миссионерское значение, Съезд постановил ходатайствовать пред Св. Синодом о зависящих по содержанию изложенного распоряжениях.

19) Херсонский епархиальный миссионер г. Кальнев охарактеризовал в ярких красках ненормальные условия религиозно-нравственного быта рабочих на фабриках, заводах и плантациях, вследствие чего они представляют собою подготовленную среду к восприятию и распространению среди православного населения всевозможных сектантских заблуждений и социальных доктрин. Причем почтенный деятель миссии предложил Съезду оо. и гг. миссионеров, не найдут ли они необходимым и возможным сделать постановление о ходатайстве, в целях миссии, пред Св. Синодом, чтобы он возбудил, где это нужно, вопрос о том, чтобы:

1) При многочисленных фабриках и заводах были открываемы школы непременно типа церковно-приходских школ, и создаемы храмы Божии, или же – школы – церкви для удовлетворения религиозных нужд рабочего люда.

2) Вследствие несомненно развращающего влияния плантаций на работающих здесь подростков, желательно со стороны владельцев-плантаторов иметь особое нравственное наблюдение и попечение об условиях жизни женской прислуги несовершеннолетнего возраста, независимо от сего необходимо.

3) чтобы над жизнью всех вообще работающих на плантациях и фабриках, а в особенности над условиями быта рабочих был учрежден и самый строгий правительственный надзор, привлекающий развратителей в строгой законной ответственности в случае их противо-нравственных действий и религиозно-развращающих отношений к работающим на плантациях.

4) Наконец, чтобы управляющие фабриками и заводами обязаны были вести правильную и точную регистрацию всех

рабочих с указанием их принадлежности к известному вероисповеданию, ежегодно в начале рабочего времени доставляли сведения об этом местному начальству, а последнее к ближайшему приходскому пастырю, дабы православная миссия, если будет это необходимым, своевременно могла принимать соответствующие меры в пресечению пропаганды и к ведению миссионерских бесед среди рабочих на фабриках и заводах.

Одобрив изложенный проект мер г. Херсонского миссионера, комиссия признала нужным ходатайствовать о содействии со стороны органов местной власти пастырям и миссионерам к устройству и заведению при фабриках, заводах, при многолюдных (напр., железнодорожных) мастерских религиозно-нравственных бесед и чтений с рабочим людом, в праздничное и досужее время.

Как известно, подавляющее большинство наших фабрик и заводов находятся если не во владении, то в управлении лиц иноверцев или христиан инославных (евреев, католиков-поляков, лютеран-немцев, раскольников), у которых, как показал опыт, естественно не может пользоваться симпатиями и покровительством миссионерская деятельность православных пастырей и миссионеров, а наоборот, – их делу миссии здесь часто поставляются всевозможные препятствия. Обязательным заведение школ должно быть признано, по мнению Съезда, для тех фабрик и заводов, где рабочих не менее 250 душ.

20) Тот же миссионер М.А. Кальнев внес на обсуждение Съезда доклад о миссионерском значении паломничества, которым вожаки сектантства не редко пытаются пользоваться для своих целей, причем почтенный миссионер признавал желательным и полезным, в интересах миссии, чтобы путешествия священников на поклонение к св. местам, по возможности, приурочивались ко времени паломничества народного, причем пастыри Церкви сопровождали бы своих и ближайших по месту жительства прихожан и руководили бы ими во время благочестивого паломничества. Момент этот представляется в своем роде единственным для пастыре-миссионерского воздействия на верующие и колеблющиеся

сердца. В монастырях же полезно было бы организовать из монашеской братии чичероне-руководителей, которые бы удовлетворяли религиозной любознательности поклонников при посещении ими святынь местных. В сборных и особо людных пунктах на пути движения или переезда паломников, как, напр., на пристанях и на станциях железных дорог в вокзалах 3 класса, желательно организовать книжную торговлю народными изданиями религиозно-нравственного содержания. Комиссия признала высказанные в докладе г. Кальнева соображения весьма полезными для дела миссии.

21) Миссионеры нижегородской епархии, о. Фиалковский и протоиерей Порфирьев, внесли в Съезд предложение, в котором указывали на необходимость прочной организации миссионерских собеседований во время Макарьевской ярмарки, куда съезжаются со всех концов России известные раскольничьи начетчики для пропаганды своих лжеучений среди ярмарочного населения. В противодействие этой пропаганде местная епархиальная миссия вынуждена вызывать на раскольничьи беседы, которые ведутся здесь ежедневно в течение целого месяца, наиболее опытных полемистов, что требует значительных расходов, между тем как нижегородская миссия не располагает для сего достаточными средствами, а потому миссионеры просили Съезд ходатайствовать пред Св. Синодом об отпуске в распоряжение Нижегородского Епархиального Начальства на миссионерские нужды ежегодной субсидии, в размере 1.000 руб. В виду действительно особо важного значения Нижегородских ярмарочных собеседований с раскольниками начетчиками, Съезд признал изложенное заявление заслуживающим серьезного внимания и отнесся к нему сочувственно.

22) В заключение был возбужден вопрос о том, по какому чину надлежит принимать в Церковь последователей многочисленных сект и толков русского раскола и сектантства. В частности, миссионерами некоторых епархий возбужден был вопрос о том, не следует ли перекрещивать баптистов, так как, по решению некоторых духовных консисторий, крещение баптистов не истинно, как совершаемое в одно погружение и в

смерть Христа. В разъяснение обсуждавшегося вопроса, товарищ председателя, профессор Н.И. Ивановский доложил Съезду, что по отношению к баптистам необходимо каждый раз расследовать, совершено ли над ними крещение и как, соответственно этому установить чиноприем их в Церковь, не повторяя крещения над теми из них, которые крещены, по Господню повелению, во имя Отца и Сына, и Святого Духа, и крестить вторично тех, которые крещены неправильно. Все прочие, совратившиеся из православия в раскол и секты, принимаются в Церковь третьим чином. Указанным действиям должно предшествовать обстоятельное расследование относительно крещения и миропомазания возвращающихся в Церковь. А так как в богослужебных книгах наших не имеется особого чиноприема в Церковь последователей того или другого толка или секты, то Съезд ходатайствовал пред Св. Синодом об издании таких богослужебных последований.

**Х. Совещания и решения Съезда: а) Об условиях вчинания судебных дел по преступлениям отпавших против веры и церкви и об экспертизе; б) об усилении общецерковного молении о вразумлении отпадших; в) о будущем 4-м Миссионерском Съезде
// Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 889–892**

Выше было замечено, что Съезд, при обсуждении мер и способов борьбы с расколо-сектанством, не мог не коснуться и мероприятий внешнего характера, кои вытекают из существа отношений православной Церкви и русского государства, предусматриваются коренными законами империи и правительственными распоряжениями.

Совещания по этому отделу занятий Съезда ограничивались главным образом установлением квалификации преступлений в действиях расколо-сектанства против веры и церкви, государства и закона и выяснением, в каком отношении и какими внешними способами, и мерами признавалось бы полезным правительственное содействие миссии Церкви в деле пресечения (ограничения) распространения и укоренения раскола и сектанства в среде православного населения.

1) Первое всего здесь Съезд остановил свое внимание на вопросе об ограждении от совращения в пагубные ереси и секты юного подрастающего поколения, – детей, рожденных от родителей сектантов до отпадения последних от Церкви и крещенных в православие, а также, и тех, кои рождены и воспитываются в смешанных расколо-сектантских семействах.

Сообщениями миссионеров установлен был целый ряд вопиющих фактов насильственного совращения в секты отпавшими от Церкви отцами младших членов своих семейств, деспотического стеснения свободы совести семейных относительно исполнения ими религиозных обязанностей, поруганий над священными чувствами веры православных чад Церкви. Такие печальные явления находятся в полной зависимости от неограниченных прав главы семейства, от

бытовых условий темной массы и невмешательства закона в сферу преступной пропаганды лжеучений в семействах.

Обыкновенно, главари (вожаки) расколо-сектантства заботятся о склонении в сектантство разными способами и мерами прельщения главы семейства. Последние же, в силу прозелитизма, присущего всем нашим сектам, а также вследствие требований сектантской дисциплины и условий быта общин, всемерно стараются совратить в секту жену, детей, родителей, подростков-братьев и сестер, так, что родственная среда является самым обычным путем распространения лжеучений. А что сектантская дисциплина способна развивать прозелитизм в семейной среде, указано было на то обстоятельство, что, напр., тех штундистов, в семье которых еще оставались православные члены, лжепресвитеры не удостоят ни крещения, ни чаши, «как не добре правящих домом своим», а это лишение весьма угнетающе отзывается на психологии неофитов, восстанавливает их против стойкой веры членов своей семьи, а потому естественно фанатики-неофиты не разбирают средств для совращения беспомощных членов своих семейств. Хроника подобного рода печальных явлений в мире расколо-сектантства наполнена трогательными подробностями о том, каким тяжким, постоянным оскорблением, глумлением, а нередко и чисто мученическим страданиям подвергаются за твердость в своей отеческой вере стойкие, но беззащитные члены сектантских семейств. В семье, где муж сектант, и жена держится православия – разделение в вере производит сущий ад: ни лечь, ни сесть за стол не могут православные жена и дети без глумления над крестным знаменем, св. иконами, без оскорбления себя в самых дорогих чувствах веры. Фанатизм и изуверство не щадит и престарелых родителей, отпадшие дети которых также подвергают их всякого рода лишениям и даже побоям, пока они не совратятся в секту. В Киевской губернии в м. Шендировке штундисты Л-вы систематически истязали старуху-мать за нежелание последней принять штунду, забивали ее под скамьи и кончилось тем, что страдальца старуха пошла побираться по миру. Дети бывают так запуганы родителями сектантами, что когда в доме или школе заставить их

перекреститься, малютки трясутся, плачут, говоря: «батько убье, не могу креститься» и проч.

Повсеместно сектанты детей своих, рожденных до отпадения от православия и крещенных в Церкви, не считают обязанными воспитывать в духе православия и приводить к обрядам и таинствам Церкви, а рожденных в секте не крестят.

Не редки и такие случаи, что сектанты и раскольники, притворно заявляя о возвращении в лоно Церкви, с целью вступления в брак с православными чадами Церкви, и давая установленные по закону обязательства относительно своего пребывания в лоне Церкви и воспитания детей в православной вере, затем безнаказанно нарушают эти обязательства. Если бы даже не удалось совратить лицемерам-мужьям своих православных жен, женам – мужей, то и тогда детей от таких смешанных браков отщепенцы не позволяют православной матери-отцу приносить к священнику для крещения и приводить к обрядам и таинствам Церкви, воспитывая их в духе сектантства. В этом отношении свобода действий сектантов и раскольников русских не уступит американской. Молодое поколение расколо-сектантского мира вырастает без религиозно-нравственного воспитания в нездоровой семейной атмосфере, будучи везде предоставлено опеке и руководительству вожаков темной фанатичной массы, неспособных дать положительного, нравственно-христианского научения. Вся обстановка жизни этих юных чад Церкви воспитывает в сердце их одно только похулительное учение в отношении догматов веры, крайнюю ненависть к православию, отчуждение от вековых традиций народной жизни, благодаря чему в штунде, напр., растет и зреет новое поколение без духа веры и нравственных устоев, что грозит нарождением в русском народе религиозных нигилистов. Вот почему вопрос, поднятый на Съезде, имеет широкое нравственное и общественное значение. В школы своих детей сектанты уклоняются отдавать, или же предъявляют свои требования, несовместимые с школьными правилами.

В Хлыстовской секте заключение браков с православными освящено правилами секты, как один из верных способов

совращения в секту чад православной Церкви и умножения рядов последователей гнусного бракоборного хлыстовства.

При рассмотрении мер и способов, коими охраняется православие принадлежащих в Церкви юных ее чад, – подрастающего поколения расколо-сектантского мира, – на Съезде, между прочим, выяснилось, что главным образом и здесь воздействие заключается в миссионерских увещаниях и пастырском попечении, но в сожалению слова убеждения оказываются бессильными защитить и охранить «сих малых» от неограниченных в семейной сфере прав главы касательно сектантской пропаганды, случаи же вмешательства закона в защиту беспомощных членов семейства и в ограждение православия слишком редки, причем практика судебных учреждений и лиц, относительно применения статей закона, могущих пресекать преступления по совращению детей в секты, крайне неопределенна. По букве и духу закона, можно полагать, что православие подчиненных членов семьи и в частности детей охраняется статьями 192 и 190 Улож. о наказ. Статья первая (192) возлагает попечение и ответственность на главу семейства и если таковой, зная, что «жена его или дети *намерены* отступить от православного исповедания, не примет зависящих от него по закону мер к отклонению (колеблющихся) от такового намерения», то несет известное наказание. Но о применении и действии этой статьи никому из миссионеров и пастырей ничего и никогда не слышно. Статья 190 подвергает не малой ответственности (от 8 мес. до 1 года и 4 мес. тюремного заключения) родителей, обязанных по закону воспитывать своих детей в православии, если они будут приводить их к обрядам и таинствам другого исповедания, над детьми же устанавливается опека; но вопрос о распространении этого закона на родителей-сектантов не ясен и судебная практика страдает здесь неопределенностью. Так, по сообщению членов Съезда, Самарский суд отклонил обвинение по упомянутой статье родителей-сектантов, которые не воспитывали детей своих в православии. Киевский суд и палата, наоборот, при возбуждении обвинения против одного вожака штунды в некрещении детей (даже и рожденных уже по отпадении в сектантство), – обвинили

за сие родителей на 8 месяцев тюремного заключения, палата утвердила приговор. При обжаловании обвиняемым приговора в сенат, последний, не отвергая в принципе обвинения, возвратил Киевской палате это дело для нового пересмотра, причем разъяснил, что для обвинения сектантов по ст. 190 недостаточно одного отрицательного факта некрещения, а нужно установить еще, что сектанты эти приводили своих детей к обрядам и таинствам другого исповедания.

В Юго-западном крае применительно к той же ст. 190 в виде опыта в некоторых местах действовало административное распоряжение, в силу коего мировые посредники возлагали на православных родственников и на почетных и должностных сельских лиц, под ближайшим наблюдением пастыря приходского, нравственное попечение об ограждении от совращения, о православном воспитании сектантами-родителями своих крещенных в Церкви детей, о посещении детьми храма Божия, школы, об исполнении обрядов и таинств Церкви. Мера эта дала благотворные в миссионерском отношении результаты.

При этом выяснилось также, что в Самарской губернии, в виде опыта, в силу ст. 190 Улож. 34 ст. уст. о пресеч. пр., дети нескольких семейств штундистов были администрацией водворены на воспитание и обучение – мальчики в мужской и девочки в женский монастыри. Опыт этот, в своем роде исключительный, и в других епархиях нигде более не имевший места, в миссионерском отношении, как выяснено было о. архим. Тихоном, не оправдал своих надежд, вызывая раздражение и наветы против Церкви со стороны родителей-сектантов и огорчение у детей, оторванных от семейств.

Выслушав изложенные сообщения, Съезд, не подвергая обсуждению последней меры, единогласно высказался, что подобная мера, как отобрание детей, хотя и предусматривается законом в известных случаях, но на практике не может считаться желательною для миссии. Наиболее соответственным задачам миссии представлялось бы вменение сектантам, под ответственностью пред законом, коим обязывает государство католиков и лютеран, при заключении смешанных браков с

православными чадами Церкви, – приводить детей к обрядам и таинствам православной Церкви и воспитывать в духе православной веры, причем мера нравственного попечения кружка православных ревнителей, родственников сектантов и пастырей о крещенных в православии детях и смешанных семьях вообще одобрена Съездом, как наиболее действительное средство к защите и охранению от соращения в секты православных чад Церкви в сфере семейной.

2) Другим преступным, но наиболее излюбленным у раскольников и сектантов способом распространения своих лжеучений и соращения юных православных чад Церкви является принятие к себе в дома, скиты (у раскольников) и корабли (у хлыстов и скопцов) детей бедных православных родителей и сирот – у вдов или у родственников, которые рады сбыть сироту с рук – на воспитание или обучение грамоте, рукоделью; а также в услужение по найму, несовершеннолетних из православных семейств. Указанные способы и приемы соращения и пропаганды особенно широко распространены в хлыстовстве. Тарусский процесс открыл, что у привлеченных к суду «матушек-корабельщиц» и «батюшек» – были своего рода монастырьки с десятками молодых несовершеннолетних и взрослых девиц, набранных из православных семейств, под видом обучения ткацкому ремеслу, – все они оказались соращенными в ересь, участвовали в радениях. Те же самые радения установлены и в хлыстовстве Самарской губернии, где у богатого купца П-ва проживали десятки девиц, в том числе немало несовершеннолетних, которые также участвовали на радениях. Установлено, что ни одна, за редким исключением, взятая в детстве хлыстами к себе на воспитание или обучение, девушка не выходит замуж, будучи пропитана бракоборными воззрениями секты, и делается ярою последовательницею хлыстовского лжеучения. Штунда также этим путем увеличивает свои ряды. Последнее обстоятельство вызвало в Юго-западном крае распоряжение главного начальника края, коим воспрещено сектантам брать к себе на воспитание или в услужение православных несовершеннолетнего возраста.

3) Из других, доложенных Съезду сообщений о способах приемах совращения в расколо-сектантство подрастающего поколения и укоренения его в лжеучениях заслуживают внимания сектантские тайные и легальные школы, приюты и богодельни.

В.М. Скворцов сообщил Съезду, что, посетив по делам службы в 1894 г. Черниговское раскольничье Стародубье, он убедился, что посадки с 10–15 тысячами жителей раскольников не имеют правительственных, правильно организованных училищ, а на место их существуют десятки тайных никем не разрешенных раскольничьих школ, в которых обучение идет самым примитивным, одуряющим способом, под руководством безграмотных фанатичных начетчиц или фанатиков невежд уставщиков. При командировке в 1895 и 1897 гг. в Закавказье, он наблюдал тоже безотрадное явление отсутствия правительственных школ в молоканских и духоборческих селениях. Духоборы совсем никаких не имеют школ, и отрицают необходимость грамотности; но молокане имеют везде незаконно-существующие школы, во главе с теми же начетчиками, то же положение дел и в Поволжском расколе. Так что по заключению докладчика все обучение и направление подрастающего поколения современного расколо-сектантства находится не под благодетельным просвещенным руководством церковной и правительственной школы, а в руках невежественных фанатиков-изуверов.

Депутат Литовской епархии, свящ. *Калинский* доложил Съезду, что испрошенное раскольниками у Министерства Просвещения дозволение старообрядческим уставщикам обучать детей своих единоверцев славянской грамоте послужило орудием к обходу закона о заведении тайных школ, ибо уставщики, под видом обучения славянской грамоте, заводят школы и учат всему и внушают детям фанатизм и ненависть к православию, что крайне тормозит успех миссии. Докладчик полагал бы необходимым, чтобы это распоряжение было отменено или же установлен более бдительный надзор за действиями уставщиков-нарушителей данного им права. Установлено также, что вместе с сектантскими школьниками

обучаются в расколо-сектантских школах нередко и православные дети.

Штундисты, хотя и любят грамоту, но в правительственные и в церковные школы детей отдают не охотно и также пытаются заводить свои школы, чтобы иметь более средства к укоренению молодого поколения в своем лжеучении.

Рижский депутат заявил о существовании специального раскольниковьего училища, разрешенного правительством, которое служить не к просвещению невежественного раскола и не к объединению раскольниковьего нового поколения с общерусскою жизнью, а к утверждению во тьме заблуждений последователей раскола, так что школа эта – вреднейший рассадник раскола и воспитательница фанатиков. Нижегородские миссионеры сообщили, что известный глава беглопоповского толка и богач, купец Н.А. Бугров, устроил и содержит на свои средства школу и общежитие в д. Поповой Семеновского уезда для воспитания детей раскольниковьего и православного исповедания в духе раскола. Школа эта prepares начетчиков на все беглопоповство. Костромской миссионер доложил Съезду, что Кинешемский купец Петр Баранов (миллионер), состоявший некогда попечителем Московского Преображенского кладбища, с разрешения гражданского начальства устраивает в г. Кинешме и его окрестностях, под видом и наименованием кладбищ, раскольнические моленные и богодельни иногда с крестом наверху, в которые сманивает безродных стариков и старух, а также и детей-сирот православной веры. Самарский миссионер заявил, что безнаказанность раскольников доходит до того, что некий раскольник-дед чрез губернатора дерзко требовал отобрания своего внука у его матери, перешедшей в православие.

4) Независимо от сего на Съезде выяснено было, что насилие раскола над членами своих общин настолько велико, и так тормозит успех миссии, что даже и сознавшие заблуждение расколо-сектантства не решаются перейти в православие из опасения материального и нравственного гнета крепко сплоченной этой среды и в виду отсутствия поддержки и материальной помощи у миссии православной Церкви, причем

бессилие миссии господствующей Церкви на столько поразительно, что и обратившиеся в лоно Церкви в большинстве случаев оказываются в крайне угнетаемом от своих бывших единоверцев положении и нередко вынуждены бывают снова возвращаться в прежнюю веру.

о. Архимандрит Тихон развернул пред Съездом поражающую картину горя, душевных и физических страданий, выносимых воссоединяющимися с Церковью современными героями и мучениками за православную веру в местах сплошного раскольничьего поселения, какими, напр., является Иргиз – место миссионерской деятельности почтенного о. Архимандрита. Для иллюстрации о. Тихон рассказал трогательную повесть о печальной участи новообращенной из раскола молодой женщины Аграфены, которую за измену расколу муж ежедневно истязал побоями, родня обвиняла в воровстве у свекрови, а сельская раскольничья власть глумилась, из тонких политических соображений, чтобы неповадно было другим переходить в Никонианство, и вот водят «Грушку-еретичку» по всему селу в волость для суда и расправы, бежит за Грушкой, как преступницей, все село и каждый вслед обливающейся слезами и кровью исповеднице православия бросает вместе с плевром и комьями грязи слово укора: «а так ей и надо, зачем пошла в антихристову веру?... Посудили-порядили в волости, посмеялись над Грушкой власти сельские, побушевала родня, поглазел народ, – отпустили Грушку, ибо не обретется ни единыя же вины в ней, кроме мнимого еретичества... Боится затравленная злобою женщина вернуться домой, чтобы мужнин дом и лихой свекрови не был ей могилою в эту темную ноченьку, – идет она к родителям, но и они раскольники: «к своим прииде, и свои ее не прияша...». – Здесь та же злоба, та же ненависть к православию, та же дикость и тьма непросветная... Все от нее в родной кровной семье сторонятся, все косятся, как на еретичку, нет ласки от матери родной, нет приветов от братьев... Прошла бессонная ночь – настал день... Вышла Аграфена в сени, чтобы здесь в тиши одной выплакать свою грусть-тоску... Обливаясь слезами, увидела одинокая страдальца у ног своих приветливо

ворковавшего петуха, «ею же и вскормленного..., «Птичка Божия, ты видно одна понимаешь страдания мои"... Схватив птицу, страдальца прижимала ее к разрывавшемуся от скорби сердцу, целовала и обливала слезами золотистые перья единственного в окружающей враждебной обстановке утешителя... Жаловаться некому, искать защиты негде, кругом – все раскольники, в селе почти ни единой души православной, городские власти далеко, пастырей нет...

Раскольники, подобно евреям, весьма часто возбуждают против возвратившихся в лоно православия ложные обвинения в видах публичного над ними посмеяния и позора. Принимаются фанатиками и другие меры, препятствующие желающим присоединяться к православию: родители не позволяют жениться совершеннолетним детям, лишают их наследства и т.п.

5) Съездом обращено было внимание на то явление, что в расколо-сектантских поселениях, которые занимают в Закавказье, напр., целые громадные пространства, тянутся на десятки верст, – все сельские должностные лица – из местной же среды – раскольники и сектанты и правительство не имеет ни одного надежного агента из православных или разноверцев, а потому, естественно, что многие явления из внутреннего быта секты остаются для Церкви, миссии и правительства сокровенными. Миссия в частности не только не может иметь в подобных трущобах содействия, но деятелям ее не гарантирована и безопасность от фанатизма изуверов. Духоборческая эпопея с ее незамеченною во время анархической пропаганды, благодаря именно отсутствию надежных агентов, приняла такие грозные размеры. Организация общинной и бытовой жизни богатого средствами, тесно сплоченного раскола и сектантства приняла у нас такую форму, что представляет собою государство в государстве, вследствие чего этот мир и оказывает свое материальное давление на все окружающее православное и единоверческое население: «не раскол и секты нуждаются в защите от воображаемого либералами угнетения, а господствующее православие», как заметил о. архим. Тихон. В посадах и селениях, с преобладающим раскольничьим населением, где везде во главе

сельского управления стоять раскольники, по сообщению Черниговских миссионеров, единовѣрцы терпят страшные утеснения от произвола и незаконных действий местных сельских должностных лиц из раскольников и сектантов. Для ограждения воссоединяющихся с Церковью необходимо живое попечение о духовном и материальном положении нововоссоединенных, не одной миссии, но всех православно-верующих людей, пастырей и пасомых, особенно же интеллигенции нашей, и широкое развитие просветительного влияния на грубую жестокою расколо-сектантскую среду. При обсуждении вопроса о способах и средствах противодействия со стороны миссии вредному влиянию расколо-сектантства на подрастающее поколение православного вероисповедания и сектантства – секретарь Съезда В.М. Скворцов внес предложение, которое и было принято Съездом о пользе учреждения, хотя бы по одному в каждой епархии, при мужских и женских монастырях, особых миссионерских приютов со школами для призрения и обучения детей-сирот православного исповедания, находящихся на воспитании или услужении у сектантов, а равно нуждающихся в приюте детей раскольничьих и сектантских, кои по закону подлежат воспитанию православных родственников напр., при высылке родителей сектантов или за смертью последних или в виду признанной по суду и врачами невменяемости кого-либо из сектантов (из киевских малеванцев *параноиками* признано до 10 душ и все они были долгое время на излечении, дети оставались без призора, одна женщина в состоянии экстаза убила 6-ти летнее дитя свое); православные родственники отпавших, будучи сами крайне бедными, передают, обыкновенно, свои права и обязанности по воспитанию детей сектантов в указанных случаях зажиточным сектантам. Вместе с тем признано необходимым заведение церковных и министерских школ в расколо-сектантских населенных на место ныне печально и к государственному, и церковному вреду существующих расколо-сектантских школ, которые по закону должны быть закрыты.

Профессор Н.И. Ивановский, выясняя чрезвычайно печальное положение обращающихся из раскола и сект в

православие, которые, будучи оторваны от родной среды, остаются без всяких средств к жизни, указал на необходимость образования в каждой епархии особого миссионерского фонда для воспособления, в случае нужды, лицам, переходящим в православие.

Преподаватель Витебской семинарии г. Тычинин находит также необходимым учреждать приюты и попечительства при единоверческих церквях, так как между единоверцами нередко бывают бездомные старики и старухи, которых берут для призрения зажиточные фанатики-раскольники, с целью совращения их.

6) Вслед за сим в том же заседании (6-м) Съезд выслушал целый ряд заявлений миссионеров о безнаказанности публичного оказательства со стороны раскольников и сектантов. Сообщениями членов Съезда было установлено, что преступления расколо-сектантства по нарушению закона об оказательстве выражаются в следующих видах и формах: а) повсеместно члены раскольничьей лжеиерархии австрийской, вопреки существующему закону, распоряжениям правительства, носят длинные волосы и одежду, присвоенную православному духовенству; б) попы и сектантские уставщики совершают по обрядам своим богослужения в домах частных и моленных при открытых окнах, оглашая, к соблазну православных, своим пением и чтением улицы и площади близ лежащие; в) публично переносятся тела умерших раскольников из одного села в другое; г) торжественно освящаются молитвенные дома с крестными ходами; д) предносятся пред умершими иконы, кресты и церковные фонари; е) раскольничьи архиереи и попы присвояют себе в официальной переписке титулы православных епископов и священников; ж) совершаются крестные ходы напр., в Астрахани, во время приезда раскольничьих архиереев; такие ходы совершаются с особою торжественностью почти чрез весь город (из молитвенного дома в богодельню); з) выдаются (метрические выписи за подписью и печатью раскольнических попов; и) Уклонение от верноподданнической присяги, как это было во многих епархиях (напр., в Черниговской) допущено сектантами новейших толков, при вступлении на престол ныне

царствующего Императора Николая II; к) публичное приведение последователей раскола в судах и в общественных учреждениях (думах) к присяге раскольничьими лжепопами наравне с православными и инославными священнослужителями; л) Независимо от сего, миссионерами разных епархий обращено было внимание на обход раскольниками действующих законов о моленных, так: испрашивая разрешения у правительства на устройство домашних моленных, они делают их общественными, выстраивая громадные здания; м) Миссионер Холмско-Варшавской епархии заявил, что по закону раскольникам воспрещена покупка земель в при-Вислянском крае. Между тем администрация допускает на торги и к покупке земель раскольников, прикрывающихся именем старообрядцев, которых смешивают здесь с единоверцами; н) Миссионеры Черниговской епархии возбудили вопрос о том, что посадские старосты на паспортах единоверцев обозначают «единоверческого исповедания», вопреки закону и в насмешку над единоверцами, составляющими, якобы, особую Церковь.

В разъяснение последнего вопроса, профессор Н.И. Ивановский сказал, что понятия о расколе и единоверии должны быть строго разграничены и необходимо возбудить административным путем вопрос о том, чтобы на паспортах единоверцев отмечалось, что они православного исповедания, ибо закон не знает «единоверия». Независимо от сего, миссионерами был возбужден вопрос о необходимости для пресечения свободы пропаганды сектантам и раскольникам отмечать в паспортах, к какой секте или толку принадлежит отпавший.

Выразив прискорбие, что местные светские власти допускают раскольникам обход существующих о пресечении оказательства узаконений, Съезд полагал, что: а) приводить к присяге раскольников и сектантов должны не наставники и попы их, не признаваемые законом, а должностные лица. Вместе с тем Съезд находит необходимым; б) чтобы преподано было в порядке административном или законодательном более точное определение понятия раскольничьих «домовых моленных». Под указанными в законе моленными домашними, по мнению

Съезда, нужно разуместь при жилом доме отдельную, для молитвы и богослужения комнату, предназначенную исключительно для известной семьи, не отдельные громадные корпуса – дома, при которых есть лишь небольшие пристройки для сторожа, а прочее все составляет настоящую общественную моленную.

В заключение шестого заседания своего Съезд обсуждал вопрос о свободных разъездах раскольнических попов и начетчиков, а также и сектантских вожаков, с целью пропаганды своего лжеучения, составления съездов, конференций.

В видах пресечения способов расколо-вождям к распространению таким путем лжеучений, Съезд признавал полезным для интересов миссии, чтобы независимо от общих мер наблюдения за действиями раскольничьх и сектантских верховодов, правительство приняло меры к ограничению подобных разъездов применительно в тому, как напр., ограничены отлучки от мест жительства или службы лица католического духовенства.

7) При обсуждении внешне-административных мероприятий по пресечению развития расколо-сектантства, Съезд подверг (в 4 заседании) обсуждению вопрос об исчислении раскольников и сектантов, причем выяснилось, что, по существующим в настоящее время записям, как в церковных книгах, так и в полицейских, нельзя определить действительного числа раскольников: в этих записях количество раскольников показывается слишком незначительное, сравнительно с действительностью. Так, по заявлению Томского миссионера в одном приходе Томской епархии по записям значилось только 11 раскольников, тогда как в действительности в данном приходе их не менее 3-х тысяч человек. Раскольники Спасова согласия, не записанные в раскол по X ревизии (в 1857 г.), обыкновенно числятся православными. Синодальный миссионер, протоиерей Крючков сообщил при этом, что в одном приходе Пензенской епархии обратилось в православие 800 человек; но так как эти раскольники не были формально отписаны в раскол и значились в донесениях священника православными, то встретилось затруднение в образовании из них единоверческого прихода.

Причины столь невероятных показаний очень разнообразны. С одной стороны, закон строго оберегает отписки в раскол совратившихся; с другой, и местные священники в своих воображаемых интересах не всегда обнаруживают совратившихся из православия. Полицейские же управления, которые не отвечают за верность статистики, наоборот, иногда показывают раскольниками принадлежащих к православию, по голословным записям и показаниям раскольнических попечителей. Все это, перепутывая правильность исчисления, ведет к произволу и затруднениям при отбытии воинской повинности и в делах судебных.

Депутат Литовской епархии заявил, что в северо-западном крае раскольники живут отдельными большими поселками, причем в полицейские книги записаны только имеющие во владении земельные участки и их дети; остальное же население живет по паспортам и считается пришлым. Дети этих пришлых раскольников в местные полицейские книги и вообще нигде не записываются. Такая постановка дела регистрами раскольничьего населения дает возможность раскольникам уклоняться от исполнения воинской повинности, так, что нередко бывает, что из 10 подлежащих призыву раскольников воинскую повинность отбывает только один человек.

При обсуждении сего вопроса были прочитаны указ Св. Синода 1892 г. № 9, коим приходское духовенство обязывалось сообщить консисториям верные сведения о количестве в приходах отпадших в секты и раскол, причем Св. Синод объявил, что обнаружено числа никому не будет вменено в вину. Распоряжение это, однако, не везде достигло цели; только благодаря деятельному вмешательству братств и усердию местных миссионеров в некоторых епархиях, устанавливается ныне приблизительно верная численность раскольников, и вместо прежних сотен – явились в списках тысячи; так, в Самарской губернии 5–6 лет назад числилось несколько сот хлыстов, по последним же сведениям их ныне в наличии состоит 5 тысяч; в Томской вместо числившихся ранее 13 тысяч раскольников, ныне исчислено братством 90 тысяч. Но эти цифры официально не признаны.

Признавая безусловно важным и необходимым в миссионерском и государственном отношении установление правильного и точного исчисления количества последователей расколо-сектантства, а также верное определение характера толков и сект, члены Съезда полагали, что дело это может быть выполнено не единоличным трудом миссионеров и не по частной инициативе братств, а путем церковно-правительственного учреждения для сего со стороны епархиальных начальств по уездам особых духовных комиссий, при участии гражданских властей, под председательством местного протоиерея, и при обязательном сотрудничестве миссионера, как специалиста. Депутатом Подольской епархии, преподавателем семинарии Киржацким, обращено было внимание Съезда на существование раскольничьих и сектантских поселков, ни к какому приходу не приписанных и потому остающихся без всякого пастырского наблюдения и духовного воздействия.

Установив, что существующий порядок счисления и записей раскольников и сектантов ведет к полному несоответствию с действительностью числа их, а это в свою очередь ведет к произволу и порождает многие затруднения, Съезд постановил ходатайствовать пред Св. Синодом, чтобы было сделано по епархиям распоряжение об обязательном заведении особых посемейных церковных записей раскольников и сектантов, которые бы, как акты, хранились – подлинники при церквях, а копии – в архивах консисторий, причем возложить на приходских священников обязанность ежегодно производить проверку таких записей и отмечать происшедшие перемены в сектантских и раскольничьих семьях; не причисленные никуда раскольничьи поселки приписать к православным приходам.

При обсуждении Съездом вопроса о злоупотреблениях, допускаемых в расколе и сектах при заключении браков относительно неисполнения требований закона о совершеннолети, кровном родстве, а также непрочности брачных союзов, против-сектантскими миссионерами возбужден был вопрос простирается ли действие закона 1874 года о записи раскольнических браков в особые метрические полицейские книги и на новейших сектантов.

Из сообщений миссионеров выяснилось, что в отношении новейших сектантов подобная запись не регламентирована правительственными распоряжениями и местные власти поступают не одинаково. По отзыву Екатеринославского миссионера г. Дородницына, штундисты записывают свои браки в посемейных списках при волостных правлениях. Делопроизводитель Съезда В.М. Скворцов сообщил, что в юго-западном крае штундисты своих браков нигде в правительственных актах не записывают. По сведениям Ставропольского миссионера о. Никольского, баптисты, как и штундисты, лишь изредка записывают свои браки в посемейных списках, чаще же не делают никаких записей; в Херсонской же губернии штундистские браки вносятся в книги, ведущиеся у самих наставников секты, и частью в посемейные списки. Вследствие отсутствия правительственных актов сектанты нередко оставляют своих жен и детей и, присоединяясь к православной Церкви, вступают в новые законные браки. При этом некоторыми членами возбужден был вопрос о том, следует ли признавать законными детей раскольников и сектантов по присоединении родителей их к православной Церкви.

По первому вопросу Съезд постановил просить разъяснения Св. Синода, а что касается последнего вопроса, то он разрешен давно в утвердительном смысле, на основании бывших по сему правительственных распоряжений.

В одном из своих заседаний (13-м) Съезд имел суждение по вопросу об отношении православного населения к сектантству, причем выяснилось, что появление сектантства с его злохулениями на Церковь православное население встречает с живою скорбью и проникается на первых порах необычайною ревностью к охранению себя и детей от совращения, вследствие чего нередко случаи составления приговоров, со стороны сельских обществ, о выселения совратителей, как порочных членов общества. Такое воздействие на пресечение сектантства со стороны самого общества оказывает благотворное, отрезвляющее влияние на сектантскую массу. Но приговоры эти и ходатайства обществ, обыкновенно, у земских начальников и мировых посредников остаются без движения, причем

обществам дается знать, что отпадение от Церкви и принадлежность к сектантству не составляет порочащих обстоятельств, в силу коих общество имело бы право на выселение своего однообщественника, а распространение сектантства преследуется-де в судебном порядке. В таком виде мотивируемые отказы сопровождаются крайне вредными для миссии и вообще нежелательными последствиями. Народная масса исторически свыклась с таким взглядом на вещи и явления в жизни своей: «что царское правительство не карает, то, значит, позволительно, а дозволит начальство может только полезное и доброе, следовательно, – внушают народу сектанты, – наша вера истинная, само начальство не видит в ней порока, ... а это только попы да миссионеры из-за своей выгоды порицают штунду». Пропаганда тогда усиливается, штунда воинствует, озадаченное православное население скоро свыкается с этим взглядом, вслушивается в учение, и отпадения растут. Более консервативные из православных прибегают к народному самосуду над сектантами, что окружает потерпевших ореолом мученичества, а православных нередко подвергают осуждениям и тяжкому наказанию за истязания. Все это содействует торжеству пропаганды лжеучений, деморализует народ и крайне тормозит успехи миссии. В виду изложенного, Съезд в своем заключении постановил, что существующая практика отклонения приговоров сельских обществ о выселении из своей среды распространителей лжеучений наиболее вредных сект и вытекающее отсюда ограничение принадлежащего обществам дискреционного права в пользу сектантства отзывается весьма неблагоприятно на борьбе с сектантством и потому в интересах миссии не желательна.

Священник г. Москвы, о. Христофор Максимов представил в Съезд доклад с документальными справками о несомненно вредной деятельности по распространению сектантских лжеучений книгонош библейских обществ не только Британского, но и русского общества распространения Свящ. Писания. Сведения эти представлены Съездом на усмотрение Св. Синода.

В вечерних заседаниях, вне программы, Съезд допустил: г. Диаконова к чтению интересного доклада о «языческих верованиях вотяков»; свящ. Немечика (чех), миссионера Волынской епархии, – о способах и приемах миссионерского действия против папистов-католиков. Оба доклада выслушаны были не только с живым вниманием, но и несомненною пользою.

В своем докладе⁸⁶ г. Диаконов с убедительностью доказывает, что в известном мультанском деле имело место религиозное преступление вотяков. А также были прочитаны поступившие в Съезд заявления от раскольников, штундистов и толстовцев, проникнутые духом воинствующей против Церкви ненависти и дерзновенных упований на будущность.

Об условиях вчинания судебных дел по преступлениям отпавших против веры и Церкви и об экспертизе

В последнем своем заседании Съезд заслушал доклад профессора Ивановского *об условиях вчинания судебных сектантских процессов и о значении судебной экспертизы.* Сущность доклада профессора сводилась к следующим положениям. В виду того обстоятельства, что многие начинаемые судебные процессы или прекращаются по отсутствию состава преступления, или оканчиваются оправдательными вердиктами, или, наконец, кассируются Правительствующим сенатом, а также принимая во внимание, что такое окончание судебных процессов сопровождается последствиями очень вредными, оживляя сектантскую пропаганду – следует возбуждать судебные процессы с бõльшей осмотрительностью. А именно: во-1-х, по получении донесения от благочинных о противозаконном деянии раскольников и сектантов, прежде чем просить прокуроров окружных судов о возбуждении преследования, необходимо производить предварительное дознание чрез лиц духовных о противозаконном деянии, установив самый факт преступления чрез спрос свидетелей, которые могли бы подтвердить совершение противозаконных деяний и при производстве формального следствия. Во-2-х, по получении дознания, важно и необходимо установить статью закона, которою преступление предусмотрено. Для этого необходимо знать не только текст закона, но и кассационные решения пр. Сената. В виду сего представляется полезным и желательным, чтобы в духовных консисториях имелась книга сенатора Таганцева «Уложения о нак. С кассационными решениями Прав. Сената». Кроме того, так, как и в означенной книге напечатаны не все кассационные решения и не полностью, а также и со стороны Св. Синода со времени издания существующего законодательства 1883 года были распоряжения по духовному ведомству, то необходимым представляется сборник таких распоряжений и решений. В-3-х, в

самом тексте закона в ст. 196 п. 3-й о распространении ложных учений употребленное выражение «публично» очень растяжимо и дает простор к разным толкованиям и пререканиям даже в среде самих юристов и членов прокурорского надзора; посему лучше было бы это слово при новом издании совсем исключить, или заменить выражением «при свидетелях». В-4-х, значение эксперта во всех делах о сектантах очень большое. Во время предварительных следствий чего не может сделать следователь, то может сделать эксперт, направив следствие на настоящий путь. В залах судебных заседаний он также имеет право предлагать, чрез председательствующего, вопросы. Такая свобода эксперта возлагает на него и обязанности внимательно следить за ходом судебных дел. При этом задача экспертизы не в том, чтобы ответить на вопросы следователя из книги, в чем заключается характер той или другой секты, а в том, чтобы осветить места тайные и не вразумительные для неспециалистов, значит дать и менее того, что в книгах писано, и более того, что следователь спрашивает. Одно при этом могу сказать, заметил профессор, – что в экспертизах совершенно неуместны разные ученые мнения, а уместно только то, что бесспорно принято, как существующее и неизбежное. Последнее мое заключение имеет место особенно в тех случаях, когда дело идет о применении статьи 203 ул. По недостатку времени я должен ограничиться, заключил докладчик, краткими указаниями, недостаточно освещенными. Более обстоятельное разъяснение в непродолжительном времени будет представлено в литературной статье. Выслушав со вниманием доклад профессора Ивановского, Съезд постановил: 1) просить Св. Синод рекомендовать прежде вчинания судебных дел о сектантах, производить тщательные дознания чрез духовных лиц; 2) предписать консисториям иметь книгу сенатора Таганцева; 3) почтительнейше ходатайствовать об издании в одной книге распоряжений Синода о сектантах, присоединив, если можно, кассационные решения сената; 4) просить г. Обер-Прокурора Синода снестись с кем следует о том, чтобы при новом издании уложен. о нак., если не совершенно исключить в 196 ст. п. 3 выражение «публично», то заменить его выражением

«при свидетелях». 5) В виду того, что вследствие апелляционных жалоб, в судебных палатах разбирательство дел происходит без экспертов, просить г. Ober-Прокурора Синода ходатайствовать пред г. Министром юстиции, сделать распоряжение, чтобы в судебных палатах при рассмотрении апелляционных жалоб были приглашаемы эксперты, каковые в больших городах всегда имеются на лицо; 6) сообщение о характере самых экспертиз рекомендовать от имени Съезда к сведению и руководству.

Об усилении общецерковного моления и о составлении особых прошений и молитвы о вразумлении отпадших и заблуждающихся

Глубоко сознавая, что все меры духовного и гражданского воздействия на совесть и души отпадших условны в своем влиянии и малодейственны без помощи Божией, что вера, спасающая, дается человеку не от слышания, а от Бога, милующего и призывающего, – миссионеры признали благоплодным для миссионерства усиление общецерковного моления при введении особых прошений и молитв о вразумлении заблудших. Разработка этого вопроса поручена была нескольким членам. Результаты занятий их Съезд представил на благовоззрение Св. Синода.

О будущем четвертом всероссийском Миссионерском Съезде

При закрытии занятий Съезда выражено было единодушное желание всех членов Съезда, чтобы следующий Всероссийский миссионерский Съезд был назначен Св. Синодом, где будет признано возможным, не позже как через 2 года, с одной стороны в виду того благотворного, одушевляющего и назидającego влияния, каковое нынешний Съезд оказал на всех его членов, а с другой стороны и по тому, что за недостатком времени, широтою программы, многие из вопросов обсуждены были наскоро, большинство ценных рефератов заслушано лишь только в комиссиях и не доложены всему Съезду, а целый ряд представленных председателю Съезда недоуменных вопросов оставлен без разрешения, по той же причине.

При этом Съезд постановил ходатайствовать, чтобы Св. Синод заранее, до открытой будущего миссионерского Съезда, учредил особую комиссию по разработке программы занятий оного и по приему и рассмотрению письменных рефератов и докладов. Относительно же места будущего Съезда некоторыми членами наиболее соответственным признавался Петербург, как центр церковной и государственной жизни.

ХІ. Боголюбов Д. Как возражают сектанты и что отвечают православные миссионеры. Недоуменный листок. (Из записок миссионера) // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 892–903

I.

Беседа близилась к концу. Возражения баптистов был исчерпаны и обстоятельно уяснены. Мне оставалось дать общее назидание слушателям. Я закрыл Библию и приготовился говорить... Вдруг в толпе зашевелились. Раздвигая народ, с великим трудом, пробился к столу баптист Архипыч. Он был весь красный и мокрый. Очевидно, он куда-то бегал и не успел еще путем перевести дух.

– Вы уж заканчиваете? звонким голосом спросил он меня.

– Да. Я хочу сказать братии назидание по поводу бывшей беседы.

– Нет, погодите... Пожалуйста, погодите!

И Архипыч проворно стал шарить по карманам своего засаленного «пинжака». Он что-то искал. Его красивое лицо выражало досаду и нетерпение. Должно быть, он принес с собой какую-нибудь «диговинку». Только второпях забыл, куда положил ее. Экий грех!...

Наконец, после значительной возни, искомая вещь была найдена. Её вытащил Архипыч из бокового кармана. Она оказалась довольно помятой и запачканной бумагой. Я думал, что он сейчас же и вручит мне ее. Но не тут-то было... Архипыч знал цену своей бумаге. Он то бережно разворачивал её, то опять складывал в небольшой квадратик. При этом глаза его нервно бегали по толпе слушателей...

II.

Мужики и затаили дыхание. На лицах их выразилось детское недоумение. Какую еще «штуку» задумал «отлить» Архипыч?...

Положим, горазд на выдумки. Не даром он видал виды. Живал он в Рязанской губернии. Там нередко происходили у него схватки с раскольниками. В этих схватках Архипыч «набил язык». Он привык ловко нападать на противника и приобрел

достаточный запас острых слов. По мере надобности, этим он забрасывал своих простоватых собеседников и приводил их в большое смущение...

Побывать потом Архипыч в Черноморьи. Там он познакомился с выдающимися вожаками баптизма. От них он усвоить приемы сектантского толкования Библии; от них же научился бранить и осуждать Православную Церковь.

Возвратившись домой, Архипыч сразу попал в число «никудашных». В храм он не ходит, но не пристаёт открыто и к баптистам. По-видимому, он находился еще в последнем периоде нерешительности и колебания. В толпе мужиков он попеременно заявлял себя то баптистом, то православным. Все ждали, чем кончит свои колебания этот «никудашный» человек? – И Архипыч закончил их явным переходом в баптизм.

Случилось это как-то по осени – и, правду сказать, при довольно странных обстоятельствах. Была раз в деревне, где живет Архипыч, миссионерская беседа. После нее, по обычаю, стали раздавать «листки» народу. Раздачей заведовал священник.

В числе других за листком подошел и Архипыч. Увидав его, батюшка сказал шутливо:

– Что и тебе понадобился листок? На-на, дружище, хотя ты ни Богу свечка, ни...

Не знаю, хватило ли бы смелости у священника досказать жестокое слово; но Архипыч, по счастью, горячо перебил его:

– А... ты этак меня считаешь? а еще пастырем прозываешься? ... Ну, да мне все равно: с нынешнего дня я не твой. Отпиши меня в баптисты. Будет душой кривить!...

И Архипыч сдержал свое слово. Казалось, он рад был, что нашел внешний повод для выхода из своего двусмысленного и тяжелого положения. За неосторожный, необдуманный, непастырский и соблазнительный поступок батюшки он ухватился, как за достаточную причину для отречения своего от Православной Церкви. И погиб этот горячий, увлекающийся человек совсем напрасной смертью: – «горе міру от соблазнов»!...

С тех пор он яростно нападает на свою старую веру. В ней ему более ничего не нравится. Православных он приравнивает к язычникам, а о священниках наших без злобы и говорить не может: и «наемники» – то они у нас, и ставятся-то «на мзде», и «жалости в них нет». И чего не наскажет Архипыч в пылу своего негодования!...

Крепко огорчаются за это на него старики; но поделаться с ним ничего не могут.

– Нешто с ним, с аспидом, сговоришь? Останавливают они друг друга во время споров. Вишь, у него язык-то: чистая бритва!...

Особенно поражает Архипыч своей лукавой изобретательностью. Он умеет отыскать против учения нашей Церкви такие «подвохи», о которых никто в деревне и не слыхивал. То он выкопает какой-нибудь замысловатый, неупотребительный текст из Писания – и им смутит малограмотных своих собеседников; то расскажет о крайне соблазнительном случае из жизни духовенства, – и этим загрязнит сразу нравственный авторитет наших пастырей. Поэтому мужики привыкли слышать от Архипыча самые «диговинные» речи. – Так отнеслись они в нему и теперь, заведя в его руках таинственный листок.

III.

Архипыч оправдал общие ожидания. Успокоившись от быстрой ходьбы, собравшись с духом, он уверенно и задорно спросил меня:

– Что, по вашему учению, без покаяния можно спастись?

В избе стало еще тише. Никто не понимал, куда клонится дело. В глазах Архипыча светилась нескрываемая радость. Он вполне надеялся, что застиг меня врасплох. Радость сменялась у него на лице любопытством: как, в самом деле, выпутаюсь я из расставленных мне сетей? ...

Но в вопросе Архипыча было больше лукавства, чем действительного оружия против нас. Он лишь вследствие своей полемической малоопытности упустил из виду. Потому мне не стоило серьезного труда отрезвить его от самообольщения. И я сказал ему:

– Так нельзя, друг, спрашивать. Ты должен точнее указать, о каком покаянии ты говоришь?

– Вот еще новость! ответил с прежней развязностью, но уже несколько дрогнувшим от неожиданности голосом Архипыч. Да разве вы не знаете, какое бывает *истинное-то* покаяние?

– Ну, когда не знаю!... Мне хочется хорошенько убедиться, ты-то как о нем понимаешь?

– Мы понимаем этот предмет так, как учит Слово Божие. Согрешал ежели ты перед Господом, – открой Ему, Милосердному, грех свой; плач о нем, проси прощения, дай обет вперед не грешить... И Бог помилует тебя, как помиловал Он блудницу, мытаря и разбойника... Верно я сказал?

– Да. Природу покаянного чувства *или* душевное настроение кающегося грешника ты описал правильно.

– А без такого покаяния, – беспощадно продолжал опрашивать меня Архипыч, – по-вашему, можно спастись?

– И по нашему церковному учению, без сердечного сокрушения о грехах (Иоил.2:12,13; Пс.50:19; Лк.18:13), без смиренной печали и плача о них перед Господом (Пс.37:18,19; 2Кор.7:9; Иак.4:9; Ср. Иез.6:9), без обещания проводить жизнь святую и непорочную (Иер.18:11; Иез.14:6; Лк.4:8–14; Деян.3:19; Тит.2:11,12) – *не спасешься* (Прит.28:13; Лк.13:1–5; Мф.4:17; Деян.17:30; 2:37,38; Откр.2:5,16 и др.).

– Правда?

– Да, правда...

– Вот за это спаси вас Христос! радостно подхватил мою речь Архипыч. Только зачем же ваши монахи пишут, что можно и без покаяния спастись, ежели станешь молиться святым? Ведь этим они в соблазн темных мужиков вводят и губят их души!...

Последние слова, сказанные горячо и с убеждением, произвели в избе неприятное движение. Я скорее спросил:

– Где же написано, что без покаяния, как *сердечного сокрушения о грехах*, можно спастись?

– Да вот в этом самом листке. На-козь прочитай!...

И Архипыч еще больше засиял от удовольствия. Он рад был, что я не ушел от его вопроса. По-видимому, он этого боялся, судя о своих собеседниках по собственным привычкам.

Торжествующе и многозначительно смотрел он в сторону баптистов. Те тоже не дремали и выкрикивали на народ:

– Вонь ведь что пишут!

– Глядите, какими баснями вас поучают!...

– О, Господи!...

Я с любопытством и некоторым волнением взял из рук Архипыча недоуменный листок. Мужики кучей потянулись разглядывать его. Быстро и сначала про себя прочел я заглавие: *«Сказание, каким святым каковыя благодати в исцелении от Бога даны, и когда память их»*. Потом, сейчас же, посмотрел подпись издателя. Оказалось, Листок печатан был в Одессе, в типо-хромолитографии Фесенко. Цензуровал его Киевский протоиерей П. Значит, Архипыч солгал: монахи не принимали в издании добытого им Листка *никакого* участия. Это я и поставил ему на вид прежде всего. Архипыч не смутился:

– Ну монахи, аль не монахи издали ваш Листок – мне все равно. Важно, что он наполнен обманом...

– Посмотрим, какой ты нашел тут обман. А пока ответь на мой вопрос: где в Листке сказано, что без сокрушения о грехах можно спастись?

– Читайте вот написанное под 19 июня, и вы сами увидите...

– Я внятно и отдельно прочел: *«о избавлении от мук умерших без покаяния (молитися) Преп. Паисию Великому»*...

– И это не обман, по-вашему? перебив меня, зашумел Архипыч, обращаясь к народу. Разве умершие без покаяния могут избавиться от мук? На что это похоже?...

– Твои слова и твой крик, действительно, друг, ни на что не походят... Надобно вдумываться в суть дела и помнить завет Иисуса Сына Сирахова: «не прослыви наушником и не коварствуй языком твоим» (5:16). Тогда ты не оболгал бы наших монахов и побоялся бы клеветать на все Православное учение... В листке совсем не сказано, что без сокрушения о грехах люди могут избавиться от мук: такая проповедь была бы уничтожением Евангелия (Мф.5:4; Лк.13:5; 15:10–32; 16:25 и др.). И не об этом покаянии вовсе там речь.

– А о каком же? Это любопытно. У вас, стало быть, несколько покаяний?...

– Да. На основании Слова Божия, форм или способов для обнаружения покаянного чувства мы допускаем несколько. И прежде всего: каждый христианин должен *непрестанно* оплакивать общую *греховность* своей жизни, как св. Царь Давид (Пс.37:1–11; 105:6–48), Пр. Иеремия (Иер.3:25; 8:14; 14:7–9; Пл. Иер.), Пр. Даниил (9:3–20) или священник Ездра (1Ездр.9 гл.; 10:1–2). – Затем. Все мы обязаны исповедовать Богу *частные* свои грехи, – как то делали древние Праведники: Моисей, Аарон, (Чис.12:11), Давид, Езекия, Ап. Петр (Мф.26:75). Причем эта исповедь выражается нами или в обычной молитве, какою, к примеру, молились Неемия за народ свой (Неем.1:4–11) и мытарь в храме (Лк.18:13); или – нарочито, в *особом таинстве*, пред лицом Богом поставленных пастырей. Так именно – а не в одной молитве лишь – Сам Господь приказал каяться и очищаться от грехов израильтянам (Лев.5:13; 6:6–7; Чис.5:6–8; 1Цар.2:25 и др.). Так каялись: Аарон – в присутствии Моисея, великого посланника Божия (Чис.12:11); Саул – пред лицом Самуила (1Цар.15:24); Давид царь, после обличения его за прелюбодеяние пр. Нафаном (2Цар.12:13; Ср. 24:10); возвращенные из плена евреи пред священником Ездрой (1Езд.9:1–15; 10:1–2). Позже, те же евреи «выходили» к Иоанну Крестителю на Иордан, «исповедуя грехи свои» (Мф.3:5–6). Эта *открытая* исповедь, со времени получения Апостолами права «вязать и решить» (Ин.20:22; Мф.18:18), окончательно и установилась в Христовой Церкви (Ср. Деян.19:18). Нерушимо соблюдается она и ныне нами – православными, как надежнейшее средство, чрез которое божественная благодать очищает наши немощные души от всяких греховных пятен.

Итого, стало быть, в согласии с Словом Божиим мы принимаем три главных вида покаяния. В основе всех этих видов лежит «сердце смиренное и сокрушенное» (Пс.50:19). Без него нет покаяния и спасения от мук (2Пет.3:9); но и без разрешения кающегося грешника Богом поставленным пастырем трудно быть уверенным в том, что Господь действительно простил мне грех мой (Прит.20:9). Поэтому Св. Церковь, заботясь о нашем спасении, требует, чтобы мы неукоснительно совершали над собой таинство покаяния, – и особенно перед

смертью. Кто лишается этого таинства по какой-либо винословной причине, и так отходит к Господу, – о том мы во всяком случае скорбим и усердно молимся. Впрочем, погибшим такого брата не считаем (Мф.18:14): мы веруем, что Милосердный Бог, установивший *видимое* таинство для разрешения от грехов (Ин.20:22), по молитвам Церкви земной и небесной (Ин.15:16, 17; Иак.5:16; ср. Евр.12:22–24; Откр.5:8), может спасти умерших и без покаяния перед священником – как спас Он, вопреки своей заповеди (Ин.3:5; Мк.16:16), разбойника благоразумного на кресте без водного крещения, и как еще раньше прощал грехи плененным евреям *без жертвы и священства* (Дан.3:18–45; 3Цар.8:46–51; ср. Ис.43:25; Ос.3:4–5 и др.), хотя Сам же строго определил то и другое для духовного очищения своего народа. – Если же так было в древнее время, ужели ныне Бог к нам не ближе (Иер.31:31–34; Иез.36:25–30; Ин.16:23; 17:20–23; 1Кор.6:15–20 и др.)?...

Эту веру в *особенную близость* к нам Бога, в Его милосердие, и исповедует разбираемый нами Листок, когда говорит об избавлении от мук умерших без покаяния, по молитвам пр. Паисия Великого. – Под умершими здесь, т.о., нельзя предполагать *упорных, нераскаянных грешников*, всю земную жизнь свою проводивших в безумных удовольствиях, как Евангельский богач (Лк.16:19–26). О *таких* людях Писание запрещает молиться, и они явно не спасутся (1Ин.5:16; Мф.12:31; Лк.12:10; Чис.15:30; Иер.7:16). Под умершими без покаяния Листок понимает смиренных и верующих христиан, усopших «в Господе», только не сподобившихся, нужды ради, *видимого* разрешения грехов своих Богом через священника. Но если именно это проповедуется в Листке, – что же тут обманчивого, ложного? Чем попирается в таком случае Евангельская истина?...

– Кабы так-то вы верили, сказал сверх ожидания тихо вдумчиво Архипыч, это бы ладно. Я бы, пожалуй, и спрашивать не стал. А то в Листе-то больно уж соблазнительно написано... Вон там опять чего наговорено про зубную боль: «ежели, говорит, у тебя заболели зубы – молись священномученику Антипе, и выздоровеешь. Ежели на ребенке родимец – это может

залечить мученик Никита. От трясовичной болезни пользует православных Мирон угодник... Откуда вы это взяли поделить между своими святыми целебную силу? Это ваша выдумка. В Писании нет на то основания.

IV.

Мужики теперь уже не волновались, заслышав новое возражение Архипыча. Доверчиво и с веселыми лицами ждали они от меня необходимых разъяснений. И я, немного отдохнув, охотно продолжал свою речь:

– Напрасно ты думаешь, Архипыч, будто мы без Божественного основания присвоили своим святым разные целебные силы. Этими силами не мы их наделили, а Господь, по своему неложному обетованию: «у веровавших – сказал Он – будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками, будут брать змей; и, если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк.16:17, 18; ср. Мф.10:1). И заметьте, братцы, что Христос обещает чудодейственные силы не Апостолам только, а всем «уверовавшим» в Него (ср. Ин.14:12), – и не в одно какое-либо время, а во все дни проповедания на земле Евангелия, т.е. до скончания мира (Мк.16:15, 16; ср. Мф.24:14). При этом Господь не положил определенного предела для чудотворений своих учеников. Он сказал: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и *ничего не будет невозможного для вас*» (Мф.17:20; Мк.9:23; Лк.17:6). Что же после того удивляться, если святые угодники наши, как истинные «друзья Божии» (Ин.15:14). За свою подвижническую жизнь получили от Христа «власть» исцелять одержимых глазной и зубной болезнью лихорадкой, «винным запойством» (Муч. Вонифатий, 19 дек.), обузданной блудной страстью (Пр. Мартиниан, 13 февр.) и другими недугами? Это было исполнением воли Божией (ср. Иоил.2:28–32) и знамением милости Христовой к нашей Церкви (Ис.35). Сектанты, восстающие за великих православных чудотворцев, тем самым избличают свою принадлежность в доньне «неплодящей Церкви». Потому мы смело можем сказать им то, что говорит св.

царь Давид язычникам: «что вы *завистливо* смотрите, горы высокие, на гору, на которой Бог благоволит обитать и будет Господь обитать вечно? Колесниц Божиих тьмы, тысячи тысяч...» (Пс.67:17, 18). Этими колесницами Он и окружает Свою Святую «Гору Васанскую» – Церковь православную (ср. 4Цар.6:17) и делает ее могущественною и полною благодатных сил.

Если же Господь наделяет верных рабов своих каждого особым дарованием, – то это понятно и выяснено в Слове Божиим. В Послании к Коринфянам Ап. Павел пишет: «дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и Тот же; и действия различны, а Бог один и Тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1Кор.12:4–10; 27–30). Отсюда мы видим, что Церковь Христова, состоящая из многих членов (ст. 12–14, 20) назначенных к неодинаковому деланию (ст. 14–28), должна обладать и многообразными дарами Духа Св. Эти святые дары распределяются между верующими, смотря по их достоинству (Еккл.2:26; 1Кор.7:7; Лк.19:13–26; особ. Мф.25:15) и нуждам (1Кор.12:7; 14:12, 14, 19 и др.). Такой порядок всегда хранил Господь и в Церкви православной, как о том повествует нам Листок. Слава же и благодарение Богу, дивному во святых своих (2Сол.1:10)!...

– Но этими святыми вы окончательно затмили от людей Христа! – опять возбужденным голосом заговорил Архипыч. Простой народ только и умеет молиться Божьей Матери, Николе да Флору с Лавром. О Христе он и не думает... Да и вы то плохо помните Его. Посмотрите, во всем Листке, какой у вас в руках, ни разу не помянуто имя Иисусово. Нешто это Евангельская проповедь?...

– Тяжкие обвинения взводишь ты на нас, Архипыч! но мы их не заслужили. Мы не застилаем Христа от глаз народа: нельзя закрыть солнце, чтобы оно не светило миру. И Христос, как духовное солнце (Пс.83:12; ср. Ин.1:4–9; 12:35–36), постоянно во

всех и над всеми нами (Еф.1:23; Кол.3:14; Фил.4:13). Он есть Владыка неба и земли (Мф.28:18; Лк.10:22; Ин.3:23; 17:2; Фил.3:21), жизни и смерти (Ис.22:22; Апок.1:18; 3:7). От Него льются нам потоки благодатных даров (Иак.1:17; Рим.1:7; 16:24; 1Кор.1:3, 4; Гал.6:18; Еф.6:23; 1Сол.1:1; 2Тим.4:22; Тит.1:4). Без Христа же никто и ничего доброго сделать не может, как Сам Он сказал в своем Евангелии (Ин.3:27; 15:5, 6). Следовательно, если святые натворят чудеса, то не своею силою, а силой Божией (Исх.4:21; Деян.2:22; 10:38; 14:3; 15:12; 19:11; Евр.2:4; Мф.10:1; Рим.15:19; Исх.8:10). Поэтому и затмить собой Христа они не могут. Да и что я говорю – затмить!... Через них Господь прославляется (Ин.17:22; Мф.5:14–16) и проповедуется в людях (4Цар.5:8, 15; Мк.16:20; Деян.2:38). Это лишь сектанты, по нерасположению к нам, хотят святых наших представить в виде каких-то богов, обитающих на небе независимо от Христа, – и тем думают смутить сердца простолюдинов. Но «да не смущается сердце ваше», братия, и не ужасается; веруйте в Бога и во святых «друзей» Его (Ин.14:1, 3; 15:14). Служите Богу Единому (Втор.6:13; Лк.4:8) и прославляйте благочестно Его угодников. Это закон, на вечные времена Им Самим поставленный (Пс.149:1–9; 148:14; ср. Ин.17:22; Лк.10:16–21; Сир.44:14; Откр.4:4; 5:8; 7:9–17)...

Несправедливо обвиняют нас и в том, будто мы не молимся Христу и совсем забыли Его. Это опять сектантская клевета. Если бы мы не почитали Христа, не любили Его, – к чему нам было бы почитать и молитвенно прославлять Св. Апостолов Его и Угодников (ср. Лк.20:9–14; Деян.5:17, 28)? Никто не чтить чужого раба выше Господина Его. В этом убеждают нас и здравый смысл, и Св. Писание (Мф.10:24, 25). Посему, молясь Святителю Николаю, Флору и Лавру, – мы тем самым молимся Господу, прославившемуся в них «знамениями и чудесами».

Излишне добавлять, что святых своих богами мы не считаем. Мы ублажаем их лишь как предстателей и молитвенников наших перед Господом (Исх.32:30, 32; 1Цар.7:8; Иов.42:8; Иак.5:16; 2Кор.1:11). Если же мы обращаемся к ним с прошениями часто прежде, чем ко Христу, то это исключительно по смирению нашему перед Богом, – потому же, почему на браке

в Кане Галилейской распорядители пира обратились за помощью сначала к Божией Матери, и чрез нее уже ко Христу (ср. Пс.33:16–18).

– На браке... Ишь, куда хватил! скороговоркой вставил свое замечание Архипыч. Там, чай, Дева Мария *живая* была. А теперича она нешто *живая*?...

Это же самое на разные лады стали повторять и другие баптисты. В избе поднялся шум. В беседу вмешались православные начетчики. Один из них, словно по книге, начал докладывать, что у Бога мертвых по душе нет: «у *Него все живы*» (Лк.20:38); жива, стало быть и Заступница наша – Св. Дева Мария... Возражение вполне дельное... К нему я добавил, что святые, по смерти своих тел, духом соцарствуют со Христом уже и ныне, о чем учит нас Откровение Иоанна Богослова (4:4; 6:11; 7:13–17). Из того же Откровения видим, что умершие по плоти знают о происходящем на земле (6:9–11). Следовательно, они могут слышать и наши молитвы, как услышал прав. Авраам молитву богача из ада (Лк.16:23–25)...

– Тò из ада, а не с земли! вывернулся было Архипыч.

– Что ж... По твоему, мы дальше от неба, чем живущие в аде?... Это ново. Писание, наоборот, убеждает нас, что между раем и адом – пропасть великая (Лк.16:26); тогда как Церковь земная соединена с небесной или райской в *одно* тело Христово (Кол.1:18–20; Еф.1:22–23; ср. Евр.12:22–24). Стыдно не знать этого и, не зная, возражать, на посрамление себя и своей секты!...

Мои слова очень понравились православным. Они одобрительно повторяли их, стараясь запомнить даже отдельные фразы. Когда же волнение в избе несколько стихло, я перешел к разбору последнего возражения Архипыча. Я сказал:

– Братья! давеча нас упрекнули в том, что вот в этом Листке ни разу не упомянуто имя Христово. Это справедливо. Зато уже в заглавии его – вы помните? – мы встречали имя Божие; а это *одно и то же*. Ибо, по слову Писания, что принадлежит Отцу, то принадлежит и Сыну; и насколько Бог Отец есть Бог, настолько же и Сын Его есть истинный Бог (Ин.5:17, 19, 21, 26; 10:28–30; 10:36–38; 14:10; Деян.10:38; Фил.2:6 и др.). Поэтому если в

Листке с самого начала сказано, что святые благодатную силу свою получают от Бога, то ясно, что они получают ее и от Иисуса Христа: зачем же тогда в дальнейшем перечне угодников Христовых постоянно упоминать об Имени Иисусове? Это Имя и так предполагается, как краеугольный камень и основание (Пс.117:22; 1Пет.2:4,6–8; Ис.28:16), – как виноградная лоза, по отношению к которой святые являются лишь ветвями (Ин.15:1–5). Почему же сектанты не хотят понять столь простой и очевидной истины? Ужели по намеренному ослеплению своему и упорству (Ис.6:9, 10; Мф.13:13–15)?...

О, «Господи! открой им глаза, чтобы они увидели» (4Цар.6:17)... славу Твоей святой Церкви и ее чистое, неповрежденное учение...

Я кончил. Архипыч больше не возражать мне. Должно быть, он истощил запас своего неглубокого остроумия, или не надеялся отстоять перед народом дальнейших своих возражений. Он, молча, взял у меня Листок и, также молча, положил его обратно в карман...

Баптисты не поддерживали своего «застрельщика». Они были крайне утомлены продолжительностью беседы. Лица их осунулись от жару, и они еле стояли на ногах.

Православные тоже порядком поустали; однако большинство из них мужественно выслушивало мои ответы.

– Небось, не отвалются ноги! шутливо говорили они. Божье слово надо по целым ночам слушать, – не то что в год три часа!...

К сожалению, я не мог доставить им этого удовольствия. Я устал до последней степени; голова у меня болела; в висках стучало. Потому я ограничился только сделанными мне Архипычем вопросами, и совсем прекратил беседу.

На прощанье, я еще раз посоветовал своим благочестивым слушателям остерегаться сектантского совопросничества в вере, и мы расстались усталые телом, но бодрые душой...

Д. Боголюбов

XII. Гневушев М.В. Венчание «Кулугурского» благочинного (Из жизни раскола) // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 904–907

В Поволжье множество раскольников разных согласий. В числе их есть, конечно, и так называемые спасовцы. Мы не будем говорить, каково их учение по установившимся ученым понятиям современных расколоведов, а скажем только два слова о том, что есть в действительности.

Спасовцы села К. Симб. губ., признают два таинства православной Церкви: крещение и брак, причем последнее потому, кажется, что оно дает *права*. При известном отношении к православной Церкви, как оскверненной новшествами, антихристовою печатью и т.д., это должно представляться странным и во всяком случае не последовательным. Но, ведь, искать логики в действиях наших раскольничьих толков и упований – труд напрасный. Спасовцы села Н. на разного рода возражения по поводу принятия ими – раскольниками крещения и брака от никонианской церкви, обыкновенно, говорят: «*хоть сатана, да в ризах*». Конечно, в данном случае идет главным образом речь о том разряде «спасовцев», которые по тем или другим причинам связи с Церковью не разрывают: в селе К. раскольники всех толков находятся в таком именно положении. Сам собою возникает вопрос – как должен священник относиться к этим *явно-тайным* раскольникам? Всем известно, что они раскольники; не менее всем известно, что они принадлежат к разным согласиям, но явного, формального отпадения их не было и нет. Следует ли священнику, хорошо осведомленному относительно религиозно-нравственного состояния своего прихода, ускорить дело формального отделения или нет? Мы думаем, что в данном случае и не может быть иного ответа, как отрицательный: в тысячу раз больше надежд на возвращение заблудших сынов и дочерей в дом отчий в том случае, когда нити, связующие их с домом, еще не порвались окончательно, чем в противоположном случае; Церковь может питать несомненные надежды на возвращение

своих заблуждающихся чад, если только эти чада чувствуют еще связь с нею.

Все это говорим потому, что вопрос об отношении приходских пастырей к спасовцам весьма живой и серьезный в миссионерском отношении, а главное – для того, чтобы понятен был самый случай, о котором мы хотим поделиться с читателями. В приходе села К. спасовцев (явных) довольно много, а тайных еще больше. В каком положении было дело до прихода священника, теперь пастырствующего, – и не без успеха, – в с. К., нам неизвестно, но только обостренные отношения между православными и раскольниками, между священником и вообще причтом с. К и раскольническими «попами», начетчиками и т.д. в настоящее время значительно улучшились, так, что в иных случаях по внешним отношениям трудно различить «кулугура», – как в великороссии называют раскольников вообще, – от православных.

У спасовцев села К. есть несколько «священников», начетчиков, но главным между ними считается Л.Н.Ю., которого они и называют «благочинным». Влияние Ю. распространяется на всю окрестность; слушать его «учение» сходятся многие из отдаленных деревень и сел, иногда целые тысячи хотели бы внимать «толкованиям» благочинного, но таковых толкований, конечно, не бывает вследствие бодрствования священника. Ю. крещен, записан сыном православной Церкви и до настоящего времени формального отделения от последней не делает. Не очень давно у него умерла жена и он пожелал вступить во второй брак. Желая придать новому, как и первому браку, всю силу законности, он изъявил желание венчаться в православной Церкви. С таковою просьбою он и обратился к местному священнику, но под условием, чтобы его бракосочетание не было известно никому из его «пасомых».

Такое условие не могло быть принято. Вскоре все раскольники знали, что их «благочинный» венчается в православной Церкви. Нужно заметить, что раскольников-спасовцев интересовало в данном случае не то, что «батюшка» их будет венчаться у батюшки православного, а то, будет ли он целовать руку у последнего. Все, что говорилось и даже

думалось раскольниками, было отлично известно священнику. Понятно само собою, что пред браком, во время и после него сделано было все, что нужно было для того, чтобы показать принадлежность «благочинного» в Церкви, а главное его добровольное признание в этом. Во время самого бракосочетания в церкви было великое множество раскольников, чинно и благоговейно стоявших и даже молившихся: под этим только условием в церковь с. К. допускаются на время бракосочетания не только раскольники, но и все православные.

После бракосочетания и молебствия «благочинный» взошел на амвон и всенародно целовал крест и руку священника. Событие это произвело, как и нужно было ожидать, не малое впечатление на весь раскольничий мир села К. Думаем, что раскольники были изумлены не только тем, что их «благочинный» венчался в церкви «и целовал руку священника, но и тем, что самое бракосочетание совершено было *истово*, с соблюдением всего, что требуется чином православной Церкви.

Мы не могли не отметить этого факта в жизнедеятельности раскольников и их вожаков. Не могли, главным образом, потому, что этот факт довольно рельефно обрисовывает как самый раскол, так и положение священников среди тайной раскольнической массы. Первый – явно лицемерен, непоследователен – тьма непросветная, – а вторые должны не только нести великий труд пастырского наблюдения, снисхождения, мудрой осторожности, но и обладать значительным запасом знаний, энергии и искусного умения всем, совершающимся в раскольничьем мире, воспользоваться во славу Церкви Божией. Описанный нами эпизод венчания «благочинного» – незначительный сам по себе и жалкий, но он для миссии местной, благодаря такту пастыря-миссионера, оказал громадные последствия: кулугуры теперь стали открыто и всенародно целовать крест, носимый священниками на груди, и явно готовы и на большее примирение. Дай-то Бог! Отчасти этому венчанию, а отчасти и другим причинам нужно приписать также и то, что дети некоторых из кулугуров, преимущественно обучавшиеся в церковной школе, в нынешнем году были уже у исповеди святого Причастия. Вообще же, мягкое тихое, но

систематическое и всегда в одном направлении и действующее отношение священника означенного села к раскольникам произвело уже то, что они не только всегда и с охотой принимают у себя в домах священника, но и сами ходят целыми толпами на внебогослужебные чтения с туманными картинами и бывают в православном храме, берут книги и листки из библиотеки.

Вопрос о постановке миссии среди спасовцев имеет большое значение, пора на него обратить должное внимание и указать пастырям и миссионерам, как и чем наилучше воздействовать на эту, не вполне еще отломившуюся от своего корня, – православной Церкви – ветвь и не совсем иссохшую. У нас наибольшее усердие миссионеры проявляют на разработку бесплодной нивы, на боевые толки раскола, – австрийщину, беспоповщину... А ведь на этой ниве – в среде спасовцев – воистину жатва многа, давайте лишь жнецов.

М. Гневушев

**XIII. Ольшевский И., свящ. Примерное
распределение апологетического материала в курсе
преподавания Закона Божия для одноклассных цер.-
приходск. школ среди сектантского населения //**
**Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь,
кн.1. С. 907–917**

(Статьи и порядок их (обозначенный цифрами) по-казаны применительно ко второму изданию программ для церковно-приходских школ)

Священная История Ветхого Завета

9) *История Иосифа.* Замечательно благословение детей Иосифа: Иаков благословил их своими руками крестообразно (Быт.48:13–16). У нас также крестом благословляют священники и родители.

12) *Устроение скинии.* По Божию повелению, на крышке ковчега завета и на занавеси скинии сделаны были изображения или иконы св. херувимов славы (Исх.25:17–22; 26:1).

13) *Вступление евреев в Ханаанскую землю.* Во бремя сорокалетнего странствования евреев произошло возмущение Корея, Дафана и Авирона против Моисея и первосвященника Аарона. Возмутители говорили: «полно вам; все общество, все святы, и среди них Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?». Господь страшно наказал дерзких возмутителей (Чис.16:1–35; Иуд.1:11). Кто из отступников и противников Церкви говорит так, и того в свое время постигнет строгий суд Божий. Наказание евреев змеями, и милость Божия посредством медного змея. Медный змей прообразовал Христа, а древо змея прообразовало крест Господень (Чис.21:4–9; Ин.3:14).

15) *Помазание Давида.* За неисполнение воли Божией, высказанной через святого мужа, Господь отверг Саула: непокорность, как будто и с доброю целью, есть такой грех, как идолопоклонство (1Цар.15:16–29). Саулу подобны отступники и противники св. Церкви. *Победа над Голиафом.* Меч, которым Давид поразил Голиафа, хранили священники при храме,

завернув его в священную одежду (1Цар.21:9). Потому-то и у нас знамена и вещи, которыми оказана нам милость Божия, хранятся во св. храме.

17) *Построение и освящение храма.* В ново-устроенном храме много было изображений св. херувимов, и слава Господня наполнила этот храм (3Цар.6:23–35; 8:6–11).

19) *Пророк Илия.* Идолы и кумиры суть придуманные злыми и неразумными людьми ложные боги и изображения ложных богов, которых язычники почитали вместо Бога истинного и вместо истинных изображений Его; таков языческий бог Ваал (3Цар.18:17–21). *Пророк Елисей.* От прикосновения к костям св. пророка Елисея ожил умерший (4Цар.13:20–21); посему подобает почитать кости и мощи святых.

20) *Пророк Исаия.* Он видел Господа Саваофа (Ис.6:1–5); сообразно сему и у нас изображают Бога-Отца. *Пророк Даниил.* Сей пророк также видел Бога-Отца во образе Ветхого днями (Дан.7:9–13). Язычники почитали своих идолов за настоящих богов, которые будто бы могут есть и пить; таков идол Вил (Дан.14:3–22).

21) *Построение второго храма.* Второй храм по-своему устройению был подобен первому, т.е. имел изображения св. херувимов (1Езд.5:11; Иез.41:17–21; 43:5, 10, 11).

Священная история Нового Завета

1) *Посещение Божией Матерью праведной Елизаветы.* «Отныне ублажат мя вси роди» (Лк.1:48). Слова эти сбылись: все истинные христиане особенно усердно чествуют Матерь Божию.

3) *Сретение Господа Иисуса Христа.* Сорокадневного Младенца Иисуса принесли во храм (Лк.2:22): посему и у нас новорожденных младенцев приносят в Божий храм.

4) *Проповедь св. Иоанна Крестителя.* Он питался акридами и диким медом (Мф.3:4); у этого подвижника всегда была постная пища.

5) *Крещение Господа Иисуса Христа.* В Ветхом Завете, на горе Хориве (Синае), люди не удостоились видеть Господа, а только слышали Божий глас (Втор.4:12–16); в Новом Завете, особенно при крещении Господа в реке Иордане, люди не только

глас с неба слышали, но и видели Господа, т.е. здесь было истинное полное Богоявление (Лк.3:21–22; Ин.1:14–18). Потому-то в Ветхом Завете не было изображений Господа, а только св. ангелов; в Новом Завете мы имеем изображения не только ангелов и святых человеков, но и Самого Господа.

6) *Первые ученики Господа.* Дьявол, когда искушал Господа, то в доказательство приводил даже слова Св. Писания (Мф.4:1–11). По сему-то и человека не всякого слушать нужно, который будто говорит от Писания: нужно слушать только людей на сие поставленных. *Первое чудо.* Господь Спаситель благословляет невинные радости и удовольствия, ибо Ему угодно, чтобы мы вели жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте (1Тим.2:1–4; Деян.2:46–47).

7) *Изгнание торгующих из храма.* У нас во св. храме, когда берут свечи, то никакой торговли не бывает: человек жертвует деньги, и староста дает свечку, которую зажигают во славу Божию. Не то было в храме Иерусалимском: великое безобразие происходило, когда там находился скот и шел шумный торг, – храм делали домом торговли и вертепом разбойников. Господь изгнал скот и торговцев (Ин.2:13–17; Мф.21:12–13), и тем заповедал и нам оказывать подобающую честь дому молитвы или дому Божию, в котором Он являет Свое присутствие (Деян.22:17–18).

9) *Избрание апостолов.* В число апостолов избран был Иуда Искаротский, его предательство наперед знал всеведущий Господь (Лк.6:13–16); что же удивительного, если между теми, кого избирают неведующие будущего люди, бывают злые? Разумеется, эти злые, подобно Иуде, отдадут за себя ответ Господу.

10) *Заповеди блаженства.* Блаженны люди гонимые только тогда, когда их преследуют «лжуще Мене ради», т.е. действительно ради Христа (Мф.5:11). Так гнали православных христиан в древности, когда царями были язычники неверные; так иконоборцы преследовали православных христиан за почитание святых икон; так и теперь гонять в странах не христианских, например, у турок; так везде бывает с людьми благочестивыми и правдивыми, когда над ними смеются и

надругаются. Однако, этого не должны применять к себе люди злые и отступники от Церкви, когда их наказывают за сделанную ими смуту и зло; так, например, по справедливости гонимы были и пострадали Февда и Иуда Галилеянин (Деян.5:34–40).

14) *Воскрешение дочери Иаира.* Больная женщина по вере исцелилась чрез прикосновение к одежде Спасителя (Мф.9:20–22); другие потом исцелялись от своих болезней по вере чрез прикосновение к головным платкам св. ап. Павла (Деян.19:11–12) и под тенью св. ап. Петра (Деян.5:14–16). Так Господь оказывает верующим людям Свою милость через вещи святым и через их изображения. Потому нам дороги вещи и изображения святых, именуемые чудотворными, и мы отдаем им особую честь.

20) *Притча о богатом и Лазаре.* Нужно ваяться во грехах при жизни, а после смерти уже поздно (Лк.16:25–26). Однако Господь подает утешение и облегчение умершим по молитвам о них св. Церкви; так молился об умерших предках прор. Варух (Вар.3:1–6), молился об убитых воинах Иуда Маккавей (2Мак.12:41–45).

21) *Благословение детей.* Дети были особенно близки к любви Господней: Он обнимал и благословлял их (Мк.10:15–16). Потому-то у нас маленьких деток крестят, приносят во св. храм, причащают их Крови и Тела Господних.

23) *Вход Господень в Иерусалим.* Дети даже грудные прославляли Господа во храме, а иудейские книжники и фарисеи негодовали на них за это и хотели воспретить им (Мф.21:15–16). Подобны этим книжникам и фарисеям те люди, которые всячески отдалают детей от Господа: не хотят крестить их, не приносят во святой храм, и не причащают их св. Таин.

24) *Тайная вечеря.* На тайной вечере Господь установить таинство св. причащения (Мф.26:26–28; Лк.22:19–20). Как Господь установил, как апостолы показали это на деле везде по церквам, так потом было записано св. мужами, так оно совершается и у нас.

25) *Страдания Господа Иисуса Христа.* В саду Гефсиманском Господь Иисус молился Своим духом и телом (Лк.22:41–44). Молитва одним духом – важная молитва, но

неполная: необходимо и участие тела в молитве (1Кор.6:20; Рим.12:1). Посему у нас предлагаются верующим благочестивые телесные упражнения, каковы – поклоны и посты; посему-то необходимы и обряды. На суде у иудейских первосвященников Господа спросили под клятвою, и Он дал ответ (Мф.27:63–64). Клятва на суде, вообще присяга нужна, – ее Сам Господь допустил.

26) *Воскресение Христово*. Являясь апостолам и верующим после Своего воскресения, Господь словесно поучал их, как и во время земной Своей жизни (Деян.1:3); Сам Господь не написал нам ничего, ни одной книги. Посему большинство апостолов и при том о важнейших предметах веры поучали людей изустно и самым делом, а книг не писали; например, св. апостолы из числа двенадцати – Андрей, Иаков, Филипп, Варфоломей, Фома, Симон Зилот, а также почти все семьдесят апостолов ничего нам не написали.

Из истории Церкви

Сошествие Св. Духа на Апостолов. Просвещенные Духом Божиим, апостолы стали сами проповедовать и устроить церкви. Хотя апостолы проповедовали исключительно изустно, но некоторые из них (только восемь) написали нам о делах и учении Спасителя в «Евангелиях», а также собственные наставления записывали в «Посланиях». Однако они сами говорят, что не все они записали о Христе (Ин.20:30; 21:25), не все записали и из собственных наставлений (2Ин.1:12; 3Ин.1:13–14); многое необходимое они передали христианам изустно (2Тим.2:2) и самым делом (1Кор.2:20–34). Написанные апостолами книги и изустные их наставления взаимно восполняются одно другим и одинаково необходимы для нас (2Тим.3:14–15; 2Фес.2:15). То, что апостолы написали, составляет собою Св. Писание; а то, чему они научили изустно и самым делом, есть Св. Предание. Св. Писание сохраняется содержится в обычаях и установлениях церковных; то и другое вместе в течение многих веков сберегла нам вселенская православная Церковь Христова. Для истинного христианина одинаково дорого Св. Писание и Св. Предание. Основавши свою Церковь, Господь Иисус Христос поставил для нее апостолов,

дабы они проповедовали Его учение и совершали богослужение (Ин.20:21–23). Исполненные Духа Святого, апостолы вместо себя везде по городам рукополагали епископов, пресвитеров и диаконов (Флп.1:1–2; Деян.6:6; 14:23). Поставленные апостолами епископы опять от себя рукополагали пресвитеров и епископов (Тит.1:5–7) и так далее. Так дар священства, принятый от апостолов чрез святое рукоположение (1Тим.4:14), сохраняется в православной Церкви Христовой до настоящего времени.

Успение Божией Матери. Не только Мать Божия молится о нас, но молятся и святые праведники; пример прор. Иеремия и первосвящ. Осия (2Мак.15:12–14). Господь милует грешников иногда только вследствие молитв святых о них, как это было, например, по молитве праведного Иова (Иов.42:7–8). Посему и сказано, что наша молитва особенно сильна тогда, когда помогает ей молитва праведного (Иак.5:16–18).

Обретение св. Креста Господня. До страданий Спасителя крест был орудием и знаменiem страданий; после же, когда на кресте для нашего спасения пострадал Сам Господь Христос, крест стал орудием и знаменiem нашего спасения. Это осватило крест, и потому он дорог истинному христианину. В слове Божиим о св. кресте говорится: «слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых сила Божия» (1Кор.1:18); св. крестом Христовым апостолы хвалятся (Гал.6:14); он называется блаженным древом правды (Прем.14:7; 1Пет.2:24); злые люди и отступники называются врагами креста Христова (Флп.3:17–18). Из уважения и любви ко Христу, распятому, и Его св. кресту, мы сами крестимся и крестим любезные для нас предметы. Среди славянских народов, родственных нам, христианство распространилось прежде всего между Моравами и Болгарами, которые говорили языком совершенно подобным языку наших предков, русских людей. Святые Кирилл и Мефодий для Моравов и Болгар составили славянскую грамоту и перевели на славянский язык Св. Писание и богослужение; от них церковно-славянские книги при св. князе Владимире переданы были и нам. Церковно-славянский язык есть, таким образом, язык наших предков, родной нам, и потому мы в нем

почти все понимаем. Не так у других народов, не православных: например, католики польские, немецкие и иные в своих храмах слушают богослужение на совершенно непонятном для них языке римском. Посему мы дорожим своими древнеславянскими книгами.

Краткий катехизис

Введение. Для спасения нам необходимы истинная вера и добрые дела. Истинная вера едина (Еф.4:4–6), а для дел добрых нужно исполнять все данные нам от Господа и апостолов наставления и заповеди (Мф.28:18–20). Иной отступник и иноверец, может быть, особенно худых дел не делает, но он веры истинной не держит, и потому он поступает своевольно, подобно Саулу.

Седьмой член Символа веры. Знать о времени второго пришествия Господа на землю нам и не дано (Деян.1:7), поэтому мы и не должны сего доискиваться. Мы всегда должны быть готовы встретить Господа, как и свою собственную смерть; однако, колебаться умом и смущаться не должно (2Фес.2:1–2).

Восьмой член. Св. Писание, написанное по вдохновению от Духа Святого, есть мудрость, которой человек не может уразуметь сам собою (2Пет.1:19–21); когда за сие берется невежда и человек не поставленный, то он извращает Писания (2Пет.3:14–16). Посему-то в древние времена и ныне истинно благочестивые люди за изъяснением Св. Писания всегда обращаются к поставленным для сего пастырям Церкви (Деян.8:27–35).

Девятый член. Церковь есть общество истинно-верующих в Иисуса Христа, установленное Самим Господом Христом (Мф.16:18). Церковь Христова есть хранительница истины (1Тим.3:15), почему и называется «православной», т.е. православящей Господа. Те св. храмы, в которые собирается церковь для молитвы, также называются церквами. Кто отделяет себя от этой святой, соборной и апостольской православной Церкви, и противится ей, тот становится отступником и противником Самого Господа Христа (Мф.18:17; Лк.10:16); таковы все отступники и противники св. Церкви, именуемые штундистами, баптистами, молоканами, духоборцами, пашковцами,

раскольниками и иные. Обо всех отступниках и противниках св. Церкви, иначе называемых еретиками, – в Слове Божиим написано: они отделяются от единства веры (Иуд.1:17–21), от призвавшего благодатью Христовою священника переходят к иному благовествованию вследствие людей, смущающих (Гал.1:6–8), отступают от веры чрез лицемерие лжесловесников (1Тим.4:1–3); они пустословы и невежды, желающие быть законоучителями (Тим.1:3–7), извращающие апостольские Писания (2Пет.3:15–17); будучи лукавыми, они принимают вид добрых служителей правды (2Кор.2:13–15), эти льстивые лжеучители дерзко злословят высших (2Пет.2:1–11). Их в свое время постигнет суд Божий, какой постиг Корея, Дафана и Авирона. Послушные святой Церкви истинные христиане должны остерегаться всех отступников и еретиков и удаляться от них (Рим.16:17–18), ибо споры с ними могут быть не только бесполезны, но даже вредны (Тит.3:9–11; 1Тим.6:3–5).

Десятый член. Св. Причащение. На тайной вечере Господь Сам сказал о благословенных Им хлебе и вине: «Сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя... сие творите в Мое воспоминание» (Мф.26:26–28; Лк.22:19–20; 1Кор.2:23–29; 10–16). Кроме того, Господь сказал: «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин.6:51–57). Посему у нас, по заповеди Господней, на Божественной Литургии совершается таинство св. причащения, и мы под видом хлеба и вина принимаем в себя Тело и Кровь Господню. *Покаяние.* Господь апостолам дал власть связывать и отпускать грехи кающимся людям (Мф.18:18; Ин.20:22–23): от святых апостолов сия власть перешла к тем людям, кого он вместо себя поставил, т.е. к пастырям Церкви (Деян.20:28). *Священство.* Истинные пастыри Церкви суть те, которые вошли во двор овчий дверью (Ин.10:1–5), которые имеют на себе перешедшее от апостолов истинное рукоположение (1Тим.4:14), т.е. те, которые законными епископами законно поставлены. Посему все самозванные пресвитеры, какие есть у отступников и противников Церкви, суть тати или волки.

Первая заповедь десятословия. Истинный почитатель святых угодников Божиих всегда помнит, что св. угодники

получили свою благодатную силу и власть от Господа Бога, к Которому они близки (Евр.12:22, 23.). Посему, почитая святых, мы в их почитаем Самого Господа, и такое почитание вполне согласуется с первой заповедью. Посему воистину почитаются св. пророки (4Цар.2:15), Мать Божия (Лк.1:48), все св. праведники (Прит.10:7). Память о святых для нас дорога и сохраняется в их «житиях» (Пс.77:3–7).

Вторая заповедь. Идолы или кумиры были у языческих народов. Идолы или кумиры суть не действительные, но вымышленные ложные боги и вещественные изображения ложных богов (1Кор.8:4; Гал.4:8); их язычники почитали вместо Бога истинного. Эти ложные боги и их изображения большею частью были подобны разным тварям, находящимся на земле внизу, или выше земли, например, Ваал, Астарта, Вил; припомните историю пророка Илии и Даниила. Чествуя своих идолов, язычники служили бесам (1Кор.10:19, 20). – Христиане служат Богу истинному и чествуют изображения или св. иконы Бога истинного. На св. иконах имеются изображения св. лишь и событий не вымышленных, а действительных, как рассказывается о них в слове Божиим. Таковы ветхозаветные изображения св. Херувимов; сказание о нерукотворенном образе Христа Спасителя. Все истинные христиане во св. иконах чествуют не дерево и краски или металл, но тех св. личностей, который изображены на этом веществе; догматическое определение VII вселенского собора о св. иконах (см. «Книгу правил»). Богоугодность чествования св. икон подтверждается многочисленными чудесами, бывшими при св. иконах; местные чудотворные иконы. Если нам любезны портреты отца и матери или других близких и уважаемых нами людей, то тем более дороги нам должны быть изображения Господа Бога и святых Его.

Третья заповедь. Клятва на суде и в делах общественных или присяга допускается (Евр.6:16); клятвенно на суде отвечал Господь (Мф.26:63, 64), клялись апостолы (2Кор.1:23). По примеру древнему, клятва произносится правою рукою (Откр.10:5, 6).

Четвертая заповедь. Суббота есть день ветхозаветный, а воскресенье есть новозаветный день Христа. И. Христос есть господин субботы (Мф.12:8), и потому в новозаветное время для празднования суббота заменена воскресеньем. Замена субботы днем воскресным стала при св. апостолах (Деян.20:7; 1Кор.16:1, 2; Откр.1:10).

Учение о богослужении

1) *Что называется церковным Богослужением.* Почему для нас близки и дороги церковные книги на славянском языке? Припомнить статью о крещении Руси.

2) *Храм.* Почему дома молитвы или св. храмы называются «церквами»? Припомнить из статьи о девятом члене.

3) *Священные изображения.* Когда первоначально явились изображения св. ангелов? Когда можно стало изображать Господа на иконах? Поклоняясь пред св. иконами, кому мы относим честь сию? Припомнить статью об устройстве скинии и ветхозаветного храма, о крещении Господнем и о второй заповеди.

5) *Лица, совершающие Богослужение.* Кто установил священство и священные степени? Кто суть истинные пастыри Церкви? Припомнить статьи о сошествии Св. Духа и о десятом члене.

6) *Важнейшие праздники.* С какого времени стали праздновать воскресенье? Припомнить статью о четвертой заповеди.

7) *Посты православной Церкви.* Припомнить о посте Иисуса Христа после крещения и о пище Иоанна Крестителя.

8) *О Литургии.* Кто установил св. причащение. Припомните о тайной вечере и о десятом члене.

Священник Иуст. Ольшевский

Заключение школьной комиссии

Принимая во внимание определение Св. Синода об умножении церковных школ и о надлежащей их постановке в местностях с раскольническим и сектантским населением, школьная комиссия пришла к заключению, что в школах, которые посещаются детьми раскольников, при обучении соблюдать следующие особенности: 1) При изучении Закона

Божия, истины о создании Господом Церкви, о бытии в ней епископов и седми таин непрерывно до второго пришествия, о невозможности спасения без причащения тела и крови Христовых и без других таинств, о различии догматов и обрядов и о власти Церкви исправлять последние – внушаются детям с должною полнотой и с указанием на свидетельства Св. Писания и старо-печатных книг, причем некоторые из этих свидетельств даже запоминаются наизусть; но при изложении сих истин не упоминается об отступлении старообрядцев и тем более не допускается порицаний старообрядчества. 2) На церковно-славянское чтение отводится более учебного времени, чем в прочих школах. 3) Дети старообрядцев Псалтирь и Часовник читают по изданиям единоверческим; Новый же Завет читают по изданиям Св. Синода. 4) Азбуку употребляют единоверческого издания, по ней же изучают и первоначальные молитвы. 5) Изображают крестное знамение двумя перстами и полагают так называемый «начал» по обычаям старообрядцев. Что же касается местностей с сектантским населением, то для надлежащей постановки обучения в церковных школах сих местностей комиссия находила полезным принять в руководство: «Примерное распределение апологетического материала в курсе Закона Божия для одноклассных церковно-приходских школ», Священ. Иуст. Ольшевского, причем комиссия и выразила желание, чтобы эта программа была напечатана, и, чтобы священ. Ольшевский составил учебное руководство по содержанию представленной им программы.

Находя возможным апологетическую постановку программ по Закону Божию в одноклассных церковно-приходских школах для местностей с сектантским населением, комиссия выразила желание соответственную постановку преподавания Закона Божия ввести в курс второклассных школ, причем в первые два года апологетический материал совместить с нормальной программой по Закону Божию, а в третий год выделить в особый повторительный курс с подробным разбором главных сектантских заблуждений. Съезд одобрил это постановление.

XIV. Библиография

**1) Фудель И., свящ.: Л.М. Чичагов свящ. «Летопись
Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегород. губ.
ардат. уезда» // Миссионерское Обозрение. 1897.
Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 917–920**

Укрепление веросознания простого народа есть лучшее средство борьбы с распространением расколо-сектантства. В этом деле, так настойчиво выдвигаемом потребностями времени, немаловажное значение имеют умело и хорошо составленные *церковные библиотеки* или же приходские читальни.

Хорошая книга в руках грамотного крестьянина является всегда прекрасной помощницей приходскому пастырю в его трудном и ответственном деле. Но что такое *хорошая* книга? В каждом отдельном случае это книга, наиболее отвечающая потребностям данного времени и места. Каждому приходскому пастырю виднее – какая книга наиболее полезна для его целей. В общем же наиболее излюбленными книгами у нашего народа являлись всегда, являются и теперь прежде всего жития святых, а затем жизнеописания тех подвижников благочестия, подвизавшихся в недавнее, сравнительно, время, кои не канонизованы еще, но чрезвычайно почитаются народом. В этих живых образцах истинного благочестия народ черпает свою духовную силу и устойчивость верований, ими же укрепляет свое чувство и понимание духа православия. Эти жизнеописания людей, живших так недавно, почти среди нас, раскрывают перед нами внутренний духовный мир такой необъятной высоты, перед которой невольно смолкают все кичливые колебания ума, смущающего простоту веры. И, конечно, одно содержание той высоты духовной жизни, которой может достигнуть православный подвижник, способно принести несравненно более пользы для смущенной совести, чем все отвлеченные доводы полемической литературы.

С этой точки зрения мы настойчиво рекомендуем вниманию приходских пастырей, устраивающих библиотеки, книгу, заглавие которой мы привели выше. Чрезвычайно простым, доступным

всякому простецу, языком, в ней описывается история возникновения и постепенного развития Серафимо-Дивеевского женского монастыря, находящегося в Нижегородской епархии. Монастырь этот в своем развитии неразрывно связан с именем великого старца Серафима, подвизавшегося в начала нашего столетия в Саровской пустыни. А кому из русских людей неизвестно, хоть понаслышке, имя этого величайшего подвижника благочестия, который при жизни удостоился несколько раз посещений Самой Божией Матери? Народ знал старца при его жизни и тысячами шел к нему из разных концов России; и сейчас народ свято чтить ее имя и нередко можно встретить богомольцев, идущих поклониться на могилу о. Серафима. Жизнеописанию этого благодатного старца в книге о. Чичагова отведено 400 с лишком страниц. Перед читателем постепенно разворачивается картина восхождений от силы в силу подвижника; прошедшего все известные степени и виды аскетического подвига. Картина эта высоко-назидательна для простецов, поучительна и для нас – людей конца века, страдающих одним важным недостатком – слабостью волн и распушенностью.

В специально-миссионерском отношении очень интересны те страницы жизнеописания о. Серафима, в которых приводятся примеры ревности старца о чистоте православия. «Особенную любовь и почтение о. Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями православной веры Христовой, как то: Клименту папе римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и им подобным, называя их столпами Церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Православной Церкви, приводя в пример блаженного Марка ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите Восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции». Замечательно еще, что о. Серафим был строгим ревнителем чистоты веры и в *обряд*ах, как например в вопросе о перстосложении, когда приходилось беседовать с

раскольниками. Так, например, «однажды пришли к нему четыре человека из ревнителей старообрядчества, жители села Павлова, Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сложении, с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знамением. Только что переступили они за порог келлии, не успели еще высказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви, и таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. Апостолов; а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в церковь греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя Церкви, архипастыри суть преемники Апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».⁸⁷ Много подобных бесед об истинах Православия с раскольниками и с сомневающимися в вере находится в жизнеописании о. Серафима. Недостаток места не позволяет нам остановиться на них подробнее.

Под духовным водительством старца Серафима подвизались многие лица, как из мирян, так и из монахинь взлелеенного им Дивеевского монастыря. Трогательную повесть об их послушании старцу, о их самоотвержении и духовных подвигах можно найти на страницах рекомендуемой нами книги. Каждый читатель ее несомненно вынесет и пользу, и высокое духовное наслаждение.

Свящ. И. Фудель

2) Козицкий П.: И. Соколов. «Св. Стефан Пермский, просветитель Зырян» // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 920–922

В прошлом 1896 году исполнилось пятьсот лет со дня блаженной кончины святителя-миссионера Стефана Пермского, просветившего светом Христова учения Пермский край, заселенный зырянами. Имя святителя Стефана Пермского, жизнь которого падает на вторую половину XIV столетия, блистает в мире духовного просвещения русского народа светлою звездою: он указывает пути нашего исторического прошлого, по которым шел в своем духовном и государственном росте православный русский народ, и служит светочем для труждающихся в настоящее время на многотрудном поприще как внутренней, так и внешней просветительной миссии.

Книжка И. Соколова «Святой Стефан Пермский, просветитель зырян», изданная случаю пятисотлетия дня блаженной кончины святителя, всячески заслуживает того, чтобы познакомить наших читателей с ее содержанием, хотя в кратких чертах.

Автор в своей брошюре излагает жизнь и деятельность святителя Стефана – начиная от дней его младенчества до блаженной его кончины (4–40), держась строгой объективности в изложении и избегая излишних подробностей. Так как биографические сведения, относящиеся к жизни святителя Стефана, более или менее известны читателям, то мы позволим себе коснуться тех данных, которые ярко характеризуют выдающуюся личность Апостола зырян. Святой Стефан отличался необыкновенною кротостью духа, смирением и незлобием – ревностью, смелостью и решительностью в деле проповедания Слова Божия; благочестие соединялось с необыкновенным трудолюбием; широкая благотворительность, выражавшаяся в нищелюбии и страннолюбии; доступность, книжная мудрость с глубокими умом, здраво смотрящим на окружающий мир; глубокое знакомство с языками церковнославянским, греческим и зырянским – вот те драгоценные

качества, которые воплотил в себе столь славно и успешно подвизавшийся на миссионерском поприще среди зырян святитель Стефан и благодаря которым снискал себе необыкновенную любовь и преданность как среди новообращенных зырян, так и уважение со стороны высших духовных властей и самих московских князей. Святитель отличался не только пастырско-миссионерскими качествами, но чисто-административными способностями; он сумел прекрасно устроить Пермский край в церковном отношении и поставить его в гражданскую зависимость от Московского государства. Если мы добавим, что святитель Стефан вместе с просвещением зырянского народа светом Христова учения старался дать ему и средство быть сознательными членами Церкви, для каковой цели он перевел все почти богослужебные книги и книги Свящ. Писания на Зырянский язык, – то пред нами восстанет личность святителя во всем величии и мощи.

В IX главе своего очерка г. Соколов касается вопроса не лишнего интереса в научном отношении – о скудных памятниках зырянской письменности. Изобретенная св. Стефаном зырянская азбука состояла из 28 букв, для начертания которых послужили скорописные буквы – отчасти греческие, отчасти славянские. Из переводческих трудов св. Стефана сохранились до нашего времени лишь только отрывки перевода литургии Иоанна Златоуста, при том писанные не зырянскими, а славянскими буквами. Много было поисков «зырянских книг», составленных св. Стефаном, но все это не привело к желанной цели. Причина исчезновения зырянской письменности точно не установлена: одни объясняли пожарами, истребившими главный зырянский город Усть-Вымь и много зырянских сел; другие – запрещением и истреблением зырянских книг при Иоанне Грозном; третьи – ленью и невежеством местного духовенства и незначительностью числа экземпляров книг, написанных при св. Стефане.

Но как бы там ни было, но путь просвещения зырян, избранный св. Стефаном – истинно апостольский путь, завещанный всему нашему просвещению славянскими первоучителями – святыми Кириллом и Мефодием. «Пермская

азбука» и «пермские книги» сослужили свою службу в деле просвещения зырян: они помогли в короткий период времени зырянскому народу войти в круг высших духовных понятий христианского вероучения; они помогли ему постигнуть красоту и высокий смысл церковного богослужения сообщили ему самый дух церковности; раскрыли ему область духовного просвещения и сблизили его духовно с русским народом (40–44 стр.).

Заканчивая очерк жизни и деятельности святителя Стефана, просветителя зырян, автор ставит вопрос: «чем бы достойно могли мы, признательные потомки, выразить почитание его дорогой для нас памяти?», – и отвечает, что наилучшим и наиболее соответственным его священным заветам выражением признательного памятования о просветителе пермском было бы усиление церковно-просветительной деятельности в Зырянском крае и вообще – среди инородческого населения обширного нашего отечества (48 стр.).

Рассмотренный нами труд г. Соколова одобрен как Ученым Комитетом мин. нар. просв., так и Учебным комитетом при Св. Синоде для приобретения в библиотеки средних и низших учебных заведений, а равно и Училищным советом при Св. Синоде, – для библиотек церковно-приходских школ.

П. Козицкий

3) Н.В.: Прот. В. Сахаров. «Пашковцы, их лжеучение и опровержение его» // Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 922–927

О секте пашковцев в нашей литературе имеется довольно хорошее исследование г. Терлецкого (Секта пашковцев. СПб. 1891). Исследование это не чуждо некоторым недостаткам, и появление нового, лучшего труда по этому предмету было бы весьма желательным. К сожалению, труд о. протоиерея Сахарова не только не лучше, но во многом хуже исследования г. Терлецкого и в истории научного обследования и опровержения пашковства должен быть отмечен, как шаг назад.

Свою книжку о. Сахаров предлагает читателю, «как некоторое пособие в деле обличения заблуждений пашковской секты»; по плану автора, книжка «кратко и в существенных чертах» должна: а) «дать исторический очерк происхождения лжеучений пашковцев; б) представить в системе лжеучение; в) указать данные для опровержения этого заблуждения» (стр. 8).

Историю пашковства о. Сахаров начинает не с проезда в Петербург лорда Редстока, как это делает г. Терлецкий, а гораздо раньше, и в качестве родоначальников этого заблуждения указывает на английский методизм и на армию спасения. Однако, вместо того, чтобы раскрыть внутреннюю логическую связь, с какой эти заблуждения развились одно из другого, автор ограничивается только сообщением некоторых сведений касательно истории образования методизма и армии спасения, их распространения и принятой среди последователей их дисциплины, и организации. Но не только внутренняя связь пашковства с указанными сектами остается у автора невыясненной: и внешняя историческая связь их подтверждается у него только тем фактом (достоверность которого оставляем на ответственности автора), что лорд Редсток был увлечен на путь миссионерства проповедями одного английского миссионера из армии спасения. Таким образом, то говорит о. Сахаров о методизме и армии спасения, пашковства нисколько не выясняет.

Что касается истории появления и распространения самой пашковщины (стр. 15–26), то в этом пункте работа о. Сахарова далеко уступает труду г. Терлецкого, который изложил эту историю гораздо полнее и проследил распространение секты чуть не шаг за шагом. В книжке же о. Сахарова мы не только не находим почти ничего нового, но не находим и большей части того, что уже известно из исследования г. Терлецкого. Достаточно сказать, что о таком крупном в истории не только пашковства, но и всего вообще нашего рационалистического сектантства событии, как петербургская конференция 1884 года, в книжке о. Сахарова не упомянуто ни одним словом.

При изложении и опровержении учения пашковцев о. Сахаров, подобно г. Терлецкому, пользуется, как источником, пашковскими брошюрами издания «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». Нам кажется, что подобный метод удобен при изложении всякого другого сектантского заблуждения, за исключением именно пашковства. Дело в том, что названные брошюры, как это известно и самому о. Сахарову, печатались с разрешения духовной цензуры; магистр богословия и бывший профессор духовной академии написал в защиту их горячую статью. Объясняется это тем, что в этих брошюрах почти нет прямо выраженных не православных мыслей и отрицательных убеждений, в силу которых пашковцы отделяются от православной Церкви, а проводятся по большей части только такие положительные убеждения, которые признает и Церковь. Неправославие же большей части этих брошюр заключается главным образом в их односторонности, в том, что, развивая один ряд положений, хотя в сущности и истинных, но таких, полная истинность которых обуславливается соответствующим рядом других восполняющих их положений, они совершенно не касаются другого ряда. Поэтому и опровержение пашковских заблуждений должно состоять не в возражении против отдельных положений этого лжеучения, но главным образом в раскрытии односторонности и недостаточности этих положений и необходимости восполнения их рядом других. При полемике же, поставляющей целью опровержение отдельных тезисов пашковства, защитник православия очень легко может оказаться

в совершенно ложном положении, опровергая такие мысли, которые можно находить и у православных писателей и даже у знаменитых отцов Церкви. В таком именно ложном положении не раз оказывается и о. Сахаров, односторонне обличая заблуждения пашковства. Чтобы не быть голословными, приведем хотя бы один следующий пример.

о. Сахаров отношение пашковцев к Слову Божию формулирует в следующих положениях. «При чтении Библии уверовавший и принявший в себя Христа может уразуметь все читаемое, без посторонней помощи. О Церкви, как руководительнице правильного понимания Слова Божия, ни в одной брошюре пашковского издания нет помину; основанием и источником понимания библейских писаний, по всем брошюрам, служит внутреннее озарение, которое достигается усердной молитвою к Спасителю и сильною, живою верою». В качестве же оправдания такого своего определения пашковского взгляда на Слово Божие о. Сахаров приводит следующие две выдержки из пашковских изданий. «Читай (Слово Божие) не торопясь, стараясь понять каждое слово. Если какого слова не поймешь, подумай, чтобы оно значило, и внутренне помолись, чтобы Господь озарил тебя. Если все-таки не поймешь, оставь и читай далее, значит не пришло еще время понять это слово – после поймешь». «Читая св. Писание, мы не одни, Господь с нами; Он с нами говорит, и мы можем с Ним беседовать. Это общение верующего с Богом составляет главную пользу чтения Библии и размышления о ее истинах... Читая, может быть, с первого раза многое покажется сухим, но чем более мы будем возрастать в духовной жизни, тем более станем понимать смысл св. Писания» (стр. 49). Неправославие этих мыслей автор считает настолько очевидным, что даже не подвергает их в дальнейшем, при разборе других положений пашковства, никакому опровержению. А между тем, если не опровержение (которое и невозможно), то уж во всяком случае разъяснение, в чем именно заключается неправославие этих мыслей, решительно необходимо, потому что совершенно подобные же мысли мы можем находить даже у святых отцов. Так, напр., св. Иоанн Златоуст, говоря в своих творениях о пользе чтения Слова Божия, не учит о Церкви, как

о руководительнице правильного понимания Слова Божия, Св. Писание называет дверью, которая приводит нас ко Христу, открывает нам познание Бога, охраняет овец и не допускает волков, чрез которую мы познаем и пастырей, и не пастырей (Бес. 59 на Еванг. Иоанна). Касательно же чтения и понимания Св. Писания этот вселенский учитель дает такие, например, наставления: «Ты не разумеешь Писания? Но можно ли тебе разуместь, когда не хочешь даже взглянуть в оное? Возьми книгу в руки, читай всякое повествование и, что понятно, затверживай в памяти, темное же и малопонятное читай чаще. Если и по тщательном чтении не понимаешь, пойдй к человеку более просвещенному, пойдй к учителю, посоветуйся с ним о том, что написано, объяви ему твое сильное желание, и Бог, увидя толикую готовность твоего сердца, не презрит твоего бодрствования и заботливости. Но хотя бы и никто не научил тебя тому, что ты ищешь, без сомнения Сам Бог откроет тебе (Бес. 3 о Лазаре). «Потребна и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозреть во святилище Слова Божия» (Бес. 21 на Еванг. Иоанна). Спрашивается, чем отличаются эти наставления св. Иоанна Златоуста от приводимых о. Сахаровым пашковских советов касательно чтения Слова Божия? Из книжки о. Сахарова нельзя вывести никаких оснований для такого различия.

Вообще главный недостаток книжки о. Сахарова заключается в том, что она не раскрывает пред читателем самого духа пашковства, не указывает самого существенного и основного его заблуждения. Как изложение учения пашковцев, так и его опровержение отличаются в рассматриваемой нами книжке слишком формальным характером: учение пашковцев излагается в ряде тезисов, схоластически между собою соединенных, которым противопоставляется ряд опровергающих их антитезисов. Благодаря такому схоластическому методу полемики, остаются не выясненными и не раскрытыми ни сущность опровергаемого лжеучения, ни дух православного учения о пререкаемых предметах. Между тем, бороться с пашковством (как и со всяким другим религиозным заблуждением) нужно, поражая его в голову, которую оно довольно искусно прячет, т.е. раскрывая основное заблуждение

секты, из которого вытекают и все частные заблуждения. Таким основным заблуждением в пашковстве является принцип единоличного спасения, спасения вне союза с Церковью, как телом Христовым, и без ее благодатного посредства, единственно в силу индивидуальной веры человека во всеобщность искупительной жертвы Христовой. В связи с этим стоит и другое основное заблуждение пашковства, заключающееся в неправильном и одностороннем понимании спасающей веры. По взгляду пашковцев, достаточно человеку твердо уверовать, что искупительная жертва Христа, принесенная им за грехи всех людей, принесена и за его грехи, – и он, в силу уже одной этой веры, действительно очищен от грехов и спасен. После этого ему уже ничего собственно не остается делать для своего спасения, и все добрые дела, сколько бы он ни творил их в течение последующей жизни, не имеют никакого значения в вопросе о его спасении. По духу же учения православной, вселенской Церкви, вера, содевающая спасение человека, есть великий и многотрудный подвиг всей земной жизни. Как подвиг, совершаемый усилиями доброй воли, вспомоществуемой благодатью Христовою, она, в зависимости от степени напряжения воли, может и крепнуть, и ослабевать, и даже совсем угасать. Будучи подвигом, такая вера уже и сама по себе является постоянным внутренним деланием, актом постепенного, под вспомоществующим воздействием благодати Божией и при укрепляющем водительстве Церкви, обновления, очищения от грехов и утверждения во благе внутреннего человека. Что же касается так называемых *внешних* добрых дел, то, не имея каких-нибудь заслуг пред Богом, они в то же время не могут быть рассматриваемы и как простой только плод, выражение или свидетельство нашей веры, не имеющее никакого значения в деле нашего спасения (как учат пашковцы): они существенно необходимы для спасения, поскольку последнее достигается христианином лишь в неразрывном союзе веры и любви с другими ищущими спасения, т.е. в союзе с земною Церковью Христовою. Этот-то деятельный характер христианской спасающей веры и следовало бы раскрывать пашковцам, а не доказывать, как это делает о. Сахаров (стр. 74),

что «необходимой связи между верою и добрыми делами нет и не может быть по самой сущности дела», что, конечно, справедливо о вере, которую бесы веруют, но решительно неприложимо к вере, которую христиане спастись уповают.

Мы, конечно, не ставим в особую вину автору рассмотренной книжки указанный формалистический характер последней, потому, что таким же характером отличаются в большей или меньшей степени и многие другие из известных полемических против-сектантских пособий. Впрочем, книжка о. Сахарова не без достоинств, хотя бы даже относительных, которые дают нам право рекомендовать ее, «как некоторое пособие в деле обличения заблуждений пашковской секты».

Н.В.

**4) Козицкий П.: В. Терлецкий. «Учитель и учителя».
(Оттиск из «Полтавских Епархиальных Ведомостей»)
// Миссионерское Обозрение. 1897. Сентябрь-
октябрь, кн.1. С. 927–928**

С вышеуказанным заглавием появилась в этом году на страницах «Полтавских Епарх. Ведомостей» небольшая статья, написанная, так сказать, на злобу дня, – вышедшая потом отдельной брошюрой. Толстовщина, пустившая глубокие корни в центральной полосе России, нашла себе приют и в Полтаве. Здесь в неурожайные 1891–92 гг. явился с мешком за плечами, для сбора сухарей в пользу голодающих, некто Х-ский, апостол новой толстовской веры, и стал сеять смуту в обществе, увлек в свои сети некоторых легкомысленных отцов, соблазнил неопытных, доверчивых детей-юношей и девиц, образовав среди них подозрительное «общество духовных братьев и сестер», расстроил семейную жизнь в некоторых домах и, претерпев изгнание (не за правду, конечно) из дома одной честной вдовы, изгнан был, наконец, из Полтавы по распоряжению администрации. Этот непризванный учитель «неизвестного звания, неизвестного образования, неизвестного вероисповедания», в длинные зимние вечера вместе с одним другом своим – доктором, занимался фальсификацией Евангелия по рецепту из Ясной Поляны и не редко, указывая на себя, говорил: «Я – Христос» (3–4 стр.). В виду того обстоятельства, что следы толстовщины дают себя чувствовать и доселе в Полтаве, автор нашел нужным и вполне благовременным коснуться этого лжеучения, для каковой цели он предложил читателю краткий очерк, в котором провел в ярких и выпуклых выражениях параллель между «Единым и Истинным Учителем» и приходящими под Его именем самозванными учителями.

Брошюра г. Терлецкого, написанная живо и увлекательно, может быть с пользой прочитана всяким, кто только интересуется толстовщиной и хочет видеть всю ее несостоятельность пред судом христианства.

Выписывать брошюру можно из редакции «Полтавских
Епархиальных Ведомостей».
П. Козицкий

**5) Прот. К. Крючков. Противораскольнические
собеседования синодального миссионера с О.
Швецовым // Миссионерское Обозрение. 1897.
Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 928–929**

Настоящая брошюра представляет собою изложение трех бесед прот. К. Крюčkова с известным защитником австрийского священства о. Швецовым, происходивших в с. Поиме, Пензенской губ., весной 1896 г. Как имена собеседников, из коих один давно уже заслужил репутацию опытного и ревностного противораскольнического миссионера, а другой известен, как изворотливый совопросник, пользующийся громкой славой в старообрядческом мире, так и предметы собеседований (о Церкви, о вечности христо-преданного священства и о перстосложении для крестного знамения), должны обратить на настоящую брошюру внимание каждого, кто близко стоит к делу противораскольнической миссии, а особенно, – кто принимает в последней личное непосредственное участие. Помимо обстоятельного изложения оснований православного учения об указанных предметах опровержения обычных раскольнических возражений и уверток, во брошюре разбираются и некоторые из тех доводов новейших защитников раскола, которые в значительной степени приближают самый раскол к сектам рационалистического характера, в роде молоканства или штундизма. В этом отношении, впрочем, брошюра не представляет особенно выдающегося интереса, – конечно потому главным образом, что Швецов, как видно, не счел для себя безопасным прибегать в беседе с опытным миссионером к обоюдоострому оружию голого рационализма.

**XV. Список членов 3-го всерос. Мисс. Съезда,
бывшего в Казани // Миссионерское Обозрение. 1897.
Сентябрь-октябрь, кн.1. С. 929–935**

Командированных епархиальными начальствами и прибывших по собственному желанию из епархий:

Архангельской: 1. Миссионер, священник Павел Матфиевич *Ильинский*, (Студент семинарии); 2. Миссионер, священник Петр Андреевич *Павловский*, (Окончивший семинарский курс); 3. Миссионер, священник Николай Кирович *Дъячков*, (Оконч. семинарский курс).

Астраханской: 4. Епархиальный миссионер, Евтропий Афанасьевич *Кочергин*, (Из раскольнич. начетчиков, обратившийся в православие).

Владимирской: 5. Епархиальный миссионер, Михаил Васильевич *Грацианский*, (Кандидат богословия); 6. Миссионер-сотрудник, крестьянин Тимофей Алексеевич *Николаев*, (В земской школе). **По собственному желанию:** 7. Архимандрит *Исидор*, (Кандидат богословия); 8. Окружной миссионер, священник Григорий Степанович *Орфеев*, (Студент семинарии). **Миссионеры сотрудники:** 9. Крестьянин Афанасий Васильевич *Суриков*; 10. Андрей Григорьевич *Селезнев*, (Домашнего образования).

Владикавказской: 11. Епархиальный миссионер, священник Яков Тимофеевич *Матвеев*, (Обратившийся из раскола); 12. Миссионер, священник Константин Емельянович *Лаптев*, (Обратившийся из сектантов). **По собственному желанию:** 13. Миссионер, священник Капитон Алексеевич *Лавров*, (Обучался в семинарии).

Вологодский: 14. Преподаватель семинарии, Александр Евгеньевич *Введенский*, (Кандидат богословия); 15. Епархиальный миссионер, священник Иоанн Васильевич Полянский, (Кандидат богословия); 16. Помощник епархиального миссионера Стефан Николаевич *Клочков*, (Окончивший семинарский курс), Помощник епархиального миссионера

Николай Александрович Соколов, (Окончивший семинарский курс).

Волынской: 18. Преподаватель семинарии Михаил Васильевич *Ивановский* (Кандидат богословия); 19. Епархиальный миссионер, священник Мануил Матвеевич *Немечен*, (Кандидат университета). **По собственному желанию:** 20. Священник Иоанн *Фролов*, (Оконч. сем.).

Воронежской: 21. Преподаватель семинарии Павел Петрович *Оболенский*, (Кандидат богословия); 22. Епархиальный миссионер Тихон Семенович *Рождественский*, (Кандидат богословия); 23. Окружной миссионер, священник Николай Алексеевич *Волочков*, (Окончившей сем.).

Вятской: 24. Епархиальный миссионер, протоиерей Василий Ильич *Мышкин*, (Студент семинарии); 25. Помощник епархиального миссионера, священник Николай Александрович *Тихвинский*, (Студент семинарии). **Окружные миссионеры:** 26. Священник Георгий Николаевич *Селивановский*, (Студент семинарии); 27. Священник Василий Гавриилович *Ананьин*, (Окончивший семинарский курс). **Уездные миссионеры:** 28. Священник Павел Игнатьевич *Цвейтов*, (Студент семинарии); 29. Священник Феодор Васильевич *Тихвинский*, (Студент семинарии); 30. Священник Алексей Евфимиевич *Лагунов*, (Студент семинарии); 31. Василей Аркадиевич *Тронин*, (Кандидат богословия). **По собственному желанию:** 32. Диакон Моисей Фаддеевич *Глазырин*; 33. Диакон Мартирий Петрович *Желобов*, (В Вятской миссионерской школе).

Донской: 34. Преподаватель семинарии Евграф Михайлович *Овсянников*, (Кандидат богословия); 35. Епархиальный миссионер, священник Николай Петрович *Кутепов*, (Магистр богословия); 36. Епархиальный миссионер, Александр Иванович *Орлов*, (Кандидат богословия); 37. Миссионер, священник Захария Васильевич *Никольский*, (Оконч. сем.). **По собственному желанию:** 38. Псаломщик Калиник А. *Картушин*, (Домашнего образования); 39. Учитель церковно-приходск. школы Николай Николаевич *Вальнев*, (Обучался в семинарии).

Екатеринбургской: 40. Епархиальный миссионер Сергей Николаевич *Романовский* (Кандидат богословия); 41. Окружный

миссионер, священник Адриан Лазаревич *Забалуев*, (Домашнего образования). **По собственному желанию:** 42. Миссионер, – сотрудник Феодот Саввич *Хромцов* (Из раскольников).

Екатеринославской: 43. Преподаватель семинарии Михаил Семенович Брунбендер, (Кандидат богословия); 44. Епархиальный миссионер Анемподист Яковлевич *Дородницын*, (Магистр богословия); 45. Священник Стефан Михайлович *Соболев*, (Студент семинарии). **По собственному желанию:** 46. Единоверческий священник Михаил Семенович *Сушков*, (Обратившийся из раскола).

Казанской: 47. о. Ректор духовной академии, архимандрит *Антоний*, (Магистр богословия); 48. Профессор духовной академии, д.с.с. Николай Иванович *Ивановский*, (Доктор богословия); 49. Преподаватель семинарии Василий Иванович *Беликов*, (Магистр богословия); 50. Епархиальный миссионер, свящ. Иоанн Никифорович *Куницин*, (Из обратившихся в православие раскольничий начетчик); 51. Окружный миссионер-священник Петр Андреевич *Виноградов*, (Обучался в семинарии); 52. Уездный миссионер-священник Константин Ильич *Далматов*, (Студент семинарии). **Священники:** 53. Петр Иванович Касаткин, (Студент семинарии); 54. Григорий Семенович *Салмин*, (Из раскольнических начетчиков); 55. Лев Васильевич *Агатицкий*, (Обучался в семинарии); 56. Миссионер-сотрудник, мещанин Константин Яковлевич *Молодкин*, (В приходском училище).

Калужской: 57. Преподаватель семинарии Михаил Павлович Чельцов, (Кандидат богословия); 58. Епархиальный миссионер, священник Михаил Савельевич *Дударев*, (Обратившийся из раскола); 59. Священник Петр Александрович *Любимов*, (Студент семинарии); 60. Епархиальный миссионер, священник Иоанн Иоаннович *Жаров*, (Студент семинарии); 61. Миссионер-священник Василий Андреевич *Смирнов*, (Студент семинарии); 62. Миссионер-священник Иоанн Михайлович *Жаров*, (обратившийся из раскола, обучался в V и VI кл. сем. в качестве начетч.). **По собственному желанию:** 63. Священник-миссионер Алексей Михайлович *Знаменский*, (Обучался в семинарии).

Киевской: 64. Преподаватель семинарии Хрисанф Владимирович *Корчинский*, (Кандидат богословия). **Епархиальные миссионеры:** 65. Священник Димитрий Никитич *Слюсарев*, (Кандидат богословия); 66. Александр Адрианович *Левицкий*, (Кандидат богословия).

Кишиневской: 67. Преподаватель семинарии Сергей Димитриевич *Маргаритов*, (Кандидат богословия). **Окружные миссионеры:** 68. Священник Феодосий Степанович *Воловей*, (Студент семинарии); 69. Священник Иларион Иванович *Софронович*, (Окончивший семинарский курс).

Костромской: 70. Преподаватель семинарии Александр Евлампиевич *Юницкий*, (Кандидат богословия); 71. Епархиальный миссионер-священник Иоанн Афанасьевич Иванов, (Оконч. сем.); 72. Окружный миссионер, священник Алексей Александрович *Скворцов*, (Студент семинарии). **По собств. желанию:** 73. Ректор семинарии, протоиерей Иоанн Яковлевич Сырцов, (Магистр богосл.); 74. Миссионер-священник Никанор Иванович *Николаевский*, (Студент семинарии); 75. Преподаватель семинарии *Дмитрий Скворцов*, (Канд. бог.).

Литовской: 76. Преподаватель семинарии Михаил Иванович *Хвалынский*, (Кандидат богословия); 77. Епархиальный миссионер-священник Димитрий Семенович *Губин*, (Оконч. сем.); 78. Священник Евстафий Георгиевич *Калисский*, (Оконч. сем.).

Минской: 79. Преподаватель семинарии Александр Васильевич *Товаров*, (Кандидат богословия).

Могилевской: 80. Миссионер-священник Алексей Петрович *Елеонский*, (Кандидат богословия); 81. Священник Василий Феодорович *Голынец*, (Студент семинарии). **По собственному желанию:** 82. Преподаватель семинарии Александр Яковлевич *Зыков*, (Кандидат богословия).

Московской: 83. И.д. доцента академии Илья Михайлович *Громогласов*, (Кандидат богословия); 84. Преподаватель семинарии Димитрий Александрович *Некрасов*, (Кандидат богословия); 85. Преподаватель семинарии Сергей Дмитриевич *Муретов*, (Кандидат богословия); 86. Миссионер гор. Москвы, священник Сергей Михайлович *Марков*, (Кандидат богословия); 87. Иеромонах *Мина* (Шустов), (Домашнего образования). **По**

собств. желанию: 88. Секретарь москов. синодальной конторы Василий Петрович *Дорофеев*, (Кандидат богословия); 89. Священник Константин Алексеевич *Голубев*, (Студент семинарии).

Нижегородской: 90. Секретарь духовной консистории Михаил Иванович *Макарьевский* (командирован по распоряжению Г.И. об. Обер-прокурора Св. Синода), (Кандидат богословия); 91. Преподаватель семинарии, протоиерей Алексей Александрович *Порфирьев*, (Кандидат богословия); 92. Епархиальный миссионер, священник Николай Васильевич *Фиалковский*, (Окончивший семинарский курс). **Окружные миссионеры:** 93. Священник Владимир Гавриилович *Орлов*, (В духовном училище); 94. Крестьянин Федор *Тарутин*, (Домашнего образования); **Сотрудники-миссионеры:** 95. Мещанин Василий Иванович *Ногичев*, (Домашнего образования); 96. Крестьянин Иван Петрович *Ломакин*, (Домашнего образования). **По собств. желанию:** 97. Учитель церковно-приходской школы, Стефан Иванович *Костров*, (В сельской школе).

Новгородской. Епархиальные миссионеры: 98. Иеромонах *Варсонофий*, (Окончивший семинарский курс); 99. Священник Михаил Васильевич *Войн*, (Студент семинарии).

Олонецкой. Миссионеры-священники: 100. Василий Степанович *Ржановский*, (Студент семинарии); 101. Анатолий Игнатьевич *Казанский*, (Студент семинарии).

Оренбургской: 102. Епархиальный миссионер, Милий Ионович *Головин*, (Кандидат богословия); 103. Миссионер-священник Игнатий Савич *Истомин*, (Обратившийся из раскола). **По собств. желанию:** 104. Священник Дмитрий Федорович *Неаполитанов*, (Студент семинарии); 105. Священ. Иоанн Евстратиевич *Евстратьев*, (Из раскольников); 106. Священник Петр Гаврилович *Самохин*, (Из раскольников); 107. Священник Иван Павлович *Соломин*, (Окончивший сем.).

Орловской: 108. Преподаватель семинарии Александр Иванович *Георгиевский*, (Кандидат богословия); 109. И.д. епархиального миссионера священник Лев Иванович *Адамов*, (Студент семинарии).

Петербургской: Командированные обер-прокурором Св. Синода: 110. Чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода Василий Михайлович *Скворцов*, (Кандидат богосл.); 111. Старший секретарь Св. Синода Петр Викторович *Гурьев*, (Магистр богословия). **Епархиальным начальством:** 112. Преподаватель семинарии Василий Аникитич *Прозоров*, (Кандидат богосл.); 113. Синодальный миссионер, протоиерей Ксенофонт Никифорович *Крючков*, (Обратившийся из раскола); 114. Священник философ Николаевич *Орнатский*, (Кандидат богословия). **По собств. желанию:** 115. Священник Василий Васильевич *Белогостицкий*, (Кандидат богословия); 116. Миссионер Александр Александрович *Зыбин*, (Окончивший курс гимназии).

Полоцкой: 117. Преподаватель семинарии Василии Константинович *Тычинов*, (Кандидат богословия). **Епархиальные миссионеры:** 118. Священник Игнатий Фомич *Сченонович*, (Оконч. семинарский курс); 119. Петр Мартынович *Лепин*, (Студент семинарии). **По ообств. желанию:** 120. Священник Василий Михайлович *Ильин*, (Из раскольников).

Пензенской: 121. Преподаватель семинарии Константин Николаевич *Корольков*, (Кандидат богословия); 122. Епархиальный миссионер, священник Константин Ананиевич *Попов*, (из раскольников, домашнего образования); 123. Окружный миссионер, священник Симеон Васильевич *Магнусов*, (Студент семинарии).

Полтавской: 124. Преподаватель семинарии Владимир Николаевич *Терлецкий*, (Кандидат богословия); 125. Наблюдатель церковно-приходских школ, священник Иустин *Ольшевский*, (Кандидат богословия),

Пермской: 126. Епархиальный миссионер, протоиерей Стефан Александрович *Луканин*, (Студент семинарии); 127. Окружной миссионер, священник Федор *Дионисиевич*, (Обратившийся из раскола).

Подольской: 128. Преподаватель семинарии Сергей Павлович *Киржацкий*, (Кандидат богословия).

Псковской: 129. Священник Георгий Петрович *Лучебуль*, (Из учительской семинарии); 130. Помощник епархиального

миссионера, священник Симеон Иванович *Попов*, (Студент семинарии); 131. Священник Евгений Иванович *Никольский*, (Окончивший семинарский курс).

Рижской: 132. Преподаватель семинарии, священник Владимир Игнатьевич *Плисс*, (Кандидат богословия); 133. Священник Трифон Минович *Прокопиев*, (Из раскольников).

Рязанской: 134. Преподаватель семинарии Петр Павлович *Добромыслов*, (Кандидат богословия); 135. Епархиальный миссионер Иван Петрович *Строев*, (Кандидат богословия). 136. Окружной миссионер, священник Александр Иванович *Дунаев*, (Студент семинарии). **По собств. желанию:** 137. Учитель начального училища Михаил *Дмитриев*, (Окончивший семинарский курс).

Самарской: 138. Архимандрит единоверческого монастыря *Тихон*, (Оболенский), (Врач); 139. Епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ, священник Алексей Михайлович *Матюшинский*, (Кандидат богословия); 140. Епархиальный миссионер, священник Евгений Васильевич *Кесарев*, (Студент семинарии); 141. Епархиальный миссионер, священник Димитрий Александрович *Александров*, (Студент семинарии); 142. Окружной миссионер, священник Александр Александрович *Казанский*, (Оконч. сем.); 143. Священник Михаил Иванович Матюшенский, (Студент семинарии); **По собств. желанию:** 144. Окруж. миссионер, священник Михаил Маркович *Алексеев*, (Студент семинарии); 145. Окружной миссионер Лев Семенович *Саблин*, (Из раскольников).

Саратовской: 146. Преподаватель семинарии Александр Яковлевич *Лебедев*, (Кандидат богословия); 147. Епархиальный миссионер, священник Николай Васильевич *Архангельский*, (Кандидат богосл.); 148. Миссионер священник Владимир Петрович *Космолинский*, (Кандидат богословия). **По собств. желанию:** 149. Окружной миссионер свящ. Памфил Григорьевич *Медведев*, (Домашнего образования); 150. Миссионер-священник Иван Афанасьевич *Климов*, (Из раскольников); 151. Миссионер-сотрудник, крестьянин Исидор Иванович *Востряков*, (Оконч. миссионерск. школ.); 152. Миссионер-сотрудник, мещанин Андрей Михайлович *Онисимов*, (Оконч. курс миссион. школы).

Симбирской: 153. Преподаватель семинарии, священник Серафим Иванович *Введенский*, (Кандидат богословия); 154. Епархиальный миссионер, священник Алексей Петрович *Сокольский*, (Студент семинарии); 155. Протоиерей Андрей Ксенофонтович *Арнольд*, (Студент семинарии); 156. Епархиальный миссионер, священник Василий Зотович *Травин*, (Студент семинарии). **По собств. желанию:** 157. Священник Иаков Алексеевич *Благовидов*, (Кандидат богословия); 158. Окружной миссионер, священник Михаил Васильевич *Никольский*, (Студент семинарии); 159. Единоверческий священник Георгий Андреевич *Турылев*, (Из раскольников).

Смоленской: 160. Преподаватель семинарии Алексей Тимофеевич *Никольский*, (Кандидат богословия). **Уездные миссионеры-священники:** 161. Николай Николаевич *Балашов*, (Студент семинарии); 162. Николай Иванович *Клитин*, (Окончивший семинарский курс).

Ставропольской: 163. Преподаватель семинарии, священник Константин Васильевич *Кутепов*, (Магистр богословия); 164. Епархиальный миссионер, священник Симеон Яковлевич *Никольский*, (Кандидат богословия); 165. Епархиальный миссионер, слепец Алексей Егорович *Шашин*, (Из раскольников). **По собств. желанию:** 166. Кубан. обл. единоверч. священник Михаил *Калышкин*, (Из раскольников); 167. Священник Петр *Данилов*, (Окончив. семинар. курс); 168. Окружной миссионер, священник Елисей *Купин*, (Домашнего образования).

Таврической: 169. Преподаватель семинарии Алексей Лукич *Высотский*, (Кандидат богословия); 170. Епархиальный миссионер, священник Павел Петрович *Тихвинский*, (Студент семинарии).

Тамбовской. Епархиальные миссионеры: 171. Дмитрий Иванович *Боголюбов*, (Кандидат богословия); 172. Священник Василий Филиппович *Стеменский*, (Студент семинарии); 173. Окружной миссионер, священник Иоанн Михайлович *Орлов*, (Студент семинарии).

Тверской: 174. Преподаватель семинарии Иван Александрович *Виноградов*, (Кандидат богословия); 175.

Епархиальный миссионер, священник Павел Васильевич *Шавров*, (Окончившей семинарский курс); 176. Миссионер, священник *Макарий Иванович Комаров*, (Кандидат богословия).

Томской: 177. Преподаватель семинарии Иван Петрович *Новиков*, (Кандидат богословия); 178. Миссионер, священник Павел Леонтьевич *Соколов*, (Студент семинарии).

Тульской: 179. Преподаватель семинарии и миссионер Александр Иванович *Бриллиантов*, (Кандидат богословия); 180. Священник единоверческой церкви Дометий Ерофеевич *Холопов*, (Из раскольников).

Уфимской: 181. Преподаватель семинарии, священник Евграф Васильевич *Еварестов*, (Кандидат богословия); 182. Священник Михаил Николаевич *Архангельский*, (Окончивший семинарский курс).

Харьковской: 183. Профес. универс., протоиерей Тимофей Иванович *Буткевич*, (Магистр богословия); 184. Епархиальный миссионер, священник Леонид Иванович *Твердохлебов*, (Кандидат богословия).

Херсонской: 185. Епархиальный миссионер Михаил Александрович *Кальнев*, (Кандидат богословия); 186. Окружной миссионер, священник Владимир Григорьевич *Станиславский*, (Студент семинарии); **По собств. желанию:** 187. Окружной миссионер, священник Иоанн Павлович *Михайловский*, (Студент семинарии); 188. Священник Николай Игнатьевич *Бортовский*, (Студент семинарии).

Холмско-Варшавской: 189. Протоиерей Иоанн Степанович Добровольный, (Студент семинарии).

Черниговской: 190. Преподаватель семинарии Александр Иванович *Никольский*, (Кандидат богословия). **Епархиальные миссионеры-священники:** 191. Иоанн Петрович Рябухин, (Из раскольников); 192. Василий Андреевич *Родионцев*, (Из раскольников).

Ярославской: 193. Преподаватель семинарии Владимир Иванович *Дмитревский*, (Кандидат богословия); 194. Священник Василий Сергеевич *Алферов*, (Студент семинарии); 195. Священник Константин Григорьевич *Наумов*, (Студент

семинарии); 196. Миссионер-сотрудник, крестьянин Николай Игнатьевич *Касаткин*, (Домашнего образования).

Ноябрь, книга 1-я

«Яко же посла Мя Отец, и Аз
посылаю вы». Ин.20:21.

"Идите **паче** ко овцам погибшим
дому Израилева». Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии
моей». Рим.10:1–3.

І. Сикорский Ив.А., профес. Университ. Св. Владимира. Психопатизм в среде заживо-замурованных насельников раскольничьих тираспольских скитов.⁸⁸ // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 937–961

I.

Великой красотой отличается приднестровская долина реки с ее густой яркой зеленью, живописными берегами и могучей растительностью, которая своей сплошной зеленой пеленой обозначает старое широкое русло реки. Богатые покрыли всю долину и источником богатства и довольства... И здесь, в этом благодатном уголке свила гнездо мрачная человекоубийственная секта. Своим дыханием она отравила жизнерадостное-население долины и привела к страшным событиям, которые – если бы они даже были кровавыми – и тогда были бы менее ужасны. Благодаря действительности секты здесь – в благодатной долине нашли себе вольную или невольную смерть два с половиною десятка людей, из коих большая часть были женщины и дети всех возрастов, не исключая грудных младенцев. В довершение всех ужасов смерть была медленной и одной из самых мучительных.

Днестр своим быстрым извилистым руслом образует массу островов и заливов (лиманов). Все широкая долина реки изрезана ее рукавами и богата часто заливаемыми водой низинами с тучным черноземом. Эти низины с небольшими на них возвышениями носят местное название плавней. Плавни покрыты необыкновенно плодородной почвой и богаты фруктовыми садами и огородами; части же долины, прилегающие к берегу, изобилуют виноградниками. Село Терновка находится в четырех или пяти верстах от Тирасполя и расположено в плавнях. В непосредственном соседстве с Терновкой расположены многочисленные хутора и между ними – хутора, принадлежащие раскольническому семейству Ковалевых и их родственникам. Усадьба Ковалевых представляет значительную земельную собственность, оцененную тысяч в двадцать рублей.

II. Раскольничий скит

В этой находили приют не только переходные сектанты, но существовало даже целое учреждение – *скит*, в котором имели постоянное пребывание представители секты обоего пола, ведущие безбрачную жизнь и составляющие нечто в роде старообрядческого монастыря.

Скит представляет собою небольшое, низкое здание, с фасада напоминающее собою экипажный сарай, с широкими фальшивыми входными воротами, которыми отделан фасад, и небольшими оконцами в роде слуховых отверстий в нежилых зданиях. На самом деле никакого въезда в сарай не существует; это – лишь скрывающая действительное расположение и назначение здания. Настоящий фасад и вход в здание – с противоположной стороны. Но этот истинный вход и истинный фасад просто, но искусно и умело замаскирован широким валом из соломы и тростинка, представляющим собою как бы склад этих материалов. Однако же, на самом деле описываемый вале, представляет собою постоянную постройку, которая своей верхней частью сливается с крышей близ лежащего здания и предназначена для замаскирования его. Между валом и зданием скита идет во всю его длину узенький коридор. С коридора ведут несколько входных дверей в различные части здания. Здание это и есть раскольничий скит, в котором имели временное и постоянное жительство переходов и постоянные жильцы Терновской раскольничьей общины. Самый вход в описанный выше коридорчик так искусно расположен и замаскирован, что его трудно заметить. Все описанное устройство явным образом рассчитано на то, чтобы скрыть как назначение здания, так в особенности входы и выходы из него. В самой существенной части здания рядом с главной моленной расположен поперечный коридорчик, который ведет в противоположные части усадьбы и представляет полную возможность скрыться жильцам *скита* тем или другим путем, в зависимости от условий обыска. Все подробности устройства *скита* продиктованы страхом, осторожностью и подозрениями. Здание невзрачно, низко; его крошечный оконца маскированы задвижными ставнями,

разделанными под цвет фасада и т.д. В большей части комнат находятся потайные ходы и спряты. Все показывает, что здешний обитатель пребывал в постоянной тревоге и в любую минуту был готов и мог бежать. Вместе с тем внутренность здания отличается мрачным характером и крайне неприветлива; все показывает, что люди жили здесь не только в страхе, но и в какой-то человекобоязни и мрачности.

Жильцы скита вели себя так, как люди скрывающиеся и живущие в постоянном страхе: они редко выходили из здания, разве по ночам, днем же, напр., для необходимых работ, они выходили по одному и не более, как по два, и то, до известной степени, маскируя себя костюмами легальных жильцов Ковалевской усадьбы.

Обыкновенным времяпрепровождением *скитников* были молитва, чтение, беседа, при постоянном общении с некоторыми из членов семейства Ковалевых, которые, так сказать, прониклись духом религиозного настроения скита. Эти последние совершали значительную часть работ, напр., относящихся к домашнему обиходу, облегчая или, лучше сказать, заменяя работу обитателей скита.

III. Скит и местное население

До осени 1896 года в Ковалевских хуторах существовали две совершенно чуждые друг другу жизни – жизнь *скита* и трудовая жизнь *хозяев усадьбы*, и их родственников. Эти жизни были близки только по месту, но в других отношениях близости не было, за исключением того обстоятельства, что отдельные члены семейства Ковалевых сближались со скитом и являлись его поклонниками и паломниками. Но главным образом скит в усадьбе Ковалевых, являлся всероссийским религиозно-благотворительным учреждением согласно устному завещанию основателя Ковалевской усадьбы и семьи. Представительницей хутора и его жизни является старуха Ковалева, мать Федора Ковалева, представительницей скита является Виталия.

Виталия, уроженка Херсонской губернии, девица около 35 или 40 лет, она отличалась энергией и большой решительностью. Виталия появляется впервые в Терновских хуторах лет 12 тому назад. Первоначально она наезжала, по временам, в Терновский скит, а в последние три года основалась в нем окончательно и приняла в свои руки заведывание делами и всей внутренней жизнью скита.

До того времени скит представлял собой скорей мужской раскольничий монастырь, но с водворением в нем Виталии, преобладающая роль переходит к женщинам, и в переход последних событий это уже было монастырское общежитие с женской иерархией и администрацией во главе. Хотя в отдельных кельях скита жили и мужчины, немногие старички, но они занимали второстепенное положение и не принимали никакого участия в управлении делами, подчиняясь всецело главенству Виталии. Виталия распоряжалась всем в делах административного характера, а также и в чисто религиозных делах. Она распределяла комнаты между жильцами скита, назначала им порции, определяла времяпрепровождение, начальствовала над всеми, но также отправляла богослужение, проповедовала, поучала, добывала тайны для причастия, и сама приобщала скитников – кого часто, кого чрез каждые сорок дней, кого реже. Ее воля, ее авторитет требовался повсюду.

Некоторые члены Ковалевской семьи подпали безусловно под ее влияние.

Как ни казалась значительной и всеобъемлющей деятельность и личность Виталии, но рядом с ней стоит другая личность, которой, по всей вероятности, принадлежит первостепенная роль во всех замыслах и в психологической подготовке всех роковых событий в Терновских хуторах. Это была Поля Младшая. Поля Младшая, и Поля Старшая, по-видимому, были родные сестры, по фамилии Скачковы. Старшая Поля никакой роли в деле скита не играла, но младшая имела огромное влияние на Виталию. Последняя не делала и, по-видимому, не могла сделать ни чего без совещания с Полей. Об этом живо и картинно рассказывал Федор Ковалев. По его словам, Виталия хорошо постилась, молилась, громко и внятно читала по церковному, но гражданское письмо и газеты читала и понимала плохо. Поля же отлично и бегло все читала и толковала. Виталия не могла обходиться без Поли и решительно во всем совещалась с нею. По словам Ковалева, Виталия и Поля *«все делали вдвоем»*. Посоветовавшись с Полей, запасшись от нее сведениями и объяснениями, Виталия становилась смелой и деятельной.

IV. Идейное брожение

Мирная, безмятежная жизнь обитателей Терновских хуторов впервые была нарушена брожением, начавшимся в среде скита, осенью 1896 года. (Ковалев с определенностью указывает именно этот срок. То же подтверждается и показаниями старика Я. Я-го). Виталия и Поля стал постоянно говорить о имеющих якобы наступить преследованиях старообрядцев. Говорилось, что старообрядцев всех толков и сект станут ссылать в ссылку, или будут заключать в остроги и тюрьмы. Проповеди и предсказания Виталия на этот счет производили значительное деяние и вызвали волнение и беспокойство, которое она никогда не старалась успокоить, а напротив – старалась усилить и раздать. Никогда из ее уст не раздавались слова надежды и примирения. Напротив, она постоянно поддерживала возбуждение и запугивала, часто говорила, что наступят еще худшие времена, и что нужно всего ждать. Постоянные чувства, свойственные обитателями скита: *раздражение, подозрительность, неосновательные страхи* сказывались у Виталии в большей степени, чем прежде. Ее тревожные речи действовали на окружающих, в особенности на молодых, женщин и на подростков, но также и на старуху Ковалеву. Последняя часто плакала и говорила детям: «я умру, как вы останетесь без меня».

Как можно заключить из наивных рассказов Федора Ковалева, начало осени 1896 года (сентябрь, октябрь) прошло в беспокойстве и тревожных думах: все ждали то ссылки в отдаленные места, то заключения в тюрьму. Ожидания эти были настолько серьезны, что вызвали приостановку обычного хода дел и привели к нелепым решениям и действиям. Так, некоторые запаслись платьем (шубами, валенками и проч.), в ожидании близкой якобы ссылки на далекий север. Сам Ковалев рассказывает о себе, что он и другие стали продавать вещи почти за бесценок, что сам он делал неосновательно расходы, «сорил деньгами», находясь под влиянием чувства неизвестности и отчаяния. Вечера и ночи проходили в беспокойных думах и разговорах, в которых принимали участие

женщины, подростки и дети; вследствие чего беспокойство и волнения нарастали, а решения заменялись фантастическими предположениями. В этих разговорах и волнениях созрели два решения: предполагалось в случае ссылки запастись в достаточном количестве теплым платьем, в случае же заключения в тюрьму решали, по совету Виталии, *запоститься*, т.е., уморить себя голодной смертью. На этом остановилась большая часть. Немногие из мужчин давали совет «*дождаться, что будет*», ничего не предпринимая. Этот благоразумный исход, к сожалению, не имел места, главным образом, потому, что психологический центр всего дела перешел к затворницам и вообще к женщинам и в силу этого получил оттенок страстного, горячего, отвлеченного дела, которое не справлялось с внешней жизнью и действительностью.

С Рождественского поста (с Филипповки) беспокойное настроение Терновских скитников и хуторам значительно усилилось, проводились нередко то в той, то в другой семье бессонные ночи в бесполезных причитаниях и самоустрашениях, и посылавшиеся к Виталии за разъяснениями – женщины, подростки и дети, иногда сам Федор Ковалев и другие, – возвращались от нее с уверениями о скором пришествии антихриста, об имеющих наступить войнах и о том, что признаком всех, грядущих бед является совершившееся будто бы недавно снятие кровли с Иерусалимского храма. Вместе с тем говорилось, что народная перепись – это печать антихриста и внесение человека в перепись равносильно наложению этой печати и вечной гибели человека. Тогда уже Виталия давала совет «*запоститься*», не дожидаясь, *что будет дальше*.

Уже в ноябрь и в особенности в декабре большинство обитателей находилось в состоянии почти непрерывного страха и тяжелых мрачных ожиданий. Это мрачное состояние не освещалось никаким лучом надежды. Смерть, гибель казалась неминуемыми. Такое гуртовое настроение, овладевшее всеми, делало жизнь тяжелой и предрасполагало к самоубийству.

Наиболее губительным оказалось влияние Виталии на полувзрослых детей.

V. Слухи о народной переписи

Народная перепись явилась тем внешним событием, тем подходящим предлогом, к которому стало приорочиваться существовавшее уже раньше душевное волнение. В это время выступили на сцену и ярко сказались *исторические переживания*. В Терновских событиях нашего времени мы видим много общего с *самосожиганиями, самоутоплениями и самоистреблениями*, которые с особенной силой проявились в конце XVII и в XVIII веке в нашем отечестве, которые нескоро исчезли вполне и даже проявились в 1802 году. Терновские события составляют лишь одно из последних звеньев в этом своеобразном явлении, свойственном русскому народу.

Когда в декабре прошлого года счетчики народной переписи постучались в дверь *Терновского скита*, то сунувшаяся рука передала им записку, которая носит яркий архаический характер и отличается всеми признаками исторического переживания. *«Мы христиане, говорилось в записке. Нам нельзя никакова новаго дела принимать, и мы несогласны по новому и записывать имя и отчество. Нам Христос есть за всех и отчество, и имя. А ваш новый устав и метрика отчуждают от Христа и от истинныя христианския веры и приводят в самоотвержение отчества, а наше отчество Христос. Нам Господь глаголет во святом Евангелии своем. Рече Господь своим учеником: всяк убо иже исповестъ мя пред человеки: исповею его и аз пред оцем моим, иже на небесех, а иже отвержется мене пред человеки отвергуся его и аз пред отцем моим иже на небесех. Посему отвечаем мы вам вкратце и окончательно, что мы от истинного Господа нашего Иисуса Христа отвержения не хотим и от православныя веры и от святыя соборныя и апостольския церкви отступить не желаем и что святии отцы святыми соборами приняли, то и мы принимаем, а что святии отцы и святии апостолы проклинали и открываем. А вашим новым законам повиноватися никогда не можем, но желаем паче за Христа умерети».*

Почти такого же содержания грамота⁸⁹ и точно также была подана в оконце раскольниками, которые сожглись в 1736 году. То же читаем в письма, поданном сгоревшими раскольниками в 1723 году, наконец, те же чувства находим в основании самоубийственных решений. К разбору этого психического состояния мы еще возвратимся впоследствии.

VI. Пред самоистреблением

Наибольший психологический интерес представляют время и события, непосредственно предшествовавшие роковым решениям Терновских сектантов. За несколько дней до рокового дня 23 декабря во время беспокойной ночи, проведенной в избе Фомина, обсуждался вопрос о возможной судьбе детей в случае ожидавшегося заключения взрослых в остроги. Так как предполагалось *«запоститься в остроге»*, то некоторые выразили мысль, что, по смерти взрослых, дети будут крещены по православному. При этой вести Анюша, державшая на руках ребенка, крепко прижала его и произнесла слова: *«погибель, лучше пойду с ним в могилу»*. Об этих словах было немедленно доведено до сведения Виталии девочкой Фоминой, а впоследствии самим Ковалевым. Ковалев рассказывает, что Виталия, услышавши про слова Анюши, вопреки его ожиданиям, не только не выразила его жене порицания, но сказала: *«это она хорошо придумала, это пророчество. Добро, что она это нагадала, ей первой будет спасение»*. И тут же Виталия строго сказала Ковалеву, что, если он не согласится на Аннушкино решение, то на него упадет грех за *три души* (Ковалев понимал: за душу жены и двух детей). Эти слова сильно подействовали на Федора Ковалева, но еще более подействовали подобный же слова матери, с которой, как видно, Виталия немедленно переговорила. После этого колебания Федора исчезли, и он пристал к решению жены. С этого времени мысль о могиле или, как выражается Ковалев, *«о яме»* овладела всеми. *«В яму»*, было всеобщим решением, в особенности в среде женщин. С этим временем, по словам Ковалева, совпадает необыкновенно напряженная и спешная деятельность Виталии. Она всех торопила: *«скорей, скорей»*, и стала принимать во всем не только распорядительное, но и исполнительное участие, приготавливала погребальный принадлежности, приглашала к себе детей и женщин.

Необходимо прийти к заключению, что мысль о закапывании заживо созрела в ските уже в ноябре, (т.е., задолго до произнесения Анюшей ей патетических слов) и, однако ж, по

переходе в избы Терновских обитателей эта мысль вызвала на первое время немалое смущение и возражения. Одни требовали пассивного отношения к ожидавшимся событиям: «будет ждать, что будешь» – вначале добивался и Федоре Ковалев; другие восставали против самой мысли о закапывании, усматривая в этом замаскированное самоубийство, многие прямо говорили: «это все равно, что наложить на себя руки» ..., «как бы от одного греха уйти, да не попасть в другой». Для решения этих недоумений, читали много старых книги, и «великие были споры». В таком положении дело оставалось до второй половины декабря. В обсуждениях, которые велись в ските и вне его, Виталия стала принимать чрезвычайно живое участие, и ею была высказана мысль, что *все, что делается для Бога – не грех*, и она вместе с Полей нашла в книгах будто бы подтверждение правильности такого мнения. После этого – наложить на себя руки для многих уже не казалось делом греховным. Таким образом мысль о закапывании – живьем вышла несомненно из скита и после борьбы и противодействия возымела, наконец, власть над обитателей хуторов, психологический момент и торопилась дать возможно быстрый ход делу. Она коварным образом приглашает к себе родную сестру свою Елизавету Денисову из Николаева под тем предлогом, что якобы она (Виталия) тяжело больна и желает проститься с сестрой. Отъезд Денисовой в Терновские хутора был совершенно неожиданным для ее мужа, и для ее детей, и для родных. Как видно из рассказов Федора Ковалева, Виталия, с приездом Денисовой, быстро и решительно повела свое убийственное дело. Она вышла из своего скрытного состояния, всех заторопила и, общими усилиями, у Денисовой, совершенно к тому неподготовленной, исторгнуто было согласие на закапывание вместе с другими, так, что уже на следующий день по приезде, Денисовой в хутора произошло закапывание. Сам Ковалев удивляется быстроте, с которою Денисова согласилась на закапывание. Очевидно, что настроение в хуторах до такой степени было сильно, что Денисова сразу подчинилась общему решению. Таким образ, едва ли можно сомневаться в том, что *Виталия звала к себе сестру с готовым намерением закопать*

ее *вместе с другими*. Не остается также сомнения и в том, что поспешный вызов Денисовой сделан был Виталией в тот именно момент, когда колебания хуторян были сломаны, и когда уже две семьи – семья Фоминых и семья Федора Ковалева – изъявили согласие закопаться в яме. Ковалев настолько любил детей и свою Анюшу, что уже не колебался идти с ними в общую могилу, побуждаемый к тому и женой, и собственной матерью. По-видимому, Денисова должна была послужить лептой или жертвенной данью со стороны Виталии на этом алтаре сочиненного ее безумного замысла. Таким же жертвенным приношением со стороны Поли Младшей явился ее отец. И Виталия, и Поля для успеха дела нашли необходимым дать каждая от себя по человеческой жертве. Виталия не щадила красок и сильных слов и не останавливалась ни пред какими средствами: *она говорила, что и антихрист пришел, что конец мира наступит не то, что чрез год-два, а может быть чрез два-три дня*, что тот, кто не захочет закопаться, делает пустой расчет в каких-нибудь два-три лишних дня жизни. Виталия приводила своими речами всех в совершенное отчаяние. По словам Ковалева, Виталия останавливалась на подробностях предстоящей смерти, она не скрывала ее ужасов и говорила, что закопавшиеся проживут от одного до трех дней, не более, но затем непосредственно перейдут в чертоги небесные. «Два-три дня мук, говорила она, ничто в сравнении с муками вечными. Подумай, поясняла она каждому, можешь ли ты пересчитать дождевые капли: сколько капель в дожде, столько лет муки в аду; лучше два-три дня муки в яме и – небесное царствие».

VII. Заживо погребенные (первая группа)

Ночь на 23 декабря проведена была намеченными жертвами в доме Назара Фомина. Сверх того, здесь была Виталия, Поля Младшая и монашка Таисия, известная под именем *Таисии Российской*, и слабоумный брат Ковалева Дмитрий. В расстоянии нескольких, аршин от дома, вдоль стены его, идет тот погреб, который в эту ночь должен был сделаться человеческой могилой. С 7 или 8 часов вечера изба Фомина уже была наполнена людьми. Собравшиеся после церковных служб, песен, сопровождавшихся слезами и взаимным прощанием, спустились в погреб, и здесь общими усилиями началось приготовление могилы, Фоминым, при участии Федора Ковалева и Кравцова, было пробито отверстие в задней стене погреба, и затем все они трое с поспешностью начали рыть мину. Несколько часов длилась работа и, наконец, была готова небольшая комнатка (мина) таких размеров, что человек и вдоль, и поперек ее мог свободно поместиться в лежащем положении; мина была пяти аршин длины, столько же ширины и более двух аршин высоты в средней части, так как была сводообразной формы и в средней части ее человек мог стоять почти не сгибаясь. Раньше, чем была окончательно готова импровизированная могила, из дома Фоминых некоторые из оставшихся там спустились в погреб и здесь почти все, не исключая и Виталию, принимали участие в приготовлении могилы – кто рыл, кто убирал землю. Все были в большом волнении, и всех торопила Виталия. Пред роковым моментом все жертвы оделись в *смертное* платье. После общей похоронной службы, спетой всеми, первой вошла в приготовленную могилу Анюша с двумя детьми.

Вообще в этом, беспримерном по своим ужасам, событии женщины были впереди и направляли дело. Когда вошли все участники, и готовился последним войти Федор Ковалев, уже в числе первых твердо решившийся умереть, то тут неожиданно возникло, некоторое недоумение. Фомин, который должен был заложить мину снутри, колебался, боясь, как бы это действие не было равносильно наложению на себя рук; он усиленно, со

слезами стал умолять Ковалева не входить в мину и заложить ее снаружи. Так как обстоятельство это вызвало неожиданную задержку, то Виталия дала распоряжение, чтобы Ковалев остался снаружи и закладывал мину. Таким образом в мину вошли девять человек: Назар Фомин лет 45, с женой Домной 40 лет и тринадцатилетней дочерью Прасковьей, Евсей Кравцов 18 лет, работник, в доме Фомина, Анюша Ковалева 22 лет с двумя дочерьми – 4 лет и грудной, Елизавета Денисова 35 лет, родная сестра Виталии, старик Скачков, лет около 70, – отец Поли Младшей. Закрытие отверстия происходило быстро и с особенной торопливостью. Виталия, как простой рабочий, разбрасывала и утаптывала землю на дне погреба, с целью скрыть след совершившегося. Отверстие заложено было камнем на глине и, по словам Ковалева, с некоторыми усилиями его можно было бы раскрыть. Но для большей верности дела мина была заложена двойной стенкой, именно, снутри выведена была Фоминым вторая стенка, так что кладка Фомина и сладка Ковалева прилегали одна к другой, Фомин и Ковалев работали одновременно.

Как только заложен был Ковалевым последний камень, он вместе с Виталией, Полей Младшей и монашкой Таисией быстро вышли из погреба, заперли его на замок и поспешно, почти бегом, удалились. Два или три дня Ковалев и не приближался к этому месту. – Теперь переходим к судьбе закопанных.

Слезы, молитвы, взаимным прощания и экстаз, в котором находились в последнюю ночь все решившиеся *«закопаться в яме»*, были так велики, а торопливость, с которою шло все дело, была так необычна, что эти условия исключали для людей всякую возможность, хотя бы на минуту остановиться и подумать о страшном будущем, которое скоро должно было для них наступить. Все вошли в яму с горящими свечами, книгами, иконами; кроме того, они захватили с собой мужской тулуп, чтобы было на чем положить детей, и корыто, чтобы укачивать в нем грудного ребенка Ковалевой. Замуровавшиеся сидели со свечами и, вероятно, умерли раньше, чем погас последний огонь, судя по тому, что при открытии ямы в апреле найдено было, что крышка столика, на котором стояла свечка, оказалась

значительно обгоревшей, – что могло случиться в ту пору, когда заключенные в могиле были мертвы или находились в агонии. Горение свечи в замкнутом пространстве могло еще продолжаться и в то время, когда человеческая жизнь уже была невозможна.

Сколько времени могли прожить оставленные всеми несчастные? Что они испытывали? Как умирали?

Грудной ребенок Анюши найден был у ее обнаженной груди, другая дочь ее была рядом. Три трупа взрослых мужчин найдены лежащими посредине пещеры. Старик – отец Поли – лежал головой в небольшом, вероятно, им самим вырытом углублении. Все эти трупы обращены были лицом в верх и были обсыпаны сверху отчасти обложены землей. Труп Анюши, труп Денисовой, труп девицы Фоминой находились у самого заложеного отверстия. Очевидно, что в тяжкую минуту смерти эти более молодые субъекты теснились здесь, у свежеработанного отверстия – у этого места, через которое они вошли, и с которым могла связываться еще какая-нибудь, хотя малейшая надежда на спасение. Судя по положению трупов, несчастные стояли здесь, пока их не оставили силы, и затем падали в беспорядке друг на друга и умирали. Субъекты постарше – мужчины и старик – очевидно, уже раньше оставили всякую надежду и ложились умирать, не подходя к отверстию. Они, как сказано выше, найдены лежащими в середине мины.

Едва ли нужно говорить о том, что смерть всех была ужасной. Можно сказать, почти с уверенностью, что те, кто был постарше, умирали раньше, более молодые – после. Группа с Анюшей, найденная вблизи заложеного отверстия, вероятно, пережила других и, в ужасе, близкой смерти вероятно при виде умиравших и уже умерших, не отходила от отверстия, ожидая спасения и, быть может, тщетно призывая тех, кто уже был далеко.

Входившие в могилу по-видимому, менее всего думали об ужасах медленной смерти от задушения; пока закладывали отверстие мины, они пели религиозные песни, но, когда Ковалев и другие ушли из погреба – что было с заключенными в роковую

яму – о том можно судить по тому положению, в котором найдены трупы три месяца спустя.

Одной из самых страшных перспектив, которую рисует себе человеческое воображение, это – смерть в замкнутом пространстве, и средневековые рассказы о людях, замурованных в нишах зданий, принадлежат к наиболее ужасным. В этих рассказах приводятся различные подробности и между прочим тот факт, что у заживо погребенных найдено было в последствии разорванное платье, изгрызенные руки и т.п. Нам не нужно останавливаться на опровержении этих баснословных рассказов. Не так происходит смерть в подобных условиях, и не в таком положении найдены трупы несчастных, обречших себя на вольную смерть. Ни малейшей царапины не было найдено на трупах и никакого иного повреждены. Заключение, под влиянием недостатка воздуха, задыхались и, тяжело страдая, постепенно теряли силы. Жажда свежести и холода была, без сомнения, нестерпимой, и, вероятно, под влиянием ее, несчастные страдальцы клали себе холодную землю на грудь, на лицо, чтобы хотя несколько освежить себя и облегчить свои муки. Этой же жаждой было вызвано и то, что старик Скачков, отец Поли, вырыл себе небольшое углубление в боковой стенке ямы и на свежую, холодную землю этого углубления умирая положил свою голову.

Как долго могла продолжаться агония? Это было обусловлено размерами пространства, в котором находились девять человек. По приблизительному расчету кубической вместимости ямы, местные врачи выразили мнение, что смерть наступила в промежуток времени от полутора часа до восьми часов.

Не лишена интереса та подробность, что положение трупов было самое беспорядочное, какое можно себе представить – в самых разнообразных позах, одни лежали на других, скорченные, согнувшиеся. Все указывает, что смерть была тяжкая, и что несчастные в агонии метались, ползали, двигали членами, пока в них не прекратилась жизнь.

VIII. Заживо погребенные (вторая группа)

Четыре дня спустя, именно в ночь на 27-е декабря, произошел новый ряд вольных смертей и смертоубийств. Внешняя сторона события состояла в следующем. Верстах в полутора от усадьбы Ковалевых и Фоминых находится усадьба Суховых. Здесь была сделана года два тому назад выемка земли под постройку дома. И вот эта выемка послужила местом для новой общей могилы. В одном из углов выемки начата была и выведена в горизонтальном направлении длинная, на подобие бутылки, мина. Рыли мину – Сухов и Павлов. Они работали несколько часов ночью и, когда Ковалев с Виталией прибыли на это место, – яма почти была готова. В эту яму готовились войти Сухов, его жена, их дочь Татьяна 7-ми лет и сын Максим 4-х лет и Павлов с двухлетней дочерью Александрой. Старушка мать Сухова. Виталия и Федор Ковалев все время присутствовали, пока закончилось рытье ямы. Виталия деятельно помогала, разбрасывая и утаптывая вынутую землю для сокрытия всяких следов. Как при первом закапывании, готовившиеся войти в могилу простились с оставшимися и друг с другом, одели смертное платье и напутствуемые Виталией по одиночке проникли в яму. После повторного опроса Ковалева – готовы ли они умереть или, может быть, кто-либо выйдет из ямы, – они твердо отвечали, что желают умереть. После этого Ковалев заложил вход и вместе с Виталией быстро направился в Ковалевскую усадьбу в скит. Это случилось далеко за полночь, вероятно около двух или трех часов по полуночи, а начато было приготовление мины, как только стемнело и наступила ночь.

Смерть лиц, заключенных в эту мину, была одной из самых мучительных. После заделки отверстия мины жизнь заключенных могла продолжаться от 1–3 часов. В первой мине в усадьбе Фомина кирпичная стенка погреба, составлявшая вместе с тем одну из стен мины, еще допускала некоторую возможность вентиляции чрез свои поры; здесь входное отверстие было не только заложено, но и законопачено глиной, и всякий обмен газов был невозможен, – в силу этого явления задушения должны были наступить быстрее и резче. Картина, которую

представляли открытые трупы, была наиболее поразительной и ужасной в сравнении со всеми другими смертями этого рода в Терновских хуторах. (Описания врачей и других очевидцев, с которыми мы по этому предмету беседовали, полны потрясающих подробностей). Все трупы этой ямы составляли одну общую кучу, в которой человеческие тела были сплетены самым беспорядочным образом, согнутые, скорченные, одни на других.

Труп Сухова найден в полусидящей позе, с расставленными ногами и наклоненной головой, и туловищем, у ног его лежал труп его жены головой к нему, а трупы детей лежали на трупе матери, прислонившись к отцу. Очевидно, что, среди быстро наступавшего задушения, могильные узники беспомощно ползали и метались, а дети жались к родителям, ища помощи в тяжких муках. Ни в этой могиле, ни в первой mine не найдено было ни одного трупа со спокойной позой, какая обыкновенно свойственна людям, умирающим от болезней естественною смертью. Напротив, все трупы до единого были в таких позах, который свидетельствуют о предсмертных мучениях и судорогах, – что и естественно при насильственной смерти совершенно здоровых людей.

Всё трупы этой mine, как и трупы, найденные в первой mine, одеты были в манатейках и кожаных поясах с четками в руках. Сверх того, на мужчинах были круглые шапки, а на женщинах так называемые апостольники. Все были без обуви.

Что касается душевного состояния этой группы заживо погребенных, о нем можем сказать только немного. Наиболее симпатичным является Павлов, муж Настасьи, 26 лет. Как можно заключить из слов Настасьи, ее муж Иов был мягкого, доброго характера. Поддавшись общему течению, он долго уговаривал жену следовать за ним и, когда та не склонилась на его слова и просьбы, он вечером, в роковой день, 26-го декабря взял с собой единственную дочь Александру и ушел с нею. Знала ли жена, куда ее зовет муж и куда он ушел, взявши крошечного ребенка? Остается не вполне ясно.

Из рассказа Ковалева видно, что в ту пору, когда Павлов, со своим двухлетним ребенком на руках, входил в яму, он

вспомнил о жене и произнес слова: «эх! мне то трудно, а ей – женское дело – и того труднее».

Почти несомненно, что Настасью спасла ее бабушка Бочарова, к которой она ушла, как только муж ушел из дому. Быть может, беременность Павловой и ожидание близкого разрешения послужили мотивом спасения ее для тех, кто этого желал, а для более опытных и перспектива разрешения в самой яме. Быть может, мы когда-нибудь узнаем подробности.

Старуха Сухова, постоянная жительница скита, по всей вероятности, уговорила как свою невестку Прасковью Сухову, так и своего сына Матвея закопаться. Об этом с большой вероятностью можно судить потому, что старуха Сухова вместе с Виталией присутствовала при рытье могилы и при ее заделке.

Наиболее непонятным для многих, в особенности для близко знавших, было закапывание Матвея Сухова. Матвей Сухов был известен, как беспробудный пьяница и потерянный человек. Он проводил время в безделье, в пьянстве, в кутежах и разврате. Нередко его видели катающимся на извозчиках, разъезжающим по трактирам и непотребным домам; его почти никогда не видели трезвым. Но слухам, которые местными жителями считаются за достоверные, Матвей Сухов все время своего последнего кутежа, дней за восемь-за десять до закапывания, будто бы, прощаясь под пьяную руку с женщинами, в обществе которых находился, сказал, что прощается, *навек* и уж больше их никогда не увидит. Нечего говорить, что и тон этих слов, и обстановка, среди которой они были произнесены, нимало не свидетельствуют о том, чтобы устами Сухова в эту минуту руководило покаяние, скорее, это был несдержанный язык пьяной головы, которая готова выдать ведомую ей пикантную тайну. Правдоподобно, что Сухов в том месте и в той обстановке, про которую сейчас была речь, решил покутить *в последний раз*, как это делают известной категории самоубийцы из тех, которые, съевши лукулловский обед в обществе потерянных женщин, выходят в соседнюю комнату и пускают себе пулю в лоб. Однако же, не подлежит сомнению, что Матвей Сухов, в последние пять дней своей жизни не пил напитков и оставался трезвым в качестве лишенного воли хронического

пьяницы. Он был под надзором домашних, и нельзя сомневаться в том, что в яму он вошел непосредственною волею матери и жены, но не своею собственной.

Большую психологическую важность имеет вопрос о том, знала ли вторая пария закопавшихся, что они уже не *первые*, что раньше их закопались другие. На этот вопрос можно дать положительный ответ, что *это не было известно*. Виталия и ее демонические сотрудницы держали все дело в большей тайне, и Виталия религиозными угрозами и клятвами взяла слово с Ковалева никому не говорить о том, чему он был свидетелем. Когда большой камень уложен был им в горло мины, и чрез минуту Ковалеву предстояло проститься с теми, кого уже навсегда этот камень отделял от людей, Ковалев торжественно сказал: *«проищите, кланяйтесь там нашим, поклонитесь Аняте»*. И только теперь, из обмана несколькими словами, оказалось, что *вторая партия* ничего не знала о *первой*.

IX. Арест Виталии и других

Прежде, чем произошло закапывание третьей и четвертой групп живых людей, случились обстоятельства, которые имели значительное влияние на весь ход Терновских событий. Местные власти нашли необходимым 5-го февраля подвергнуть аресту Виталию и с нею шесть других лиц. Арест вызван был тем обстоятельством, что эти лица, во время народной переписи, отказались дать о себе сведения; в силу этого они привлекались к ответственности за *беспаспортность* и были подвергнуты предварительному аресту. Поведение арестованных уже с первой минуты было столь необычно, что невольно наводило на серьезные подозрения.

При первом допросе арестованные обнаружили явные признаки значительного возбужденного состояния. Они особенности женщины, употребляли столь резкий, страстный тон речей, такой вызывающий образ действий, что обстоятельство это не могло не обратить и, действительно обратило на себя внимание как врачей, так и следователей. Возбужденное состояние духа арестованных не соответствовало ближайшей действительности и допускало два объяснения: или арестованные *страдают помешательством*, или с ними *произошли какие-нибудь исключительные события* (несчастья, преступления и т.п.), которые лишали их спокойствия духа. Ту или другую вероятность было необходимо предположить в полной уверенности, что одна из них окажется фактом. Необходимо было самое полное врачебное или юридическое исследование.

Так как возбужденное состояние было признано и следователями, и врачами уже при первом допросе арестованных, то, соответственно этому, обхождение с ними следователей приняло характер той уступчивости и снисходительности, которую мы обнаруживаем, когда подозреваем болезнь. Поведение арестованных в тюрьме продолжало быть еще в более резкой степени таким же загадочным, каким оно показалось вначале. По наблюдению начальника тюремного замка, заключенные вели себя настолько

странно, что положительно вселяли подозрение в приготовлении себя к смерти. Такое их поведение главным образом выражалось в том, что всё они отказались от пищи и воды, и с 5-го по 9-е число февраля никто из них абсолютно ничего не ел и капли воды не пил, говоря, что кормить их не обязаны ни правительство, ни частные лица, и что по своим религиозным убеждениям они могут принимать только ту пищу, которую сами зарабатывают личным честным трудом, и поэтому они и впредь не будут ни пить, ни есть. Первый день заключения в тюрьме все они непрерывно молились, произнося шепотом какие-то молитвы, стоя большею частью на коленях и, дойдя до изнурения, легли и уснули. На другой и в остальные дни они постепенно все меньше и меньше молились, очевидно, вследствие чрезмерного физического изнурения, дошедшего до того, что всё они едва могли стоять на ногах, причем две женщины и старик, не будучи более в силах стоять, опустились на пол. С этим стариком случилось следующее обстоятельство. Когда, по распоряжению тюремного начальства, заключенным предложены были фрукты, кажется, ананасы, то старик, мучимый жаждой, схватил апельсин так быстро и так жадно съел, что его не могли остановить и удержать товарищи-сектанты. После этого они начали осыпать его угрозами и проклятиями и снова проявили большую возбужденность. В виду этого тюремное начальство распорядилось переодеть их в арестантскую форму. Переодетые в казенное белье и арестантскую одежду, они настойчиво просили начальника тюрьмы выдать им в камеру посмертную их одежду, отобранную у них вместе с прочими их собственными вещами; когда же им в этом было отказано, они умоляли начальника тюрьмы, чтобы в случае их смерти в тюрьме, они были похоронены не в казенном белье, а в их собственном одеянии, приготовленном ими исключительно для облачения после смерти. 9-го февраля они обратились к начальнику тюрьмы с просьбой раздать всю их одежду, кроме посмертного одеяния, заключенным в тюрьме, так как они уже, кроме посмертной одежды, ни в чем больше не нуждаются. В виду их решимости умереть в тюрьме с голоду, эти сектанты 9-го февраля по распоряжению товарища прокурора окружного суда

были из тюрьмы освобождены и отданы под домашний арест в дом той самой Александры Ковалевой, у которой они были задержаны.

Освобождение арестованных из-под тюремного заключения является совершенно исключительным по своим мотивам. Судебный власти освободили арестованных *не по юридическим, а по врачебным соображениям*, именно, из боязни, что арестанты могут умереть с голоду. Таким образом, расследование загадочных фактов было приостановлено в тот момент, когда, казалось бы, оно должно было сделаться наиболее тонким и деятельным.

Отказ от пищи и попытки на самоубийство являются безусловным показанием к помещению в психиатрическое заведение. Но прежде, чем это могло быть сделано, тюремному врачу надлежало принять деятельные меры к врачебному охранению лиц, которые стали столь *опасными для самих себя*. Ближайшей мерой для этого был бы перевод арестантов в тюремную больницу и искусственное кормление. В отношении некоторых из них, например, Авдотьи Ковалевой, мы, на основании собранных нами данных, высказываем положительное убеждение, что она страдала помешательством. Перевод такой арестантки в психиатрическое заведение был безусловно необходим; вместе с тем был крайне необходим перевод всех остальных в тюремную больницу в виду того, что по причине отказа от пищи они, видимо, изнемогали, и жизни их от того угрожала опасность. Наконец, вполне естественным был бы перевод всех арестованных в психиатрическую лечебницу на испытание и лечение, а не торопить давать свободу, которая в сущности угрожала здоровью их гораздо более, чем лишение ее, в виду того, что отказ от пищи и попытка на самоубийство вообще требуют помещения в лечебницу.

Х. Заживо засыпанные землей (третья группа)

Пятидневный отказ от пищи и вместе от питья должен был неминуемо вызвать у Виталии и других арестованных лиц явления острого малокровия мозга, наряду с общим упадком питания и расстройством деятельности сердца. После первых закапываний 28 и 27 декабря, наступила пауза, прошел благополучно месяц без новых жертв. Несмотря на проповедь Виталии, новые жертвы не являлись так скоро, как первые жертвы, результаты ее ограничивались тем, что являлись лица, готовые *запоститься*, но уже не было, по-видимому, желающих подвергнуть себя такому страшному способу самоубийства, как закапывание живьем. В течение января месяца в ските и у некоторых лиц вне скита самоистязание ограничивалось скудной диетой. Жильцы скита получали мало пищи и меньше обыкновенного квасу, но никого не лишали питания совсем. Виталия лишь предлагала чрез Полю Младшую и других лиц своего штата советы есть хлеб и квас, или только квас и яблоки, и согласно заявлению жильца, отпускалась соответственная порция. С возвращением Виталии из-под ареста в положении дел происходить заметное ухудшение. Некоторым жильцам скита в некоторые дни совсем перестали давать порцию, другим уменьшили и начали предъявлять более строгие требования режима. Некоторые лица в это время были несомненно психически расстроены, как, например, молодая девица *Ульяна Ковалева* и *Поля Старшая* и, вероятно, также и *Виктория*, известная на хуторах под именем *Виктории Рассейской*. Девица *Авдотья Ковалева* (сестра Федора) возвратилась из-под ареста в состоянии крайнего изнеможения вследствие того, что, находясь под арестом, она оставалась безусловно без пищи и питья и даже не утоляла своей жажды снегом, как делали ее другие товарищи по аресту; она не могла ходить, шаталась и падала в обморок, как только вставала. С нею во время содержания под арестом случился эпизод. Она подобно другим не открывала своей личности во избежание быть записанной, но кто-то из родных, во время посещения ее, опознал ее, – что и дало возможность властям записать ее фамилию.

Обстоятельство это она признала равносильным записи *антихриста*, и ее беспокойство усилилось. Хотя, по освобождении ее из-под ареста Виталия *«отчитывала»* ее, но она нисколько не успокоилась и искала смерти, продолжая отказываться от пищи. При таких условиях ее смерть была неизбежной. Она проводила свое время молча в сидячем положении, согнувшись и прислонившись, и безропотно страдала; ее вид возбуждал безграничную жалость, как можно заключить из рассказов Ковалева.

Как только арестованные возвратились из тюрьмы, три старушки, остававшиеся дома (*«забракованные»*), т.е. Сухова, Поля Старшая и Виктория Рассейская, стали усиленно просить Ковалева (как уже мы упоминали) закопать их. Они невыразимо тревожились, были в непрерывном страхе и постоянно говорили: «нас заберут в острог и запишут». Успокоить их было невозможно, они не оставляли Федора Ковалева со своими умаливаниями – закопать их. Весьма вероятно, что две старушки, Виталия и Поля Старая, были помешаны.

Здесь естественным является вопрос, откуда старушки узнали о закапываниях. Об этом им могла сказать старуха Сухова, которая была сама свидетельницей и участницей в закапывании всего семейства и ее сына. По мнению Федора Ковалева, тайна закапываний была разглашена *Таисией Рассейской*, так как Таисия была очень неосторожна и невоздержна в речах. Таисия же, как было уже нами сказано, была свидетельницей первого закапывания.

Живо переданный нам Федором Ковалевым разговор его со старушками нам удалось записать отчасти почти стенографически, отчасти по свежим воспоминаниям.

– Все три просили меня: *«найди для нас место, закопай нас, открой яму, где Назар»* (т.е. Назар Фомин).

– Нельзя туда, где Назар, как вы будете лазить, топтаться по ним и там негде сидеть, там нету места, куда вы их уберете?

– Ну, сбоку выкопай другую мину.

Всю неделю старухи неотступно просили, но Ковалев все не соглашался. Но с возвращением Виталии из острога, старушки снова окружили Ковалева своими просьбами.

– Скорей выпроваживай извозчиков (т.е. извозчиков, которые привезли арестованных – Виталию и других из тюрьмы).

– Выпроваживай извозчиков и шукай (ищи) для нас место, вези нас в скалу, там темно в пещере, там в пустоте мы умрем.

– Но вы кашляете, не удержитесь от кашля, и вас сейчас найдут.

На утро старухи снова стали просить Ковалева все о том же. Тут к ним присоединилась Виталия. Она сказала:

– Сотвори ты милость, сотвори любовь, что ты за каменный: они схимницы и кланяются тебе, недостойному, в ноги».

Ковалев, уже чувствовавший великую тяжесть на душе от первых закапываний, старался по возможности отклонить от себя новую тяжелую миссию.

– Матушка, говорил он Виталии, – теперь уже нету переписи, как бы греха не было.

Но Виталия и Поля Младшая на это страстно воскликнули: «Господи! спроси грех на нас».

– Ну, благословите, сказал после этого Ковалев Виталии; если на вас грех, благословите, пойду, и решился идти в усадьбу Горзина (в версте от усадьбы Ковалевых).

В 8 часу вечера, когда едва начинало темнеть, 12 февраля Ковалев вместе с тремя старухами и Виталией направился в усадьбу Горзина. В это время ему случилось проходить мимо сестры Авдотьи, которая сидела с поникшей головой. Она, не подымая головы, дернула Федора за платье и тихо, еле слышным голосом сказала:

– Копай на *четырёх*.

– Что ты, сестра! да ты совсем слабая и без того сейчас помрешь.

Авдотья стала плакать.

– Для чужих стараешься, сказала она, – а для сестры не хочешь. Виталия вмешалась в дело и сказала:

– Греха нет, копай и для нее.

Все отправились в усадьбу Горзина. Виталия шла впереди... Пришли на место.

Уже раньше, Ковалев, *обдумывая место, где можно бы закопать*, не находил таких укромных углов в усадьбе Горзина,

где можно было бы вывести мину в роде первых двух, и объяснил своим спутникам, что их может закопать только в простой яме, если они на это согласны. Те на все соглашались.

Когда место было выбрано, Ковалев начал копать яму, а *они пятеро*, – говорит Ковалев, сидели тут же рядом. Авдотья еле живая, безжизненная, сидела и смотрела тупо, безучастно, как брат измерил место и начал работу. Ковалев отмери в ширину столько места, «как на двух», и стал копать вглубь, постепенно расширяя могилу. Приготовление ямы потребовало около 6-ти часов времени, и только за полночь могила была готова. Она представляла собою обыкновенную могилу. Когда могила была готова, они переоделись в смертные платья. После этого Ковалев, стоя в могиле, принял сестру, как ребенка, на руки и опустил ее в могилу, так как она была крайне слаба, чтобы сойти самой. После этого Ковалев вылез из ямы и, подавая руку остальным, помогал им спрыгнуть вниз. Все четверо улеглись на бок, рядышком, плотно прижавшись одна к другой. Ковалев немедленно стал засыпать яму землей. По его словам, он кидал землю на ноги и затем на туловище лежавших в могиле и, по временам приостанавливаясь, слышал, как они шептались между собой: «*прости, прости*». Ковалев избегал бросать землю на лицо и на тело, чтобы не причинять ударов, а направлял комки бросаемой земли по стенкам могилы, от которых земля отражалась, разбиваясь в мелкие комья. Прежде чем забросать землей голову и лицо, он приостановился и стал слушать, не слышно ли разговора, и не пожелают ли встать из могилы, но к удивлению, заметил, что уже не слышно ни разговора, ни движения. Тогда он быстро бросил несколько полных лопат земли, которая закрыла головы. После этого Виталия велела ему утаптывать землю, и он, потоптавшись в могиле, начинал снова забрасывать ее землей, снова топтался, снова бросал землю, пока не дошел до уровня почвы. Остальная земля была разбросана им и Виталией, и все сравнено с землей. После этого он и Виталия направились в Ковалевскую усадьбу и вернулись туда уже на рассвете после четырех часов по полуночи

Смерть четырех, заживо засыпанных землею, лиц должна была произойти быстро и могла последовать от прижатия землей грудной клетки, прежде даже чем были засыпаны голова и лицо, или во всяком случае смерть наступила непосредственно вслед за прикрытием лица землей. О быстрой смерти жертв свидетельствуют знаки, найденные на трупах после вынута их из земли, именно: сильно выпученные глаза, опухший высунутый язык, синий цвет лица и проч. Этих признаков не было на трупах из первых двух мин, где смерть происходила гораздо медленнее.

(Окончание будет)

II. Скворцов В.М. Значение успехов миссии Церкви для упрочения государственного единства России // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 962–974

В числе ближайших заслуг, какие успел обнаружить пред миссией третий всероссийский Миссионерский Съезд, нужно отметить вызванный им в светском обществе и печати живой обмен мнений по вопросам миссионерства и сектоведения. Внутренняя миссия – дело новое, специальное, и потому совсем почти безвестное и даже малопонятное по своим задачам и характеру деятельности для так называемого интеллигентного общества и его органов – повседневной прессы. На Третьем всероссийском Съезде внутренняя миссия, можно сказать, впервые громко заявила о своем количественном росте и духовной мощи, а равно и о широте и жизненности своих задач, как служения не только специально церковного, но и патриотического, государственного. Авторитетным выяснением вопросов борьбы с расколо-сектантскими заблуждениями и смелым раскрытием социальной и государственной вредности сектантства Съезд миссионеров несомненно дал почувствовать друзьям конфессионального и социального либерализма, что миссионерский институт жизнеспособен и при благоприятных условиях внутреннего и внешнего упрочения своего в Церкви и государстве, – может явиться одним из серьезных тормозов для либерального прогресса, для распространения идей безбожия, конституционализма монархии в народной массе, где, при посредстве сектантства, столь успешными оказались недавние первые попытки врагов Церкви и отечества. Как известно, враги православия и самодержавия – российские прогрессисты и конституционалисты доселе не могут примириться с одержанною «церковниками» в благотворительную для православной России эпоху царствования Императора Александра III-го, победою над ним относительно возрождения и упрочения церковной школы, – этого могучего орудия воспитания подрастающих поколений народных масс в духе православия и патриотизма, а тут еще в

ту же эпоху народилась, а ныне стремится упрочиться в своем просветительном влиянии и миссия – это другое, не менее действенное орудие Церкви, и новый враг либерализма. К чести либерального лагеря нужно отнести его прозорливость и дальнорзоркость: он несомненно понимает силу народной веры и преданности церковным проповедникам евангельской правды, хорошо знает, что могут сделать с сердцем народной массы опытные и одушевленные миссионеры-веропрповедники и обличители лжеучений религиозных и социальных. А как много, в смысле влияния на убеждения народа, действительно могут миссионеры сделать, не ходя далеко за историческими справками, приведем в доказательство следующее сообщение о достойном внимания недавнем случае из миссионерской практики, опубликованном во многих газетах. В начале ноября текущего года кандидат Московской академии, Ставропольский епархиальный миссионер, о. Симеон Никольский, прибыв на короткое время из станицы в г. Екатеринодар, посетил, между прочим, тюрьму. Все заключенные хорошо знают о. миссионера, так как он там раньше несколько раз служил и совершил крещение магометанина и других, а также не раз и беседовал в каждой камере. Узнав о последнем приезде в тюрьму о. миссионера, оч. многие узники пожелали с ним беседовать наедине; никому в этом не было отказано, и тут-то произошло событие, еще никогда не бывавшее в екатеринодарской тюрьме: многие преступники после беседы с миссионером, покалялись в совершенных преступлениях и пожелали все открыть властям. Тотчас же была приглашена прокурорская власть, которой несколько заключенных по подозрению в совершенных ими убийствах сознались не только в этих преступлениях, но и в других, в которых их и не подозревали».

А ведь таких достойных миссионеров, как о. Никольский, ныне десятки есть в рядах миссии!... Краткое сообщение это красноречивее всего опровергает гнусные грубые наветы врагов Церкви на ее миссию, «что будто бы нравственная сила православия иссякла, что меч духовный заржавел, затупился, и сдан в архив, как оружие устаревшее и недействительное, и вместо него воины Христовы, будто бы, извлекли меч

вещественный и охраняют Церковь и верных посредством циркуляров и полиции, как это на днях провозгласил один из врагов миссии и церковности в своей трескучей бессовестной филиппике, получивший предостережение журнал «Русский Труд». В том-то и дело, что «меч-то духовный только в последние десятилетия стал освобождаться от ржавчины и усердно изощряется в борьбе с супостатами Церкви. В этой-то возрастающей силе духовного меча и практическом применении его внутреннею миссией и надо видеть одну из главных причин похода против миссии со стороны либерального и анти-церковного газетного лагеря, – источник раздражения и несправедливых инсинуаций, мелких придирок и неуместных науськиваний на счет якобы нехристианского духа, мнимой нетерпимости и пр. Пока воины духовные пребывали в (вольном и невольном) терпеливом ожидании призыва, либералы молча ковали свои ковы в народе и школе, а теперь подняли вопль, «что идеалы св. Гермондалы овладели якобы умами и сердцами духовных ревнителей...».

Но наряду с появившимися после миссионерского казанского Съезда в одной части светской печати и крупных и мелких оскорбительного свойства придирок в отношении миссии Церкви, в другой часть ее наоборот, по поводу третьего миссионерская Съезда, встречаем серьезный статьи, где обсуждаются важные стороны миссионерского дела. Какова статья «Русского Вестника» (ноябр. кн.) под заглавием: «По поводу 3 миссионерского Съезда», где автор доказывает великую *государственную потребность во внутренней миссии, как вернейшем орудии упрочения внутренней целостности и политического единства империи.* Мысль эта вообще-то не новая, она была развита с большею силою в одном из всеподданейших отчетов г. Обер-прокурора св. Синода. Но в сознании общества и даже в понятиях органов власти эта важная идея далеко не имеет подобающего ей руководящего значения и потому нуждается в обсуждении и популяризации, а потому мы с особым удовольствием приводим на страницах «Мисс. Обзор.» эту сколько поучительную, столько же и отрадную для деятелей миссии статью «Рус. Вест.», ставшая

опять в последние два года, под новой редакцией, одним из серьезнейших и светских журналов. В названной статье, вместе с тем, читатели найдут верные замечания относительно недостаточности, при нынешнем положении, средств «в успешнейшему осуществлению намеченных целей миссии и в частности в надлежащем образовании деятелей миссионерского института». Но предоставим «Рус. Вест.» самому говорить «по поводу 3 миссионерского Съезда».

«Третий миссионерский съезд в Казани бесспорно должен быть признан одним из выдающихся событий во внутренней жизни России за истекшее лето.

До самого последнего времени с именем миссионеров соединялось представление как о просветителях нехристианских народов, как о проповедниках Христова учения в далеких и по преимуществу чужих странах, среди последователей ислама, Будды и разных языческих религий. На наших глазах возникла и развивается миссия внутренняя, имеющая свои особые задачи и вырабатывающая свою самостоятельную организацию. В то время как первая миссия боролась и борется со внешними врагами христианства – язычниками, миссионеры, собиравшиеся в Казани призваны к иного рода деятельности – *«к изгнанию (?) из пределов родной церкви и отечества⁹⁰ внутренних, более чем язычество, злых врагов – раскольников и сектантов»*. (курсив везде наш).

Дело это у нас еще совсем молодое, настолько молодое, что один из участников Казанского съезда, теперь уже покойный архиепископ Владимир, в свое время сам бывший видным представителем миссии среди язычников Алтая, вспоминал на съезде, что в 60-х годах внутреннего «миссионерства не было и никто о нем не помышлял». Естественно, что в короткий срок своего существования новый институт еще не успел определиться во всех подробностях, обуславливающих правильную, целесообразную деятельность. *Если твердо стоит общая и главная цель миссии, то далеко нельзя сказать того же о средствах, какие успешнее вели бы к намеченной цели. Отсутствие единства взгляда до такой степени обособило каждого миссионера в его деятельности и*

понимании ее ближайших задач, что до сих пор вопрос об объединении действий миссионеров и об общей организации еще не имел материала для своей разработки.

Справедливость требует сказать, что мы еще почти не имеем и вовсе не готовим самого главного для дела миссии – миссионеров; наличные миссионеры или по собственному влечению приобрели это звание, или же просто выделились из общей массы семинарских и академических воспитанников. Ни тот, ни другой источник, разумеется, не может быть признан в достаточной мере удовлетворяющим потребность постоянного и правильного притока воспитанных и искушенных в своем деле миссионеров. Личное призвание драгоценно во всяком деле, но на него нельзя исключительно рассчитывать, имея в виду постоянную потребность.

Наши же духовные академии и семинарии занимаются расколом и сектантством лишь в той мере, какая потребна для нашего рядового духовенства, т.е. в мере совершенно недостаточной для выработки специальных борцов с расколом и сектантством.

При таком положении дела весьма естественно, что действительное значение внутренней миссии ускользает от сознания лиц больше всего заинтересованных в ней; в кругах же ближе всего стоящих к ней смотрят на нее как на один из вопросов «практической церковной жизни» или «пастырской практики».

Не подлежит сомнению, что расколы и секты затрагивают самое существо церкви. Стремясь объединить всех людей, воспитывая в них единомыслие и приучая чувствовать одним сердцем, церковь не может оставаться равнодушной к раздорам и распрям, возникающим в ее же собственных недрах. Нестроение не только нарушает естественный характер жизни церковной («любовь между собою»), но и парализует основное стремление ее – образовать из всего мира одно стадо. Поэтому Церковь всегда была и остается чрезвычайно чувствительною ко всяким обнаружениям разномыслия в среде своих членов и, предупреждая появление его, употребляет все средства, чтоб устранить его, раз оно в чем-либо высказалось.

И на Руси, едва появились раскол и секты, как Церковь приняла меры к возвращению отпадших, и, хотя раскол и секты бессильны нанести какой-либо ущерб ее внутреннему достоинству, она и до сих пор не оставляет заботиться о них, и до сих пор продолжает звучать умиротворяющий призыв ее пастырей. Когда же она увидела, что успех ее забот не отвечает ее желаниям, она решила выдвинуть особых, специально этому делу посвященных борцов, чтобы тем вернее достигнуть, своей цели – объединения всех.

Тут именно виды Церкви особенно совпадают с интересами государственными. Государство тоже заинтересовано в единстве веры своих подданных.

Оно также необходимо для сохранения внутренней целостности государства, как военная сила для охраны ее пределов или как необходим один государственный язык для объединения разрозненных и разно-племенных народов в единый и целостный организм государства. Не опираясь на веру государство неизбежно теряет свои части, давая широкий простор развитию сепаратистских вожделений. Не ходя за чужими примерами, мы имеем неопровержимые доказательства этого в фактах нашей собственной жизни. Раскольники выросли на противлении государственной власти, а некоторые из них и прямо отрицают ее. Духоборы отказались от всяких повинностей. Штундисты открыто заявляют, что у них есть свой царь-Вильгельм. Каждый католик признает себя верноподданными только одного государя – папы – и лишь временно подчиняется правительству страны, в которой не по своей воле ему приходится жить и действовать. Даже мирные сыны ислама мечтают о «могучем» царстве падишаха, единственного повелителя всех правоверных.

Таковы факты. Чем же гарантировано государство на случай возможной измены со стороны своих иноверцев, если бы, напр., папа благословил одного из верных себе лиц на борьбу со «схизматиками», или если бы падишах объявил «священную» войну? Никаких прочных гарантий нет у государства, и оно поневоле остается в постоянном страхе за верность своих же подданных, хотя бы приобретенных ценою крови и уже объединенных языком и правами гражданства.

Но такую гарантию дает Церковь и именно в единстве веры. Упрочив на нем свою внутреннюю целостность, государство может быть уверено в политической благонадежности всех своих подданных. Тогда и иноверным соседям не так легко будет вести в его пределах какую бы то ни было пропаганду. Как здание на цементе, оно будет не чувствительно ко всем влияниям.

Однако, чтоб эта сторона церковной жизни принесла ощутительную пользу государству, последнему необходимо *сознать потребность в ней как одной из основ его политического бытия и потребность в миссии, как ее вернейшего орудия.* В настоящее время, видимо, нам остается желать в этом направлении еще весьма многого.

Третий миссионерский съезд в Казани представлял государству удобнейший момент заявить свою потребность в миссии и столковаться о совместном действии. Даже не заходя так далеко правительственная власть могла бы узнать на съезде весьма многое для себя несомненно полезное. Известно всем, что киевский генерал-губернатор нуждается в особом чиновнике для разбора сектантских дел, что кавказское начальство не знает, что делать с духоборами, что привислянские власти в постоянных недоразумениях с бывшими униатами и т.д., эти затруднения вынуждают приходить к тем или другим решениям, принимать те или другие меры. Как же можно было упустить такой благоприятный случай услышать по всем подобным вопросам голос лиц, знающих и опытных, да при том проверенный целым «собором», заинтересованным в решении желательном и для местных властей? Однако, в известиях и даже официальных сведениях о съезде мы тщетно искали указаний на участие в нем представителей другой заинтересованной в миссии стороны – правительственной власти; ни от центральных учреждений, ни от местных властей, ни одного официального представителя на съезде не было. Упущение, поправить которое необходимо, но возможно, к сожалению, только чрез несколько лет, на будущем четвертом миссионерском съезде.

Но могут сказать: «зачем государству вмешиваться в начинания Церкви? Довольно того, что государство окажет «содействие». Но совместные действия не то же что вмешательство, это, во-первых. А, во-вторых, не пора ли серьезно подумать: на долго ли хватит одинокого напряжения сил церковных деятелей на всю массу возлагаемых на них государственных ожиданий. Сила может работать только в меру, а эта мера в данном случае кажется перейдена.

Обращаясь к воспоминаниям прошедшего лета, не трудно согласиться, что оно не дешево обошлось нашему духовенству. Одновременно с казанским съездом, в котором приняли участие все епархии в нескольких крупных городах велись курсы, на которых занимались не только учителя церковно-приходских школ, но даже и само приходское духовенство... И на съезде, и на курсах духовенство трудилось конечно меньше всего для себя и не по своему первому и главнейшему делу. Однако, у нас смотрят на это, по-видимому, совершенно иначе.

Мы долго недоумевали, почему съезд и курсы открывались в академиях и семинариях имеющих, как известно, свое специальное назначение готовить не практических деятелей, а наше православное духовенство. Особенно непонятным казалось открытие курсов в академии Петербургской с учителями церковных школ, имеющей самое отдаленное соприкосновение, и нам невольно вспомнился «культ учителя», о котором так много говорили в прошлом году во время Нижегородской выставки. Дело, однако, объяснилось и без «культа».

В Казани, где заседания миссионерского съезда происходили тоже в академии, в этом факте указано было «доброе знамение времени»: «Духовная высшая наука не чуждается-де практической церковной жизни, не замыкается в скорлупу прежней схоластики, а идет на помощь и на встречу пастырской практике».

Что же, наши духовно-учебные заведения будут готовить деятелей практической жизни? Где же будет готовиться наше православное духовенство?... «.

Обращаясь к главному положению, выдвинутому почтенным журналом в приведенной краткой, но много содержательной

статье, о значении миссии Церкви, как орудия государственного единства и целостности, нужно сказать, что в основе его лежит мотив практически, утилитарно-государственный, но едва ли кто из патриотов решится оспаривать, действительно, высокое, жизненное значение этой идеи для интересов государства. Наше православное отечество в тысячелетний период своей истории, волею провидения, в свой состав восприняла многочисленный сонм разноплеменных и разноверных народов Европы и Азии. Общеизвестная истина, что главной основой характера цивилизации всегда и везде служила и служит религия народа, которая главным образом определяет нравственное, социальное и правовое мирозерцание народа. Уроки тысячелетней истории России учат, что единая истинная вера православная, служа первоосновой нашей государственности, не только охраняла «единую Русь», но и путем миссии создавала и расширяла ее пределы, что православие служило и служит источником духовной внутренней цельности и крепости, а равно и главнейшим залогом процветания и могущества великой империи, не смотря на *пестротканность России*, по выражению одного инородческо-фильского органа.

Неоспоримая далее историческая истина, – что православие, как единая, истинная и национальная вера, является в государственном организме самым верным, прочным ассимилирующим средством для органического объединения иноплеменных и иноверных элементов населения России с его ядром и с общерусскою жизнью великой св. Руси. Единая истинная вера, раз воспринятая одним ли человеком, многими ли или целым обществом, племенем, или народом – делается существенным элементом духовной жизни неофитов, перерождает их мирозерцание, дает старым мировоззрениям новую окраску и направление, так что вошедший в церковное вероисповедное общение один ли человек, или целая нация, духовно срастается с единоверным ему целым государственным организмом, где все единоверному делается тогда своим, родным, близким. Союз единоверия более прочный, чем кровные связи народов. Наоборот, при разноверии религии то и дело сталкивается с коренными требованиями государственности, и

мешает племенам слиться во единое государственное целое, а с отделением в вере, составляющей святая святых народной души, человек, общество, нация теряют самую существенную связь с своим государственным целым. Вот почему нельзя сомневаться в том, что отпадение в секты и раскол составляет вернейший путь к государственному сепаратизму. Во всем этом должны бы убеждать и исторические уроки и чуть, не ежедневные жизненные факты и наблюдения. Если хотите опытно, осязательно проверить эти истины русского политического катехизиса, поезжайте на Кавказ: первые же проведенные вами дни и вечера в кругу единоверных грузин и разноверных армян, а затем католиков-поляков (на Кавказе, напр., в Баку поляки сплоченная сила) дадут вашей душе почувствовать всю силу и все различие вероисповедного союза, то же вы узнаете далее в частных и деловых отношениях, ощутите в воззрениях на вещи дела... Взгляните далее на семейство еврея крещенного, православного – хотя бы даже и не всегда по мотивам чистого убеждения совести, – уже в первом поколении вы наблюдаете высокое культурно-просветительное влияние православия на прозелита еврея, а во втором и третьем поколении последние совершенно ассимилируются, сливаются с русским православным миром, так, что самый верный путь разрешения вечного еврейского вопроса есть миссионерский. Но тут же обратите внимание на истых по крови русских людей, совращенных в жидовство (Кавказские, напр., геры) и вы воочию убеждаетесь в неотразимой, перерождающей, не только внутренне, но и внешне, силы религии: русские люди до неузнаваемости решительно во всем чрез 10–20 лет преображаются в истых жидов. Те же явления наблюдаются в штунде, где русские люди теряют свой даже облик. А мусульманский мир с его кораном с его враждебной христианству культурой и суеверными, противополитическими воззрениями, в силу коих всякий правоверный признает священною главою мусульманства не русского государя, а турецкого падишаха. Пристав-мусульманин, по правилам корана, не имеет права перстом коснуться до разбойника-убийцы, которого только что преследовал, если последний успел, на

смех правосудию, добаться до квартиры блюстителя кавказских ужасных порядков!... Вот где одна из причин разбоев Кавказских. Существует, как известно, в правящих сферах просветительное течение, – корни его находятся в Тифлисе, – представители которого уверены, что можно с мусульманством посчитаться на почве школьного просвещения и общей культуры, и заводят особые школы, с татарским языком и мусульманским законом с учителями – учеными магометанами. Мы старались присмотреться и уразуметь суть своеобразной системы борьбы с мусульманизмом его же собственным орудием и смеем думать, что она представляет собою ни более, ни менее, как *утверждение мусульманизма на казенный счет* православного государства; ибо миссионеры хорошо знают, что такое мусульманин ничего не понимающей и своего шариата, кроме смутных религиозных преданий, – и мусульманин прошедший в правительственных школах систему своего закона... Интересно бы знать, в какой из стран Европы преподается мусульманство за счет христианства? Путь миссионерской борьбы с магометанством и цели его объединения с государством опять-таки единственно надежный и верный. Прожив долгое время по случаю съезда миссионерского в бывшем царстве Казанском, мы слышали там от лиц, участвовавших в усмирении, подробности о происшедшем во время переписи возмущении мусульман. Явление это было более глубокое и серьезное, чем о нем писали в газетах, а причина его не столько в мусульманском фанатизме, сколько в сепаратизме. Мусульманский вопрос с политической стороны вопрос слишком важный для отечества нашего. Но что мы делаем для органического объединения этого мира, чуждого самобытной православной русской жизни и культуре? Очень мало, если не сказать более. Есть ли у нас церковно-политические миссии противомусульманские или противоеврейские, противобуддийские? Можно сказать, что нет, и нет.

О положении буддизма в далекой Сибири и православной миссии среди бурят доходят вести не утешительные. Преосвященный Мелетий, 30 лет подвизавшийся там на поприще миссии, в своей речи на Казанском съезде, не

обинуясь, заявил, что наши русские буряты, принявшие веру от Китая и Японии, *доныне тяготеют к этим странам, много средств этого доверчивого народа потрачено и тратится на возведение языческих капищ* и до сего времени он несет свои дары в Тибет, Китай, Монголию, истощая тем и народные средства». Буддизм – ламаизм составляет не только силу организованную, но и обеспеченную в своей жизненности и притом опять-таки за счет государства. Но что особенно странно, так это оказываемое языческой религии какое-то поощряющее внимание со стороны Петербургской печати. В газете Ухтомского в № за 20 октября помещена в *50 строк телеграмма* из какого-то «Кульска» и о чем же? А о том (буквально), что

«статуя Майдари (Будды грядущего обновленного века), сооруженная при Онинском дацане (в середине Забайкалья, около большого тракта) в память величайшего события, выпавшего в 1891 году на долю хоринских бурят, имевших счастье лицезреть *золотой лик* своего возлюбленного Государя Императора, 17 октября торжественно освящена собранием лам, имевших во главе своего главно-управляющего, учнейшего гусиноозерского ширетуе Дорчжиева, исправляющего должность первенствующего в крае жреца Бандидо Хамбы, в присутствии нескольких тысяч собравшихся богомольцев, весь день (при чудной погоде) простоявших в глубоком благоговении под открытым небом.

Совершено было молебствие (?) о благоденствии и долгоденствии Их Императорских Величеств и всего Царствующего Дома.

Дацан (монастырь), разукрашенный массой национальных русских флагов, а также различными буддийскими эмблемами благопожелания, производил весьма красивое впечатление.

Сегодня происходит наир (народный праздник). В нем участвовало несколько человек русской интеллигенции и местный православный миссионер (?).

Победившая всех на бегах лошадь *воспета* в честь Государя Императора, при долго гремевшем «ура» многочисленного народа. В конце пиршества (без опьяняющих напитков), русским гостям и светским лицам подавали

шампанское. Главный хоринский тайша Аюшиев поднял первый бокал за здоровье Государя Императора, тысячная толпа моментально подхватила долго гудейшим «ура»; ликование народа было беспредельное.

Что это? неужели и у нас в столице, подобно Парижу, заводятся поклонники Будды? Только для них такие сообщения могут иметь живой интерес; православное же и вообще христианское население они глубоко смущают и подают повод сектантам к глумлению, что русским правительством поощряется культ идолослужения и что действия там православной миссии в настоящем ее составе и положении не может оказать своего благодетельного влияния в желанной мере... Тоже нужно сказать и о всех прочих наших миссиях, как внешних, так и внутренних, что они не могут похвалиться ни своей прочной организацией, ни силами, ни средствами. Уже одно то, что все наши миссии содержатся или на случайные средства (духовного епархиального ведомства), или на частные пожертвования членов миссионерского общества, не говорит в пользу их благосостояния. Высокое церковно-государственное назначение миссии Церкви, важность и достоинство миссионерского служения интересам православия и пользе государства требуют, чтобы наши миссии были институтом прочно и широко организованным и на средства не случайные и скудные, но и на церковно-государственные.

Вопрос этот очень важный и давно назревший, о нем мы поговорим еще особо. А теперь в заключение два слова по поводу высказанного в конце статьи почтенного «Руск. Вестника» недоумения о том, почему учительские С.-Петербургск. курсы и Казанский миссионерский Съезд нашли себе пребывание в стенах академии, причем автор, по-видимому, не понимает, какая связь между задачами миссионерского Съезда и курсов с задачами высшего и среднего учебных духовных заведений. «Церк. Вестн.» справедливо на это заметили, что и курсы, и съезд нашли себе помещение в академиях по удобству каникулярного времени и для сокращения и без того больших расходов духовного ведомства на данные учреждения.

Но, помимо того, совершенно неосновательно, – с точки зрения существа и характера деятельности пастырской, учительской миссионерской отрицать существующую тесную связь, и взаимодействие между задачами наших школ, и миссии. Школы готовят служителей Церкви и просветителей народа. Служение священника есть жизненное дело, а не отвлеченное, и школа обязана выпустить кандидатов священства во всеоружии знания, потребного для пастырства. Затем, сколько бы мы ни учреждали миссионерских институтов для приготовления специалистов по миссионерству, они никогда не покроют сполна всех нужд, и на приходском священнике всегда будет лежать главная часть миссионерских обязанностей в районе прихода. Сообразно с этим духовно-учебные заведения дают кандидатам священства сведения, необходимые для борьбы с расколом и сектантством, располагая для этой цели специальными кафедрами.

По мысли 3 съезда – главный миссионер есть пастырь. Тот же Съезд постановил, что для возвышения успехов миссионерства необходима школьно-воспитательная подготовка кандидатов священства к миссионерскому служению, для чего и предначертан ряд практических мер, в том числе живое участие семинаристов и студентов академии в собеседовании и проповедовании Слова Божия. Церковно-общественная жизнь к школам нашим давно предъявляет свои требования не только учить, но воспитывать и не одних только отвлеченных теоретиков-богословов, а и надлежаще подготовленных к сложной современной пастырской миссионерской практике.

В. Скворцов

III. Третий всероссийский миссионерский Съезд о правах и обязанностях миссионерской службы // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 974–980

В первой июльской книжке «Миссионер. Обозрения», в статье «Миссионерский плач» подробно были выяснены печальное служебное положение миссионеров и настоятельная необходимость всесторонне обсудить на третьем всероссийском миссионерском съезде и возбудить усердное ходатайство пред св. Синодом об улучшении правового, служебного и материального положения деятелей внутренней миссии. Высказанное в нашем журнале оказалось на Съезде голосом всех подвизающихся на миссионерском поприще, которые единогласно признавали, что нынешняя неопределенность в организации внутренней миссии, несправедливость этой службы, необеспеченность по жалованию и пенсии служит одним из главнейших тормозов развития и успехов миссионерства. На разрешение всех вопросов в этой области вопросов избрана была под председательством столичного делегата, почтенного о. Ф.Н. Орнатского. Комиссия серьезно и усердно старалась послужить миссии в этом, едва ли не первостепенном для ее интересов деле. Зал заседаний этой комиссии всегда был полон членами-участниками из активных деятелей миссии. Видно было, что обсуждались вопросы самые наболевшие... При прениях молодые, начинающие деятели миссии вели обсуждение дорогого вопроса с живым одушевлением, с твердыми упованиями на скорое лучшее будущее для забытых неправых тружеников миссии, тогда как послужившие, утомленные давними ожиданиями «этого лучшего», при выражении радужных мечтаний молодых соратников, безнадежно покачивали головой, говоря: «все это прекрасно, но и ранее не менее убедительно об этом толковали и писали... Дай-то Боже!...». Всех заседаний было до 6. Комиссия пересмотрела все действующие постановления и пришла по

данному вопросу к следующим результатам, единогласно одобренными в общем заседании всего съезда.

В виду единогласно признанной членами Съезда угрожающей опасности для русского православного народа от распространения расколо-сектантства, напрягающего все усилия и изобретающего новые способы для пропаганды вредных учений, признано необходимым, во-1-х, поставить в наилучшие условия служение приходских пастырей, в особенности в приходах, зараженных расколом или сектантством, так как приходский священник, по самому званию своему, есть первый и незаменимый миссионер в своем приходе.

Во-2-х, учредить миссии, с назначением достаточного числа миссионеров, по всем тем епархиям с раскольническими или сектантскими населением, в которых миссии еще не учреждены.

В-3-х, в помощь приходскому духовенству и для однообразного по всем епархиям устройства миссии, организовать институт православных миссионеров, совершенно свободных от посторонних занятий, тем более, что миссионерское служение в себе самом имеет и самостоятельную цель, и широкие задачи и требует от миссионеров большого напряжения сил для успешного выполнения предлагаемых ему задач.

Сообразно с высказанными выше положениями, Комиссия пересмотрела и проектировала дополнить утвержденный Святейшим Синодом (от 25 мая 1888 года, за № 1116) «Правила об устройстве миссии и о способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам» целым рядом новых правил.

По проекту Комиссии, одобренному и всем Съездом, устройство миссии, а равно и обязанности миссионерского института определены в таком положении: 1) В каждой епархии, где имеются раскольники или сектанты, учреждаются, смотря по мере надобности, должности миссионеров для вразумления раскольников и сектантов в истинах православной веры и обличения их заблуждений. Причем: 2) миссионеры разделяются на *епархиальных, окружных и миссионеров-сотрудников*. 3) На должность епархиальных миссионеров, по представлению

епархиальных преосвященных, назначаются Св. Синодом духовные и светские лица, преимущественно с высшим богословским образованием, обладающие даром олова и вполне благонадежные по своим нравственным качествам. 4) Епархиальный миссионер должен быть один в епархии, где имеются только раскольники, или два, где имеются раскольники и сектанты. 5) В помощь епархиальному миссионеру епархиальные преосвященные, смотря по надобности и удобствам, назначают окружных миссионеров из лиц с богословским образованием, хорошо знакомых с священным Писанием и обладающих даром слова.

На должность епархиальных и окружных миссионеров, конечно, могут быть назначаемы и лица, не получившие богословского образования, но обладающие даром слова, хорошо знакомые с заблуждениями расколо-сектантства и известные епархиальному начальству со стороны ревности о благе Церкви. При этом признано необходимым, чтобы епархиальные и окружные миссионеры были свободны от всяких других обязанностей по епархиальному и другим ведомствам.

6) В прохождении своей должности епархиальные и окружные миссионеры, состоя в непосредственном распоряжении местных преосвященных, должны действовать по личному их указанию, обращая преимущественное внимание на местности, особенно зараженный расколом и сектантством, а равно и на те заблуждения, которые в данное время наиболее распространяются к соблазну православных. 7) Деятельность окружных миссионеров ограничивается пределами их округов, совпадающих с уездом, благочинием или приходом, смотря по расстоянию и числу раскольников и сектантов. 8) Поездки епархиальных и окружных миссионеров с миссионерскою целью совершаются в течение всего года, за исключением времени полевых работ. 9) При посещении округов епархиальными миссионерами окружные, в случае надобности, сопровождают их, присутствуя при их собеседованиях, практически знакомясь с методом и приемами миссионерских действий. 10) Епархиальные миссионеры представляют епархиальным преосвященным отчеты о своей и, на основании отчетов

окружных миссионеров, об их деятельности и составляют годичный отчет о состоянии расколо-сектантства в епархии и церковно-просветительных условий жизни приходов, зараженных лжеучениями. 11) Епархиальные миссионеры состоят непременно членами советов братств, а окружные – их отделений, с правом голоса по тем вопросам, кои касаются миссионерства и состояния расколо-сектантства в епархии. Епархиальные и окружные миссионеры, по заключению Съезда, должны пользоваться правом бесплатной пересылки корреспонденции по делам службы и иметь печать с изображением в поле Креста и Евангелия и надписью кругом: «такой-то (Херсонский, Новгородский...) епархиальный миссионер», или «окружной миссионер такой-то епархии». Что касается служебных прав и преимуществ, а также размера жалования и пенсии, то Комиссия, после тщательного обсуждения этой существенной стороны вопроса, пришла к заключению, что миссионеры должны быть сравнены с епархиальными наблюдателями церковно-приходских школ; окружные же миссионеры получают по 1.200 рублей в год жалования с правом на пенсию на общем основании, в половинном размере жалования. 12) В помощь миссионерам епархиальными преосвященными назначаются, смотря по надобности, миссионеры-сотрудники, избираемые епархиальными миссионерами преимущественно из мирян-начетчиков, с особым вознаграждением из местных средств, смотря по их усердию и пользе для миссионерских целей. 13) Миссионеры-сотрудники, подобно окружным миссионерам, находятся в ближайшем распоряжении епархиальных миссионеров, которые руководят ими, следят за их деятельностью и получают от них отчеты об исполнении ими поручений.

14) Деятельность миссионеров-сотрудников имеет следующие цели: а) помогать миссионерам в собирании возможно полных и точных сведений о числе и состоянии раскольников и сектантов в той или другой местности и о способах сектантской проповеди, следить за деятельностью расколо-учителей и вожаков сектантства на месте и за их

отлучками; б) вести частные по домам беседы с заблуждающимися; в) чрез продажу и бесплатную раздачу книг и брошюр религиозно-нравственного и полемического против расколо-сектантства содержания знакомить православных с истинами православной веры и христианского благочестия, особенно неправильно понимаемыми раскольниками и сектантами. 15) С учреждением епархиальных и окружных миссионеров, действующих в пределах епархии и только временно посещающих местности, зараженные расколом и сектантством, отнюдь не освобождается от миссионерской деятельности и каждый приходской священник, который по своей пастырской обязанности должен непрерывно вести миссионерское дело, действуя против раскольников и сектантов своего прихода пастырскими беседами и назиданиями, а также обращаясь для сего и к другим, имеющимся в распоряжении духовенства, средствам, коими должны служить:

а) нравственно-попечительное и всегда участливое отношение приходского духовенства к пастве, постоянно внимательное и непременно истовое совершение крестного знамения на себе и при преподания другим благословения, всегда благоговейное и согласное с уставом Церкви совершение общественного богослужения, а также частных церковных служб и домашних треб, с вразумительным и внятным чтением и пением церковных молитвословий и с приглашением к участию в таковых песнопениях самих молящихся;

б) Открытые, проникнутые духом пастырской кротости и растворяемый христианскою любовью, собеседования с заблуждающимися и отделившимися от св. Церкви о предметах веры, нравственности и церковного чина; при обстоятельствах же, делающих пастырские собеседования с заблуждающимися невозможными или неудобными, надлежит вести поучительные беседы с православными прихожанами, направленные к разъяснению тех именно истин святой веры, правил христианской жизни, обрядов и таинств православной Церкви, которые составляют предмет разномыслия и лжеучений отделившихся от св. Церкви.

в) Устройство вне богослужебных назидательных для простого народа чтений и бесед, имеющих предметом изъяснение истин христианской веры и правил нравственной жизни, с присовокуплением рассказов из Св. Истории, житий святых и воспоминаемых Церковью событий. Таковые беседы и чтения могут быть и предначинаемы, и сопровождаемы, и оканчиваемы общим пением церковных молитв и песнопений присутствующими.

г) Учреждение, особенно в местах, зараженных расколом и сектантством, церковно-приходских школ и школ грамотности, каковые школы, распространяя в народе грамотность и обучающихся в них детей делая более способными к усвоению духа православной Церкви и к сознательному участию в церковном богослужении, чтении и пении, могут чрез детей благотворно действовать и на их родителей, утверждая колеблющихся в вере и располагая чуждых Церкви к сближению с нею и уважению ее правил и обычаев.

д) Распространение в народе книг, брошюр и листов с кратким, но основательным, раскрытием заблуждений раскольников и сектантов, с ясным и вразумительным изложением учения православной Церкви о предметах разномыслия раскольников и сектантов с учением ее.

е) Выбор священниками из среды прихожан людей, способных и расположенных вести собеседования с раскольниками и сектантами о предметах их разномыслия с Церковью и содействие таковым лицам в их трудах наставлениями, указаниями и особенно снабжением их необходимыми книгами. Такие лица, являясь лучшими помощниками священников и миссионеров в их миссионерской деятельности, и сами могут заниматься миссионерством, а в нужных случаях – быть избираемы и в священный степени. В виду особой полезности таких деятелей, надлежать заботиться об устройстве школ и курсов для приготовления способных крестьян к миссионерской деятельности среди раскольников и сектантов по образцу школы, основанной в г. Вятке протоиереем Кашменским.

и ж) Наблюдете со стороны священнослужителей за книгоношами, которые нередко распространяют учение молокан, баптистов, штундистов и других сектантов среди православных, и донесение епархиальному начальству о каждом случае распространения этими лицами сочинений и брошюр, противных православию, равно мнений, оскорбительных для достоинства православной Церкви и ее пастырей.

В действующих правилах, утвержденных Св. Синодом, все с § 9 оставлено без изменения.

IV. Рождественский Ар., прот. Армия спасения. Гл. 2. Учение салютистов. // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 980–991.(Продолжение)⁹¹

Учение салютистов

Содержание: Сочинения, послужившие главным материалом при изложении учения салютистов. Отношения салютистов к христианским исповеданиям. Предшественники салютизма. Источники учения салютистов. Общий взгляд на их учение. Понятие об армии. Ее цель. Уче́те салютистов. об искуплении мира. О всецелом избавлении от греха. Возможность обладания святостью в настоящей жизни. Условия приобретения святости: отречение, посвящение, вера.

При изложении учения салютистов мы пользовались, главным образом, двумя сочинениями. Одно из них под заглавием «Святая жизнь, или то, как учит армия спасения об освящении» делится на шесть глав, из которых в первой решается вопрос: в чем состоит освящение? во второй: можно ли его достигнуть? в третьей говорится, что освящение достижимо; в четвертой указываются условия этого достижения. Пятая глава содержит в себе разрешение возражений, направленных против учения об освящении. В шестой перечисляются плоды освящения. Сочинение это издано от имени главных квартир армии, находящихся в Париже, Лондоне, Женеве, и Стокгольме. Оно содержит в себе, как говорится в предисловии к нему, только часть учения салютистов.

«Мы», говорит его автор, не претендуем на то, чтобы дать кому-либо понятие о божественной истине исключительно при помощи письма, или речи. Те, которые желают знать, при каком положении Иисус может спасти, должны прибегнуть к Нему, и мы, благодаря Бога, опытом убедились в том, что Он, как Спаситель, как друг и как учитель, никогда не отказывается употребить всю силу Своего могущества на всякую душу, к Нему обращающуюся».⁹² Второе сочинение имеет такое заглавие: «Размышления и опыты салютиста». Оно написано г. А. Пэроном, и издано главной квартирой армии спасения, находящейся в Париже.⁹³ Сочинение это, как видно из содержания его, имеет две части: в одной сообщаются исторические сведения, а в другой излагается учение. Вторая

половина изложена в форме поучений. В общем сочинение отличается безыскусственностью.⁹⁴

Прежде чем перейти к изложению учения салютистов, считаю нужным сказать несколько слов о том, как салютисты относятся к христианским исповеданиям, кого они считают своими предшественниками и каковы источники вероучения салютистов. Салютисты, обращаясь к лицам, не принадлежащим к их секте, обыкновенно говорят: «верьте как хотите: мы не стремимся в тому, чтобы отклонить вас от ваших религиозных верований; мы только просим вас быть деятельными христианами, – чтобы вы на самом деле исполняли заповеди Божии». Подобный речи нельзя, однако, принимать за чистую монету; они являются только удобным приемом их пропаганды. Пасторы Карт и Лёрч говорят, что салютисты с полнейшим презрением относятся к церквям. Отрицательное отношение салютистов к религиозным обществам подтверждается рассуждениями г. А. Пэрона. «Я думаю, говорит г. Пэрон, что в религиозной среде находится значительное число таких лиц, которые упражняются в благочестии и которые не рождены от Бога: они с детства жили в среде религиозной; их родители вложили им в голову понятие о спасении: они свыклись с религиозными обычаями: их ум сформировался таким образом, что он не находит удовольствия в обществе светских людей; они обучались религии у благочестивого пастора; они в установленное время причащаются; в свою очередь они делаютя провозвестниками учения о спасении; они призываются исполнять в их церкви почетные обязанности диакона или пресвитера; они участвуют, может быть, в синоде; они отдают всю свою мудрость и развитие, чтобы выполнять эти обязанности, а между темь они «не рождены от Бога». Они не пробовали осуществить первых опытов, которые предшествуют новому рождению, например, они не помнят, чтобы когда-нибудь серьезно обличали себя во грехе; они не могут даже указать время, когда они начали познавать Бога; следовательно, как же они могли бы указать с точностью день, когда они уверились, что их грехи прощены. И если вы их спросите, избавились ли они от грехов, они посмотрят на вас с удивлением или с негодованием

и вам ответить, что они каждый день просят у Бога прощения их грехов: и если вы настаиваете и, ставя себя на их точку зрения, попросите их указать их грехи, которые они совершили и прощения, которых они просят всякий день, они смутятся, они будут запинаться; они вам скажут, что, конечно, они не совершали ничего важного, но, что, наконец, все люди грешны и что они не представляют собою исключения из общего правила».⁹⁵

Говоря о деятельной борьбе с дьяволом человека возрожденного, (т.е. салютиста), г. Пэрон замечает, что «в этой борьбе нет места для пустых стремлений, ни для бесполезных сожалений, ни для моральной анемии, ни для расслабления воли и, в следствие этого, в этой борьбе нет места ни заблуждениям воображения, ни приводящим в отчаяние падениям, ни нездоровому мистицизму и бесплодному квиетизму. Размышлению истинных христиан нашего времени с настойчивостью представляется тот факт, что члены армии спасения до сих пор были сохранены от всех этих заблуждений, от всех доктринальных болезненностей, который находятся в других религиозных сферах и которые задержали приближение царства Божия на гораздо более продолжительное время, чем это сделали преследования и жестокости злых людей. Я здесь говорю о тех религиозных сферах, которые, в начале, казалось, наиболее вмещали в себе религиозную жизнь».⁹⁶

Ближайшими предшественниками салютизма г. А. Пэрон считает Фокса, основателя секты квакеров и Веслея. г. Пэрон благословляет Господа за возобновление учения об оправдании верой, принесенное реформаторами шестнадцатого века, – за звук, раздающийся в произведении Св. Духа, написанном Фоксом, за христианское совершенствование, возведенное Веслеем, за приглашение г. Бутса, обращенное к каждому дитяти Божьему, стать, в свою очередь, спасителем; все это, говорит г. Пэрон, последовательный предложения нового вина, которое Божественный Раздаятель всего предлагает игру чрез своих излюбленных слугителей, чтобы возобновить его анемичный темперамент».⁹⁷

Источниками своего учения салютисты признают Священное Писание и непосредственное внушение Святого Духа. Мы верим, говорит г. Бутс, что книги Ветхого и Нового Завета составляют единственный закон веры и деятельности христиан».⁹⁸ г. А. Пэрон, излагая учение армии спасения, старается обосновать его на Слове Божиим. В своих проповедях, который нам приходилось слышать в зале, находящейся на улице Обэр, салютисты делают ссылки на Священные Книги. «Руководимые Вечным, говорит г. Бутс, отдавая себе в том отчета, мы пришли к установлению такого порядка, к которому стремятся самые мудрые организаторы этого мира».⁹⁹ В сочинении «Доктрина и дисциплина армии спасения» говорится, что «Бог сообщает свою волю людям не одним только писанным словом, но и другими способами. При посредстве человека, Он говорит чрез Святого Духа другому человеку. Воздвигать пророков для передачи Его желаний людям – это было изначальным Его обычаем. Отрицать непосредственное сообщение человеку воли Божией, значило бы, в некотором роде, устранить из мира живое, деятельное, положительное действие Божие и ставить на его место мертвую букву».¹⁰⁰ «Мы имеем, говорит А. Пэрон, внутреннее удостоверение в том, что слова увещания и призыва, которые выходят из наших уст, внушены нам Святым Духом, мы верим, что они слова Бога».¹⁰¹ «Офицер, говорит г. Бутс, находится во власти Божией и Бог ведет его. Тело офицера – храм Святого Духа. Офицер живет тою же жизнью, он возбуждается теми же движущими силами, как и Бог».¹⁰² Солдат, по сообщению г. Бутса, должен не только получить новое сердце, но и иметь Святого Духа, живущего в нем и им владеющего».¹⁰³ Из всего этого ясно видно, что все члены армии спасения, от генерала до солдата, по их мнению, находятся в непосредственном общении с Божеством.

Догматическое учение салютизма развито весьма слабо. «Салютистов, говорит г. Бут, весьма справедливо упрекают в том, что их догматика слишком не полна. Впрочем, они и сами признают, что они не богословы, они придают мало значения богословию, и при этом они, можно сказать, не признают таинств. Правосудие Божие, человек грешник и погибший,

спасение чрез Иисуса Христа – в этом вся и суть. В этом заключаются, действительно, начальные основания истины. Когда миссионер обращается к язычникам, они проповедуют в начале только эти основные истины.¹⁰⁴ Внимание салютистов, главным образом, сосредотачивается на нравственных истинах. Центр тяжести их учения лежит, таким образом, в морали.

Армия спасения, по понятию г. Пэрона, – это особый народ, народ очищенный, ревностный, народ как бы живых Христов, народ любящий, говорящий, действующий так, как делал это Христос, народ прежде всего, старающийся об интересах Царства¹⁰⁵; народ смелый, буйный, одушевленный великим вдохновением любви к душам и в то же время – этот народ смиренный, послушный, покорный, исповедующий самоотречение и вместе с тем проявляющий полнейшую независимость по отношению к миру и общественному мнению, положивший на алтарь все свои привычки, все вкусы и личные склонности, готовый да свидетельство истины «заплатить своей кровью; это народ, который имеет божественный смысл, постоянно упражняемый; это народ который владеет Духом истины и которому Бог может указать глубокие мысли, которые Он хранить для малых, смиренных, так же и для душ правых и отказавшихся от своей воли. Это народ единый по своему методу и по цели, им преследуемой...¹⁰⁶

Армия спасения, по мнению салютистов, учреждение божественное; она имеет своим назначением покорение мира власти Божией.¹⁰⁷ По поводу такого назначения армии, г. Бутс говорит: «я убежден, что Господь имеет право царствовать и что свет Ему принадлежит, потому что Он его создал; я убежден, что мир у Него был украден горделивым вором, называемым диаволом, и что Бог выкупил этот мир кровью собственного Сына. Создавши, выкупивши, сохранивши мир и позаботившись о всех его нуждах, Бог имеет право на службу и обожание всех, находящихся в мире сердец. Вследствие всего этого, я чувствую необходимость сделать что-нибудь для упрочения царства за моим Отцом и положить мир к ногам его Сына. Мое честолюбие заключается в следующем: привести грешников к Иисусу и сохранить мир для Бога».¹⁰⁸ Г. Пэрон называет армию народом,

«который восстановит в міре такое течение жизни божественной, что побежденный мір бросится в объятия Бога».¹⁰⁹ «Идя на войну о оружием в руках, – поют сектанты, мы, как верные солдаты, покорим себе землю. К твоим стопам, Иисус, армия положит весь мір».¹¹⁰ Покоряя мір Богу, армия этим как бы восстанавливает общение человека с Богом, существовавшее до грехопадения наших прародителей.

Неповиновение Адама, говорит г. Пэррон, нарушило общение, установленное Богом между Им Самим и духом человека. Светильник, который освещал все существо человека, тотчас же после грехопадения угас. Грехи, послужившие причиной разобщения между человеком, от которых пал Адам, были неверие и гордость. Иисус пришел на землю, чтобы возжечь этот светильник.¹¹¹ Он явился, чтобы избавить людей от греха; Он агнец Божий, который берет на Себя грех міра. Он явился, чтобы истребить работу дьявола. Он один только раз явился в мір, чтобы уничтожить грех. Он пришел, чтобы снять, истребить грех, и освободить от греха, а не затем, чтобы исправить, ослабить, улучшить греховное состояние, нет! Дело Христа имеет результат абсолютный. Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха. Он пришел спасти свой народ от греха, т.е., пришел не для того, чтобы спасти во грехе, но спасти его от греха.¹¹²

Христос дитя возрастал нормальным образом, натурально, как растут полевые лилии. Физическое и нравственное Его развитие совершились параллельно, в полной взаимной гармонии. И пришел день, когда это развитие было закончено. Тогда Он получил свидетельство от Своего Отца о том, что на Него в этом Его виде, Господь возлагает все Свое благоволение. И Св. Дух сошел на Него. *И только после того, как Он стал совершенным чрез Свои страдания, (?) Он сделался виновником спасения для тех, которые Ему повинуются.*¹¹³

Господь нам predetermined быть подобными образу Его Сына, так чтобы Сын Его был перворожденным между многочисленными братьями. Вот какова была воля Господня, когда Он послал Иисуса Христа на землю.¹¹⁴

Господь царь и священник (Мф.27:11; Евр.4:14), и цель искупления – сделать каждого возрожденного царем и священником (Апок.5:9–10): Царем, чтобы властвовать над грехом, над миром и дьяволом; Священником, чтобы предложить себя Богу в жертву для блага мира. Бог предопределил нас, говорит г. Пэрон, быть подобными образу Сына Своего в том же размере, как младший брат походить на старшего, воспроизводя с точностью его черты, характер, одушевляясь тем же духом и теми же чувствами. Бог не хочет, чтобы Сын Его был изолированным существом в творении; Он хочет дать Ему семейство, в котором Он был бы перворожденным. В этом то заключается завершение и совершенное осуществление божественного плана, предначертанного в предвечный времена.¹¹⁵

Чтобы быть подобным образу Сына Божия, нужно пройти известные состояния, нужно пострадать при сознании своего греха; нужно поместиться в тени того креста, на котором Агнец Божий подверг Себя за нас каре, которая дает нам мир; нужно поместиться в тени того креста, на котором Он принял на тело свое язвы, чрез которые мы получаем от Отца прощение грехов.¹¹⁶ Нужно получить «новое сердце». «И возьму из плоти вашей сердце каменное и дам вам сердце новое» (Иез.36:26). Извлечение каменного сердца, по объяснению г. Пэрона, значит приготовление в человеке среды, почвы для зародыша новой жизни, – святой. Каменное сердце – это греховное состояние человека. Господь очищает с начала от греха, а затем уже начинается для человека новая жизнь. Эти два акта следуют немедленно один за другим. Невозможно, говорит г. Пэрон, строить новый дом на месте, где стоит старый дом; нужно разрушить сначала старый дом и убрать мусор, который образовался при его разрушении. Невозможно также засеять землю, пока она не освобождена от сорных трав.¹¹⁷

Грехом салютисты называют внутреннее или внешнее действ человека, противное воле Божией. Анализируя вообще грех, сектанты различают в нем корень и плод. Грех, рассматриваемый в смысле деяния – плод, в смысле принципа (наклонности ко греху) – корень.¹¹⁸ Человек, по учению

салютистов, может совершенно очиститься не только от грехов, но от склонности ко греху, т.е. иначе говоря, сделаться совершенно святым здесь, на земле.¹¹⁹

Автор брошюры «Святая жизнь» так доказывает возможность обладать святостью в настоящей жизни: мое первое доказательство, говорит он, – это вероятность. Мне кажется чрезвычайно вероятным, что Бог должен был позаботиться о том, чтобы его творения немедленно и вполне могли освободиться от греха. Если бы ребенок проглотил какой-нибудь яд, – конечно отец его употребит все средства, чтобы извлечь, и насколько возможно, скорее, не только часть яда, но весь яд. Также нам кажется самым вероятным, что Бог употребляет всевозможные средства, чтобы исторгнуть из человеческой души смертоносный яд греха. Мы докажем, продолжает он, возможность обладания святостью в настоящей жизни ясными наущениями Библии, которая описывает это состояние под разными видами и различным образом, а именно: 1) под видом обладания чистым сердцем, т.е., омытым от всякого греха (Пс.51:10; Мф.5:8; Иез.36:25; 1Тим.1:5); 2) как сердце, освобожденное от всякого идолослужения (Иез.36:26); 3) как совершенно отделенное от зла и посвященное Богу (1Сол.5:23); 4) под образом человека, ведущего безупречную жизнь, в которой Сам Бог не находит ничего для осуждения (Флп.11:15; 1Кор.1:8); 5) под образом лиц, всецело преданных Богу (Рим.12:1); 6) под образом лица, исполняющего закон (Рим.13:10); 7) как совершенство в любви, (Мф.5:48), иначе сказать: если мы в нашей сфере и по нашим способностям так же всецело посвящены чувствам любви и благодати, как в своей сфере и наш Отец Небесный, то мы будем совершенны перед Ним (2Тим.3:17; 1Сол.2:10; Кол.4:12); 8) под образом лица, всецело следующего за Господом: Иисус Навин и Халев это исполнили и они вошли в Ханаанскую землю (Чис.14:24); 9) под видом человека, мертвого для греха и живущего в Боге (Гал.2:20; Рим.6:6–7); 10) под видом лица, сделавшегося действительно добрым (Мф.12:33; 2Кор.1:12; Деян.24:16); 11) под образом человека, исполненного Духом Святым и вполне снаряженного для служения Ему (Фил.3:17–20; 1Кор.2:9–10;

Еф.3:19); 12) под образом человека, принявшего участие в свойстве Самого Бога (1Ин.4:16–17).¹²⁰

Чтобы достигнуть полной святости в настоящей жизни, необходимо убеждение, отречение, посвящение и вера. Под убеждением, говорит автор «Святой жизни», мы подразумеваем ощущение человеком потребности быть святым и чувство отвращения ко греху, который находится в нем и от которого Бог хочет освободить его. Причем человек должен быть убежден, что он получит от Бога прощение грехов, если он ищет этого от всего сердца своего.

Отречение – это отказ от всякого заведомого зла; это добровольная решимость отбросить от себя навсегда все, что душа считает дурным, или что она совершенно основательно считает нехорошим, и не возвращаться к нему никогда. В силу этого мы должны отказаться от употребления вина, курения, модных и ярких платьев и других модных украшений, вообще – от всех тех действий в сфере общественной и семейной, которые не угодны Богу. Нужно отказаться не только от вещей и привычек, которые дурны сами по себе, но и от тех, которые могут оказать вредное влияние на других, хотя бы они были невинны и безвредны.

Посвящение – это полная и всецелая отдача себя и всего своего имущества Богу. В книге «Святая жизнь» таким образом иллюстрируется понятие о посвящении. Некогда была война в Англии между королем и парламентом. Большая часть народа приняла сторону парламента, так что король бедствовал. В Англии оказалось много дворян и богачей, из которых приходил к королю и держал приблизительно такую речь: «я огорчен и мне стыдно, что ваше величество свергнуты были с престола. Этот недостойный поступок приводит меня в отчаяние. Я желаю помочь вашему величеству в том, чтобы вы вернули ваши права. И я пришел к вам с моими сыновьями и со слугами, чтобы повергнуть в ваше распоряжение наши шпаги и нашу жизнь. Я заложил мои имения и продал мое серебро и принес вам деньги, чтобы помочь вашему величеству продолжать войну». Вот действительная покорность или полное отречение в пользу короля! Именно такого рода посвящение Бог и требует; только

оно должно быть еще совершеннее. Бог был повсюду свергнут со своего престола, имя Его было осквернено в сердцах людей и люди повсеместно отказываются от Его власти над ними. Иисус Христос желал бы снова завоевать царское достоинство для своего Отца, и Он обращается с призывом ко всем честным солдатам помочь Ему в этом великом предприятии. Он просит вас прийти в Нему, как английские подданные шли к своему настоящему королю: «я приношу тебе мои имения, мое влияние, мою репутацию, мое семейство, мою жизнь, и приношу все это навсегда. Я не желаю иметь что-нибудь отдельное для себя. Пользуйся всем, что я имею, и мною самим, дабы моему Царю принадлежало то, чем Он владел, и, чтобы царство Его было восстановлено». Вот настоящее посвящение и единственно реальное. Именно об этом-то посвящении Иисус и учил, говоря: «ищите прежде Царствия Божия». Своею собственной жизнью и смертью Иисус дал пример этого посвящения. То же сделал Павел и первые апостолы. Если вы желаете быть настоящими христианами, надо посвятить себя точно таким же образом. Посвящение – это жертва. Посвятить себя – это значит предложить Богу все, что мы имеем и не считать более своим все то, что мы считали доселе таковым, но возвратить в Его руки все с тем, чтобы Он располагал им и взял бы нас самих на место смиренных служителей, получающих от Него только то, что Ему угодно будет нам дать. Отсюда видно, что действительная жертва вещь вовсе не легкая и может быть совершена только при помощи Святого Духа. Но раз она совершена и все принесено на алтарь, душа, ум, имение¹²¹, доброе имя, все, все, все – тогда огонь нисходит, пожирает, сжигает все злаки и нечистоты, и наполняет душу горячим рвением, любовью и мощью. Настоящее посвящение есть некоторого рода распятие. Распятие было мучительной и позорной смертью, а посвящение есть смерть (уничтожение) всех удовольствий и наслаждений, которые истекают из чрезмерной любви к самому себе и из обожания мира, из обладания собственностью, из непомерной привязанности к тем, кто нам дорог, к родным или друзьям, и наконец – это отречение от всего того, что составляет радость невозрожденного

человека... Принести такую жертву – очень трудная задача, но тем не менее, если мы хотим жить во Христе, нам нужно быть распятыми с Ним.

Вера – это акт простого доверия к той истине, что кровь Христова очищает человека от всякого греха внутреннего и дарует ему перед Богом чистое сердце, и человек, с этого момента, поручает себя Богу, веруя, что Он его принимает и будет хранить святым, пока человек будет Ему доверяться. Душа такого человека, остается навсегда чистой. Если человек твердо решил не грешить, если он всецело предался Богу, то Слово Божие позволяет ему быть уверенным, что дело освящения его души совершилось, не смотря на то, имеет ли этот человек внутреннее сознание, или нет. Душа такого человека должна пребывать в этой уверенности до тех пор, пока мир и радость не сойдут на нее чрез Святого Духа. Случается, что Бог иногда медлит обнаружить свое действие, испытывая веру обращенного. Человек верит, что он принес себя в жертву, что он вполне освящен, но он должен иногда ожидать, как Авраам, огонь, который даст внутреннее свидетельство, что Бог очищает его душу.¹²² Относительно этого внутреннего удостоверения в очищении, г. Пэррон рассказывает о себе следующее: «однажды я проснулся рано утром от необыкновенного чувства; мне казалось, что волны божественной любви обхватывали меня; все мое существо трепетало от восторга; я не могу сомневаться, что в тот день я получил крещение Святым Духом».¹²³

(Продолжение будет.)

V. Высотский А., преп. Таврич. Сем. Донские толки в молоканства и в штундизме. // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 921–1000

Начиная¹²⁴ с 1823 года, в Бердянском уезде Таврической губернии начали селиться молокане и вскоре образовали здесь три селения: Ново-Васильевку, Астраханку и Новоспасское. Число сектантов в настоящее время в этих трех селениях простирается до 10 тысяч. Из писем молоканина с. Астраханки З.Д. Захарова к преосвященному Гурию, епископу таврическому, относящихся к 1869–1873 гг., видно, что тогда молокане разделялись на толки: тамбовский, владимирский и донской, из коих первые два, мало чем отличаясь один от другого, представляли в своем лице чистое молоканство основного уклеинского толка, а последний, допустив обряды, некоторые даже с значением таинств, уклонился от основного принципа молоканства – служения Богу чисто духовного. Впрочем, не смотря на более или менее значительный отличия с этой стороны, молокане всех означенных толков сходились между собою во всем остальном, существенном и, почитая себя истинно-духовными евангелическими христианами, составляли одно религиозное общество. Далеко не такую представляется религиозная жизнь сектантов в настоящее время; вместо прежних трех, теперь оказывается *шесть* толков, на которые они разделились: *тамбовский, владимирский, прыгунский, 1-й донской, 2-й донской и баптистский*. Сектанты всех означенных толков уже не соединяются в одно религиозное общество, но распадаются на два, именно таким образом, что толки тамбовский, владимирский, прыгунский и 1-й донской ново-васильевский выделяются в одно религиозное общество, а баптистский, 2-й донской в с. Ново-Васильевке и Астраханке, а также и 1-й донской с. Астраханки или сизовский – другое; взаимная религиозная рознь между тем и другим обществом доходит иногда до прямой вражды, как, напр., в с. Ново-Васильевке между 1-м донским и 2-м донским толками. Что же значит это разделение? Означает ли оно только

дальнейшее дробление молоканства на толки, то более или менее сходные, то отличающиеся одни от других до возможности на почве религиозной розни явной взаимной вражды? Или же это разделение более существенное, имеющее свою причину появление в среде молокан новой религиозной секты, хотя отчасти сродной с молоканством, но с другой стороны и отличной от него до такой степени, что оставшиеся верными молоканству – с одной стороны и выделившиеся из него в новую секту – с другой – уже не могут составлять одного религиозного общества? Следственные дела о сектантах и миссионерские сведения как епархиального начальства, так и местной гражданской власти, давали основания предположить последнее, и именно в определенном виде, что многие из молокан сошлись в штундизм. Для ближайшего ознакомления и возможно точного исследования местного сектантства в декабре 1894 г. таврический епархиальный миссионерский комитет командировал в с. Ново-Васильевку, Астраханку и Ново-Спасское специальную комиссию в составе епархиального миссионера, свящ. П. Тихвинского, благочинного и преподавателя духовной семинарии Ал. Высоцкого. 28 декабря-4 января 1895–96 гг. названная комиссия посетила означенные селения. Ознакомившись на месте с вероучением, составом богослужения, обрядностью и характером устройства внутренней церковной жизни сектантов всех толков члены комиссии представили епархиальному миссионерскому комитету отчет о собранных ими данных с своими заключениями. Миссионерский комитет, подвергнув обсуждению представленные комиссией данные, пришел в следующем заключении: «Имея в виду вероучение, состав богослужения, обрядность, прозелитизм и характер устройства внутренней церковной жизни толков: баптистского – в с. Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском, а также и в других местах Таврической губернии, – 2-го донского в с. Ново-Васильевке и Астраханке и 1-го донского в с. Астраханке (или сизовского), – признать означенные толки *штундистскими*, о чем довести до сведения Таврической духовной консистории для зависящих от нее распоряжений». Остальные толки – тамбовский,

владимирский, прыгунский и 1-й донской в с. Ново-Васильевке признаны молоканскими.

С научной точки зрения установленное епархиальным миссионерским комитетом разграничено означенных толков и разделение их на штундистские и молоканские имеет достаточный и твердый данные, на основании которых, действительно, должно характеризовать первую группу толков, как штундистских, а последнюю – как молоканских. Вот эти данные:

1) В селе Ново-Васильевке имеются толки: тамбовский, владимирский, прыгунский, 1-й донской, 2-й донской и баптистский. Все имеющаяся данные о вероучении, составе богослужения, обрядности и проч., каждого из этих толков заставляют первые из них признать молоканскими, а последние два – штундистскими. Толки тамбовский и владимирский представляют в своем лице молоканство основного Уклеинского толка. И прежде различие между тем и другим толком, поведшее, однако ж, к разделению, состояло лишь в том, что молокане тамбовского толка на своих молитвенных собраниях имели обряд святого лобзания, которого не хотели принимать молокане владимирского толка. В настоящее же время и это различие между тем и другим толком уничтожилось, так как молокане тамбовского толка оставили обряд святого лобзания, за неудобством выполнения его вследствие тесноты помещения в молитвенных домах, как сами они объясняют. Прыгунский толк представляет в своем виде также молоканство основного уклеинского толка, но с привнесением в вероучение некоторых еврейских установлений и в богослужебный культ обряда прыганья. Первый донской толк представляет в своем лице молоканство известного донского толка, основанного в 1823 г. неким Андреем Саламатиным. Выражение вероучения и богослужебного культа этого толка можно видеть в упомянутых выше письмах молоканина с. Астраханки З.Д. Захарова в преосвященному Гурию, изданных вместе с ответом на них под названием: «Исповедание веры молоканами донского толка» и в письменном обряднике, представленном членом вышеназванной комиссии, пресвитером сего толка в с. Ново-Васильевке,

Лысиковым. Основная особенность этого толка теперь, как и прежде, состоит в признании некоторых богослужебных обрядов и пяти таинств; чинопоследования наречения имени младенцам, погребения и др., сходны с соответствующими чинопоследованиями православной Церкви. Не вдаваясь в большие подробности касательно означенных четырех толков, бесспорно молоканских, остановимся на характеристике двух других – баптистского и 2-го донского, признаваемых нами штундистскими.

Баптистский толк появился здесь в 1880 г. Черты, характеризующие его, как штундистский, следующие: 1) Состав богослужения – чисто-штундистского характера: молитвы – частью импровизированные (от сердца, или сердечные, по их выражению), частью заимствуемый ими из сборников: Голос веры, Собрание духовных стихотворений для ев.-лютеранских христиан, любимые стихи, песни Сиона и др. (молитвы же употребляемые молоканами при их богослужении, суть главным образом ветхозаветные псалмы и другие песни или молитвы, находящиеся в св. Писании, а затем молитвы, общие с употребляемыми в православной Церкви). 2) Баптисты учат, что человек оправдывается кровью И. Христа чрез покаяние, веру и добрые дела; но преимущественное значение усвояют вере, умаляя значение добрых дел. (По учению же молокан, человек оправдывается при посредстве благодати Христовой, верою и добрыми делами, причем они, по выраженью члена баптистской общины в с. Астраханке Балихина, более надеются на добрые дела (проток. № 11). Выражение – «человек оправдывается кровью И. Христа» – излюбленное штундистами; усвоение преимущественного значения вере – также свойственно штундистам. 3) Таинств в собственном смысле не признают ни одного. Имеют крещение и прел омлете хлеба, но с значением обрядов. (Молокане Тамбовского, владимирского и прыгунского толков не имеют ни одного из таинств, хотя бы даже в смысле обрядов, все семь таинств понимая в духовном или переносном смысле, молокане же донского толка имеют пять таинств: крещение, покаяние, причащение, брак и елеоовящение, усвояя им именно значение таинств, а не простых обрядов). 4)

Крещение совершают в живой проточной воде только над взрослыми, чрез единократное погружение. Крещение, по их учению, прощения грехов не сообщает, а есть лишь знак, что крещеный становится членом церкви. (У молокан донского толка крещение совершается над детьми в три погружения и, по их верованию, преподает крещаемому прощение грехов и очищение от них). 5) Преломление хлеба совершается в воспоминание страданий и смерти И. Христа. Соединения с Господом оно не сообщает; – хлеб и вино не пресуществляются в Тело и Кровь Христовы; детей до причащения не допускают. (По учению молокан (донского толка), причащающиеся под видом хлеба и вина духовным образом причащаются Тела и Крови Христовых. Причащение у них дается и детям). 6) Покаяние признают непосредственное пред Богом, иногда оно совершается в присутствии пресвитера. Бывает и публичная исповедь пред всем собранием. (У молокан (донского толка) исповедь совершается пред пресвитером; публичной исповеди пред целым собранием в практике церковной не имеется). 7) Недостойно ведущих себя отлучают от «общества святых», под которым разумеют свое собрание. В основании такой практики, несомненно, лежит чисто штундистское самообольщение, по которому они самих себя почитают праведными, святыми и недостатки в нравственной жизни православных, обыкновенно, выставляют, как одну из главных причин, ради которой они отделились от православной Церкви. (Соответствующей практики (мнимо-церковного) отлучения не имеют молокане; даже можно сказать более того: в с. Ново-Васильевке пресвитер 2-го донского толка (также штундистского) прямо указывал на эту принятую его обществом практику, как на первоначальную причину, ради которой произошло разделение между ним, 2-м донским толком, и 1-м донским (молоканским). 8) Пресвитеры их рукополагаются непременно «старшим» пресвитером, который почитается руководителем в церковной жизни для нескольких обществ более или менее обширного района. (У молокан старших пресвитеров нет, а имеется только пресвитер для каждой отдельной общины). 9) За умерших не молятся. (Молокане за умерших молятся). 10) Обряды бракосочетания,

погребения умерших, елеопомазания больных, крещения и преломления хлеба совершаются как у штундистов. (Те же обряды у молокан (донского толка) совершаются каждый по отдельному чину, которые весьма сходны с соответствующими чинами в православной Церкви (см. обрядник пресвитера 1-го донского толка в с. Ново-Васильевке, Лысикова).

2-й Донской толк содержит совершенно то же учение, что и баптистский, с тем только различием, что, тогда как баптисты крестят только взрослых, штундисты 2-го донского толка крещение совершают над младенцами. Кроме того, не оказывается возможным установить, признают ли сектанты 2-го донского толка, подобно баптистскому толку, старших пресвитеров.

В Ново-Спасском имеются толки: тамбовский, владимирский, прыгунский и баптистский; из них первые три должны быть признаны молоканскими, а последний – штундистским, так же, как и в Ново-Васильевке.

В Астраханке – толки: тамбовский, владимирский, прыгунский, баптистский, первый донской (или сизовский) и второй донской (или Захаровский).¹²⁵ Из них первые три должны быть признаны молоканскими, а последние три – штундистскими. Вероучение, состав богослужения и обрядность местных баптистского толка и второго донского тождественны с вероучением, богослужением и обрядностью толков тех же наименований в с. Ново-Васильевке. Что касается первого донского толка, то, несомненно, он прежде представлял в своем лице молоканство старого донского толка; но впоследствии начал постепенно воспринимать элементы учения второго донского толка, т.е. штундизма. В настоящее время этот процесс перерождения из молоканства в штундизм в первом донском толке можно считать почти законченным. Черты, характеризующие его (1-й донской толк), как штундистский, следующие: 1) Состав богослужения у сектантов этого толка совершенно тот же, что и у баптистов и штундистов 2-го донского толка. Поэтому-то сектанты всех трех означенных толков в с. Астраханке собираются на молитву вместе, безразлично в каком-либо молитвенном доме, принадлежащем одному из них.

Молитв, которые употребляют молокане 1-го донского толка в с. Ново-Васильевке, напр., «Верую», «Св. Боже» и других, общих с употребляемыми и в православной Церкви (см. обрядник 1-го донского толка с. Ново-Васильевки), штундисты 1-го донского толка в с. Астраханке не имеют, употребляя вместо них те же, которые употребляют все штундисты, именно: импровизированные и из вышепоименованных сборников, тогда как прежде, состоя еще в молоканстве, они (молокане донского толка в с. Астраханке) употребляли только первые молитвы («Верую», «Благословен Бог наш», «Трисвятое» и др., как видно из писем Захарова к преосвященному Гурию: испов. веры мол. д. толка, ч. I, стр. 8 и 10). 2) Крещение совершают над детьми чрез однократное погружение. Последнее (однократное погружение) составляет характерный признак, обозначающей этот толк, как штундистский: молокане крестят в три погружения; в три погружения крестили сектанты донского толка и в с. Астраханке, пока они оставались молоканами (как видно из тех же писем: испов. веры молок. донск. толка, часть I, стр. 9). Крещение, по их учению, очищает от грехов и служит знаком присоединения к церкви. Последнее выражение (крещение служит знаком присоединения к церкви) – штундистского характера: ни в исповедании веры молокан донского толка, ни в устных беседах молокане так не выражаются; первое же (крещение очищает от грехов), употребляемое в лютеранском смысле, – как это видно было из беседы на молитвенном собрании сектантов с помощником пресвитера этого толка, – есть то же, что и выражение «исповедания веры косяковских штундистов»: «крещение есть заверение верующему, что грехи его смыты» (Чл. VIII): по рассуждению означенного лица крещение не преподает силы, очищающей от грехов, а есть лишь символ прощения человеку Богом его грехов. Вода для совершения крещения теперь у этих сектантов освящается особыми молитвами, что делается у молокан донского толка. 3) Преломление хлеба совершается в воспоминание страданий и смерти И. Христа; в нем под видом хлеба и вина, веруют сектанты, они приобщаются Тела и Крови Христовой. Это учение имеет, конечно, тот же смысл, что и учение «исповедания веры

косяковских штундистов»: «мы веруем, что в сем святом знаке Христос дает верующим вкушать духовным образом Свое Тело и Свою Кровь» (Чл. IX). Освящение хлеба и вина особыми молитвами и по особому чину, которое совершается у молокан донского толка в с. Астраханке, не бывает. Обряд преломления хлеба совершается ими с чтением известных мест из Библии и с произнесением импровизированных молитв, как и у всех штундистов. 4) Обряды елеопомазания больных, венчания, и погребения умерших у этих сектантов совершенно те же, что и у штундистов, и существенно отличаются от чина совершения каждого из этих обрядов у молокан (донского толка). Только следующие черты должны быть отмечены, как характеризующие этот толк в отличие от баптистского и 2-го донского: сектанты 1-го донского толка в с. Астраханка молятся за умерших, «преломление» дают и детям, покаяние совершают пред пресвитером (впрочем, и штундисты 2-го донского толка покаяние совершают, кроме непосредственного пред Богом, иногда и в присутствии пресвитера). Из представленного о первом донском толке в с. Астраханке видно, что, действительно, как замечено выше, процесс перехожения этого толка из молоканского в штундистский можно считать почти уже законченным. Если и осталось в нем еще кое-что небольшое, напоминающее молоканство, то это, по нашему мнению, объясняется тем обстоятельством, что пресвитером и руководителем сектантов этого толка состоять доселе некто Сизов – уже глубокий старец, влиятельный и уважаемый сектантами. Ему, как крепко сжившемуся с традициями молоканства, конечно, труднее, чем другим, усвоить новое учение – штундистское, в которое вовлекаются вокруг него в с. Астраханке все «донские».

Итак, очевидно, вероучение, состав богослужения и обрядность у сектантов всех рассмотренных толков – баптистского в селениях Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском, 2-го донского в с. Астраханке – одинаково штундистского характера. Правда, есть некоторые особенности в учении каждого из них по сравнению одного с другим, но эти особенности такого рода, что отнюдь не могут служить

препятствием к признанию всех их штундистами. Характерно наименование, которое сами себе усвоят сектанты первого донского толка в с. Ново-Васильевке и обоих донских толков в с. Астраханка. Они называют себя «стремящимися к баптистской секте духовными христианами» (Дело Тавр. дух. конс. 1895 г. № 80); они, действительно, стремятся воспринять вполне учете штундо-баптизма, но усвоили его одни более (2-й донской толк в с. Ново-Васильевке и Астраханке), другие – менее (1-й донской толк в с. Астраханке).¹²⁶

2) Штундистский характер учения всех вышеозначенных толков обнаруживается при соображении того, кем они были насаждены среди молокан. Проповедниками их здесь, начиная с 1880 года, были: Рябошапко, Кушнеренко, Павлов, Воронин, Богданов, Виллер, Иванов, сириянин Яков Делакович, Пашков.

Не приводя подробных сведений об этих лицах, скажем вообще, что названные имена принадлежат известным вожакам и пресвитерам штундо-баптистским, ревностно подвизавшимся и подвизающимся на поприще преступной пропагандистской деятельности. Из них Делакович – бывший штундист 2-го донского толка, после перешедший в штундо-баптизм (проток. № 11); личность тождественная с «Делаковым», упоминаемым в числе участвовавших на сектантском съезде в Петербурге в 1883 г. В числе приезжавших проповедников был и Пашков. Какое влияние имел он в ряду других проповедников на образование религиозных воззрений местных сектантов, выделившихся из среды молокан и образовавших новые толки, сказать трудно, – тем более, что лжеучение Пашкова почти во всем сходно с лжеучением штундо-баптизма и, значит, его проповедь большею частью сходилась с проповедью проповедников штундо-баптизма. Но в одном пункте Пашков должен был расходиться с проповедниками штундо-баптизма, именно: штундо-баптисты признают правильным только крещение взрослых и, соблюдая соответствующую этому учению практику, перекрещивают крещенных в детском возрасте; Пашков и его последователи допускают и крещение младенцев и поэтому не требуют перекрещивания крещенных в младенческом возрасте. Это учение его совпадало с учением молокан донского толка,

требующих крещения младенцев. Не его ли влиянием и объясняется тот факт, что, тогда как одни молокане принимали в полном виде лжеучение штундо-баптизма и, выделившись из молоканства образовали баптистские толки, другие – и таковых оказалось большинство, – принимая все пункты лжеучения того же штундо-баптизма, не хотели оставить практики крещения в младенческом возрасте и вследствие этого, выделившись из молоканства, образовали отдельные от баптистских толки – донские. Впрочем, не следует упускать из внимания и того, что и помимо Пашкова, против учения о незаконности крещения младенцев и о перекрещивании крещенных в детском возрасте, могли выразить протест молокане и сами по себе, именно – молокане донского толка, признающие правильным крещение младенцев. Обращаясь к фактам, можем сказать следующее. По сообщению г. Корсакова, в качестве земского врача, жившего в Ново-Васильевке в 1880–1883 гг., Пашков в 1881 году приезжал в с. Ново-Васильевку (и Астраханку?), проповедовал свое лжеучение и тех, которые объявлялись его последователями, крестил (разумеются принимавшие его учение из молокан тамбовского и владимирского толков, отвергающих совсем крещение водою).¹²⁷ Нам известно, что некоторые из влиятельных членов донских толков от времени до времени бывают в Петербурге и, кажется, входят в сношения с представителями пашковщины. Несомненно, однако же, что, начиная с первого проявления движения среди молокан, возбужденного проповедью новых учений (т.е. с 1880 г.), они находились и до настоящего времени находятся наиболее и главными образом под влиянием лжеучителей штундо-баптизма. Как на факт, подтверждающий, что и в настоящее время дело обстоит именно таким образом, можем указать на следующий. В январе месяце прошедшего 1896 г. в с. Астраханку прибыл некто Герман Фаст, немец баптистского исповедания, известный в Таврической губернии проповедник штундо-баптизма (ныне преданный суду). 14-го января два раза – утром и вечером – он был в молитвенном доме 2-го донского толка (обширном Захаровском), с кафедры читал из Библии и говорил проповедь. В тот же день Фаст посетил и молитвенный дом баптистов, где

также читал из Библии и проповедовал. Вот почему в приложении в нем одинаково подходяще было бы наименование как штундо-пашковцев, так и просто штундистов.

3) Наконец, устройство внутренней церковной жизни сектантов означенных толков носит штундистский характер. Руководителями штундо-баптистов, не только тайными, но даже и явными, являются баптисты-немцы. Органами такого руководства служат, во-1-х, «старшие пресвитеры», во-2-х, периодические съезды или конференции представителей штундизма и баптизма, рассеянных в разных местах штундистских и баптистских обществ. Все пресвитеры баптистских обществ в селениях: Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском посвящены «старшим» пресвитером, Виллером, немцем, бывшим учителем колонии Гольбштадт; после его смерти, все они признают старшим пресвитером некоего Иванова, теперь сосланного куда-то в Привислянский край. К старшему пресвитеру все местные баптистские пресвитеры обращаются за руководственными указаниями по наиболее важным вопросам церковно-религиозной жизни. В 1884 г. в Ново-Васильевке состоялась русская баптистская конференция. Инициатива созыва съезда принадлежала пресвитеру штундо-баптистов с. Ново-Васильевки Анании Стоянову. Но руководство в решении вопросов церковно-религиозной жизни и здесь, как и в других местах, русскими баптистскими пресвитерами вручено было немцу: председателем конференции был известный старший пресвитер Виллер. На конференции участвовало 33 депутата от штундистских общин, рассеянных в губерниях: Таврической, Екатеринославской, Херсонской и на Кавказе; в числе их были представители 2-го донского толка с. Ново-Васильевки, 1-го и 2-го донского толка с. Астраханки и баптистских толков в с. Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском (всех из этих селений 16 в качестве депутатов и 4 в качестве гостей). Устроено было несколько заседаний, на которых обсуждались 27 вопросов. Из них 17-й вопрос был «о единении в вечери Господней с верующими, не согласными с нами в крещении». Так как по предварительному вопросу о том, следует ли крестить в младенческом возрасте, или же только по

достижении зрелого возраста, а крещенных в младенчестве перекрещивать (баптизм), штундо-баптисты и штундисты или штундо-пашковцы (2-го донского толка, а может быть уже и 1-го донского (сизовского) в с. Астраханке) не пришли к согласию, то по поставленному вопросу, после других рассуждений, было определено: «оставить этот вопрос открытым ради тех, которые еще не имеют в этом отношении ясности от Господа; но просить Господа, чтобы Он все более и более уяснял нам всем о единстве Тела Христова, и сделать это предметом молитвы». Так, по смыслу состоявшегося определения Ново-Васильевской конференции, несогласие по вопросу о том, следует ли крестить младенцев, или правильно только крещение достигших зрелого возраста, не должно служить препятствием к единению верующих и в соединении их в одно религиозное общество.

Вот те данные, на основании которых означенные толки – баптистский во всех трех селениях, 2-й донской в Ново-Васильевке и оба донские в с. Астраханке – должны быть признаны штундистскими.

Что касается вопроса об обнаружившемся числе совратившихся из молоканства в штундизм в поименованных трех селениях Бердянского уезда, то по нему можем привести следующие сведения, представленные в епархиальный миссионерский комитет из Ново-Васильевского волостного правления. В с. Астраханке числятся: последователей первого донского (сизовского) толка 285 м.п. и 272 ж.п., второго донского (захаровского) – 339 м.п. и 334 ж.п., баптистского – 126 м.п. и 116 ж.п.¹²⁸ В Ново-Васильевке последователей второго донского – 280 обоего пола, баптистского толка 183 м.п. и 187 ж.п. и, наконец, в Ново-Спасском последователей баптистского толка – 117 м.п. и 98 ж.п., всех в трех селениях – 2.332.

Означенные толки характеризуются склонностью к самой настойчивой и энергичной пропаганде своего лжеучения (прозелитизм), которая, по-видимому, входит, как одна из главных заповедей, в учение штундизма. В Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском является целый ряд проповедников штундизма; из числа совратившихся здесь в штундизм являются не менее ревностные проповедники усвоенного ими лжеучения.

Пресвитер баптистского толка в с. Ново-Спасском, Дьячков сам о себе говорил дословно следующее: «свою веру считаем истинною; поэтому в совести нашей лежит, нашим долгом почитаем – сказать о нашей истинной вере, проповедовать ее; поэтому я иногда являлся в богослужебные собрания тамбовского толка и проповедовал свою веру» (проток. № 9). О Балихине, пресвитере баптистского толка в с. Астраханке, сообщалось, что он состоял проповедником-распространителем своей веры и для успехов этого дела в его пользу делается сбор денег. То же самое сообщалось о Колодине, пресвитере 2-го донского толка в с. Ново-Васильевке, который, состоя также проповедником-распространителем своей веры, получает для разъездов по 40 руб. в месяц. Делакович, сперва принадлежавши во 2-му донскому толку, а затем перешедший в баптизм, также был ревностным пропагандистом своего лжеучения (проток. № 11). Из газетных сведений видно, что Зин. Дан. Захаровым, видным и богатым членом 2-го донского толка в с. Астраханке, построено в поволжских губерниях несколько молитвенных домов.¹²⁹

Из дела Таврической духовной консистории 1893 г. № 35 видно, что проживающий в с. Астраханке по временному паспорту крестьянин Гремоздов, сам совратившись в сектантство, совратил затем проживавших у него родственников Анну, Веру и Василия Степановых, из которых первая была обвенчана по сектантскому обряду с крестьянином с. Ново-Васильевки Матвеем Колодиным. Так как, по слухам, венчание было совершено Харитоном Дан. Захаровым, пресвитером 2-го донского толка, то приведенный факт характеризует этот последний со стороны его наклонности к прозелитизму. Очевидно, что штундизм в с. Ново-Васильевке, Астраханке и Ново-Спасском в этом отношении отличается таким же характером, как и в других местах. Из дел епархиального миссионерского комитета открываются следующие факты: «Совращения православных в Бердянском и соседних уездах ведутся из Риккенау и соседних молоканских сел (т.е. Ново-Васильевки, Астраханки и Ново-Спасского). Средством пропаганды баптизма в сел. Риккенау служат молитвенные,

певческие и музыкальные собрания, на которых происходит «обсуждение способов ведения пропаганды, делается сбор пожертвований на тот же предмет и т.д.». Собрания бывают очень многочисленные; посетителей бывает до 3.000 человек; между ними очень много русских, как местных рабочих, так и приходящих из окрестных селений» (из рапорта уездного исправника губернатору). По заявлению свящ. с. Астраханки, о. Бойкова, такой же пропагандистский характер имеют молитвенные собрания штундистов в с. Астраханке, ибо и на них привлекаются православные, которые охотно и посещают их. Глубоко справедливым посему должен быть признан отзыв уездного (Бердянского) исправника г. губернатору: «относительно вреда баптистской секты и в частности молитвенных домов этой секты в сел. Риккенау и в молоканских селах Астраханке, Ново-Васильевке и Ново-Спасском я вполне разделяю заявление епархиального начальства».

Следствием постановления епархиального начальства о признаки штундистами донских толков, содержащих учение этой секты, последовало распоряжение гражданского начальства о применении к сим толкам действия закона 4 сентября 1894 г., воспрещающего штундистам общественные молитвенные собрания. Молитвенный дом 3-го донского толка в с. Ново-Васильевке был закрыт. Тогда сектанты этого толка в лице двух своих уполномоченных вошли с прошением к г. Министру Внутренних Дел, в котором, доказывая неправильность признания их не молоканами, а штундистами, просили вновь об открытии их молитвенного дома.

По содержанию сего прошения потребован был отзыв от епархиального начальства, который и был дан по представлению епархиального миссионерского комитета следующего содержания:

«Вопроса о применении ко 2-му донскому толку в с. Ново-Васильевке, как штундистскому, закона 4 июля 1892 г. епархиальный миссионерский комитет не касался в заседании 19-го января, 1896 г. Но если по сему предмету требуется его суждение, то он почел бы своим долгом представить следующее: закон воспрещает общественные молитвенные

собрания штундистам: 1) потому, что последователи этой секты, «отвергая все церковные обряды и таинства, не только не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников престола и отечества разбойникам, но и проповедуют социалистические принципы, как, напр., общее равенство, раздел имущества и т.п., и что учение их подрывает в корне основные начала православной веры и русской народности»; 2) потому, что «молитвенные собрания штундистов, как это выяснено продолжительным наблюдением за развитием штунды в юго-западном крае, внося смуту в жизнь местных приходов, не только способствуют укреплению этих сектантов в их религиозных убеждениях, но и служат самым удобным способом распространения штундистского лжеучения среди православных». Для характеристики штундистов, именующих себя последователями 3-го донского толка в с. Ново-Васильевке, по первому пункту, т.е. со стороны свойственных им социальных принципов, епархиальный миссионерский комитет не имеет достаточных данных. Но что касается второго пункта, то миссионерский комитет, имея в виду, что штундисты отличаются наклонностью в самой настойчивой и энергичной пропаганде своего лжеучения, и что одним из главных средств для пропаганды ими своих лжеучений служит их общественные молитвенные собрания, полагал бы, что применение к ним закона 4 июля 1894 года было бы справедливо и весьма желательно. Сведения о пропагандистских стремлениях штундистов 2-го донского толка в Ново-Васильевке наравне с штундистами других толков и в других местностях Таврической губернии, а также, в частности о том, что именно их общественные молитвенные собрания служат средством распространения штундистских лжеучений среди православных, находятся в журнале заседания комитета 19 января 1896 г. № 5. В настоящее время епархиальный миссионерский комитет считает необходимым прибавить следующее: 1) Общественные молитвенные собрания штундистов, вследствие известного отличающего их характера, имеют притягательную силу и охотно посещаются православными. Священники с. Астраханки, Ф. Бойков,

свидетельствует, что молитвенные собрания штундистов 1-го и 2-го донского толка в обширном захаровском доме посещают и православные, часто и в большом числе. То же, конечно, будет и в Ново-Васильевке, если снова будет открыт молитвенный дом штундистов 2-го донского толка. 2) Второй донской толк в с. Ново-Васильевке, за короткое время своего существования (с 1882 г.), сделал больше успехи со стороны распространения своего лжеучения среди местных молокан тамбовского и владимирского толков, но наиболее среди молокан донского толка. Но такое усиленное распространение штундизма на счет молоканства, особенно донского толка, миссионерский комитет должен отметить, как явление крайне нежелательное: а) молоканство, как секта уже давняя, если и отличается, в лице толков тамбовского и владимирского, характером фанатизма в отношении в православной Церкви, то во всяком случае в несравненно меньшей степени, чем секта штундистов; б) в частности фанатизм в деле пропаганды своего лжеучения, крайней степени свойственный штундистам, в несравненно меньшей степени отличает молокан, и при том опять только тамбовского и владимирского толков; в) что касается молокан донского толка, то они в настоящее время чужды фанатизма в отношении в православной Церкви, напротив, настроены примирительно по отношению к ней. Отсюда понятно, что перерождение молоканства в штундизм надолго отодвинет дело воссоединения молокан с православною Церковью и потому представляется явлением крайне нежелательным. Между тем, при фанатизме проповедников штундизма, при известной, обнаруженной у штундистов, организации, также перерождение молоканства в штундизм в Таврической губернии, и прежде всего донского толка в с. Ново-Васильевке, останется только вопросом времени, если, наряду с духовными мерами воздействия Церкви на молокан, не будет предпринято по отношению к ним ограничительных мер и прежде всего в виде воспрещения их общественных собраний» (Журн. засед. 28 августа 1896 г. № 14).

Вопрос о признании означенных толков штундистскими и о закрытии молитвенного дома 2-го донского толка в с. Ново-

Васильевке, не говоря уже о возможности применения закона 4 сентября 1894 г. по всем штундистским толкам, образовавшимся чрез соращения в штундизм из молоканской секты, есть вопрос, составляющий злобу дня в Таврической губернии не только для всех, имеющих такое иди иное отношение к сектантству и к миссии. Обсуждением его заняты административные лица и учреждения, как гражданского ведомства, так и духовного; его вкривь и вкось обсуждают местные газеты; его касаются на суде при разбирательстве дел, возникающих о сектантах. Решение этого вопроса важно и необходимо не только с безотносительной научной, но и с практически-прикладной точки зрения обсуждения мер и способов наиболее целесообразного и успешного миссионерского воздействия на сектантов с целью возвращения их в лоно православной Церкви.¹³⁰

**VI. Э.Я. Притворный плач либеральной прессы о
призреваемых на церковный счет сектантских детях
и гонимые на св. Руси исповедники православия в
расколо-сектантской среде. (Письма в редакцию) //**
Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С.
1007–1020

С легкой руки «большого барина», – гр. Л.Н. Толстого, поместившего в газете князя Ухтомского тенденциозное письмо об отобрании детей у Самарских молокан (а по справке оказалось, что у православных, – уклонившихся в штунду и препятствующих своим детям исполнять обряды и таинства православия) на ту же тему громко завопили «мелкие сошки», провинциальные дельцы либеральной печати. Так «Биржевые Ведом.» поместили письмо солдатского стиля, где пространно рассказывается, как в с. Романовке, Николаев. у. Самарской губ., полиция разыскивала, чтобы отобрать 12-ти летнего Ефрема, сына уклонившегося в секту крестьянина, а последний мальчишку спрятал в чулан под замок, а затем Ефрем дал «стрикача» от полицш, пристав влился, а сектанты погашались...». Искгория, как видите, совсем прозаическая... Но вот «Русский Труд» получил и конечно с наслаждением поместить более трогательные сведения и все из одной и той же Самарской губернии, – от лица, по отзыву редактора, вполне (?) достойного доверия. Лицо это сообщает, «что де в Бузулукском у. становые пристава с урядниками отбирают у молокан (?) детей и увозят их, неизвестно куда (?), по слухам в монастырь (хорош же достоверный корреспондент, – самой-то сути и не узнал). Отбирание производится, будто бы, ночью (?), причем детей берут сонными, прямо с постели и увозят полураздетых (?), не смотря на плач, отчаяние и протесты родителей». Какие, – подумает сердобольный читатель, ужасы изуверства чинятся на св. Руси! Ночью, сонных, полураздетых детей забирают, увозят их, неизвестно куда! ... Но, спрашивается, зачем же это исполнительные власти, пристава и урядники – при исполнении закона – крадутся по ночам, забирают сонных, полураздетых?

Это один аллах ведаёт, да с ним «вполне верный корреспондент» противо-церковного журнала «Рус. Труд»... Нам думается, что «верный корреспондент» присочинил здесь ночь и стоны для усугубления ужасов... Но сколько же семейств и детей постигло такое ужасное несчастье? спросит читатель. Спасибо «вполне верному корреспонденту», желая казаться точным, он сам поспешил ослабить сочиненные им ужасы и тем облегчил сердце догадливого читателя... Из приведенного им именного списка «потерпевших» отцов и отобранных детей, оказывается, что отобрано в *двух* деревнях, у *трех* крестьян, *шесть* душ детей, из них 5 в школьном возрасте. Для чего же такое множество приставов и урядников понадобилось корреспонденту для отобрания 6 детей, опять один аллах ведаёт. Кажется, что тоже для красного словца. По-видимому, и граф Толстой, и оба корреспондента говорят об одних и тех же случаях, впервые оглашенных на Казанском миссионерском Съезде и в «Самар. Епарх. Вед.», так что газеты оплакивают на разные тоны все одних и тех же сектантских детей, и «потерпевших» (в чем?) родителей (преступников), рассказывая публике сказку «про белого бычка...». Впрочем, армянствующей Ростовской газетой («Приазовский Край») и еще сделано в том же роде одно открытие в пределах области войска Донского, где, по заявлению газеты, в с. Екатериновке отданы были на попечение и воспитание дети шалопутов их православным родственникам – односельчанам. Все это факты, хотя действительно печальные и исключительные, но искони законом предусмотренные, и, конечно, не раз имевшие место в тех же исключительных случаях не только в семьях расколо-сектантских, но и в смешанных католических и протестантских, – и притом высшего столичного общества, и даже в семьях православных. Отбирает детей власть по закону, не на каторгу, или для лишения свободы или насилия совести, а на доброе воспитание и полезное обучение их за счет Церкви и обителей в духе православия; отбирать у тех родителей, которые по изуверству и фанатизму не хотят воспитывать своих детей, уже крещеных, следовательно, принадлежащих Церкви, по православному, давши обязательство к тому добровольно пред законом, – или у тех,

которые приводят детей своих в обрядам своей секты, отличающимся гнусностью культа (шалопуты). Отбираются дети у родителей – заведомых развратителей, изуверов, истязателей и родителей-преступников. Какое же здесь и в чем, – при законном ограждении «сих малых» от соблазна и растления духовного и физического, совершается преступление или злодейство? Скажите, газетные Эдиппы, чем вы так возмущаетесь?... Если вы только веруете в Бога, в св. истину православия и признаете сектантство пагубным заблуждением, то вы поймете взгляды и виды закона. Если вы видите здесь нарушение родительских прав, тогда с тою же, если не большею последовательностью кричите и против ограничения таких же прав и прочих преступников... Тем более, что уголовные преступники, осуждаемые законом на лишение прав, не развращают своих детей так последовательно, как это делают хлысты и шалопуты, где мать с сыном блудит в общей свалке, а брать с сестрою и т.п.

Никогда еще не поднималось в русской печати такого шума, какой вдруг пронесся ныне против одного из существенных благодетельных постановлений закона империи и действий власти, в подрыв значения православия и общественной нравственности. Такие смущающие общество и народ, порождающая злорадство заграницей, хлесткие статьи по вопросам о Церкви, вере и сектантстве только и можно было ранее читать в заграничной иди подпольной печати, а ныне они находят почетное место у себя дома... Образцом тенденциозной деланности, рассчитанной на эффект и смущение общества в пользу сектантов по вопросу об отбирании детей у родителей, отпавших от Церкви, служит статья «Приазов. Края». Статья эта, изобилующая картинками ужаса и страданий, дает основание полагать, что ее автор чуть ли не армянин, набивший руку в описании виденных им турецких зверств над его соплеменниками... В этой статье употреблены слишком яркие краски, все трагические положения, нет – лишь правды и соответствия с тою действительностью, которая всякому знающему ему народ понятна. Статья «Приазов. Края» сейчас же подхвачена была «С.-Петерб. Вед.», где, обыкновенно,

тщательно собирается всякий сор и грязь, какими стараются закидывать православную Церковь, духовенство и миссию их враги, – а за ними повторена и всеми либеральными органами печати. Небесполезно познакомиться с этой «картинкой» (набросанной, впрочем, не с натуры, а в армянской редакции оттушёванной) и миссионерам, и пастырям, чтобы знать, кто и как агитирует в пользу его сектантства. Вот как пишут правду о сектантстве:

«Дело происходило летом. Во дворе сельского правления села Екатериновки, ростовского округа, собралось до 30 семейств сектантов, так называемых «шалопутов». Здесь были и родители, и дети. Дома свои одни из них оставили на попечение сердобольных соседей, а некоторые прямо на произвол судьбы. Одни из стоявших понурили головы и только изредка с глубокой грустью поглядывали на толпу любопытных односельчан, враждебно настроенную против шалопутов, а другие нервно теребили шапки или бороды и перекидывались словами с ближайшими соседями. Недоумение было написано на лицах этих людей. Они чувствовали, знали, что призвали их сюда, под угрозой больших наказаний в случае неявки, не за добром, и теперь с нетерпением ожидали резолюции, какую на этот раз угодно положить властям предержащим. В канцелярии правления сидели священники села, участковый заседатель, волостной старшина, писарь, староста и другие сельские власти. Толпа зловеще шумела и до слуха шалопутов то и дело доносились отрывки фраз и отдельные слова: «бумага такая пришла», «Сибирь», «детей отбирать будут...». От всех этих слов стоявшим в кругу становилось все более и более жутко. Дети шалопутов, – эти маленькие, жизнерадостные, вечно веселые и резвящиеся обыватели деревни, замолкли и крепко-крепко держались за руки отцов и юбки матерей. Их сердечки тоже чуяли что-то недоброе для себя, и они с тревогой заглядывали в глаза родителей и старших, боясь спрашивать, о чем бы то ни было, как будто желая отдалить то, роковое для них, о чем все шумели кругом.

Вот, наконец, на крыльце появились священники, заседатель и другие. Толпа как-то шарахнулась в сторону, издала гул, но

потом опять сомкнулась еще теснее и замерла. Тишина водворилась гробовая. Только и нарушалась она что чириканьем воробьев, да взвизгиванием невдалеке немазанной водовозной тачки. Шалопуты стояли в «кругу» и, не смотря на летнее время, дрожали как пожелтевшие листья осенью. Видно было, как они вздрагивали, силясь побороть в душе тяжелое предчувствие. Спустя некоторое время, председатель медленно развернул бумагу и торжественным голосом начал читать циркулярное распоряжение об отобрании детей, в возрасте от 2 до 11 лет, у сектантов заведомо вредного толка и об отдаче их на воспитание благонадежным жителям села, известным своим благочестием и доброй нравственностью. После этого священник сказал несколько слов о деморализации, вносимой разными вредными сектами, в том числе и сектой шалопутов, в население, причем добавил, что все это должно строжайше преследоваться и искореняться. Стоявшие в «кругу» были, как говорится, ни живы, ни мертвы; они как-то опустились, на лицах у всех замерло выражение безысходного, горького горя. Вдруг, среди мертвой тишины, раздались раздирающие душу крики женщин, которые, быть может, и не поняли ни содержания прочитанной бумаги, ни речи священника, но которым материнское чувство подсказало угрожающую опасность. К ним тотчас же присоединился плач детей. Этот плач и причитания, видимо, вызвали в толпе укору совести и сожаление. Многие говорили: «И за что их обижают, за что мучат? Ведь, они никому и никакого зла не сделали. Да и самая принадлежность их к этой секте подлежит еще сомнению. Другие, наоборот, – но таких было меньшинство, – только недовольно хмурились и возражали: «Так им и надо, проклятым отступникам!». На глазах у шалопутов-мужчин показались слезы, которых они не вытирали, и текли они по щекам, усам и бороде, падая на грудь и на землю.

Раздался приказ председателя подвести семью шалопута А., стоявшую первую в списке. В сопровождении сотских, семья эта подошла к крыльцу, и председатель, еще раз указав, что он действует на основании 39 ст. уст. о предупреждении и пресечении преступлений и руководствуясь посемейным списком

крестьянина А., известного и духовенству, и ему, заседателю, сельским властям и жителям села как член шалопутского толка, признанного правительством безусловно вредным, – отбирает 6-летнего мальчика А., для передачи кому-либо из односельчан, на которых может указать духовенство. И тут же обратился к толпе с предложением взять отобранного мальчика на воспитание. Желающих оказалось много. Тогда сотский, по приказанию заседателя, подошел к А., чтобы взять мальчика.

До этого момента, рассказывает очевидец, и в толпе, и среди самих шалопутов таилась еще искорка надежды, что все это кончится только предложением оставить свой сомнительный образ жизни и вступить на истинный путь православия. «Но крики матери, мольбы сквозь слезы отца, стоявшего на коленях, и пронзительный плач ребенка разрушили и эту маленькую надежду. В среде шалопутов поднялся невообразимый плач и стоны. Почти все повалились на землю (?) и умоляли не отбирать детей, обещая делать, что угодно, ломали руки, крестились и целовали землю. Трудно было разобрать, кто о чем просил, и кто что говорил. Толпа совершенно забыла свои неприязненные чувства к шалопутам и плакала заодно с ними навзрыд!».

«Описывать все, происходившее в правлении, было бы слишком тяжело. Один священник вытирал слезы, а другой как-то растерянно ухмылялся. Заседатель злился и старался перекричать всех, чтобы поскорее довести до конца начатое. Детей отбирали сотские и передавали их желающим взять на воспитание. Родители окончательно обезумели, – *целовали полы одежд у духовенства, обнимали ноги заседателю*. Из всей этой, невыразимо тяжелой, картины особенно врезался в память один крестьянин-вдовец, лет 35, высокий, плотный, с приятными, несколько хмурыми чертами лица, он все время не выпускал из рук своей крошечной, хорошенькой девочки лет 5–7. Он хотел было уйти с нею со двора сельского правления, но несколько сотских остановили его и силою вырвали у него девочку. Тогда он грохнулся, как подкошенный, без чувств на землю. Ни звука, ни стоны он не издал. Всех как-то передернуло, потрясло это, но ретивый блюститель закона ударил его ногой, проговорив:

«вишь, скотина, притворяется!». Однако, «скотина» долго не могла очнуться, а когда пришел в сознание, то стал шарить вокруг себя руками, как будто что-то ища, хотя это и днем было. Никогда не изгладится из моей памяти этот случай!».

Было ли в действительности и как происходило дело в с. Екатериновке, мы скоро надеемся получить с места верные справки, но что описанной чувствительным корреспондентом драмы не могло быть, за это наперед ручается уже одно то, что бракоборные шалопуты, как известно, не отличаются столь нежным чадолюбием, – на детей они смотрят как «на щенят и бесенят», при зачатии стараются всячески плод изгнать, а по рождении смотрят на детей, как на «засаду спасения» и сами стараются сбыть их с глаз долой к «дядюшкам» и «матушкам» – корабельщицам. И вот такими-то фантастическими измышлениями и создаются за границу, в нашем интеллигентном обществе и в печати легенды о религиозных гонениях в России, о жестокости русских законов и властей, о нетерпимости духовенства православного... А между тем, нет, кажется, в свете *менее воинствующего*, более смиренного, долготерпеливого духовенства, как русские православные архипастыри и пастыри, нет более индифферентных, безучастных к своей религии и безразличных ко всяким сектам, как высокообразованные департаментские и полуинтеллигентные провинциальные чиновники российской империи. Ограждающие св. неприкосновенность и высоту господствующей Церкви законы российской империи, действительно, строги и святы, но исполнители-то их или либеральные, или неразумные супостаты, – это факт давно известный!... В миссионерской хронике борьбы с расколом и сектами подавляющее большинство фактов угнетения, насилия над совестью является не в отношении раскола и сект, а в отношении православия. Но корреспонденты либеральных газет из глухих углов расколо-сектантского мира, хотя бы те же самарские писатели, о проявлениях изуверства и глумления со стороны покровительствуемого ими расколо-сектантства умалчивают, а до беспристрастных органов факты эти не доходят...

И вот сучок в глазу православных ревнителей стараются довести до размеров бревна, искру неприязни раздуть в пожар – из мухи делают слона; бревен же и слонов в мире расколю-сектантства не хотят примечать. Скажите, где же правда и гуманность ...

А какие возмутительно-преступные деяния в отношении православия безнаказанно пропускаются в среде расколю-сектантской, в этом читатель убедится из ниже-помещаемых случайных писем в редакцию. Читая в них одни лишь голые, неприкрашенные красноречием «Приазовского Края» факты, не веришь, чтобы такие позорные деяния могли иметь место в православной России, в отношении лиц господствующей веры и церкви, и со скорбью сердца соглашаешься, что на св. Руси гонимо православие в среде воинствующего расколю-сектантства, а не раскол и секты!... Редакция сочтет своим долгом пред миссией давать место на страницах своего журнала всем подобным сообщениям о вопиющих на небо утеснениях мужественных исповедников православия из среды расколю-сектантства. Вот где, гг. обличители, главнейший тормоз слову убеждения проповедников, препятствие успехам нашей миссии и причина маловлиятельности их!

I.

М.Г. г. Редактор

В добавление к Вашей горячей отповеди, по поводу сенсационных толков в печати и обществе о занятиях Казанского миссионерского Съезда, как близко–стоящий к делу Самарской миссии, долгом считаю на страницах «Миссюнер. Обозрения» заявить, что ни местная миссия, ни Самарское Епархиальное начальство вообще, – никогда не были ни инициаторами, ни сторонниками никаких таких мер, как отбирание детей у раскольников и сектантов. А что касается бывших в нашей епархии тех исключительных случаев, за которые теперь газетные адвокаты раскола распинают миссию Церкви, как за ужасное преступление, якобы, против веротерпимости и гуманности, то случаи эти допущены не епархиальным начальством, а законами государства, и административною властью. Епархиальное начальство либеральные судьи могут разве в одном лишь обвинять: – зачем оно предоставило безмездные приюты, воспитание и обучение православным детям отпавших от Церкви родителей – в школах при монастырях и зачем де начальство повинуется законам Империи, почему не прекословят предержащим властям в сем деле? Но мне известно несколько случаев, когда Самарское Епархиальное начальство, на предложение местной администрации – поместить православных детей, коих гражданская власть считала по закону нужным отобрать от отпавших родителей, отклоняло эту меру и не потому, конечно, что не хватило бы места в приютах для таких детей (в Самарской Епархии много монастырей со школами), а потому, что считало и считает меру эту не целесообразной для успехов миссионерского дела в Епархии... Нет, миссии Церкви надо благодарить за гуманное отношение и попечение о призреваемых на монастырский счет детей сектантов, врагов Церкви. Я сам видел, каким в Иргизском единоверческом монастыре водворенные сюда дети отпавших были окружены отеческим попечением о. архим. Тихона, который, как помните, и делал доклад на Казанском съезде против этой, не нашей, не

миссионерской меры. Приезжали в монастырь и родители детей, и их принимали, кормили и поили, и они ничего не выразили кроме признательности за уход и обучение детей доброму; не желавшие оставлять на обучение тут же и забирали их с собою беспрепятственно. Таким образом, газеты напрасно травят духовенство, в особенности миссионеров, которые совсем неповинны в тех единичных фактах, которые имели место в силу прямого закона государства, имеющего свою высокую задачу ограждения и сих малых чад православной Церкви от пагубного растления лжеучениями сект. Да ведают газетные обличители миссии, что только в духе мира и Евангельской любви, с одним мечом *духовным* в руках, т.е. с Евангелием, одиноко без сочувствия и поддержки от просвещенного общества, миссионерам приходится бороться против темной силы раскола и сектантства, покровительствуемых зачастую со стороны самых органов власти и сильнейшими, и богатейшими мира сего!... Если бы друзья и защитники раскола и сектантства заглянули в захолустные места нашей епархии, то воочию увидели бы, что *не раскол и сектантство гонимы, а часто и даже очень часто гонимо бывает православие от вождей раскола и сектантства*, у которых в руках против православия уже не Евангелие, а, – говорю словами обратившегося из раскола, – «дубье, ложь и обман». В доказательство приведу из многих фактов, записанных в моем дневнике, хоть два-три. По теперешнему времени грешно молчать, когда ложь так дерзко силится перекричать правду.

В селе Мостах, Николаевского уезда, два общества крестьян: одно состоит из бывших удельных крестьян, а другое из государственных. Первое общество, за исключением 70 душ, состоит из раскольников; другое же общество почти все православное. Раскольники первого общества всегда, в интересах раскола, выбирают старосту из своих единоверцев. Еще в 1893 г., озлобленные постоянною убылью своих последователей, вследствие перехода их в православие, они однажды были собраны старостой Иваном Корхалевым на сход и вот что постановили: «подвергать всех поколебавшихся в старой (т.е. раскольничьей) вере сначала увещанию, а потом, в случае

недействительности сей меры, подвергать и телесному озлоблению» (заключению под арест и побоям). 6-го мая 1894 г. с. Мосты посетил наш доблестный архипастырь, преосвященный Гурий. Своим умирительным торжественным служением и отеческим поучением преосвященный на многих раскольников, никогда не выдавших православного архиерея, а равно и его службы, произвел самое отрадное глубокое впечатление, так что некоторые из них, сознав свое погибельное положение в расколе, пожелали присоединиться к Православной Церкви. Из числа таковых крестьянка Анастасия Васильева Шibaева в июне месяце заявила священнику и миссионеру, что она с двумя дочерьми желает присоединиться к православию. Как рожденную в расколе, священники назначил присоединить ее чрез таинство миропомазания 29 июня, после Божественной литургии. Однако, в назначенный день Шibaева не явилась; а на другой день, придя к священнику, заявила, что раскольники, узнав о намерении ее с дочерью присоединиться на богослужении 29 июня к православию, всполошились, а, чтобы удержать их в расколе, прибегли к возмутительному насилию. Сельский староста Г. Устимов с стариками-раскольниками: Г. Михайловыми, Л. Митрофановым и Ф. Тахтуевым, пришедши в дом Шibaевой, *после насмешек и страшной брани, вывели Анастасию Шibaеву из дома и посадили под арест, где держали несколько часов и подвергли побоям* (били кулаками по голове и шее). В то же время дочь ее, Степанида, подверглась еще большему истязанию: ее били Мокей Чемоданов и свекровь ее Васса Феодорова и, когда Степанида, спасаясь от них, убежала за реку Иргиз в с. Ломовку, – раскольники: С. фокин, Г. Кисилев и Мокей Чемоданов!», догнали ее на дороге, и, крепко избив, *привязали к оглобле запряженной в рыдван лошади, причем погоняя лошадь кнутом, в то же время хлестали и Степаниду*. В таком виде провел ее чрез всю улицу до дома Чемодановых. *И это истязание совершено было днем, на глазах целой, празднично-собравшейся, толпы раскольников!* Однако, и этим раскольники не ограничились... Когда мужественные исповедницы православия, мать и дочь Шibaевы, не смотря на это, безнаказанно над ними учиненное поругание,

решились все таки присоединиться к Церкви чрез миропомазание и затем новоприсоединённые должны были 17 июля за литургией приобщиться св. таин, то были снова удержаны от того раскольником М. Чемодановым и матерью его Вассой, – которые 10 июля Степаниду Шибаету, шедшую, вместе с матерью своею от Божественной литургии из храма в свой дом, *захватили прямо таки разбойническим образом среди улицы и, при помощи единоверцев своих, увлекли в свой дом, где под запором и держали с 10 до 17 июля.* Озлобление раскольников до того было сильно, что когда старшина Дяголев, по требованию священника, хотел освободить Степаниду, то подвергся оскорблению со стороны раскольников. Так Шибаету и не удалось освободить. *Связанную веревками Чемодановы силою увезли ее в Уральскую степь на работу, где и держали под караулом более месяца.* –

Подобное же преступное насилие раскольники учинили еще ранее над присоединившимся к Церкви Павлом Чекушиным. Великим постом, на 4 недели, Чекушин говел, исповедовался и приобщался св. Таин. Вечером в этот день явились к нему на дом раскольники: Иван, Епифан и Ферапон Логгиновы и начали его увещевать: «зачем ты, Павел, принял никонианство»? А когда последний стал защищать православие, раскольники подняли невообразимый шум и крик, ругая его всячески; «ты нехристь! с тебя крест сняли в Церкви! ты теперь басурман"... На другой день братья Логгиновы собрали сход из своих единомышленников по вере и, при участии сельского старосты, раскольника Н. Андриянова, полицейского сотника П. Шибаета и стариков, пришли в дом Чекушина и с шумом и криком *повели его под арест, где Ф. Логгинов бил его по голове, говоря: «вот тебе за измену старой вере! Ноги тебе перешибу и жилы вытяну»!* Вместе с Павлом раскольники хотели посадить под арест и отца его, Сергея Чекушина, принявшего тоже православие; *но последний, улучив минуту, убежал в дом священника и только по настоянию последнего Павел освобожден был из-под ареста.*

По примеру православных церковно-приходских попечительств, у раскольников существуют свои попечительства,

цель которых материальною помощью стараться удерживать своих от перехода в православие. Если задумает перейти в православии младший член семьи, то попечители добьются того, чтобы старшие члены семьи такого смельчака лишили части его имущества и выгнали бы из дому; а если целая семья перейдет в православие, то на нее уже всею тяжестью обрушивается произвол всего раскольниковческого общества: загоняют без очереди на общественные работы, а жаловаться нельзя, ибо застрашивают: «вот-де составим общество за измену-то старой вере, отказный приговор (об удалении из общества), ну и сошлют в Сибирь». Настолько тяжело приходится новоприсоединенным членам пр. Церкви среди раскольников, что иные распродавали все, что называется, до нитки, и уходили жить в другие места вдали от изуверов односельчан. Так поступили, например, Мостовский кр. Похом Пономарев. А вот и еще недавний факт грубого произвола и насилия над личностью присоединяющихся к православию из раскола. 22 августа сего года крестьянка д. Преображенки, Самарского уезда, Ульяна Семенова Сёмина вместе с детьми – Дарьей Андреевой – 20 л., Анной – 13 лет, и Иваном – 9 лет – заявили мне о своем желании присоединиться к православию из раскола поморского толка. Искренность святого желания их мне давно была известна, последних детей Ульяна тайком крестила в православной Церкви у нас в Самаре; по благословению Преосвященного, присоединение Семиных я назначил на 29-е августа, к каковому времени они из д. Преображенки и выехали в Самару... Но – *по приказанию волостного старшины (раскольника), сотником (раскольником) Димитрием Лукониными Дария, – на пути в г. Самару, была арестована и с связанными руками препровождена была в Волостное Правление, не смотря на заявление последней, что они следуют в Самару для присоединения, что об этом знает архиерей и проч. Тогда сотский откровенно заявил, что «он и послан для того, чтобы перехватить изменников старой вере и задержать, пока еще не присоединены, «для внушений»... Жестоко избитая мужем и родственниками-раскольниками, Дария была посажена под арест, о чем дала знать, со слезами на глазах, мне в Самару*

мать потерпевшей Дарьи. И только благодаря моему вмешательству и по настоянию местного священника, Семина лишь *31 августа была высвобождена из-под ареста* и из рук фанатиков раскольников, препровождена в Самару с полицейским сотником, для ограждения от могущего быть нового насилия», как писал о том мне местный священник.

Нужно ли еще что-либо добавлять к этим вопиющим фактам насилия и изуверства со стороны раскола над неофитами православия?... И ведь все это творится безнаказанно, на виду всех. Нет, не раскол и сектантство гонимы, а гонимо православие... Восемь лет, прямо со школьной скамьи – занимаюсь я миссией среди раскола, и сколько слезь я видел, пролитых новоприсоединенными к Церкви, сколько страданий за исповедание господствующей религии!... а того – чтобы где-либо таким образом гнали, преследовали раскольников – не видал... Наоборот – я видел тысячи случаев, когда оказывалось покровительство сектантам со стороны власти – той власти, которая и перстом не хотела двинуть в ограждение православия... И много привел бы я примеров, но довлеет и сих, ибо «при устах двоих – или трех свидетелей, – по Евангельским словам, станет всяк глагол».

Самарский епарх. миссионер, иерей Дим. Александров

II.

М. Г., г. Редактор

Под влиянием вашей правдивой, искренней и горячо написанной отповеди по поводу газетных инсинуаций относительно миссии Церкви и по поводу Казанского съезда позвольте и мне сообщить некоторые факты из жизни об изуверстве раскольничьей среды, о тяжком, безотрадном положении «малых сих» в раскольничьих семьях.

В нашей земской школе учится внук зажиточного раскольника, имеющего у себя на дому подобие моленной. Этому мальчику дед строго запретил ходить в правосл. церковь. Однажды, по случаю метели, школьники дальних поселков и деревень, в числе коих был и Никитин (фамилия вышеупомянутого мальчика), остались ночевать в школе. Дело было под какой-то праздник. Идя в церковь во всенощной, я захожу в училище сказать ребятам нечто относительно предстоящего богослужения. Вхожу и вижу – они все столпились около этого раскольничьего внука и что-то с жаром говорят ему. Подхожу поближе и спрашиваю: о чем они так горячо трактуют. «Да, вот, батюшка, зовем Никитина ко всенощной, а он не идет». Спрашиваю: «что же ты, Ванюк, не сходишь посмотреть, как у нас служат: лучше вашего, аль-хуже?». «Да, я рад бы, но боюсь своего деда», отвечал мальчуган; «намедни ходил к вам в церкву, а кто-то деду сказал, *так он за мной сколько с ножом гонялся. Сказал мне: «если узнаю, что ты еще ходил к никонианам, то берегись, тогда зарежу – не погляжу и на мать»* (в тот раз она отняла несчастного мальчика из рук фанатика изувера). «А мне хочется сходить к вам – у вас добрая служба». Говоря так, мальчик горько заплакал... Всему раз сказан ному, подтвержденному притом односельцами-школьниками, я вполне поверил, хорошо зная деда этого мальчика. Дед мужчина лет 60–65 – тип старого закала, деспот-раскольник, противоречий в семье ни в чем не терпящий. Да, что детское дело, куда мальчугану с закоренелым изувером спорить о правде веры? – Убьет!

Вот, другой факт!

Отдали православную девушку в раскольничью семью замуж. В этой семье ей сразу положили преграду – не позволили вместе с собой молиться: «прежде», – говорят, «мы помолимся, а потом ты не погань нас!». Пока зачал положат, пока лестовку продут, молодая женщина, натомившись в страдную пору, так и заснет, не молясь. Так продолжалось с месяц. После стали корить православную веру и ласками склонять в свою секту. «Месяца 2, – рассказывала горемыка совращенная, – я не поддавалась им. Но вот муж ушел в работу, родные, бросив ласки, взялись за угрозы. Сколько я перенесла побоев от свекра, один Бог только знает!... Наконец, свекор сказал мне, что до тех пор, пока я не перейду к ним, меня не будут сажать за общей стол. «Ты видишь свиное корыто, будешь жрать в нем, пока не познаешь истинную веру!». Долго я упорствовала, но видя, что и в правду не стали сажать меня с собою, побои же и страшная брань утроились, не находя поддержки ни в ком, сил моих не стало терпеть и я ушла в раскол!... 25 лет я не причащалась по православному и вот при тебе, батюшка, Бог привел возвратиться в веру, в которой родилась и крещена, и сподобиться св. таин!». Так закончила свой печально-характерный рассказ, бывшая раскольница, – женщина лет 45, вновь приведенная мною в ограду Христовой Церкви с распутий раскола.

Может быть подобные голые, но красноречивые факты из жизни хоть несколько тронут совесть ревнующих не по разуму газетных защитников раскольничьего мракобесия, бредящих гонениями на раскол и секты, которые в сущности сами воинствуют против православия! Дай-то Боже!

Священник В. Преображенский

Но, впрочем, нечего удивляться проявлению раскольничьего изуверства и жестокости в темных медвежьих углах св. Руси, когда в семьях столичных миллионеров–раскольников могут иметь место хотя и более утонченные, но не менее описанных возмутительные сцены гонений за православие. Вот что рассказывается в 7810 «Нов. Врем.» о небезызвестном раскольнике, спортсмене и миллионере В., беспощадно преследующем своего родного сына за переход в православие и

женитьбу на православной. Преследования, сперва гласные, потом тайные, продолжаются вот уже третий год и неизвестно, когда кончатся. Положение сына В. – самое грустное: жизнь впроголодь, больная от постоянных неприятностей жена, судебная и прочая волокита. Отец – раскольник просил власти признать сына душевнобольным, так как тогда, по совету досужих юристов (ах уж эти юристы!), можно будет признать его брак недействительным и обратить непослушного сына в «древнее православие». Но этот злой замысел не удался: врачи признали молодого В. совершенно нормальным, а затеянное вопреки его воле дело о разводе не выгорело. Тогда старики В., – отец и мать преследуемого, подали прошение прокурору окружного суда, прося в нем, на основании 1566 ст. уложения, лишить по суду сына наследства, 10-го июля нынешнего года суд определил следствие против сына В. прекратить за недостатком улик. Исстрадавшийся В. в последние два года совсем поседел и, несмотря на свои тридцать лет, смотрит теперь почти стариком. Судьба было сжалилась над несчастным и послала ему место конторщика в селе Грузине у одного спичечного фабриканта. Ничтожное жалованье в 25 руб. в месяц сын миллионера считал за особое счастье. Но и это счастье было непродолжительно. Как только узнал старик В., что все его домогательства остались без результата, он переменял политику и стал преследовать сына уже тайно. Он сошелся с доверенным спичечного фабриканта, и тот, по его наущению, стал всячески притеснять его сына. Боясь потерять свой единственный заработок, В. все переносил, терпеливо. В первых числах ноября ему было предложено немедленно выехать в Петербург для свидания с хозяином, спичечным фабрикантом. Не смотря на болезнь и на бушевавшую вьюгу, В., боясь потерять место, пустился в путь, причем ему не только ничего не было выдано на дорогу, но даже отказано было в подводе. Волхов ему пришлось переходить пешком; лед трещал под ногами, и малейшая оплошность могла стоить жизни. Приезжает он в Петербург. Знаете, зачем он был сюда вызван своим патроном? Затем, чтобы узнать, что если он не выдаст своему родителю удостоверения, что тот его не преследует и что он,

сын, всем доволен, то фабрикант откажет ему от места. Сын отказался выдать такое удостоверение и очутился буквально на улице, без крова и без копейки денег. В первое время он даже не знал, где преклонить голову и как вывезти из Грузина свой жалкий скарб. Наконец, этого сына миллионера, превратившегося в бездомного бедняка, приютил такой же бедняк, маленькой конторщик с шоколадной фабрики Бормана. Что будет с В. дальше, – говорит корреспондент, про то ведаёт один Бог, на которого у него теперь единственная надежда.

Нужно заметить, что позорная история эта из раскольничьего мира другой раз появляется в печати и все-таки конца ей нет

Что ни говорят о строгостях Николаевской эпохи, но тогда в подобных случаях люди действовали гуманнее: тогда нашлись бы вельможи, которые челом бы били самому Государю Императору о прекращении бесконечных мук сына-исповедника отеческой веры и об ограждении ее от самодурства отца-фанатика.

Э.Я.

VII. Попов К., свящ., Пензен. Епархиальн. Мис. В міре старообрядцев-раскольников. (Из дневника миссионера). // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 1021–1026

Ивана Назарова Васина выбрали старшиною в своей волости. Он был богатый мужик и держался Страннической секты – той половины сектантов, которая еще не приняла «истинное» крещение, а жила в міру, занимаясь обычными крестьянскими делами и торговлей. «Истинный» странник тот, кто свергнул с себя еретическое крещение, вновь окрестился и новое имя воспринял и живет в затворе, удаляясь соприкосновения с еретиками. Такой сектант именуется «чистый христианин», – «богоугодный человек», – «истинный раб Иисуса Христа». Скрываясь в затворе, нося другое имя, он не признает над собою никакой земной власти, не платит никаких повинностей, не берет паспорта, не работает, и только странствует из села в село, где есть его единоверцы, чтобы оправдать слова Писания: «не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем». Другие странники, которые еще не могут подвизаться таким подвигом, живут, как я сказал, в міре, именуются «боголюбцами», – «угодниками святых» (т.е. странников затвора) и кормят их в складчину. К числу таких-то «боголюбцев» и принадлежал крестьянин Васин.

Выбранный на должность правителя целой волости, Васин задумался. Он не знал, принять ему эту должность или отказаться. Служить царю-еретику, земскому, приставу, служить табашникам, брадобрийцам и усоедцам, и от них выслушивать приказания и повиноваться им, по странническому закону это было осквернением; самое здание волостного правления, где он должен восседать под портретом Государя Императора, подписывать и выдавать паспорта разным лицам, представлялось ему местом еретического капища, а паспорта с орлом – печатью антихриста. И все это он, Васин, истовый «боголюбец», должен будет делать и исполнять? Мороз по коже пробирал его при одном воспоминании об этом греховном деле.

– «Надо будет с стариками совет держать – размышлял он, идя со схода домой. Как они порешат, так и будет. Тоже и отказаться-то... Какой еще выберется! Навяжется, как Митька Косой, да почнет нашу христианскую, беспаспортную братию ловить и выпроваживать по начальству, тогда будет посрамление нашей веры...

По данной повестке, один за другим, как кроты из подземелья, выползали отшельники, истинные рабы Христовы, и собирались в дом Васи́на. На дворе стояла темная ночь. Окна дома закрыты были ставнями наглухо. Ворота на запор, чтобы никто не вошел к ним врасплох. Кроме «чистых христиан» не мало собралось и «боголюбцев». Собор вышел многолюдный.

– «Поведай, раб христов, почто сие собрание?» спросил один из затворников, старик, более 20 лет уже бегающий от воображаемого им антихриста, бросивший жену и детей на произвол судьбы.

– «Сокрушение моего сердца, старче Божий, проистекает от собрания мірских, т.е. никонианцев, которые избрали меня на должность старшины. А вы выдаете, какова сия служба, сказал Васин, стоя пред собором мужиков и баб. Всюду – ересь, скверна, со всяким придется беседу творить и свое время тратить каждый день по-мірскому. С одним начальством сколько греха примешь на свою душу. Порадейте, христороубцы, моему горю! кланялся Васин собору. Обсудите по писанию, как надо поступить, чтобы не нарушить закон христианский».

– «Ну, садись, пока, а мы посудим, как довлеет поступить», сказал тот же старик. Затем он вынул из кармана березовый ящик, достал из него очки, надел их, вынул засаленную и загрязненную тетрадку, представлявшую выписку из старопечатных книг, или, как говорят старообрядцы, «цветки» богодухновенных книг, развернул её, озаменовал себя крестным знамением, каковому примеру последовали и другие соборяне, и начал читать.

– «И будет во дни оны велия скорбь и сетование на земли и страх повсюду. Тогда сущии да бегут в горы. Горы же – глаголю, не яже во Иудеи или Иерусалиме, иде же обрестися возможен,

но глаголю горы, иже Писание всяк имать, тамо да сокровено будет новое сердце». Слышишь, Назарыч!

– «Как не слышать, родной, все слышу. Только, прости, никак не приведу слова-то в голову. Мудрено что-то».

«Чистые» христиане – мужики и бабы покачали головой, заохали, выражая этим – прямые, мол, вы мірские люди, вам и писание то не идет в голову; «боголюбцы», напротив, сочувствовали своему собрату, как тоже ничего не понявшие из прочитанной стариком тирады, и посему молчали, ограничиваясь одним только вздохом.

– Да, Назарыч, тебе писание понять не легко. Да и всем вам, «боголюбцам», такожде понять трудно, понеже в міру пребываете и о мірском печетесь. А я прочитал из писания то – как, есть к твоему сердцу, Назарыч.

– Ты всегда, старче, на писания почиваешь, и разумеешь его, а мы грешнии, в суетах всегда... Где нам постигнуть написанную премудрость? – оправдывался Назарыч.

– Известно! Мы что – лес темный! поддакнули другие боголюбцы. Нам нужен прѳтолк всякой строки.

– Воистину так. Вот ты, Назарыч, поведал нам свою скорбь, я и прочитал тебе от Св. Писания, что скорбь эта и должна быть на земле. Нечего и смущаться от сего, поскольку знамение сие долженствует быть в человецех.

– Как же! Время подошло уж такое... поддакнул другой из подпольников.

– «Антихристово время! Он, пакостник, и воует теперь с истинными христианами и учиняет всякие козни», вставила здоровая женщина, тоже бежавшая от мужа и живущая в затворе (что, однако, не мешало ей родить 2-х младенцев от разных лиц).

Старик продолжал: «В писании сказано: «да бегут в горы». Вот мы и ушли и подвигаемся Господу Богу во спасение себе и вам. Но всем-то бежать невозможно, нужно кому-нибудь и нас напитать. Посему писание и еще гласит: «искупующе время, яко дние лувави суть». Я знаю, что вам и это писание не понятно, посему наведу свой прѳтолк. Писание гласит: лукавое время мы

живем, скорбь несем и утеснение от антихриста. Искупайте же, братие, это время.

– Как же это – искупайте? спросил Васин.

– «Искупующе, родимый, искупующе», – наставительно проговорила та же баба, (родившая в подполье). «Так писание гласит: искупующе». Она как бы не замечала, что своим наставлением идет в разрез с своим наставником, который сам перефразировал это слово.

– Что же откупиться мне от сей службы? спросил Васин.

– Нет, Иванушко, нет; не моги сего дела устроить. «Искупующе» – это значит все, что можно сделать ради нашей св. Христовой веры. Вот, к примеру, еретикам мы правды не говорим, обманываем их, что у нас делается, это есть «искупующе». А для чего мы это делаем? чтобы соблюсти своих агнцев и св. веру нашу расширить. Вот оно что значить «искупующе». Теперь вторая статья: тебя избрали в начальники – иди и служи. Мы за тебя этот грех умолим, а ты будешь нас защищать. Вот тебе и «искупующе». Писание-то что глубина морская.

– Конечно, служить надо! поддакнули всё затворники. По поклону положим за тебя, так вся ересь спадет. За то вера Христова не дастся в поругание. Мало ли в других вон верах служат старообрядцы по каким должностям и чего испытывают там от бритоусцев, но молитва верных все изглаждает.

– «Коли благославляют старцы, служи, Иван Назарыч, поддакнули и «боголюбцы». Они симают этот грех с тебя».

– Мірщить, старцы, придется посудой. Ино к приставу зачем, ино – к земскому, а у них известно – какая посуда! Почитают себя за благородных, ученых людей, а в ядении и жительстве причисляют себя к скотам бессловесным. И сами, и собаки – все едино. Предложат что испить – как в отказ привести!

– Да, братие христиане, Господь малым чим умалил человека от ангел, а еретики и образ Божий исказили, и себя совокупили с животными. Действует в них нечестивый, якоже хочет, сказал старик.

– Что уж об еретиках и говорить – то пропащий народ! подтвердил весь собор.

– Скоти бессмысленности! Образ имущие человека, внутри же чертог сатаны – сказала подпольница.

– За неверствие их Господь ослепил очеса их. И видяще – не видят, и слышаще не разумеют. Мнятся подобие имети христиан, но не суще. Избави нас, Господи, от мужей неправедных и развращенных, заключить старик и перекрестился.

Его примеру последовал весь собор и все, вздыхая, говорили: «слава Тебе, Господи, что Ты наставил нас по св. своей вере. Сохрани и соблюди нас от душепагубных еретиков».

– Так благословляете, старцы, на службу войти? снова спросил Васин.

– Христос тебя благословит и наставит на доброе дело. Берем твое замирение и весь грех этот на собор всей братии. Служи, и не забывай св. веры. В беседы о вере не вдавайся ни с кем, особенно с попами, заключил старик. То же подтвердили и все соборяне.

Васин стал служить старшиной в с. Ш. Слово «искупующе» он хорошо усвоил и дал ему широкое применение. Для него стало все позволительно: и лесть, и лукавство, и лицемерие. Пред начальством он изгибался, заискивал, исполнял всевозможные поручения и дела по своей службе. Как старшина он был по своей службе в высшей степени аккуратным, трезвым, ловким, услужливым; надеясь на молитвы своих старцев, он не чуждался общения с еретической властью, а даже старался заслужить внимание с их стороны. Местное начальство дивилось, что раскольник является таким общительным человеком, выглядывает не дикарем и не редко говорило ему: «Васин! как же это ты держишься раскола? Ты мужик российский, ничего не чуждаешься, бросил бы ты свое кулугурство!» – «По привычке, ваше благородие, уклончиво отвечал Васин. С измательства нахожусь при старой вере, так и родители благословили меня». – «Мало ли что родители наговорили тебе, но ты сам мужик рассудительный и можешь понимать, что – правда, что – ложь». – «В книгах не силен я, ваше благородие, а как родители, так и я. К тому же дурного мы ничего не делаем – Богу молимся, книги божественные читаем, живем трезвее, чем у

вас, например». Отсюда светское начальство выводило таковое заключение, что Васин держится раскола единственно по своей слепой привычке и приказанию своих родителей. Ничего он не знает в книгах, а как его научили, так он по своей простоте и невежеству и следует. И, смотря на него, такое же выводили заключение и о вере его, что вера их, учение их такое же невежественное, бессистемное, и ограничивается одной только преданностью к старопечатным кожаным книгам с медными застежками и молитвой по-своему – по четкам, двумя перстами и на подручниках (подушечках). Никакого вреда государству от этой секты странников светское начальство не усматривало, да едва ли усматривает это и теперь, по крайней мере, в своем большинстве. Доверяясь словам Васина начальство не полагало, что этот, по-видимому, простой бесхитростный мужик, ничего якобы не понимающей по книгам и не знающий – что такое раскол, в существе дела есть злостный раскольник, твердо убежденный в правоте своего лжеучения, и только пред ними нарочно прикидывающийся простачком, ничего якобы не знающим. Оно не вникало в сущность учения Васина, не расспрашивало его, в чем именно состоит весь кругозор учения его секты, и посему не знало, что Васин, на основании протолкованного ему собором старцев слова «искупующе», лукавит, хитрит и обманывает свое начальство, пред которым он сегодня изгибается и оказывает всякое послушание, а завтра в кругу своих «чистых христиан» это же самое начальство он вместе с ними честит «слугами антихриста, – сынами дьявола» и, как за таковое, он не молится о нем Богу, почему и самую молитву о царе «Спаси, Господи, люди твоя» они переделали на свой лад и читают, вместо «победы благоверному императору нашему на сопротивных даруя», так: «победы православными христианами на сопротивных даруя». Такой двоедушный христианин может ли быть искренним слугою государства? Если он изменяет самому Богу, то правительству, которое он считает силою антихриста, он и подавно изменит.

Служа начальству и состоя у него в доверии и милости, Васин в свою очередь и сами начальники в своей волости. Положение его дает ему смелость высказывать правоту своей

веры там, где он имеет авторитет. Сектантами он покровительствует, беглецы и беспаспортные находят у него приют, к православным же он относится с пренебрежением. Само собою, что в царские дни Васин никогда не бывает у службы в церкви, к приездам миссионеров относится пренебрежительно и даже не считает нужным объявить о беседах населению. В этих случаях он прямо объявляется уехавшим из села. Вообще к распоряжениям духовной власти Васин глух и нем и стоит вдали от священника и Церкви, и не просто в стороне от нее, а с враждебным настроением и действием против Церкви и духовенства.

Пензен. епарх. миссион. свящ. К. Попов

VIII. Как возражают сектанты и раскольники и что отвечают православные миссионеры. Киевские полемико-апологетические собеседования со штундистами. Пастырские миссионерские собрания. Первое собеседование. Ревнитель // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 1027–1043

I. Киево-городская штунда. Организация противосектантских собеседований

Штунда, появившись в селениях Киевской епархии в половине 60-х годов, в конце 70-х она успела уже прокрасться к подножию самого св. града Киева, – в предместье Демиевку. Первым насадителем лжеучения новой секты явился здесь разжалованный за дерзости отставной фельдфебель Андреев, уроженец с. Борзенки, Орловской губернии. Воспользовавшись удаленностью этой окраины от церковного и административного городского центра, отсутствием храма Божия, бойкий на слово сектатор устраивал в своем домике противо-церковные религиозные беседы с жаждавшими духовного назидания мастеровыми, сотоварищами по ремеслу и заводскими рабочими. Скоро на помощь Андрееву в деле распространения штундового лжеучения среди демиевского и городского населения явился из центра южнорусской штунды – из с. Чаплынки, создать Созонт Капустынский, еще более опытный и толковый пропагандист, чем сам Андреев; к ним присоединился также и некий попович Федоровский, прошедший несколько классов духовно-учебного заведения... И вот, штундовые беседы учащались, количество слушателей возрастало, сочувствие к новой проповеди в массе возбуждалось, явились уже и отпадения, штунда долго не встречала ни откуда, ни преград, ни отражения, ни пресечения; опасный религиозный пожар расползлся подземным пламенем, распространяясь все ближе и ближе в городскому центру. Администрация закрывала глаза от нового дела, до слуха духовной власти доходили неясные сведения. Вожаки приобрели меж тем дерзкую отвагу; они вели уже открыто споры среди народа на демиевском базаре, что вызвало однажды в 1882 г. побоище. Инцидент попал на столбцы местных газет. Не доброй памяти либеральная, еврейская газета «Заря» взялась за защиту «трезвой, честной штунды» и обвиняла «пьяную толпу» православного народа в грубом насилии над «последователями евангелия...». «Киевлянин» стал на страже православия, завязалась горячая полемика. В Киеве

заговорили о штунде, назначены были духовные увещания отпавших, и вчинено расследование о количестве сектантов, ревнители православия усердно взялись за постройку храма на Демиевке, духовное начальство назначило особый причт... Но локализовать духовный пожар было уже поздно: приостановившись в своем количественном росте на Демиевке, секта нашла себе усердных последователей среди мастерового, бедного рабочего люда в ближайшей части города (Лыбедской), а отсюда проникла на Подол. В 1886 г. пропаганда лжеучения штунды в центре города была в полном разгаре. Сектанты открыто содержали в разных местах до 4 моленных, которые были всегда переполнены присутствующими последователями штунды, сочувствующими и просто любопытствующими. Дерзость верховодов секты доходила до того, что, на переулках, прилежавших к моленным, стояли «диаконы штундовой общины» и зазывали проходящих православных простолюдинов и интеллигентных лиц на сектантские богомоленные собрания, которые служили главным орудием пропаганды лжеучения; здесь нередко можно было встретить и поселян, приехавших на базар. Стройный многолюдный хорь штунды, толковое чтение Слова Божия, мистическая настроенность адептов, слезливые молитвенные импровизации, довольно зажигательные речи со вздохами, хитро-заискивающее обхождение с посетителями – все это производило сильное впечатление на свежего посетителя, его тянуло посетить в другой, и третий раз моленную... Так попадали в «сети ловчи» штунды прозелиты из темной массы народа. В числе совращенных оказались даже некоторые из старообрядцев и много католиков... Утверждать киевскую общину являлись передовые проповедники секты, каковы с Кавказа – Павлов, из Таврической губернии – Иванов, из колоний – немец Виллер и многие другие. Приезжал в Киев и был на Демиевке сам В.А. Пашков; в гостинице он и немцы – приезжие проповедники устроили сектантские моления. Капустынскій скоро выдвинулся, как способный проповедник, и получил «от набольших» на конференции – назначение быть «пресвитером» и миссионером на всю Киевскую губернию; ему солидный положен был оклад содержания из центральной

миссионерской кассы... В 1889 г. впервые произведена была статистика последователям секты в губернии и в городе; открытые последователи штунды значились в Киеве во всех участках и приходах, количество их восходило до 300, но за точность этой цифры ручаться нельзя.

В 1886 и 1889 годах для собеседований со штундистами вызывался в Киев известный синодальный миссионер, иеромонах Арсений; в 1886 году назначен для собеседований со штундистами, в качестве городского миссионера, известный Галицкий патриот и писатель о. Наумович, а в 1888 г. – бывший тогда преподаватель Киевской семинарии В.М. Скворцов (ныне редактор «Мис. Обозрения»), после которого проходил обязанности миссионера свящ. магистрант о. Стеллецкий. Мерами административного воздействия нового генерал-губернатора, гр. А.П. Игнатьева, обратившая на штундовый вопрос в крае серьезное внимание, ограничено было необузданное своеволие пропагандистов, воспрещены были открытые демонстративные богомоления. Пропаганда, по-видимому, стихла, хотя умножение количества последователей продолжалось: вожаки штунды не переставали действовать скрытно, собираясь на моления – в «потаенных местах». Пастырское и административное наблюдение за действиями пропаганды и состоянием секты в большом городе среди разнородного населения представляется весьма затруднительным, тем более, что для отвода глаз и сокрытия своего отпадения от Церкви, сектанта в последние годы стали оставлять в своих жилищах иконы. Каково число в последние годы последователей штунды в Киеве, сказать трудно. Среди членов киево-городской штунды появилось много пришлых из сел последователей этой секты, так как в селах более затруднительно устроить штундистам свои церковные порядки, чем в большом городе.

Все это в последние годы настоятельно требовало открытия публичных собеседований с отпавшими, которые особенно способны оказывать свое просветительное воздействие, как на явных, так и на тайных сектантов, а равно и на колеблющихся в вере православной. Учреждение в г. Киеве организованных

миссионерских собеседований с сектантами давно составляло предмет архипастырской попечительности высокопреосвященного митрополита киевского Иоанникия. Как известно, доблестное архипастырское служение киевского митрополита Иоанникия ознаменовано на пользу внутренней миссии Церкви, как первого учредителя миссионерско-просветительных братств для борьбы с расколом, и организатора братских публичных собеседований с заблудшими. Такие братства основаны высокопреосвященным Иоанникием в бытность его епископом в Саратове и в Нижнем-Новгороде. И везде при братствах были заведены владыкою публичные полемико-апологетические чтения и собеседования с раскольниками, при участии пастырей и наставников семинарий. В Саратове и Нижнем молодой энергичный архипастырь лично принимал участие в этих собеседованиях. В Москве собеседованиям дана была образцовая в методическом отношении организация, без изменения продолжающаяся и доныне; по образцу Москвы стали уже заводить такие же беседы и в других городах.

В Киеве высокопреосвященный Иоанникий учредил, по образцу столичного, религиозно-просветительное Общество с задачами собеседовательно-миссионерскими. В короткое время киевское Общество широко развило свою собеседовательную деятельность с православными чадами Церкви. Чтения от имени религиозно-просветительного Общества ведутся его членами во многих пунктах, – в церквях, ночлежных домах, больницах, солдатских казармах. 4 мая на торжественном собрании сего общества высокопреосвященный Митрополит изволил выразить желание, чтобы общество организовало также и публичные противо-сектантские религиозно-апологетические чтения и собеседования, дабы и заблудшие чада Церкви не оставались без церковного назидания и братского увещания. Ближайшее осуществление этого благого архипастырского пожелания было поручено владыкою митрополитом преосвященному Сергию епископу Уманскому. Сейчас же по окончании летних каникул и приступлено им было к организации систематических противо-сектантских собеседований со штундою. В одном из

сентябрьских собраний общества, под председательством преосвящ. Сергия, и при участии епархиальных миссионеров, всесторонне обсуждено было это новое для Киева дело: выработан план и метод ведения противосектантских бесед, определен круг и система предметов собеседований, намечены темы и установлены тезисы для составления апологетических чтений, равно и избраны были лица, которые приняли на себя труд составления таковых чтений.

За образец в организации киевских собеседований с штундистами приняты были московские собеседования с старообрядцами, а именно: признано было полезным сначала предлагать внимание слушателей из православного народа и сектантской среды чтение апологетического характера, которое должно быть нарочито составлено одним из членов-собеседников на тему из области вопросов, пререкаемых штундистами; а после того уже вести и полемическое собеседование с сектантами по тому же вопросу. Круг назначенных в этом году собеседований обнимает собою только вести воскресных дней (чрез две недели) от 26 октября до 22 марта по поводу чтений на следующие темы: 1) 26-го октября – об «об источниках христианского вероучения», (свящ. И. Троицкий); 2) 9 ноября – «об основании Иисусом Христом Церкви на земле, о цели ее», – (свящ. А. Клитин); 3) 23 ноября – «о составе и устройстве Церкви Христовой», – (свящ. А. Корсаковской); 4) 14 декабря – «о свойствах Церкви Христовой», – (свящ. М. Вышемирский); 5) 18 января – «о пребывании и действии Св. Духа в Церкви Христовой», – (ректор семинарии, арх. Иоанникий); 6) 8 февраля – «о церковном учительстве», – (протоиерей И. Еорольков); 7) 8 марта «об оправдании и освящении человека», – (свящ. Н. Стеллецкий); 8) 22 марта – «о таинствах, как Богоустановленных средствах», – чрез которые подается верующим благодать Святаго Духа», – (свящ. Ф. Титов). Чтения эти печатаются во 2-х книгах «Миссионер. Обозрения».

В интересах полноты и обстоятельности составляемых членами Общества в своем роде образцовых противосектантских апологетических чтений, а также для богословского и

миссионерского самообразования пастырей, членов общества и деятелей богословской науки, путем взаимного братского обмена мнений по обсуждаемым вопросам веры и миссии, преосвященным председателем заведены особые миссионерские собрания, к участию в которых, кроме членов общества и городского духовенства, приглашаются также и профессора академии, наставники семинарии, епархиальные миссионеры, допускаются сюда и другие просвещенные ревнители православия. На этих собраниях сначала выслушивается чтение, назначенное на предстоящее собеседование, затем делаются возражения по содержанию его, обсуждаются соприкосновенные догматические, исagogические и миссионерские вопросы; устанавливаются и разбираются существующие по данному вопросу штундистские кривотолки, высказываются мнения о наиболее правильном и верном обличении сектантских заблуждений. Миссионерские споры и суждения эти происходят под руководством преосвященного Сергия, и, благодаря чисто братскому непринужденному отношению Епископа-председателя к прочей братии, отличаются большею оживленностью и имеют громадное миссионерское и учено-богословское образовательное значение для участвующих в собраниях.

Ведение на собеседованиях собственно прений поручается одному или двум, более опытным в практическом миссионерстве членам, но в прениях участвуют также и прочие члены, руководит же всем ходом беседы преосвященный Сергей. Все беседы начинаются и заканчиваются пением хора псаломщиков, и речью председателя епископа Сергия.

При окончании собеседования при архипастырском благословении преосвященным Председателем каждого из тысячной массы слушателей, всем раздаются печатные брошюры предшествующего чтения. На издание этих собеседований для даровой раздачи народу высокопреосвященный митрополит Киевский изволил пожертвовать 500 руб.

II. Торжество открытия и первое собеседование с штундистами

По благословению высокопреосвященного митрополита Иоанникия открытие публичных собеседований с Киевскими штундистами состоялось 26 октября, в 6 ч. вечера в зале городской думы. Заблаговременно в оградах соборов, монастырей и на дверях городских храмов были расклеены объявления, в коих извещалось, что по благословению Киевского Митрополита Иоанникия, под руководством епископа Уманского Сергия будет собеседование, на котором свящ. И. Троицкий предложит чтение «об источниках христианского вероучения»; причем ревнующие о православной вере и уклонившиеся от Церкви приглашались побеседовать о предложенном предмете с членами религиозно-просветительного общества и местными миссионерами. Независимо от сего, по поручению общества, членом его В.М. Скворцовым разосланы были всем, наиболее начитанным штундистам, письменные извещения о предстоящем собеседовании, с приглашением в духе мира и братской любви побеседовать по пререкаемым отпадшими от Церкви вопросам веры и спасения.

Собеседование привлекло к городскому дому такое множество слушателей из интеллигентных классов и народа, что зал едва ли мог вместить и половину желавших проникнуть на первое собеседование. Зала переполнена была до необычайной тесноты, духота и жар нестерпимо угнетали всех. Открытие собеседований началось молебным пением, которое совершил преосвященный Сергий, предстатель Общества, в сослужении с старейшими членами, Протоиереями оо. Троцким и Преображенским. Пел нарочито составленный для собеседований хор из диаконов и псаломщиков городских церквей. В конце молебна протодиакон велегласно прочитал «молитву Господню», чтобы этою молитвою, как употребляемою и сектантами при своих молениях, и их привлечь к участию в общем молении пред началом доброго дела. По окончании

молебна преосвященный председатель, члены общества и миссионеры заняли места за столом, где, обыкновенно, при думских заседаниях восседает управа. После сего Епископ Сергей обратился к слушателям с следующей речью.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа».

Мы совершили торжественное соборное ко Господу Богу моление пред началом доброго дела – пред открытием по благословию Высокопреосвященнейшего Иоанникия, Митрополита Киевского, ряда, в числе восьми на настоящие осень и зиму, доступных для всех, собеседований об истинах православной веры, собеседований, к которым мы призываем не только ревнителей православной Церкви, но и уклонившихся от нее.

В открытии таковых собеседований была очевидная нужда, ибо и наш г. Киев, – мать городов русских, далеко не свободен от уклонившихся от православной Церкви и от сомневающихся в ее истинах, а равно имеет и таких ревнителей православной Церкви, которые и хотели бы что-либо сказать в ее защиту, и в обличении уклонившихся, но не могут вследствие недостаточности познаний в самых истинах веры православной, и по незнанию суемудрия неправомыслящих.

Итак, с Божьей помощью, одухотворяемые истинною верою в Бога и искреннею любовью в ближнему, выйдем, возлюбленные о Христе отцы и братие, на предлежащее нам доброе дело – возвратить православной Церкви уклонившихся от нее и укрепить ее ревнителей. Выйдем без раздражения (1Кор.13:5), не искажая слова Божия, а открывая истину (2Кор.4:2) и не из обычая спорить, противоречить и состязаться из-за упорства (1Кор.11:16).

Выйдем «без раздражения»; ибо Сам Господь сказал: «надобно прийти соблазнам» (Мф.17:7), а ап. Павел говорит: «надлежит быть и разногласиям между вами», (1Кор.11:19), «каковые соблазны и разногласия не вследствие какой-либо необходимости, или неизбежности, а от злой человеческой воли и произвола людей, так как горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит (Мф.18:7), не редко раздирали Церковь Христову», но отцы, как трубы Духа, проповедуя истину,

благочестно-мудренно низлагали безбожные веления, так как людям непреклонным и твердым все эти соблазны и разномыслия не только не вредят, но еще делают их более заметными и славными, и по слову Апостола открывают между ними искусных» (1Кор.11:19).

Выйдем *твердо*, ибо православная Церковь и ее пастыри и учителя учат, не искажая Слова Божия, не прибегая к хитрости, а открывая истину (2Кор.4:2), а тем более, не повреждая Слова Божия, как повреждают некоторые (2Кор.2:17), о которых Исаия говорит: «корчемницы твои мешают вино с водою» (1–22); «хотя это сказано о вине, однако не погрешим, если отнесем эти слова и к учению. Корчемники, чтобы больше иметь дохода, подливают в вино воду, а, чтобы эта смесь не потеряла цвета и вкуса вина, подмешивают туда еще что-нибудь и таким образом продают будто бы настоящее вино, но это же не настоящее: и силы той не имеет и на здоровье действует вредно». Подобны им примешивающие к чистому слову благовеста свои мудрования, а православные пастыри и учителя поступают не так, ибо преподают учение чистое и проповедуют искренно как от Бога, пред Богом, во Христе (2Кор.2:17).

Наконец, выйдем не с желанием философствовать, не с желанием отстаивать только свои мысли, а чужие опровергать, но с желанием покориться Богу (Иак.4:7), ибо Апостол говорит: «мы не имеем такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противоречить, ни церкви Божии (1Кор.11:16), внушая тем, что «неповинующиеся Богу враждуют и противятся всей вселенной».

По сему уклонившиеся от Церкви, желающие беседовать, узнавши избранный предмет для беседы, не должны уклоняться от него в сторону и начинать рассуждать о предметах других, к данному вопросу не относящихся, должны искать истину, а не затемнять ее пустым обольщением по преданию человеческому (Кол.2:8) и уклоняться от невежественных состязаний, зная, что они рождают ссоры (2Тим.2:23), рабу же Господню не должно ссориться (2Тим.2:24).

Господи! дай нам премудрость, сходящую свыше, которая, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, беспристрастна и не лицемерна (Иак.3:17).

Возлюбленные братие! В настоящем, нашем собрании выслушайте со вниманием чтение об источниках христианского вероучения, о Священном Писании и о Священном Предании».

Приведенная речь была произнесена владыкою внятно, изящно, с сердечною искренностью и одушевлением и выслушана всеми присутствующими стоя, при необыкновенной тишине, с глубоким вниманием. После сего, приняв архипастырское благословение председателя, вошел на кафедру священник законоучитель о И. Троицкий и предложил вниманию слушателей учение «об источниках христианского вероучения, – о Свят. Писании и Свящ. Предании» (чтение это напечатано во 2-й ноябр. кн. Миссионерск. Обозрен.) Не смотря на нестерпимую духоту, чтение было выслушано с большим вниманием. По окончании чтения, преосвящ. Сергей обратился к слушателям с такими словами: «Вы выслушали изложение православного учения о Св. Писании и Св. Предании, – как необходимых для спасения. Но некоторые уклонившиеся учат иначе: одни говорят – для спасения необходимо одно Св. Писание, а Св. Предание не нужно; другие говорят, что нужно только одно Св. Писание Нового Завета, а Св. Писание Ветхого Завета не нужно; третьи – что нужно одно только Евангелие и т.д. Предлагаю таковым, неодинаково с нами мыслящим о Св. Писании и Св. Предании и уклонившимся от православной Церкви с хулением на ее учение, высказать свои основания несогласного с православною Церковью учения; а вас, отцы и братие, члены религиозно-просветительного Общества и миссионеры, благословляю побеседовать с теми, которые пожелают дабы утвердить истину».

Миссионеры и члены-собеседники приняли архипастырское благословение Епископа-председателя. Начал собеседование, в качестве члена Киевского религиозно-просветительного Общества, редактор «Миссионер. Обозрения» В.М. Скворцов.

Собеседник, осенив себя крестным знамением и прочитав (Мк.8:38), мягким благожелательным тоном пригласил желающих собеседовать выйти из толпы и занять особо приготовленное для отпадших совопросников место близ кафедры православного полемиста... Наступила тишина. Видимо, никто

из присутствующих сектантов не решался первый выступить при столь торжественной обстановке. Тогда В.М. Скворцов заявил, что общество чрез него разослало местным сектантам до 40 извещений с братским приглашением на собеседование. «Общество зовет вас сюда не судить, а рассуждать о вере и спасении; ни смущаться, ни совеститься тут нечего. Раз вы решились оставить православие и это всем известно давно, теперь покажите всенародно, в чем же ваша вера заключается, на чем основывается. Не стыдитесь же вы и не бойтесь в темных углах и даже на рынках, как недавно я слышал, проповедовать о своих религиозных воззрениях и смущать народ... Я ведь вижу многих здесь присутствующих, отпадших от церкви"... В толпе началось колебание, перешептывание, видимо, одни ободряли, другие удерживали от решимости. Тогда преосвященный председатель от себя еще объяснил, что собеседования открыты для душевной пользы отпадших, а не ради какого-либо вреда и неприятности, за что ручается его здесь присутствие. После того уже из толпы не смело выступил в качестве собеседника невзрачный, худосочный, с добродушным улыбающимся лицом, но тупым взглядом, в подбитом грязном пальто, мастеровой (сапожник), с словами: «нус, если уж вам так угодно, то можем и побеседовать». В народе произошло движение, всем хотелось видеть «штунда», задние ряды напирали на передние.

– С Божией помощью побеседуем, ну а как ваше св. имя-то будет? – добродушно-покровительственно спросил В.М. Скворцов.

– Яновский Андрей. – «Да мне ваша фамилия совсем неинтересна, довольно имени знать, чтобы вас величать». Здесь имелось в виду, не стеснять сектантов объявлением их фамилий пред многочисленною публикою и показать отсутствие воякой фискальной цели со стороны православных собеседников.

– Ну, а теперь необходимо осведомиться, какой же вы держитесь веры или исповедания?

– Ранее был католик, а теперь содержу *истинную православную веру*, – ответил Андрей, озираясь в сторону своих, выставивших этого добродушного, недалекого, но словоохотливого человека, в качестве застрельщика при

открытии бесед; более сильные в начитанности и хитрые сектанты видимо желали на этот раз выждать, как поведутся собеседования.

– Как это так понять *истинную православную веру*?... – Вы от католичества отпали, к какой же церкви или общине религиозной пристали?

– Хочу быть истинным христианином. – Да, позвольте, все этого хотят, но не все достигают.

– Вот истинно, я – то и хочу достигнуть, я *достигающий*... Желая узнать, в каком именно сектантском толку штунды принадлежал Андрей, собеседники спросил далее:

– Да вы в храм-то свой католический ходите молиться?

– Нет, не хожу. – Почему?

– Потому, что я человек малограмотный, что читают там, не понимаю и не разбираю, а потому нашел, что мне костел совершенно бесполезен... Из слова Божия ясно, что молиться можно на всяком месте... Господь всех соделал священниками, чтобы сами составляли из себя дом духовный... – А, понимаю, так вы, значит, и *чашу* (обряд причащения) не принимаете?

– Почему ж! Если Господь правосудный посылает *чашу терпения, чашу страданий*, я не могу отвергать, должен ее принять, – отвечал штундист, со смиренно-лукавым выражением лица, прикладывая руки к груди и возводя глаза горе.

– Да, ты брат Андрей, выходишь последователь, так называемой «духовной штунды». – Называйте, как угодно... я желаю достигнуть *истинного христианства*...

– Желание доброе, но откуда ты, друже, почерпаешь то свое учение и на чем основываешь свое упование, вот о чем надо теперь побеседовать. Вы вот слушали, что читал пресвитер православной Церкви об источниках христианского вероучения. Истинное христианское вероучение почерпается из Свящ. Писания и Свящ. Предания, ну а ваше учение веры откуда?

– Наше все учение в евангелии заключается, в нем все есть необходимое для спасения души человека.

– А ветхозаветные книги, а библию разве отвергаешь?

– Библию?... нет, признаю, библия и евангелие – это все одно.

Пришлось собеседнику выяснить состав книг священной Библии, причем Андрей твердил одно, что евангелии все есть, потребное для спасения души, что лишь бы исполнить то, что в евангелии, и того довольно. В виду малой развитости и неначитанности сектантского собеседника в Св. Писании, пришлось вести беседу с ним, как с начинающим школьником, катехизическим методом, в эротиматической форме, имея в виду, главным образом, назидание православных слушателей.

Сектанту поставлен был ряд вопросов, на которые пришлось давать самому же православному собеседнику и ответы на основании Свящ. Писания и истории Церкви.

– Что старше: Свящ. Писание или Свящ. Предание, как источник боговедения? Имели ли правую веру и спасались ли ветхозаветные люди, жившие до Моисея? спросил Андрея собеседник.

– Разумеется, спасались; в Слове Божиим сказано, что много было и тогда праведных.

– А подумай-ка, откуда ветхозаветные праведники, жившие до Моисея, почерпали познание истинной веры – из Св. Писания или Предания? – Я – человек темный, – сказал Андрей, истории не учил, я разумею только самого себя, свою душу, знаю только, что одного евангелия довольно для спасения..., мне бы исполнить, что евангелие требует... Известно, с праведниками Сам Бог говорил...

Сектанту было доказано словами Св. Писания, что от Адама до Моисея, на протяжении почти 4 тысяч лет – не было свящ. книг и богооткровенное учение заключалось в свящ. Предании; с появлением письменного закона Божия при Моисее, не утратило своего прежнего значения и Предание; затем далее, не смотря на существование Св. Писания у богоизбранного народа было наряду с ним и Предание. При этом чтецом прочитаны были следующие библейские места: (Андрей по малограмотности отказался читать): (Быт.18:19; Исх.10:2; Втор.32:7; Суд.6:13; Пс.77:3–7; Сир.8:11–12). Православным собеседником каждое место толковалось. Сектант первое время слушал с видимым интересом новые для него сведения, но в конце вдруг возразил:

– «да все это писал еврей, кто его знает, как это все было там в такое далекое время...

– Ну, если вас не убеждает учение Свящ. Писания Ветхого Завета, то разберем учение Нового Завета о Свящ. Предании, – сказал собеседник. Попрошу, брат Андрей, ответить: Христово учение было распространяемо вначале и Церковь утверждаема чрез Св. Писание иди чрез живое слово? Христос Спаситель писал или устно проповедовал евангелие Царствия Божия? Андрей ответил, что устно.

– Сколько лет прошло от вознесения Христа до появления первого писанного евангелия св. Матфея? Андрей ответил, что этого он ни от кого не слыхал. Собеседники объяснили, что прошло *восемь* лет и в эти благодатные годы юная Церковь вое божественное учение Христа содержала и распространяла в одних устных рассказах самовидцев, – в свящ. Предании.

– А сколько было апостолов, брат Андрей, и все ли они оставили письма? опросил В.М. Скворцов. Оказалось, Андрей и этого ранее не слыхал ни от кого: ему объяснено было, что в библии имеются от 12 апостолов, которые были избраны Христом прежде (Мк.3:14) и от 70 после избранных (Лк.10:1), только письма *восьми* писателей, учение прочих заключается в свящ. Предании.

Затем подробно выяснено было текстами Св. Писания, что св. писатели апостолы – «составляли свящ. повествование на основании Предания, что в свящ. Писание вошла далеко не все из того, что творил и чему учил Христос и апостолы, причем прочитаны и разъяснены были следующие места свящ. Писания: (Лк.1:1–3; Ин.21:25; Деян.1:3; 15:6–7; ап. Ин.1:12; 20:35; 16:4; 15:29; 20:20, 27, 29; 1Кор.4:17; 11:34; Тит.1:9; Евр.13:10. По прочтении каждого из приведенных мест собеседник вопрошал сектанта «где в Писании об этом изложено? чему именно учили в Ефесе и др. местах и что творили апостолы? Какие постановления и определения передавали верным апостолы для соблюдения, какие именно распоряжения, сделал ап. Павел в Коринфе? что повелено Титу? Какой жертвенник имели христиане?... В заключение таким способом было выяснено, что ответы на все это находятся не в Писании, а в свящ. Предании.

Далее собеседник спросил Андрея, где написано, как совершались апостолами таинства крещения, причащения (Мф.26:26–27), исповедь (Иан.19:18), елеосвящение (Иак.5:14). Ответ на это можно найти только в Предании.

Далее собеседники остановили внимание слушателей на значении предания для хранения Свящ. Писания и состава канона свящ. книг, а также для толкования и понимания Свящ. Писания.

– Тебе, бр. Андрей, кто толкует Свящ. Писание и как ты разрешаешь, себе «неудобовразумительные места библии», о которых говорит апостол Петр (2Пет.3:16)? спросил В.М. Скворцов.

– Никто мне не толкует, я сам читаю Слово Божие и разрешаю.

– Ты против повеления апостольского идешь, где сказано: *никакого пророчества в писании нельзя разрешить самому собою* (2Пет.1:20).

– Господь мне открывает и умудряет...

– Как же он тебе открывает, не самообольщение ли это?

Приблизившиеся к сектанту единомышленники что-то подсказывали Андрею; из благодушного собеседника, Андрей вдруг преобразился в горячего совопросника и стал говорить запальчиво, резко:

– Я человек малограмотный, сбить меня с толку не трудно, вы на то и ученые, спорить больше не буду... Скажу одно: признаю только одно евангелие и верую в Бога, и этою верою спасен буду...

– Друзе, боюсь тебя огорчить, – но ведь и *бесы веруют и трепещут* (Иак.2:19), а ведь не спасутся они, – возразил В.М-ч.

– Ну, не спасет меня Господь, Его св. воля, Он видит, что я в Него верую. Если же в чем заблуждаюсь, Он, Милосердый, наставит меня, простит... Если я Предания не принимаю, значит нет Его воли... Я не нахожу Его заповеди о Предании, сказано в Слове Божиим: *веруйте в евангелие, а не в Предание*», – горячился Андрей.

– Да, ты, бр., «гневайся, но не согрешай», – в Свящ. Писании есть прямые заповеди о почитании свящ. Предания, –

заблуждаешься ты, Андрей, *не ведуще Писание, ни силы его*, прочти-ка вот: (В. М-ч дал евангелие совопроснику и указал цитацию). Андрей начал читать, но очень плохо. Тогда были тем же чтецом вычитаны следующие места Св. Писания: (2Сол.2:15; 3:6; 1Тим.6:20; 2Тим.1:13; 1Кор.11:12).

Андрей молча выслушал и чтение, и объяснение, и более ничего уже не возражал, лишь часто назад оглядывался, ожидая очевидно поддержки. Наступила пауза. Из толпы как бы вынырнул простолудин в серой сермяге, с большою бородою; он и заговорил наставительно к Андрею: – «Что много говорить? зачем понапрасну спорить? В св. Предание веровать должно, без него нельзя обойтись христианину». – Да, ты бр., какого будешь упования? Спросил нового собеседника В.М. Скворцов.

– «Я старообрядец, беспоповец, в часовню хожу, но только попов не признаю. Вот насчет бы оскудения благодати в Церкви побеседовать, а Предание – это бесспорное дело"... – «Ты потерпи; о благодати будет беседа впереди, теперь надо об одном окончить». В это время к кафедре не смело приблизился и еще один оовопросник, молодой человек, приятной наружности, опрятно одетый, по вмени Игнатий.

– Вы хотите помочь чтоль Андрею? пожалуйста, значит, одного будете с ним упования? – спросил В.М. Скворцов. Игнат замаялся, глаза опустил долу, и теребил руками шапку, он не хотел прямо отвечать на предложенный, ему вопрос об исповедании. Что-то внутри души сего юноши совершалось, он видимо старался побороть волнение. В.М. Скворцов снова повторил вопрос о том, кокой же веры новый совопросник, – православной, или сектант. Игнатий ответил: – «нет, я от православной Церкви отстал года два, но я не могу признать себя и сектантом или штундистом». Наступила тишина, видимо все заинтересовались новым совопросником.

– Ну, так кто же вы – магометанин, еврей?...

– Я собственно *никакой веры*, я *свободный* человек.

Из дальнейших вопросов-ответов выяснилось, что Игнатий не верит в Бога, Христа признает только хорошим учителем и страдальцем за правду, воскресение мертвых и загробную жизнь отрицает, в страшный суд не верит, а добро делает или *так*

себе, или по чувству сострадания. На вопрос преосвященного Сергия: откуда позаимствовал этот юный малограмотный атеист-слесарь свои безбожные ответы, он сказал, что «понятия» эти почерпнул из некоторых умных книжек, а каких именно – не знает, и слышал от ученых людей. Такое категорическое отрицание бытия Божия, веры, церкви и самого евангелия 20–22-летним мастеровым, отрицание на основании каких-то книжек, которых даже авторы не известны отрицающему, производило удручающее впечатление... Чувствовалось негодование окружающей толпы, вследствие чего необходимо было прекратить собеседование с атеистом, для которого книжки без автора оказались дороже и убедительнее св. евангелия... Ответы Игнатия не оставляли сомнения, что он – последователь толстовщины, которая в последние годы пролагает себе путь в среду Киевской штунды. Так, у Уманских штундистов установлена переписка с известным толстовцем Трегубовым, слышно также, что вожаки Каневских сектантов посещали Ясную Поляну.

В заключение Андрею и молча поддерживавшим его единоверцам, зорко следившим за ходом беседы, В.М. Скворцов предложил такой – и это был – последний вопрос: отрицая свящ. Предание, не содержат ли отпавшие от Церкви свои, человеческие предания относительно, напр., молитвенных обрядов, устройства общины и проч.? Из первого рада к столу председателя подошел коренастый, полуслепой старик, Владимир, с клюкою в руках, – который доселе все время хранил молчание. Слепень заявил, что он 12 лет как отпал от Церкви и состоял «в штундовом братстве», все время ищет путей к тому, чтобы сделаться *истинным* христианином, *настоящим* верующим; штунду знает он коротко и его знают все сектанты не только русские, но и заграничные, *но правды* в этой вере он, Владимир, не находит. Оставив боговдохновенные писания отцов Церкви, «эти люди имеют *тысячи постановлений* своих вожаков», говорил с одушевлением и горечью разочарованная искателя истины умный, начитанный и выдавший виды слепец.

– Откуда же сектанты заимствовали свои предания и постановления? спросил В.М. Скворцов.

– «Из немецкой колонии, оттуда все – и стихи, и гимны, и порядки позаимствовали потерявшие Бога и совесть русские люди, немецкие наймиты» громил старик своих старых друзей и бывших учеников. «Спросите, есть ли в них христианский дух? Они больше ничего не понимают, что как только бросил водку пить, да сигарку курить, так и сейчас будто бы сделался уже *истинный* христианин. А есть ли у *них* любовь, мир, кротость? Нет ничего этого!», (старик пристукнул по полу клюкой, говорил он увлекательно громко, с одушевлением и обратил всю аудиторию вслух)... «Штунды то и знают, что обличают православных в пороках, а в себе не замечают сатанинской гордости, жестокости»...

Собеседование Преосвященный закончил следующими словами: «Настоящее собеседование, обнаружило, что св. Церковь справедливо утверждает свое вероучение на Божественном Откровении, распространяемом чрез Свящ. Писание и Свящ. Предание, а мудрствующее иначе, пользуясь одним Свящ. Писанием, или частями его, извращают оное, примешивая к нему свои мудрования. Отвергая Свящ. Предание, они держатся предания *своего*, а не апостолами преданного. Господь же, воскресший из гроба, растерзавший узы ада разрушивший осуждение смерти и избавившей всех от сетей врага явил Себя *Апостолам* своим и послал их на проповедь и ими подал вселенной мир. Аминь».

После сего хор пропел «Воскрес Иисус из гроба» и молитву «Достойно есть». Пение вышло настолько величественно и впечатлительно, что невольно навертывались слезы на глазах у присутствовавших на молитве... Благословением архипастырским закончилось первое собеседование около 10 ч. вечера. Отчет о следующих Киевских беседах, как имеющих выдающееся миссионерское значение, дадим в декабр. кн. «Мисс. Обзор».

В собеседовании принимали участие миссионер свящ. Слюсарев, члены общества доцент академии А.И. Булгаков, свящ. о. Троицкий, свящ. Прозоров, прот. Кл. Фоменко.

Ревнитель.

IX. Миссионерство, секты и раскол (Хроника) // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 1043–1053

Заключение 3-го миссионерского съезда о современном состоянии сектантства. Немоляки и духоборцы. Новоскопчество. Спасово согласие. Странники или бегуны и уголовный процесс о красносмертах-душителях

О нынешнем состоянии сектантства, на основании установленных миссионерами сведений, Казанский миссионерский Съезд пришел к такому заключению: новейшее рационалистическое сектантство (штунда, толстовщина, пашковщина) не увеличиваясь в местах старого распространения, настойчиво направляет свою пропаганду в центральный губернии России с севера (из столицы) и с юга, причем в местах старого распространения, штунда выделяет из себя новые толки, отличающиеся крайним отрицанием в области веры, доходящим до атеизма, вследствие чего толстовство находит себе удобную почву в штундизме, и последний объединяется с первым не только в отрицательной стороне лжеучения, но и в положительной догме. С другой стороны, утомленное рационалистическими умствованиями, Новейшее Сектантство впадает в болезненный мистицизм (адвентизм и малеванство). При этом установлено, что пропаганда рационалистического сектантства проникает и в мир старого сектантства (духоборчество, молоканство и хлыстовство), где безнаказанно и с успехом миссионерствуют распространители штундо-пашковщины и толстовства. Причем во главе сектантских общин и в числе распространителей лжеучений являются повсеместно главными образами отставные солдаты.

В одном из своих заседаний Съезд заслушал интересный доклад Нижегородского миссионера, священника *Фиолковского* «о секте Немоляков» и сообщение В.М. Скворцова о духоборческой секте.

Из доклада о. Фиалковского (см. Мис. Обозр. 1897 г.) усматривается, что означенная секта, развивается на почве

раскола старообрядчества; отличается крайнею враждебностью по отношению к православию, будучи иконоборческою, она отвергает обряды и таинства, свящ. предание, и заключает в себе в то же время элементы противообщественного и противогосударственного характера, так как последователи ее отрицают власть, избегают воинской повинности, не принимают присяги. В положительной стороне учения своего секта, по мнению проф. Ивановского, заключает в себе воззрения духоборчества.

На основании сообщенных докладчиком и другими миссионерами и специалистами признаков, миссионеры пришли к заключению, что секту Немоляков нужно считать нарождающимся на почве раскола рационалистическим сектантством, имеющими признаки сходства со старо-духоборчеством и новейшею штундой и, как таковую, следует отнести ее к разряду особо вредных сект.

В.М. Скворцов в своем сообщении о Закавказском духоборчестве познакомил Съезд, на основании собранных на месте сведений и наблюдений, и архивных изысканий, с историей секты, культом, разделением на партии, с современным состоянием и движением в нем, а также изложил соображения свои о желательных приемах и способах миссионерского воздействия на секту. Съезд, усматривая из современных партий Закавказского духоборчества несомненные следы противогосударственного и анархического движения, признал его сектою особенно-вредною и крайне опасною, как в церковном, так, особенно, в государственном отношениях. Все сообщенные докладчиком по истории секты данные и мнение о способах миссионерского воздействия будут опубликованы к сведению и руководству миссионеров в «Мисс. Обзрении».

Близкое отношение к хлыстовству по религиозным воззрениям и полное сходство в культе имеет *новоскопчество* или секта духовных скопцов. Нередко и миссионеры, и эксперты при вчинании судебных дел против сектантов духовных–скопцов отождествляют с хлыстами. Между тем ново скопчество составляет одну секту с известною *сектою скопцов*, признающих физическое оскотление единственным средством спасения

человека (искупления). Недоразумения эти ведут к вредным для миссии последствиям и содействуют живучести столь изуверной секты, которой в настоящее время не знает кроме русского ни один христианский народ. Священник о. К. Кутепов, автор известного сочинения «хлысты и скопцы», доложил Съезду, что секта новых или духовных скопцов возникла в 70-х годах нашего столетия и местом ее происхождения был город Галац в Румынии. Основателем секты считается некто Лисин, задавшийся целью поднять нравственный уровень скопчества. Последователи Лисина ведут строгий образ жизни и, по-видимому, отрицают фактическое оскотление, которое необходимо для спасения по учению старо-скопчества. Но по сообщению Самарского миссионера о. Матюшенского, распространенное в этой епархии ново-скопчество предписывает своим членам оскотление на склоне лет, как необходимое для скопца условие спасения; откладывается же совершение этой операции под старость в тех видах, чтобы не подвергнуться преследованию гражданского закона за изуверство. Из недавнего дела о Самарских ново-скопцах Толстых обнаружилось, что привлеченные, в качестве обвиняемых, 14 сектантов оказались еще не оскотленными, кроме одной старухи 60 лет. В деревне этой скопчество существует с давнего времени; по судебному приговору скопцы из этой деревни были высланы в закавказский край, но и до сего времени духовные скопцы Самарской епархии поддерживают сношение с ссыльными своими односельчанами. Решившихся оскотиться они посылают в г. Баку, где скопчество имеет прочную организацию и искусных в операции оскотления мастеров.

Оренбургский миссионер г. Головкин сообщил, что, по его наблюдениям, скопчество из среды духовных скопцов имеет главным образом своих разъездных миссионеров-распространителей и особых мастеров, для производства операций оскотления. Оренбургские духовные скопцы веруют, что только оскотленные войдут в царство небесное, так, что, хотя бы сектанты эти и не были оскотлены, то непременно должны быть подвергнуты этой операции, которая является прямым последствием их изуверного учения.

В известном Тамбовском процессе о новых скопцах привлекался моршанский скопец Плотицын, причем оказалось, что главарь этой секты оскроплен был лишь в глубокой старости.

Член Съезда В.М. Скворцов доложил, что в известном ему, по обязанностям эксперта, недавнем процессе о Чернских скопцах Тульской епархии, все активные деятели по распространению лжеучения этой изуверной секты были «духовными скопцами», называемыми там «сухолюбами». Главный пророк общины был сам не оскроплен, хотя жена его имела большое оскропление (обрезание грудей), – богородица скопческая также была оскроплена. Не оскропленных в общине было около половины членов секты, прочие же имели малые и большие печати. Оскропленные и неоскропленные одинаково разделяют все догмы учения скопчества, участвуют совместно на радениях и составляют одну, тесно сплоченную общину. Суд признал виновными в скопчестве всех членов общины, но палата всех «духовных скопцов» признала не виновными по ст. 201 улож. Между тем последние по существу дела, как пропагандисты, играют активную роль. Физические же скопцы, сосланные в Якутск, лишь несчастный жертвы фанатизма духовных скопцов.

В дальнейших сообщениях выяснился целый ряд вышеуказанных недоразумений, допускаемых судебными учреждениями, духовными экспертами, в виду отсутствия признаков фактического оскропления у последователей новоскопчества или духовных скопцов. Съезд пришел к заключению, что отнюдь нельзя смешивать духовных скопцов с хлыстами, главными признаком непринадлежности новоскопцов к хлыстовским кораблям должно служить отсутствие гнусного разврата в кораблях новоскопцов.

На основании сообщенных сведений и наблюдений специалистов и миссионеров, учение новоскопчества, будучи тождественно по воззрениям своим с догматами старо-скопчества, включает требование обязательного оскропления, которое последователь духовного скопчества рано или поздно должен совершить над собою, а потому Съезд признал духовное скопчество в равной мере вредною сектою, как и

староскопчество, и просил г. Обер-Прокурора Св. Синода войти с ходатайством к кому следует о распространении на последователей секты «духовных скопцов действия статей 201 и 203, I ч. улож. о наказ., а равно и об изменении редакции последней статьи, во второй ее половине, следующим образом: «лица, принадлежащие к сектам, учение коих вызывает изуверные действия, хотя бы сами эти лица еще и не обнаружили изуверства» и проч.

Среди многочисленных толков раскола известен толк, называемый «Спасово согласие» или «спасовцы». Толк этот имеет значительное количество последователей, расселившихся по многим губерниям. Существуют спасовцы и в поволжских губерниях – Симбирской, Самарской, Саратовской. Спасово согласие отличается от прочих раскольничьих толков тем, что последователи его не порывают полного общения с господствующею церковью, подобно всем прочим раскольникам, и обращаются к духовенству с некоторыми требами, будучи по убеждениям раскольниками. Такое поведение спасовцев порождает в пастырской практике многие недоразумения. Вследствие чего миссионерами (Самарской епархии, по поручению местного епархиального начальства) и внесен был на обсуждение Съезда вопрос о Спасовом согласии.

Из сообщений членов Съезда выяснилось, что последователи «Спасова согласия» разделяются на два толка; из них один Съездом назван «староспасовцами», другой «новоспасовцами».

Первые принимают крещение и брак от православной Церкви, остальных же таинств не принимают, в храме почти не бывают и стремятся быть погребенными вне церкви. Причем, (в Самарской епархии) староспасовцы венчаются в православной Церкви не только с последовательницами своего согласия, но часто и с православными девицами, которых после браков и совращают в свой толк. В предотвращение возможности совращения православных в Спасово согласие путем брачного соприжения, в упомянутой епархии, распоряжением епархиальной власти, назначен трехгодичный искус для спасовца, желающего жениться на православной. При

совещаниях некоторыми членами был возбужден вопрос о том, следует ли спасовцам, как заведомым раскольникам, преподавать таинства крещение и брак, не смотрят ли спасовцы на эти священнодействия, как на акты гражданские, дающие известные права, – не является ли раздаяние благодати церковью метанием бисера? При обсуждении данного вопроса высказано было большинством членов, что хотя спасовцы и представляют из себя в сущности раскольничью секту, но есть основание полагать, что они веруют веру в благодатную силу принимаемых ими от Церкви таинств, и вообще эта секта наиболее других толков близка к православной Церкви, а потому в миссионерских задачах надлежит не отталкивать от общения с Церковью, а располагать, чему практика Самарск. епархии о трех-годичном искусе для брачующихся едва ли соответствует. При этом выражено было мнение, чтобы спасовцев, желающих венчаться в православной Церкви, не прежде допускать к браку, как сделавши им надлежащие пастырские увещания, причем жениха и невесту обязать являться в церковь в продолжении по крайней мере трех дней пред браком и затем исповедоваться и причаститься св. таин. Во время причащения священник должен наблюдать осторожность, чтобы св. тайны были проглатываемы, (ибо спасовцы нередко их выплевывают), для чего рекомендуется заставлять причастников, тотчас по приняли св. таин, говорить самим три раза: Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе. Священник, повенчавший такой брак, должен иметь особое пастырское наблюдение за смешанною семьей и детьми, которых родители обязаны воспитывать в духе православной веры, в чем и требовать от них подписку пред венчанием. Съезд постановил также просить ходатайства Св. Синода, пред кем следует, о распространении действия статей улож. 188 и 190 на детей, рожденных от спасовцев, в случае ежели они будут воспитываемы в духе и по обрядам секты.

Независимо от так называемых староспасовцев, которые не разрывают окончательно своей связи с православною Церковью, принимая от нее таинства святого крещения, брака, – существует толк новоспасовцев. Последователи этого толка уже совершенно отделяются от общения с Церковью, предоставляя

совершать над собою крещение и брак своим наставникам. От поморцев-брачников последние отличаются только тем, что совращаемых от православной Церкви не перекрещивают. В свою очередь новоспасовцы тоже разделяются на два толка: *на отрицанцев и подначальников*. Первые принимают переходящих к ним чрез отрицание от ересей, последние – только чрез положение седми-поклонного начала. По сообщению Симбирского миссионера, в их губернии распространен особый толк Спасовцев, которые отвергают водное крещение; причем новорожденным повивальные бабки нарекают имя и надевают крест при чтении 50 псалма, слова которого – «окропиши мя иссопом» и заключают, по мнению сектантов, тайнодейственную силу крещения. Причем, некоторыми из миссионеров было заявлено, что с спасовцами-некрещенцами в пастырской практике нередко встречаются затруднения и недоумения особенно в тех случаях, когда спасовец-некрещенец желает жениться с последовательницами других толков этого согласия, принимающих водное крещение по Божественному установлению. Священники принимают в церковь некрещенцев по 2-му чину, т.е. чрез миропомазание, по недоумению и по неустановленности сведений о том, что воссоединяемый спасовец некрещен, последний иногда и сам не знает о способе своего крещения, т.е. было ли оно бабушкино-безводное или наставническое чрез погружение. Недоразумение подобное иногда открывается уже после совершения над присоединенным некрещенцем других таинств – исповеди, причащения и брака. Профессор Ивановский сообщил, что ему известно дело по поводу такого же недоразумения одного священника, производившееся в Казанской епархии. При разрешении вопроса о том, нужно ли крестить принятого в Церковь по 2 чину некрещенного спасовца, но уже удостоенного таинства причащения тела и крови Христовой, было доложено Съезду мнение митрополита Филарета, который признавал, что принятых в Церковь по неведению вторым чином вместо первого и удостоившихся причащения св. таин не следует крестить. Принимая во внимание, что отсутствие у приходского духовенства тех селений, где проживают спасовцы, сведений о

принадлежности тех или других раскольничьих семейств спасова согласия к толку некрещенцев может вести при приеме в церковь в печальным недоразумениям, относительно чиноприема, Съезд признал необходимым просить Св. Синод дать знать епарх. начальствам, чтобы последние внушили приходским священникам соблюдать крайнюю осторожность при присоединениях спасовцев в церкви, исследуя предварительно вопрос о том: был ли крещен и кем воссоединяемый, а также, чтобы в таких приходах были собраны и точно установлены сведения о принадлежащих к секте новоспасовцев, не приемлющих водного крещения, для установления повсеместно однообразного способа принятия таковых в Церковь первым чином.

Секта странников, или бегунов, была предметом совещаний 2 Миссионерского съезда в Москве. Степень церковной и социально-общественной вредности и тогда уже были всесторонне и было возбуждено ходатайство о признании этой зловредной секты особо вредною и о принятии ограничительных мер. По поводу тираспольского дела, а также и в виду все более устанавливающихся сведений о существовании в этой секте изуверного учения о самоистреблении, ради спасения души, 3 всероссийский Съезд снова (в 11 заседании) подверг обсуждению вопрос о вредности бегунства. Причем установлено, что учение о борьбе с миром и стремление освободиться от сетей антихриста доходить в этой секте до крайнего фанатизма, так что из среды сектантов выделяются особые типы ревнителей, которые с религиозной целью прибегают к задушению заболевших и престарелых членов для снискания, будто бы, последним мученического венца и спасения. Подобная смерть называется *"красной"* и эти сектанты носят еще название *«красносмертов»* или *«душителей»*.

Профессор Н.И. Ивановский сообщил, что из судебных дел Казанской губернии есть основание предполагать существование секты душителей: профессору известны сравнительно недавние дела: по Царевококшайскому уезду о найденном в лесу, в глухом месте, трупа старика, погребенного в поле, по-видимому, по

обрядам бегунского толка, и умершего едва ли естественною смертью.

Во Владимирской губ. неизвестно куда скрылся 60-ти летний старик. Следствием установлено, что пропал «он около 15 августа 1896 г. Перед этим он захворал, морил себя голодом и со всеми прощался, говоря о скорой своей смерти. После того он исчез. Предварительно он зашел в известный «дом гостеприимства», т.е. к странноприимцам. Есть основание полагать, что здесь он перекрестился, принял иноческий чин (как говорят бегуны – «ангельский образ»), затем отнесен в лес, задушен там и зарыт в землю.

Чрез месяц, около 14 сентября, крестьянские девушки, собирая в лесу ягоды, увидели голову старика, обмытую дождями. Как известно, странники погребают своих мертвецов так, что голова значительно приподнята.

В Казани, где имеется (к ягодной слободе) несколько пристанодержательств бегунских, во время съезда к профессору Ивановскому являлась жена одного умирающего, совращенного из православия, последователя толка странников с просьбою помочь ей оградить мужа от тайного увоза из дома в трущобы странноприимцев, где больного должны будут перекрещивать, при этом женщина эта выражала опасение, чтобы мужа не подвергли «красной» смерти.

Очевидно, что среди самих последователей этого толка распространено убеждение в существовании изуверства в бегунстве, выражающегося в самоистреблении.

В городе Шуе Владимирской губернии недавно в окружном суде разбиралось характерное дело «о красносмертах-душильщиках», которое теперь дает твердое основание догадкам исследователей относительно существования в бегунском толке этого изуверства. По сообщению печати, дело представляется в таком виде.

«Летом 1895 года несколько человек деревенских ребят отправились в лес по грибы и захватили с собою собаку. Шедшая с ними собака вскоре по какому-то случаю отстала; они же, не замечая ее исчезновения, продолжали идти далее. Вдруг внимание их было привлечено сильным лаем. Несмотря на крики

и отманивания ребят, собака продолжала заливаться. Заинтересованные этим обстоятельством, они отправились в ту сторону, откуда все еще слышался вой собаки, и вскоре увидели ее с остервенением разрывавшею землю. Ребята следили за работою собаки, и вот из небольшого углубления показался кончик холста, по-видимому, составлявши частицу чего-то целого, большого. Немедленно дали знать сотскому, тот полиции, и из раскопанной не более, как на пол-аршина ямы вытасчен был труп, лежавший вверх приподнятою головою, недавно пропавшего крестьянина Андрея Зорина. По вскрытии трупа были найдены в нем признаки задушения.

Из произведенного по этому делу следствия и показаний свидетелей, в особенности жены покойного Зорина, обнаружены в высшей степени важные новые для сектоведения обстоятельства.

Покойный был православный, венчан в православной церкви и, как христианин, исполнял все установленные церковные обряды. Но вскоре после появления в их деревне некоего Прокопия Маулина, в Зорине произошла резкая перемена. Маулин прежде находился в военной службе, откуда впоследствии бежал, около 25 лет скрывался и, наконец, задержанный за бесписьменность в городе Иванове-Вознесенске, был приговорен военным судом к 4-месячному заключению, по отбытии какового и поселился в названной деревне Зыкове.

Вот этот-то Прокопий Маулин вскоре близко сошелся с Зориным, часто посещал его дом, беседовал с ним, читал какие-то книги, а потом и Зорин стал посещать Маулина в его моленной.

Моленная находилась в подвальном этаже дома родственника Прокопия – Федора Маулина. Катакомбы эти сообщались внутри с верхним жильем и имели выход во двор. Зорин, и прежде жаловавшийся на сильную боль в ногах, вдруг опасно занемог – во время покоса с ним сделалось дурно, он упал, и с этого времени к прежней болезни и прибавилась еще другая – сильная боль в животе.

На третьей неделе своей болезни Зорин куда-то исчез; сама жена не могла угадать настоящей причины его исчезновения. Как-то, раздавая тайную милостыню, она зашла в моленную Маулина и здесь, встретивши трех каких-то старушек, узнала от них, что ее муж Андрей находится у них в моленной и лежит в соседней комнате. Вошедши в комнату, она увидела Андрея; он лежал на кровати в том самом белье, в котором ушел из дома. Она уговаривала его оставить это место и идти с нею домой; он не соглашался. Через несколько дней она пошла опять навестить его. Видит, муж лежит во всем белом. Она спросила его:

- Что с тобою, Андрей?
- Я уже теперь не Андрей, а... – и назвался другим именем.
- Не перекрестился ли ты? – продолжала спрашивать жена.
- Да, перекрестился, отвечал Андрей. – Ты теперь мне уже не жена, я – Христов, и просил оставить его и идти в поле.

Управившись по дому, она, спустя несколько часов, опять отправилась в моленную. Дверь оказалась запертую; на ее стук дверь отворилась.

Муж ее лежал на той же кровати *во всем красном, уже мертвый. Красное одеяние с него снимали и одевали в саван.* Прокопий был тут же. Несмотря на протесты бывших при этом лиц, ей удалось подойти к мужу и проститься с ним в лоб, после чего ее просили оставить моленную. Впоследствии на все вопросы вдовы Прокопий Маулин отвечал, что Андрей похоронен, но указать место его погребения уклонялся. Привлеченные по означенному делу, Прокопий и Федор Маулины – первый в качестве главного обвиняемого, а последний – соучастника первого – виновными себя не признали.

Окружной суд, разбиравший это дело 31-го октября и 1-го ноября, руководствуясь результатами предварительного следствия, заключением экспертов, показаниями свидетелей и мнением гг. присяжных, постановил: Федора Маулина считать по суду оправданным; Прокопия же Маулина, как виновного, сослать на житье в отдаленные места Закавказья. Как пишут «Бирж. Вед.», защитником со стороны Миулиных был один из помощников известного Плевако; экспертом был проф. академии

Н.И. Ивановский. Это первое дело о секте душителей, дошедшее до суда.

Съезд, принимая во внимание не только противо-церковный, но и противообщественный характер бегунства, пришел к заключению о необходимости признания секты странников вредною и о принятии соответствующих мер, как против действительных бегунов, так и против странноприимцев (пристанодержателей), или бегунов жилых, применительно к ранее возбужденному Казанским епархиальным начальством и 2-м миссионерским Съездом по сему вопросу ходатайству пред г. Обер-Прокурором.

Х. Заграничная печать о русском сектантстве // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 1. С. 1054–1059

Отказ лютеран и баптистов от солидарности со штундою. Ненависть к немцам и франко-русский союз, как причина преследований в России штундизма. Любопытная заметка. Роль малорусск. языка в развитии штунды. Интересный рассказ о крещении штундистов немецкими братьями и расщепление святой иконы. Орган баптизма о Миссионерском съезде в Казани

Как заграничные, так и выходящие в пределах Империи немецко-протестантские журналы ничем так живо не интересуются из нашей церковной жизни, как штундистским сектантским движением, что говорит само за себя. Штундизм слишком дорог сердцу протестантского мира, как плоть от плоти его и кость от костей... При этом нельзя не отметить хитрой тактики протестантской немецкой журналистики. Когда штунда рассчитывала прикрыться законом 1879 года под флагом немецкого баптизма, немецкая печать доказывала, что штунда и баптизм тождественны по учению своему, и наши Остзейские немцы–протестанты не раз защищали это движение, как лютеранское, и потому возвышенное библейское, духовное движение, «близкое сердцу протестантской церкви, как лучших будто бы сынов России и преданнейших слуг царя и отечества» и проч.

А затем, когда появилось Высочайше утвержденное 1894 г. мнение комитета министров о признании штунды особо вредною сектою, с воспрещением последователям ее веропроповеднических богослужебных собраний и разъяснено миссией, что штунда и баптизм одна и та же секта, – то немцы лютеране, а равно и сами немецкие баптисты восторжеслись и начинают отрешиваться от всякой солидарности с русскою штундой, как будто бы она на самом деле возросла не от корня протестантизма, а явилась из недр самого православия.

Устранить действия закона 1894 г. на русских штундистов, так называемого баптистического толка, особенно хотел бы

заграничный орган немецкого баптизма «Wahrheitzeuge», где, начиная с 1895 г., не перестают на все лады доказывать разные ссыльные писатели из русских мнимое различие штунды и баптизма и потому неприменимость нового закона к последователям последнего толка, которых в штунде, как известно, громадное большинство. Редакция «Свидетеля истины» указывая, что в законе не употреблено слово «баптизм» плачется на полицию, которая на практике не делает различия между штундистами и баптистами, как бы это хотелось защитнику штунды. Далее «Wahrheitzeuge», защищая баптизм оберегает и штунду, рассуждая так: «печальнее всего, что правительство преследует своих самых верных (?) подданных (старая немецкая песня!), которые совершенно преследуют никакой политики, но стремятся в своем учении руководиться только словом Божиим. Мы хорошо понимаем, почему евангелическим христианам приписывают политические тенденции. Даже в России стыдятся преследовать человека за религию... Кто поверит, что молитва и социал-демократия согласны между собою?...». Выходит, по логике немецкого журнала, что наше правительство, решительно указав в известном циркуляре министра В.Д. о социалистических тенденциях русской штунды и баптизма, все это выдумало для того, чтобы, не краснея пред Европой, преследовать русских людей за баптистическую веру... Любопытна другая догадка органа баптизма, почему правительство ограничивает пропаганду штунды: «так как баптизм и вообще духовное возбуждение русских – философствует орган баптизма, – вышло от немцев, то здесь играет будто бы важную роль ненависть к немцам?! – особенно же после франко-русского союза» (!) Как видите, – догадка тонкая и политическая! Возражая «Церк. Вестн.», что штунда есть – авангард германизма, баптистический орган уверяет, что все это неправда, клевета и плод подозрительности «православного духовенства, не способного воевать мечом Слова Божия и потому зовущего на помощь себе государство», и духовных органов.

А не может ли немецкий защитник русской штунды объяснить нам чистосердечно, откуда берутся громадные

миссионерские средства у интернационального миссионерского германского общества и с какою целью они тратятся на усердное совращение русских православных христиан в немецкие секты? уж не ради ли спасения души наших набожных крестьян? Ведь есть много, не початых проповедью евангелия, стран языческих, пусть миссионеры баптизма идут туда, а нас – русских оставят в покое; тогда не будет и подозрения в духовной германизации русских окраин.

Не безынтесным являются напечатанные в «Свидетеле истины» сначала сообщение об оставлении известным пропагандистом штунды бр. Шиве Петербурга, а затем и заметки следующего содержания: «Бр. A.R. Schiewe (служащий) теперь в Темплине (Templin), а раньше в Петербурге, пишет нам, что Его Величество Император Русский Николай II посланное Ему несколько месяцев тому назад прошение исполнил и уволил его из русского верноподданства. Бр. Schiewe из этого заключает, что он теперь имеет право во всякое время снова возвращаться в Россию для более или менее продолжительная проживания». Является вопрос: какая может быть цель этого нового путешествия и проживания проповедника Шиве в России? Не продолжение ли того дела, из-за которого ему пришлось бежать из Петербурга? Благо, теперь он рискует за свою пропаганду лишь быть высланным за границу, а не нести наказание законов империи. Как видно, заграничные фанатики-штунды ничего не упускают из виду для целей пропаганды.

Не для одних баптистов дороги успехи штунды в России, и не одни они забили тревогу, в особенности в последнее время по случаю мер, принятых правительством против распространения штунды. Несомненно, что как в пробуждении религиозного брожения в народе при начале штунды, так и в поддержке сего брожения впоследствии принимали некоторое участие и представители других протестантских исповеданий, из среды проживающих в России иностранцев-колонистов, в особенности реформаты или кальвинисты. Как бы ни различались и ни отделялись баптисты от других протестантов, но разница между их учениями не существенна. Все они стоят на почве одних и тех же религиозных принципов и расходятся лишь

в частностях. Понятно, теперь, что успехи штунды в России (в какой бы то ни было форме) знаменуют вместе с тем и торжество протестантских идей в нашем народе. Этим объясняются те сочувственные штундистам демонстрации, которые приходится встречать иногда в заграничных небаптистских, но протестантских изданиях по поводу как успехов штундизма, так и мер, принятых нашим правительством к ограждению православного населения России от влияния штундовой агитации. В последнем случае приходится слышать от протестантов ту же песню о гонениях против штундистов, о наступлении в России тяжких времен первых гонений на христиан, об инквизиции, о Людовиках XIV и XV. Разумеется, здесь дело о штундистах представляется в таком преувеличенном виде, с такими натяжками и вымыслами, что только удивляешься богатству фантазии и бессовестности сочинителя.

Такова, напр., ст. «Les stundistes où protestants russes» («Штундисты или русские протестанты»), G.B., помещенная в «Revue chrétienne». Из этой статьи как нечто новое и интересное можно отметить взгляд иностранного писателя на ту роль, какую играет малорусский язык в развития штундизма среди населения Юга.

Говоря о культе штундистов, он утверждает, что у штундистов все, входящее в состав богослужения – молитвы, чтение Библии и пение псалмов или кантов, «совершается не на славянском языке, который есть богослужебный (Cangué liturgique) в Церкви русской, но на малорусском, который есть наречие южно-руссов». «Известно, говорит он, что употребление этого языка, который за свою гармонию может быть сравнен с провансальским (a été comparés au provençal) и который, как и тот имеет своих народных поэтов и певцов – запрещен правительством русским, ревностным в сохранении единства языка в целой империи. Запрещено печатать, продавать и держать малорусские книги. Но, замечает г. Leroy-Beaulien, употребление этого местного языка было одною из причин успеха проповеди штундистов; и в ту эпоху, когда малорусский язык был запрещен, штунда сделала самые быстрые

завоевания. «Что в развитии штунды малорусская речь играла роль, это весьма понятно; об этом одно время писал и Драгоманов в Галицком «Хлеборобе» и видел в росте штунды одно из благоприятных условий для развития политического сепаратизма или хохломанства».

Кроме малорусского языка автор считает в числе причин успеха штунды в нашем народе ту «свободу, которая царствует в этих религиозных собраниях, где каждый может говорить и давать, или требовать разъяснения на св. текст. Мы находим, говорит автор, *собрания для библейских бесед* (entretiens bibliques) при появлении Кальвиновой реформы в Женеве, Лондоне, Франкфурте, и позже они возобновляются во все эпохи пробуждения личного благочестия.

В той же статье интересен так же и рассказ очевидца об одном крещении штундиста, приводимый автором с целью дать понятие и о самом крещении штундистов и о той таинственности, которая окружает их обряды. «Дело происходило в окрестностях деревни Черный Остров в одной миле (à une lieue) расстояния от Киева в лодке по Днепру. В прекрасную майскую ночь *старший брат* (starchii bratj, иначе – «штундовый пресвитер») отправился в лес, усеянный малыми озерами, и в полночи прибыл в одной малой прогалине, окруженной весьма высоким камышом, как бы оградой. Восемь или десять человек гнулись (etaient blottis) в темноте. Увидев своего главу, они радостно приблизились к нему. После представления иностранных друзей, старший брат взял фонарь и начал служение (le service). Он прочитал VI гл. св. Иоанна, потом произнес одну молитву, полную богатого опыта, религиозной терпимости (tolerance), кротости и любви к человечеству! Что особенно тронуло слушателей, это-то, когда он молился за тех, которые преследуют детей Божиих.

Окончив эту службу (liturgie), глава штундистов (le chef) дал знак (avisa) молодому брату с красивою бородою, Адаму И..., который оставался все время в стороне и на коленях; он провел его в одну лужу (mare), которая образовывала как бы природную крещальню (un bapticlère), и там погрузил его три раза во имя Отца, Сына и Св. Духа. Все штундисты окружили его, воссылая к небу горячие молитвы за новообращенного (le neophyt), который

стоял, дрожа от холода в своих мокрых одеждах. Тогда наступает акт самый трогательный (*le plus émouvant*). Один из присутствующих приготовил посредине прогалины кучу из сухого тростника; туда положили образ (*image*) Св. Николая Чудотворца, который, судя по краскам, был одной из тех икон (*icones*), которые крестьяне боготворят (*en adorent*) в своих хижинах. Икона принадлежала Адаму И. ... «Дайте ему топор, сказал старший брат тихо, и положите идола на землю». – Новообращенный, весь бледный и дрожащий взял орудие. «Порази его, человек! разбей его на куски», повелевал глава штундистов, и новообращенный вдруг частыми ударами обратил икону в щепки, разлетевшиеся по сторонам.

«Вот каковы их боги», воскликнул старший брат, собирая куски иконы и бросая на кучу тростника. «Мы делаем огонь из этого предмета». «Из одной части дерева мы делаем огонь, из другой – бога», сказал пророк. «И теперь мы делаем огонь этому ложному богу!». – Несколько минут спустя, образ сгорел, и штундисты отнесли пепел в воду Днепра. Сцена в пояснениях не нуждается. Она прекрасно иллюстрирует самую «идею» штундового крещения. Из нее видно, как несправедливо и дерзко относятся сектанты к Правосл. Церкви и ее членам, а также ее священным изображениям, какую «религиозную терпимость» дышат эти «просвещенные» братья и чего можно ожидать для спокойствия общества от тех, которые запечатлевают свое отступничество от Православия таким изуверством.

Кривотолки русской антицерковной печати о занятиях Казанского миссионерского Съезда дали обильную пищу и заграничной прессе для наветов на православную Церковь.

Во 2-м отделе 39 № органа немецких баптистов *Wahrheitszeuge*, в заметках под заглавием «*Aus der Schmiede*» («Из кузницы») напечатано:

«Много раз выражалась надежда, что после коронации молодого Государя всей России, палка гонителей будет вырвана из рук, и узы заключенных за их исповедание будут разрешены, но к сожалению, час свободы еще не пробил. Один друг штундистов, который хорошо знаком с обстоятельствами, пишет

следующее: «С.-Петербургские Ведомости» от 2–14 сентября 1897 г. в 239 № пишут:» и далее идет перевод злорадостной статьи газеты князя Ухтомского. «Кто это прочитает, замечает редакция баптистского органа, того нет нужды для редакции приглашать к молитве за наших братьев о Христе. Они это сделают сами собою, и при том из глубины сердец своих. Ах, да умиласердится Бог, чтобы бедные агнцы не заблудились в вере!». Редакция «Миссионерского Обозрения» приняла меры к опубликованию в заграничной печати опровержения сенсационных кривотолков русской клеветнической прессы о Казанском съезде миссионеров.

П.П.

**XI. Библиография // Миссионерское Обозрение, 1897,
Ноябрь, кн. 1. С. 1060–1062**

1) Козицкий П.: Свящ. И. Фуделя. «Народное образование и школа». Москва, 1897 г.

Свящ. И. Фудель, стяжавший в нашей литературе почтенную известность своими статьями по различным вопросам текущей жизни, предлагает в своей книжке с вышеуказанным заглавием ряд очерков по вопросу о народном образовании и школе, старается осветить этот вопрос с принципиальной стороны и указать связь его с культурным развитием нашей страны вообще. Труд о. Фуделя является вполне благовременным – в особенности в настоящее время, когда еще не окончилась борьба как в печати, так и в обществе из-за преобладания того или другого типа народной школы. Важность затронутого автором вопроса как в культурном, так и в церковно-гражданском отношении вынуждает нас обратить должное внимание на труд о. Фуделя.

Рассматриваемая книжка состоит из следующих шести очерков; I – интеллигенция и народ в современном их сближении; II – эпизод школьной борьбы; III – смысл вопроса; IV – какая школа – народная? V – частности вопроса; VI – школьное дело. Уже один перечень статей, вошедших в состав названной книжки, ясно говорит за то, что автор рассматриваемому вопросу дает очень широкую постановку и принципиально хочет всесторонне осветить его. Не входя в подробное рассмотрение содержания всех очерков, мы позволим себе коснуться только тех мест, которые наиболее выпукло и рельефно освещают данный вопрос и наиболее определенно выражают взгляд автора на данный предмет.

В статье «Интеллигенция и народ в современном их сближении» автор высказывает горькую истину, что интеллигенция, живущая отдельною жизнью от народа и незнакомая с народным мировоззрением и народными идеалами, не может взять на себя задачи – просвещать этот народ и не может быть его руководителем в его духовно-нравственном развитии. И в самом деле. Русский народ имеет все задатки для развития самобытной культуры, совершенно отличной от основ

западноевропейской культуры, представителями которой у нас является большинство интеллигенции. Все факты с несомненной ясностью говорят за то, что наша интеллигенция (т.е. известная часть), объявившая «крестовый поход против народного невежества», отнюдь не желает считаться с запросами народа, с его идеалами, его мировоззрениями. Мировоззрение народа в нескольких словах может быть выражено так: *все на небе*, т.е. счастье не здесь, а *там*, в будущей жизни. Интеллигентное же мировоззрение можно так формулировать: *все на земле*, т.е. все привязанности, цель, счастье, правда, смысл, все – здесь, на земле. Отсюда и проистекает недоразумение. Интеллигенция, гордая своим мировоззрением, гордая своею культурою, старается приблизить к себе народ, уподобить его себе и потому вполне обезличить, подточить и вытравить мировоззрение народа, т.е. разрушить те устои, на которых только и может быть построена русская самобытная культура (36, 37, 38, 48, 50, 53 стр.). Этот «крестовый поход интеллигенции против невежества народа» менее всего можно назвать просветительным. Наглядной иллюстрацией высказанного положения служит эпизод в школе грамоты г-жи Штевен. Из наиболее характерных подробностей этой истории заслуживает упоминания то обстоятельство, что из учителей, назначенных г-жой Штевен в ее школы грамоты – четверо оказались неблагонадежными в религиозно-нравственном отношении и способствовали совращению народа в сектантство (67–68, 77–78 стр.).

Интеллигенция, (западного направления), взявшая под свою защиту земскую школу и всякие комитеты, и общества грамотности, конечно из-за культурного влияния вступила в борьбу с поборниками церковной школы. Смысл этой борьбы, само собою разумеется, не в преобладании, земской школы над церковной, не в розни двух ведомств, не в «ссоре начальств» и не в том, кому командовать в народной школе: – священнику или учителю, а в том, – *какою дорогою России идти в культурном развитии: своею ли – историческою, национальною, или чуждою – общеевропейскою* (84–85 стр.)?

Проводником культуры в жизнь народа является народная школа. Спрашивается, всякая ли школа, существующая для

народа, может носить название истинно–народной (88 стр.)? Единственно-возможный ответ на данный вопрос можно формулировать: «та школа может быть названа истинно-народной, которая воспитывает народ в его национальных традициях, согласно его мировоззрению, его духовными запросам и стремлениям». Таковою школою является церковно-приходская школа, которую можно назвать древнерусскою, национальною, бытовою, *народною по существу*, неразрывно связанною с прошлым России и ее культурным будущим и которая преследует задачи развития и укрепления религиозного самосознания и выработка *не человека вообще, а человека русского православного* (101, 102 стр.).

Естественно рождается вопрос, кто же должен быть хозяином, руководителем истинно-народной церковно-приходской школы? Ответ на этот вопрос дает нам отчасти историческое прошлое нашего отечества, отчасти же современный порядок вещей. Духовенство было, есть и должно быть единственным руководителем народных школ. Подобный порядок вещей, помимо чисто исторических и канонических соображений, должен быть признан наиболее нормальным уже в силу того соображения, что духовенство осталось единственным классом, который сравнительно ближе к народу по жизни, по идеалам, мировоззрению, и который наиболее сохранил национальную окраску и не изменил заветам родной истории (107 стр.). Так на духовенство смотрели светские государственные сановники царствования Александра II и Александра III, так смотрят на него и представители высшей духовной иерархии (Сергий, митрополит Московский).

Приведенных нами выдержек достаточно вполне, чтобы судить о трезвости взгляда рассмотренной нами книжки свящ. И. Фуделя.

П. Козицкий

Ноябрь, книга 2-я

Премудрость созда себ дом и
утверди столпов седмь... Посла своя
рабы, созывающи с высоким проповеданием. (Прит.9:1–13).

Мы же проповедуем Христа, Божию силу и Божию
премудрость. (1Кор.1:23–24).

Темже, яко же глаголет Дух Св.:
днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших.
(Евр.3:7–8).

**I. Речи, произнесенные по разным случаям в
духовно-учебных заведениях // Миссионерское
Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 2. С. 57–68**

I. Речь при прощании с С.-Петербургской Академией

Не будучи пастырем вашим, я не дерзал возвещать вам глаголов истины, дабы не показаться посевающим или восторгающим класы на чужой, не принадлежащей мне ниве. Но и независимо от общения в слове, между вами и мною было некое духовное общение, – разумею общение в молитве и священнослужении. Отселе и это общение должно прекратиться. Ныне в последний раз Господь благословил мне совершить священнослужение в сем святом храме.

Припоминая все, бывшее в продолжении трехлетнего служения моего в сем св. храме, не могу от полноты благодарного сердца не воздать хвалы и благодарения прежде всего Подателю всех благ Господу Богу, все недоумения и смущения, возникавшие в душе, разрешавшему твердою верою, все скорби и болезни, тяготившие по Временам сердце, растворявшему крепким упованием на благодетельную в самых болезнях и напастьях руку Всевышнего и по множеству болезней в сердце, подававшего утешения, заставлявшие забывать все скорби и печали.

Благодарение и вам, возлюбленные о Господе, входившие со мною в молитвенное общение. Ваше усердие ко храму Божию возбуждало и окрыляло и мою душу, поникшую долу; ваши теплые молитвы, возносимые в сем св. храме к престолу Всевышнего, возгревали и мой холодный к молитве дух, и, хотя, по временам давали чувствовать сладость сердечного умиления.

Благодарение и всем сослужившим мне неленостно в сем св. храме. Ваше благоговейное предстояние пред престолом Божиим располагало и меня совершать святыню Божию в страхе.

Благодарение и всем послужившим в нем благочинно при моем недостоинстве, – не по долгу, который всегда более или менее тяжел, не из послушания, не всегда добровольного, а доброхотно, по своему изволению.

Благодарение, наконец, и тем, которые от избытков своих послужили благолепию и благоукрашению сего св. храма. Да

воздаст им Господь за земные их приношения небесными благами, за временные вечными, за тленные нетленными.

Обращаюсь к Вам, возлюбленные о Господе и дорогие сердцу моему сотрудники мои в сем вертограде духовного просвещения. Разлучаясь с Вами, я не стану говорить о том удовольствии, какое испытывал я, находясь среди вас, – людей, не только образованных по всем отраслям знания, но и глубоко преданных делу служения своего; не буду показывать, сколько отрады и утешения доставила мне самоотверженная преданность ваша делу, на которое вы призваны, – преданность, происходящая не из опасения ответственности за небрежение, не из желания и ожидания той или другой награды, но из сознания важности того дела, которое вверено вам. Но не могу не высказать пред всеми того, чем особенно дорожил я, что было предметом пламеннейшего желания моего сердца и что навсегда останется у меня неизгладимым в благодарной памяти. Незнаемый никем и незнающий никого вступил я в среду вашу, – вступил, скажу откровенно, не без смущения. Что будет, думалось мне, как устроятся взаимные отношения наши? Не для себя я заботился об этом, а для дела, вверенного мне. Опыт и недолголетней жизни убедил меня, что одною властью можно приобрести разве только исправных по внешности наемников, а не самоотверженных тружеников, что самые добрые начинания и предначертания, при неблагоприятных взаимных отношениях между лицами, приставленными к одному и тому же делу, приносят вместо благих последствий один вред.

Но благодаря вашим благородным убеждениям тотчас после первого знакомства с вами, смущение это исчезло в моей душе. Когда я перебираю в памяти все, бывшее в продолжении трехлетнего служения своего среди вас, то невольно восхищаюсь душой, представляя все наше общество как бы одним семейным кругом... И потому то мне не было нужды, и я не выискивал случаев входить в общение с лицами, не принадлежащими к нашему кругу, находя среди вас все потребное для души. Молитвенно желаю, чтобы и по отсутствии моем продолжался тот же дух мира и взаимной любви, чтобы и иной, могущий паче меня, поставленный во главе вашего

общества, изменяя и усовершеншая, что требует, или окажется в последствии требующим, изменения и усовершенствования, скрепил еще прочнее те узы мира и любви, которые связывали нас.

Обращаясь к вам, возлюбленные о Господе питомцы, я не буду указывать ни на ваши во многих отношениях блестящие успехи, ни на вашу любовь к занятиям. Этого и весьма естественно было ожидать от вас, как избранных между избранными. Но не могу не остановиться благодарною мыслью на тех задатках преданности делу св. веры и Церкви, которые в последнее время ободряли, утешали и радовали меня. В наше, скудное духом веры и благочестия, время отрадно встретить среди юных питомцев и слабые начатки духа веры и благочестия, как залог будущего благосостояния Церкви. Господь не благословил мне видеть полное развитие этих начатков. О, если бы хотя слухом услышать, что сей приют духовного просвещения возвращает ревностных и самоотверженных служителей веры и Церкви, не только не увлекающихся всяким ветром учения, но и сильных разоблачать всякое коварство льщения, не смотря на благовидную наружность, в которое облекается мудрование человеческое, не покоряющееся Закону Божию и считающее буйством Крест Христов! Тогда и находясь вдали от вас, сердце мое возрадовалось бы радостью неизглаголанною. А если бы судьбы Божии кого-либо из таковых поставили в ближайшее отношение ко мне, такой не тесно вместился бы в сердце моем, – я принял бы его яко возлюбленное о Господе чадо.

Последнее слово мое ко всем вам, братие: если оскорбил кого чем, или преогорчил по долгу ли службы или по естественной немощи человеческой, или не сделал для кого того добра, какое мог и должен был сделать, – прошу и молю именем Господа нашего Иисуса Христа, покройте благоснисходительною любовью и отпустите меня с миром, памятуя слова Писания, яко много согрешаем вси.

2 февр. 1864 г.

II. Речь, сказанная Епископом Саратовским в 1866 году по поводу Высочайшей милости – отпуска 1½ миллиона на духовно-учебные заведения, после молебствия, совершенного 22 апреля в Троицкой церкви, в зале семинарии наставникам и ученикам

Ныне радость и торжество у вас. Сочувствую вашему торжеству, сорадуюсь вашей радости. Не судил мне Господь быть участником и свидетелем такого торжества, когда я сам принадлежал к корпорации, подобной вашей, но тем выше радость моя в настоящее время, чем она бескорыстнее.

Благодарение Господу Богу, тако благоволившему о вас! Благословен буди возлюбленный Монарх, Отец и Благодетель народа своего, призревший на нужды ваши и от высоких щедрот своих восполняющий лишения ваши; благодарная память да будет всем споспешествовавшим сему благу и полезному делу. Отселе заботы и беспокойства ваши об удовлетворении неотложным потребностям жизни должны прекратиться, и каждый из вас беспрепятственно может вполне посвящать себя тому делу, на которое призван.

Отсюда, – из этих обителей знания должны выходить светильники веры и благочестия, в которых столь нуждается наше время, – высказал сейчас один из вас. О, как бы желал я, чтобы слова сии не были одною фразою, но глубоко проникли в души и сердца ваши и были главным началом всей вашей деятельности!

По заведенному издавна порядку все эти будущие светильники веры и благочестия вверяются вашему руководству и попечению еще детьми, проводят под вашим надзором все время юности, лучшее время жизни, и выходят отсюда каждый на делание свое в вертограде Христовом. Старая, но не стареющая истина, что душа дитяти восприимчива ко всему доброму и прекрасному: нужно только употребить труд с любовью и терпением, чтобы посеять и углубить в них семена добра.

Неуместно было бы раскрывать теперь пред вами, как достигнуть этого: напоминаю только вам простые общеизвестные истины.

И, во: 1) внушайте всем самую простую истину, что труд – дело честное и похвальное, что бесчестие для человека не то, когда он трудится, а когда туне хлеб ест, внушайте истину сию не словом, а самым делом, добросовестно, с усердием, с горячностью духа исполняя порученное каждому из вас дело служения. Живой пример и вообще, а тем более на души юные действует сильнее всякого слова. Как бы правдивы ни были правила и наставления, и как бы красноречиво ни высказывались они, но, если они не оправдываются самою жизнью высказывающего их, они могут только подрывать доверие и уважение к высказывающему.

2) Обширная область предметов знания, для облегчения труда, разделена между вами по частям.

Позаботьтесь каждый на столько расположить слушателей к своему предмету, чтобы они занимались им не по долгу только, который всегда более или менее тяжел, не из послушания, не всегда добровольного, но самоохотно, с любовью, с усердием. А для сего необходимо, чтобы преподающий не только знал свой предмет, но и любил его, и ревновал о том, чтобы и другие полюбили его. Когда каждый урок будет предварительно изучаем со всех сторон самим преподающим и передаваться с живым сознанием и сочувствием, тогда, можно надеяться, он будет возбуждать живой интерес и в слушающих, и если не совсем не будет нужды, то по крайней мере редко будет встречаться нужда прибегать к силе и власти, чтобы заставлять слушать и заниматься известным предметом.

3) Поставленным на служение приготовления светильников веры и благочестия, нет сомнения, самим нужно быть светильниками горящими и светящими. Если недостаток других качеств в преподавателе и воспитателе может иногда восполняться и как бы не быть заметным при других совершенствах, то недостаток сего последнего ничем не может быть ни восполнен, ни прикрыт. Равнодушие к вере и холодность в деле благочестия и воспитать могут только или

людей равнодушных, или лицемеров, – в том и другом случае людей, непригодных для служения Церкви.

Высказываю вам сии простые, общеизвестные истины, не как не ведущим, но как знающим, с полной надеждою, что с улучшением внешнего вашего положения, вы усугубите труды и ревность свою к делу приготовления благопотребных деятелей для Церкви Божией.

Обращаюсь к вам, дети. Счастливы вы, что живете в то время, когда на вас обращены заботы и попечения и высшего правительства, и ближайшего начальства. Спросите отцов своих, заботились ли о них, когда они были в вашем положении, столько, сколько теперь заботятся о вас?... Не платите же за такую заботливость черною неблагодарностью. Время воспитания, – то же, что время сеяния, а известная истина – что посеет человек, то и пожнет. Не теряйте же даром драгоценного времени, чтобы после не раскаиваться бесплодно. Вы готовитесь быть светильниками для других, и без сомнения, каждый из вас выйдет отсюда не таким темным, каким вступил сюда. Но этого мало: твердо помните, что не всякий светильник хорош. Если светильник только дымить и трещит, плывет и нагорает, то лучше, когда бы он и совсем не светил: он может только портить зрение. *Яже свыше премудрость первее убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и не лицемерна.* (Иак.3:17), говорит св. Апостол. Напечатлейте твердо сии свойства истинной премудрости и в уме, и в сердце своем. Тогда, и только тогда можно надеяться, что вы будете благопотребными деятелями, на каком бы поприще ни привел Господь совершать вам служение ваше.

III. Речь при открытии Нижегородского Епархиального детского приюта при Епархиальном женском училище

Принесши благодарение Господу Богу, от Коего нисходит свыше всякое даяние благое и всяк дар совершенный, и Пречистой Матери Его, всегдашней усердной Заступнице и Покровительнице сырых и несчастных, за открытие нового рассадника призрения и воспитания детей – сирот, приветствую достопочтенное собрание и в особенности вас, отцы и братие, с сим по истине благодетельным учреждением.

Не обинуясь называю учреждение сие благодетельным. Ибо – что такое дитя-сирота? Это неоперившийся птенец, преждевременно выпавший из родного гнезда, и потому, обреченный на голод и холод, и все невзгоды жизни. Есть, правда, и у сироты родное гнездо: это могила родителей; но холодна могила, не согреет она живительною теплотой сердца дитяти, какими бы горячими и обильными слезами не обливал он ее; но безмолвна могила, не ответить она родным приветом на самые крепкие вопли дитяти; но безжизненна могила, не волеет она отрады и успокоения в растерзанное сердце сироты, с какою бы горячностью ни обнимал он ее. И, по неволе, отойдет от нее несчастный с тем же томлением в душе и с тою же тоской в сердце, с какими пришел. Предоставьте такого сироту самому себе: что выйдет из него? Оставленный всеми, будет расти он, как заброшенное поле, загloxнут в нем, без разумного руководства отца, слабые ростки всего высокого и благородного, очерствеет в нем, без сердечной любви матери, чувство ко всему доброму и святому, зарастут на нем одни волчцы и терние и вырастет он бесполезным членом общества. И если бы только бесполезным!... Горький опыт свидетельствует, что нередко становится таковой бичом общества, пренебрегшего в свое время его воспитанием и образованием. Не видя с малых лет ни в ком родственного участия к себе, он сам привыкает смотреть безучастно на других, вместо того, чтобы видеть во всех братьев своих, смотрит на всех, как на врагов и притеснителей, вместо

чувства любви и благорасположенности, воспитывает в себе чувство зависти, злобы и мести. Расспросите с искренним участием тех, которых общественная правда и общественная безопасность вынуждаются заключать в темницы под крепкие запоры, каким путем дошли они до такого несчастного состояния, и откроется, что едва ли не бóльшая часть из них дошла до сего вследствие преждевременного сиротства и пренебрежения, в котором были они в годах своего детства и юности. Вот почему Господь наш Иисус Христос так трогательно и убедительно внушал всем заботливость и попечительность о детях: *оставите детей приходить ко Мне, таковых бо есть царствие Божие*, вот почему с такою страшною угрозою предостерегал всех от всякого невнимания к ним и соблазна: *блюдите, да не презрите единого от малых сих; иже аще соблазнит единого от малых сих, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его и потонет в пучине морстей*.

Если таково вообще положение детей-сирот (а оно действительно таково), то едва ли не безотраднее еще положение сирот духовного происхождения? Невольно припоминаются при сем слова Христа Спасителя, сказанные Им о Себе самом, но которые без преувеличения могут быть приложены и к сиротам духовным: «лиси язвины имут и птицы небесные гнезда, Сын же Человеческий не имать, где главы подклонити». Умирает отец семейства, и окружающие одр его малосмысленные и вовсе несмысленные малютки остаются в большинстве случаев не только без необходимых средств для своего воспитания и образования, но нередко и без крова, без необходимого пропитания, с первых дней смерти отца обреченные на холод и голод, и все невзгоды житейские. Живое сознание такого жалкого, безотрадного положения детей, коротко знакомая мне по многим опытам, давно еще возбуждало во мне желание устроить заведение, подобное настоящему. Господь не судил мне видеть осуществление этого желания на прежнем месте служения моего. Но благословляю и благодарю Господа, благопоспешившего, сверх ожидания, скоро исполнить здесь давнее желание сердца моего. Да будут благословенны пред Господом Богом все, споспешествовавшие сему учреждению

своими благотворениями, личным усердием и трудом, и своим сочувствием ему. Да исполнятся над ними неложные слова Божии: *буди сиру яко отец, и будеши сын Вышняго.*

Тех, кому вверяется ближайшее наблюдение и заботливость о воспитании и образовании детей, прошу и молю помнить одно: вы заступаете для детей место родителей; позаботьтесь же воспитать в сердце своем искреннюю любовь к ним, так, как бы они были собственные ваши дети. При этом условии можно надеяться, что новое учреждение сие принесет, при помощи Божьей, в свое время добрые плоды. Но да сохранит вас Господь от искусительной мысли заменить искреннюю любовь к детям искусственными поддельными ласками к ним. Эти дети, теперь еще малосмысленные, лучше взрослых умеют отличать искреннее чувство от поддельного, истинную любовь от лицемерной, потому что воспринимают и усваивают все не столько умом, сколько сердцем.

Обращаюсь к вам, дети. Вы и при малосмысленности своей не можете не чувствовать той заботливости, какою окружают вас здесь. Доселе многие из вас, если не все, жили в холоде и голоде, в нечистоте и неопрятности, и, конечно, ни один из вас не жил в таком доме, в каком живет теперь, а об образовании вашем едва ли кто и помышлял. Здесь вы не будете терпеть ничего этого; все нужное для вашего развития, как телесного, так и душевного, будет доставляться вам без всяких забот с вашей стороны. Не будьте же невнимательны к такой заботливости о вас; будьте детьми благонравными, послушными, внимательными к тем урокам и наставлениям, которые будут преподаваться здесь, и вы сделаетесь в свое время подпорою для бедных родных, и утешением для покровителей и воспитателей ваших.

Призываю на вас, дети – мальчики, благословение Господа нашего Иисуса Христа, так нежно любившего детей. В знамение сего благословения, примите от меня изображение святейшего лика Его; молитесь пред Ним с детскою простотой, и заботьтесь соделаться достойными Его небесного благословения. А вас, девочки, поручаю покрову Царицы неба и земли, усердной Заступницы всех сирых и несчастных; молитесь пред святым

ликом Ее, как умеете, но молитесь усердно. Она, лучше родной матери, и наставит, и утешит, и укрепит вас в трудные минуты жизни вашей.

II. Рыбинский В. О почитании св. мощей и других останков угодников Божиих (Святоотеческие наставления). // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 2. С. 629–632

Мы верим, что тела святых и останки блаженных мучеников должно почитать, как члены Христовы, а кто мыслит иначе, того почитаем не христианином (Геннадий Массов., de dogmat. eccles. с. 40). Мы воздаем честь останкам мучеников, чтобы этим самым почтить Того, чьи мученики. Мы воздаем честь рабам, чтобы эту честь распространить на Господа, Который говорит (Мф.10:40): иже вас приемлет, Мене приемлет (бл. Иеронима, письмо к Рипарию).

Ты скажешь мне: зачем почитаешь плоть (мучеников) истлевшую и разрушенную, о которой Бог не имеет уже никакого попечения? – Но что, возлюбленные, сказано Самою Истиною чрез пророка, говорящего: *честна пред Господом смерть преподобных Его* (Пс.115:6), и еще: *мне же зело честни быша друзья Твои, Боже* (Пс.138:17)? Мы должны почитать рабов, тем более – друзей Божиих, о которых говорится: *хранит Господь вся кости их, ни едина от них сокрушится* (Пс.33:21). Посему в плоти мученика я почитаю язвы, приятые за имя Христово, почитаю память живущего бессмертием добродетели, почитаю исповеданием Господним освященную персть, почитаю в персти семена вечности, почитаю тело, учащее меня любить Господа и не бояться смерти за Него. И как верные могут не почитать то тело, которого боятся и демоны, которое и довели они до казни, но которое прославляю во гробе? Итак, я почитаю то тело, которое почтил Христос мученичеством, которое имеет царствовать со Христом на небе (Св. Амвросий, serm. 55).

Если соблазняет тебя, что ради любви мучеников к Богу и за их постоянство чествуется нами прах мученических тех, то спроси тех, которые получили от них исцеление, и дознай, в каких страданиях подают они врачевание. Тогда не только не будешь смеяться над тем, что делается, но, конечно, и сам поревнуешь исполняемому (Исидор Пелус, кн. 1, п. 55) Вы

узнали и даже сами видели многих, освободившихся от демонов, а еще больше таких, которые лишь только касались одежды святых руками, тотчас исцелялись от своих немощей. Возобновлялись чудеса древнего времени с тех пор, как чрез пришествие Господа Иисуса Христа излилась на землю благодать обильнейшая: вы видите многих, исцелившихся как бы некоторою тенью святых. Сколько убрuscев передается из рук в руки! Сколько одежд, которые были возлагаемы на священнейшие останки и от одного прикосновения соделались целебными, испрашивают (верующие) друг у друга! Все стараются хотя прикоснуться, и тот, кто прикоснулся, здоров бывает (св. Амвросий, epist. 22). Владыка Христос даровал нам мощи святых, как спасительные источники, которые источают многообразный благоденствия, и изливают миро благовонное, и в сем никто не должен сомневаться. Если по воле Божией истекла вода в пустыне из крепкого и твердого камня, а для жаждущего Сампсона из челюсти ослиной (Суд.15:17–19), то ужели невероятно, что истекает миро благовонное из мученических мощей? Напротив, сие несомненно для знающих могущество Божие и то, какой чести удостаивает Он святых (Св. Иоанна Дамаскина, Точное излож. прав. веры. 4, 15).

Не смотри на то, что лежит пред тобою нагое тело мученика, лишенное душевной деятельности, а смотри на то, что в нем присутствует иная сила, высшая самой души, благодать Святаго Духа, которая своими чудотворениями удостоверяет всех в истине воскресения. Ибо если мертвым и обратившимся в прах телам Бог сообщил силу большую, нежели у всех живых, то тем более Он даст им жизнь, лучшую прежней и блаженнейшую в день раздаяния венцов (св. Иоанна Златоуста, беседа в память св. Вавилы).

Будем же постоянно приходить к святым мученикам, прикасаться к гробницам их и с верою обнимать их останки, дабы получить от них некоторое благословение. Может, поистине может приходящей сюда с верою получить великие блага. Ибо не только тела, но и самые гробницы святых исполнены духовной благодати. Если с Елисеем случилось, что мертвый, прикоснувшись к гробнице его, расторг узы смерти и снова

возвратился к жизни, то гораздо более ныне, при обильнейшей благодати и большем действии Духа, прикасающийся к этой гробнице с верою может получить от ней великую силу. Бог для того и оставил нам мощи святых, чтобы расположить нас к подобной же ревности и дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас. Посему убеждаю всех вас, находится ли кто в унынии, или в болезнях, или в скорбях, или в каком-нибудь другом житейском несчастье, или в глубине грехов, пусть с верою приходит сюда, и он избавится от всего этого и возвратится с великою радостью, получив облегчение совести от одного даже взгляда (на сии мощи). Или лучше не одним только находящимся в несчастьях необходимо приходить сюда, но хотя бы кто находился в счастье, в славе, во власти, или имел великое дерзновение пред Богом, и тот пусть не пренебрегает этою пользою. Ибо он, пришедши сюда и увидев святого, сделает свои блага не преходящими, научив душу свою смирению и не допустив совести своей превозноситься своими делами. (Св. Иоанн. Злат., похвал, слово свящ. Игнатию).

В. Рыбинский

III. Капралов И. свящ. Православное противосектантское объяснение // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 2. С. 632–634

а) Еван. Мф.18:19–20

Наши сектанты: духоборцы, молокане, баптисты, штундисты, хлысты и скопцы, когда заходит речь о Церкви, часто ссылаются на вышеупомянутые стихи из Евангелия от Матфея, в подтверждение той мысли, что они составляют истинную Церковь. Христос, говорят они, ясно сказал, что, где двое или трое собраны во имя Его, там и Он, и что, чего бы ни попросили собравшиеся во имя Его, будет им от Отца Небесного.

Спрашивается, к кому относятся эти слова Спасителя? Все ли собирающиеся во имя Господа Иисуса могут быть уверены, что Христос среди них? Нет, как это ясно видно из 21–23 стихов 7-й главы Евангелия от Матвея. Здесь мы читаем: *не всякий говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день (день Стратного Суда): Господи, Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многия чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; от Меня делающие беззаконие.* Из этих слов Господа очевидно, что не только людям, собравшимся во имя Его, но и некоторым пророчествовавшим и даже творившим именем Его многие и разнообразные чудеса Он скажет в день страшного суда: *Я никогда не знал вас; отойдите от Меня. Почему? Потому что вы не исполняли воли Отца Моего небесного (Мф.7:21) и, хотя причисляли себя к приходящим ко Мне и слушающим слова Мои, но не исполняли того, что Я говорил (Лк.6:46–47).* Значит, чтобы Господь Иисус Христос принял собравшихся во имя Его за Своих последователей и был среди них, требуется не одно условие – «собраться во имя Его», но еще, чтобы собравшиеся принадлежали к числу исполняющих слова Его, – конечно, все слова, а не некоторые только из них. А если всё, то значить, и следующие, записанные Евангелистом Иоанном: *пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама с собою, если не будешь на лозе; так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, и вы – ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете*

делать ничего; кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и брисают в огонь, и они сгорают; если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будешь дано вам (15:4–7).

Эти слова Господа Иисуса указывать нам еще на новое условие, исполнение которого требуется от собирающихся во имя Его, если они желают, чтобы Христос был среди них, и исполнял их прошение Отец небесный. Условие это – пребывание во Христе, тесное внутреннее единение с Ним.

Таким образом, сопоставляя слова Господа Иисуса, записанный в 19–20 стихах 18-й главы Евангелия от Матфея с Его же словами в том Евангелии, в 21–23 стихах 7 главы и с только что прочитанными словами из Евангелия от Иоанна и, дополняя первые последними, мы получим следующее: «истинно говорю вам, что если двое из вас, осуществляющих в жизни своей учение Мое и пребывающих в духовном внутреннем единении со Мною, согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы (конечно угодного Богу и полезного просящим, притом если сами просящие достойны того) они ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного; ибо где двое или трое *таких* собраны во имя Мое, там Я среди них». Теперь вопрос: где и каким путем можно достигнуть внутреннего единения со Христом? Ответ на этот вопрос дает св. апостол Павел. Христос, по его словам: (Еф.1:22–23; Кол.1:18; 1Кор.12), есть Глава Церкви, Церковь есть тело Его. Все истинно верующие, взятые вместе, составляют это тело, и каждый порознь является членом этого тела. Как члены человеческого тела находятся в самой тесной внутренней связи с телом, так и члены тела Христова Церкви пребывают во внутреннем единении с Главою – Христом. Как члены человеческого тела живут и действуют до тех пор, пока они не отделены от тела, так и истинно верующие во Христа до тех пор могут иметь надежду на спасение и жизнь вечную, пока пребывают членами тела Христова, членами Церкви Его. Как для члена обыкновенного человеческого тела отделение от этого тела равносильно смерти, так и для христианина отделение от

Тела Христова – Церкви равносильно духовной смерти и потери надежды на спасение.

Итак, быть в единении со Христом возможно под неременным условием постоянной принадлежности к Церкви, основанной Христом, единой, святой, соборной и апостольской. И только, значит, к членам такой Церкви и приложимы слова Спасителя: *истинно говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небеснаго; ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.*

б) 2Кор.6:16

Кроме 19–20 стихов 18 главы евангелия от Матфея, упомянутые раньше сектанты наши любят ссылаться еще на 16 ст. 6 главы второго послания к Коринфянам в подтверждение той же мысли, т.е. что они составляют из себя истинную церковь Христову. *Вы, пишет апостол Павел, храм Бога Живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом (2Кор.6:16).* Значит, заключают отсюда сектанты, мы, как христиане, составляем из себя храм Самого Бога, Он вселился в нас, согласно слову Пророка, постоянно живет в нас и, следовательно, непосредственно руководит нами. Причем же тут принадлежность к православной именно Церкви.

Попытаемся решить вопрос, кого нужно разуметь в словах апостола Павла под «вы». И прежде всего, приложимо ли данное место к отдельному лицу, т.е. может ли каждый христианин, взятый в отдельности, сказать о себе, что он храм Бога Живаго, что в нем обитает Бог? Апостол Павел в первом послании своем к Коринфянам пишет: «если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо *храм Божий свят*; а этот храм – вы» (1Кор.3:17). Итак, храм Божий свят. Заметим это. А что говорит Писание о человеке? Нет *человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил*, пишет премудрый Соломон (Еккл.7:20). Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас, читаем в первом послании ап. Иоанна (1:8). Таким образом, храм Божий, о котором наша речь, *свят*, а каждый человек – грешен. Значит, относить рассматриваемое нами место к каждому христианину в отдельности, как это делают сектанты, нельзя. А потому под «вы» в словах апостола Павла необходимо разуметь целое общество христиан. Но какое общество? Всякое ли безразлично, лишь бы оно состояло из христиан, или же одно только, определенное? Вполне точный и ясный ответ на этот вопрос мы получим, если обратим наше внимание на параллельные рассматриваемым словам места Св. Писания. Приведем некоторые из них. Св. апостол Петр в первом послании своем

пишет: «сами (христиане) как живые камни, *устройте из себя дом духовный*, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприяты Богу, Иисусом Христом, ибо сказано в Писании: *вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится*» (1Пет.2:5–6). У апостола Павла в первом послании к Коринфянам читаем: *мы соработники у Бога, а вы – Божия нива, Божие строение. Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание..., никто не может положить основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?* (1Кор.3:9–11, 16). И в другом месте: «вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом». (Еф.2:19–22). Таким образом, храм Божий в основании своем имеет краеугольный, избранный, драгоценный камень – Иисуса Христа; строителями его являются св. апостолы; живыми камнями, из которого слагается он, верующие, которые дерзновение и упование твердо сохраняют до конца (Евр.3:6). Теперь ясно, кого понимает апостол Павел, когда говорит: «вы храм Бога живаго...». Храм Бога живаго – это общество истинно верующих, основание которому положено Самим Иисусом Христом, и устройство дано апостолами Его.

В праве ли, спросим мы теперь, хоть одно из существующих ныне наших сектантских обществ сказать о себе, что основал его Сам Иисус Христос, и устройство дано ему св. апостолами? Могут ли, напр., сказать это о себе наши скопцы, духоборцы, молокане, явившиеся в XVIII столетии или штундисты, община которых основана только в настоящем столетии? Конечно, нет, а если нет, то ясно, что слова апостола Павла: «вы храм Бога Живаго»... к ним ни в каком случае не приложимы.

Все признаки, которыми охарактеризован в Св. Писании духовный храм Божий, мы находим в одном только христианском обществе. Общество это – Православная Греко-Российская

Церковь, и потому к ней одной только и могут быть отнесены слова Апостола: *вы храм Бога: вселюсь в них и буду ходить в них: и буду их Богом, и они будут Моим народом.*

Свящ. И. Капралов

IV. Троицкий И., свящ. Основания учения Правосл. Церкви об источниках христианского вероучения¹³¹ (о Св. Писании и Св. Предании). // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 2. С. 636–648

Все мы признаем, что без веры никто не может спастись. «Верую же мы называем правое понятие наше о Боге и о предметах Божественных. Споспешествуемая любовью, или, что все равно, исполнением заповедей (Гал.5:6), вера оправдывает нас чрез Христа» (Посл. вост. патр. 9). Святая, соборная, Апостольская, православная Церковь исповедует, что все учение нашей православной веры открыто для нашего спасения Самим Богом. Спасительное для всех людей откровение Свое Господь в Ветхом Завете в виде начатков учения о вере возвещал чрез особых избранных – провозвестников Откровения (Адама, Ноя, Авраама, Моисея и других пророков); в Новом Завете чрез Сына Божия Господа Иисуса Христа, сообщившего в полноте и совершенстве спасительную для нас волю Божию святым апостолам, которые, учение Христово проповедали во всей вселенной. «Бог, – пишет св. ап. Павел в начале послания к евреям, – многократно и многообразно говоривший издревле отцам во пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил» (Евр.1:1). Тот же Апостол в пос., к Коринфянам пишет: «(мы) проповедуем премудрость Божию тайную, сокровенную, которую Бог предназначил прежде веков к славе нашей, которой из властей века сего никто не познал. А нам Бог открыл Духом Святым: ибо Дух все проникает и глубины Божии» (1Кор.2:7, 8, 10). Первоначальным и более постоянным способом сообщения Богооткровенных истин было устное возвещение их, а способом сохранения их – предание, т.е. передача их предками потомкам. Так об Аврааме, – провозвестнике Бож. Откровения, – Сам Бог говорил: «Я избрал его, чтобы он заповедал сынам своим после себя ходить путем Господним, творя правду и суд» (Быт.18:19). Боговидец-пророк Моисей, для более точного сохранения Божественного Откровения, положим начало Свящ. Писанию.

Однако Св. Пророк в своих свящ. книгах записал только часть божественного откровения, бывшего до него в течение почти 4.000 л. и сохраняемого в предании. А потому, давая евреям писанный Закон Божий или Свящ. Писание, он вместе с тем повелел им соблюдать и Закон Божий, из рода в род устно-передаваемый, т.е. Свящ. Предание, сказавши: «вспомни дни древние, помяни о деяниях прежних родов, спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе» (Втор.32:7). Все прочее после Моисея Боговдохновенные писатели свящ. ветхозаветных книг, так же, как и Моисей, в Свящ. Писании заключали только часть Бож. Откровения, но не все полностью. А если так, то свящ. Предание, несомненно, наряду с свят. Писанием имело значение руководства в вере для евреев во все дни ветхого завета, что подтверждается словами молитвы псалмопевца Давида: «Боже!», взывал он, «мы слышали ушами своими, отцы наши возвестили нам дело, какое Ты соделал во дни древние» (Пс.43:2).

В Новом Завете Божественное Откровение возвещалось, сохранялось и сохраняется точно так же, как и в Ветхом Завете, т.е. на первых порах оно возвещалось устно и сохранялось исключительно в свящ. Предании, а потом распространялось и распространяется доныне чрез Свящ. Писание и свящ. Предание совместно.

Сам Божественный Учитель, Иисус Христос волю Божию передавал и народу, и ученикам Своим только устно (Ин.18:20, 21). Апостолы в начале учили вере тоже посредством устной проповеди. «Вера от слуха», говорит св. ап. Павел (Рим.10:14). В первый раз в Новом Завете появилось свящ. Писание на 8 году по вознесении Господнем. К этому времени св. ап. Матфей пред отправлением на проповедь вне Иудеи, написал на еврейском (Сиро-Халдейском) наречии Евангелие для христиан из иудеев. К Евангелию Матфея присоединили Марк и Лука. Евангелие, или спасительная повесть о жизни и учении Господа нашего Иисуса Христа, по свидетельству евангелиста Луки, написано *по преданию*: «как передали то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова» (Лк.1:2). В конце 1-го века написал Евангелие св. ап. Иоанн Богослов. Он имел у себя

Евангелие Матфея, Марка и Луки, и написал свое Евангелие как бы в восполнение первых трех. Но и он вот как заканчивает свое Евангелие: «Много и других чудес сотворил Иисус пред учениками Своими, о которых не написано в книге сей». «Многое другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому міру не вместить бы написанных книг» (20:30; 21:25).

Значит, много событий из земной жизни Спасителя, многое из Его учения не вошло в Евангелие. Но, может быть, в других свящ. книгах Нового Завета восполнен пропуск Евангелий? Конечно, восполнен, как, например, в книге Деяний св. Апостолов записано изречение Господне, не встречающееся в Евангелии: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян.20:35); но как могли апостолы – не Евангелисты записать все об Иисусе Христе, когда «и самому міру не вместить бы написанных о сем книг?». Притом же Свящ. Писание Апостолов – не евангелистов, так называемые, послания, проще – письма к христианским церквам, основанным ими, как можно видеть из содержания посланий, составлялись не с целого восполнения пропусков Евангелия, а с целью заменить свое присутствие, за невозможностью личного посещения той или другой из частных церквей, которые нуждались или в разрешении возникшего сомнения или недоумения, или искоренении заблуждения, или просто в христианском слове утешения, увещания и обличения. Иногда же апостолы писали послания с целью поблагодарить христиан за заботы об их нуждах, или с целью предупредить верующих о своем приходе. Ясно, что в таких посланиях не только не могло быть изложено полностью учение Христово, но не вошла в них и вся апостольская проповедь. Для наглядности приводим в пример послание к Ефессянам. Состоит оно все из шести небольших глав. А из книги Деяний св. Апостолов известно, что в Ефесе ап. Павел «три года день и ночь непрестанно учил каждого» из пресвитеров (20:21), и «не упускал возвещать» им «всю волю Божию» (– 27 ст.). Ужели же в шести главах может быть изложена «вся воля Божия», в течение трех лет возвещаемая Апостолом?... В посланиях св. апостолов по местам встречаются, напр., такие выражения: «многое имел

писать вам, но не хочу на бумаге, а надеюсь прийти к вам и говорить устами к устам» (2Ин.12; ср. 3Ин.13:14), или: «прочее устрою, когда приду» (1Кор.11:34). Такие и подобные выражения могут ли иметь какой-либо смысл, как опять не тот, что в посланиях св. апостолов не изложено полностью все учение Христово, устно возвещенное св. апостолами?! Спрашивается, где же сохранилось полностью и в подробностях спасительное для нас учение Христово? Истинный ответ один: в священном Предании.

Итак, Божественное Откровение все заключено в двух источниках; в Свящ. Писании и в свящ. Предании. Свящ. Писанием мы называем Слово Божие, заключенное в письмени св. богодухновенными мужами – пророками и апостолами; а свящ. Преданием – Слово Божие, не заключенное в письмена самими богодухновенными писателями, а устно преданное христианам той или другой церкви и впоследствии записанное. На оба эти источники Богооткровенного учения указывает христианам св. апостол Павел, говоря: «братия, стойте и держите предания, которым вы научены или *словом*, или *посланием* нашим» (2Сол.2:15). Эта заповедь ап. Павла о соблюдении преданий дается христианам тогда, когда они уже имели Свящ. Писание, так как она изложена во 2-м послании к Фессалоникийцам. Апостол обращает внимание Солунских (Фессалоник.) христиан на свои предания, т.е. на все то, чему они научились от него, как учителя веры. Он различает два вида своих преданий: письменное (Свящ. Писание) и устное (Свящ. Предание – предание в собств. смысле). То и другое – свящ. Писание и свящ. Предание Апостол заповедует христианам соблюдать одинаково, с равным уважением и постоянством, не оставляя ни того, ни другого источника спасительного учения, а содержа их вместе.

Божественное Откровение, заключенное в свящ. Писании и свящ. Предании, по воле Божией, должна хранить и истолковывать Церковь. «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1Тим.3:15), пишет ап. Павел. «Церковь Бога живого» – это значит, что Господь всегда пребывает в истинной Церкви. Господь, всегда пребывает в истинной Церкви.

Господь, всегда пребывающий в Церкви, ниспослал и ниспосылает Церкви Духа Святого, Духа истины, Который научает Церковь всему необходимому для спасения людей и напоминает Церкви все, что говорил Иисус Христос своим ученикам (Ин.14:16,17,26). А потому Церковь, всегда зная и неопустительно возвещая волю Божию, является непоколебимым основанием и неизменной охранительницей Богооткровенной истины, «столпом и утверждением истины», по вышеприведенному изречению св. ап. Павла. Орудиями или органами Церкви, как хранительницы и правозвестницы Богооткровенной истины, служат пастыри Церкви по преимуществу, так как для того они и поставлены, чтобы «пасти Церковь» (Деян.20:28), или как говорит ап. Павел в послании к Ефессянам, что пастыри и учителя Богом поставлены в Церкви «к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф.4:12,13). Из пастырей обязанность хранения и истолкования Богооткр. истины पहले всего лежит на Епископах, как преемниках свят. апостолов, в лице которых и изречено им обетование Господне: «се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.28:20).

Руководимая Духом Святым Церковь Христова для сохранения в целости и без повреждений свящ. Писания заключила его в один состав – Библию. Определяя и выражая христианское вероучение на основании свящ. Писания, Церковь берет всю Библию, т.е. и Ветхий и Новый заветы. О Ветх. Завете Сам Спаситель так сказал: «не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф.5:17), и еще: «всякий книжник, наученный царству небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей и новое, и старое» (Мф.13:52). А святой ап. Павел решительно говорит: «все Писание... полезно для научения, для исправления, для наставления в праведности» (2Тим.3:16). В христианское вероучение не вошли, как обязательные к исполнению, только те ветхозаветные установления, которые имели временное или прообразовательное значение. Напр.,

ветхозаветный закон об обрезании в христианском вероучении заменен законом о крещении (Деян.15:24; ср. Кол.2:11,12); древний закон о кровавых жертвах заменен законом о жертве бескровной, т.е о таинстве причащения (Евр.10:4–12; 1Кор.11:26) и т.п.

А для сохранения свящ. Предания без повреждений Церковь на первых порах строго держалась апостольского правила Тимофею: «что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научать» (2Тим.2:2). Такими верными людьми были прежде всего ученики самих апостолов, так называемые мужи апостольские и ученики мужей апостольских. За сохранение свящ. Предания во 2-м веке говорит и та крайняя нужда в нем, которую ощущали верующие тогда, так как писания апостолов еще не были общеизвестны. Помня похвалу ап. Павла в послании к Коринфянам: «хваляю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я предал вам» (1Кор.11:1), и сами христиане тогда имели особенно ревностную приверженность к устно-преданному апостолами учению. Вскоре же, еще при жизни некоторых мужей апостольских, свящ. Предание начало заключаться в письменность. Являются собиратели свящ. предания, каковыми были: Папий Иерапольский, муж апостольский, Егезипп, Пантен, Климент Александрийский, Евсевий Памфил и др. Таким образом, к 4 веку были составлены следующие письменные памятники свящ. Предания: 1) древние символы веры, или краткие вероизложения, вошедшие в состав Никео-Цареградского символа веры; 2) правила св. Апостолов; 3) древние литургии, из коих одна написана Иаковом, братом Господним, первым Иерусалимским Епископом; 4) творения мужей апостольских; 5) древние акты о христианских мучениках; 6) древние церковные истории, из коих особенно замечательна история Евсевия Памфила, воспользовавшегося древнейшими и достовернейшими документами. С 4 века в церкви начались вселенские соборы, почти одновременно с которыми идут и поместные соборы. Отцы Церкви на этих соборах, при разрешении вопросов веры и жизни, руководствовались главным образом свящ. Преданием и изложили его в своих

постановлениях. «Храним не нововводно, говорили отцы 7 всел. собора, все Писанием или без Писания установленные церковные предания» (Ср. 37 ап. пр.). Постановления вселенских и поместных соборов являются таким образом (седьмым по счету) также письменным памятником свящ. Предания. Вместе с этим отцы Церкви периода вселенских соборов излагают в своих творениях правую веру, как она передана Иисусом Христом чрез свят. Апостолов. Таковы: изложение веры Афанасия Александрийского, катехизис Кирилла Иерусалимского, богословие Иоанна Дамаскина и др. Во всех перечисленных письменных памятниках предания к священному Преданию отнесено: 1) предание собственно апостольское, 2) предание, сообразное и согласное с апостольским преданием, 3) предание, сообразное и согласное с свящ. Писанием, 4) предание, которого держалась вся Вселенская Церковь и которого в таком виде, в каком оно содержалось во Вселенской Церкви, нельзя было найти в свящ. Писании, 5) наконец, то предание, о котором единогласно свидетельствовали или все, или только многие отцы 3, 4 и 5 веков. Отцы и учителя этих веков основывались на свидетельствах древнейших учителей, сочинения которых тогда были еще целы, да и сами они были близки к Апостолам и выражали только то, что находили в Церкви. Такое-то предание, «не устранившее заповеди Божией» (Мф. 15:6), «не прибавляющее и не убавляющее апостольского благовествования» (Гал.1:8; Откр.22:18), «не имеющее печати человеческого вымысла» (Кор.2:8), по всей справедливости, есть правый источник Богопознания и жизни христианской, по достоинству равный Свящ. Писанию.

Из входящих в состав христианского вероучения истин одни подробно изложены на основании Свящ. Писания, другие же полностью раскрыты на основании свящ. Предания. Но и первые (подробно изложенные по Писанию) уясняются при помощи свящ. Предания, и вторые (полностью раскрытые по Преданию) имеют за себя указания в Свящ. Писании. Разъясним это примерами. Православное учение о таинстве причащения более или менее подробно изложено в свещ. Писании. В Евангелии мы

читаем: «когда они (апостолы на тайной вечере) ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил, и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть тело Мое. И взяв чашу, и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф.26:27, 28). «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк.22:19). Чтобы совершать таинство причащения по этой заповеди Самого Спасителя, без сомнения, должно знать, как Иисус Христос благословил хлеб, как его взял, преломил и подал ученикам, какое благодарение воздал Богу, подавая чашу. А ответов на такие вопросы в Свят. Писании нет. В Предании же сохранился весь чин литургии, той, которая и поднесь совершается в православной Церкви; указаны там и действия преломления хлеба и раздаяния его, приведены и слова благодарения Господа. Упомянем, в пример, еще о самом общем требовании православно-христианского вероучения, чтобы «уповающие на имя Господа нашего Иисуса Христа знаменались образом креста». Это правило о крестном знамении содержится по Преданию. Но в Евангелии мы читаем такие заповеди Божии: что попросите от Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне» (Ин.14:17; 15:16); «именем Моим будут изгонять бесов» (Мк.16:17). Не сказано здесь, как просить Бога в молитве «во имя Христово»: только-ли словами молитвы, или и еще как-либо иначе? Словами одной ли молитвы Господней или и другой какой? Или же словесную молитву должно особенным действием, которое изображало бы имя Христово? Свящ. Предание сохранило много молитв апостольского времени: оно же указало и на крестное знамение, современное Апостолам, как на имя Божие действием изображенное. Словами и крестным знамением мы и просим Бога, по заповеди Спасителя, «во имя» Его. «Именем Моим бесов будут изгонять». Опять – словесно ли произнесенным или действием изображенным именем Христовым, т.е. крестным знамением? Свящ. Предание передает многие рассказы о чудесах, совершенных в Церкви силою крестного знамения. Вообще заметим, что не только о крестном знамении, но о многих других обрядах православной Церкви, соблюдаемых, главным образом, «по преданию», в Свящ.

Писании имеются доказательства такого же рода, как и о крестном знамении.

Из приведенных примеров, думаем, достаточно видно, что Свящ. Писание и свящ. Предание в христианском вероучении взаимно пополняются одно другим. Свящ. Писание, как источник Богооткровенной веры, по самому свойству своему с необходимостью заставляет нас желать и другого, столь же Божественного пособия в важном деле изложения право-христианского вероучения. В самом деле, прежде, чем усвоить учение свящ. Писания, нам необходимо убедиться, что книги Свящ. Писания подлинны, т.е. написаны пророками и апостолами; что их столько, сколько в Библии, и что они Боговдохновенны, т.е. написаны пророками и апостолами по вдохновению от Духа Святаго. Но доказательства подлинности свящ. книг в Свящ. Писании весьма редки, а число книг и совсем не указано в Свящ. Писании. Свидетельства же свящ. Писания о Боговдохновенности – не довольно ясны и определены, – касаются или одного Ветхого Завета (исполнившиеся в новом Зав. ветхозаветные пророчества и прообразования), или некоторых книг или даже частных мест той или другой книги. Правда есть во втором послании ап. Павла к Тимофею такое выражение: «все Писание Боговдохновенно» (– 3:16); но это выражение имеет отношение только к книгам Ветхого Завета и к тем из новозаветных, которые появились и известны были Тимофею до написания второго к нему послания св. ап. Павла. Притом, если бы подлинность и Боговдохновенность свящ. книг и могла быть обоснована на Свящ. Писании, то едва ли были бы убедительны для всех свидетельства Свящ. Писания о самом себе. Что же? положиться ли в этом случае на так называемые исторические свидетельства? Но кто не знает, что в свидетельствах этого рода истина нередко стоит рядом с не истиной, иногда такие свидетельства взаимно не согласны, а иногда и прямо противоречивы. На основании исторических свидетельств можно только с большею или меньшею основательностью и близостью к истине решить вопросы о подлинности, числе и Боговдохновенности Свящ. Писания, но решить так, чтобы совсем не оставалось места сомнениям и

пререканиям – нельзя. Очевидно, для указанных вопросов, касающихся Свящ. Писания, нужно свидетельство Божественное, непререкаемое, по достоинству равнозначущее Свящ. Писанию. Этим свидетельством Божественным и является священное Предание, которое дает несомненные указания на пророков и апостолов, как писателей свящ. книг; оно уже непререкаемо удостоверяет, что подлинных священных книг – 22 в Ветх. Завете и 27 – в Новом Завете, и что все 49 книг Свящ. Писания написаны по внушению Духа Святаго.

Таковым же божественным свидетельством свящ. Предание является и при изъяснении Свящ. Писания. Когда мы читаем свящ. Писание, нам необходимо находить в нем везде истинный смысл. Между тем в некоторых свящ. книгах, как напр., в посланиях св. ап. Павла, по свидетельству ап. Петра, «есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные к собственной гибели превращают, как и прочие Писания» (2Пет.3:16). Извращение Свящ. Писания в данном случае произошло вследствие того, что читатели посланий св. ап. Павла думали истолковать их сами, своим умом. Но если предоставить одному уму объяснение Писания в данном случае произошло вследствие того, что читатели посланий св. ап. Павла думали истолковать их сами, своим умом. Но если представить одному уму объяснение Писания, то было бы столько же толкований, сколько есть отдельных умов. Да и ум одного человека изменяется, что сегодня признавал, то потом отрицает. Посему-то ап. Петр дает такую заповедь: «никакого пророчества в Писании нельзя разрешать самому собою» (2Пет.1:20). Нельзя признать единственным руководителем изъяснения Свящ. Писания самого Писания, т.е. темные и малопонятные изречения объяснить ясными и удобопонятными. Ясность и темнота – не для всех одинаковы: что одному кажется понятным, другому совершенно не понятно. Тут очевидно, началом объяснения Свящ. Писания будет опять ум человеческий, на который полагаться нельзя. Конечно, читая свящ. Писания, должно сопоставлять одно изречение с другим, на основании так называемых мест параллельных, т.е. сходных по мысли и по изложению мысли. С помощью параллельных

мест смысл некоторых мест Свящ. Писания до некоторой степени уясняется, но только некоторых...

Остается ли надеяться на внутреннее озарение от Свят. Духа при чтении Свящ. Писания? Да, озарение от Св. Духа самое лучшее начало при изъяснении Свящ. Писания. Но действия Духа Святаго таинственны и сокровенны. А потому, для предотвращения обманов здесь возможно было бы одно, чтобы выдающие себя за сподобившихся озарения от Св. Духа, свои слова сопровождали чудесами. Где этого нет, там остается место сомнениям. Да и в праве ли требовать и ожидать озарения от Св. Духа всякий из нас и притом каждый раз, как возьмется за чтение Библии, когда Сам Дух Святый разделяет Свои дары, «как Ему угодно»? (1Кор.12:11). Если же нельзя изъяснять Свящ. Писания ни одним умом, ни самим свящ. Писанием, а озарения от Св. Духа при этом мы не в праве требовать, то где же найти надежнейшее пособие при изъяснении Свящ. Писания? Прав. Церковь признает таким пособием свящ. Предание. Правильное понимание свящ. Писания, бывшее при апостолах, сохранилось в творениях вселенских отцов и учителей Церкви. К творениям сих святых отцов и должно обращаться, читая свящ. книги. По заповеди св. апостола Павла Титу: «Епископ должен быть... держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать» (Тит.1:7,9). Согласно этой заповеди, издревле в православной Церкви пастырями избираются muži «сведущие в Свящ. Писании», вполне ознакомленные с святоотеческими толкованиями его. К ним-то и должно обращаться всякому православному христианину за указанием истинного смысла Св. Писания. Живой на веки пример этого дается нам в кн. Деяний св. Апостолов. Св. апостол Филипп однажды встретил знатного вельможу Ефиоплянина, читающего книгу пророка Исаии. «Разумеешь ли, что читаешь?», спросил Апостол. «Как могу разуместь, если кто не наставит меня?», отвечал вельможа. Да послужит этот пример указанием истинного пути к разумению Свящ. Писания всем тем, кто жаждет почерпнуть истину из Свящ. Писания!

Речь об источниках христианского вероучения закончим выводами из сказанного.

1) Христианское православное вероучение почерпается из Божественного Откровения.

2) Божественное Откровение заключено в двух, равных по достоинству и значению, источниках: в Священ. Писании и в Свящ. Предании.

3) Свящ. Писание и Свещ. Предание неизменно сохранились в истинной Церкви Христовой.

4) Православная Церковь в основание христианского вероучения полагает: а) все Свящ. Писание, т.е. Ветхий и Новый Завет, и б) свящ. апостольское Предание, полностью раскрытое, определенно выраженное и точно объясненное на 7-ми вселенских и 9-ти поместных соборах и в творениях св. Отцов.

5) В православном христианском вероучении Свящ. Писание и свящ. Предание пополняются одно другим.

6) Православная Церковь теперь, кань и всегда, на основании Свящ. Предания определяет подлинность, число и Боговдохновенность книг Свящ. Писания, и в свящ. Предании имеет надежнейшее руководство к правильному пониманию Свящ. Писания.

7) Кто ищет правого пути ко спасению, тот пусть обращается к пастырям и учителям православной Церкви и всегда пребывает в союзе с православною Церковью. Те общества и отдельные лица, которые не признали и не признают Свящ. Предания источником веры и христианской жизни для нас, православных христиан, по слову ап. Иуды, являются людьми, «отделяющими себя от единства веры» (19 ст.). Признавая Свящ. Писание единственным источником вероучения, общества эти на деле усвоили Свящ. Писание чисто служебное значение. Они не далеки бывают от того, чтобы отбросить весь Ветхий Завет, за исключением ветхозаветных изречений, цитируемых в новозаветном тексте, и признать один Новый Завет имеющим значение для христианина. Каждой книге Свящ. Писания Нов. Завета они придают особенное значение. В Евангелии ищут разъяснения относительно частных обязанностей христианина, в посланиях свят. Апостолов ищут основания для устройства своей

жизни, а к Апокалипсису (Откровение Иоанна Богослова) прибегают во всех тех случаях, когда не находят оправдания своему мудрованию в других свящ. Новозаветных книгах. А остались ли общества эти совсем без предания? Нет. Они или пользуются, сами не замечая, преданием нашей (православной) Церкви, конечно поврежденным, или преданием своим, идущим от их наставников, то в форме молитв, то в форме однообразных криво-толкований Свящ. Писания.

Но, заметим, предание краденое не обогатит их, ложное не спасет, поврежденное не исцелит, не благословенное православною Церковью не принесет им благословения Божия. Ясно, что в таких обществах Свящ. Писание повреждено; повреждена вместе с этим и та часть Божественного Откровения, которое вошло в содержание Свящ. Писания. А мы – православные отцы и учителя Церкви, – скажем словами св. апостола Павла – «не повреждаем Слова Божия, как многие; но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе» (2Кор.2:17).

священник И. Троицкий

**У. Ганицкий И., свящ. Правда о штунде.
(Стихотворение). // Миссионерское Обозрение, 1897,
Ноябрь, кн. 2. С. 648–650**

Со всем возможно примириться,
Со всяким горем можно жить,
Но веры истинной лишиться –
Пускай Господь нас сохранит!
Не жизнь, а ад без правой веры:
Душою люди мертвецы,
А нравом делаются звери
И богохульствуют, слепцы.
Примеров этому не мало
В штундистских сектах видим мы.
А их плодиться много стало
Среди невежества и тьмы.
В каком-то диком озлоблении,
Нося в душе вражды печать,
Над православием глумленье
Штундисты яростно творят.
Как будто Господом прокляты
Царит над ними мрак и тьма
И как Саул тоской объятый,
В конец лишаются ума.
Имеют очи и не видят,
И слух их извратился тож.
Святую правду ненавидят,
А любят пагубную ложь.
Настолько истина поправа
И до того слепцы дошли,
Что сумасшедшего Кондрата
Христом, безумные, сочли.
Один в припадке исступленья
Смутил рассудок до того,
Что был уверен в озареньи,
От Бога сшедшем на него,

И стал безумствовать по всюду:
«Исполнен силы Божьей я,
Живым на неба взять «де» буду,
Как был вознесен Илия».
Сошлись глупцы глядеть на диво,
Их страх и трепет одолел.
Пророк взошел на крышу живо,
Раздвинул руки, полетел...
Не вверх летел кудесник новый,
А шлепнулся о землю лбом,
Разбил лицо и нос до крови
И был отправлен в желтый дом.
Превозноситься самохвально –
У штунды резкая черта.
Нам не смешна, – для нас печальна
Такая ложь и слепота.
Одна злосчастная «сестрица»,
Отгнав и ум, и сердце прочь,
Как кровожадная тигрица,
Убила собственную дочь...
И это все «по вдохновенью»!...
Открыто было «свыше» ей,
Что может сделать воскрешенье
Над мертвой дочерью своей.
Собрались братья все на «чудо»,
Но мертвая не ожила,
А дело вышло очень худо –
Убийца в каторгу пошла.
И много зла и преступленья,
От коих леденеет кровь,
В припадке умоисступленья
Слепец-штундист творить готовь.
Слепцы, слепцы! куда идете?
Куда ведет вас ложный путь?
Вы там не жизнь, а смерть найдете.
Вернитесь к Матери на грудь,
Святая Церковь, вам родная,

Любвеобильнейшая Мать,
Зовет вас, руки простирая,
Дабы в объятия принять
Здесь Вера в чистоте хранится,
Как много-ценнейший алмаз.
Здесь ум ваш светом озарится
И упадет повязка с глаз.
Свящ. *Иоанн Ганицкий*

VI. Кутепов Н., свящ. О почитании св. мощей (Разбор возражений мнимо-духовных христиан против почитания св. мощей). Свящ. Н. Кутепова // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 2. С. 650–664. (Окончание)¹³²

Мнимо-духовные христиане, отвергая почитание святых мощей, высказывают много возражений против православного учения о сем предмете. Они говорят, что: а) признание человеческих тел нетленными по причине святости жизни известных лиц и б) почитание этих тел поклонением пред ними противно Священному Писанию.

1) Мнимо-духовные христиане говорят, что почитание мощей нетленными противно воле Божией, выраженной в приговоре Адаму: *прах и в прах возвратишься* (Быт.3:19), и учению ап. Павла о человеческих телах: *то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет... сеется в тлении, восстает в нетлении ... тление не наследует нетления* (1Кор.15:36, 42, 50). И такие праведники, как пророк Давид (Деян.13:36) и Лазарь, воскрешенный Христом, предавались тлению (Инн.11:39). На это нужно заметить мнимо-духовным христианам, что Творец мира Бог изрек приговор об обращении тела каждого человека, происшедшего по плоти от Адама, в прах, и этот порядок тления тел человеческих после их смерти сделался неизбежными для каждого человека, или законом естественным; но Тот же Самый всемогущий Бог, по Своим неисповедимым судьбам, для тел некоторых людей делает отмену естественного закона о тлении и разрушении их, или чудо. Кто признает, что промысл Божий управляет миром, тот никогда не может усомниться и в возможности чудес. Божественное всемогущество, установившее законы вселенной и сохраняющее их, не нарушая и не отменяя их общего течения, может производить исключения из них во всех тех случаях, когда они оказываются не в состоянии выразить особых целей Божественного промысла. Отрицать возможность таких действий Божиих, необъяснимых естественными законами, значит или не признавать, что Бог

управляет миром, или же ставить всемогущую силу Божию в зависимость от предметов и законов Им же созданного видимого мира. Думать, что чудеса нарушают законы природы, нет никакого основания. В чуде проявляется только ограничение или прекращение действия известного естественного закона к известному предмету, как в чуде нетления св. мощей прекращение тления, или разложения тела известного человека. Действие закона тления на тело известного человека прекращается по тому, что оно не соответствует планам Божественного промысла. Законы видимого мира, как и самый этот мир, поставлены на службу человеку применительно к греховному состоянию человека на земле. Но когда господство греха на человеке прекращается, когда дух человеческий в своем стремлении приближается к Богу, значительно усиливается над стремлениями плоти к земле, тогда законы видимого мира мало-помалу теряют свою власть над человеком и могут, наконец, совсем прекратить свое действие на него, если на то последует воля Божия. А чудо нетления тела именно и зависит прежде всего от нравственной чистоты святых душ, обитавших в них и потом от особого действия всемогущества Божия, которому одному принадлежит власть управлять законами видимого мира.

Если отвергать чудо нетления св. мощей, то можно отвергать и другие чудеса, о которых пишется даже в Библии. Мнимо-духовные христиане говорят, что нетление св. мощей несогласно с законами природы, определенными Богом, составляет отступление от законов природы. Но и каждое чудо разве не отступление от законов природы, данных Богом? Остановка солнца и луны при Гаваоне Иисусом Навином (Нав.10:13–14) разве не была изменением установленного Самим Богом закона (Быт.1:16) движения этих светил? Чудо воскрешения Лазара (Ин.11:44) и другие подобные случаи разве не представляют отступление от прямой заповеди, изреченной Богом всему человеческому роду в мире (Быт.2:17)? Взятие праведных Эноха (Быт.5:24) и Илии (4Цар.2:11) живыми с телами на небо разве не есть изъятие человеческих тел не только от тления, но и смерти? А праведные Энох и Илия жили еще тогда, когда Христос не принес Себя в жертву на кресте для

искупления человека от греха. Тем более этого изъятия от законов тления могут удостаиваться праведники, сподоблявшиеся благодатных даров в новозаветной Церкви, основанной Христом, Который Своею смертью победил смерть и тление.

Словами: *плоть и кровь не могут наследовать царствия Божия, и тление не наследует нетление* (Кор.15:20) ап. Павел указывает на то, что люди на страшный суд явятся не в настоящих тленных телах, а воскреснут с телами нетленными. *Плоть и кровь*, по объяснению блаженного Феодорита, означают нашу смертную природу, смертное естество, тело душевное (1Кор.15:44). Человеческое тело в его теперешних свойствах, когда мы носим *плоть и кровь*, часто определяет нашу земную жизнедеятельность. С *плотью и кровью* нашею на земле соединена сила силою греха, почему они силою Божией должны преобразиться из тела душевного в тело духовное. Но тление не есть необходимое условие для такого изменения, или преобразования. Апостол Павел говорит: не есть мы умрем, но есть изменимся, вдруг, в мгновение ока при последней трубе; ибо вострубит и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся (1Кор.15:51–52). Следовательно, по учению Апостола, изменение или преобразование тел умерших совершится только при самом воскресении мертвых, и при том не одним и тем же способом для всех вообще людей. А о ближайшей участи тела после смерти человека до всеобщего воскресения мертвых, Апостол прямо не говорит. Правда, у Апостола сказано: *сеется в тление*, то есть сеется *тело душевное*, а *восстает тело духовное*. И православная Церковь учит, что нетленные останки святых, или св. мощи, при всеобщем воскресении пред страшным последним судом, не останутся неизменными, в таком виде, в каком они теперь лежать в гробницах или раках. Всемогущею силою Божией мертвые воскреснут и мощи святых так же всемогущею силою Божией будут преобразованы *в тела духовные*, непохожие на тела настоящие.

Указание мнимо-духовных христиан на пророка Давида и праведного Лазаря, что они предались тлению, тоже не

противоречит православному учению о нетлении св. мощей угодников Божиих. Правда, пророк Давид и праведный Лазарь были людьми богоугодными: Давид был мужем, которого по сердцу избрал Бог в царя (1Цар.16:7), а по случаю смерти Лазаря даже Сам Христос прослезился (Ин.11:35). Но Давид и Лазарь жили в ветхом завете, до времени искупления Христом Спасителем человеческого рода от первородного, прародительского греха, они не были очищены от этого греха, а *возмездие за грех есть смерть* (Рим.6:23). Если тела неискупленных людей предавались тлению, то из этого еще не следует, что и тела новозаветных угодников Божиих, очищенных от первородного греха в крещении не могут быть нетленными. Бог и создал человека для нетления (Прем.2:23). И разве не силен Бог, за грех человека, возвращающий его в тление (Пс.89:4), освободить тело человека от тления, когда человек угодит Богу своею добродетельною жизнью? О св. ап. Иоанне Иисус Христос прямо сказал, что этот Апостол может остаться в живых до второго пришествия Христа, если этого захочет Христос Спаситель (Ин.21:22). Во-вторых, вопрос, почему такие праведники, как царь-пророк Давид и друг Христа Лазарь, не удостоены нетления, показывает только излишнюю пытливость и неуместное желание мнимо-духовных христиан узнать то, что непостижимо для ограниченного человеческого разума. Пусть при этом они вспомнят наставление Премудрого: *чрез меру трудного для себя не ищи, и что свыше сил твоих, того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что скрыто* (Сир.3:21–22). Православная Церковь не учит, что нетление тел известных угодников Божиих есть прямое и необходимое следствие человеческой праведности. Между святостью человека и нетлением его тела нет необходимой причинной связи. Святость человека, или его духовное совершенство есть личное, свободное дело души человека, стремящегося к богоуподоблению, к приближению к Богу, к непосредственному созерцанию Бога и блаженному единению с Ним (1Кор.13:12). А нетление тел св. угодников есть действие Всемогущего Творца. Нетление тела св. угодников не есть такая награда от Бога за богоугодную жизнь, или святость

человека, которая обещана Богом каждому праведнику. За богоугодную жизнь праведникам обещано вечное блаженство (Откр.22:14). Причина нетления тел св. угодников заключается в Боге, Который, сохраняя тела святых, делает их орудиями обнаружения своей благодатной силы, своих благодеяний. А если нетление св. мощей зависит от Бога, Который избирает их в орудия проявления Его особых благодатных действий в нашем мире: то спрашивать, почему тела одних святых нетленны и чрез них Бог проявляет свою чудотворную силу, а тела других святых тленны, значит спрашивать о неисповедимых судьбах Божиих, то есть делать дерзкий и богопротивный вопрос. Этот вопрос мнимо-духовных христиан подобен следующим: почему Энох и Илиия, а не другие праведники сподобились живыми отойти от земли на небо? Почему Моисей, а не другой кто-либо сподобился получить от Бога десять заповедей? Почему царю Соломону дана великая премудрость, а судье Сампсону необычайная сила? и проч. Различные дары благодати Божией подаются людям по благоизволению Божию: *одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания... иному вера, иному дары исцелений* (1Кор.12:8–11). А почему так, а не иначе распределяются Богом благодатные дары между людьми, о том мы не можем знать, а должны только вместе с Апостолом смиренно исповедовать бессилие своего познания: *о бездна богатства, и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?* (Рим.11:33–34).

2) Мнимо-духовные христиане говорят: нетление известных тел зависит от свойств почвы, или от грунта, где зарываются тела умерших, от сухости самых тел, истощенных воздержанием, от искусственного бальзамирования тел, а не от святости известных людей. Подтверждение этой мысли видят на телах многих праведников, который истлели, как, например, тела пророка Давида, Лазаря, воскрешенного Христом, и других. Чаще всего указывают на почву киевских пещер, что она обладает свойствами сухости, при которых тела могут оставаться нетленными. По поводу сухости воздуха в Киевских

пещерах, как главного будто бы условия нетления находящихся там тел, нужно заметить, что во время нашествия на Киев татар и Батыя множество народа укрывалось в тех же пещерах, где одни люди умерли от голода, другие от меча татарского, и тела этих людей, оставшиеся в пещерах, все истлели. Да и теперь в той же Киевской горе хоронят тела покойников, которые истлевают. С другой стороны, известны многие св. мощи такие, которые долго лежали в мутных и исполненных всякой гнили водах, как, например, мощи преподобных: Авраамия, Леонтия и Иакова, ростовских чудотворцев, Данила и Никиты, переяславских, Никиты¹³³ и Антония, новгородских чудотворцев, а между тем тела этих чудотворцев остались нетленны. Св. мощи преподобного Сергия тридцать лет стояли в воде, окруженные ею со всех сторон, и по обретении сохранились цело и светло, и самая одежда на нем нисколько не повредилась от воды. А св. благоверные князья Борис и Глеб пострадали в молодых летах, во цвете сил, когда тела их вовсе не были истощены каким-либо особым воздержанием, а между тем они почивают нетленны. Тело св. князя Глеба, после того, как он был убит приспешниками его брата, Святополка Окаянного, около пяти лет лежало на берегу Днепра, на открытом воздухе, без всякой защиты. Однако оно было обретено совершенно нетленным, целым и неповрежденным ни от воздушных перемен, ни от близости воды: не коснулись его ни птицы, ни звери плотоядные. Точно также и многие другие св. мученики, св. мощи коих имеют православная Церковь, скончались внезапно и в молодых летах, когда они ничуть не изнуряли себя. Святитель Тихон Задонский, которого имеются св. мощи, тоже был не сухого, а сырого сложения. Значит причиною нетления св. мощей служит не сухость почвы, куда они были зарыты, и не сухость самых тел св. угодников, а св. благодатная сила Божия, которая хранит их. Во-вторых, православная Церковь основывает свое почитание св. мощей не на том только, что эти тела нетленны, а на свидетельствах Самого Бога, Который многими знаменами и чудесами, совершающимися при св. мощах, указывает на их святость. Одно же нетление известных тел, если при них не бывает знамений и чудес, православная Церковь еще не

почитают признаком святости. В киевских пещерах можно видеть нетленные тела, например, Павла тобольского и некоторый другие¹³⁴, которые, хотя они и нетленны, не почитаются за святые, так как при них не совершалось еще знамений и чудес, которыми Бог засвидетельствовал бы святость тех людей, коим принадлежать эти нетленные тела. При этих телах богомольцы совершают панихиды, или молитвы о прощении грехов тем, коим принадлежать тела, а при св. мощах совершаются молебны, или молитвы, коими испрашивается ходатайства пред Богом св. угодников, коим принадлежат св. мощи, за людей, живущих на земле.

Несправедливость мнения, что нетление мощей нужно объяснять сухостью тел угодников Божиих вследствие суровой поста и воздержания, в котором они проводят свою жизнь, что будто бы тела их, состоящие из кожи и костей, не имеют в себе влажности, от которой происходит тление, видна еще и из следующего соображения. Сколько бы люди не изнуряли свои тела постом, они не могли и не могут иссушить их до той степени, чтобы живое тело стало совсем без крови и влаги. Жидкая кровь, хотя бы и не в большом количестве, необходима в живом теле; и этой жидкости, достаточной для поддержания телесной жизни, вполне достаточно и для разложения умершего тела. Нередко болезнь иссушает тело человека на столько, что он представляется скелетом, и, однако, по смерти тело его обращается в прах.

И самое обследование нетления св. мощей и чудес, совершавшихся при них, прежде признания Церковью и объявления известных мощей святыми, производится обычно с величайшею осторожностью и осмотрительностью, как это можно видеть, между прочим, из дела об открытии мощей святителя Тихона. Мощи святителя Тихона были обретены в 1841 году во время разборки ветхого каменного храма. Воронежский преосвященный Антоний донес об этом Св. Синоду с описанием многих чудес, совершавшихся над разными лицами по молитвам св. Тихона. За шесть часов до своей смерти (20 декабря 1846 года) преосвященный Антоний подписал письмо на Высочайшее имя Императора Николая первого, в котором он

свидетельствовал своею архиерейскою совестью, что по-особому внушению вменяет себе в святейший долг довести до Высочайшего сведения о чудесах, совершившихся при гробе святителя Тихона и о всеобщем сладостном и трепетном желании стекающихся из разных мест в Задонск богомольцев видеть пред глазами мощи св. Тихона, теперь лежащие под спудом. Чудеса при гробе св. Тихона по молитве его продолжались. В 1860 году преосвященный Воронежский Иосиф подтвердил прежнее донесение преосвященного Антония и присоединил свидетельство о новых чудесах. Были представлены собственноручные подписи лиц, бывших свидетелями чудес в Задонском монастыре с 1846 года. Все эти документы, представленные Государю, поручено было обследовать особой комиссии, составленной из Киевского митрополита Исидора, Воронежского преосвященного Иосифа, одного архимандрита и двух иеромонахов. Были под присягою допрошены лица, или сами получившие исцеление, или родственники их, бывшие свидетелями чудотворений при мощах св. Тихона. Случаев чудотворений, таким порядком обследованных, было сорок восемь. И только после этого была признана святость нетленных мощей святителя Тихона Задонского.

Нельзя, наконец, объяснить нетление св. мощей и, так называемым, бальзамированием умершего тела. Во-первых, в православной Церкви такого обычая вовсе нет и не было. Во-вторых, бальзамирование освобождало и освобождает тело от тления только на время. Святые же мощи остаются совершенно нетленными в одном положении, некоторые, уже полторы тысячи и более лет. Египетские бальзамированные мумии хотя и существуют целые тысячелетия (вследствие особенной сухости египетских песков), но тем не менее они носят на себе ясные следы тления, а коль скоро вынимаются из гробниц и соприкасаются с воздухом, по большей части, обращаются в прах. Между тем, нетленные св. мощи, несмотря на то, что находятся под открытым воздухом, терпят частые прикосновения от поклонников, переносятся с места на место, не обнаруживают никаких признаков тления. Одно из

замечательнейших явлений в этом отношении представляют нам мощи св. Спиридона, епископа Тримифунтского, который скончался уже более полторы тысячи лет тому назад (в 348 г. по Р.Х.). Из Тримифунта (в Малой Азии) в седьмом веке мощи его были перенесены в Константинополь, а во время завоевания Константинополя турками были перенесены в Албанию, а потом на остров Корфу, где они доселе сохраняются неповрежденными, так что кожа и плоть святителя сохраняют мягкость и плотность. Тело святителя вместе и растяжимо, как живое, оно нисколько не подверглось порче; выдающиеся черты лица его расширяются и опять принимают прежнее положение, когда вынимают и полагают тело в ковчег, где оно стоит прямо для торжественного несения по городу. Ноги его, четыре уже слишком века, в таком жарком месте, как о. Корфу, подверженные теплым, сырым испарениям, не потерпели ни малейшей перемены. Ученые по временам приезжают сюда с целью подвергнуть исследованию нетленные мощи св. Спиридона и, после тщательного исследования их, единогласно решают, что никакими естественными причинами невозможно изъяснить нетление этих мощей (Летопись церковн. событий архим. Арсения стр. 564). Нельзя также сравнивать нетление мощей с окаменелостями в природе, так как, во-первых, окаменелости разрушает всемогущее время, во-вторых, окаменелости никогда не бывают так легки, мягки и растяжимы, как св. мощи.

3) Возражая против почитания св. мощей, мнимо-духовные христиане говорят, что ветхозаветная церковь всегда погребала тела умерших людей и не вынимала их из земли для почитания. Напротив, есть примеры, что в ветхом завете относились даже с презрением к костям умерших людей (Иер.8:1–2). И в псалтири мы читаем: *разве над мертвыми Ты сотворишь чудо* (Пс.87:11). А пророк Исаия говорит: *спрашивают ли мертвых о живых* (Ис.8:19). Относительно этого возражения нужно заметить, во-первых, что и в ветхом завете были случаи, когда евреи к костям праведников относились с почитанием. Пророк Моисей и евреи особую честь воздали костям патриарха Иосифа за исполнение предсказания его евреям, что некогда Господь посетит их и

избавит от горького порабощения Египетского (Исх.13:19). Евреи кости Иосифа из земли Египетской вынесли в обетованную им землю Сихем (Нав.24). Много евреев умерло в Египте, но вынесены были оттуда только кости Иосифа, так как он был особенно свят и праведен пред Богом. Иудейский царь Осия, искореняя идолослужение, взял много костей из могил и сжег их, а кости пророка, человека Божия, повелел хранить в покое и целости (4Цар.23:15–18). Правда, в ветхом завете не было такого почитания мощей угодников Божиих, какое воздается св. мощам в новозаветной церкви: но это объясняется, во-первых, тем, что ветхозаветные праведники, жившие до схождения Христа во ад и изведения оттуда праведников (Пс.88:49; 1Пет.3:18–20), не были еще в состоянии прославления, в котором они находятся теперь (Евр.11:39–40; Откр.7:9–15). Во-вторых, евреи в ветхом завете были весьма склонны к идолопоклонству, почему и Моисеево тело было скрыто от них в земле Моавитской ангелами (Втор.34:5–6; Иуд.9). Ссылка отрицателей почитания св. мощей на слова из книги пророка Иеремии не имеет никакого отношения к св. мощам угодников Божиих: *В то время, говорит Господь, выбросят кости царей Иуды, и кости князей его, и кости священников, и кости пророков, и кости жителей Иерусалима из гробов их; и раскидают их пред солнцем, и луною, и пред всем воинством небесным, которых они любили и которым служили, и вслед которых ходили, которых искали и которым поклонялись; и уберут и не похоронят; они будут навозом на земле* (8:1–2). Здесь Пророк угрожает иудейскому народу за отступление от завета, заключенного с Богом, и идолопоклонство страшным и праведным судом Божиим, который совершат над иудеями вавилоняне. Последние разрушат города иудейские, истребят мечом старцев и детей, сожгут храм иерусалимский, выбросят из гробов на поверхность земли кости священников, пророков и кости жителей Иерусалима. Этот поступок вавилонян – выбрасывание костей из гробов – обозначает крайнюю степень бесчестия и позора, которому подвергнется народ иудейский. Такое положение останков умерших людей, когда кости их валялись по земле, иудеи называли *ослиным* погребением. К св.

мощам угодников Божиих, чтимых в православной Церкви, вышеуказанные слова пророка Иеремии не имеют никакого отношения. Православная Церковь чествуя св. мощи, служит не идолам, а единому истинному Богу во Св. Троице, и св. угодники суть первые и избранные чада ее, просиявшие в земной жизни богоугодными добродетелями. Слова же из Псалтири: *Разве над мертвыми Ты сотворишь чудо?* как видно из связи речи, относятся не к праведникам, а к тем, которые после смерти находятся «в месте тления» и «в земле забвения» (Пс.87:13–14), то есть, к грешникам. В этих строках говорится о мертвецах, преданных забвению (Твор. блажен. Феодорита, часть третья стр. 111. Москва 1856 г.). А потому нельзя вышеуказанных слов относить к мощам св. угодников, которые отнюдь не предаются забвению, а, напротив, прославляются Церковью. Точно также слова пророка Исаии: *спрашивают ли мертвых о живых* не имеют никакого отношения к почитанию св. мощей. В этом стихе говорится о язычниках, которые верили разным волшебникам, вызывавшим умерших, волшебникам подобным аэндорской волшебнице, вызвавшей тень Самуила (1Цар.28:14), верили в нашептывания, чрево вещания и проч.

4) Возражая против почитаны св. мощей, мнимо-духовные христиане говорят еще, что Христос обличал книжников и фарисеев за почитание к умершим праведникам: *горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников* (Мф.23:29). И апостол Павел, продолжают мнимо-духовные христиане, пишет: *отныне мы никого не знаем по плоти, если же и знаем Христа по плоти, то ныне уже не знаем* (2Кор.5:16). И тело первомученика Стефана христиане во времена апостолов предали погребению, не воздавая ему почитания, а сделали только великий плач (Деян.8:2). Но, во-первых, что касается слов Христа книжникам и фарисеям, то в них, как это разъяснено выше, Христос упрекает книжников и фарисеев за лицемерие, а не за почитание св. мощей. Во-вторых, из Св. Писания видно, что такие великие праведники, как патриарх Иаков и пророк Моисей, относились с почитанием к мощам святых. Патриарх Иаков поставил памятник над гробом жены

своей Рахили (Быт.35:20), а пророк Моисей вынес из Египта мощи Иосифа (Исх.13:19). Слова же апостола Павла, что «ныне мы никого не знаем по плоти и Христа не знаем по плоти» не имеют никакого отношения к почитанию св. мощей. В этих словах Апостол высказал ту мысль, что в Церкви Христовой все люди, несмотря на свое различие по происхождению, образованию и положению в обществе, равны, имеют одинаковые права на получение благодатных даров Св. Духа, необходимых для спасения человека. Христос, как человек по плоти, во время земной жизни чувствовал голод, жажду, утомление, нужду в сне, страдание; а теперь с воскресшею плотью Он сидит одесную Бога Отца (Мк.16:19; Деян.7:55; 1Пет.3:22; Еф.1:20). Если же понимать эти слова Апостола так, что все плотское, видимое в христианстве не должно иметь значения для спасения, тогда нужно будет отвергнуть всю видимую сторону священнодействий, или таинств, например, крещения (Ин.3:5), причащения (Ин.6:53; 1Кор.10:16–17) и прочих, а вместе отвергнуть и видимую молитву телом. Точно также и пример погребения тела первомученика Стефана ничего не говорит против почитания св. мощей. И в настоящее время в православной Церкви мощам св. угодников воздается почитание не тотчас же после смерти угодника, а только тогда, когда откроется на это воля Божия в знамениях и чудесах, совершающихся по молитве этого угодника над теми людьми, которые просят молитвенного ходатайства у этого угодника пред Богом.

5) Возражая против почитания св. мощей, мнимо-духовные христиане говорят, что есть злоупотребления в почитании св. мощей, иногда за св. мощи выдаются тела обыкновенных грешных и даже животных, или в разных местах выдаются мощи одного и того же святого угодника. Да при том же и нет основания ходить по разным местам на поклонение св. мощам, а тем более разрезать мощи на части. По поводу этих возражений нужно заметить, во-первых, что примеры злоупотребления почитанием св. мощей не доказывают того, что св. мощей не должно почитать. Еретики злоупотребляют Св. Писанием, отвращая людей от истинной веры, неужели из этого можно

делать выводы, что Свящ. Писание не должно почитать? Язык дан человеку для того, чтобы благословлять Бога и Отца, а между тем человек языком иногда проклинает людей, созданных по подобию Божию (Иак.3:9). Неужели из этого можно делать вывод, что не должно пользоваться языком? Существование же святых мощей одного и того же имени в разных местах объясняется или тем, что различные части св. мощей одного и того же угодника находятся в разных местах: в одном месте, например, глава, в другом рука и проч., или тем, что различные угодники носили одно и то же имя. Основанием же путешествия благочестивых людей по различным местам для поклонения св. мощам служит пример св. людей. Сам Бог еще в ветхом завете требовал от праведных людей особого почитания местам, где Он благоволил проявлять Свое или особое присутствие, или Свою особую благодать к людям. Так Бог повелел патриарху Иакову пойти в Вефиль, жить там и устроить жертвенник Богу, явившемуся там Иакову, когда он бежал от Исава, брата своего (Быт.35:1). И патриарх Иаков *устроил там жертвенник, и назвал место сие Эл-Вефиль; ибо тут явился ему Бог, когда он бежал от лица (Исава) брата своего* (Быт.35:7). Потом патр. Иаков уже сам, без особенного повеления Божия, поставил каменный памятник в Лузе на месте, на котором явился ему Бог и говорил с ним, и возлил на памятник елей (35:14). Точно также и пророк Моисей устроил жертвенник на том месте, где явился ему Бог после победы евреев над Амаликитянами, и нарек ему имя: Иегова Нисси (Исх.17:15). Подражая этим библейским примерам, и православная Церковь относится с особым почитанием к тем местам, где Бог благоволил проявлять людям Свою особую благодать знамениями, чудесами и нетлением тел своих угодников. На таковых местах православная Церковь устрояет часовни, храмы, монастыри. А православные христиане приходят к этим местам на поклонение Господу Богу, дивному в Своих знамениях и чудесах, так как непосредственное созерцание того места и тех предметов, где и чрез которые Бог проявил Свою благодатную силу в известных знамениях и чудесах, более возгревает у человека веру и возбуждает более

глубокое и сильное чувство благодарения к Господу Богу, благодетелю грешным в знамениях и чудесах.

Мнимо-духовные христиане не редко предлагают своим православным собеседникам еще такой вопрос: где в Св. Писании есть повеление резать св. мощи на части, как поступает православная Церковь? По поводу этого вопроса мнимо-духовных христиан, во-первых, необходимо обратить их внимание на то, что Православная Церковь не тотчас после смерти известного угодника Божия признает его за святого человека, а его тело за св. мощи, но делает это только тогда, соберет несколько несомненных по достоверности свидетельств о знамениях и чудесах, совершившихся по молитве этого угодника над теми людьми, которые просили этого угодника, чтобы он ходатайствовал за них пред Богом. Собрание и накопление таковых свидетельств о знамениях и чудесах иногда продолжается несколько столетий. Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский, например, признан Церковью за святого угодника Божия и мощи его открыты для почитания уже спустя двести лет после его смерти. А отсюда должно быть ясно и понятно и то, что в книгах св. Писания Нового Завета, который писались Апостолами, главным образом, для разъяснения нужд и вопросов, возникавших в современной им жизни христиан, не было никакого повода и необходимости давать наставление христианам о том, как они должны обращаться со св. мощами, так как этих мощей при написании книг Св. Писания еще и не было в христианской Церкви. В последующие же времена жизни Церкви Христовой, когда Господу угодно было проявлять знамения и чудеса и чрез нетленные тела святых угодников, св. Церковь, глава коей есть Сам Христос (Еф.4:14–16; Кол.1:18), а наставитель коей Дух Святый, Дух истины (Ин.14:16–17; 16:13), довершая недоконченное (Тит.1:5), нашла полезным для возбуждения чувства веры у своих чад отнимать частицы от св. мощей для положения их в святых антиминсах, или св. платках, на коих совершается бескровная жертва, таинство причащения, в подражание обычаю древних христиан гробах св. мучеников. Что в этом деянии св. Церкви нельзя усматривать проявление якобы некоего неуважения к св. мощам, подтверждение этой

мысли мы можем видеть в примере Самого Христа Спасителя, Который на тайной вечере преломил Свое тело под видом хлеба и заповедал совершать то же самое и апостолам, и продолжателям их служения, пастырям и учителям.

Итак, православная Церковь, почитая св. мощи угодников Божиих, почитает не плоть и кровь и не прах от умерших людей, а почитает благодатную силу Божию, проявляющуюся чрез св. мощи угодников Божиих в дивных знамениях и чудесах.

Миссионер свящ. Н. Кутепов

VII. Кальнев М., епарх. миссионер. Миссионерское паломничество со штундистами и православными к святыням Чернигова и Киева (Чудесное исцеление у раки святителя Феодосия Черниговского и присоединение к православию бывших свидетелями сего чуда-штундистов Херсонской губернии). // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 2. С. 664–684

«Тайну цареву прилично хранить,
а о делах Божиих объявлять похвально». (Тов.12:7)
Повея дела Господня!

Открытие честных мощей Святителя Феодосия Углицкого, это величайшее и радостнейшее торжество Русской и всей Православной Восточной Церкви, свидетельствующее о пребывании в ней неиссякаемого источника благодати Божией, не могло пройти незамеченным не только в мире раскола, но и сектантства. И действительно, еще во время осенних моих миссионерских поездок по Херсонской епархии во многих зараженных штундизмом местах стал замечаться довольно большой пробудившийся среди сектантов интерес к вопросу о нетлении и почитании св. мощей. Очевидно, некоторые заблудшие умы, под влиянием усиленных миссионерских бесед, чтений брошюр и листов, а также рассказов самих очевидцев, призадумались над событием великого торжества Православной Церкви, истинность и святость которой еще так недавно и так явно засвидетельствованы, Божией милостью, всему христианскому миру открытием честных мощей святителя Феодосия, архиеп. Черниговского, и совершением как у его гроба, так и в отдаленных местах России, по молитвам святителя, многочисленных и дивных чудес. Некоторые из сектантов после миссионерских бесед с ними сами изъявляли желание побывать у мощей угодников Божиих, справедливо рассуждая в этом случае, что всемогущий Господь мог прославить нетлением тел и чудесами только тех, кто

действительно угодил Ему своею жизнью, кто действительно содержал истинную спасительную веру Христову, кто твердо исповедовал единую, святую, соборную и апостольскую Церковь.

Тогда же, осенью пришла мне счастливая мысль предпринять такое миссионерское паломничество, в котором бы участвовали не только православные, но и сектанты, чтобы последние, побывав у св. мощей, видев их глазами своими и осязав руками, если угодно будет это Богу, не были неверующими, но верующими (Ин.20:27).

После долгих размышлений о задуманном мною паломничестве, в январе месяце я решил доложить об этом высокопреосвященному Иустину, архиепископу Херсонскому и Одесскому, который одобрил мысль о паломничестве и велел составить подробный его проект. На поданном мною проекте владыке благоугодно было положить следующую резолюции: «Проектируемое епархиальным миссионером путешествие с сектантами в Чернигов к новоявленному угоднику Божию может иметь весьма добрые последствия при благоприятной обстановке оною, потому я вполне соглашаюсь с сим и благословляю это дело». Далее в этой же резолюции владыка изволил выразить готовность помочь этому делу и материальными средствами. К значительной сумме, пожертвованной на дело паломничества его высокопреосвященством, присоединились еще средства, ассигнованные Одесским св. Андреевским братством, и таким образом материальная сторона паломничества была обеспечена. Оставалось подготовить паломничество и совершить его.

За два месяца с лишним до паломничества я предложил своим сотрудникам, окружным миссионерам Херсонской епархии, чтобы они в ближайшие поездки по вверенным им округам везде вели беседы о нетлении мощей вообще и об открытии мощей святителя Феодосия Углицкого и их чудесах в частности, всюду раздавая братские листки того же содержания и 2) наметили бы одного-двух сектантов из наиболее зараженных в миссионерских округах мест, тех из сектантов, которые

изъявить добровольное желание побывать у честных мощей святителя Феодосия. Причем было рекомендовано не брать в паломничество лишь недобросовестных, упорных в сектантстве и слишком враждебно настроенных против Церкви Православной: такие лица, «если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк.16:31). Словом, в паломничество должны были быть приглашаемы заблудшие, но люди честные, искренно жаждущие истины и ждущие спасительного пути. Наконец, миссионеры должны были наметить каждый в своем округе из наиболее зараженных сектантством мест по одному – по два православных более или менее развитых, доброй жизни, искренно верующих и имеющих нравственное влияние среди местного населения.

Получив от миссионеров списки лиц, изъявивших согласие отправиться в паломничество, я выбрал из них 10 штундистов и 10 православных, и назначил для них сборным пунктом г. Елисаветград, куда паломники должны были прибыть к 29 апреля.

Все паломничество с сектантами и православными до Чернигова и обратно должно было совершаться под моим личным наблюдением и руководством; но так как весь путь от Елисаветграда до Чернигова и обратно должен был, по моей мысли, состоять в сплошной беседе с народом о различных, интересующих его вопросах веры, то для облегчения своего труда, с разрешения его высокопреосвященства, я избрал в помощь себе двух окружных миссионеров – оо. Вл. Станиславского и И. Михайловского, которые изъявили желание послужить благим целям паломничества совместно со мною.

28 апреля, получив архипастырское благословение владыки Иустина, полный тревожных дум и забот я выехал из Одессы в Елисаветград. 4 месяца я носил в душе своей мысль о миссионерском паломничестве, не расставаясь с ней ни днем, ни ночью; 4 месяца я думал о нем, хорошо сознавая всю важность, всю, так сказать, нравственную ответственность относительно предпринимаемая мною дела, от успеха или неуспеха которого в будущем зависело многое. Какое впечатление вынесут все паломники из поездки ко святым

местам и в особенности штундисты? Какой результат для миссии принесет это паломничество? Не мало смущало меня и то обстоятельство, что из миссионеров я первый предпринимаю официально организованное большое паломничество с сектантами и православными, не имея раньше в этом деле примера для себя. Надеюсь, каждый поймет душевное состояние, переживавшееся мною пред поездкой с паломниками, состоявшими не только из православных, но и сектантов, если возьмет еще во внимание, что очень многие смотрели на мое паломничество не только как на дело очень сложное и трудное, но и как на рискованное в виду того, что в нем участвуют и сектанты. Но я предал себя и святое дело в руки Всемогущего, возложив на Него всю свою надежду, в уверенности, что такая «надежда не посрамить» (Рим.5:5).

29 апреля я прибыл в Елисаветград, где застал уже в отведенном для ночлега доме почти всех паломников, имевших отправляться в дорогу на ассигнованные для путешествия деньги. К сожалению, оказалось, что не все, изъявившие ранее желание участвовать в паломничестве, явились в Елисаветград; некоторые из православных по разным причинам, более – по хозяйственным, – остались дома. Из 10-ти штундистов явилось только пять, остальных вожаки убедили не ездить в Чернигов, о чем впоследствии некоторые из них искренно сожалели. Вместо не явившихся мною были взяты в паломничество некоторые из православных жителей г. Елисаветграда, усиленно просившие меня об этом.

Всех отправившихся на ассигнованные суммы было 19 человек, из них 5 душ штундистов. К этим 19 присоединилось еще более 80 человек мужчин и женщин из разных мест губернии и преимущественно из Елисаветграда, пожелавших отправиться с нами на свой счет. Таким образом, для следования в Чернигов и Киев собралось всех херсонских паломников более 100 человек. Между ними были и одержимые разными недугами, среди которых обращал на себя особенное внимание паломников один – тяжело больной мещанин г. Вознесенска, Владимир Иванов Федоров, речь о котором будет впереди.

Вечер того же 29 апреля, после выслушанного всеми паломниками вечернего Богослужения, я провел в беседе с ними о благотворном значении для христиан посещения святых мест вообще, и настоящего нашего путешествия в частности. Мы едем, говорил я им между прочим, не для того, чтобы подобно книжникам и фарисеям, которых Господь назвал за это «родом прелюбодейным и лукавым» (Мф.12:38–39), искушать Господа, требуя от Него знамений и чудес, и не с тем, чтобы видеть непременно исцеления недугов больных чужих и отправляющихся с нами; нет, мы спешим для исцеления недугов более важных, более тяжких – недугов наших грешных душ, и чья душа после поездки по святым местам освободится от страстей, ее обуревающих и удаляющих от Господа, для того это исцеление души и будет великим чудом, тому и предпринимаемое паломничество принесет ни с чем несравнимую пользу. В объяснение вышеизложенной мысли я прочел паломникам прекрасное поучение св. «Требуящим чудес и знамений»... Беседа эта и поучение, как я заметил, произвели на слушателей глубокое впечатление.

30 апреля была отслужена для паломников в Елисаветградской церкви в честь св. иконы Владимирской Божией Матери божественная литургия, на которую собралось множество из жителей г. Елисаветграда, провожавших в неблизкую дорогу своих знакомых и родных. После молебна все паломники, сопровождаемые огромным числом народа, отправились из церкви прямо на вокзал, где, разместившись в особо отведенных для них вагонах, с благословения Божия, отбыли в Кременчуг, откуда уже пароходом они должны были отправиться, минуя Киев, прямо в Чернигов.

После первой же станции я позаботился об устройстве, с помощью сопутствовавших мне о. миссионеров, общего народного пения. Сперва в одном вагоне, затем в другом мы пропели с народом: «Христос воскресе», «Воскресение Христово видевше», «О, воспетая Мати», «Богородице Дево, радуйся» и «Отче наш»; после чего народ подкрепился пищей, запасенной нами в Елисаветграде. Далее всю дорогу до Кременчуга, куда мы прибыли уже под вечер, беседы миссионеров с

православными и сектантами чередовались с пением церковных молитв. Нужно сознаться, что, хотя наши херсонцы вообще поют хорошо, но на первых порах наше пение не совсем выходило стройное, так как ехали люди из разных мест губернии; но уже подъезжая к Кременчугу, народ спелся, и пение его можно уже было каждому слушать с удовольствием.

30 апреля вечером мы прибыли в Кременчуг и тотчас, поместив более тяжелые вещи больных паломников на нанятые подводы, пошли к далеко находящейся от станции пристани.

На кануне 1-го мая всю ночь бушевала гроза и шел проливной дождь; но первого мая утром после дождя наступила прекрасная погода, давшая всем нам возможность поместиться на верхней палубе парохода, где было удобнее расположиться и где легче было устроить публичную беседу и общее молитвенное пение.

Лишь только пароход стал отчаливать от Кременчугской пристани, как на его палубе раздалось стройное торжественное пение ста душ наших паломников, в сердечном восторге славивших Бога победною песнью христианства: «Христос воскрес из мертвых»!... И эта неизъяснимо радостная песнь, эти дорогие сердцу каждого православного ее звуки неслись далеко-далеко по берегам и волнам широкого Днепра, вызывая, без сомнения, у многих, оставшихся на пристани, чувство глубокого сожаления о невозможности сопутствовать отплывавшим ко святым Богом прославленным местам...

Все благоприятствовало началу нашего паломничества и сорадовалось нам: и прелестное, тихое, теплое, первое майское утро, и только что величественно поднявшееся из-за гор солнце, золотистыми своими лучами облившее всю окружающую роскошную природу, и красавец Днепр, тихо кативший свои могучие воды среди чудных, восхитительных берегов, покрытых великолепными зеленеющими лесами и лугами, и несмолкаемое по рощам пение соловьев, – все как бы слилось в один чудный, могучий хор природы, славившей вместе с людьми величие, могущество и благодать Творца. Но думы и благоговейные чувства всех неслись туда, к северу, – к древнему Чернигову с его святынями...

Нельзя было не видеть, что паломники, под влиянием всех переживаемых впечатлений, находились в самом лучшем религиозном настроении и потому я счел этот момент особенно удобным, чтобы начать с ними общие для всех свои публичные миссионерские беседы. На верхней палубе парохода тотчас поставлен был стол, вокруг него расставлены скамьи, на которых разместились передние слушатели, из каюты я вынес постоянную спутницу моей кочующей жизни – св. Библию и, после пропетой всеми присутствующими молитвы, открыл беседу о Церкви Христовой, как единой, святой, соборной и апостольской, вне которой нет человеку-грешнику возможности спастись.

После довольно продолжительной беседы, закончившейся также молитвенными песнопениями, слушатели мои разбились на палубе парохода на несколько групп и стали делиться между собою впечатлениями беседы, уясняя для себя затронутые ею вопросы. Мы – миссионеры подходили поочередно к каждой группе паломников, и старались объяснять им отдельные вопросы беседы или устно, или читая соответствующие, заранее приготовленные для сего, статьи из духовных журналов. Так в беседах с народом, чтении и пении мы оживленно провели весь день первого мая, за исключением времени, употребленного для необходимого подкрепления пищей.

Около 5 часов вечера мы подъезжали уже к г. Черкассам. Еще раньше мы решили, чтобы, подъезжая к каждой станции железной дороги или пристани пароходной, равным образом и отъезжая от них, петь церковные песнопения. Но приближаясь к пристани г. Черкасс, мы должны были отказаться от этого: как только пароход наш, замедлив свой ход, стал подходить к пристани, раздались необыкновенно дикие звуки двух еврейских оркестров, одновременно игравших совершенно различные по мотивам марши, причем каждый из оркестров силился заглушить звуки другого. Более дикой музыки я еще ни разу не слышал... Беспокойство наше еще более увеличилось, когда мы увидели, что один хор оркестра, купив билеты, сел на наш пароход, рассчитывая, очевидно, игрою на нем заработать себе деньги. А между тем мы условились в 6 часов вечера отслужить, при

участии в общем пении народа, акафист Спасителю. Мы обратились с просьбой к капитану парохода с просьбой, в виду желания всех пассажиров молиться, запретить евреям игру на пароходе. Капитан (немец) настолько был внимателен к нам, что удовлетворил нашу просьбу; а, чтобы успокоить евреев, выражавших неудовольствие, что из-за нас они лишились заработка, мы уплатили стоимость купленных ими билетов, чем несказанно и обрадовали их.

В 6 часов вечера в присутствии всех наших и множества чужих паломников окружным миссионером о. Станиславским был начат на верхней палубе парохода акафист Спасителю. С большим чувством слушал и пел народ акафист и со слезами молился Христу Спасителю об избавлении от грехов своих. Уже солнце погружалось за лес и горы, посылая земле последние прощальные лучи свои, когда мы оканчивали петь акафист. Далеко по чудным берегам Днепра несло умиленное пение паломников, взывавших из глубины верующих душ к милосердому Богу: «Иисусе сладчайший, спаси нас»! и возносивших к Царю славы хвалу и славословие: «аллилуия»! По окончании акафиста и колено-преклонной молитвы к «пресладкому и всещедрому Иисусу», не забыты были и сопровождающие нас заблудшие наши братья: вознесено было усердное моление к Богу о них, и народ, слушая литию и молитвы о заблудших, усердно и со слезами молил всемогущего Бога об их вразумлении и возвращении в лоно матери своей св. Церкви. И милосердый Господь, не желающий смерти грешника, но хотящий, «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим.2:4), услышал моление народа, призрел с высоты небес на слезные прошения его и утешил всех нас великою радостью; вразумляющая спасительная благодать Божия коснулась сердец некоторых заблудших братьев наших: штундист Вознесенского поселка (Актова) Елисаветградского уезда Антон Смолев, 30 лет пребывавший в сектантстве, восчувствовал в сердце своем всю гибель своего заблуждения и всю спасительную истину веры православной и со слезами на глазах, преклонив колена, всенародно просил у Бога и людей прощения тяжкого своего греха отступления от веры отцов

своих. Его примеру последовали и двое других штундистов: мещанин деревни Тарасовой Тираспольского уезда Феодосий Гурковский и крестьянин деревни Новоконстантиновки Елисаветградского уезда Мина Кочур. Да, это были радостные, светлые минуты, переживаемые всеми паломниками и не только своими, но и чужими. Свою земную радость о возвращении заблудших наши паломники выразили благодарственной молитвою к Богу и братским лобзанием, данным всем принесшим раскаяние в своем заблуждении.

2-го мая после утренней общей молитвы почти до полудня частные беседы миссионеров с паломниками вообще и с сектантами в особенности чередовались с общим пением народа. К этому времени паломники прекрасно уже пели многие церковные песни, как, напр., «Царю небесный», «Отче наш», «Достойно есть», «Верую», «Богородице Дево, радуйся», «О воспетая мати», «Под Твою милость», «Воскресение Христово видевше», «Воскресение Твое, Христе Спасе», «От юности моя», «Ангел вопияше», «Хвалите имя Господне» и др. В этот же день до полудня мы разучили с народом петь наизусть весь молебен Святителю Феодосию. С особенным воодушевлением пели паломники тропарь Святителю: «Преудобрен в архиереех, Святителю Феодосие».

Наше общее пение производило самое прекрасное впечатление и на всех чужих паломников, ехавших к святыням Киева и Чернигова из разных мест южной России. Многие из них подходили к нашей группе, внимательно выслушивали наши миссионерские беседы с народом и принимали деятельное участие в его общем пении. Пароходная прислуга, не имеющая возможности вовремя бывать и молиться в храме Божиим, не раз искренно благодарила нас за доставленное ей религиозное утешение и назидание в слове Божиим.

Около полудня показались на далеком горизонте, ярко блистая на солнце позолотой своих куполов, некоторые св. храмы города Киева; чем ближе к Киеву, тем все более и более обрисовывался город со многими святыми его местами, так много говорящими сердцу каждого православного паломника. Весь наш народ, увидя св. город, приветствовал его

священными песнопениями. Все пели с необыкновенным воодушевлением. Версты за три до Выдубецкого монастыря я предложил прекратить пение и стал знакомить спутников своих с историей основания Русского государства и самого Киева, останавливаясь на более выдающихся исторических его моментах. Подъезжая к Выдубецкому монастырю, я передал народу рассказ летописца Нестора о крещении князя Владимира, его бояр и киевлян с их женами и детьми. Рассказ о низвержении новопросвещенными русскими идола Перуна в волны Днепра, видимо, очень интересовал и штундистов, так как из этого рассказа они ясно могли видеть, что наши предки, прежде грубые язычники, только что принявшее христианство, гораздо лучше современных мнимых христиан наших штундистов понимали отличие идолов от священных изображений. На виду самой Лавры, я передал народу краткую историю основания монашества на Руси. Но вот показались на киевских горах и золотые купола Софийского собора, Михайловского монастыря, чудной архитектуры храм Андрея Первозванного, за ним виднелась Десятинная Церковь, внизу на Подоле – Братский монастырь. Все это служило прекрасной наглядной иллюстрацией к ознакомлению народа с главными событиями исторической жизни г. Киева и с жизнедеятельности первых русских светильников православной веры Христовой, святых угодников киевских.

С пением «Воскресение Христово видевше» мы приехали к Киеву, а через два часа с пением тропаря святителю Феодосию отбыли из Киева в Чернигов.

2-го мая в семь часов вечера мною проведена была на палубе парохода беседа о нетлении и почитании мощей святых угодников Божиих. По окончании беседы передано было кратко житие святителя Феодосия и прочитаны многочисленные примеры чудесных исцелений по молитвам сего угодника. Эта беседа по своему содержанию была как бы последним подготовлением паломников к достойному и разумному поклонению честным мощам святителя Феодосия, чтение о чудесах которого вызвало у них обильные, искренние слезы.

По окончании беседы там же, на палубе парохода в присутствии не только наших, но и сотен чужих паломников, был отслужен миссионерами совместно с сопровождавшим нас благочинным единоверческих церквей г. Кременчуга и Крюкова о. П. Синельниковым торжественный молебен святителю Феодосию. Пели молебен, и пели очень стройно, – все наши херсонские паломники.

Благоговейное, совершаемое при необычной обстановке, служение священников, горячие молитвы и искренние слезы паломников не могли не воздействовать на сердца заблудших. И действительно, во время молебна подошел к нам какой-то раскольник и, вручая миссионерам рубль денег, убедительно просил их поставить свечу и помолиться у мощей Святителя о рабе Божиим Сильвестре. Но еще более мы были обрадованы, когда после молебна и четвертый из наших сектантов – старик Ив. Корень, крестьянин сильно зараженный штундизмом деревни Карловки (Старый Данциг) – публично заявили обоим искреннем своем желании оставить сектантское заблуждение. Мы были уверены, что нашей миссионерской поездке с сектантами покровительствует сам новоявленный угодник, святитель Феодосий, воздать которому благодарение у его честных мощей мы стремились всей своей душой. Скорбели мы только об одном заблудшем паломнике, еще не высказывавшем и признаков намерения возвратиться в лоно матери своей Церкви, но предоставляли его Промыслу Божию, надеясь, что Господь по милосердию Своему и его вразумит.

3-го числа еще задолго до восхода солнца все наши паломники были уже на палубе. Еще накануне все решили поститься в этот день, почему после обычной утренней молитвы непосредственно началось общее пение церковных молитв, продолжавшееся до самого причала парохода к черниговской пристани. С каким умилением пелись церковные песни! Каким, по-видимому, благоговейным настроением и нетерпеливым желанием поскорее быть в Чернигове и поклониться святым мощам – проникнуты были верующие души христиан!

Но в то время, когда религиозное настроение паломников достигло высшей своей степени, когда мысли и сердца всех

молитвенно уносились к Господу Богу, дивному во святых Своих, на верхней палубе парохода неожиданно раздались звуки игривого вальса, нахально вторгнувшись в религиозную атмосферу паломников, как что-то дикое, совершенно чуждое, враждебное их чувству. То играл, без всякой необходимости и чьей-бы то ни было просьбы, военный оркестр острожского полка, приглашенный в Чернигов на какой-то пикник. Три раза ходили миссионеры к капельмейстеру и капитану парохода (оба русские), и просили усердно их от лица всех паломников прекратить игру оркестра в виду общего желания народа помолиться, но просьбы их не были уважены: капельмейстер всякий раз обещал удовлетворить желание народа, но, по уходе миссионеров, очевидно, издаваясь над их просьбами и религиозным чувством паломников, отдавал распоряжение оркестру снова играть. Так и к пристани пароход подошел с пением паломниками молитвы «Христос воскрес» и с оглушительной трескотней оркестра, игравшего какой-то марш. Очень желалось бы, чтобы всякий знакомый с капельмейстером острожского полка и капитаном парохода «Ратмир», совершавшего летом рейсы между Киевом и Черниговом, прочтя эти строки, передал им от лица всех наших паломников русских православных христиан чувство глубочайшего сожаления о нехристианском поступке, оскорбившем лучшие чувства и отравившем лучшие торжественнейшие в жизни минуты нескольких сотен православных русских людей.

Подъезжая к Чернигову, все паломники испытывали множество самых разнообразных впечатлений: с одной стороны, тревожное, нетерпеливое чувство ожидания скорого прибытия в показавшийся уже на горизонте Чернигов, с другой, – какое-то необъяснимое чувство религиозного страха, вытекающего из ясного сознания своего недостойнства видеть святыню; здесь, на нижней палубе видишь слезы молящихся, слышишь звуки и слова церковных песнопений, там, на верхней палубе гремит военный оркестр, заглушаемый трескотней барабана; здесь же подле молящихся видишь, как неистово беснуется, слышишь, как издает страшный звериный рев поверженный на пол и еле удерживаемый сидящими на нем людьми больной Вл.

Федоров... Все эти впечатления действуют самым подавляющим образом на душу, они могут быть переживаемы, но не передаваемы словами. Наконец, мы у пристани! Благодаря предупредительной любезности г. Черниговского губернатора Е.К. Андреевского, заранее извещенного письмом преосв. Иустина о времени прибытия херсонских паломников, нас встретил пристав г. Чернигова, приискавший уже и помещение, куда паломники должны были направиться с пристани с миссионерами.

Между херсонскими паломниками обращал на себя внимание больной Владимир Иванов Федоров, мещанин г. Вознесенска 54 лет. Два года тому назад это был совершенно здоровый человек, довольно состоятельный, уважаемый согражданами, избиравшими его мещанским старостою г. Вознесенска, и пользовавшийся счастьем среди многочисленной, горячо любимой им семьи, состоявшей из 9 душ детей. Богу было угодно послать ему не легкое испытание; в короткое время он лишился всех детей. Не выдержала душа Федорова всей тяжести выпавшего на его долю несчастья, в отчаянии от потери горячо любимых им детей он возроптал на Промысл Божий, за что, по воле Божией, несчастного постигло еще большее бедствие в виде болезни беснования, выражавшегося в звукоподражаниях птицам и животным, в частых подергиваниях всего тела обыкновенно оканчивавшихся припадками неистового буйства. Такие мучительные припадки испытывал Федоров более 2 лет, в течение которых, вследствие неспособности к труду и напрасной траты на лечение, хозяйство его пришло в совершенный упадок; бедность уже давала себя чувствовать в доме, в будущем грозила нищета. После того как испробованы были Федоровым все человеческие земные средства, оказавшиеся совершенно бесцельными, он решил обратиться к помощи небесной, к помощи божественной, всемогущей.

Узнав о предпринимаемом мною паломничестве ко святым местам, Федоров выразил искреннее желание побывать у мощей новоявленного Святителя Божия Феодосия Углицкого и просить его святых молитв об исцелении от тяжкого недуга. Жители г.

Вознесенска приняли в больном живое христианское участие, собрали по подписке необходимую для него и его жены сумму и отправили его в г. Елисаветград – сборный пункта для паломников.

Болезненные припадки криков и буйства продолжались у Федорова от Елисаветграда до самого – Чернигова, причиняя много беспокойств всем окружающим его. О, как он, несчастным, сильно страдал и как тяжело было видеть эти ужасные страдания, все более и более увеличивавшиеся по мере приближения нашего к Чернигову!

Когда утром 3-го мая показался на горизонте Чернигов с его св. храмами, крики и буйства больного усилились: 6–8 человек едва могли сдерживать его дикие порывы; пред самым Черниговом 10 душ людей повалили больного на палубу парохода тяжестью своих тел еле удерживали до самой остановки парохода у пристани...

Везти больного с пристани в город не было решительно никакой возможности; по моему распоряжению, его насильно взвалили на телегу и в сопровождении четырех удерживавших его человек еле доставили на квартиру, где страдания Федорова достигли высшей степени своего развития. «Зачем вы привезли меня сюда? Везите меня обратно домой!», непрестанно кричал Федоров. «Теперь я уже совсем пропал», не раз повторял больной, всеми силами стараясь вырваться и бежать из комнаты.

В день нашего приезда, 3-го мая, все миссионеры имели честь представиться преосвященному Антонию, епископу Черниговскому и его викарию преосв. Иоанну. Около трех часов по полудни того же 3-го мая решено было идти со всеми паломниками в Борисо-Глебский собор приложиться к честным мощам Святителя Феодосия и повести туда же больного Федорова. Теперь уже употреблено было много усилий, чтобы вывести больного из квартиры. «Куда вы ведете меня?», кричал неистово больной... Когда все паломники во главе с миссионерами направились к собору, Федорова еле могли насильно вести до 10 душ паломников. Всю дорогу раздавался неистовый, душу надрывающий крик больного, перешедший при

приближении к собору в дикий звериный рев, привлечший внимание многочисленной толпы постороннего народа.

Пока паломники, прибыв в собор, прикладывались ко святым мощам, Федорова несколько человек придерживали в ограде собора. По окончании лобзания паломниками св. мощей, ввели и больного в собор, где в это время совершался уже молебен Святителю местным кафедральным протоиреем о И. Платоновым.

Лишь только ввели Федорова в собор, раздался необыкновенный, нечеловеческий крик больного, наводивший невольный страх и трепет на всех молящихся. Описать неистовство и буйство его в соборе нет слов; подвести его не было никакой возможности: больной с нечеловеческими силами старался вырваться из рук ведущих его паломников, пытаясь бежать куда-то из собора. Тогда последние в числе 10 человек поднимают его на воздух, и, поднеся ко гробу Святителя, сильно прикладывают голову беснующегося к мощам Святителя Божия.

Наступили никогда не забываемые для присутствовавших – минуты религиозного благоговения, страха, ожидания, минуты всеобщей молитвы; нет, – не молитвы, а всеобщего народного вопля о болящем рабе Божиим Владимире. Навсегда незабвенные минуты и счастлив, много счастлив тот, кому судил Господь их пережить! Как еще сильна, как искренна, как горяча молитва православного русского народа! Такая ли молитва до Бога не дойдет: Вот где неверующему учиться верить, вот когда именно каждый из нас, присутствовавших в храме, ясно, всеми силами своего ума признавал, всеми движениями сердца своего чувствовал, что в вере православной, и только в ней одной, наша надежда, наше спасение! Великие, святые минуты!

По неложному обещанию Христа Спасителя, молитвы Церкви Христовой были услышаны Богом: внезапно на глазах, всех присутствовавших совершилось величайшее, поразительнейшее чудо: лишь только больной коснулся головою нетленных мощей Святителя Феодосия, как в ту же минуту успокоился, затих. Казалось, будто несчастный, не выдержав необыкновенного напряжения сил, умер... Народ продолжал

громко молиться о нем. Чрез минуту-две послышался тихий голос Федорова: «отпустите мне ноги»! Больному, приподнятому усилиями многих паломников на воздух, освободили ноги; он стал на колена пред ракой Угодника Божия и как бы впал в забытие... Вскоре о. кафедральный протоиерей и о. ключарь собора подошли к больному и, подняв его на ноги, помазали ему елеем, взятым от одной из многочисленных горящих у гроба Святителя лампад, чело, глаза, уши, уста и грудь, и накрыли голову больного воздухом, лежавшим на мощах Святителя. После этого больной уже сам, но еще как бы полусознательно, лобызал честный мощи и рыдая, громко взывал к Богу: «Господи, помилуй грешного раба Твоего, спаси заблудшую Твою овцу! Святителю Божий, Феодосие, моли Бога о мне многогрешном». С этими словами он снова опустился на колена пред гробницей Святителя. Народ, рыдая, усилил свои молитвы о болящем Владимире...

Вдруг Федоров сам, без посторонней помощи, встал на ноги, совершенно уже сознательно приложился к св. мощам и громко воскликнул: «благодарю Тебя, милосердый Господи, слава Тебе, Боже! Слава Тебе, показавшему мне свет: теперь я узрел свет Твой, Господи»! Затем, обратившись лицом к народу, он стал горячо благодарить его за молитвы о нем. В глубоком чувстве благоговения к всемогущему Богу, пораженный всем случившимся народ весь плакал, но плакал уже слезами небесной радости: на глазах, многочисленных молящихся совершилось великое поразительное чудо внезапного исцеления давно и так тяжело больного. «Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его *в истине*». (Пс.144:18).

По окончании молебна все наши паломники и чудесно исцеленный Владимир Федоров, приложившись ко святому кресту, вышли из Борисо-Глебского собора, сопровождаемые многочисленным народом, бывшим свидетелем чудесного исцеления. Всю дорогу до самой квартиры Федоров шел совершенно уже спокойно, непрестанно творя крестное знамение и воздавая хвалу всемогущему Богу за свое чудесное и дивное исцеление.

Когда мы, торжествующие, возвращались на квартиру, к нашему народу подошел какой-то еврей: – «Теперь и я вижу, сказал он, что велик Бог христианский и Его святой угодник Феодосий»! Пораженный совершившимся чудом и пятый из штундистов Григорий Белый, крестьянин деревни Константиновки, Херсонского уезда, сам поспешил изъявить желание возвратиться к спасающей Церкви православной.

О пребывании наших паломников в Чернигове позволю себе привести нижеследующие слова преосв. Антония, епископа Черниговского и Нежинского, взятые из письма его к высокопреосвященному Иустину, архиепископу Херсонскому и Одесскому от 20 мая текущего года. «Имею честь уведомить Ваше Высокопреосвященство, что прибывшие 3-го текущего месяца мая из вверенной Вашему Высокопреосвященству епархии паломники в числе 100 человек, между коими находились 5 штундистов, согласно моему распоряжению, состоявшемуся вследствие письма ко мне Вашего Высокопреосвященства, с любовью были встречены кафедральным протоиереем о. Иоанном Платоновым и ключарем собора протоиереем о. Трифоном Стефановским. Того же 3-го числа, по желанию паломников, о. Платоновым в 3 часа дня было совершено молебное пение у раки честных и многоцелебных мощей св. Феодосия, во время которого, по молитвам св. Феодосия, Господу Богу угодно было явить Свою милость одному из прибывших – мещанину г. Вознесенска Владимиру Федорову, два года одержимому беснованием. Во время совершения молебного пения Федоров возбуждал своими страданиями глубокое участие к себе со стороны всех молящихся; о нем приложено было особое моление, и великий страдалец доселе – означенный мещанин Федоров мгновенно пред всеми бывшими в храме получил исцеление и велегласно исповедал сие пред богомольцами, со слезами радости прославляя Бога и Св. Феодосия. На другой день он удостоился причастия св. Таин Христовых. Это великое чудо милости Божией произвело сильнейшее благотворное действие на православных христиан и на сектантов, удостоившихся быть очевидцами сего чуда. 4 мая все паломники были за позднюю

литургией, совершенною мною в соборе, и занимали особо отведенное для них место у раки Феодосия. На совершенном после литургии молебном пении Св. Феодосию были вспомнаны имена всех паломников во главе с именем Вашего Высокопреосвященства и сотрудников Ваших викарных Епископов Херсоно-Одесской епархии. После молебного пения мною преподано было всем паломникам благословение. К 4 часам того же 4-го числа в собор были приглашены жители г. Чернигова: госпожа Кленус и г. Александров, получившие по молитвам Св. Феодосия исцеление от тяжких недугов. Собранным паломникам был прочитан акт об исцелении мещанина Федорова. Все паломники выразили желание утвердить своею подписью справедливость прочитанного и в одушевлении и религиозном восторге два раза пропели тропарь Св. Феодосию, розданный им в печатных экземплярах. После этого г. Кленус и г. Александров рассказали паломникам о своих болезнях и о чудесном исцелении по молитвам Св. Феодосия; было прочитано также описание чудесного исцеления от беснования крестьянки Параскевы Остапенко, которая была привезена в Чернигов закованною в цепи и, получив исцеление у раки Св. Феодосия, оставила ту цепь в соборе на память о чуде; показана была и самая цепь, длиною в 3 аршина. Трогательное повествование о благодатных исцелениях, присутствие на лицах самых исцеленных и самая цепь, безмолвная свидетельница чуда, снова усилили чувства умиления и религиозного одушевления паломников: они снова воспели молитву св. Феодосию. В заключение им предложен для лобзания честный крест, причем о. прот. Платоновым было сказано слово о значении в св. Церкви Христовой животворящего креста Господня. 5-го мая пред раннею литургией было торжественно совершено в соборе присоединение к св. Церкви прибывших пяти штундистов: Мины Кочура, Антония Смолеева, Феодосия Гурковского, Григория Белого и Ивана Кореня. Когда в свое время присоединившиеся должны были читать Символ веры, то невольно, в духовном восторге, они запели его, и вдруг, вместе с присоединившимися и клиром, запели и все бывшие в храме, запела вся церковь! Была минута, превосходящая всякое

описание! По окончании чина присоединения как все присоединенные, так и все паломники, вместе с сопровождавшими их миссионерами и протоиереем Платоновым преклонились пред ракой св. мощей, после чего Платоновым был снят покровец с десной руки Святителя и всё со слезами радости лобызали руку св. Феодосия. За литургией, все прибывшие паломники и присоединившиеся удостоились причасти Св. Таин. Затем миссионерами отслужен был молебен и в 10 часов утра паломники с миссионерами явились во мне в покои мои в Троицкий монастырь. Здесь в архиерейских покоях, все паломники, вкуче с бывшими штундистами и миссионерами, пропели пасхальные песнопения, растрогали меня до глубины души своим благочестием, так что я сам не удержался от слез (плавали и паломники), получили от меня в благословение по одному экземпляру моего Слова, произнесенного в день преславного открытия мощей Угодника Божия – св. Феодосия Углицкого, и Троицкого листка о св. Феодосии Углицком и напутствованы несколькими сердечными словами о твердом хранении навсегда Православия и об обращении ко св. Церкви заблудших. С сердечною радостью и особым душевным умилением отмстил я из своих покоев Ваших паломников.

Да укрепит их всех Господь Бог в правой вере и нелицепримерном благочестии!

5-го мая после молебна Святителю Феодосию все наши паломники уже одною верующею семьей с пением церковных молитв отбыли из Чернигова в Киев, куда прибыли 6-го утром.

По распоряжению Высовопреосвященного Иоанкия, митрополита Киевского и Галицкого, нашим паломникам было отведено в Лавре особое помещение, а после литургии открыты были ближние и дальние пещеры. Посещение пещер и открытие для укрепления в вере новоприсоединенных руки с сложенными перстами препод. Спиридона просфорника произвело на всех наших паломников чрезвычайно глубокое религиозное впечатление. В этот же день после посещения пещер паломники были ознакомлены со всеми почти храмами св. Лавры.

6-го мая после ранней литургии херсонские миссионеры имели честь представиться Высокопреосвященнейшему

митрополиту Иоанникию. Милостиво принятые владыкою и получив от него святительское благословение, мы со всеми нашими паломниками отправились на поклонение святыням киевским. Кроме Лавры посетили Михайловский монастырь, где почивают мощи св. великомуч. Варвары. Затем церковь Андрея Первозванного, Десятинную, Софийский и Владимирский соборы, причем мною сообщались спутникам сведения и необходимые разъяснения относительно времени имеющих в них святынях. Особенно сильное впечатление, как заметно, произвели на паломников соборы Софийский и Владимирский, первый – своею древностью, второй чудною живописью.

В 5 часов по полудни отбыли мы из Киева. Со слезами на глазах прощались наши паломники со святынями Киева, спрашивая себя каждый: приведет ли Бог еще когда-нибудь поклониться святыням сего древнего града.

Вся дорога от Киева до Елисаветграда состояла из миссионерских частных бесед с народом, чтения и пения церковных молитв. Утром 7-го мая я провел как для своих, так и для чужих паломников на палубе беседу о таинстве св. крещения, имея в виду некрещенных детей возвратившихся в православие паломников, давших после беседы обещание непременно крестить свои семейства по приезде домой.¹³⁵

8-го мая в час дня мы прибыли в Елисаветград, где на вокзале нас давно уже ждала тысячная толпа народа, сопровождавшая наших паломников, несших в руках иконы св. Феодосия, от вокзала до церкви св. иконы Владимирской Божией Матери. Здесь, в храме в присутствии многочисленных молящихся пред иконой св. Феодосия был отслужен благодарственный молебен, пред началом которого мною было сказано народу поучение и прочтены акты об исцелении Федорова и присоединении ездивших в Чернигов и Киев штундистов. Чтение актов произвело на присутствующих глубочайшее впечатление, вызвавшее искренние слезы благодарности всемогущему и дивному во святых Своих Богу. Молитвой началось, молитвой и окончилось наше знаменательное паломничество ко святым местам Чернигова и Киева «Славете Господа, говорит псалмопевец, призывайте имя

Его; возвещайте в народах дела Его. Воспойте Ему и пойте Ему; поведайте о всех чудесах Его» (Пс.104:1–2). «Возвещайте, учит царь и пророк Давид, в народах славу Его, во всех племенах чудеса Его» (Пс.95:3). Повинуясь слову Божию, и мы, все паломники, решили составить официальные, засвидетельствованные подписями многих очевидцев, акты о чудесном исцелении у мощей св. Феодосия тяжело больного Владимира Федорова и о присоединении к православию всех ездивших в Чернигов и Киев штундистов Херсонской губернии, «да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих» (Пс.106:8) и да уразумеют все заблудшие, «яко с нами Бог!».

«Кто мудр, тот заметит сие и уразумевает милость Господа!» (Пс.106:43).

Возлюбленные о Христе братья, христиане православные! Читая или слыша о вышеописанной великой милости Божией исцеления болящего и вразумления заблудших, разумеете, что это великое чудо сотворил Господь для нас, для укрепления всех нас в вере Православной, *«дабы мы не были более младенцами, колеблющимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения»* (Еф.4:14). Не будем же более искушать Господа неверием нашим, не будем оскорблять Его сомнением своим, но останемся твердыми и непоколебимыми в вере отцов наших до конца дней своих, помня великое обещание Господа: *«будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни!»* (Откр.2:10).

И вы, возлюбленные, по неведению заблудшие братья наши, раскольники и сектанты, опомнитесь, подумайте наедине пред Богом, что этим великим чудом милосердый Господь, не желающий смерти грешника, но желающий, *«чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»* (1Тим.2:4), показывает вам ясный путь к истинной вере. Он долготерпеливый стоит у сердца вашего и стучит в него (Откр.3:20), призывая вас к покаянию. Не ожесточайте же более сердец ваших, отбросьте неверие ваше, не искушайте долготерпение Божие, зовущее вас к самовольно вами оставленной, любящей и скорбящей о вас матери Церкви,

в которой Господь всегда творил и теперь для вразумления вашего творит такие великие, дивные чудеса!

«От всякаго, говорит Господь, кому дано много, много и потребуется» (Лк.12:48). Подумайте же, возлюбленные, как много дает вам милосердие Божие: устами не двух или трех, а устами многочисленных свидетелей-очевидцев вы удостоверяетесь, что, по молитвам к Богу святых Церкви Православной, хромые ходят, слепые прозревают, беснующиеся исцеляются и больные разными недугами получают здоровье. Знайте, что это и для вас, возлюбленные, заблудшие братья, Господь прославляет Свою Церковь, свидетельствуя о святости и истинности ее многими великими чудесами, так что на страшном судище Христовом в неверии своем вы будете безответны, кто бы вы ни были, – сектанты или раскольники. *«Да даст тебе Господь разумение во всем» (2Тим.2:7),* и в том, что совершившимся чудесным исцелением раба Божия Владимира *«благодать Господня ведет тебя к покаянию» (Рим.2:4).* *«Вот теперь время благоприятное, теперь день спасения» (2Кор.6:2)* для ищущего пути истины! *«Итак будь ревностен и покайся» (Откр.3:19),* ибо не медлит Господь праведным судом Своим над теми, *«которые упорствуют и не покоряются истине» (Рим.2:8), «и в упорстве погибают, как Корей» (Иуд.11); «не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением, но долготерпит нас не желая, чтобы кто погиб, но, чтобы все пришли к покаянию» (2Пет.3:9).* *«Итак, будь ревностен и покайся» (Откр.3:19).*

«Преудобрен в архиереях, святителю Феодосие, был еси светило своему стаду; таже преставился еси в вечныя обители: умоли у престола Царя славы избавится нам от находящихся на ны зол и спастися душам нашим, святе, молитвами твоими!» (Тропарь).

Херсонский Епархиальный миссионер Михаил Кальнев.

VIII. Ганицкий И., свящ. К старообрядцам-раскольникам. (Стихотворение). // Миссионерское Обозрение, 1897, Ноябрь, кн. 2. С. 685–687

О чем вы спорите, собратья,
От нас ушедшие в раскол?
Зачем вы шлете нам проклятья,
Желанье бед и всяких зол?
Ведь все мы люди, а не звери
К чему ж вражда у вас, – к чему?
И мы и вы единой веры,
И служим Богу одному.
И мы и вы сыны России,
Народа славного семья;
Забудем споры вековые,
Прийдем в объятия, друзья!
Скорей протянем наши руки,
Друг друга привлечем к себе
Довольно натерпелись муки
В напрасных спорах и борьба
Из-за чего же озлобленье?
Из-за чего у вас вражда?
Случилось недоразуменье
И от него пошла беда!...
Нельзя и вспомнить без улыбки,
Что плод невежества писцов
По книгам старые ошибки
Для вас важней, чем мир – любовь
Поднята страшная тревога,
Из-за причины небольшой.
Не все-ль равно для вас
Побриты вы, иль с бородой?
В защите старого обряда
До буквоедства вы дошли,
Под мирный кров Христова стада
Раздор и ненависть внесли.

К чему вражда и озлобленье?
В согласьи, в мире всяк живи.
Ведь не в обрядах лишь спасенье,
А в духе веры и любви.
Креститесь вы двумя перстами,
А мы, – как принято – тремя,
Жили б в любви Христовой с нами,
Как братьев кровная семья.
Гласите дважды аллилуйя,
А мы воскликнем три раза,
Но лишь бы нам служить – скажу я,
Во славу Божью, всех любя.
У вас и нас одни просфóры,
У вас их семь, у нас же пять.
Пусть будет так. К чему же спорить
К чему любовь нам нарушать?
Вам ценна старая икона
И в книге старая печать?
Хотя и странно, – все ж закона
Любви не след бы нарушать.
Вам свят лишь крест осьмиконечный
И «пóсолонь» хождение то ж.
Но свет Христа – Любви предвечной
Гасить не стоило бы все ж.
Христа «Исусом» вы «зовете»,
А мы читаем «Иисус»;
Вы Никона не признаете,
У вас на то свой взгляд и вкус.
Мириться в мелочах нам можно,
Лишь Вера бы была (чиста) свята,
Зачем же вы твердите ложно,
Что наша Вера уж не та?
Что с Никона ушла на небо
Из Церкви нашей благодать;
Что уж «в попах иных потреба»,
А в сих «антихриста печать»!...
Одно невежество грубое,

Духовный мрак и темнота,
Родили мнение такое,
В котором ложь и клевета.
И крепко въелись лжи оковы,
Ничто не может их сорвать.
За эту ложь вы все готовы
Себя живыми закопать.
Умом настолько стали слабы
И здравый смысл у вас угас,
Что бредни полоумной бабы
Принять могли за Божий глас.
Скорбит отчизна дорогая,
До боли все поражены,
О злодеяниях читая,
Что в Тираспольи свершены.
Слепцы, слепцы! вы все ж нам милы,
Зовем к себе мы, вас любя:
Раскола бойтесь, как могилы,
Спасайтесь сами от себя!
Свящ. Иаков Гоницкий

**IV. Беседы и поучения: // Миссионерское Обозрение,
1897, Ноябрь, кн. 2. С. 687–713**

1) Александров Д., свящ. В ограждение чад правосл. Церкви от раскольничьего суетумудрия. Поучение на восьмой член Символа веры

«(Верую...) И в Духа Святаго, Господа Животворящего, Иже от Отца Исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки»

В семь члене, бр. хр., Православная Церковь излагает учение о третьем лице Пр. Троицы – Боге Духе Святом. Церковь на основании слова Божия учит, что Дух Св. есть Бог, единосущный Отцу и Сыну, (Деян.5:3–4). Как истинный Бог, Дух Св. имеет и свойства Божеств, власть и славу и равночестное Ему поклонение. Он вечен, вездесущ, всеведущ, неизменяем, всеблажен (Ин.16:11; Рим.8:9, 11 и др.; 1Кор.12:7–11).

Он есть Творец мира видимого: «Словом Господа сотворены небеса, и Духом уст Его – вся сила их» (Пс.32:6) и в особенности Творец в царстве благодати или возрождения душ (Ин.3:3, 5); почему и называется «животворящим», ибо всем тварям он подает жизнь, в особенности же духовную жизнь людям, как и воспевают Св. Церковь: «Святым Духом всяка душа живится и чистотой возвышается». – Все животворящие благодатные дары Св. Духа изливаются на верующих во Св. Церкви чрез Богоустановленные таинства. Дары эти, по указанию пр. Исаии: «Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия, Дух страха Божия» (Ис.11:2–4). – Во Св. Таинствах Дух Св. подает христианам средства к очищению от грехов, к примирению с Богом, к отражению диавольских козней, к достижению жизни вечной, делает нас добродетельными и праведными, ибо все христианские добродетели, по свидетельству ап. Павла, суть плод действий в нас Св. Духа (Гал.5:22). – Будучи единосущным Отцу и Сыну, Дух Св. личным свойством отличается от Отца и Сына: Отец ни от кого не рождается, Сын вечно, рождается от Бога Отца, а Бог Дух Св. предвечно исходит от Бога Отца. Каким образом Дух Св. исходит от Бога Отца, эта непостижимая тайна. Мы должны верою принимать и усвоить эту тайну, помня, что сему научил нас

Христос Спаситель, сказав: Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне» (Ин.15:26), посему в Символе веры и читаем мы: «иже от Отца исходящаго». Далее о Св. Духе в Символе веры говорится: «Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима"... Это значит, что Богу Духу Св. мы должны воздавать такое же поклонение, как Богу Отцу и Сыну. «Достойно и праведно есть, воспевают Св. Церковь, поклоняться Отцу и Сыну и Св. Духу: Троице единосущней и нераздельней»; «Святому Духу честь и слава, якоже Отцу достоит и Сынови подобает приносить» (Антиф. 1 гл.).

«Глаголавшаго пророки». Эти слова Символа веры значит, что книги Св. Писания – не человеческие произведения, а Св. Духа Божия, Св. мужи писали их по внушению Св. Духа: «ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Св. Духа просвещаемии глаголаша Св. Божии человецы» (2Пет.1:21). Т.о., бр., Св. Дух глаголал устами пророков и св. Апостолов, в изобилии на которых излился в день Пятидесятницы. Вот поэтому и поет Св. Церковь: «во пророцех возвестили еси нам путь спасения, и во Апостолах возсия, Спасе наш, благодать Духа Твоего» (Стихир. на Пятид.) и потому книги Св. Писания должны быть принимаемы, читаемы и слушаемы, «не аки слово человеческое, но якоже есть воистину – Слово Божие" (1Сол.2:13). Скажем кратко: Дух Св. есть Третье лицо Пр. Троицы, истинный Бог, равный Отцу и Сыну, вечно исходящий от Бога Отца, дарующий жизнь тварям, в особенности же духовную людям; славу, честь и поклонение Ему подобает воздавать, как Отцу и Сыну; по внушению Его написаны Св. мужами книги Св. Писания.

Такое учение о Св. Духе Пр. Церковь приняла издревле и держит оное неизменно. Напрасно старообрядцы обвиняют Церковь в том, что она, определением собора 1667 г. исключив прилог «истиннаго» в сем члене, тем самым показала, якобы, что не исповедует Духа Св. Богом истинным и, следовательно, впала в ересь. Греко-Российская Церковь всегда исповедовала и исповедует Духа Св. быть Богом истинным, что ясно показывает и словами Символа веры, именуя Духа Св. Господом, спокланяемым и славимым наравне с Отцом и Сыном...

Исповедует и во многих церковных песнопениях, из коих укажем на молитву Св. Духу: «Царю Небесный, Утешителю, Душе *истины...*»; на молитвенные песнопения в день Пятидесятницы: «Дух Св. бе убо присно и есть, и будет..., присно Отцу и Сыну счинен и счисляем, Бог и Боготворяй». Есть много и других молитвословий, коими Св. Церковь ясно выражает свою веру в Св. Духа, как Господа истинного. Если старообрядцы решаются обвинять Пр. Церковь в еретичестве за то, что она 8 чл. Символа веры читает без прилога «истинного», то пусть они обвинять в еретичестве и патриархов, бывших ранее п. Никона, ибо такое чтение 8 чл. Символа мы находим и в старопечатанных уважаемых старообрядцами книгах, как-то – в Б. Катехизисе (лл. 113, 310 об. и 323), Кирилловой кн. (430 об., 554 и др.), Кормчей (гл. 48) и в Катихизисе (л. 20 об.) и мн. др.

Откуда же взяли старообрядцы повод обвинять Пр. Церковь в нарушении ею 8 чл. Символа веры, в еретичестве? Дело в том, что, при исправлении церковно-богослужебных книг, п. Никон обратил внимание на разночтение в Символе веры, в особенности 8 чл. В некоторых местах 8 чл. читался: «и в Духа Святаго, Господа, животворящаго»..., в некоторых: «и в Духа Святаго, Господа *истиннаго*, животворящаго»... Зная, что неприкосновенность Символа веры, как образца и правила вселенской веры, долженствующего быть неизменным, ограждена 3 пр. 7 всел. Собора и др. анафемой, п. Никон, на основании древнейших рукописей, с благословения и разрешения собора 1654 г., постановил читать 8 чл. Символа так, как мы доселе читаем, т.е. без прилога слова «истинного». Постановление п. Никона и собора 1654 г. было одобрено великим Московским соб. 1666–1667 гг., на котором присутствовали и Восточные патриархи. Что действительно 8-й чл. Символа веры в древнейших рукописях читался без прилога, укажем на сочинение Зиновия инока († 1568 г.), ученика пр. Максима Грека, хранящееся в Московской патриаршей разнице, из которого видно, что в XI веке Символ читался не так, как читают старообрядцы, а как мы. «Вопроси мя, пишет Зиновий, Захария-клирик, глаголя: в Символе ови глаголют: и в Духа Святаго Господа, ови же глаголют: и в Духа Святаго истиннаго;

аще есть разнство некое во глаголах сих? Рекох же ему: иже право веруай кто нелицемерна, мню, немного разнства zde, аще и мнится не едино именно. Обаче есть страх в селиц, еже не глаголати: и в Духа Св. Господа. Видех бо в правилах древняго перевода книги, переписаны же быша при Ярославе князе, сыне Владимирове, и при епископе Иоакиме, в начале крещения нашея земли: во избрании пр. веры писано – и в Духа Св. Господа, а не написано – и в Духа Св. истиннаго, но написано Господа» (Ист. Рус. раск. Макария 27 стр.). – Т.о., основываясь на семь свидетельстве, чтение 8-го чл. Пр. Церковью нужно признать древнейшим, бывшим еще в XI в. Есть много и других письменных памятников (с XII-XV вв.), которые свидетельствуют о правильности нашего чтения. С XIV века встречается чтение 8 чл. Символа веры такое: «и в Духа Св., истиннаго и животворящаго» и только с XV в. то самое чтение, которое употребляется ныне старообрядцами, – но Стоглавый собор (1551 г.) признал чтение это неправильными и постановил: «верую во единого Бога сущее глаголется: и в Духа Св. истиннаго и животворящаго, ино то гораздо. Неции же глаголют: и в Духа Св., Господа истиннаго: ино то негораздо... Едино глаголати – или Господа, или истиннаго» (гл. 9-я). – Несмотря на столь ясное признание Стоглавого соб., в напечатанных в великой России до п. Никона книгах снова встречается чтение разнообразное: где написано – «Господа истиннаго», где – просто «Господа». Чтобы ввести однообразие, вместо разнообразного чтения, п. Никон на соборе 1654 г. и затем пастыри собора 1667 г. и сделали распоряжение, чтобы читать так, как мы доселе читаем: «и в Духа Св. Господа, животворящаго"... Следовательно, Пр. Церковь не только в этом случае не нарушила древнего благочестия, а, напротив, сделала улучшение, однообразие и притом исправление – в духе Стоглавого собора, – чтение такое, какое мы находим, как указали выше, в книгах, уважаемых и принимаемых самими же раскольниками.

Каким же образом появились разности в чтении сего члена? По-гречески этот член читается так: καὶ εἰς τὸ πνεῦμα (и в Духа), τὸ ἅγιον (святаго), τὸ Κύριον (Господа), τὸ ζῶντα

(животворящаго). Греческое слово «Κύριος», при переводе на славянский и русский языки употребляется и в смысле – «Господь», и в смысле «Господень» и в смысле «Истинный». Некоторые переводили: – «Господь», а некоторые «истинный». – Так появилась разность в чтении сего члена. Наши же древние переписчики, списывая с одной рукописи с чтением «истиннаго», видели в другой рукописи с словом – «Господа». Не зная в точности, какое чтение более правильно, более точно с древним, переписчики наши делали так: слово «Господа» вносили в текст, а другое слово «истиннаго» приписывали с боку – на поле, или между строками. Следующий же переписчик, имея под руками подобную рукопись, подумав, что слово, стоящее на поле пропущено было переписчиком случайно, и внес его в самый текст. – Т.о., и появилось чтение старообрядческое: «и в Духа Св., Господа истиннаго и животворящаго». Чтение это неправильное, конечно, а правильное то, какое указывал Зиновий монах, ученик пр. Максима Грека, когда «в начале крещения наша земля» употреблялось только слово «Господа», а не «истиннаго» и одобренное собором в 1667 году.

Итак, осуждать Пр. Церковь в том, будто она, исключив в 8 чл. Символа веры слово «истиннаго», изменила Символ веры, совершенно несправедливо... Обвинение это – клевета, изысканная старообрядцами для того, чтобы чем-нибудь опорочить Пр. Церковь, а она, по Апостолу, «не имеет скверны, или порока, или нечто от таковых, но есть свята и непорочна» (Еф.5:27).

Обвиняя Пр. Церковь в нарушении 8 чл. Символа веры, – в еретичестве, – сами старообрядцы, действительно, не соблюдали и не соблюдают учения 8 чл. Символа веры о Св. Духе и впали в еретичество. Разве не ересь учит, как учат беспоповцы, что священство, поставленное в Церкви от Духа Святаго (Деян.20:28), пало, что православное священство уничтожено антихристом, что Церковь, с которою Христом Спасителем обещано было вечное пребывание Духа Святаго (Ин.14:16), заражена антихристовой прелестью, действия которого, т.о., по учению раскольников, сильнее благодати Св. Духа... Это нечестие, по учению св. Златоустого, «горше

нечестия Еллинов» (Беседа на посл. Колос.). А австрийцы не проповедуют ли ересь, когда в Белокриницком уставе, на который нельзя иначе смотреть, как на корень, основание (ибо устав сей – своего рода исповедание веры, – Символ), всей австрийской церкви, учат, что «Бог Отец, сый свет истинный, искони совершен и неприменен есть; точию до сотворения дел своих бе в молчании, имея единосущное во уме Слово Сына Своего, егоже, по глаголу Бл. Андрея Цареградскаго, в первом изречении: «да будут вещи», нетленно родил, сиречь во исхождении соприиснующим Духом своим Святым от сердца отрыгнул"... (См. 1 гл. устава). Т.о. словами: «сиречь во исхождении соприиснующим Духом своим Святым от сердца отрыгнул"... – проповедуется, что Бог Отец, при сотворении веков, Духа Святаго, совокупно с единокровным Сыном Своим, от сердца отрыгнул, т.е. проповедуется, что Дух Святой не есть предвечный Бог, но вместе с веками получивший бытие. В опровержение сего лжеучения о Св. Духе приведем свидетельство Григория Богослова, который в 3 слове о Богословии говорит: «Когда рождение (Сына) и исхождение (Св. Духа)? Прежде самого – когда. Если же надо выразиться несколько смелее: тогда же, как и Отец. Но когда Отец? Никогда не было, чтобы был Сын и Дух Святой (т. 2. стран. 54). И в 5 слове: «Если было, когда не был Отец, то было, когда не был Сын. Если было, когда не был Сын, то было, когда не был Дух Святой. Если Один был от начала, то были Три... Если низлагаешь одного; то смею сказать и говорю: не утверждай, что превозносишь Двоих. Ибо что за Божество, если Оно несовершенно» и т.д. (стр. 105). А Белокриницкий устав, именно, проповедует «несвершенство Божества», утверждая, что было время, когда не было Св. Духа, что Он произошел, якобы с первым изречением: «да будут вещи"..., учение – еретическое, преданное анафеме вселенскими соборами и отвергнутое св. отцами. – Аминь.

Священник Димитрий Александров

2) Иванов К., свящ. В огражд. от сектантского (хлыстовского) заблуждения поучение 4-е о том, с какого времени и от кого пошла зловердная ересь хлыстовская

В настоящей беседе нашей, бр., мы будем говорить о том, с какого времени, как и от кого пошла зловердная ересь хлыстовская по св. Руси.

Хлыстовство в первый раз было обнаружено при в. князе Московском Димитрие Донском, в то печальное время для всея Руси, когда великий князь и все истинные сыны прав. отечества нашего вели страшную и продолжительную борьбу с врагами веры православной – татарами. В это-то тяжелое и темное время появился в Московском княжестве человек неизвестного звания, по прозванию Аверьянов, который стал распространять между простецами учение, неведомое до того на Руси, не имеющее ничего общего, по своему существу с православным учением христианским. Учте это, как после обнаружилось, было то самое, которому следуют и поныне, с значительными изменениями, еретики, известные у нас под именем хлыстов. Как много было тогда согласников у Аверьянова, сколько он погубил прав. христиан, совратив их в свою новую развратную веру, неизвестно.

Это еретическое учение, обнаружившись так неожиданно среди русских людей того времени, со смертью еретика Аверьянова, мало-помалу ослабело, а наконец о нем и совсем перестали говорить. Так дело обстояло до царствования Иоанна Васильевича Грозного, когда вновь обнаружились последователи этого зловердного учения. На этот раз распространителем хлыстовства был Иван Емельянову человек хитрый и пронырливый, уловивший в свое гнусное сообщество не малое число христиан, нетвердых в православии.

Об этих врагах православия, о их деятельности и учении, хотя в истории русской Церкви подробных и точных сведений и нет, но что Аверьянов и Емельянов были насадителями и распространителями хлыстовства среди русских людей, это не

подлежит сомнению; свидетельство о них находится в хлыстовских песнях, распеваемых хлыстами на своих радениях.

И опять о хлыстах долгое время не было слухов; только в первой половине XVII века, в последние годы царствования государя Михаила Феодоровича, язва хлыстовства с новой силой заявила о своем существовании. Среди лиц, недовольных существовавшими тогда порядками, появился крестьянин Данила Филиппов, объявивший себя, – страшно вымолвить, богом – Саваофом.

– «Я есмь, говорил этот проходимец, ваш господь бог Саваоф, предвозвещенный пророками, и да не будет у вас других богов, кроме меня».

Данила Филиппов, человек невежественный, грубый и дерзкий, озлобленный против тогдашнего правительства, желая наделать неприятностей и бед ему как можно больше, говорил всякие безумные глаголы, а люди неразумные, темные, не ведущие ни Свящ. Писания, ни силы Божией, не понимающие ясно веры христианской, православной, слушали Данилу Филиппова и верили ему; – верили ему, что он их бог – Саваоф и воздавали ему божеские почести, – т.е., молились ему и во всем беспрекословно повиновались ему.

Этот лже-бог, лже-саваоф – крест. Д.Ф. дал своим неразумным слушателям 12 заповедей, в которых сказалась ложь и нечестие этого лже-бога. В свое время мы подробнее разберем содержание заповедей этого безумца; а теперь скажем только, что Данила Филиппов учил своих последователей отца и мать не почитать, не слушаться их ни в чем, ничего им из тайностей хлыстовских не открывать; женатым велел оставить своих законных жен и жить с любой женщиной из хлыстовского общества, хотя бы даже и с несколькими; не женатым указывал не жениться, и жить по-скотски, с кем хотят; все хлысты и хлыстовки должны называть друг друга братцами и сестрицами, а состоя между собою в плотском сожитии, кроме того, еще и духовными супругами. И многим иным мерзостям, и гнусностям учил хлыстов их лже-бог – Данила Филиппов.

Что же, пр. хр., находите вы в этих чудовищных хлыстовских верованиях какое-нибудь сходство с нашей верой христианской,

святой? – Конечно нет!

Наша вера святая от Господа Иисуса Христа Сына Божия, *Единороднаго*, потому она и называется верой Христовой, – христианской. Вера же хлыстовская пошла от Аверьянова, Емельянова, да от Данилы Филиппова, а поэтому хлыстам, имеющим у себя богом Данилу Ф., не следует, не прилично (и для их лже-бога – лже-Саваофа даже как будто и обидно) называться христианами; у них нет ничего общего со Христом Господним. А потому не были ли мы правы, и не сущую ли правду говорили вам, пр. хр., когда называли хлыстовство злою ересью, а хлыстов еретиками?

Удивительным и странным должно бы казаться, что люди православные признали своим богом какого-то крестьянина Данилу Филиппова и всем его сказкам поверили, как Слову Божию. По удивлению нашему не будет места, если мы припомним истину, что, когда люди, отрешившись от Слова Божия, отделившись от Церкви Христовой, начнут в делах веры руководиться одним только своим злохудожным разумом, – всегда впадают в грубые ошибки, приходят к заблуждениям и в конце концов оказываются в полной власти у врага рода человеческого, противника Христова. Это же самое должно было случиться, и случилось, с хлыстами.

Отторгшись от Церкви Христовой, ее вероучения и благодатного водительства, хлысты впали в прелесть диавола и аггелов его, вошли в общение с врагами Царства Христова, ибо кто не со Христом – Единородным Сыном Божиим, нашим единственным Спасителем, тот против Него.

И праматерь наша Ева, как только вошла в общение с диаволом, стала слушать его пагубные речи, поверила его внушениям, так и пала, согрешила. «Не верьте Богу», говорил диавол; а верьте тому, что я скажу вам: «если послушаетесь Бога и вкусите от запрещенного плода, сами будете богами». Поверили прародители диавольским речам, вкусили от запрещенного плода и не сделались богами, оказались обманутыми в своих предположениях, как в делах веры следуют не Слову Божию, а указаниям разума и внушениям исконного врага; и мало того еще, что не сделались богами, но потеряли

свое бессмертие, утратили человеческое достоинство и из свободных чад Божиих соделались рабами бесовскими, – по делам своим восприяли.

То же самое произошло и с хлыстами. Отвергли они Слово Божие, стали в делах веры руководиться одним только умом своим, да и умом ослабленным, способным только к заблуждениям, и впали в ошибку: богами не сделались, да и не могли никогда сделаться, а рабами дьявола, не подозревая того сами, сделались. «Предал их Бог в неискусен ум творити неподобное». Не отступай они от Бога истинного, не отвращайся от всесвятого Слова Его и от Церкви Слова Его и от Церкви Его, – они не погибли бы.

Итак, хлысты еретики; это не подлежит сомнению. А от еретика человека, *после первого и второю вразумлению, отвращайся*, (Тит.3:10), сказано в Слове Божиим. Посему, бр. хр., держитесь дальше от хлыстов, не имейте с ними общения и будьте ближе, как можно только ближе, к Церкви Христовой, православной, в которой вы рождены, воспитаны и освящаетесь.

Свящ. Кр. Иванов

3) П-н С. В огражд. от заблуждений рационалистич. сект (молокан, штунды и др.). Поучение 1-е о Церкви (Вне единой истинной Церкви нет спасения)

"Верую во едину, святую, соборную и Апостольскую Церковь».

С этими словами исповедания вошли мы, братие, в Церковь Христову, соделавшись во святом крещении христианами. В Церкви Христовой – вся духовная жизнь наша: сюда принесли нас младенцами, чтобы представить нас, как чад, Богу, отсюда и вынесут нас, чтобы предать наши тела земле до будущего воскресения. Здесь мы слушаем слово Божие, здесь мы возносим к Богу молитвы наши, здесь получаем благодатные дары Божии, здесь устроаем все наше спасение. Так поступаем мы, так поступали отцы и деды наши, так поступают и все православные христиане уже почти две тысячи лет. Зачем мы и весь народ православный живем во святой Церкви? Затем, что иначе невозможно спастись, невозможно из этой земной жизни перейти во святую блаженную жизнь на небе, невозможно без нее из грешника, которого ждет праведный суд Божий, стать праведником, получить прощение, оправдание и награду на этом суде Божиим. Без Церкви и *вне Церкви – нет спасения.*

Церковь, в которой возможно найти человеку свое спасение, устроил Сам Господь наш Иисус Христос, возвестивший некогда св. ап. Петру в ответ на исповеданную сим учеником твердую как камень веру в Него: *создам Церковь Мою и врата адовы не одолеют ее (Мф.16:18)*. Что Господь обещал, то и исполнил: Он создал общество людей, соединенных такой верой, как у Апостолов, и это общество не в силах разрушить никакие внешние и внутренние враги. В этом обществе находимся и мы, возл. братие, и в нем-то мы устроаем свое спасение.

Одно ли такое спасительное общество на земле, *одна ли Церковь?* Да, братие, одна. Господь Иисус Христос в своем обетовании о создании Церкви говорит: «создам Церковь, а не церкви» (Мф.16:18); и в Своей молитве к Отцу небесному просил: «Молю о всех верующих в Меня: да будут все едино»

(Ин.17:20–21). И апостол Павел говорит: «мы многие составляем одно тело во Христе (Рим.12:5–6; 1Кор.12:27). Итак, Церковь Христова, по учению Слова Божия, одна на земле. Но вот говорит: церковь русская, церковь греческая, болгарская, сербская. И в Свящ. Писании упоминаются церкви многие, напр., у св. евангелиста Иоанна семь церквей: смирнская, фиатирская, пергамская, филадельфийская, сардикийская, лаодикийская; у св. ап. Павла – церкви: римская, коринфская, галатийская, ефесская, солунская, колосская, филиппийская... Да, такие церкви были и будут, но они части одной Церкви, как части одного тела, которые ничем не отличаются между собою. Во всех этих церквях одна Глава – Иисус Христос. Все истинные христиане, по учению апостола Павла, представляют *одно тело, один дух подобно тому как один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех* (Еф.4:4–5); для всех истинных христиан, хотя бы они были по месту и времени и в разных церквях, одни таинства, установленные Господом, одни пастыри преемственные от св. Апостолов и учителя, одно учение и законы. Апостол Павел учил, что в разных церквях должны быть не только одна вера и таинства, но даже такие правила, как вести себя в храме (1Кор.14:33), как собирать милостыню (1Кор.16:1). Так думают все православные христиане. Для Церкви нет различия в людях по их происхождению, русские ли они, греки, болгары. Во Христе нет различия, по слову Апостола, между Иудеем и Эллином (Кол.3:11). Важно только, чтобы эти люди были собраны во имя Христа имели одну веру, исповеданную апостолами, одни освящающие средства, руководились одними пастырями, под главенством Христа, управлялись одними законами, и где бы эти люди ни находились, они составляют истинную Церковь Христову и получают спасение. Но всегда были и теперь есть, к сожалению, люди, которые, хотя и называют себя христианами, но свое спасение полагают – не в Церкви Христовой, а в самих себе, отделяются от Церкви и составляют как бы свою церковь. (Таковы, напр., наши штундисты, раскольники и др.). Справедливо ли они поступают? О нет, братие! Церковь, как мы видели, одна на земле; а в ихнем обществе нет ничего

одинакового с Церковью Христовою. У них не одна с нами вера во Христа, не одни пастыри, не одни таинства, не одни и законы жизни Церковной. Отступивши от единства тела – Церкви, они отделились и от Главы – Христа, а потому без Христа и не найдут спасения, хотя ищут его и называют себя христианами. Правда, они прилагают в себе следующие слова Спасителя: *«где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф.18:20). Но эти отступники от Церкви прилагать к себе не могут. Можно ли собираться во имя Христа и не слушать Его, отступить от Церкви, которая есть, по Апостолу, тело Христа? Это похоже было бы на то, как если бы кто-нибудь изменил государству своему и просил бы милости во имя Царя своего: такой напрасно произносил бы имя царское. Так и Господь говорит: *«Не всякий говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющей волю Отца Моею Небесного. Многие скажут Мне в тот день (день страшного суда): Господи, Господи, не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многия чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня делающие беззаконие* (Мф.7:21–23). Из этих слов Спасителя каждый поймет, что не только люди, собирающиеся во имя Христово, но даже пророчествующие от имени Христа, даже совершающие чудеса именем Христа – не получают спасения, потому что они сами – не истинные, не православные христиане. Сила Христова имени – велика, но, чтобы она принесла и спасение тем, кто им пользуется, необходимо, чтобы они были в тесном внутреннем общении со Христом, в таком общении, в каком была Апостолы; необходимо, следовательно, им быть в единении с Церковью. Церковь есть тело, у которого глава – Христос, а члены истинно верующие. Как члены человеческого тела находятся в самой тесной связи с головою, так и члены тела Христова, члены Церкви находятся во внутреннем единении с Главою Ее – Христом. Кто – в Церкви, тот со Христом; вне Церкви – вне Христа и напрасно тогда прибегать к силе имени Христова. Без Церкви, как без Христа, – ничего не достигнешь. Об этом так говорил Спаситель своим ученикам, когда расставался с ними:

«Пребудьте во Мне, и Я в вас, Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будешь на лозе; так и вы, если не будете во Мне, Я есмь лоза, а вы – ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит мною плода, ибо без Меня не можете делать ничего: кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают; если пребудете во Мне, и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Ин.15:1–7). Вот условие получения спасения – быть во Христе. А кто во Христе – тот член тела Христова – Церкви, тот не отличает себя от христиан, не отделяется от них, не отпадает как засохшая ветвь, которую, по слову Спасителя, бросают в огонь. Апостолы, по вознесении Господа, разошлись по разным странам, проповедуя учение Христово, но не разделяли Церковь, а составляли одну, и извергали из нее тех, кто не принимал одной с ними веры, не жил по одним с ними законам. Вот, братие, урок, который нужно напечатлеть в умах и сердцах наших. На земле одна истинная, святая, соборная и апостольская Церковь, потому что одна только истинная вера, как один Христос, как один Бог-Отец всех. Только пребывая в Церкви, мы пребудем истинно и действительно во Христе, а пребывая во Христе, мы по слову Господа, чего ни пожелаем, получим: получим и спасение. Да даст же нам Господь теснее и теснее соединиться с Ним и между собою, чтобы никому из нас не отделиться, как засохшей ветви, от Лозы – Христа и от единой Его Церкви, и не попасть в огонь геенский, где будет плач и скрежет зубов (Мф.8:12). Аминь.

Беседа в неделю 22 по Пятидесятнице, на чтение Еванг. (Лк.16:19–31) (Из творений св. Отец)

Цель земного бытия человека или что ожидаешь каждого из нас в жизни будущей?

Как многие из нас смущаются тем, что люди, отличающиеся доброю, благочестивою жизнью, часто терпят разные бедствия, нищету, унижение и т.п., а люди порочные, забывшие о Боге и Его законе, пользуются полным довольством и благополучием! Как многие, наблюдая несоответствие земного счастья с добродетелью, часто ропщут на свою тяжкую долю и возмущаются духом! Евангельская притча о богатом и Лазаре объясняет нам те причины, по которым Господь, безгранично более, чем отец и мать, любящий нас, Господь Всеправедный допускает такую, как кажется нам, несправедливость. *Восприял еси благая в животе твоём, и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страждеши*, говорит Авраам богачу. Вот истинное утешение всем несчастным и обиженным в этой жизни и вместе грозное предостережение всем счастливым и благоденствующим на земле. Не на земле наше постоянное пребывание, а на небе; не здешнюю жизнь, которая, может быть, в сию же ночь прекратится, нужно нам устраивать возможно удобнее и спокойнее, а будущую, которая не будет иметь конца. Св. Василий Великий говорит: «И языческие мудрецы пускались в умозрения о конце (о цели) человеческого, но они разошлись в понятии о сем. Одни утверждали, что этот конец есть знание; другие же – успешное действовање, иные – разнообразное употребление жизни и тела; а другие, став скотоподобными, говорили, что этот конец есть удовольствие. Но по-нашему учению, конец, для которого все делаем и в котором стремимся, есть блаженная жизнь в будущем веке. И конец сей достигается, когда предоставляет над нами царствовать Богу. Лучше сего для разумной природы доселе ничего не изобретал еще разум».¹³⁶ «Надежда воскресения – корень всякого доброго дела, учит св. Кирилл Иерусалимский, потому что чаяние мздовоздаяния укрепляет душу к благому деланию. Всякий

делатель готов переносить труды, если предвидит награду за труды; а у трудящихся безмездно вместе с телом падает в силы и душа. Так и всякая душа, веруя в воскресение, справедливо оберегает себя; неверующая же в воскресение предаёт себя на гибель».¹³⁷ По учению св. Иоанна Златоуста, «Господь уделил труды веку краткому и временному, а венцы сохранил для нестареющегося и бесконечного, чтобы и тяжесть трудов облегчалась, ограничиваясь краткостью времени, и наслаждение венцами было постоянно и нескончаемо, простираясь на вечность тех беспредельных веков. Как тот, кто прежде наслаждается и пользуется удовольствиями, а после того страдает, не чувствует настоящего наслаждения по причине ожидания будущих бедствий; так тот, кто прежде борется, подвизается, терпит бесчисленные бедствия, а после того увенчивается, не чувствует настоящих золь, ободряемый надеждою будущих благ. И не только надеждою в будущем он облегчил настоящий труд, но и тем, что устроил быть скорби прежде наслаждения, чтобы мы, взирая на него, не очень были угнетаемы настоящими бедствиями. Так и бойцы охотно принимают раны, взирая не на боль, а на венец. Так и мученики, претерпевая бесчисленные страдания и испытывая терзание тела различными мучениями, не смотрели ни на что подобное, но устремляли взор к небу и к тамошним благам. Все это сказано мною для вас, чтобы вы, когда увидите кого-нибудь наслаждающимся и пользующимся удовольствиями в этой жизни, а там имеющего подвергнуться наказанию, не ублажали его за настоящие наслаждения, а пожалели по причине будущего наказания. И с другой стороны, когда кого-нибудь из имеющих там наслаждаться великою честью увидите в скорби, тесноте, и среди бесчисленных бедствий в этой временной жизни, то не оплакивайте его за настоящие бедствия, но ублажайте и считайте достойным ревнования ради назначенных ему венцов в тех беспредельных веках».¹³⁸

Твердо веруя, что по смерти нас ожидает или вечное блаженство, или вечное мучение, мы должны все усилия и труды во время земной жизни своей употреблять для того, чтобы получить блаженство и избежать мучений, а достигнем этого мы

тогда, когда будем исполнять учение Христово, когда будем жить благочестиво и добродетельно. *Имута Моисея и пророки, да послушают их.* Св. Иоанн Златоуст говорит: «Мы получили учение яснейшее и совершеннейшее от Единородного Сына Божия. Если же мы удостоены высшего и совершеннейшего учения, после того как Бог в последние дни возглаголал нам уже не только чрез пророков, но и чрез Единородного Сына; то и мы должны показать жизнь более возвышенную и достойную такой почести. Иудеи имели учителем Моисея, а мы Самого Владыку Моисея. Итак, покажем любомудрие, достойное этой почести, и не будем иметь ничего общего с землею. Он для того и принес нам учение свыше, с небес, чтобы вознести туда нашу мысль, чтобы мы сделались, по мере сил своих, подражателями своего Учителя. А как нам, скажешь, делаться подражателями Христу? Делая все для общего блага и не ища своего. Никто да не ищет своего. А пусть, ища своего, всякий имеет в виду благо ближнего; что наше, то – и их. Ибо мы одно тело и члены и части друг друга. Не будем же в отношении друг к другу, как разделенные».¹³⁹

Но «ни одно дело не может быть совершенно надлежащим образом без благочестивой веры во Христа», учит св. Василий Великий. «Всеми предприятиями да руководит вера в Бога, и да сопутствует им благая надежда, чтобы верою укреплять нам в себе душевную силу, а благою надеждою возбуждать в себе усердие к доброму. Ибо человеческие намерения в рассуждении доброго не совершатся без помощи свыше, а помощь свыше не снизойдет на того, кто не прилагал о сем старания. Напротив того, к усовершению добродетели должно соединиться то и другое – и человеческое усердие, и помощь, по вере приходящая свыше».¹⁴⁰ Св. Иоанн Златоуст говорит: «От Святаго Духа, как бы от некоторого богатого и плодотворного источника, текут все божественные потоки. И то, что постановляет закон, что пророчествуют пророки, что возвещают апостолы, все это поистине усваивается и приписывается Святому Духу. Поэтому блистают всякие красоты и благочестия, и сияют слова истины, и изливаются сокровища боговдохновенной мудрости: сокровища, не в земле скрывающиеся, но созерцаемые в глубине

благочестия, сокровища, веселящие души, озаряющие мысли, обращающие вселенную, обогащающие всю нищету Адама. Принимающий Боше слово обогащается; не принимающий же Божия слова делается бедным. Но бедный злословится, а богатый величается, богатый словом истины, цветущий добродетелями плодоносного любомудрия, каков был Давид, говорящий: *аз же яко маслина плодовита, в дому Божию*, – плодоносная маслина не листьями красующаяся, но отягченная плодами благочестия. Часто бывает, что душа, красующаяся ветвями и листьями, не приносит, однако, плода; пророк же говорит: *аз же, яко маслина плодовита, в дому Божию*, не во вне цветущая, но отягченная внутренними плодами, в доме Божиим плодоносная маслина, потому что не хорошо жительство вне дома Божия.¹⁴¹ Действительно, ты найдешь, что многие и вне слова истины блистают добрыми по-видимому делами, ты найдешь мужей сострадательных, милостивых, заботящихся о справедливости; но у дел нет никакого плода, так как эти люди не знали дела истины. И эти дела прекрасны, но должно, чтобы шло впереди дело высочайшее. Когда иудеи некогда говорили Господу: *что сотворим, да делаем дела Божия*, Он ответил им: *се есть дело Божие, да веруете в Того, Его же посла Он* (Ин.6:28, 29).

Смотри, как Он назвал веру делом. Итак, в одно время с тем, как поверишь, вместе с этим ты расцвел и делами, и не потому, что у тебя не достает дел, а потому, что вера сама по себе полна добрых дел. Дела бывают в отношении к людям и от людей, а вера – от людей в отношении к Богу; вера делает того, кто обращается, небесным гражданином; вера соделывает человека, сотворенного из земли, собеседником Божиим; ничто не бывает хорошим вне веры. Не должно, чтобы вера была лишена дел, для того, чтобы она не была поругаема; однако же вера – выше дел. Подобно тому как у людей, заслуживающих имени человека, прежде всего необходимо, чтобы на первом месте шла жизнь чтоб таким образом они питались (потому что пища сохраняет нашу жизнь), – точно также необходимо, чтобы впереди нашей жизни шла надежда на Христа и чтоб она потом была питаема и добрыми делами. Часто возможно жить тому, кто

не питается, но не живущему невозможно питаться. Моисей постился сорок дней, но так как имел в себе самое живое слово недостаток в земном нисколько не повредил ему. Так бывает и относительно душевного состояния; должно, чтобы душа питалась делами, но надлежит, чтобы прежде дел была принимаема вера. Сделайся плодоносною маслиною, но в доме Божием. Прекрасный дела выражают то, что разумеется под плодоносною маслиною, а слова: в доме Божием – указывают на веру».¹⁴² «Умоляю вас любовью Господа нашего Иисуса Христа, давшего Себя за грехи наши, увещевает всех христиан св. Василий Великий, позаботимся наконец о душах наших, восскорбим о суете протекшей жизни, начнем подвизаться ради будущего во славу Бога, и Христа Его, и покланяемого и Святого Духа. Не будем оставаться в этой лени и в этом расслаблении, чтобы нам, по лени потеряв настоящее, и начало дел откладывая до завтрашнего и последующих дней, когда потом притязатель душ наших застигнет нас, не запасшихся добрыми делами, не быть лишенными радости брачного чертога и не плакать напрасно и бесполезно, сетуя о худо проведенном времени жизни, когда уже ничто не поможет раскаивающимся. *Ныне время благоприятно, говорит Апостол, ныне день спасения (2Кор.6:2).* Этот век – век покаяния, а тот – награды, этот делания, а тот – мздовоздаяния; этот – терпения, а тот – утешения. Ныне Бог – помощник обращающихся от пути злого, а тогда – страшный истязатель человеческих дел, слов и помышлений. Ныне пользуемся долготерпением, а тогда познаем правосудие, когда восстанем – одни на вечное мучение, а другие для вечной жизни, и каждый получит по делам своим».¹⁴³

О.Д.И.Р-в

Беседа в неделю 23 по Пятидесятнице, на чтение Апост. (Еф.2:4). (Из творений Св. Отец)

Тяжко совершают утверждающие, что для спасения достаточно одной веры без покаяния и добрых дел

По неизреченной благодати Своей и любви к людям, сошедший с неба Сын Божий. Господь наш Иисус Христос даровал умерщвленному грехом и немощному на доброе, роду человеческому новую жизнь, пересоздал его: из отверженных рабов, за свои преступления подлежавших осуждению на вечную гибель, соделал верующих в Него сынами Божиими, Своими друзьями, новыми людьми, способными войти туда, идеже Он, соделаться участниками блаженства и славы в царствии Божием. Такие великие благодеяния, такое высокое достоинство, дарованное нам не по заслугам нашим, а только по благодати и милости Господа, обязывает и нас усиленно заботиться – достойным образом хранить дарованное нам и усердно, строго исполнять заповеди Христовы. *Мы творения Его (Бога), созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять.* «Наше спасение есть второе творение, учит Св. Иоанн Златоуст, чрез искупление мы точно из небытия приведены к бытию. В том состоянии, в каком были прежде, т.е. в состоянии ветхого человека, мы были мертвы; теперь же сделались тем, чем прежде не были. Значит, дело возрождения нашего есть действительно творение, и притом творение гораздо превосходнейшее первого. Тем творением мы призваны к жизни, этим же сделаны способными к жизни доброй. *Но дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим,* – т.е. от нас требуется добродетель постоянная, продолжающаяся непрерывно до последнего часа жизни. Если бы мы, предприняв путешествие в царскую столицу и совершив большую его часть, вдруг потом разленились и остановились, не окончив пути, – принесло ли бы нам какую-нибудь пользу это странствование? Точно также и *упование звания* какую пользу доставить нам, участвующим в этом уповании, если мы не станем ходить достойно Призвавшего? Мы, призванные на дела благие,

должны и пребывать в них, доколе не совершим всех добрых подвигов. Не для того, без сомнения, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дело, но, чтобы всегда быть добродетельными. Как всеми пятью чувствами мы должны пользоваться надлежащим образом, так точно должны совершать и все добродетели. Если кто целомудрен, но не милостив, или милостив, но лихоимец, или хоть не берет чужого, но не раздает и своего: для такого все напрасно. Одна какая-нибудь добродетель не дает нам права со дерзновением предстать престолу Христову; для этого нужны добродетели многие, разнообразные, добродетели всякого рода, или вернее – все добродетели. Послушай, что Христос сказал ученикам Своим: *шедше научите вся языки... учаще их блюсти вся, елика заповедах вам*. Смотри, без милосердия нельзя войти в царствие небесное, и мы отойдем в огонь вечный, если у нас не будет доставать хоть одной этой добродетели. И юродивые девы за одно только это были изгнаны из чертога; хотя они имели целомудрие, но так как у них неоставало милосердия, то они и не были допущены в чертог. Пусть иной сохранил все заповеди, но был только досадителем, – и таковой не войдет в царствие Божие. Но пусть никто не обвиняет Бога в строгости за то, что Он согрешающих, по-видимому, хоть немного, лишает небесного царствия. И у людей, если кто совершит что-нибудь противозаконное, то уже царю на глаза не допускается; пусть он преступит хоть одно какое-нибудь постановление, например, произнесет несправедливый приговор на кого-либо в суде, он теряет власть свою. Если же человеческие законы охраняются так строго, то не гораздо ли больше должны охраняться законы Божии?».¹⁴⁴

Ошибаются, тяжело согрешают и готовят себе вечную гибель все те, которые ложно мудрствуют, что для получения Царства небесного нужна только вера во Христа, что, получив чрез веру благодать, они уже святы и не имеют нужды в покаянии и добрых делах. Св. Макарий Египетский говорит: «Если увидишь, что кто-нибудь превозносится, надмевается тем, что он причастник благодати; то хотя бы и знамения творил он, и мертвых воскрешал, но, если не признает души своей бесчестною и

уничиженою, и себя нищим по духу и мерзким, окрадывается он злобою, и сам не знает того. Если и знамения творит он, – не должно ему верить; потому что признак христианства – и тому, кто благоискусен пред Богом, стараться таить сие от людей, и, если имеет у себя все сокровища царя, скрывать их и говорить всегда: «не мое это сокровище, другой положил его у меня; а я – нищий; когда положивший захочет, возьмет его у меня». Если же кто говорит: «богат я, доволюсь с меня и того, что приобрел; больше не нужно»; то таковой не христианин, сосуд прелести и диавола. Признак христианства, это – смирение».¹⁴⁵ Св. Иоанн Златоуст учит: «И сам Павел, досягавший до небес, имел нужду в великом врачевании. Сам он объявил нам, что имел в том нужду, что и он проводил жизнь не покойную, но испытал много подвигов; потому он и говорил: *умерщвляю тело мое и порабоощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду.* (1Кор.9:27). А изнурял он то, что восставало против него, и порабоощал то, что противилось обузданию; посему он и других увещевал так: *мняйся стояти да блюдется, да не падает.* (1Кор.10:12). Если же Павел не наслаждался тишиной, но, подобно носимым по морю, видел со всех сторон восстающие великие волны; то кто осмелится сказать о себе, что он не имеет нужды в исправлении, врачевании и непрестанном бодрствовании? Если ты не имеешь одного греха, то имеешь другой; *ибо кто похвалится чисто имети сердце, или дерзнет рещи чисто имети себе быти от грехов?* (Прит.20:9). Тот, который, как бы окрыленный, обошел землю и море, привел ко Христу бесчисленные народы, был причастником неизреченных таин и вознесен до третьего неба, осмеливался ли говорить о себе что-нибудь подобное? Нет, совершенно напротив, он называл себя отребием и последним из Апостолов, считая себя даже недостойным этого названия: *несмь достоин*, говорил он, *нарещися Апостол*. Как же ты, будучи обыкновенным человеком, называешь себя чистым и убежден, что ты чист? Называя себя чистым, ты делаешь нечто подобное тому, как если бы кто называл море свободными от волн. Как у него не бывает недостатка в волнах, так и у нас во грехах. Или ты не знаешь, каковы мы, радующиеся и скорбящие, обогащающиеся и

нищенствующие, порицаемые и хвалимые, гонимые и преследуемые и наслаждающиеся спокойствием, алчущие и насыщающиеся? Душу нашу объемлют бесчисленные страсти, бесчисленные обстоятельства, бесчисленные болезни телесные, бесчисленные неправды, и ты осмеливаешься говорить, что среди моря таких треволнений ты остаешься чистым? Что может быть нечистее человека, находящегося в таком состоянии? Но для чего я говорю о всей жизни? Может ли кто, скажи мне, отвечать и за один день, что в течение его он был чист? Хотя бы он не блудодействовал, но может ли он похвалиться, что не был тщеславным, не гордился, не смотрел страстными глазами, не желал благ ближнего, не лгал, не коварствовал, не желал зла врагам, не завидовал другу? Если же *любящий любящего* ничем не лучше *мытаря* (Мф.5:46), то какой милости удостоится тот, кто завидует другу? И погружаясь во столько зол, ты осмеливаешься называть себя чистым? Увещаю вас, чтобы вы остерегались от подобного тщеславия и удаляли от себя гордость, и старались со всем тщанием очищать свои грехи. Ибо, хотя бы окружило нас бесчисленное множество зол, но если мы будем благоразумными и бодрствующими, то можем удостоиться великого прощения и великой милости и очиститься от грехов. А как может быть это, послушай: если мы будем ходить в Церковь, воздыхать о прегрешениях, исповедоваться во грехах, подавать милостыни, совершать молитвы, помогать обижаемым, прощать грехи врагам, оплакивать свои согрешения; все это – врачевство против грехов. Будем же, увещаю вас, совершать все это, каждый день очищая себя и омывая, и при всем том будем считать себя униженными, говоря, что мы *рабы неключими*, ибо и это не маловажный способ для истребления грехов, чтобы и делая добрые дела, не думать о себе ничего великого, дабы не испытать того же, что случилось с фарисеем». ¹⁴⁶

О.Д.И.Р-в

Поучение в неделю 24-ю по Пятидесятнице. Грехи – причина болезней

«И приступльше созади, косвуся
края риз Его: и абие ста ток кро-
ве ея... Он же рече ей: дерзай, дщи,
вера твоя спасе тя: иди в мире» (Лк.8:44–48).

Ничто так не отравляет; существования человека на земле, как болезни. Пока человек здоров, он благодушен, выносив в труде и доволен жизнью. Но приключись болезнь, – ему ничто не мило: он становится мрачным, теряет охоту к труду и раздражается от самых ничтожных причин. Радостей жизни с ее обычными интересами для него тогда не существует. Никто ему не угодит, всем и всеми он недоволен, а собою в особенности. Скорбные мысли о болезни и жгучее желание выздороветь, страх смерти и усиливаемая им жажда жизни – вот из чего складывается содержание жизни больного. Тяжелое настроение его сообщается окружающим и омрачает жизнерадостное настроение всех, оставляя в каждом следы мнительности и нервности, – особенно, если больна мать семьи. Но еще печальнее положение больного, недуг которого продолжителен и неизлечим: такому не остается в утешение даже надежды.

В подобном положении была упоминаемая в сегодняшнем евангельском чтении женщина, которая двенадцать лет страдала кровотечением. Несчастливая страдала вдвойне – и от удручающего ее недуга с нервными расстройствами во всем организме и от презрения, с каким тогда относились к подобного рода больным. Обращалась она к врачам, на их лекарства истратила все состояние свое, но ничто не помогало. Средства ее истощились, а болезнь усиливалась, и грозный призрак смерти приближался с каждым днем: оставалось страдать и ожидать рокового конца... Но, потерявши внешние блага жизни – здоровье, средства и положение в обществе, она сохранила внутренние сокровища духа – веру в Бога и надежду на Его милосердие, – сохранила в сердце своем ту искру религиозного света, без которой жизнь мрачнее самой смерти, – и это спасло

ее. С пламенной верой прикоснулась она к одежде Господа Иисуса Христа, и тот же час ток крови остановился. Что почувствовала тогда женщина – этого не выразить словами. Радость ее была тем полнее, что исцеление совершилось мгновенно и чудесно. Человеческие средства не помогли, но сила Божия врачевала неизлечимый недуг. Значит, вера и сила Божия животворнее всяких человеческих средств и преобладают самые законы природы, для которых всемогущая воля Творца есть первый и наивысший закон. По сему, что бы ни случилось с тобою в жизни, христианин, не отчаивайся, но всегда надейся на лучшее; ибо богат Господь милостью и всемогущ силою. То, что ты считаешь несчастьем для себя, Он может обратить к твоему же благу; только веруй и надейся! Болезнь была страшным несчастьем для кровотоливой женщины, но она оживила веру женщины, – вера подвигла силу Божию, а сила Божия врачевала неизлечимый недуг. Не вытекает ли отсюда, что вера, спасающая от грехов, может избавлять и от болезней, ибо болезни следствия греха. Грех привил человеку смерть; от него же и предтечи смерти – болезни. До греха не было ни смерти, ни болезней. Кто не представляет себе ясно причинной связи между грехами и болезнями, пусть припомнит такие грехи, как чревоугодие, пьянство, плотскую нечистоту и вообще невоздержание... Кто же не знает болезней, происходящих от этих грехов?... И всякий грех заключает в себе семя для будущих болезней, только мы еще не настолько дальновидны и проницательны, чтобы видеть все нити этой связи. Грех есть нарушение нравственного порядка, установленного Богом, и потому единственно правильного, и здорового; грех есть душевное расстройство и болезнь духа. А так как душа и тело составляют одно существо человека и единую разумно-чувственную жизнь, то разрушительная сила греха, естественно, распространяется и на тело. Слова Господа Спасителя исцеленному расслабленному: *«се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет»* (Ин.5:14) – могут быть обращены ко всякому почти больному. И в жизни кровотоливой жены были греховные причины ее болезни,

неправильная ли то жизнь с излишествами в удовольствиях и наслаждениях, грехи ли ее родителей и предков – но были.

Верую евангельская жена спаслась от грехов, верую же исцелилась и от болезни. Вот пример и назидание каждому, носящему имя Христово, особенно в наше болезненное время, в наш нервный век. Где теперь здоровые люди? Дети хилы, юноши быстро стареют, мужи преждевременно умирают. А женщины..., сколько среди них страдалиц, изнемогающих от болезней, подобно евангельской жене! Много ли теперь –особенно среди образованных – девиц и молодых матерей – таких, которые бы не страдали от малокровия, всевозможных нервных расстройств и истерий? Укажите нам здоровых кормящих матерей, особенно – в тех слоях общества, которые считаются высшими и передовыми... Мало утешительного для будущих поколений, для наших же детей и внуков. И против этого бессильны наука и искусство, медицина и гигиена, не смотря на их поразительно быстрые успехи. Мы знаем больше своих отцов, – знаем, что нужно – есть и пить, как лучше одеваться и в каких помещениях жить, как пользоваться временами года, различными поясами земного шара, и чем обеззараживать воздух, чтобы быть здоровее; и, однако, далеко не пользуемся тем здоровьем, каким пользовались наши отцы... Где и в чем причина? Пастырь Церкви – врач духовный – на предложенный вопрос должен отвечать указанием причин жизни духовной, религиозно-нравственной. Страсти душевные обуревают нас, чрез них и тело не здорово. Немощи эти в нашем внутреннем духовном складе и настроении. Дух человеческий здоров и крепок только правою верою и чистою совестью. Но если их нет тогда душа больна. Правая вера и чистая совесть! но многие ли живут теперь по их указанию и следуют по их светозарному пути?... Разве не усиливаются теперь заменить веру знанием, а Бога природой, или самым человеком? Или, разве нет теперь таких, которые вместо здоровой веры, проповедуют какое-то личное чувство таинственного и в болезненном состоянии нервного возбуждения хотят познать Бога и Его откровение? А различные духовидцы и ясновидцы с расстроенным воображением, а не призванные учителя и ложные пророки, сеющие плевелы на ниве

Божией?... А, наконец, такие, которые не знают, во что веровать или, просто, ни во что не веруют..., – разве это здоровое состояние духа, – разве это не душевная болезнь? Напомните душевнобольному о причине его помешательства, и он, дотоле равнодушный и спокойный, начнет волноваться, раздражаться и выйдет из себя. И люди, о которых мы говорим, раздражаются и выходят из себя, когда им напомним об истинной вере, и Боге, – когда, так сказать, затронут их больную струну. Признаки тождественны, – не потому ли, что болезни сродны?... Такое религиозное состояние есть тяжкая болезнь духа, болезнь заразительная и тем более опасная, что она с трудом замечается и еще труднее признается за болезнь...! Болезнь эта неизбежно отражается на идеалах современной жизни, а сими последними определяется и весь строй ее – внутренний и внешний. Веры нет, или ее мало, или она не чистая (не правая); отсюда и идеалы низменные, не идущие далее стяжания и угождения плоти. *Особенные удобства личной жизни, особенно питать тело, особенно украшать тело и во всем особенно служить ему* – вот что выдвигается теперь на первый план. Сокровища, чтобы обеспечить себе удовольствия, и удовольствия, чтобы услаждать жизнь, – это главные рычаги в жизнедеятельности современного большинства: все для тела, а для души очень мало, или совсем ничего. Отсюда излишества в пище и одежде, излишества в обстановке и удовольствиях, излишества во всем, а от излишества и пресыщения – болезни. Ради, удовольствий, понимаемых в смысле мимолетных восторгов и грубых наслаждений (а не в смысле жизнерадостного настроения, вытекаю из душевного равновесия и сознания исполненного долга), нарушается правильный и здоровый образ жизни, пренебрегаются самые ясные и основные законы человеческой жизни, – дни превращаются в ночи, ночи в дни и т.п. Такого рода удовольствия приводить в пресыщению и тоскливому чувству пустоты жизни; а нарушения образа жизни – к усталости, переутомлению и нервным расстройствам.

Господство противных вере и Евангелию идеалов особенно болезненно отражается на современной женщине: низменные идеалы часто сводят содержание жизни ее к одному лишь

внешнему – удовольствиям, нарядам, обстановке и т.п. Поклон еще изящному, понимаемому в смысле красоты, ласкающей чувственный взор, притупляет вкус к духовной красоте, которая *не в плетении волос и роскошных уборах, а в сокровенном сердце человека*, – и поработает ее всепокоряющей моде. По прихотливому требованию сей последней, женщина стесняет свое хрупкое тело, мучит его, наживая тем болезни и поставляя ими в недоумение самых искусных врачей. Но еще более современная женщина страдает за уклонение от материнских обязанностей. Святая обязанности матери закрывают доступ ко многим удовольствиям и требуют жертв ради детей. Многие предпочитают не иметь детей, чтобы жить в свое удовольствие... и беспрепятственно брать от жизни все, что только она может дать для мимолетных наслаждений. Но природа жестоко наказывает за нарушение своих законов, и за искусственную бездетность карает болезнями и страданиями более тяжкими, чем самое рождение и воспитание детей, страданиями подобными тем, против которых евангельская жена не нашла иных средств, кроме веры.

Последуем же, бр. христиане и жены христианки, спасительному примеру евангельской жены и обратимся к Тому же Господу Иисусу Христу, ибо Он только Один может уврачевать немощи наши – душевные и телесные. В правой вере в Него мы почерпнем не только благие цели и святые идеалы, но и благодатные средства для устройства по ним здоровой и благочестивой жизни. Жизнь по евангельскому закону и под сенью много попечительной матери – Церкви очистить совесть от мертвых дел и научит каждого, что духовная красота вожделеннее внешней – что убранства тела ничто в сравнении с христианским украшением души – что достоинство жизни и цели ее не в скоропреходящих удовольствиях плоти, а в исполнении долга и достижении христианского идеала; и что поправление долга карается даже неразумною природой. Такие здравые убеждения, очистивши наше духовное содержание и настроение, сделали бы более здоровыми и наши тела.

Свящ. И. Прозоров

**Х. Слюсарев о. Д., свящ. Ответы из слова Божия
вопрошающим о внутреннем достоинстве
священников и соответственном тому отношении к
ним мирян // Миссионерское Обозрение, 1897,
Ноябрь, кн. 2. С. 714–721**

Ревностный обличитель раскольничьяго суемудрія.

I.

1. Как Слово Божие говорит о внутреннем достоинстве священников?

«Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он *вестник* Господа Саваофа». (Мал.2:7).

«Итак каждый должен разуметь нас, как *служителей Христовых* и домостроителей таин Божиих» (1Кор.4:1; Ср. 1Тим.4:6; Кол.1:7; 4:7; 2Кор.6:4).

"Мы *соработники у Бога*, а вы Божия нива, Божие строение» (1Кор.3:9).

«Епископ должен быть непорочен, как *Божий домостроитель*». (Тит.1:7).

"Мы – *посланники* от имени Христова». (2Кор.5:29).

2. Как определяет Слово Божие отношение пастырей к пасомым?

«Пастырей ваших умоляю я, пастырь и свидетель страданий Христовых, и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ними не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду. И когда явится Пастыре-начальник, вы *получите неувядаемый венец славы*». (1Пет.5:1–4).

«Он (Павел) призвал пресвитеров и когда они пришли к нему, он сказал им: внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Св. поставил вас блюстителями пасти церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровью своею». (Деян.20:17).

3. Как говорит Слово Божие об отношении пасомых к пастырям?

«Всею душой твоею благоговей пред Господом и *уважай* священников Его: всею силою люби Творца, и не оставляй служителей Его. Бойся Господа и *почитай* священника и давай ему часть, как заповедано тебе». (Сир.7:31–33).

«*Поминайте наставников* ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и взирая на кончину их жизни, *подражайте вере их. Повинуйтесь наставникам* вашим и *будьте покорны*, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас не полезно». (Евр.13:7, 17).

«Достоинo начальствующим пресвитерам должно оказывать честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении». (1Тим.5:17).

«Просим вас, братия, уважать трудящихся у вас и **предстоятелей** ваших в Господе, и вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их. (1Сол.5:12–13).

Примечание. Слово Божие повелевает пасомых повиноваться, почитать, подчиняться пастырям, но нигде не говорится, чтобы можно было оставить пастырей, хотя бы некоторые из них были недостойные по своему поведению.

4. Откуда видно, что пасомые должны повиноваться и недостойным пастырям?

а) Первые служители Христовы–апостолы не все были одинаково достойны: между ними был Иуда, о котором Спаситель наперед знал, что он предаст Его, а прочие апостолы знали, что он – вор, (Ин.12:6); тем не менее Иисус Христос послал на проповедь и Иуду, а равно об Иуде сказал, как о прочит Апостолах: «Истинно, истинно говорю вам: принимавший того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимавший Меня, принимает пославшего Меня» (Ин.13:20).

«Слушающий вас Меня слушает, а отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий вас Меня отвергается Пославшего Меня». (Лк.10:16).

Посему мы должны принимать и слушаться даже и такого пастыря, каков был Иуда; лишь бы был посланный, т.е. законный пастырь.

б) Книжники и фарисеи наиболее преследовали Спасителя, искали и домогались смерти Его; тем не менее Спаситель не учил народ оставить их, но сказал: «Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают». (Мф.23:3). Сказал так потому, что они были законные учителя и, хотя сами не соблюдали закона, – народ научали жить по закону. Посему мы не должны оставлять тех пастырей, которые научают жить по Евангелию, хотя сами не исполняют его.

в) Первосвященник Каиафа был один из тех, которые не уверовали в Спасителя и осудили Его на смерть. Однако о Каиафе Слово Божие замечает: «Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ». (Ин.11:51). Значить, Каиафа, хотя и недостойный пастырь, но поскольку был законный, не лишен дара Божия, по силе которого и предсказал будущее.

г) Апостол Павел дал пример почтения к недостойному пастырю: «Предстоящие сказали: первосвященника Божия поносишь? Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь». (Деян.23:4–5).

д) Наконец, должно помнить следующие слова апостола Павла: «Кто ты осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его» (Рим.14:4).

«Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь Который и осветит скрытое во мраке и обнаружить сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога». (1Кор.4:5).

«Сокровище сие (благодать Божию) мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. (2Кор.4:7) Сила Божия в немощи совершается. «Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи. И потому я охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Божия (2Кор.12:9).

5. Что сказать тем из христиан, которые говорят: нам не нужны священники?

«Тело не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны». (1Кор.12:14–18, 21).

6. Откуда видно, что не всякий член Церкви может выступать в качестве пресвитера или учителя в Церкви?

«Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется. Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы? как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое». (Рим.10:13–15).

«И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон». (Евр.4:5).

«Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли апостолы? все ли пророки? все ли учителя? все ли чудотворцы? все ли имеют дары исцелений? все ли говорят языками? все ли истолкователи?». (1Кор.12:28–30; Ср. Иак.3:1–2).

Примечание. Итак, не всякий может быть пресвитером, но только тот, которому дано это, который принял рукоположение от Епископа.

7. Как примирить с этим слова апостола Петра: и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле. (Откр.5:10), (Срав.1:6; 1Пет.2:9)?

Все христиане называются в Слове Божием священниками в духовном смысле, во-первых, как избранные, освященные благодатью Свят. Духа в таинствах «по предведению Бога Отца при освящении от Духа, к послушанию и окроплению кровью Иисуса Христа; (1Пет.1:2); во-вторых, как таковые все христиане, подобно священникам, совершают духовную словесную службу и приносят Богу духовную жертву своими делами, жертву хвалы, жертвы благотворения. «Будем чрез Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, т.е. плод уст, прославляющих имя Его. Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу (Евр.13:15–16) и самые тела ваши представьте в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим.12:1).

Но эти слова апостолов Петра и Иоанна отнюдь не означают того, что каждый христианин может присвоить себе право рукоположенного священника или может обходиться без него. Христианин наряду с наименованием священника в том смысле называется здесь и царем, т.е. он должен господствовать над грехом и страстями. Однако это не означает, что для христиан не нужно уж верховной власти земного царя. Апостол повелевает: «Бога бойтесь, царя чтите» (1Пет.2:17; Ср.1Тим.2:2). Израильян, как избранных из среды всех других народов, также Бог назвал – царством священников (Исх.19:6), и, однако, установил для них еще особых священников в роде Аарона для совершения богослужения и приношения жертв.

II.

1. Откуда видно, что пастырям предоставлено молиться и ходатайствовать за пасомых пред Богом?

«Между притвором и жертвенником да плачут священники, служители Господни, и говорят: «пощади, Господи, народ твой и не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы»! (Иоиля.2:17).

«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви и пусть *помолятся* над ним, помазав его елеем во имя Господне. И *молитва* веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему». (Иак.5:14–15).

«Непорочный муж (Аарон) поспешил защитить их, принеся *оружие своего служения: молитву и умилоствление кадильное*, он противостоял гневу и положил конец бедствию, показав тем, что он слуга Божий. (Прем.18:21). (Числ.16 гл.).

2. Откуда видно, что Бог наказывает за непочитание священников?

«Лице Господне рассеет их; Он уже не призрит на них, потому что они лица священников не уважают, старцев не милуют». (Плач.4:16).

«Твой народ – как спорящие со священником... Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною». (Ос.4:4, 6).

3. Какую награду обещал Бог священникам за перенесение ими оскорблений и поруганий от людей?

«Вы будете называться священниками Господа, – служителями Бога нашего будут именовать вас; будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их. За посрамление вам будет вдвое; за поношение они будут радоваться своей доле, потому что в земле своей получают вдвое; веселие вечное будет у них. Ибо Я, Господь, люблю правосудие, ненавижу грабительство с насилием, и воздам награду им по истине, и завет вечный поставлю с ними. (Ис.61:6–8).

«И когда явится Пастыреначальник, вы получите *неувядающий венец славы*». (1Пет.5:4).

Свящ. о. Д. Слюсарев

Декабрь, книга 1-я

«Яко же посла Мя Отец, и Аз посылаю вы». (Ин.20:21).

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева». (Мф.10:6).

«Скорбь ми есть велия по братии моей». (Рим.9:1–3).

І. Сикорский И. Психопатизм в среде заживо-замурованных насельников раскольниковых тираспольских скитов.¹⁴⁷ Проф. Университ. св. Владимира И.А. Сикорского // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1070–1094

(Окончание)

XI. Реакция против самоистребления

С возвращением Виталии и других из-под ареста 9 февраля, нравственная атмосфера в Терновских хуторах существенно переменялась. Заметна была и сказалась глубокая реакция против отвратительных человеко-убийственных действий, который были внушены мирному населению хуторов кружком фанатических затворниц. В самом скиту только один человек, слабый старик, согласно требованию Виталии, *запостился* по выходе из тюрьмы, но все другие не отказывались от еды *вполне* и принимали пищу, хотя в ограниченном количестве, но в правильные промежутки. Экстаз уже, видимо, проходил и появлялось размышление, рассудок вступал в свои права. Самое закапывание трех старушек и с ними Авдотьи Ковалевой носит совершенно иной характер, чем первые два закапывания. Там не было страха, там был экстаз, люди находились в умилении, не были лишены способности выражать свои чувства, беседовали, молились, плакали, радовались, были одушевлены надеждой и другими чувствами возбуждающая характера. Здесь было противоположное душевное состояние. Три старушки и Авдотья Ковалева находились под постоянными *гнетущими* чувствами: у старушек был *страх и тяжелые ожидания*, у Авдотьи Ковалевой *печаль и отчаяние*, и это ясно сказалось в последнюю минуту, когда *они четверо* сидели тупо, молча несколько часов, пока на их глазах готовилась могила. Их закапывание никак нельзя назвать вольной смертью, как у первой группы, напротив, это было простое, мрачное лишение себя жизни – самое обыкновенное самоубийство, вытекавшее из непобедимого болезненного страха и отчаяния. Их самоубийство является фактом чисто божественным, психопатическим в строгом смысле этого слова.

Тюремное содержание с отказом от пищи отразилось и на Виталии в такой степени, что ее деятельность направилась далее не только по фанатическому, как было раньше, но отчасти по болезненному пути, в силу острого малокровия мозга. Существенная перемена, которую мы видим в душевном состоянии и деятельности Виталия, состояла в том, что она

начинает принимать меньшее участие в делах и, видимо, начинает испытывать страх. Она уже не заботится о новых делах, но главным образом думает о ликвидации старых и всего более заботится о сохранении в тайне того, что уже произошло. Она заключает Ковалева никому не выдавать тайны дел, в которые он посвящен, ни под каким видом не показывать мест, где произошли закапывания; она употребляет заклинания и религиозные угрозы за нарушение этой тайны. Страх и упадок духа Виталии замечен во всем ее поведении дальнейшем, как увидим ниже. Виталия, как бы в противоположность тому, что проповедовала и чего требовала от других, начала в тайне отступать на деле от своих собственных убеждений. Требуя втайне от всех поста, умеряя и уменьшая порции у скитников, сама она, по-видимому, употребляла пищу *не в самых скудных размерах*, судя по тому, что ее труп найден не очень исхудалым, а в ее желудке и кишках при вскрытии найдены остатки пищи, тогда как у других лиц, вместе с нею закопавшихся, в желудках не найдено никаких остатков пищи.

По-видимому, главнейшим условием, поколебавшим веру и фанатизм Виталии, была указанная уже нами выше реакция против самоистребления; но еще большее влияние произвел начинавшийся общественный суд, сказавшийся в стоустой молве. В народе слышались проклятия и ужас против закапываний, о которых, как говорил Ковалев, повсюду рассказывали – как в колокола звонили. Еще не было раскрыто дело, еще не были найдены могилы, но общий говор о страшных Терновских событиях уже стоял в воздухе, и виновница этих событий уже чувствовала на себе всю тяжесть приговора народной, а быть может, и своей собственной совести. Упадок духа Виталии очевиден, и ее самоубийство является событием, вытекавшим из страха и отчаяния. Это вовсе не был торжественный акт, каким было первое закапывание, это было суетливое бегство растерянной души с лица земли.

XII. События пред смертью Виталии

События между 12-м и 28-м февраля, т.е. от времени закапывания третьей группы до закапывания Виталии, носят на себе характеристический отпечаток случайности и отсутствия руководящего начала. Состояние общего упадка духа овладело всеми. Но в особенности это состояние сказалось на старухе Ковалевой. Быть может, во всех Терновских событиях никто больше ее не пострадал душою. Она потеряла все, что было самого дорогого – свою наиболее даровитую и наиболее мягкую и симпатичную дочь Авдотью, потеряла горячо любимую невестку и двух внучат, потеряла в числе закопанных много других лиц, более или менее близких родных. Оставшиеся в живых не могли дать ей утешения в страшных потерях. Но в особенности она страдала, при виде Феодора Ковалева, который из веселого семьянина, окруженного молодой жизнью, сделался полу-затворником, полу-монахом, перешел на житье в скит и при свиданиях с матерью приводил ее в отчаяние видом и страданиями, который он начинал чувствовать, и о которых первая узнала мать. Но более всего на старухе Ковалевой отражался гнет того факта, что она являлась главным ответственным лицом за все случившееся, как старшая в семье, как хозяйка дома, с согласия которой совершались все события.

Как можно судить по рассказам Феодора Ковалева, душевное состояние его матери было чрезвычайно тяжелое, и это резко отразилось на ее внешних чертах. Ея лицо потемнело, глаза впали, черты лица опустились, и весь корпус ее согнулся вперед и вбок: она представляла самый жалкий вид. Она стала молчаливой и проводила время в своем крошечном флигельке вблизи скита, где она постоянно находилась в обществе своего сына Дмитрия. Этого Дмитрия одни считали *полу-умным*, другие называли его *глухонемым*. Он жил в передней того помещения, которое занимала Ковалева. Угол, в котором жил Дмитрий, представлял собой крошечное пространство без света, отделенное от остальной комнаты простой соломой, связанной в снопики. Помещение это ничем не отличалось от логовища животного.

Независимо от тяжелых нравственных чувств, который переживала Старуха Ковалева, ее сильно тревожила все расширявшаяся и росшая молва о закапываниях.

С психологической точки зрения, является трудно понятным факт, почему в это именно время Виталия все свое влияние сосредоточила на старухе Ковалевой и, оставивши без внимания других, остановилась именно на ней, запугивала ее и беспрестанно твердила: *«ты пропадешь без меня, тебя враг уловит хитростью»*. Эти и подобного рода выражения, по словам Федора Ковалева, постоянно слышались в беседах Виталии с его матерью. Судя по многим данным, собранным нами, необходимо заключить, что Виталия в это время уже имела в виду ли тенге себя жизни и всю силу своего характера употребляла на то, чтобы склонить старуху Ковалеву на совместную с нею смерть. По-видимому, также Виталия не хотела смерти, боялась ее и избегала: посылая других на смерть, в могильные ямы, сама она предполагала оставаться в живых. Она смело истребляла людей, думая, что этим путем *спасает* их, хотя, в то же время, решительно не имела в виду применять к самой себе подобное средство спасения. Но кажется гораздо вероятнее, что, широко жертвуя человеческими жизнями, Виталия думала *не столько о спасении людей, сколько о торжестве дела, которому служила и которому отдалась*. Но когда обстоятельства и неумолимая логика вещей стала изрекать свое грозное судное слово, когда реакция и ропот сказались в среде, прежде ей беспрекословно повиновавшейся, когда страх уголовной ответственности чуялся в воздухе, – Виталия пришла к мысли о неизбежности самоубийства и, ужасаясь самой мысли быть одной, она с решительностью и изобретательностью, свойственной ее характеру, составила план самоубийства, обставленный всем ореолом того положения, которым она пользовалась в ските и в среде населения Терновских хуторов. Это было одно из тех беспощадных и холодных решений, на которые способна была эта женщина, не чувствовавшая до поры до времени страха перед самыми страшными вещами.

Стремление Виталии, во что бы то ни стало, Ковалеву к общему самоубийству не подложить сомнения, судя по рассказам Федора Ковалева и старика Я.Я. Для этого она пользовалась всем и не упускала ни одного случая. Так, когда Ковалевой, со стороны полиции, дан был совет записать жильцов хоть вымышленными именами; то Виталия тотчас воспользовалась этим случаем, говоря, что *«враг хочет хитростью обойти ее, хитрым крючком захватить ее»*, и при этом добавила, что без нее Ковалева *«непременно попа деть в расставленные врагом сети»*, что в виду этого она должна жить и умереть вместе с нею. Состояние Ковалевой было таково, что, независимо от тяготевшего над нею авторитета Виталии, к самоубийству ее могли побудить тоска и отчаяние, вызванные всем совершившимся, и готовый пример многих предшествовавших смертей. По-видимому, никто так долго не сопротивлялся мысли о самоубийстве, как старуха Ковалева. Это видно из того, что убеждения Виталии, склонявшей Ковалеву, были многочисленны и продолжительны, как это видно из слов Ковалева. Ускорило развязку обстоятельство случайное в смысле историческом или прагматическом, но неизбежное и крайне характерное в смысле психической патологии. Все выдающиеся события человеческой жизни не обходятся без того, чтобы субъекты психически-больные не приняли участия делах и не выступили деятелями в минуту, когда здоровые растерялись или изнемогли в жизненной борьбе. Так было, например, в дни Парижской коммуны, когда умалишенные попали в составе правительства и произвели ряд действий, вытекавших из их болезней. Подобное мы видим в Терновских событиях: деятелем явился слабоумный Дмитрий Ковалев.

Хотя его называли глухонемым, однако же не подлежит сомнению, что он обладал слухом, ибо, по словам Федора, он по временам очень хорошо слышал. С другой стороны, Дмитрий Ковалев, не был и нем, так как, хотя вообще он был молчалив, и иногда по целым дням и неделям ничего не говорил, однако же, по временам говорил он ясно и отчетливо. Наконец, еще одной чертой, свойственной Дмитрию, была его крайняя возбужденность, выступавшая по временам и заставлявшая

даже брать его на цепь. Тот, кто знаком с психическими болезнями, не затруднится, на основании приведенных фактов, распознать в Дмитрие Ковалеве больного, страдающего *идиотизмом*. Больные этого рода мало или вовсе не говорят, вследствие слабости мыслительных процессов; но в лихорадочном жару – при действии на мозг горячей крови, а также в возбужденном состоянии, под влиянием прилива крови к голове, они вдруг начинают хорошо говорить и проявляют умственные способности, превышающие обычную вседневную норму их ума. Таков был именно Дмитрий Ковалев, как в том мы убедились из расспросов о нем брата его Федора. Хотя Дмитрий Ковалев присутствовал при первом закапывании, но, невидимому, потрясающая сцена не оставила на нем никакого впечатления. Равным образом, на нем, казалось, ни отразились и все другие события, свидетелем которых он был. Так как его присутствие, обыкновенно, никого не стесняло, то от него, как и от ребенка, не держали никаких секретов. Однако же исключительные события отразились и в его тупой голове, и вот, однажды, он, совершенно неожиданно для всех, произнес патетически монолог, который поразил мать, но в особенности поразил Федора. Дело состояло в следующем. Дмитрий стал в позу и страстно заговорил:

– Мать, что ты все вот так, да так?

При этих словах Дмитрий не без искусства скопировал согнутую несчастную фигуру своей матери.

– Что ты журишься (тревожишься), продолжал он, плюнь на все, а там – при этом он указал на небо – там будет тебе хорошо.

Сцена эта произвела большое впечатление на старуху Ковалеву. Она произвела также сильное впечатление и на Федора Ковалева и, быть может, заставила колебавшегося Федора взять на себя предстоявшую ему страшную роль закопать мать. Когда самая сцена произошла, Федор Ковалев принял ее за небесное откровение.

Виталия воспользовалась словами Дмитрием Ковалева и склонила старуху его мать умереть вместе с нею, еще раз подтвердивши: «ты без меня пропадешь».

По-видимому, Виталия страшилась всех других видов смерти, кроме медленной смерти от голода. Но затем неожиданно и решительно у нее родился другой план, именно смерть чрез закапывание *в очень тесном пространстве*. Этот способ являлся средним между закапыванием в просторных минах первой и второй партии и закапыванием живьем третьей партии. Она была свидетельницей этого последнего вида смерти и, при всей ее холодности, не могла не ужаснуться мысли о подобной смерти для нее самой.

Когда Виталия остановилась на способе смерти, она прямо и открыто объявила жильцам скита о состоявшемся решении. Уверенность ее в согласии всех была так полна, что назначен был срок, именно на 21-е февраля, для исполнения. К удивлению, своему, Виталия встретила неожиданное препятствие в слепце старике Я.Я., который решительно отказался закопаться. Этот старик уже и раньше, в пору первых закапываний, не разделял мысли о необходимости насильственной смерти и склонен был думать, что такого рода смерть равносильна наложению на себя рук. Теперь он твердо заявил Виталий свой решительный отказ. Между ним и Виталией произошел следующий обмен мнений. Видя сопротивление старика, Виталия сказала, что больше не остается Святых Тайн для причащения, что их имеется всего для одного раза; между тем ему – старику весьма необходимо причащаться всякие сорок дней и не стоит отсрочивать смерти при таких условиях. На это старик заметил: «Нынче Тайн нет, а там Бог пошлет, откуда-нибудь получим». Тогда Виталия сказала, *что имеющиеся у нее Тайны* – старые, от старинных хороших попов, а нынешние Тайны от теперешних попов той силы не имеют, и что он, старик, продолжая жизнь, будет лишен тех средств спасения, на которые рассчитывает, так как нынешние попы и даже архиереи *«одни против друг их орудуют»* и Тайн не выдают.

Так как Виталия была сильнее старика Я.Я. в диалектике, то он разговора с нею продолжать не мог, но прибегнул к извороту, сказав:

– *Матушка, вы все долго молились, а я всего три недели, как надел черное платье, и еще недостаточно молился, мне*

еще надо помолиться, еще я не готов на смерть.

Отказ старика Я.Я. сильно разгневал Виталию. Последствием этого было то, что старик Я.Я., бывший с другим стариком в одной келье, немедленно был от него отделен и помещен особо, в отдельную камеру и два дня не получал никакой пищи.

Отказ старика Я.Я. произвел такое сильное действие, что закапывание, назначенное на этот день, было отменено и затем оно произошло неделю спустя в ночь на 28-е февраля.

Взвешивая данные и впечатления, вынесенные нами из бесед с Федором Ковалевым и стариком Я.Я., мы приходим к убеждению, что в описываемое время *страх был господствующим чувством*, которое испытывала Виталия, и которым объаты были жители скита. Старуха Ковалева находилась почти под исключительным гнетом тоски и печали.

Главнейшим аргументом, к которому Виталия в это время наиболее прибегала, было запугивание угрозами земных и небесных кар, между тем как раньше в ее словах звучала надежда, указание на грядущие блага и проч.

XIII. Смерть Виталии и других (четвертая группа)

Местом для закапывания был избран тот самый погреб, которого так добивались три старушки третьей группы, т.е. погреб в усадьбе Сомина, где зарылась первая группа. Этот погреб находился очень близко от усадьбы Ковалевых и скита, что значительно облегчало предстоявшую задачу.

Сравнительно поздно, в ночь на 28-е февраля, направились туда все участники мрачного дела.

Яму могли рыть только двое мужчин – Федор Ковалев и его брат Дмитрий. Но более всего поспешность внушена была Виталией, которая и с первыми закапываниями торопилась, а здесь время ожидания лично для нее, как для жертвы, могло быть особенно тягостным; в силу этого она чрезвычайно торопила обоих работавших Ковалевых и со всеми почти присутствующими помогала приготовлению мины, причем сама она трудилась более других, убирая землю.

Прежней мины, которая заключала в себе тела первой группы закопавшихся, не коснулись, но было назначено Виталией смежное место. Вырытая мина представляла собою широкую, но не высокую нишу, дно которой было на одном уровне с дном погреба или несколько ниже. Ниша была в длину около двух аршин, шириной около трех с половиной, а в высоту имела не более трех четвертей аршина. Когда яма была готова, быстро последовала торопливая неторжественная процедура закапывания. Несчастные жертвы поместились в мине в следующем, кажется, порядке: Дмитрий Ковалев, Виталия, Поля Младшая, Таисия Рассейская, Евгения Рассейская и старуха Ковалева. Вырытая ниша была достаточно широка, чтобы в ней поместились шесть человек, лежа боком в плотную друг к дружке, но длина ниши была короче роста человека, и все поместившиеся в этой, поспешно сделанной, неудобной могиле должны были согнуться, прижав голову к груди и поджав ноги. Когда они улеглись, Федор Ковалев, по распоряжению Виталии, заложил мину камнями, засыпал землей и утрамбовал. На этот раз, совершенно один, Ковалев быстро ушел от этого страшного места и страшного дела!

Что касается психического состояния, в котором находились в последнюю ночь закопавшиеся, то оно ближе всего подходит к общей спутанности чувств, вытекающей из страха. Наиболее была свободна от этого Виталия. Для нее предстоявшая смерть была более всего следствием убеждения в необходимости подобного шага. Ее последние распоряжения касались более всего сокрытые тайны. Она многократно передавала в этом смысле Федору Ковалеву свои распоряжения, сопровождаемые клятвами и религиозными угрозами. Виталия грозила Ковалеву страшной ответственностью, если, по его вине, тела закопанных, в особенности ее тело, открыты. «Тебе будет великий грех, если нас откроют», сказала она. Она, между прочим, мотивировала свое требование и тем, что открытие трупов может повлечь за собою вскрытие тел. Затем она взяла с Ковалева строгое клятвенное обещание, что он, после их смерти, не останется в живых. Она прямо говорила ему: *«не живи поели! нас, не ешь, умри с голоду»*. В ответ на это Ковалев дал обещание: *«как вас зарю, не буду жить»*.

Легши в могилу, все жертвы тихо шептались между собой, слышалось, как они говорили: *«прости, прости»*, старались поудобнее лечь в тесном помещении.

Пространство, в котором были заключены шесть жертв, хотя и допускало некоторую вентиляцию через заложенное входное отверстие, но в сущности помещение было так мало, что жизнь могла продолжаться самое короткое время –от десяти до двадцати минут.

По вскрытии ямы 6-го мая погребенные найдены одетыми в монашеское платье, как и в первых группах, а Виталия была одета в костюм раскольничьей схимницы, который представлял собою длинное суконное платье с капюшоном, надевавшимся на голову. Все это платье было расшито нашивками и надписями на церковно-славянском языке. По снятии с Виталии одежд, при вскрытии тела, на ней найдены вериги в форме двух крестов, из которых один приходился на груди, другой на спине, причем оба были между собою соединены в верхней и нижней части медной цепью небольшого веса. Нижняя часть этой цепи в виде пояса

охватывала тело, и концы ее захвачены были замком, ключа к которому не было.

Кроме того, при трупе Виталии найдена небольшая жестянка из-под икры, на которой остались печатные наклейки с обозначением торговой фирмы. В жестянке этой находилась небольшая серебряная чаша, крошечная ложечка и шелковый платочек для вытирания губ, т.е. предметы, относящиеся к причащению. Найдены были также старинные книги и другие предметы.

XIV. Федор Ковалев

В период Терновских событий Ковалев находился под могущественным влиянием другой личности и в такой мере усвоил себе ее нравственный облик и характер, что это отразилось даже на основных чертах его лица. Можно сказать, с совершенной научной точностью, что преступник, совершающий иной раз самые тяжелые преступления, остается по основным чертам характера тем же человеком, каким он был раньше; здесь же у Ковалева мы видим временное преобразование всего характера.

Первое время отношения Ковалева к тяжелому мраку, окутывавшему жителей хуторов осенью прошлого года, было вполне отрицательное. Опасности, которым предсказывала Виталия, не пугали Ковалева; он долее всех оставался оптимистом и даже, в самую последнюю минуту всеми овладела мысль о грядущих бедах и о необходимости искать от них спасения в смерти еще продолжал думать, что необходимо выждать события, но не идти к ним навстречу, не предварять их. Он первый останавливал свою жену, склонявшуюся к смерти, и, в наивности своей, даже принес на нее жалобу Виталии в уверенности, что Виталия своим авторитетом остановит страстный порыв молодой женщины.

Но причиной всех дальнейших ошибок Ковалева была его умственная недалекость и слабая воля, другими словами – его малая одаренность от природы. Он – только добрый человек, но недалекий и соответственно тому слабый волей. В этих основных чертах его характера и кроется источник тех личных несчастий, которые он сам приготовил себе, погубивши собственными руками жену, детей, мать, брата, сестру. На Ковалеве оправдались те глубокие идеи, которые, в своих художественных произведениях, впервые старался раскрыть Шекспир, – что причиной несчастий человека являются не столько внешние условия, сколько неправильности, или недочеты, лежащие в самом характере человека. Это мы видим на Ковалеве. В самом деле, имея столько здравого смысла и воли, чтобы протестовать и бороться с порывами жены,

склонявшейся на смерть, он сразу уступил Виталии и своей матери, когда те поддержали его жену.

В течение января в его бедном поработанном уме успело всплыть сознание безумности закапываний, и когда старушки приставали к нему с просьбой закопать их, у него доставало разума и воли отказывать им, полемизировать с ними и отклонять в течение многих дней их упрасивания и умаливания; но достаточно было нескольких слов Виталии, и он, несмотря на правильную постановку дела своей оппозиции, подчинился ее требованию и явился орудием ее воли в самом прямом смысле этого слова в такой мере, в какой ребенок может явиться орудием воли взрослого. Давление авторитета Виталии и матери и тяжелые волнения, которыми была полна Терновская атмосфера, а затем потрясающая сцена первого закапывания ввергли его в состояние нравственного безразличия и бесчувственности. Спокойствия, с которым Ковалев передавал подробности потрясающей сцены закапывания живьем своей сестры, справедливо производило наиболее тяжелое впечатление на всех, кто выслушивал этот рассказ непосредственно от самого Ковалева. Нравственная бесчувственность сказалась почти во всем, Ковалев перестал испытывать чувство страха и ночью, после совершенных им убийств, не испытывал боязни. Таково было состояние этого человека, в сущности доброго по природе!

Нравственное освобождение этого поработанного человека началось тотчас после смерти Виталии. Рассказы об этом Федора Ковалева, отличающиеся детской искренностью и простотой, полны психологического интереса.

Закопавши Виталию, своих близких и большую часть жильцов скита, Ковалев вернулся в опустевший скит, где он нашел старика Я.Я. и еще двух-трех лиц. Согласно данному Виталии обещанию, он не ел и не пил, оставаясь в твердом намерении запоститься, и ждал, что через три-четыре дня наступит светопреставленье, как предсказывала Виталия.

– Три или четыре дня ничего не ем и не пью, – рассказывал Ковалев, вижу – нету светопреставленья; я напился водицы на четвертый день. На пятый день нету свето-преставленья, – я

съел баклажанчик. Так прошло две недели, продолжал он, вижу светопреставления нету, в острог не берут, войны нету, что такое, думаю себе, и стал хлеб есть и так помаленьку стал все есть.

Таким образом, освободившись от гнета чужой мысли и воли, Ковалев стал правильно понимать окружающие явления и сообразовать с этим пониманием свои действия.

Нравственное восстановление Ковалева идет медленно и в ту пору, когда мы имели случай беседовать с ним (28-го июня), его нравственные силы еще носили глубокие следы потрясения, но уже он стоит на верном пути; в первые дни после закапывания жены и детей, Ковалев находился в полном нравственном безразличии и бесчувствии и лишь в дни Рождественских праздников 25-го и 26-го декабря, войдя вечером в свою опустелую избу, он впервые почувствовал жалость к умершим и заплакал, но сердце не отходило. Большею же частью в душе оставалось тупое безразличие, которое формулировалось в такую фразу: *«не жалко и не страшно, потому что они пошли не на муку, а в царствие небесное»*. И, однако ж мысль о переходе близких в царствие небесное не давала душе никакой радости, оставляя в ней какую-то тяжелую и непонятную пустоту. Самое чувство стыда и виновности как бы совсем угасло. Но с течением времени, мало-помалу, печальные воспоминания и тихое раздумье постепенно просветили его душу, и по мере восстановления чувств, мысль Ковалева шаг за шагом начала освещать протекшие как в кошмаре, события. Теперь Ковалев начинает понимать, что *«горше всех Виталия виновата»*, и в объяснение веры в нее говорит: *«она не ест, не пьет, молится, грамоту читаешь и она это все одобряла, т.е. закапывания; на нее все положились: Анюта, Фомин, – все на нее положились, потому что она постница, воздержница, никто не думал, что это – одна погибель (т.е. погибель в том, что слушали Виталию). И как это не перебили (т.е. не помешали), и не нашлось такого человека, чтобы рассказать»* (т.е. объяснить, образумить) – закончил он с глубоким сожалением о невозвратном.

В заключение наших бесед, на вопрос о жене и детях, Ковалев снова повторил: *«сердце и теперь все болит и не*

отходит. Спать – сплю, а как проснусь – сейчас сердце болит. И как не болит? Другой матери и другой жены не будет.

В настоящее время Ковалев со всеми говорит вполне откровенно и с особенною искренностью; на каждый вопрос отвечает подробностями, которые превышают самый запрос собеседника. Видимо, что в обмене мыслей он находит себе утешение. Из уст его часто слышится фраза: «и как не нашлось человека, чтобы объяснить».

К концу нашей продолжительной беседы с Ковалевым неожиданная ассоциация вызвала в нашем уме цепь мыслей о бедной простодушной Чешской вдове, которая положила свою вязанку дров на пылавший костер Гусса. Она умерла с утешительной мыслью, что совершила доброе дело, прибавив лишний огонь для еретика. Такой же нравственно-бедный и простодушный Ковалев сделать нечто, беспредельно превосходящее подвиг Чешской вдовы, и теперь прозрел и пришел к ясному пониманию своего непоправимого заблуждения.

Теперешний Ковалев – это тихая, не усыпающая грусть о невозвратном и неустанное искание истины, для рассеяния следов еще не вполне исчезнувшего из души тумана

XV. Заключительные замечания

События, подобные тем, которые случились в Терновских хуторах, как ни кажутся поразительными и беспримерными, на самом деле представляют далеко не редкое явление в нашей истории и неоднократно происходили не только в течение XVII и XVIII веков и даже в нынешнем столетии. Терновская драма в такой мере сходна до подробностей с самоистреблениями, бывшими при царях Алексее Михайловиче, Иоанне и Петре Алексеевичах, что не может быть и речи о чем-нибудь новом и небывалому напротив, на все случившееся необходимо смотреть, как на печальное, но обычное историческое явление в русской жизни. Правда, явление повторяется все реже, и реже, но едва ли навсегда исчезло.

Издавна способы самоистребления были различные; из них самым частым способом было *самосожигание*. Для этого выбирались избы, обкладывались горючим материалом и зажигались, причем почти всегда гибли все, кто не ускользнул от роковой засады. Иногда делалась специальная постройка для *гари*, например, более или менее значительное пространство обносилось оградой из весьма горючих материалов (смолы, стружек, соломы и даже пороха). Сожигались более или менее в значительном числе – сотнями и даже тысячами. При Петре Первом сгорел (сжег себя) Князь Мышецкий со всей своей дворней – свыше 100 человек.

Другим нередким способом самоистребления было *моренье голодом*. Кроме того, употреблялось *самоутопление*, причем старшие топили детей или младших, сопротивлявшихся смерти. Наконец, практиковались и *закапывания*. Андрей Иоаннов, описывая случавшиеся при царе Алексее Михайловиче самосожжения, говорит: *в Новгородской области многие в могилах живые погребались и тако живота своего бедного лишались; и в той же Новгородской области тоже многие тысячи огнем в овинах горели и в лесах, а в луговой стороне в морильнях от учителей своих запертые помирали*».¹⁴⁸

Обстановка, при которой происходили самоистребления в два последние столетия, до такой степени напоминает

обстановку Терновских событий даже до подробностей, что нам невольно приходит на мысль, что в самоистреблениях мы встречаемся не просто с историческими или бытовыми явлениями, но в известной степени с явлениями *патологическими*, относящимися к разряду так называемых *психических эпидемий*.

Что касается причин этого странного явления, то нам почти буквально приходится повторять то, что было сказано двести лет назад в одном официальном документе. Описывая одно из самосожжений, случившееся в 1684 г. в Пошехонском уезде в поместье Сикорских, в деревне Лейкине, официальное донесение заканчивается словами, – *что крестьяне, сожгли сами себя, а для чего то учинили, про то никто не ведает*.¹⁴⁹

Историки, занимавшиеся вопросом о самоистреблениях, высказывают касательно причин этого явления мало определенные взгляды: но наибольшею определенностью отличается точка зрения Пыпина, который причину самоистребления видит в преследованиях, каким подвергался раскол со стороны правительства. Почти такой же взгляд как Пыпин, но гораздо резче, высказывает о самосожжениях автор предисловия к новому изданию «Истории Выговской Пустыни».¹⁵⁰ Но объяснения обоих авторов, если их признать верными, применимы только к некоторым случаям, так как известно из истории *не малое число несомненных примеров, которые не могут быть объяснены с точки зрения преследования*. Нам кажется, что оба уважаемые историка обобщили частные случаи. В этом отношении интересны фактические данные, приводимые Сапожниковым¹⁵¹; из этих данных видно, что самоистребления практиковались по преимуществу в некоторых местностях, тогда как в других местностях они не случались или случались реже, несмотря на то, что именно здесь отношение властей к расколу было более резко. Наконец, такой крупный историк, как Соловьев, *усматривает причину самосожигания не в преследованиях правительства, а в иных условиях*. Очевидно и несомненно, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлением сложным, которое не может быть объяснено одной исторической точкой

зрения. Нам кажется, что важнейшим источником для объяснений самоистреблений могло бы послужить подробное психологическое и психиатрическое исследование тех лиц, которые были непосредственными участниками событий; но так как источник этот для Терновской драмы со смертью Виталии и других утрачен, то остается единственная возможность сделать некоторые выводы по этому важному вопросу, руководясь исключительно соображениями, основанными отчасти на фактических, отчасти на психологических данных. Психологические и психиатрические данные мы считаем в этом случае важным источником разъяснения и будем пользоваться этим источником, подтверждая наши выводы историческими справками.

К числу исторических данных относится прежде всего то обстоятельство, что самоистребление свойственно исключительно или почти исключительно расколу. В этом смысле можно сказать, что самоистребление – по крайней мере массовое, о котором у нас идет речь – *относится к широкой области церковной или религиозной жизни, но оно не вызвано политическими или иными условиями. Политическая жизнь, социальные бедствия, преследования правительств скорее вызывают появление мятежей бунтов, активного сопротивления; в самоистреблениях же мы имеем дело с психологическим явлением глубоко пассивного типа. Этой своей стороной самоистребление ближе всего подходит к явлениям патологическим.*

Другую отличительную черту самоистреблений составляет то обстоятельство, что *они всегда совпадали с какими-либо особыми событиями церковной жизни.* Так, частые массовые самоистребления при Алексее Михайловиче, при царях Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах соответствовали времени появления раскола. В это время в русской жизни самоистребления были чрезвычайно часты. Но и эта связь не противоречит предположению, что в самоистреблениях мы имеем дело с явлениями, не лишенными, между прочим, и болезненного оттенка. В самом деле, с психиатрической точки зрения можно считать вполне доказанным, что политические

перевороты и религиозные события всегда оказывали влияние на увеличение числа душевных заболеваний или на более резкие проявления тех болезненных состояний, которые до того времени были выражены слабо или оставались скрытыми. Этот факт, конечно, необходимо понимать в том смысле, что всякого рода преобразования и перемены в жизни политической или в вопросах совести и т.п., составляя успех жизни, требуют напряжения и подъема сил. На такой подъем способны только лучшие люди, но не те, кто слаб душой и телом. Прогресс жизни подвигает вперед лучших людей и выбивает из строя или оставляет за флагом неподготовленных и слабых. В вопросах умственного или нравственного прогресса такими *слабыми* обыкновенно являются субъекты с так называемыми *болезненными* и *неправильными* характерами. Болезненные характеры, менее заметные при обычном течении жизни, могут резко проявиться в ту пору, когда жизнь делает поворот, к которому эти натуры не могут так легко приспособиться, как натуры нормальные. В таком случае эти натуры обнаруживают странную деятельность и даже заболевают психически в эндемических или эпидемических размерах. Таким образом преобразования или реформы отдели ют здоровое от болезненного и являются той силой, которая увлекает за собой все здоровое и ломает все болезненное и слабое.

Исследуя явления самоистребления с изложенной точки зрения, мы встречаемся с некоторыми существенно важными фактами, указывающими на видную роль болезненных натур при всех преобразованиях: натуры эти резко выступают со своей психопатической реакцией и, как *странные персонажи* в драмах, подчеркивают собою могучий ход реформы.

Во всех случаях самоистреблений яркой чертой, заметной в настроении масс, является *пессимизм*, отсутствие веры в лучшее будущее и упадок духа. Типический пример такого состояния духа находим в *Письменных Известиях* Чаусских раскольников. Ныне, говорится «в Известии, как духовные и земские власти не по избрании Святого Духа поставляются, а злата ради, того ради они нарицаются от бесов, а не от Бога; того ради нынешние власти во всем жестоки, гневливы, наглы,

люты, яры, нестройный, страшны, ненавистны, мерзки, не кротки, лукавы; своими ересями и прельщением они отставляют человек от пути правого и сводят в погибельный путь», «ныне во все страны посылают указы и в законения с посланники жестокими, – те нарицаются бесы, чувственные человеки... Ныне гладь по всей земле, запустение церкви, умножение ересем"... Как видно, речь идет не о каких-либо исключительных, но о самых обыкновенных общественных недостатках, а между тем тон, которым описываются эти недостатки, свидетельствует о крайнем пессимизме авторов и указывает на их болезненную чувствительность, на душевное страдание, вызванное *преувеличенной оценкой* обычных общественных зол. Таким оттенком отличается большая часть раскольнических писаний и жалоб, но в особенности такой отпечаток замечается в словах и жалобах тех, которые обрекали себя на самоистребление. Весьма замечательно, что, даже и в этих крайних случаях, жалобы нередко носили характер общих печалований и всеобщего недовольства всем, без указания на какие-либо конкретные обстоятельства или частные события, вызвавшие такое настроение. Все такие жалобы отличаются общим и субъективным отпечатком мало мотивированной мировой скорби. Читая эти жалобы и взвешивая психологические оттенки чувств, которыми они запечатлены, мы приходим к убеждению, что в большинстве случаев стремление к самоуничтожению вызвано было *скорее субъективным состоянием, нежели внешними событиями*. Внешние же события, в этих случаях, служили лишь поводом к самоистреблению, но вовсе не причиной: истинная причина коренилась в болезненном настроении и в давнем, готовом пессимизме, которым жили отдельные лица или целые группы людей.

Рядом с пессимизмом и с крайней болезненной чувствительностью всегда стоит склонность к самоубийству у раскольников XVII века. Эту связь тонко подмечает Андрей Иоаннов. *К самоубийству столько склонны, говорил он, что всегда наведываются, где, когда и сколько сожглось или запостилось самовольно.*¹⁵²

Пессимизм и стремление к самоубийству яркой чертой проходит и в Терновских событиях. С полным правом можно сказать, что события эти являются беспочвенными и безосновательными и представляют собою плод измененного настроения духа, вызванного психопатическими причинами, но не внешними событиями. В самоистреблениях Терновских, как и в самосожиганиях XVII века, мы видим следующие сходные психологические черты: замена рассудка чувством, слабая воля и склонность к самоубийству.

Было бы крайне важным делом разрешить вопрос о том, к какой болезни, или к какому психическому состоянию относится группа указанных симптомов, – можно ли их отнести к *большой истерии* или к так называемому *утомлению жизнью* – *taedium vitae*. То и другое психопатическое состояние может появляться как у отдельных лиц, так и у целых масс людей. Главным образом является искусственным результатом *психологического подбора*. Этот подбор можно проследить в истории самосожжений XVII и XVIII века, но в особенности в Терновских событиях.

В истории самосожжений мы постоянно встречаемся с фактом более или менее продолжительной подготовки масс путем пропаганды, увещаний и обманов со стороны так называемых *учителей*, как их называет народ, или *расколуучителей*, как они именуются официально. Эти *учители*, помощью разнообразных приемов, старались объединить субъектов болезненного и психопатического типа и направить их *сообща* к той цели, к какой те стремились, т.е. к самоистреблению. В этих случаях учителя в сущности делали то же, что теперь делают американские *клубы самоубийц*. Без сомнения, в этих случаях религиозные агитаторы пользовались существовавшей в населении склонностью и старались ее развить и придать ей более широкие размеры. Замечательно, что во многих случаях кажется, даже в большей части случаев, агитаторы сами не участвовали в самосожиганиях, но ограничивались тем, что, увлекши множество жертв в роковую засаду, сами незаметно ускользали от опасности, оставались в живых и даже пользовались имуществом сгоревших. Множество

примеров подобного рода приведено у Сапожникова.¹⁵³ Об этом свидетельствует также Димитрий, митрополит Ростовский.¹⁵⁴ Правда, случалось, что агитаторы самосожиганий и сами участвовали в общей гибели, но чаще, однако же, они сожигали других, а сами оставались в живых. Без сомнения, это делалось зачинщиками не всегда по дурным побуждениям (например, для грабежа, для захвата имущества сгоревших и проч.), но чаще всего с тою целью, чтобы сохранить самих себя для дальнейшей деятельности. Совершенно то же наблюдаем и в Терновских событиях. Как мы видели выше, главнейшие руководительницы Терновских событий, Виталия и Поля Младшая первоначально не предполагали лишать себя жизни, и самоубийство их явилось для них впоследствии актом неизбежным по мотивам чисто внешним.

Еще большее сходство Терновских событий с самосожиганиями минувших веков обнаруживается в *подборе* жертв. Главнейшим орудием этого подбора явился *Терновский скит*, куда стекались лица одинаковых убеждений и сходных настроений духа. Подбор усиливался деятельностью Виталии, которая сортировала старых жильцов и вновь прибывающих. Благодаря такой сортировке, население скита состояло из одряхлевших и полуумных субъектов, а также из пессимистов и людей психически-больных, мрачных, боязливых, подозрительных, которые, утратив чувство жизни, могли пребывать в полутемных, грязных удушливых келиях скита, похожих более на логовища животных, чем на человеческое жилье. При таком составе скита – его влияние на чувствительных нервных людей и особенно на детей и подростков оказалось чрезвычайно вредным. Дети и одряхлевшие старики подпали всецело влиянию скита.

Таким образом возникло патологическое ядро, состоящее из субъектов наиболее болезненных и односторонних. Эта сплоченная масса, объединенная и руководимая Виталией, производила значительное действие на окружающую среду. В руках Виталии скит явился истинным орудием *патологического подбора* и опаснейшим источником *психической заразы*. Подобные факты не новы в истории. Вредное влияние

раскольничьих скитов было известно издавна. Уже в прошлом столетий (в 1723 году), в видах предупреждения самосожжений, Святейший Синод постановил: «Сообщить Сенату ведением о самоохотно сгоревших раскольниках, требовать распоряжений его о рассылке крепких указов ко всем вотчинникам, или их управителям о том, чтобы они нигде в поместьях своих, ни под каким видом, не дозволяли раскольникам строить скитов себе и пустыnek, а, чтобы жили подобные люди с прочими крестьянами в селах и деревнях неотложно».¹⁵⁵ Это сообщение Синода показывает, что опасное значение объединения и сплочения помешанных и психопатов было давно замечено.

В Терновских событиях мы встречаемся, кроме того, с проявлением, в более резких формах, того условия, которое замечается и в других психопатических эпидемиях, именно мы видим здесь непосредственное участие в деле, не только *психопатических субъектов*, но и *помешанных*. Влияние помешанных на здоровых людей, насколько нам известно, не было предметом научного исследования, но оно несомненно существует и становится особенно заметным в периоды умственных брожений и психических эпидемий. В психопатической эпидемии 1892 года, среди штундистов Киевской губ., известной под именем *Молеванщины*¹⁵⁶, которую мы имели случай наблюдать, во главе движения стоял Малеваный, (штундист) страдающий типической формой помешательства. Подсчет количества помешанных в нескольких деревнях показал, что количество помешанных в секте Малеванцев было больше, нежели в среде остального населения, не принимавшего участия в религиозном брожении. Было также замечено, что религиозное брожение поддерживалось в населении ближайших к Киеву уездов, пока сам Малеваный находился в доме умалишенных в Киеве. А когда Малеваный был отдан на попечение родных и появился в среде невежественного сельского населения, брожение значительно усилилось и охватило многие уезды Киевской и смежных губерний: начались паломничества к Малеваному, и стали то там, то сям, среди здорового дотоле населения, вспыхивать эпидемии большой истерт с судорогами,

галлюцинациями и бредом. Но когда вслед затем Малеваный опять был изъят из населения и помещен в отдаленную от Киева Казанскую Окружную Лечебницу для умалишенных, религиозное брожение в народе стало быстро стихать и уже не возрастало. Несомненно, что присущее умалишенных в среде невежественного населения не может оставаться без вредного действия на некоторую часть этого населения, заметное в обыкновенное время – влияние это проявляется с особенной силой при обстоятельствах исключительных. В Терновских событиях такое крайне вредное влияние производил идиот Дмитрий Ковалев и две помешанные Поля Старшая и Виктория Рассейская, а также Авдотья Ковалева, Сухова (мать) и вероятно другие.

Немалые трудности представляет решение вопроса, что именно послужило непосредственным ближайшим поводом к развитию эпидемии Терновских самоистреблений. В прессе указаны были два события: *всеобщая народная перепись и открыты мощи Святителя Феодосия Углицкого*. Первое событие относится к области политической жизни, второе к церковной. Внешним образом Терновские события несомненно связаны с всеобщей народной переписью, однако же, по своему внутреннему характеру, события эти всецело относятся к сфере религиозной, или церковной жизни. Правда, трудно указать непосредственную связь Терновской эпидемии с церковным торжеством 9 сентября; но, по времени, некоторая связь, по-видимому, существует. Без сомнения, открытие мощей святителя Феодосия явилось крупным событием не только в церковной, но и в народной жизни: оно вызвало общее народное возбуждение, выразившееся подъемом духа, паломничеством, усилением надежд и чаяний. Несомненно, также, что на раскольников и других диссидентов это церковное торжество не могло не произвести противоположного действия, не могло не напомнить об их обособлении, о мучительном религиозном отщеплении и отделении от великого народного организма, с которым они соединены языком, бытом, обычаями и в то же время резко разграничены в церковном и вероисповедном отношении. При религиозности русского народа это разделение является весьма

существенным обстоятельством для народной совести и влечет за собою нечто в роде безмолвного, непрекращающегося суда одной стороны над другой, т.е. православных и старообрядцев. Этот народный суд явно сказался во время отрывания трупов погибших сектантов, когда тысячи зрителей своими массами загрохотали Терновские хутора, и когда сотни изумленных лиц, собравшихся на крышах, деревьях, возвышенных местах, устремили взоры свои на страшную картину откапывания трупов. В собравшейся толпе слышались угрозы, раздавались проклятия; в настроении тысяч присутствующих сказывалось строгое осуждение не только Терновским сектантам, но и всему расколу. Это осуждение принимали на свой счет не одни Терновские обитатели, но и многочисленные представители других раскольнических толков и согласий, присутствовавшие при открытии трупов. Они чувствовали тяжесть события, которое ложилось укором на весь раскол без различия его партий. Таким образом разделение русских людей на *старообрядцев и православных* не остается без серьезных психологических последствий; оно способно колебать настроение народных масс в особенности среди событий исключительных. Успех и подъем духа у одних может вызывать противоположные чувства у других. И в самом деле многие события в церковной жизни православных вызывали у старообрядцев то фанатизм и озлобление, то упадок духа и скорбь. Скорбь, печаль, упадок духа и неразлучная с ними склонность к самоубийству появляются именно у лучшей части раскольников, у людей с нежной душой, для которых рознь по высшим вопросам жизни является источником глубокого страдания, истинной мировой скорби. В этом смысле и торжество 9 сент. не могло остаться без влияния на старообрядцев.

Таким образом, церковное торжество 9-го сентября произвело значительное впечатление на народные массы впечатление весьма неодинаковое для православных и для старообрядцев. По понятиям народной совести, открытие мощей Феодосия Углицкого явилось событием, оправдывающим одну сторону и осуждающим другую. Говорят, что такое именно настроение замечалось осенью минувшего года в среде

Терновских сектантов и послужило основанием пессимизма, который так резко проявился именно в это время.

Пессимизм особенно был заметен в Терновском ските, и деятельность Виталии и ее сотрудниц по скиту является попыткой противодействовать этому настроению, найти героическое лекарство против болезни, которая грозила поразить многих. По-видимому, эта решительная женщина задалась смелой мыслью устроить в Терновских хуторах священное место, богатое останками мучеников, у таинственных могил которых должны были стекаться поклонники, подобно тому, как это случилось в Чернигове. Это предположение, слышанное нами на месте происшествия, подтверждается поведением Федора Ковалева. Когда в его присутствии происходило откапывание замурованных сектантов, его настроение носило характер уверенности и торжественного ожидания; но он сразу упал духом, когда его взору представились трупы с признаками разложения и с ползавшими по ним червями: он увидел не то, что ждал. Это обстоятельство поколебало его фанатическую уверенность в правоте религии, которой он служил, и явилось исходной точкой поворота в его мыслях и началом откровенных признаний.

Несомненно, что Виталия и Поля не чужды были некоторых исторических сведений о *самоистреблениях* в русском расколе. Об этом можно судить по стилю и содержанию той записки, которая была подана из скита счетчикам народной переписи, и которая была отредактирована, по всей вероятности, Полей Младшей. Записка эта во многом напоминает те челобитные и заявления, которые писались в XVII веке раскольниками, готовившимися к *гари*. Весьма правдоподобно, что в уме Виталии или Поли Младшей, на основании исторических сведений, созрел план ответить на церковное торжество 9-го сентября так, как раскольники XVII и XVIII века на церковные реформы.¹⁵⁷ С этой целью Виталия и Поля Младшая воспользовались готовыми описаниями самоистребления в русском расколе и подобно учителям XVII века возбудили известное настроение в Терновском ските и отсюда направили

его в Терновские хутора. Их личные качества обеспечили им успех печального дела.

В заключение нельзя не высказать некоторых общих мыслей, который невольно возникают в уме при чтении скорбного сказания о беспримерном несчастье, поразившем раскол в лице Терновских сектантов. Никогда печальное состояние раскола не обнаруживалось в более мрачных красках, как в Терновской драме. Поэтому не должно быть в отношении несчастных сектантов иного чувства, кроме безграничной жалости, и иного отношения, кроме самых искренних братских усилий к примирению и объединению с ними. Каковы бы ни были понятия о расколе с догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что все держащиеся старой веры – дети того же доброго русского народа, что они строго хранят в себе все его народные черты и остаются верными народному духу даже за пределами отечества.

В виду этого истинная забота о них (а не одни догматические словопрения с ними) является самым настоящим и самым не отложенным долгом Церкви и государства.

И. Сикорский

II. К вопросу о наиболее соответственной задачам миссии постановке преподавания в духовных семинариях истории и обличении раскола и сектантства // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1094–1100

Распоряжением св. Синода в 1885 году в курс семинарских наук введены история и обличение раскола и сектантства. Мера эта ближайшею своею задачею имеет достодолжную подготовку кандидатов священства в пастыре-миссионерской деятельности, а чрез то и возвышение успехов собственно приходской миссии.¹⁵⁸ Таким образом, кафедра истории и обличения раскола в наших духовных семинариях является еще новою, а наука эта только нарождающеюся. Однако в течение истекших 12 лет существования настоящей кафедры у семинарских преподавателей миссионерских наук достаточно накопилось наблюдений и опытов для критической оценки степени соответствия задачам миссии учебных курсов, программы науки и вообще для суждений о наилучшей постановке преподавания как истории, так и обличения расколо-сектантства.

Пользуясь присутствием большинства семинарских преподавателей по этой кафедре на Казанском миссионерском Съезде, последний признал полезным для миссионерского дела образовать комиссии для обсуждения вышеизложенного вопроса. В этой комиссии принимали самое живое и деятельное участие все прибывшие на съезд преподаватели семинарии, а также доцент Московской академии И.М. Громогласов, проф. Казанской академии Н.И. Ивановский и некоторые из миссионеров. Председательствовал в комиссии преподаватель Ставропольской семинарий, свящ. о. В. Кутепов, автор известного труда «Хлысты и Скопцы». Занятия комиссии состояли в живом обмене мнений ближайших, деятелей этой науки относительно методов и способов преподавания, распределения учебного материала, оценки учебных курсов и проч. «Учебная комиссия», как называлась эта секция Съезда, представляла собою небывалый в летописях духовных учебных

заведений съезд преподавателей предмета. Члены этой комиссии собирались чаще и более всех прочих, несомненно и вынесли из своих совещаний громадную пользу как каждый для себя, так и все для общего дела. Можно искренно пожалеть о тех преподавателях, которые не могли прибыть на съезд и воспользоваться чрез то всею совокупностью живых мнений и братских советов своих коллег.

В виду важности значения кафедры истории и обличения для миссионерства, мы считаем полезным на страницах «Мис. Обозрения» привести из протокола главнейшие заключения данной комиссии.

Прежде всего по вопросу *о расположении и содержании учебного материала* комиссия высказала следующие соображения.

1) По истории раскола

Выходя из того основного положения, что история русского старообрядческого раскола, сообщая ученикам точные исторические сведения о начале, дальнейшем развитии, о распространении и о современном состоянии русского раскола и его различных толков, должна служить прежде всего и главным образом подготовительною ступенью к изучению обличения его, комиссия признала: а) желательным, чтобы при изучении истории раскола обращалось главное внимание на внутреннюю его жизнь и, чтобы раскольнические его секты поставлялись в генетическую связь между собой, так, чтобы каждому ученику ясно было, как одно заблуждение порождает другое, как одна секта с необходимостью вызвала появление другой. Только при таком способе изучения многочисленных раскольнических толков можно ожидать, что ученик не спутает, напр., филлиповщину с федосеевщиной или поморщиной; б) Желательным признавалось также и то, чтобы обзор внешних правительственных мероприятий по отношению к расколу выделен был в особый отдел. При этом высказано, что таковой обзор существенного значения для полемики с расколом не имеет, да и вообще обстоятельное изучение этого отдела истории раскола может иметь значение только для ученого исследователя, а потому комиссия полагала при изучении этого

отдела ограничиваться сообщением только общих сведений. Но при этом признано полезным и желательным ввести в этот отдел ознакомление учеников со всеми, действующими ныне законоположениями о раскольниках и сектантах, а – попутно – и с некоторыми, имеющими особенно важное значение, кассационными решениями правительствующего Сената по делам о раскольниках и сектантах; в) чтобы обзор духовных воздействий в ослаблении раскола также составлял особый отдел и притом с таким характером изложения, чтобы всякий мог видеть всегдашнюю и неизменную благопопечительность отечественной Церкви об обращении заблудших на путь истины, а равно и значение тех или других действий церковной власти или бывших полемических произведений особенно древнего времени.

г) Признано, что история учреждения и постепенного распространения единоверия, существующего уже более столетия, может по справедливости занимать в истории раскола особый отдел хотя бы под таким заглавием: «Возвращение раскольников к православию».

д) Сверх сего, усмотрено некоторое практическое неудобство, встречающееся при прохождении курса истории раскола, заключающееся в том, что изучение истории русской Церкви начинается в V л. и патриарший период приходится изучать уже тогда, когда история происхождения раскола окончена; поэтому многие ученики недостаточно усвоят сведения об обстоятельствах, благоприятствовавших происхождению раскола. Комиссия выразила желание, о возможном устранении этого неудобства.

2) По обличению раскола

а) Так как изучение древних раскольнических сочинений, как пособий для ознакомления учеников с учением раскольников, в настоящее время не встречает особенной надобности в полемике с расколом, по общеизвестности их существенного содержания, то, разделив эти сочинения по группам, соответственно содержанию, достаточно ознакомить с существенными чертами каждой группы. Что же касается новейших произведений раскольнической литературы в роде

сочинений: Швецова, Мельникова, Перетрухина и пр., то, в виду их современного значения, полезным представляется ознакомлять с ними учеников в соответствующих отделах науки; б) При изучении главнейших полемических сочинений православных писателей древнего времени необходимо обращать внимание не только на положительную сторону содержания этих сочинений, не имеющую теперь в полемике особенного значения, но особенно на отрицательную, или на те недостатки, «похуления», как выражаются раскольники, которые заключаются в этих книгах. Опыт показывает, что раскольники в беседах с православными особенно любят указывать эти недостатки в полемических сочинениях наших писателей и иногда злонамеренно приписывают последним такие похуления, которых вовсе нет в их сочинениях, хотя это ознакомление с большою пользою может быть отнесено в отдел «о порицательных выражениях»; в) В целях методических учение о Церкви, таинствах представляется полезным поставить на первом месте и при том не разрывать этот отдел на несколько частей, расположенных в разных местах обличения раскола, и главу об обрядах отнести на последнее место. Такое расположение предметов требуется и самым существом дела, ибо учение о Церкви имеет характер догматический и всякому православному полемисту прежде всего необходимо разобрать, опровергнуть, уничтожить неправое учение раскольников об этом предмете, а рассмотрение обрядов имеет второстепенное значение и их следует рассматривать преимущественно с апологетико-полемической стороны; г) Замечено, что по религиозно-нравственной жизни православных христиан и о недостатках православного духовенства в отправлении им богослужения и церковных таинств представляется возможным вместо излишних подробностей в науке обличения раскола ограничиться лишь общими замечаниями об этом предмете; д) В виду того, что и древние и современные раскольники придают особенно важное значение вопросу о клятвах собора 1667 года, желательно обратить особое внимание на разъяснение этого вопроса, так чтобы ученик в силах был ясный дать ответ вопрошающему. Причем вопрос о

порицательных, возражениях в полемических книгах следует поставить отдельно; е) При разборе учения беспоповцев о таинствах достаточно ограничиться таинствами крещения, покаяния и причащения. О таинстве брака можно и не упоминать в обличении раскола, если только этот предмет с достаточной полнотой изложен был в истории раскола на основании полемики поморцев и федосеевцев. О таинствах миропомазания и елеосвящения сделать краткие замечание.

3) По истории и обличению сектантства

а) Желательно, чтобы при изучении истории сектантства обращено было особое внимание на местные секты; б) В виду почти повсеместного распространения штундо-баптизма, пашковщины, толстовщины и др. рационалистических и мистических сект, угрожающих православному населению, комиссия рекомендовала обратить особенное внимание на обличение упомянутых сект, вместе с тем комиссия полагала: кроме тех сведений, который сообщаются при обличении протестантства в обличительном богословии, необходимо ознакомить учеников и с теми своеобразными приемами и способами доказательств своей правоты, которые практикуются нашими русскими сектантами.

Независимо от изложенного, комиссии имела суждение и по вопросу о *служебном положении преподавателей по истории и обличению русск. расколо-сектантства* и о ведении преподавателями по сей кафедре собеседований с раскольниками и сектантами. а) Признавая таковые собеседования желательными и полезными в делах педагогических и вероохранительных, комиссия полагала, что таковые собеседования могут быть ведены названными преподавателями в воскресные дни Филиппова поста и св. Четырехдесятницы, как время более удобное для учеников, которые достаточно будут подготовлены на уроках к слушанию бесед, так и для народа, который более охотно посещает беседы в это именно время года.

б) Но принимая во внимание, что труд по заведыванию семинарскими библиотеками представляется в высшей степени кропотливым, отнимающим значительную часть времени, а

вместе труд этот и ответственный, требующий при том от лиц, ведущих это дело, особой склонности и способностей, а также имея в виду, что преподавателя истории и обличения русского раскола и сектантства, помимо обязанности ведения бесед с раскольниками и сектантами, возлагаются и другие, не менее важный и сложный, как, например: изучение местного раскола и сектантства (по требованию объяснительной записки к программе учения о русском расколе), деятельное участие в советах братств и епархиальных миссионерских комитетов, исполнение разных поручений епархиальных преосвященных, консисторий по делам раскольников и сектантов, например: чтение рукописей раскольнических и сектантских с своими заключениями, а временами и командировка в зараженные расколом и сектантством местности, производство экспертизы по требованию судебных следователей, вызов в окружные суды, в качестве экспертов и проч., и наконец, принимая во внимание, что об освобождении и преподавателей названных предметов от заведывания библиотеками уже было возбуждено ходатайство пред Св. Синодом вторым миссионерским съездом, – комиссия постановила: просить Съезд о возбуждении нового ходатайства пред св. Синодом относительно освобождения преподавателей истории и обличения русск. раскола и сектантства от заведывания семинарскими библиотеками, как отвлекающего от прямых, а частью и косвенных, возлагаемых на них обязанностей. При этом комиссия указала и на тот прискорбный факт, что в последнее время некоторые преподаватели истории и обличения русского раскола и сектантства, достаточно опытные и знакомые с делом, оставляют эти кафедры.

в) Комиссии возбуждала также ходатайство пред св. Синодом и о том, чтобы в тех семинариях, в которых есть штатные параллельные отделения в V и VI клас., каждый урок сверх 7 оплачивался особо, как это делается по отношению к преподавателям, имеющим 12 уроков.

г) В виду требований объяснительной записки к программе преподавания учения о русском расколе, чтобы преподаватели этого предмета изучали местный раскол и сектантство – желательно, чтобы им были доступны архивы местных

консисторий и братств, чтобы они обязательно состояли членами советов братств и миссионерских комитетов и чтобы в случаях, если им нужно будет, с целью ознакомления с расколом и сектантством, сделать поездку в села или местности, зараженные расколо-сектантством, предоставлялись каждый раз – необходимым для сего епархиальные средства, и

д) Комиссия, принимая во внимание, что отпускаемых на семинарские библиотеки средства недостаточны просила съезд возбудить ходатайство пред св. Синодом о безмездном снабжении семинарских библиотек необходимыми старопечатными книгами единоверческой печати, без которых совершенно невозможно ведение уроков с учениками по обличению раскола, а равно и ведение бесед с раскольниками, где таковые могут быть.

**III. Титов Ф.И., проф. Киев. акад., свящ. Секта
духоборцев // Миссионерское Обозрение, 1897,
Декабрь, кн. 1. С. 1100–1119**

Окончание¹⁵⁹

Содержание: Организация секты. Причины, содействовавшие распространению и продолжительному существованию секты. Отношения гражданского и духовного правительства к сектантскому обществу. Замечательные борцы против секты и особенные меры борьбы с нею.

Мы теперь подошли к такому пункту в истории духоборческой секты, который наименее всего поддается в желательной степени точному определению и полному описанию. Разумею организацию сектантского общества. В то время как относительно истории и вероучения сектантов сохранились хоть какие-нибудь, правда, далеко истинные и часто противоречивые сведения, касательно устройства духоборческой секты не имеется почти никаких положительных, тем более документальных свидетельств. Причины этого заключались, кажется, в следующем. Сами духоборцы всегда тщательно скрывали от посторонних лиц эту сторону своей жизни и старались обходить ее, по возможности, совершенным молчанием в тех показаниях, какие они иногда соглашались давать относительно своих религиозных убеждений. С другой стороны, и всякому постороннему исследователю, или наблюдателю невозможно было проникнуть во внутреннее устройство духоборческой общины, которая во все время своего существования отличалась крайнею нетерпимостью и никого не допускала до этого.

Можно думать, что до переселения духоборцев на «Молочные Воды» у них не было определенного, точно выработанного общественного устройства, так как тогда секта не представляла особого целого и единого общества, а состояла из небольших общин, разбросанных по разным городам и (преимущественно) селениям нескольких губерний. Тогда несколько отдельных личностей, крепко соединенных между

собою общими религиозными убеждениями, образовали из себя особое общество. Таких обществ было множество и обособлению их особенно содействовало то обстоятельство, что сектанты, в силу религиозных своих убеждений, нетерпимо относились к православным, в свою очередь, враждебно настроенным в отношении к ним. Подобные духоборческие общества, не смотря на свою разбросанность и пространственную обособленность, были связаны между собою внутренним единством, которое состояло в единстве вероучения и высшего управления, причем это последнее существовало только в теории. Как и нередко бывает в новообразовывающихся сектантских обществах, так и у первоначальных духоборцев существовало теократическое управление. По учению сектантов, верховным правителем их был Сам Бог. Отголосок этого древнего учения сохранился и в катехизисе современных духоборцев, где на вопросы: «есть ли у них царь» и «признают ли они власть человеческую» даются такие ответы: «наш царь – Бог Отец, а управитель – Христос Спаситель. Признаем мы власть человеческую, которая от Бога дана, тому власть от Бога дана, кто всем слуга».

Понятно, что в обществе, где признавалось верховное управление Самого Бога и власть понималась, как служение всем, должно было существовать полное равенство всех членов его, которые, собираясь все вместе, должны были руководить течением общественной жизни. Так оно и было, кажется, в первоначальных общинах духоборцев, существовавших до переселения их на «Молочный Воды». По крайней мере неизвестный автор записки о духоборцах, относящейся к 1805 г., прямо говорит, что у них «строго наблюдается почтение детей к плотским родителям и вообще младших летами к старшим, *хотя сии старшие и даже родители не присваивают себе над ними никакой власти, почитал себя духовно им равными... В обществе их совершенно нет никаких старшин, кои бы управляли и распоряжали(сь) обществом; но общество управляет всеми и каждым*».

Но, разумеется, подобное устройство духоборческих общин не могло существовать долго. Оно могло иметь силу и значение

только до тех пор, пока среди духоборцев был сильный подъем религиозного чувства. Только при этом последнем условии не могло быть между ними «никакого беспорядка и разногласия», о чем говорить вышеупомянутый автор записки 1805 г. с такою уверенностью, кажется, не совсем основательно и поспешно. С течением времени в духоборческих общинах, как и во всяких человеческих обществах, должны были непременно появиться злоупотребления, пороки и преступления, для искоренения которых и для установления порядка необходимо потребовалась реальная и притом сильная власть. И такая власть, действительно, существовала среди духоборцев гораздо раньше появления их на «Молочных Водах». Вопреки категорическому утверждению автора записки 1805 г., что в обществе духоборцев не было никакой власти, никаких старейшине и веб были равны, мы видим еще во второй половине XVIII в., по крайней мере, среди некоторых духоборческих общин вожаков, которые и были действительными начальниками и руководителями их, деспотически управлявшими ими, следившими за поведением всех членов общины и принимавшими решительные меры к искоренению замеченных беспорядков.

Таковыми именно вожаками, или главарями духоборцев были в прошедшем столетии Силуан Колесников среди екатеринославских и Илларион Побирохин и Савелий Капустин среди тамбовских сектантов. Власть и начальнические права этих вожаков первоначально основывались исключительно на выдающихся личных дарованиях их. Судя по сохранившимся о них сведениям, все они были люди крепкого ума, сильной воли, все обладали хорошим даром слова, а иные из них к тому же отличались и внешнею представительностью, импонировавшею их подчиненным. Так, напр., о Силуане Колесников известно, что он был даровитый от природы человек, грамотный и любил произносить речи пред своими единоверцами в мистическом духе, причем речи его всегда производили сильное впечатление на слушателей. Илларион Побирохин, заимствовав, по мнению некоторых, свои духоборческие заблуждения от Колесникова и перенесший их из екатеринославской в тамбовскую губернию, был богатый человек, оптовый торговец

шерстью, производивший широте торговые обороты в соседних губерниях и потому много видевший и слышавший, – словом бывалый и многоопытный человек; кроме того, он имел чрезвычайно увлекающийся характер и обладал хорошим даром слова и силою убеждения. Как Колесников, так и Побирохин пользовались большим уважением в среде своих единоверцев и были влиятельными руководителями тех общин, к которым они принадлежали.

Но еще большее значение, чем оба они, имеет в истории духоборческой секты Савелий Капустин, бывший преемником, а по мнению некоторых даже и сыном Побирохина. Он был одним из самых ревностных распространителей духоборчества среди православного населения тамбовской губернии, но самое важное значение его деятельности на пользу духоборческой секты состоит в том, что он был организатором ее. Особенному успеху его пропаганды и его выдающемуся положению в обществе духоборцев, подобно тому как это мы видели и относительно его предшественников, способствовали, без сомнения, его духовные дарования и самая наружность его. Это был мужчина высокого роста, атлетического сложения; осанка его была величественна, походка и взгляд его внушали невольное уважение. При внушительной наружности и душевные его способности были далеко незаурядны. Его острый природный ум, красноречие, замечательная память, причем он, по отзыву знавших его, мог прочесть наизусть всю библию и помнил все, чтобы и где бы ни прочитал, наконец, увлекательность речи, по временам переходившая в особенную вдохновенность и сильное одушевление, – все это невольно покоряло и располагало к нему каждого, кто только видел и слышал его. По всему этому, некоторые сравнивают положение и значение Капустина в духоборческом обществе с положением Иоанна Лейденского в обществе анабаптистов.

Но как человек очень хитрый и дальновидный, Савелий Капустин не мог, конечно, не сознавать всей непрочности своего положения, основанного единственно на силе впечатления его личных особенных дарований и преимуществе пред другими. Он желал сделать свое положение как можно более прочным и с

этою целью воспользовался существовавшим в среде духоворцев ложным учением о переселении души Иисуса Христа. Попытки воспользоваться этим лжеучением в своих честолюбивых видах бывали, кажется, и прежде в среде духоворцев. По крайней мере, это положительно известно о Побирохине; а по другим свидетельствам и даже по уверению самого Капустина, высказывавшегося об этом пред своими подчиненными, еще в Колесникове духоворцы признавали пребывание души Иисуса Христа. Таким образом, Капустин только определеннее формулировал возникавшие среди духоворцев лжеучение и сообщал ему догматический, непререкаемый авторитет силою личного своего влияния.

Сущность этого лжеучения в том виде, какой придавал ему Савелий Капустин, состояла в следующем. В первый раз, как Богу угодно было воплотиться, Он избрал для этого тело самого чистого и совершенного человека на земле, именно Иисуса Христа. С тех пор, как Бог открыл Себя в Иисусе Христе, Он постоянно остается в роде человеческом, именно в избранной части его, в духоворческом обществе, причем душа Иисуса Христа, выражающая высшее сравнительно со всеми человеческими душами божественное разумение, в силу закона переселения душ, постоянно переходит из одного избранного и праведного человека в другого и во время пребывания в каждом избранном сохраняет сознание и воспоминание о своем божественном начале. Поэтому, каждый человек, в котором она обитает, ясно сознает, что в нем – именно душа Иисуса Христа. Такими избранными в среде духоворцев были сначала Колесников и потому Савелий Капустин.

Такова была приблизительно история происхождения, или, точнее, появления среди духоворцев лжеучения о воплощении души Иисуса Христа в избранных людях. Весьма вероятно, что оно появилось и было принято всеми духоворцами не сразу, что оно могло вызвать много споров и даже противодействия со стороны отдельных лиц, но, благодаря исключительному влиянию Савелия Капустина среди духоворцев, проводившаяся им мысль восторжествовала и тогда он сделался не просто главарем, или какими были, напр., Колесников, Побирохин, но и

богочеловеком, Христом, пророком, в котором обитала душа Иисуса Христа, а потому и законным земным владыкою и верховным главою всего духоборческого общества. В качестве такого верховного правителя и пророка, Савелий Капустин начал уже бесконтрольно и деспотически обращаться с своими подчиненными и путем деспотизма и хорошо рассчитанной политики успел организовать тесно сплоченное общество пока, на первых порах, из своих односельцев и ближайших духоборцев Тамбовского края.

Весьма важное значение в деле дальнейшего упрочения власти и положения Савелия Капустина посреди духоборцев, а также и расширения его прав над духоборцами не только Тамбовской, но и других губерний имело, несомненно, переселение духоборцев в одно место, именно на «Молочные Воды». Не будь этого последнего обстоятельства, исключительно влиятельное положение и власть Савелия Капустина над духоборцами, быть может, не распространились бы дальше Тамбовского края. С другой стороны, без этого и самая власть Капустина не возросли бы в такой степени, как это мы видим на «Молочных Водах». Тамбовские духоборцы хорошо знали прошлую жизнь своего руководителя, равно как знали они и истории превращения его из простого главаря в царя-лжехриста. Поэтому, хотя они и подчинялись последнему, но все-таки едва ли стали бы окружать его таким почетом и относиться к нему с таким благоговением, какими пользовался Савелий Капустин среди мелитопольских духоборцев. И эта перемена в отношениях духоборцев к своему вожаку произошла незаметно и естественно. В 1805 г. Тамбовские духоборцы, под руководством Капустина, переселились в Таврическую губернию и основали здесь слободу «Терпение». Явившись сюда с признанным уже авторитетом пророка и Христа, Савелий Капустин в новом месте, посреди людей, не знавших его прошлого, начал действовать еще с бóльшею уверенностью. Дан того, чтобы еще более возвысить свой авторитет в глазах духоборцев, он окружил себя, между прочим, таинственностью. Дом, в котором он жил, состоял из двух этажей; в верхнем из них на лицевой стороне была устроена галерея, на которую в известные дни выходил

Капустин и показывался духовборцам, во множестве собиравшимся пред домом. При каждом таком выходе духовборческого пророка и царя, все собравшееся падали на колена и с благоговением выслушивали его речь, когда ему угодно было поведать что-либо своим подчиненным. Иногда Капустин сидел у себя на верху, в зале причем собравшиеся духовборцы входили к нему – в одну дверь мужчины, а в другую женщины – и все благоговейно принимали благословение от него.

Укрепив подобными средствами свою власть и свое влияние в среде Мелитопольских духовборцев, Капустин начал затем деспотически и бесконтрольно управлять ими и притом и отношении не только религиозных, но и общественных дел. Высшее, хотя и негласное управление всем духовборческим обществом, собравшимся на юге России, сосредоточивалось в руках пророка Капустина. Правда, в каждой отдельной слободе духовборческой была своя общественная сходка, в которой участвовали все взрослые мужчины и которая решала все дела, касавшиеся целого общества; но все такие сходки бывали обыкновенно слепым орудием в руках дальновидного и опытного царя-пророка. Тайные указания и распоряжения его всеми исполнялись беспрекословно, а малейшее сопротивление ему впоследствии стало караться обыкновенно смертною казнью, причем осмеливавшееся делать это бесследно исчезали. Высший суд над духовборцами также принадлежал царю-пророку, причем его решение считалось окончательным и безапелляционным. Впоследствии, – неизвестно, с какого именно времени, – Капустин ввел среди мелитопольских духовборцев полную общность имений, которая явилась новым средством в его руках для укрепления и усиления своей власти над подчиненными. Обратив все состояние духовборцев в одно общественное хозяйство, Капустин начал неограниченно и бесконтрольно распоряжаться им. Впоследствии же, под предлогом, что заведывание общественным имуществом утомляет и отвлекает его от других, более важных занятий, он продал общественный скот и большую часть вырученных от продажи денег оставил у себя.

Сначала, после поселения духоборцев на «Молочных Водах», Капустин правил их обществом сам непосредственно и единолично. Впоследствии, – когда именно, неизвестно, – он в помощь себе установил особый правительственный совет, состоявший из 30 лиц, из которых 12 человек исполняли около него, как Христа, обязанности апостолов. Управление совета, руководимого Капустиным, было построено всецело на системе страха, шпионства и самого крайнего деспотизма. Это был своего рода трибунал жестокой и правовой инквизиции. Главным руководительным началом его деятельности было умерщвление всякого, кто только изменять религиозным убеждениям сектантов, или противился порядку общественной жизни, подавление всякого малейшего проявления свободы. Само собою разумеется, какое важное значение имели и в каком ходу были, при подобной системе управления, всякие интриги, честолубие, клевета и доносы. Достаточно было самого легкого подозрения, малейшего признака мнимого отступничества или измены обществу, чтобы подвергнуться самой жестокой пытке и потом казни. Правительственное расследование, произведенное несколько позже, пред выселением духоборцев в Закавказский край, при всем умении духоборцев скрывать свои тайные преступления, обнаружило 21 зверское убийство, причем одни из убитых оказались заживо погребенными, другие – обезглавленными и сильно изуродованными; тогда же открылось, что в течение последних двух лет управления Капустина духоборческим обществом исчезло 400 человек, не никаких следов. Дом, в котором происходили тайные заседания совета 30 и где нередко производилась и самая пытка, назывался: «рай и мука». Местом исполнения смертных приговоров был избран остров, находившийся при впадении реки Молочной в лиман Азовского моря.

Подобными средствами Савелий Капустин окончательно закрепил свою неограниченную, деспотическую власть над духоборцами. Но, как человек очень предусмотрительный и дальновидный, он, кроме того, позаботился еще о закреплении такой власти и за своим потомством, за своим родом. Для этого потребовалось измышление принятого на веру всеми его

подчиненными и возведенного потом в догмат нового учения о переходе души Иисуса Христа преемственно от отца к сыну в одном и том же избранном роде, именно в роде Капустина. Результатом этого явилась в духоборческом обществе наследственная верховная правительственная власть, которая сделалась потом одним из важнейших условий продолжительного и сравнительно спокойного существования этого сектантского общества. Это последнее условие имело бы еще большую силу и значение, если бы со смертью Савелия Капустина не прекратился в его роде ряд умных и деятельных представителей его, стоявших во главе духоборческого общества.

С 1820 года, когда, как можно думать, последовала смерть Савелия Капустина, должность пророка и высшее управление делами духоборческого общества, в силу вышеуказанного порядка, установленного Капустиным, перешли к его сыну Василию, принявшему с целью лучшего укрывательства от гражданской власти фамилию своего нареченного отца, однодворца Никифора Калмыкова. Василий Калмыков был совсем непохож на своего отца, и не отличался ни особенным умом, ни энергией воли; кроме того, он был развратный человек и алкоголик. Тем не менее, однако же, духоборцы беспрекословно признали его власть над собою, и он полновластно и деспотически управлял духоборческим обществом в течение 12 лет. В 1832 г. он скончался посреди всеобщего почета. Его место занял сын его Илларион Калмыков, который пошел вполне по следам своего отца. При нем распущенность нравов стала широко распространяться в среде духоборцев и, без сомнения, внесла немало расстройств в их общественную жизнь. Сам духоборческий царь с окружавшим его приближенными особенно предавался разврату. Еще Савелий Капустин завел т.н. Сиротский дом, в котором содержалось несколько престарелых мужчин и женщин для пропитания и подготавливалось несколько девиц в запевалы. Но при Василии Калмыкове и особенно при его сыне – Илларионе здесь стали содержаться одни только девицы с предосудительною целью. Во время управления Иллариона Калмыкова духоборческим

обществом возмутительные оргии и жестокости стали допускаться даже во время секретных молитвенных собраний. При нем же достигли высшего своего развития деспотизм и жестокий произвол совета 30 и старшин в управлении духоборческим обществом.

Начавшееся разложение духоборческой секты, несомненно, было задержано наступившим в первой половине 40-х годов истекающего столетия кризисом в виде принудительного Переселения духоборцев в закавказский край, которое совершилось под руководством того же Иллариона Калмыкова. Преемниками его в высшем управлении закавказским духоборческим обществом был сын Иллариона Калмыкова Петр и затем жена последнего Лукерья, со смертью которой прекратился совсем правительственный и бывший в глазах духоборцев священным род Капустиных-Калмыковых, и вслед затем начались беспорядки в среде духоборцев, не прекратившиеся и доселе.

Итак, вот главнейшие черты общественного устройства духоборческой секты. Во главе всего их общества, со времени поселения их на Молочных Водах и до 1886 г., находился неограниченный, наследственный правитель, деспотически и бесконтрольно, на правах пророка-христа или богородицы, как это имело место в отношении к Лукерье Калмыковой, управлявшей всеми членами общества. По-видимому, ему принадлежало право распоряжаться не только имуществом, но даже и честью, и жизнью своих подчиненных. В его ведении находились также общественное имущество и капиталы. Около него находился постоянный правительственный совет из нескольких (до 30) лиц, которые содействовали ему в управлении обществом и выбор которых зависел, кажется, всецело от него самого. Правление общественных дел сосредоточивалось в т.н. «сиротском доме», в котором впоследствии жил сам правитель и хранились общественные капиталы, и внутренняя организация которого остается доселе таинственной и неразгаданной. Существовавшая в каждом отдельном селении сходка общественные были слепым орудием в руках главарей.

Духоборческая секта существует в виде вполне определившегося и особого общества уже более 100 лет. Главнейшими причинами, содействовавшими быстрому и широкому распространению секты в начале ее образования и затем сравнительно продолжительному существованию духоборчества, по нашему мнению, служили следующие обстоятельства. Прежде всего, правительство и общество русское долго, по-видимому, не обращало никакого внимания на новую секту, которую к тому же в начале ее обнаружения большею частью смешивали с другими сектами – то с квакерскою, то с хлыстовскою и т.н. Это обстоятельство помогло духоборцам окрепнуть и собраться в отдельные более или менее многочисленные общины. Этим только и можно объяснить иначе непонятный факт неожиданно широкого распространения духоборческой секты к концу XVIII в. в самых отдаленных краях России. Далее, сосредоточение духоборцев в одном месте жительства чрез принудительное переселение их на «Молочные Воды», каковое переселение к тому же было обставлено многоразличными льготами и привилегиями для духоборцев, содействовало не только упрочению, но даже и распространению духоборчества, так как мелитопольские духоборцы, пользуясь покровительственно-снисходительным отношением правительства к ним, вели деятельную пропаганду своего лжеучения, что прекрасно доказал документальными данными проф. А.С. Лебедев, по крайней мере, относительно Слободской Украины. Установление прочного и постоянного высшего управления духоборческим обществом в виде наследственной, неограниченной и единоличной власти послужило, без сомнения, одною из важнейших причин продолжительного существования духоборческой секты, особенно после того, как чрез поселение духоборцев в одном месте они, не без сознательного стремления их главарей, сильно и резко обособилось от остального населения русского государства, образовав до известной степени государство в государстве. Наконец, была еще одна внутренняя особенность жизни духоборческого общества, которая много содействовала продолжительному существованию его самого и нелепого его лжеучения. Разумею

именно полное умственное невежество духоборцев, обусловленное совершенным отсутствием среди них грамотности. Полнейшим умственным невежеством в значительной степени объясняются и другие некоторые черты внутренней жизни и устройства духоборческого общества, отмеченные нами раньше, как-то: распространение среди них и легкое усвоение ими разных нелепых догматов в роде переселения души Иисуса Христа, безусловное и беспрекословное повиновение главарям, какой бы произвол они ни позволяли себе иногда, господство деспотизма, жестовой системы наказаний и мн. др.

Отношение гражданского и духовного правительства к духоборческой секте за время ее продолжительного существования было неодинаково. Сначала, как сказано, на нее обращали мало внимания и совсем не следили за ее развитием, так как хорошо не знали ее, или, правильнее, не отличали ее от других сект. Но так как общее отношение власти к сектантам, которых тогда считали и называли вообще еретиками, в то время было строгое, то, вероятно, наряду с другими сектантами подвергались иногда наказаниям, и духоборцы еще в первой половине XVIII в. Начиная со второй половины того же века, когда духоборцы уже ясно выделились из среды других сектантов, к ним стали относиться более внимательно, хотя внимание это выражалось в принятии исключительно внешних мер для сокращения секты. Когда открывалась где-либо духоборческая секта, последователей ее сначала увещавали оставить свои заблуждения, что обыкновенно лежало на обязанности духовенства. Остававшихся упорными в своих заблуждениях духовное ведомство передавало гражданскому начальству, которое судило и затем подвергало наказанию, причем самым обыкновенным наказанием для духоборцев тогда была ссылка в каторгу, «по предварительном учинении им публичного наказания кнутом». Сенатор Лопухин в 1801 г. писал, что «никакая секта до того времени не была столь строго преследуема, как духоборцы...». Разными образами их истязывали, целыми семействами ссылали в тяжкие работы, заключали в самые жестокие темницы. Некоторые из них сидели

в таких, где ни стоят во весь рост, ни лежать, протянувшись нельзя было... Всякий генерал-прокурор, вследствие губернаторских представлений, объявлял именной указ о ссылке их целыми семействами в разные места на поселение и на каторгу, и сосланных таким образом не одно сто».

Со времени царствования императрицы Екатерины II отношение правительства к духоборцам по внешнему виду не изменилось, хотя в основание этого отношения теперь было положено совсем другое начало. Теперь, после того, как запрещено было «ради различия веры вчинять ссоры или распри», потому что «гонение раздражает только умы», духоборцев уже начали наказывать не как еретиков, а как обыкновенных гражданских преступников. Не желая стеснять свободу их совести, правительство в то же время не считало возможным оставлять без всякого наказания людей, которые своим учением явно шли против общественного устройства и открыто противились гражданской власти. Несомненно, что сами духоборцы были виновниками подобного отношения правительства к ним. Так, напр., в 1791 г. екатеринославские духоборцы судились за то, что «проповедовали свое учение на улицах и толпы народа постоянно окружали их», т.е. за открытую пропаганду своего лжеучения. С другой стороны, сам народ православный, из среды которого выходили духоборцы, презирал и ненавидел их за то, что они крайне враждебно и нетерпимо относились ко всему святому и дорогому для православно-русского гражданина. Сам сенатор Лопухин, близко изучавший положение духоборцев и сочувствовавший им, отзывался в 1801 г., что «поселяне подлинно их не терпят, как и все почти жители».

Правительство Императора Павла I сначала было стало относиться к духоборцам снисходительно, но потом должно было, вследствие крайне отрицательного отношения сектантов ко всему церковному и общественному строю русского государства, возвратиться к прежней системе, основанной на строгости. Духоборцев в это время наказывали преимущественно посредством ссылки в Сибирь для разработки рудников, с назначением их на самые тяжелые работы.

С началом нынешнего столетия и вместе царствования Императора Александра 1-го отношение правительства к духоборцам существенно изменилось. Мы уже раньше видели, что это было отношение полного снисхождения, нередко переходившего даже в явное покровительство сектантам. Подробному выяснению мотивов такого отношения правительства к духоборцам посвящен, между прочим, Высочайший рескрипт от 9 декабря 1816 года на имя Херсонского военного губернатора, где говорилось следующее: «из двух представлений ваших к управляющему министерством полиции, касательно поселенных в Мелитопольском уезде так называемых духоборцев, вижу Я, что вы испрашиваете переселение их с нынешнего места жительства на другое. К таковому представлению побуждаетесь вы донесениями о развратной, будто бы, их жизни, зловредных для общества правилах и желании рассеять оные между другими. Вследствие сего и по поданной со стороны самих духоборцев просьбе о защите их от притеснений, повелел уже Я управляющему министерство» полиции снестись с вами о доставлении сведений об обстоятельствах, до духоборцев касающихся. При сем Я признаю за нужное обратить ваше внимание особенным образом на начало и причину переселения сего рода людей из слободско-украинской и других губерний в мелитопольский уезд Таврической губернии на Молочные Воды. Сие переселение их последовало (как вы и из повеления моего, данного бывшему новороссийскому губернатору Миклашевскому 25 января 1802 года увидеть можете) частью во уважение претерпенного ими разорения, частью же в ограждение их от неуместных и напрасных притязаний в отношении к образу их мыслей о религии. Они отделены уже там довольно от непосредственного с прочими жителями сношения и тем распространению сей секты положены пределы. В продолжении нескольких лет по ныне правительство, не получая ни с которой стороны жалоб, ни донесений о беспорядках, имело все причины полагать принятия по сему меры весьма достаточными. Отдаление сих людей от православной греко-российской церкви есть, конечно, с их стороны заблуждение, основанное на некоторых погрешительных

заклучениях их об истинном богослужении и духе христианства. Сие происходит в них от недостатка в просвещении, ибо ревность Божию имеют, но не по разуму. Но просвещенному ли христианскому правительству приличествует заблудших возвращать в недра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаниями, ссылками и тому подобными? Учение Спасителя мира, пришедшего на землю взыскать и спасти погибшего, не может внушаемо быть насилием и казнями, не может служить к гибели спасаемого, коего ищут обратить на путь истины. Истинная вера порождается благодатью Господнею чрез убеждение, поучением, кротостью, добрыми примерами. Жестокость же не убеждает никогда, но паче ожесточает. Все меры строгости, истощенные над духоборцами в продолжены 30 лет до 1801 г. не токмо не истребили сей секты, но паче и паче преумножили число последователей ее. Впрочем, местные начальства разных губерний отзывались о духоборцах неоднократно весьма выгодным образом со стороны их поведения, хотя и приносили жалобу на отпадете их от православной церкви. Сенаторы Лопухин и Нелединский-Мелецкий, при обозрении ими в 1801 г. слободско-украинской губернии, найдя там сего рода людей, отдал им также во многом справедливость, хотя и не защищал их заблуждений; ибо они судили о них беспристрастным и на любви христианской основанным образом. Все сии обстоятельства показываюся довольно ясно, что не о новом переселении сих людей помышлять теперь надлежит, но об ограждении скорее их самих от всех излишних притязаний за разномыслие их в деле спасения и совести, по коему ни принуждение, ни стеснение никогда участия иметь не могут. Переселением таковым судьба их отяготится снова, и они наказаны уже будут по одному доносу, без исследования истины обвинения и доказательств. Благоустроенное правительство ни в каком случае и ни с кем так не поступает и церковь православная, сколь ни желала бы обратить сих отпадших от нее чад в себе, может ли одобрить меры гонения, толико противные духу главы Ее Христа Спасителя, оставившего Своим последователям сие достопамятное изречение: «аще бы бысте ведали, что есть

милости хочу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинных». Руководясь духом сим, духом истинного христианства, можно всего лучше успеть в достижении желаемой цели по сему предмету».

Итак, правительство Императора Александра I-го: во-1) решительно осуждало систему прежнего отношения русского правительства к духоборцам, основанного единственно на строгости, и 2) с своей стороны, решило руководиться в отношении к сектантам одною милостью и христианским снисхождением, полагая, что таким путем «можно будет лучше всего успеть в достижении желанной цели». К сожалению, последствия не оправдали доброго предположения, и высокогуманная цель, преследовавшаяся правительством Императора Александра I-го и состоявшая в том, чтобы кротостью и снисхождением смягчить сердца непокорных и если не привлечь их к православной вере, то, по крайней мере, превратить дальнейшее распространение секты, нимало не была достигнута им. Духоборцы, осыпанные редкими милостями и привилегиями, стали еще с большей нетерпимостью и враждой относиться ко всему православному, даже ко всему русскому. Вожаки их, пользуясь покровительством власти, укрепляли и усиливали свой деспотизм, сопровождавшийся ужасными преступлениями. По их инициативе и в расчетах на еще большее расширение их деспотической власти, духоборцы мелитопольские стали добиваться даже полной независимости их общества от правительства и законодательства русского государства, полной не только религиозной свободы, какая была уже дана им, но и гражданской самостоятельности. Таким образом, духоборческое общество, осыпанное щедрыми льготами и привилегиями русского правительства за то только, что сектанты впали в «заблуждение, основанное на некоторых погрешительных заключениях их об истинном богослужении и духе христианства, что произошло в них от недостатка просвещения», – духоборческое общество желало быть особым, самостоятельным государством в государстве. «Отечеством» этого государства духоборческого имела быть уже не вся русская земля, а только та часть ее, на которой были сектанты, которая

вмещала в себе их учреждения и их собственную верховную власть, которая собственно и была олицетворением их нового отечества. Духоборцы пользуясь неумеренным покровительством власти, стали добиваться, себе такого положения, при котором русское правительство, если бы оно пожелало вникнуть в их положение, могло бы сделать это не иначе, как чрез их верховного руководителя. И замечательно, что не только закавказские духоборцы, но даже и мелитопольские в последнее время пребывания их на юге России иногда практически осуществляли подобные свои химерические мечтания. Они открыто заявляли гражданской власти, что могут исполнять требования, с которыми согласится и которые одобрит их глава. Не ограничиваясь заявлением просьбы о присвоении им официального названия «духоборцев», они однажды решились принести жалобу даже на распоряжение Государя Императора Александра I-го. На всех вообще русских православных людей, входивших с ними в сношения, на гражданских чиновников, являвшихся к ним по делам службы, они смотрели, как на гостей, или как на послов, или же представителей соседней дружественной державы. В то же самое время духоборцы, постоянно жаловавшиеся правительству на притеснения их со стороны местной гражданской власти и совершенно вопреки расчетам правительства, продолжали деятельную пропаганду своего лжеучения между окрестным православным населением. Все эти совершенно отрицательные результаты гуманного отношения правительства Императора Александра I-го к духоборцам рельефно изображены были в Высочайшем повелении к ним от 26 января 1841 г.

С переселением духоборцев в закавказский край, которое было заключительным актом целого ряда ограничительных мер, принятых в отношении к ним правительством императора Николая I-го, русское правительство, а за ним и все русское общество почти совсем забыло их, предоставив их самих себе, и вспомнило только в самое последнее время. Такое отношение русского правительства и общества к закавказскому

духоборчеству, без сомнения, было одною из важнейших причин его усиления и внутреннего своеобразного благоустройства.

Как видим, представителем и выразителем такого или иного отношения православно-русского общества к духоборцам было почти исключительно одно правительство. Частных лиц, которые бы вели борьбу с сектантами не по поручению только правительства, но и по личным побуждениям, было весьма мало. Но тем с большею, разумеется, благодарностью наша церковь и, в частности, наша миссия должна хранить память о подобных деятелях. К таким деятелями-борцам против духоборчества мы должны по всей справедливости отнести архиепископа Феоктиста Мочульского (1732–1818 г.), который боролся против распространения секты в пределах Слободской-Украины, входившей тогда в состав его епархии (Курско-Белоградской). По складу ума своего и характера, этот архипастырь был человек глубоко гуманный и добрый. Такому характеру архипастыря соответствовали и употреблявшиеся им меры борьбы с духоборчеством. Прежде всего, он сам посещал селения, зараженные духоборчеством, беседовал с сектантами и старался действовать на них преимущественно посредством слова убеждения. В одно из своих путешествий в с. Большие Проходы для подобного собеседования с сектантами он обратил их в православие до 80 чел., что, при известной нетерпимости и упорстве духоборцев, составляет редкий и великий успех. Путем частых собеседований с духоборцами, он с течением времени хорошо и близко познакомился с ложным учением сектантов, причем не мог не убедиться, что «духовная тьма и недостаток просвещения» были одною из главнейших причин, содействовавших существованию и распространению секты. Для того, чтобы дать сектантам истинное знание тех пунктов православно-христианского вероучения, в которых они заблуждались, им было составлено и напечатано даже особое сочинение под заглавием: «Рассуждение о Божественности христианского учения». Сочинение это вместе с тем, по мысли автора, должно было служить и руководством для всем тех лиц харьковского духовенства, которым необходимо было, или которые бы сами пожелали вести борьбу с сектантами. Не

ограничиваясь своею личною деятельностью, архиеп. Феокист привлекал к противодухоборческой миссии и других подчиненных ему лиц харьковского духовенства. Самым деятельным и полезным сотрудником его в этом отношении был префект Харьковского Коллегиума протоиерей Андрей Прокопович. Вообще же архиеп. Феокист держался такого правила и порядка в противодухоборческой миссионерской деятельности: как только ему давали знать о появлении в известном месте духоборческого лжеучения, он тотчас же назначал миссионерскую комиссию из опытных священников епархии для расследования дела и для первоначального увещания обнаруженных сектантов. Независимо от сего, для того, чтобы миссионерское служение духовенства было действеннее, архиеп. Феокист Мочульский и словесно, и посредством официальных указов внушал духовенству, как можно внимательнее следить за ходом сектантского движения и в своей жизни и служения не допускать ничего такого, что могло бы послужить для сектантов основанием упрекать православную Церковь. Так, напр., в 1800 г., по поводу обращения нескольких духоборцев, он предписывал священникам, чтобы они за раскаявшимися сектантами «имели неослабное и осторожное наблюдение: все ли они будут ходить в церковь, полагать на себе крестное знамение, и с каким восторгом молиться в оной, будут ли приступать в исповеди и святым тайнам, с чистосердечным ли и усердным к Богу молением, или только с одним наружным видом...; 2) обращались с ними ласково, учтиво, имели разговоры касательно веры и церковных преданий крайне осторожные, отнюдь не доводили себя до неосновательных прений или раздоров, были бы всегда в приличной священнической одежде и трезвости, отправляя священнослужение чинно, с восторгом и умилением сердца, подавали пример в любви к Богу, почтении Угодников Его Святых и повиновении Высочайшей власти и долг пастырский требует».

Из числа других немногих борцов против духоборчества достойны упоминания Екатеринославские епископы Амвросий и Иов, а также м. Евгений Болховитинов, из коих последний

трудился над научной разработкой истории секты, хотя иногда принимал и непосредственное деятельное участие в противодухоборческой миссии.

Доцент Киев. Вед. Священник Ф. Титов

**IV. Рождественский А., прот. Армия спасения.
(Заграничная секта). Глава 2: учение салютистов // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1118–1128**

Содержание: Полное и не полное освящение. Святость не избавляет от смущений и падений. Правила для сохранения святости. Развитие возрожденного человека. Плоды возрождения. Описание лиц достигших высших степеней совершенства. Учение г. Бутса о будущей жизни и мнение об этом предмете г. Пэрона.

Салютисты говорят, что существует полное и не полное освящение. Последнее бывает у лиц только что обращенных. Оно состоит в том, что человек освобождается от греха, но все же чувствует грех внутри себя. Грех еще находится внутри человека, но он уже перестал властно господствовать над ним. Освящение становится полным тогда, когда грех совершенно исторгнут из человеческой души и все ее способности, силы, ее влияния посвящены служению и славе Божией.¹⁶⁰

Однако, полное очищение от грехов и посвящение себя Богу, словом – святость не освобождает человека ни от искушений, ни от заблуждений; она не может его охранить и от падений. Адам и Ева, говорит автор «Святой жизни», были искушены, Иисус Христос был тоже искушаем, однако, они были святы. Чем более человек успевает в святости, тем более шансов к нападению сатаны. Святость таким образом не избавляет от искушений, но она дарует победу над ними.¹⁶¹ Человек, сделавшись святым, не освобожден от заблуждений. Утверждать противное значило бы, по словам автора «Святой жизни»¹⁶², объявить себя непогрешимым. Освященным душам обещается непосредственное просвещение от Святого Духа. И они действительно и пользуются этим просвещением. Они познают духа во всех своих путях, и он направляет их стопы. Человек может потерять свою святость. По этому поводу вышеупомянутый автор говорит следующее: сам сатана пал с неба, Адам был изгнан из рая, хотя оба были совершенны до

такой степени, до какой мы никогда не можем возвыситься. Нам вообще не указано степени благодати, которой нельзя было бы лишиться.¹⁶³

По мнению г. Пэрона, чтобы сохранить святость, нужно быть чрезвычайно внимательным к себе. Нужно выполнять такого рода правила: 1) пребывать по отношению к Св. Духу в тихом настроении, чтобы тотчас исполнять Его решения. Неукоснительное исполнение Его воли вполне легко, и затем оно становится святым обычаем для исполнителя. 2) Воспитывать в себе чувство вездиприсутствия Божия. Нужно находить это вездиприсутствие повсюду, даже в таких из наших занятий, которые, по-видимому, менее всего имеют отношения к предметам духовным, и которые наиболее поглощают наш ум и отвлекают его от всякой другой заботы. Рассказывают о брате Лоране, что он, когда имел какое-нибудь внешнее дело, то не думал о нем заранее, но в нужный момент исполнения, совершения, он находил в Боге, как в ясном зеркале – то, что необходимо было сделать в данное время... и говорят о нем, что он при обыкновенных своих занятиях, имел более общения с Богом, чем оставляя их, чтобы погрузиться в уединенные, благочестивые упражнения. 3) Усвоить себе привычку добрых обычаев, установить для себя известные правила поведения и оставаться им верным, как бы властны ни были непредвиденные обстоятельства, которые, в большинстве случаев, становятся наперекор предначертанному образу жизни. 4) Вставать рано, как бы поздно не заснул. 5) Не выходить из комнаты, не предавшись деятельной молитве, т.е., не почувствовавши божественного прикосновения. 6) Посвящать значительное время, насколько это возможно, чтению Слова Божия и размышлению о прочитанном. 7) Ограничить питание строго необходимым и сократить время, проводимое за столом. 8) Приберечь себе в продолжении дня короткие моменты для молитвы и сосредоточения своих мыслей. 9) Верно хранить святой обычай семейного богослужения. 10) Мало говорить. Святой Дух умерен в словах. 11) Следить за тем, что говоришь, подвергая свой язык проверке Св. Духа. 12) Приказывать своим

глазам, чтобы они останавливались только на том, что добро и – ушам, чтобы они слушали только то, что полезно слушать.¹⁶⁴

Получивший полное освящение, «новый человек», «рожденный от Бога» не представляет из себя нечто неподвижное, покоящееся, нет, он развивается, возрастает в духовной жизни, сила Божия в нем увеличивается.¹⁶⁵ По словам г. Пэрона, жизнь нового человека подчинена законам, которые управляют миром физическим; в начале она сообщается чрез зачатие, совершаемое Святым Духом, затем она обнаруживается чрез рождение. Когда рождается дитя, оно бывает слабо, ограничено в своих способностях, но все-таки оно живет, а это-то именно и важно. В силу энергии жизненного принципа, которая находится в нем, оно развивается, оно растет. Живущему свойственно роста и увеличиваться. Очевидно, что чудное развитие этого дитяти предполагает, что жизненное начало, делающее это возможным, есть начало божественное. Новый человек – это новое творение; чтобы его образовать, Бог употребил совершенно новые элементы. Не будьте как дети, говорит ап. Павел. Возрастайте в благодати. Будьте людьми. Работайте для вашего спасения (Флп.3), и мы должны работать. В чем же состоит эта работа? Во-первых, мы должны спрашивать себя – имеем ли мы веру? Мы должны испытывать себя, живет, или не живет в нас Христос? (1Кор.13:15). Это значит: мы должны непрестанно осведомляться, живо ли новорожденное дитя? Во-вторых, наблюдать за тем, чтобы ничто не повредило бы развитию дитяти. Если мы замечаем, что рост остановился, это значит, что встретилось на пути развития дитяти нечто не нормальное. Если я констатирую, что растение чахнет, что оно теряет свою силу и свежесть, – я тотчас же предполагаю, что произошло нечто, что производит это истощение; я не считаю это натуральным; я спешу ближе это исследовать: я открываю корни и тогда, если я удостоверяюсь, что червь подтачивает их, я обираю червей и, сделавши это, я замечаю, что растение начало снова развиваться, как будто ничего не произошло. И я не ограничиваюсь только защитой дитяти: я поддерживаю его, я его кормлю. Я знаю, что ему нужно прежде всего «духовное чистое молоко» т.е., пища, которую он

может усваивать по своему возрасту. Потом ему нужно «солидное (хорошее) мясо». Апостол Павел упрекал евреев в том, что они, вместо того, чтобы употреблять твердую пищу, еще нуждаются в первоначальных наставлениях Слова Божия: «и для вас, говорит он, нужно еще молоко, а не твердая пища. Всякий, питаемый молоком, не сведущ в слове правды, потому что младенец. Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр.5:12–14) Мне кажется, замечает Пэрон, есть много таких евреев в XIX веке.

И дитя растет, растет по необходимости; закон природы дитяти – расти. И вот приходит день, о слова! когда дитя достигает возраста и совершенства. Рост рожденного от Бога, совершается таким образом постепенно. И рожденный от Бога, по мнению Пэрона, во всех своих степенях развития остается совершенным. г. Пэрон сравнивает рожденного от Бога с полевой лилией. Полевая лилия совершенна, когда ее первые листья, соединенные с сильным стеблем, пробивают поверхность почвы и показывают свою маленькую зеленую верхушку. Она совершенна так же и в то время, когда листья разделяются и когда бутон, который на другой день должен сделаться цветком, только что появился. На каждой из этих степеней своего роста лилия совершенна. Когда же цветок распустился, тогда он веселит глаз блеском своих лепестков и когда распространяет вокруг себя чудное благоухание, тогда растение достигло своего назначения, для которого оно было создано: оно совершенно!¹⁶⁶

Рожденные от Бога, говорит автор «Священной жизни», получают такие плоды: 1) совершенный мир, которым могут пользоваться только те, у которых всякая борьба против Бога прекратилась; 2) великую радость и иногда чувство истинно небесного восторга; 3) спокойное и постоянное доверие, что они получают от Бога постоянное благословение и духовные милости; 4) полное и искреннее согласие их воли с волей Божией во всем, что касается их дел; 5) великую нежность сердца по отношению к Богу и людям и готовность служить им, не останавливаясь ни перед какими жертвами; 6) преданность

служению Божию, которая овладеет душой до такой степени, что делает ее нечувствительной к мирским удовольствиям и желаниям. 7) Победу над всеми соблазнами страстей и привычками, которые раньше были причиной греха, и освобождение от самой возможности греха.

В частности, солдаты и офицеры армии обнаруживают следующие плоды. Солдаты отказались от курения табаку, от всех украшений, а также от всех светских обществ и развлечений. Из любви ко Христу, они более не боятся носить мундир и знаки армии и покоряются ее дисциплине. Те, которые не соглашались говорить в собраниях армии или небрежно относились к некоторым из своих обязанностей, обнаруживают не только наилучшие наклонности, но великую поспешность сделать все, что они могут. Те, которые раньше производили некоторое смущение легким и суетным поведением, злоречием, ревностью, недоброжелательством к их товарищам, теперь серьезны, ревностны, смиренны и любезны со всеми. Офицеры исполняют свое дело от всего своего сердца. Они показывают воим истинную, внимательную и нелицеприятную любовь. Они полны любви для всех других офицеров, уважая их больше, чем самих себя и желая, чтобы они столько же или даже более были почитаемы, чем они сами. Они всегда предпочитают интересы армии своим личным удобствам и выгодам, и всегда готовы безропотно и без колебаний исполнять повеления и указания, которые они получают. Они в состоянии довериться Богу с ясностью духа, находясь в недрах всевозможных затруднений, и работать с большим напряжением, не отдыхая после побед, и оставаться смиренными как дети, среди самых великих успехов. Вся их жизнь, как частная, так и публичная доказывает, что они истинно живут только для Бога, жертвуют Ему всей своей деятельностью и привлекают к Нему тех, которые их окружают.¹⁶⁷ г. Пэррон в таких чертах обрисовывает жизнь рожденных от Бога, достигших высших степеней нравственного совершенства; они (совершенные) стоят пред престолом Божиим и служат день и ночь в Его храме, в том святилище, к которому мы приглашены приблизиться «с искренним сердцем», с полною верою, очистив сердце от порочной совести и омыв

тело водою чистою (Евр.10:22). Они стоят пред престолом Божиим, они созерцают Бога и видя Его таким, каков Он есть, они сделались подобными Ему. Они служат Ему день и ночь. Их призвание служить: мертвые для греха, мертвые для самих себя, они живы для Бога. И эта служба не прекращается, не нарушается никаким себялюбивым желанием; для себя они не существуют, они распяты, они более не живут, но Христос живет в них; они постоянно погружаются в божественное и ничто не в них, ни вне их не помрачает эту светоносную атмосферу, и оставшееся в них смертное поглощено жизнью. Они следуют за Агнцем всюду, куда Он идет и их дорога освещена солнцем, которое не заходит, и потому они не спотыкаются, имея пред собою свет жизни. Для них прошедшее не существует: исправленное повсюду, где это было возможно, омытое драгоценною кровью, оно исчезло, как пар при появлении солнца; слезы, стенания, которые вызывались некогда бесплодными сожалениями и которые могли бы их ослабить или замедлить их шествие, – исчезли.

А будущность? Они не заботятся более о ней, они вложили ее в руку Божии, которая приняла на себя, в этом случае, всю ответственность. Для них достаточно знать, что они в поминовении и что боящимся Бога обещано, что у них не будет недостатка ни в каком благе. Они сделали уже опыт, что ничего прискорбного не может произойти из акта послушания, как бы не казались ужасными последствия, когда придет момент исполнения. Совесть не осуждает их, и они имеют спокойствие пред Богом; все, о чем просят, они получают, потому что они знают Его заповеди, и они делают все, что Ему приятно (Ин.3:22). Они отказались предпринимать что-нибудь сами, даже в интересах царства Божия, памятуя, что Бог обещал приготовить пути, чтобы они могли шествовать по ним, и ожидают божественного внушения. Они остаются в положении ангелов, находясь постоянно готовыми для службы; предоставляя себя для движения чрез Святого Духа, не опережая Его внушение и немедленно ни одной минуты для повиновения Ему. Воля Божия исполняется в их сердце так же, как она исполняется на небе. Слова, которые они произносят,

это не их слова, но слова Отца, который обитает в них; это Он совершает дела.

Деятельность их едина, нераздельна; поле рабочее, где они упражняются, не делится на двое, т.е., на часть, принадлежащую Богу и на часть, посвященную их личным интересам; они не имеют отдельного интереса; они не вступают в дележ с братьями. Вечный – их общее наследие. Они ищут и находят Бога повсюду, во всех обстоятельствах их жизни. Все их доброе принадлежит Богу. Они прилагают свой ум с одинаковым вниманием, навь для приготовления кушанья, для управления собственностью, для производства торговли, т.е. – исполнения земного призвания, так и для того, чтобы держать собрание, или писать статью для газеты «Вперед». И это их единое направление обеспечивает им такой покой духа, такую полную и совершенную отчетливость во всех их занятиях, – что они всегда видят верно; их взгляд никогда не бывает затемнен от боязни ошибиться или же от возбуждения, произведенного усилием. «Суждение мое верно, сказал Иисус, потому что я не ищу воли Моей, но воли Пославшего Меня». В спокойствии лежит их сила и залог их успеха. Жизнь всецелого отречения до того уничтожает сожаления, страхи, опасения, что никакое предвиденное или непредвиденное событие не может уменьшить спокойствие их духа. Мисс Green мне рассказывала, что однажды, отправляясь в собрание, в котором ей следовало председательствовать, она должна была перейти чрез полотно железной дороги. На своем пути, сторонясь от поезда, шедшего с одной стороны, она не заметила другого поезда, идущего в противоположном направлении. Только Провидение спасло ее, потому что машина зацепила ее платье. Когда она вошла в собрание, она заметила, что пульс ее бился по обыкновенному и ничто ни в ее внешности, ни в цвете ее лица, ни в звуке ее голоса не обнаруживало никакого волнения. Таким-то образом, повинувшись божественному внушению, они во всем имеют успех. Они подобны дереву, растущему у текущих вод, листья которого не увядают и которое приносит плод во время свое. (Пс.1) Они осуществляют свое призвание учеников Христовых, которое состоит в том, чтобы приносить плод и прославлять Отца.

Они чувствуют себя одинаково хорошо повсюду; они не желают покинуть место, назначенное им Богом; но они не чувствуют ни малейшего сожаления, если получают от Бога другое место. И в тюрьмах, и в оковах они поют, как говорит песнь комиссара. Они могут проводить годы в тюрьме, как г-жа Гюйон (Guyon), без желания когда-нибудь ее покинуть; они знают, где Бог желает их видеть. Они готовы, как Авраам быть отосланными вдаль и в страны неизвестные. Они не боятся смерти телесной, но они и не ищут ее; они говорят со св. Павлом: если мы живем, мы живем для Господа; если мы умираем, умираем для Господа; живем ли мы, или умираем, мы принадлежим Господу. Они в Боге, и разлука с телом ничего не прибавляет к их единству с Богом, но ничего не убавляет из него. В них услышана молитва, обращенная Христом к Богу: «пусть они будут одно с нами и Я в них». И когда они должны покинуть их бранные останки, они делают, как доктор Аза Магон (Aza Magon), автор «Крещения Духов», они не занимаются собою, чтобы принизить и возвысить себя, нет, они забывают о себе и говорят Богу: «Будь славен и спасай мир».

Они не обращают внимания на мнения посторонних; они говорят с Апостолом: что мне за дело, что вы меня судите, если я сам себя не сужу: единый мой судья – Бог. Да, они подчиняют себя праведному Судье. Некогда дорогая маршальша так ответила одному господину, упрекнувшему ее в недостатке скромности: «скромна я или нет, – ни то, ни другое: я уже больше не существую». Они готовы дать тот же ответ о себе. Они так же не судят и друг друга; они могут говорить друг о друге, но скорее в смысле чудесного действия Св. Духа, совершившегося уже, или еще совершающегося чрез их посредство, как говорил о себе Св. Павел: «я сделал более, чем все они», «однако не я лично, но при помощи благодати Божией, существующей во мне». Они радуются столько же благословениям, которых удостоились другие, сколько и своим собственным. В настоящее время много возлагают надежд на альтруизм, т.е., такое настроение, которое должно располагать человека к участию в судьбе ближнего; в них-то и существует настоящий альтруизм.

Они внутренне наслаждаются полным миром, миром Иисуса, который ничем не может быть нарушен; мир этот имеет сходство с неизменяемостью Того, Кто им его сообщает. И мир глубок как море, дно которого остается неподвижным даже и тогда, когда поверхность чрезвычайно взволнована. И это волнение поверхности не вызывается чем-нибудь таким, что их трогало бы лично: они перестали чувствовать и желать чего-нибудь для самих себя. Их волнение происходит от заботы о душах, которые Спаситель доверил им и которые они носят, как мать носит в своем чреве дитя, которое должно родиться и которого они порождают Богу с болями (2Кор.2:28–29).

Их моральное состояние постоянно одно и то же. Однако, бывают случаи, когда великая радость их волнует. Это как бы некоторое бремя славы, которое их чудно тяготит. Они чувствуют в себе избыток полноты, который должен разлиться и распространить вокруг себя благословение, подобно тому как родник внезапно проторжившийся в пустыне, которую он и преобразует в сад, и река воды живой вытекает из их недр. Когда они проходят по долине плача (Восса), они ее преобразуют в место полное источников (Пс.40). Их единственная работа, единственный предмет их помышлений – это благословение мира и желание стать самим предметом благословения, так же как Авраам стал благословенным по слову Вечного. Блаженство, их наполняющее до такой степени, что в них нет уже места для чего-нибудь другого, – это любовь, жезл, вложенный в их руки Богом для сокрушения народов подобно разбитию глиняного горшка, – это любовь; они судят все и все взвешивают на этих весах святилища, т.е. любви; всякое учение имеет в их глазах значение только в той мере, насколько оно проникнуто любовью; любовь – это единственный двигатель всех их действий. Конечно, говорить г. Пэрон, таких лиц не много, но уже достаточно и того, что они существуют.¹⁶⁸

В своем «обязательстве», при вступлении в секту, салютисты заявляют о своей вере в воскресенье тел, во всеобщий суд, который совершится при конце мира, в вечное блаженство праведников и в вечное мученье грешников.¹⁶⁹ г. Бутс говорит, что после смерти солдата, его дух очищенный

взойдет на небо... и нет никакого сомнения, что Царь на небе может употребить его на какую-нибудь службу, к которой его специально подготовило военное воспитание, полученное им в этом мире.¹⁷⁰ Несмотря на ясность такого учения, у г. Пэрона касательно этого пункта находятся весьма важные оттенки. Мне представляется, говорит он, особенно важным низвести на землю, в действительную жизнь, то место, где должно осуществиться столько обещаний. Исполнение этих обещаний, обыкновенно, ожидалось на небе, что означало, по мнению большинства, пристанище, которого достигает душа, отделившаяся от тела. О, ловкая тактика отца лжи, обеднившая настоящее, чтобы обогатить прошлое и будущее! Самоотречение, потеря имущества, бесчестие, преследования, удаление от мира; все это было хорошо для отдаленного прошлого, для времен апостольских; все это отвечало первым шагам христианства. Тогда было необходимо удобрить почву, только что принявшую божественное семя, кровью мучеников; а что касается очищения от всякого греха, свободной жизни, святости, божественной любви, могущества всех этих славных прерогатив искупления, они находили себе полное осуществление только по ту сторону могилы! Но в таком случае, что же оставалось для настоящего? Ничего, или очень мало. Несчастье, безрадостное служение, никогда неудовлетворенное стремление к святости, жалкая слабость в деятельности, и безнадежная бедность в ее результатах.

Однажды я, продолжает г. Пэрон, беседовал с директрисой богадельни, и она мне рассказала о блаженной кончине одной особы, получившей последнее напутствие в управляемом ею учреждении. С трогательной простотой и скромностью она говорила мне: видите ли, она страдала так долго, потому что душа ее не была еще вполне приготовлена. И как только душа ее была приготовлена, Господь взял ее на небо. Этому другу, замечает Пэрон, и не пришло в голову, что воля Божия заключается не столько в том, чтобы населять небо душами, приготовленными путем великих страданий, сколько в том, чтобы образовать здесь на земле народ, принадлежащий Богу, очищенный им и ревностный в совершении добрых дел.

(Тит.2:14) Да, воля Отца состоит в том, чтобы низвести с неба на землю человека, человека божественного, рожденного от Бога, «святой град, новый Иерусалим, приготовленный, как невеста для своего жениха». Бога желает именно здесь на земле нас видеть святыми и сильными; Он желает, чтобы здесь же, на земле, установилось Его царство.

На земле, говорит г. Пэрон, произошло падение, а потому земле же должно было совершиться и искупление. Не около Бога на небе, оставался Иисус, чтобы совершить свое дело, но Он пришел на землю (слово небо мы понимаем в обыкновенном его смысле). Христос жил на земле и умер, чтобы искупить нас и восстановить наши сношения с Отцом. Он обещал людям Св. Духа на земле. Св. Дух даруется здесь, на земле, и оплодотворяет человека для новой жизни, и растит, и развивает нового человека по подобию Христа, этого рожденного от Бога в здешней (земной) жизни. Рожденный от Бога не грешит более здесь на земле и охраняет сам себя так, что лукавый не может коснуться. Божественный план состоит, чтобы довести нового человека до полного сходства со Христом, с этим совершеннейшим типом человека, с этим вторым Адамом. И только, когда это дело завершится, когда человек станет совершенным во Христе, когда невеста сделается славной без всякого пятна и порока, чистой и безупречной, тогда-то воздвигнется Скиния Божия с людьми. (Ап. XXI). И в этот момент этот святой город, этот новый Иерусалим, под которым следует подразумевать возрожденную душу, не вознесется, по мнению священного писателя на небо, а напротив того сойдет с небес от Бога.

В этот момент завершится божественный план искупления, и Христос скажет «совершилось», но ведь все это произойдет здесь на земле».¹⁷¹

Протоиерей Арсений Рождественский

**V. Коссовский Петр, свящ. На вулканической почве.
(Из записок миссионера) // Миссионерское
Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1128–1135**

Около полугода живем мы вблизи г. Таращи, Киев. губ. – этого гнезда штундовой проказы, часто сталкиваемся с простонародием и не редко наблюдаем характерный черты его, могущие дать «людям науки» материал для психологии современного малоросса. Итак, сознавая свою роль «копииста вне штата и класса», представляем, «не мудрствуя лукаво», точную копию предметов наблюдения, *ручаясь лишь за жизненную правду фактов* и не смущаясь темнотой фона картины.

Весною, сего 1897 года, в один праздничный день с утреннего поезда Ф. жел. дороги, осталась на станции Ольшаница, одна интеллигентная особа, направлявшаяся в село верст за 25. Барина подрядился довести на место следования молодцеватый парень, лет 25-ти, заправский извозчик, чистый малоросс. Приличная пароконная бричка (повозка), запряженная сытыми, выхоленными лошадками быстро помчалась. Возница оказался словоохотливый. Подобно гоголевскому Петрушке, рассуждая с лошадками, обращался кучер и с вопросами к пассажиру. Начался разговор, по обыкновению, с погоды, окружающих предметов и великолепия леса, в который путники въехали. Раздавшийся благовест праздничного богослужения направил разговор на религиозную тему. Крестное знамение, изображенное на себе путником, при благовесте не вызвало подражания в извозчике, – но словоохотливость Игната (так звали кучера) усилилась, попав на излюбленную для него тему. Вот, у нас село большое, хорошее, оживлялся Игнат, – народу, в большие праздники, например, пасху, много бывает в церкви, хотя и штунда орудует по-своему... Священник хорошо, правду сказать, служит и поют добре, но... наши брат вообще мало вчащае до церкви!... «Почему же это»? – спросил путник. – «Знаете, барин, какой теперь свет: если священник непондравится, то и церковь почти пуста!... ». Как же это так?

Сами вы говорите, что он хорошо служит, и поют хорошо; от чего же церковь пуста? «Гм!», – снисходительно улыбнулся и осанисто передернул плечами возница. – «А дело просто: *теперь народ просвещается и на веру смотрит прямо, с понятием*: помолиться можно, но *идти в церковь, чтобы и там так долго стоять*, как наш священник держит, то у нас охоты не найдешь! Да и кроме службы у нашего-то (священника) и проповеди еще!... Строгий очень он, – не по справедливости: что делается на селе – знает, до всего добирается, и до всего ему дело есть и – как станет выговаривать в церкви то, хоть и без показу на людей, но всякий догадается, за что и на кого он метит, – вот то и *обидно*; и «того нельзя, и то у нас не по-христиански» и «старшему не уважил и в другом деле – разврат», а народу нашему это не может пондравиться!... Мы, слава Богу, теперь понимаем все, не меньше его – самого «что и куда идет»! Ненужно нам теперь такой науки! Только *обида*, что все видит, во все вмешивается!... Правда: наши старики его (священника сего) сильно любят и почитают, потому он на их сторону тянет: и «почитай их, и уважай и никому старшему не перечь» (не прекословь)! А того не разберет, сам-то священник, что старики – народ – темнота – неграмотны, у них была своя жизнь и понятие, а мы, слава Богу, с *другим понятием*: *сами законы разобрали*. Наприм., я первый – не к похвальбе сказать, *прошел курс наук*, получил свидетельств на льготу, – сам не хуже другого понимаю: «что и как»!, а тут меня «как малого ребенка попрекают: и «цего нельзя и того робы»! Прошли те времена, когда всяк имел право верховодить нами, а теперь без вожака обойдемся! Ты, например, священник, свою службу справляй *по-нашему*, как след для людей, а как жить теперь на свете, то мы сами лучше его знаем. Всяк свой ум имеет и просвещение! а ты..., священник... ему угоди и честь отдай, то и тебя не обидим. А теперь, к примеру сказать, я сам до церкви «не наскучаю», потому что закон хорошо и так понимаю, а нужно помолиться, *выпадет время*, то и пойду, ежели священник не растягивает службы – и не попрекает своими проповедями народу. А то смотри: в одну службу он станет в проповеди научать: как так нужно по-православному креститься! Будто мы не крещеные и

«руку доноси до плечей и пальцы так-то складывай и вдумывайся! Будто я не крестился, и не знаю! Да кому какое дело, как я крещусь? Я сам для себя!, а не для него нахожусь! И... так... всякий... понимает!... А в другой раз, прямо так-таки, как сказку и почнет историю священную рассказывать, а либо евангелие, как маленьким детям. На что же оно? Разве мы без понятия?! – Люди давно обедают, да – по приятности беседуют или гуляют, а ты в церкви стой, да священную историю разбирай, што и всяк знает давно! Оно, пожалуй, для *простого* другого «темного человека» и *приятно*, часом такой и размякнет до слез, а иная баба то и прямо расплачется, ежели за Святого какого, жалостливое что расскажет, «но всякий «понимающий человек» прямо понимает, что церковь не для одного темного простонародия, а что нужно больше подражать людям с образованностью, потому их понятия поважнее!!!"... Самоуслаждение оратора искрилось во взоре, устремленном вдаль, причем рука его плавно размашисто водила кнутом над лошадами, бежавшими бодро вперед. Путник молчит: сгрустнулоооо чего-то! что-то защемило в сердце его, как бы от боли какой или тоски, словно чуется потеря какая – утрата чего-то таинственно-милого, дорогого, близкого сердцу и важного в жизни, в той жизни, – где все Божьи дети, где недругов – самолюбия нет, – где правда царила, – где сердце любовью-добром трепетало и билось, – где вечность понятна душе!

Не долго, однако ж, продлилось молчание. «Да, времена меняются, переменились на наших глазах!, снова раздался грудной, самоуверенный голос возницы. Все мы это понимаем хорошо! одни только старики, да попы на понятия молодых согласиться не могут: все по-ихнему теперь хуже, чем прежде жилось, и молодежь, чем дальше, тем больше буйна – непокорлива стала! «Бог его знает?! Як це воно»! Оно и (в правду) справди иногда, как будто чего-то нам не достает; чего-то, как будто собой недоволен; чего-то хотел бы душе!... Недаром, вечная память Мирону-диду (я чуть его помню), всегда он, бывало, твердит:

«Будете вольны»

«Та ни чим недовольны»!

Оно так теперь и есть: мало, чего-то спокою душе; мало добра между людьми; всяк забирае що може, – всякому мало, один перед другим хитрит и лукавит; другой и трудится денно и ночью, и будня от праздника не различает, и пить (водки) не пьет, и достатком Бог не окривдив (не обидел), – а все чегось нехватает (недостает) душе; як будто щось сгубив, або (или) забув десь (где-то) щось дуже потрибне, або паходьт (наступает) на тебе якась люта беда не мыгуча (не отвратимая)! Ох, Боже Праведный! помилуй нас грешных!! грустно, – протяжно вздохнул рассказчик.

Но грусть мимолетна! «А все-таки, мне кажется, – встрепенулся он и с новой энергией молвил, – что *всему виною наши священники*, – что они людям *должного понятия за веру не дают!* и часто *понапрасну принизить людей стараются!*

От и со мною, не так-то давно,
Комедна оказия (смешное происшествие) случилась,
С чужим; – не далеко от нас – пан – отцем! (священником)
У меии ридни хрыстыны (крещение) пидпалы (случились)
(И) – мене за кума позвалы (пригласили)».

Славный ребенок, поэт по натуре своей, наш малоросс, подумал барин. Э? да вы и стихи складываете?! сказал он «Хиба (разве) це (это) стихи?! презрительно мигнул Игнат глазом. Так проста балачка (рассказ)... От як в Кобзари!! аж жилы дризаются (дрожать), мороз пробырае... душа млие!! – «Продолжайте за священника!» напомнил пассажир. «Ага? за хрыстыны?, самодовольно осклабился импровизированный поэт – так вот: «Я кавалером (холост) ще був, гарну (щегольскую) одежду носыв и знав соби цену и мисто между людьми. Кумою, – зо мною девыца пригожа (статная) з богатой шляхты була; прийшлы мы к священныку; правда! – вин степенный человек: пожилой; у всих у почоти, грих худое за него сказать, но що з ным зробылось, чего вин до мене *вчепывся* (придрался) и по сю пору не знаю!!! Войшлы мы до хаты: а тут, якись (какой-то) чоловик напротив от него выходыть; священник и каже тому: позови же, идучи дорогой до дому, псаломщика; дытя будем хрыстыть. Той выйшов; а вин (священник) обернувся до мене, тай каже: а *ты* братец! тем часом, налей-ка в крестильню воды. А де ж (где же?)

та вода? пытаю его. «Вин каже»: в колодце, бо тут вийшла вся, а вот за двором колодезь... возьми ведерко вот здесь"... Вдруг кровь так и залила сердце мет. Взглянув на куму, дай думаю: щоб я кавалер, жених хоть куды, та воду попови... я... носыв?! Нет, стой, брат! цего не буде!, – тай гаркнув, як молотом выковав: «Я вам не наймыт!» (наемный слуга). Нехай (пусть) слуга ваша несе!». «Я заплащать могу ии», як це (это) до мене належит!» (следует). Вин довго дывився на нас, якось (как-то) жалостливо всмихнувся, тай каже: «Тут обиды ни для кого нет никакой. Вода нужна для тайны – крещения младенца! Все носят у нас, як треба, а теперь у меня и слуги в подворьи нет ни одной!». А мне ще (еще) гірше (хуже) в груди запекло, от тихого голосу, усмешки его! «Ну вжеж и я не пойду, бо я не слуга никому!» Так и выпалыв знов я. Вин, покачав головою, тай каже: «То вже, як так», «то я сам повинен принести!» И взяв вин видерце, ... и согнувшись, пошел через улицу, ... достав воды... тихо несе...; аж тут до хаты, псаломщик шмыгнув, ... молодой здоровый, видно розумный... побиг до окна, лукаво всмихнувся... руки потер... так щиро до мене моргае и тихо намъ каже: «так ему и треба!!! Нехай не мудруе» (пусть не умничаает), «наука це (эта) добра (хороша) ему!» Внес воду священник; мы как бы не видим, в крестильницу влил, настали крестины; а мне чего-то и не по себе так, как будто и жалко, но и ясно я бачу (чувствую) що *унызыть* (унижаться) себе я не мог, что сказали бы обо мне и если бы кто побачив (увидал) що я, в одеже первейшей, жених хоть куды, до попа воду носыв?? Вин (пип) мог кого-нибудь покликать воды принести, яб не поскупился и гривенник дать за ведро! а вин непременно до мене вчепився! сам выноват!!! Стою я с кумою, – он тихо молитвы читает, мене же чегось злость розбирает, на кого? на що? и не можу сказать. А с боку от нас псаломщик стоит; голова на бок, чуб до горы, смеется тихонько, бровями лукаво моргает, то в спину попови, то в очи нам вгляне, то руки за спину закине, то ногу видсуне, то боки пидопрет, – ферт (букву Ф) зробыт (состроит) из себя, а я все-таки чувствую, как будто я щось украв!... Но – тут повернулся священник... на нас подывився, тай тихо промолвил: *оборотитеся* назад... мы обернулись и

дальше як слидуе... продолжае хрыститъ... Отрицаешься сатаны!..., а я соби и думаю: «а бач (видишь), правда на верху... Теперь сам вже спохватився, що дарма обидыв мене!!! «не каже на мене, як перше: *ты!* братец!... а вже «*оборотитесь*»!!... Сам разобрал, що тыкать (говорит «ты») не свякому можно! Кончили крестить; священник ушол... а мы стоим... Псаломщик метрику пишет... нас «*благородно*» роспытуе: як изволите зваться... «по батюшке"... (отечество)... и все записав... аж тут до хаты зновь хтось вошел; священник вышел, – до него балакая..., а нам а ни слова?! Ну, – я соби думаю, чикай (погоди) же?! Вынимаю пулярес (кошелек)..., вытягнув цилу бумажку рубля... тай кажу псаломщику: спасиби вам! за ваше понятие и образованность! это для вас *самих* рубль, получайте! Тот снова усмехнулся, мов счастье найшов, а я повернулся и с хаты пишов!... Наступила продолжительная пауза, затишье кругом... Лошадки приуныли, умаялись видно. Рассказчик опустил голову на бок и угрюмо глядел вперед, словно сон одолел потрясенные нервы... Долго понуро сидел он, порою вздохнет глубоко, порою плечами поводит, как бы в недоумении..., как бы оправдываясь, пред кем-то, за что-то темное, неразрешенное... Эх; Боже наш!, еще глубже вздохнул он, и за тем, почти непосредственно продекламировал, повыся голос:

«Кто виноват, кто прав»

«Судить не нам!»

«А воз и ныне там!», так бывало мы выкрикиваем в школе пред учителем, а вин усмехнется так гарно и лучше похвалит, чем за любую историю по закону Божию... «Закону учить», бывало все каже нам «то не мое дило..., то священника дило! а це як будете знаты, буду щыро любыты»!...

«Ох, ох, ох!!! снова вздохнул он, и кажется и добре все, а як подумаешь, то чегось нехватает... Правду дид Мирон казав: «будете вольны, та ни чим недовольны»! Тут же, почти сразу, порывисто встряхнув головой, широко осклабился он добродушной улыбкой и на распев произнес: «Якось-то воно буде! Перемелется – мука буде»!! Но, но, дитки, с Богом и любовно понукивал лошадак... Пассажир сосредоточенно молчал, грустно улыбаясь, возница же, видно, поняв его

молчание знаком согласия и одобрения его философии, снова заговорил: «Простите, барин, может я вам и наскучил, но у меня натура така – «люблю с образованною особою душу отвести» у меня, знаете, дома нема с кем, слышен легкий вздох и саркастическая улыбка мелькнула по лицу Игната. У меня, знаете, хоть и хороша жена, здорова, рабоча, из родовой шляхты взял я ее, но беда що не грамотна, без понятия... образованности...; часом, присядешь в холодку, на призби (завалинке), в праздник, на синня (семечки, подсолнухи) лузаишь, гарно одетый, сапоги блестят – вычищены *ваксою*; задумаешься, знаете, по высшему понятию, в голове як рой пчел – мысли работают, хочется побалакать по душе и пожартуешь: (пошутишь) «а що, Фесько, (Феодосия) яка з тебе пани вийде, як я пошту (почту) при волости, на торгах вòзму? а через год-другой и до поссесии (аренды экономической земли) не далеко»?!... А она, знаете, так пристально на тебе гляне и бровями не моргне, а чуть, якось комедно усмехнется и ровно, спокойно промолвит: «Эге! А ходам лучше, та вынесем помои свиньям, бачь як спивают!». Встанет по малу, пидтыкает платье, засучит рукава, да еще и руками повозится в лоханке в помоях, – може що дытына вкинула туда, – ложку, або (или) пуговку или еще что-нибудь, як уже колись случалось...

«От тоби, думаешь, и на! Ну вже понятие у ней! Эх, наука великое дело!! И тут же, по малой паузе, сам звонко расхохотался.

Переправа по «животрепещущему», вновь посланному из хвороста и соломы, в местах разрыва водой, импровизированному мосту, – гати чрез быстроводную Рось, отвлекла возницу от умозрительной философии, напротив вызвала целый поток восклицаний и стереотипных фраз, уже чисто-практического, непосредственного, острого смысла и характера.

Проезжают поселком, – церкви не видно, хаты жильцов как-то сиротливо-убого прячутся за неряшливыми хозяйственными строениями, зияющими по местам прорехам нужды и небрежности; там крыша раскрыта, тут стенка лежит, там вместо двери сквозная дыра, тут виден навоз лишь один, а там и навоз

перегнул, и с кучкой строений какую-то темно-серую бесформенную группу грязного вонючего мусора изображает... Две-три грязных, прегрязных, тощих, претощих свиньи сонно лениво делают какие-то сосредоточенные исследования...

Из подворотни дома более щегольского, судя по вновь выбеленным стенам, с целыми, хотя и подслеповатыми, запачканными глиною, окнами, таякнула несколько раз разбитым сиплым голосом, собачонка, порывисто-резко заявив нарушителям ее собачьего покоя, свое злобное недовольство судьбой. «Эге? ще и тоби треба чегось?!».

«От це похрабрилась, як штунда на попа»!!! и тут воны (штунды) пустоверхи есть!, от це ще в нас бурьянец! (сорное растение) не то репях, не то щерыця, не то чортополох, не то митлыця!... Эт! цур иим! багацько (много) говорит та нема чого слухать! закончил возница...».

Киев. губер. Свящ. Петр Коссовский

VI. Ревнитель. Как возражают сектанты и раскольники и что отвечают православные миссионеры // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1136–1152

I. Второе полемико-апологетическое собеседование членов Киевского религиозно-просветительного Общества с местными штундистами по вопросу «об основании Иисусом Христом Церкви Божией на земле»

9 истекшего ноября состоялось второе собеседование членов Киевского религиозно-просветительного общества с местными штундистами. Зал городской думы уже с 5 часов было переполнено слушателями до необычайной тесноты; между теми как большая часть жаждавших послушать собеседование осталась на площади за дверьми городского дома, тщетно добиваясь возможности проникнуть в залу. Толпа не расходилась до 9 ч. вечера; среди посетителей и на этот раз было много интеллигенции, в том числе студентов академии и университета. Воспитанники 5 и 6 классов Киевской семинарии присутствовали *in corpore*. – во главе со своим инспектором, иеромонахом Анастасием и преподавателем, по кафедре истории и обличения расколо-сектантства г. Корчинским. В 6 часов прибыл в залу собеседования преосвященный председатель Общества, епископ Сергей, в сопровождении архимандритов – наместника лавры о. Антония и ректора семинары о. Иоанникия, городских протоиереев, иереев и местных миссионеров. Киевские собеседования привлекают не только городское духовенство, но и многих сельских священников из киевской и соседней Черниговской, нарочито приезжающих в Киев послушать и поучиться «прениям о вере», руководимым преосвященным архипастырем.

Пред началом собеседования хор диаконов и псаломщиков пропел молитву Св. Духу, а преосвященный владыка сам громко прочитал «Молитву Господню». После чего хор с канонархом исполнили стихиру: «Во пророцех возвестил еси нами пути спасения».

Преподав общее архипастырское благословение собравшимся слушателям, при пении хора «исполла эти»,

преосвященный председатель открыл настоящее собеседование следующими словами:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Бог многократно и многообразно чрез пророков возвещал нам путь спасения, а в последние дни говорил нам в Сыне (Евр.1:1) и чрез апостолов излил на нас благодать Духа Святаго, – Бог, который есть наш Бог первый, который по сих и который во веки есть Бог наш». Так о распространении откровения Божественного учит Св. Писание, так учит и Св. Предание, хранимое св. Церковью. Об этом и было наше предшествующее (первое) собеседование, или иначе о том, что источниками нашего вероучения служат нам – все Св. Писание как Ветхого, так и Нового Завета и Св. Предание. Так и должно было нам поступить, чтобы прежде всего утвердить то основание, на котором зиждется вероучение наше, дабы дать возможность ясно понимать всякому, откуда при собеседованиях об истинах веры Христовой должно почерпать непреложные свидетельства истины.

В прошедшее наше собеседование отделившиеся от нас не выяснили нам тех оснований, в силу которых они пренебрегают полнотой Св. Писания и Св. Предания, а между тем это вопрос весьма важный; по сему мы отказываемся и впредь побеседовать о нем, если уклоняющиеся от нас того пожелают.

Для чего, возлюбл. брат., сообщил нам Господь Божественное о Себе откровение и распространил его чрез Св. Писание и Св. Предание? Единственно для спасения нашего; для того, чтобы всякий, призывающий Имя Господне, мог спастись (Рим.10:13), для восстановления падшего человека, пока он придет в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру полного возраста Христова (Еф.4:13) и, призванный к вечному наследию, получить обетованное (Евр.9:15). Но достигнуть сего, т.е. получить обетованное спасение, по Слову Божию, можно не иначе, как только принадлежа к единой, основанной Господом Иисусом Христом, Церкви, ибо Сам Господь Иисус Христос говорит, что Он есть единый Пастырь единого стада, которому дает Он жизнь вечную (Ин.10:16–28). Это-то единое стадо, имеющее единого Пастыря-Христа, и есть, по Слову Божию, св. Новозаветная Церковь

Христову, которую Господь Иисус Христос искупил Своею Кровью, в которую Он призывает не праведных, но грешников к покаянию (Мф.9:13), которую питает Своим Телом и Своею Кровью, и греет, освящая благодатью Духа Святого, которую не одолеют врата ада, которая пребудет всегда, оживляемая Таинством, Тела и Крови Христа Спасителя, доколе Он приидет (1Кор.11:26), чтобы представить Себе ее Церковью славною, не имеющею пятна или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна, и дабы сыны и дочери ее соделались чадами царствия (Мф.13:38) и достигли вечной жизни (1Тим.6:19). Но сие не от нас, а по милости Божией к нам, ибо благодатью Божией мы спасены чрез веру, не от дел, чтобы никто не хвалился (Еф.3:8–10).

Выслушайте же, возлюбл. брат., на Слове Божиим, на Св. Писании и Св. Предании утвержденное учение о св. Церкви в ее сущности, основанной Иисусом Христом Спасителем нашим».

Речь свою преосвященный оратор, как и всегда, произнес громко, с одушевленным чувством и глубоким впечатлением. После того, приняв благословение преосвященного председателя, член общества, законоучитель кадетского корпуса священник *А.М. Клитин* взошел на кафедру и предложил вниманию слушателей составленное им апологетическое чтение «об основании Иисусом Христом Церкви Божией на земле». (Чтение это полностью напечатано во 2 декабр. книге «Миссионер. Обозрения») Содержанием настоящего чтения было раскрытие и доказательство главнейших положений (тезисов): 1) Церковь основана Иисусом Христом; 2) что она есть Тело Его, глава же Церкви – Христос; 3) цель основания Церкви – спасение людей; 4) вне Церкви Христовой нет спасения».

В мастерском изложены словами главным образом Св. Писания лектор изобразил историю основания на земле Церкви Христовой, причем оттенил ту мысль, что, Спаситель, собравши около Себя верующих, объединил их; и основанная Им такими образом Церковь должна объединять всех верующих, так чтобы двое или трое не отделялись от единства, ради спасения вне Церкви; и все, которые отделяются от нее, чрез то делаются

чуждыми для нее; а потому, «кому Церковь не мать, тому Бог – не Отец».

По окончании чтения, преосвящ. Сергей, резюмируя прочитанное, сказал: «Итак, для нашего спасения Господь Иисус Христос основал Церковь на земле, Церковь, которая по изображению апостола Павла, есть одно тело, состоящее не из одного члена, но из многих, которые порознь члены, а вместе одно тело (2Кор.12:12, 14), Глава которого Христос (Еф.1:18); и все эти члены, соединенные в единое тело Христово, имея один дух и одну веру, призываются в одной надежде своего звания(Еф.4:4) – для своего спасения (2Сол.2:10). Единение членов тела с Главою Христом, по Слову Самого Господа, должно быть таково: *все они едино да будут, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин.17:21). Он, Христос есть лоза, а члены – ветви. Как ветвь не может приносить плода сама собою и члены, если не будут на лозе, так и члены, если не будут во Христе. Та ветвь, которая пребудет на лозе, принесет плоды; а которая отделится и не будет с Главою Христом, извергнется вон и засохнет (Ин.15:6). Общества, отделившиеся от единства тела Святой, Соборной и Апостольской Церкви, как ветви от лозы, могут ли представлять из себя истинную Церковь, основанную Господом Иисусом Христом для спасения людей и получения ими вечного блаженства на небесах? Об этом предлагаю рассудить в настоящем собрании нашем, а вас, оо. и братие, члены Общества и миссионеры, благословляю о семь побеседовать». Причем преосвященный напомнил, что собеседование это не для спора или пререканий, а для уяснения истины: оно должно быть в духе взаимной христианской любви и без раздражений, ибо *гнев мужа правды Божий не соделает*. Необходимым условием для собеседования должно быть также и то, чтобы рассуждающие не уклонялись от главного предмета, не разбрасывались и говорили по одному, терпеливо выслушивая друг друга.

Как только окончилась речь преосвященного, из толпы стремительно выступил человек некий, по виду мастеровой и как оказалось после – не сектант, а ревнитель православия. Он

вынул из бокового кармана записную книжку и начал громко читать что-то вроде речи или поучения, местами выписанное из печатных источников, а местами, как видно – собственного сочинения. Речь неожиданного оратора, принятого сначала за штундиста, отличалась сердечностью, проникнута была непритворною скорбью верного сына Церкви по поводу появления сектантства среди малорусского народа. Простец-оратор выражал глубокое сожаление, что русские люди, предки которых при Богдане Хмельницком и в других случаях геройски проливали кровь свою за православную веру и св. Церковь, легкомысленно теперь изменяют вере предков своих, хулят своих духовных отцов за то, в чем последние совершенно неповинны и проч.

Между тем сектанты один за другим подступали к кафедре: оказалось в нынешний раз желающих собеседовать уже не один-два, а около двух-трех десятков. Движения штундистов и их позы производили такое впечатление, что они как будто приготовились и выступают к решительному бою против какого-то незримого для всех других врага. Сектанты имели вид смелый, вызывающий; можно было думать, что собеседники приготовились и сумеют постоять за свои сектантские убеждения. Среди тысячной массы слушателей воцарилась мертвая тишина.

Преосвященный Сергей предложил уклонившимся от Церкви совопросникам высказаться: согласны ли они со всем тем, что сейчас было прочитано священником о Церкви, основанной Господом Спасителем на земле?

Отвечать на этот вопрос вызвался человек средних лет, в пиджаке и при манишке, в чисто вычищенных ботфортах.

Это был передовой начетчик Демиевской общины, как слышно, много бродивший по городам, железным дорогам с проповедью лжеучения, а в последние годы достигший желанного всяким штундистом «сана лжепресвитера». Мягким голосом, смиренно лукавым тоном Михаил (так звали собеседника) дал такой ответ на предложенный владыкою вопрос.

– Совсем прочитанным сейчас этим *человеком* указывая на священника-лектора, (священником как все штундисты он не хотел пастыря назвать, а обычным у них «попом» посовестился) мы даже *очень* согласны, так как все чтение их изложено на основании Слова Божия, а не на измышлениях или философии человеческого лжеименного разума. Нам всегда очень приятно слушать все, что от Слова Божия и для спасения...

Собеседование с выступавшим совопросником далее вел священник миссионер о. Д. Слюсарев, который предложил сектанту такой вопрос: «где же теперь та истинная Церковь на земле, которую основал Господь Иисус Христос и которая должна существовать вечно?». Избегая прямого ответа на вопрос, сектанты пытались свести беседу на то, что церковь должна быть только *внутренняя*. На это преосв. Сергей заметил им, что речь идет о Церкви видимой, – такой, которая основана Спасителем на земле, состояла и состоит из людей – руководящих (пастырей) к спасению и руководимых (пасомых); что те и другие видимы, а невидимая для нас Церковь на небе и состоит из умерших в мире с видимою Церковью и из Ангелов. Вслед затем был повторен вопрос: «Итак, где же эта истинная видимая на земле Церковь: у православных, или же в их (сектантов) братстве?». Где то единое стадо на земле, Пастырь которого Сам Иисус Христос? спросил миссионер Слюсарев. На это штундист Филипп ответил явною нелепостью, что теперь стада того нет уже, что оно было лишь во времена апостольские, до соборов вселенских, а после того уже истинная церковь якобы изменилась, подобно тому, как некогда извратилось Богоучрежденное ветхозаветное священство; что Церковь Христова утратила заповедь Божию, а приняла предания человеческие и проч.

– Значит, по-вашему, теперь уж на земле нет истинной Церкви? спросил миссионер; заблуждаетесь, братие! вы, значит, не верите обетованию Спасителя о неодоленности Церкви до скончания века. Миссионер прочитал (Мф.16:18). Другие собеседники сектанты, чтобы замаять неловкость, в которую столь явно попал их брат, начали утверждать, что где-нибудь на

земле необходимо должна существовать единая, истинная, спасающая Церковь.

Но где же она? где найти спасение грешному человеку: у вас в братстве, или у нас в православной Церкви? спросил преосвященный председатель.

Сектант Данила в ответ вычитал (Мф.18:14–20) и самодовольно пояснил: вот где истинная Церковь, где два или три собрались *во имя Его*, важно *во имя*, – глубокомысленно повторил Данила.

– Вы в начале беседы все согласились с прочитанным, что Церковь Христова должна состоять из епископов, пресвитеров, диаконов и мирян, а теперь уже говорите, что *довольно двух-трех мирян...* Создаете уже новые церкви без епископов и пресвитеров? сами себе противоречите и Писание извращаете, братие! Заметил о. Слюсарев, и тут же объяснил истинное значение прочитанного места свящ. Писания, доказав, что слова Спасителя нисколько не относятся к вопросу о Церкви, а касаются способа и условий истинной молитвы.

– Итак, где же и какая истинная Церковь? паки спросил миссионер своих недоумевающих совопросников.

– Церковь истинная та, которая основана на апостолах по евангелию, по истине обитающая в *беспорочных сердцах*, ибо только в таких обитает Христос и вот мы, брата евангельская, стараемся представить из себя такую именно церковь, а потому и уклоняемся от грехов, господствующих в православии, сказал, после некоторого колебания, Демиевский начетчик Михайла.

– Что же? вся, значит, ваша братия имеет чистые, непорочные сердца, вы все святые, а среди миллионов православных уже нет, по-вашему, с чистым сердцем людей? спросил принимавший участие в беседе В.М. Скворцов.

Сектанты почти единогласно ответили утвердительно, что они истинно-верующие, искуплены честною Кровью Спасителя и потому *святые*. Тогда им было прочитано (1Ин.1:8–10). Один из совопросников начал ослаблять после того решительность своего прежнего фарисейского ответа, сказавши, что надо грехи различать: грех к смерти (Ин.5:17) и не к смерти. На вопрос о том, какие грехи сектанты считают *не к смерти*, тот же

совопросник пояснил, что к последним они относят «семейные» грехи, споры, распри, пересуды, грехи невольные, а вот драки, убийства, ложь – ненависть, это в смерти, – этих грехов мы избегаем и стараемся жить в братолюбии и веровать, и соблюдать во всем по написанному в Евангелии, – держаться здравого учения, ибо истинная Церковь должна быть славна не иметь скверны или порока. Сектант вычитал из (Еф.4) и проч.

Тогда Еп. Сергей заметил, что речь наша идет не о том, какие грехи к смерти и какие не к смерти, – в понимании и изъяснении этого вы также заблуждаетесь и путаетесь, – а о том, «состоит ли ваше общество уклонившихся от православной Церкви из одних только беспорочных сердцем, т.е. святых, или есть в нем и грешные?». Прямого ответа на этот вопрос сектанты не дали. Тогда им было указано на то, что Иисус Христос, основывая на земле Церковь, призывал не праведников, но грешников к покаянию (Мф.9:13); что никто из людей не может и не должен считать себя беспорочным, ибо «в беззакониях мы зачинаемся и во грехах рождаемся» (Пс.50), что «ни один человек не может быть чист от греховной скверны, хотя бы был и один день жизни его на земле» (Иов.14:4–5), что кто согрешит в одном чем-либо против закона, тот становится виновником против всего вообще закона; что только самообольщенный гордец и лжец могут считать себя беспорочными на земле, ибо, «если мы говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1Ин.1:8). Резюмируя все это, преосв. Сергей заключил, что в истинной Церкви Христовой до страшного суда вместе будут и праведные, и грешные, пшеница и плевелы; что от Церкви отсекаются видимым действием церковной власти или невидимым действием суда Божия только упорные нераскаянные грешники, а все прочие обретают в ней благодатные средства, (таинство покаяния) для очищения совести своей от мертвых дел, что с непорочным сердцем могут считать себя только небожители – ангелы и праведники; доблестно окончившие свой земной подвиг и перешедшие от Церкви воинствующей (против греха) на земле в Церковь торжествующую на небе. Земная Церковь состоит не из «беспорочных только сердец», а из праведных и грешных,

руководимых ко спасению Богоучрежденною иерархией, которая составляет один из необходимых признаков истинной Церкви Христовой на земле: где нет такой иерархии, там не может быть и истинной Церкви.

Доказав с очевидностью, что Христова Церковь есть Богом основанное общество истинно верующих во Христа, распространенное и утвержденное св. апостолами, руководимое ко спасению их преемниками, богоучрежденною и законно поставляемою иерархией, архипастырь спросил: *кто же основал их (уклонившихся от Церкви) братство, существующее несколько десятилетий, какие апостолы распространяли и утверждали их общество, и есть ли у них руководители ко спасению, есть ли у них пастыри, а если есть, то кто их поставил?».*

Вопросами этими сектанты были озадачены и сначала растерялись, и не нашлись, что отвечать. Но потом, оправившись от смущения, стали высказываться в том смысле, что руководители ко спасению у них есть, что называются они также епископами, пресвитерами и диаконами, но, в виду правительственных стеснений, они *не в действии, что поставляются они Словом Божиим*. Тогда сектантам поставлен был такой вопрос: «где же сказано в Св. Писании, что Слово Божие поставляет пастырей Церкви?». – При этом миссионер разъяснил, что в Слове Божиим о поставлении пастырей Церкви говорится совсем не то. Там говорится, что Сам Иисус Христос поставил в Церкви Своей апостолов, им и их преемникам дал власть вязать и разрешать грехи (Мф.16:19; 18:18; Ин.20:22–23), учить, священнодействовать и духовно управлять (Мф.28:19–90), что Иисус Христос поставил в Церкви Своей одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, *иных пастырями и учителями, к совершению святых (христиан верующих), на дело служения, для созидания Тела Христова (Еф.4:11–13)*, что, следовательно, в истинной Церкви Христовой одни руководят ко спасению, это – пастыри, а другие должны быть руководимы и слушать своих пастырей, это – пасомые. И так должно быть, *доколе все придем в единство Сына Божия, в*

мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Еф.4:13).

Приводились и многие другие места Св. Писания, которыми неопровержимо подтверждаются вышеизложенные истины: соответственные тексты Св. Писания предлагалось читать самим сектантам. Такой способ собеседования решительно обескуражил самоуверенно выступивших было совопросников. Наконец, один из вожakov сектантских в доказательство того, что и их руководители ко спасению и все их братство не самочинны, привел следующий текст: «и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом». (1Пет.2:4). В ответ на это сектантам выяснено было, что они неправильно понимают слова ап. Петра; приведенные слова св. Апостола не то означают, что каждый христианин есть священник и пастырь Церкви, а то, что Бог спасает каждого из нас только при деятельном нашем участии в деле нашего спасения, что каждый христианин должен и сам заботиться о своем спасении, а не надеяться на одну только благодать Божию; что для спасения христианина столь же необходимы нравственные усилия его воли, как и благодать Божия. Один из сектантов (Григорий) согласился с таким объяснением текста. Но другие продолжали стоять на том, что приведенный текст доказывает законность существования их братств и их руководителей ко спасению...

Тогда сектантам было повторено, что законно только то священноначалие, которое ведет свое происхождение от Господа Иисуса Христа, и истинная Церковь есть лишь та, которая Им основана. Между тем «братство», уклонившееся от православной Церкви, существует всего лишь несколько десятилетий, а руководители этого братства никакой преемственной связи с апостолами не имеют: их никто не рукополагал, и право учительствовать, совершать Тайны Божии и управлять духовно они присвоили себе сами, т.е. братство их не есть истинная Церковь Христова, а самочинная религиозная община; руководители же их суть не призванные и незаконные учителя...

На это один из сектантов повторил, что их руководители к спасению *поставляются Словом Божиим*, но на предложенные вопросы «как же Слово Божие поставляет руководителей ко спасению», ответа не дал. Не ответили и другие сектанты. Тогда им доказано было из Св. Писания, что не Слово Божие рукополагало пастырей Церкви, а св. апостолы (1Тим.4:14; Тим.1:6; Деян.6:6; 14:23); что в век апостольский были в Церкви диаконы, пресвитеры и епископы, которым власть священства сообщена была чрез апостольское рукоположение, и что право рукоположения апостолы передали только епископам, как своим преемникам. Эта часть собеседования, подкрепляемая неопровержимыми местами из Св. Писания, решительно оставила безответными сектантов-совопросников, видимо, привела их в большое смущение, так что один из них вслух всех заметил: «да как же тогда понимать слова апостола – сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое?». Недоумение его, конечно, было разрешено еще раз.

После этого сектантам поставлен был следующий вопросы «почему же они, признававшие чтение священника (А. Клитина) о Церкви согласным о Словом Божиим, а, следовательно, и то, что в истинной Церкви Христовой должны быть таинства и пастыри, которые неизменно существуют в православной Церкви, – почему же они отделились от последней?

В ответ на это один из них (Гавриил) заметил, что и католики, и лютеране отделились от православной Церкви: почему же их не спрашивают об этом? – Маневр этот, по-видимому, рассчитан был на то, чтобы отвлечь собеседников в сторону и сгладить то, невыгодное в глазах слушателей для сектантов, впечатление, которое получилось в предшествующей части беседы. Но преосв. предстатель собрания остановил совопросника и заметил, что, хотя слова его и не относятся к предмету беседы, однако, он (преосвящ.) считает необходимым объяснить, что католики и лютеране не от нас отделились, а сектанты от нас, и что по любви к сектантам, из-за желания им спасения, и происходят самые собеседования. Тогда тот же сектант сказал, что в Церкви не должно быть никакого различия между верующими, что в ней «нет ни еллина, ни иудея, ни

обрезания, варвара, скифа, свободного, но все и во всем Христос», – все равны и пастыри и пасомые. На это штундисту было сказано, что и в Церкви православной нет никакого различия в отношении возможности спастись между еллинами и варварами, свободными и рабами, что дверь спасения открыта всем, что пред нравственным законом все равны. Тем не менее в истинной Церкви Христовой должны быть законные, преемственно идущие от апостолов, пастыри и пасомые, а у сектантов-то нет пастырей, а только один заблудшие овцы. Прение длилось более двух часов.

Собеседование закончено было импровизированной речью преосв. председателя собрания. «Благодарение Богу, – так приблизительно сказал преосвящ. Сергей, – мы на основании Св. Писания в бывшем сегодня чтении показали необходимые признаки истинной Церкви Христовой. И не смотря на ясное свидетельство Слова Божия об этих признаках, совопросники наши не показали нам, чтобы эти признаки были в их братстве. Они указывали нам на то, что каждый христианин должен устроить из себя храм Божий. Но никто и не возражает против этого: и мы признаем, что Бог спасает каждого из нас, при участии его свободной воли. Но из этого еще не следует, что в истинной Церкви Христовой не должно быть особых учителей и пастырей. Когда один благочестивый муж был призван в собор епископов для наречения его в епископа, то сказал следующие знаменательные слова: «я в свое время удалился в уединение, и не помышлял быть епископом Церкви, ибо желал быть епископом только сердца своего и приносить в жертву Христу помышления и чувствования, освященные духом». Из этих слов видно, что иное дело быть *епископом сердца своего*, о чем говорили и наши собеседники, и иное дело быть епископом Церкви. Епископом сердца своего должен быть всякий христианин, а епископом Церкви Божией может быть только званный от Бога. У сектантов произошло очевидное смятение понятий. В истинной Церкви Христовой непременно должны быть эти званные от Бога епископы, Богоучрежденная иерархия, которой нет в обществе сектантов.

Кто основал их общину и давно ли? Какие апостолы распространили ее и утвердили? В их здании, в их общине религиозной нет краеугольного камня, который есть Христос, нет строителей, которые суть апостолы и законно поставленные, преемственно от апостолов идущие, пастыри Церкви... Но об этом предмете будет собеседование в следующий раз».

Пением «Достойно есть» и архипастырским благословением народа закончилось собеседование. Причем после собеседования раздавалось слушателям напечатанное предыдущее чтение о. Троицкого.

II. Поведение штундистов на беседах и после бесед

Для характеристики душевного настроения Киевских «евангельских христиан», – они же и штундисты, не лишне бросить взгляд на поведение «братчиков» в толпе и за толпой во время бесед и после оных. Прежде всего киевские штундисты весьма охотно, без всякого внешнего на них воздействия, посещают собеседования всегда почти в полном составе всех членов городской общины, во главе с своими верховодами. Интерес к слушанию и участию в собеседованиях после каждой беседы не только не ослабевает, но, по-видимому, возрастает. На последнем, наприм., собеседовании были сектанты даже из ближайших сел, многие страстно добиваются попасть в залу и простаивают по целым часам в ожидании пропуска.

Чтения, речи и наставления епископа сектанты с полным вниманием выслушивают и соблюдают при этом тишину и приличие. Но когда начинаются прения, то вожаки и начетчики выражают большее беспокойство и нередко гнев, хотя резких грубостей доселе не допускали: они шепчутся, переходят один к другому, поспешно перелистывают св. евангелие, что-то подыскивая, подсказывают что-то на ухо собеседующей братии своей, нередко ретивые перебивают друг друга и говорят причем всегда почти не впопад и в противоречие самим себе. На второй беседе обращал на себя внимание какой-то смуглый с сверкающими глазами «брат», – он все время молчал и как будто не принимал непосредственного участия в собеседовании, но, по-видимому, составлял среди сектантов центр тяжести: он гневно сверкал своими черными глазами, когда кто-либо из братии говорил явную несообразность и совершенно обескураживался неопровержимыми доводами православных собеседников. В такие критические моменты смуглый сектант старался выручать своего брата из беды или спешил с укором по адресу православных заявить, что им, членам братства не дают всего высказать, что в зале шум и им нельзя ни говорить, ни слышать. Но заявление это вытекало из явного раздражения и было не более, как выдумкой.

На той же беседе подбадривал штундистов и какой-то молодой человек в форменной одежде какого-то ведомства. Он то и дело шнырял среди сектантов, прячась за их спинами: в полголоса интеллигентный опекун штунды говорил собеседникам: смелее, дружнее, господа... Смотрите, как священники и миссионеры ведут полемику, все говорит и действуют, как один человек, каждый свое дело знает и друг другу помогают, ни в чем не противоречат. А вы сами себя режете, зачем доверяете одному, говорите все... Вы должны составить из себя как бы телегу – кто колесо, кто чеки, кто оглобли, составьте из себя вопрошающих, отвечающих, подсказывающих... Кто-то с досадою толкнул локтем под бок непрошенного советника, сказав: отстаньте, пожалуйста... «Беспринципная штунда в форме» обидчиво спряталась в толпе, обозвав совопросников штундовых – «болванье»....

Лектор священник Клитин приводит текст ап. Павла (Гал.1:8), заканчивающийся словом «анафема». Молча стоявший за толпою у самой стены залы сектант, вдруг проворчал: *сам ты анафема*, – лучше бы ты просил о дарах Духа Святого, а не философствовал. Тут же стоявший прозелит из евреев заметил штундисту, что так добрые христиане не поступают, что это и грешно и неприлично... Сектант этот почувствовал угрызение совести, – покраснел. Тогда сосед его штундист-извозчик свирепо возразил, а ты *жид* чего здесь...

В коридоре после беседы собрался кружок православных ревнителей простецов около двух-трех штундистов и горячо беседовали.

– Невозможно нам в церковь вашу ходить через образа, – это главнейшее препятствие. Все евангельские христиане из своих домов повинны (обязаны) вынести образа богив ваших, – евангелисту значит, нельзя молиться там, где есть эти... В Писании ясно сказано, – философствовал низенький, толстенький – с большою бородою, но коротким, видно, умом «братчик».

– Да я у вас самих видел множество портретов и картин на стенах, возразил православный ревнитель. Значить, по-вашему, изображение отца, брата, приятеля, – людей грешных, держать в

домах можно, а священных изображений – Начальника жизни нашей, Господа, Божией Матери, святых людей не можете держать?... Греховодники!... – Опальный народ! – пойдем домой прибавил другой ревнитель. Идите лучше в *трактир*, ведь вы *православные*, язвительно заметил «евангельский христианин». Дурак ты, брат, и больше ничего, а не евангельский христианин, огрызнулся ревнитель.

На лестнице, при входе в зал ораторствовала женщина-штундистка, собрав около себя группу слушателей. – «Попам надо же защищать Церковь и православие, ведь она им что мельница-мельнику, дает доход... Вот у нашего священника два больших дома сооружены, а принесите-ка ребенка крестить, или хоронить, небось, даром не справит службы, а за все заплати, самым аккуратным манером.

– Почему ты указываешь на два дома священника, а не укажешь на десятки домов богатеющих миллионеров, купцов возразил один из православных: а что купец даром тебе отпустит хоть фунт муки?... Священник берет не за потребу, а за труд, – служителю алтаря, по слову Божию, надлежит от жертвенника питаться; «наставляемый, сказано, делись всяким добром с наставляющим"... Разве священник не имеет плава есть и пить. Почитай-ка (Гал.6:6; 1Кор.9:4–5; 2Кор.11:8 и др.). Штундистка ничего не нашлась возразить. Но вот какой-то интеллигент ехидно заметил:

– Это, видно, сам-то из «Воскресенских или Преображенских"... Ошибаетесь, милостивый государь, запасной фейерверкер Смолин...

III. В потаенных местах, на штундовом сонмище

*** декабря. Понедельник. Вечер. На далекой окраине, в глухом переулке, в квартире уже знакомого нам по беседам штундиста И-на К-ва один за другим собиралась «евангельская братия», – все это были передовые члены Киевской общины, бойкие говоруны и начетчики, больше всего из сапожного цеха: здесь были и Дио-ий, Ди-д, Дем-ий, Са-лий, Тим-ей, Ст-н извозчик и некое чудовище и др. Лампа тускло освещала небольшую комнату, хозяйка усердно угощала званых гостей чайком. Штундовые заседатели чинно сидели за столом и думали крепкую думу «насчет православных собеседований». Это был, так называемый, административный распорядительный совет избранных членов общины. – На вред или на пользу «евангелическим христианам» идет новая затея поповская – эти беседы православного духовенства, – или они только одно «уловление» для христиан?... Вот вопрос, который начал озадачивать штундовых верховодов, почувствовавших свою слабость в полемике и великое значение бесед и главари собрались на совет...

– Братия заслушивается сильно попивских речей, надо правду сказать..., да и православный народ всматривается в дело, теперь труднее будет нашим «детям Божиим сеять Слово Божие», говорил Д-д. Вот, наприм., архиерей-то на анамеднишней беседе своим рассуждением, что всякий христианин есть *епископ сердца* – *прямо-таки* *зарезал* нашего собеседника, брата Г-ла. И как ведь слово-то это всем врезалось в сердце и нашим-то даже теперь этого текста (1Пет.2:9), хоть не толкуй... Потолковав довольно на эту тему, главари решили, что надо братии «похитрее» вести беседы и «построже» держаться, – не поддаваться и ни в чем не соглашаться. Но как же это сделать, чтобы помешать успеху? Встал брат К-в и сказал:

– Братие! послушайте меня, я нахожу необходимым на следующем же собеседовании прочесть из (1Кор.2:14). На это поверьте, не найдется и сам архиерей Сергей что ответить. А затем прочесть из (Откр.9:7–8), а из (13:1–3; 19:19–20). Я

уверен, когда мы вычитаем эти места, то никто из православных собеседников не сможет противостоять нам, – не дадут попы ответа и будут постыжены пред всей публикой.

Да – это, действительно, будет задача попам, с удовольствием поддакивали другие.

Вы понимаете, бр., надо доказать будет, что-архиерей-то и есть апокалипсический зверь, ибо у него на голове диадема (митра), с богохульными именами, т.е. с дукачиками (иконками Святых) и что одну из смертельных рань залечил дракон, наш брат изменник, Влад., выступив в обличие братии и в защиту Церкви.

Братия с умилением слушала тупое остроумие своего верховода. Но вот премудрому оратору неожиданно выступил оппонентом брат Д-ий, говоривший, что не следует читать эти места, и вообще не надо раздражать епископа и «приводить в азарт духовенство», иначе можем оказаться мы противниками высшим властям... – Поймите, брат., что ведь разъяснения даются от Слова Божия, мирно и благородно, епископ Сергей все основывает на евангелии, нас не теснят, в судилища не водят, зачем же нам раздражать власти, которые от Бога, – ораторствовал Д.

– Неужели ты думаешь, что зверь и лжепророк от Бога? сердито спросил К.

– Нет, тихо отвечали Дем-й; зверь и лжепророки не от Бога, а епископ, хотя и православной Церкви, все же от Бога, ибо он читает Слово Божие...

– Точно так, бр. Д. правильно советует, одобрительно подтвердил брат К-т.

Брат К. пришел в ярость и раздражительно заметил, обращаясь к Д-ю: – что читает евангелие архиерей с попами и миссионерами – это еще ничего не доказывает; евангелие читают воры и разбойники, и пьяницы...

– Дорогой брат! Какое нам дело судить пьяниц, воров, кто даль нам это право?... сказал все тот же Д-й. Рассерженный И-н, оправдываясь, пояснил, что он имеет в виду необыкновенных воров и разбойников; а «татей закона Божия», утаевающих

спасение от «сих малых» – т.е. миссионеров, а наипаче же г. Скава...

Незаконное штундовое сонмище продолжалось за полночь...
Таковы Киевские «евангельские христиане»!...

Ревнитель

VII. Ц.В. По поводу раскольничьих возражений о клятвах собора 1667 г. и об австрийской лжеиерархии // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1152–1154

В числе наиболее придирчивых возражений со стороны раскольников является замечание их, заимствованное из Деяний собора 1667 года, относительно того, что троеперстное сложение ведет свое начало от святых апостолов и вселенских соборов. Раскольники пользуются этим выражением в Деяниях собора 1667 года находящемся, чтобы унижить собор и всю Церковь. Обсуждая это выражение на Казанском Съезде, миссионеры указывали свои ответы на такое замечание, если и не однородные, то и не противоречивые, не исключające один ответ другого, а дополняющие. Эти свои ответы они совершенно верно направляли на придирчивые резкие выводы раскольников. Они указывали, что и в Потребниках патриархов Филарета и Иосифа относительно чина крещения также сказано, что он от апостолов и святых соборов, а между тем самые чины у того и другого патриарха во многом между собою не согласуются: который же, спрашивается, чин от святых апостолов и можно ли за таковую разность похулить патриархов и всю Церковь? А с другой стороны и относительно некоторых постановлений древних соборов последующими соборами замечено: «не добре разумеша того собора отцы». Законно ли было бы отделяться из-за этого от таковых отцов и от всей Церкви, – образовав раскол? – Никто в святой древности этого и не подумал сделать. (Неокесар. соб. прав. 15-е и VI всел. соб. прав. 16).

Далее за сим раскольники австрийского священства за последнее время ставят возражение, почему обращающихся от них епископов и священников не принимает православная Церковь в сущих санах и в этом находят ересь. По поводу этого возражения миссионеры возбудили вопрос, как смотреть на австрийское священство. Один миссионер раскрывал и доказывал тот взгляд, что это священство – самозванное, другой, – что оно еретическое, третий, мнение которого пожелали

знать, воздержался от ответа, разъяснив, что лучше этого вопроса и не ставить, раскольники же сами его не поставят и на постановку его не вызовут, что и было показано примерною беседою. Довольно сказать и доказать, что Амвросий пришел не к Христовой церкви и из нецеркви не мог создать Церковь Христову. Возражения же раскольников относительно непризнания действительности белокриницкой хиротонии можно решать вне связи с возбуждаемым вопросом: во-1-х, вопрос о принятии иномыслящих в православную церковь так, или иначе, есть вопрос не догматический, а церковного устройства, что видно из случаев признания, или непризнания действительности крещения известных еретиков разными церквами и в зависимости от сего перекрещивания, или перекрещивания их при обращении в церковь. Во-2-х, хотя сам Амвросий имел на себе преемственную хиротонию и судом церкви не был ее обнажен, но важно то, что он перешел в общество, в коем преемственность хиротонии была уже порвана. Мог ли он, отъинуду, – яко бы от еретиков пришедший и при этом церковные каноны нарушивший, восстановить ее преемственно якобы в Церкви Христовой? Мог ли он своим незаконным постановлением в чуждом ему до того времени обществе связать порванную нить апостольского преемства? – Очевидно, не мог. Пересохший ручей благодати должен, для восстановления течения, получить новый, светлый источник, а не мутный, еретический. В-3-х, и древняя церковь иногда не признавала за действительную хиротонию раскольников, например, 2-й вселенский собор не признал хиротонию от Киника последовавшую. Раскольники обращают внимание на употребляемую иногда фразу: «раскольнические мнения» и этою фразою стремятся унижить единоверие. Был разъяснен действительный смысл этого выражения, что слово «раскольнический» относится не к содержанию обрядов, а к отделению от православной Церкви из-за обрядов. Но в виду придинок и во избежание недоразумений профессор Ивановский советовал лучше этого выражения не употреблять. На рассмотрение общего собрания съезда было внесено наиболее часто поставляемое возражение раскольников относительно

вопроса о запрещении «старых обрядов», соответствующую властью не разрешенном. Основаниями для возражения служат некоторые выражения, находящиеся в деяниях собора 1667 г. и в синодальном указе 1772 года. Многие миссионеры обменялись мыслями о том, как это возражение они решают, а затем просили профессора Ивановского объяснять, как он его решает. В обстоятельной речи, разграничив власть соборов, как власть судебную и законодательную, и остановившись на рассмотрении определений собора 1667 года, с последней точки зрения, он примерами древней церкви установил полную возможность и православной церкви последующего времени и не соборным образом разъяснял, ослаблять и отменять эти определения по изменившимся обстоятельствам, только бы они не касались догматов веры, а относились к предметам изменяемым. Материал для такого решения собран уже и изложен профессором в печатной статье «Старообрядчество и раскол».

Ц.В.

VIII. Вышнековский Н. Летопись печати по вопросам миссии // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1154–1173

Нисколько замечаний о суждениях печати по поводу тираспольского изуверства. Неразрешенный спор Мисс. Обозр. и Брат. Слова по вопросу о секте, к которой принадлежали замурованные. Отголоски газетных и журнальных толков по поводу Третьего миссионерского Съезда. Полезная справка о статьях закона, ограждающих православие детей отпавших («Русск. Вед.»). Идеализация раскола и сектантства и действительное значение этих явлений. Некоторые наблюдения, касающиеся раскола и единоверия в Томской и Вятской епархиях («Томск. и Вятск. Еп. Вед.»). Амурские прыгуны («Камч. Еп. Вед.»).

В истекающем году имели место два выдающихся события – одно в области раскола, другое в жизни внутренней православной миссии, – привлекшие к себе самое живое внимание печати и общества и в короткое время породившие чуть не целую литературу. Разумею страшное проявление раскольнического изуверства в известной Тираспольской драме и состоявшейся минувшим летом в Казани Третий всероссийский миссионерский Съезд. Так как с суждениями, высказывавшимися в печати по поводу этих событий читатели «Мисс. Обозр.» довольно подробно ознакомлены и так как, с другой стороны, далеко не все то, что писалось по этим поводам заслуживает серьезного внимания, то мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями об отношении светской и духовной печати к помянутым двум событиям.

В светской периодической печати, как газетной, так и журнальной, ужасающий факт самоумерщвления 25 человек терновских раскольников вызвал такие же оживленные толки, какие, обыкновенно, вызываются каким-нибудь выдающимся по обстановке, или загадочности самоубийством, крупным хищением, скандальным процессом и т.п. Описывались местность и обстановка события, сообщались сведения о его

жертвах, приводились заключения экспертов и мнения сведущих лиц, высказывались собственные предположения касательно некоторых подробностей происшествия. Но что касается внутренней стороны этого глубоко печального события, – вопроса о тех причинах и условиях, которыми создается в старообрядческом мире самая возможность такого рода событий, то в этом отношении наша печать не пошла дальше заезженных и ничего в сущности не говорящих фраз о фанатизме и невежестве раскольников, да сопоставления этого невежества с общим состоянием блестящего развития культуры накануне XX века. По крайней мере, в светской печати мы не встретили ни одной, сколько-нибудь заслуживающей внимания попытки осветить указанное событие, как одно из многих проявлений той глубокой и закоренелой духовной болезни, которая, возникнув на почве отделения от Вселенской Церкви и характеризуясь глубоким извращением и болезненным направлением религиозного чувства, в течение вот уже двух слишком столетий, медленно и незаметно, но глубоко разъедает внутреннюю жизнь раскола и только при исключительных обстоятельствах проявляется симптомами столь устрашающего характера, как последняя Терновская драма.

Что касается духовной нашей печати, для которой смысл и значение этого события так же ясны, как и породившие его условия, коренящиеся в общем характере и направлении религиозной жизни раскола, то для этой части печати, равно как и для всех причастных в противо-раскольнической миссии лиц, во всем этом деле вопросом первостепенной важности являлся прежде всего вопрос о том, в какой именно секте раскола принадлежали несчастные жертвы мрачного изуверства; для миссии это важно в тех видах, чтобы на эту именно секту направить, особое попечение мер духовного воздействия и административных ограничений, в деле пресечения изуверства.

И действительно, как только появились первые известия о терновском событии, тотчас же возник вопрос о том, к какой секте принадлежали заживо замурованные тираспольские раскольники. При этом сразу и резко выделилось мнение, что замурованные принадлежали к беспоповщинской секте *бегунов*.

Мнение это разделяли и одесские епархиальные эксперты, которые дали основание и «Миссионер. Обзорению» высказаться также в пользу бегунства.

Позже в одесских газетах, а затем в специальном противораскольничьем журнале «Брат. Слово» тираспольский благочинный, священник Вижевский выступил против этого мнения с доводами, что Виталия и ее погибшие ужасною смертью последователи-скитяне были не беспоповцы-бегуны, а *поповцы противо-окружники*. С предположением о. Вижевского вполне согласился и заштатный заслуженный профессор Моск. академии, известный расколовед Н.И. Субботин, который в июльских «Москов. Ведом.», напечатал пространную статью, доказывая, на основании доставленных ему о. Вижевским данных, что заживо-замурованные тираспольские изуверы принадлежали к секте противо-окружников, причем профессор бросил упрек «Мисс. Обзорен.» в ошибку.

Херсонский миссионер Кальнев, состоя экспертом по делу о тираспольских замурованных, внес вопрос о характере секты на обсуждение 3 всероссийского миссионерского Съезда в Казани; последний всесторонне, в особой комиссии, под председательством известного расколоведа профессора Казанской академии Н.И. Ивановского обсуждал данный вопрос, и за неполнотой следственных данных, оставил вопрос открытым. Опубликованное в «Мисс. Обзор.» (август месяц) постановление Съезда вызвало в «Брат. Слове» (ноябрь) полемическую статью, вышедшую из-под пера самого редактора проф. Субботина, под заглавием: «По поводу суждений Казанского миссионерского Съезда о заживо-похороненных тираспольских раскольниках».

К сожалению, почтенный профессор решительно ничего нового не сказал ни по существу вопроса, ни в разъяснение недоразумения. По-видимому, вопрос этот в данной статье послужил профессору только одним лишь предлогом излить *свои недобрые чувства* в отношении Казанского съезда миссионеров и «Мисс. Обзор.». Такова история путанного вопроса, окончание которого очевидно остается в наследие новому году.¹⁷²

Переходя за сим к обзору суждений и толков печати по поводу Третьего миссионерского Съезда, мы считаем нелишним остановить внимание читателей на одной справке «Русских Ведомостей» относительно тех статей закона, коими ограждается православие детей, рожденных от смешанных браков и в раскольничьих семьях.

«Русск. Вед.», высказывая свои соображения по поводу статьи «Мисс. Обзор.» (сент.-окт.): «Сенсационные кривотолки», возражают против постановления Съезда о распространении 190 ст. улож. о наказ. на раскольников в тех случаях, если отпавшие в раскол и секты не будут воспитывать своих крещенных в Церкви детей в православии.

Подлинный текст статьи 190 гласит: «Родители, которые быв по закону обязаны воспитывать детей в вере православной, будут крестить их или приводить к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого христианского исповедания, присуждаются за сие: к заключению в тюрьме на время от восьми месяцев. Дети их отдаются на воспитание родственникам православного исповедания или, за неимением оных, назначаемым для сего от правительства опекунам также православной веры».

Московская газета сообщает, что вопрос об условиях и объеме упомянутой статьи был обсуждаем Правительствующим Сенатом, из разъяснений которого известный юрист Н.С. Таганцев выводит заключение, что ст. 190 «имеет в виду лишь родителей, особо к тому по закону обязанных», а такими родителями являются: 1) лица иноверных христианских исповеданий, вступившие в брак с православными и от которых при совершении брака отбирается подписка, по установленной в законе форме: о том, что они рожденных от такого брака детей будут воспитывать в православии; 2) лица иноверных исповеданий, воспользовавшиеся предоставленным им правом крестить детей по обрядам православной веры, так как от этих лиц отбирается подписка, что они упомянутых детей будут воспитывать по правилам православной веры, и такие родители за неисполнение принятой ими обязанности отвечать по от. 190; 3) наконец, той же ответственности подлежат иностранцы

иноверных христианских исповеданий, усыновившие подкидышей, происхождение и крещение которых неизвестно. Но от. 190 не распространяется на родителей, отступивших от православия в иное христианское вероисповедание потому, что по отношению к таким лицам применяются от. 188 улож. и ст. 39 уст. о пред. и прес. прест.: на основании их принятие мер об охране православия детей совращенного, в отличие от правила ст. 190, возложено на министра внутренних дел, который о таковых мерах представляет установленным порядком на усмотрение Его Императорского Величества.

В таком же положении находятся по разъяснению г. Таганцева, и раскольники. Так как по отношению к ним закон (ст. 33 т. X, ч. 1) допускает браки с православными не иначе, как по принятии раскольниками соединения с православной Церковью с присягой (?), то раскольничьи браки не могут быть подведены под смешанные, связанные с отобранием от родителей подписки о воспитании их детей в православной вере. Поэтому вопрос об ответственности раскольников за воспитание их детей не по правилам православной Церкви может возникнуть: или в случае отпадения обоих родителей, или одного из них в раскол или же в случае усыновления раскольниками до закона 12 марта 1891 г. лиц, крещеных в православной вере. По своду законов подвергались ответственности по ст. 216 (по изд. 1842 г.) лишь раскольники, воспитывавшие малолетних по обрядам жидовской ереси. При издании уложения 1835 г. это постановление вошло в ст. 208¹⁷³ проекта, но в более широком объеме, так как в ней было указано: «за допущение малолетних христиан производит духовные обряды по жидовской вере или иной какой-либо ереси, или участвовать в оных». Это расширение объема статьи вызвало сомнение в практике относительно ее применения, и Правительствующий Сенат, в решении по делу Селютиной, 1872 г., № 1673, высказал, что вышеупомянутая статья имеет в виду лишь воспитание в правилах ересей, признаваемых особенно вредными. Затем эта статья была вовсе отменена в силу Высочайше утвержденного 1 мая 1884 г. мнения Государственного Совета, так как после издания закона 3 мая 1883 г., по мнению главно-управляющего кодификационным

отделом, представлялось очень затруднительным с точностью установить, к каким именно сектам она могла бы быть применена.¹⁷⁴ В виду того, что из уложения устранения была статья, имевшая целью ограждение малолетних от совращения в раскол, признано было необходимым внесение в устав о пред. и пресеч. преступ. ст. 57. Если бы 190 ст. улож. распространялась на раскольников, то во включении в устав о пред. и прес. прест. новой статьи, также касающейся попечения об охранении православия малолетних детей, не было бы надобности. В виду этого Н.С. Таганцев и приходит к тому выводу, «что как при составлении в 1845 году статьи 190 улож., так и при согласовании уложения с законом 3 мая 1883 г. под ее действие не предполагалось подводить случаи воспитания по правилам раскола родителями их детей, подлежащим воспитанию в православной вере. Такое же разъяснение статьи 190 было дано еще 1 февраля 1861 г., согласно с предложением управлявшего министерством юстиции, общим собранием 4-го, 5-го и межевого департаментов Правительствующего Сената по делу Сысоева, признанного Сенатом не подлежащим никакой ответственности за воспитание детей своих в расколе.¹⁷⁵

Как видно из этой выдержки, говорит «Русск. Вед.», «утверждение г. Скворцова, будто ст. 190 является законом об отобрании детей у раскольников и сектантов, совершенно неверно. Да и сам г. Скворцов сообщает факты, показывающие, что попытки духовенства воспользоваться упомянутым законоположением терпели неудачу на суде. Так, напр., самарский суд отклонил обвинение по статье 190 родителей-сектантов, которые не воспитывали детей своих в православии. Мы узнаем от самого же г. Скворцова, что на съезде происходил «обмен мнений о 190 ст. улож., об ее юридическом отношении к детям отпадших».

Интересно было бы знать, в чем заключался этот обмен мнений, спрашивает газета. По словам г. Скворцова, съезд признал, что «наиболее соответственным задачам миссии представлялось бы вменение сектантам, под ответственностью перед законом, коим обязывает государство католиков и лютеран, при заключении смешанных браков с православными

чадами церкви, –приводить детей к обрядам и таинствам православной церкви и воспитывать в духе православной веры». Но вменение раскольникам в обязанность воспитывать своих детей в православной вере и приравнение их в этом отношении к католикам и лютеранам повлекло бы за собой распространение на сектантов и раскольников ст. 190, на основании которой, как было сказано выше, родители, коим вменено законом воспитывать своих детей в вере православной, в случае неисполнения этой обязанности, подлежать тюремному заключению; причем дети их отдаются на воспитание родственникам или опекунам православного исповедания. Таково ли было постановление съезда, трудно сказать на основании изложения г. Скворцова, а между тем знать это было бы весьма важно для решения вопроса, вызвавшего столько недоразумений в печати.

г. Скворцов в своей статье о «кривотолках» очень жалуется на эти недоразумения; но в таком случае для восстановления истины, казалось бы, проще всего было напечатать труды Съезда с подлинными протоколами заседаний.

В заключение газета замечает, что обнародование таких документальных сведений было бы весьма важно в виду того, «что сообщения о занятиях казанского съезда отличались чрезвычайной скудостью (?), особенно странно *почти полное молчание (?) духовной печати о таком собрании*, на котором обсуждались вопросы, имеющие первостепенное значение для интересов православной Церкви. Но протоколы Съезда до сих пор не обнародованы» и проч.

«Русск. Вед.» по обычаю либеральной прессы, и здесь допустили недомолвку и передержку... Прежде всего, говоря об отказе Самарского Окружного Суда распространить от. 190 улож. на родителей раскольников за соращение ими своих детей, крещенных в Церкви, – орган русских прогрессистов умалчивает о второй весьма важной справке, приведенной «в Деяниях Съезда», – это о распространении той же 190 ст. на сектантов и штундистов Киевскими Окружным Судом и Палатой и даже самим Сенатом, который не отверг по существу постановления упомянутых двух судебных инстанций, а это обстоятельство и

послужило основанием для Съезда видеть и искать в духе и в букве этой именно статье (190) закона защиту детям раскольников и сектантов, безнаказанно совращаемым изуверами-родителями. Газета интересуется далее знать, в чем именно заключался обмен мнений на съезде по вопросу об юридическом отношении этой статьи закона к детям раскольников? Трудно понять, чего газета хочет, когда сама же далее и приводит ответ на свой вопрос: что съезд признал соответственным распространение ст. 190 и на раскольников, наравне с католиками и лютеранами, так как преступления тех и других и по существу, и по вредности, в отношении интересов Церкви и государства, весьма близки. Даже в последнем отношении изуверные секты наши гораздо, конечно, вреднее инославных исповеданий, в своем религиозно-воспитательном влиянии на подрастающее поколение. Если закон в одних случаях (при смешанных инославных браках) строго охраняет православие подрастающего поколения, то почему же в других (в отношении раскола и сект) он колеблется не только в действии своем, но и в воззрениях, доктринерствующих криминалистов наших. Вот в этом собственно и суть обмена мнений на казанском съезде. Отбирать детей от родителей-раскольников, и отдавать их под опеку православных родственников или на воспитание в монастырские приюты, – это значит карать ни в чем не повинных детей, и оставлять безнаказанною пропаганду лжеучений со стороны взрослых в семейной среде.

«Русск. Ведом.» очень боятся, как бы раскольников не стали сажать в тюрьму по 190 ст. Но как же быть с фанатиками и преступниками, губящими и растлевающими своих детей? Проектируемая Съездом мера может служить острасткой для фанатиков-родителей, насилующих свободу совести своих детей, но не будет за то сопровождаться теми тяжелыми последствиями для невинных детей, какие влечет нынешняя практика в применении ст. 188 улож. и 39 ст. уст. о пресечен., т.е. опека или отобрание.

«Русск. Ведом.» далее сетуют, что не опубликованы доселе подлинные протоколы Съезда. Да будет ведомо почтенной

газете, что Миссионерский Съезд не есть Съезд каких-либо лиц по частным предприятиям. Миссионерский Съезд представляет собою учреждение церковно-правительственное; деяния его подлежат рассмотрению Св. Синода и лишь церковной властью могут быть одобрены, или не одобрены к опубликованию в подлинном виде, в частях или во всей полноте. Мы можем только уверить недоверчивых, но любопытных писателей названной газеты, что занятия Казанского Съезда так широко, обстоятельно и откровенно распубликованы и в светской, и духовной печати, что ничего *нового* или *иного* подлинные протоколы им не дадут.

А потому сетование «Русск. Вед.», что будто бы сообщение о занятиях Казанского Съезда отличались *чрезвычайною скудостью*, и обвинение духовной печати, что она якобы хранила *почти полное молчание* о таком важном событии, – совершенно неосновательное.

В светской печати о занятиях Съезда писано так много, что на страницы ее попало много и такого, чего и вовсе не было. Все серьезные духовные органы печати дали обстоятельные отчеты¹⁷⁶ о съезде, начиная с официального органа Св. Синода «Церк. Вед.» и продолжая органами наших академий – Казанской, (Православный Собеседник) и Московской («Богословский Вестник»), С.-Петербургской («Церковный Вестник»), не говоря уже о специальном журнале «Миссионерское Обозрение», посвятившем в книжках второго полугодия большинство страниц своих Казанскому Съезду, так что «Русск. Ведомостям», для восстановления извращенной ими же самими истины, совершенно довольно сведений, появившихся в печати, если бы только газета более заботилась о правде, а не о либеральной кривде.

Это недоверие к нравственным силам православия, эта готовность при малейшем поводе стать на сторону его врагов обуславливается многими причинами, из которых две могут быть признаны главнейшими, именно – отчужденность значительной части нашего образованного общества и руководителей печати от Церкви и ее благодатного воздействия, а с другой стороны, такая же отчужденность от действительной народной жизни и

проистекающее отсюда ложное понимание совершающихся в этой жизни явлений. Чуждая и даже враждебная Церкви, эта часть нашего общества, естественно, начинает проявлять сочувствие ко всему, что так или иначе выступает против Церкви, и уже одного этого противления достаточно для возбуждения ее симпатий. Отсюда и идеализация раскола, как сохранившего будто бы в неприкосновенной чистоте дух древней православной общины и основные черты русской народности, отсюда же идеализация и сектантства, яко бы вносящего свежую струю богословской мысли и живого религиозного чувства в жизни русского народа; отсюда, наконец, и этот чрезвычайно упрощенный взгляд на отношения, существующие между православной Церковью – с одной стороны, расколом и сектантством – с другой, – взгляд, по которому Церковь всегда представляется в роли гонительницы, а раскольники и сектанты – в роли гонимых и притесняемых. О том, что такое раскол и сектантство в действительности, защитники их не знают, а многие не имеют и охоты узнавать, довольствуясь раз составленным ложным убеждением, что это не более как добрые и честные христиане, подвергающиеся притеснениям от тех, на чьей стороне сила, и потому нуждающиеся в защите со стороны всех, кому дороги интересы гуманности и справедливости. А выступить в благородной роли защитника слабых и притесняемых, спокойно при этом сидя в кабинете и ничем не жертвуя и не рискуя, очень заманчиво. Оттого-то так многие с легким сердцем, а подчас и головой, берутся за эту роль.

Между тем, если бы эти добровольные защитники и покровители наших раскольников и сектантов взяли на себя труд изучить поближе своих клиентов, вдуматься в смысл и значение некоторых явлений, возникающих на почве раскола и сектантства, едва ли у них сохранилась бы охота выступать в роли их покровителей. По крайней мере, люди, изучившие раскол и сектантство путем непосредственных личных наблюдений, рисуют нам их в таких красках, которые нисколько не способны вызвать к ним в ком бы то ни было симпатии.

Вот, например, какую характеристику томского раскола, во многом приложимую и ко всему вообще расколу, дает на

страницах «Томских Епарх. Ведомостей» местный миссионер и преподаватель семинарии Ив. Новиков («Из путевых заметок по расколу»). В последнее время, по свидетельству г. Новикова, в жизни раскола можно заметить некоторые перемены, касающиеся не только внешнего положения раскола, но и самого учения, его догматики. «Некоторые из раскольников явно стали на путь рационализма, отрицания церковного авторитета и даже самой обрядности. В среде раскола появились такие, никогда здесь невиданные и даже неслыханные, люди, которые неуважительно относятся и не доверяют излюбленным раскольниками «старым книгам», а некоторые даже не считают нужным и совсем читать их». Но наряду с этим новым веянием, преобладающая часть раскола все еще продолжает держаться своих старых верований в силу слепой привязанности к внешней обрядности. Источником этой привязанности служит «усвоенный раскольниками слишком внешний взгляд на самые средства спасения». «Раскольник вовсе ничего не знает о подвигах и добродетелях чисто-нравственного, духовного характера; для него вся сила – в добродетелях и подвигах внешних. Такой только путь спасения кажется ему и легким, а в то же время и верным, и надежным». «Привязанность к внешнему не позволяет раскольнику проникнуть в сущность религии, убивает деятельность ума и доводит как бы до религиозного усыпления. Трудно найти раскольника, который бы сознательно ставил перед собою вопросы правильны ли его религиозные верования? Если раскольник и начитывается разных книг, выписок и брошюр, то не из желания беспристрастно отыскать истину, а из желания чем-нибудь заклеить ненавистное ему никонианство» («Томск. Еп. Вед.» № 15). И эта старая раскольничья закваска внешнего формализма нередко остается, к сожалению, и среди раскольников, принявших единоверие, но продолжающих жить среди прежних своих единоверцев, упорствующих в расколе. Вот, напр., какое наблюдение вынес г. Новиков из одного прихода, в котором, наряду с православными и раскольниками, проживают и единоверцы. «В большинстве своем единоверцы эти не далеко ушли от раскола. Все они строго наблюдают «чашку», не общаются с православными, не ходят в

православную церковь и не пускают в свою православных; за священником своим строго наблюдают, чтобы он не имел общения с никонианами не только в молитве, но и в пище, и не перенимал никонианских обычаев. Однажды, отправляя своего священника на благочиннический съезд, единоверцы, очень озабоченные тем, как бы священник их не «измірщился», снарядили даже вместе с ним особого выборного, которому и поручили наблюдать за священником. Выборный очень ревностно исполнял свою обязанность. Присутствуя на обеде и заметив, что все едят из особых тарелок, он привез своим доверителям успокоительный отзыв, что и православные священники все наблюдают «чашку» (там же № 3).

Таким образом, раскол с формализмом и буквоедством своих последователей представляет собою область «сени смертной», в которой нет места духовной жизни и развитию, а возможны только смерть и разложение. Бесконечное дробление раскола на толки и согласия – факт достаточно общеизвестный. Защитники раскола готовы усмотреть и в этом факте признак внутреннего развития раскола, свидетельство о непрекращающейся в нем работе критической мысли. Однако, достаточно только ближе присмотреться к этому процессу дробления раскола, чтобы подметить в нем все признаки духовного разложения. Укажем один пример. В «Вятских Епарх. Ведом.» за нынешний год (№№ 14 и 15) печаталась «история раскола в деревне Туреке, Уржумского уезда», которая и представляет собою ничто иное, как именно историю постепенного разложения раскольнического общества в этой деревне. Раскол в форме федосеевщины появился в этой деревне около ста лет тому назад и к настоящему времени успел уже разделиться на шесть враждебных друг другу согласий. О том, по каким причинам совершалось это разделение и что представляют собою отдельные согласия турекской федосеевщины, сообщается следующее. Федосеевцы браков законными не признавали: если же у кого-нибудь из них, жившего единодомовно с женою, оказывалось чадородие, то такового, как явного блудника и нераскаянного грешника, отлучали от молельни. Такое наказание постигло и одного

наставника их. Тита Окунева. Он слыл человеком начитанным и высоконравственным и, хотя имел жену, но, пока детей у него не было, правил в молельне должность наставника. Но когда жена у него оказалась беременною, его за это от должности наставника отставили, от совокупного моления и ядения отлучили. Мало того, так как в это самое время Окунев читал годовую псалтирь по умершем турецком богаче, то федосеевские старцы чтение им псалтири признали неспасительным, даже греховным и потому положили вновь перечитать псалтирь другому старообрядцу. Однако Окунев не только не смирился, но даже задумал основать свой толк и разделить молельню. Первое ему удалось скоро осуществить; он начал проповедовать учение, близко напоминающее даниловщину, и приобрел себе некоторых последователей. Труднее было добиться разделения молельни. Бывало, придут последователи Окунева и наставят свечей пред иконами, а федосеевские старцы сбивают свечи с подсвечников палками, считая осквернением прикоснуться к ним руками. Началась тяжба, которая продолжалась несколько лет, но ни к чему не привела, и раскольники решили покончить дело силою своих мускулов. «Последователи того и другого толка, собравшись во множестве в молельню, стали судить, рядить. Одни из них говорили, что большая половина молельни принадлежать им, другие твердили: нет, нам, – но никто из них не мог убедить друг друга. Спор перешел в ругань. Более дерзкие из ревнителей мнимой старины, засучив по локоть свои рукава, вместо документальных прав на владение лучшей части молельни показали своим соперникам жирные кулаки и толстые пальцы, которыми и вцепились в волосы и бороды своих противников, и потащили их из молельни, приговаривая: «вот, вам брак, вот вам часть молельни, еретики вы этикие; прочь, прочь, чтобы вас здесь духу не пахло!». Молельню, однако, все-таки разделили.

Кондратий Данилов, основатель *Кондрашина* согласия, отделился от турецких федосеевцев из-за того, что последние стали впускать в молельню поженившихся. Учение Кондрата представляет собою собственно строгую федосеевщину и отличается только особенно настойчивой проповедью о

воцарении духовного антихриста. Основатель *Евланина* согласия Евлампий Лелеков «имел слабость пить запоем. Бывало, пропив все имеющиеся наличные деньги и вещи, он часто пропивал и богослужебные книги, которые ему неоднократно покупали его прихожане. При всем этом он был страстный и ревнивейший расколоучитель, видевший в каждой букве и обряде неизменяемые догматы веры». Отделившись от федосеевцев, Евлампий измыслил следующее учение: Иконам поклоняться не следует, потому что на них пишут вместе с ангелами диавола, а также – животных, светила небесные и т.п. Он не признает трех лиц Божества; признает за правильное поклоняться только гладкому кресту, без надписи И.Н.Ц.И. Пред крестом ладаном не кадить и свеч не возжигает, говоря, что это обычай языческий, а не христианский. Книги, напечатанные при первых пяти патриархах, считает испорченными. «Крестил Евлампий сам себя семь раз, да и последнее крещение не считал правильным. Есть слухи, будто бы он крестился в восьмой раз и своих последователей тоже перекрещивал». Крещение он совершал без слова «аминь», говоря, что «этого указания нет в Евангелии». Но из-за этого слова «аминь», отделился от Евлампия один из его последователей, Петр Евстратиев, который считает нужным произносить при крещении «аминь». Кроме того, Петр не отвергает возжжения свеч, масла и каждения ладаном пред иконами, а также надпись на кресте И.Н.Ц.И. признает за правильную. Последователи его, около 70 душ, составляют согласие *Пети Елистратова*. Согласие *Нинанорово* имеет во главе Никанора Лелекова, который измыслил свое новое учение. Он учит, что «Церкви на земле нет, да и не было никогда»; водное крещение отвергает и учит, что креститься нужно духом; вследствие этого детей своих не крестит; таинство причащения также отвергает, говоря, что Христос не причащался, да и нам не велел причащаться. Кто, по его учению, причащается, тот жидовствует, потому что Христос ел с учениками ветхозаветную пасху и сказал, что Он есть ее больше не будет, а потому и нам не должно есть ее, т.е. не должно причащаться. – Было еще в Туреке и седьмое, – *Ларионово* согласие, но теперь последователей его осталось

всего два дома. Всего же в Туреке раскольников до 1.000 душ обоего пола.

Эта история турецкого раскола представляет собою лишь один из типичных отрывков истории всего вообще старообрядческого раскола. В расколе нет живой идеи, способной к здоровому и плодотворному развитию. Отсутствие же развития порождает застой, а застой неизбежно приводит к разложению, которым и характеризуется вся двухсотлетняя история раскола. Дробление раскола на секты и толки и есть результат именно разложения, а не развития, потому что какое может быть развитие на мертвой почве сухого формализма и слепой приверженности к букве?!

То же разложение составляет неизбежный удел и нашего сектантства. Правда, здесь признаки разложения не так бьют в глаза, как в расколе; мало того, можно указать, да и указывают многие, на некоторые такие стороны и явления в жизни сектантов, которые, по-видимому, свидетельствуют скорее о способности сектантства к здоровому и плодотворному развитию, чем о начинающемся разложении его. Но и здесь достаточно только ближе познакомиться с внутренней жизнью сектантства, – что правда, не легко и не каждому доступно, – и с подробностями учения его многочисленных представителей, чтобы убедиться, что привлекательные в сектантстве стороны являются не более, как только приятной для поверхностного взгляда окраской гроба, скрывающего разлагающийся труп.

В «Камчатских Епарх. Ведом.» за нынешний год печатался очень хороший очерк А. Кириллова об амурских прыгунах («Амурские прыгуны или духовные христиане»), содержащий в себе историю, изложение вероучения и описание важнейших обрядов этой секты. История амурских прыгунов имеет конечно своих, типичных для многих сект, героев, которые считали себя сынами Божиими и собирались возноситься на небо. Основанием вероучения прыгуны признают озарение свыше или наитие Духа Св., которого удостоиваются истинно верующие, т.е. прыгуны. Наитие Духа Св. внешним образом выражается в духовной пляске или прыганье. Автор дает подробное описание сектантского радения; вот некоторые картинки из этого описания.

«Пляска в полном разгаре. Прыгуны, поснимав свои кафтаны и пальто, в одних рубашках; пот с лица у всех льет градом; платки, которыми они обыкновенно вытирают пот, мокры; многие уже не раз выбегали и на улицу, чтобы прохладиться и освежиться, но напрасно: в комнате жара и духота невыносимые, в воздухе – пыль и миазмы, и сколько ни охлаждайся, пользы мало. Многие и не обращают внимания на выступающий у них двадцатый пот, а пляшут себе и пляшут. Шум и гам стоят невообразимые. В суматохе один из прыгунов забрался под скамью, изобразил из себя собаку и, ползая на руках и высовывая из-под лавки голову, с лаем начал хватать зубами за платье и обувь всех подходящих к нему.

Придавали ли прыгуны какое-либо таинственное значение обращению своего собрата в четвероногое и видели ли в лае его какое-нибудь небесное указание, – не знаем, но знаем то, что, по убеждению их, и в этом случае действовал Дух Св., и это был вдохновенный. Надевали же на себя ветхозаветные пророки рога, ярмо и проч., действуя так по внушению Божию, почему же и их прыгунов внушение свыше не может заставить лаять по собачьи для каких-нибудь особенных целей"... – «Во время пляски, когда на кругу вихрем носились несколько субъектов, один из них поскользнулся и упал, на него свалился другой, а на этого третий. Пресвитер, как бы ожидавший подобной оказии, сейчас же громогласно произнес: «на сем камне созижду церковь мою», и вот целая масса – мужчины и женщины без разбора, улеглись на этот краеугольный камень из трех прыгунов. Образовалась куча, изображающая собою церковь прыгунов, – куча, в которой виднелись головы и торчали ноги...». Третья сценка. «Среди комнаты идет духовный пляс: мужики и бабы топчутся и скачут, насколько позволяют силы. У стола, стоящего близ печки, сидит изможденный, дряхлый старик, опершись на руку, и улыбается ангельской улыбкой. Это – признак, что в нем сидит Св. Дух и он, осененный Духом, все видит и все знает. Рядом на табуретке сидит молодой рыжий прыгун и, сложив руки на колени, покачивается, пыхтит, ударяет руками по коленям, потом начинает шевелит и шептать губами, издавая какие-то особенные звуки, наконец, вскакивает с табуретки и бросается в

круг. Здесь, подхватив двух баб, которые плотно обняли его, начал вместе с ними отплясывать. Пляска была продолжительна. Бабы устали и истомились, истомился и мужик. Наконец, бабы оставили своего кавалера. Одна из них, в изнеможении, продолжая тихо кружиться, начала кричать: «ха, ха, ха! дух, дух, дух! вот он! вы его не видите?». Хохот, это – признак, что пляшущая видит Св. Духа и озарена им. Мужик, оставленный дамами, между тем, упал, на пол на колени и еще очень долго кружился или, правильнее, ерзал на коленях, пока совсем не свалился на пол».

Прыгуны, по свидетельству г. Кириллова, являются самым трезвым народом среди всех местных сектантов и если старообрядца и духоворца можно видеть выпивающим водку, а молоканина нередко и пьяным, то о прыгуне этого никак нельзя сказать. Прыгуны обыкновенно говорят о спиртных напитках: *«в них заключается все зло, и мы пьем вино радости на горе сей»*. Что это за вино радости, которым они упиваются, это, по словам г. Кириллова, можно видеть из объяснения одного старика: «так напрыгаешься, что пьянее будешь, чем от всякого вина; и к чему же нам после этого ваше вино?». Это очень интересное объяснение. «Зелено вино» прыгуны заменили «вином радости» – экстатической пляской, доводящей до одурения не хуже настоящего вина. Которое из этих двух вин вернее доводит до галлюцинаций и полного расстройства нервной системы, – не трудно, полагаем, решить.

Небесное озарение у прыгунов выражается иногда еще и в том, что они, по их словам, начинают говорить на неизвестных им языках. г. Кириллов приводит из какого-то «обряда» следующий маленький отрывок, по словам прыгунов, речь на «чужестранном» языке: «стани дон заневере навин, навердон ривян навидон заневеравин востань навердон. Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф, исполни небо и землю славы его во веки веков, аминь». «Что означает эта бессмыслица, говорит г. Кириллов, – ни один из прыгунов, к которым я обращался за разъяснением, мне не мог объяснить. Когда же вы замечаете, зачем такую бессмыслицу выдают за какое-то пророчество на чужестранном языке и даже поют во время молитвенных

собраний, они отвечают: «и об апостолах, когда они в день пятидесятницы говорили на разных языках, многие, не понимая их речи, замечали, что они пьяны, а они ведь говорили по внушению Св. Духа».

Очерк г. Кириллова, помимо интереса содержания, отличающийся еще и большой осторожностью автора в выводах и обобщениях, а также осмотрительностью в выборе сообщаемых фактов, было бы очень приятно видеть в отдельном издании; он был бы полезным пособием для миссионеров и ценным источником для каждого желающего ближе познакомиться с такой странной отраслью религиозного заблуждения, какую представляет собою прыгунство.

Н. Вышне夫斯基

IX. Библиография

1) Козинский П.А.: Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. Составил магистр Ив. Преображенский. СПб. 1897 г. in 8° стр. III+236 // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1173–1178

Нельзя не приветствовать появления в свет книги г. Преображенского с вышеуказанным заглавием, – книги, являющейся первым опытом многостороннего и подробного статистического обзора отечественной церкви за полувековой период ее жизни. Важность статистики – факт общепризнанный. До последнего времени наша церковно-историческая наука не пользовалась во всем объеме и полноте статистическим материалом, на основании которого и можно представить за тот или другой период времени обзор жизни нашей отечественной церкви. Нашему только автору пришла счастливая мысль впервые воспользоваться статистическими данными, как сырым материалом, и изобразить за последний пятидесятилетний период (1840–41 по 1890–91 гг.) жизнь нашей отечественной церкви, во всех ее проявлениях, языком цифр. Труд автора, как покоящийся на неопровержимо-верных статистических данных, заслуживает всяческого одобрения и вынуждает нас с особым вниманием отнестись к нему и познакомить с ним наших читателей.

Предпослав краткое предисловие (I-III стр.), в котором не столько доказывается польза статистики, сколько опровергается одно из возражений, имеющих в виду поколебать в самом основании доверие к этой науке, автор во введении знакомит читателя как с самим характером работ, так и указывает источники, откуда заимствованы им материалы для исследования. Самое же исследование распадается на пять глав. Первая из них (II-38 стр.) посвящена статистическому обзору отечественной церкви за весь этот период с показания числа епархий, особ архиерейского сана, монастырей и монашествующих, церквей, часовен и количества белого духовенства. Вторая глава касается вопроса о состоянии православной паствы в Империи; показателем этого состояния

служит число присоединений к православию и число браков – заключенных и расторгнутых (38–79 стр.). Третья глава трактует о церковно-приходских школах и школах грамоты, библиотеках, церковно-приходских попечительствах, богадельнях и больницах (79–147 стр.). Интерес этой главы преимущественно сосредоточивается на довольно обстоятельном обзоре судеб церковно-приходской школы, которой пришлось перенести не мало злоключений на протяжении пятидесяти лет, пока наконец она не получила, начиная с 1884 г., окончательного устройства и полного права гражданства (79–114 стр.). Интересующиеся делом развития на Руси церковно-приходских школ здесь найдут для себя много интересного и поучительного; очерк этот наглядно иллюстрирует прогрессивный рост, вопреки всем стихиям, религиозного самосознания в нашем народе. Четвертая глава знакомит нас с судьбами, на протяжении всего этого периода, духовно-учебных заведений всех категорий как мужских, так и женских. (147–219 стр.). Центр тяжести в этой главе покоится на кратком историческом обзоре мужских духовно-учебных заведений, начиная с 1836 года по 1891 год, где автор довольно подробно изображает всю историю преобразования духовно-учебных заведений, пока они не вылились в те формы, которые существуют в настоящее время; а также – на истории возникновения женских учебных заведений духовного ведомства. Пятая глава, как бы придаточная, трактует о материальных средствах духовного ведомства (219–236 стр.). В приложении помещено семь таблиц-диаграмм, из которых шесть графическим путем показывают рост за последнее десятилетие наших церковно-приходских школ и школ грамоты.

Для нашего специально-миссионерского журнала особый интерес представляет второй отдел второй главы (45–65 стр.), где автор, на основании статистических данных, именно – по числу присоединений к православию, – судит о состоянии за весь пятидесятилетний период нашей миссии, как среди инославных и не христианских исповеданий, так и среди сектантства.

Число присоединений из католичества и протестантства к православию далеко было не всегда одинаково; в различные

годы итоги присоединений к православию разнообразятся до невероятия, что объясняется теми или другими обстоятельствами. Заслуживает особого внимания движение среди эстов и латышей в средних пятидесятых годах (1845–48 г.), выразившееся в присоединении к православию этих инородцев в количестве 113.000. Движение это истекало единственно из того порядка вещей, что лютеранство, благодаря своей сухости, не удовлетворяло ни эстов, ни латышей; но оно с помощью экзекуционных мер было подавлено местными властями – лютеранами. Но движение это не могло быть совершенно искоренено; оно продолжало, подобно искре, тлеть и ожидало удобного случая. – В начале 80-х годов оно возродилось, хотя и не с такою силою, как в 50-х годах, но во всяком случае цифра присоединения (1885–1887 гг.) достигает до 14 тысяч. Движение это связано с коронационными торжествами в царствование Александра III. Небезынтересно также, что и среди католичества замечается во второй половине пятидесятых годов движение в пользу православия. С 1865–68 гг. присоединилось к православию до 75.000; возвратились в православие преимущественно русского происхождения обращенные некогда силою в католичество; движение это явилось именно тогда, когда, после польского разгрома в 1863 г., влияние на народ польщины и ксензов значительно ослабело. На 1875 год падает наибольшая цифра присоединений из иноверцев, простиравшаяся свыше 250.000 что объясняется присоединением к православию греко-униатов после знаменитой энциклики папы Пия IX, усиливавшегося совратить холмских греко-униатов в латинство.

Разнообразны и поучительны итоги присоединений к православию из раскольнических сект за весь пятидесятилетний период. По статистическим данным мы находим, что в царствование Николая Павловича обратилось из раскола в православие в 2½ раза более, чем за 35 последующих лет. Объяснение подобному явлению кроется в направлении внутренней политики Императора Николая I-го, имевшей в виду ослабление раскола с помощью ограничительных мер и усиление православия. Гуманные меры Императора Александра II,

закончившиеся, как известно, изданием закона 3-го мая 1883 года, в значительной мере имели влияние *на усиление раскола*, всегда относившегося к православию со злобой, ругательствами и злохулениями, – и на *уменьшение числа присоединений к православию*. Правда, в последнее десятилетие возвратилось в православие почти вдвое больше, чем в предыдущие два десятилетия, взятые вместе (55.000 р.); но объяснение этого обстоятельства мы должны искать не в законе 3-го мая, а в усилении противо-раскольничьей миссионерской деятельности за это десятилетие. С точки зрения мер, принятых церковью в последнее десятилетие по отношению к расколу, возвращение в лоно церкви 55.000 из раскольнических сект должно быть признано плодом недостаточно обильным.

Автор, говоря о числе присоединений из раскола, нашел вполне уместным коснуться и вопроса о числе раскольников у нас на Руси: общераспространенное мнение, что всех раскольников в Империи 15 миллионов, должно признать не только до крайности преувеличенным, но даже баснословным. Если бы в действительности было так, то раскольники составляли бы $\frac{1}{8}$ часть всего населения России, не исключая иноверцев, что противоречит действительности!...

Нельзя пройти молчанием того обстоятельства, что автор, при рассмотрении вопроса о борьбе с расколом, ни одним словом не обмолвился о так называемом рационалистическом сектантстве и о борьбе церкви с ним. Пробел этот является весьма чувствительным в исследовании автора, – и очень жаль, что вопрос этот существенной важности, обойден молчанием. Кому не известно, что на вторую половину 80-х годов падает период наибольшего распространения южнорусского штундизма, интересовавшего как духовную, так и светскую прессу. Читатель, к великому сожалению, в труде г. Преображенского не находит никаких сведений о штунде и неразрывно связанных с нею пашковщине и баптизме.

Рассмотренный нами труд «Отечественная Церковь по статистическим данным с 1849–41 по 1890–91 гг.», как единственный в своем роде и представляющий собою первый опыт обследования истории церкви на основании статистических

данных должен быть приветствуем как отрадное явление в нашей церковно-исторической науке. Если мы добавим, что свое исследование автор ведет на основании самым тщательным образом проверенных цифровых данных, частью опубликованных, частью самостоятельно извлеченных из центрального управления духовного ведомства, – и что в выводах своих он крайне осторожен, – то для читателя, интересующегося судьбами нашей отечественной церкви, труд г. Преображенского будет иметь сугубую ценность.

Издание довольно опрятное и по цене книжка сравнительно недорогая.

Пожелаем же труду нашего автора самого широкого распространения и самой широкой известности.

П. Козицкий

2) Потехин С.М.: «Разговор православного со штундистом об истинной вере, на основании Свящ. Писания и здравого смысла (против вольнодумов)». Таврич. епарх. мисс., свящ. Павла Тихвинского., Симфер., 1897 г. in 8 143 стр. // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1177–1179

Такие «разговоры» в последнее время не редкость встретить на страницах Епархиальных Ведомостей и в отдельных брошюрах. Но книжка о. Тихвинского выделяется из них своею сравнительною полнотой: в ней можно найти рассуждение почти по всем недоуменным для штундиста вопросам. Это одно из выдающихся достоинств книжки о. Тихвинского, которых, впрочем, немного можно найти в настоящем труде почтенного миссионера. Автор дал своему труду форму диалогическую, которая издавна употребляется в духовной литературе, как более удобная для точного и раздельного раскрытия и изъяснения известных истин, и как более живая, интересная... Православный катехизис, – эта символическая книга для православных христиан, – имеет, как известно, такую форму. Мы не думаем, чтобы о. Тихвинский в своем труде преследовал главными образом ясность и раздельность изложения христианских истин. Эта цель прекрасно достигнута существующими уже руководством в обличении штунды. Автор, очевидно, имел в виду представить в своем труде образец диалектической убедительности. И действительно, он заставляет своего собеседника-штундиста признаваться чуть ли не на каждой странице (стр. 4, 7, 15, 23 и т.д.) в полной своей несостоятельности. Мы слышали, что в практической своей деятельности на поприще миссии, о. Тихвинский пользуется успехом, и как миссионер достигает значительных результатов. Но практика и литературный труд, как оказывается, – не одно и то же, и мы думаем, что книжка о. Тихвинского не служит памятником его практических бесед. Таких «разговоров» со штундистами, какие представляет нам автор, в действительности едва ли бывает: слишком они вялы, книжны,

слишком не походят на живую речь живых полемизирующих собеседников. Любимый прием автора, имеющий такое значение в живой беседе, – *reduction ad absurdum*, – в литературном произведении был бы тогда уместен, если бы оно отличалось всеми качествами живо и интересно написанного диалога. Произведение же о. Тихвинского этим далеко не отличается. Диалог для автора не больше как внешняя форма изложения: в нее он вложил готовое содержание, которое дают существующие руководства по обличению штунды и... может быть и собственный опыт миссионера.

Далее, не хотелось бы верить, чтобы большой опыт известного уже миссионера, как о. Тихвинский, подсказывал ему такое нанизывание без всякой нужды текстов Св. Писания, какое допускает автор в печатной брошюре. Возьмем для примера первое попавшееся место из его «разговора». Штундист полагает, что в словах Евангелиста (Ин.21:20): «многое и другое сотворил Иисус и т.д.» говорится о делах Божиих, о чудесах Иисуса Христа, а не о слове (в смысле учения) Божиим. Автор на это возражает:

«Напрасно так думаешь: слово Божие есть в то же время и дело: «вот дело Божие, говорит Иисус Христос, чтобы вы веровали в Того, Кого послал Отец» (Ин.8:29). Если Христос называет делом Божиим веру в Себя (а вера от слышания), то тем более есть дело Божие Его Божественные слова, Его проповедь и вообще, слово Божие: «и будут все научены Богом. Всяк слышавший от Отца и научившийся, приходит во Мне (Ин.8:45; Ис.54:13) и т.д. и т.д.

Вместо столь легкого, даже на основании одного места Св. Писания, разъяснения недоумения, автор уснащает его искусственно связанными, не, всегда идущими к делу текстами. От чего в голове читателя книжки о. Тихвинского, вместо одного недоумения получаются ряд других новых. Это, можно сказать, общий недостаток содержания «Разговора». К частным недостаткам нужно отнести не везде тонное, а иногда и неправильное, ничем не оправдываемое в положении автора, приведение мест Св. Писания для доказательства православных истин, как например, на стр. 74 в доказательство необходимости

для христиан крестного знамения автор ссылается на слова Господа в евангелии Марка (16:16): «кто будет веровать и креститься, спасен будет». Кто из читавших евангелия не знает, что в этих словах Господа говорится о таинстве крещения, о погружении в воду, а не о крестном знамении. Есть и другие неточности (на стр. 76, 77, 83, 135) в пользовании текстами Св. Писания.

В послесловии к своей книге автор совсем не к месту пользуется известным уже ранее в старой полемической литературе приемом, касательно случайного совпадения слова *вольнодум*, в его числовом значении, с апокалипсическим числом 666, и применения этого звериного числа к штундистам, которых он называет «вольнодумами». Совпадение это – большой курьез и указание на него может произвести – допустим – иногда ошеломляющее действие на простецов. Но в серьезной религиозной полемике, а тем более, назначаемой к печати, такой аргумент, хотя и остроумный, нельзя рекомендовать для пастырей Церкви. Книга может попасть в руки образованного, критически относящегося к чтению, читателя и такие устрашающие «жупелы» могут не убеждать, а лишь раздражать и вооружать против миссии и ее литературы.

Не смотря на отмеченные нами недочеты, «разговоры» о Тихвинском сводом и группировкой в них по предметам полемики текстов Св. Писания могут служить полезным подспорьем для пастырей в их миссионерской деятельности.

С. Потехин

3) Потехин С.: «Встреча со штундистом». Свящ. Александр Садовский. Ставрополь 1894. 12 стр. // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1180–1180

Брошюра передает (тоже) разговор автора с своим спутником по дороге, штундистом. Случайно возник разговор, случайны и затронутые в нем темы. Автор отвечает на вопросы собеседника: зачем священникам нужно широкое образование, отчего они не живут по-апостольски, в чем видна и почему присуща благодать Божия, зачем они преследуют иномыслящих, зачем носят длинные волосы и называются «батюшками». Автор дает обстоятельные ответы и разъяснения и лишь фанатизмом собеседника-штундиста можно объяснить заключительные слова последнего:

«Желаю отступить, – и отступлю, и отступаю!... И никто не смеет противоречить мне, никто"... – Встреча со штундистом наводит автора на размышление о трудности борьбы со штундизмом, с этим слепым отрицателем всего, напоминающего Православие. Причину увлечения штундизмом автор видит в незнании народом своей религии; разговор ведется живо и назидательно, изложен языком литературным.

4) Потехин С.: «Из практики приходского Священника наблюдения и заметки, Г. Царицына, Саратовской епархии, протоиерея Андрея Флегматова. Царицын 1895 г.» 28 стр. // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1180–1181

Брошюра содержит несколько статей. *Первая* из них передает разговор в вагоне железной дороги с последовательницей пашковщины. Собеседница автора – классная дама одного из петербургских институтов. Она имеет в кармане евангелие и затевает разговор на тему о значении добрых дел в деле спасения. Разговор чисто «дамский». Цитируя известные слова ап. Павла о значении веры для спасения, она как бы не подозревает параллельных, объясняющих и дополняющих их, других мест Свящ. Писания. – *Вторая* статья представляет историческую справку о местном расколе в посаде Дубовке в 1864 г. Развитию в этой местности раскола, по словам автора, много способствовал указ Екатерины и снисходительность гражданского начальства, дозволившего поповцам австрийского толка, несмотря на возражение духовенства, построить в 1863 г. молельню. Любопытно появление здесь же секты «незнаек». В 1865 году несколько беспоповских семейств впали в странный раскольничий нигилизм, не признавая ни Бога, ни Царя и никого; на предлагаемые вопросы они упорно молчали или чаще отвечали: «не знаю». Распродав свое движимое и недвижимое имущество, они построили в конце посада землянки и жили здесь целыми семьями. По приговору начальства, они, после сильного сопротивления, были сосланы на Кавказ. Далее в статье описывается противораскольничья деятельность наших священников и состояние жизни и богослужения у дубовских австрияков, беглопоповцев, беспоповцев, молокан воскресников, молокан-субботников (которых автор называет караимами) и ново-открывшейся там пашковской ереси. Третья статья передает беседу автора с беспоповцами на дубовском соборе 1885 г. о совокупном ядении и питии с еретиками.

Беседа, касается слов св. Иоанна Златоуста, взятых из 13-го слова Просветителя Иосифа Волоцкого. Остальные статьи касаются церковной практики с обращенными из раскола.

Почтенный о. протоиерей Флегматов большой знаток пашковщины. Он издал целый ряд своих бесед с пашковцами (и отчасти с молоканами), которые (беседы) велись им в Царицынско-Вознесенской церкви. Беседы имеют предметом главные пункты пререкаемые сектантами в православном учении – о необходимости иерархии, храма, крещения водою, причащения, почитания икон поминовения умерших и т.п. Нового в отношении обоснования православно-христианского учения, автор и ничего не дает, но опытною рукою пользуется известными данными полемического богословия.

Главная заслуга автора, несомненно, в том, что он не скрывает силы возражений сектантов, не ставит их так, чтобы на них легко было ответить, а приводит их с точностью, с тою остротой и искусством, которые «искушают» и опытных миссионеров, заставляя задуматься над ответом. Вот почему желательно, чтобы на брошюры о. Флегматова было обращено внимание готовящихся в собеседовании с сектантами: они могут сослужить им полезную службу.

С. Потехин

Х. Известия и заметки

**Миссионерские советы высокопреосвященного
Иоанникия, митрополита Киевского относительно
ведения беседований с сектантами //**
**Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С.
1182–1183**

Пред отъездом в С.-Петербург для присутствования в Святейшем Синоде, Высокопреосвященнейший Владыка митрополит Киевский Иоанникий пожелал видеть у себя и благословить членов киевского религиозно-просветительного Общества. Утром 13 ноября назначено было это представление в лаврских митрополичьих покоях. К этому времени собрались все члены Совета просветительного Общества, миссионеры и почетные члены его. Представлял Владыке членов совета Общества председатель последнего почетный член его, преосвященный Сергей епископ уманский. Представляя членов Общества, преосвященный Сергей заявил высокопреосвященному Владыке митрополиту, им пастыри и другие члены Общества с похвальным усердием трудятся в деле религиозно-нравственного просвещения в духе православия и в частности в ведении бесед с сектантами, и просил Владыку на прощанья – благословить тружеников на дальнейший их труд. Владыка-митрополит, благословивши представленных ему, пригласил всех в гостиную и долго отечески беседовал с членами общества, преподав им весьма ценные миссионерские советы и указания относительно целей беседования с сектантами и приемов ведения их. Заявив, что он сам следил за трудами Общества и слышал со стороны и от духовных, и от светских лиц о благоплодной деятельности киевского религиозно-просветительного Общества, архипастор напомнил латинскую пословицу: *bonum initium dimidium facti est* (хорошее доброе начало – половина дела) благодарил членов за их усердие к благому делу и молитвенно пожелал Обществу больших и больших успехов. Затем коснувшись вопроса о том, как следует вести беседы с сектантами, чтоб эти беседы достигали цели, Владыка сказал: «что не ученость, не искусство

в словопрении имеют главное значение при беседах с сектантами, а искреннее, сердечное желание образумить заблуждающихся и наставить их на путь спасительной истины. Правда, трудно рассчитывать на то, чтобы собеседования сразу же, или в скорости, возвращали к Церкви уклонившихся, – не только трудно, но, пожалуй, и невозможно; но этим не следует смущаться: собеседования достигнут своей цели даже и в том случае, если *поселять в душе сектанта только сомнение* в том, что (в лжеучении сектантском) раньше казалось ему несомненным... Собеседующий должен вести это дело не для того, чтобы показать, что он сильнее сектанта и больше его знает, а исключительно по любви к заблуждающимся, ради спасения их души. Ясно, что в собеседовании ни в каком случае не должно быть допускаемо раздражение, горячность или гнев. Любовь к заблуждающемуся, полное спокойствие и выдержанность – вот условия, без которых собеседования не принесут пользы, а скорее повредят делу... Если собеседующему нанесет сектант в словах какое-либо личное оскорбление, нужно покрыть это христианскою любовью... Но если оскорбление коснется священной истины, Церкви и т.д., тогда этого нельзя допускать, – в таких случаях следует их останавливать. Упорство и упрямство со стороны заблуждающихся не должны охлаждать ревности в деятелях-просветителях; добрые слова, сказанные вслух многочисленных слушателей, не могут остаться бесплодными для кого бы то ни было». Одобрив бесплатную раздачу брошюр религиозно-нравственного содержания народу, во время собеседований с сектантами, и вообще при ведении бесед членами Общества в храмах и в других местах Киева, – Владыка-митрополит на издание этих брошюр пожертвовал 500 руб. Эти мудрые советы иерарха Киевского необходимо твердо запомнить всякому пастырю и миссионеру, ведущим борьбу с сектантством.

Необычное земское ходатайство // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1083–1184

В Брянское уездное земское собрание гласный Лагода внес доклад о религиозно-нравственном просвещении народа. Указывая на увеличивающийся упадок нравственности в народе, на остатки суеверных, языческих понятий, еще крепко сидящих в уме народа, на непонимание им сущности религии, обрядов церковного служения и правил нравственности, гл. Лагода предложил земскому собранию ходатайствовать *об учреждении неустанных проповедников Слова Божия и толкования истин веры*. По мнению Лагоды, таковых проповедников необходимо иметь по несколько на уезд с назначением им правительством особого вознаграждения, при материальном содействии земства в виде помещения для них и платы по их разъездам. Проповедники эти, находясь вне всякой материальной зависимости от нравственно-опекаемого населения, должны способствовать уменьшению проступков и преступлений в народе, должны образовать нравственный оплот проникновения и распространения в народе пагубных влияний всякого рода вредных учений. Брянское уездное земское собрание, выразив полное сочувствие предложению гласного Лагоды, единогласно постановило представить настоящее ходатайство правительству чрез губернское земское собрание и вместе с тем, по предложению председателя собрания, доклад этот постановлено сообщить обер-прокурору святейшего Синода.

Факт в высшей степени знаменательный и отрадный! Симпатичное ходатайство это служит новыми доказательством насущной необходимости повсеместного учреждения в епархиях должностей миссионеров-веропроведников, которые бы утверждали в истинах веры и охраняли народ православный от увлечения религиозными заблуждениями. Даже земцы и те уразумевают эту потребность и идут навстречу духовной нужде!... Интересно проследить дальнейшую судьбу изложенного ходатайства.

Лисицын М. Раскол в г. Киеве // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1183–1188

В ноябр. книге «Мисс. Обозр.» мы несколько слов сказали о состоянии в г. Киеве штунды. Но есть у матери городов и раскольничьи плевелы. Расколи издавна свили себе здесь прочное покойное гнездо, о чем свидетельствуют давным-давно здесь существующие и довольно благолепные церкви-молельни, с полными причтами, дорогою ризницею и утварью. Количество раскольников в Киеве понемногу увеличивается, благодаря многими благоприятным условиям, а главное – сильной поддержке со стороны московских (Морозова) и местных капиталистов (купцов Попова, Истомина), и т.п. По сведениям самих раскольников, число их в Киеве простирается свыше 4.000, особенно большой наплыв в Киеве бывает летом раскольников мастеров и огородников. Раскольники, проживающие в Киеве, все принадлежат к толку – окружников, приемлющих австрийское священство. Киевские лжесвященники и лжедиаконы австрийского поставления вместе с своей паствой подлежат ведению балтского лжеепископа Сильвестра. Одна из старообрядческих церквей-молелен находится вблизи Братского монастыря в соседстве с духовной академией. Она устроена на пожертвования раскольников, а главным образом на средства покойного купца-капиталиста Николая Попова, на имя которого был сделаны и крепостные бумаги. В недавнее время между раскольниками, принадлежащими к этой молельне едва не произошло раскола. Дело было так.

По смерти Н. Попова его имущество, а также и молельня перешли по наследству к его жене Елисавет. Гаврил. Поповой. Последняя давно была недовольна на своего попа. Унаследовав имущество мужа, вдова Попова потребовала, чтобы поп был удален, или по крайней мере чтобы удалился из ее дома, находящегося при молельне и отданного Н. Поповым под квартиру причту. Ее желание в среде раскольников вотиrowал дьячок Макар, которому благоволила и который лет 10 уже находится в сильной вражде со своим настоятелем. Макар начал

возмущать против попа Киевскую раскольническую общину и настаивал на устранении его от этой должности. Притязания Макара покровительствовала и Попова, но так как далеко не все раскольническое общество сочувствовало им, то последняя прибегнула даже к крутым мерам. Пользуясь своим наследственным правом, она в один праздник заперла молельню и не дозволила совершать в ней богослужения. Это произвело, конечно, взрыв негодования, которое повело к разделению. Молельня Е. Поповой стала при богослужениях пустеть. Не так давно для умиротворения своей паствы приезжал в Киев лжеепископ Сильвестр, но не успел ни в чем. Отслужив Киевским раскольникам, всенощную и литургию, он уехал, не достигнув своей цели. Весть о киевском разделении достигла и до московских раскольников, почему приезжал в Киев сам глава русских раскольников московский лжеархиепископ Савватий. Он прибыл в Киев истекшим летом с своим архиdiaконом и двумя певцами. Савватий здесь устроил собор, на котором разделение старообрядцев было умиротворено и вот каким образом. В угоду щедрой благотворительницы вдовы – Поповой положено было иметь в молельне двух попов, которые бы служили по-недельно. Однако и этою мерою не был упрочен мир юридической владелицы поденной купчихи Поповой, причта и общины. Присланный лжепоп выжил не только прежнего настоятеля Кирилла, но и дьяка Макара. Чтобы не оказаться в положении беспоповства из-за строптивного Макара г-жа Попова отъяла от него свою руку защиты и «архиdiaк» ныне не у дел. Вместе с тем на соборе затронуты были некоторыми раскольниками и вопросы общецерковного свойства: предлагалось установить взгляд на единоверие и господствующую российскую Церковь, но Савватий эти вопросы отклонил, ибо он по опыту хорошо знает, что в такую минуту эти вопросы могут повести к сильным спорам и к большему разделению. Это тем удобнее было сделать, что вопросы были подняты лицами, не пользующимися в здешнем раскольническом обществе большим влиянием.

В заключение своего пребывания в Киеве лжеархиепископ Савватий совершил в молельне Поповой другую литургию¹⁷⁷ в

сослужении 4 лжепопов (2-х местных и двух приезжих из Чернобыля и Черкас) и 3-х лжедиаконов. Богослужение совершалось со всеми особенностями старопечатного служебника, так, напри^м.: после «Агиоса» (динамис) было возглашение многолетия Савватию, причем последний осенял, стоя на горнем месте. После последнего прошения сугубой ектеньи, вместо троекратного «Господи помилуй» было возглашено «на многа лет Владыко»; на великом выходе поминовения особ царской фамилии не было¹⁷⁸, а произносилось только «да помянет вас Господь Бог во царствии своем», затем следовало многолетствование Савватия; такое же многолетствование было и пред Символом веры. После литургии был совершен параклисис с канон^{ом} Успению. Канон был исполнен хором раскольников знаменным распевом; по 6-й песни было прочитано евангелие, а по 9-й молитва Пресвятой Богородице. Затем, по окончании параклисиса Савватий совершил благословение нового старосты (одного из местных купцов, Иоакима Коломакина). Благословение состояло в том, что Савватий, взяв от храмовой иконы церковные ключи, передал их новому старосте со словами: «Прими залог сей и сохрани его конца жизни своея» и т.д. Затем были прочитаны 3 молитвы, в которых испрашивалось ему благодать для непорочного прохождения своего служения, причем призывалось и заступление святых. После чтения молитв новый староста, стоявший во время с наклоненной головой и державший в своих руках ключи, поданные ему Савватием (последний до окончания молитв также не выпускал их из рук), сделал поклон своему лжеархиепископу и поцеловав его руку, принял от него ключи. – Умиротворив киевских раскольников, лжеархиепископ Савватий в тот же день отправился в Москву.

Не безынтересно и то обстоятельство, что на киевском раскольников^ьем собрании был поднят вопрос об отношении старообрядцев к православной Церкви, о законности их священства и др. Очевидно в последнее время среди лучшей части киевских старообрядцев снова начинают выступать это вопросы, оставленные неразрешенными на московских соборах окружников и противо-о^кружников. А это обстоятельство говорит

о том, что у наших местных раскольников есть благоприятная почва, на которой бы можно было посеять семена единоверия и православия. Умственное состояние киевского раскольниковского общества отличается, как и везде, крайним невежеством. Никто из них никогда не читал не только противо-раскольниковских брошюр, но не знает хорошо и своих старопечатных книг. В таком невежественном состоянии находятся не только пасомые, но и пастыри. Понятно, что при том невежестве, в каком находятся киевские раскольники, они сами никогда не получают разрешения своим недоумениям и вопросам, очевидно уже назревшим и составляющим в среде их больное место, которое они опасаются трогать. А потому необходимо, чтобы почтенное киевское религиозно-просветительное общество, с своими членами подало с любовью свою руку помощи и этим заблудшим братьям, учредив также как с штундистами и с раскольниками полемические собеседования.

М. Лисицын

Свиристое изуверство скопчества // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 1. С. 1188–1188

25 ноября, вечером, часов в 9, в больницу Самарского губернского земства, по словам «Самар. Газ.», были доставлены для подания медицинской помощи два брата, крестьяне Дмитрий и Иван Федоровы Саловых, самарской губ., николаевского уезда, с. Березовый Гай. Братья Саловых оказались оскотленными, и им нужно было наложить повязки, чтобы остановить кровотечение. Изуверы Саловых еще у себя в деревне были замечены родителями в принадлежности к секте скопцов, а когда они поехали в Самару, то за ними следом приехал сюда их отец и заявил полиции о своих подозрениях. Однако, розыски Саловых ни к чему не привели, пока не было заявлено полиции из бани Чаковского (на Волге), что какие-то два неизвестные человека заняли номер и не хотят оттуда удалиться вот уже около трех часов. Явилась полиция, номер был отворен, и зрителям представилась ужасная картина: весь пол, скамейки и проч. были залиты кровью, а находившиеся там лица оказались кастрированными. Отрезанные части были найдены под полком в парном отделении номера. Орудия кастрации не найдены. На допросе полиции Саловых заявили, что операцию им произвела женщина, бывшая с ними в номере, но кто она такая, как ее фамилия и где она живет – не знают. Но ни коридорная, ни номерная прислуга не заметили, чтобы в номер Саловых приходила или уходила бы оттуда женщина, хотя номер этот четвертый по порядку в коридоре и не заметить сказанного выше нельзя. Братья Саловых еще молодые люди: старшему 37 лет, женат и имеет детей, а младшему 19 лет, и он холост.

В Черниговской епархии по инициативе попечительного о духовных нуждах своей паствы архипастыря, епископа Антония, учреждена должность противо-сектантского миссионера. Жалования назначено 1.500 руб., в том числе 300 р. разъездных.

Декабрь, книга 2-я

Премудрость созда себе **дом** и
утверди столпов седмь... Посла своя
рабы, созывающи с высоким пропо-
веданием. Прит.9:1–13.

Темже, яко же глаголет Дух Св.:
Днесь, аще глас Его услышите, не оже-
сточите сердец ваших. Евр.3:7–8.

**І. Речи Высокопреосвященного Иоанникия
Митрополита Киевского, сказанные в духовных
учебных заведениях**

а) Речь при открытии общежития для своекоштных учеников Нижегородской Духовной Семинарии, 1876 г. 12 сентября // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 69–73

Благословен Бог, благопоспешивший привести в исполнение еще одно благодетельное предприятие! Да будет благословен пред Господом Богом Благочестивейший Монарх, всемилостивейшему вниманию которого к нуждам духовенства и верховному утверждению обязано духовенство Нижегородской епархии приобретением сего здания. Всегдашняя благодарность верховному правительству церкви и посреднику между ним и Высочайшею властью, графу Димитрию Андреевичу Толстому, оказавшим значительное пособие для сего приобретения. С сердечною радостью приветствую вас, отцы и братие, с настоящим светлым торжеством.

Радость откровенна и многоглаголива. Позволяю себе высказать то, что без настоящего случая навсегда осталось бы сокровенным в глубине сердца.

Кому не известно необеспеченное состояние духовенства и скудость получаемых им средств для своего содержания? Но иное дело – знать о скудости и бедности по слуху, иное – самому на себе испытать их со всеми их тяжелыми последствиями. – Мне судил Господь последнее.

Не роскошно и не богатою обстановкой окружено было мое детство; много нужд и лишений испытал я в период моего воспитания. По собственному опыту известна мне вся непривлекательность так называемой квартирной жизни воспитанников духовно-учебных заведений. Видел я, как многие способные и даровитые воспитанники гибли нравственно среди той неприглядной обстановки, в которой они жили в период своего воспитания. Знал я немало из своих сверстников, которые единственно по недостатку каких бы то ни было, даже самых скудных, средств к своему содержанию, принуждены были прекращать свое образование, – одни не dokonчивши его, другие дошедши до половины пути, а иные и едва начавши. Было

время, когда мне самому угрожала та же опасность. Она, конечно, и постигла бы меня, если бы благопопечительное начальство, может быть даже с отступлением от правды законной, не оказало мне помощь и пособие. Все эти грустные явления, повторявшиеся ежегодно по два раза, глубоко падали на впечатлительную душу, и вот в голове, почти детской в то время, в первый раз возникает мысль о том, от чего бы не устроить дело так, чтобы все способные и желающие учиться могли беспрепятственно, неотменяемые материальными нуждами, получать образование. Как отрадны были эти юношеские мечтания! Как легко было, казалось, тогда сделать это! Самые цифровые вычисления, по-видимому, очень легко укладывались в заранее придуманные рамки. Оно и неудивительно: в 15-ть лет можно научиться хорошо считать, можно приобрести умение так сопоставлять цифры, чтобы вышел заранее предположенный результат, но едва ли возможно узнать жизнь, как она есть в действительности, и многообразные ее потребности во всей их полноте.

Юношеские мечты в свое время уступили место более серьезным размышлениям. Вопрос о средствах содержания воспитанников семинарии не имел никакого отношения к моему служебному положению.

Другие насущные потребности занимали душу и отвлекали внимание к другим вопросам жизни; но в период зрелого мужества мне снова судил Господь стать лицом к лицу к этому вопросу. Суровый опыт жизни разбил в прах радужные мечтания юности. То, что казалось в юности очень легким, потребовало целых 13-ть лет настойчивого труда, почти ни откуда не встречавшего ни поощрения, ни ободрения, и до последнего времени вызывавшего одни лишь сомнения и недоумения, пререкания и нарекания всякого рода. Теперь дни моей жизни давно уже преполовились, и видимо для всех, а еще ощутительнее для меня самого, склоняются к своему западу. Благословляю и благодарю Господа, даровавшего мне к вечеру моей жизни видеть на деле то, о чем с такой отрадою мечтал я во дни моей юности. Настоящий день один из счастливейших дней в моей жизни.

Знаю, отцы и братие, что все вы с радостью сердца и сочувствием торжествуете открытие настоящего учреждения. Законны эта радость и это сочувствие. Отселе никто из ваших детей не будет прекращать своего образования за недостатком средств содержания, отселе ни вы, ни ваши дети не будете испытывать того лихорадочного беспокойства, которое многие доселе испытывали при отправке детей из домов, ясно сознавая неотложную нужду в том или другом, и не имея возможности удовлетворить этой нужде. Но мало одного сочувствия к делу. Кому не известно, что нередко самые благодетельные учреждения, начатые, по-видимому, со всеми задатками прочного и долгого существования, быстро падают не только при изменившихся обстоятельствах и условиях, но иногда вследствие одной перемены деятелей. Достаточно одного невнимания к делу, менее того – достаточно формально-законного, но бездушного, безжизненного отношения к нему, чтобы уронить его и довести его до упадка. Если все вы вместе и каждый порознь будете смотреть на настоящее учреждение как на собственное ваше, каково оно и есть в действительности, и будете относиться к нему как к своему собственному, оно бесспорно будет утверждаться, развиваться и процветать. Если, напротив, в глазах ваших оно будет чужим для вас, и не будет, помимо вас, какой-либо сильной руки, поддерживающей его, оно незаметно, но довольно скоро может склониться к падению, и вам будет принадлежать бесславная слава его разрушения. Молю Господа, чтобы этого никогда не случилось, и твердо уповаю на милость Божию, что этого и не будет, по крайней мере на наших глазах.

Обращаюсь к вам, дети. Счастливы вы, что живете в такое время, когда на вас обращено внимание всех, и высшего правительства церковного и ближайшего начальства. Спросите отцов ваших, заботились ли о них, когда были они в вашем положении, столько, сколько заботятся о вас?... Предоставляю вам самим вывести те нравственные обязательства, которые налагает на вас эта заботливость. С своей стороны желал бы я только, чтобы вы всегда помнили и не забывали, что вы по преимуществу дети церкви. Ваши отцы и вы сами в детстве

питались от алтаря Господня; ваше первоначальное обучение и воспитание совершилось на средства церкви; ваше дальнейшее образование и содержание точно также будет совершаться на церковные средства. Закон не стесняет поприща вашей будущей деятельности, вы свободно, по влечению своего сердца, можете избирать сами поприще служения, какое кому угодно. Но на каком бы поприще не пришлось кому из вас действовать, никогда не забывайте, что вы всем обязаны церкви. Не будьте подобны тем несчастным, которые, скажу словами Св. Апостола, от нас изыдоша, но не беша от нас, которые, получивши от церкви все, чем они стали, не считают позором для себя терзать утробу возраставшей и воспитавшей их матери.

Призываю на новое учреждение всемогущее Божие благословение и молитвенно вверяю его покрову Матери Божией, всегдашней и скорой помощницы всех сущих в нуждах. В знамение и всегдашнее напоминание о сем покрове Царицы Небесной, примите, достопочтеннейший о. Ректор, от меня изображение святейшего лика Богоматери, с молитвенным желанием, чтобы вверенные вашему смотрению и руководству дети, взирая на святой лик Ее, соделывались достойными Ее небесного покровительства.

б) Речь при открытии общежития при Вифанской духовной семинарии и освящении вновь отстроенных помещений в ее зданиях, 30-го Сентября 1884 года // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 73–76

Не в первый раз имею я утешение принимать участие в торжестве, подобном настоящему; но несмотря на повторение торжество сие доставляет мне не меньшую отраду, как и совершенное в первый раз. С великою радостью приветствую вас, отцы и братие, с настоящим светлым торжеством.

Радуюсь прежде всего за вас, дети. При особенном, исключительном положении здешней семинарии вам не приходилось испытывать на себе всю непривлекательность, так называемой, квартирной жизни воспитанников духовных семинарий, как испытали в свое время мы и, может быть, многие из ваших отцов; но и помимо сего много, слишком много неудобств приходилось испытывать и вам. Когда я посетил в первый раз семинарию, я до глубины души поражен был тою крайне неприглядною обстановкой, среди которой проходила жизнь ваша. Эта обстановка живо напомнила мне то время, когда я сам был в вашем положении; наши потомки с трудом поверят этой обстановке, хотя время это и не так далеко. Теперь, благодаря внимательной заботливости высшего церковного правительства, с обновлением и расширением зданий семинарии, внешнее положение ваше уже значительно улучшилось и в будущем, надеемся, улучшится еще более.

Радуюсь не менее того и за вас, родители воспитывающихся здесь детей, и преимущественно за тех из вас, которые не обладают достаточными материальными средствами для воспитания своих детей, а таковых вероятно огромное большинство. Живо памяты мне те не легкие, а иногда и крайне тяжелые хлопоты, и беспокойства, какие испытывали наши отцы при отправлении нас в семинарию. Не много сравнительно с настоящим требовалось на наше содержание; но каких трудов стоило собрать и это не многое! Не редко один рубль

выпрашивался по копейкам у трех и более заимодавцев. Вывали случаи, что все заботы и старания отца о воспитании детей оставались безуспешны и он вынужден был прекращать образование их или по середине, или даже при самом начале его, не смотря на способности детей к учению и охоту учиться. Отныне все заботы и беспокойства о воспитании детей ваших прекращаются; все дети ваши беспрепятственно, и без всяких стеснений от материальных своих недостатков, могут получать полное образование в семинарии, лишь бы только имели способность и желание учиться, и вели себя соответственно званию воспитанника духовно-учебного заведения.

Радуюсь и за лиц, начальствующих и учащих в семинарии. Тяжелое положение – видеть действительную нужду просящего пособие и отказывать ему в этом пособии за недостатком средств. Эта-то тягота вынуждала иногда, даже с отступлением от правил формальной законности, дробить небогатое пособие, назначенное одному ученику, на двух, не удовлетворяя, конечно, вполне ни того, ни другого. Отселе вы будете свободны от этой тяготы душевной.

Позволяю себе надеяться, что с облегчением воспитания детей духовенства больше будет желающих посвящать себя непосредственному служению св. церкви, и для всех, даже самых малых приходов, можно будет находить достойных пастырей, вполне подготовленных к великому своему служению. Радуюсь потому и за всю паству Московскую, для которой в будущем готовятся достойные пастыри, – делатели искусные, непостыдные, право правящее слово истины.

Обращаюсь еще раз к вам, дети. Ваше положение, пока вы будете учиться в семинарии, обеспечено вполне; без всяких забот и беспокойств с вашей стороны, все необходимое будет готово для вас. По выходе из семинарии, закон предоставляет вам право по собственному желанию и усмотрению избирать то или другое поприще деятельности. Но на каком бы поприще ни пришлось тому или другому из вас быть деятелем, никогда не забывайте, что вы всем обязаны св. Церкви. В детстве вы, как и отцы ваши, питались от алтаря Господня; первоначальное, подготовительное к семинарии образование получили вы даром,

на средства церкви. Не платите за такую любовь и заботливость о вас св. церкви черною неблагодарностью; не будьте подобны тем, о которых св. Апостол с прискорбием писал: *от нас изыдоша, но не беша от нас.*

Призываю благословение Господа Бога и покров Пречистой Матери Его на обновленную и улучшенную семинарию. В видимое напоминание молитвенных благопожеланий моих семинарии, примите, досточтимый о. Ректор, изображение святейшего лика Богоматери с Предвечным Младенцем на руках Ее. От святой иконы Ее главным образом даются средства для воспитания здесь будущих пастырей. Да будет покров Ее выну над юношами, вверенными вашему руководству.

**в) Речь при открытии, 10 сентября 1885 года,
епархиального общежития для своекоштных
воспитанников Московской семинарии с
бесплатным их содержанием // Миссионерское
Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 76–82**

Благословен Бог, благопоспешивший распространить сей вертоград духовного просвещения до возможности собрать под криле свои всех птенцов своих, рассеянных до сего времени по всем окраинам обширного царствующего града нашего, и даровавший средства не только приютить их здесь бесплатно, но и обеспечить их полным содержанием на все время их воспитания! Да будут благословенны пред Господом Богом все содействующие сему благому делу молитвою, благотворением, личным трудом, сердечным сочувствием оному! С сердечною радостью приветствую вас, отцы, братие и дети, с настоящим светлым торжеством и благословляю, и благодарю Господа, даровавшего мне утешение еще раз принять участие в подобном торжестве.

Ближайшая цель духовно-учебных заведений воспитывать и готовить будущих пастырей Христовой Церкви. Никто, конечно, не будет спорить против той очевидной истины, что чем важнее дело или служение, к которому готовятся, тем продолжительнее и тщательнее должно быть приготовление. Немного, думаю, по крайней мере из числа верующих, найдется и таких, которые служение пастырское не признавали бы делом чрезвычайной важности. А между тем в наше время и в частных разговорах, и даже в некоторых органах печати проводится иногда мысль, что для пастыря церкви не нужно особенно глубокого и широкого образования, что для огромного большинства их, имеющего совершать служение свое среди простого народа, достаточно почти одной грамотности и так называемой начитанности в церковных книгах. Вследствие сего даже существование духовно-учебных заведений подвергают иногда вопросу, как не целесообразное. Как смотреть на это? Опыт – лучший учитель; обратимся к нему.

В глубокой древности, в бытописаниях избранного народа Божия, среди которого воздвигаемы были Богом чрезвычайные посланники, мы встречаем упоминание о *сынах пророческих* (4Цар.2). Не обинуясь скажу, что это были прототипы воспитанников наших духовно-учебных заведений. Группируясь около чрезвычайных посланников Божиих, мужей, крепких духом и твердых верою, они получали при ногах их религиозно-нравственное воспитание и, в меру сил своих проникаясь духом их, были посредниками в передаче народу воли Божией, открываемой пророкам, а некоторые и сами удостоивались непосредственных откровений от Господа. По примеру сих, не имевших, по всей вероятности, постоянной и правильной организации, училищ пророческих, в последствии времени, когда прекратились чрезвычайные посланники Божии, образовались школы, с более или менее правильною организацией, которых немало было пред пришествием на землю Господа Иисуса Христа, и в одной из которых получил образование один из первоверховных апостолов, паче всех потрудившийся во благовестии Христове.

Тоже видим и в христианской церкви. При первом распространении христианства, когда организовались христианские общины, как только открывалась возможность к тому, учреждались христианские училища. Училища эти получили еще большее развитие, когда христианская религия стала господствующей. Отступник-император хорошо понимал значение их для веры и церкви, когда, вознамерившись восстановить язычество и подавить христианство, закрывал христианские школы и издал указ, запрещающий христианам получать образование даже в языческих школах.

Тоже повторялось потом и в нашем возлюбленном отечестве. Вместе с распространением христианства стали возникать в нем в разных местах и церковные училища, как самое действительное и могущественное средство для укоренения его в умах и сердцах новопросвещенного народа. Только в години тяжких испытаний отечества, угрожавших самостоятельному существованию его, закрывались сии училища, и какими ужасными последствиями сопровождалась

такие закрытия! Было время на Руси, когда с великим трудом находили для замещения священнических должностей грамотных людей. Ужели для кого-либо, кроме злейших врагов наших, может быть желательно, чтобы и в наше время, когда прилагается столько забот о народном образовании, повторилось то же явление?

Зачем, скажут, столько льгот и преимуществ духовно-учебным заведениям, сравнительно с другими учебными заведениями? Строятся для них обширные помещения, обучаются в них бесплатно, дается даже полное содержание всем учащимся. Смотрящим таким завистливым оком на наши заведения, я укажу на факт, совершавшийся и совершающийся на наших глазах. Духовенству нашему ставили в укор кастическое устройство его. Укоризна, замечу мимоходом, не совсем основательная. Духовенство никогда не отказывалось выделять из своей среды на другие поприща государственного и общественного служения даже лучшие свои силы; равно не отказывалось принимать в свою среду лиц из других сословий, когда они заявляли желание и признавались достаточно подготовленными к служению церкви. То, что всегда делалось по обычаю, около двадцати лет назад обращено в закон.

В духовные семинарии принимаются безразлично лица всех сословий, надлежащим образом подготовленные, и пользуются там одинаковыми правами с лицами духовного происхождения, не только бесплатно получая в них образование, но и пользуясь наравне с другими так называемым казенным содержанием; по выходе же из семинарий они наравне с другими могут поступать в духовное звание; а для поступлений в высшие духовно-учебные заведения допущены даже такие льготы, каких не предоставлено духовным воспитанникам средних духовно-учебных заведений. Какой же результат этих мероприятий? Из нескольких тысяч, вышедших из духовно-учебных заведений после издания означенного закона, едва насчитывается несколько единиц, не принадлежащих по происхождению к духовному сословию. Не показывает ли это, что предполагаемые преимущества духовно-учебных заведений не настолько заманчивы, чтобы могли привлекать в них людей других

сословий? Действительно, только лукавое око может завистливо смотреть на то, что людям, подавленным крайнею нуждою, дается некое облегчение в воспитании детей их, тогда как сами они остаются под гнетом той же нужды, за неимением средств к улучшению их положения.

Отцы и братие, почтившие настоящее торжество своим участием! Вновь открываемое учреждение, подобно новонасажденному деревцу, потребует немало внимательного ухода за собою, чтобы прочно укорениться и принести вожделенные плоды во время свое. Оставленное без внимания, оно легко может зачахнуть, особенно при перемене главных деятелей, принимавших в нем участие, может незаметно изменить свой характер, а при благоприятных обстоятельствах даже дойти до совершенного разрушения. Не по силам каждого из вас поддержать его при подобных обстоятельствах; но соединенными единодушными усилиями вашими оно без особого труда может упрочиться и укорениться, если только в глазах каждого из вас оно будет вашим собственным, а не чужим для вас учреждением. Знаю, что некоторые из вас, по особому исключительному положению своему, не имеют нужды в нем. Благодаря Бога за такое исключительное положение, не забывайте, что большинство ваших собраний, поставленных в иное положение, но солидарных с вами и по происхождению, и по воспитанию, и по роду служения, крайне нуждаются в нем для воспитания своих детей.

Обращаюсь к вам, дети. Отселе вы свободны будете от всех, часто мелочных, но всегда крайне тяжелых, заботь и беспокойств о своем содержании. Все необходимое готово будет для вас без вашего труда. Начальствующие и учащие в праве после сего ожидать от вас сугубого рвения к разумному усвоению преподаваемого вам учения и соответствующего сему учению поведения. Позволяю себе надеяться, что подобные ожидания будут не напрасны. С своей стороны я желал бы, чтобы вы всегда с должною признательностью помнили, что и образованием, и воспитанием, и содержанием своим вы вполне и всецело обязаны св. Церкви.

На щедроты от иконы Пречистой Матери Господа распространении здания семинарии до возможности вмещать в себе всех учащихся. Молитвенно призываю покров Царицы небесной на начальствующих, учащихся и учащихся в ней. Во всегдашнее напоминание о том, чтобы ходить достойно сего небесного покрова, примите, досточтимый о. Ректор, от меня изображение святейшего лика Богоматери.

II. Певницкий В.Ф., проф. акад. Как нужно относиться верующим к людям, заблуждающимся? (Увещание св. Иоанна Златоуста).¹⁷⁹ // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 727–728

Увещаю всех вас стараться по силам вашим врачевать заблуждающихся, как впадших в болезнь, беседуя с ними снисходительно и кротко. Их учение произошло у них от безумия, и велика надменность их ума; а воспалившиеся раны не выносят наложения руки и не терпят крепкого прикосновения. Посему благоразумные врачи оттирают такие раны какою-нибудь мягкой губкой. И так, если и в душе заблуждающих есть воспалившаяся рана, то мы, собрав все, известное нам, как бы напоив какую-нибудь нужную губку приятною и нужною водою, постараемся успокоить их воспаление и уничтожить всю надменность; и, хотя бы они оскорбляли, хотя бы отталкивали, хотя бы плевали, и чтобы ни делали, ты, возлюбленный, не прекращай врачевания. Врачуящим человека сумасшедшего необходимо терпеть много подобного, и не смотря на все то отступать не следует, но поэтому особенно и нужно сокрушаться о них и плакать, что таков род их болезни.

Это говорю я тем, которые более сильны и тверды и не могут получить никакого вреда от сообщения с больными. А кто более слаб, тот пусть избегает их сообщества, пусть удаляется от разговоров с ними, чтобы дружественное отношение не послужило поводом к нечестию. Так поступил и Павел; сам обращался с больными и говорил: *бых иудеем, яко иудей, беззаконным, яко беззаконен (1Кор.9:20–21)*; а учеников и более слабых отклонял от этого, увещая и научая так: *тлят обычаи благи беседы злы (1Кор.15:33)*, и еще: *изыдите от среды их и отлучится, глаголет Господь (2Кор.6:17)*. Если врач приходит к больному, то часто приносит пользу и ему, и самому себе; а несведущий, обращаясь с больным, вредить и самому себе и больному; больному он не может доставить никакой пользы, а самому себе причинить большой вред от болезни. Чему подвергаются те, которые смотрят на больных глазами,

заражаясь от них этою болезнью, то же испытывают и вступающие в общение с богохульниками; если сами они слабы, то могут усвоить себе великую часть их нечестия. И так, чтобы нам не причинить себе величайшего вреда, будем избегать их сообщества, будем только молить и просить человеколюбивого Бога, *уже всем человекам хочет спастися и в разум истины прийти* (1Тим.11:4), да избавит их от заблуждения и диавольской сети и приведет к свету познания, к Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа.

**III. Рыбинский В.П., доцент, акад. Для спасения
необходима не только вера, но и дела.
(Святоотеческие наставления). // Миссионерское
Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 728–730**

Ни одно дело не может быть совершено надлежащим образом без благочестивой веры во Христа (св. Василий Великий). Вера не только не излишня, но так необходима, что без нее невозможно спастись (св. Иоанн Злат.). Исповедуй Иисуса Христа и веруй, что Он воскрешен из мертвых, и ты спасешься (св. Григорий Богослов). Вера имеет такую силу, что не один только верующий спасается, но спасаются и другие за веру других. Муж верный есть нечто великое; он богаче всякого богатого... И не у нас только одних, носящих на себе имя Христово, достоинство веры велико, но и все, что совершается в мире, даже теми, которые чужды Церкви, совершается верою. Верою держится и земледелие. Кто не верит, что получит плод, тот не станет переносить труды. По вере люди пускаются в море; вверив себя малому древу, самую твердую из стихий землю меняют на непостоянное стремление волн, неизвестным предаваясь надеждам и имея только веру, которая для них надежнее всякого якоря. Поэтому верою держится большая часть дел человеческих, и в этом, как сказано, уверены не мы одни, но и те, которые вне Церкви... Если соблюдаем веру, то будем не осуждены и украсимся добродетелями всякого рода. Ибо вера так сильна, что делает людей легкими, и могут они ходить по морю. Петр был подобный нам из плоти и крови человек, поддерживающий жизнь такую же, как и мы пищей; но сказал Иисус: *прииди*, и он, уверовав, *хождаше по водам* (Мф.14:29), потому что для него вера была на водах надежнее всякой опоры, и тяжелое тело возносилось вверх легкостью веры. Но пока он веровал, дотоле безопасно шел по водам, а как скоро поколебался в вере, начал утонуть... Вера имеет даже столько силы, что спасается не один только верующий, но по вере одних спасались другие. (Св. Кирилл Иерусал.).

Итак, что нам делать, братья? Отстать ли от добрых дел и любви? Отнюдь нет, не дай Господь, чтобы это случилось с нами; со всем усилием и готовностью поспешим совершать всякое доброе дело. (Св. Климент Рим.). Вера для спасения недостаточна: нам нужна не одна вера, но и добрая деятельность (Блаж. Феодорит). Не думай, что одна вера сможет спасти тебя, потому что вера требует согласных с нею дел, без которых спастись невозможно (св. Исидор Пелусиот). Без дел вера мертва, равно как и дела без веры: истинная вера и сказывается в делах (св. Иоанн Дамаск.). Добрый работник смело получает хлеб за труд свой; нерадивый же и беспечный не смеет и взглянуть на нанявшего его. И нам подлежит быть ревностными в добродетели... Мы не должны довольствоваться только тем, чтобы называть его Господом: сие не спасет нас, потому что Он Сам говорил: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, спасется, но творяй правду* (Мф.7:21) (св. Климент Римский), Умоляю вас: будем прилагать великое старание о том, чтобы нам пребывать твердыми в истинной вере и вести жизнь добродетельную. Ибо, если мы с верою не соединим достойной жизни, то подвергнемся жесточайшему наказанию... И Сам Христос в Евангелии подтвердил то же, когда сказал, что некоторые люди, изгонявшие бесов и пророчествовавшие, осуждены будут на казнь. Да и все притчи Его, как то: притча о девах, о неводе, о тернии, о древе, не приносящем плода, требуют, чтобы мы были добродетельны на деле... И что я говорю о совершенном пренебрежении добродетели? Даже нерадение о малейшей части оно подвергает великим бедствиям. Так небрежение о подаении милостыни ввергает небрежущего о семь в геенну... Я еще гораздо более скажу: не только пренебрежение одной какой-либо добродетели заключает для нас небо; но хотя бы мы и исполнили оную, но не с должным тщанием и ревностью, и это производит такие же последствия. Ни крещение, ни отпущение грехов, ни знание, ни участие в таинствах, ни священная трапеза, ни вкушение тела (Господня), ни приобщение крови и ничто другое не сможет принести нам пользы, если мы не будем иметь жизни правой и чистой от всякого греха (св. Иоанн Златоуст).

**IV. Кохомский С.В. Библейские изречения,
относящиеся к учению о крещении детей. //**
Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С.
731–739

Посылая апостолов на проповедь, Господь сказал им: проповедите евангелие всей твари: *уже веру имеет и крестится, спасен будет, а уже не имеет веры осужден будет* (Мк.16:15–16). Слышите, говорят нам штундисты, – для принятия крещения нужно сначала воспринять веру; младенцы не способны воспринять веры, след., не должны принимать и крещения. Но тогда, значит, младенцы обречены Господом на осуждение, на вечную смерть, на геенское мучение, как не восприявшие веры. Большая часть младенцев умирает, не достигши того возраста, в котором штундисты и баптисты считают человека способным к вере. Какое же множество осужденных и погибающих происходит отсюда? А пророк Исаия сказал о Господе нашем Иисусе Христе, что Он утешит имущих в утробе женщин (40:11), утешит, конечно, тем, что они, по силе заслуг Христовых, будут рождать детей не для вечной гибели, а для вечной жизни. Какое может быть туг утешение, если величайшее множество рождаемых, едва оставив мрак утробы, погружаются во мрак ада, не достигнув возраста до степени веры, необходимой для крещения? так следует по учению штундистов, лишаящих детский возраст спасительных таинств... Спросим потом: сообразно ли не только с милосердием, но и с правосудием Божиим обречать на вечное осуждение ребенка, который проповеди не прекословил, который если и не воспринял веры, то и не отвергал ее? Конечно, несообразно, Господь не осудит ни в чем неповинных детей. Но если Он их не осудит, не отвергнет от Себя, то как смеешь ты, штундист, осуждать их на лишение таинства, которое положил Господь в Церкви своей, как необходимое условие для спасения всех?

Теперь рассмотрим, действительно ли младенец не способен ни к какой вере. Есть вера от слуха, от слышания проповеди, и есть вера другая, которая не от слышания, – не от

проповеди. Апостол говорит: «как призывать Того, в кого не уверовали? как веровать в Того, о ком не слыхали? как слышать без проповедующего? как проповедовать, если не будут посланы» (Рим.10:14–15)? Здесь разумеется вера, рождающаяся от слышания (ср. ст. 17), зависящая от прихода посланных Богом проповедников. К такой вере детский возраст действительно неспособен, потому что не способен разумеать проповеди, еще не знает языка человеческого, не может принимать и усваивать понятий от других людей. Но есть, как мы сказали, другая вера, которая рождается не от слуха, а от тайного влечения природы человека, созданного по Богу, особенно же от сокровенного благодатного действия Божия на эту природу, и к этой вере дети, даже утробные младенцы, оказываются, по учению Писания, совершенно способными. Так Псалмопевец говорил: *Ты еси исторгий мя из чрева, упование мое от сосцу матери млея. К Тебе при вержен есмь от ложеся* (от утробы матери), *от чрева матери млея, Бог мой еси Ты* (Пс.21:10–11). Здесь Псалмопевец исповедует, что он имел упование на Бога тогда, когда еще сосал грудь матери, имел приверженность к Богу тогда, когда еще только рождался (исходил из утробы). В другом месте Давид говорит: *из уст младенца и ссущих* (грудных детей) *совершил еси хвалу* (Пс.8:3). Итак, грудные дети, питающиеся молоком матери, могут, по учению Писания иметь к Богу приверженность и упование и воздавать Ему хвалу, а все это разве не составляет веры? Откуда возникает такая вера? Конечно, не от человеческого научения или проповедания, но или от естественного внутреннего влечения, по которому дитя, как создание Божие, естественно обращается и устремляется к своему Творцу, как растения к солнечному свету, или от действия благодати Божьей. О пророке Иеремии говорить Сам Бог: «прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер.1:5). Об Иоанне Крестителе говорится ангелом: «Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей» (Лк.1:15). И, действительно, когда к Елизавете, носившей в чреве Иоанна, пришла Пресвятая Дева, носившая в утробе Христа, то младенец Елизаветы «взыграл радостью во чреве» матери своей (44), проявил игранием ту радость о Господе, которую

потом он выражал словами: «друг жениха – радостью радуется, слыша голос жениха: сия то радость моя исполнилась» (Ин.3:29).

Правда, дети не способны к вере от слышания, но они способны к вере, рождающейся от естественного влечения к Богу или от сверхъестественного действия Духа Божья. А из этого следует, что и они заслуживают соединения со Христом и Церковью, яже есть Тело Его. Посему-то Христос Спаситель, когда к Нему приносили детей и когда ученики Его не допускали их, и сказал: *оставите детей приходить ко Мне, и не браните им; тацех бо есть царствие Божие* (Мк.10:13–14; Мф.19:13–14; Лк.18:16). Здесь мы обратим внимание на следующие вопросы: по какому побуждению ученики Христовы запрещали приносить ко Христу младенцев? Вероятно, по тому что Ему, как им казалось, достаточно было труда со взрослыми; а младенцев можно было оставить, как не стоящих внимания по возрасту, и ни к чему еще не способных по неразумию и бессилью. Чем же отвечает на это Господь? Он негодует на учеников, по словам Ев. Марка; Он говорит, чтобы не препятствовали детям приходить к Нему. Замечательно, что евангелист говорит: приносили детей (Мк.10:13), а Господь говорит, что дети приходят к Нему (у всех евв.). Евангелист выражается так, имея в виду телесную слабость младенцев, вследствие которой они были приносимы родителями на руках, а Господь как бы исправляет такое выражение, имея в виду их духовное влечение к Нему, вследствие которого они как бы приводятся собственным желанием ко Христу. Далее Он говорит, что они не только не чужды Царству небесному, Царству Божию, но по преимуществу достойны его, конечно, вследствие своего простосердечия, кротости и покорности. А между тем, по слову Самого Христа, никто не может видеть Царства Божия, не родившись от воды и от Духа (Ин.3:5). Запрещение крестить младенцев противоречит или тем словам Христа, что таковых есть Царствие Божие, или тем, что Царствия Божия нельзя видеть, не приняв нового рождения от воды и от Духа.

Говорят, что дети неразумны и бессловесны, неспособны ни воспринять веры (от слуха), ни исповедовать ее. Но в Церкви

Христовой на земле и вообще нет людей совершенных: один разумен, да горд; другой неразумен, хотя кроток и смирен сердцем. Если каждого отстранять от Церкви за тот недостаток, или несовершенство, которые ему свойственны, то Церковь Христова и не будет Церковью спасаемых. Но для того Господь и повелел спасаться в Церкви, чтобы в ее общении недостатки одних восполнялись достоинствами других, бессилие слабых силою крепких, неразумие детей разумом тех, кто их воспитывает, и кто пред купелью крещения исповедует за них Христа. Штундисты не хотят понять, как ради исповедания взрослых (восприемников) неразумные и бессловесные дети могут делаться причастниками Царствия Божия и вечной жизни. А как же, спросим мы у них, Ниневия, град великий, из-за того (между прочим) пощажен был Господом, что в нем было больше ста двадцати тысяч людей, которые не умели отличить правой руки от левой, т.е. младенцев? Если праведно было из-за неразумия и незлобия младенцев избавить от истребления их родителей, покровителей и сожителей, то почему же несправедливо ради разумения и исповедания веры взрослыми вводить младенцев в царство возлюбившего их Христа?

Необходимость крещения младенцев усматривается из того, что, по словам Христа, *рожденное от плоти плоть есть* (Ин.3:6), из того, далее, что по словам Апостола, *плоть и кровь царствия Божия наследити не могут* (1Кор.15:50), а между тем Господь не отгоняет от Себя детей, напротив негодует на отгоняющих и говорит о младенцах: *таковых есть царствие Божье*. Пусть же дети, возрождаясь от Духа к жизни духовной, делаются наследниками Царствия Божия (т.е. Церкви, сначала земной, а потом небесной), куда зовет их Христос.

Штундисты говорят, что христианские дети не нуждаются в крещении, так как они родились от родителей, освященных верою и таинствами, не успели совершить и собственных грехов и потому не имеют потребности в очищении. В подтверждение этого они ссылаются на слова Апостола: *святится жена неверна о мужи верне: иначе бо чада ваша нечиста были бы, ныне же свята суть* (1Кор.7:14). Но святость или чистота, которую приписывает Апостол детям, рожденным от брака

верующей жены с неверующим мужем, совсем не такова, чтобы вследствие ее этим детям не нужно было крещения. Это – та же святость, которая сообщается мужу неверующему от жены верующей, и о которой Апостол выражается так: «неверующий муж освящается женою верующею». Нельзя сказать, что вследствие такой святости язычнику мужу, имеющему жену христианку, совсем не нужно крещения, что он чрез одно сожитие с верующей женою и возродился, и очистился, и освятился. Если бы мы сказали это, то у нас вышло бы, что достаточно одному члену семейства уверовать и креститься, чтобы и все прочие члены семейства спаслись. Однако нас спросят: какую же святость или чистоту приписывает Апостол и мужу-язычнику, и детям его, рожденным от жены христианки? Ответим на это так: по силе брачного союза муж и жена составляют *едину плоть*, единого человека (Быт.2:24); невозможно представить, чтобы благодатствованная жена не сообщала известной святости тому, с кем она образует *едину плоть*; но это освящение простирается лишь на столько, чтобы брак их был честен, ложе нескверно (Евр.13:4), чтобы замужество с неверующим не оскверняло верующей жены, а не настолько, чтобы мужу не нужно было самому заботиться о своем спасении и пользоваться для сего богодарованными средствами. Подобно сему – и о детях. Они также имеют с родителями одно бытие, одну жизнь. Невозможно, чтобы им не сообщалась чистота и святость родителей, исполненных благодатного освящения. Но как далеко простирается эта чистота или святость? Не так, чтобы детям не нужно было крещения, а так, чтобы рождение их не бесчестило родившую (или родившего), как плод сожития незаконного, и не оскверняло ее. – Ты говоришь: Апостол назвал детей чистыми и святыми, и посему они получают вечную жизнь и без крещения. Но в Ветхом Завете чистыми назывались волы, козлы, голуби и горлицы (Быт.7:2–3), святыми назывались овцы (Иез.36:37) и все первородные от человека до скота (Лк.2:23; Исх.13:2). Что означала их чистота и святость? То, что они были или предъизбраны для жертвоприношений или, вообще, посвящены Богу (почему и сказано было: *освяти Мне всякого первенца от человека до скота, яко Мне есть*, (Исх.13:2). Точно

также и муж христианки, хотя был еще язычником, уже чрез самое супружество с верующею женою предъизбирался для Христа и Церкви; точно также и дитя, рожденное от жены, облагодатствованной Духом Святым, предъизбирается для просвещения верою и таинственного обновления. В этом предъизбрании их для Христа и состоит их святость и чистота.

Для выяснения штундистам гл. (1Кор.7:14) особенно важны слова того же Апостола в послании (Рим.11:16): «если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви». Кто разумеется здесь под корнем? Конечно, святые патриархи израильского народа. Кто же разумеется под ветвями? Ниже говорится, что некоторые ветви отломились (ст. 17), отломились неверием (ст. 20), далее, – что «ожесточение произошло в Израиле отчасти до времени, пока войдет полное число язычников» (ст. 25). Итак, под ветвями, отломившимися, разумеется ожесточившийся против Христа современный Израиль: ветви святого корня суть современные потомки святых патриархов. В каком же смысле они называются святыми, когда большинство из них даже не веруют во Христа? Они называются, кроме того, еще естественными, природными ветвями (ст. 21 и 24), а христианин из язычников, к которому обращается здесь Апостол, называется «дикой маслиной» (ст. 17 и 24). Понятия: «святое», «природное» и «дикое» должны здесь объясняться одно другим. Язычники называются дикими, потому что они не предуготовлялись особенным образом ко спасению (хотя и получают его); иудеи называются и природными ветвями, и святыми потому что они и предназначались, и предуготовлялись ко спасению самым происхождением своим (хотя и не получают спасения, потому что отвергают предлагаемые им спасительные средства). Наименование их святыми при их неверии и ожесточении напоминает наименование их у Христа сынами царствия, которые, однако будут изгнаны во тьму кромешную (Маф.8:12). – Точно также чада верующих родителей чисты и святы в самом рождении как потому, что своим рождением не бесчестят родивших, так еще более и потому, что предназначаются или предъизбираются для просвещения крещением.

Спросят: как могут быть дети нечисты, когда они рождены от чистых родителей, как может греховное рождаться от освященного? Отвечаем: родитель сообщает своему дитяти не свою личную жизнь, но жизнь всего рода, к которому причисляются все предки и родоначальник Адам. Уже в чертах лица у младенца усматривают сходство не только с родителем, но с дедом и с другими родичами. Ясно, что младенцу сообщена жизнь рода. А между тем освящение, полученное родителем-христианином, не простирается на род и на родовую жизнь, и ограничивается в своем действии только личной жизнью родителя. Проще говоря: крещение (как и прочая таинства), совершенное надо мною, очистило и осватило только меня, но не коснулось моих предков и родоначальника Адама; поэтому, сообщая своему сыну их жизнь (жизнь рода), я сообщу ему и ветхого человека, ветхого Адама, который должен в нем истлеть от действия благодати на него самого и от его собственных усилий. Святой человек, освобожденный от первородного греха, рождает, однако сына в первородном грехе, потому что сообщает ему не свою личную (святую) жизнь, но жизнь, унаследованную от рода, а об этом роде сказано: «каков перстный, таковы и перстные (каков Адам, таковы и все происшедшие от него» (1Кор.15:48).

Что крещение совершалось в апостольской Церкви и над детьми, это всего лучше усматривается из сопоставления двух обстоятельств: из того, что апостольским собором (Деян.15) была отменена обязательность для христианских детей восьмидневного обрезания, – и из того, что по учению ап. Павла крещение есть «обрезание Христово» (Кол.2:11–12). Если бы это Христово обрезание отлагалось для детей до совершенного возраста, то они в течение многих лет оставались бы и вне Нового Завета, и вне Ветхого. Они были бы вне Нового Завета, так как вступление в него невозможно без крещения; они были бы и вне Ветхого Завета, подпадая такому осуждению: *уже не обрежет плоти крайняя своя в день осьмый, погубится душа та от рода своего: яко завет Мой разори* (Быт.17:14). Оставлять детей в таком положении было ни с чем не сообразно. Нимало не вероятно, чтобы апостолы могли

допускать такую несообразность, особенно в виду их учения, что крещение есть обрезание Христово.

С. Кохомский

**У. Клитин А., свящ. Основание Иисусом Христом
Церкви на земле.¹⁸⁰ (Апологетическое
внебогослужебное чтение). // Миссионерское
Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 739–752**

Около 2000 лет тому назад великая радость была возвещена людям. Сын Божий – Бог – Слово явился во плоти! Борь Слово стал плотью и обитал с нами и мы видели славу Его как Единородного от Отца (Ин.1:14). Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Ин.3:16). И вот, отверзлись небеса, и ангелы Божии восходили и нисходили к Сыну Человеческому (Ин.1:51), посылаемые на служение для всех, желающих наследовать спасение (Евр.1:14). Небо, объяввшее землю, – люди, идущие в приблизившееся к ним царствие Божие, – все силы небесные, радующиеся о спасении грешников (Лк.15:7, 10) – какое открылось величественное общение жизни и славы, любви и мира на небе и на земле!

Отселе началась новая жизнь людей. Сын Божий возвестил новое учение, которого люди прежде не знали, – показал знамения, каких прежде они не видели, – и Своими страданиями и Крестною Смертью дал людям новые силы, каких до этого они не могли иметь, – и таким образом основал на земле новозаветную Церковь Божию. Выступая среди иудеев на дело спасения людей, Господь сказал в Назаретской синагоге: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господнее благоприятное (Лк.4:18–19). И стал Сын Божий Господь наш Иисус Христос ходить по грешной земле, проповедуя евангелие Царствия Божия: «покайтесь и веруйте во Евангелие (Мф.4:17; Мр.1:14–15), – и стань звать к Себе народ, говоря: «приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим»

(Мф.11:28); любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас (Мф.5:44). Заповедь новую, говорил Он, даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин.13:34–35). Нет большей той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин.15:13). И, Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшего (Мф.18:11; Лк.9:56), – пришел, чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф.20:28). Но Мое учение – не Мое, но пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю» (Ин.7:16–17; 12:49; 14:10). И проходил Господь по городам и селениям, – и собралось многое множество народа и из всех городов жители сходились к Нему (Лк.8:4; Мф.8:1). И дивились все учению Его, спрашивая друг друга: «что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему» (Мк.1:27), и свидетельствовали все, что «никогда человек не говорил так, как этот человек» (Ин.7:46). В то же время все видели и слышали, что слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют» (Мф.5:30–31; Лк.7:22), – и страх всех объял и славили Бога, говоря: «великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой» (Лк.7:16); многие же говорили: «когда придет Христос, неужели сотворить больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?» (Ин.7:31), а самаряне свидетельствовали: «мы сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира – Христос» (Ин.4:42).

Так Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, Своим благовестием и Своими чудесами созидал в народе веру в Свое Божественное посланничество, в Свое Божество. «Я не от человека, говорил Он, принимаю свидетельство, но говорю это вам для того, чтобы вы спаслись. Дела, которые дал Мне Отец совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня» (Ин.5:34–36). «Царство Мое не от мира сего, Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; и всякий, кто от истины, слушает

гласа Моего» (Ин.18:36–37). И многие из народа и из начальников послушали гласа Его и уверовали в Него, так что первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: «что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него (Ин.7:31; 8:28; 11:47–48; 12:42).

Действительно, Церковь Божия – общество верующих в Господа и Спасителя нашего все более и более возрастало. Но никто другой не мог основать и создать именно такого общества, именно такой Церкви, как только Сам Сын Божий, сшедший с небес, потому, что никто не мог дать такого полного и совершенного о спасении людей откровения воли Божией, как Сын Божий. «Все предано Мне Отцем Моим, говорил Господь, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф.11:27). И никто другой не мог творить таких дел, какие творил Сын Божий. «Что творит Отец, то и Сын творит также. Ибо как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Ибо Отец и не судит никого, но суд весь отдал Сыну (Ин.5:19–22). По сему, никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин.14:6), говорит Иисус Христос. Следовательно, никто не может положить другого основания для Церкви спасаемых, кроме положенного, которое есть Иисус Христос (1Кор.3:11). Один Ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус, предавшей Себя для искупления всех (1Тим.2:5–6). Он не только сообщил нам Божественное учение, сотворил среди нас спасительные знамения, но и открыл волю Божию о спасении людей смертью Единородного Сына Божия. Своими страданиями, Своим Крестом, Своею Кровью Он привлек к Себе создаваемую Им Церковь, – общество верующих во Имя Его: «когда вознесен буду от земли, т.е. так, как Моисей вознес змию в пустыне (Ин.3:14), или, когда буду распят, говорит Он, всех привлеку к Себе» (Ин.12:32). Кровью Своею Он приобрел Себе Церковь (Деян.20:28), чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна или порока, или чего либо подобного, но чтобы она была свята и непорочна (Еф.5:27). Потому-то часто Он напоминал и ученикам, и народу, что должно Ему много пострадать от старейшин и первосвященников, и книжников и быть убиту и в третий день

воскреснуть (Мф.16:21; 17:23; 20:18, 19 др.). «Но Я отдаю жизнь Мою, говорит Он, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня; но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее, и власть имею опять принять ее» (Ин.10:17, 18).

«Я хлеб живой, сказал Он иудеям, – сшедший с небес. Ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. Когда же иудеи стали спорить, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою, то Иисус Христос сказал им: «истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин.6:51–54). «А когда вознесение Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я, и что ничего не делаю от Себя; но как научил Меня Отец Мой, так и говорю» (Ин.8:28). Итак, в смерти Сына Человеческого и в ядении Плоти Его и питии Крови Его состоит величайшее, новое, доселе неизвестное миру, таинство единения верующих со Христом и вечной жизнью блаженства, – таинство освящения и избавлении их от грехов их. На последней же вечери Своей с учениками Он показал им, как должно совершать это Причащение Плоти и Крови Сына Человеческого, – и, подавая чашу, сказал: «сия чаша есть новый завет в Моей крови, которая за вас проливается» (Мф.26:27–28; Лк.22:19–20). В Ветхом Завете было указано, что кровью жертв даровалось прощение грехов (Чис.15:20–25; Лев.16–21...), – и ап. Павел говорит, что без пролития крови не бывает прощения (Евр.9:22). Таким образом, слова Христа Спасителя означают, что Он – жертва за грехи людей и проливает Кровь Свою, чтобы грехи других были оставлены без наказания. Поэтому апостолы и говорят, что «Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха» (1Ин.1:7), что «Он предан был за грехи наши» (Рим.5:25).

В Своем же воскресении из мертвых Господь дал нам удостоверение, что Он страдал и умер за наши грехи, и что Его страдания и смерть спасительны для нас и искупительны от всякого греха. «Если Христос не воскрес, то и вера наша тщетна, говорит Апостол коринфянам; вы еще во грехах... Если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех

человек. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1Кор.15:17–20).

Вот каким образом Господь создал в сердцах людей царствие Божие, вот как Он освятил их и очистил от грехов, создавши в них веру в Себя и привлекая всех к Себе.

Но Господу было не угодно оставить верующих во имя Его не собранными, рассеянными, ибо на то не было воли Отца, пославшего Его. «Отче, молился Он, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино: да уверует мир, что Ты послал Меня (Ин.17:21). Итак, все верующие должны быть собраны во едино, представляя этим отобраз Божественной жизни. Если же Господь сказал, что где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреде их (Мф.18:20), то Он сказал это не с тем, чтобы эти двое или трое отделялись от всех. Ибо Он Сам указал нам: «если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там, не верьте; ибо восстанут лже-христы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Если скажут вам: вот Христос – в пустыне, – не выходите; вот Он в потаенных комнатах, – не верьте» (Мф.24:23–26). Посему, если Господь говорит: «когда ты молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь, помолись Отцу твоему, который втайне (Мф.6:6), то Он не говорит этим, что Христос только в потаенных комнатах, но предостерегает нас от лицемеров, которые молятся Богу напоказ людям, а не по влечению сердца своего к Богу. Итак, не было воли Отца небесного, чтобы люди разделились на двое или трое, или запирались бы только в потаенные комнаты. «Да будут, говорил Господь, все едино, как Ты, Отче, во Мне!». Вот воля Отца небесного!

Эту волю пославшего Его Отца Господь Иисус Христос и исполнил, когда избрал из среды учеников Своих сначала 12-ть, а затем 70, для распространения благовестия и утверждения царствия Божия на земле (Мф.10; Лк.10), и приготовил их к этой деятельности особыми наставлениями, показывая им, что они – особо избранные Им из среды общества люди и для особых целей. Этим Господь положил первое начало собранию, устройству Церкви верующих во Имя Его. «Не вы Меня избрали,

а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли и принесли плод»: говорил Он Своим ученикам (Ин.15:16). «Позвал Господь к Себе, кого Сам хотел, и пришли к Нему», замечает евангелист Марк (Мр.3:13–14). В этой Церкви Своей или в этом первообразованном обществе, а именно двенадцати Своих учеников, Господь установил таинства, из которых мы упомянем: таинство *покаяния* (18:18), которое подтвердил и по воскресении Своем, сказавши: «приимите Духа Святаго; кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин.20:22–23), – и таинство св. Причащения на последней Своей вечери с учениками (Мф.26:26–28; Мк.14:22–24). По воскресении же Своем явившись ученикам при море Тивериадском, трикратно повелевал ап. Петру пасти овец Его, давая ему этим власть управления над верующими (Ин.21:15–17). А явившись ученикам на горе Галилейской, сказал им: «дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Св. Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам. И се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф.28:15–20).

Таким образом, Господь только тем, которых Сам избрал из среды верующих, т.е. апостолам, дал право научать все народы Его учению, установил, как и другие, таинство крещения для вновь вступающих в общество верующих в Него и, наконец, завещал им учить других соблюдать все, что Он повелел им. «Слушающий вас, Меня слушает, сказал Господь, и отвергающий вас, Меня отвергается; а отвергающийся Меня – отвергается пославшего Меня» (Лк.10:16). И этим указал, что Церкви Его есть те, которых должно слушаться, как Самого Господа, – и есть те, которые должны слушаться, т.е. пастыри и пасомые. В течение 40 дней Господь являлся ученикам Своим и беседовал с ними об устройении царствия Божия на земле (Деян.1:3). А потому все, что передали нам Апостолы, есть несомненно то, что говорил им и о чем дал повеление Сам Господь Иисус Христос. Поэтому то так и сказал ап. Павел христианам: «если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, анафема да будет» (Гал.1:8). Так

строго Апостолы относились к благовествованию и заповедям Божиим.

Облеченные силою свыше, апостолы со многими знамениями, с помощью Божией, проповедовали Слово Божие (Мк.16:20), основали многие церкви (1Кор.1:2) и заповедали верующим не оставлять собрания своего под опасением отлучения от Церкви и вечной гибели (Евр.10:25). Данную же им от Господа власть – учить, священнодействовать и управлять они передали своим преемникам – епископам, из которых известны: Климент, епископ Римской Церкви, Марки, епископ Александрийской Церкви, Симеон – еп. Иерусалимской Церкви, Тит – Критской и Тимофей – Ефесский.

Таким образом составленное и так устроенное общество верующих во Христа и составляет ту Церковь Божию, о которой Господь Иисус Христос сказал: созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее (Мф.16:18). Этой именно Церкви Он дал власть суда над всеми согрешающими членами ее: если брат твой не слушает тебя или других двух, или трех свидетелей, скажи Церкви; а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (Мф.18:15–17), т.е. прекрати с ним всякое общение. Ясно, что Господь представляет нам Церковь Свою уже существующую и действующую. Такого же характера устройство Своей Церкви Иисус Христос изобразил нам и в притче о добром Пастыре. Я есмь Пастырь добрый, говорил Он, и знаю Моих, и Мои знают Меня. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышать глас Мой, и будет одно стадо и один Пастырь (Ин.10:14–16).

Святые Апостолы так и учили, что Сам Господь основал Церковь Свою, что Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова (Еф.4:11–12); поэтому Иисуса Христа они называли краеугольным камнем Церкви (Еф.2:19–20) – себя же самих только служителями и строителями таин Божиих (1Кор.4:1), которые во всем соблюдали повеления Господни, а, следовательно, и в устройении Церкви Божией. «Для того я и

оставил тебя в Крите, писал ап. Павел Титу, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем годам пресвитеров, как я тебе приказывал» (Тит.1:5). «Рук ни на кого не возлагай поспешно» (1Тим.6–22), писал тот же Апостол епископу Тимофею. Очевидно, что священные руководители общества избирались и поставлялись не обществом верующих, а самоличной властью Апостолов, как строителей таин Божиих, каковую власть они получили от Бога и Христа Его и передавали ее своими преемникам – епископам. Так строилась Церковь Бога живого, столп и утверждение истины (1Тим.3:15) – Церковь, которая и доныне со всеми апостольскими установлениями и заветами пребывает в Греко-восточной и Русской Православной Церкви.

Свои отношения к Церкви, или Свой союз с Церковью, Божественный Основатель ее Господь наш Иисус Христос изображал то под видом отношения Пастыря к стаду (Ин.10:14), то под видом связи виноградной Лозы с ветвями (Ин.15:1–5), то под видом Жениха и Невесты (Лк.5:33–35; Мф.25:1–13). Апостолы же, имея в виду единение верующих с Христом в таинстве св. Причащения, изображали отношение Господа Христа к верующим так, как в живом организме, или теле, глава относится к остальным членам тела. Такими образом, Церковь есть тело Господа, а Он есть Глава Ее. Так ап. Павел и учит, что Бог поставил Господа Иисуса Христа выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его (Еф.1:22–23). Глава есть Христос, из Которого все, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно-скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя и любви (Еф.4:15–16). Христос – глава Церкви и Он есть Спаситель тела (Еф.5:23). Как невидимая, истинная глава Церкви, Господь Иисус Христос держит кормило правления Церкви и, оживляя ее спасительною благодатью Св. Духа, соединяет всех членов Церкви союзом любви, веры и надежды. Это оживление тела Церкви, и происходит в таинстве Св. Причащения. «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь, во Мне пребывает и Я в нем» (Ин.6:56): говорит Господь. «Один хлеб, и мы многие одно тело: ибо все причащаемся от одного хлеба»,

говорит ап. Павел (1Кор.10:16–17). Итак, в Св. Причащении все мы становимся одно со Христом, одним телом с Ним, а Он – нашей Главой. И уже «не я живу, говорит Апостол, но живет во мне Христос» (Гал.2:20).

Господь Глава Церкви, а Церковь – тело Его, то Церковь повинуетя Господу (Еф.5:23). Тело же не из одного члена, а из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Поэтому, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь члены» (1Кор.12:14, 15, 21, 26, 27): поучал так Апостол Коринфских христиан. Итак, никто сам по себе не может отделяться от Церкви, как и член тела сам по себе не отделяется от тела. И если Тот, от Кого все тело растет возрастом Божиим (Кол.2:18) не устроил тебя оком или устами сего тела, не присвоив себе особенных обязанностей сих членов. Берегись, чтобы не явиться делателем, которого не посылал Господь в виноград свой (Филарет. Москов.).

Если Христос – Глава Церкви, а Он есть Сын Божий, Богочеловек, исполненный благодати и истины (Ин.1:14–17), то Он и Церковь – тело Свое – исполняет благодатью Св. Духа. Это видно и из того, что Он Сам обещал пребыть вечно в Церкви (Мф.18:20) и обещал послать Духа Утешителя (Ин.15:26; 14:16–18). Которого действительно и послал Своей Церкви. Дух Снятый и поставляет пастырей Церкви. Поэтому Ефесским пресвитерам ап. Павел и говорил, что вас Дух Святой поставил блюстителями пасти Церковь Господа и Бога. (Деян.20:28). А епископу Тимофею напоминал возгревать дар Божий, который он получил через апостольское рукоположение (2Тим.1:6). И во всех таинствах Церкви Дух Божий действует и нисходит на всех пастырей и верующих и производит все замечаемые в нас высокие духовные дарования, как-то: дух страха Божия, дух премудрости и разума, – любовь, веру, кротость, воздержание, мир, долготерпение, милосердие и др. дары (Гал.5:22–23). А потому каждый член Христовой Церкви должен благоговейно

относиться к дарам Свв. Таинств и к дарованиям своей духовной жизни, а также и телесной, помня, что мы члены Христова тела и что Дух Божий живет в нас. «Прославляйте Бога, говорит Апостол, в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии». (1Кор.6:20).

Все сказанное утверждает нас в той мысли, что Церковь Божия создана и устроена для того, чтобы спасти людей от грехов их, научить их истинной и правой вере, освятить их благодатью Духа Святого в таинствах и воспитать их для будущей вечной жизни и Царствия небесного. Все в Церкви Божией устроено к созиданию Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Еф.4:12–13).

Но сердцем мы глубоко чувствуем и опытом познаем, что познание Сына Божия и достижение наше в меру возраста исполнения Христова совершается нами с большими искушениями в мыслях, частыми падениями воли, – одним словом, – с борьбой. Потому-то и Церковь земная называется воинствующею, борущеюся. Воинствует она, борется за Царство небесное, за будущую загробную блаженную жизнь, за вечное соединение со Христом. Имеет она желание разрешиться и со Христом быть (Флп.1:23), – не имеет она здесь пребывающего града, но грядущего ищет (Евр.13:14); истинное житие свое ищет на небесах, откуда и ждет своего Спасителя (Флп.3:20). А потому блаженны мертвые, умирающие в Господе! Ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих (Апок.14:13). Они уже кончили свое поприще, течение скончали, веру соблюли и им готовится венец славы (2Тим.4:7–8). Они приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех – Богу, – к духам праведников, достигших совершенства (Евр.12:22–23). Эта Церковь есть Церковь уже торжествующая свою победу над грехом и смертью, – Церковь вечной славы и вечного блаженства. К этой-то Церкви, к этому Царствию небесному мы и стремимся, – ее-то мы и ищем – молитвою, любовью и добрыми подвигами в исполнении заповедей Господа. И наши усилия, по Слову Божию, не

напрасны. Все умершие о Господе не умерли, ибо Бог наш не Бог мертвых, но Бог живых (Лк.20:38). Все живы! Жив Господь Бог наш, Который дал нам такую жизнь и обещал ее нам, когда установил великое таинство причащения Тела и Крови Его, говоря, что Он воскресит в последний день (Ин.6:54–57). Смерть уничтожена и ад побежден. Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? (1Кор.15:55; Ос.13:14). «Воскрес Христос, и ты низложился! Воскрес Христос и водворяется жизнь» (Из слова И. Злат. на Пасху). Итак, со Христом Иисусом и во Христе мы должны побеждать ад и смерть, ибо побеждающему, говорит Господь, дам сесть со Мною на престоле Моем, как Я победил и сел со Отцем Моим на престоле Его (Апок.3:21). Итак, во Христе Иисусе мы спасаемь на небесах (Еф.2:6), – мы уже сожители святым и свои Богу (Еф.2:19–20). Нет разделения неба и земли; небо отверсто и на земле мир, и в людях благоволение. Один дух и одно тело – Тело Христово, составляемое и возрастающее из членов земных и небесных. Каждый растет в созидание Тела Христова, в мужа совершенного; каждый борется и побеждает, чтобы быть победителем и сесть на небесах одесную Господа. Действует в свою меру каждый член, друг другу помогают, – помогают молитвами, любовью, верою; взаимно скрепляются связи (Еф.4:16), и верные, стоящие на высших степенях приближения к Богу, своими молитвами очищают, подкрепляют и приносят пред Бога молитвы верных, живущих на земле, и, по воле Божией, благодатно и благотворно действуют на них или невидимою силою, или чрез свои явления и некоторые другие посредства (Кат. чл. 9). Живут духом, живут силой Божией, живут славой Божией; умирают как бы не умирают и в телеса их как бы посредством ума вселяется Бог. Их молитвы, как дым кадильный, восходят от руки Ангела пред Бога (Апок.8:3–4). Их мощи, как спасительные источники, многочисленные благодеяния нам источают (Иоанн Дамаск.). И эта помощь, это ходатайство, этот взаимный союз и единение членов Церкви земной и небесной укрепляют наши силы в борьбе с властями и миродержителями тьмы века сего, разрушают разженные стрелы лукавого (Еф.6:11–19) в плоти нашей, в мире, в людях, – и созидают Тело Церкви Христовой, которая и растет в

величественное здание Божие, имеющее печать сию: познах Господь Своих (2Тим.2:19), – восходит по лестнице, юже виде Иаков, один конец которой на земле, а другой – на небе.

Итак, Церковь есть от Бога установленное общество верующих, соединенных между собою православною верою, законом Божиим, священноначалием и таинствами (Катех. чл. 9).

Если же такова Церковь Христова, то очевидно, что вечное спасение только и возможно в той Церкви, которая основана Самим Иисусом Христом – Сыном Божиим. Вне этой Церкви уже нет спасения, ибо нет другого, данного человекам имени под небом, которым надлежало бы нам спастись (Деян.4:12); ибо один только ходатай Бога и человеков – человек Христос Иисус (1Тим.2:5–6). Только в этой Церкви Христовой и Церкви истинно-апостольской и сохраняется верно и неизменно Божественное учение Господа, и правая вера в Него, потому что она, как Церковь Христова, соблюдает все, что Он ей повелел чрез Своих апостолов (Мф.28:20). Потому же самому и все Богоучрежденные таинства, чрез который каждому подаются Божественные силы к жизни и благочестию (3Петр.1:3), сохраняются, и всякое благообразное и по чину их совершение (1Кор.14:40) исполняется только в истинно-апостольской Христовой Церкви, потому что здесь только и существует преемственно-действующая Богоучрежденная иерархия. Если в Церкви Христовой неизменно и постоянно пребывает ниспосланный Господом Дух Святый, то кто вне Церкви, в том нет Духа Божия. Не даст Господь Пуха Святаго тому, кто отделяется от Духа Церкви, – кто оставляет церковное собрание (Евр.10:25); ибо если отвергшийся закона Моисея без милосердия наказывался смертью, то сколь тягчайшему, думаете, говорите Апостол, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет (Евр.10:26–29), т.е., кто попирает основанную Кровью Господа Церковь Божию, – кто не почитает за святыню Таинство Тела и Крови Господней, которая есть пролитая за очищение наше Кровь Нового Завета, – кто всегда противится Духу благодати, живущему в Церкви Божией, тот лишает себя надежды на вечное спасение, на

будущую блаженную жизнь, тому не будет прощения грехов и в будущей загробной жизни. Хула на Сына Человеческого простится человеку, но хула на Духа Святого, грех против Духа Святого, не простится человеку ни в сем веке, ни в будущем (Мф.12:31–32), сказал Сам Господь Иисус Христос.

Только в Христовой Церкви истинно и правильно, по заповеди Господа, совершается самое великое Таинство Причащения Тела и Крови Господней, где всякий верующий получает оставление грехов и жизнь вечную. Не веровать в это Таинство значит совершенно отказаться от всякой надежды на вечное спасение; поэтому лишают себя общения с Церковью Христовою те, которые отвергают великое таинство св. Причащения. Правда, мы должны заботиться о сохранении любви, согласия и общения между людьми; и Сам Господь учил нас любить друг друга, – и апостолы говорили, что любовь выше всех добродетелей (1Кор.13:13). Но здесь нам должно вспомнить Бога. Бога любить нужно больше, нежели людей (Деян.4:19), а любовь к Богу выражается в исполнении Его воли. Предпочитать же повелению Божию любовь к людям Сам Господь решительно воспрещает: «кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостойн Меня» (Мф.10:37). Итак, нет части со Христом тем, которые стоят вне общения с Церковью Христовой и ее таинствами.

Если же в Церкви Христовой есть грешники, то они не разрушают Церкви, потому что Сам Спаситель уподоблял Церковь Свою полю, на котором, по воле домовладыки, до жатвы вместе растут и пшеница, и плевелы (Мф.13:24, 30), – или стаду, в котором есть овцы и козлища (Мф.25:33). Если же мы скажем, что мы не имеем греха, говорит Иоанн, то мы себя самих обманываем, и истины нет в нас (1Ин.1:8). И если бы верные, но согрешившие, не были членами Церкви, то не подлежали бы суду Церкви; но она их судит, призывает к покаянию и ведет на путь спасительных заповедей (Посл. Вост. Патр. чл. II). Точно также и согрешающие священнослужители не разрушают Христовой Церкви, ибо Господь и ап. Петра, трижды от Него отрекшегося, опять привлек в Себе (Ин.21:15–17). Как свет солнца не теряет своей чистоты от того, что падает на грязь

и другие нечистые места, так и таинства Церкви не теряют своей спасительной силы от того, что совершаются недостойными пастырями. (Авг. бесед. 5 на Иоан.). Для всех открыта дверь покаяния; открыта она и для согрешающих пастырей Церкви.

Но совершенно уже не принадлежат к Церкви Христовой те, которые не принимают христианства и, следовательно, не веруют во Христа и не крестятся во св. таинстве Крещения; таковы: иудеи, магометане и язычники. Вне Церкви Христовой и те, которые сами отвергаются от нее и самочинно составляют свои собрания, наконец, и те, – которые, по-своему суемудрию, извращают Веру Христову и заповеди Божии. Таковых Церковь Христова не принимает в общение с собою, пока они не обратятся и не покаются.

Все вышеизложенное можно выразить в следующих кратких положениях, или выводах:

1) Господь наш Иисус Христос – Сын Божий, по воле пославшего Его в мир Отца, основал на земле Церковь Свою и чрез Своих Апостолов и их преемников – епископов утвердил и распространил ее по всей земле, – дал ей Духа Святаго и обещал пребывать с нею вечно и до ныне пребывает в Православной Апостольской Церкви.

2) Согласно с Своим обещанием, Господь всегда пребывает в союзе с Своею Церковью, которая есть тело Его – а Он – ее Глава.

3) Церковь Свою Господь основал для спасения людей, для будущей вечно-блаженной жизни в Царствии небесном.

4) Вне Церкви Христовой для человека нет спасения.

А оставляющий Церковь Христову лишает себя наград, предопределенных Христом. Он чужд для нее. Кому Церковь, основанная Сыном Божиим, не мать, тому и Бог не отец (Св. Киприан).

**VI. Орлов И., свящ. Без Божьего благословения
(рассказ). // Миссионерское Обозрение, 1897,
Декабрь, кн. 2. С. 753–759**

I.

Деревня Двуречки заброшена в такое захолустье, что свежему человеку, попавшему туда нечаянно, станет жутко. Деревня населена была искони православными, но лет сто назад там появились молокане, а лет десять тому наехал в деревню какой-то «куцый при часах и в калошах» и добрую половину молокан и немного православных «перевернул» в баптисты. Да и не диковина, что в Двуречках расплодилось всякая русская и заграничная нечисть, потому что по таким закоулкам да по захолустьям как Двуречки, и живут свободнее и действуют успешнее разные отщепенцы церковно-общественной жизни. Сподручно им там: от начальства далеко, ни храма там, ни школы... чего лучше! И вот в Двуречках идут толки, разговоры и споры о вере; и все это с азартом делается, с укоризной, с насмешкой, с хулою! Особенно бушуют баптисты, дерзко понося православных. Видят это двуреченские старики православные, и жалко им, что исконную их веру поносят, что молодежь с толку сбивают, – видят, вздыхают, а помочь горю ничем не могут. Только и утешения бывает православным, когда в великие праздники наедет в деревню причт церковный и творит моления по домам. За то еще пуще после этих посещений нападают на православных баптисты и еще более приходится выслушивать от них насмешек и дерзостей. Долго терпко старики и не знали все-таки, что делать... – «Храм бы Божий у вас построить, говорил не раз им батюшка: а то отвыкли вы от службы Божией». – «И рады бы, батюшка, да что поделаешь с нашими молоканами да баптистами? Они не захотят, а мы одни в силах». – «Тогда вот что: откроем пока у вас школу церковную, там будут учить ваших детей Божию Закону и всему хорошему а то темные вы...» – «Вестимо так», отвечали старики и порешили открыть школу.

Долго бушевали сектанты по сему случаю, но Бог помог православным, начальство поддержало да батюшка много хлопотал.

Теперь в Двуречках школа, а в ней учит ребятишек хороший учитель. Ожилась деревня; повеселели старики. Да как и не

повеселеть! – «Мотри, говорят промеж собой старики: как ребятки наши молитвы-то распевают да евангелie прочитывают! Слава Создателю! Показался и в нашей темноте свет». – Священник раза два в неделю наезжал в школу, а в праздники учитель по вечерам читал и малым, и старым душеспасительные книги и пел с учениками церковные песнопения. Поняли баптисты, что сила стала прибывать теперь на стороне православных и еще более озлобились и еще яростнее нападали на них. Но православные уж смело отвечают баптистам: «поносить-то все можно; и Христа хулили, и Его Святое учение. Только знаем мы теперь, что уж не заманите вы своими песенками к себе нашу молодежь».

II.

Был праздник Вознесения Господня. Учитель еще накануне отправился с учениками на село в храм Божий к великой службе церковной, за которой ученики пели и читали, а их родители и деды с умилением слушали, и горячо молились. Возвращались все в деревню с тихою радостью... Вечером вся деревня высыпала на улицу. Ребятишки забавляются невинными играми, а старики мирно беседуют. Но вот в одной толпе послышалось необычайное оживление; многие направились туда и увидели учителя, спокойно и толково говорящего об единой истинной Христовой Церкви, и начетчика-баптиста рьяно защищающегося и нападающего на учителя.

– «Батюшка едет, батюшка! – заголосили ребятишки. Действительно, подъезжал отец Петр. Он еще издали заметил толпу и направился к ней. – «С праздником, православные!», – сказал он, сходя с тележки. – «Спасибо, покорнейше благодарим!» – дружно ответила толпа. – «Что это у вас сходка что ли?». – «Не, вот Василий Ильич все толкует Еремею про истинную веру, а Еремей все ему наперекор». Из толпы вышел учитель и принял благословение священника, подошли под благословение и православные. Благословив всех, отец Петр сказал: *«хорошо беседовать мирно о вере, но грешно спорить, ибо у Апостола сказано: от глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; рабу же Господа не должно ссориться»* (2Тим.2:23–24). Давайте и мы побеседуем сегодня мирно; побеседуем о празднике Вознесения Господня и для сего пойдемте в школу. Пойдем и ты, Еремей, плохого от нас не услышишь». – Еремей помялся-помялся и пошел за православными; пошли и другие баптисты, и молокане. Отец Петр, после пропетых учениками молитвы Духу Святому и тропаря празднику, рассказал историю праздника и разъяснил то значение, какое имеет событие Вознесения Господа для христиан. Затем он обратился к Еремею: «скажи мне, Еремей, почему, вот давеча все приняли у меня благословение, а ты и твоя братия не сделали этого?».

– Мы не твоего стада, ответил с усмешкой баптист.

– Правильно, но еще правильнее сказал бы ты, что вы – не стада Христова.

– Нет, мы Христовы.

– Если бы вы были Христовы, то от Христова благословения не бежали бы.

– Это ты своею рукою благословлял, а не Христос. Неправильно ты это говоришь.

Вот в ветхом завете еще Сам Господь повелел Аарону первосвященнику и сыновьям его – священникам благословлять Израильян: *«и сказал Господь Моисею, говоря: скажи Аарону и сыновьям его: так благословляйте сынов Изралевых, говоря им: да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя! Да обратит на тебя Господь лицо Свое и даст тебе мир! Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я (Господь) благословлю их»* (Чис.6:22–27). Итак, Сам Господь благословлял тех, кого благословляли первосвященник Аарон и священники, также и еще большим благословением Сам Господь благословит тех, кого благословляют новозаветные священники, ибо по Апостолу (Евр.7) новозаветное священство выше и лучше ветхозаветного. Смотри, какую власть дал Господь апостолам, а через них и их преемникам – епископам и пресвитерам-священникам *«и призвав двенадцать учеников Своих, дал Он им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь»* (Мф.10:1). Дал Он им власть *«строить» тайны* (1Кор.4:1) и чрез то вести людей ко спасению (Еф.4:11–12). Наконец, Он, возносясь на небо и благословляя апостолов, дал и им, а через них и их преемникам, *власть благословлять верующих Божиим благословением*. Послушайте, братие, как хорошо говорит об этом великий и приснопамятный святитель Филарет. – «Бысть, повествует евангелист Лука, егда благословляше их, отступи от них и возношашеся на небо (Лк.24:51). Сие обстоятельство, рассуждает святитель: обстоятельство восшествия Своего на небо и разлучения с избранными Своими, Господь Сам приводит им на память, егда приидет во славе Своей, и вновь, стретясь с ними, будет призывать их к действительному обладанию

царствием Его: «приидите, благословеннии Отца Моего» (Мф.24:31). Какой бесконечный ток благословения Христова открывается пред нами, христиане! Он посылает благословение, и, не окончив оно, возносится». *«Бысть, егда благословляше их – возношашеся. Таким образом и вознесшись, Он еще продолжает невидимо преподавать благословение. Оно течет и нисходит непрестанно на Апостолов, чрез них проливается на тех, которых они благословляют во имя Иисуса Христа; получившие Христово благословение чрез Апостолов распространяют оное на других. Таким образом все, принадлежащие к святой, соборной, апостольской Церкви, делаются причастниками единого благословения Иисуса Христа и Отца Его, благословляющего нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе (Еф.1:3). Как роса Аермонская, сходящая на горы Сионския (Пс.132:3), сходить сие благословение мира на всякую душу, восходящую выше страстей и похотей, выше сует попечений мира; как неизгладимая печать, знаменует тех, кои Христовы суть, так, что в кончину века по сему знамению вызовет Он их из всего рода человеческого: «приидите, благословеннии!». – Слышите, братие! говорил далее отец Петр: того Господь призовет на страшном суде в Царство Свое, кто в Церкви Христовой, на ком, как печать, лежит благословение Христово, получаемое верующими чрез служителей Христовых. Смотрите же, православные, крепко держитесь в Церкви Христовой, берегите данный вам в ней дар Божий, что живете вы под Божиим благословением. Хорошо жить с Божиим благословением! Но страшна участь живущих без Божьего благословения, как живут сектанты! не услышат они того сладкого призыва Христова «приидите благословеннии» на страшном суде и не внидут в Царствие Божие.*

– И у нас Христос, и Ему мы служим, сказал Еремий.

– Да, такими словами не вы одни, а и другие, отпадшие от Церкви, смущают многих; но о вас Сам Господь предсказал это и предупредил о том Своих учеников: *«если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте» (Мф.24:23).* – Послушайте еще слово того же великого святителя Филарета:

«вот Он (Христос) у нас, говорит отщепенцы, которые, «оставя град Божий, духовный Иерусалим, апостольскую Церковь, убегают в заступление духовное и чувственное, где нет ни здравого учения, ни святости таинств, ни добрых правил жизни частной и общественной. Вот Он у нас, говорит скрытно еретичествовавшие, указуя на свои тайные собрания, как будто солнцу должно светить только под землю, как будто не Он сказал и повелел: *«еже глаголю вам во тме, рцыте во свет; и еже во уши слышите проповедите на кровех»* (Мф.10:27)... Не исходите во след зовущих вас из града Господня; оставайтесь на месте своем и «берегите веру вашу для истинного пришествия Христова, славною и торжественною...».

III.

Задумался старик Яков – семидесяти пяти летний молоканин. «Вот, глядишь, скоро и смертушка придет моя, думал он; а тут вот выходит, что все свои семьдесят пять лет прожил я без Божьего благословения; и умру без него. И дети мои, и внучата, и все без Божьего благословенья!...

Жутко стало старику; и решил он...

На деревне сходка и не шумная, как всегда бывает. В двух сотенной толпе тишина, а среди этой тишины раздается старческий дребезжащий голос старика – Якова. – «Мне семьдесят пять лет, говорил Он: и только в сию пору Господь чрез священника вразумил меня, *что жил я без Божьего благословения, жили и все мы, сектанты, так*»; ужели и помирать нам так, без Божьего благословения? А православные и рождаются с благословением Христовым, и живут, и умирают с ним, и в могилу их уносят с благословением.

Хочу и я умереть с Божиим благословением и... о, Господи! дай мне хоть немного пожить под Твоим благословением!...».

И пожил старик в Церкви Христовой под Божиим благословением, и семья его, и родные, даже иные из баптистов живут в Церкви Христовой... Теперь в Двуречках сияет златоглавый храм, на постройку которого не одну сотню пожертвовал старик – Яков, уразумевший, что страшно жить вне Церкви Христовой и без Божьего благословения...

Священник И. Орлов

VII. Беседы и поучения

1) Александров Д., свящ. Беседа в ограждение чад православной Церкви от раскольниковьего суемудрия на девятый член Символа веры. // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 759–765

(О существенных признаках истинно-Христовой Церкви)
«Верую во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

В сем члене, бр. хр., выражается нами исповедание веры во Св. Церковь. Что же здесь разумеется под Церковью? Это ли видимое здание (храм), куда мы собираемся на молитву и которое, обыкновенно, мы называем церковью, когда говорим: «идем в церковь Богу молиться», в «церкви служба идет»?... Нет, бр., пода словом Церковь в Символе веры разумеется – общество людей, и не всякое общество, а общество собранных единством правой веры в Господа нашего Иисуса Христа, следующих Его Божественному учению, исполняющих Его св. заповеди, повинующихся поставленным от Него чрез апостолов пастырям и приемлющих св. таинства. Такое понятие о символической Церкви находим мы в Слове Божием, повествующем нам, что Христос Спаситель, соделав наше спасение – воплощением, учением, страданием, крестною смертью и воскресением, ввел нас в наследие живота вечного, а, чтобы мы могли усвоить себе содеянное Им спасение и, действительно, наследовать живот вечный, Он, когда ап. Петр, от лица прочих апостолов, исповедал Его Христом, Сыном Божиим, даровал обетование создать Церковь, сказав: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф. 67 зач.), каковое обещание и исполнил, действительно создав, или, по выражению Апостола, «стяжав ее кровью Своею» (Деян. 20:29). В эту-то, – созданную Христом Спасителем, и устроенную Его св. Апостолами, Церковь мы и обязаны по Символу веры веровать, как единую Церковь спасающую, или лучше сказать, должны принадлежать к этой созданной Христом Церкви, чтобы получить спасение. Всякий, кто не принадлежит к ней, тот не может иметь надежды на спасение: «аще кто Церковь преслушает, говорит

Христос, буди тебе, якоже язычник и мытарь» (Мф.18:17). Так же научают и Св. Отцы, и учителя Церкви. «К нам спасение приходит, учит Бл. Феодорит, чрез Церковь, а находящиеся вне Церкви не получают вечной жизни». «Кто не между членами Христовыми, говорит бл. Августин, тот не может иметь христианского спасения. Можно иметь почесть, можно иметь таинство, можно держать евангелие, можно иметь веру во Отца и Сына и Св. Духа и проповедовать ее, но нигде, кроме православно-кафолической Церкви, найти спасения». Таким образом спасение возможно единственно только в Церкви и что вне Церкви мы никакими жертвами, никакими делами своими – ни постом, ни милостыней, ни даже самыми страданиями, не можем достигнуть спасения.

Но так как ныне многие человеческие общества именуют себя Церковью Христовой, присваивая себе это название, и каждое из этих обществ говорит о себе, что в нем, и только в нем одном, как составляющем Богом созданную Церковь, можно получить спасение, то мы и должны показать вам, бр., те признаки, по которым можно отличить истинно Хр. Церковь – от ложных церквей, должны показать, на основании слова Божия, устройство созданной Христом Церкви. Св. ап. Павел, желая нагляднее представить нам теснейший союз истинной Церкви со Христом называет ее телом Христовым и уподобляет устройство ее телу человеческому. «Ныне радуюся во страданиях моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за *тело* Его, еже есть Церковь», писал (Кол.1:24) и особенно в послании к Римлянам и Коринфянам, где объяснил, что «как наше тело одно, а состоит из многих и разнообразных членов, так и церковное тело одно, а состоит из многих и разнообразных своих членов и что все эти члены Премудрым Художником расположены каждый на должном ему месте и все они один без другого живыми существовать не могут» (См. Рим.12:4–6; 1Кор.12:14–30), т.е. как тело человека одно, так и Церковь едина. Тело имеет многие разнообразные члены: голову, руки, ноги, глаза и т.д.; так и Церковь имеет многие – разнообразные члены. Члены же эти: епископы, пресвитеры, диаконы и миряне (см. Злат, нравоуч. на 152 зач. Коринф.). В теле есть главный

член, без коего оно жить не может – это голова. Отдели голову, тело будет мертвым трупом и остальные члены не будут действовать; все действительно при голове. Так и в Церкви – невидимый глава Христос, а видимые управители Церкви – епископы, которые дарованною им властью связуют всех верующих в единый союз и которые правилами называются «главою» известной церкви (50 пр. св. Ап. и толков.), «местоблюстители Христа» (Игн. Богонос. Посл. к Трал.), «очи» церковного тела, – а пресвитер и драконы – «руками» (Кормч. л. 15 об.; Кирил. 476 л.; о Вере 213 л.), – миряне «ногами» (64 пр. VI в. соб. и толк. Кирил. 480 л. об.)...

Итак, из учения св. Апостолов и толкования св. Отец мы, бр., видим, какова Церковь: она создана, основана Господом и устроена св. Его Апостолами. Она тело с главными и второстепенными членами. В ней есть и честнейшие и худейшие члены, но все они необходимы. Ни один член не может сказать другому: «ты мне не нужен». Все у места, все исполняют указанное Господом назначение. Отыми руку, она убога: отыми ногу, – она хрома; отыми голову, она не тело, а труп мертвый, безобразный, от которого каждый из нас отвернется. Таково ее устройство и в таковом, данном ей от Бога устройстве, Церковь (как не одоленная) пребудет до скончания века. Ни один член не прекратится, не выпадет, иначе – не Церковь вселенская (Толк. Ап. л. 485). Итак, Церковное тело вечно: его хранит Сам Господь... Он ее основание; Он краеугольный камень, «на котором все здание, слагаясь, стройно возрастает в Церковь святую Господеви» (Толк. Ал. лл. 785–786). Она не только без епископов, пресвитеров и диаконов, главнейших членов, но и без меньших мирян и из них «худейших – нищих, изметателей церковного прах» не может быть (30 нравоуч. Злат. на 1-е посл. Коринф.). Ведь Сам Христос сказал: «созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф.16:18). Блаж. Феофилакт, толкуя это место, говорит: «не одолеют Церкви ни гонители, ни еретицы..., ни греси» (Благов. Еван. 138 л. об.; Лк. 107 зав. 225 л. об.). Св. Ефрем Сирин: «Блаженна ты, Церковь верных: ибо Царь Царей утвердил в тебе Свое жилище. Твои основания никогда не поколеблются: ибо Господь Страж твой; и врата

адовы не одолеют тебя, и хищные волки не могут сокрушить или ослабить твоей крепости. О, как велик ты, дом Божий! Как ты прекрасен!» (Твор. его стр. 28, по изд. 1858 г.). Так, по свидетельству слова Божия и писаний св. Отец, Церковь неодоленна и пребудет в том самом виде, устройстве, какое она получила от Основателя своего, Господа нашего Иисуса Христа, – до второго Его пришествия, до скончания мiра. Все стремящиеся к одолению ее, сами падут и изнемогут силою Иисуса Христа, Спасителя Своей Церкви (Игн. Богон.).

Итак, первое место в церковном теле, т.е. Церкви Христовой, занимает иерархия, или священство в трех чинах: епископы, пресвитеры и диаконы (Благов. Ев. Зач. 95 Лук., Кн. о Вере 64 л., Кирил. 77 и об. и др.). Эти-то три чина тоже пребудут до скончания мiра. Сам Христос сказал им: «Куплю дейте, дóндеже прииду, т.е. до второго пришествия» (Лук. 95 зач. и толк.). Св. Игнатий Богоносец говорил, что «без них, т.е. 3-х чинов священства, Церковь не именуется; несть избрана, ниже собрание святое, ниже сонм преподобных» (Посл. в Трал.). «Яко же Христос не умирает, такожде и иерейство Его по чину Мелхиседекову не престаёт» (Кирил. 77 и об. о Вере 59 и др.). Из сих трех чинов особенно важнейший – чин епископа: «без епископа бо Церковь Христова быти не может» (Маргар. л. 154.) и «никогда не была» (Палинод. ч. 2-я, разд. 8, арт. 1-й). И все те, «которые не с епископом, те не земледелие Христово, но семя вражие» (Игнат. Богон. посл. к Филад.). «Ты должен уразуметь, что епископ в Церкви и Церковь в епископе, а кто не с епископом, тот и не в Церкви» (Твор. Кипр. стр. 257). Без епископа «ниже жертвенник будет, ниже хиротония, ниже миро св., ниже крещение, ниже убо христиане; чрез тое убо истинное христианство» (Сим. Сол. кн. I, гл. 77).

Сему чиноначалию, сим пастырям Христос Спаситель поручил совершать положенные им нужд ради наших, ради нашего спасения – таинства: «Тако нас да непщует человек, яко слуг Христовых и *строителей таин Божиих*», говорит св. ап. Павел (1Кор.4:1). Сколько их должно быть в Церкви, на это отвечает нам Б. Катехизис, что семь, и затем перечисляет их с обозначением времени утановления их (гл. 72). Все сии семь

таинств тоже должны вечно пребывать, вечно совершаться в созданной Христом Церкви: «Веждь убо без всякого сомнения, яко в Церкви Божией не две точию тайны, но совершенно семь» (Б. Катех. 360 и об.). Вот какой вид устройства получила Церковь от Своего Основателя-Христа. Кратко скажем словами Б. Катехизиса: «Церковь Божия есть собрание всех верных Божиих: а) иже непоколебимую держать едину Пр. веру и в любви пребывают, облобызают же учение евангельское непоколебимое; и иже суть достойны; б) приимати св. Божественный Тайны, и в) иже суть под единою главою Господом нашим Иисусом Христом, а под правлением совершенных – святых, от Него поставленных» (л. 120 об. 121). Следовательно, если есть в каком-либо обществе – правая вера, семь богоустановленных таинств и, если совершители их – преемственно от апостолов имеют власть на священнодействие, то такое общество и есть истинно – Христова Вселенская Церковь.

Но, бр., таково ли мы видим устройство у отделившихся от созданной Господом Богом Греко-Российской Церкви наших старообрядцев? В такую ли, как мы показали, церковь веруют они, когда читают Символ веры? Нет, – хотя и читают они Символ веры, но в ту Церковь, которую Христос создал, они не веруют, ибо одни из них по заблуждению, – другие по упорной преднамеренной закоснелости пребывают совсем не в том обществе, не в той церкви, которая разумеется в Символе. Так беспоповцы утверждают, что «ныне священная рука рассыпалась и благодать священства улетела на небо» и не только нет пастырей, но и не надо их. А обходясь без пастырей, они не имеют средств к освящению – т.е. таинств, а посему и не могут составлять Божией Церкви и, следовательно, вечного спасения не могут получить, а получают – вечную гибель. Беглопоповцы тоже не составляют Христовой Церкви, ибо они в начале отделения лишились тайны священства, не имели епископов, а окормлялись отпадшими от зеленого – цветущего древа – сухими ветками – беглыми священниками; были телом, но мертвым, безглавым, не имели по сему и Духа Святаго (Никона Черног. сл. 23); были садом, «его же не насади Отец Небесный»

(Мф.15:13), а по сему постепенно распадаются и разделяются. Итак, наши беглопоповцы не суть Церковь Христова, а самозванно восхитившие себе это название, по сему тоже погибнут. Что сказать об австрийцах?... Откуда их священство и церковь ведет начало? От Христа ли Спасителя и Его апостолов? Нет. И церковь их, и священство возникли только с 1846 г. от бежавшего из Греции митроп. Амвросия, который до перехода к ним, по мнению их, был еретик. Итак, от еретика (якобы) Амвросия они приняли священство, а не от Христа-Спасителя.

Да и странно, рассудите сами: если к мертвому трупу приставить голову, ужели прирастет?! Нет! Труп трупом и останется, и так сгниет, что и доказала «австрийская церковь, разделившаяся ныне на 3 части или толка».

Они богаты только священными одеждами, но не иерархами Богом поставленными; а ризы, хотя бы и богатые, без благодати не пользуют, т.е. спасения им не приносят. И только мы, чада Греко-российской Церкви, составляем истинно-Христову Церковь... Наша Церковь имеет никогда не прекращавшееся священство, семь таинств и правую веру. В ней только одной и можно получить спасение: «Зане кроме Церкви Божия, говорит Б. Катехизис, ни где же несть спасения. Яко-же-бо при потопе, вси елицы с Ноем в ковчезе не беху – истопоша, тако и в день судный, вси иже ныне в Церкви святей не будут... Иже не пребывает в сей соборней церкви, тех Христос не спасает и Духа Св. сицевии не имут» (121 об.–122 л.). Будем же, бр. неуклонно пребывать в созданной Христом Церкви, т.е. Греко-Российской!...

Свящ. Дим. Александров

2) Потехин С.М. В Ограждение от заблуждений рационалистических сект: поучение 2-е; о святости Церкви Христовой. // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 765–768

(О святости Церкви Христовой)

Верую во единую, святую, соборную
и Апостольскую Церковь.

В прошлой беседе мы рассуждали с вами, братие, о том, что Церковь Христова – едина на земле, и что только в ней пребывая можно спастись. Теперь мы побеседуем о том, почему истинная Церковь Христова доставляет своим членам спасение, или что тоже – почему она вошедших в нее грешников делает святыми, почему и сама она называется святою.

Церковь, как мы уже знаем, создал Сам Господь наш Иисус Христос. Он, Святый святых, ее Глава и *краеугольный камень*, ее *основание*, на котором *все здание*, по Апостолу, *слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе* (Еф.2:20–21). Церковь свята еще и потому, что она освящена Иисусом Христом чрез Его страдания, чрез Его учение, чрез Его молитву и чрез таинства. Св. апостол Павел говорит об этом так: *«Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна»* (Еф.5:25–27). Чтобы сделать Церковь святою, Господь дал спасительное учение, которое есть святейшая истина, и спасительные таинства, как святые и освящающие средства. Кто живет в Церкви, т.е. кто слушает ее учение, принимает ее святые таинства, повинуется ее пастырям и уставам, того освящает Христос, тот делается святым, очищаясь от всякого пятна, или порока, или чего-либо подобного. Это, впрочем, не значит, что кто лишь находится во святой Церкви Христовой, тот уже совершенно чужд греха. Нет, человек подвержен греху, и, хотя бы он и состоял членом святой Церкви Христовой, у него остается склонность ко греху: таково уж

наследство прародителей наших! Святая Церковь Христова не делает своих членов святыми в смысле полной безгрешности в один миг: нужен долгий подвиг, непрестанная борьба с грехом. Вот что говорит о себе Апостол, который сам насаждал Церковь святую о Господе: *«Мы знаем, что закон духовен, а я – плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... Итак, я нахожу закон, что когда хочу делать доброе, прилежит мне злое... В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»*. (Рим.7:14–23). Если так говорит о себе св. Апостол, то кто из нас, братие, может считать себя святым в той степени, в какой свята Церковь? Конечно, только тот, кто из гордости и самомнения не хочет прибегать к помощи святой Церкви, не хочет слушать ее учения, не хочет пользоваться ее святыми таинствами, не хочет повиноваться ее законам и пастырям. Такой человек именуется себя святым и знать святой Церкви не хочет. Он забывает слово апостола Иоанна, что *«если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя и истины нет в нас»* (1Ин.1:8). *«Кто может сказать»*, вопрошал еще ветхозаветный мудрец, *«я очистил мое сердце, я чист от греха моего?»* (Прем.20:9), и отвечал: *«нет человека праведного на земле, который делал бы добро грешил бы»* (Еккл.7:20). А св. ап. Иаков прямо говорит о первых христианских членах Церкви Христовой: *«все мы много согрешаем»* (3:2). Итак, до праведного суда Божия никто не может считать себя святым. Все мы грешники, хотя и находимся во святой Церкви Христовой, и все, при содействии освящающих средств Церкви, стремимся к богоподобной святости!...

Но вот есть люди, которые не скорбят о том, что все мы грешники, а соблазняются этим и, имея ложное представление о праведности и надмеваясь ею как фарисеи, знать не хотят грешных мытарей, которые, хотя и грешат, но каются, бьют в перси свои и говорят к Богу: *«Боже, милостив буди ко мне грешному!»* (Лк.18:13). Гнушаясь грешниками, которыми Сам

Господь не гнушался, они отвращаются и от святой Церкви, ради якобы нас – грешных членов Церкви, ищущих в ней себе прощения и оправдания. Справедливо ли они поступают? Нет, братие! Пусть они и праведники, пусть они не блудники, не пьяницы, не хищники, не злоречивы, пусть не только кажутся, но и на самом деле пусть будут такте: хорошо ли они поступают, отделяясь от Церкви, в которой есть грешники? Еще раз скажу – нет, они неправильно, по-фарисейски понимают праведность и по-фарисейски поступают, забывая наставление и увещание св. Апостола: *"Братия, писал ап. Павел Галатам: «если впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Носите бремя друг друга, и таким образом исполните закон Христов. Ибо кто почитает себя чем-нибудь, тот обольщаешь сам себя» (6:1–3). «Умоляю вас, братия, писал он Солунянам: «вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем» (1Сол.1:4).* Слышите, как должны в собств. смысле сильные относиться к слабым, по Апостолу: помогать, утешать, облегчать, исправлять, а не бросать, как делали гордые фарисеи. Это, впрочем, не значит, что нужно благосклонно относиться ко греху. Нет, греха нужно избегать и в совершении греховного дела не должно участвовать с ближним, хотя бы он был христианин. Если заметим, что брат наш предается пагубной страсти – пьянства, блуда, или злоязычия и т.п., то не следует сообщаться с ним в этих незаконных делах; следует даже отстать от него, прекратить знакомство, дружбу, с таковым. Но так нужно поступать в житейском быту. В деле же Церкви мы не имеем права разрывать общение с ближними. Здесь власть Божия и власть, и суд Церкви, а не наш... Не удаляться, а в более тесное молитвенное общение нужно входить с тем согрешающим братом, который будет приходить в храм во имя Христова, ища здесь спасительного врачевства от своих греховных недугов. Вот что пишет Апостол Коринфянам: *«Я писал вам не собираться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже не*

есть вместе» (1Кор.5:11). Так заповедует св. Апостол поступать с теми, кто остается христианином и впадает в тяжкие грехи. С ним нужно прервать житейское общение, даже не есть вместе, но церковного общения прервать нельзя, ибо он остается христианином, хотя впал в тяжкие грехи. Если грехи его так уже велики и пагубны, что и в Церкви он не может пребывать вместе с верующими, такого человека, как гнилой член, сама Церковь извергает из среды своей, ибо *«что общего у света со тьмой»*, по Апостолу? *«Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» (2Кор.6:14–16).* Если Церковь, а не мы сами, указала нам таких людей, которых она не может терпеть в среде своей, если она произнесла на них отлучение, анафему, тогда и мы должны отделиться от них и не участвовать с ними ни в вере их, ни в молитвах их, ни в собраниях их. Вот по отношению к таким-то Апостол заповедует нам говоря: *«выйдите из среды их и отделитесь и не прикасайтесь к нечистому» (2Кор.6:17).*

Святая, единая соборная и Апостольская Церковь, да освятит нас, возлюбленные братие, своею спасительною благодатью, чтобы мы, оставаясь в среде ее, в день праведного Суда Божия оказались достигшими совершенства святости, достойными членами *Церкви славной, не имеющей скверны или порока, или чем-либо подобного, но святой и непорочной (Еф.5:27).* Аминь.

С. Потехин

3) Иванов К., свящ. В ограждение от хлыстовского заблуждения поучение 5-е: «сказание о ложных-христах пагубной ереси хлыстовской, предреченных в евангелии». // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 768–771

(Сказание о ложных христах пагубной ереси хлыстовской, предреченных в евангелии)

Наделав немало вреда православию, хлыстовский лже-бог – саваоф-крестьянин Данила Филиппов в свое время конечно умер, как и всякий человек умирает. – Со смертью его, казалось бы, должен был наступить конец появлению таких сумасбродов, каким был Данила Филиппов и его последователи. Но велика темнота в простом народе по отношению к вероисповедным истинам: мало ему известны догматы веры христовой; не глубоко проник в них свет Христова учения; да и по природе своей русский человек доверчив и охотно слушает рассказы о божественном и любит внимать чтению душеполезных книг, не справляясь с тем, какие люди рассказывают ему и какие книги читают ему. – И вот, сердце, жаждущее духовного просвещения, открыто; а злой и хитрый еретик, сектант или раскольник, скрываясь под видом ревнителя благочестия, сеет семена злые – плевелы в восприимчивую почву – сердца слушателей.

Так было и с последователями Данилы Филиппова, после смерти его.

Ближайшие единомышленники его, оставшиеся после его во главе хлыстовского сообщества, одержимые корыстью, находя для себя выгодным держать во тьме заблуждения народную массу, и поддерживая грубый обман, объявили хлыстам, что их бог-саваоф-государь батюшка Данила Филиппович не умер; а вознесся на небо; вместо же себя оставил своим детушкам-хлыстам своего сыночка-христа, в лице беглого солдата Ивана Тимофеева Суслова.

И стал этот бродяга-беглец, водившийся прежде с турками, – Христом у хлыстов.

Когда же и этот лже-христос умер, развратив предварительно множество народа, то у хлыстов объявился новый христос, тоже беглый солдат Лупкин, приятель и сообщник Суслова, с которым ранее он бродяжничал по Турции.

После Лупкина, в числе хлыстовских христов, стоит какой-то Петров, личность темная, поведения, по меньшей мере, сомнительного; а после него своим христом хлысты считали Государя Императора Петра III Феодоровича, супруга Императрицы Екатерины Великой.

Считали и считают они-хлысты своим христом Императора Петра III, да он-Петр III-й не был таковым, не имея никогда, никаких сношений с ними и даже не знал о существовании этих еретиков на русской земле. – Умер он вскоре по восшествии на Российский императорский престол и был похоронен уже в то время, когда сумасбродная мысль хлыстов догадалась зачислить и его в ряды своих христов.

Вернее всего, что хлысты считали тогда своим христом отъявленного и буйного злодея, разбойника и душегубца – беглого казака донского Емельяна Пугачева, выдававшего себя за Императора Петра III-го.

Этот казак взбунтовал тогда все низовье Волги от Казани до Каспия, башкирские степи по обе стороны Уральского хребта и р. Явка, до берегов многоводной Камы, грабя и убивая по всем этим местам беззащитных людей, пока не был изловлен и казнен за свои злодеяния разбойника, бунтовщика и самозванца в Москве.

Большинство хлыстов еще и до сих пор верят, что их христос, явившийся будто бы в лице Императора Петра III-го (разумей в лице Пугачева), жив и по сие время, но скрывается где-то в неведомых потаенных местах, о которых будто бы известно немногим только хлыстам-главарям. Пришествия и явления этого лже-христа хлысты с нетерпением ожидают, подобно тому, как и Евреи – своего мессию, – и конечно никогда не дождутся.

Тамбовские хлысты, а, следовательно, и те из Самарских, которые прибыли на жительство в Самарскую губернию из Тамбовской, считают у себя и еще одного христа-крестьянина

Аввакума Капылова, которого, однако не признают за Христа другие хлысты.

Бр. христиане! Для нас с вами, твердо и непреклонно верующих в истинность и непреложность Слова Божия, не должно быть неожиданными не должно казаться удивительным появление таких богохульников, извратителей веры Христианской и развратителей стада Христова – каковыми были крест. Данила Филиппов, и беглые солдаты Суслов и Лупкин и другие с их клеветами и пособниками, ибо о появлении таковых хульников и обманщиков предсказал нам Сам Господь наш Иисус Христос, Единородный Сын Божий: – *Берегитесь, говорил Он, чтоб кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: Я Христос, и многих прельстят. Тогда если кто скажет вам: вот здесь Христос, или там, – не верьте; ибо восстанут лже-христы и лже-пророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот Я наперед сказал вам: итак, если скажут вам: вот Он (Христос) в пустыне, не выходите; вот Он в потаенных комнатах, – не верьте.* (Мф.24:4, 5, 23, 24, 25, 26).

Веруем, Господи, твердо веруем Твоему истинному Пресвятому и Божественному Слову и исповедуем в слух неба и земли – ангелов и человеков, что в целях нашего спасения, Ты предостерегал нас о явлении лже-христов и лже-пророков. Являлись и прежде, являются и ныне эти губители словесных овец св. стада Твоего, но ни единые части не имеют в нас и лично для нас, Духом Твоим всесвятым избранных пасти агнцы Твоя, не опасны и не страшны; но они опасны и страшны, они служат преткновением и соблазном для многих пасомых – меньших братьев наших. Ты Бог наш, Ты возлюбленный и Единородный Сын Божий, воплотившийся и родившийся от Духа Святаго и Пресв. Девы Марии и совершивший спасение наше, Ты Спас мира, истинный и единственный Христос! Кроме тебя мы не ведаем и не хотим ведать иного Сына Божия; – посему Тебе истинному Иисусу Христу нашему Богу и Спасителю мы и приносим хвалу и благодарение за Твое пресвятое, истинное и

неложное Слово, прореченное Тобою ради спасения Тобою спасенных.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, огради от злых хульников и даруй всеблагую силу Твою чадам Твоим, да победит восстания еретические.

Свящ. Кр. Иванов

4) Прозоров Г., свящ. Поучение в неделю 28 по Пятидесятнице: «в чем причина современного отчуждения людей от Царствия Божия, или Церкви Христовой». // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 771–775

И начаша вкупе отрицатися вси.
(Лк.14:18).

Один человек царь (Мф.22:2) устроил большую вечерю и звал многих. Когда настало время вечера, по восточному обычаю, послан был раб сказать званным: идите, все уже готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Один сказал: «я купил землю, мне нужно посмотреть ее; прошу тебя, извини, что не могу прийти». Другой извинялся тем, что ему необходимо испытать только что приобретенных волов. А третий даже и не извинялся, но просто заявил, что женился и не может прийти. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу: «пойди скорее по улицам и переулкам города, и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. Раб исполнил волю господина, но остались места. Господин тогда сказал рабу: «пойди по дорогам и изгородям (вне города) и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой». «Сказываю вам, что никто из тех званных не вкусит моей вечери: ибо много званных, но мало избранных». Так закончил притчу Господь Иисус Христос.

В притче этой изображается то отношение к Царству Божию (Церкви Христовой на земле и вечному блаженству на небе), в какое ставят себя в нем разные народы и лица. В историческом смысле под званными кроме других разумеются современные Господу Спасителю представители и вожди еврейского народа и вообще Израиль, который, в течение длинного ряда веков особыми путями Промысла Божия, приготавливаем был к пришествию Мессии и вступлению в Его благодатное царство, представленное в притче под образом царской вечери. Этому народу даны обетования и прообразы, закон и пророки; среди него Господь воздвигал нарочитых мужей, которые боговдохновенным словом, в ярких и

поразительных чертах, за много веков вперед личность Мессии и Его вечное царство. Но когда, по исполнению времен, открылось на земле это самое царство, первозванные, зарывшись в мирские интересы и чувственные удовольствия, отказались прийти на духовную вечерю Господа. Вместо них приглашены были все нравственно-труждающиеся и обремененные, – те нищие духом, слепые и увечные, те грешники и мытари, которых презирали гордые мнимою праведностью своею законники и фарисеи, но с которыми вечерял Христос Спаситель, и которые, по слову Его, ближе были к Царству Божию и шли к Нему впереди первых; а также (званные были) и язычники, которые, живя доселе вне града Божия, блуждали по распутиям мира, но которые, изведавши всю тяжесть жизни вне отчего дома, наболевшею душой и исстрадавшимся сердцем жаждали обновления и лучшей жизни. Почитая за неслыханную для себя честь – приглашение на Царскую вечерю, они с великою радостью (и готовностью) явились на духовный ужин и здесь обрели высшее благо – свое спасение. Таков исторический смысл притчи.

Но кроме исторического притча эта заключает в себе еще и нравственно-назидательный смысл, непосредственно приложимый к каждому человеку. В ней и чрез нее христианин может определить, в каком отношении стоит он к царству Божию, к Церкви Христовой и своему спасению. И ныне, как всегда, Господь зовет каждого на *вечерю Свою*, зовет Евангельским гласом Церкви и ее служителей, историческими уроками и обстоятельствами личной жизни, зовет внутренним неумолкающим голосом совести каждого. Но подобно званным Евангельской притчи, многие и многие не внимлют этому гласу, заглушаемому криками мирской суеты, и остаются вне Царствия Божия.

В чем причина такой нравственной невосприимчивости и самоотчуждения от царства Божия? – Она указана в Евангелии: причина эта полная преданность личным материальным интересам и чувственным удовольствиям, которые настолько омрачают духовный взор человека, что он перестает видеть и ценить красоту Царства Божия. *Званные* евангельской притчи, по-видимому, люди степенные, трудолюбивые и занимаются

отнюдь не богопротивными делами: один хозяйствует на поле, другой испытывает рабочий скот, третий предается не воспрещенным в Слове Божиим (Евр.13:4) радостям семейной жизни. Но загляните глубже в их сердца, и станет ясно, что они под давлением своих собственных стяжаний и удовольствий, духовно ослепли: «у нас, как бы так говорят они, столько своих дел и радостей, столько труда и счастья, что не остается ни времени, ни охоты или нужды идти даже на царскую вечерю»! Услаждаясь успехами в приобретении и, конечно, собственными достоинствами, они не нуждаются даже в Царе и Его вечера с избранными! Чего же ожидать от них обыкновенным смертным? Они ни в ком и ни в чем не нуждаются; и от них пусть никто ничего не ожидает: дома их, как и сердца, для всех закрыты наглухо.

Брат. христиане! Сколько подобных людей и во всяком христианском обществе! Везде есть люди, которые, при несомненной талантливости и настойчивости в достижении намеченных целей, работают – каждый в своей области – с завидным успехом; но которые цель жизни полагают лишь в себе самих, живут только в себе и для себя; которые совершенно зарываются в свои личные интересы и удовольствия и так довольны собою и своими внешними успехами, что перестают нуждаться в Царстве Божиим, в котором в одном только (и нигде больше) высшая Правда, Истина, свобода и любовь, стало-быть – и высшее благо человека. Начиная с самодовольства, отвращающиеся от царства Божия кончают самообожанием и поставляют на место веры – знание, на место Христа Спасителя – человеческий разум, на место Церкви обыкновенные человеческие общества с их гражданскими и Полина место вечной блаженной жизни – материальное довольство и счастье человека на земле. «Истинное призвание человека, говорит он, жить в земном царстве с его гражданскими и политическими успехами, с его прогрессом в области науки, искусства, техники и вообще культуры; жить по указаниям просвещенного разума, своими силами и трудами завоевывать себе счастье, а не полагаться на какие-то невидимые силы Церкви и не ожидать воображаемого блага где-то за гробом. Просвещенный разум,

труд и материальное довольство – вот все, что нужно человеку: остальное – невежество или призрак?». Но тут дает себя знать роковая ошибка. Не было еще примера, чтобы кто-либо собственными силами завоевал себе счастье и это – несмотря ни на какие успехи его во внешней жизни. Доказательство тому – вся история дохристианского мира, чрез которую мрачными полосами проходит картина человеческого зла и страданий. То же видим в истории христианского времени и в жизни каждого человека, где силились и силятся создать благо без веры, Церкви и без Христа. «*Сея в плоть*, такие *от плоти* пожинают и истление (Тал.6–8), и скоро убеждаются, что все, добытое ими, не прочно и быстро переходит в страдание. Купленный участок земли, на котором человек мечтал создать свое благополучие, оказывается каменистой и бесплодной пустыней; приобретенные пять пар волов могут оказаться ничего не стоящими. А молодая жена, взятая сплошь и рядом ради приданого и вышедшая, чтобы иметь положение в обществе и свою обстановку (комфорт), вместо ожидаемых радостей отнимет (отравит) последнюю возможность наслаждаться жизнью. В итоге разочарование, тоска и отчаяние. Иначе и быть не может: без Господа Спасителя, Его царства и духовной вечери нет настоящей жизни, нет истинного блага, нет и счастья; все тогда беспросветная тьма и духовная смерть. Ветвь, оторванная от лозы, засыхает: подобно сему и христианин, оторванный от Церкви (Царства Божия) и не пребывающий во Христе, погибает для истинной жизни.

Будем же, брат. христ., помнить это, и не будем отвращаться от любящей и общей всем нам Матери – Церкви. Она, не умолкая, зовет всех в Царство Божие, на духовную вечерю Господню; ее зов есть глас Божий. Не идти на этот зов, значит – повторить страшную ошибку званных Евангельской притчи и, как они, остаться вне царства Божия. – Аминь.

Свящ. Г. Прозоров

VIII. Брояковский С., свящ. Спасительное значение молитвы и милостыни за умерших.¹⁸¹ (Для внебогослужебного собеседования). // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 775–787

Признавая великую пользу для душ усопших в поминовении их, св. Церковь предлагает и средства для достижения этой цели. Средства эти: молитва частная, молитва общественная и милостыня: *«Вот какое дерзновение мы имеем к Нему (Сыну Божию), что, когда просим чего по воле Его, Он слушаешь нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, знаем и то, что получим просимое от Него (1Ин.5:14–15), говорит возлюбленный ученик Христов, Иоанн Богослов. Вся, елика аще воспросим в молитве верующе, приимем (Иак.5:16), свидетельствует другой апостол. На сем основании молитва всякого верующего об усопших и прошения наши ко Господу об облегчении их загробной участи могут быть услышаны Господом Богом. Вот почему у благочестивых христиан существует благочестивый обычай в молитвах утренних и вечерних творить молитву за усопших сродников, чтобы они, по неизреченному милосердию Божию, сподобились быть в лоне Авраама, Исаака, и Иакова, в вечном жилище прохлады, света, мира и покая, в месте, отнюду же отбеже болезнь, печаль и воздыхание (Нов. Скр. ч. 4, гл. 23, § 1). А что молитве этой внемлет Бог, об этом мы находим многочисленные свидетельства в житиях св. угодников Божиих.*

Так, у св. мученицы Перпетуи умер брат, по имени Динократ. Когда во время гонений на христиан св. Перпетуя заключена была в темницу, там вспомнила она о своем умершем брате и стала молиться о нем Богу. В следующую ночь ей было такое видение. Брат ее вышел из темного места в сильном жару. Жажда жестоко мучила его. Видом он был нечист, на лице у него была рана, с которою он умер. Между ним и св. мученицей лежала глубокая пропасть, которая не позволяла им приблизиться друг к другу. Возле того места, где стоял Динократ,

был колодезь, полный воды. Но край колодезя был настолько выше его роста, что томимый жаждою Динократ ртом никак не мог достать из него воды. Из этого видения св. мученица уразумела, что брат ее находится в муках. С сильным плачем и слезами стала она ежедневно молиться о помиловании его. По истечении некоторого времени она удостоилась второго видения: темное место стало светлым; брат ее был уже чист лицом и одет в прекрасную одежду, на лице не была уже раны, а оставался только след ее. Вместо сильного жара явилась прохлада; край колодезя, значительно понизился и был только в пояс ему; на краю стояла золотая чаша, полная воды. Динократ брал эту чашу, пил из нее и был весел. Тем и кончилось видение. Св. мученица поняла тогда, что по молитвам ее брат был освобожден от мучений. (Уроки и прим. христ. веры, надеж. и любв. ч. 1, стр. 243–244).

Св. Иоанн Дамаскин повествует, что у одного св. старца был ученик, который жил беспечно и вовсе не думал об угождении Богу. В полной беспечности постигла его кончина. Старец очень хотел знать, где находится его умерший ученик, и усердно стал молиться Богу, чтобы Он открыл ему. Господь внял слезной молитве старца и показал ему того юношу горящим в пламени до шеи. Тогда св. старец с воплем и стенаниями стал просить Бога о помиловании несчастного ученика; к молитве он присоединил еще и пост. Чрез несколько времен ему в видении был открыт юноша горящим в пламени только по пояс. Старец еще усилил свою молитву, и Господь показал ему юношу совершенно изъятый из пламени (сл. об усопш. в вере Христ.).

Но если столь важное значение имеет для умерших частная домашняя молитва, то еще более имеет силы молитва общественная, совершаемая в храме пред престолом Божиим священником, которому Самим Богом дана власть ходатайства за живых и умерших. Особую силу имеет молитва потому, что она соединяется с совершением бескровной жертвы, которую, по словам патриархов Восточно-Кафолической Церкви, в частности приносит священнослужитель для каждого христианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая и Апостольская Церковь (Посл. патр. Вост. Кафол.

церкви чл. 18). О силе бескровной жертвы нет при этом нужды много и говорить, достаточно принять во внимание, что Сам Сын Божий Господь таинственно на святом престоле приносится в жертву умилоствления за грехи усопшего и тем подвигает божественное милосердие к прощению грехов его.

О важности совершения бескровной жертвы за умерших мы находим свидетельства у многих отцов и учителей Церкви, начиная со времен апостольских. С развитием общественного богослужения, поминовение умерших входит, как составная часть, в самое богослужение, составляя необходимую часть литургии. Уже в самых ранних списках их (литургия св. Марка, Апост. постановл.) мы встречаем указания на это. Св. апостол Иаков, научившись у Христа, составляя литургию, включил в нее и молитвы за умерших. Мужи апостольские, Тертуллиан, св. Киприан и св. Дионисий Ареопagit свидетельствуют о том же. Св. Кирилл Иерусалимский в 5 огласительном поучении своем между прочим говорит: «превеликая будет польза душам, о которых моление возносится в то время, как святая предлежит и страшная жертва. После того как совершена была эта духовная жертва, которую мы приносим, чтобы вспомнить еще тех, которые прежде умерли, сперва патриархов, пророков, апостолов, мучеников, чтоб Бог молитвами их и молениями принял молитвы наши; потом за умерших отцов и епископов; и наконец мы просим за всех, которые прежде нас скончали жизнь, веруя, что мы поможем душам тех, за которых приносится молитва св. жертвы, т.е. евхаристия». «Не должно сомневаться, – пишет блаженный Августин, – что молитвы св. Церкви и спасительная жертва, совершаемые за души умерших, вспомоществуют им к тому, чтобы Господь был к ним милостивее, нежели сколько заслужили они по грехам своим. Ибо вся Церковь соблюдает это, как преданное от отцов, чтобы за скончавшихся в общении Тела и Крови Христовой молиться, когда воспоминаются они в свое время при самом жертвоприношении, и выражать, что жертва приносится и за них» (Догм. богосл. преосв. Макария, т. 5, стр. 167).

Приняв литургии от апостола Иакова во всей целости ее чинопоследования, вселенский учитель Василий Великий

сократил ее только в словах, сколько того требовали обстоятельства верующих. Восприняв ту же литургию, св. Иоанн Златоуст расположил в нескольких местах ее молитвы за умерших. «Когда весь народ и священный собор стоял с простертыми к небу руками, – говорит он, – и когда предлежит страшная жертва: как не умиловим мы Бога, молясь за умерших?» (Бес. 41 на 1 посл. Коринф.). О важности поминовения усопших на литургии свидетельствуют и другие Отцы, и Учители Церкви. Так, св. Афанасий Великий на вопрос 34: «и так что же, не ощущают ли некоторого благодеяния и души грешных, когда в память их совершаются собрания?». Отвечает: «если бы усопшие не были причастны некоторым благодеяниям от сего (поминовения), то они не были бы поминаемы во время приношения бескровной жертвы. Но как лоза, когда цветет она вне дома, среди поля, запах ее ощущает и заключенное вино и начинает цвести в одно время с лозою: так разумевай и о душах грешных: и они причащаются некоего благодеяния от бескровной жертвы и благотворений, которые творят в память их, – причащаются так, как ведает и повелевает Сам Обладатель живых и мертвых, Господь и Бог наш». В молитвах св. Пятидесятницы на вечерне сказано, что Господь сподобляет принимать от нас молитвенные умиловления и жертвы, *о иже во аде держимых с надеждою для них мира, ослабления и свободы*. Молитву об умерших св. Церковь, обыкновенно, оканчивает провозглашением *им вечной памяти*, обозначая этим, что между мертвыми и живыми находится неразрывная связь, не прекращающаяся и по смерти, а это и служит главным основанием молитв живых за умерших, а особенно принесения за них бескровной жертвы до тех пор, когда *приидет Сын Человеческий во славе Своей и соберутся пред Ним все народы* (Мф.25:31). Вот почему св. Церковь и творит повседневно Божественную литургию, на которой поминаются не только живые, но и все от века усопшие, в *надежде воскресения и жизни вечной* (Чин. проском.).

Сколь великую пользу для душ усопших имеет поминовение их на литургии, об этом св. Григорий Двоеслов рассказывает следующее: «Две благородные девицы дали клятвенный обет

Богу жить в постничестве и молитвах. К несчастью, сколь чисто было их житие, столь не обуздан язык: осудить, оболгать, укорить – было обыкновенным делом для постниц. Преподобный Венедикт, узнав о сем, нарочно послал к ним ученика своего и отечески советовал удержать язык свой и, в случае непослушания, грозил отлучить их от Божественного причащения. Но безумные девицы начали издеваться и над св. Венедиктом. Вскоре после сего они умерли и, как великие постницы, погребены были в церкви. Но когда в этой церкви совершалась божественная служба и диакон возглашал: *елицы оглашении изыдите*, некоторые из христиан видели двух девиц, всякий раз восстающих из гроба и выходящих из церкви. Сие чудное явление продолжалось несколько времени... Наконец, известился о сем и преподобный Венедикт: он пролил о них слезы сердечного сокрушения и, послав просфору в оную церковь, велел вынуть частицы в жертву Богу о упокоении душ их. С того времени никто уже не видел их вон исходящих, и христиане уверовали, что злязычные постницы жертвою и молитвами преподобного Венедикта получили от Бога прощение (Учил. Благ. ч. III, стр. 216–217).

Тот же святой повествует, что братия одного монастыря лишила погребения умершего инока, при жизни одержимого страстью сребролюбия, и в предостережение других первые тридцать дней не молились за него. Потом из сострадания к его душе в продолжение следующих тридцати дней была приносима на литургии бескровная жертва с молитвою об отпущении грехов. В тридцатый день, когда совершена была последняя литургия за умершего, он явился в видении своему живому брату и сказал: «доселе худо было мне; теперь же стало хорошо, ибо сегодня я получил прощение» (Бесед. кн. 4, гл. 55).

Не малую пользу душам усопших приносит милостыня и благотворения, совершаемые живыми в память их. Слово Божие говорит: *милостыня от смерти избавляет и тая очищает всякий грех* (Тов.12:9). Господь Иисус Христос Сам неоднократно являл примеры милости Своей одним по ходатайству других: так исцелил слугу сотника за ходатайство господина (Мф.8:5–13), дочь жены хананейской по силе веры и молитвы матери ее

(Мф.15:21–28; Мк.7:24–30). Эти и многие другие евангельские примеры молитвенного ходатайства одних за других положены Церковью в основание молитв живых членов Церкви земной за умерших и благотворений в память их. *От имени их (усопших) раздавайте нищим, на воспоминание их:* заповедали нам первоверховные апостолы Петр и Павел (14 прав. св. ап. Петра и Павла). Таким образом, мы видим, что приношения за умерших узаконены еще в Ветхом Завете и подтверждены во времена апостольские. Св. Отцы также находят нужным и полезным в память усопших творить милостыню. «Где бы не был положен скончавшийся в вере и благочестии, пишет св. Афанасий Великий, благотворно будет принести за него свечу, фимиам и елей, с призыванием имени Христа Бога, ибо все не приятно Богу и весьма благотворительно скончавшемуся. Делающий такое приношение за усопших поступает подобно тому, как если бы кто во время болезни малолетнего своего сына, принес за него в храм Божий свечу, елей и фимиам. Все сие приносит не само дитя, но тем не менее все сие вменяется дитяти. Точно надлежит думать и об усопшем, когда и о нем приносятся свечи, елей и все жертвуемые ради спасения его дары: они вменяются ему точно так же, как если бы он сам приносил их. Богоглаголивые Апостолы, учителя Церкви и служители таин Божиих, Богодухновенные отцы приятно Богу, и законом постановили приносить за умерших бескровную жертву, молиться и петь псалмы, раздавать милостыню и творить другие воспоминания» (Творен. Дамаск., стр. 520). Во времена Иоанна Златоуста и раньше сродники и знакомые умерших во дни поминовений их приносили к жертвеннику дары в пользу клира, присутствующих во храме и бедных (Злат. ст. 62, т. 5). А о благотворениях в память усопших св. Иоанн Златоуст так учит: «почти умершего милостынями и благотворениями: ибо милостыня служит к избавлению от вечных мук» (41 бес. на Ев. Иоан.). «Не напрасно, говорит он, узаконено *апостолами* творить пред страшными тайнами поминовение об усопших: они знали, что великая бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние; не напрасно бывают приношения за усопших, не напрасно моления. Не напрасно милостыни; все это установил

Дух Святой, желая, чтобы мы получили пользу друг чрез друга». (Бес. на [Филип. 3](#) и на [Деян. 21](#)).

О пользе милостыни, раздаваемой в память усопших, в прологе рассказывается следующий пример. У блаженного Кир Луки был родной брат, который, и с принятием иночества, мало заботился о душе своей, – так и умер. Блаженный Лука, скорбя особенно о том, что брат его не приготовился как должно к смерти, молил Бога открыть ему загробную участь брата. Однажды видит он душу брата во власти злых духов. Между тем в келлии умершего найдены были деньги и вещи, из чего старец уразумел, что душа его брата страдает между прочим за нарушение иноческого обета нестяжания, почему все найденное старец поспешил раздать нищим. После сего, во время молитвы старцу открылось судилище, на котором св. ангелы спорят с духами злобы о душе усопшего. Причем ангелы, в оправдание вины умершего, указывали на милостыню, розданную за умершего. На что злые духи возразили: «разве усопший раздал милостыню, раздал не этот ли старец?» и указывали на Кир-Луку. Блаженный подвижник отвечал: «да, я сотворил милостыню, но не за себя, а за сию душу».

Услышав ответ старца, злые духи удалились поруганными, а старец, успокоенный видением, перестал скорбеть об участи брата. (Прол. 24 авг.).

Предложив верующим средства к облегченно загробной участи усопших, посредством поминовения их, св. Церковь на основании Слова Божия, апостольских постановлений, свидетельств отцов и учителей Церкви, а равно откровений и видений св. угодников Божиих, назначила и также нарочитые дни, в которые поминовение усопших особенно полезно и спасительно им. Одни из дней поминовения суть частные и назначены для каждого из умерших, таковы: 3-й, 8, 9, 40 и годово́й со дня смерти его. Другие поминальные дни – общие, когда совершается усиленное моление Церкви за всех вообще православных христиан, в вере скончавшихся, таковы: родительские субботы – мясопустная, Троицкая, Дмитриевская, субботы 2, 3 и 4 недель Великого поста, вторник Фоминой недели и день усекновения главы св. Иоанна Крестителя (29

августа). Каждый из этих дней имеет свои основания к установлению.

Назначив особые дни для поминовения умерших, св. Церковь православная в этом случае руководствовалась прежде всего примером Церкви Ветхозаветной, в которой для поминовения умерших были назначены также известные дни. (См. Чис.19:11–12; 20:30; Втор.34:8; 1Цар.31:13; Сир.22:11). Что обычай помянуть умерших в нарочитые дни существовал еще в первые времена христианства, об этом мы находим указания в постановлениях апостольских, в которых повелевается: «творите усопшим третины в псалмах и молитвах Воскресшего ради тридневного: а девятины на воспоминание сущих зде усопших; и сорокодесят дней по ветхому закону, якоже и жидовстии людие плакахуся Моисея ради, и на всякое лето память им творите, и от имени их раздавайте нищим, на воспоминание их». (14 прав. св. ап. Петра и Павла). Таким образом, определенные дни поминовений существовали уже в апостольские времена. Пр. Иоанн Дамаскин, живший в 9 веке, собрав свидетельства всех Отцов до него бывших, не только исчисляет все известные нам дни поминовений, но учреждение обычая помянуть умерших возносить ко временам апостолов. «Не всуе, говорит он, святая, соборная, апостольская церковь сие от самых апостолов содержит предание в третий, девятый и сорокодесятый день и в годовичное время умершего бывает воспоминание». Что же еще послужило основанием к назначению этих нарочитых дней? Объяснение этих оснований мы находим опять-таки в творениях отцов Церкви. Так, Неофит Радийский в своем сокращении апостольских постановлений, переданных св. Климентом (кн. 8, чл. 42), где упоминаются третины, сорочины и годовщины об усопших, предлагает такие причины установления этих дней: «третины, совершаемые в третий день по смерти, означают тридневное воскресение Христово; девятины умоляют Господа о причисление умершего к девяти чинам ангелов; сорокоусты приносимыми к Богу молитвами изображают плач Израильского народа о смерти Моисея, продолжавшийся до сорокадесятого дня».

Св. Симеон Солунский еще подробнее изъясняет причины установления таких дней. «Третины совершаются потому, говорит он, что Святая Троица даровала воспоминаемое бытие умершего, которое и после преставления явится в лучшем виде, изменившись в состояние лучшее того, какое было в начале. Девятины совершаются для того, чтобы дух умершего, будучи невеществен по естеству и подобен девяточислимым чинам, соединился со святыми духами ангельскими, дабы ходатайством сих духов, соединенных в три лика, умиловлен был Триипостасный Бог и умолен о соединении души человеческой с духами всех святых. Сорокоусты совершаются в воспоминание вознесения Господня, случившегося в четырехдесятый день после воскресения, – и с тою целью, дабы и он (умерший), восстав из гроба, вознесся в лучшем виде, изменив *сретение Судии, быв восхищен на облацех, и тако был всегда с Господом*. Потом память скончавшегося сродники совершают каждый год, показуя тем, что он живет с ними душой, что он бессмертен, что он обновится, когда восхощет Создатель и воздвигнет его тело». (Сим. Сол. гл. 372).

Поминовение усопших в первое время после смерти важно и необходимо особенно потому, что облегчает душе усопшего переход от земли на небо по так называемым мытарствам. Что такое мытарства и как совершается шествие души от земли на небо по ним, подробно можно узнать из описания св. Кирилла Александрийского. «При разлучении души с телом, говорит он, предстанут пред ними, с одной стороны, воинства и силы небесные, с другой – власти тьмы, злые миродержители, воздушные мытареначальники, истязатели и обличители наших дел... Узрев их, душа возмутится, содрогнется, вострепещет, и в смятении и ужасе будет искать себе защиты у ангелов Божиих; но и будучи принята святыми ангелами и под кровом их протекая воздушное пространство и возносясь на высоту, она встретит различные мытарства, как бы некие особые места, на которых противники и миродержцы будут преграждать ей путь в Царствие, будут останавливать и удерживать ее стремление к оному. На каждом из сих мытарств востребуется отчет в особенных грехах. Первое мытарство – грехов, совершаемых посредством уст и

языка... Второе мытарство – грехов зрения... Третье мытарство грехов слуха... Четвертое мытарство – обоняния... Пятое мытарство – всех беззаконий и мерзких дел, учиненных посредством рук. К дальнейшим мытарствам относятся прочие грехи, как то: злоба, ненависть, зависть, тщеславие и гордость... Кратко сказать, каждая страсть души, всякий грех подобным образом будет иметь своих мытарей и истязателей... При этом будут присутствовать и божественные силы, и сонм нечистых духов, и как первые будут представлять добродетели души, так последние – обличать ее грехи, учиненные словом или делом, мыслью или намерением. Между тем душа, находясь среди них, будет, в страхе и трепете, волноваться мыслями, пока, наконец, по своим поступкам, делам и словам или быв осуждена, заключится в оковы, или быв оправдана, освободится (ибо всякий связывается узами собственных грехов). И если за благочестивую и богоугодную жизнь свою она окажется достойною, то ее восприимут ангелы, и тогда она уже не боязненно потечет к царствию, сопровождаемая святыми силами... Напротив, если окажется, что она проводила жизнь в нерадении и невоздержании, то услышит оный страшный глас: «да возмется нечестивый, да не видит славы Господней» (Ис.26:10). Тогда оставят ее ангелы Божии и возьмут страшные демоны. И душа, связанная неразрешимыми узами, низвергается в страну мрачную и тайную, в места преисподния, в узилища подземные и темницы адские (Макар. Прав. Догм. Богосл. Т. V, стр. 77–78). О св. Феодоре известно, что она шла по мытарствам, и что ходатайство о ней св. Василия Нового много помогло ей против истязания здесь за грехи, не покрытые покаянием. Как св. Феодоре помогло ходатайство св. Василия, так и всем умершим грешникам помогает при шествии душ их, по словам св. Макария Египетского, в течение 40 дней по мытарствам, поминовение, известное под именем *сорокоуста*.

Впрочем, установлением сорокадневного поминовения имелось в виду достижение еще одной цели – это утешение живущих на земле, скорбящих по разлуке с дорогими для них лицами. Христианин, сетующий о потере ближе их своих, легко поймет великую важность древнего, православного наставления

Церкви поминать усопших в определенные ею дни. Назначив для поминовения усопших преимущественно первые дни по кончине их, когда сетующие о потере умерших, находясь в великой скорби, особенно имеют нужду в святом утешении и желание продлить свои отношения к отшедшим ближним, Церковь, в эти горестные дни, своими узаконенными поминовениями всего более облегчает печаль сетующих, внушая, что оплакиваемый ими ближний продолжает жить. Он живет в ином мире, где жизнь бесконечная, блаженная и, наблюдая свои отношения к нему, прекрасно удовлетворяет любви сетующих к усопшему, по которой расставаясь с почившим, естественно напутствуют его желаниями вечных, нескончаемых благ, и, по разлуке с ним, мыслями своими часто обращаются к нему и поминают его («Дни Богосл.» прот. Дебольск. стр. 84, изд. 1840 г.).

К общим поминальным дням относятся прежде всего так назыв. *родительские субботы*. В эти субботы св. Церковь призывает нас молиться не только о родных, друзьях и знакомых, но и за всех вообще умерших в надежде воскресения и жизни вечной. Посему и панихиды, совершаемые во дни поминовения всех от века усопших православных христиан называется *вселенскими*. К таким дням относится: а) *суббота мясопустная*, предшествующая мясопустной недели (т.е. воскресенью), в которую совершается Церковью воспоминание второго пришествия Христова – для страшного суда, и потому, накануне этого дня, как предшествующего страшному судищу Христову, Церковь молит Господа о помиловании усопших своих в день нелицеприятного всем воздаяния. Во время богослужения в этот день возносится молитва о всех «от Адама до днесь усопших в благочестивой и правой вере», всякого звания, всякого возраста «о всех яже вода покры, трус объят, убийцы убиша, огонь попали, бывших снеть зверям, птицам и гадам, погибших от молнии и измерзших мразом: яже уби меч, конь совосхити: яже удави плинфа (камень или кирпич); яже убиша чарования напоения, отравы, костного удушения, внезапно умерших и оставшихся без узаконенного погребения» (Синакс. суб. мясоп.).

В Синаксаре, положенном в этот день, говорится, что божественные отцы узаконили творить в этот день память всех усопших в вере, «от священных апостол приемше». Это свидетельство Синаксаря подтверждается уставом Церкви, принятым в V веке от преподобного Саввы освященного, и обыкновением древних христиан, бывшим уже в IV веке (Смотр. Злат. Слово 42 и 43, т. V), обыкновением собираться в определенные Церковью дни на кладбища, точно также, как и ныне православные христиане ходят в родительские субботы на могилы близких.

б) Вторая вселенская родительская суббота бывает накануне дня и называется *Троицкою*. Поминовение усопших в этот день совершается по той причине, что после празднования победы Спасителя над смертью в Праздники Светлого Христова Воскресения и Вознесения, следует молиться за усопших в вере во Христа, чтобы и они были удостоены воскресения для блаженства со Христом на небе.

Установление поминовения в этот день тоже очень древнее. Об этом свидетельствует отец IV века св. Василий Великий, который к молитвам, читаемым ныне Церковью в Троицын день, присоединил и моления об усопших в вере братьях. «Упокой, Господи, души рабов Твоих прежде усопших отец и братий наших и прочих сродников по плоти, и всех своих в вере, о нихже и память творим ныне», говорит Великий Святитель в одной из своих молитв. Отсюда видно, что в IV веке св. Церковь, приняв сие обыкновение «от священных апостолов», совершала в Пятидесятницу память об усопших своих (Дни. Богосл. прот. Дебольск., стр. 98, часть III).

От времен древних и до настоящего времени совершаются поминовения и в субботы 2-й, 3 и 4-й недель Великого поста по следующей причине. Так как в обыкновенное время поминовение усопших совершается ежедневно, а в Великий пост сего по уставу церковному не полагается, потому что полной литургии, с совершением которой оно всегда соединяется во время Великого поста, не бывает ежедневно, то св. Церковь, чтобы не лишить умерших спасительного предстательства своего, установила, вместо ежедневных поминаний, совершать

триады *всеобщие* в субботы 2-й, 3-й и 4-й недель Великого поста, и именно в эти субботы потому, что прочие посвящены особенным празднованиям 1 недели – св. Феодору Тирону, 5 – Похвале Богоматери, а 6 – воскресению пр. Лазаря.

В понедельник, или вторник Фоминой недели совершается поминовение с тем благочестивым намерением, чтобы разделить великую радость Воскресения Христова и с умершими в надежде блаженного воскресения их, радость коего возвестил умершим и Сам Спаситель, когда, сошедши во ад проповедал победу над смертью и извел оттуда души ветхозаветных праведников. Поминовение на Фоминой неделе очень древнее: о нем упоминается св. отцами в 4 веке. (Смотр. слово Амврос. Медиол. 64 и 67). Начало торжественного поминовения усопших в вере положено в Новозаветной Церкви благочестивым обычаем творить память мучеников, среди которых погребали в древности умерших.

В Дмитровскую субботу поминовение учреждено великим князем Димитрием Донским, в день своего ангела, 1380 году, когда он, после одержанной им победы над татарским ханом Мамаем, в Троицкой обители преп. Сергия совершил поминовение убиенных воинов и заповедал творить оное ежегодно в субботу пред 26 октября. Впоследствии времени в этот день стали творить поминовение не только воинов, но и всех православных христиан.

29 августа совершается поминовение православных воинов, на брани за веру и отечество живот свой положивших, подобно тому, как св. Иоанн Предтеча и Креститель Господень положил главу свою за истину, за обличение в беззаконной жизни царя Ирода. Учреждено оно в 1769 году при императрице Екатерине II во время войны с турками и поляками.

Вот сколь велика забота о нас матери нашей Церкви! Печется она о нас, пока мы живем на земле, не оставляет и по смерти. Она знает, как мы небрежны бываем о спасении своей души, как мало заботимся об этом, пока живем, пока возможно принести плоды покаяния, а потому молится о нас и по смерти, молится до тех пор, пока Господь не услышит молитв ее. Возблагодарим же Господа – Бога за то, что мы православные

христиане, принадлежим в Церкви православной, по молитвам которой и предстательству св. угодников Божиих мы можем спасти свою душу, и будем молить всеблагого Бога, чтобы и отпадшие отвергающие спасительное молитвенное помяновение усопших братьев возвратились во двор Отчий, *в разум истины пришли, да вси едино будут.*

Священник Серапион Врояковский

IX. Из міра чудесного и непостижимого //
Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С.
788–789

(Для внецерковного чтения народу и детям)

Благодатная помощь по молитвам к св. Феодосию

В «Черн. Епарх. Вед.» напечатаны следующие письма на имя кафедрального протоиерея о. Платонова о новых чудесных исцелениях недужных по молитвам к Св. Феодосию.

1) Во время моей тяжелой болезни знакомые мои обратились к вам с просьбою отслужить молебен и молиться об исцелении моего недуга у раки святителя Феодосия, после чего я почувствовал сильное улучшение в моем здоровье. Теперь, благодарение Богу, я нахожусь на пути полного выздоровления, что безусловно приписываю милости святого Угодника Божия ко мне.

Губернский врач, доктор Гавриил Семенович Денисенко.

21 сентября 1897 года, г. Баку.

2) Сын мой Всеволод, 4 лет, 15 июня сего года, выбежал на улицу, упал и при падении вонзил себе в левое колено старую заржавевшую булавку, валявшуюся на земле. Приглашенный из города Гродны хирург г. Мюллер извлек булавку, сделал перевязку, приказав снять ее через трое суток. – По истечении означенного времени, местный врач снял повязку, но, к большому горю нашему, объявил, что, по его мнению, начинается нагноение и воспалительный процесс в больном колене, о чем свидетельствовала опухоль и жар в больном месте. После сего начался длинный ряд ночей и дней, тревожных и мучительных, так как опухоль и жар не уступали ни холоду льда, ни действию разгоняющих опухоль втираний. 28 июня я отправил вам телеграмму, прося молиться перед ракой святителя Феодосия. Вечером того же дня, вернувшись от всенощного бдения, нашел ваш ответ и больного сына весьма благодушным, жену радостною вследствие заметного улучшения здоровья больного, что стало заметным часов в 7 вечера, когда ребенок перестал жаловаться на боль и стонать. В одно и то же

время я и жена произнесли обет свезти нашего сына на поклонение к святителю Феодосию. Но так как многие обстоятельства препятствовали осуществлению нашего обета в нынешнее лето, то мы, при улучшении в состоянии болезни сына, стали подумывать отложить поездку в Чернигов на будущую весну. После сего болезнь опять ухудшилась, опять усилилась опухоль и жар. Местный врач стал опять предсказывать нагноение и ужасные последствия. Мы опять обещали непременно ехать в это лето, болезнь опять ослабела, и мальчик стал ходить. Едва мы успокоились, явились новые препятствия к исполнению обета, мы опять стали колебаться исполнением его в это лето, и мальчик вдруг опять слег в постель, причем болезнь опять возобновилась, по-видимому, даже с большею силой. Тогда мы стали молиться святителю Феодосию и обещали бросить все дела и ехать немедленно, как только мальчик оправится. Через неделю мальчик стал опять ходить и ходит по сие время, не ощущая боли в ноге. 21 августа мы отправились в Чернигов, где слезно благодарили святителя Феодосия за исцеление.

Мы убеждены, что в больном колене нашего сына Всеволода после операции начиналось страшное болезненное состояние, плохих последствий которого не скрывал от нас врач. Но по мере нашего молитвенного обращения к святителю Феодосию, болезнь ослаблялась: по мере ослабления наших молитв и вследствие намерения отложить поездку в Чернигов, болезнь опять усиливалась. Наконец, при твердом решении немедленно ехать на поклонение святителю Феодосию – больной выздоровел.

Свидельской церкви, Гродненского уезда, священник Иосиф Гушкевич.

Х. Из жизни Филарета, Митрополита Московского // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 789–791

Тридцать лет отошло в вечность, когда 12 ударов царя-колокола с Ивановской колокольни неожиданно возвестили Москве, что ее первосвятителя не стало. Великий иерарх Московский, в воскресенье, 19 ноября, совершил, по замечанию сослуживших, без всякого утомления, с достаточною по летам силою голоса, божественную литургию; по окончании ее принял к себе одного военного генерала, почти час беседовал с ним, вкусив с просфорю чашку чая, и благословил его удалявшегося. После того вошел во внутренние свои келлии, затем был голос келейника у дверей, возвещавший владыке что «стол готов и кушанье подано». Но владыка уже оставил свое брненное тело для уготовления его положения на стол, для полного облачения архиерейского, а душой уже предстал ко Владыке неба и земли!... Великий святитель скончался в то именно число, о котором ему за несколько лет до того было таинственное видение во сне, памятовать день *19 ноября*. С тех пор иерарх всегда совершал в этот день литургию.

Так мирно и безболезненно окончил свое великое служение Московской и, можно сказать, Всероссийской Церкви архипастырь, горевший на высоком свещнике более 50 лет и своим светом освещавший и согревавший души пасомых!

Память о нем среди народа и общества не умирает, и долго, долго не умрет она, ибо его слова, его дела, его жизнь обессмертили имя Московского митрополита Филарета!

Вот одно из назидательных воспоминаний о нем, живо сохранившееся в глубоко-почтительном ко святителю сердце.

В 1860 году в доме своего родителя, московского священника, лежал на одре болезни прекрасный, 21 года юноша-студент Московской Духовной Академии, С.А. Сергиевский. Болезнь, начавшаяся, по-видимому, от пустой причины – несколько капель дождя упавших на вспотевшего юношу, шедшего вечером в дом своего брата, не поддавалась

лечению, а лечили лучшие в то время врачи Москвы: К.И. Сокологорский, В.П. Крылов и профессора Московского Университета И.М. Соколов и И.В. Варвинский. Больной 39 дней не принимал никакой пищи, не вкушал даже кусочка хлеба с чашкой чая; но во все время болезни, до последней минуты, был в полном сознании и не один раз причащался Св. Таин. Когда, наконец, на вопрос матери, обращенной к профессору Варвинскому, последовал ответ, что на выздоровление больного нет *никакой* надежды, – родной брат, профессор богословия в Университете, И.А. Сергиевский, поехал к митрополиту Филарету – просить его святительских молитв.

Владыка, выслушав все обстоятельства болезни и лечения, обещал молиться, но в беседе своей с отцом протоиереем Сергиевским переносил мысли его в загробную жизнь. С митрополичьего подворья отец Сергиевский прибыл в дом родителей. Утешая их обещаниями владыки молиться, сказал о том же и больному брату.

На другой день приехала сестра больного и часа три сидела неподвижно у его постели, участливо помогая ему принять глоток воды, положить поудобнее подушки, изредка осеняя его крестным знамением. Больной отвечал словами благодарности любимой сестре; вскоре он закрыл глаза, казалось – задремал. В этом состоянии, он вдруг быстро поднимает выше своей груди обе руки, положив правую на ладонь левой, подносит их потом к своим устам, делает поцелуй, слышанный в воздухе и опускает медленно руки на постель, наконец, открыв глаза и обратясь к сестре, твердым голосом говорит ей:

– Проведи Владыку, – вот он идет к дверям, поскорей, – отвори ему!

Сестра поднялась и спросила:

– Какого владыку?

– Митрополита Филарета.

Удивленная такою неожиданностью, сестра быстро пошла в зал и переднюю, – но, понятно, никого не было, никто не входил, и дверей отворять было некому. Чрез два или три дня больной 28 сентября, в 3 часа пополудни, мирно и тихо смежил свои глаза на веки.

Несомненно, – это был момент таинственного взаимообщения душ умирающего верующего доброго христианина и молившегося о нем великого святителя Божия.

Факт этот недавно сообщен в печати и до ныне здравствующим духовником почившего студента – Сергиевского.

XI. Из жизни Платона, митрополита Киевского // Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С. 791–793

В 1823 году, во время экзаменов в Петербургской академии, студент Павел Крылов, из орловских семинаристов, выбившись из слабых сил своих тяжелою экзаменной порой и научными работами, упросил инспектора архимандрита Платона, бывшего затем митрополита Киевского позволить ему лечь в больницу, чтобы отдохнуть и поправить упадок сил лучшей пищей и покоем. Хотя законных оснований, при отсутствии видимого обнаружения болезни, не было к увольнению Крылова от экзаменов и в больницу, но инспектор, по благостности своей, позволил это студенту. Прошла неделя, инспектор никаких новых или беспокойных известий о здоровье Крылова не получал. Но вот что случилось. Просыпаясь обыкновенно около шести часов утра, рассказывал сам Владыка, я вдруг проснулся в пять часов и вижу пред собою призрак в сероватом дымчатом виде с обликом человека, покрытого туманною пеленою; ноги у него сдвинуты (разделения не видно), руки раздвинуты, внутри пустота, голова как два пятна. Я протер глаза, облокотился и смотрю на него, а он на меня... постоял, прошел к окну и исчез сквозь стекло. Смотрю на часы, – 5 часов. Вслед за сим слышу кто-то дернул за дверную ручку кабинета, где я спал. Спрашиваю: кто там? – Яков, больничный служитель! был ответ. Когда я отворил дверь, вошел больничный служитель и сказал, что студент Крылов приказал долго жить. Когда я спросил: давно ли умер? – Минут 5 назад, – отвечал служитель.

Перед смертью своего отца, высокопреосвященнейший Платон, быть может, и в самую минуту смерти, – тоже имел необыкновенное извещение. Раз, после своих вечерних занятий, он в 11 часов лег спать, но не спал еще, а читал книгу; вдруг слышит выстрел в печке, как бы из ружья. Что такое случилось? подумал Владыка, не треснула ли печка? Осмотрел печку, – оказалось все в порядке... На другой день спросил спавших за стеною, не слышал ли кто выстрела, но никто ничего не слышал.

Вскоре после этого Владыка получил известие, что родитель его именно в ту ночь отдал дух свой Богу.

Перед смертью своей матушки и двух дядей, – Владыка тоже видел нечто необычное. «Я занимался, рассказывал нам Владыка, у письменной конторки; предо мною горели две свечи; свет от них падал чрез недотворенную дверь в соседнюю комнату и несколько освещал ее. Я почему-то взглянул в ту сторону, – и вижу: в комнате этой три женские головы, покрытые черным покрывалом, так что одна голова как бы выдается вперед, а две другие у нее за плечами. Я взял свечу и пошел посмотреть видение, но ничего не нашел. Вскоре получил известие, что мать моя умерла от холеры и с ней два дяди.

Одна серьезная английская газета недавно сообщала следующую историю с таинственным видением, происшедшим в доме герцога Марльборо. Одной молодой даме, приехавшей в гости из Нью-Йорка к герцогине Марльборо, урожденной мисс Вандербилт, были отведены в первую ночь по прибытии две роскошные комнаты во втором этаже правого флигеля; эти комнаты были необитаемы до того времени уже несколько лет, несмотря на то, что из них открывается чудный вид. Взойдя по чудесной лестнице в отведенные ей комнаты, молодая американка начала готовиться ко сну. Отослав горничную, она села к весело пылавшему огню в камине и, почитав немного, легла в постель и сейчас же заснула. Среди ночи она вдруг проснулась от какого-то непонятного ей чувства и привстала на постели. Она была поражена ярким светом в камине, тогда как ясно помнила, что вечером огонь в камине совершенно потух. Вслед за этим она ясно услышала медленные шаги по коридору; шаги эти остановились у ее двери и в то же время раздался стук в дверь. Думая, что в замке что-нибудь произошло и ее пришли звать, молодая дама спросила, кто там, но вместо ответа стук повторился и шаги так же медленно стали удаляться, а огонь сейчас же в камине погас. Почти до обморока напуганная молодая женщина закрылась с головой в одеяло и некоторое время пролежала так. Но вдруг она опять услышала шаги, комната опять осветилась светом из камина, дверь из соседней комнаты отворилась и пред ней предстала высокая фигура

мужчины в костюме XVII столетия. Несчастливая испуганная гостья закричала и нажала пуговку электрического звонка над постелью, но в ту же минуту дух исчез. Пришедшая на звонок горничная, узнав о случившемся, рассказала, что вся прислуга знает об этом призраке. Следующую ночь спал в этой комнате сам герцог, но призрак больше не являлся.

**XII. Отличайте священное от не священного//
Миссионерское Обозрение, 1897, Декабрь, кн. 2. С.
794–800**

(Опыт наглядного) (через рисунок) доказательства (при полемике) различия св. икон и языческих кумиров)

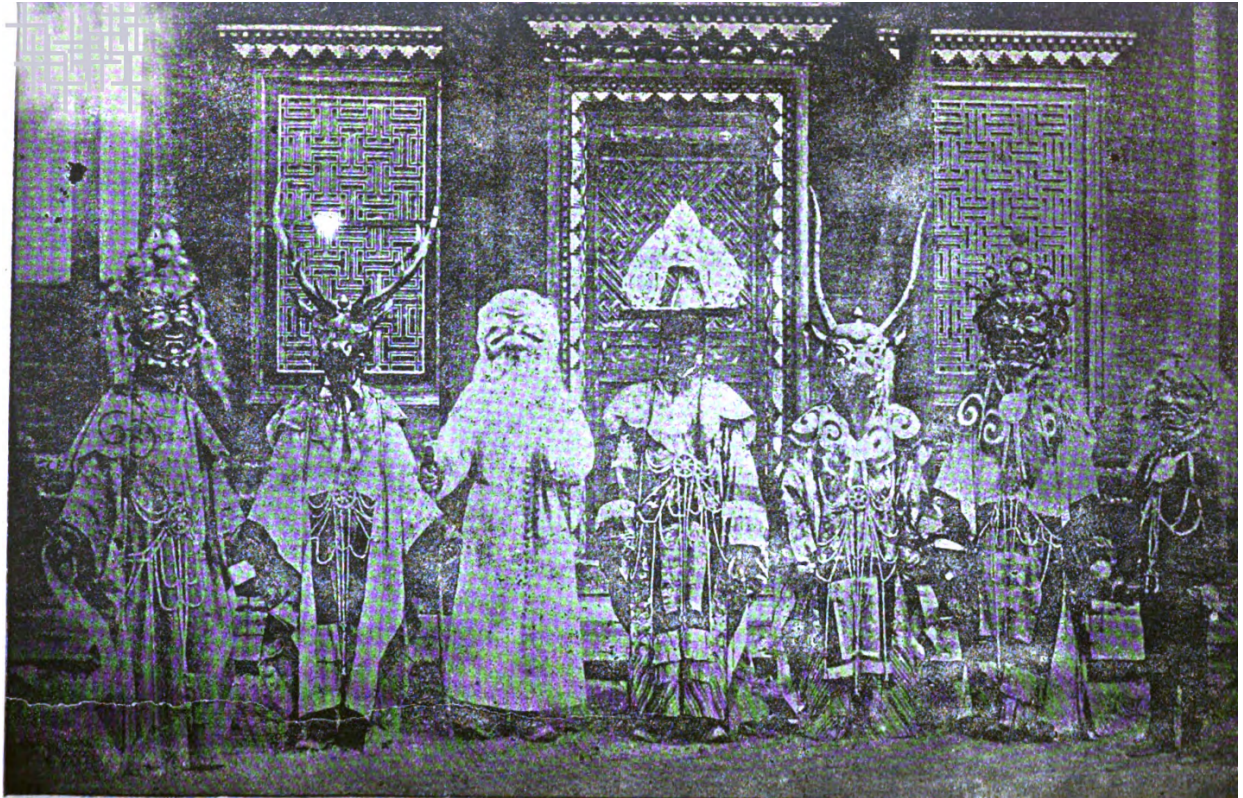
Что общего у света со тьмою? Какая
совместность святых образов небесного
(храма Божия) с идолами (2Кор.6:14–16;
Евр.8:5, 9, 23)?

«Сын человеческий! прилагай сердце твое ко всему, смотри глазами твоими и слушай ушами твоими все, что Я говорю тебе о всех постановлениях **дома** Господня и всех законов его». (Иез.44:5).

«Так говорить Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, Святый имя Его: Я живу **на высоте небес** и **во святилище**, чтобы оживлять дух смиренных и сердца сокрушенных (Ис.57:15). Я открыл Себя им. Я написал важные законы Мои. Я даровал вечное постановление в роды, чтобы могли отличать *священное от несвященного*, чистое от нечистого (Лев.10:10; Ос.8:12). Священники мои должны учить народ Мой отличать святое от несвятого и объяснять, что чисто и что нечисто. Потому что он (священник) – вестник Господа Саваофа (Иез.44:28; Мал.2:7). Но вы уклонились от пути сего (Мал.2:8). Законы Мои сочтены (вами) как бы чужие (Ос.8:12), вы хулите имя (Господне) Мое, говоря: трапеза Господня не стоит уважения; тщетно служение Богу и что пользы соблюдать (обрядовые) постановления Его? Дерзостны предо Мною (такие) слова ваши, говорит Господь (Мал.1:12; 3:13–14). Вы святынь моих не уважаете, святого от несвятого не отличаете, различия между чистым и не чистым не полагаете и от праздников (суббот) Моих закрыли глаза свои (Иез.22:8, 26). Вы говорите: «будем, как язычники, как племена иноземные» (Иез.20:12). «Внимает Господь и слышит это. Но вот, придет день, пылающей как огонь, тогда увидите различие между служащими Богу и неслужащими Ему» (Мал.3:16–18; 4:1). «Разве вы не знаете? разве не слышали? разве вам не говорено было, *что идолы в мире ничто*, что они произошли от искусства и суть изображения вымысла человеческого» (Ис.40:21; 1Кор.8:4; Деян.17:29).

«И сказал мне Господь: войди и посмотри на отвратительные мерзости, которые они делают здесь. И вошел я, и вижу, вот всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных – всякие идолы, написанные на стенах кругом» (Иез.8:9–10). **Кому же вы уподобляете Меня и с кем сравниваете?** говорит Святый» (Ис.40:25). «Что общего у света со тьмою»? (2Кор.6:14).

Изображение языческих богов (идолы) буддийского культа
 Дабы ревнующие о служении Единому, Истинному, Невидимому и Всесвятому Богу и не утвержденные в вере души (2Пет.2:14), читая или слыша прещения и угрозы Слова Божия на читателей ложных божеств или идолов, не разумея Писания, ни силы Божией, не смущались духом при виде священных изображений Бога небесного и прельщаемые лживым учением людей, вносящих пагубные ереси (2Пет.2:1), не изменили истину Божию во лжу, т.е. отрицаясь идолов, не дерзнули наряду с ними отвергнуть и священные образы небесного, мы в сопоставление с изображениями священными предлагаем также и рисунок, изображающий ложных богов или *идолов* современного языческого культа *буддийского*, как образчик тех идолов, которые возбраняются второю заповедью десятисловия и осуждаются во многих местах Св. Писания под различными наименованиями: кумиров, подобий, «истуканов, изваянных и слиянных, богов чуждых, языческих, рукотворенных, суетных и мерзостей, как богопротивное измышление извращенного грехом ума человеческого (Исх.21; Лев.26:30; Втор.4:19–20; Пс.113:12–17; 134:15–19; Прем.13:10–19; 15:15–19; Ис.44:12–18; Иез.8:9–10;

Деян.17:89; Рим.1:22–23). Языческие идола, представленные на нашей картине, дают наглядно уразуметь каждому настоящий смысл изречения апостольского: **идол в міре ничто** (1Кор.8:4)., т.е. идола суть ничтожества (суетное-пустое), так как представляют искаженный образ таких предметов, которых в действительности, в міре живых существ нигде нет, никогда не было и быть не может, что они – вымышленное, по большей части нелепое, уродливое создание извращенного страстями воображения человеческого, плод сонных грез больного. Иной, напр., идол из упоминаемых в библии представляет половину человека и половину рыбы (Дагон Флистимский), другой – фигуру человека, с головою вола (Ваал Финикийский), или женщину с коровьей головою, украшенной огромными рогами (Астарта), или тело женщины с крыльями коршуна (Изида); медного вола с протянутыми руками человека, требующего кровавой человек. жертвы (Молох), человека с головою птицы – ястреба или ибиса, с головою зверя – шакала, барана, львицы, кошки, крокодила. Словом – не оставалось ничего из предметов видимого міра, – начиная от величественного светила солнца до ничтожного жука, – которые бы в измененном фантазией человеческою виде не изображались в храмах и не почитались в качестве богов. И подобными изображениями были переполнены египетские языческие храмы. Имеющиеся на нашем рисунке чудовищные изображения богов буддийского культа по своей уродливости и крайнему безобразию напоминают ту группу древних (библейских) терафимов (домашние идола), которые своим чудовищным безобразием имели в виду приводить в ужас злых демонов, и тем (по суеверному понятию) охранять от них жилища людей. По существующим описаниям, фигура такого божества (олицетворяющего страх) представляет из себя туловище собаки с ногами орла, с руками, снабженными лапами, головою, наполовину обнаженною до костей и украшенной огромными рогами козла и проч. (Смотри описание фигуры, хранящ. в Лувр. музее Библ. истор. В.З. Фаррара т. I, стр. 376).

Сопоставьте сии отвратительные изображения вымыслов болезненной фантазии со св. иконами по их содержанию (предмету) и происхождению.

«Какая совместность святых образов (небесного) Храма Божия с идолами»? В них изображается великая благочестия тайна откровения невидимого, непостижимого и Святейшего Бога. «Единого имеющего бытие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может (1Тим.6:15–16), но Которого Единородный Сын, Сущий в недре Отчем, будучи образом Бога невидимого (Кол.1:15) и сиянием славы и образом Ипостаси Его (Евр.1:3), Он открыл, явившись во плоти, оправдав Себя в Духе (Святом), нисшедшем на Него в телесном виде как голубь (Лк.3:22), показал Себя ангелам, проповедан в народах и принят верою в мире» (1Тим.3:14–16).

Сия тайна откровения человеку Бога в Троице славимого и во святых своих дивного – есть тайна спасения нашего во Христе: «быв сначала проповедана Самим Господом, она утвердилась в нас *слышавшими* от Него, при засвидетельствовании от Бога знамениями и чудесами, и различными силами, и раздаянием Духа Св. по Его воле» (Евр.2:3–4). И ныне возвещается она в св. Церкви не только чрез письмена, но *и чрез начертание в св. иконах*, «не хитросплетенным басням последуя, но так, как принята от бывших очевидцами величия Его (2Пет.1:16). О том, что слышали, что видели они своими очами, что рассматривали и что осязали руки их о Слове жизни, которое было у Отца и явилось и обитало среди нас (людей) во плоти, они возвещают и нам, чтобы и мы (по вере) имели живое общение с ними, (очевидцами Слова), а чрез них были в общении со Отцом и Сыном Его Иисусом Христом» (1Ин.1:1–3; Ин.1:14, 18). «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителей и учениям бесовским (1Тим.4:1). Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии (обольстители) противятся истине (Божией), люди, развращенные умом, невежды в вере (2Тим.3:8), отрицая видимое изображение божества (св. иконы), они не исповедуют Иисуса Христа Сыном Божиим пришедшим во плоти. А такой человек есть обольститель и антихрист» (2Ин.7).

«Итак, вы возлюбленные, будучи предварены о сем, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждениями беззаконников и не отпасть от своего утверждения» (2Пет.3:17). Смотрите, чтобы по лукавству и неверности сердца в ком-либо из вас, не отступить вам от Бога живаго» (Евр.3:12).

«Если отвергшийся закона Моисеева без милосердия наказывается смертью, то сколько тягчайшему наказанию повинен тот, кто попирает Сына Божия (попирая святейший образ Его) и не почитает за святыню Кровь (нового) Завета (уничижая крест Его)? Мы знаем Того, Кто сказал: у Меня отмщение» (Втор.32:35; Евр.10:28–30).

Н.П.

Примечания

¹ - См. его сочинения: «Geschichte der reformirten Kirche in Russland». 1865; «Urkundenbuch der evang.-reform. Kirche in Russland», 1889; «Die Russische Kirche», Leipzig, 1892 и др.

² - Вот эти мысли (в обратном переводе с немецкого), который Дальтон торжественно преподнес своим читателям, как нечто совершенно новое и неслыханное в русской печати. «Одного государственная власть не вправе требовать, одного ей не отдадут и не уступят, – то, в чем каждая в отдельности верующая душа и все вместе видят основание своей религиозной жизни и входят в соприкосновение с вечностью». «Есть глубины, которых государственная власть не может касаться и не должна касаться, если не желает возмутить самые источники веры всех и каждого порознь».

³ - См. об этих статьях «Мисс. Обзор.», 1896, Сент. кн. 1. Дальтон почему-то приписывает ее кн. Ухтомскому, сопровождавшему государя Императора в его путешествии по Востоку.

⁴ - Экспертиза эта, как имеющая ближайшее значение для юристов, имеет быть напечатана полностью в журнале Министерства Юстиции.

⁵ - В Оренбургском окружном суде все дела рассматриваются без участия присяжных заседаний.

⁶ - Последние слова напоминают изречение федосеевцев: «не согрешишь, не покаешься, не покаешься, не спасешься». С точки зрения хлыстов в связи с «духовными сестрами» и греха даже нет. Как попала означенная фраза в уста хлыстовского «пророка», и объяснить пока трудно.

⁷ - Сентенция эта совершенно хлыстовская, которую проводил некогда известный хлыстовский пророк Радоев. («Люди божии» проф. Добротворского).

⁸ - По предварительному следствию, – обвиняемого Михаила Щукина, но по объяснению на суде, – кого-то другого.

⁹ - Большие собрания хлыстов и устрояются под праздники православной Церкви.

- ¹⁰ - Хлысты действительно причащаются кусочками хлеба.
- ¹¹ - Обстоятельство это на судебном следствии не вполне выяснено.
- ¹² - См. Мисс. Обзор. 97 г. Май кн. 1, стр. 389–396.
- ¹³ - Братск. Слово 83 г. I, стр. 407–408.
- ¹⁴ - Там же, стр. 26.
- ¹⁵ - Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 464.
- ¹⁶ - Русск. вестн. 62 г. февр. 779. «Из истории Преображ. кладбища».
- ¹⁷ - Лит. еп. вед. 1872 г. номер 12, 491.
- ¹⁸ - Братск. Слово, 83 г. ч. I, 33.
- ¹⁹ - Собран. соч. арх. Павла, ч. III, 466–467.
- ²⁰ - Собр. соч. арх. Павла, ч. III, 467–468.
- ²¹ - Там же, ч. II, 372–373.
- ²² - Там же, ч. III, стр. 468.
- ²³ - Павел (Белокриницкий), впрочем, думал помочь своему учению и несколько иным способом. Привыкши к «сманиванию», он вздумал приложить этот метод действования и по отношению к Павлу. Будучи, однако, тактичным и в высшей степени осторожным, он эту миссию возложил на известного Онуфрия, человека, мало понимавшего тонкости людской хитрости, крайне добродушного. Последствия этой миссии не сделали чести проницательности и предусмотрительности Павла Белокриницкого. Онуфрий не только не пленил Павла, но сам попался к нему в плен: спустя некоторое время он сложил с себя незаконно носимые святительские одежды и бывший епископ австрийской иерархии сделался впоследствии смиренным иноком Никольского единоверческого монастыря в Москве. Собр. соч. арх. П. III, 476.
- ²⁴ - Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 469.
- ²⁵ - Там же, стр. 479.
- ²⁶ - Братск. Слово, 83 ч. I, стр. 73.
- ²⁷ - Впоследствии он был старообрядческим архиереем с именем Антония (Шутов).
- ²⁸ - Братск. Слово 83 г. 378.

- ²⁹ - Братск. Слово 83 г. I, 333.
- ³⁰ - Братск. Слово 83 г. I, 333.
- ³¹ - Там же, стр. 398.
- ³² - Собр. соч. арх. Павла, ч. III, стр. 504.
- ³³ - Литовск. еп. вед. 1872 г., номер 13, 493.
- ³⁴ - «Истина» 1871 г. кн. XVIII, стр. 73. «Начало истории прусского безпоповского монастыря».
- ³⁵ - Лит. еп. вед. 72 г. номер 13, 494.
- ³⁶ - Собр. соч. арх. Павла, ч. III, 506.
- ³⁷ - Там же, ч. II, 264.
- ³⁸ - Там же, ч. III, 506.
- ³⁹ - Приб. к твор. свв. отец 1860 года XIX, 2 стр. Пис. Мурав. 566–568 стр.
- ⁴⁰ - Записки о жизни и времени святителя Филарета м. Московск., составл. Н. Сушковым. М. 1868 г., прил. стр. 162.
- ⁴¹ - См. Мисс. Обозр. 1896 г. Декабрь, кн. 1.
- ⁴² - В штундистских общинах Киевской епархии наблюдается такое же нравственное разложение. Ред.
- ⁴³ - Сказана 4 января 1887 года, в Московском большом Успенском Соборе по посвящении бывшего ректора Воронежской семинарии.
- ⁴⁴ - Хиротония архимандрита Христофора, ректора Московской духовной академии совершена 25 мая 1887 г., в Сергеевой Лавре.
- ⁴⁵ - Сочинения св. Димитрия, Митрополита Ростовского. Ч. 2, стр. 36–42.
- ⁴⁶ - Таково, между прочим, обольстительное лжеучение известного Пашкова, столичного проповедника новой веры, которую простой, крепкий в православии русский народ окрестил названием «новой легкой веры». Христос понес наказание на кресте за всех грешников и спас нас: нужно поверить этому, и мы спасены: никакие подвиги веры в деле спасения нашего никакого значения не имеют. Уверовавший находится в руках Сильного, который сам управляет им (как машиной) «Ни теперь грешу –

сознается Пашкове – но уверен, что получу царствие Божие – потому что верю в мое спасете рукою Сильного». Ред.

⁴⁷ - Из Поучения Преосвящ. Иринея, Епископа Подольского и Брацлавского.

⁴⁸ - Впрочем, люди науки обыкновенно живут в больших городах, а потому знают о хлыстах и мормонах понаслышке, по неполным, а чаще – неверным сообщениям газетным, а потому и не удивительно, если они обманываются.

⁴⁹ - Так именуются хлысты в Новохоперск. у. Ворон. губ. Сведения об этой секте см. ж. «Мисс. Обозр.» кн. 1 Июнь текущего года.

⁵⁰ - Пис. пр. Иоанна Кассиана Римл. стр. 190.

⁵¹ - Бес. Злат. на еванг. Матф. т. 1, 429.

⁵² - Преп. Кассиан, стр. 189.

⁵³ - Посл. преп. Иоанна Кассиана, стр. 194, 195, 198, 199, 454.

⁵⁴ - Преп. Кассиан, стр. 69.

⁵⁵ - Бесед. Злат. на разные места Пис. т. III, 20.

⁵⁶ - Сочин. Кассиана Римл., стр. 151, 162.

⁵⁷ - Разница между ними только в определении времени и порядка епископствования Климента в Риме. Более определенное и достоверное свидетельство об этом находим у св. Иринея, епископа Лионского, жившего близко ко временам апостольским (во 2 и начале 3 в.) и бывшего учеником св. Поликарпа, епископа Смирнского, ученика св. ап. и Ев. Иоанна Богослова. По его словам, «блаженные Апостолы (Петр и Павел), основав и устроив церковь Римскую, вручили служение епископства Лину, о котором Павел упоминает в послании к Тимофею» (2Тим.4:21). Он управлял церковью Римскою 12 лет (с 68 по 80 г.). Преемником ему был Анаклет, управлявший церковью также 12 лет. Ирин., Прот. ересей 3,3. В это время св. Климент был деятельным сотрудником первоверховных Апостолов.

⁵⁸ - См. Чет.-Мин. 29 июня.

⁵⁹ - Евс. Церк. Ист. 3, 38.

⁶⁰ - Против ересей 3, 3.

⁶¹ - И поныне в Инкермане, недалеко от Севастополя, имеется несколько пещерных храмов и в числе их одна «церковь св. Климента».

⁶² - См. Чет.-Мин. 25 ноября.

⁶³ - Гробница с мощами св. Климента и поныне находится в Римской церкви св. Климента, воздвигнутой, как полагают, на месте бывшего его дома.

⁶⁴ - Макария, Ист. Русск. Ц. т. 1, стр. 83–84.

⁶⁵ - Таковы: 1-е и 2-е посл. Климента к Коринфянам, послания о девстве, 8 книг Постан. Апостольских, 85 Правил Апост., «Встречи» и «Беседы»; последние два апокрифич. характера.

⁶⁶ - Напр., Егезипп и Дионисий, епископ Коринфский, жившие во 2 в. (Евсевия, Церк. Ист. 3, 16. 14, 22. 23); Ириней, еп. Лионский (Прот. Ерес. 3, 3) и Клим. Александр., во 2 и нач. 3 в., Ориген в 3 в., Евсевий Кесарийский († 338 г.), Епифаний Клитрет († 403 г.), бл. Иероним († 430 г.) и мн. др.

⁶⁷ - Особенно важно здесь свидетельство Дионисия, епископа Коринфского, в послании его к римским христианам (ок. 168–176 г.): «Сегодня мы, пишет он, провожали святой день Господень (воскресный) и послание ваше, которое и всегда будем читать для нашего наставления, равно как и первое, написанное Климентом» (Евс. Ц. Ист. 4, 23). Так же Епифаний Кипрский, Против ерес. 30, 15, 25, 6. бл. Иероним Катол. Церк. писат. 15.

⁶⁸ - Широта (πλάτυς) у отцов Церкви часто обозначает радостные состояния сердца.

⁶⁹ - Это место Св. Писания, равно как и другие св. Климент приводит по тексту 70 толковников, но не с буквальной точностью.

⁷⁰ - Добавить теперь можем, сто в последнее время появилось сочинение «Броня правды», которая вся соткана из несущественных разногласий и ошибок частных писателей особенно прежнего времени, существенного же и положительного в пользу раскола не сказано ровно ничего.

(Разбор этого сочинения сделан Е. Антониновым и напечатан в «Братском Слове» и отдельной брошюрой 1897 года).

⁷¹ - Из рефератов, рассмотренных на миссионерском съезде в Казани.

⁷² - Приведенные в сем очерке сведения о первоначальной истории секты адвентистов заимствованы нами из сочинения Е. Dresdach «Die protestantlichen Secten» стр. 304–307.

⁷³ - В 1889–90 г. г. мы видим г. Перка распространяющим брошюры, проникнутые учением адвентистов в Херсонской и Киевской губерниях (см. Отчет «Десятилетие Свято-Андреевского Одесского братства» стр. 405).

⁷⁴ - Реферат этот в свое время будет напечатан в «Миссион. Обзор.». Ред.

⁷⁵ - И это не верно: Съезд установил, что в местах прежнего распространения сектантство приостановилось в своем росте и безусловно ослабевает, хотя и появляется в новых районах.

⁷⁶ - Приводим ответную реплику «Гражданина» в подлиннике: Понеделник, 22 сентября. «Слава Богу! Орган здешнего общества духовно-нравственного просвещения «Спб. Духовный Вестник» опроверг сообщение корреспондента «Русских Ведомостей» о казанском миссионерском съезде, относительно того пункта, где шла речь о предложении отбирать детей у раскольников и воспитывать их на счет епархии. В этом опровержении журнал говорит, что на съезде шла речь не об отбирании детей у раскольников, а о судьбе детей православных между раскольническим населением, и о сиротах-детях раскольников... Для тех и для других миссионерский съезд признавал нужным учреждать приюты или школы при церквях и при монастырях, и заботу о таких детях возложить на особенные кружки ревнителей православия по епархиям, вроде кружков или отделов общества защиты от истязателей-родителей и опекунов. Мысль очень благая, но дело в том, что она была бы, по-моему, весьма односторонняя, если задачи, а равно деятельность таких кружков по епархиям ограничивались бы только раскольническою средою... Случаи круглых сирот между раскольниками, оставляемых на произвол судьбы, вероятно, весьма редки, как весьма исключительные бывают случаи, когда

православные детей своих посылают в раскольничьи школы. Несравненно чаще, к сожалению, бывают случаи, когда в православной среде никто не заботится о православных детях, и мне кажется, что прежде всего такие кружки по епархиям для заботы о детях нужны для православного населения, ибо нравственность и вера, как это ни грустно, но это правда, – несравненно более ослабели между православными крестьянами, чем между раскольниками. (Курсив везде наш). Но затем нуждается в опровержении и второй пункт сообщения корреспондента «Русских Ведомостей», – о предложении, сделанном одним из членов его, иерархов, – конфисковывать (?) имущества раскольников и сектантов, с целью противодействия расколу и ересь и усиления православия. Обходить молчанием такую страшную мысль не следует, и если одна страшная мысль опровергнута, то должна быть опровергнута и другая. Затем, мне кажется, давно пора было бы привести в ясность существенные различия между раскольниками, всегда смешиваемыми с сектантами, и между сектантами. Издавна известно, что между раскольниками есть огромная их часть, представляющая духовный и семейный быт людей, преданных церкви, (какой?) власти и нравственному порядку – настолько строго и искренно, что требовать от миссионеров к ним, как к раскольникам, тех же отношений, как к сектантам, безусловно вредным, – значит, ставить их в весьма фальшивое положение, от которого страдать будут столько же интересы таких раскольников, сколько государственные интересы. Вообще, являлось бы вполне нужным для руководства не только духовенства, но и православного общества издать ясное и наглядное описание видов раскола и сект. Вчера давали в Александрийском театре во второй раз «Ревизора» в обновленном виде..., но тут пошли дела грешные; у князя, как видите, все это вместе...

⁷⁷ - «Вестник Евр.», сентябр. кн.

⁷⁸ - Письмо появилось в «С.-Петербург. Ведомостях».

⁷⁹ - Кассац. решение по делу Соболева, см. в издания Н.С. Таганцева, примеч. к ст. 196-й.

⁸⁰ - Журн. «Мин. Юст.» 1896 г. Январь в хронике.

⁸¹ - Настоящая статья в качестве доклада представлена была Третьему Всероссийскому Миссионерскому Съезду, который и дал ей свое одобрение.

⁸² - В начатках христианского учения именно в катехизическом учении о второй заповеди, на вопрос: «как должно рассуждать о почитании икон», – дан такой ответ, которым обычно пользуются сектанты при укорах православным. От законоучителя требуется особенная обстоятельность и осторожность при выяснении этого места в катехизисе.

⁸³ - Вот, напр., какие социально-политические воззрения и понятия «Катехизис» внедряет в сознание последователей толстовской секты: по вопросу о власти в катехизисе говорится, что она распоряжается и руководит насилием, верить в одну всеокрушающую мощь физической силы (стр. 2). На вопрос, какие цели преследует Бог – начало жизни, катехизис отвечает так: благо всех людей, – благо, достигаемое братством, равенством, свободой (стр. 8). В трактате о первой заповеди толстовства (не гневайся) проповедуется, что все отличия, высокие с точки зрения учения мира, – угождения плоти, ничтожны и омерзительны в глазах Бога» (стр. 30). В трактате о третьей заповеди запрещено делать различия между людьми по их положению, во второй запрещается делать различие между мужчиной и женщиной, а в третьей – запрещается делать различие между людьми по их народностям (стр. 44). По учению катехизиса нет ни русских, ни немцев, ни турок, ни евреев (стр. 46), что истинный ученик Спасителя воевать не может, что войны между народами преступны, что убийство (на войне) сотен и тысяч людей, тебе незнакомых, ни в чем перед тобою не повинных, – бессмысленное, бездельное и возмутительное дело (стр. 50). В четвертой заповеди, отрицающей права судей и правительства судить других, задается лукавый вопрос: «так как люди все равны, то как же относиться к тем из них, которые называют себя начальниками и учителями нашими»? Ответ следует такой: кроме отца и матери по плоти, у тебя другого отца, другого начальника нет (стр. 58). А далее по вопросу, как относиться к податям, которые взыскивают земские власти, катехизис отвечает силлогизмом: мы знаем, – говорили апостолы

Христу, – что Ты справедлив, что всех людей считаешь братьями, всех равными, от первого и до последнего, от нищего и до самого Кесаря. Разрешите же нам наше недоразумение: равный равному ничем обязан быть не может: как же нам, равным Кесарю, да платить ему подати? Не прекратить ли это незаконное дело? (стр. 63). В другой редакции толстовского катехизиса (Исповедная песнь), предназначенного для духовобор- постников, та же тема развивается в духе более решительной анархии: В. Есть ли у вас Царь? О. Наш царь Бог-Отец, а управитель Христос Спаситель. В. Признаете ли вы власть человеческую? – Признаем мы власть человеческую, которая от Бога дана. В. Кому власть от Бога дана? О. Тому власть от Бога дана, кто слуга всем. В. А кому власть от Бога не дана? О. Делающим беззаконие (а толстовцы власть признают беззаконием). В. Вы признаете законы? О. Мы признаем законы правды Божией. В. Какое Его дело творите вы? О. Водворение царства разума, любви и свободы: Отца и Сына и Св. Духа. В. Повинуетесь ли вы властям человеческим? О. Повинуемся мы властям человеческим, воздавая Кесарево Кесарю, а Божие Богу. В. Что Кесарево, что Божие? О. Все Кесарево, что считает Кесарь своим, кроме того, что есть в нас Божьего. В. А что есть у вас Божьего? О. Жизнь наша, воля наша принадлежат нераздельно одному Богу: не можем мы преступать заповедей Божьих ни по чьему велению и т.д. В пятой заповеди катехизиса по поводу присяги трактуется, что самый страшный пример уловления во зло, это присяга, которая берется с солдат, когда они поступают в военную службу, и затем идет целый злобный трактат по адресу власти и генералов, которых катехизис называет не иначе, как шальными, – а военную дисциплину, яко бы, одурачивающей и т.д. Полагаем, приведенного достаточно для оценки характера повой секты.

⁸⁴ - В тех случаях, когда в данной местности вожаки или другие члены сектантских общин поручены миссионеру для духовного увещания, согласно 186 ст. улож. и 5 § постановлений Епископов юго-западного края, миссионеры имеют законное основание и право просить содействия власти. Но здесь необходимо только сделать соответственные указания сельским

должностным лицам, духе евангельских внушений, а не полицейских.

⁸⁵ - При этом следует штундистам выяснять, что домогательства их о публичной молитве пред православными воспрещает сам закон, относя таковые деяния к оказательству раскола, тем более, что штунде и вообще воспрещены общинные богомоления. Ред.

⁸⁶ - Доклад этот будет помещен в «Мисс. Обозрении».

⁸⁷ - Летопись, стр. 325.

⁸⁸ - При исследовании явлений из расколо-сектантского мира, обыкновенно, менее всего обращается внимание на анализ психического состояния сектантской массы и отдельных ее представителей, ересиархов и пропагаторов религиозных лжеучений. Между тем не подлежит сомнению, что многое в этом мире, что возвеличивается либерализмом, как желанное обнаружение «свободы совести» и «религиозных убеждений», в сущности есть результата психопатизма и изуверного фанатизма. Если бы психиатрически проанализировать душевное состояние и мотивы преступных деяний расколовождей и сектаторов, то, несомненно, окажется, подавляющее большинство из них психически больными субъектами, для которых нужна изоляция от здоровых членов общества, больница, врачебный уход, а не проповедь увещания. К сожалению, в этом отношении и в практике миссионерских исследований, и в области противосектантской литературы искони существуют чувствительные для дела борьбы с сектами пробелы. Едва ли не первая попытка пополнить эти пробелы и внести некоторый свет в темную область наследования сектантства путем психиатрических наблюдений и научного анализа душевного состояния отпадших – была сделана Киевск. университетом св. Владимира, И.А. Сикорским, при изучении особою комиссией, так называемого малеванского движения в штунде юго-западного края. Наблюдениями профессора-психиатра тогда открыто было и объяснено власти и миссии, что создатель секты Кондрат Малеванный страдает хроническим умопомешательством паранойей, и, что новая секта представляет собою ничто иное, как психопатическую религиозную эпидемию, крайне вредную и

опасную санитарном отношении для окружающего православного населения. По почину проф. Сикорского и другие местные врачи применяли к штунде также и опыты краниологического наблюдения, дававшие ее же результаты о психической ненормальности многих из вожаков этой секты. Тираспольская история побудила нашего исследователя – психиатра на месте собрать сведения и материалы для научного анализа психического состояния насельников тираспольских раскольничьих скитов ранее замурования себя и в этот страшный период времени. Результатом этого исследования явилась полная глубокого интереса монография. « Эпидимические, вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах». И в подробностях мастерского описания этой ужасной драмы, и в выводах профессора-психиатра, кроме общего научного психологического интереса заключается много поучительного и ценного и в миссионерском отношении и в частности для выяснения спорного вопроса о том, учения какого толка держалась Виталия и ее последователи. С благосклонного разрешения автора, мы считаем полезным познакомить наших читателей с этим редким в области нашей миссионерской литературы трудом почтенного профессора-психиатра, сделав в упомянутой монографии И.А. Сикорского лишь несущественные сокращения некоторых описательных подробностей. Ред.

⁸⁹ - Сапожников. Самосожжение в русском расколе. Москва. стр. 102.

⁹⁰ - Автор ближе к истине и вернее духу православия определил бы общую задачу миссии Церкви, если бы употребил выражение «к ограждению и охранению членов родной Церкви и отечества от внутренних врагов, а не к изгнанию... Ред.

⁹¹ - См. «Мис. Обзор.» июнь, кн. 1-я стр. 515–521.

⁹² - La vie sainte, pag. 5.

⁹³ - Труд г. Пэрона включает в себе пять отделов. Первый из них озаглавляется: «Салютист», второй: Армия спасения в Англии», третий: «Армия спасения в Швейцарии и во Франции», четвертый: «Святость в Вечном», пятый «Заключение». В конце книги находится приложение, состоящее из шести писем,

адресованных к разным лицам, и – некоторых статистических данных о салютистах.

⁹⁴ - Кроме этих двух сочинений, нам известно, по выдержкам, еще одно сочинение, содержащее в себе учение армии, под заглавием – «Doctrines et Discipline». К сожалению, мы никак не могли найти его в продаже. Парижские салютисты говорят, что такого сочинения не существует.

⁹⁵ - Peyron, pag. 201–203.

⁹⁶ - Peyron, pag. 214–215.

⁹⁷ - Peyron, pag. 75.

⁹⁸ - Ord. et Regl., pag. 379.

⁹⁹ - Pilatte, pag. 78.

¹⁰⁰ - Ibidem, pag. 77.

¹⁰¹ - Peyron, pag. 141.

¹⁰² - Ord. et Regl., pag. 6.

¹⁰³ - Ord. et Regl. Pag. 3.

¹⁰⁴ - Bost, pag. 789. Г. Пилат утверждает, что у салютистов существует целая система вероучения. К сожалению, он дает только краткое ее резюме.

¹⁰⁵ - Peyron, pag. 106.

¹⁰⁶ - Ibidem, pag. 258–259.

¹⁰⁷ - Pilatte, pag. 75.

¹⁰⁸ - Discours, pag. 7.

¹⁰⁹ - Peyron, pag. 107.

¹¹⁰ - Pilatte, pag. 78.

¹¹¹ - Payron, pag. 173–174.

¹¹² - Ibidem, pag. 180.

¹¹³ - Peyron. pag. 225. Не веет ли от подчеркнутого нами выражения явную ересью?

¹¹⁴ - Ibidem, pag. 22.

¹¹⁵ - Ibidem, pag. 35.

¹¹⁶ - Ibidem, pag. 202.

¹¹⁷ - Ibidem, pag. 195.

¹¹⁸ - La vie Sainte, pag. 8.

¹¹⁹ - Ibidem, pag. 50.

¹²⁰ - La vie Sainte, pag. 18–23.

¹²¹ - Относительно материального имущества в сочинении «Святая жизнь» сделано такое замечание: «я думаю, что человек должен употребить свои имения и деньги на распространение царства Божия. Если продажа имения может лучше послужить для этой цели, – человек должен продать имение без колебаний; если же Господь укажет этому человеку, что он может скорее помочь делу Христову, сохраняя свое имение, употребляя на это дело доходы, приносимые этим имением, он должен последовать этому указанию. (La vie Sainte, pag. 39).

¹²² - La vie Sainte, pag. 29–41.

¹²³ - Peyron, pag. 16.

¹²⁴ - Сведения о донских толках, изложенные в настоящем реферате г. Высотского, весьма ценны для миссионерства и науки сектоведения; в них найдут миссионеры полезное восполнение существующих в нашей литературе пробелов относительно этой фракции сектантства.

¹²⁵ - Наименование толков: первого донского – Сизовским, а второго донского – Захаровским, происходить от фамилий пресвитеров означенных толков: Сизова и Захарова.

¹²⁶ - Если же они разделяются на два общества, то это – не толки в собственном смысле, а именно лишь «собрания», как выражаются сами сектанты, или, так сказать, приходы: одни собираются для богослужения в молитвенном доме, построенном Сизовым, который состоит у них и пресвитером, откуда и наименование толка сизовским, другие – в другом молитвенном доме (огромном, могущем вмещать до 1.000 человек, отличной архитектуры), построенном Зин. Дан. Захаровым. Вообще же и в сущности это один толк – донской штундистский, обнимающий сектантов 2-го донского толка в с. Ново-Васильевке и обоих донских в с. Астраханке. (Тамбовский толк, как наиболее многочисленный, также разделяется и в Ново-Васильевке, и в Астраханке на 1-й и 2-й, которые, конечно, суть не более, дельные собрания или, так сказать, приходы).

¹²⁷ - Русск. Вест. 1886 г. № 2, стр. 860 и № 10, стр. 744.

¹²⁸ - В число последователей баптистского толка, вероятно, не включены здесь, а равно и в Ново-Васильевке, и в Ново-Спасском, дети, так как членом церкви баптисты считают человека по принятии им крещения, а крещение они совершают лишь над взрослыми.

¹²⁹ - Не так давно в с. Астраханке была сектантская касса, существовавшая, сколько было известно по слухам, не только для благотворительных целей в кругу сектантов, но и для сектантских миссионерских, т.е., значит, пропагандистских. Теперь касса, по показанию свящ. с. Астраханки о. Ф. Бойкова, находится у Дия Мазоева, крестьянина с. Ново-Васильевки, ныне проживающего в 40 верстах от Ростова-на-Дону, в бывшем имении знаменитого героя Платова, и существует, по уверению того же свящ. Бойкова, для целей материального обеспечения и воспособления лицам, посвящающим себя пропагандированию штундизма.

¹³⁰ - Съезд имел суждение по содержанию настоящего доклада и нашел, что заключение Таврического миссионерского комитета и епархиального начальства совершенно правильны относительно признания вышеизложенных донских толков штундизмом.

¹³¹ - Для внебогослужебного чтения.

¹³² - См. Мис. Обзор. 97 г. Сент.-Октяб. кн. 2, стр. 527.

¹³³ - Относительно св. мощей святителя Никиты, архиепископа Новгородского, известен, между прочим, следующий случай. Император Петр 1-й, желая доказать известному приближенному к нему естествоиспытателю Брюсу, что нетление мощей происходит от Божеской благодати, бывши в Новгороде приступил, наконец, к мощам св. Никиты, архиепископа Новгородского, открыл их, поднял из раки, посадил, развел руки и, паки сложив их, положил, потом спросил: «Что скажешь теперь, Яков Данилович? От чего сие происходит, что сгибы костей так движутся, якобы у живого и не разрушаются, и что вид лица его, аки бы недавно скончавшегося»? Брюс, увидя чудо сие, весьма дивился и в изумлении отвечал: «Не знаю сего, а ведаю то, что Бог всемогущ и премудр». На сие Государь сказал ему: «Сему-то верю и я и

вижу, что светские науки далеко отстают от таинственного познания величества Творца, Которого молю, да вразумит меня по-духу». (Газета Свет № 122-ой за 1892 г.).

¹³⁴ - На Афонской горе не истлевшие тела грешных отличаются от тел праведников по следующему признаку, тела грешников черны и неестественны, а тела праведников белы или желты, естественны. Такое явление на Афонской горе постоянно наблюдается над костями умерших, обыкновенно вырывааемых чрез три года (Письма святогорца).

¹³⁵ - Это обещание свое они уже исполнили.

¹³⁶ - Твор. Вас. Вел. т. I, 353.

¹³⁷ - Кирил. Иерусал. 325.

¹³⁸ - Твор. Злат. т. II. 715

¹³⁹ - Бес. Злат, на еванг. Иоанна I, 176.

¹⁴⁰ - Твор. Вас. Вел. Т. II, 63; V, 423.

¹⁴¹ - Твор. Злат. II, 936 и д.

¹⁴² - Твор. Злат. т. II, 936.

¹⁴³ - Твор. Вас. Вел. т. V, 87.

¹⁴⁴ - Бес. Злат. на пос. Ефес. 62.

¹⁴⁵ - Твор. Макария. Егип. 167.

¹⁴⁶ - Златоуст. Бес. на разн. места Пис. 3, 435; на разные случаи т. II, 335–337.

¹⁴⁷ - См. «Мисс. Обзор.» ноябрь, кн. I, стр. 937–961.

¹⁴⁸ - Д.И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе. Москва, 1891 г., стр. 15.

¹⁴⁹ - Ibidem, стр. 27.

¹⁵⁰ - Ibidem, стр. 151.

¹⁵¹ - Ibidem, стр. 152–153.

¹⁵² - Сапожников I. с., стр. 151.

¹⁵³ - Сапожников. Самосожжение в русском расколе и проч. стр. 80, 103, 113, 114 и др.

¹⁵⁴ - Розыск, стр. 569–580.

¹⁵⁵ - Сапожников, I. с. стр. 47.

¹⁵⁶ - Сикорский. Психопатическая Эпидемия 1892 г. в Киевской губернии. Киев, 1894.

¹⁵⁷ - Не подлежит сомнению, что черниговское торжество открытия мощей св. Феодосия и великие чудеса у раки новоявленного угодника Божия повсеместно оказали на раскольничий мир глубокое впечатление, вызвав паломничество «соглядатаев» раскольничьих, в качестве deputаций от своих обществ, обуреваемых сомнениями, относительно правоты и истинности «своего древляго благочестия», – появление целой серии раскольничьих тетрадок, наполненных злохулениями церкви по поводу черниговского торжества и проч. Брожение умов в среде раската продолжается и доселе. Тем не менее едва ли можно согласиться с столь решительным предположением почтенного профессора, что будто бы черниговские именно торжества подвинули ужасную Виталию замыслить осуществить изуверный план тираспольской трагедии, с целью прославить безвестные терновские плавни могилами своих грешных мучеников фанатизма. Ни ход событий, ни данные следственного производства, ни показания свидетелей не устанавливают столь близкой связи черниговского торжества тираспольским замурованием. Профессор-психиатр анализирует тираспольскую историю с точки зрения одних психологических мотивов и совершенно не касается специального вопроса о характере учения той секты, к какой принадлежала Виталия и ее несчастные погибшие последователи, – что составляет большой пробел в его экспертизе, приведший автора к заключению, на наш взгляд, слишком одностороннему, если не сказать парадоксальному. Профессор, как и эксперты духовные, одинаково отмечают одно характерное явление в ходе событий тираспольской истории, – это идейное брожение среди насельников скита, начавшееся гораздо раньше и независимо от переписи. Брожение это имело объектом своим учение о наступлении царства антихриста и грядущих «для истинных христиан» бедствий от него, в духе чистого бегунства. Эксперт Кальнев отмечает подробность, что Виталия и Поля младшая переписывали и раздавали насельникам статейку из «Томских

Епарх. Ведомостей» о бегунстве. Отсюда не будет ли более последовательным то заключение, что «идейное брожение» совпадает и зависит от страстной проповеди Виталии нового беспоповщинского учения, в духе бегунства? Перепись застала тираспольских скитян в период этого брожения и усилила его. Гордая, решительная протестантка против своих лжеархиереев, Виталия, разорвав связь с поповством, не создавала ли новое изуверное направление в умах своих слепых последователей, тем более, что и переход от противоокружнического беспоповства к бегунскому беспоповству не труден?

¹⁵⁸ - Очевидно, секта Виталии еще не сформировалась, время было слишком короткое и насельники еще не отстали от традиций поповства, каково, напр., причащение. Из данных эксперта–психиатра представляется вполне ясным, что сметливая Виталия хорошо понимала душу своих жертв и потому в такой решительный, страшный момент, как столь торжественное шествие первой группы на вольную смерть, не решилась отказать в традиционном напутствии тайнами, иначе тот же покойный Фомин мог бы новые возражения представить и поколебать и свою решимость, и других. В период реакции, когда смерть смотрела в глаза разочарованной протестантке, очевидно, она и сама могла отказаться от убеждений столь дорого стоившего беспоповства и берет с собой в могилу чашу... Если же безусловно согласиться с мнением тех, кто считает, что Виталия и ее последователи никогда не изменяли поповщине, то чем тогда объяснять это идейное брожение и многие другие явления чисто беспоповщинского характера, о которых будет речь впереди, в статье одного из духовных экспертов. Последние, до окончания судебного дела о Ковалеве, должны были воздержаться с опубликованием данных следствия в печатной полемике. Ред.

¹⁵⁹ - См. «Миссинер. Обзорение». 1897, июнь кн. 1-я стр. 497–514.

¹⁶⁰ - См. «Мис. Обозр.» 1897 г. ноябрь, кн. 1-я стр. 980–991.

¹⁶¹ - La Vie Sainte, Pag. 10–11.

¹⁶² - Ibidem, pag. 14.

¹⁶³ - Ibidem, pag. 14–15.

164 - Peyron, pag. 192–193.

165 - La Vie Sainte, pag. 16.

166 - Peyron, pag. 205–210.

167 - La Vie Sainte, pag. 54–57.

168 - Peyron, pag. 227–234.

169 - Ord. et. Reg. pag. 381.

170 - Pilatte, pag. 80.

171 - Payron, pag. 225–236.

172 - «Миссионер. Обзор.» охотно будет и в новом году
посильно служить выяснению столь интересных и важных
вопросов в области расколоведения, каковы учение и согласие
тираспольских фанатиков. Но вести литературный спор на почве
личных пересуд и тоном мелкой прессы, – как поступил бывший
профессор Москов. акад. Н.И. Субботин в своем ответе нам,
помещенном в ноябрьск. кн. «Братского Слова», – мы считаем
недостойным для духовного миссионерского журнала и впредь
отказываемся вступать с «Брат. Словом» в «междоусобную
брань», – чтобы не тешить тем общего нашего врага – расколо-
сектантство. Но раз «Летопись» коснулась этого «полемиического
спора», то, чтобы не оставлять сора до нового года, мы считаем
себя вынужденными теперь же объяснить, относительно тех
серьезных недоразумений, в какие вводит читателей
раздраженный профессор-старец (слова – маститый, как нами
почтительно назван был заслуженный заштатный профессор в
заметке «Миссионер. Обозрения», а равно и должности
«чиновник» Н.И. Субботин, очевидно, не долюбливает, ибо не
раз выщупил нас в своей отповеди, называя «немаститым
чиновником особых» поручений, то просто «чиновником», то
«чиновником-специалистом»). Прежде всего, мы вынуждены
заметить Н.И. Субботину, что его отзыв (в ст. 356–7 стр. «Брат.
Сл.») о занятиях 3 всероссийского Миссионерского Съезда в
Казани и не приличен, и не справедлив. Профессор пишет: «И в
самом деле, строго вооружаясь против странников и против
разных новооткрытых под какими-то диковинными (?)
названиями сектантов (курсив везде будет наш) и секретарь
Съезда (что, впрочем, не важно), и сам Съезд (что, уже очень

важно) оставили без всякого почти внимания противокружников и все вообще австрийское лжесвященство, так широко распространившееся по лицу русской земли, обладающее такими разнообразными способами к своему упрочению, – и миллионными капиталами и подпольными типографиями и подкупными защитниками в разных сферах (уж и не на Съезде ли?!) – о них, как видим из «Деяний», – руководители Съезда не возбудили почти и вопроса, – перебрав всех мошек, букашек (?) слона и не заметили». Отвечаем: Казанский Съезд в своих занятиях строго держался предметов, указанных программой Св. Синода, – вопрос о противокружниках и об австрийской вообще лжеиерархии не предусмотрен Синодальной программой, а потому, естественно, не обсуждали. Профессору, оппоненту Казанского Съезда, прежде чем бросать такой отзыв, надлежало бы хорошенько всмотреться в ближайшие задачи 3 миссионерского Съезда и в ход его занятий, тогда он понял бы, что Казанский Съезд продолжал начатое вторым Московским Съездом, (на котором в числе главных руководителей был и Н.И. Субботин) дело исследования и определения существенных признаков и степени вредности раскольнических и сектантских толков. Об Австрийском лжесвященстве, как, наверное, помнит Н.И. Субботин, много и обстоятельно было говорено на Московском Съезде, а потому ни повторять, ни дополнять постановлений Московск. Съезда по сему предмету не было у Казанск. Съезда ни времени, ни надобности. О прочитанных недоумениях и выражениях, допущенных Н.И. Субботиным в выше приведенном его отзыве о всероссийском Съезде, предоставляем судить самим читателям. Во-2-х: противосектантский журнал «Миссионер. Обзор.» издает В.М. Скворцов не в качестве чиновника особых поручений обер-прокурора Св. Синода, а как миссионер-практик и сектовед, хотя, конечно, и не столь популярный, как редактор «Братского Слова» но все же и не совсем безвестный... Если с высоты ученого величия своего. Н.И. Субботин не чаёт от чиновников ничего доброго, в смысле специализации их в вопросах раскола-ведения, то напомним заслуженному профессору, что в рядах чиновников (хотя и не

особых поручений); состоит и сам тайный советник Субботин-расколовед. При Министре Вн. Дел в течение 25 лет был чиновником особых поручений Мельников-Печерский, во всяком случае не менее проф. Субботина прославленный знаток и не одного только раскола, но и сектантства. В-3-х: книгу «Деяния 3-го всероссийского Миссионерск. Съезда», в которой решительно все, – начиная с названия, профессору не нравится (особенно же характеристики руководителей Казанского Съезда) признал полезною, в качестве именно настольной и справочной для пастырей и миссионеров книги, в своем отзыве журнал «Вера и Разум», – духовный орган не менее серьезный «Братск. Слова». В-4-х: допущенное Н.И. Субботиным распубликование частного интимного письма для целей обостренной полемики оставляем без ответа, – на суд читателей и на совесть почтенного старца, автора статьи. В-5-х: просьбу редактора «Братск. Слова», – «оставить в покое наше старое дело», (т.е. борьбу с расколом?), не считаем возможным исполнить, так как дело борьбы с всесильным расколом не признаем делом только вашим (Н.И. Субботина); это многотрудное, вековое дело и не ваше и не наше, а всякого ревнующего об интересах родного православия и посильно могущего служить пользе Матери-Церкви... Наоборот, строгая критика многоопытного профессора-расколоведа, за два года его молчаливого наблюдения за «Миссионер. Обзор.», усмотревшего в глазу брата лишь два-три сучка мелких убеждает, что посильный труд наш и в области расколо-обличения не тщетен пред Господом. А не ошибается лишь тот, кто ничего не делает... Впрочем, к успокоению Редакции «Братск. Слова» считаем не лишним объяснить ей, что в числе редакционных соработников наших по вопросам раскола есть весьма сведущие люди, есть и бывшие сотрудники «Братск. Слова», следовательно, – надеемся люди – «искушенные». Редакция.

¹⁷³ - Ст. 200 Улож. о нак. изд. 1845 г.

¹⁷⁴ - Исключенная статья 199 гласила: «За допущение малолетних христиан производить духовные обряды по жидовской вере, или иной какой-либо ереси, или же участвовать в оных, родители сих детей или воспитывающие их

подвергаются, так же как за соращение совершеннолетних в раскол: наказанию, выше сего в статье 197 определенному. Сами же малолетние, производящие сии обряды, отсылаются на казенные фабрики». Это же законоположение, с незначительным дополнением, заключалось в виде статьи 209 в Улож. о нак., изд. 1845 г.

¹⁷⁵ - Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым Спб. 1895, стр. 209 и 210.

¹⁷⁶ - Если газета имеет в виду специальный журнал г. Субботина, то действительно, «Братск. Слово» почему-то «хранило молчание» даже и о самом Синодальном распоряжении относительно созыва съезда миссионеров в Казани; не обмолвился противораскольничий журнал также и о ходе занятий, а равно и о результатах совещаний съезда... И только лишь одному вопросу о Тираспольской секте проф. Субботин уделил свое просвещенное внимание. Ред.

¹⁷⁷ - Первую литургию по приезде в Киев Савватий служил в старой молельне, так как за отъездом Поповой ее молельня была заперта, а оставленные ею заместитель старосты отказался отпереть Савватию церковь без разрешения Поповой. Савватий испросил у последней разрешение и после собора совершил здесь литургию.

¹⁷⁸ - На ектеньях царствующая фамилия поминается по формуле старопечатных служебников: «Еще молимся о благочестивом царе нашем» и т.д. и после прошения поется Господи помилуй 12 раз.

¹⁷⁹ - Против аномеев слово второе. Творения св. Иоанна Златоуста, изд. С.-Пет. Академии. Т. 1, кн. 2, стр. 502–503.

¹⁸⁰ - Внебогослужебное чтение на втором собеседовании с Киево-городскими штундистами. Члена Киевского Общества распространения религ.-нравств. просвещения в духе Православной Церкви, свящ. Александра Клитина.

¹⁸¹ - Статья эта составляет продолжение ст. о загробн. Состоянии душ умерших. См. ж. «Мисс. Обзор.» Сент.-окт. кн. 2-я 500–598.